Русская свадьба

Том 1

Государственный республиканский центр
русского фольклора

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

РУССКАЯ СВАДЬБА

Том 1

Москва 2000

ББК 82.3Р
Р 89

Издано при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации (Федеральная целевая программа «Развитие и сохранение культуры и искусства Российской Федерации»).

Под редакцией **А.С. Каргина**

Составители **А.В. Кулагина, А.Н. Иванов**

Редколлегия: **Каргин А.С.** (отв. редактор), **Добровольская В.Е., Жукова Э.Р., Иванов А.Н., Селиверстов В.П., Смолицкий В.Г., Хренов Н.А.**

Р 89 **Русская свадьба:** В 2-х т. Т. 1. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2000. — 512 с.

Мир русского крестьянского обряда, вложенный в слова и напевы, раскрывается перед читателем в записях свадебного фольклора, сделанных на протяжении четырех десятилетий (1960—1990-е годы) в экспедициях на территории от Белого моря до предгорий Северного Кавказа и отобранных специально для нашей книги из фольклорных архивов МГУ им. М.В. Ломоносова, Государственного республиканского центра русского фольклора и ряда личных собраний.

Материал издается впервые. Он может послужить для читателей достоверным источником знакомства со свадебной обрядовой культурой множества этнографических групп русских. Издание основано на междисциплинарном взаимодействии филологического, этнографического и музыковедческого подходов к фольклорным традициям. Нотные и поэтические тексты в книге распределены по жанрам (причитания, песни, приговоры) таким образом, чтобы показать ключевые понятия, самобытные черты и общую направленность свадебного действа.

Обширный научно-справочный аппарат издания состоит из примечаний к текстам и указателей.

В 1-м томе книги о свадебных обрядах рассказывают их непосредственные участники и очевидцы из различных областей Европейской части России. В нем содержатся бесценные высокохудожественные тексты причитаний и песен (песни-обряды и песни об обряде).

Издание предназначается филологам, музыковедам, этнографам, краеведам, работникам культурно-досуговых учреждений, участникам фольклорных ансамблей, любителям и ценителям традиционной культуры.

Р 470201015-032 / ЛР 700132-2000 **без объявления** **ББК 82.3Р**

ISBN 5-86132-032-2

© **Государственный республиканский центр русского фольклора, 2000**

СОДЕРЖАНИЕ

Каргин А.С. К читателям 5
Кулагина А.В., Иванов А.Н. От составителей 8

Рассказы о свадебном обряде

Сумский Посад Беломорского района Карелии 35
Подволочье Плесецкого района Архангельской области 46
Слободчиково Ленского района Архангельской области 56
Бакшеево Александровского района Владимирской области 64
Николаевка Касимовского района Рязанской области 72
Бутчино Куйбышевского района Калужской области 78
Марица Льговского района Курской области 86
Болховец Белгородского района Белгородской области 92
Сурково Шебекинского района Белгородской области 109

Причитания

I. Сольные причитания 131
Девушку объявляют невестой (№ 1—3) ..... —
Жалобы и укоры после просватанья (№ 4—9) 134
Обход родичей (№ 10, 11) 138
Баня. Оплакивание девичества (№ 12—19) 142
Вечером перед разлукой (№ 20—24) 149
Пробуждение невесты и подруг (№ 25—30) 154
Расплетание косы (№ 31—33) 160
Сборы в путь-дорогу (№ 34—38) 163
Невесту заводят за стол (№ 39—41) 168
Невеста спрашивает благословения (№ 42—48) 171

II. Групповые и песенные причитания 176
Просватанье (№ 49—51) ..... —
Пробуждение (№ 52—55) 179
Заплачка на заре (№ 56—58) 181
До бани. Расплетание косы (№ 59—63) 184
Баня 188
А) Онежское Поморье (№ 64) ..... —
Б) Поонежье/Мехреньга (№ 65, 66) 191
В) Мезень (№ 67—70) 193
Г) Поветлужье (№ 71, 72) 196
Д) Каргополье (№ 73—75) 198
Невеста перед чужанинами (№ 76—83) 201
Прощальная беседа 206
А) Девишник на Мезени (№ 84—86) ..... —
Б)"Канун" в Поонежье и на Мехреньге (№ 87—89) 208
Благодарность за хлеб-соль (№ 90, 91) 210
Мнимые странствия посреди избы (№ 92—94) ..... —
Проводы невесты (№ 95—103) 213
Песенные причитания в подвижном соотношении с обрядом (№ 104—108) 218

Песни

I. Песни-обряды 227
Благословение свадьбу сыграть (№ 109—111) ..... —
Встреча гостей — людей жениховых (№ 112—115) 231
Начало и конец девишника (№ 116—118) 236
Каравайный обряд (№ 119—121) 242
Последнее утро в родном доме (№ 122—124) 246
Сборы у невесты (№ 125—127) 248
Сборы у жениха (№ 128—131) 252
Венчание (№ 132, 133) 255
Приезд свадебного поезда (№ 134—137) 257
Поезжане у невесты. Выкупы (№ 138—143) 263
Прощальное благословение. Проводы со двора (№ 144—153) 270
Переход невесты в дом жениха (№ 154—158) 280
Прием у родителей жениха (№ 159—162) 284
Повивание (№ 163—170) 289
Брачная ночь (№ 171—175) 299
Свадьбе — конец (№ 176—179) 304

II. Песни об обряде 309
Девушку просватывают (№ 180—185) ..... —
Перед приемом у невесты жениха с родичами (№ 186—193) 315
Предсвадебные посещения дома невесты женихом и сватами (№ 194—200) 322
Гости побыли и отбыли (№ 201—209) 329
Невесту понуждают расплакаться (№ 210—217) 337
Дары к свадьбе (№ 218—224) 345
Чара испита (№ 225—235) 350
Девичий посад (№ 236—242) 362
Отрешение невесты от "своих" (№ 243—247) 368
Приглашение "в чужую сторону" (№ 248—252) 373
Расставание с волей-кра*с*отой (№ 253—257) 378
Прощальные жалобы (№ 258—266) 382
На сиротской свадьбе (№ 267—279) 393
Песенные напутствия невесте (№ 280—283) 406
Напутствия жениху (№ 284—290) 409
Ожидание перехода невесты к жениху (№ 291—301) 415
Жених увез невесту (№ 302—306) 427
На "чужой стороне" (№ 307—310) 434

Примечания 436
Список библиографических сокращений 507

Одним из наиболее ярких, эмоциональных и значительных событий в жизни человека является свадьба. С нее начинается важнейший после рождения и крещения этап жизни, открывается совершенно новый круг гражданских обязанностей личности. Создание семьи, рождение и воспитание детей обеспечивают будущее государства. Такова изначально роль свадьбы.

В условиях различных общественно-исторических формаций, начиная со времен Древнего Рима, вступление в брак расценивалось как обязанность каждого гражданина, а холостяки обычно облагались специальной данью. Как бы вольготно ни жилось парню и девушке в родительском доме, какой бы ни пользовались они любовью в родной семье, их подготавливали к женитьбе и замужеству. На не вступивших в брак до определенного возраста окружающие смотрели с сожалением, предполагая наличие у них пороков и недостатков — физических, психических, имущественных. Не выданная замуж девушка к 20—22 годам могла попасть в разряд перестарок, старых дев, а холостяка 23—25 лет начинали сторониться девушки. Многие отголоски таких оценок сохранились в трансформированном виде и до сих пор.

Родители всегда считали своим долгом женить сыновей и выдать замуж дочерей, чтобы обеспечить им благополучное и счастливое будущее. Таковы были устойчивые нормы народной морали. Исполняли этот долг и родственники, и специально приглашаемые свахи и дружки. Все они решали целый комплекс задач, связанных с выбором невесты для жениха и жениха для невесты, достижением договора между семьями, определением размера и состава приданого, условиями проведения самой свадьбы. В предсвадебное время и во время свадьбы они знали, что и в какой момент требуется от каждого из них, как вести себя в той или иной ситуации, какими действиями и словами обеспечить максимально безболезненное введение девушки в новую семью и т.д.

У русской свадьбы были свои предпочтительные сроки проведения: период от завершения полевых работ до Филиппова поста (октябрь-ноябрь) и зимний мясоед (январь-февраль). Это время было не случайным, оно диктовалось календарем народной жизни с напряженным ритмом сельского труда, обусловливалось связями с природой.

Будучи реальным явлением жизни человека и общества, связанным также и с жизнью природы, свадьба оформлялась в виде обряда. В различных местностях России те или иные обряды могли иметь не только разное название, но и существенно отличаться по характеру проведения. И тем не менее их общая национальная принадлежность безусловна. Каждый эпизод свадебного действа имеет свои особенности строения, внутреннюю динамику, свою логику развития, при этом естественно включаясь в общую канву обряда, не нарушая целостности его смыслового наполнения. Народная свадьба не является сценическим представлением, однако игровая сущность и черты театрализации позволяют условно говорить о ней еще и как о драматическом действе с его эстетическими законами. Здесь легко увидеть главных и второстепенных персонажей, разыгрывающих множество ролей. Как и любой про-

цесс, свадьба имеет начало, середину и конец, в категориях драматургии понимаемых нами как завязка (выбор невесты и сватовство), развитие (пропой или просватанье, рукобитье или сговор и т.д.), ведущее к кульминации (день свадьбы), и развязка (послесвадебные обычаи и обряды).

Возможно, с этой точки зрения свадьба в истории культуры — одно из наиболее древних, идущих к нам из глубин веков "драматических произведений", в котором все подчинено центральной задаче — сделать важнейшее событие в жизни человека эмоционально неповторимым, запоминающимся. Свадьба выполняет важнейшие функции, связанные с получением человеком социального статуса замужней женщины и женатого мужчины, и выступает как ярко выраженная доминанта жизненного цикла человека. Смысл и пафос свадебного обряда заключаются в поддержании гражданской и социальной престижности института брака, в создании захватывающего воображение и привлекательного образа бракосочетания. Эмоциональное воздействие свадьбы обеспечивалось высочайшей художественностью и богатством смысловой нагрузки исполняемых причитаний, песен и приговоров. Художественная сторона свадьбы до сих пор поражает своим эстетическим совершенством. За века ее жанры и формы приобрели удивительную внутреннюю стройность, гармоничность. Не менее важно их философско-психологическое содержание, переключающее человека на новое восприятие и осмысление окружающего мира и своей собственной жизни в этом мире.

В России с начала XVIII в., а затем в полной мере в XIX в. отношения вступающих в брак становились предметом все более пристального внимания со стороны государства. Одним из наиболее серьезных документов явился указ Петра I о регламентации брачных отношений, о добровольности венчания, любви как основе брака, имущественных отношениях супругов и т.д. Другими словами, традиционная свадьба с ее поэтикой и романтикой столкнулась с постепенно усиливающейся ее регламентацией.

Появление и развитие все новых социальных групп, усложнение отношений между ними, нарастание противоречий между городским и деревенским образом жизни — все эти факторы не могли не отразиться на свадебном обряде, его смысле и задачах, характере поведения. Традиционная свадьба распадается на две разновидности — городскую и деревенскую, водораздел между которыми постепенно все более усиливается. Деревенская ветвь традиционной свадьбы более длительное время сохраняет свою изначальную суть, развитую обрядность, художественно-эстетическое и нравственное наполнение. Городская свадьба удерживает в себе некоторые древние элементы (более или менее развитые), но в ней активнее разрабатываются новые мотивы, а обрядовое, художественное и нравственное содержание упрощается. В городе изменяются сроки проведения свадеб, их играют круглый год.

Однако это не означает, что свадебный обряд в городе полностью деформировался, а в деревне остался в прежнем виде. Речь идет о том, что деревенская свадьба сохранилась в более консервативном и традиционном виде, при котором художественные составляющие обряда (пение, обрядовые танцы и пр.) имеют бóльший удельный вес, несмотря на то что включаются и новые элементы. Это происходит чаще всего эволюционно, путем постепенного осмысления инноваций, их переработки и приспособления к обрядности.

Традиционная свадьба, достигшая своего высшего расцвета в России к началу XIX в., в последующее время, к сожалению, эволюционировала по линии упрощения, переосмысления, утраты деталей — сокращения обрядовых действий, текстов или полного их исключения, слияния нескольких обрядовых эпизодов в один, резкого уменьшения самого свадебного времени, включения в свадьбу новшеств, диктуемых реалиями жизни как в России, так и в мировой, урбанизированной цивили-

зации. От развернутого во времени и пространстве свадебного действа с его художественной нагрузкой и сакральным смыслом во многих случаях остались разрозненные и утратившие первоначальный смысл отдельные эпизоды.

Процесс трансформации традиционной свадьбы под влиянием цивилизационных и урбанизационных процессов не стал предметом обстоятельного научного анализа. На примере русской свадьбы в XX в. видно, что под влиянием этих процессов она из явления жизненного цикла, носящего социальный и сакральный смыслы, перешла в явление рядовое и формализованное. Резкое сокращение сельского населения и искусственно ускоренное разрушение патриархального уклада жизни привели к перевесу в самом институте бракосочетания значения гражданско-юридического оформления брака. Из морального императива свадьба все более превращалась в правовую процедуру. Ее традиционные игровая и художественная стороны оказались принесенными в жертву стандартизированному набору коротких символических действий (торжественное вручение свидетельств в органах загса, приветственная речь его работников от имени государства, возложение венков к памятникам воинов, к Вечному огню и т.д.). Произошло противопоставление сакрального и игрового начал свадьбы, сопровождаемое полной и жесткой их регламентацией и бюрократизацией. Само действо сократилось до нескольких часов и в некоторых случаях даже минут, утратив при этом целостность, всякую ритуальность, иносказательность и нравственную поучительность. Оно переставало быть действенным инструментом утверждения и защиты ценностей брака и семьи, их высокого морального смысла и предназначения. Бракосочетание становилось инструментом узаконивания гражданских прав молодоженов, образующих семью.

При всей быстроте исторической эволюции и кардинальной трансформации русской свадьбы в XX в. она осталась как одно из наиболее ярких явлений традиционной культуры. Свадьба вплоть до нашего времени сохранила во многих местностях характерную символику, обрядовую и игровую сущность. Сложившийся веками и подчиненный народному календарю уклад деревенской жизни с характерными для нее циклически повторяемыми процессами обусловливает преемственность традиций, их содержательность и творческую направленность. Именно поэтому деревенская свадьба в последнее время все чаще реконструируется и выступает как основа для возвращения лучших сторон обряда в практику культуры, в деятельность досуговых учреждений.

О русской свадьбе, свадебных действах, обрядах, об их художественном и драматургическом совершенстве написано немало. В традиционной свадьбе нашего современника поражает все: глубина символического иносказания, красота плачей, песен, танцев, постоянное варьирование текстов, естественность их разыгрывания.

Каждое обращение к богатствам русской свадьбы — это пробуждение интереса общественности и специалистов к традициям своей культуры, напоминание о необходимости бережливого отношения к ним, их познания и возвращения в культуру современной России.

А.С. Каргин

Государственный республиканский центр русского фольклора выражает благодарность собирателям фольклора, всем певцам, рассказчикам, без которых было бы невозможно создание этой книги.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Русская свадьба как минувших веков, так и в нынешнем ее состоянии является комплексной формой культуры, в ней исторически подвижно соотнесены между собой три различные составляющие: народные обычаи, церковные обряды и гражданские акты. В книге, которую мы предлагаем читателю, не рассказывается сколь либо обстоятельно ни о церковных церемониях, ни о гражданских правовых порядках и законодательных установлениях. В поле нашего внимания находится не комплекс в целом, а только первая его составляющая, она же основная в историческом бытии этноса. Это — свадебная обрядовая культура народа. Она всецело пронизана художественным началом и с исключительным своеобразием запечатлена в текстах свадебного фольклора.

Издание представляет собой публикацию избранных фольклорных текстов, записанных в Северной, Средней и Южной России, которые могут послужить для читателя достоверным источником знакомства со свадебной обрядовой культурой русских крестьян. В народном свадебном обряде взаимопересекаются и связываются между собой сразу несколько областей традиционной культуры, таких, как миф, магия, народное право и мораль, игра, искусство. Аспект искусства специально выделен нами в содержании традиционной свадьбы, а по мере возможности также прослежены и тесные связи обрядового искусства с местным бытовым, жизненным материалом. Произведения обрядового фольклора превратились ныне в художественное наследие, в реликвии духовной культуры. Но даже в виде фольклорных записей они в современном меняющемся мире по-прежнему соотнесены с обрядом, из которого вышли и в котором только и раскрывается их смысл. В свою очередь и традиционный брачный ритуал, лишь задействуя сферу фольклора, полноценно совершается и достигает своих целей.

Свадьба со всем неисчерпаемым изобилием текстов фольклора, относящихся к ней, есть прежде всего обряд. Обряд сотворения и скрепления брака. Обряд перехода и воспевания величия рода, утверждения в чреде поколений фундаментальной ценности родовых и семейных уз. Патриархальный обряд обрядов, многодневный и многоэпизодный цикл действ, в которых занято множество лиц, средствами ритуала решающих проблему всей человеческой культуры, связанную с отношениями мужчины и женщины.

Из двух естественных начал человеческого бытия, мужского и женского, средствами ритуала образуются и воспроизводятся культура и социальная структура. Живой организм патриархальной большой семьи в цивилизации земледельческого типа выращивается по заветам традиции, как колос из зерна. Свадьба социальна в своей основе, оформляя микроструктуру человеческого сообщества из лиц, которые вступают в совместную жизнь, и из состоящих в родстве с ними.

В брачном ритуале затрагиваются семейно-бытовые, правовые, хозяйственные, имущественные интересы многих групп, не только отдельно взятых жениха и невесты. Что же касается молодых, то погружение в обряд более или менее заметно изменяет их личностную суть, прежде всего невесты, по мере отторжения невесты и жениха от их прежнего состояния, с временной заменой на состояние "переходного периода", последующего присвоения им нового статуса и окончательного сплочения породняющихся сторон. Полный свадебный обряд из века в век служит для его участников своего рода испытанием души и духа, сил и способностей. А вместе с тем его исполнение составляет еще и притягательную общественную обязанность и поэтому проходит в значительной его части открыто на людях, на миру. На локальном уровне процесс упрочения социальной сферы как бы снова и снова наглядно воспроизводится в свадьбе.

Своим подтекстом ритуал создания брачного союза опирается на мифологемы — глубинные образы, коренящиеся в подсознании: проницание живительным небесным светом земли, способной к плодоношению, триумф созидательных сил над стихиями деструкции, взаимообразная связь смерти и рождения, утраты и обретения. Свадьба — это "Божий суд", "Божий венец", конец и начало. В традиционной этнокультуре свадебный ритуал дистанцирован от любви как основы брака, от свободы личного выбора, а также и от брака по расчету, будучи значительнее и выше всего этого[1]. Надличностное начало, заключенное в этом ритуале, поддерживает в народе отношение к свадьбе как к исполнению веления судьбы. Свадьба и вправду судьбоносна, потому что в ней вершатся личные судьбы. А еще и потому, что у традиционной свадьбы — сложные судьбы, они вплетены в историю народа и Родины.

Знаток фольклора писатель Д.М. Балашов отмечал, что сопровождающие русскую свадьбу обряды "являются могущественным средством национального воспитания и сплочения народа в одно духовное целое (обряд един и общеобязателен, а следовательно, объединяет всех живущих членов народа друг с другом), а также средством связи живущих с предками (обряд совершается так же, как его совершали деды и прадеды, следовательно, он объединяет народ не только географически, но и исторически, образуя духовную связь, уходящую в глубь времен)"[2].

Дошедшие до нас обряды в своей основе сложились в XIII—XIV вв. В летописях XII в. говорится об обычаях похищения невест и выкупа, существовавших у некоторых восточнославянских племен. В XI—XIII вв. вено-выкуп, умыкание, вождение молодых вокруг дерева уже считались пережитками прошлого. Из старинного описания свадьбы одной из дочерей Ивана III с князем Холмским в 1500 г. по обряду, задуманному устроителями так, "как велось исстари... при князе великом Симеоне Ивановиче ...не поруша ни в чем", нам известно, что во времена правления сына Ивана Калиты Симеона Гордого (1341—1353 гг.) свадьбы уже играли по твердо установленному порядку, предусматривавшему сватовство, сговор, родительское благословение, обручение, расплетание косы, покрывание невесты, обсыпание хмелем, вождение в баню. В "наряде", изъясняющем старинному читателю, как надо играть свадьбу, говорилось о тысяцком, дружках, свадебном поезде и поезжанах, о конюшем, свешниках, фонарщиках, каравайниках и других свадебных чинах[3].

В процессе развития свадебный обряд сформировался в более или менее самостоятельную систему ритуальных действий, связанных со многими жанрами фольклора, такими, как причитание, песня, заклинание, загадка, заговор и приговор, и различным образом соотнесенных со словесным, музыкальным, хореографическим компонентами фольклорной традиции. Временем, когда окончательно сформировались обряд и сопровождавшие его песнопения (в том виде, в котором они дошли до нас), ученые считают XVII столетие. По свидетельству шведского священника Г. Седеберга, жившего в России с 1709 по 1718 г., между "свадьбою людей знатных и простых была разница, хотя брачный обряд совершается одинаково для тех и других"[4].

---

[1] Рассматривая проблемы происхождения европейской художественной культуры, О.М. Фрейденберг пишет о семантике брачного ритуала в эпоху античности: "Свадьба — не событие, которое может когда угодно произойти, в зависимости от склонности жениха и невесты. Это обряд, тождественный триумфу и венчанию на царство, и его приурочение совершенно специфично. Свадьба являет собой не соединяющуюся по любви или рассудку пару: это действо победы над смертью, в котором жених и невеста — царствующие боги, и действо, происходящее в день поединка солнца и ночи, или жизни и смерти" (*Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра /Подгот. текста Н.В. Брагинской. М., 1997. С. 75).

[2] *Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И.* Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985. С. 5.

[3] См.: *Козаченко А.И.* К истории великорусского свадебного обряда // Советская этнография. 1957. № 1. С. 67.

[4] Фольклорные сокровища Московской земли. Т. 1: Обряды и обрядовый фольклор / Сост., вступ. ст., коммент., указатель и словари Т.М. Ананичевой, Е.А. Самоделовой. М., 1997. С. 75.

Свадьба нередко становилась развернутым драматическим представлением, всем участникам которого отводились свои роли, и центральная — невесте. Действующие лица группировались главным образом вокруг нее, а также вокруг жениха, и внутри каждой из этих групп распределялись роли жениховых и невестиных помощников, наставников, глашатаев, посланников-вестников, дарителей, провожатых и т. д. Название того или иного обрядового действа заодно могло иносказательно обозначать и роль, и само лицо, исполняющее свою роль в отношении невесты: "расплетикоса" — сваха, "потеряй-краса" — незамужняя подруга или родственница, принимающая из рук в руки некий символ всего того, что теряет невеста (см. свадебную песню № 197). Переходное состояние невесты и жениха обязывало участников свадьбы к совершенно особым, ритуализированным средствам и способам исполнения ролей. Так, для общения между невестой и другими людьми в ритуале использовался язык причитания. Слова из роли невесты могли озвучиваться хором девушек либо пожилыми женщинами, опытными плакальщицами. "Органом речи" жениха, которому по обряду отводилась в общем-то пассивная роль, являлся дружка (дружок, дружко), нередко наемное действующее лицо[1].

Цикл свадебных действ занимал длительный период времени и включал в себя сложные обряды: магические (воздействие на сверхъестественные силы, способные вредить или помогать человеку), общественно-бытовые (фиксация статуса невесты и жениха на разных стадиях его изменения и закрепление брачного контракта двух сторон) и увеселительно-игровые.

В плане происхождения брачного ритуала ведущее значение принадлежит магическим действиям. В зависимости от целей, которые в них преследовались, среди магических актов различаются побудительные и охранительные (более распространенные научные их названия: продуцирующие и апотропеические).

Первые из них направлены на обеспечение деторождения, материального достатка, благополучия рода, верности духу предков и семейному очагу (условным эквивалентом которого часто являлся стол[2]). Таковы ритуалы со свадебным хлебом, яйцом (древний символ плодородия, жизненного круговорота и обновления), курицей (приобщение к ее плодовитости), мехом (например, расстилание овчины мехом наружу для жениха с невестой, как и для новорожденных) и коврами; ритуалы обсыпания новобрачных хмелем, зерном ("точно так, как жертвенных животных при жертвоприношении", — замечают ученые в этой связи[3]), а также орехами, деньгами и сластями; обычай устраивать постель для новобрачных в помещении для содержания домашних животных (хлев, подклеть), вблизи от хранимого жита или на нем (солома, колосья, зерно) и т.д.

Обычаи и обряды другой большой группы, охранительные, опираются на очистительную магию воды и огня (банные ритуалы и другие свадебные омовения, проведение свадебного поезда через пламя и т. д.) и обережную магию (использование в качестве оберегов шерстяной пряжи, рыболовных сетей, иголок, крестиков, святой воды, частей некоторых растений), к которой относится еще и звукошумовая магия (звенящие колокольцы и всевозможные другие металлические предметы, пальба из ружей). Разумеется, и многие другие средства звукового поведения — обрядовые плач, смех, пение, говорение в соответствующем стиле (заговоры, молитвы) тоже являются изначально магическими, побудительными и охранительными одновременно. Как в продуцирующих, так и в апотропеических ритуалах широко представлены элементы числовой и цветовой магии.

---

[1] Подробнее об этом см.: *Кузнецова В.П.* Причитания в севернорусском свадебном обряде / Науч. ред. Б.Н. Путилов. Петрозаводск, 1993. С. 16–20 и др.

[2] См.: *Кагаров Е.Г.* К вопросу о классификации народных обрядов / Докл. АН СССР. Л., 1928. С. 252. Детальную классификацию и характеристику разновидностей магии в восточнославянском брачном ритуале см.: *Кагаров Е.Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности / Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. VIII. Л., 1929. С. 152–195.

[3] *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. С. 76.

Некоторые черты народной магии проступают в обычаях и обрядах общественно-бытового права. Одни из этих церемониалов имеют разделительную направленность, такие, как закрывание невесты с головой; ее изоляция от домочадцев в заднем, печном углу за занавесью либо в нежилой избе; символическое и наглядное "отделение" от невесты девичества, ее "воли-красоты" (головной убор девушки, накосник, лента, платок, украшенное деревце на столе и т.д.); действия с волосами новобрачных (волосы наделены сверхъестественными свойствами). Другие церемониалы несут соединительное значение: совместные молитвы и трапезы, символические соприкосновения типа скрепления рук сватов, а затем жениха и невесты, наступания на ногу и т.д.; смена прически и головного убора — повивание новобрачных (особым образом повивают и новорожденных); обматывание новобрачных полотном с завязыванием узла; связывание ложек, кормление из одной посуды и отпивание вина из общего сосуда, обмен стопками, публичные поцелуи и т.д.

С течением времени во всех этих и других обрядах люди все чаще желают найти сугубо рациональный смысл. Теряются остатки иррационально-магических значений, обряды большей частью переходят в категорию развлечений.

Ритуал надлежит выполнять в неизменном виде. Тем не менее, чтобы празднично его преобразить, используются элементы случайности, непредсказуемости, неожиданности, порой забавной. Их вносят в свадьбу увеселительно-игровые обычаи. Эти обычаи важны для проверки надежности свадебного ритуала, укрепления слабых мест и повышения защитных свойств, изыскания и опробования новых структурных отношений и связей между его деталями. Каждый раз они позволяют сделать обряд неповторимым и в тех или иных его эпизодах способствуют созданию праздника. Древняя магическая же функция смеха и веселья постепенно ослабевает и переосмысливается.

"Если свадебный ритуал любого народа достаточно сложен, то следует сказать, что русский принадлежит к числу наиболее развитых, богатых во всех отношениях и поэтому особенно сложных, многокомпонентных среди свадебных ритуалов народов Европы", — констатирует К.В.Чистов[1]. В разных уголках России сохранялись и развивались во множестве различные типы свадьбы со своими отличительными особенностями действия, системы жанров и репертуара. Различаясь на местах отдельными и нередко существенными деталями, свадебный ритуал был единым в его основных этапах: предсвадебных, собственно свадебных (вручение невесты жениху, правовое скрепление брачного союза) и послесвадебных в домах жениха и родителей невесты.

Достаточно рано многие юридически-бытовые церемонии по скреплению брака тем или иным образом были сгруппированы по смежности их значения рядом с ритуалом венчания в церкви. Но еще "в XVI в., вероятно, брак без церковного венчания отнюдь не был редок. Во всяком случае церковные правила того времени предусматривали возможность длительного сожительства невенчанных супругов", — указывает М.Г. Рабинович[2]. Большая роль венчания и религиозных песнопений становится одной из характерных особенностей городской свадьбы в XVIII — начале XX в.[3]. Момент освящения брака церковью неодинаковым образом соотносился с

---

[1] Русский народный свадебный обряд // Исследования и материалы / Под ред. К.В. Чистова и Т.А. Бернштам. Л., 1978. С. 3.

[2] *Рабинович М.Г.* Свадьба в русском городе в XVI в. // Русский народный свадебный обряд. С. 8.

[3] "Самым важным и основным брачным обрядом горожане, как правило, считали церковное венчание, которое в деревенской свадьбе просто терялось среди обилия древних традиционных обычаев и обрядов, совершавшихся как до, так и после него. В деревнях в отличие от городов даже в начале XX в., по нормам обыденной жизни, одного церковного венчания было недостаточно, чтобы признать брак заключенным. Здесь брак санкционировался коллективом, общиной" (*Жирнова Г.В.* Некоторые проблемы и итоги изучения свадебного ритуала в русском городе середины XIX — начала XX в. (на примере малых и средних городов РСФСР) // Русский народный свадебный обряд. С. 47).

основными перемещениями свадебного поезда в пространстве, что послужило заметному обогащению архитектоники и топографии русского свадебного обряда. В разных местностях России вследствие включения церковного ритуала внутрь народного складывалась уже не трех-, а двухчастная свадьба. До венчания преобладали песни и причитания, раскрывающие переживания девушки, навсегда уходящей из родного дома в чужую семью. После венчания причитания исчезали, в песнях прославлялись молодость и красота новобрачных, величались их родные и гости.

Регресс в обрядности традиционной свадьбы, связанный с ломкой патриархальных отношений в русской деревне, а также и с межсословной диффузией элементов обряда, начался давно и усилился во второй половине XIX в. (сокращения внутри эпизодов ритуала, их слияние, упрощение, выпадение, перестановки в обряде, взаимопроникновение их функций и т.д.). В свадебном комплексе происходило перераспределение движущих сил. Та из них, которую ученые называют соционормативной функцией культуры, перекладывалась с народного ритуала сначала на церковный ритуал, а в дальнейшем на гражданский правовой акт. Но особенно пагубное влияние на свадебный обряд оказало лихолетье коллективизации и выселения целыми семьями из родных деревень самых трудолюбивых и талантливых крестьян. В послевоенные десятилетия подпали под ликвидацию тысячи "неперспективных" хуторов и деревень, сохранявших семейно-бытовые традиции. Страна урбанизировалась, в корне изменялись пропорции между сельским и городским населением, возрастал удельный вес маргинальных слоев в структуре общества. К 1960—1980 гг. была расшатана сама основа семейных обычаев и обрядов — семья и другие микроструктуры общения и обучения жизненному опыту поколений.

Сопоставление свадьбы села Треть Коношского района Архангельской области в 1920—1930 гг. со свадьбой 1980-х гг. позволило Л.Г. Козинской заметить, что за сравнительно короткий исторический период была утрачена почти половина традиционных обрядовых действ. Число свадебных чинов[1] сжалось до минимального. Если, по наблюдениям Л.Г. Козинской, в 1920—1930-е годы в селе Треть было до четырнадцати свадебных чинов: с жениховой стороны — тысяцкий, поезжане, сваты, до четырех свах, проводник; с невестиной — божатка, две подручницы, проводник с дарами, причитальщица, ворожец, то в современной свадьбе осталось три: по одному свидетелю с жениховой и с невестиной стороны и сват или сватья, играющие на свадьбе роль распорядителя (в традиционном севернорусском обряде им являлся тысяцкий).

Э.В. Померанцева, руководившая фольклорной экспедицией в Московской области, убедительно показала необратимость происшедших во второй половине XX века изменений. Она сравнила описание свадьбы села Дединова Луховицкого района Московской области, сделанное В. Влазневым в конце XIX в., и собственные наблюдения. В 1970-е гг. свадебные обряды, песни и причитания ушли из бытования. В качестве "старинных" свадебных песен жители Дединова называли городские песни литературного происхождения "Хаз-Булат" и даже "Стеньку Разина". Визуальные наблюдения над современной свадьбой (учительницы и механизатора) показали, что в ней почти не сохранилось традиционных элементов. Молодые подъехали к сельсовету на машине, украшенной лентами, шарами, куклой. Оттуда они отправились к обелиску и возложили цветы. По пути домой им несколько раз преграждали дорогу, и они откупались. На свадьбе гуляли только приглашенные, пели романсы, современные массовые песни и частушки. Утром ряженые ходили будить молодых. Молодежь скептически и насмешливо относилась к ряженью и хождению с курицей. В

[1] Подробнее о свадебных чинах см.: *Богословский П.С.* К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов // Пермский краеведческий сборник, 1927. Вып. 3.

продолжение всей свадебной игры ощущалось стремление молодежи оттолкнуться от старины, сделать всё "по моде", по-городскому[1].

Современные материалы и наблюдения свидетельствуют о наступлении существенных изменений в судьбе свадебного обряда, а также и о неравномерности этих изменений в пространстве этнокультуры.

Магические функции ритуала изменились, теснимые эстетическими и развлекательными функциями. По наблюдениям Д.М. Балашова, большую устойчивость проявляет обережная магия, хотя некоторые магические элементы сохраняются в виде традиционных действий, которые осуществляются потому, что "так принято". Изменения проявляются в сжатии свадебного репертуара, в сокращении текстов, в ускорении общего темпа действий. Все это зависит от ряда причин, в том числе, по мнению Р.П. Потаниной, связано с сокращением срока свадебной игры от трех месяцев в начале XIX в. до трех недель в начале XX в. (и до двух-трех дней уже к середине века): "Из репертуара в первую очередь выпадали песни, по содержанию связанные с отошедшими в прошлое обрядами"[2]. Ученые также отмечают и процесс перехода в XIX—XX вв. свадебных обрядовых песен в другие песенные циклы: календарные, хороводные, игровые[3]. В свадьбах важную роль всегда играл дружка — друг жениха, теперь же все большую роль начинает играть подружка невесты, свидетельница.

Процессы, протекающие в современной свадебной обрядности, до сих пор глубоко не исследованы. Однако, несомненно, что некоторые ее составляющие — новы, а другие — преемственны по отношению к традиционным ритуалам.

О.А. Славянина пишет, что в Севском районе Брянской области как обязательные эпизоды деревенской свадьбы сохраняются сватовство и дарение[4]. Многолетняя полевая экспедиционная работа кафедры фольклора филологического факультета МГУ в Калужской области позволяет сделать вывод о жизнестойкости обычая преграждения пути свадебного поезда (легковых машин, украшенных лентами и цветами), а также ряда других ("свадебное дерево", "умыкание" невесты или ее туфли, поиски "пропавшей телушки" ряженых, "выкуп" невесты и т.д.).

Исследователи отмечают неравномерность в сохранении или исчезновении тех или иных этапов и эпизодов свадьбы. Ритуалы из практической действительности бесповоротно переходят в память, а людская память избирательна. И тогда одно помнится лучше, другое припоминается с трудом, и многое оказывается прочно забытой стариной. Так, по наблюдениям Р.П. Потаниной, в Сибири и на Дальнем Востоке сохранялся общий стержень, включающий следующие ритуалы: сватанье, рукобитье, вечерку, сборную неделю, девичник, венчание, свадебный пир, отводины. Эти обряды назывались повсюду как обязательные на свадьбах 1930—1940-х гг. Такие обряды, как смотрины и расплетание косы, вспоминались не везде. Еще реже упоминалось о "купле-продаже" места для жениха возле невесты. С трудом припо-

---

[1] См.: *Померанцева Э.В.* Фольклорный репертуар одного села за сто лет // Русский фольклор. Вып. XVI. Л., 1974. С. 236—249. Ход обряда, описанного В. Влазневым, включал такие этапы, как сватовство при помощи "сходатки"; осмотр дома жениха; богомолье или "потайное рукобитье" в доме невесты; обмывание платков и "побывание"; посещение ряженых с песней "Кто у нас хороший, кто у нас пригожий"; сговор; приглашение "позыватками" "ставить каравай"; гулянье молодежи "Паранья"; девичник с песнями и причитаниями невесты; благословение в день свадьбы; прощание невесты с семьей, венчание; свадебный пир; "отпировка" у родителей и комические проводы стряпухи. "Посрамление" нецеломудренной невесты вышло из обычая в середине XIX в. Засидевшихся в девках невест в Динове возили на салазках по селу, восклицая: "Колдоба, колдоба! Кому нужна колдоба?" — и тут же, если найдутся желающие, просватывали.

[2] Русские свадебные песни Сибири / Сост. Р.П. Потанина. Новосибирск, 1979. С. 8.

[3] Например, см.: Чердынская свадьба. Старинные свадебные песни и причитания / Зап. и сост. И.В. Зырянов. Пермь, 1969. С. 5.

[4] См.: Старинная севская свадьба / Записи и свод О.А. Славяниной; Подг. текстов к печати и редакция Ф.М. Селиванова. М., 1978. С. 13.

минались различные подробности обряда бани. Лучше всего певицам запомнился "девичник — пожалуй, самая поэтическая, красивая и вместе с тем грустная часть свадебной игры. Именно на долю этого обряда приходится наибольшее число свадебных ритуалов и свадебных песен, записанных в Сибири и на Дальнем Востоке". Р.П. Потанина, несомненно, права, утверждая, что многие из песен "не могли быть забыты участниками и свидетелями свадьбы в силу их художественного совершенства и глубокого внутреннего содержания, способного найти отклик в сердце каждого человека"[1].

Полевые наблюдения дают основание считать, что процесс забвения традиционных свадебных жанров и форм протекает неравномерно в разных регионах страны. Например, на Русском Севере до недавних пор сохранялась память на свадебные причитания, тогда как в центральных и южных областях России сам этот жанр уже давно стал реликтовым. В Подмосковье, в Брянской, Смоленской, Калужской, Курской, Воронежской, Белгородской областях в 1960—1980 гг. многие величания не только помнились, но даже и исполнялись на сельских свадьбах. А на Русском Севере в те же годы величальные песни во всей их красоте хотя и не были окончательно утрачены, но, как правило, хранились лишь пассивно, в памяти немногих. Подобное же соотношение можно наблюдать и в пределах одной и той же области. Например, в некоторых районах Калужской области в 1970-е годы сплоченные группы "величальниц" (например, едва ли не половина жителей небольшой деревни Нелюбовка в Козельском районе) ходили по свадебным пирам, в то время как в Тарусском или Хвастовичском величания можно было услышать скорее со сцены в исполнении самодеятельного хора. Но для всех регионов характерен процесс отторжения обрядов и песнопений, прежде всего трагических, и лишь потом, в самую последнюю очередь — активно жизнеутверждающих. В наши дни во время пира на свадьбе иногда звучат городские песни и частушки (преимущественно в среде пожилых гостей).

В 1960—1990-е годы, когда традиционную свадьбу хорошо помнили многие ее участники или очевидцы, был опубликован ряд сборников, составленных в большинстве случаев на базе материалов современных полевых записей и представляющих различные регионы нашей страны (Русский Север, Нечерноземье, Западная Россия, Поволжье, Заволжье и Предуралье, Сибирь и Дальний Восток)[2].

---

[1] Русские свадебные песни Сибири. С. 7.

[2] Русские свадебные песни Терского берега Белого моря / Сост. Д.М. Балашов, Ю.Е. Красовская. Л., 1969; Чердынская свадьба. Старинные свадебные песни и причитания / Зап. и сост. И.В. Зырянов. Пермь, 1969; Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н.П. Колпакова. Л., 1973; *Банин А.А., Вадакария А.П., Жекулина В.И.* Свадебные песни Новгородской обл. / Расшифр., сост. и коммент. А. Банина. Л., 1974; Свадебные песни Томского Приобья (народные песни, записанные в Томской области) / Сост. А.М.Мехнецов. Л.;М., 1977; *Пьянкова С.В.* Свадебные песни родины Глинки. М., 1977. (Из коллекции фольклориста); Старинная севская свадьба / Записи и свод О.А. Славяниной; Подг. текстов к печати и редакция Ф.М. Селиванова. М., 1978; Русские свадебные песни Сибири / Сост., предисл. и примеч. Р.П. Потаниной. Новосибирск, 1979; Обрядовая поэзия Пинежья / Под ред. Н.И. Савушкиной. М., 1980; Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колемже и Нюхче) / Подг. к изд. А.П. Разумовой и Т.А. Коски; Под ред. Е.В. Гиппиуса. Петрозаводск, 1980; Обрядовые песни русской свадьбы Сибири / Сост., предисл. и примеч. Р.П. Потаниной. Новосибирск, 1981; Свадебные песни Тульской области / Сост. А.М. Новикова и С.И. Пушкина. Тула, 1981; Свадьба обско-иртышского междуречья / Сост. В.Г. Захарченко и М.Н. Мельников. М., 1983; Русская свадебная поэзия Сибири / Вступ. ст., сост. и примеч. Р.П. Потаниной. Новосибирск., 1984; *Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И.* Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985; Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г.Г. Шаповалова и Л.С. Лаврентьева; Под ред. Б.Н. Путилова. Л., 1985; Народные песни Ленинградской области: Старинная свадьба Сланцевского района Ленинградской области / Сост. А.М. Мехнецов, Е.И. Мельник. Л., 1985; Фольклорные сокровища Московской земли. Т. 1: Обряды и обрядовый фольклор / Сост., вступ. ст., коммент., указатель и словари Т.М. Ананичевой, Е.А. Самоделовой. М., 1997; Нижегородская свадьба: Пушкинские места. Нижегородское Поволжье. Ветлужский край: Обряды, причитания, песни, приговоры / РИИИ, ИРЛИ, ННГУ / Подгот. М.А. Лобанов, К.Е. Корепова, А.Ф. Некрылова. СПб., 1998.

Казалось бы, список изданий свадебного материала обширен, даже без учета многих других регионов и областей в специальных сборниках по свадьбе, которые еще только готовятся и в перспективе могут выйти в свет. В 1960—1990-е годы в нашей стране появился ряд серьезных работ, связанных с изучением русской свадьбы. В книгах, диссертациях и статьях рассматриваются вопросы сущности свадебного обряда, взаимосвязи свадебной поэзии с другими фольклорными жанрами, классификации свадебного фольклора, поэтики, композиции, роли свадебных причитаний в фольклорной традиции, вскрывается историческая общность представлений в свадебной, погребальной, календарной обрядности, изучаются связи и отношения свадебного обряда и его поэзии со сказкой, эпосом, проблемы традиции и новации в свадьбе, ее современного состояния и т.д. Одной из наиболее ценных среди недавно увидевших свет работ является книга В.П. Федоровой, рассматривающей свадьбу зауральских старообрядцев-двоедан в тесной связи с историческими, экономическими и социальными условиями их жизни, в комплексе календарной и семейной обрядности и с учетом досвадебных и послесвадебных обычаев. Архаические элементы, сохраненные старообрядцами, дают возможность автору книги судить о глубинных пластах брачных обычаев и реконструировать некоторые звенья обряда. Все это позволяет автору монографии сделать выводы о нерасторжимости календарной, любовно-брачной и семейной обрядности. Исследование В.П. Федоровой вводит читателя и в проблему "национальное — региональное — локальное"[1].

На деле же русский свадебный ритуал как проявление обрядовой культуры и современный массив записей свадебного фольклора, а их насчитывается вряд ли менее сотни тысяч и помимо опубликованных, принадлежат до сих пор к числу недостаточно исследованных. Богатый кладезь фактологических, культурно-художественных данных просто не может в должной мере быть востребован общественностью. Остается справедливой мысль ряда ученых (Д.М. Балашов, В.И. Жекулина и другие) о том, что время "для обобщающей работы по русской свадьбе еще не пришло, и поэтому чем больше будет появляться работ с широким "комплексным" охватом местного свадебного материала, тем скорее мы продвинемся к существенному пониманию истории русской свадьбы"[2].

Как правило, в публикуемых сборниках тексты расположены соответственно этапам свадебного обряда. Книга "Старинная севская свадьба" ценна тем, что помимо вышеизложенного принципа публикации она содержит жанрово-тематический указатель, в котором учитываются варианты по основным и наиболее полным коллекциям русских свадебных песен, напечатанных в сборниках П.В. Киреевского, П.В. Шейна, А.М. Листопадова, Н.П. Колпаковой, И.В. Зырянова и др. Особый интерес представляют сборники Д.М. Балашова, в которых подробно изложен ход обряда и сопровождающие каждый этап песни, представленные поэтическими и нотными текстами, а к материалам из Тарногского района Вологодской области помимо прочего даже приложены звукозаписи, сделанные в десяти деревнях от тридцати певиц.

В своей собирательской и издательской практике Д.М. Балашов исходит из того, что традиционный свадебный обряд имеет свою область распространения и при записи и отборе материала необходимо установить границы района целостной традиции (которые часто не совпадают с административными). Сборник, подготовленный Д.М. Балашовым совместно с Ю.И. Марченко и Н.И. Калмыковой, по оценке В.И. Жекулиной, "не только дает конкретный материал для существенного осмысления свадебного обряда Русского Севера, но и расширяет представления читателей

---

[1] *Федорова В.П.* Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган, 1997.

[2] *Жекулина В.И.* Русская свадьба в публикациях 1980-х гг. // Русский фольклор. Вып. XXV. Л., 1989. С. 207.

о духовной культуре и быте одного из северных регионов страны"[1]. Справедливо отметив, что эта книга — нерядовое явление отечественной издательской практики, В.И. Жекулина особо подчеркнула важное значение комплексного подхода к публикации свадебных материалов, при котором свадьба предстает как "живое драматическое действо" и читатель "зримо представляет себе ход свадебной игры, в которой обряд, слово и напев существуют неразрывно"[2].

Опубликованные в 1960—1990-е годы сборники разнятся между собой по предметам внимания составителей (обрядовый комплекс, этнография и репертуар, жанры, сюжеты, напевы и др.), принятыми ими подходами и методами введения материала в гуманитарные сферы современной науки и культуры. В зависимости от поставленных составителями задач одни дают обстоятельные, этнографически точные сведения об обряде (Д.М. Балашов и его соавторы), и как раз их сборники отличаются единством историко-этнографического, словесно-художественного и музыкального компонентов, а другие предлагают читателю глубокую характеристику словесно-поэтического содержания свадьбы (Н.П. Колпакова) или музыкального компонента (А.А. Банин).

С одной стороны, обобщающие большой материал издания составляются из записей, сделанных в разных, порой удаленных друг от друга областях России ("Лирика русской свадьбы" Н.П. Колпаковой), или в одном обширном регионе (серия книг Р.П. Потаниной), или в ряде районов какой-либо одной области ("Свадебные песни Тульской области" А.М. Новиковой и С.И. Пушкиной). С другой стороны, появились более локальные по материалу сборники, освещающие свадьбу того или иного села или района. В первом случае преобладают чисто текстовые публикации, во втором, как правило, наблюдается стремление составителей к комплексной передаче фольклорно-этнографических, филологических и музыкальных данных. Стремление комплексно охватить свадебный материал (в контексте семейной и календарной обрядовой поэзии) сразу нескольких областей Поволжья (Тверская, Костромская, Ярославская) побудило составителей Г.Г. Шаповалову и Л.С. Лаврентьеву прибегнуть к дробной подаче материала в ущерб целостной картине свадебного ритуала того или иного района, что было отмечено В.И. Жекулиной[3].

Разумеется, в идеале свадьба должна быть охарактеризована комплексно: в совокупности закрепленных в ней этических норм и эстетических представлений народа; в многообразии отражений его быта и верований; в единстве ее словесно-поэтических, музыкальных, драматических, игровых компонентов; с детальным описанием костюма каждого из участников действа и обрядово-символических предметных реалий (будь то перевязка или лента — "дивья красота", свеча, икона для благословения, полотенце); с приложением рецептов и объяснением способов приготовления кушаний и питья, а также их последовательности по ходу ритуала и во время свадебного пира; с перечислением и обрисовкой традиционных подарков с той и другой стороны и приданого невесты и пр. Кроме того, описание брачного ритуала должно быть дано в контексте других семейных и календарных, досвадебных и послесвадебных ритуалов.

Пожалуй, такую фиксацию удалось бы предпринять, отправившись в путешествие на несколько веков назад. Вот только бы перенести в нужное место и время (что, к сожалению, нереально) современные аудио— и видеосредства и использовать наработанные методики собирания... Куда более вероятно другое — то, что комплексное описание станет возможным в будущем, при условии досконального исследования, научной систематизации и опубликования накопленного материала, который ныне огромен и разрознен.

---

[1] *Жекулина В.И.* Русская свадьба в публикациях 1980-х гг. С. 209.
[2] Там же. С. 207.
[3] Там же. С. 210—211.

Полагаем, что для наиболее успешной собирательской и публикаторской деятельности необходимы: во-первых, подготовка квалифицированных и максимально полных вопросников по свадебному обряду (учитывающих локальное этнографическое, акциональное, музыкальное, словесное и мифопоэтическое содержание обряда); во-вторых, дающая возможность планомерного обследования регионов централизованная координация собирательской, учетно-систематизаторской и издательской деятельности; в-третьих, теоретический анализ существующих сборников, их достоинств и недостатков, а также разработка принципов публикации свадебного фольклора.

Различия во взглядах наших ученых на последний вопрос свидетельствуют о его чрезвычайной важности. Ю.Г. Круглов предлагает жанровый принцип расположения свадебных текстов, при котором по возможности каждый жанр будет представлен записями, сделанными в разное время и в самых различных местах России, с обстоятельным раскрытием обрядовой обусловленности материала, причем не в комментариях, а перед поэтическими текстами; нотные же тексты должны быть даны в приложении[1].

Д.М. Балашов считает, что нужно полностью соблюдать этногеографический принцип, и призывает к проведению большой специальной работы по сбору нового материала в целях выяснения того, как сгруппировать имеющиеся записи этнографически и географически. Кроме того, Д.М. Балашов категорически возражает против публикации песен без нот[2].

Характеризуя публикации 1980-х годов по русской свадьбе, В.И. Жекулина подчеркнула, что "до сих пор у нас нет полного представления о русском свадебном обряде севера, северо-запада, центра страны и других районов"[3]. Хочется надеяться, что в какой-то степени восполнить некоторые из пробелов помогут издаваемые в нашем сборнике записи 1960—1990-х годов из Архангельской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Волгоградской, Вологодской, Воронежской, Калужской, Кировской, Костромской, Курской, Московской, Пензенской, Рязанской областей, Ставропольского края, русских поселений в Карелии и в Татарстане.

Наш сборник фольклорных текстов представляет собой опыт обзора и отбора для издания малой части материала по традиционной свадьбе из архивов МГУ им. М.В. Ломоносова и Республиканского центра русского фольклора. Каждая из этих архивных коллекций целостна, а вместе взятые они в значительной степени удачно дополняют друг друга, главным образом в плане географии проведенных фольклорных экспедиций. Кроме того, художественно полноценный материал из своих личных собраний любезно предоставили О.Б. Балашова, Н.С. Бурмистров, С.Ю. Власова, А.Н. Иванов, А.К. Корнаухов, А.С. Монахова. Записи, кроме нескольких, публикуются впервые[4].

Детальное изучение нескольких десятков тысяч текстов из архивов МГУ и Республиканского центра русского фольклора показало, что в 1960—1990-е годы собирателям не удалось сделать по-настоящему подробных визуальных описаний традиционной свадьбы, а воспоминания очевидцев или участников свадеб 40—60-летней

---

[1] См.: *Круглов Ю.Г.* Вопросы классификации и публикации свадебного фольклора // Русский фольклор. Вып. XVII. Проблемы "Свода русского фольклора". Л., 1977. С. 96.

[2] См.: *Балашов Д.М.* О родовой и видовой систематизации фольклора // Русский фольклор. Вып. XVII. С. 33—34.

[3] *Жекулина В.И.* Русская свадьба в публикациях 1980-х гг. С. 207.

[4] Во время подготовки книги тексты № 54, 72, 96, 97, 502 были напечатаны в сборниках фольклора местных издательств в Костромской и Кировской областях. Несколько записей, сделанных в экспедициях МГУ при участии Ю.Г. Круглова (№ 464, 616, 618, 634, 688, 700) опубликованы в кн.: Обрядовая поэзия: Кн. 2. Семейно-бытовой фольклор / Сост., подгот. текстов и коммент. Ю.Г. Круглова. М., 1997. (Б-ка русского фольклора. Т. 3). В нашем издании см.: № 435, 453, 454.

давности, как правило, фрагментарны и, надо полагать, не всегда отличаются точностью. Все без исключения песни и причитания, представленные в нашем сборнике, были исполнены специально для записи, они "из первых рук" переданы собирателям уже вне обрядового контекста. Отрывочные и скупые сопроводительные сведения о свадебном обряде, сколь бы много их ни было в архивах, разумеется, вовсе не создают предпосылок для более или менее удовлетворительного системного представления читателю этого материала. Тем не менее наличных данных хватает, чтобы читатель все же получил для себя некоторое представление о русской свадьбе на Европейской части России. А в ряде случаев эти данные настолько ярки и содержательны, что позволяют даже и сегодня воспроизвести, воссоздать те или иные фрагменты ритуала вместе с художественными текстами, погруженными в давно утраченные в быту контексты и подтексты.

Сборник направлен на общее ознакомление читателей с традиционной русской свадьбой в ее многообразии. Сначала о традиционной свадьбе рассказывают ее участники и очевидцы. Когда читатель уже располагает каким-то запасом фольклорно-этнографических сведений о ходе обрядов, его ожидает встреча в следующих разделах сборника с многообразным художественным материалом, который распределен по основным жанрам (причитания, песни, приговоры), в движении от обряда к песне об обряде начиная с причитаний, которые, как известно, составляют художественную основу русского свадебного ритуала. Свадебные песни в томе 1-м представлены в их связи с конкретными ритуальными действиями и эмоциональными состояниями, которые с помощью песен по ходу обряда строго регламентированны. В том 2-й вошли песни, сопровождающие свадебные хороводные процессии и гулянья, величальные песни, корения и приговоры.

В разделе "Примечания" (в томах 1, 2) содержатся необходимые краткие данные о жанровой принадлежности текстов и их месте в обряде, об их собирателях, времени и месте записи и хранения, об исполнителях, текстологические примечания, а также указания на соотношение наших вариантов с ранее опубликованными по условной "шкале убывания" соответствий между ними: *варианты, далекие варианты, отдельные детали.* По этим указаниям читатель сможет для себя сделать некоторые предположения о широкой либо узколокальной географии бытования в старой России тех или иных произведений фольклора. Отсюда же легко установить, что десятки текстов относятся к редким и малоизвестным, а еще десятки, вероятнее всего, практически неизвестны в опубликованных сборниках.

Издание снабжено алфавитным указателем собирателей, географическим указателем поселений и исполнителей, музыкально-структурным указателем напевов и словарем-указателем редких слов в причитаниях, песнях, приговорах.

Композиция сборника имеет некоторые концентрические черты, благодаря чему тома 1 и 2 являются единым целым. Основное место в корпусе текстов занимают песенные жанры. Жанры причитания и приговора, которыми как бы обрамляется корпус текстов, более тяготеют к локальности (то или иное произведение этих жанров известно, как правило, на ограниченной территории), они прочно скреплены с местными ритуалами и реализуются в средствах выражения, отличных от пения (плач и речь). Арку к рассказам о традиционной свадьбе, которыми сборник открывается, создает находящийся в конце сборника рассказ о разыгрывании свадьбы в конце XX в. (том 2, Приложение) — один из имеющихся материалов, свидетельствующих об использовании традиционных элементов обряда в современной свадьбе.

Свадебная поэзия и музыка по возможности представлены читателю с учетом обрядового контекста. В предсвадебных обрядах основное место занимали причитания невесты. Они начинались уже в момент просватания, чередуясь со свадебными песнями, которые исполнялись на протяжении всего обряда, особенно после рукобитья. Величальные и корильные песни при завершении подготовительного этапа играли

немалую роль, они же особенно широко представлены на свадебных пирах (в большинстве мест после венчания причитаний уже не было). Приговоры свахи, дружки, поварушки, подруги и брата невесты и др. исполнялись по ходу всего обряда, начиная с предсвадебного цикла (при сватовстве, на сговоре и смотринах, в бане), во время собственно свадьбы (до венчания — в доме жениха и невесты, после венчания — при встрече молодых от венца, за свадебным столом, при отводе молодых на ночлег) и завершая послесвадебным циклом (во время прихода ряженых на второй день свадьбы, при посвящении молодой в бабу, а молодого в мужика, при выпроваживании гостей).

Каждое из местных самобытных действ исторически эволюционировало вместе с другими, и все они вносили свой вклад в традиционную обрядовую культуру. Между свадебными традициями на местах как бы согласованно распределялись в пространстве этнокультуры важные содержательные данные об исторической и художественной жизни свадебных жанров, символов, сюжетов, форм. Внутренним богатством русской свадьбы обусловлено ее многообразие — на уровне этнокультуры, а на уровне образующих традиционную культуру локальностей — своеобразие. Для академически полного издания необозримо огромного свадебного репертуара из всех местностей понадобятся еще многие десятилетия научной систематизаторской и текстологической работы сплоченных коллективов высококвалифицированных исследователей, а также многие сотни книг. Мы вынужденно ограничиваемся предельно компактной выборкой. Читателю предлагается понаблюдать за тем, что наполняет в удаленных друг от друга местностях тот или иной из этапов обряда, что и как совершается, поется и говорится при во многом сходных обстоятельствах. Расположение материала в соответствии с общей направленностью действия позволяет легко понять как сценарную схему ритуала, так и подвижные отношения между планом ритуала и планом репертуара.

Критерии группировки поэтических и музыкально-поэтических текстов внутри каждого жанра не являются ни исключительно формально-структурными, ни территориально-географическими. Тексты размещены с учетом преимущественно этнографических свидетельств об обрядовой культуре: по структуре обряда и поэпизодно, а величания и корения — поадресатно. Привлеченный для обзора свадебных жанров материал показывает, что границы между жанрами условны и проницаемы. В нашей подборке фольклорных текстов большое внимание уделяется переходным, пограничным и комбинированным явлениям.

Особенности компоновки корпуса текстов в нашем сборнике призваны привлечь внимание читателя к отличительным, характерным чертам обряда и обрядового репертуара. Хотя тексты идут один за другим в линейном порядке, но при этом специально отмечаются также и моменты сближений или аналогий между теми или иными причитаниями, песнями, приговорами. Таким образом, группировка производится в рамках более объемного, многомерного гипертекста из тождеств и аналогий, которые содержатся в соотнесенных между собой текстах.

Сопоставления и противопоставления проводятся по оси "север — юг" на основе записей из 337 поселений. Большая часть материала в корпусе текстов соотнесена так или иначе с публикуемыми рассказами о свадебном обряде в с. Сумский Посад Карелии, в д. Подволочье и в с. Слободчикове Архангельской области, с. Бакшееве Владимирской обл., с. Николаевка Рязанской области, с. Бутчине Калужской области, с. Марица Курской области, с. Болховец и с. Суркове Белгородской области. Это — своего рода стержень, скрепляющий многообразный состав фольклорного сборника. В целом же на конкретном материале обрядового фольклора представлен целый ряд этнографических групп, в которых сохранялись и приумножались традиции русской свадьбы. Различия между этими группами исторически обусловлены временем и особенностями заселения того или иного края, хозяйственным укладом жизни

и экономическим статусом крестьян (государственные и помещичьи крепостные крестьяне как северных, так и южных областей, а также монастырские крестьяне в с. Марица Курской обл.) и конфессиональной принадлежностью[1], а вследствие этого и традиционными для них чертами мировосприятия.

Тем самым читателю дается возможность сопоставить разные типы русской свадьбы по мере продвижения с севера через среднюю полосу к югу Европейской части России и понять отличия в ходе обряда, в свадебных чинах, в художественно-музыкальной основе. Например, о "бане" — обычае магического соединения с духами предков и ритуального очищения, который исполнялся почти по всей северной территории России, на Урале, в Сибири и в ряде центральных областей, есть первые упоминания в середине XIV в. (описание свадьбы при Симеоне Гордом), во второй половине XV в. (свидетельство о браке великого князя литовского с дочерью Ивана II Еленой), в первой трети XVI в. (рассказ о свадьбе Василия III и Елены Глинской). В XIV—XVI вв. свадебная баня обычно была после брачной ночи[2]. Наши материалы свидетельствуют о том, что в начале XX в. послесвадебная баня представляла собой один из комедийных эпизодов обряда. В ряде мест банный ритуал совершался дважды, предсвадебный — у невесты и послесвадебный — для новобрачных, родителей и родственников жениха и всех встречных людей. Однако же основная, "девичья баенка" устраивалась накануне свадьбы.

Любопытны свидетельства постепенного переноса этого реально совершаемого обряда в область художественной фантазии, в идеальный мир текстов. Бывает так, что в сообщениях о ходе свадьбы нет упоминаний о бане, но отголоски самого обряда сохранялись в звучащих на этой свадьбе песнях и причитаниях. По материалам в нашем сборнике можно видеть, что банный ритуал наличествовал в северных и среднерусских обрядах, а ближе к югу в предсвадебных действиях эквивалентом банных становятся каравайные ритуалы. Из наших описаний свадьбы явствует, что обрядовую "елочку" (символ девичества) ставили лишь в некоторых местностях. Так же легко заметить и совершенно различное соотношение по времени между венчанием и поездками поезжан за невестой и с невестой при ее вселении в дом жениха. По мере продвижения с севера на юг мы видим изменения и в художественной основе обряда (групповые и сольные причитания-обряды сменяются песнями-обрядами в наиболее значимых эпизодах свадьбы).

Несмотря на то что опубликованные тексты отражают последнюю стадию существования обрядов лишь в воспоминаниях участников и очевидцев, читатель может убедиться в художественном совершенстве, стройности композиции, выразительности языка, богатстве музыкально-поэтических форм помещенных в нашем сборнике причитаний, песен и приговоров.

В работе над сборником кроме составителей принимали участие: в нотировке и подготовке поэтических текстов — С.Ю. Власова (записи из Рязанской и Калужской областей) и В.В. Запорожец; в подготовке поэтических текстов — Е.А. Астахова (посвященная корильным песням часть вступительной заметки в томе 2 и некоторые тексты раздела "Корения"), О.Б. Балашова (преамбула и большая часть текстов раздела "Приговоры"), В.А. Ковпик (некоторые тексты из Архангельской и Костромской областей, участие в подготовке словаря), а также В.В. Ётчик, И.Е. Посоха, Е.А. Самоделова, оказавшие составителям ценную помощь в отборе материала для издания.

---

[1] Старообрядцы в наших материалах представлены главным образом поморским согласием. В д. Подволочье и многих других деревнях центральных районов Архангельской области, а также и в некоторых хуторах Новоаннинского района Волгоградской области проживают прямые потомки старообрядцев, которые исторически недавно переняли новое вероисповедание — во второй половине XIX в. или на рубеже XIX—XX вв.; в остальном же преобладают группы населения, предки которых уже с конца XVII в. восприняли изменения в ортодоксальном обряде.

[2] См.: *Козаченко А.Н.* К истории великорусского свадебного обряда. С. 67.

Особенности работы над аппаратом книги

Нумерация и названия текстов. В корпусе текстов принята сквозная нумерация с названиями, выделенными полужирным шрифтом. Под одним номером группируются тексты, помеченные литерами, если они образуют самостоятельный цикл и исполняются в местном обряде один после другого. Варианты, записанные в одном и том же месте и эквивалентные в контексте обряда, тоже получают общий для них номер. Названия текстов даются по первому стиху, в котором по возможности опускаются некоторые элементы избыточности, не влияющие на узнаваемость его смысла и формы. Знак наклонной черты между названиями ставится, если тексты исполняются одновременно, например песня и причитание: **Пелепелка, пелепелушка/Уж любезные вы мои подруженьки**.

Под названием текста в скобках дается географическое указание местности бытования. Во многих случаях указанное место бытования не совпадает с местом записи, в частности от приезжего исполнителя. Подзаголовок с упоминанием о месте бытования состоит из сокращенного названия области или другого крупного административно-территориального образования и из названия ближайших рек (озер), например: *(Арх., Вычегда)* — Архангельская обл., поселение у р. Вычегды. Дополнительные географические уточнения имеет материал неодинаковых этнографических комплексов свадебного обряда с территории одного и того же речного бассейна. Знак тире между названиями малой реки и большой указывает на то, что этнографический локус является частью территории крупного речного бассейна, разноплановой в отношении жанровых особенностей и репертуара, например: *(Калужск., Снопот – Десна)* — Калужская обл., поселение у малой р. Снопот в бассейне р. Десны. Наклонная черта означает междуречное расположение поселения вблизи водораздела, например: *(Калужск., Болва/Десна)* — Калужская обл., междуречье Болвы и Десны, *(Калужск., Болва/Жиздра)* — междуречье Болвы и Жиздры.

Высотный строй пения. Некоторые нотные тексты пишутся на высоте немного выше или ниже, чем в звукозаписи. Разница не менее чем в один тон оговаривается в разделе "Примечания". Выборочными замерами установлены случаи малодостоверного по отношению к исполнительскому акту отображения абсолютной высоты пения в аудиозаписях, сделанных собирателем на бытовых магнитофонах, причем как в подлиннике, так и в копии для нотирования. Выбор высоты в нотировке минимализирует не эти технические погрешности, а избыточную пестроту звуковысотных шкал, делая звуковысотные параметры в нотных текстах сравнимыми между собой.

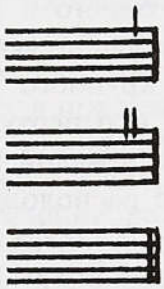
Обозначения звуковысот латинскими буквами в кружках под нотоносцем передают изменение высотного уровня пения за короткие отрезки времени. Мужские теноровые голоса, записанные в скрипичном ключе, читаются без октавной транспозиции на действительной высоте звучания, их наличие показывает особое начертание скрипичного ключа с прорисовкой контура тенорового ключа.

Слоговой и слогораспевный элементы. Деление на слоги под нотной строкой — вокальное, например: "А_нну_шка", "по_дго_во_рщи_ца". Закрытый в середине слова слог, например "нон_че", означает не отражаемое нотным знаком речевое произнесение в счет времени этого слога. Певческая огласовка согласных с

привлечением ненормативного гласного звука раскрывается курсивной буквой петитом, например "к-рича-л — к*а*-рича-лэ". Огласовка не конкретизируется в случае нормативных [и] с мягким согласным и [ы] с твердым согласным, и допускается согласная буква под нотой, соединенной пунктирной лигой (если нотные длительности не меньше четвертных) или ребром с предыдущей нотой над гласным.

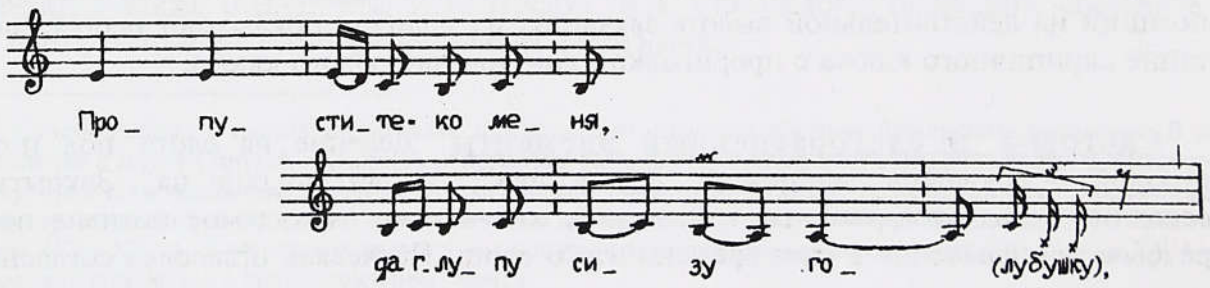
Слогораспевный элемент нотного текста охватывается лигой, не прерываемой при изменениях гласного звука, которые под общей лигой отмечаются курсивным петитом. Перерыв и возобновление гласного звука при смене дыхания передаются нотографически с помощью лиги через паузу и без повторения буквы.

Формоуказания в нотах. Нотно-словесные и поэтические тексты фольклора представлены в издании с помощью специальных графических средств, раскрывающих их форму, и снабжены дополнительными указаниями. В нотно-словесных текстах принято вертикально-ранжированное расположение материала по стихам. Объем нотного материала, предлагаемого читателю, достаточен для фиксации напевной формы. Граница периодических звеньев формы обозначается на верхней нитке нотоносца вертикальным штрихом, одинарным (формы стихового типа) и двойным (формы строфического типа внутри повторенных, сдвоенных и сложносоставных строф). Перекрывающая нотный стан двойная черта — знак окончания строфы, он не дублируется штриховыми черточками.



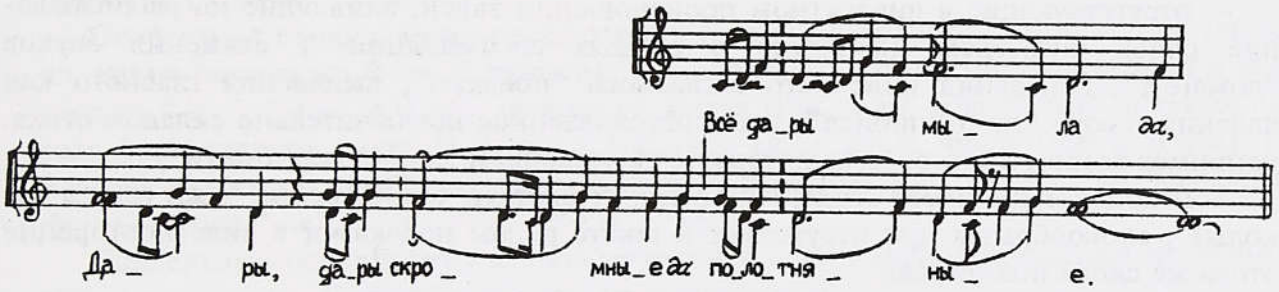
Усеченные и расширенные напевно-периодические звенья соотнесены с частями напева, отличающимися постоянством структуры. Горизонтальная стрелка по нотоносцу обозначает выпадение отрезка формы.

Ступенчатое расположение напевного элемента "лесенкой" сверху вниз указывает место расширения в форме, вызванного внутренними повторами (не смешивать с дополнительно приводимыми в отдельных случаях певческими вариантами короткого отрезка напева, которые записываются с точечным пунктирным присоединением по вертикали), например:



Метрические указания обычно избегаются в полупериодических формах и обозначают параметры форм периодического типа, при этом они вводятся в нотный текст экономно. С момента достижения постоянства напевной формы единообразные обозначения смены метра не проставляются в стихах и строфах подряд до момента изменения параметров этой формы.

Тактовая черта считается формоуказующим знаком, показывающим на определенный тип соотношений между стихом и напевом. Используются разновидности тактовой черты: перекрывающие нотоносец сплошная, жирная пунктирная, простая пунктирная, а также поднятая в полнотоноса сплошная черта. С их помощью в зависимости от типа ритмической организации и формообразования применяется разделительная (для постоянных цезур между стихами и слоговыми группами в стихе) и регулярная акцентная тактировка (для тактометрического упорядочения размера регулярной стопы). Например, в напеве со стихом тонической структуры: формообразующий генеральный акцент выделяется жирным пунктиром, простым пунктирным делением отмечается прочая акцентуация в стиховой форме, вводимой в особых случаях приподнятой сплошной чертой показаны вспомогательные и эпизодические цезуры:



Шрифты. Курсивом показаны:

— формоуказующие элементы на конце фраз-стихем, стихов и полустиший — соединительно-разделительные частицы *да, ай, ой, эй, ох, уж* и подобные им элементы избыточности в расширенном стихе, вызывающие на слабой позиции дробление единицы счетного времени. В начале формы и в сильной позиции эти частицы пишутся прямым шрифтом. Они ставятся в конец или начало строки в соответствии с формой напева. Например: "Да канун-то было Петрова дни *да*", "Зеленая ох наша дубровушка всее ночку ой прошумела *ох*";

— припевы, рефрены и вокализы, например: "*Е — е ох* рано по заре";

— ударения в случае несоответствия общепринятой норме, например "был*о*", "выск*а*жем", и для показа безударности "ё" в слове, например "не пей зелён*а* вина", кроме некоторых севернорусских текстов с частым употреблением безударного "ё";

— ремарки исполнителя, сопровождающие запись.

В сопроводительных текстах курсивом даны:

— заимствования из прямой речи исполнителя;

— народная оригинальная лексика, относящаяся к местному ритуалу и его действующим лицам, фольклорным жанрам и к исполнительству, например *белила, хлебины, честна, голосянка, лялёкать*;

— редкие слова, внешне похожие на общеизвестные, например *причта* (не смешивать с "притча").

В разделе "Рассказы о свадебном обряде" курсивом в скобках даны ремарки, относящиеся к контексту рассказа.

Петитом оформлены сопроводительные тексты и отсылки к другим номерам сборника. В нотном материале наряду с обычными нотными знаками используются нотные (точечные) головки в петите для обозначения слабослышимых проходящих и вспомогательных тонов, находящихся в глубине пространства звуковысот "на втором плане". Нотные знаки альтерации петитного начертания обозначают системное повышение или понижение ступени в пределах трети тона, мордент петитом — то же в элементе мелодического орнамента, вертикальные стрелки — исполнительское завышение и занижение. Знаки микроферматы — выпуклая и вогнутая (перевернутая) скобы без точки — указывают на исполнительское изменение длительности, затянутой или укороченной не более чем на половину ее нотной стоимости. С помощью дроби над микроферматой отмечается истинная величина длительности в исполнении, но не степень удлинения или укорочения. Например, если ноте по форме напева присвоена четвертная длительность, а в пении реальная длительность тона равна трем восьмым, тогда нота снабжена микроферматой с пометкой 3/8.

Курсивным петитом записываются все добавочные литеры под нотной строкой.

Скобки. В круглые скобки заключены:

— отсутствующие в диалектном произношении звуки, влияющие на распознавание слова читателем, например в случаях ассимиляции и стяжения звуков "лома(е)т", отпадения конечного согласного "поедя(т)", выпадения гласного как явления говора "не (о)шибися", так и обусловленное исключительно складом стиха, например тонического восьмислогового: "С молодцем да речь гов(о)рити";

— недопеваемые части стиха, например: "Налетели чёрны гра(чи, чужи млады соколы)", словообрывы при отсутствии в тексте рядом подсказки в виде повторения этого же слова полностью;

— исполнительские ремарки.

Квадратными скобками показаны элементы реконструкции в стихах и в нотах. Это редакторские вставки слов и отдельных музыкальных звуков, из-за технических сбоев аппаратуры либо случайно пропущенных во время записи собирателем, например "[По по]лу кила, по полу кила", или исполнителем. В описаниях свадьбы в квадратные скобки взяты пояснения недосказанностей, пропусков в речи и малопонятных слов, не снабженных постраничными сносками, например: "Мать-отец [жениховы] там стревают [встречают]".

Интервалы в тексте. Межстрочные увеличенные интервалы показывают композиционную разбивку текста на крупные, относительно завершенные части и на строфы. В большинстве случаев не отраженная собирателями в рукописном подлиннике строфическая форма текстов отображается в издании без оговорок по результатам изучения местных вариантов.

Внутристрочными увеличенными интервалами отделяются друг от друга в поэтических текстах части составного стиха и обозначаются постоянные цезуры. Исчезновение пробела означает перекрытие цезуры. В середине длинных структур тонического типа пробелом отмечается момент возникновения эпизодической цезуры в нескольких стихах кряду. Для соотнесения элементов стиха различного типа с напевной формой внутристрочные пробелы выступают взаимодополнительно с формоуказующими частицами курсивного начертания в стихах.

Особенности диалектного и певческого произнесения. В отображении собирателями диалектных особенностей не наблюдается единой методики, так как записи фольклора проводились на протяжении нескольких десятилетий и несколькими сотнями лиц. Некоторые записи необоснованно приближены к литературному языку. Во многих текстах преимущественно отмечаются морфологически и синтаксически значимые явления, фонетические же — не указываются. Сличение некоторых текстов в тетрадях со звукозаписью показывает, что собиратели порой сглаживают не только фонетические диалектные особенности, но и отдельные черты диалектной морфологии, словообразования и синтаксиса.

В издании отражается стяжение гласных, например: (дела(е)т, лома(е)т). Из особенностей консонантизма по возможности отражается чередование звуков [в]/[ў]/[у] (все, ўсе, усе), а также [хв], [х], [к] на месте литературного "ф". В отдельных словах отражается произношение долгих шипящих [ж], [щ]: дожжи, еще, есче, ишче, ишше, ошшо и др. Показываются различного типа ассимиляции (тольки, толькя; омманщица, ромня) и диссимиляции (девишник). Не отмечается фрикативный [г], снимается диалектное "цоканье", кроме специально в отдельных случаях показанных особенностей чередования в тексте [ц]/[ч]. Не отражаются многие другие фонетические особенности консонантизма и безударного вокализма (например, "яканье"), в первую очередь те, которые являются общими для диалектного и литературного произношения ("аканье", "иканье").

Особенности морфологии передаются в текстах, насколько это позволяет материал, кроме некоторых форм безударных окончаний, например прилагательных в имен. падеже "-ие", "-ые" и в род. падеже ед. числа муж. и ср. рода "-ого", а также личных форм глагола с мягким "-ть" в 3-м лице ед. и множ. числа (*и*деть, идуть). Последовательно прослеживаются различия в произнесении окончаний возвратных форм глагола "-се", "-сё", "-си", "-сы", "-ся".

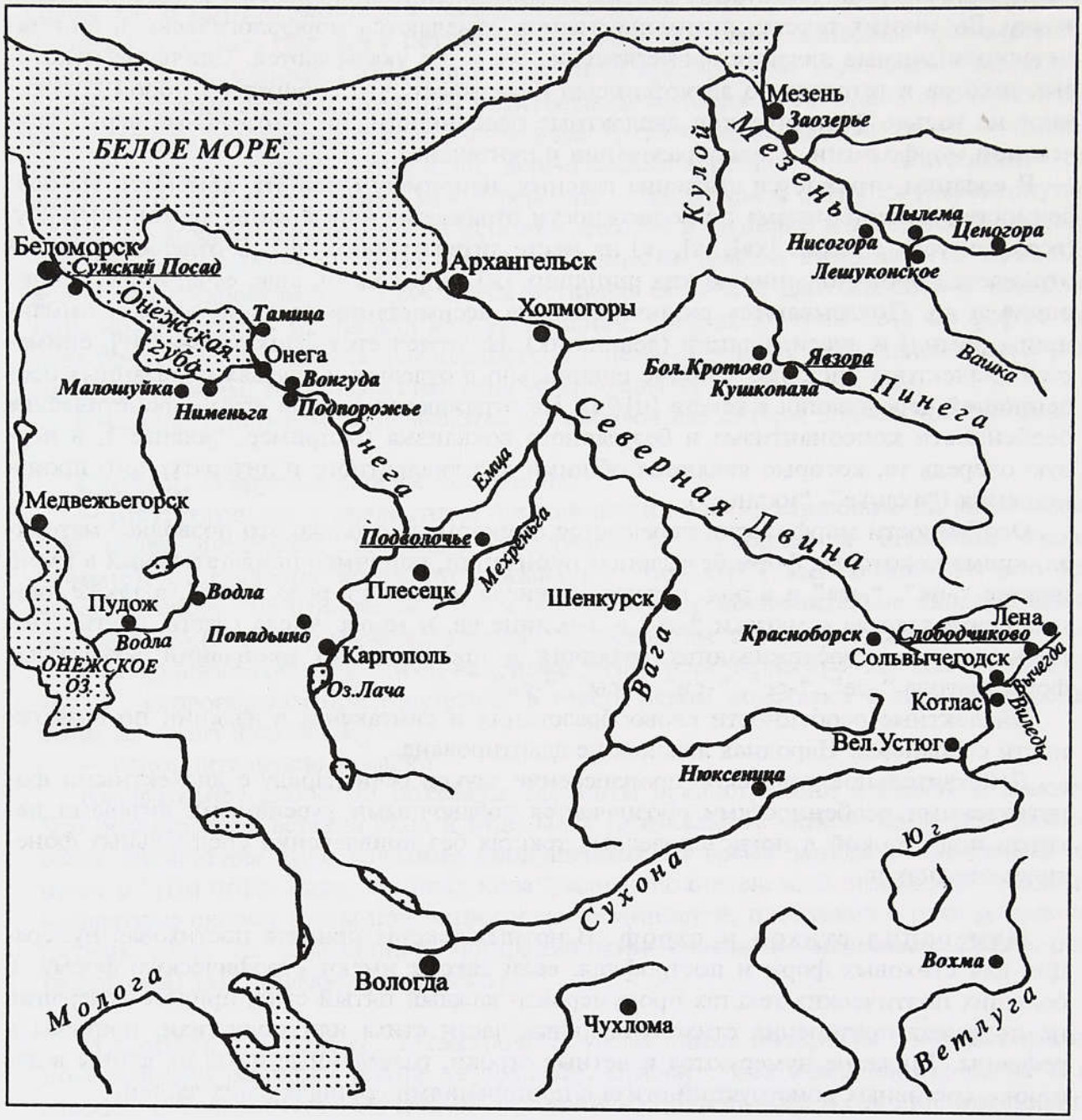
Диалектные особенности словообразования и синтаксиса в издании по возможности сохранены. Народная лексика не адаптирована.

Действительное певческое произнесение звуков речи наряду с диалектными фонетическими особенностями обозначается добавочными курсивными литерами петитом под строкой в нотно-словесных текстах без привлечения специальных фонетических знаков.

Нумерация стихов и строф. В нотных текстах принята постиховая нумерация для стиховых форм и построфная, если тексты имеют строфическую форму. В больших поэтических текстах пронумерован каждый пятый стих, причем нумерации не подлежат повторения стиха, отдельные части стиха или полустихи, припевы и рефрены. Также не нумеруются и четные строки, разведенные из-за их длины в две строки составных конструкций стиха с повторениями составляющих частей.

Карта-схема и сопроводительный текст к ней служат введением в конкретный фольклорный материал издания. На карте указаны полужирным курсивом некоторые населенные пункты Европейской части России, в которых записана основная часть текстов (от 4 до 20 записей свадебного фольклора в каждом из обозначенных поселений) из отобранных составителями для издания. Детализированная информация представлена в географическом указателе поселений. Состав и содержание местных обрядов аннотируются по единообразной форме рядом с картой, названия этих поселений на карте подчеркнуты. В них же записаны публикуемые рассказы о свадебном обряде.

География записей фольклора



К а р е л и я, с. **Сумский Посад**

Основные эпизоды и ритуалы: сватовство, шитье даров, вечерина (за три дня до венчания) с величанием каждого из присутствующих, ночевка подруг у невесты, бужение матерью и заплачка, гостевание невесты с подругами у родственниц, "колечко" с дарами стороне жениха от невесты, подношения невесте в день венчания и отдание "воли" (косынка с лентой) подруге, баня невесты с матерью, приход раздельно жениха и невесты из своих домов к венчанию, свадебный поезд-шествие во главе с дружкой от церкви к дому новобрачного, смотренье и ночной приводный пир с одариванием новобрачных, брачная ночь, бужение дружкой (ломает горшок), поздравление (пир с блинами) на второй день у тещи и тестя, свадебный поезд-шествие на третий день к ним и "пепелище" там же (повторный свадебный пир), "девишник" (прощальная молодежная вечеринка) на четвертый день.

Свадебные чины и должности: от жениха — тысяцкой, дружка, "женихи" (парни-родственники), сват, сватья, честна (сестра), постельницы; от невесты — сватья, приставницы, подголосница(-ы) и др.

Художественная основа обряда: распевное групповое причитание.

Архангельская обл., д. **Подволочье**

Основные эпизоды и ритуалы: сватовство, богомолье, сговор с обоюдным одариванием сторон, пропой невесты, шитье даров, предсвадебные вечеринки, рукобитье, баня невесты с подручницами свадебным утром, заплачка на улице и в избе, канун (прощание с родственниками, подругами) и отдание сестре "воли" (головной убор — повязка), "байник" (одаривание невесты), приход "женихов" с женихом за невестой, смотренье с одариванием невесты женихом и подметанием ею избы, благословение в момент передачи невесты жениху, проводы к венчанию, встреча молодых после венца в доме новобрачного и первое застолье, перевоз постели, стольник — свадебный пир с одариванием родственников новобрачного, брачная ночь, бужение дружками, ношение воды на второй день, нахлебина (хлебина) — пир у тещи и тестя, гостьба на третий день у них же с ночевкой новобрачных, поломытье на четвертый день.

Свадебные чины и должности: от жениха — тысяцкой, дружки (два), сват, "женихи", сватья, подсватье, кисельник, пирожник; от невесты — божатка (крестная), дружки (два), сватья, подручницы (две подруги), "старухи"-причитальницы, провожатый к венцу — брат.

Художественная основа обряда: распевное групповое причитание.

Архангельская обл., д. **Явзора**[1]

Основные эпизоды и ритуалы: сватовство, варка пива отцом невесты, закрыванье невесты сватом, посидки, свадебное утро — спутывание и расплетание косы, девичья баня; прощальные посидки, зарученье (рукобитье), белила, пропой невесты, буженье жениха и обмен подарками от невесты и жениха, ночной девишник с одариванием невесты, повторным расплетанием косы и отданием сестре "красоты" (головной убор — повязка), встреча свадебного поезда, дарение гостей и отдаривание ими невесты, выкуп стола, смотренье, свадебный стол (пир) у невесты, благословение, передача невесты жениху и проводы новобрачных, переезд (переход) к жениху и встреча новобрачных его родителями, свадебный стол (пир) у жениха, брачная ночь, бужение молодых свекровью, битье горшка и "опахивание" (подметание) избы молодкой, а также прядение и др. испытания, хлебины (пир у тестя и тещи) со всеобщим целованьем за столом, ночевка новобрачных у невесты в родительском доме, перевоз приданого в сопровождении тестя и тещи и его осмотр в доме жениха.

Свадебные чины и должности: от жениха — тысяцкой (крестный, божат), сваха (его жена), сват, дружки, "женихи" (парни — родственники жениха), повозники, большуха (старшая невестка) и др.; от невесты — божатка (крестная), сватьи, подручницы-подруги, брат (истопник девичьей бани, виночерпий, провожатый и др.), стольник, свадебницы — подруги, соседки, певицы и др.

Художественная основа обряда: установление паритета между жанром причитания (преобладает сольная плачевая декламация) и обрядовыми песнями.

Архангельская обл., с. **Слободчиково**

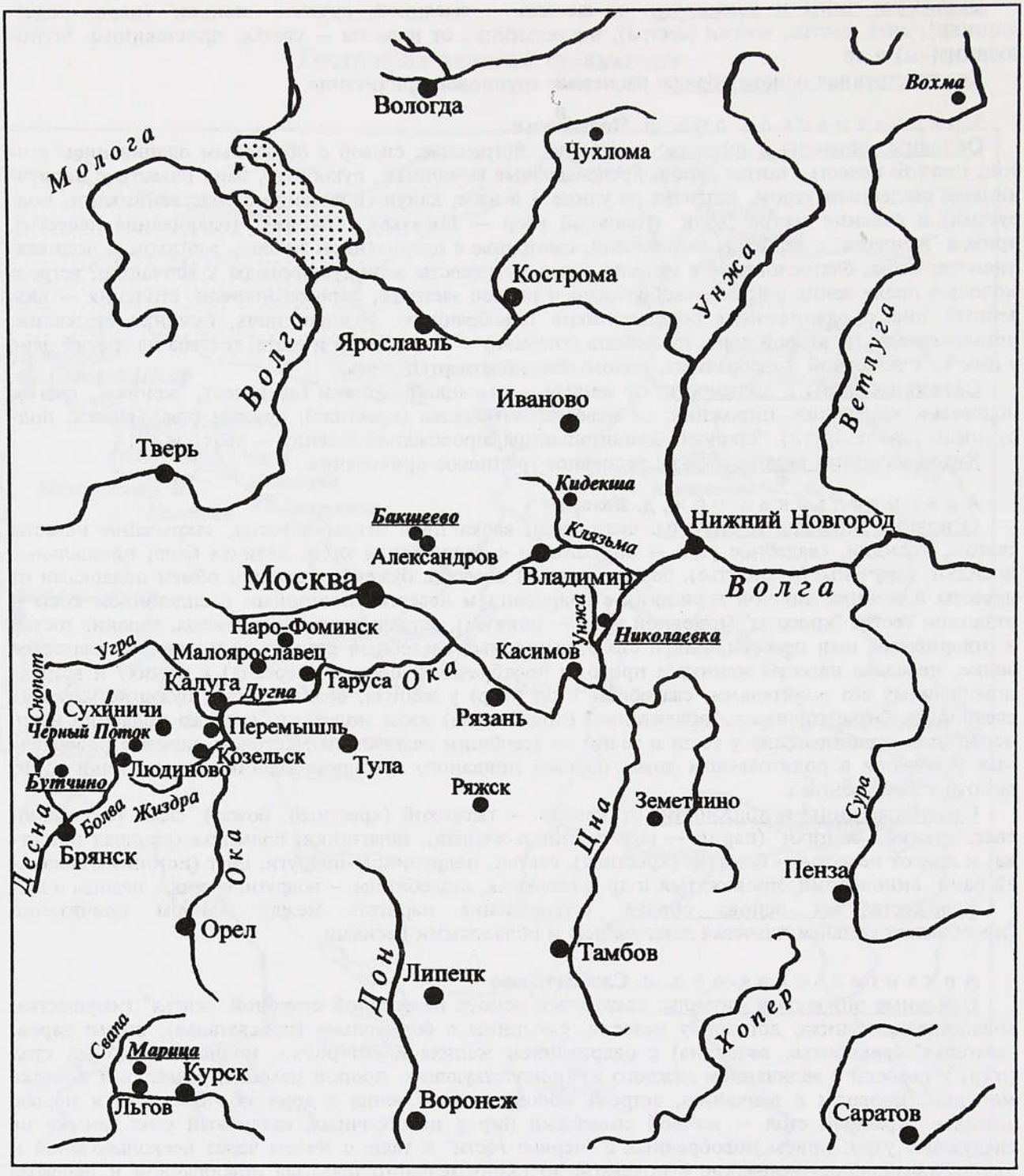
Основные эпизоды и ритуалы: сватовство, осмотр невестиной стороной "житья" (имущества, хозяйства) у жениха, договор у невесты, смотрины с богомольем (просватанье), шитье даров, "сватанье" (рукобитье, вечерина) с одариванием жениха и его родни, ночной свадебный стол (пир) у невесты с величанием каждого из присутствующих, пропой невесты, раздельная ночевка молодых, проводы к венчанию, встреча молодых после венца в доме новобрачного и первое застолье. Красный стол — ночной свадебный пир у новобрачных, свадебный стол там же на следующее утро, прием новобрачных в "первые гости" к теще с тестем через несколько дней и двух-, трехдневное гостевание с ночевкой до окончательного переезда новобрачной и перевоза приданого в дом жениха.

Свадебные чины и должности: дружка, подружье, сваты, сватьи со стороны жениха и невесты, ребенок-крестник (крестница) невесты, виночерпий (ее младший брат), пивовар, стряпухи и др.

Художественная основа обряда: свадебные лирические песни, некоторые из них предназначены специально для сопровождения тех или иных обрядовых действий, свадебные приговоры.

---

[1] Описания обряда на Среднем Пинежье см.: *Колпакова Н.П.* Свадебный обряд на р. Пинеге // Крестьянское искусство СССР. Вып. II: Искусство Севера. Л., 1928. С. 117—176; Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский р-н Архангельской обл. (1970—1972 гг.) /Под ред. Н.И.Савушкиной. М., 1980. С. 33—92. См. также о свадебном обряде в г. Пинеге: Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В.Шейном. Вып. II. СПб., 1900. С. 386—398.



Владимирская обл., с. **Бакшеево**

Основные эпизоды и ритуалы: "сваты"-сватовство, осмотр имущества жениха ("дом глядеть") за неделю до свадьбы и одновременно с этим проводимый девишник с прощальным заплетанием невестиной косы; в субботу накануне свадьбы "сиденье" невесты и ее подруг с женихом и его товарищами-парнями; в воскресенье — покрывание невесты шалью, встреча у ее дома свадебного поезда с женихом и дружком, игровая подмена невесты и выкупы, застолье и проводы к венчанию, остановка свадебного поезда на полпути "невестино сердце рвать", венчание, шествие от церкви с певчими к дому новобрачного, служба, которую они проводят в доме, переходящая в обед-гулянье с шутками и поцелуями, проводы на брачную ночь; в понедельник — комедийная "баня"-бужение молодых (их "парят" дружко с лучшей подругой невесты), обед и молин (дары) новобрачным, кража новобрачной и шуточные испытания (подметание битой посуды и др.).

Свадебные чины и должности: свахи — ближайшие родственницы жениха и невесты, наемный дружка, поезжане, лучшая подруга невесты, брат-сторож невесты, в соответствии с традицией городских свадеб в день венчания народный обряд проходит на улице и в доме жениха с участием церковных певчих.

Художественная основа обряда: свадебные приговоры, удельный вес причитаний и песен убывает.

Рязанская обл., с. **Николаевка**

Основные эпизоды и ритуалы: сватовство, осмотр дома (имущества) жениха, богомолье, запой, украшение "елочки" (символ девичества) у невесты, перевоз девушками постели (приданое) вместе с елочкой к жениху и уничтожение елочки, параллельное проведение досвадебного угощения жениховой стороне в доме невесты и вечернего девишника — двухчастного — у соседей с приходом на вторую его часть жениха и сватов и с угадыванием ими невесты, ночевка девушек у невесты, их бужение невестой, сборы и утренний девишник, свадебный поезд с караваем от жениха, угощение сватов и поезжан, венчание и приезд к жениху, поение на столе невестиной курицы, брачная ночь, бужение ("колоть горшки") и подметание избы, "приезжие" (утренний брачный пир) с обменом караваями от невесты и жениха, водолитием на улице и "сырами" (одаривание невестой родни жениха) и комедийный приход ряженых.

Свадебные чины и должности: от жениха — сваты, сваха (исполняет роль дружки), поезжане; от невесты — крестная, "тайная" (любимая) подруга, коленник (младший брат) и др.

Художественная основа обряда: серия сольных причитаний различной структуры, сопровождающих обряд, в сочетании с основной свадебной песней — с комплектом песенных сюжетов, объединенных ведущим напевом.

Калужская обл., с. **Бутчино**

Основные эпизоды и ритуалы: сватовство, запой (просватанье), шитье даров и предсвадебные вечеринки, испечение невестиной матерью каравая утром перед сговорами, двухчастные сговоры — девишник и приход жениховой стороны с торгом ("за косу", елочку, стол), дарами родственникам жениха и величанием присутствующих, утреннее венчание с раздельным приездом жениха и невесты из своих домов и отъездом от церкви вместе в дом невесты, увивание и свадебное гулянье в доме невесты, переезд с караваем в дом жениха, брачная ночь, бужение новобрачных крестной, испечение блинов, "поиски телки" ряженными, приглашение зятем тещи и послебрачное гулянье обеих сторон у новобрачных с водолитием на улице, "отгуливание" у тещи.

Свадебные чины и должности: от жениха — сваты (его крестные), дружок, подженишник, поезжане; от невесты — крестная, подневестница (подруга) и др.

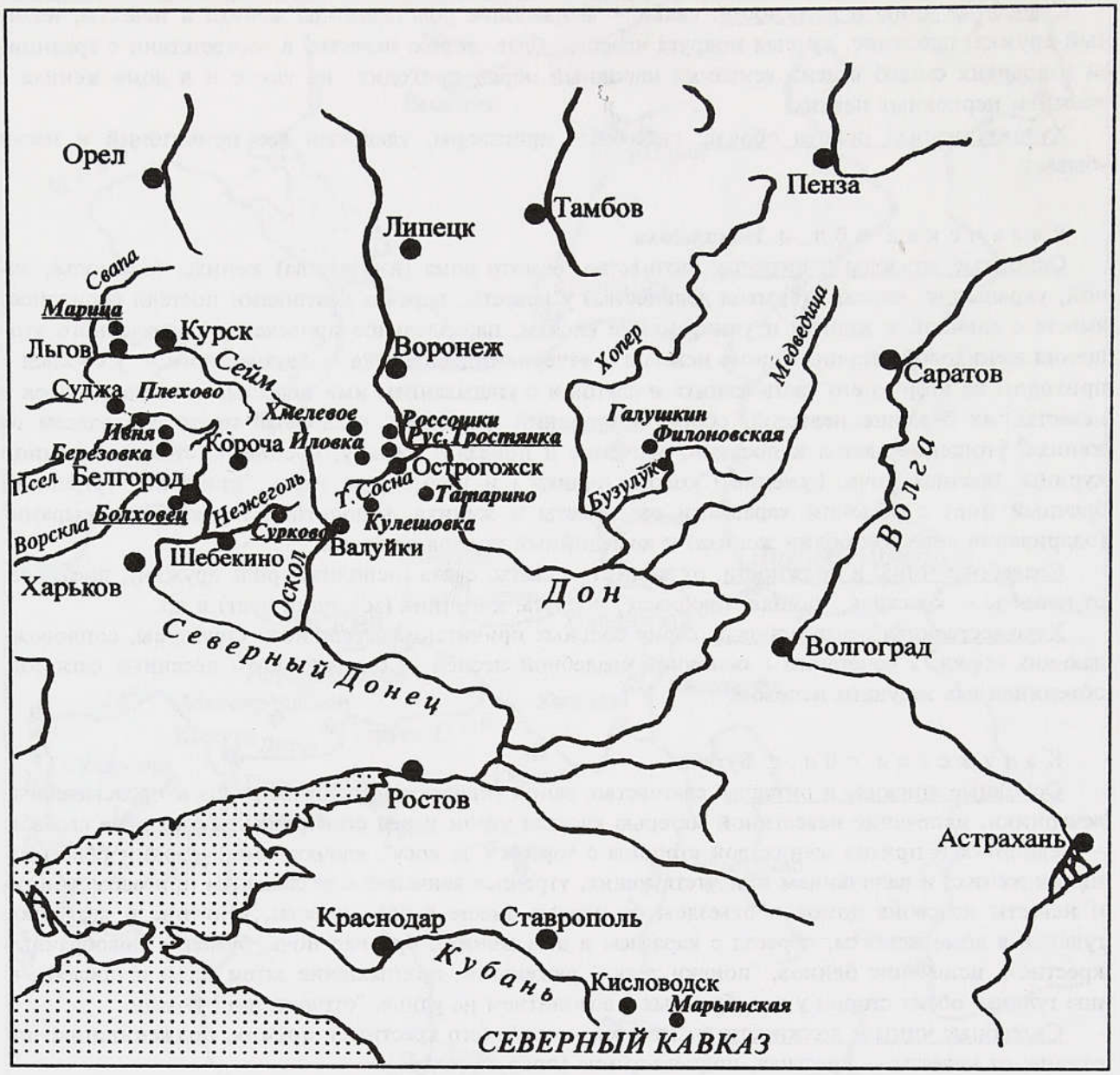
Художественная основа обряда: песенная свадебная лирика.

Курская обл., с. **Марица**

Основные эпизоды и ритуалы: сватовство, запой и своды, осмотр имущества ("глядят печку") жениха, договор, шитье даров, вечерки, досвадебное венчание с раздельным приходом жениха и невесты и уходом по своим домам, перевоз сундука (приданого) в дом жениха; первый день — сбор девушек, изготовление и украшение каравая и елочки, приход "свадьбы" (прибытие поезда) за невестой, торги, увивание молодой, свадебный обед в доме невесты, катание на свадебном поезде и приезд к новобрачному, раскрывание невесты, ночной свадебный обед (без новобрачных), брачная ночь; второй день — бужение свекровью, приход ряженых, водолитие на улице, обед в доме жениха с одариванием родни и разрезанием каравая, обед у тещи; с третьего-четвертого дня — отгуливание "по дворах" у всех присутствовавших на свадьбе.

Свадебные чины и должности: от жениха — дружко, подружье, сваты-бояре, старшая сваха (тетка или сестра), поезжане; от невесты — вечерние свахи, ранняя сваха, игрицы-дружки (девушки), в их числе одна-две старшие, светелка (младшая сестра).

Художественная основа обряда: серия песен, сопровождающих обрядовые действия и регламентирующих эмоциональные состояния участников обряда.



Воронежская обл., с. **Русская Тростянка**[1]

Основные эпизоды и ритуалы: сватовство, сговор, пропой и своды, девишник с испечением каравая, ночевка подруг у невесты, их бужение невестой, досвадебное венчание с раздельным приходом жениха и невесты и уходом по своим домам, сборы, свадебный поезд, повивание и свадебный обед в доме невесты, переезд в дом жениха, встреча и свадебный обед у него, брачная ночь, *бужение* дружком и приход ряженых на второй день, перевоз невестиного "сундука" и дарение родни жениха, обед у новобрачных с тушением огня и водолитием в хате, "яичница" — гостевание у тещи спустя несколько дней.

Свадебные чины и должности: от жениха — дружко, подружье, свашка, бояре, повозники и поезжане; от невесты — дядька, свашка, посол (подруга), младший брат или сестренка, рубашники; обязательно участие в свадьбе колдуна.

Художественная основа обряда: серия песен, сопровождающих обрядовые действия и регламентирующих эмоциональные состояния, в сочетании с голошением (сольное причитание).

---

[1] Рассказ о свадебном обряде не приводится.

Белгородская обл., с. **Болховец**

Основные эпизоды и ритуалы: сватовство, разглядины ("поместье смотреть") и договор у жениха; запой с троекратным угадыванием невесты (выход старухи, девочки, самой невесты) и обедом за счет жениховой стороны с раздачей каравая присутствующим; двухчастный девишник в субботу с приездом жениха, сводами, дарами невестиной стороне и ответным круговым величанием гостей; ночевка подруг у невесты; в воскресенье — бужение, приход невестиных дядьки и свахи в дом жениха с приглашением ехать за невестой, выкупы ворот, дверей, стола, места для невесты, смотренье, застолье с величанием гостей, благословение и проводы со двора, венчание, одновременно с этим перевозка постели крестными невесты и жениха; благословение новобрачных родителями жениха и связывание холстом, дары жениховой стороне, застолье с величанием гостей, хождение на колодец, брачная ночь с проверкой честности невесты; комические поиски молодой утром; на следующее воскресенье — комическая "баня"-обкатка молодых, еще неделю спустя у родителей новобрачной "тещу в лапти обувают".

Свадебные чины и должности: от жениха — дружк*о*, подружье, повивальная сваха, бояре-поезжане, подводчик (возница); от невесты — сахарная (она же сходатая) сваха, дядька, ребенок-брат или сестра-сторож места для невесты, игрицы-подруги.

Художественная основа обряда: песенная свадебная лирика.

Белгородская обл., с. **Сурково**

Основные эпизоды и ритуалы: сватовство, двухчастные пропиванки (ритуал просватанья и раздельное застолье старших и в соседнем доме — молодежи), договор, шитье даров, вечер у невесты; утренние сборы и потчевание девушек невестой, доставка родственниками невесты свадебного костюма и курицы жениху ("курицу продают"), накрывание невесты и одновременно проводимые девишник у невесты и гулянье парней у жениха, благословение жениха его родителями, свадебный поезд, выкупы пути для проезда, ворот, стола ("святые продают"), "косы" и (уже в соседнем помещении) постели; угадывание невесты, гостевание-угощение сватов и поезжан, благословение родителями невесты и проводы молодых к венчанию, приезд от церкви и благословение новобрачных родителями жениха в воротах, одновременный с этим перевоз сундука (постель, приданое, дары) старшими родственниками невесты, повивание, переодевание новобрачных, целованки с раздачей каравая и одариванием новобрачных, брачная ночь; проверка честности и испытания новобрачной на второй день (подметание, ношение воды), визит ее родственников ("приносят снедать невесте"), гостевание у тещи, в последующие дни новобрачные "свадьбу оттостивают" по родне.

Свадебные чины и должности: от жениха — сват и сваха (крестные родители), сват- сходатай, дружк*о* (иногда два), полудружье, бояря-поезжане, повозники (молодежь), "святная" сестра; от невесты — дядька (крестный), сваха (крестная), брат-продавец "косы", любимая подруга-продавец "святых", игрицы-подруги; обязательно участие в свадьбе колдуна.

Художественная основа обряда: серия песен, сопровождающих обрядовые действия.

Волгоградская обл., х-р **Галушкин**[1]

Основные эпизоды и ритуалы: сватовство, засватыванье с богомольем и ритуальным питьем, договор, женихово "поместье глядят", девишник каждое воскресенье после засватанья; на неделе до свадьбы накрывание невесты, обкричивание 12 зорь на дворе (по шесть утренних и вечерних) и посиделки с шитьем убора невесте; в субботу двухчастная вечеринка с приходом сватов, сводами жениха с невестой, их обыгрыванием, дарением "на каравай" и танцами, каравай тем временем готовят в доме жениха; ночевка близких подруг у невесты; в воскресенье — ритуал бужения, сборы, утренний посад, благословение невесты родителями, свадебный поезд, выкуп места для жениха, свадебный "стол" и гульба в доме невесты, венчание, встреча от венца и благословение жениховыми родителями, окручивание новобрачной, красный стол и гульба в доме жениха, брачная ночь; на следующий день — комедийный приход ряженых, раздача каравая присутствующим и одаривание новобрачных, "третий стол", посещение новобрачными тещи, а в последующие четыре-пять дней — близких родственников, гулявших на свадьбе.

---

[1] Рассказ о свадебном обряде не приводится.

Свадебные чины и должности: от жениха — сваты (родители и крестные), большой боярин (крестный), дружко, подружье, поезжане, подводчик, молодая супружеская пара (из родственников), с караваями в руках встречающая новобрачных в воротах после венчания, нанимаемые свекровью музыканты (скрипки, цимбалы, гармонь); от невесты — дядька, свашка, меньший брат или сестренка, подруга-посыльная, кричальницы-подруги и др.

Художественная основа обряда: распевное групповое причитание (сторона невесты), противопоставленное серии коротких свадебных приговоров и инструментальной музыке (сторона жениха).

Ставропольский край, ст-ца **Марьинская**[1]

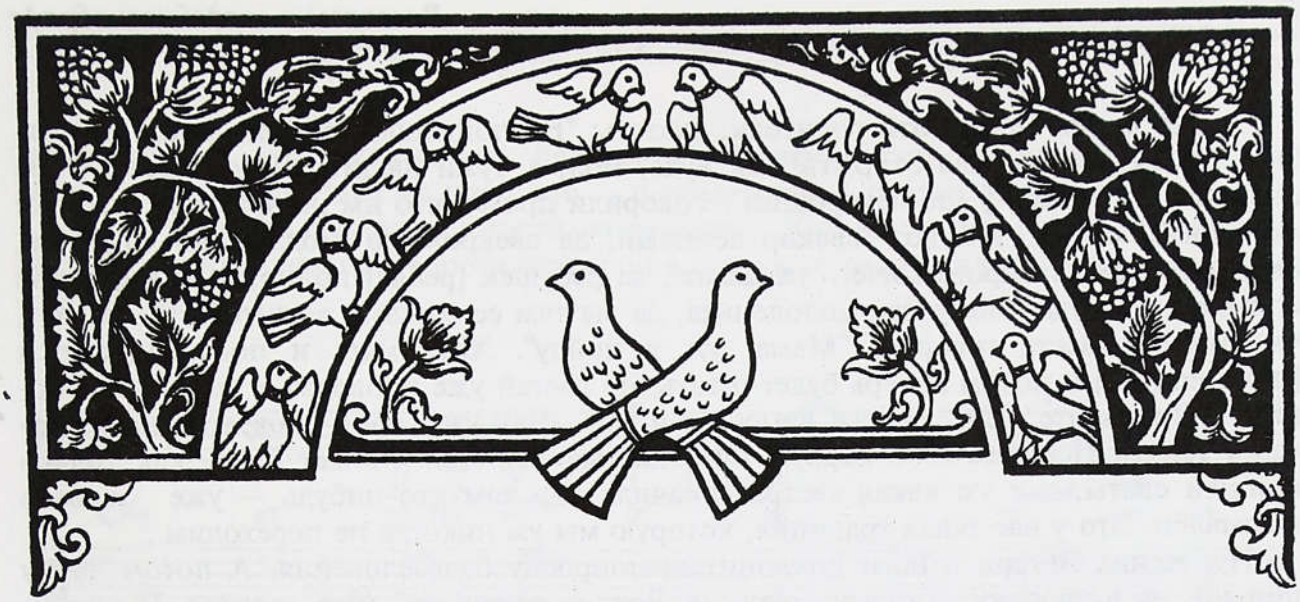
Основные эпизоды и ритуалы: сватовство, своды и договор, вечеринки после сводов, на неделе до свадьбы посиделки с шитьем убора невесте и приходами парней; накануне свадьбы в пятницу доставка подругами от невесты свадебной рубахи и носков жениху, а невесте от него — мазанного медом каравая и бутыли красного вина, оборона в пути от парней, если они отнимут каравай, тогда "сковороду пускают по буграм"; в субботу — доставка подругами от будущей свекрови мыла для ритуальной бани, накрывание невесты, девичья баня, расставание с красотой (беспрерывное многократное расплетание и заплетание невестиной косы матерью) и прощальная вечеринка, ночевка подруг у невесты; в воскресенье — бужение матерью, перевоз родственницами жениха брачной постели, сборы, посад, свадебный поезд, выкупы дверей, невесты и места, обыгрывание и потчевание гостей, гульба в доме невесты, проводы молодых и переезд к новобрачному, где тоже потчуют гостей и гуляют, брачная ночь; в понедельник — комедийные испытания новобрачной, "позывание к караваю", послесвадебный "сыр-каравай" с одариванием новобрачных, гостевание у тещи, в последующие дни "гульба по родне", спустя несколько дней у новобрачных битье горшков с "заплясыванием свадьбы" и комедийная свадьба-пародия (дружка "женят" на какой-нибудь старухе или на свашке и укладывают их "спать" в конюшне).

Свадебные чины и должности: от жениха — сваты (родители и крестные), дружок, полудружье, свашка, подушечницы и постельники, большие бояре, поезжане-парни, извозчик, стряпуха, наемные музыканты (в том числе играющие на зурне и в бубен); от невесты — дядька, свашка, младший брат- сторож, продавец и провожатый, доверенная (любимая) подружка, девушки-рубашницы и др.

Художественная основа обряда: короткими песнями сопровождаются конкретные обрядовые действия, долгими же песнями отмечаются те или иные этапы обряда, последовательно сменяющие друг друга.

[1] Рассказ о свадебном обряде не приводится.

Рассказы о свадебном обряде



СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В СЕЛЕ СУМСКИЙ ПОСАД БЕЛОМОРСКОГО РАЙОНА КАРЕЛИИ

"Таисия Ивановна пользуется в Сумском Посаде известностью и уважением, к которым примешивается и некоторая боязнь, а иногда и недовольство ее властным характером. Она — натура яркая, сильная, незаурядная, несколько деспотическая... Ее поистине неистощимая память и образный язык сразу берут в плен... "Я сказки не люблю, ими не интересуюсь. Что мне сказки, когда жизнь каждой сумпосадской фамилии [семьи] поинтереснее всяких сказок, и столько существует разных историй и случаев...". Примерно так говорила нам неоднократно Т.И. Махилева. И действительно, в ее устах жизненная история звучит удивительно захватывающе, интересно. Да и сама жизнь Таисии Ивановны была наполнена необычными, драматическими событиями. Она выросла в строгой поморской семье... но Таисия Ивановна сумела выйти из-под влияния семьи и слыла в деревне "передовой". Вместе с тем она до мельчайших деталей знает и любит старинный деревенский быт, обычаи, приметы... Ее интереса и любви к родному творчеству не могла сломить и каторга (в 1937 г. Таисия Ивановна была осуждена за якобы принадлежность к троцкистско-зиновьевскому блоку и десять лет провела в лагерях Пермской области)".

Из тетради Н.И. Савушкиной, ФЭ МГУ 07 : 2651-2654.

Приходили у нас сваты **сватать**. Если жених надеется, что девушка за него пойдет, то берет крестного своего, какого-нибудь близкого пожилого человека и идет сватать. Если не надеется, что девушка пойдет за него (когда гулял, дак он уже примыслит ведь), то он посылает сватовей отдельно, без себя.

Но все равно все сватовья, хоть с женихом, хоть без жениха, когда заходили в избу, молились Богу. Были образа, горела лампадка обычно в доме, потому что тогда был такой у нас в Поморье закон. Первое, что — старообрядцы. И потом, второе, чтоб уж собака не имела права в дома заходить, поэтому лампадка горела всегда. Еще у нас по традиции был в каждом доме воронец с медной посудой, и когда сваты приходили, то до воронца они немного не доходили и объясняли: "У вас есть девица, а у нас есть жених"... Даже когда оне знакомы, то жених, если он здесь, стоит и ничего не говорит, а говорит только крестный. Сваты стоят, сесть права не имеют, пока их не пригласят. Продолжают: "Оне, кажется, и любят друг друга, и девушка нам нравится. Дак вот, что вы, родители, скажете?"

А оне имеют право, эти родители, сказать: "Не пойдешь! Девушка у нас молода, она еще не успела глаз открыть, дак куда, мол, в чужи люди?.. Да свекрова у вас сварлива, да свекор у вас нехороший". Говорили прямо, что им не нравится в жизни жениховой семьи: там вот "свекор ленивый, да свекрова за ягодами не ходит да, одним словом, свекрова ничего не делат[1], да ребушёк [ребят] полно, да у вас семья больша... Да куда, она у нас молоденька, да вы там ее живьем заедите!" Ну, бывает, что тогда невеста говорит: "Мама, уж я пойду". Хоть мать и поскрыщивается [поморщится] и потом дочерь будет ругать, но гостей уже проводят в переднюю горницу: "Проходите". Тут, значит, вино, тут и чай... Чай уж у нас — обязательно, самовар у нас, в Поморье — в первую очередь выставляется. Может быть, как только пришли сваты, дак уж какая сестра вскочила или там кто-нибудь — уже самовар наставлён. Это у нас такая традиция, которую мы уж никогда не переходим...

Ну, жених матери в ноги поклонится, попросит благословения. А потом чайку попьют, ну и чарочку каждому поднесут. Вот, отец садится, мать садится. И обсуждают: раз свадьба, то на какое время? Обычно родители невесты стараются отложить свадьбу подальше (к Пасхе, например). Тогда крестный жениха (для того пожилой и берется, крестный его) настаивает на том, чтобы "на свадебницу" [до масленицы] назначали свадьбу. Сватовство занимало час-два, иногда и три, уж сколько мужики пропьют вина, но это уже ихнее дело. Песен тут не пели. Главное, когда напьются вина, уйдут — но назначено, когда будет свадьба.

Теперь начинается *шитник*. Девушки приходят к невесте, сидят у нее, шьют — готовят *сдарьё* [дары]. Поют песню "Из-за лесу, лесу темного", чтобы невесту росклевить.

Подходит, значит, время... Скажем, венец назначают на воскресенье, значит, в четверг — **вечерина**. Жених приезжает с крестным — на свадьбе он "тысяцким" называется, он у жениха свадьбу устраивает. Тысяцкой — якобы он платит тысячу, и за него платили тысячу. Он в красной рубахе, у него через плечо подвязан хороший утиральник (а в последнее время тысяцкие были без полотенцев. Хоть я уже и старинный человек и старинну свадьбу видала, но этого уже не было). Он — немолодой уж человек, у него есть жена, молодого не ставили тысяцким. Потому что свадьбу вести тысяцкому — много работы.

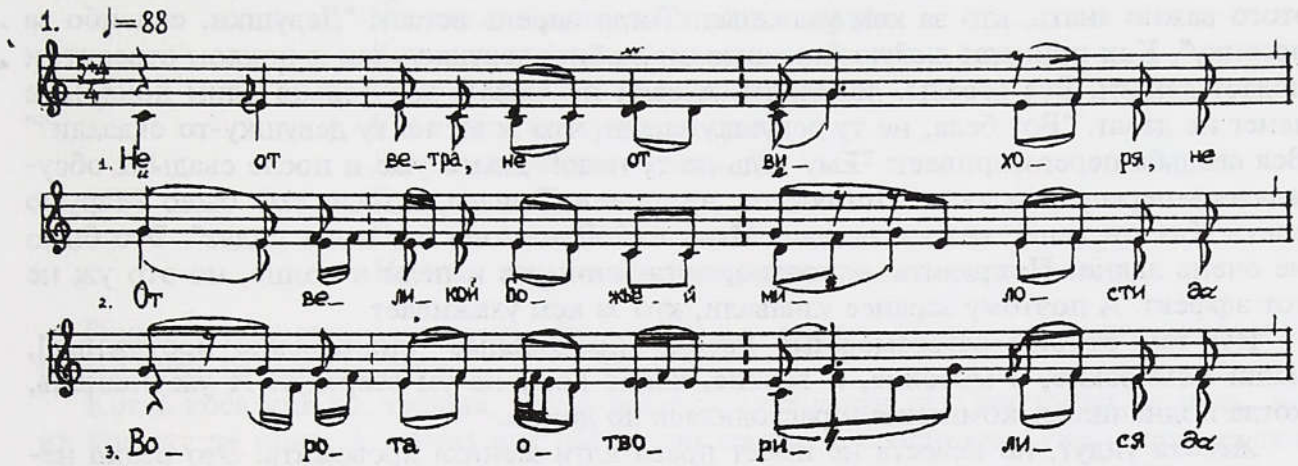
Вот, приходят этот самой тысяцкой и *женихи* с дружком. Дружка — это человек с фонарем (у нас были трехгранные фонари, внутри горела свеча). Прилеплена хорошая розовая ленточка ему на бок. Он как бы на посылках, во всем помогал вести свадьбу: что принести да подать, что где сбегать узнать, кого куда усадить и так далее. *Женихи* — это женихова родня. Хоть вся, не вся, но большинство — молодежь и друзья-парни. Только отец с матерью его, жениха, "на колечко" и на вечерину не приходят. А остальные идут сродники. Как невестина родня может угостить, от этого зависело, сколько их придет. Но все равно зовут всех.

Невеста их не встречает. Ее не сразу, а только потом просят к гостям выйти. Когда приходили на вечерину, то женихову родню садили "повыше" или "пониже" (ближе к невесте, либо дальше от нее) в особом порядке, каждому месту — чин родни. Какая родня? Сначала братья, сестры, тетки, дядья, потом двоюродные, троюродные и так доходило до подруг. Если, скажем, я — подруга, чужая девушка, так я уж не имею права рядом сесть к молодым. А подруги невестины должны угостить женихову родню, гостей этих свадебных. Они и угощали как можно лучше, старались угодить, потому что их потом, придет черед, самих будут угощать. Если оне на вечерине плохо угощали, дак уж потом будет им как-то плоховато. В общем, на хорошо место уж не садись, там где-нибудь, как-нибудь. На почетном месте сидит

[1] Здесь и далее краткая форма окончания: дела(е)т, распуска(е)т, причита(е)т, открыва(е)т, лома(е)т.

только *честна* — жениха сестра. Если есть у жениха сестра, то она останется и на ночь. Остаются девушки на ночь, это — потом, когда проходит вечерина.

Часов в девять собирались гости на вечерину. Как приходят, сначала их величают, потому что, значит, "ворота открылися, широки*е* распустилися" (*поет вместе со своей подругой*):



Не от ветра, не от вихоря, не
От великой Божьей милости *да*
Ворот*а* отворилися *да*,
Широки отворилися *да*
Женихи-то наехали. *Да*
Не слыхала Галина-душа *да*,
Не слыхала Ивановна *да*,
Ай когда ей сосватали *да*,
Ай когда запоручили *да* —
Лишь и столько услышала *да*,
Лишь и столько увидела...[1].

Сравните: № 197 на этот же напев. Варианты № 198—200.

Проходят *женихи*, садятся все гости, и девушку проводят туда, она садится рядом, возле жениха...

Потом угощение, чай да вино. Ну и поют песни. Сватовьям — "Испосели всю горницу" (№ 197), а потом жениху с невестой (*поет*, напев соответствует № 428):

По сеням было сенечкам *да*,
По част*ы*м переходинкам *да*,
Там ходила й да гуляла *да*
Душа красная девица *да*
Что ль Галина Ивановна *да*.
На подносике нос*и*ла *да*
Два платочка узорчатые *да*,
Два стакана позолоченные...
Уж он пьет-упиваетсе,
Своёй невестой похваляется *да*:
"У меня Галина умная *да*,
Ай Ивановна разумная.
У ней походочка павиная *да*,
Тиха речь лебединая,
Очи ясного сокола *да*,
Брови черного соболя" *ох*,
Поздравляем Вас, Василий молодец, *да*,
Поздравляем, Николаёвич *да*,
Со своёю нареченною *да*
Со Галиной Ивановной!

Сравните: № 418.

Тысяцкой и дружка все это время угощают, дружка заставляет пить, тысяцкой всегда встает, говорит: "Кушайте, гостьюшки, пожалуйста! Давайте выпьем!" Туг, значит, гости сидят, пьют, потом — промежуток, а в углу, где собравши люди — девушки да праздный, смотрящий да "шатающий" народ — оне и поют песни. Вот запевают песню тысяцкому и его жене: "Судном по морю, Иван да Степанович" (*поют вдвоем*, № 423). С окончанием величания тысяцкой встает, отлагает большущий поклон и подает на подносе этим поющим деньги.

[1] По свидетельству собирателя, продолжение песни не помнит.

Так свадьба идет, жених с невестой разговаривают, любезничают, но поцелуев нету, их на вечерине не должно быть, потому что первый раз целуют, когда венчаются. Тысяцкой еще больше угощает гостей, и девушки чай-вино подносят. Залпом пир идет.

И тут начинают каждому парню, каждому молодому человеку, который здесь находится, припевать его девушку (*поет* "Он сворачивал с дороженьки", № 428). Для этого важно знать, кто за кем ухаживал. Тогда парень встает: "Девушки, спасибо за песенку". Как припели л*ю*бую (которую он любит) девушку, дак и поклон отвесит, и подает деньги. Все весёлы, довольны. А если не любая, дак только один поклон, а денег не дават. "Вот беда, не ту девушку спели, что ж вы не ту девушку-то сказали?" Вся свадьба переговаривает: "Ему ведь не ту надо!" Долго уже и после свадьбы обсуждалось-пересуживалось: "Поглядите, ну, спели Таис*е*ю, а надо ему было Марусю спеть. Так он денег за то и не дал. Мало им? Пусть оне без денег сидят". Это было не очень ладно. Поправить — поздно, хотя иной раз и пели в конце, но это уж не тот эффект. А поэтому заранее узнавали, кто за кем ухаживает.

Ну, там отпоют всевозможные песни, "продольные" [лирические протяжные], наши поморские, и морские, и всякие, какие кому на ум взбредут. И уж полночь, когда поднапилась компания и расходилась по домам.

Женихи уйдут, но невеста не имеет права идти жениха провожать. Это редк*а* невеста, котора провожает его до сеней. Это потом уж, в последнее время, до крыльца провожать стали. А в старинно время невеста оставалась сидеть за столом. Если до сеней которая и проводит, то отец выходит вслед и смотрит, не поцелует ли ее жених. Если видит, что жених целует, то подходит и говорит: "Стоп! Когда к венцу сводишь, тогда она твоя, тогда целуй как угодно, а сейчас воля моя, я — родитель". И невесту уводит с крыльца домой.

Если отца или матери нет у невесты, то после вечеринки она шла "искать" их со свечкой. Ходила за печку, в коридор... Причитала (*здесь и далее проговаривает без напева*):

Где мой родный да родимый? *Да*
Не провожает меня на путь-дороженьку,
В свою семейную жизнь путь да дороженьку *да*
Не провожает да не сподобляет. *Да*
Я бедна сирота, да нет у меня братцев,
братцы мои в море. *Да*
Одна родная маменька меня справляет *да,*
Спровожает да благословляет.

Тогда оставались спать с невестой девушки и с ними обязательно сестра жениха. Если родной сестры нету, то какая-нибудь двоюродняя, а если были две-три сестры-девушки, то все оставались спать. Спали кто на полу, кто где.

Утром невесту будит мама со сна, расплетает ей косу и со слезами причитает:

Уж встань-ко да проснись,
Уж мила млада косата голубушка,
Уж мило сердечно рожёное дитятко!
Уж не та тебе дороженька,
Уж ты вчера запоручена *да*,
Ты у меня вчера отдана *да*,
Ты у меня уйдешь в чужимногие
добрые людюшки.
Уж как будет, будет и ждать все да хорошу *да*
Уж эта злодейка неволя великая. *Дак*

Зацветут цветочки лазоревы *да*,
Запоет вольная пташечка, *дак*
Уж я тебя буду дожидать да смотреть,
Уж с какой ты весточкой?
Уж не угрубила ли тебя свекрова-матушка?
Не забранил ли тебя свекор-батюшко?
Уж как пойдешь по этой жизни *да*,
Как зародятся твои маленьки деточки, *дак*
Уж я буду ждать да дожидать тебя,
Уж я буду не чугун ли греть,
Да я буду самовар греть. *Да*
Буду ли платья стирать,
Буду ли чаю пить да в окно глядеть:
Не идет ли мое мило сердечно рожёное дитятко?

Причеть трудная! Мать распускат косу, и все плачут. Потом, на другое утро, и на третье тоже невесту будили.

Когда коса уже распущена, тут кушают да едят девушки. Они взяты на ночь, дак их кормят да поят. А потом оне поедут **по гостям** к сродникам, уже, скажем, дядя пригласил, крестный, крёстна пригласила. И вот на лошадях, если одной мало, дак на двух, а то и на трех. Девки сидят в санях, и невеста у них на руках... А девушка-сирота ехала на могилу к родителям и там причитала.

Вот подъезжают, скажем, к дому к дяде. Выходит тетка и причитает:

Что уж не по-старому да не по-прежнему
Уж млада косата голубушка *да*
Дорога наша племянница *уж*,
Что не по-старому да не по-прежнему
Уж привела много гостей да много подружек?
Уж видно, тебе путь да дороженька? *Да*
Видно, ты что задумала? *Да*
Уж скажи-ко ты да поведай *уж*.

Она приглаша(е)т всех:

Уж проходите-ко на широкий двор,
Да садитесь на широку лавку,
На широку лавку *да* за широкий стол,
Уж я буду вас угощать да предлагать...

К крестной подъедешь, она тоже причита(е)т:

Уж проходите во высокий дом *да*,
Проходите во большо крыльцо *да*,
Проходите в светлу горницу.
Что-то ты тут не по-старому да не по-прежнему
Подошла ко мне да подъехала?
Все раньше придешь одинешенька,
А теперь приехала
С милыми косатыми голубушками *да*
С милыми советными подруженьками. *Да*
Что у тебя случилось, что сочинилось?
Уж ты разве что-нибудь задумала? *Да*
Видно, нашла себе милого ясного сокола?

Вот так своих гостей все встречают. Невеста с девушками каждой хозяйке отплакивает. Пока домой приедешь, уж досыта наплачешьсе. Дома у невесты девушек опять накормят, вроде обеда. Это все повторяется три дня.

Потом гости приходят на **колечко** к невесте. Жених дарит ей дары: золотое кольцо, "тальянский" плат (как в Италию ходили, назвали: не итальянский, а *тальянский* плат). А у кого и шелковый есть. Девушка ему дарит тоже платок шелковый, когда он пойдет потом к венцу, дак этот платок полагает за борт, у него всегда всю свадьбу платок за бортом. Она одаривает тетку жениха, его сродников. Женщины сюда приходят и звеличают жениха[1]:

Виноградье да краснозеленое,
Середи Москвы да стояла церковь соборная,
Виноградье да краснозеленое,
В этой ли церкви добрый молодец Богу молится,
Виноградье краснозеленое,
В три ряда русы кудерки развивалися,
Виноградье да краснозеленое,
На Москвы купцы-бояре сдивовалися,
Виноградье да краснозеленое:
"Что за молодец в церкви Богу молится?[2]
Не красно ли солнышко его спородило?
Не ясный ли месяц его воскормил-вспоил?
Да не ясны ли звезды его воспеленывали?"
Тут ответ держал добрый молодец:
"Родило меня красно солнышко — родитель матушка,
Родитель матушка Анна Васильевна.
Воспоил-воскормил меня месяц — родитель батюшка,
Родитель батюшка Иван Степанович.
Воспеленывала меня сестрица родимая,
Сестрица родимая Прасковья Ивановна".

Сравните: № 354, 372.

За виноградье жених платит деньги. Опять чайку пьют, и жених просит у ее матери невесту на лошадях покатать. До вечера гуляют они.

В воскресенье, уже перед венцом, после обеда приходят приставницы, женщины приносят подарки. Раньше носили пироги, ситцу на сарафан. Может, даже и совсем маленький отрез, четвереть ситцу, и то, если кто хорошо с соседями жил, дак она, бывало, девушка и скажет: "Ладно, ладно, спасибо, Таисия Ивановна, принесла водички, дак я уж тебе, как замуж запоходишь, так принесу на фартук ситцу", а другая скажет: "Хорошо, хорошо, Ивановна, принесла да пособила, дак уж я тебе к новоселью на повойник ситцу принесу в четвереть".

Есть уже специальна *подголосница* — женщина, котора всегда ходит помогает, всем знает, что причитать. У нас таких специальных свах-от не было, а вот эти самые подголосницы и назывались свахами, они тут уже полностью распоряжаются. Невеста со всего уже и так на слезах ходила, она переносила такую причеть трудную, а тут ей еще предстоит! Поэтому всегда подголосницы невесте помогали. И вот, кто идет с *подносом* (с подношением), всем подголосница причитает. Но перво-наперво она причитает отцу да матери:

---

[1] Песня записана без использования магнитофона отдельно от рассказа.

[2] Припев далее повторяется после каждого стиха.

Уж челом да спасибо, родитель батюшко,
Уж родитель мой, красное солнышко,
Уж челом да спасибо, [родительница матушка,] *что*
Воспитали, да накормили, да напоили *да*
Возложили покруты-покрасы великие.
Вы скажите мне *да* расскажите мне,
Уж родитель батюшко да родительница матушка,
Уж и чем я вам надоела и напрокучила?
Уж разве, видно, большими гулянками? *Дак*
Уж зачем вы меня отдаваете *да*
Ко чужому ясному соколу *да*
Во чужую семеюшку великую?

Тут, кто на чужу сторону идет, тому больше причеть. И вси что сродники подходят, всем должна эта причитальщица выпричитывать: "Спасибо за дары да за подарочки".

Потом невеста подруге отдает свою косыночку вместе с лентой. У невесты коса уже распущена, и косыночка уж не бантиком завязана, а со стороны спины зашпилена:

Уж милая косата голубушка *да*,
Уж мила советна подруженька,
Уж возьми ты мою волюшку вольную,
Уж положи ты ее на головушку,
Уж береги ты эту мою волюшку вольную.
Уж как спать повалишься —
положи под подушечку,
А угром встанешь — положи на головушку.
Уж сохрани ты мою эту ж волюшку вольную.
Уж я маленько в ней красовалася,
Уж хоть бы мне до двадцати годов,
А ведь вот уж я покидаю семнадцати.
Уж береги ты ей, все дак носи-красуйся!

Очень тут большие слезы под эту причеть. Невеста снимает косыночку и полагает той девушке на голову. Конечно, они, обнямши друг друга, плачут сильно, и все люди плачут, потому что трогательно.

Вы ведь теперь замуж пойдете, дак у вас у всех хлеб за плечами. А у нас не было хлеба. Если мы ценны, да умеем чего делать, умеем косить, да сельди ловить, да навади ловить, да можем по лугу пешать, да аршинный лед зимой долбить, дак нас и замуж возьмут скоро и в замужье будут уважать. А как если мы маленько не доросли или маленько у нас плечи узеньки, либо руки у нас не развиты, так ведь и мужу плохо, и родные не любят. Надо много чего уметь. Раньше была такая пословица: "Замуж идешь — неси ящик ума, а вагон силы".

Так что вам теперь полдела. У вас — все хорошее, у вас за плечами хлебушко родители дали, вы все выучены, а мы ведь неучены были. Мы надеялись на то, что мы построим, что мы сделаем физически с тем мужем, к которому я иду. У нас только то и было. Вот, воспитывали детей, и по десятку рожали, и по восемнадцать рожали. И детей надо было воспитать, и все надо было сделать, все поспеть. Так что, когда замуж шли, дак знали, что там не дожидает ни мед, ни сахар, а там слезушки только.

Поплачешь там, где люди не видят. Свекрова по-своему учит, а свекор по-своему учит, а деверья еще научат, а муж... Скажем, с мужем иногда повалятся да поспят, а иногда ночью всякое переговорят. А уходить ведь до сего — не уходили, а все было другое. И по тридцать человек в одном доме жили, и по тридцать два человека жили

в одном доме. Вот у Митроховых было тридцать два человека, семь зыбок в избе висело, а хозяйничала одна старуха мать. Дак вообразите, была ли там дисциплина или нет? Конечно, была дисциплина, жили очень хорошо. Вот какой коллектив! А теперь мы не умеем так жить. Было так: мы шли замуж, и родители, матеря заранее подготавливали человека к жизни[1]...

Ну вот, крестная и девушки начинают невесту одевать к венцу. Дружка здесь самую громадную роль играет: он сходит и к попу — как там, да что, в какие часы венец будет, он сходит и к родителям невестиным, к жениховым. Придет к девушкам: в такие-то часы пусть невеста будет готова.

Невесту ведет крестна **под венец**. Ее ведут закрыту большим платком, шалью (у нас были репсовые или шелковые большие шали, поморские). По праву жених со своим крестным должен прийти первым, чтобы на круг стать. В церкви были обрисованы специальные круги, где мимо уже не встанешь. На круг становится жених, стоит крестный с ним, и хоть полчаса, хоть два часа невеста не приди, он все равно должен подождать. Обычно не очень долго, а все-таки на полчасика невеста задерживалась.

Когда народ-публика собирались (шатающих-то людей ведь хватает, им посмотреть-то надо на что-нибудь), приводили невесту. В церкви был такой пристрой, комнатка, в ней крестна невесту раздевала, а шалью опять закрывала. Хоть невеста под этим платком что видит ли, не видит, но ее приведет крестна, все-таки она становится бок о бок жениха. Жених ее не открыват, а уж потом открыват крестна, когда видит, что уже и поп наготове, и хор. Поп подходит к нему и к ей, спрашивает: "По доброй ли воле идешь?" Тут крестна невесте открыла лицо — жених с невестой переулыбнутся. Но скромность, этикет, красоту и величие должен человек сохранить при этом времени: во-первых, много божества, во-вторых, полная церковь народу.

А еще раньше говорили, что, если девушка хороша — "настояща девушка", то будет сидеть ангел на плечи у этой девушки, и если жених никаку женщину никогда не видал, то у него тоже сидит ангел на плечи. Ну, а если уж не такие, "не настоящие", дак ангела не будет. Вот так. Нас воспитывали, чтобы мы к венцу пришли по-настоящему. Это своего рода было воспитание. Дожидались: как будет ангел сидеть на плечи? И я, конечно, в детстве ходила смотреть эти венцы и все ждала, что будет ангел сидеть, но никогда ни одного ангела не видела. Не знаю, потому ли, что это не положено мне видеть? Потому ли, что это бывала нам агитация? (Я-то понимаю, что это была агитация.) Но когда вот "не таких" приведут к венцу, то старухи говорили: "Дак ладно, ангел сидеть-то на плечи не будет у этих молодых". Значит, понятно: эти молоды *ы* не стоят венца.

Потом меняются кольцами, поп надевает ему и ей (есть уж обручальны кольца). "Желаете ли вы жениться?" — похоже, как сейчас, вопрос такой же. И записывают в специальну церковную книгу: кто крестна, кто крестный, какого числа свадьба, сколько ему лет, сколько ей. "Не кума ли, не кум ли?" — "Нет", "Не в родни ли?" — "Нет". Все эти законы спросят. Поп дает жениху и невесте конец своего одеяния, у него, как бы вам сказать, такой широкий кушак, епатрахиль, и ведет их кругом аналоя (это как вроде трибуны, на чем полагается Евангелие). И поют на крылосе (*проговаривает без напева*):

Исайе, ликуй,
Дева име во чреве,
И роди Сына Еммануила,

---

[1]Здесь пропуск в рассказе. По другим сведениям, полученным тоже в с. Сумский Посад, после отдачи воли невеста шла в баню с матерью. Мать "поливала на нее воду со своих локтей и грудей" (см.: *Разумова А.П., Коски Т.А.* Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче). Петрозаводск, 1980. С. 35).

Бога же и человека,
Восток — имя Ему.
Егоже величающе,
Деву ублажаем[1].

Величественно поют, красиво, там уж специальный хор.

Когда обведет три раза кругом аналоя, тогда люди к молодым подходят и поздравляют их. Он первый поздравляет, поп. Потом одеваются в церкви и идут к жениху. Невеста опять закрыта.

Идет первым из церкви дружка, с огнем — с фонарем — ведет молодых. А сзади них идут уж все гости. Когда идут по посаду, то хоть знакомы какие (ну ведь односельчане, так все знакомые) зажигают в окнах свечки. У кого нет свечей, то зажигают лампы, все равно в окна ставят. Сколько на передней улице окон, все должны были заполнены светом быть, что они (односельчане) уважают. Пусть даже они на свадьбе не участвуют, но они уважают молодых и уважения ради горит этот огонь в окнах. Во всем посаде! Вот если вели от церкви в слободу — в кажном доме во всех окнах свет горел. Кто уважает, жгут бочки на реке да всякие керосиновые тряпицы. Потом, когда подводят к дому, тут стреляют. Село большое, дак остальной народ этим всем занимается. Как бы сказать, величают молодых.

А если у кого свечи не горели (будто бы хозяйки "дома не было", а видно, просто чего-то злится), так об этом после переговаривают. И потом сердятся молодых люди, молодых родители особенно. Молоды, может, и не обращают внимания, но их родители: "Вот, вели наших, так нашим вот така-то не зажгла свечей". Уже как будто сердце какое-то получается, вроде невзгода. И люди известны есть, которы следят, у кого были окна без света. Матери уж потом доложат.

А пока молодые еще у венца, то несколько сродниц [жениха], женщин бывалых, едут придано невесты перевозить, их называют *постельницы*. То на двух лошадях, то на одной. Постельниц угощают. Девок напоят иногда и пьяными, а если девушки вино не пьют, только чай, дак угощаются так. Ну эти женщины и девушки, бывало, туда едут с песнями и обратно, из-под постели, с песнями. Так что, пока молодые венчаются, они привозят это приданое, и какая-нибудь близкая женщина стелит постелю молодым.

Ну тут вот и приводят молодых. У жениха в доме кто остались женщины из гостей и знакомых — все в повойниках, в нарядах. Обычно у нас на свадьбу как невеста в наряде, так и все в наших национальных костюмах. Вот они стоят, у всех в подсвешниках медных свечки горят. Там есть уже на карауле люди: "Ведут, ведут!" Все родня, которы молодые, замужни женщины — красивые, в рубашках, во всем нашем национальном костюме, со свечками — стоят в два ряда на той и на другой стороне крыльца и до избы вперед. И вот, все наговаривают: "Просим покорно, Василий Николаевич, Галина Ивановна, уж просим покорно, проходите... Ну проходите, гостьюшки". Звеличают молодых, тысяцкого, его жену, крестну матерь, крестного невесты. Остальным: "Проходите, проходите, не всем поименно, а всем генерально", — еще притвердят. Мать выходит и пшеницей или какой-нибудь крупою бросает и тоже говорит: "Проходите, проходите".

Теперь женщины поют "Из-за лесу, лесу темного". Вот невесту за стол заведут. Малешунько она за столом тут посидит, и ее надо переодеть в одежду женщины. Косыночку пристегнутую снимают и надевают повойник: она уже молодица, принадлежит к женщинам, хоть еще будет целу ночь сидеть с гостями, все равно посту-

---

[1] Тропарь из чинопоследования венчания (Требник, ч. I).

пила уже в чин женщины, уж поп повенчал. "Худой поп повенчал, а хорошему вовек не развенчать", — говорили. Так что крестна уведет ее одеваться, и к гостям она выйдет в наряде женском.

Пока ей волосы причешут, да пока две косы заплетут, да этот повойник наденут — времени проходит часа, может быть, полтора-два. А жених маленько посидит да выйдет из-за стола, все ждет.

Когда молодица готова, когда ее одели, то дружка уже сходил позвал родню невестину. Приходит отец, приводит остальную всю родню. Начинается **приводный**. Молодицу выводят опять закрыту платком. Тогда жениху говорят: "Василий Николаевич, посмотрите, не обменили ли у тебя невесту?" Он открывает платок и целует ее при всех. Потом начинается угощенье. Опять-таки садят гостей всех по величию, кто какого места стоит. Бестолку никто не садился на свадьбах, что пришел, шлеп! — да и ладно. А садились всем свое по чину место. По родству. Теперь уже женихова родня угощает. А тысяцкого и дружка закон быть все время начеку. Смотрят, чтобы напоить всех допьяна.

И уж как подгуляется народ, то песен-то всяких, конечно, поют. Кто поет, кто пьет, кто что делает... Тут остальные гости всё приходят, дарят. Через стол подают подарки, молодые оба кланяются. Ну крестная складывает подарки за спинку куда-нибудь. Кто чем веселится, приводный, как вина много, дак и долго протянется. А как вина поменьше, то часика в два кончается. А у других и до утра.

Потом молоды уходят спать. Ну как хороша невеста, дак там само собой все ладится. А как плохая ("не настояща"), то всякие, видишь, неприятности... Иногда муж высунет ее в сени босиком, волосы распущены, сорочка задрата. Ангел на плече не сидел, нехорошо! Суждения потом, разговоры. Но веселья, конечно, на свадьбе уж мало.

Утром дружка молодых будит: **горшок ломат** (это, я принимаю в расчет, как "все в порядке" да хорошо). Сломат горшок, и потом молоды, худо ли, тихо ли, скоро выйдут. Молодица подметает полы. Потом утром она — это старинна невеста — кланялась свекру и свекровы в ноги, да не то что так, а опустится на колени и прямо с колен, пока уж не поднимут свекор или свекрова. И она дарит подарки: свекровы— на сарафан, свекру — на рубаху, деверю — полотенце, золовкам — на платья. Все честь по чести, все, чтоб хорошо.

Днем молоды с дружкой отправляются на **поздравленье** к теще и тестю. У теши утром уж напечены блины, и вся родня днем приходит с блинами. Ну и смотрят, весёлы ли молоды али нет. Там все плясали, угощались, пировали.

Уж конечно, девушки на поздравленье не ходят, закона такого не было. А на приводный часть приходят, но тоже до сего на приводный девки не ходили. Парни вот холосты — им-то можно, а девушкам нельзя! Потому что мужики "берут смотрена". Если увидят девушку на свадьбе — не на вечерине! — тогда и берут смотрена: целуют. Но ведь нехорошо, что раньше времени целуют. Девки убегают, кричат. Поэтому скромна девушка ни за что не пойдет. Да и родители не спустят на приводный.

На третий вечер еще раз ходят к отцу да к матери **на пепелище**. Уже всей группой идут, причем не молча. Так же ведет дружка свадебный поезд, так же идет с фонарем, как и на свадьбе. Пойдут кругом посада, чтобы дольше идти. И всем свадебным поездом поют песни, всякие протяжные, их очень у нас много.

У отца да у матери "на пепелище" как бы заплясывают старое, чтобы невеста обратно не возвращалась. Пиво, вино, угощенье... Как бы вторая свадьба, опять она длится тоже почти ночь. Гостей угощают. Все люди опять пьянехоньки, в таком в угаре ходят — поют, пляшут, кто что умеет. Там и "шестеркой" ходят, и "Утушкой". "Утушка" да кадриль — это у нас было всегда в первую очередь. И приводные, и вся

свадьба сопровождалась вот такими плясками. Все плясали: и старые, и молодые. "Барыню", "Русского", "Трепака"... Весело было. Расходились не рано, часа в три.

Когда уж надо и расходиться, то у тещи-то и тарелок набьют! Такой гвалт устраивают! Теща выставляет что попало и как можно больше — горшки, посуду, тарелки — все переколотят! Хотя теща и бега(е)т, говорит: "Ой, милы, тарелки чужи! Ой, милы, не бейте вы", — а самой любохонько, что бьют, что дочь-то заслуживает тарелки-то бить. Довольнёшенька!

Так как на приводном и дальше девушки-подруги не участвовали, то на четвертый вечер — **девишник**. Это — у жениха. Молодые, муж с женою, сидят за столами, и тут находится вся молодежь, это считается в последний раз: молодой муж "расстается" со своими друзьями, а она — с девушками. Тут уже исключительно мало пожилых людей, так прямо и называется "девишник". Угощают так же. Песни пели те же. Но на этот раз вечерок больше происходит в танцах.

Ну а потом пойдет обыденна жизнь. Молодых приглашают в гости те, кто был на свадьбе: сегодня к дяде пригласили, там — крестна матушка пригласила, там — тысяцкой. Все заговенье Велико [Великий пост] ходят в гости. Кажный уж день позваны в гости — "на беседу". Скажем, я позвала молодых, ну дак с молодыми еще у меня сродники есть. Днем мужики на лову, это — пять-шесть километров от посада, на губе[1]. Оны приедут уж поздно, в темени — а молодицы нету. Потому что молодица днем уходит с делом (рукодельем) "на беседу" к хозяйке. Кто рубахи шьет, кто сорочки, кто портки, тогда продажного готового белья не было. По восемнадцать-двадцать рубах молодица за время заговенья сошьет на руках, пока на беседы ходила. Днем хозяйка угощает, кто кофеем, кто обычно просто чаем. А вот когда мужики приходят, тогда уже там и вино есть.

Вечером люди смотрят, кто кого любит лучше всех. Молодых ведь у хозяйки в гостях четыре, пять штук соберется, и котору молодицу лучше муж любит, тот скорее придет. Дак уж эти молоды скорехонько после лова все бросают (отцы да матеря приберут), скорее одеваются и — бежать, чтобы люди примечали, что он молодицу свою любит. Быстрешенько прибежит-то, раньше всех к молодице, она его целует. Тут уж старухи смеются: "Вот, Иван Васильевич, видишь, как свою молодую ты любишь". Ну молодица — около его, вроде уж и соскучилась, как день-то его не было. А утром опять он на лов, а молодица — по своему хозяйству.

Веснами мужчины уходили в море на промысел. Тогда мать брала молодицу в гости недели на две-три (на сколько свекор-то, свекрова отпустят), когда и до Петрова дня. А на сенокос уж от своей матери надь вернуться. Потому что ведь хлеб-то есть будешь тут уж? Так и сено тож косить надь да все делать тут.

Осенью мужья возвращались домой. Первые и об Успенье не поспеют, а уж приедут к Ивану Постному (такой есть праздник отсекновения главы Иоанна Предтечи), а к Покрову остальные суда приходят. Летом они ходили на судах в Норвегию, за границу, так что мужей жены подолгу не видали, как и барышни кавалеров. У нас тогда увеселения никакого не было. Если только сплавщики ведут сплав, дак на мосту попляшем под ихню гармонь в бахилах. А своих кавалеров мы не видали лето. Также и молодицы молодых. А уж осенью начиналось все веселье. У нас — вечерки, у молодых — гостьбы.

---

[1] *Сумская губа* — небольшой залив, часть крупной Онежской губы Белого моря.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В ДЕРЕВНЕ ПОДВОЛОЧЬЕ ПЛЕСЕЦКОГО РАЙОНА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

"Мария Ивановна с одиннадцати лет в чужих людях работала, помогала отцу зарабатывать. Училась три недели по ликбезу. "С головой была, сразу всему выучилась, и читать, и писать могу... У нас ведь девку с двенадцати годов хорошо женили уже. Когда вышла замуж, свекровь-то моя в тот же год и померла. У таты было 380 кг хлеба. (У нас это считалось — середняк. Бедняками были самые лентяи, таких у нас мало было.) У моего отца 250 рублей золота было, а он его променял, и денег у нас не стало. Я тогда кольцо обручальное золотое свезла и обменяла на деньги. Вот и стало в одной руке толще, в другой руке тоще. В следующий год был неурожай. Хорошо еще семья была небольшая, а то все бы померли. Я стала солдатам шить фуражки. В доме ведь девки всё остались. А деньги у нас в то время красивые были, областные, с белыми медведями...".

Это настоящая русская женщина, с добрым сердцем, открытой душой, с теплыми мягкими карими глазами. В деревне ее ласково зовут "Лисухой" за ее красивые длинные рыжие волосы и остренькие нос и подбородок. Она и впрямь похожа на лису, вся такая мягкая, сияющая, ласковая. Она больше всех знает песен и сказок, поговорками пересыпана ее речь... Рассказывает, очень увлекаясь... Она умеет гадать. Кстати, возможно это смешно, но все, что она мне нагадала, сбылось с необыкновенной точностью, хотя я меньше всего ей верила тогда, когда она мне предсказывала мое будущее".

Из тетради И.В. Семибратовой, ФЭ МГУ 05 : 3242-3245.

...А у меня-то так было. Я была дома, сидели ужинали, дело было в мае. Сестра двоюродная заходит (я ее "деинка" звала, по отцу-та), я не знала, что сватать-та. К печке она стремится: "Пятой колону[1], печка ваша — девка наша!" Так она сказала, узовка такая. "Я пришла, — говорит, — за добрым делом, за сватовством".

А мой отец на большом углу сидит. "За кого?" — говорит. Тата-то мой вина не пил, по праздникам не шатался, молодёжи не знал — "За кого?" — "Да за жениха." — "Да кто ж?" — "Семен". — "Да я ёго не знаю".

Меня спросили. Тоже говорю: "Не знаю", а сама думаю — не пойду. Я с одним парнем гуляла. Думала, может, *увёзом* возьмет[2]. За мной много их ходило-от. А с

---

[1] *Пятóй колонý* — топну, ударю ногой.

[2] "У русских, особенно у староверов, повсеместно распространены тайные свадьбы — *самоходом, самокруткой, уводом, уходом, убёгом.* Известны три вида таких свадеб. В первом случае... невесту похищают неожиданно для нее самой...

Во втором, более распространенном случае жених и невеста договариваются о тайном браке, причем невеста заранее отдает жениху часть своего приданого или по меньшей мере делает ему подарок как залог того, что она не передумает. В установленное время оба уезжают. Иногда они сразу венчаются в церкви... Все это происходит главным образом в тех случаях, когда родители невесты не дают согласия на брак своей дочери с ее избранником или же когда родители жениха недовольны его выбором... Спустя некоторое время... молодая пара идет к родителям невесты просить у них прощения и в большинстве случаев получает его, хотя и не сразу.

Наконец, третий тип — когда родители невесты сами организуют ее мнимое похищение... Этот способ часто практикуется у сектантов, которые считают брак грехом... Наиболее же распространенной причиной в таких случаях является стремление избежать расходов на свадьбу и т. п.

Вообще во всех видах тайных свадеб основную роль играют экономические причины. Их связь со старинным обычаем похищения невесты весьма сомнительна" (см.: *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 344—345).

"Этот вид свадьбы стал более распространен в ближайшее к нам время (на рубеже XIX—XX веков. — *Ред.*). Он значительно дешевле. Раньше, хотя самоходки и бывали, но на таких девиц смотрели весьма косо... Обыкновенно девица "уходит" с беседы. Жених нанимает лошадей, а больше, подпоив товарищей, просит их раздобыть лошадь и увозит к себе в дом" (см.: Сказки и песни Белозерского края / Записали Б.М. и Ю.М. Соколовы. М., 1915. С. 394).

Семеном-от один раз тольки играли в кадриль, даже слова не говаривала. Ребята с нами всё ходили хорошие, богатые, не хотелось выходить за этого.

Я из стола вышла. Она: "Ты, Марья, куда?" Я ушла. Чего говорили, не знаю. Они уже метились. У меня родители были строги. Я им слова не говорила поперек.

Пришла я домой. Мама с татой не спят: "Пойдешь?" — "Отпустите в Архангельск, на белошвейку учиться. Я не пересидела еще". Отец: "С моим удовольствием". А мать: "Ой, будешь стара дева! Завтра придет с женихом-от".

На другой день я сидела, шила. Приехали сваты, трое, и жених. Я не мечтала никак, ушла к подружке. Она говорит: "Маня, идут сваты". А я: "Их леший несет". (Толк-от девочий!) Мама пришла: "Иди домой". Я: "Нет". Сестру посылат: "Манька, поди домой". Я говорю: "Пойдем". В избу не зашла, тольки в клеть. Я заревела. "Не пойду, — говорю, — замуж не спешу, там заставать нечего". — "Иди к тату". Пришла: "Отпусти в Архангельск". Он: "Не я отдаю, мама отдает". А мама: "Богу свечка зажжена, дело сделано. Выше лба очи не бывают".

На носу прыщик вскочил, так я понервничала!

Мама велела одеться по-праздничному.

Жениха со мной, невестой, рядом посодили. Да **сговор**. Рюмочками пили, не стаканами, как теперь. Ну, договаривались, кому каки подарки. А жених мне тихо: "Ты думашь меня оммануть?" — "Откажись ты!" — "Я бы отказался, да уж все закуплено".

И свадьба состоялась. Ох, я и поревела! С другим ведь гуляла. Просил он платка в залогу. Вот, я дам платок — он смело пойдет свататься. С моёго согласия. Он скажет: "Она мне залог дала". А откажут — осромит, бесчестьем считали. Я и не дала. А петь я любила! Да у нас говорят: "Кто песни поет, тот несчастливый. Все счастье пропоешь".

Назначили свадьбу на такой-то день. И к этому дню кому что ряжено, тому то и покупали. Девушка приданое готовила, портяное все. Четыре недели я невестила. Это у кого как. Другому надь работница. А он — один-одинешенек. Шила я приданое, все время девушки у меня были. Все ко мне ходили, помогали тоже. Их угощали. Готовили им, рыбу ведь раньше ловили, уток били. Само собой, пели. Раньше, когда просватают, то поют невесте:

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садика зеленого,
Там летит стадо гусиное *да*,
Что другое лебединое...

У меня частушки больше пели:

Девье красное житьё прошло и миновалося,
Ныне проклятое замужьецо навеки навязалося.

Не ходите, девки, замуж, белые лебедушки,
После вас будут у нас веселые бесёдушки.

Не ходите, девки, взамуж, с мужовьями будете —
Вы девочьего житья во веки не забудете.

Девкам взамужем жить можно, только воля не своя,
Спроситься мужа не охота, не спрося уйти нельзя.

Не ходите, девки, взамуж, не ходите молоды,
Длиннозубые свекровы не нарядё никогды.

Во подружки на пирушке перву рюмочку пила:
"Выходи, подружка, замуж, потом выведешь меня".

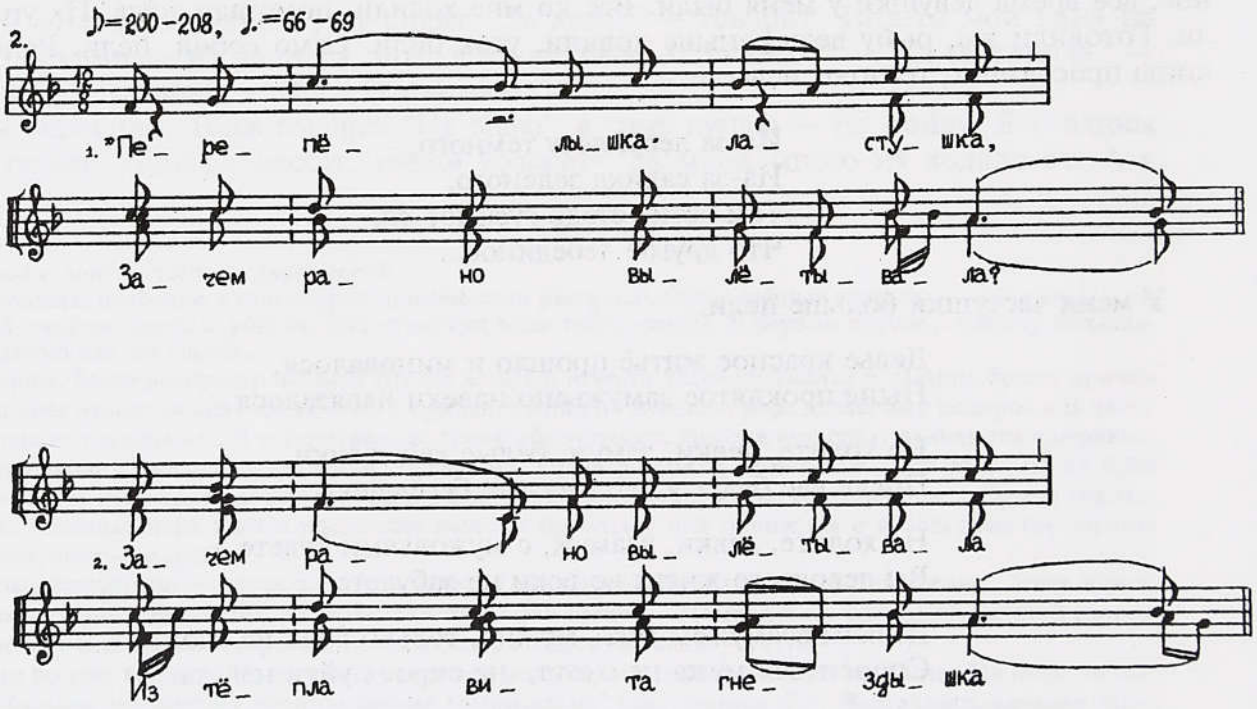
А жоних к нам после работы придё, с товарищем, да не с одним. В карты поиграё, "в дурака" только да "в пятки". Кадрёлку танцевали, чай пили. Вроде, **вечеринка.**

"Богатая невеста", — про меня говорили. Приданого два сундука было. Двадцать рубашек, тридцать три платья.

Раньше-то были **рукобитья**. Тоже невеста *ревит* в левом углу. Бывало, причитальницу звали, так она *стихи водила*[1]:

Пролегла да путь-дорожка широкая
Мимо нашей тепловита гнездышка.
Ходя пешие на ей, ездят конные,
Ходят злые ворога ненавидящие.
Понесу да не в кручину великую
На своих святосердечных родители *да,*
Меня вздумали против цейци[2]
Не у ту пора меня, не о т*о* время,
Не от красного-то лета угревного,
От теплую весну солнечные,
От зеленые лужочков зелененьких.

Приходит несколько человек жениховых и невестовых, один стол ставится. Называется "невесту пропивают". А потом *выряжают* [просят] жениха дары. С невесты выряжают дары жениховой родни. Хоть по платочку дарить, а всей родни. Матерьялом дарили. Пели "Не от ветра, не от вихоря" (№ 198), "Перепелышка-ластушка":



[1] Единообразный напев причитаний в д. Подволочье см. № 100.

[2] *Цейце* — сердце (примеч. собир.).

"Перепелышка-ластушка,
Зачем рано вылетывала?

Зачем рано вылетывала
Из тёпл*а* вита гнездышка,

Из тепла вита гнездышка,
Из тепла лебединого?

Из тепла лебединого?" —
"Не сама я вылетывала[1].
Отдавал меня батюшко
Со родимою мамушкой.
Не велела мне маменька
Ни тужить и ни плакати,
Ни часто в гости г*о*стити.
Во первы*я* неделюшку
Мне-ка в гость захотеласе.
На другую неделюшку
Соскучюсь-стосковаласе,
Мне домой захотелося.
Что на третью неделюшку
Соскучюсь-стосковалася,
Горюче сгоревалася.
Пойду-выйду, младешенька,
На перёно крылечушко,
На перёно, на крытое.
Попрошу я, младешенька,
Я у ласточки крылышка,
У касатою перышка,
У кукушицы голосу.
Полечу я, младешенька,
На скрипучую дереву.
Ты скрыпи[-скрыпи], дерево,
Подавай голос, батюшка
Со родителью матушкой:
"Не мое ли там дитятко
Во лесу заблудилося,
Во травы замочилося?"[2]

Зачин сравните с № 243.

Свадьбу у нас на четыре дня играли. Начинали дак в среду, пятницу, воскресенье. Кому необходимо, и во вторник дак играли. У меня в среду свадьба была, в четверг — *хлебина*, в пятницу — *гостьба*, в субботу — *поломытьё*.

На среду **байну** намыли. Девушка-*подручница* топила. Невеста в байну ходила так: две девушки ее захватят и поведут под руки. Поэтому и подручница. Невесту отмывали две эти близки подруги. Причитальницам по рюмочке вина дали, невесте — ничёго.

Обрядят в байне в сарафан с лямочками. Ситцёвой сарафан, белый с "цветочками", сошито пять полос, наперед от спинки лямочки, складочки-то до пояса и вырез. На нем две нашивочки (не уже 3 см), большинство кумачные. На груди — крючок. Яйцо туда сырое подкладывают, чтобы девку не спортили. Спекётся яйцо — спорчена, знать. [Перед выходом из бани] платок накинут, что не видно глаз, и напереди за лямки завертят. Платок тоже ситцёвой, белый "с цветочками".

В бане невеста посреди лавки сидит, девушки-подружки — рядом. Причитальницы-старушки — супротив. Причитать помаленьку начинали, перед тем как нам идти из байны. Невеста-то *круто* причитает, а причитальницы — *в ростяжку* (напев № 100):

Благослови, Господи Боже,
Парная жарная баенка
Напарила меня да нажарила,
Смыла всю тоску, кручину великую,
Намыла радость да веселье великое.
А уж мне ни радости, ни веселья великого,
А уж горькие слезы горючие.
Пойдем-ко мы, подружки любовные,
Уж вы из парные, из жарные баенки.

Вариант № 65.

[1] Повторение каждого стиха, обусловленное цепным соединением строф, далее не приводится.

[2] Балладную песню о дочке-пташке в свадебном обряде сравните: свадебный обряд в селе Суркове Шебекинского р-на Белгородской обл. (см. 112, 113).

Из байны я выходила:

Расколись, бела колода дубовая!
Протеки, Дунай да речка да быстрая,
Быстрая ты, хоботистая,
Хоботистая ты, пригрубиста,
Унеси белую сосновую баенку
После моего бывания девочьего!
Роскатись, белокаменная хрустальная каменка,
По единому хрустальному камешку!
Станте, горы, да пещёры глубокие,
После моего бывания девочьего,
Кабы не пройти, не проехати
Со злодейки чужёдальнёй сторонушки
Злым людям, ворогам ненавистникам.
Вы пойдемте-ка, кумы-подружки любовные.
Не спешите, кумы-подружки любовные,
По пути да по дорожке широкой.
Не по-старому иду, не по-прежнему,
Уж как я печальна сиза голубушка.

Вариант № 66.

Поворачиваюсь к реки, кланяюсь да причитываю:

Ты прости, река быстрая!
Я охотча была ездить-красоватися
На хорошие виноградные ягодки,
Я во легонькой осиновой лодочке.
Я держала легонько веселко дубовое,
Я со милым родным брателком.

На высокий берег в гору вылезет невеста — кланяется церкви, дому, становится на колени. Стану прощаться с горочкой, с соседками:

Прости, белая хорошая поденная горочка,
Больше век мне по тебе да и не хаживать.
Если судит Бог да и хаживать —
Не в девьем житьём красовитое.
Прости, ближняя суседка полюбовная,
Ты голубушка Парасковья да Никитична.
Завсегда ты привечала, приказывала,
Не проносила худой славы, небылицы-напраслины.

Сравните: № 100.

Если нет родителей, то просила птичек вырыть мать, молилась и поминала всю родню, уж потом шла домой. К избе пойдет невеста, все *ревит*.

Иду к дому, причитаю у дома:

Уж и погляжу, печальна сиза голубушка,
Уж и я по новому высокому терему,
По родительскому тепловитому гнездышку.
Уж и не могу я углядеть и усмотреть
Сквозь туман да горьки слезы горючие
На стены да на ограды белодубовые.

Выкатайся, схоже солнце угревное,
Из-за леса, леса темного,

Встречайте дочь свою, косату голубушку.
Как ваша дочь была косата голубушка,
Не по-старому идет, не по-прежнему,
Я со всей тихой бесёдой смиренною,
Со всеми ближними соседками порядовными.
Ты родитель мой батюшко
Со родителю с матушкой,
Уж не жила я у вас да не красовалася,
В чужие люди вами отдана.
Я не тихая иду, не смиренная,
Не убойся, тепло витое гнездышко,
Иду со всеми ближними соседками порядовными,
Со всеми кума-подружками полюбовными.

Выходят, выносят шубу из овчины. Я кланяюсь, коленями встаю на шубу:

Помолюсь я, печальна сизая голубушка,
За надежу родителя-батюшка,
За родимую матушку
И с маленьками сердечными детушками,
И за милого родимого брателка,
И за милую родную сеструшка,
За родную крёстну матушку,
Крестову-то воспреемну божатушку.
Я могу ли усмотреть и убодритьсе
На стены да на ограды белокаменные.
Сослужи, ручка правая,
Мне молитву сотворить по-писанному.
Я за схожего-то солнца сугреватою
Помолюсь я, печальна сиза голубушка,
Да за светлую зарю-утро ранною.
Дай Бог здравити живота, Божьей милости!

Шубу родители уносят. В избу захожу, в верхнюю горницу — опять стелют шубу, зажигают у Бога свечку. Я вставаю на колени к иконе:

Помолюсь я Пресвятой Богородице,
Котор*ая* пойдет со мной поступаючи
Во чужое тепловитое гнездышко.
Пресвятая Божья матерь Богородица,
Уж ты дай ума да и разума, *как*
Мне прислушаться, приодобриться
Ко чужим-то святосердечным родителям,
Ко чужому сыну ясну соколу.

Помолюсь. Они все сядут, а я причётаю в главном углу. Подзываю ко ст*и*ху родителей, отец подойдет, я ему кланяюсь в ноги (№ 87). Зову мать, крестную, родных всех. Мать у меня пришла ко ст*и*ху — ей завело сердце, едва отходилась.

А дружки, жениховы и невестины, зовут родню на свадьбу. Два моих дружки-то приходят с самого утра. Все их вином угощают. Другой так напьется — к венцу еле стоит. Жениховым-то дружкам ленточки бантом на правую сторону навязаны, а у невестиных — на левую. Концы висят долгие. Ленточки розовы или красненьки. Дружкам дают колокольцы, а они ходют собирают родню.

Ходит дружка по деревне: "Яков Иванович, Ефимия Ивановна! К нам на свадьбу, к нашему батюшке (имярек), к нашей матушке, к нашей невесте Марье Ивановне хлеба-соли кушать. Не оставьте наш праздник, приходите, пожалуйста", — кланяется, колокольчиком брякает.

А родня уж дожидает. Идет на свадьбу, берё буханку хлеба, рыбник (пирог такой с рыбой) и подарок. Богата родня богато и накладыват, когда невеста **к байнику** начнет **звать**. Три-четыре причитальницы приходили, садились на лавку, к печи ближе. Причётают, ставят стол. На столе тарелка белым платком закрыта, а на ей — калач (крендель) и какая-нибудь деньга. Это — *байник*. Невеста идет за этот стол и "зовет к байнику": причитальницы подзывают девушек (говорится, "созывают ко стиху") невесту дарить:

Подойди-ко, кума-подружка любезная,
Ты голубушка [имя-отчество девушки],
Ко белу да ко пшеничному байничку.

А потом:

Спасибо тебе, подружка любезная,
На белом да на пшеничном байничке.

Каждую девушку вот так вызывали, каждая дарила невесту. Потом вызывали всех приходящих гостей. Только потом причитальницы родителей подзывали:

Мой родитель да батюшко,
Подойди-ка, схожо солнце угревное,
Топка-высока верба кудреватая,
Мне ко белому пшеничному да байничку.

Да просили прибавить: "Твоя легкая бревённая[1] денежка!"

Невеста платок скинет, плачет, *ревит*. Родители ее уводят и в задний угол сажают. На ней еще маленька повязка[2].

Потом повязку большую надевают. Невесте стелют опять шубу, она подходит к матке. Отец ей приносит повязку, котора жемчугом и несколькими лентами вся изукрашена. Ленты все хорошенькии, разного цвету, девушки-подружки навяжут, каки не жалеют [ленточек]. Причитали родителю:

Уж пойди, красно солнышко,
Я тебя, да красно солнце угревное,
Ко мне в тихою бесёду смирённою.
Ты надежа да родитель да батюшка,
Я побью тебе челом да покланяюсь
Я за скруты за обряды великие.
Не буди дочери косатой голубушки.
После схватисся да ты спожахнесся
На трудах да на работке посильныёх.
Пойдешь с маленьким с сердечным со деточкам,
Спомянешь дочь, белу косату голубушку.
Нету дочери косатой голубушки —
У чужого млада ясного сокола.

---

[1] *Бревённая* — наживная.

[2] *Повязка* — головной убор девушки, имеющий картонную основу цилиндрической формы. "Маленькая" — будничная повязка. "Большая", она же "хорошая, жемчужная" — праздничная повязка, обшитая парчой и жемчугом.

Мать с невесты снимает платок. Невеста идет за ней простоволоса, причитает гостям, чтобы ей дали проходу да чтобы подруги садились:

Расшанитеся вы, народ-люди добрые,
Вы на все да на четыре стороны,
Дайте из полы половку дубовую
Во родительском тепловитоем гнездышке.
Садитесь, кумы милые, подружки любовные,
По белым дубовьям лавочкам
Между два красны окошка косельчаты,
Уж как я, печальна сиза голубушка,
Всех я выше кум-подружек любовных.

И вот маленьку повязку снимают, косу расплетают. Мать на меня накладывает "хорощую" повязку. Их обе кладу на подоконник. Причитали:

Ах ты воля, моя волюшка!
Схороню я волю великую
Я во темные глубокие погребы... (№ 61).

На словах "Откажу я волю-приволю великую" повязку невеста накладывает на младшую сестру. Потом невесте опять надевают старую повязку, а жемчужную уносят. Когда тольку под венец — накладывают жемчужну повязку.

Тут уж *женихи* ломят двери. Стучат. "Кто там?" — "Открывайте, наш кобель нанюхал у вас куницу!" Им не открывают. Невесту садят в задний угол, а девушки усаживаются так, чтобы ее не видно, от дружек закрывают. Причитают: "Уж накатаетсе туман-туча грозная" (№ 77).

Женихи колокольцами бренчат. Обложат двери в сени: "Подайте желаему! Нашу желаему подайте!" — "Кто у вас желаемая?" — "Марья Ивановна". Им откроют, дружку зовут ко стиху:

Подойди ты, больша дружка хоробрая,
К белому пшеничному байничку.

Дружка кладет деньги.

Поприбавь больше, дружка хоробрая *да*,
Твоя лёгка бурлацкая денежка.

Когда дружка кладет и добавляет деньги, невеста наминает ему шею. Наберут дружки полные карманы кедровых орешков, в глаза девкам свистают [швыряют], те отбиваются руками. А друга подол подставит, и ей полный подол накидают.

Отец приходит, уводит невесту за руку из избы в нежилую избу. Обряжать ведет: "Слезы-те оставь!" Когда невесту к венцу собирают, то причёты старухи "читают". А в избе поют "Не от ветра, не от вихоря" (№ 198), потом "Брякнуло колечушко"(№ 369). Обряжают невесту, а дружки ходят, торопят: "Давай поскорее, поскорее". — "А, ладно. Мы вас двадцать лет ждали — подождете".

Теперь ее обредют и приведут на **смотренье** "под закрышкой" (закрытую). На ней повязка жемчужна и черновой плат. Не тот, что раньше. Плат с кистями голубыми, "цветами" разными расшит, серединка — голубая, на ней "цветочек". Впереди идут тысяцкой и сватья. Тысяцкой — это крестный жениха, самый главный на свадьбе. У него [женихова] икона в руках, а у сватьи — икона невестина. На невестиной иконе — три полотенца.

Приводят невесту. Жених из-под матки не выходит (матка — верхний косяк двери), невеста тоже. Матка их разделяет. Потом он заходит [за матку], спрашивает: "Та

ли?" Светят тремя свечками, которые в пучок связаны. Невесту откроют, а там перевязки-то хороши, все в жемчуге!

Смотрит — та. И подарки подавает. На поднос кладут мыло. Невеста берет, кланяется да через плечо роет[1] — спускает крестной в фартук, за спину себе. Потом кладут три прически[2]. Она тоже спустила. Потом зеркало, другие подарки — невеста кланяется, берет и все спускает через плечо, их подхватывают крестная, сваха и подружки. Тут причётают, чтобы жених прибавил денег:

Ко белу да ко пшеничному байничку
Поприбавь кругла скатенна жемчужка,
Голубочек Николай да Сергеевич,
Топка-высока верба кудреватая.
Твоя легкая бурлацкая денежка!

А жених насыпает [на пол] серебрушек. Мол, как невеста ягоды будет собирать? Она собирает да роет через плечо. Молодяка с невестой гости опевают: "Что хитрёмудре первобрачный князь, / Ой хитрей-мудрей его не было" (примеч. к № 374).

Жениховы ставят две рюмки на поднос. Жених поднос невесте дает. Невеста — платок в руки, им берет поднос и кланяется жениху. Он пьет, потом подливает и невесту угощает, молча кланяясь. Сватьи накрывают невесту черновым платом: "Она у нас не пьяница была, вина не пила". Уводят невесту. Подарки в сундук складывают, сундук запирают, ключи — у сватий.

Опять вводят невесту, она кланяется, закрыта платом. Ведет ее отец за платок, который у нее в руке. Передает невесту: из кисти конец платка жениху отдает. Три дня на людях молодые должны держаться за платок, не отпускать, чтобы сглазу не было.

Теперь их **благословят**. Отец берет жениха и невесту за плечи и садит их, чтобы оба ровно сели. Он снимает ту икону со стены, котору с невестой увезут, три раза обводит вокруг ихних голов, дает целовать жениху и невесте и отдает свахам. Свахи с иконы снимают полотенца и заворачивают ее в узел. В это время песни поют: "Перепелышка-ластушка", "По полю конь бежит, / По подлесицу сив жеребец". Перед тем как повели к венцу, она ставает в углу, со старухами и подругами причётает: "Ты прощай, кума-подружка любовная" (№ 100).

Когда невесту выводят из избы, она должна толкнуть, задеть жениха или бросить ему *слезник*[3] в глаза. Жениха оберегают [свои], чтобы молодая не взяла над ним верх.

Выходят на улицу. Девушки поют "Голубочка"[4], прощаются девушки. До самой церкви поют. Поезд свадебный так идет: впереди дружки, за ними невеста с молодяком за платок держатся, сзади — родня. Невеста все кланяется. Лицо открыто. Платье на ей самое лучшее, шерстяное или шелковое, любого цвета. Платок заколкой пристегнут [на спину].

Если на лошадях везут, невесту дружки на руках вздымают, когда сажают на повозку. Тысяцкой и божатка садятся с молодыми, дружки — на лошадях впереди, две сватьи и подсватье — позади молодых.

Повенчают молодых, поздравят с законным браком. Домой к жениху **от венца** ведут, девки сзади песни поют. Песни кадрильные: "Через речку черемшинка лежала" (варианты № 345 а, б), "Вдоль по улице молодец идет", "У Семенушки (Николаюшки) ворота высоки":

---

[1] *Роет* — кидает.

[2] *Причоска, прическа* — гребенка.

[3] *Слезник* — "платок уреванный". Невеста кидает им в жениха, по словам певиц, "чтобы слезы отошли" и ради своей власти над будущим мужем.

[4] "Голубочек мой, сизенький дружок" — протяжная лирическая песня.

Вдоль по улице молодец идет *да,*
Николай Сергеевич *да,*
Люли люшеньки ой, люли люшеньки да,
Николай Сергеевич *да,*

Николай Сергеевич *да,*
Вдоль по ши*р*окой удалая голова *да,*
Люли люшеньки ой, люли люшеньки да,
Вдоль по ши*р*окой удалая голова.

Он умеё снарядитися,
Да умеё обрядитися *ой,*
Люли люшеньки да, люли люшеньки,
Да умеё обрядитися.

Он ходил-гулял по улице *да,*
Откатал в [н]о[в]у горенку *да,*
Люли люшеньки ой, люли люшеньки,
Откатал в нову горенку.

Откатал в нову горенку
Ко душе ко красной девице[1].
Выходила наша Марья на крыльцо,
Выносила окованы сундуки,
Вынимала одинакое сукно *да,*
Отдавала швейцам-м*а*стерам:
"Уж вы швейцы-м*а*стеры,
Вы сошейте Миколаю пальтецо *да,*
Вы не долог, не коротёнок *да.*
Вы сошейте, не испортите *да,*
Посреди посижи*м*айтеся *да,*
По подолу раструбистый *да,*
Чтобы легче на добра коня скочить *да,*
Побыстрее у венца постоять *да*".
Миколая со венчальице ведут *да,*
На головушке злотые венцы несут.
Заминуется у девушки гульба,
Потеряется с бела лица краса.

У Николаюшки ворота высоки *да,*
Люли люшеньки,

Да столбы точёные,
Люли люшеньки,

Да верхушки позолоченные *эх,*
Люли люшеньки,

Подворотенка из чиста серебра[2],
Из-под каменьки быстра реченька течет.
По той реченьке суденышко идет *да,*
На суденышке немного людей,
Тольки семеро гребцов-молодцов,
Да восьмой кашевар кашу варил,
На воде той[3] сам уд*а*лой молодец *да*
Николай Сергеевич.
По суденушку похаживает *да*
Русы волосы расчесывает...

Сравните с вариантами: № 367, 368.

От венца приведут, а там, у жениховой избы, люди какие-нибудь, соседи первым делом стреляют (так положно) из-за углов и ко дверям становятся, не дают проходу. Жених им четверть вина ставил за стрельбу. Матка с батькой встретя жениховы с мякушкой (хлебом-солью). Хлеб на плечо положат молодым. Другие, родня жениха, зерно ячменное кидают встречу: "Закупа брошена".

За стол посадя, а молодуха все стоит и кланяется, не садится. Свадьба — полнехонька изба, проворота нет! Пили, ели. "Ты, молодушка, теперь ешь, а *в столи* потом не ешь". Одну вилку, чашку и ложку на молодых дают. Все едят, и жених с невестой. А до венчания — ни крохи в рот до причастия.

Из-за стола выходят жениховы дружки да сватьи, поедут **за постелью**, за сундуком. Позовут родню невестину: "Сватушка любезный, сватьюшка любезная! Все любящие гости уже в сборе, вас дожидают".

Привезут постель и сундук. Постель вся веревками связана. Узелков девки навяжут! Кажду веревку развязыват дружка женихов. А молодая кланяется да его целует. Котору девку не любят — много узлов навяжут, чтобы досыта накланялась.

Опять родню невесты зовут. С первого раза-то те не придут. Садит мама своих за стол и говорит: "Придем туда, всяк свое место знайте". Идут после на **стольник**, так называют свадебный пир у жениха.

---

[1] Припев вместе с повторением стиха в строфе далее не приводится.

[2] Припев далее не приводится.

[3] Так в тетради собирателей. Легко объяснимая при пении в быстром темпе перестановка слогов и звуков речи приводит к появлению порченых мест, в нашем случае подразумевается: "Да девятой".

Приходят и поздравляют с рюмкой, желают счастья. Жениху пить не дают много: "Не пей, свадьбу-то проведи". За столом дарят сродников, свекра, свекрову. Пьют-едят: кисель закладывают, пирог, блины. Закладут кисель ломтями, хлебом. Чтобы раскрыть, разломить, женщина, которая готовила кисель, она называется *кисельник*, всех целует. Кисель раскроют, хлебают. После пирог закладут, *пирожника* требуют. То же, что и с киселем, делают. Пироги были белые с изюмом, хорошо тесто. "Кисельником" и "пирожником" баба ходит, а бывало, мужик. Жёнатые гости (со стороны) выпьют по рюмке, пойдут мужчина женщин целовать, женщина — мужчин. Хохоту в то время! Бабы комедили: булавку в зубы и — целоваться ко всем лезли. Кричали за столами: "Таракан в рюмке!" или: "Запорошило в рюмке! Горько!"

За столами пели заобщо, кто какую умеет: "Голубочек", "Брякнуло колечушко", "Лучше бы я, девушка, у батюшки жила", "Что стоишь, качаясь, горькая рябина" и другие. А потом-то, милая, отгуляют, отпируют да и столы сведут. Родня ужо домой расходится. Молодые с ними попрощаются да спать ийдут, на отдых. Невеста начинала разувать жениха с правой ноги. А в башмаке — деньги.

Утром на второй день бужать дружки прибегали: "Здорово ночевали!" Молодуха поутру до еды **ходила за водой**. Полон ушат ковшиком набирала. Как она наберет воды, так через каждый шаг ее останавливали, ушат проливали. Молодуха должна поцеловать каждого, кто прольет. И опять шла за водой. Когда наконец принесет воду, то всех поила, а сперва — свекра, свекрову, тысяцкого.

В тот же день у ее родителей — **нахлебина**. Там все то же, что и "стольник". Молодые идут к родителям невесты и берут с собой все, что осталось на столе с ночи, кроме квасу. Потом гости со свадьбы разъезжались.

А на третий день утром к жениху в избу ходила теща с блинами. Уж когда **гостьба**, тоже на третий день, тогда молодые собираются только с близкой родней. Поют те же самые песни, что и раньше: "Из-за острова на стрежень", "Степь да степь кругом", "Кто-то с горочки спустился", "Ой хитер-мудёр", "Из-за леса, леса темного", "Голубочек". А уж потом жениховы родители у моих просили: "Сватьюшка, оставьте молодых сночевать". — "Пускай сночуют".

Переночевали мы в родительском доме, а наутро пошли к себе. А там уж и конец свадьбы-то. Уж больше ничего не справляли[1].

...А он хорошим мужем был, любил, не бил никогда. Ладно жили.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В СЕЛЕ СЛОБОДЧИКОВЕ ЛЕНСКОГО РАЙОНА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Я вам расскажу о наших свадебных обычаях в Ленском районе Архангельской области.

Свадьба происходит так. Первый этап — это сватовство **с приказом**, когда к невесте приходит мать жениха с какой-нибудь ближней родственницей, чаще всего с тетей. Иногда они берут с собой жениха, но чаще они приходят без жениха.

Когда они заходят в дом, они заходят не тихо, они стараются на мосту (иначе, коридор) создать какой-нибудь шум. Даже полено берут с собой, чтоб грохнуло, чтоб знали: идут не простые люди, идут сваты. Затем они заходят в избу, ну и здороваются. Здоровались раньше так: "Здорово живете!" Им говорят: "Проходите", — уж сразу родители чувствуют, что пришли сваты.

---

[1] Не рассказано о последнем эпизоде свадьбы — "поломытье" на четвертый день.

Сваты долго не сидят, они сразу принимаются за свою миссию, говорят: "Вот, Василий Иванович и Агафья Петровна, мы пришли к вам с приказом. У нас есть добрый молодец, а у вас красна девушка, так наделите нас работницей". И начинают: "С нашей стороны такие будут к вам запросы. Мы слышали, что со своей дочкой вы даете триста рублей деньгами" (а это считалась большая сумма). По нашей местности был такой обычай. У кого много дочерей особенно, если дочери — невесты, родители старались объявить: "Я со своей дочерью дам триста рублей деньгами" или: "пятьсот рублей", а кто-то говорил: "Дам корову, дам машину [швейную. — *Примеч. собирателей*] в приданое". Вот они и запрашивают: "Слышали, что вы даете триста рублей деньгами, а мы бы еще хотели взять с ней телку или корову, что вы можете дать". А когда было недостаточно хорошо с хлебом, дак и говорили, например: "Десять пудов хлеба, чтоб первый год ей прожить".

Ну родители начинают угощать сватов. А уж в том доме, где невесты, там всегда хранился, не выводился, всегда был готовый рыбный пирог. Один недельку хранят, он начинает портиться — его съедают, испекают другой. Чтоб было, чем принять сватов. Вот их угощают и говорят: "Хорошо, мы подумаем и вам перезакажем".

Сваты уходят. Родители невесты решают. Если решают, что подходящая партия, значит, они сообщают, что согласны иметь дело, вести переговоры.

Тогда родители жениха приглашают **смотреть житье** вот в такой-то день. Житье идут смотреть мать невесты, отец. И зачастую берут невесту с собой. Значит, три человека идут смотреть житье.

Ну когда они приходят, их в первую очередь угощают хорошо, вином поят, пивом поят, уж там приготовятся. А потом начинают показывать хозяйство. Показывают все, начиная с кухонного шкафа: открывают, сколько у них стаканов, сколько чашек, ложек. Богатство в дому какое есть — показывают, проводят по всем горницам, избам, ведут в амбар обязательно, что, вот, у нас столько-то хлеба. Вводят во двор: "Вот, у нас лошадь есть, две коровы, телка, теленок, поросенок", — показывают всю живность. Показывают, какая у них есть упряжь. А раньше ведь в деревне было очень важно, какова упряжь: "У нас есть кошева, есть сани, дровни, телега, навознаде", — показывают все. Они поговорят, и опять-таки родители невесты скажут: "Хорошо, если мы надумаемся вам отдавать, то мы вам перезакажем". Уходят.

Дома собирают свой совет семейный и решают, отдать ли дочь. Ну иногда еще торгуются, что вот столько могут дать, например денег триста рублей, а уж коровушку они дать не могут. Потом, если надумались дочь свою выдавать, они опять наказывают родителям жениха: "Приходите договариваться".

Значит, родители приходят на **договор**, там уж конкретно: "Будет свадьба — с нашей стороны тридцать человек гостей к вам приедут на *сватание*. А сколько с вашей?" Ну те сообщают, считают уже всех: "А с нашей стороны будет тридцать пять". Уточняют: "Тогда и с нашей будет тридцать пять". Все это делается очень точно, как на весах. Теперь договариваются, кого надо одарить невесте: отца, мать, там столько-то братьев, столько-то сестер, столько-то тетушек, дядюшек.

Ну если обо всем они договорились, тогда назначают **смотрины**. Родители невесты говорят: "Давайте вот такого-то числа (если какой-нибудь праздник близко, то в праздник всегда стараются) приходите на смотрины".

У жениха пиво заварят, а на день позже — у невесты. На смотрины приходят жених, мать, отец жениха и опять самые близкие родственники. Родители невесты, конечно, их тут угощают, в виде праздничка это у них происходит, опять-таки вином поят, пиво приготовят — поят. Девушки на смотринах поют песни, одна из них: "Уж вы кумушки подружуньки" (№ 191). Тут точно договариваются обо всем и потом помолятся Богу: все станут — жених, невеста, родители — перед образами и помолятся. Считалось крепким законом, что помолились Богу, значит, уж они друг другу верны.

Невеста начинает готовиться к свадьбе. Надо сошить приданое, правда, оно и раньше заготовлялось, но тут уж окончательно. И, конечно, дары теперь они знают, какие надо. Невеста собирает своих подружек для того, чтобы сошить приданое. Приходят к ней подружки, собирается целая изба, а в это время уж невеста и мать приготовят для всех работу. Тут шьют: кто рубашку для жениха шьет и вышивает, кто для свекра, кто для свекрови. Ко всем готовят, шьют. Собираются не по одному разу, а по нескольку раз. Если кто возьмется, например, вышить полотенце, то уж приходит и вышивает до конца.

Дары приготовят, теперь будут ждать свадьбу. Свадьба чаще всего назначается на хорошие праздники, например рождественские или пасхальные, в посты свадьбы никогда не делались.

Свадьба начинается со **сватанья**[1]. От смотров до сватанья, может, и месяц пройдет. В дом невесты должны приехать жених, родители жениха, вся родня и знакомые, кто с их стороны приглашен на пир. Этот пир-то и называется сватаньем.

С женихом бывает самый ближний товарищ, он называется дружка, он выполняет все приказания жениха на свадьбе. У этого дружки обязательно через плечо перекинуто красивое, самое красивое полотенце расшитое, бантом завязанное лентой, а иногда это полотенце просто перевязывают. Приезжают, значит, жених с дружкой к дому невесты. Жениха-то не пускают, родители ворота запирают. Дружка читает "Отче наш", а потом говорит свое: "Ездили мы, добрые молодцы..." (вариант, записанный от дружки: № 532).

Когда подходят они к дому, тут собираются люди, особенно женщины, посмотреть, ну и поопевать. Когда "свадьба" подходит ко крыльцу еще только, значит, женщины начинают петь, мужчины некоторые поют. А невеста в это время обязательно бывает в небольшой горенке над крыльцом. Обычно бывает окошечко у этой горенки, уж так раньше, возможно, для невесты и строилось, я уж это точно не скажу, но обязательно тут невеста в это время сидит в шубе. Такой обычай был, видимо, для того, чтобы жить богаче. Около нее сидят подружки, родственницы самые ближние. Когда женщины опевают сватов, невеста в это время плачет, причем не тихо, про себя, а прямо воет. Так и называется: *невеста выла*: "У - у - у", — так, чтоб слышно было повсюду. Тут женщина была, она причитала-то причёты и в голову ее бье, а невеста голосом плачет. Ну, а женщины первую песню поют: "Не было ветру, навеяло" (*поет* № 112).

Отец и мать невесты встречают гостей хлебом-солью, с братыней, с пивом. И приглашают в дом, говорят им таковы слова: "Пожалуйста, заходите, мы очень рады, у нас есть девушка-краса, а у вас — жених. Давайте, будем играть свадьбу". Сваты в дом заходят. Потом и жених идет в сени, в избу, а в коридоре бабы поют: "Уж вы сени, сени новые мои" (вариант № 380). Ну жених говорит дружке: "Сходи и скажи, чтобы готовили невесту". Дружка заходит в горницу невесты и говорит, что есть приказание от жениха невесту одевать.

Там уж ближние подружки, родственницы умывают ее, ульют водой! Потом этой водой девок побрызжут, чтоб замуж шли. Расчесывают невесту, косу заплетут на спине, наденут две рубашки, одну к телу правой стороной, а другую — левой, чтоб левой к левой сходились. А потом — красивое платье, венок. Если белого платья нет, то светлое какое-нибудь стараются надеть. В старину-то были сарафаны, борник (шапочка така), наперед ковопык, да косяки по груди кладут. Как умеют, так и украшают невесту. И закрывают — ни покрывалом, ни чем другим, а шубой закроют

[1] В соседнем с. Харинском Ленского р-на Архангельской обл.: "Утром перед сватаньем невеста мылась в бане, заплетала косу, спутывала ("зашивала") ее нитками, чтоб не развязали, одевалась в самую худую шубу и забивалась в самый темный угол, иногда даже на чердак. Подруги ее отыскивали, распутывали косу, наряжали и надевали поверх головного платка красный шелковый *одирок*, нечто вроде галстука, его надевали только на сватанье" (ФЭ МГУ 09 : 7001).

невесту и проводят к печке за занавеску. В деревнях здесь висит обязательно такая ширмочка, занавесь, раньше она была выткана из холста в клеточку или в полосочку. За эту занавесь невесту и проводят.

Когда все уже на столах готово, накрыто, жених опять-таки с дружкой идет за невестой, и опять-таки первый дружка заглядывает туда, за занавеску: "Подайте нам невесту". Невесту божатка выведет на середину полу, жених встанет напротив. Поклонятся друг другу, становятся перед отцом, матерью, тут все гости сидят, а у печки и в свободном месте женщины стоят, можно сказать, что хор стоит, он опевает. Вот как невесту-то выводят, поют песню: "Мы тебе, Валентина, наказывали". Эту песню я сейчас и спою (*поет,* напев № 112, 113):

Мы тебе, Валентина, мы тебе, Валентина,
Наказывали, да наказывали,

Мы тебе, Васильевна, мы тебе, Васильевна,
Наговаривали *да,* наговаривали *да*:

Не выходи *да,* не выходи из-
За зан*а*весы *да* из-за зан*а*весы *да,*

Не становись *да,* не становись *да*
Возле чуж жениха *да,* возле чуженька *да.*

Он тебе не сват *да,* он тебе не брат *да*
Не сродни человек *да,* не сродни человек. *Он*

Чуж-от чуженин он, чуж-от чуженин *да*
Со чужой стороны *да,* со чужой стороны *да.*

Он увезет *да,* он увезет *да*
От родной семьи *да,* от родной семьи *да,*

От родимой матушки, от родимой матушки
И батюшки, и батюшки *да.*

А в чужой семеюшке, а в чужой семеюшке
Трудно привыкать, да и трудно будет жить *да.*

Свекор-то тебя *да,* свекор-то тебя *да*
Будет часто бранить *да,* будет часто бранить.

Свекровка-то тебя, свекровка-то тебя *да*
Будет часто корить *да,* будет часто корить.

Деверья на тебя, деверья на тебя *да*
Наговаривати *да,* наговаривати.

Золовки на тебя, золовки на тебя *да*
Всё нашаптывати *да,* всё нашаптывати *да.*

Муж-от молодой *да,* муж-от молодой *да*
Будет спрашивати *да,* будет спрашивати *да,*

Муж-от молодой *да,* муж-от молодой *да*
Будет бить-колотить *да,* будет бить-колотить.

Ты, наша лебедушка, ты, наша лебедушка,
Будешь плакать да рыдать *да,* будешь плакать да рыдать *да,*

Ты, наша лебедушка, ты, наша лебедушка,
Будешь сильно тосковать *да,* будешь сильно тосковать.

Женщины песню споют, жених свою невесту поцелует, правой рукой возьмет за руку и поведет за стол. Первым за стол идет жених, а потом невеста. В это время то родители стараются, то какой-нибудь находчивый сват между женихом и невестой протолкнуть мальчика (или девочку, чаще всего крестницу, родственницу). Когда зайдут за стол жених да невеста, они рядом сесть не могут, между ними находится этот крестник. Тогда жениху говорят: "Выкупай свою невесту". Жених должен этому крестнику дать деньги, а иногда дает конфеты, гостинцы. Крестник тогда уступает место. Жених и невеста остаются рядом, на лавку под них ложат шубы, они обязательно на шубах должны сидеть. И после них все гости тоже садятся за стол.

Гостей садят по чинам, по званию. Рядом с невестой садится сватья (со стороны невесты), потом садится свекровь, а потом ближняя женская родня по свекрови. Рядом с женихом — дружка, а затем садится свекор и ближняя родня по мужской линии. Когда так вот сели — там родня по свекрови, здесь по свекру, то потом уж садится остальная родня, какая есть. Там уже можно и без рангов, без чинов, все — за стол.

Когда начинают угощаться, когда сели за стол и все блюда поставлены — начинается **даренье**. Невеста дарит жениха и его родню. Дары уже приготовлены, стоят на полке (полка называется полицей). Ей передают дары, и она начинает дарить. На тарелочке подает жениху: "Вот тебе дары", свекру, свекрови и так дальше. В это время каждому поют одну и ту же песню: "На улице дожди дожжат" (*поет* № 114). Когда дарят родителей, то не поют все слова, а просто: "Прими дары, не прогневайся". Вот так песню много раз пропоют. Кто принимает дар, кланяется невесте, жениху и кланяется публике, которая его опевает.

Прошли дары, начинается **стол** — пировство, то есть угощения носят. Дружка спрашивает у хозяев разрешения "рыбные пирожки разрезать, / Крупитчатые раздать" (вариант № 554).

У нас что за угощенье на севере? Обязательно рыбные пироги. Без рыбного пирога свадьбы не бывает, причем пирог из большой рыбы, из леща, щуки... Полностью она запекается с головой и с хвостом. Вот на юге этого нет, а у нас обязательно голова и хвост вычищаются и целиком запекаются. Потом — холодец, без этого тоже не бывает свадьбы. А потом (это тоже обязательно) забивают барана или маленького теленка, и этого теленка, называется, "пропускают по частям". Например, первую лопатку изжаренную подают на первый стол сначала, где сидит жених с невестой, тут порежут часть себе и дальше передают. Потом вторая лопатка, потом грудинка, задняя лопатка, другая лопатка — весь теленок "пройдет" по столу (или баран, если теленка нет). Ну а там и остальные блюда.

Гости угощаются. Что им носят на стол, они пьют, едят, а женщины, которые стоят, поют свадебные веселые, грустные песни. Стараются, чтобы невеста поплакала, погрустила еще. Я всех не знаю, а вот некоторые могу сказать песенки... Много веселых величальных песен, но много и печальных песен, для того чтобы вызвать слезы у невесты, чтобы она вновь поплакала. Выдавали иногда девушку так, что не считались с ее мнением, просто жених богатый, пусть и старый.

А *стол* все идет да идет. Во время свадьбы-то опевают пивовара, стряпух, братца, если у невесты есть брат. Вперед поют (*поет,* напев № 182):

"Уж спасибо тебе, пивовар,
Да спасибо тебе, молодой.
Ты хорошее пиво сварил,
Да хмельное, веселое.
Еще с кем будешь пиво-то пить,
Еще с кем голову веселить?" —
"Уж я пиво на свадьбу сварил,
Я на свадьбу Иванову,
Да Ивана Васильевича *да*
Валентины Васильевны...
Буду я ведь на свадьбе гулять,
Буду я всех гостей угощать.
Мы ведь будем на свадьбе гулять,
Будем всех гостей угощать".

Конечно, пивовар раскланивается. Тут стряпухи подают, их тоже надо не пройти, поэтому опевают (*поет,* напев № 182):

"Ой стряпухи голубушки,
Хороши пироги напекли!
Да еще понастряпали,
Наварили, нажарили.
Вы кого будете угощать,
Да кого вы да потчевать?" —
"Мы всего, мы всего напекли,
Напекли и нажарили
Мы на свадьбу Иванову
Да Ивана Васильевича.
Будем мы всех гостей угощать,
Угощать да и потчевать".

Тоже раскланиваются. И стряпухи не остались в стороне. Теперь братец молодой ходит, вино подает. Обычно, если братец молодой, то он угощает вином. И его опевают (*поет,* № 392). Ну братец тоже раскланивается, ему и приятно, что он сестру выдал, а теперь уж его очередь жениться. Как говорят, "освободилось место". Иногда не позволяют жениться и говорят: "Ой, еще Марийка-то не выдана, обожди жениться-то, а вот выдадим ее, она старшая, ты тогда будешь жениться"...

Потом начинают опевать всех начиная с молодых, чтобы всем было приятно и весело. Поют "Все-то хороши за столом гости сидят" (*поет,* напев № 112, 113):

Все-то хороши *да,* все хороши *да*
За столом гости сидят *да,* за столом гости сидят *да,*

Лучше всех *да,* лучше всех
У нас Иван-от господин, у нас Иван-от господин *да,*

Побасчее всех *да,* побасчее всех
У нас Васильевич суд*а*рь, у нас Васильевич суд*а*рь *да.*

Где да он сидит *да,* где да он сидит *да,*
Там не надобно свечи *да,* там не надобно свечи *да.*

Светят у него *да,* светят у него *да*
Златы кольца на руках *да,* златы кольца на руках.

А в это время жених и невеста вместе встают и кланяются всем: прямо поклонятся, на правую сторону, на левую сторону.

Потом опевают так же невесту, только добавляют: "А отсвечивают златы серьги во ушах", значит, она уж вся в золоте сидит, тут и свечи не надо. Вновь жених с невестой встают и раскланиваются вместе. И так опевают всех гостей. Но им не поют слова про свечу, а только доходят до имени-отчества. Каждый (каждая) встает и кланяется. Всех гостей опоют до одного, никого не обидят. Потом песни поют разные, значит, скоро *стол* закончится.

Этот *стол* длится очень долго, часов пять-шесть пируют. С вечера (сватанье начинается вечером) и до восхода солнца пируют за столом. Жених и невеста обычно не выходят. Жениху еще разрешается, а невесте уж надо так приготовиться, что она весь стол сидит.

Теперь последний этап: **пропивают голову невесты**. Говорят: "Уже водят к вину". Что это значит? Жених берет графин с вином, а невеста — тарелочку. На тарелочке стоит рюмочка и рядом лежат конфеты. Жених наливает рюмочку, а невеста подает тому, кого подводят дружки. Начинают с самых ближних: допустим, сначала сестру, там брата, потом подружек, потом уж всех. Иногда и певиц подводят к вину, потому что им рюмочку-то надо выпить. Когда подводят к вину, каждому повторяют одну и ту же песню.

Например, если подводят подружку (*поет,* напев № 114):

Ты подруженька хорошая *да*
Валентина Степановна *да,*

Не ходи ты к дубу густому,
Не принимай золоту чару *да,*

Ты не пей зелено вино *да,*
Не пропей мою голову *да,*

Не пропей мою голову *да*
Мою косу русую *да,*
Мою-то косу русую *да.*
Лучше жить мне у батюшки *да,*

Лучше жить мне у батюшки *да,*
У родимой моей матушки *да,*

У родимой моей матушки *да,*
Чем мне жить в чужой семеюшке *да.*

А мне жить в чужой семеюшке *да* —
Надо жить мне, жить-привыкать *да,*
Надо всем да уметь угождать...

Много еще поется о том, как свекру, свекрови угождать... Это как будто невеста просит: "Не ходите, не пропивайте мою голову".

Всех опели, к вину сводили. Я еще песню могу вам спеть "На чужой-то стороне стоит горенка нова". Эта песня свадебная и в то же время она плясовая (*поет,* примеч. к № 346). Уж сватанье идет к концу, дак из-за стола гости часто выходят, тут и пляшут, и поют. Гости там еще поют, а молодые все-таки просидели очень долго, устали — уходят. Их разводят: невесту — в горницу, жениха — в клеть, "на подклет". Молодые спят. Ну гости еще сколько могут попляшут, а уж солнце взошло. Потом гости ложатся: кто на поветь, кто на мосту, кто на лавках спит.

Когда гости просыпаются, то их угощают. Этот "стол" никак не называется, просто угощение. Обычно варят уху соленую, потому что после пива, вина хочется чего-то такого. Пироги опять приносят. Пьют, едят, время подходит к полдню. И — поедут молодые венчаться.

Подают тарантас для молодых, запряженный в тройку. Разукрашена эта тройка: дуга — с колокольчиками, лентами, тарантас накрыт ковриком, в нем подушки с белой крошены, это считается так роскошно! Туда садят жениха с невестой, ямщик и дружка — на облучок (впереди такая скамеечка есть). Едут венчаться: эта тройка, дальше — пара или одна лошадка — едут вместе сватьи со стороны жениха и со стороны невесты. А там для остальных лошадки три-четыре. Едут они в церковь. А родители жениха и гости в церковь не едут, прямо в свой дом.

Жених и невеста приезжают, дьяк записывает их (теперь регистрируют, а раньше в церкви дьяк такое же свидетельство о браке выдавал). Когда заходят, то жениха с компанией в одну сторону ведут, к одному окну, а невесту — к другому. Если далеко ехать, она может запачкаться. Невеста едет не в том платье, в котором венчается. Иногда в церкви одевают невесту. Это я хорошо помню, потому что я на все свадьбы бегала. Становится сватья, тут — женщины. Голова невесты покрыта платком большим, вот этот покров они растягивают, малышей оттолкнут, и невеста переоденется.

Тогда священник их приглашает. Дружка идет за невестой, жених берет ее за руку и приводит на аналой к священнику. Священник венчает, три раза обводит кругом, венцы надевает, кольца меняет у них, спрашивает: "Будешь ли ты верна своему жениху? Будешь ли верен своей невесте, не изменишь ли когда?" Конечно, жених и невеста отвечают: "Буду. Нет, не изменю". Когда их обвенчают, то вместе приводят к тому окну, где была невеста. А сватьи в это время всем, кто тут есть, раздают гостинцы. Так как народу очень много, то сперва из рук дают тому конфетку, тому пряничек, тому конфетку, тому пряничек. А потом начинают бросать по церкви, а вся мелюзга, дети бегают и собирают гостинцы. Сватья обязательно должна угостить, раз свадьба.

После все выходят, опять садятся жених и невеста в свой тарантас, остальные гости тоже и едут к жениху. Это уже совсем под вечер. Тогда поют: "Уж вы соколы, соколы златокрылые"...

Вот подъезжают к дому жениха, это называется **приезд**, и тогда люди (посторонние, соседи) идут на приезд, стреляют в честь молодых. А невеста должна соскочить с саней на ходу. А хотя соскочит на ходу, но все одно споют ей потом, в доме:

...Привез Марию-гордыню:
"С коней я не слезу,
По сеням не пойду,
Во горницу не зайду"...
У нас у Андрея
Шелкова плетка
О семи плетей.
Марию ударит —
Мария взвиз[г]нет,
С коня соскочит... (№ 443).

Отец и мать жениха встречают хлебом-солью, даже не у крыльца, а у взвоза. Есть на повети большие ворота, и сделан большой ход, он называется "взвоз". По этому взвозу, когда возят сено, так прямо на лошадке поднимают сено. И по этому взвозу через поветь молодые входят в дом. Когда к столу идут, если невеста пройдет к своему месту перед женихом, то будет в доме бабья управа, будет баба править мужиком, а если сзади пройдет — мужик будет в доме главный. Примета такая. Дак невеста хочет вперед пройти, а жених ее не пускает. Бывает, так у стола по часу, по два стоят, кто кого... Их опели, садятся за стол, небольшой, скромный, чтобы только подкрепиться. Ну поели и выходят из-за стола.

А потом, уже часов в десять вечера, собирается **красный стол**. Здесь невеста, если имеет много нарядов, до пяти раз переодевается: посидит в одном платье, переоденется в другое платье, потом в третье... И стол-то называется "красным", уж такой богатый, радостный, веселый. Молодые садятся на шубу, а под ноги им подкладывали сено, чтоб не было голо, чтоб богато жить. Разные песни поют. Иногда на приезде, иногда здесь поют: "Отставала лебедь белая / Все от стада лебединого", то есть она уже попала к "гусям", эта девушка-то, в другую компанию... Обязательно опевают молодых (*поет,* напев № 112, 113):

Шелкова нитка, шелкова нитка
Ко стенке льнет, ко стенке льнет.

Иван-от Марию, Иван-от Марию
Ко сердцу жмет, да ко сердцу жмет.

Васильевич Васильевну, Васильевич Васильевну
К ретиву прижимат, к ретиву прижимат:

"Скажи-скажи, Мария, скажи-скажи, Мария,
Кто тебе *о*т роду мил, кто тебе *о*т роду мил?" —

"Мил мне-ка миленок *да,* мил мне-ка миленок
Иван-то господин, Иван-то господин *да,*

Помилее всех *да,* помилее всех *да*
Мне Васильевич сударь, мне Васильевич сударь".

Тут поют и пляшут "Во лузях", "У наших у ворот" и шуточные песни. Когда стол кончится, все веселые, начинают плясать. Но в избе бывает тесно, выходят на поветь, если на улице непогода, на повети пляшут. Или прямо на улице.

Потом разъезжаются гости. Песню поют: "Сватова домой уезжают, Марью одну оставляют". А которые дальние, те отдыхают, а утром еще стол идет, называется **свадебный стол,** еще пируют.

Через недельку, даже дня через три молодые едут **в первые гости.** У нас в первые гости ездят молодые к родителям невесты, живут у них, кто сколько хочет: и день, и два, и три дня гостят. Потом невеста приезжает насовсем в семью жениха. И уже торжество кончается.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В СЕЛЕ БАКШЕЕВЕ АЛЕКСАНДРОВСКОГО РАЙОНА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Про свадьбу рассказывать, как едут за невестой? Про сватовство? Ну это — **сваты**-то, они раньше... Сначала ведь жених сам узнает, на какой день к ним приходить, назначат день ее родители-то. Сваха, значит, мать или тетушка женихова приходит к невестиным:

Пришла свахонька к вам в гости.
По дороге заплуталась
И не знаю, сюда ли я попалась.

(Это сваха говорит, а сама-то пришла сюда, куда ей надо.)

Есть ли у вас тут красная девица,
(О)на чтобы была на всё дело мастерица,
Чтобы шила и вязала
И мужа своего встречала.

Вот, это когда она входит в дом. Приходит и жених с ней, со свахой, он сзади стоит и просто молчит. Ну тут уж говорят: "Просим милости, просим милости. — Те приготовились, конечно. — Мы вас просим!" Сажают за стол, и молодых сажают рядом. Две свахи договариваются: "Вот наш товар, вот ваш товар. Мы хотим, чтобы оне ходили по одной тропочке и всегда были вместе". Потом молодых — за дверь. Молодые сами уйдут договариваться, а матери здесь уже договариваются: на какое число, на какие средств*а*. Ведь раньше давали денег. Брали денег с невесты-то много. Сваха попросит у матери, какое есть приданое. Она ей открывает, *укладка* называется — сундук большой. У меня вот был железом окованный. Попестуют этот, за ручки поднимут, какой он тяжелый. Да-а. А туда перину запихали, одеяла пуховыя, одежу верхнюю. Ну конечно, сундук-то полный, его и не приподнимешь! Это обычно в субботу.

Ну назначат у жениха **дом глядеть**. У кого какая возможность, недели через две, а бывает и через неделю, где необходимость есть. Значит, собирается невестина родня, едут к жениху дом глядеть.

А девушка остается дома, она не едет, невеста. Она собирает своих подруг на **девишник**. Те ж к ней приедут где-то там под утр*о*, а девки все сидят, подруги ее. Пьют чай, потом поют песни. Заплетали ей косу в последний раз. Ленту вплетали, всяку ленту, но, конечно, красивую, даже могут и не одну вплести. А косу заплетают не как обычно в три ряда, а как-то с переплетом. А заплетала лучшая, самая ее первая подруга. Она плетет косу-то, тогда и поют "Что не сизой орел" (№ 206). А потом: "Что сказали, свет Иван что грозён", и вот когда увозят невесту, эту поют песню, мотив у ней такой растяжный. А девушка плачет, ну такие грустные песни. Она же впоследки находится с подружками.

Потом через неделю будет **сиденье**. Сиденьем называют, когда в субботу к невесте приедут (а в воскресенье венчаются). В субботу жених с своей родней едет к невесте на сиденье. На сиденье вся его родня приезжает, и ее родня собирается, вот, три дня гуляют. В воскресенье венчаются, в воскресенье гуляют и понедельник весь гуляют, а сначала в субботу у невесты гулянье. Жених приводит товарищей своих, оне все неженатые, если есть с женихом и женатые, то те будут из его родни. Там столы накрыты. Вина раньше не ставили так, как сейчас кучами бутылки ставят. Раньше четверть стоит с вином, но с красным. Раз невеста хорошая, и вино красное. Эта четверть стоит в середке, а рядом — графина три около четверти. А рюмочки — с наперсток! Невеста с женихом рядом сидят, но не делали им "горько". Пьют, угощаются, а потом поют. Ну всякие старинные. "Улицу" поют:

Улица, улица широкая моя,
Славная улица травой заросла...[1]

И пляшут. Раньше-то не танцевали, а плясали. А еще водили *коровод*: все встанут, берутся за руки и так вот (*показывает: кругом по часовой стрелке*), хороводного такого обряда. Пели "Улицу" и... забыла, еще какую песню пели.

Гуляли всю ночь до утра. Наутро жених уезжал со своими, невеста дома оставалась.

В воскресенье уже после обеда — лошади с колокольчиками, на дугу надетыми. Бывает лошадей десять в упряжи. Если зимой, то у всех саночки, не дровни. Но и на дровнях-то задние впрягут лошадей, да полны дровни. Летом-то — у кого карета, у кого повозка. Жених ехал с дружкой и с товарищами. Родители жениха не участвовали и на сиденье у невесты, и у венца, это не положено. Подъезжают к дому, дружка — на первой лошади...

В Наумове вы не были?.. То недавно было. Я — разодетая, меня посадили на машину, на капот, я в лаптях. А деревня ухабистая! И вот я из себя представляю, да и вообще-то меня качает, а как машина войдет на бок, то я съезжаю с капота-то. Капот-то высокой, скользкой, железный. И держаться-то не за что. И вот я сижу и покачиваюсь, будто пьяный. Ой, смеху! Сидели дедка с бабкой у крайнего дома, они дальше дома не ходили никуда. А тут увидали, что мы едем по середке деревни, и от лавочки бегут, бегут. Старуха падает, за дедушку держится, бежит поближе ж к дороге, чтобы нас разглядеть. Потом все к дому ринулися.

Ну а раньше на лошадях. Отец невесты выходит встречать этот поезд и кто-нибудь еще с закуской, родственники. У него графин на подносике, а другая там за ним стоит, закуску держит. А подруги не выходят, они за пределами дверей. Я — дружка... Подхожу к воротам (к калитке), вот мое первое слово:

Приехал к вам дружка
Александровска Петрушка. *(Себя называешь.)*
Едем за вами,
За дорогими гостями.
Дружка за скобу взялся,
Дружки гасник[2] оборвался!
Сватушка любезный,
Гасник-то надо подкрепить,
Дружке-то надо налить.
Сватушка родной,
Поднеси-тко нам по одной.

Сравните: № 541 а.

Сейчас наливают. Выливаешь в ро-о-т так во-о-от (*запрокидывает голову*), и дёнушко кверху. А сзади ахают: "Всю выпил! Всё, — думают, — сейчас повалится".

Сватушка родной,
Поднеси-ка нам по другой.
Дружке поднеси,
Гостей моих угости.

Ну сзади там близкие родные, молодежь, конечно. И всех он [отец невесты] обнесет, уж это из другой посудинки. Потом опять шажка два шагну и опять прошу, словно голодниха какая:

Хорошо ты, сватушка, встретил,
Поднеси-ка нам по третьей.

---

[1] Необрядовая хороводная песня, поется главным образом на улице весной.

[2] Пояс, "мы называем его гасник" (примеч. исп.).

Сейчас наливают третью (будут подносить теперь только мне, никому больше). Выпьешь опять так же. А потом:

Сватушка родной,
Мы ехали к вам дорогой-то не тертой,
Поднеси-ка нам по четвертой.

Шага два — и все прошу и прошу. И все пью. Да до десяти доходило!

Сватушка родной,
Мы ехали к вам зимой,
Приехали летом.
А всё мы ехали к вам
И снег-то разгребали лопатой,
Поднеси-ка нам по пятой.

Ну раньше рюмочкой ведь. Пятую нальет, о-от я ее! (*Показывает, как лихо выпивает.*)

Сватушка родно-о-й,
Поднеси-ка нам по шестой.

Я нарочно счет-то подловляю. Так:

Сватушка родной,
Поднеси-ка нам по седьмо-о-й.

Теперь подближаешься к двери (или к крыльцу):

Идет дружка по мосту,
Видит на мосту кучу хворосту.
Хворост, сватушка, размети-ка,
А дружке восьмую поднеси-ка.

Наливает. Теперь всходишь в дом. Когда дружка идет за невестой, ну, все соберутся, на демонстрации столько людей нет, сколько там. И дети, и парни, и старухи, которые под окошком все время сидели, а тут пришли провожать невесту.

Здравствуйте, старые старухи,
Опаренные ваши[1] маврухи!

(Раньше тоже хулиганили, ну, немножко, как-то поаккуратнее.)

Ваше дело не на нас глядеть,
Вам надо домой бежать
И зятей угощать!

Здравствуйте, маленькие ребятишки,
Ваши голые пупишки[2]!
Ваше дело не на нас глядеть.
Вам надо домой бежать
И из портфелей колы и двойки выгонять!

Теперь, значит, это уже к робятам, там робят набежит — до дурости! Они девку будут тоже продавать, робята тоже содерут с жениха-то.

Здравствуйте, молодые молодцы,
Наши будущие бойцы! *(Перед ними-то геройствуешься!)*
Ваше дело не на нас глядеть,
Ваше дело — красну девицу полюбить,
За кусты ее завести
И вокруг ее пальцем обвести!

---

[1] Вариант: " Ваши опрелые".
[2] Вариант: "Опрелые ваши пузишки".

Девкам говорю:

Здравствуйте, красные девицы,
Рукодельницы, мастерицы!
Ваше дело не на нас глядеть,
Ваше дело — венгерочку[1] навить
И красавцев полюбить.

Сравните: № 542.

Теперь, когда сват-то [отец невесты] опять выходит с вином, ты и говоришь ему:

Сватушка родной,
У тебя, говорят, зуб золотой,
А у меня железный! *(Все: "Ха-ха-ха!..")*
Поговори-ка со мной, любезный.
Сватушка родно-о-й,
Налей-ка нам по девятой (по десятой).

К матери:

Здравствуй, свахонька любезная,
У тебя, говорят, душенька железная[2].
А у меня стальная!
Давай, поговорим-ко с тобой, родная.

(Как будто бы и не видались с ней.)

Куда же ты, свахонька, удевалась?
Куда ты ехать собиралась?
Шлет нас за вами,
За дорогими гостями
Наша сваха Марья Петровна.
Всего она наготовила,
Бочку щей наварила,
Велела вам низкой поклон воздать
И вас в гости позвать.

Сравните: № 540 б.

Теперь двигаюсь к молодой:

Здравствуй, красавица девица,
Рукодельница, мастерица!
Мы ехали за вами,
Да Ивана Ивановича *(называешь по имю и отчеству жениха-то),*
Его на поле потеряли.
Велел он вам низкой поклон воздать
И велел вас с собой забрать.

А он сзади идет. Она под шалью, она-то не видит, тут стоит... Раньше звали "заграничная шаль"-то, сейчас я их и не вижу даже, таких сейчас не продают, красивые такие, ими покрывают невесту... Невеста *вопила* тогда, когда за ней приезжали к венцу. Невесту покроют шалью... Подвенечное платье уже на ней. Да-а, в подвенечном платье раньше и хоронили. Раньше подвенечное платье было не белое, а разного цвета: и зеленое, вот у моей мамы было бордовое... Женщины и подруги пели, это в адрес невесты. Невесту росстраивали: "Что сказали...". Спеть, что ли? (*Поет:*)

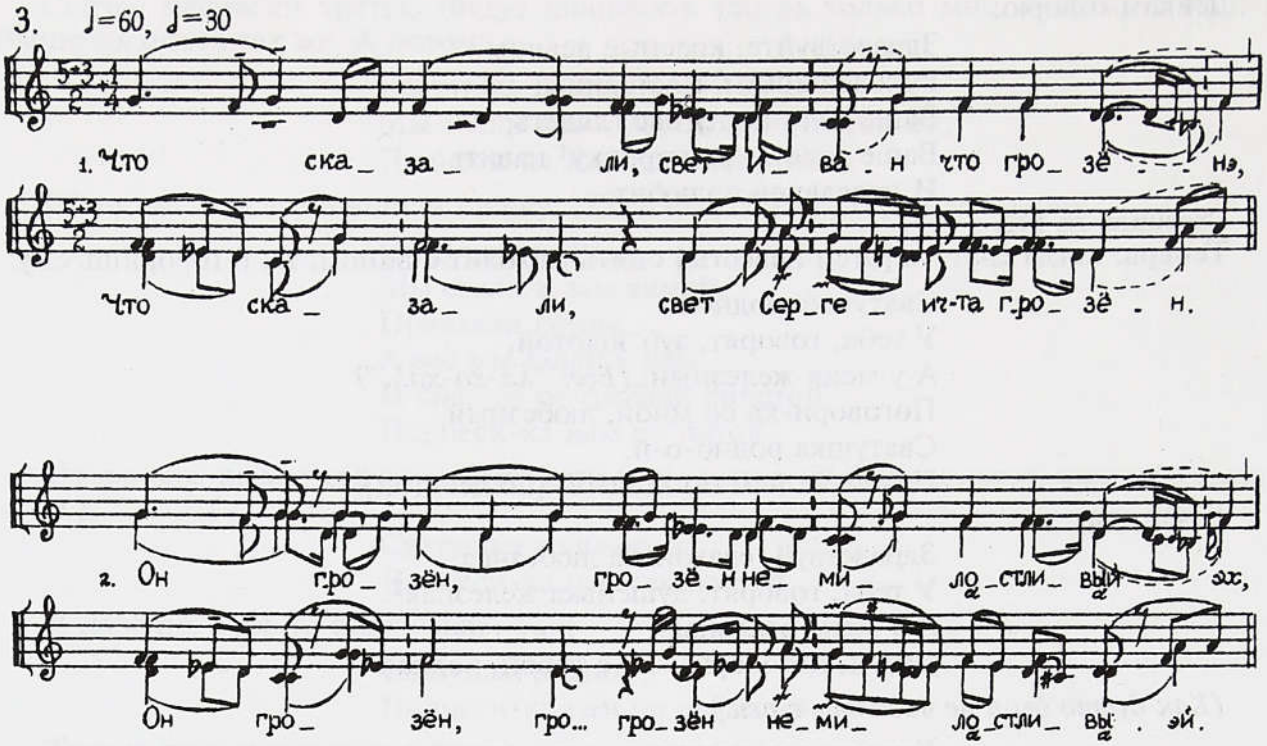
---

[1] *Венгерка* — челка. Вариант:

Ваше дело — венгерочку завивать
Да красавцев завлекать.

[2] Вариант:

Здравствуй, свахонька родная,
У тебя, говорят, душенька золотая.



Что сказали, свет Иван что грозён,
Что сказали, свет Сергеич-та грозён.

Он грозён, грозён немилостливый *эх,*
Он грозён, гро... грозён немилостливый.

Часто ездит мимо тестева двора *э,*
Часто ездит мимо тестева двора,

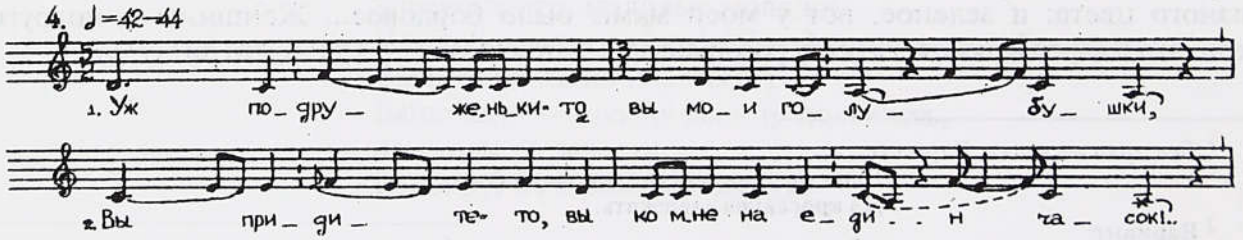
Не заехал к тестю в гости никогда э[1],
Пришло времечко, заехал и зашел *эх,*
Стукнул тростью во новы*е* ворота:
"Дома ль тесть мой, дома ль теща моя?
[Дома ль шурин со свояченицей?]
Дома ль свет моя Ивановна?
Если спит, то разбудите вы ее,
Если в людях, то сходите по нее".
Услыхала тут свет Манечка душа,
Услыхала свет Ивановна.
Услыхала, испугалася,
Во часты кусты бросалася,
За подружек хоронилася:
"Уж вы девушки, голубушки мои,
Схороните меня, м*о*лоду".

Дальше тоже еще есть, но вот я забыла... (сравните: № 199, 368).

Ой, я вам скажу такой случай. В Дичкове задумали надо мной подсмеять. Невесту посадили в гардероб: поставили стул туда и посадили ее в большой ящик. И она там сидит. А сюда — подменили, старую старушку накрыли шалью. И когда жених всходит, она встала, а до этого она вопила, к невесте приваплива всех подруг, родных: "Последний раз я с вами отгуляла"...[2]. Ну я иду, иду, а мне тут уж подсказали из их

[1] Каждый стих далее повторяется.

[2] Напев причитания приглашенной на свадьбу вопленицы в варианте из д. Каменки (Неелово) Лизуновского с/с Александровского р-на Владимирской обл. ЦФЭ 002—101, исп. А.П. Герасимова, 1909 г.р.



Уж подруженьки-то вы мои голубушки,
Вы придите-то вы ко мне на един часок...

же родных, из невестиных-то: "Вернись обратно. Обманывают тебя они, не невеста сидит". Ну я близир-то дала!..А около ее сидит сторож, около "невесты", ну брат невестин или кто-то ближний и требует выкуп за невесту. И вот жених смеялся всю дорогу-то: уж больно что-то много, батюшки, три тысячи за стул, на котором он [сторож] сидит, и шесть тыщ за невесту. Он [сторож] такую цену-то мне назначил, чтобы я отошла, чтоб я догадалася. Да мне и подсказали. А потом от стола-то и повернулась я обратно. Повернулась и гардероб-то приоткрыла. Да я оттуда молодую-ту и вывожу. Вывожу и, значит, с этой бабушки шаль [снимаю]. Тут уж меня упреждает жених, не я ж буду платить-то: "Я за невестой приехал!" А жених должен невесту выкупить. Пусть ставит стакан или бокал — и вот чтобы полный бумажками; в стакан деньги кладут, а этот сторож утискивает их, уминает, пока стакан не будет полный.

Ну двигаешься и двигаешься. Тебе отдруживают эти люди, которые сторожат невесту:

Здравствуй, дружка любезный,
Где ты зашатался?
Где ты завалялся?
Не по полю ли ты волочился?
Не по пояс ли обмочился?
Не куры ли тебя залягали
Задними ногами?

Сравните: № 540 а.

Здесь сторож сидит, а она вот здесь стоит, невеста. Вперед идешь, проторяешь дорогу-то жениху, он все время сзади идет. Когда ослободит [освободит] стул тот товарищ или брат ее, уж тогда жених-то и пробирается. Подруга эта уходит, встает на ее место жених. А другая подруга-то стоит все время. Сторож — на стуле, да-а.

Сынок, вы не скупитесь,
Вы нас пропустите,
Мы отблагодарим вас.

А он и говорит: "Пожалуйста, пожалуйста". А сам не слезает со стула-то. Да-а, через него-то не пролезешь! Подруга рядом стоит, около ее, а бывает и две даже стоят. Вот он и требует три тысячи за стул да шесть тыщ за место! Да-а, и потом уже за невесту дашь. "Шесть тыщ за невесту". — "Ну а прежде чем платить деньги-то, надо сначала поглядеть". Надо ж ее увидать, невесту-то. Все в дом зайдут, а жених шаль снимает. И жених росплачивается. Сперва начнет мелочи класть, не в стаканчик, а в стакан или бокал поставят. До половины накладет мелочи, для юмора. Из одного кармана, из другого... Тут приговаривает дружка:

В одном кармане
Золотой на аркане.
В боковом кармане
Получше ищи:
Пятак на цепи.

Он ей пятачков-то накладет: и отсюду, и отсюду, и отсюду, изо всех карманов насыпет. Тот все не соглашается, головой мотает. Теперь полез за крупными. Одну — он потискает ее, затискиваёт ее туда. Опять пожимает плечами. [Жених] полезет в другой [карман], еще положит — он опять затискает. Полезет сюда, еще тащит. Опять! (*Стучит по столу.*) Уже до того докладется, что уж самую последнюю рублевку кладет. Вниз-то крупные, а *на*верху — всё! Ну а сторож потом их отдает на свадьбе все равно невесте ж, он же брат. Он ей потом, когда собирают *молин* [дары], все деньги отдает.

А потом же молодых берешь и за стол сажаешь. Тогда и все гости садятся. Тут выпьют, конечно, чайку. И винца выпьют те, кто приехал. Невеста не пьет, нельзя. Ведь их причащают, когда венчают-то. Оне даже и не едят целой день.

Попьют, и забирает невесту жених. Когда дружка уходит из-за стола-то, значит, со стола берет бутылку и стопку. Ну и чего-нибудь в карман сунет, пирог там, на закуску. К матери:

Свахонька любезная,
Ничего мы у тебя не возьмем,
А любимую дочку увезем!

И мать заревет, и невеста заревет, когда выводят ее. Это называется *вопля* молодой. Увной такой, нервозной. Но я никак мотов-то не наберу (*наговаривает слова*):

Отходила-то я по торной дороженьке,
Относила-то я новы сапоженьки.
Отслужила-то я родной матушке,
Отслужила я родному батюшке.
Уж пойду-то я служить чужой матушке,
к чужому батюшке.
Буду я верна сво(е)му другу *(ну там, Петру Иванычу)*.
Не забуду я свою родную матушку,
Уж и я навещать-то ее буду.

В общем, заклятье такое дает. Ну слово такое дает сама себе.

[Жених с невестой] сядут на первую лошадь. Он повезет ее к венцу, едут уж на одной лошади. Дружка обходит лошадь три раз с иконкой. Иконка в руках, да-а, чтобы не было никаких препятствий. Оне поедут к венцу. Дружка садится на заднюю лошадь или в середках где-то на какую-то. И в середке деревни останавливается весь обоз, все девять или десять лошадей. Дружка вылезает и идет наперед невестино "сердце рвать". Молодые тоже слезают, подбегают, и им наливаешь. Это дружка угощает. И приговариваешь:

Чтоб к другому не ходила,
Чтоб другого не любила!

Сердце рвем. Нальешь ему стопку, он выпьет. И вот, молодежи наливаешь и это говоришь. При этом носовой платок на ленточки, кто выпьет, тот рвет. Для того чтобы к другому не ходила и другого не любила. А жених смеется, ему ло-ю-бо, что ее сердце рвут! А потом садится опять на свою лошадь, и едем.

А после венца едем к жениху. Уже тут встречают родители. Жених невесту забрал в свои владения. Если это на селе, то певчие водили молодых с пением до дома. И певчие садятся за первый стол. Если есть место, то и родные сядут, а если нет, то первые — молодые и певчие. Певчие им такую же службу, как в церкви, и за столом в доме сделают. Ой, так было торже-е-ственно!

Столы накрытые, четверти с вином тоже стоят. Первые родители поздравляют, ну, чтоб жили долго, жили дружно. Теперь дружка:

Дорогие молодые, поздравляю вас с законным браком.
Желаю вам долгих супружеских лет жизни,
Чтоб вы жили вместе
Лет сто или двести.
Чтобы имели большесемейность:
Сколько на болоте кочек,
Столько было бы у вас дочек,
А сколько в лесу пеньков,
Столько было бы у вас пареньков.
Чтобы все были с хорошими специальностями:

Чтоб были трактористы,
Танкисты,
Артисты,
Гармонисты.
Еще желаем,
Чтобы жили от пятницы до субботы
И без заботы!

Сравните: № 573.

Для юмора, для смеху-то и получается весело. Ну раньше-то, конечно, не так было немножко. Раньше было все "дай Бог": "Дай Бог вам долгих лет" да "Многая лета" споют, кто знает. Спеть?..

Ну, дорогие молодые,
Дай Бог прожить вам вместе
Лет сто или двести.
Дай Бог вам здоровья
И долгих лет жизни.

Вот и запеваешь (*поет "Многая лета", раскладывая голоса по партиям*). Когда вокруг [а]налоя водят молодых, поют, это в церкви. И за столом тоже "Многая лета" пели... Потом, если кричат "горько", то смешат людей. Кто скажет дюжину, кто полдюжины — считать начнут. Оне целуются, а кто шутить любит, встает и считает на пальцах: "Оди-и-н, полтора-а... Два с полови-и-ною". Оне уж там третий раз или четвертый целуются, а у него все "два с половиной". И тут вот, знаешь, их догонят до двух десятков. А тот скажет: "По-голуби-и-ному!" Это — через носовой платок. — "По-совиному!" А по-совиному так вот: в щеки.

Родители поздравили, потом дружка, ну еще из родных поздравляют, и молодежь, и подруги, товарищи его поздравляют. А я вот, например, наливаю стопку (чаю или там чего, я вина не пью) и туда запыряю кусок хлеба: "Горько, горько! Видите, — в нонешнее-то время, говорю, — атом попался. Горчит невозможно. Давайте сладите!" Оне поцелуются два-три раза, а я пригублю и опять: "Не-е-т, нет, чу-у-уть-чуть с одного краешку". Еще три раз заставлю. А раньше-то "атома" не было, как-то было темнее, чем как сейчас. Сейчас больше шуток. Ну весело-то было, но как-то молчаливо. Сейчас больше словесности, больше юмора. "Чтобы были ваши дети трактористы...". Кто сейчас нужен? Трактористы. А раньше так не говорили. Все это современное. Ну и знаете, народ, который выпимши: "Ха-а-ха-ха!"

Поздравили все, ну а потом запевают песни. Пели "Улицу". Бабы на мосту запоют, *корурку* просят (пирог такой или лепешка), а молодые выходят, невеста им выносит. (Поет песню "Улица, улица широкая моя".) А потом уводят молодых-то, спать их кладут.

А будить ходили с сухим веником. Это — дружка, кто ж чудил? Ды и еще ее подружка любимая. И вот их "парили" в постели прямо. Оне лежат, а мы ведь будить ходили. Оне дожидаются. Если опоздают, стащим одеяло-то и голых похлещем. В общем, хулиганили. Ой, ужас! А жених ее, невесту, кроет! Коли раскутался-таки еще больше, так нахлещем, что красные даже сделаются. За то, что мы их выпарили хорошо, когда все листки у веника оборвутся, оне уже нас благодарят. Невеста подарок давала, ну или на платок, или кофту какую.

На тот день собирают **молин** после обеда, иногда бывает и до обеда. Берешь тарелку пустую, и еще берут с закуской и с вином тарелку кто-нибудь с жениховой стороны. За деньгами-то подходит дружка, а у того в руках тарелка, вино стоит на этой тарелке и закуска. Наливаешь и приговариваешь (предсказок-то много очень):

Помогите нашим молодым ребятишкам
На молочишко,
На штанишки,
На трусишки.

Тот кладет подарок... К каждому отдельно к гостю подойдешь, он тебе положит, нальет ему твой пантёр [партнер], он выпьет, и понесешь к жениху и невесте. Отдашь, высыпешь. Дальше пойдешь, вот, долезаешь до всех. Раньше скамейки стояли и по ту сторону, и по эту сторону стола-то. А в середке только пролезть. Кто чем давали, но больше деньгами. Собирали деньги, натычут в щель на потолок. Вот, жених должен невесту поднимать... Потом тут посуду бьют и по ней топчут (*топает, будто топчет*) и деньги сюда бросают. А невесте дадут веник, она начинает мести мусор. Начинает не к двери, а туда-сюда наперед для смеху. "Не умеет мести!.."И вот золовка подходит, берет у ней веник. Возьмет веник-то, немножко помахает, махает (*подражая надменному тону*): "Ой, занозила палец". Невеста подходит, ей платком завяжет ручку веника.

Невесту воровали и сейчас воруют, тоже на другой день, когда жених прозевает. "Иди, тебя там пришли спрашивают". Ну другой лопух вскочит, ее оставит. А ее в это время и увёдут, и запрут где-нибудь. И тут жених должен платить, это ж его товарищи делают.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В СЕЛЕ НИКОЛАЕВКА КАСИМОВСКОГО РАЙОНА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

(В изложении собирателя)

Обычным временем для свадеб были осень и зима, исключая Филипповку. Сваты, родители жениха, крестные приходили в избу, садились под балку, начинали разговор с родителями девушки: "У нас ярочка потерялась, не к вам ли попала?" Если хозяева согласны были сосватать свою дочь, тогда обе стороны решали со сроками, когда дом жениха смотреть, когда богомолье, когда запой. Богомолье могло соединяться со сватовством, если вопрос о свадьбе считался полностью решенным, или устраивалось отдельно после осмотра хозяйства жениха.

Если было достигнуто предварительное согласие, родители невесты ходили **смотреть дом** жениха, после чего их угощали и обговаривали хозяйственные вопросы, прежде всего о затратах на свадьбу и приданом невесты. Невесте помимо приданого "ладили норму" — картошку, зерно, чтобы ей хватило до нового урожая.

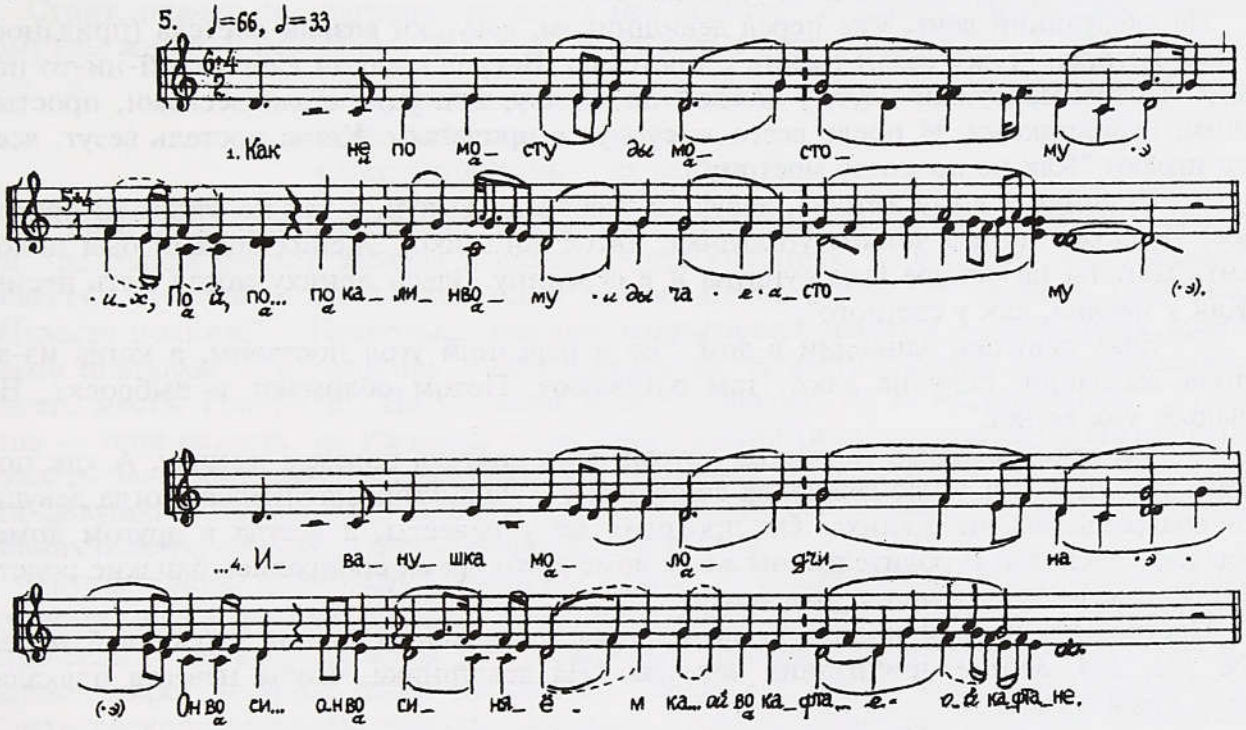
Примерно через неделю после сватовства назначали **запой**. Родственники жениха приезжали в дом невесты, где собиралась ее родня и подруги. Жениха и невесту сажали за стол вместе, угощали родню и девушек, жениха величали:

Как у месяца,
как у светлого
золоты лучья.
У Иванушки,
сына Иваныча
вились кудрюшки.
(О)ни вил*и*сь у него, перыплеталися,
Они в тр*и* ряда перьвивалися...

Запой был первым событием, у всех на глазах закреплявшим договоренность о свадьбе. После запоя отказ от свадьбы полагался недопустимым, а девушка считалась просватанной невестой.

Как только невесту просватают, молодые бабы и девки ходили петь "свадьбишные" песни под окно невестиного дома. Могли пойти в любой день от сватовства (запоя) до девишника, а обязательно в последнюю неделю перед венчанием. "Вечером собирались бабы молодые невесту дразнить под окно, чтобы невеста поплакала. Поют: "Похвались хвалой, все и Аннушка" (№ 355), "Пелепелушка все и Аннушка, / Ты зачем рано все вылетывала / Из широкого из подворьица, / Из высокого нова терема?.." (варианты № 244 а, б). А невеста плачет в доме. Заходят девки и унимают ее". Невеста услышит пение, садится к окну и причитает (вариант № 18). Девушки заходили в дом, унимали, успокаивали невесту: "Не плачь, Аннушка, не в чужую улицу, не за курицу, а за хорошего доброго молодца".

За два дня до свадьбы и за день до девишника подруги **украшали елку**. "За елкой в лес пойдем, срубим маленькую, нарядим ее тряпочками. Идем с елкой к дому невесты и поем:



Как не по мосту *ды* мост*о*му *эх*,
По й, по... по калин(о)вому *ды* част*о*му.

По калин(о)вому да част*о*му *эх*,
Тут, тут и ше... шел-прошел детинушка.

Тут и шел-прошел детинушка *эх*,
Да, да Ива... Иванушка молодчинушка.

Иванушка молодчина *э*,
Он во си... он во синяём ка... *ой* во кафта... *ой* кафтане.

В новым синяём кафтане *эх*,
Держит ру... держит руки во... *эх* во кармане.

Дёржит руки во кармане *эх*,
За... за нём е... за нём ехала *да* все каретушка.

За нём ехала *да* каретушка *эх*,
Карету... каретушка *да* не... не простая.

Каретушка не простая *эх*,
По... под ней ко... под ней кони во... *э-ой* вороные.

Под ней кони *да* вороные *эх,*
Извозщи... извозщички мо... молодые.

Они хлыщут, подгоняют *эх,*
Все и Ма... все Марь*ю*шку *да* за... забавляют.

Сравните: № 305.

Подходим к невестиному окну и начинаем невесту хвалить: "Похвались хвалой, все и Аннушка", — под окном с елкой поем. А невеста начинает в доме плакать:

Вы любезны мои, а вы подруженьки,
Вы не пойте-ка мне песни свадьбишные.
А вы спойте-ка мне песни улишные,
Которые я с вами играла на улице...

Вариант № 244 б, причитание.

Девки заходят с елкой в дом, унимают ее".

На следующий день, уже перед девишником, девушки **возили постель** (приданое) в дом жениха. "Елку везли вместе с постелью. Вперед с елкой едет какой-ни-то парень. Потом подружки идут, у каждой по одеялу, или узлы с занавесками, простынями, наволочками. И после всего — сундук с приданым. Когда постель везут, всегда играют "Как не по мосту мостому".

Подойдя к дому жениха, девушки требовали выкуп, а так не отдавали приданое: "Положи на все четыре уголышка, пятое донышко!" Жених должен был положить монеты на четыре угла сундука и в середину. Здесь жениху могли петь песню "Как у месяца, как у светлого".

Елку девушки заносили в дом. "Ее в передний угол поставим, а когда из-за стола вылазили, елку не дают, там оставляют. Потом обломают и выбросят. На свадьбе уже ее нет."

"За елкой сходим, потом на другой день постель повезем жениху. А как постель увезли — тут у нас **девишник** собирается"[1]. Девишник начинался, когда девушки возвращались от жениха. Он проходил не у невесты, а всегда в другом доме, обычно соседнем. В родительском же ее доме в это время собирались близкие родственники жениха и невесты, угощались.

Настроение первой половины девишника создавали основной свадебный напев (№ 183, 244, 355) и причитания невесты. "На девишнике, чтобы невеста плакала, пели прям в избе:

У ключа-ключа у текучего,
Там и Марьюшка все дары мыла,
Дары браные, полотняные.
Там Иванушка вел коней поить... (№ 183).

---

[1] По сведениям, полученным Е.А. Самоделовой в этом же селе в 1992 г., девишник у невесты устраивался за день до свадьбы. На следующий день утром девушки шли за елкой: "Украшают елку дома — зимой ведь выходят. Украшают лоскутами, елка кудрявенькая, урядют ее. Подходят к дому невесты, поют "Похвались хвалой", невеста плачет... Везут постель жениху, елку. Три-четыре подушки девки берут на руки. Одеяла, наволочки, покрывала — все девкам раздают на лошади. Опять "Как не по мосту...". Привезут к жениху, снова — "Похвались хвалой". Выкупает жених. Гуляют у него, он угощает девок и двух мужей с женами, они сундук несут. На него дрепнутся — выкупай сундук: "Мне бы не гремели, а шелестели", — про деньги. Подруга самая первая идет с елкой, оставляют у жениха. Занавески вешать пришли: мы шебалки повесим тогда, занавеси на кровати, на стол — скатерть, когда жених выкупил. В угол поставим на лавку елку. Потом елку в сенцы выставят, растерзают ее, в огород бросят вместе с тряпочками, получше лоскутики возьмут... Жених приезжает за невестой, поезд на следующее утро" (см.: Свадебные обряды Рязанской области. Село Тимошкино Шиловского района. Село Николаевка Касимовского района / Публ. Е.А. Самоделовой // Palaeoslavica. Cambridge, 1998/VI. P. 227—242).

Однако важна не столько эта подвижность соотношений во времени между отдельными эпизодами свадьбы, сколько само их наличие в обряде на добрачном этапе. Последовательность этих действий в обряде могла меняться.

Девки вокруг садятся, невесту в угол посадят на шубу". Девушки играли песни, невеста начинала причитать, сидя в красном углу избы, покрытая платком. Ее унимали: "Хватит, хватит. Ладно уж плакать-то".

Кроме причитаний под песню принято было обращаться с причитаниями к кому-либо из замужних женщин. "На девишнике есть женщины-то молодые, невестины подружки или родственницы, которые раньше замуж вышли. Они приходят девишник смотреть. Невеста выходит из-за стола, вешается ей на плечо и плачет:

Разлюбезная моя подруженька,
Расскажи ты, как во чужих людях жить?
Как свекра-батюшку почитать,
Как матушку-свекровушку уважать?..

Вариант № 24.

Стоит, плачет на подружке, на шее у нее повиснет и плачет. Некоторые хорошо замужем живут, а некоторые плохо-то, тогда они в ответ заплачут:

Во чужих людях незнамых
Куда пойдешь — спросися,
Откель придешь — скажися..."[1].

Вторая половина девишника открывалась приходом свахи (часто из дома невесты, где гуляла родня), жениха и сватов — его крестных. Они приходили **угадывать невесту**. "Половину девишника поют девки. Потом приходят свахи и начинают: "Невесту покажи!" Несколько девушек накрывались шалями — большими красивыми платками — и садились вместе с невестой. Невесту нарочно пересаживали со своего места. Говорили: "Не угадаешь невесту, значит, ты ее не получишь... Угадаешь — твоя невеста, не угадаешь — не твоя". Сваты (или сам жених) должны были указать палочкой, какая из закрывшихся платками была невестой. Указанная сватами девушка раскрывалась сама, и только невесту раскрывала "тайная" подружка. Жених целовал невесту, и они садились рядом за стол.

Потом сваты подносили девушкам *курник* — свадебный пирог с запеченными кусками мяса и целыми яйцами. Этот пирог девки весь выщипывали: "Ой! Такой вы принесли — весь худой, куры у вас там знать клевали. Дорогой вы ехали, у вас наверное пирог вороны, галки расклевали. Заплатите теперь все дырки, заплатите". Сваты раскошеливались, закладывали дыры в пироге деньгами. "Да у нас невеста-то, посмотрите, какая хорошая, вы чего ложите черненькими [медными деньгами]? Наша невеста беленькая, вот чтобы беленькими рублями заложили все дырки".

Девишник иногда продолжался до утра. Кто домой уходил, а кто ночевал у невесты. Утром невеста поднималась раньше всех и будила подруг:

Разлюбезны мои подруженьки,
Заря белая занимается,
Вы вставайте-ко, расскажите-ко,
Как спалося вам темной ноченькой?
Разлюбезны мои подруженьки,
Соберите-ка меня в путь-дороженьку,
В путь-дороженьку, в нову горенку
К новой матушке, новому батюшке.

Вариант № 29. Сравните: № 38.

---

[1] В обряде менялось положение этого момента двойного причитания. Естественным образом оно могло возникнуть в любой день от просватания до девишника либо утром перед венчанием. Чтобы состоялось двойное причитание, необходим был приход к невесте близкой родственницы или замужней подруги.

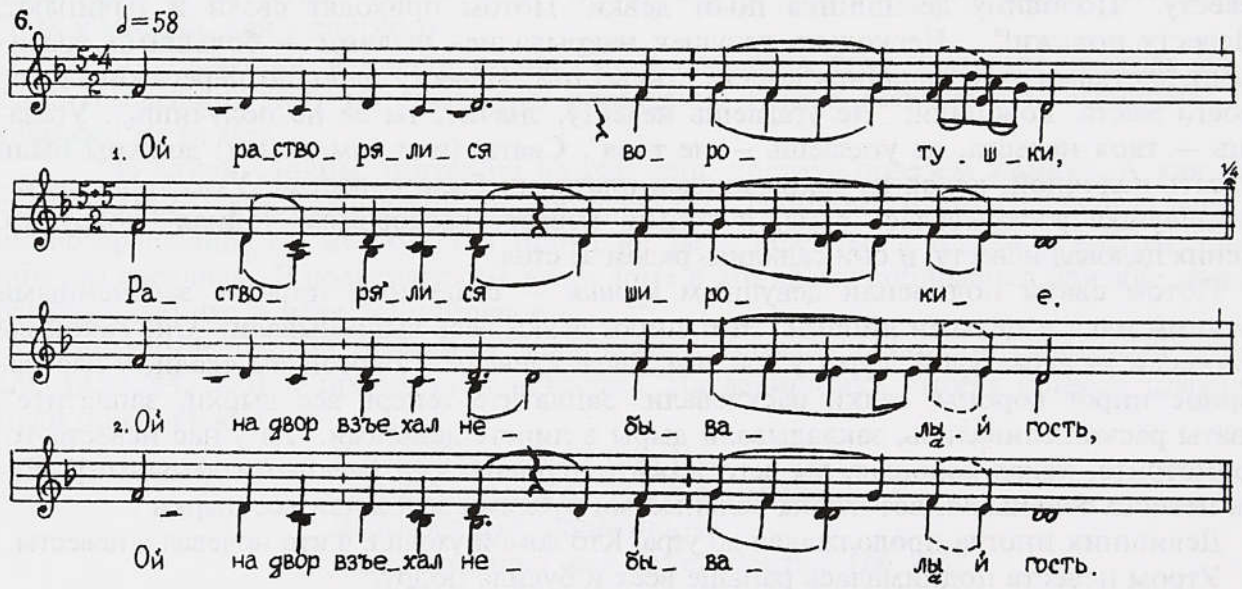
Девушки вставали, и начинались **сборы к венцу**. Невесте помогали одеваться, затем сажали на табуретку посередине избы или в чулане (отгороженнная часть избы около печки). Невеста сидела на табуретке, ей косу расплетали, вокруг нее ходили. Косу расплетала "тайная" подружка, и невеста причитала (вариант № 31). Когда косу расплели, то подходил *коленник* — брат невесты — ей **ногу забувать**: надевал на правую ногу ботинок, иногда монету туда клал. Невеста и ему тоже причитала: "Забуйка мне праву ноженьку, / Мне ехать-то в путь-дороженьку..." (вариант № 37).

Подвенечный наряд невесты состоял из сарафана, кофты или рубахи. Голову покрывали платком. Поневу, которая здесь считалась женской одеждой, молодая надевала уже после свадьбы.

Собрали невесту, расплели косу, забули ногу, потом благословляли. Отец и мать брали икону, хлеб-соль. Невеста становилась на вывернутую шубу, кланялась в ноги, причитала родителям (вариант № 44). Отец и мать перекрестят ее иконой (обычно это один из образов Богородицы) и отдают икону невестиной крестной. Когда приезжал жених, то уже его крестная забирала эту икону с собой. После благословения невесту **заводили за стол**. Это делала крестная, и она садилась рядом с невестой. Невеста причитала (№ 41).

В доме жениха собирали к венчанию поезд. Жениха благословляли отец с матерью. Крестные обходили с иконой свадебный поезд перед отъездом за невестой.

Несколько девушек и женщин песней встречали сватов-поезжан в воротах у невестиного дома:



Ой растворялися воротушки,
Растворялися широкие.
Ой на двор взъехал небывалый гость,
Эх небывалый гость Иванушка.
Ох на крыльце стояла Аннушка,
Ох тут Аннушка испугалася,
Во новы сени бросалася...

Сравните: № 198—200.

Во дворе или на крыльце сватов встречали бабы и начинали *страмить, хаять* жениха и его поезд:

...Что у тя, Иванушка, шея-то колом,
Подай ты, Иванушка, девушкам поклон... (№ 461).

Если жених отдавал поклон девушкам, то сваху и сватов не срамили. Если же он не кланялся, тогда принимались за сваху (№ 471).

Когда девушки всех *прокорят*, сватов пропускали в дом. А жених оставался ждать. В доме пели: "Голубь над водой увивается, / Иван у ворот дожидается" (№ 298). В избе сначала "сваха выкупает место — девки место не дают. Бьются по часу: "Положи на четыре уголушка, пятое донышко!" Она кладет пятачки. "Да вы что, наша невеста не рыжая, а белая, хорошая! Ложите нам рублями, а не рыжими деньгами"... А вот когда жениха заведут за стол к невесте, невестину крестну высаживают, садятся жениховы крестная с крестным. Сядут уже — все захватили. Тут бабы соберутся, девки, начинают их *корить*, денег набирают". Под словом "корить" подразумевали обычно пение величальных песен приехавшим за невестой сватам. Иногда эти величания повторялись и в доме жениха после венчания.

Сначала величали молодых (вариант № 386), далее пели крестному, свахе и всем остальным сидящим за столом сватам. "Кто приезжает в поезд, всю родню повсяковски корят".

Крестному, а также любому мужчине-гостю: "Ох ты умная головушка" (№ 413 а).

Свахе, а также любой гостье: "Государыня-барыня" (№ 408).

Неженатому поезжанину, парню:

Неженатенький, холостенький,
Чернобровенький, хорошенький,
Он по блюдицу катается,
Ровно сахар рассыпается...

Если девушек не одаривали, они продолжали:

Ты, Иванушка, послушай-ка,
Во кармане-то пощупай-ка,
Во кармане деньги водятся,
Они ребрушком становятся,
Красным девушкам просятся.

Если и теперь не давали денег:

Слышишь ли ты, свахонька, песню поем,
Чуешь ли, молоденька, песнь воздаем,
Песнь воздаем, да подарок ждем.

Вариант № 413 б.

Сваты угощались за столом. Жених и невеста перед венчанием ничего не ели: им клали ложки, повернутые ручкой от них. Угостившись, сваха или крестная накрывали последнее блюдо — кашу — караваем, привезенным жениховой стороной. Это означало, что пора собираться к венчанию. Жених и невеста от ее родителей принимали вместе благословение ехать "под венец", тоже на коленях на вывернутой шубе, тут уж невеста не плакала.

Под песню "Как не по мосту мосту" молодые отправлялись в церковь порознь, жених в одних санях, невеста в других. Родители на венчании не присутствовали.

Из церкви молодые уже вместе, на одних санях, ехали в дом жениха. Снова звучала песня "Как не по мосту мосту". Девушки, подруги невесты, в дом жениха не ездили, а расходились по домам. К жениху со стороны невесты ехала одна лишь крестная.

На дворе молодых встречали жениховы отец и мать с хлебом-солью. Когда молодые в избу проходили, то на самом пороге их хмелем обсыпали, зерном. Молодых вели в чулан (около печи), кормили, одевали невесту в "праздничное", а то ведь венчалась она в "печальном". Потом ее выводили, величали молодых (вариант № 386).

Поезжане еще на невестином дворе обязательно крали курицу, увозили с собой. Теперь эту курицу выпускали на стол и поили вином. Потом ее относили в курятник.

На следующее утро, когда новобрачные еще спали, приходили их будить — **колоть горшки**. Горшки кололи как можно мельче, на черепки. Невеста вставала, брала веник — мести пол, убирать все. Если вперед нее веник ухватит золовка, женихова сестра, невеста должна бросить ей платок на веник. Тогда золовка отдавала невесте

веник, и тут начинали мелочь кидать на пол, по всем углам накидают денег, невеста мела пол и собирала их[1]. А все знали, кто сколько денег бросил. Собрала она денежки — считали, подсчитывали: "Глазастая!" Мусор молодая сметала в угол, и его не убирали до конца свадьбы.

Утром невестина родня и родители приезжали к жениху справлять **приезжие**. Они привозят с собой хлеб-соль. Их встречали молодые и родители жениха со своим хлебом. При входе в дом три раза переменивались хлебами: каравай невесты оставался в доме жениха, а его каравай брали родители новобрачной.

Потом "свадьбишные люди" гуляли по деревне. Тем временем брала невеста ведро, шла на колодец. Там ее встречали, мешали ведра нести, **воду проливали**. Жених должен был прийти, защитить свою невесту. Как подойдет жених, поцелует ее — все, больше воду не выливали.

Когда садились за стол, подавали блины, их свекровь готовила. Жених брал нож, чтобы разрезать горку блинов, но ему мешали, загораживали вилкой. Резать блины должна была невеста.

За столом были **сыры**. Так назывались дары невесты жениховой родне. Невеста должна была положить подарок на тарелку (кому на платье, кому на рубаху), крестная жениха подносила ее, в ответ родственники деньгами одаривали новобрачных.

Второй день свадьбы не обходился без ряженых. "Мужчина девкой нарядится. Кто цыганом, кто побируном. Кто врачом: крест на руку, в халате, шапку-кубанку, на бочок сумку с долгим ремнем, вместо градусника толкушку — картошку мять. Одного Ваську я научила, как к жениху идти. Сено под окном лежало: брыкнись на сено, я тебя лечить буду. "Ой-ой-ой! Врача!" Вынимаю толкушку, наставляю ниже пояса — лежит. "Сердце бьется хорошо. Вот тебе касторочки (водки) в ложку, пронесет тебя хорошо". — "Горькое!" — "Лекарство всегда горькое".

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В СЕЛЕ БУТЧИНЕ КУЙБЫШЕВСКОГО РАЙОНА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

От бабушки я слыхала, как моих родителей сватали. Бабушка и дедушкин отец пришли в пивнушку винца попивать. По стопке выпивали-выпивали, ну и заговорили: "Я возьму вашу Варварушку за своего Егора". Еще слово, другое — и все, сосватали! Подошел вечер, приехали сваты уже **запой** делать. Жениха-то привезли, а девка, это моя-то мать, ничего знать не знает.

Это — быль настоящая. Родители сами невесту выбирали сыну, а ты и не видала своего жениха до самого венца. А как свадьбу играли, вот я тебе расскажу.

Обычно свататься ходила крестная. А если нет крестной, то родители. Словом, "старые люди": крестная, крестный, мать с отцом. Жениха с ними не было. Чтобы им таиться, "обычая тайкового" — того не было, но и не объявляли никому. Вдруг невеста откажет? Считали, позорно, мол, что за нашего парня не пошла девушка замуж. Уж если надеялись, что невеста не откажет, и то отмалчивались, куда идут да зачем.

В большинстве вечером приходили. Войдут в дом сваты и заводят такой разговор: "Здравствуйте, мы купцы, есть ли у вас продажный товар? Прослышали, что у вас

---

[1] По другим сведениям, полученным Е.А. Самоделовой, мать жениха обвязывала веник платком и подавала молодой. Она не начинала подметать до тех пор, пока не накидают денег.

товар красен, пришли товар посмотреть да выкупить". Если жених невестиной родне нравился, то отвечали: "Есть, есть, проходите, давайте договариваться". Если невеста была в доме, то ее в спаленку куда-нибудь отсылали и тогда начинали договариваться: "Когда запивать будем? Сколько людей, кого пригласить?" Еще выговаривали от невесты приданое. Когда между старшими все было договорено, вызывали невесту и спрашивали: "Согласна ли за Ивана замуж?"

Если было у них чего выпить и закусить, то скоро играли запой. А то еще дня два подождут, пока все это соберут, или родственники где далеко, а их позвать надо было. На запой много народу не собиралось. Сродачи да еще, может, самые-самые ближние соседи. Бывало, уже под окном, не дождавшись, когда хозяева откроют двери, начинали песню вот какую: "Обман, обман, свет Татьянушка" (вариант № 230). Хозяева впускали гостей, и те приветствовали: "Здравствуйте вашему дому, принимайте гостей к себе". Их приглашали за столы. Начиналось застолье. Все угощались, "старым" наливали рюмку, поздравляли с зятем и невесткой, а молодых — с нареченным мужем и женой.

На запое главное выговаривали свекру и свекрови, мол, что им купить невесте под венец. Какое у невесты приданое, сколько надо наготовить, чтобы накормить родню — "сродачь", ведь все соберутся... Считали, сколько у кого родни. Если невеста бедная или сирота, то венчальный наряд придется для нее готовить жениховому сродству. Вот договорились обо всем, гости подымались из-за стола и начинали плясовую "Белый лен на долине".

Запой пройдет, потом до самой свадьбы-то еще шесть недель или восемь. В этот же вечер крестная невесты обмеряла жениха. Потому что надо успеть нашить рубашек много, штанов, подштанников восемь-десять пар. Крестного и родителей жениха потом тоже обмеряют, ходят для этого к ним. Невеста все это время собирает подруг, кружева сидят плетут. Всё на руках, тогда никаких машинок не было, там и вязали, и шили, и вышивали. Рушники же сама вышивала холстинны. Когда и у нее в доме шили. Во время рукоделия много пелось песен обыкновенных, не свадёбных. А из свадебных — "В нас на речке, на речушке" (вариант № 185), "Как со вечера, вечера" (№ 207), "Мимо саду зеленого" (вариант № 222), "Как у моря, моря синего", эта песня — предсвадебная, осенняя, собирались женщины капусту рубить, тоже пели эту песню (*поет,* № 184). Девушки с этой песней приданое готовили.

Но не справлялися девушки пошивать, разносили по домам каждая к себе. Потом все это дарилось жениху и его сродичам. На эти **вечеринки** обязательно приходит жених с подженишником, с друзьями, приносит конфет, печенье, а мать невесты готовит ужин. После шитья девушек угощает мать, и тут жених на середину стола высыпает сладости.

Жених невесту никогда до свадьбы не целовал, нельзя было. На гульбища тогда ходили, поговорят там. Ну гуляют, идут рядом. Проводит до дома. Летом девка в маленьком платочке ходит — жених подойдет, снимет платок и спрячет, домой унесет. Потом ходишь за ним: "Когда ж принесешь платок?" Вот так было.

Невесту навещают жениха мать, сестра там, кто есть. Вот, платок ей принесут, то ботинки к свадьбе... Каравай принесут, гуся, уточку. Сделают обед, поугостятся.

Ну все сделали, и начиналась свадьба настоящая — **сговоры**. Берут елочку "на три четверти", ленточками украсят. А еще каравай пекли, а в середку елочку становили. С утра мама или родственница невесты пекла каравай. Или так: прут березовый закатывали в тесто и втыкали в этот большой каравай, а потом и становили в печь. Готовый каравай стоит на столе с елочкой в середке, она наряжена разноцветными ленточками, лоскуточками разными и конфетами. Вечером у невесты собираются родичи, она зовет подруг своих. Приходило много и неприглашенных женщин. Они стояли, песни пели вместе с подругами. А подруги и родные садятся за стол. Невеста — в святой угол под иконы, накрыта кисеею. А в подневестницы (та садилась рядом)

берет самую любимую подругу. Подневестница сильно охраняет каравай и елочку. И девки сидят по обеим сторонам. И песню ей поют, а она причитает.

Вот, жениха еще нету, до того как он появится, песен десять-пятнадцать споют, и невеста над каждой песней плачет. Особенно та невеста, которой жених не по душе, не по нраву. А ведь такого не было, что, кого я люблю, за того я пойду. И она, бедная, убивалась. Просила (*проговаривает без напева*):

Прости мене, мой батюшка,
Может, я тебе чем обидела,
Может, я тебе чем догрубила.
И ты, моя матушка, прости мене,
Может, я тебе догрубила,
Может, я тебе обидела.

Первая песня на сговорах — "У поле лебедушка кричала" (№ 261). Эта песня очень жалобная. Невеста плачет, руками об стол ударяется, а подневестница ее унимает. Смотрит народ, плакали все. Дальше девушки разное пели: "Как со вечера, вечера" (№ 207), "Востужилася перепелушка" (№ 249), "Цвела, цвела липушка алыми цветами" (вариант № 263), "У тереме свечка нежарко горит", "Стой, береза, в поле не шатайся", "Что не белая кудрявая береза" (вариант № 292). Если отдают сироту, песню "Течет речка, не всколышется" (№ 270) тоже за столом поют. Еще пели про сосенку, про ель...

Потом жених приезжает со сватами, с дружком и подженишником, с друзьями, с крестными. Невеста подымается из-за стола, оставляет своих подруг торговаться "за косу". Первыми входят дружок с подженишником. У подженишника всю свадьбу был всегда подвязан бант, а у дружка — рушник через плечо. Дружок — это пожилой мужчина, он будет командовать на свадьбе. Женихов крестный у нас бывал и сватом, и дружком. На нем рубаха, вышита по плечам и подолу, жилетка безрукавная, в руке обычно кнут прошивной, ременный. Он чувствует себя как купец какой.

Они невестину косу выкупляют. Сперва девкам мелочи немного бросают. А девки кричат: "Мало, давай еще!" Подженишник торгуется с девками, дает им конфет и денег, а они смеются: "Что ж ты, на двух колесах ехал или на четырех? Мы, смотри, какую тебе косу вырастили, какую красивую да хорошую...". Подженишник еще подарки раздаривает, еще — девчата и елочку требуют выкупить, и стол, а потом скажет: "Так вы отдаете за золотце или за молодца?" И девушки торговаться перестанут. Жених тогда заходит за стол. Дружок протягивает невесте узелок с конфетами и семечками, она этот платок развязывает и, сколько ни есть людей там, всем раздает сперва семя: "Н*а* тебе, н*а* тебе...". А тогда по конфетке все раздаст. Поют: "Не по сенюшкам Маша гуляла, / (О)на каленые орешки шелк*а*ла" (вариант № 315).

И начинались **дары сватам**. Кто с женихом приехал, каждого подзовут к невесте: она свекру рубашку д*о*рит, свекрови полотенца, холсты. Их припасалось очень много, о свадьбе думали заранее, и чуть ли не с самого детства готовили свое пр*и*даное. Там и деверю подарят, и для золовки платочек, и всем-всем. Когда невеста дарила дары, пелась эта песня:

Эй яблонька садовая, кора золотая,
Ой ляли, лялёшеньки, кора золотая!

Ой и [красная] Татьянушка кору колупала,
Ой ляли, лялёшеньки, кору колупала.

Кору, кору колупала, ковер вышивала,
Ой ляли, лялёшеньки, ковер вышивала.

Ковер, ковер вышивала, свекра даровала,
Ой ляли, лялёшеньки, свекра даровала...

Вариант № 324.

Когда сватов одарили, тогда саму невесту подсаживают к жениху, наверное, вроде подарка. А на это время обязательно была такая песня: "Ой ты, травка медуница, / Медуница луговая" (вариант № 223).

Потом на сговорах начинали припевать, "подыгрывать" парням девушек. Первыми величали молодых, и тогда жених отдаривал деньгами. Подыгрывали у нас так. Две женщины брали тарелку, с этой тарелкой плясали и величали. Кончали словами:

Отдари, Иванушка,
Отдари, Иванович.
Если (о)тдаришь — хвалить будем,
Не отдаришь — хаять будем.

Подходили к парню, чтобы он положил на тарелку, он платил. Спели ему девушку, которую он любит и хочет, так он говорил: "Я не слышал, еще подыграйте", — хоть бы и пять раз ему спели. Ее же. Но если подыграли девку, которая ему не нравится, то денег — не-е, не платил. Скажет будто и то же самое, но вот так: "Вы что? Я не слыхал!"

Прошли эти сговоры. Жених уехал домой, сродачи разошлись. Разъезжалися с песней "Ой соколы вы, мои соколы" (№ 201). Девушки выходят из-за стола, невеста каждую поцелует. Прощалась она с подружками и причитала: "Прощаюсь с девичьей жизнью, со своими подружками". А подружки, было, встают и даже скатерть за собою тянут, чтобы, мол, самим вслед за ней замуж идти.

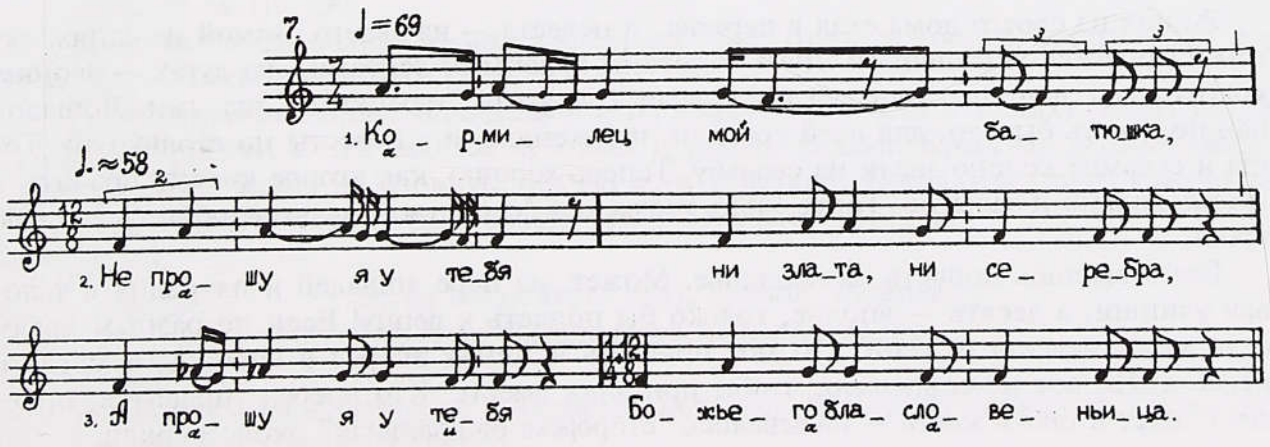
Утром сродачь собиралась и подруги тоже, чтобы проводить невесту в церковь обвенчаться. Девушки сажали ее за стол и прямо за столом расчесывали и расплетали ей косу. В это время они пели:

...Рано меня батюшка замуж отдает,
Не успела я русу косу дорастить,
Не успела в косе алу ленту доносить,
Не успела свои малы годы досидеть...

Сравните: № 339.

В доме бывало тесно. Чтобы никто им не мешал собрать невесту к венчанью, их всех иногда отправляли к соседям. Там и расплетали тогда косу, невесту наряжали в сарафан.

Потом родители благословляли невесту. Если не благословемши, то ведь и доли нету! Стоял отец с ковригой (хлеб-соль) и мать с иконой. На пол стелили шубу вверх мехом, невеста стояла на ней, а крестная держала ее за руку. Невеста кланялась три раза и причитала:



Кормилец мой батюшка,
Не прошу я у тебя ни злата, ни серебра,
А прошу я у тебя Божьего бласловеньица.

Кормилица моя матушка,
Не прошу я у тебя ни злата, ни серебра,
А прошу я у тебя Божьего бласловеньица.

Она кланялась, а крестная поднимала ее. Невеста целовала отца, мать, икону, хлеб-соль. Так же обращалась к матери, кланялась ей и целовала матерю — первую, потом отца, икону, хлеб-соль. Подружки с нею садилися за стол, пели, и уж после этого она без подруг отъезжала (напев: примеч. к № 230):

Отставала белая лебедушка
От того стада лебединого,

Ой от того стада лебединого,
Приставала ко серым гусям.

Ой приставала ко серым гусям,
Начали ее щипать, клевать.

"Вы не клюйте меня, гуси серые,
Не сама я к вам залетыв(а)ла,
Занесли меня ветры буйные,
Ветры буйные, непогодушка".
Отставала свет Марьюшка
От того хора девичего,
Приставала ко чужим людям.
Начали ее ругать, бранить.
"Не ругайте меня, люди добрые,
Не сама я к вам заезжив(а)ла,
Завезли меня кони вороны,
А еще завез меня Иванушка".

Жениха благословляли так же. Только жених, конечно, не плакал. Крестный — *дружок* — вез жениха, был вроде кучера. Когда жених съезжал со двора, ему пели и плясали:

"Куда, куда, черный ворон, крылья направляешь?
Ой раным, ранешенько, крылья направляешь?" —

"Хочу лететь, хочу лететь у чужое поле,
Ой раным, раным раным, у чужое поле.

Хочу найти, хочу найти хоровод черных галок,
Хочу выбрать, хочу выбрать себе черную галку". —
"Далёко ж ты, наш Ванюшка, коней запрягаешь?
Далёко ты, наш Иваныч, дуги закладаешь?" —
"Хочу ехать, хочу ехать в чужую деревню,
Хочу найти, хочу найти хоровод красных девок,
Хочу выбрать, хочу выбрать себе красную девку,
Хочу выбрать, хочу выбрать себе Мариюшку,
Ой раным, раным раным, себе Ивановну".

Жених из своего дома ехал в церковь, а невеста — из своего. Зимой на санях, летом на тележке украшенной. Дуги обмотаны красными лентами, на дугах — звонки, колокольцы звонкие, лошадей окутывали красными "турецкими" шалями. Лошадок пар по десять бывало, для всей сродачи, и у жениха, и у невесты по столько-то. Тогда и седьмое колено звали на свадьбу. Теперь хорошо, как второе колено позовут, а третье колено и забытое. Тогда очень уважалось "свойство", люди держались за свою кровь.

Все старались попасть на венчанье. Может, на паре лошадей и пятнадцать человек улипши, а десять — вполне, только бы попасть к венцу! Если по разным краям села жили невеста и жених, то мог приехать и жених вперед в церковь, а могла и невеста. Но вот не совпадало, чтобы приехали вместе. Кто вперед управится, приедет и ждет в таком месте — называлось "сторожка ожидальная" около церкви.

Наконец, съехались все. Столько коней, столько сродачи — там, около церкви, жутко было!

Примерно уже с начала колхозов жених подъезжал к дому невесты, заходил спокойно в дом. Опять девчата сидели, гостинцев девчатам опять приносил, тут уж откупал не косу (как вечером на сговорах) — самоё невесту. Когда утром выкупал невесту, то с ней не садился за стол, никто не угощался. Сразу ее увозил под венец, если далеко, например из другой деревни, то в разных повозках, а недалеко — вместе ехали. С ними одни пожилые ехали к венцу. Не принято было девчатам с пожилыми ездить. Подружки пойдут сами к церкви (у нас церковь была недалеко), под венцом бывают. А потом ворачиваются обратно до невестина дома. Они у жениха за столом не бывают.

Батюшка повенчает, кольца наденет (медные, не такие, как сейчас), поздравит. Они поцелуются, батюшке поклонятся, руку батюшке и крест поцелуют.

Вышел народ из церкви, поехали к невесте (уже когда колхозы завелись, то с-под венца прямиком ехали к жениху) и жених, и все сродачи, невестины и его тоже. Если далеко ехать, то за дорогу раз двадцать сыграют "Мимо саду зеленого" (вариант № 222), "По улице по широкой, по мураве по зеленой" (№ 350). Люди гуляющие перегораживают путь со всякими шутками, жених и сваты выкупают дорогу.

Их встречают невестины отец-мать, соседи. Первым в дом заходит жених, потом невеста и крестная. Они садятся рядом. А у невесты волос расчесан по плечам. Венчалась — она была покрыта, а как косу заплетать, покрывало снимают. Ее **увивает** крестная, расчесывает. Девушкой ходила у одну косу, а теперь заплётывают на две косы, она ж уже "у двух". Одну косу заплетала крестная, а вторую давала жениху заплести. Крестная укладывала косы: "Теперь ты не девушка, ты одну косу уже не имеешь права носить. Повенчалась — теперь носи две косы". Повойник надевала, жених трижды целовал. Крестная имела при себе хмель, семена от хмеля. Молодежь посыпала хмелем: "Пусть около девчат ребята хмелем вьются, пусть около ребят девчата хмелем вьются!" И молодых посыпала: "Живите дружно, вейтесь друг в друга, как вьется хмель". А сродачь угощалась. Жениху пели:

“Ой был же ж ты, да белой лебедь, на Доне,
На Доне, на Доне?” —
“Ой как же мне на Доне не бывать,
Не бывать, не бывать?
Ой как же ж мне да лебедушку не видать,
Не видать, не видать.
Пошла, пошла да лебедушка в тростничок,
В тростничок, в тростничок...“.

Сравните: № 116, 290.

Плясали, когда величали молодых, родителей, гостя за гостем, много было этих припевочных песен разных.

Потом крестная опять накидывает покрывало, и поехали к жениху. Везет он уже к себе молодицу, с ней садятся крестная и подженишник. Крестная держит свадебный каравай, чтобы не сломать, как он есть, с веткой. Поехали и поют. Сперва печальную: "Из-под лесику конь бежит" (№ 155). Потом веселую:

Летел петух через реку, кричал "кукареку",
Вот тебе, Наталюшка, невестка далёко...

Это, мол, везут к свекру со свекровьей невестку. Еще поют по дороге "Перелётала перепелушка со ржи в пашаницу".

Родители и там встречают с хлебом-солью, с иконой на полотенцах. Под ноги молодым бросают шубу лохматой стороной поверху и к ней половичок как дорогу. Свекор говорит:

Прими от мене, дочечка,
Божие благословеньице
И хлеб-соль.
Будьте ясны, как заря,
Богаты, как земля!

Эта шуба для того и расстилается, чтобы, мол, обросли молодые достатком, побогатели. Покланяется невеста свекру, свекрови (а жених не кланялся), поцелует хлеб-соль, икону, свекра и свекровью. После благословения дружка или подженишник заводит молодых в дом. Вместо стульев раньше были длинные деревянные скамьи, для молодых на скамью под иконами стелили шубу. Сажали молодых на эту шубу, поздравляли их. Свекор и свекровья наливали рюмки: "Ну, Наташа, поздравляю тебе с законным браком. Желаю тебе: будь счастлива, будь ясна, чтобы тебе в жизни не было ни тоски, ни горя". И тут гулянье тоже. У жениха невеста дарила дары: "Эй яблонька садовая, кора золотая" (вариант № 324).

Отыграли в этот день свадьбу, сродачь разъезжалися. Ночь молодые проводили у клети, раньше во дворе такая строилася небольшая комнатка. А у клеть провожала крестная. Тама ихнее и постеля, и сундук невестин, усе там. Они сами собой там находились. Но если очень холодно зимой, тогда у спальне, а у кого-то у отдельных было по две хаты — в одной из этих хат.

Назавтра опять гульня. Молодую молодку подымает крестная женихова или, может, сама свекровья: "Подымайся блины печь. Иди-ка поучися!" Вот наутро и песня была к ее, свекрови, наученью: "У нашей пташки ножки коротки" (№ 307). Подводит ее к печи. Рядом — не то что кастрюлька, а то кадка большая. Дает ей сковородник, она наливает из кадки черпаком, потрусит сковородень, чтобы этот блин был большой. Ну она, может, блин один и нальет, а так больше пекла блины все равно свекровья. Но обязательно, чтобы молодая после первого блина ей повесила на шею вышитое полотенце, подарила руки обтирать ей, оно уже припасено. А раньше дарили не всегда, но иногда не полотенце, а холста метра три-четыре. Если есть у этом доме сестра жениха — золовка, то золовке платок или ленты у косу должна молодка дать.

А в это время приходят "цыганя": наряжались кто кем сумеет: солдатами, доктором, цыганом, цыганкой, клоуном, один обязательно милиционером. Рядятся крестная, сестра невесты, близкие, знакомые. Но только замужние и женатые[1]. Отец или мать невесты — никогда, это неудобно. Идут ряженые по деревне. Пляшут, поют, к прохожим "цыгане" пристают, предлагают погадать, деньги выпрашивают. Приходят в дом жениха **телку искать**. Их пускают сразу, а то скажут, какие хозяева неприветливые. "У нас случилась пропажа. Мы пришли с обыском обнаружить свою пропажу". — "И что ж у вас за пропажа?" — "Да вот, деньги да то-се, а потом, самое главное, у нас пропала живая вещь, телочку украли у нас, увели вчера. Вот мы ходим

[1] В 1950—1980-е годы в роли цыгана часто выступал кто-либо посторонний, всем известный любитель пошутить. Собиратели отмечают, что у таких людей костюм и реквизит ряженого хранились наготове: вывернутый тулуп, шапка, игрушечная собака, привязанная за веревку...

Любительница ряжения А.С. Емельянова, 1931 г.р., рассказывала о том, как она играет цыгана на второй день свадеб (ФЭ МГУ 13 : 6137-6138): "Я захожу во двор и говорю: "Я пришел. Во двор зашел. Открыл хлевы, поглядел: в одном хлеве корова стоит, в другом — свинья. А телушки моей было не видно". Идет хозяин и говорит: "Цыган, что ты тут ходишь?" — "Телушка моя пропала, телушку свою ищу". — "А телушка твоя у меня в теплом хлеве стоит". — "А где ж теплый ваш хлев?" — "А вот где теплый хлев: у меня дома в спальне ваша телушка"... Тут [я] взяла морковь привязала, картохи (*показывает, каким таким образом она имитировала мужской половой орган*). Как у старика. "Собаку"-то веду. Хозяину говорю: "Ну, как тут моя телушка, покрылася?" — "Покрылась". Тут-то говорю: "Так-то моя собака ножки сожмала, что у молодой моей было хорошо все". (*Смеется.*)

ищем, не вы ее украли, не вы ли облудились?" Начинают в шутку составлять акт: "У суд подадим".

Зачем приходят ряженые? А постель проверять. Там они попляшут, попоют песни любые веселые. Сажают их за стол, угощают. А крестная приводит молодых. В старину был такой обычай, требовали рубашку посмотреть, честная ли невеста. И били посуду. Не за то, что невеста нечестная, наоборот, за честность. Посуду били, деньги утыкали в потолок, невесту заставляли подметать, доставать, чтоб повеселее было. Невеста деньги подметет, а они снова раскидывали. А еще горшок с маком разбивали, по хате гоняли, чтобы грязно было. Ты попробуй помой!

А если нечестная, было это давно когда-то, зять хомут надевал на тещу, когда к ней приезжал. Потом "цыгане" обратно пойдут. Они — сами по себе, а жених с невестой сами по себе идут к невесте в дом.

И вот, когда блинов напекет свекровья, то — обычай — едет зять за тещей на **отводы**. Жених с подженишником ехали к теще, лошади и сани уряжены еще злей! Ну как входил жених, так перед тещей сразу на колени: "Спасибо тебе, теща, за темную ночку, за твою честную дочку". И три раза кланялся в ноги. А если она была нечестная, то он этого не высказывал теще, наверное, сам выбивал "честность"... Садились за стол тесть, теща и жених с подженишником, чтобы угощаться. И вот, говорят, теще жених тогда, если нечестная, давал деревянную ложку с прожженной дыркой и блин тоже с дыркой: "На ж тебе, теща, за твою дочку". Были такие разговоры, что для тещи это еще небольшой позор, ложка и блин продырявленные, а надо было бы теще хомут надеть! Но, конечно, на нашем веку этого не делали, разговоры и есть разговоры.

Тогда что же дальше? К обеду тещина родня вся приезжает у гости сюда, к молодым. Поют "У нашей пташки ножки коротки" (№ 307). А тута, когда тещу привезут, то молодых уводят на колодец **воду разливать**. Проверяют, так сказать, работоспособность невестину. Раньше воду носили на коромысле у деревянном бочонке, ушат звался. Дружок ходил с молодыми. Люди сбегались: "Интересно будет, пойдемте смотреть, как там воду будут разливать". Ой, не могу я, только вспомню, как я воду разливала!.. Мне было шестнадцать лет. Пошли воду разливать. Колодезь глубокий-преглубокий, нет дна в этом колодце. А наполнить-то надо деревянный ушат, входило туда ведер шесть. И пока я вытащу каждое ведро, молодая ж молодка! Ну налила ушат. Дружок взялся за один конец коромысла, я за другой, иду за ним, несем коромысло на плечах, ушат на коромысле. Но, знаете, не всегда близко были колодцы. Нести надо во двор, где скот. А тут вдогон люди гулящие да свадебные. В первый ушат лапоть бросали. Воду зачерпывают из колодца и — по молодой, по мне! Сбивают с ног свадебные этой водой. Ищут и молодого, только он-то больше хоронился. Но если найдут, то его всего, с ног до головы выкупают. У дружка кнут ременный, но где ему с ними справиться, с теми, которые безобразничают. Он помашет кнутом, а они свое делают. Оболью-то молодочку! Они даже и не безобразничают, они только соблюдают обычай.

Ушат с водой, может, и дорогой разольем, не донесем до двора. Несем-несем, а кто-то уладится да подскочит, перевернет дорогою этот ушат. Усякие есть шутят, сейчас влезают на потолок с ведром воды. И только молодица воду вносит — бух! И водой обливают. Ей приходилось раза три переодеваться. Это был обычай не очень хороший.

Вода эта разольется, сродачи разъезжаются невестины. Зять угостит тещу, дарит ей подарок, благодарит тещу за воспитание дочери. Тут гульня проходит, потом молодые поедут к теще. Отводы были, это к невестиным родителям ездили уже человек пять-шесть всего, с кузовком за плечами, пироги там. До ночи отгуливают. Потом — по своим хатам.

Остается молодица там, куда ее привезли, и живет-поживает. Что еще рассказать? Свадьбе — конец.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В СЕЛЕ МАРИЦА ЛЬГОВСКОГО РАЙОНА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Свадьбы играли зимой, на Михайлов день, на Миколу зимнего, на Ивана Крестителя, весь мясоед до маслены, а летом редко и только на Троицу. Веселье было большое, мы ребятишками бегали смотреть. А многое и не видали, слыхать только слыхали о том, что и как происходило.

Начиналось все со **сватовства**. Еще невеста вот такая маленькая и жених тоже, им еще друг друга не знать годов пять, а были посватаны уж. Старым понравится своих детей засватать, вот они и пили, и гуляли. У одного малого спросили: "Максим, когда ж у тебя свадьба?" А он: "Не на ту зиму и не на ту... на пятую!" Вот какие были женихи. Мальцы и знать не знали, а их посватали. Но и редко кто хорошо жил, а то все что зря: "Я за тебя не хотела", да друг другу попрекали, кто виноват, искали. Раз старые договорились, значит, закон, никаких разговоров больше не может быть. Вот так-то было.

Ну а кто наших годов, например с девятьсот десятого года, так мы у отца уж не спрашивались, кого мне брать. Сам мог засватать, договориться, домой прийти и сказать: "Я вот так и так, засватал Ульяну". "А что, — говорят мне, — не нашел девки другой?" — "Я себе засватал, а не вам".

Сватать скромно ходили, по шесть-восемь человек, чтоб люди не в убытке были. Все чинно, не помешают друг другу и скорее с делом справятся. Это потом завелась мода идти со своей четвертью и с закуской, по восемнадцать-двадцать человек и гармонист с ними, веселятся и кричат: "Ох рябина-рябинушка, / Ты рябина кудрявая" (вариант № 322). Раньше-то не шумели. Приходил жених с матерью, с отцом, приносили хлеба, водки, сала кусок: "Здравствуйте!" И начинали шутить. "Милые гости, что вы пришли?" — "Ищем телушку, нет ли у вас продажной?" — "Есть телка у нас продажная. А какая вам ко двору?" Ну посватали дочь, договорились без нее, конечно. Ее прочь отсылали с подругой. Вот уже сваты садятся за столы, и тут, бывало, вперед подруга входит в хату: "Здравствуйте". — "Здравствуй". — "Ваша ай нет?" Сваты должны ответить: "Нет, это не наша. Хороший товар, но не наш". А невеста не идет, вперед себя вторую подругу посылает. Сваты опять угадывают. Глядь, только теперь сама невеста входила. Здоровалась: "А я ваша?" — "Вот эта наша. Плохой ли, хороший, а наш товар".

Запой гуляли вечером. Часто даже и на этот же вечер после сватовства. Ну и гуляли на запое. Собирали самогон, готовили закуску. Спевали песню (напев № 235):

Ох милые мои соседушки,
Милые мои соседушки,
Сходитеся на беседу...

Ох да пропили да Ульянушку,
Да пропили да Ефимовну
Да на винную чаро...

Ох сходитеся на беседушку,
Сходитеся на веселую,
Да пропили да Ульяну...

Ох да на винную чарочку,
Да на винную чарочку,
На медовую скляно(чку)...

Девочки баловались у хаты под окнами, с улицы кричали:

Пропили, просватали
За косого за лохматого.

Переоденут дочь, закроют ее и приведут к жениху, потом они за столом сидят вместе. Жених за руку-то ее возьмет, а в лицо ее не видит. Тогда кричали песни вот эти: "Не тесан терём, не тесан" (№ 288), "На марте на месяцу выпала порошица" (№ 235), "У нас на Дону, а в нас на Доночку на крутом бережочку" (№ 233).

Примерно через неделю после запоя и сводов, если близко в своем селе засватали девку, тогда ее родители скажут: "Пойдем **печку глядеть**". Ну ходили к жениху печку глядеть, а что ее глядеть? Только гуляют, пьют родители да с ними на два стола народу невестиного. Человека два (невестины) подымутся от стола, с узлами под мышкой дом обмерять пошли, чтобы шить и шторки, и полога, и на икону, чтобы всю хату нарядить.

Те ткани, что для хаты ("хату нарядить"), разносили по родне, каждая шила у себя дома. Раздавали холсты для шитья даров: молодому двенадцать кальсон да рубах, свекру тоже рубаху да полотенце, свекрови, золовкам, деверям — всем шили дары. Подруги помогали невесте вышивать рушники, перины или сшить рубахи, кальсоны. Они приходили на **вечёрки**. Беседуют и работают каждый вечер. А жених не приходил к ним.

Обычно, когда уже "поглядели печку", решали насчет приданого, всяких хозяйственных расходов. **Договор** устраивали в доме невесты. А договор дороже денег. Например, дескать, надо двенадцать мешков, чтоб муку ссыпать (мешки тогда сами пряли), две или три дерюги, чтобы картошки-то накопать и в эти дерюги положить. Или, например, у девки шуба перешивчатая, нужно новую шубу невесте. Если родители невесты богатые, то с них полагалось пятнадцать пудов зерна жита, если бедные — двенадцать пудов, чтобы по пуду выходило в месяц, ведь на год "дозу" давали. Еще и овцу или пару у приданое давали богатые, когда женились. Но это ж было средк*а*, беднота этого не делала.

То, что нашили подружки и родня, потом складывали в сундук. К вечеру у субботу перед свадьбой *игрицы*-девчата приходили к невесте **сундук провожать**. И братья невесты выходили с хаты, чтобы проводить. Сундук везли в дом жениха старшая сестра невесты, невестки и еще какая родня. Их называли *вечерние свахи*. "Под сундук" эти свахи вечерние спевали "За горою за каменною" (№ 131).

Подъезжали ко двору уже с бутылкою — тут посторонние загородили двери — подносили им. Тогда те пропустили, а то не пускали. Бутыль с пучком калины на стол ставили. Их угощают. Песни, гармонь играет, припевки кричат (называют имена тестя, свахи — сестры невесты, свекра):

У Иванушки беда стряслась,
Катеринушка сундук увезла.
Тимофею радость пришла,
Катеринушка сундук привезла.

Потом сундук внесут. Вечерних заставят все пересчитывать, сколько там простынь да того-сего. Свекрови подадут полотенце, скатерть. И постелку дерюжную: "Нате вам постелку на печку". На дерюжках по тому времю ведь спали — обдерешь все ребры. Это сейчас мы на них не спим, а тогда самотканые те-то были, дак чесанешься! И не чувствовали! Теперь на мягких перинах-простынях проваляешься ночь да заснуть не заснешь... **Дорют** эти свахи свекрову и других женщин в доме жениха, **наряжают хату**. Там и ночевали вечерние.

Пока вечерние наряжают женихову хату, молодые уж первенчаются. Чаще венчались тогда же, когда сундук везли у субботу, а могли и в пятницу, у четверг... Ведь видишь как, жених ехал у церковь со своими родичами молодыми отдельно с своего дому, а невеста — сама по себе, две старшие игрицы под руки ее держали. Например, девчата-*игрицы* проводили с невестой ее сундук, а потом повели ее под венец, пешки ходили. Как раз на заре вечерней. А жених — на лошадке, старушки на улице видят и провожают песней:

Из дубровы зеленой
Бежат-бежат семеро саней...
Ах чей того конь наперед бежит,
Наперед бежит, выступает?.. (№ 132).

В церкви сходются они. Другой раз дожидают, либо жениха нету, или невесты. Ждут, что-нибудь случилось тама. Ну, придут, значит, начинают венчаться. Пообвенчают их, тогда — по своим домам.

Игрицы проводят невесту, на вечёрке скричат у ней хорошие песни, плачевные: "У нас на Дону, а в нас на Доночку на крутом бережочку", "На марте на месяцу выпала порошица"... Мать принесет поужинать игрицам. И разошлись они.

Мать ночи не спит, буровится. Матери забота больше всех.

А с утра игриц начинают собирать на свадьбу. Вот приходит *ранняя сваха* — ее уж назначают, дают ей дубинку такую-то. И пошла она по дворам, песни поет — *дружек* [подруг] скликает. Заходит в хату, скачет-танцует. Это значит, что за игрицей пришла. Та собирается и присоединяется к старшей игрице. Вместе шли за третьей, четвертой, так сбирались все.

Соберет всех игриц, приводит их **каравай** делать. Тесто разделят и раскатают две лепешки. Одну положат на стол, другую лепешку жгутиком сворачивают, ножичком зубчики на жгуте нарежут и кругом той лепешки обведут. А потом всякие фигурочки делают из теста на эту лепешку, чтобы каравай красивый был. Всякие ковылюжечки: и сапетки [корзинки], и как бы винограда веточки, дробненькие бобочки из теста катают, каждая как виноградина. Мать сажает каравай в печь на капустном листе, испечет. Теперь игрицы для каравая **елочку наряжают**. Пучочки калины разложат по испеченному караваю, повтыкают между калинами палочек пять чистых, уж обтешут, и ленточки понавешают на эти палочки. Они ж кучерявые. Навертят на каждую палочку ленточек и бумажек красненьких, зелененьких, и получается "елочка". А потом в бутылку нальют рассолу (когда бураки наскоблят у кадушку, анно рассол розовый, красный сделается). Посадят и в бутылку тоже веточки разные.

Постановили каравай, его как бы сторожила *светелка* — младшая сестра или другая девочка из невестиной родни. Игрицы рассаживались кругом девочки-светелки, слезили невесту и отца с матерью. Если сирота, тогда ей спевали: "В саду кокушечка рябенькая", "Неширокий двор, невеликий сбор, не вся роденюшка" (№ 279). Устраивался *стол*: игрицам наливали борщ, да потом еще ставили кашу пшенную, помаслят для них. Тогда ни самогону, ни мяса игрицам не полагалось. Кричали песни, как говорится, насухо, ни стопочки никто не подносил им.

А ранняя сваха невесте косу расплетала, чтобы молодая была на свадьбе без косы. Примерно когда у церкви уж заканчивается обедня, тогда невеста со всеми прощается, благословляют отец-мать ее, сажают с игрицами. Да платком большим, белым закрывают с головой, жениха дожидать. Игрицы спевают (напев № 288):

Травка ротовка, желтый цвет,
А что в тебе, ротовка, духу нет?

Ой что в тебе, ротовка, духу нет?
А что тебе, млад Иван, долго нет?

Ой что тебе, млад Иван, долго нет,
Авжоль тебе Катерина прождалась.

Ужоль тебе Катерина прождалась,
Из терема на терём металась:
"Написала б письмо — не вмею,
Да послала б посыл — не смею,
Я родного батюшки боюся,
Посторонних людей стыжуся".

Сравните: № 295, 296.

И жениха родители дома благословляют, с иконой и с хлебом-солью. Родня ему спевает, пора после обедни жениха за невестой высылать: "Садовая вишневая рощица" (№ 285). А потом дожидали молодых: "Ой темная невидная ночушка, / Прождалася соколова матушка" (№ 289).

Когда за невестой приходит *свадьба* — жених с друзьями-товарищами, его родня молодежь невесту забирают, — стоят в ворот*ах* мужчины, человек двадцать. Не пускают. Ворот*а* закрыют. Ну тут кто через забор перелезет — его ворочают. Потом подружье приходит или дружко, он тканым белым рушником повязан, достает чет-

верть и разносит этим, кто на ворот*ах*. А подружки с невестой сидят пируют за столом и спевают: "*Ох у ладо!* Воротички скрипят... Пойди-пойди, дружко, а мы тебе давно ждали" (№ 140 а). Заходит дружко, у печь заглядает, кнутом своим играет, а игрицы: "Дружко по избе ходит, у печь заглядает" (№ 140 б). Требуют, чтобы не тянул, да срамят его (№ 488). На столе стоит каравай, уряженный калиною. Свадёбные — невесту выкупать, а сами — этот каравай кабы б украсть!

Сейчас как? Приходят за невестой, старшая дружка с ими договаривается: "'Сколько углов, стольки рублев, стольки и вина". Да подружек отвлекают, а кто-нибудь под стол залазит и с невесты туфлю стянет. А раньше этого не было. Игрицы за каравай дрались. Если кто каравай со стола уворует, то невесту, значит, выкупили. Тут эти игрицы: "Какая вам невеста! Клади вот, договаривайся, сколько денег". — "Десять?" — "Не-е, не пойдет! Добавь". Тут шуму бывало сколько, да так интересно! И за невесту торгуются, и за этот каравай с елочкой, и за цветики (затыкают, было, калиновые цветики): "И что стоют эти цветики? И что стоют на невесты цветики?" — дружко специально торгуется. И спор у них, и ругань. Дружко и подружье деньгами выкупают. Положат, тогда вино всем игрицам начнут подносить, это закон. Тогда игрицы вылазят, а эти садятся, какие приехали за невестой. Когда продадут каравай, то старшая сваха его хватает и скачет с этою бутылкой и с караваем. Невеста оставалась, жених в(о)зли ее садился.

Старшая сваха проходила к невесте, заплетала волосы в две косы, складывала косы и надевала кичку на голову. Была невестой — теперь сделалась *молодая*. Это называлось, сваха **увивала** молодую.

Теперь начинали **обед** им строить, свадёбным людям. Песни кричат заодно женихов и невестины люди. Сперва (напев № 288):

Не грузко тебе, Татьяна,
Что чужая сторона обняла?

Что чужая сторона обняла,
Что чужие людюшки обсели?

По правый бочок свашунька,
А по левый бочок млад Иван.

Потом (напев № 140 б, зачин сравните с № 160 и примеч. к № 128):

Ой погнулися сени, как бояря сели.
Ой не так еще погнутся, как вина напьются,
Ой как вина напьются, меду наберутся,
Ой вина напьются, да вина зелено*го*.
Ой пили-ели бояря, целого вола съели.
Вы побойтеся Бога, не съешьтя другого!
"А мы Бога боимся, одним наедимся".

Поезжан покормят. Они нагуляются, наугощаются (а молодые не поедят ничего, им не положено), весь народ из хаты выйдет. Молодых дружко становит против родителей невесты на шубу, около стола ее стелют. У родителей икона (икона с невестою переезжает), хлеб-соль в руках, они дают свое благословение. Невеста кланяется отцу с матерью, целует хлеб, икону и голо*с*ит:

Спасибо тебе, моя мамочка,
Что мене поили-кормили,
Да велику взрастили.

А мать тоже голосила, жалко дочери-то:

Дай тебе, моя дочечка,
И счастья, и доли,
И доброе здоровье.

Коротко голосют на свадьбе. Только мать, какая дюже в горе растила, у бедности, можа, удова, — дочь и голодная, и холодная ходила, та мать и взрыд голосила.

В сани на ковру молодых сажали, невеста с иконой в руках, с ними едут дружко и подружье. И кучер впереди. На других санях — свахи, они держат каравай и бутылку с красным рассолом. Сзади гармонист и бабы, которые подпевают хорошо и песни любят. Остальные поналепляются кто где. Теперь хмелем обсыпают молодых, и сколько ни есть подвод, будь их хоть двенадцать. Дружко прохаживается по двору, кнутом стебает туда-сюда, а ранняя сваха с блюдечка чайного черпает сушеного хмелю и швыряет по поезду.

На лошадь бубены вешали, лошадь идет, трусится — звенят. И на дугах колкола были. Полотенцами красными, зелеными, всякими обвязывали дуги. На сани (зима!) куль соломы аржаной клали, сверху соломы постелкою и коврами застилали, да и на дрожки стлали, когда тепло. Наряжали лошадей, бантики делали с ленточек, с бумажек. У лошадей гриву выряжали красиво. Поезд едет — это, о! Звенит усе на свете! Усе люди выбирались из своих хат смотреть. Поезд кругом объезжает все село раза два, чтобы люди поглядели: свадьба!

А у нас грязновато на краю деревни. Дак какие пьяные у поезду — свалятся на дорогу, повыкатаются.

Тогда невесты отец-мать, родня помедлют, а потом пойдут к жениху. Туда молчаком пешки приходили, а обратно — все веселые, напьются вволю, натанцуются, идут поют, пляшут...

Молодые покатались, и вот, когда привезут невесту ко двору жениха, запевают свахи:

Выйди-выйди, матушка, погляди,
А что тебе да бояря привезли.

Вариант № 162.

Опять люди в воротах стоят, чужие, не свадёбные. Когда поднесут этим, которые просили: "Выпить надо", тогда уже выходят жениховы мать с иконой и отец с хлебом, встречают молодых прямо в воротах: "Милости просим!" Эти поцелуют, хлебушка откусят (молодая первая, за ней и жених). И ведут их у хату. Посерёд двора люди запаливали огонь, соломы немножко запалят. Когда ворота откроют, лошадь и не загонишь! Пропустят их через огонь, проводят:

Да голубушка наша к нам, наша к нам,
Да княгинюшка наша к нам, наша к нам...

И давай величать! Пляшут все, скачут: "Взыгралси вороный конь..." (№ 383).

А тогда уже сажали за стол. Сажали их на шубу, на овчину. Свахи на столе каравай становили, опять калину втыкают, понавешают ленточек. Молодую ведь закрытую привозили, с закрытым лицом. За стол посодют, а тут: "Открыть надо, может слепая, может, косая?" Жених поднимает платок и целует ее. Уся родня смотрит: привезли хорошую или дурную? Подзывают к столу родителев, тетку, можа, еще родачей, бабку. Наливают, невеста подносит. И каждого называет: "папаша". "мамаша", "сестричка", "братец". Ну кто-нибудь кусочек хлебушка в налитый стакан — хоп! "Э, чтой-то плавает", — приговаривают, чтобы опять поцеловались обязательно.

Уже тут обед создали сватам. А молодым... Их за полог сажают на обед или за грубку, и там покормят их. Отдельно, не со сватами. Для молодой спевали (напев № 289):

Ой затужилася молодая свекровья:
"Ой чем-то мне да невестку привечать?
Ох нет у мене да ни утя, ни гуся,
Ни утя, ни гуся, ни белого лебедю".

А за столы сажали "старых" со стороны невесты. По стопке-другой выпивали и песню начинали. И невестины, и жениховы кричали, песня всеобщая (напев № 235):

Ох гуляйте, гуляйте,
Да гуляйте, гуляйте,
Да заезжие го(сти)!

Ох марайте, марайте,
А марайте, марайте
Да й скатерти-ло(жки),

Да и скатерти-ложки,
Да й скатерти-ложки,
Да столовые но(жки)!

Ох наша Ирина,
Ох наша да Ивановна
Да маленька, умнень...

Ох маленька, умненька,
Да маленька, умненька,
Да й встанет ране...

Ну устанет раненько,
Да устанет раненько,
Да помоет белень...

Да помоет беленько,
Да помоет беленько,
Да посушит суше...

Да посушит сушенько,
Да посушит сушенько,
Да погладит гладенько!

Начало сравните с № 176 г.

Старшая сваха скакала с бутылью и с "елочкой", когда молодых пора провожать в чуланчик спать. Отыграли ночь. Ну гости поразошлись.

На следующее утро приходила будить молодых свекровь и голосила:

Уставай-ка, невестушка,
Уставай, моя ластушка.
Уже куры пропели,
И заря занялась,
А ты еще не поднялась.

А тут ряженые свадёбные и несвадёбные придут шум подымать. "Честность" проверяли на белью. Тэй-то рубахой трепали, вот бесстыжие были! (А сейчас, если девушка честна, то считают дурой...)

Утром молодых посылали на колодезь. Ведры им давали, коромысло обвязывали полотенцем и ведры тоже. Только дошли до колодезя да покуёлдались-покуёлдались, а посторонние люди возьмут да и колодезь закрыют. И ведь знают, уже заранее на колодезь выйдут с одеялом, накроют и веревкой перевяжут: "Все, нет вам воды". Ну что? Туда, на колодезь, выпивку людям выносят и закуску. И давай всех угощать, чтобы для молодых колодезь открыли.

Черпают. Только достанет невеста, а тут подкрадутся бояря, вылыют. Опять черпай! Ды опять подкрадутся. Надо (чтоб эти ведра!..) взять с женихом и домой принесть, чтобы они не отняли. Обое обороняются. Бояря таскают да обливают, пока молодые не сумеют унесть эти ведры. В это время одну песню и когда на колодезь шли, кричали, и с колодезя:

Не ходи ты, Татьяна, рано до воды.
Да там на заре два голуба гуркуют,
Да яны тебе от батюшки оттудут,
А к лютому свекру, а к лютой свекрови пригудут.

Дюже у нее мотив хороший (напев № 289).

После колодезя к обеду на молодую надевали поневу. Понева черная, у большую клетку, клетки тканы белым и красным. И в рубаху с поликами, вышитую, одевалась невеста. Начнется обед тут-то, и вот дорют свекра, свекрову, деверя, невестку, теток, всю родню. Они подходили, молодая подавала рубахи, рушники, платочки, кальсо-

ны, опять называет каждого: "папаша", "мамаша", "братец", "сестричка" или "няня"... Потом каравай разрежут на этом *столе* [на обеде]. Поедят, а немножко оставят и повезут теще с тестем. На обеде пели: "На Дунайку на бережку, / На белому на камушку" (№ 308). Сбиралась молодая к своей матери, и вокруг песни были такие печальные! Поедут молодые и свадебные к теще на второй обед.

На третий день только опохмелятся, а там уже кто-то у гости приглашает из родни. Их — дворов десять: братья, сестры, тетки, сваты... Еще целую неделю, даже больше, две недели ходят **гуляют по дворах**. Готовятся люди и зовут к себе молодых и усех свадебных. Если родни много, надоест ходить людям по дворах. Но ходили же, спевали, играли. Вот так-то гуляли.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В СЕЛЕ БОЛХОВЕЦ БЕЛГОРОДСКОГО РАЙОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

"Когда мне было шестнадцать лет, я работала бригадиркою на лесоприбалочных, приовражных полосах. Сеяли дуб, и акацию белую, и клен, семена собирали, а потом разводили свой питомник. У мене было сорок восемь человек бригада. До восемнадцати лет я работала там. В этой бригаде были самые старухи, которые негодные были на свеклу и на полеводческие работы. И было ж заведено, как садят семена на питомнике, на коленках сидят, эти желуди пыряют — и играют песни. Вот от их я и научилася эти песни играть. У мене самые старые были люди. Раньше ж пенсии не было, работали, кому шестьдесят, семьдесят лет. Двигалась — значит, и шла и работала. Когда я с ими стала играть, то уже на свадьбы меня звали. Даже не родственница и не подруга и кто зны где живет, а придет, умаливает: "Пойдем, пожалуйста", — девки меня звали на свадьбу. И я там еще на свадьбах играла".

Из автобиографического рассказа Надежды Никитичны Тарасовой, уроженки села Болховец. ЦФЭ 903—16.

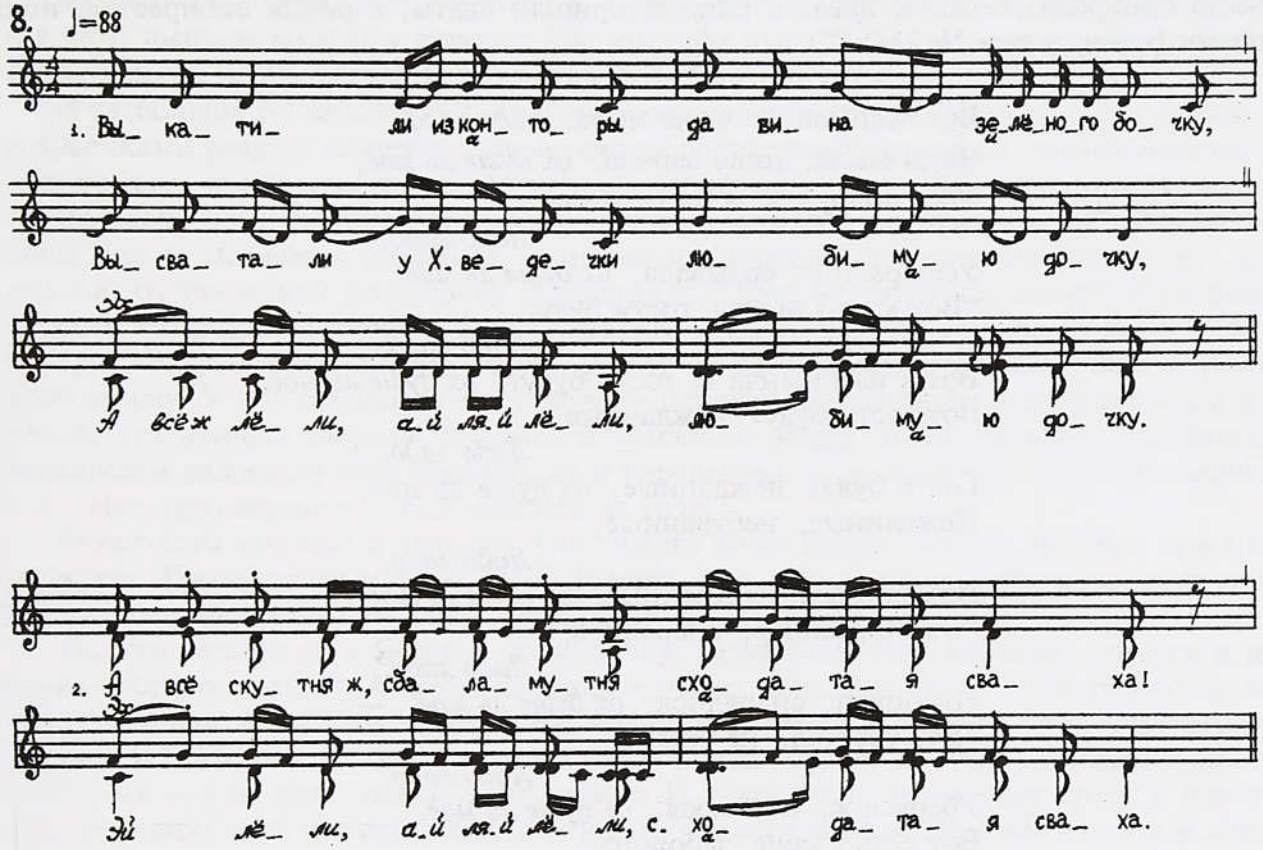
Если дружат парень с девкою, то он же скажет, что придут **свататься**. Обычно его отец, мать, хрестные, с родственниками человек пять-шесть приходили свататься, уговаривали, хвалили его, какой он хороший. Они с собою принесут самогону, мяса вареного, яйцы вареные (раньше так-то ходили), пирогов напекут с фасолями и принесут, хлеба каравай. Какие свататься приходили, эти садятся на главном месте святого угла. И жениха сажают. А тогда уже садятся от невесты там и там.

А если не дружили, то вот... Как мама моя. Пришли свататься: его двоюродный брат, отцова моего, и мой сам отец, и мать его была (отца у них не было), и был ее брат с женою и с сыном. Мама его не знала, не ожидали они ничего. Да свекровья ж будущая, она первая заходит и говорит: "Хата не наша и потолок не наш, а верх наш. — Ну это уже знали, что пришли сваты. — Разрешите зайтить". Заходят они, а мама сразу у кухню — раз и убежала. А тогда дырочка была в двери (сучок выскочил у доски), вот, она смотрела: сидят они двое, отец мой и дядя Яша. Дядя Яша был дюже некрасивый, а отец наш был неплохой. Она да и говорит: "Господи, и за какого ж я буду замуж выходить? Хоть бы за того-то вот! Дюже ж тот гадкай". Она не знала даже, за какого она будет замуж выходить!

Ну дед с бабкой договорились. Мама сирота была, отец погиб в 1914 году мамин. Ну и вызывают ее. А когда она выходит, то идет ее жених встречать к дверям, не то что она вышла и встала. "А где, — говорит, — она?" — "Мотя, выходи!" — дед гово-

рит (маму Мотя было звать). Она дверь открыла и выходит оттуда. Он ей руку протянул, и она ему руку протянула. То-то подвел ее к столу: "Вот наша молодая идет". Посмотрели друг на друга. Отец его хрестный успрашивает: "Ну, Микита, как Мотя тебе понравилася?" — "Понравилась". — "Мотя, а ты? Как тебе Микита, понравилсы?" Она: "Понравилсы". — "Вы согласны свою жизнь соединить с им вместе?". Он говорит: "Я согласен". Она тоже: "Я согласна".

Сели тогда за стол, а они стоят, они не сидят. И мать хрестная запела песню (*поет*):



Выкатили из конторы да вина зеленого бочку,
Высватали у Хведечки любимую дочку,
Эх лёли, ай ляй лёли, любимую дочку.

А все скутня ж, сбаламутня сходатая сваха!
Эх лёли, ай ляй лёли, сходатая сваха.

Она Микитушку хвалила, Мотечку сманила,
Эй лёли, ай ляй лёли, Мотечку сманила.

Она Мотечку сманила, из ума выводила,
Эй лёли, ай ляй лёли, из ума выводила.

Да сказала: "В Микитушки табун коней ходя",
Эх лёли, ай ляй лёли, табун коней ходя.

А в его одна кобыла — как ходить, забыла!
Эх лёли, эй ляй лёли, как ходить забыла!

А сказала, что в Микитушки стадо коров ходя,
Эй лёли, эй ляй лёли, стадо коров ходя.

А в его одна корова, да и та нездорова!

У его там действительно-то все есть, а это ж просто... Маминого-то отца не было, и матери не было, она — круглая сирота. А дед во всем выхаживал. Ну вот, "у Федечки дочку". Она ж ему не дочка, а внучка. Так спели ему песню.

Сватовство это прошло. Ходила мать "поместье смотреть", обмеряла окны, чтоб шторки шить. Вот, ведут невесту к жениху на **разглядины**, как оно называлосы. Там договариваются, когда что будет, когда запой. Это уже после сватовства идет невеста с родственниками или с родною с матерью. Идут и договариваются. И обмеряют, шторки какие шить, и смотрют, что там надо.

А потом делают **запой**. Собирают всю родню, какая будет гулять на свадьбе. Невеста собирала. Когда к невесте еще не пришли сваты, а родня собирается, поют песни (*поет,* напев № 224):

Вот Марьюшка чары мыла, *ладо ладо,*
Чары мыла, пиво варила, *ох душе ль моё,*
Усех подружек в гости звала,
Ладо ладо,
Усех родных созывала, *ох душе ль моё*:
"Вот к нам нынча гости будут,
Ладо ладо,
Вот к нам нынча ж гости будут, *ох душе ль моё,*
Вот гости будут нежданные,
Ладо ладо,
Гости будут нежданные, ох душе ль моё,
Нежданные, небуванные,
Ладо ладо,
Нежданные, небуванные, *ох душе ль моё*". —
"Ох Марьюшка, снарядися,
Ладо ладо,
Ивановна, снарядися, *ох душе ль моё*". —
"Вот уберуся, не боюся,
Ладо ладо,
Уберуся ж, не боюся, *ох душе ль моё.*
Вот есть у мене заборона,
Ладо ладо,
Есть у мене заборона, *ох душе ль моё,*
Вот заборона — Иванушка".

Человек семь-восемь, ну, можа, десять — женихова родня приезжают. И всегда с гармошкою. Их же не пускают: "Что вы сюда лезете, да что вы сюда рветеся?" А те начинают говорить, что, мол: "Голубка залетела сюды. Наш голубь воркует и сюда просится". Ну какую-нибудь "голубку" выводят: какую-нибудь бабку старую. А он смеется: "Нет, не та". Тогда ведут девчонку, года три или четыре. "Вот, только прилетела. Молоденькая, хорошенькая". Какую-нибудь на руки возьмут: "Погляди, какая!" Стоят, опять смеются. А потом уже выходят мать, отец и невеста. Просто одетая она в это время, платьице на ей какое-нибудь светленькое, розовенькое или голубенькое или юбка с кофтой, платочек укрытый на ей какой-нибудь хороший, завязанный под подбородочку, коса заплетенная. Ну и он, значит, узнал эту свою голубку. И тогда родители с невестою становятся и низко кланяются им и приглашают их всех на хлеб-соль, у их хлеб-соль на столе: "Милости просим вас к нам на хлеб-соль".

Сваты привозят от жениха всё, обед его полностью, кроме хлеба и соли. От жениха привозят хлеб-каравай, на полотенце подают его. (Каравай готовят и у невесты,

и у жениха. Когда у жениха каравай да обед готовят, поют там песню: "Стучат, гремят Иванушкины сестрицы". Песня такая есть, но я ее не знаю.) Вот, привезли сваты, становят на стол и холодец, и картошка у их там тушеная горячая, и мясо, и колбасы там, и пироги, и компот, салаты всякие. Это они всё накрывают полностью. Приехали они, сейчас же заходят и начинают: те режут колбасу, эти помогают, расстанавливают блюды, они в своих блюдах холодец замороженный становят, мясо раскладывают... А у невесты становили столы по своей родни. Сколько у ей родни, на тех рассчитывали они там. Жених же скажет, сколько придет родни, но по своей родни столы становили, сколько они родственников соберут.

Жених, когда приходит, садится в святом угле. А потом, когда уже начинается все, вот, выпьют по перву стакану: "За кого мы пьем?" — он подымается и выводит невесту свою. Становятся. За это выпьют, за будущих молодых.

И те больше не садятся. Стоят и потчуют родственников. Хлеб невеста разрезает и кусочками раздает каждому, сперва своим родителям и хрестным, потом его отцу и матери дает и его хрестным. Называет она, невеста, отца хрестного его [жениха]: "папа Вася" (или кто там). И матерю хрестную она уже называет "мама". Эти жениховы уже и ей теперь хрестные. А потом начинает родственникам давать, вот как они сидят, так и дает по кусочку. А те хвалят: "Хлеб же дюже хороший!" И не кверху дном его режут. Вообще режется хлеб дома: нельзя хлеб резать кверху дном — это, говорят, открываешь крышку гроба, кто-то должен в семье умереть. Всегда режут хлеб сверху. У нас свекровья моей дочери испекла, он такой-то был нехороший каравай, что шкорка твердая, отсталая и ломалася, резать никак нельзя. Моя Наташа напополам разрезала этот каравай, да и перевернул Сережка. Он — раз, перевернул, а я: "Нет, нет, верните, я еще умирать не хочу!"

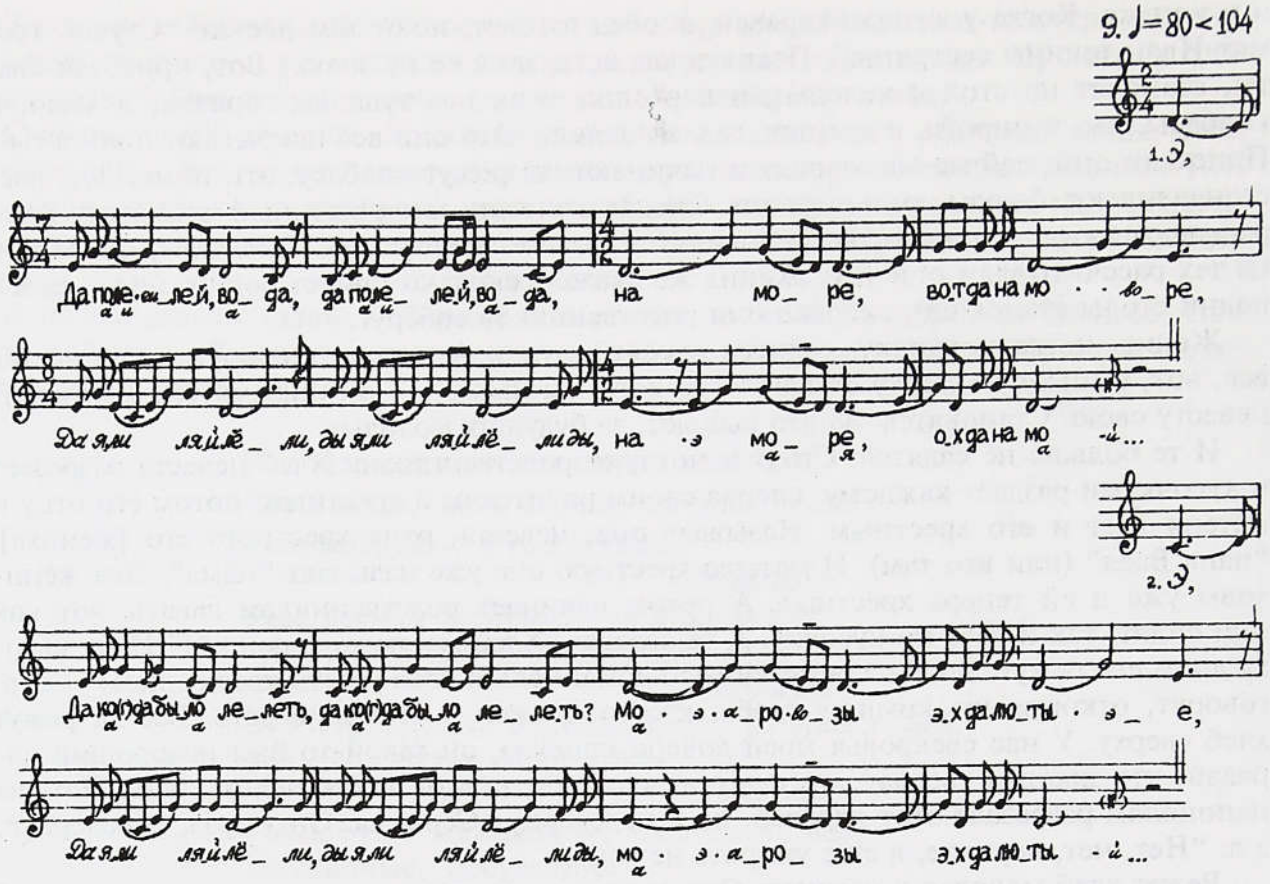
Режет хлеб молодая и угощает. Она сперва возле стола постоит, что вот, она хлеб разрежет. По-за столами люди пьют, гуляют. А жених и невеста тут ходят, воду подносят, кому напоить, или квасу. Они за столом не садятся.

Те, кто приехали, поделили по кусочку, похвалили этот каравай, пожелали им всего доброго каждый. А потом начинают песни петь. Вот эту ж поют песню на запое: "Зеленая наша дубровушка всее ночку прошумела" (*поет* № 247). Они играют песню. Вот их там у родни жениха жумко, этих людей, но они подбирают таких, чтоб у их — у во всех голоса, и они поют. И наши поют. А молодая стоит и плачет. Она ж песню не будет перьбивать, а просто слезами плачет. Да и бывая, что и голосит, ажно крик стоит. А он ее стоит уговаривает. Утешает ее, обещает ей дюже хорошую жизнь (*смеется*). Тогда уже пьют да песни поют.

Отойдет запой. Теперь каждый себе приготавливали дары, а на девишнику и на свадьбе дарили. На девишнику дарили молодую жениховы родственники. На девишник привозят они свои дары и дорют молодую, в субботу вечером. А уж в воскресенье свадьба, от невесты едут — там уже дорют невестины.

Девишник как начинается? Собираются девки, подруги ее. Ложут подушку и сажают ее на стулку, надевают на ей сарафан с кофтой или в платье, расчесывают ее, закладывают ей в косу сахару кусочек, чтоб сладкая жизнь была. Ленту длинную уплетают в косу, чтоб долго жили. Красная лента всегда. И завязывают, такой красивый бант на голове. Венок надевают (перевязка девичья). Восковой был венок, листики зеленые, воск белый и розовенькие три штучки блестящие-блестящие. Тогда ж молодую подымут, а какая хочет — садится на эту подушку, чтоб быстрее замуж выйтить. Когда голову чесали и косу уплетали, пели песни они, я забыла, какие. Она плакала сидела, а ей заплетали.

Потом на девишник дожидают жениха, у невесты девки, женщины поют песни. Много песен поют, когда дожидают жениха (*задумывается и поет*): "Посреди двора Иванушкина" (№ 193). Еще играли на девишнике (*поет*):



Э,

Да полелей, вода, да полелей, вода, на море, вот да на море,
Да яли ляй лёли, ды яли ляй лёли ды, на море, ох да на мо...

Э,

Да ко(г)да было лелеть, да ко(г)да было лелеть? Морозы эх да лютые,
Да яли ляй лёли, ды яли ляй лёли ды, морозы эх да люты...

Э,

Да пожалейте ж нашу, да нашу вот Марьюшку, вся семья, вот уся семья,
Да яли ляй лёли, ды яли ляй лёли да, вся семья, вот уся се...

Э,

Да ко(г)да было лелеть, да ко(г)да было лелеть? Сваточки вот да лютые,
Да яли ляй лёли, ды яли ляй лёли ды, сваточки вот да лютые...

Это не вся, я ее не помню, тольки чуть припоследок (*наговаривает слова*):

Да Ванюшка Марьюшку уговоряя
И с собою забирая, — а вот между этими словами забыла, как...

Сравните: № 259.

Потом играют "У Манечкиного в батюшки три сада зелёных" (*поет,* № 324), три раза она поется, под ее пляшут. Выходят — и, знаешь, топот такой!.. Танцуют и выбивают ее. (*Показывает ритм пляски ладонями по столу.*)

А тогда приезжают (на лошадях же ездили) те, с гармошкою. Приедут — танцы, пляски во дворе. Там опять борьба, не пускают их, задерживают.

Ну заходят они.

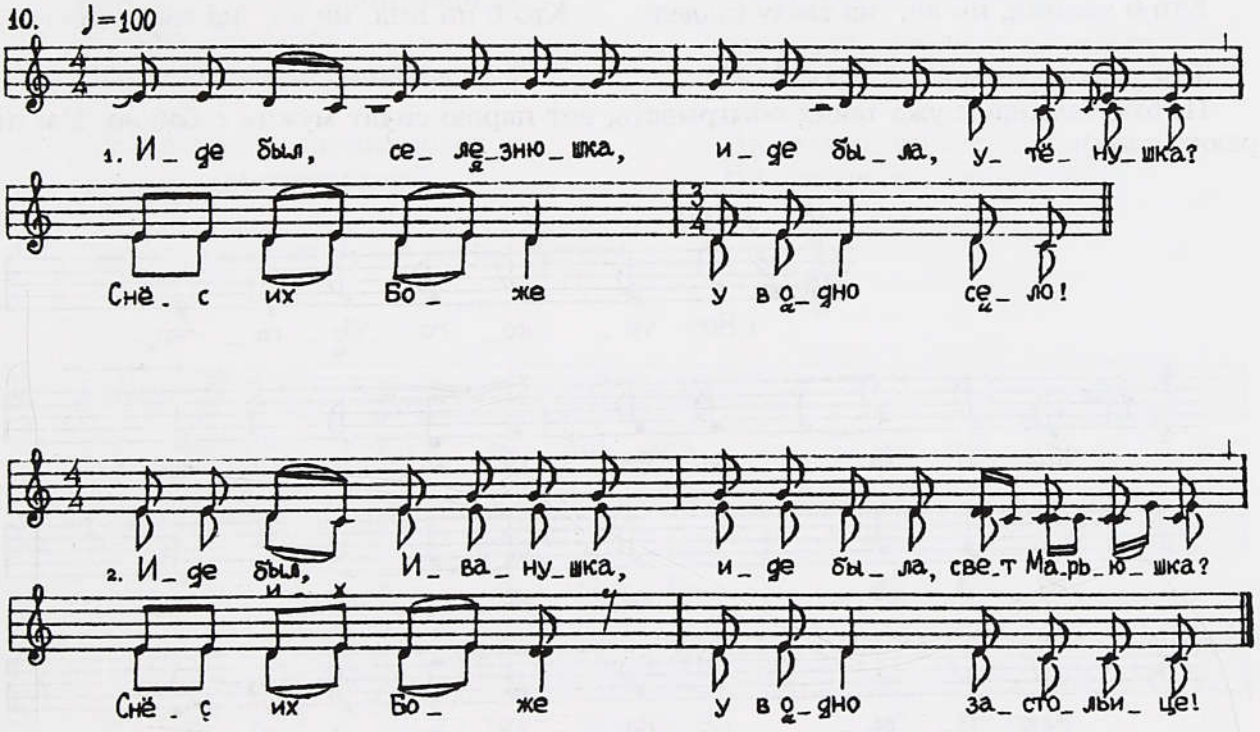
На девишнику, это называется, **сводятся**. Она заходит левою стороною, он заходит правою стороною, и переходят они друг перед другом по-за столами. Сначала им дают рюмки, связанные лентою, и вино налито. Они становятся плечом к плечу,

почокалися, выпили вот так (*показывает: локти соединены крест накрест*). Поставили рюмки на стол, поцеловалися, обходят друг друга и садятся, что правою рукою она к нему сидит. Правое плечо.

Потом поднимаются, и больше молодые не сидят, и с невестиной родни никто за столом не сидит на девишнику. Его родственники посадятся, только жениховы. Посадилися за стол и сразу начали пить, как называется, "за деньги", "на зубок", и начали им ложить — дарить. Подходят первые его отец и мать, первые они ложут. Ну и поздравляют их, поцелуют их. Тогда подходят хрестные, а потом уже пошли все из-за стола: во-о-от такая канитель, все подымаются по порядку, выходят, дорют и садятся за стол. Жениховы дорют молодых, и тогда играют песню "Земзюлюшка луговая" (*поет,* № 224), в ней молодых не называют. Стоят свашка с дядькею (эти от невесты: *сваха сахарная* или *сходатая* называется, и *дядька* от невесты) и принимают дары и деньги, кто что дарили.

Подарили, выпивают, а эти уже начинают **обыгрывать**. И цельный вечер мокрые, потные, кто зны какие, выплясывают! Все ж [величальные песни] выплясывать надо на кругу! Это серёд хаты делается. Вот тут стоят столы, а тут-то вот какой кусок, и на том-то куску они все кистятся. Танцуют и поют эти песни.

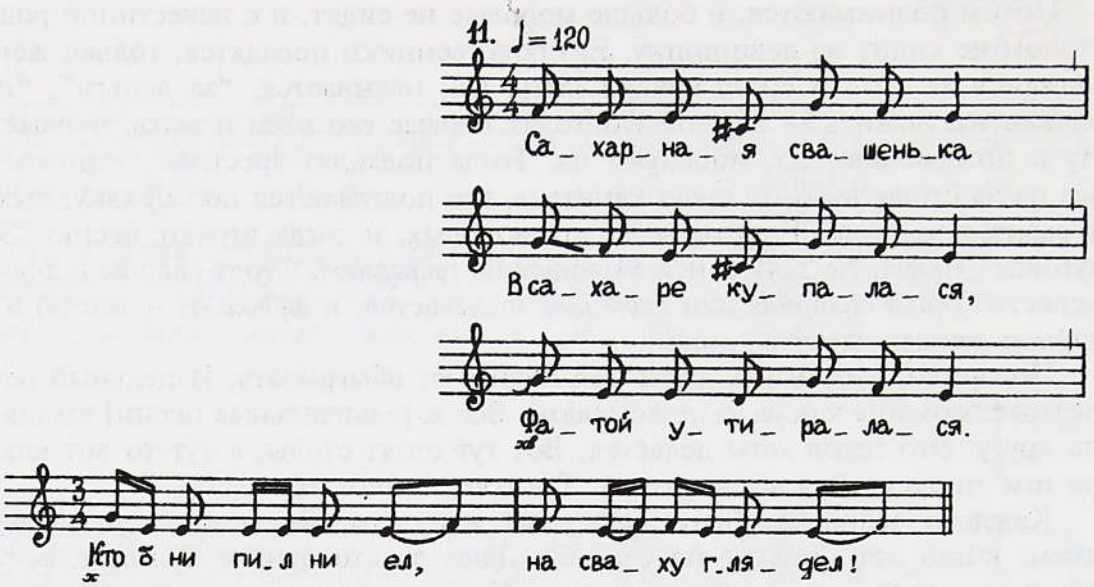
Каждого человека обыгрывают, как и на свадьбе, и вечером на девишнику, и днем, когда вот приедут на свадьбу. Дают за это деньги. Плотют, вот, например, обыграли меня — я должна заплатить. Какая-нибудь одна подруга подходя с рюмочкой, а ей в рюмочку кладут, тогда по рублю ж давали. По два, как хорошую песню сыграешь. А молодые не плотют, они — покланяются. Вот с молодых и начинают песни (*поет*):



Иде был, селезнюшка, иде была, утенушка?
Снес их Боже у в одно село!

Иде был, Иванушка, иде была, свет Марьюшка?
Снес их Боже у в одно застольице!

Вот они встанут, покланяются. Тогда начинают "сахарную сваху" обыгрывать (*поет*):

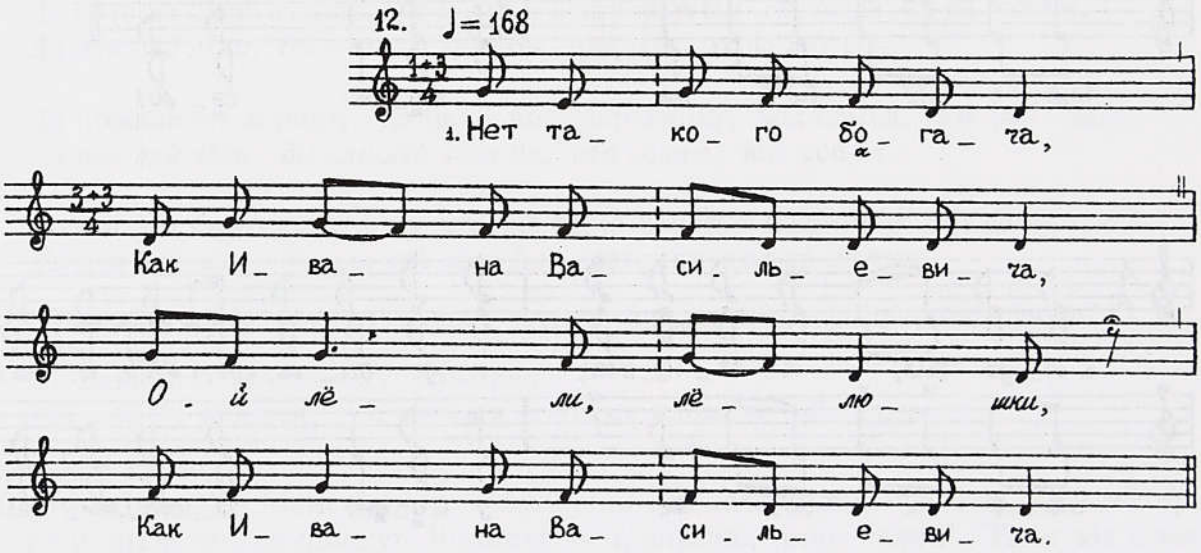


Сахарная свашенька
В сахаре купалася,
Хватой утиралася.
Кто б ни пил, ни ел, на сваху глядел!

Сахарная свашенька
В сахаре купалася,
Хватой утиралася.
Кто б ни пил, ни ел, на сваху глядел!..

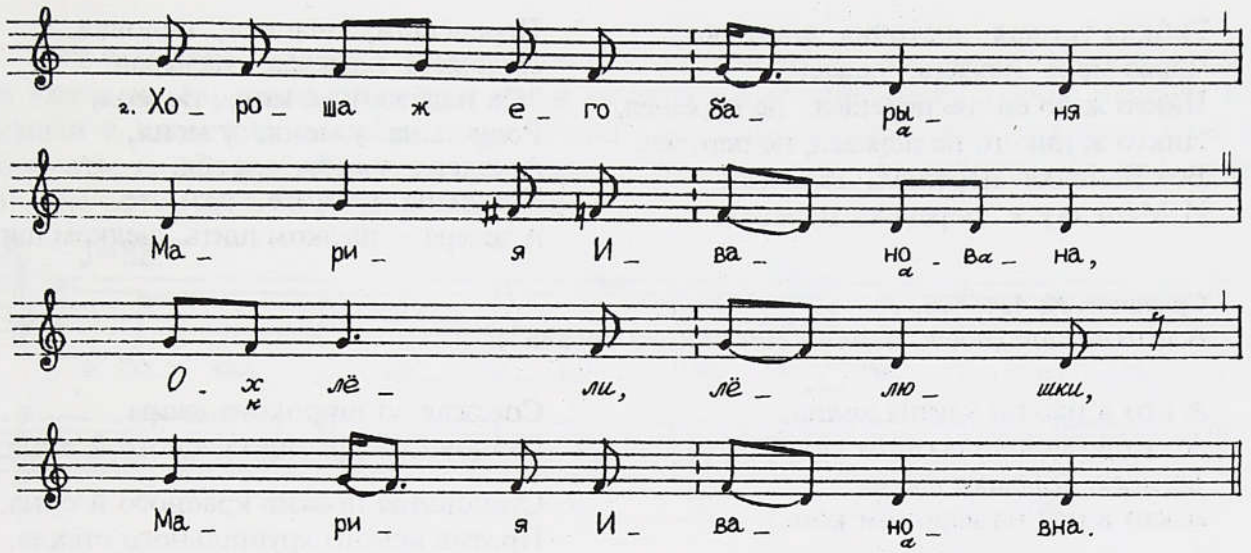
Три раза играют.

Потом начинают уже таких обыгрывать, вот парою сидят мужик с бабою. Им играют (*поет*):



Нет такого богача,
Как Ивана Васильевича,
Ой лёли, лёлюшки,
Как Ивана Васильевича.

(*Как его звать, это я просто говорю.*)



Хороша ж его барыня
Мария Ивановна,
Ох лёли, лёлюшки,
Мария Ивановна.

Мария Ивановна,
Что ж ты пьяна напиваешьси?
Ох лёли, лёлюшки,
Что ж ты пьяна напиваешьси?

Что ты пьяна напиваешьси ж,
На кого ты начаешьси?

Ой лёли, лёлюшки да,
На кого ж ты начаешьси?[1]

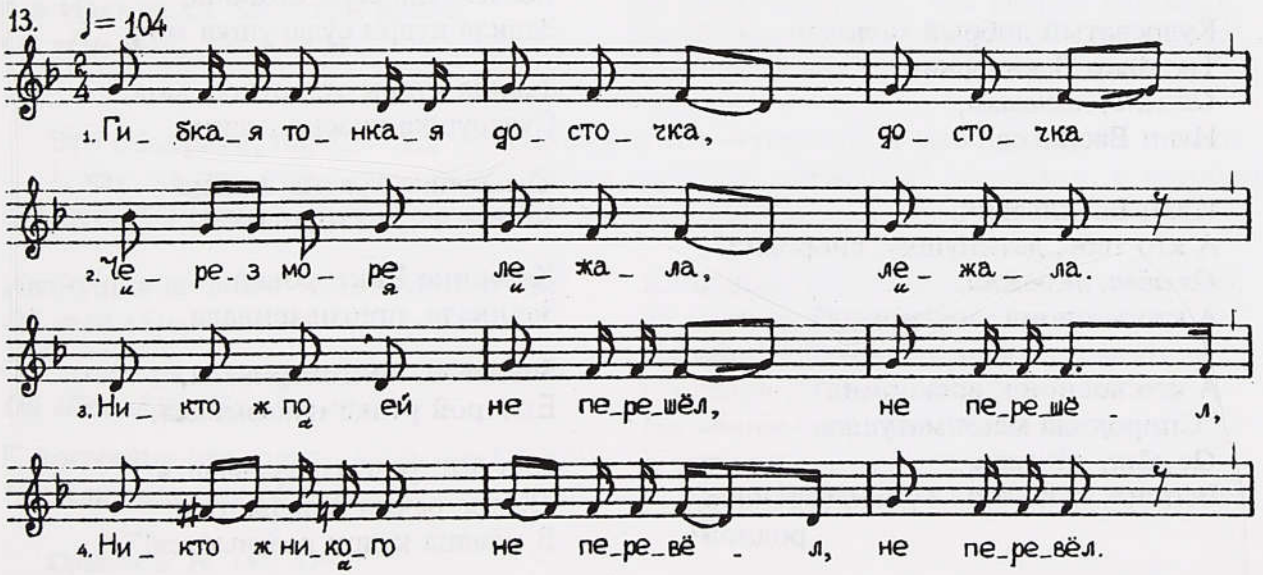
"Я начаюся, надеюся
На свово дружка милого,

На свово дружка милого
На Ивана Васильевича.

Завалюся, завалюся на его *да*
Не боюся, не боюся никого,

Ни свёкра, ни свекровьюшки *да,*
Ни деверя, ни золовушки!"

Теперь — молодые муж с женою (*поет*):



[1] Форма строфы далее не изменяется.

Гибкая тонкая досточка, досточка
Через море лежала, лежала.
Никто ж по ей не перешел, не перешел,
Никто ж никого не перевел, не перевел.
Вот Ванечка перешел, перешел
И Манечку ж перевел, перевел.

Перевёвши, целовал, целовал,
Надёжею называл, называл:
"Ох надёженька моя, ты моя,
Роди сына у меня, у меня,
А дочеря у себя, у себя.
Учи сына грамоте, грамоте,
А дочеря — шелком шить, шелком шить".

Сравните: № 424, 426.
А потом еще (*поет*, напев "Нет такого богача"):

А кто в нас по улицы ходил,
А кто в нас на вороном коне?
Ох лёли, лёлюшки ды,
А кто в нас на вороном коне?

А кто в нас на вороном коне,
На солдатском на сёдлушку?
Ох лёли, лёлюшки да,
На солдатском на сёдлушку?

Свет Иванушка на вороном коне,
Свет Васильевич на сёдлушку.
Ох лёли, лёлюшки ды,
Свет Васильевич на сёдлушку[1].

Соезжая со широкого двора,
Становится против красного й окна,

Становится против красного й окна,
Против ясного хрустального стекла,

Против ясного хрустального стекла,
Он прощается с девочкою,

Он прощается с девушкою:
"Я не надолго прощаюся с тобой,

Я наутро приеду за тобой,
Возьму Манечку Ивановну с собой".

Это не жениху играли, а парню, у которого есть девушка. То-то людей обыгрывают, сколько сидит за столом, каждому надо песню сыграть. И еще играют (*поет* напев "Нет такого богача"):

"Мальчик кудрявчик ты мой,
Кудреватый добрый молодец.
Ох лёли, лёлюшки,
Кудреватый добрый молодец.

Кудреватый добрый молодец
Ты Иван Васильевич,
Ох лёли, лёлюшки,
Иван Васильевич.

Иван Васильевич,
А кто тебе, детинушку, спородил?
Ох лёли, лёлюшки,
А кто воспоил, воскормил?

А кто воспоил, воскормил?" —
"Спородила меня матушка,
Ох лёли, лёлюшки,
Вспоил, вскормил сударь батюшка
родной[2].

Вспоил, вскормил сударь батюшка
родной,
Возлелеяла своя сторона.

Возлелеяла своя сторона,
Завила кудри сударушка моя,

Завила кудри сударушка моя,
Сударушка красна девица,

Сударушка красна девица
Катерина Викторовна.

Катерина Викторовна
Завивала, приговаривала,

Завивала, приговаривала,
Быстрой речке наказывала,

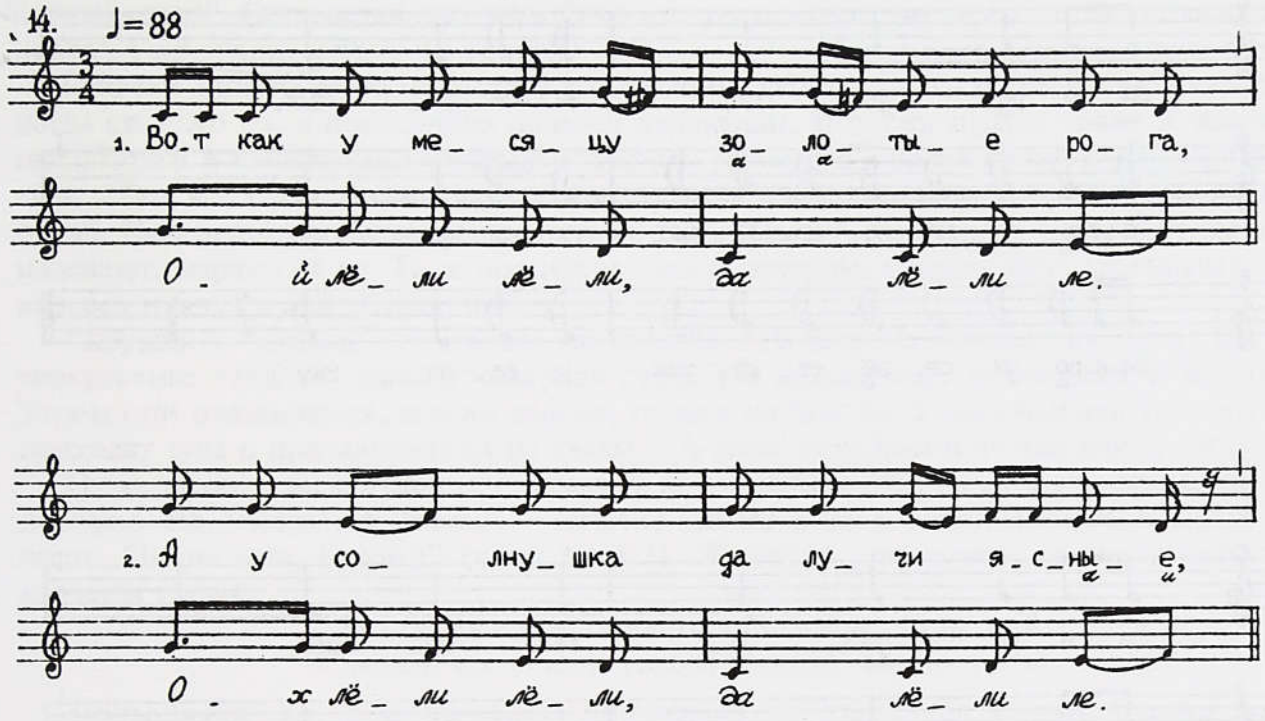
Она быстрой наказывала ж:
"Когда речки разольются,
В младца кудри развьются!"

---

[1] Форма строфы далее не изменяется.

[2] Форма строфы далее не изменяется.

Вот они парою гуляют; в селе раньше кто с кем ходил, все знали. Может, он даже уже с ею и разошелси, а еще люди не знают и обыгрывают их этою песней. Не жениха с невестой, а любую пару. Этою песней одних обыграли и других можно обыграть, на каждого человека не можно ж песен столько-то набрать. Но их и много! Еще вот теперь обыгрывают (*поет*):



Вот как у месяцу золотые рога,
Ой лёли лёли, да лёли ле.

А у солнушка да лучи ясные,
Ох лёли лёли, да лёли ле.

А в Иванушки да кудри русые,
Ох лёли лёли, да лёли ле.

Да по плечам кудри да пораскладены[1].
Как пошел младец да вдоль по улицы,
А ему ж девочки ж да дивовалися,
А молодушки да диву далися.
Ох то ж ты, красная Марья Ивановна!
На ей-то платочек, что клёнов листочек,
На ей семерички — воробьи ж подлетают,
Воробьи подлетают, соколы порхают!

Это обыграли, парень еще неженатый, у его — невеста, и они на свадьбе гуляют.

А как же это еще одна песня? Дюже хорошая... Величают холостого, у которого нет невесты (напев "Вот как у месяцу золотые рога"):

Иванушка во доме ходит неженатый,
Ой лёли лёли, да лёли ля.

Он по двору ходит, что ясная солнце,
Ой лёли лёли, да лёли ля,

К конюшне подходит, конь его уж чует,
Ой лёли лёли, да лёли ля,

Конюшню (о)томкая, конь его вставая[2],
За коня берется, конь его трясется,
На коня садится, конь его веселится.
Со двора съезжая, что сокол слетая,
По улицы едет, вся улица стогнет,
К лугам подъезжая, луги зеленеют,
К девкам подъезжая, девушки краснеют.

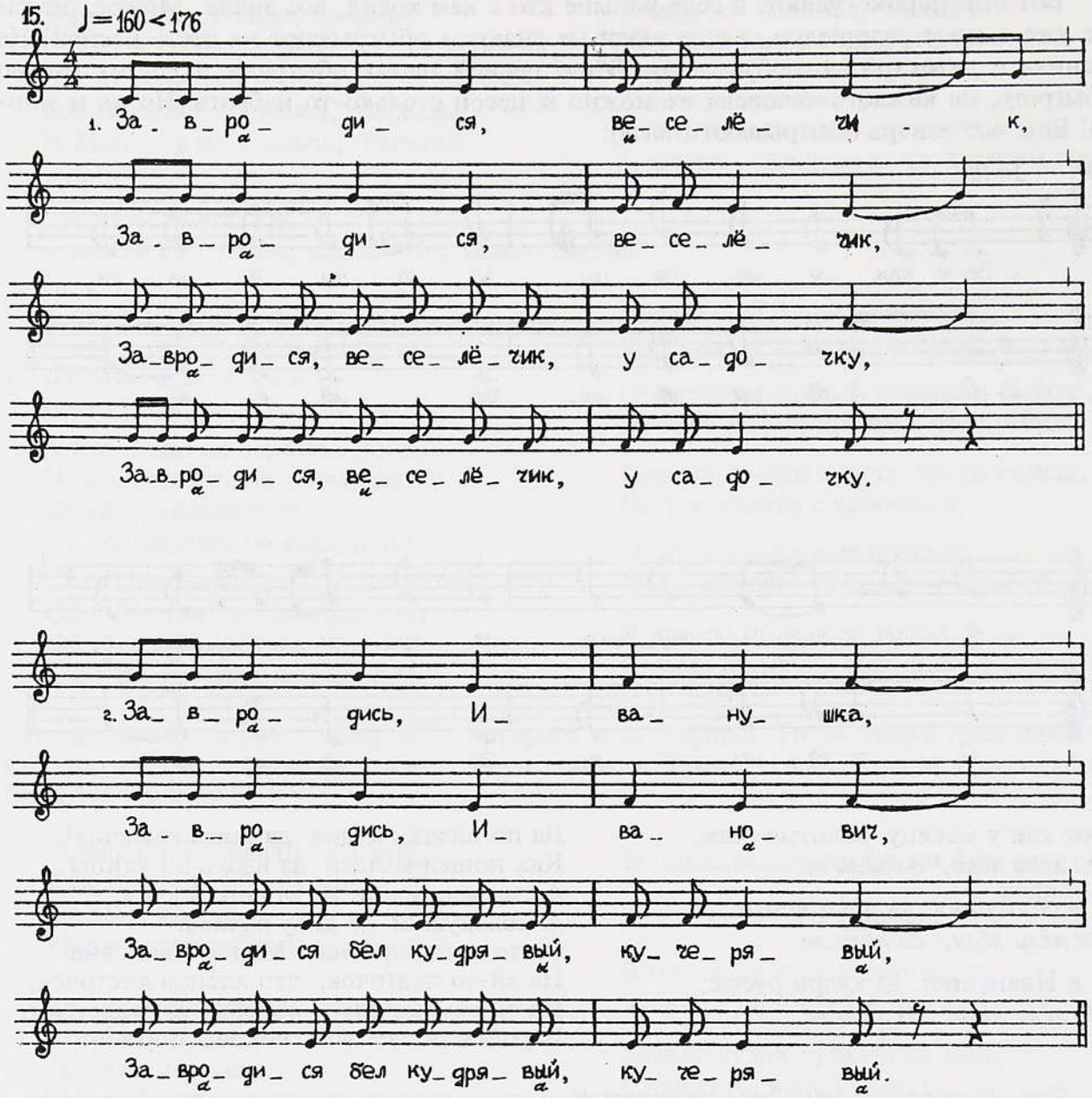
Сравните: № 358, 359.

---

[1] Припев далее повторяется после каждого стиха.

[2] Припев далее повторяется после каждого стиха.

Потом — парень сидит. Играют (*поет*):



Завродися, веселёчик[1],
Завродися, веселёчик,
Завродися, веселёчик, у садочку,
Завродися, веселёчик, у садочку.

Всё б не пил ба, всё б не ел ба,
Всё б не пил ба, всё б не ел ба,
На девичей вечеринке побывал ба,
На девичей вечеринке побывал ба.

Завродись, Иванушка,
Завродись, Иванович,
Завродися бел кудрявый, кучерявый,
Завродися бел кудрявый, кучерявый.

Ох девичья вечеринка,
Ох девичья вечеринка,
А девичья вечеринка веселинка,
А девичья вечеринка веселинка.

Сравните: № 431.
Я их много знала...

[1] *Веселек* — василек.

Девишник прошел, женихова родня уезжают... Да кто-нибудь из ихней родни пьяный напьется, останется. А тогда они уже договорились насчет утра, где жениху заскочить, где он ему откроет уже: или ту калитку, или ту, или окно откроет. Этот пьяный, он притворяется! Лежит он и не пьяный, а свалилсы (*потешно надувает губы, бормочет*): "Брьны-н-н-ну...", — как вроде бы он пьяный. — "Ну положите его. Поехали! Поехали". — Зовут его, а он: "Быннь-ыннь". — "Да куда там его везть, пускай спит!". Оставается он спать. Этот шпион остался, но за им следят за каждым шагом. Уже знали, к чему он остался.

При нас ничего этого не бы*л*о, а в старинное время подруги с невестою ночевали, когда сколько их, в последнюю ночь ей караулили. И песни играли такие ж жалобные! Утром в воскресенье ее будят: "Устань, проснися", такая-то такая-то, называешь... Там все сложено, но я уже слов не скажу, забыла. И подруги плачут, и она плача. Поднимается, умывается, опять ее расчесывают, опять косу заплетают, венок надевают, наряжают ее. Та ж процедура, что и вечером. Снова сахар закладывают в волосах прячут и ленту вплетают.

"Дружки", "дядьки" — это всё на свадьбе. Их даже на девишнику нема. Вот в воскресенье сходатая сваха ("сахарная сваха") и дядька идут от невесты к жениху. Утром они подымаются, и если далёко, то едут на чем-то, а если близко, то идут. И приходят туда и приглашают их на свадьбу. А тогда эти сваха и дядька едут с ими.

Ну и часов в десять жених приезжает до невесты с этим, как у нас называли, с поезд*о*м. Не "п*о*езд", а "по*е*зд" — значит, жених едет с родственниками. Вот они поют: "Боры мои, борами" (*поет* № 333). Жених-то едя позади, и вот у невесты играется песня:

...Что первый едя, конь голову бодря, то не мой,
А позади едет, конь голову клонит, вот то и мой.

Подъезжают. Когда за невестою приезжают, то запиралися вор*о*ты. Ворот*а* подпирают, чтоб они окупили. Кто где лезет, кто крадочкою кр*а*дется. Но не пускают, там и сям всюду охраняли, встревали их. Тогда они выкупали: становят бутылку-две, разносят... Тогда уж открывали: "Пожалуйста, заходите".

А бывая и без выкупа: этот уже там гдей-то плетень разломал, гдей-то можно перелезть. Глянут, а жениха уже нету, а жених в хате, уже вышел: "Э-э-э, заходите!" Ну, тут уже бороться нечего, всё. Как у нас зять у в окно заскочил, пошел и дверь открыл...

Девки сидят за столом, *игрицы* называются, а дружко и дядька торгуются с ими, когда в хату зайдут. Это — припевки, коротенькие, таких же еще много там (*поет* напев № 151):

Не борися, дружко, не борися,
Вот тебе ж лавочка, садися.
Вот тебе лавочка, садися,
А тебе, Манечка, дарися.

Не борися, дружко, не борися,
На дворе коника украли.
На дворе коника украли,
А на Дуну-реченьку сослали.
А Дунай-речушка глубока,
Да все ж тинушка да вода.

Сравните: № 491.

Это значит, он борется — долго торгуется. Наливает, кладет монеты на донушко, девкам подносит рюмочку, они: "Накрой рюмочку! Бумажными накрой!.."

Поторгуются они, и девки вылазят с-за стола. Только местечко освободилося, а какая-нибудь сестричка младшая или братец маленький опять займет это невестино место... А невеста — ото всех в стороне у печи, жмется за грубой в уголку. Отец или дядька выводит невесту и дружку передает. А дружко за стол заводит ее левою стороною и сажает под святые. Потом дружко жениха за стол к ей ведет правою стороною. Дружко платок с глаз поднял, которым она покрыта. Это называлося жених

смотрит невесту. Жених тогда поцелует ее, местами они поменялися, сели. Садятся за стол опять же его родня. Садятся кругом, молодые — за столом. На запою и девишнику не сидят, только на свадьбе! Их начинают обыгрывать. И опять же эта процедура, делают всё, что было на девишнику.

А от невесты никто не садится. Только старики, старухи, бабушки, тети пожилые, эти садятся за столы, где им останется место, а еще ее дядька и сахарная сваха... Эта песня — застольная от жениха, всегда эту песню пели "За Доном бояре, / За Доном большие" (*поет* № 473). Это вот, "кроме боярь, сваха гордая да спесивая, она словечка не молвя", от невесты она ж сидит за столом одна. Ну что она там будя разговаривать, свашка? Она там, можа, поправя молодую сбоку. Сидит она, свашка, возле молодой, а дядька сидит возле жениха. Молодые, они не едят ничего. Сваха и дядька едят, а молодые — нет.

А потом благословляют их, жениха и невесту. Люди плачут, это какая-то песня:

Благослови, батюшка,
Благослови, матушка,
У чужие люди идтить,
У чужую семеюшку.
А семеюшка грозная,
Хуже смертушки лютая.

Сначала благословляют родители невесты, а потом и хрестная мать и хрестный отец невестин. Сперва дочку, потом зятя. Жених берет невесту под правую руку, отец под левую и выводит ее за ворота, отец провожает за двор. Вывел, и они отцу покланялися обое в пояс низко. А тогда невеста начинает кланяться на все четыре стороны. Когда благословляют и начинают ее выводить, то поют — это уже на улице — посторонние люди (*поет,* напев № 333):

Уходила вот Манечка со двора,
Да сломала березочку со верха,
Ой ля ой лёли, ой лёли,
Да сломала кудрявую со верха.

Да сломала кудрявую со верха:
"Расти, расти, березынька, без верха,
Ой ля ой лёли, ой лёли,
Расти, расти, кудрявая, без верха.

Расти, расти, кудрявая, без верха,
Поживи-ка, моя матушка, без меня,
Ой ля ой лёли, ой лёли,
Поживи-ка, моя родная, без меня".

Сравните: № 152.

Это выводят молодую, и она начиная кланяться на все четыре стороны. Уже вышли и ихние, и свои, и посторонние, сходятся там в хоровод-то: "Девушки, подружки мои" (*поет,* № 151). Садится она на сани. Возле ей — сваха и возле его — дядька. На санях тесно, садятся, да еще ж подушки лежат. Одеяло постлатое, чтоб не замерзла. И играют (*поет,* напев № 161):

Ох подводчик кудрявый, подводчик кудрявый,
Да белый кучерявый, да белый кучерявый.

Ох белый кучерявый, да белый кучерявый,
Держи вожжи ромно, держи вожжи ромно.

Ой держи вожжи ромно, держи вожжи ромно,
Да привдарь коня больно, да привдарь коня больно.

Ой привдарь коня больно, да привдарь коня больно,
Чтоб бег поскорее, да чтоб бег поскорее.

Ой чтоб бег поскорее, да чтоб бег поскорее,
Чтоб я не слыхала, как матушка плачет.

Ой чтоб я не слыхала, как матушка плачет,
Плачет, возрыдает, да плачет возрыдает.

Ой плачет возрыдает, плачет возрыдает,
Гостей провожает, да гостей провожает.

Это молодую везут. А тут играют жениху песню (*поет,* напев № 333):

Счастливый ты, Колечка,
Хороша твоя Марьюшка,
Ой ля...

(*Вот у нас много на один мотив песен.)*

Ой ля ой лёли, ой лёли,
Хороша твоя Ивановна!

Хороша твоя Ивановна,
Да без белилицы ж белая,
Ой ля ой лёли, ой лёли,
Да без белилицы белая,
Да без белилицы белая,
Да без чернильницы бровь черна,
Ой ля ой лёли, ой лёли,
Да без чернильницы бровь черна,
Да без чернильницы ж бровь черна,
Да без румяницы румяна,
Ой ля ой лёли, ой лёли,
Да без румяницы румяна.

Вот эту песню поют: ему хвалят ее. Едут венчаться.

А в это время **везут постелю**. Становят сундук, на сундук ложут попону или ложник (попона из простых ниток, а ложник был толстый шерстяной, из волны прядёной, ткатый), потом ложут перину. А тогда уже начинают ложить, что есть у молодой, какая постель есть у ей. Всё застилают: сколько простынь, сколько одеял, сколько подушек и сколько на подушки наволочек, ковер какой там — складывают так, что можно посчитать. И начинают ворочать, кто б ни подошел! Раньше ж ходили все на свадьбу, идут кто зны откудова, и все считают! Смотрят, разглядают. А потом ее мать хрестная с отцом хрестным и его хрестные, четверо на его лошадях везут сундук. Лошади — все дуги перевязанные рушниками, колокольчики, к хомутам бубенчики привязаны. Едут, и слышно: звенят и тарахтят эти бубенчики... Привозят, там наряжают хату.

А молодые тогда перьвенчаются, и везут невесту уже к ему. Уже мимо дома невесты. Как меня помчали — то-то и всё.

А там выходит мать жениха и выглядает: "Не едут, не везут ли?" Ихни родственники дожидают, что должен подъехать поезд. Там у жениха поют песню: “Иванушкина матушка, выйди за ворота” (*поет* № 161). Вот ей [свекрови], значит, “переменьице будет” и “угомоньице будет”: она будет ей помогать.

Привезут невесту туда, до жениха. Их встревают там с иконою, осыпают конфетами, орехами, семечками, деньгами. И каравай подносят им на рушнику расшитом. И вот, кто больше вкуся: кусают тот-то каравай. Свекровья расстилает полотенцы по двору и в хату. Дорожку им разметает веником, чтоб никогда не ссорилися. Идет она задом, а веником заметает свой след, по полотенцам дорожку промахивает. Когда она кончит, дружко веник на хату кидая, чтоб перелетел через хату. Если веник назад упал, ой, жить, каже, не будя. Дружко с подружьем берутся за одно полотенце, дли-и-инное альняное холстовое. Дружко, потом подружье. Потом жених, потом невеста, за одно полотенце они держатся, которым будут их связывать. Большинство делают так. Это когда засуетились и не успели, забыли вынесть — заводят за руки. Но положено заводить на том, чем они будут завязаны. И так они увходят в хату.

В хате пòворачивают шубу кверху шерстью, и становятся молодые на эту шубу. По обычаю у нас выходят отец-мать хрестные его и его отец-матерь и начинают **благословлять**. Благословляют родные отец, а потом мать, сперва сына, потом невестку. Ну и отец хрестный и мать хрестная, эти благословляют. А дружко с подружьем берут вот это полотенце длинное, на чем они заводили молодых, и обматывают их. И завязывают узел. Берут полотенце тот за конец и тот за конец и вокруг обходят вот так (*показывает против часовой стрелки*), а тогда связывают концы. Тот к себе тянет, а тот — к себе. Тут-то всегда со смехом. “Чтоб жили дружно, чтоб

крепкий узляк был! Чтоб ваша дружная семья, чтоб была такая крепкая, как мы завязываем вам узел! И долгая-долгая была б совместная жизнь. Чтоб у вас всегда было у семье, — приговаривают, — чтоб в семье была у вас всегда радость, чтоб всегда были здоровыми, и длинную вам жизнь!" Вот для этого связывают. И это полотенце — никуда из дома. Замотают, снимают и вешают в шифанере. Ну раньше сундуки были, ложут в сундук с этим узляком. Его использовать никуда не надо было. Пусть он лежит, покаместь уже и дед-бабкою поделаются они, эти молодые, пока поумирают. Узляк должен быть затянутый на их и должен быть с ими всю жизнь. Сейчас свяжут и развяжут, а этого делать нельзя: связали — и сразу разогнали их!

Вот мама наша. У ей был паплин (материя: полосочка блестящая, а полосочка такая, неблестящая), зелень такая красивая, метров шесть, и все время он лежал у сундуку. В 1945 г. мы Новый год встречали, и она нам пошила из этого материя, что их связывали. Она всю войну ходила меняла, а эту материю не трогала, голодали, но не трогала. А потом взяла и потратила, как раз мне платье вышло и сестре вышло платье. Мы пошли в школу наряженные в платья дорогие, хорошие. А в феврале, 12 февраля отца убило. Дак она все время говорила: "Я на вас его жизнь отдала! Всю войну он ездил на танке. Был танкистом, прослужил — не убило, а вот через вас...".

Для этого и дается, чтоб никогда-никогда этот узляк не развязывать.

Благословили уже, а еще не сажалися гости. Тут люди поют, не званые, а посторонние, могут присоединиться и эти гости. Старушка какая-нибудь начнет, а тут подскочут к ей и помогут (*поет,* напев № 161):

Мы ходили в-на (о)хоту, мы ходили в-на (о)хоту,
Поймали лисицу, поймали лисицу.

Ох поймали лисицу, поймали лисицу,
Красную девицу, красную девицу.

Сравните: № 159.

Молодую ведут за стол под святые и **повивают**. Стряхнут шубу эту, стелят на лавку и сажают ее. От его дядька и повивальная сваха фату снимают, натягивают перед нею, за концы там держат и там. Женихова сестра или тетка — сваха — расплетает косу, вытаскивает сахар и ленту, а волосы скручивает. Девью косу расплетая, в пучок завивая. Сваха волосы ей расчешет, две косы заплетет, маслица капнет на макушку, кокошник наденя и платочком укроя. Жениха там нема, жених у входе, пока ее распутливают.

Первым долгом — молодых покормить. Покормят в кухне. Покаместь эти туды-сюды, а те быстренько перехватили и садятся за стол. Тут уж ничего не едят. И садится невестина родня. С жениховой родни тоже деды да бабки там гдей-то за каким-то столом, а тут вся невестина родня. Ну вот когда только благословили и они сели, и невестина родня передают всё через стол молодым. Сваха и дядька также ж сидят, берут эти дары. А жениховы родня топают, обыгрывают так же, как обыгрывали их. Они этих, от невесты, обыгрывают. Уж после за столом невестины родня ей поют (*поет,* напев "Ой выкатили из конторы да вина зеленого бочку"):

А мы ж табе, вот Марьюшка, давно ж говорили,
А мы тво(е)му животику, сердцу прилóжили,
Эй лёли, ай ляй лёли, сердцу прилóжили,

А чтоб ты, наша Марьюшка, потише ходила,
Эй лёли, ай ляй лёли, потише ходила,

Чтоб буйную головушку пониже носила,
Эй лёли, ай ляй лёли, пониже носила,

Эх чтоб ключики ж носила, да не звекотала[1],
Чтоб родному свому батюшке да не докучала.
"Ой девушки, подружки мои, я тихо ходила,
И буйную головочку я низко носила.
Ох я ключики ж носила, да не звекотала,
Свому родному вот батюшке да не докучала".

Сравните: № 263.

Отгуляли они, а тогда (часов в пять, в шесть вечера) кто-то с-за стола (*подражает дурным голосом*): "Ой, пить хочу-у!" Сказал он, и уже уводят молодую, снимают с ее свадебный обряд, переодевают. Идут молодые, у нас там был Попов колодезь, воды приносят. И далёко было, но все одно: "Только из Попова колодца!" И попрешьси... Ах, тэй-ту воду становят на стол, да все ее пьют да хвалют: "Дюже она хорошая!" Цельное ведро попьют, народу ж было много.

Потом песни начинаются уже и не свадебные.

Когда все понагулялися, дружко и дядька объявляют: "Так, граждане, тихо, тихо, — в ладони похлопают. — Молодым пора на отдых". Ну там и шутки такие... Дядька и сваха берут — подходят с обеих сторон — та молодую, тот молодого под руки. Забирают, ведут спать. Его мать хрестная дает рубашку ночную. Мне давали: вся в кружевах, вышитая, такие-то вот рукава длинные, и сама по самую землю. Раньше специально вышивали для невесты первую брачную ночь ночевать в этой рубашке. Они отдельно ночевали у кого-нибудь у соседей или дома гдей-то в кладовке.

И вот они ложатся спать, а дядька и сваха глядят, как всё у их дело получается. Если честная, тогда рубаху приносят в хату, расстилают при всех и танцуют. Тогда уже и пьют "за честность". Развернут ее, по рубашке ж определят, что она девка или нет. Как только рубаха чистая, сейчас же хрестные ложки свертят, проверчивают ложки деревянные. Отцу невестиному и матери худые ложки ложут, с дырками. Значит, девка провертелася раньше. Все люди едят, а они только глядят (*смеется*). Вот какой закон раньше был! Но я этого не захватила, это рассказывали старые люди.

Свадьба закончится, поразъедутся все.

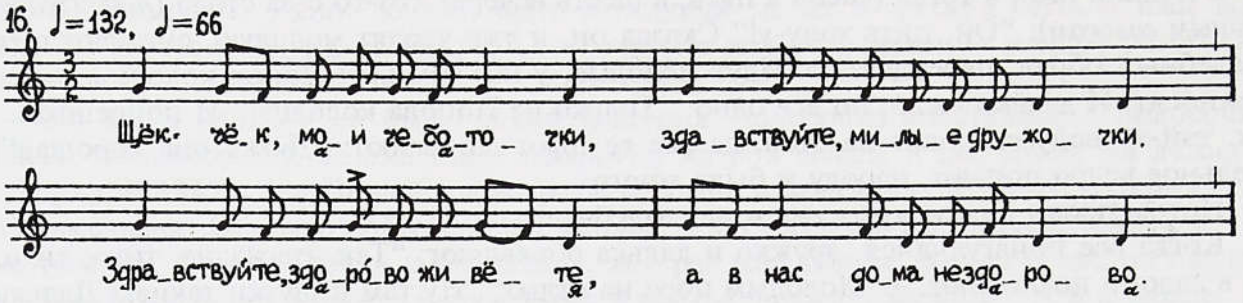
На второй день свадьбы утром **ищут молодую**. Лазают везде, по улице ездят-ищут и возят матеря невестину на тачке или на санках (ну какое время года). Везут матерю и песню там играют, песни уже не свадебные... У нас песня была (*поет,* напев "Выкатили из конторы да вина зеленого бочку"):

Чулок белый да лапоть горелый по улице ходит,
Хоть разбейте, расканайте, кто чулок не любит.
Любил, любил сердечный друг, стал чулок искати,
А наутро ранехонько он стал покликати:
"Аю, аю, Паранюшка, аю, мое сердце.
А чего в тебе, Паранюшка, у пазушке мягко?" —
"Гуси были, гнезды вили, пуху наносили.
А я, млада, младешенька, избу подметала,
Избу, избу подметала, пушок собирала,
Пушок, пушок собирала, у пазушку клала". —
"Аю, аю, Паранюшка, аю, мое сердце.
Чего в тебе, Паранюшка, промеж ног черненько?" —
"Швецы были, шубы шили, клочки наносили,
Черны клочки наносили, один позабыли.
А я, млада, младешенька, избу подметала,
Избу, избу подметала, клочок поднимала,
Клочок, клочок поднимала, промеж ног вставляла". —

[1] Припев далее не приводится.

"Аю, аю, Паранюшка, аю, мое сердце.
А чего в тебе, Паранюшка, промеж ног и ямка?" —
"Через речку ж перьходила, да й упиналась пьявка". (*Смеется.*)

И сколько раз они ее споют! Идут молодую отыскивать, невестина родня, по улице идут и тэй-ту песню горланят (*смеется*). Проиграют, прошли дальше, какую-нибудь еще сыграли и опять: "Аю, аю, Паранюшка". По дворам ходят (*поет*):

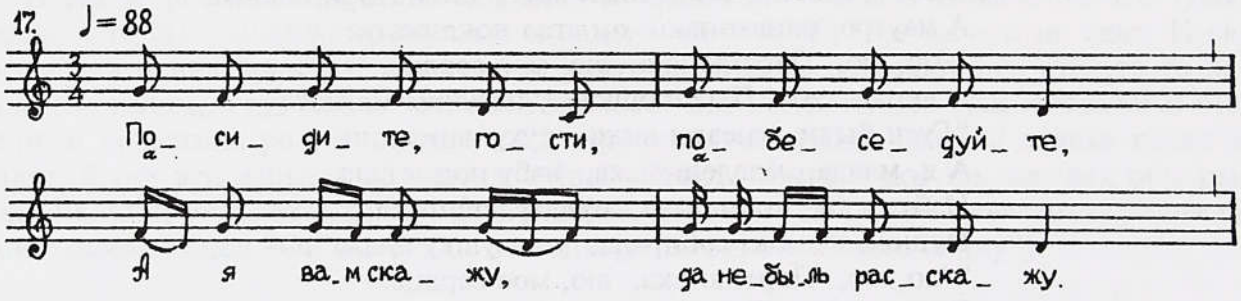


Щёк-чёк, мои чеботочки, здравствуйте, милые дружочки,
Здравствуйте, здорово живете, а в нас дома нездорово.
Свекор с печки убилсы, за пень за колоду завалилсы,
сухарем подавилсы.
Если б мне было вестимо, я б повыше подмостила,
свекру б голову сломила! (*Смеется.*)

Идут разыскивать молодую и играют эту песню. А потом дома там гдей-то ее находят, эту молодую. Я была на чердаку, а лестницы нема. А мужики такие-то были, что и без лестницы залезли, и какие щетки были, что было на чердаку — всё скинули. Молодую искали. Они же видят, что я там. Передают: "Платье завиднелося". Что там было, на чердаку, какой сапог — всё ж сшвырнули. Тогда кричат: "Давайте ведро и веревку". Подали ведро с веревкою. И вот я встала в ведро, за веревку зацепилася (*смеется*), и спускали с чердака невесту. Невесту всегда ищут.

А потом украдут туфель с ней — ищут этот туфель. Сваха сахарная и дружко, они ответственные за молодых, и они не видали, когда у молодой туфель сняли. Тогда им скажут, какой выкуп за туфель. Ну большинство становят стулку, табуретку, и в гармошку играют — а они танцуют на этой стулке парою. Или еще какое-нибудь наказание им делают. Веревку дадут: кто перетянет...

Покамест чудят, и гости вылазят с-за стола плясать (*поет*):



Посидите, гости, побеседуйте,
А я вам скажу, да небыль расскажу.
То-то ж, люди, небыль небыличная:
На дубу свинья да гнездо свила,
Да гнездо свила, (о)на яйцо снесла,
Да яйцо снесла, писклят вывела...

Как дальше, я более не знаю.

В первое воскресенье после свадьбы идут невестины отец-мать и хрестные отец с матерью, называется **молодых обкатывать**. Невестина мать несет невесты одёжу, они с отцом хрестным покупают ей, зимою — значит, зимнее теплое, а летом летнее покупают. А жениховы мать хрестная с отцом хрестным тоже всё покупают. Они сходятся у родителей жениха в доме. Ложут шубу кверху шерстью. Становят корыто. Молодые заходят, в чем-нибудь в легеньком одетые. Наголяк они раздеваются, их начинают отец с матерью купать. Все четверо обливают их. Мокрые-мокрые поделаются! По-настоящему и голову моет жениху мать хрестная, а молодой — просто побрызгают (там же не будешь расчесывать, когда там?) этой водою. Ну и одеваться. Там сделали "кабинет", завешанный одеялами, и в ей — завешано. И кто вперед оденется! Если невеста вперед оделася, то муж будет подчиняться ей всю жизнь. Если жених вперед оделсы, то жена в подчинению у его будет. Вот они быстро-быстро сейчас заходят, р-раз, р-раз. Ну невеста ж громоздлива, всё покамеж позастягнешь... И первый наряженный выскакивает и становится, уже тут сняли корыто, лежит шуба постлата: "А-а, ура!", — кто кому будет подчиняться. Весело, хохочут. Тогда садятся, выпивают. Ну мало людей, родственники какие соберутся. Это — обкатка молодых.

А на другое воскресенье идут молодые с жениховым отцом с матерью **обувать тещу в лапти**. Покупают теще какую-нибудь обужу [обувь], зимою зимнюю, летом летнюю. То-то сажают ее, тещу эту, снимает зять с нее обужу и надевает свое: "из сапог в лапти" (*смеется*). Тоже там всегда смеху! Хорошо было вот это, послесвадебное.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В СЕЛЕ СУРКОВЕ ШЕБЕКИНСКОГО РАЙОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

"Семья была у нас: мама и батя, батин брат умёр — четвёро сирот (два сына и две дочери) и ихняя мама. Две дочери у тэй-то тетушки — это две пряхи, тетушка и мама — еще две пряхи. А мене на седьмом году батя брал на поле сеять, на восьмом году мама в школу не пустила, посадила прясть. Я еще не доставала сидеть, а стоючи. И то-то досе и сею, и пряду (только вот с месяц я никуда не годная, сердце не тяня — мотор не тяня). Вот пять прях было у хате. День и ночь пряли. Батя с этими ребятами сидел на лежаночке, стоянки такие были, скалки; вот напряли мы уже, а они эти мотают нитки. И то-то игра на всю хату! Четвёро женщины, я пятая, батя шестой (ребята не вникали, не играли). Такая-то веселая была семья, двадцать два года уместе жили...

Как-то тады дюже было дружно, и после войны в нас было хорошо. А сейчас никуда люди не гожие, мстительные какие-то. Примерно, и я — я ничто не стою; думаю, я ж тоже такой человек... А то было — гуртом. Хорошее и худое, все, детка, было. Много, деточка, воды похлебала и грязи поела".

Из автобиографического рассказа Феклы Васильевны Астаповой, с. Сурково. ЦФЭ 896—16.

Не всегда по любви выходили замуж, меня батя бил, хотел отдать. Я сказала: "Хочь убей, а я не пойду". Кажет: "Он — один сын, что ж табе надо? Там сорок кустов саду!" А я кажу: "Станови курень и те-то кусты охраняй, а я за его не пойду". Я в 1938-м выходила, а как до колхоза — отдали б даже и не разговаривали б. Знать я его знала, а возли себе никогда не видала. Так отдавали.

Как зря не брали, деточка. Сходится женихова вся родня отцова и материна. Сходятся перед тем-то, как свататься идтить. И обсуждают: туда-то пойдем? Кто скажет: "Пойдем", а кто — нет, мол, семья нехорошая. Берут рядом другую, третью,

всю перьберут, пока не выберут: та-то природа хорошая, туда-то можно идтить свататься. И те ж там уже знают, тоже перьбирают: "Да, туда-то можно отдать".

Летом дак я чего-то и не помню, чи играли, чи не, всегда в осень и в мясоед зимний свадьбы играли. Но сперва пойдут **свататься**.

Вечер. Жениховы отец-мать, дядя, тётки, крестный или брат — самая родная родня (три-шесть, это покаместь, даже и по два ходили) идут к невесты к отцу-матери. В хату увойдут, поздравствуются, отец жениха и мать прямо вот подходят до грубы:

Груба-печь ваша,
А невеста наша!

— "Ну проходите, проходите, гости". Они пирог несут в платочку (а больше его ни в чем не принесешь), пирог — на стол: "Пришли мы познакомиться. Хочем посват*а*ться, вашу дочку взять". Женихов отец говорит:

Мы пришли детей соединить,
Чтоб наши дети хорошо жили,
А мы с вами дружили,
До самой смерти сватами были,
Чтоб не ссорилися и дитям не давать волю!

И не садятся по этот бок матицы, а садятся тут-то (*показывает: со стороны печи*). А к чему это, я уже не могу это объяснить. Они ж положат хлеб-соль на стол, а тады там садятся, там лавки были старинные длинные.

От невесты так говоря(т)[1]: "И мы хочем, чтоб наша дочка уважала вас, подчинялася и любила свекра и свекровью". Как приходят свататься — никаких песен. То-то побалакают отцы серьезно, специально ж такие они слова задавают, сватом уже называют один другого. Отец-мать своей дочери приказывают, чтоб слухала свекра и свекровью и мужа понимала. А те, значит, своему. Слова они хорошие разговаривают, в дело.

Пирог этот оставляют, договариваются: вот они пришли, примерно, в пятницу или в четверг, а уж в субботу пр*и*дут они со своей роднею и жениха приведут сюды к невесты [на пропиванки].

Из жениховой семьи кто-нибудь где-нибудь проговорится, и уже знают девки, чё йдут свататься. Потом невеста ходя приглашая, чтоб подруг собрать: "Приходите на пропиванки". Сходятся вместе, когда сколько, по две-три подружки, и так рядушком они подходят.

Пропиванки тоже ж вечером. И приходят, много своих гостей приводят, ну полна хата. И от невесты сродство приглашают. Род с родом сходятся! Тады еще они пирог приносят, выпивку, закуску. Входят первые отец-мать, отец — выпивку, а мать хлеб-соль держа (пирог у платочку). Пирог — на стол, а невестины и тот пирог кладут на стол, что вчера они приходили и здесь оставили.

Теперь входит дружко. Он — р*о*дная родня, кого зря не поставят дружком. Или сестр*и*н муж (если сестра вперед этого жениха вышла замуж), или брат его старший, или дядя, материн отец, или отцов брат — эти дружками были. Дружко и полудружье у нас. А то бывая, что два дружка. Если большая сродство, чтоб не обижалися, поставя два дружка и полудружье. И всех рушниками перевязывали.

И то-то дружко, значит, выводя жениха вперед, становя его серёд хаты. И подходя за невестою. Сваты пр*и*дут, она на печи за комлем сидит, такой-то закон был. Отец-мать скажут: "Слазь!" И она слазя. У меня батя с*и*рот доглядал, один посваталсы, а она за его не хотела идтить, кричала — разбой! На печи. Они уж тут, жених и

---

[1] Здесь и далее в тексте указывается отпадение конечного согласного звука в глаголах 3-го лица. Находящееся под ударением окончание *-е(т)* (клад*е*(т), нес*е*(т), пойд*е*(т) и др.) следует читать не как "ё", а "*е*". Выписанное без скобок безударное окончание глаголов множественного числа "-ят" произносится как *-ють* (водють, носють, ставють, ходють и др.).

сваты. Батя сказал: "Слазь", и тетушка сказала. И она слезла. То-то поставили, допросили: "Как ты, согласен брать?". Он каже: "Согласен". — "А ты согласна за его идтить?" А людей полна хата, при всех, чтоб все слыхали, чтоб все это знали. Есть — по любви сходятся, а уж если она не хоча — видят люди. А все равно ее отдавают, вот такие-то дела. Я на лежанке сидела, все не запомнила, это ж я была маленькая...

Все это спрашивает дружко, и они отвечают, а тут же ж людей полна хата. Серёд хаты их допросит, а тады сажает за стол. Сажает его отца под святые в самом углу. По правую руку отца — жених, в(о)зли жениха невеста, в(о)зли невесты — его мать, его хрестные и вся родня женихова. По левую руку его отца — хрестные мать-отец невестины и невестина родня. Значит, посажает на первое место, потом всех порассадит. Только посажают молодых на пропиванках, и кладе(т) им свой пирог мать невестина, и соли, и денег на этот пирог. Невеста в тот вечер нарядная, сарафан на ей, кофта[1], платок хороший.

А девки — выходят их человек двадцать, много было девок. И ее любимая подружка разрешения прося у невестиного отца. Она, значит, сперва перекрестится и поклонится. И тады прося, чтоб разрешили сыграть: "Николай Иванович, благословите "Кузьму-Демьяну" сыграть!" Ну тут все кланяются: "Бог благословляя и мы благословляем". И начиная она играть (№ 109), а девчата за нею играют все гуртом. Стоя.

Жених с невестой по рюмочке выпивали на пропиванках, а на свадьбе уж ни пить им, ни есть.

За столом — не так, как сейчас. Сейчас дюжа, мне кажется, все лишнее перебуровят, так боле выкинут, чем поедя(т). А тады рядушком поставили холодец — поели, тарелки прибирают, становят борщ, потом картошка с мясом (поросятина) — тушили куски и на тарелку кладут целыми: на этом краю, на том, дружко режа... Сейчас вот столько всего — одни тарелки замучают мыть их. А тогда что мыть их? Пока те поедя(т), они уже другое подготовили, взяли тарелки пустые, а эти поставили. Там три человека, а управлялися все делать. Примерно, я — мать, у мене ж или снохи, или родня. Сейчас чужие готовят, а тады родня, родня помогали. Отец с выпивкою ходя (тады четвертя были такие длинные, как пушки). Невестины мать-отец гостют гостей. Они на ногах, вообще не садятся. И какая родня помогает, те не садятся. А какая лишняя, ее там скрозь засаживают, и своих, и чужих сажают.

Вот девчата сыграли "Кузьму-Демьяну". Если отец-мать живы, то играют: "Не река ж моя, речушка" (№ 258), а тут тады и "Пьяница пропойница":

Пьяница пропойница
Вот Нинин батюшка.
Пропил Ниночку,
Прогулял Николаевну
Ён за винную чарочку,
За сахарный кусочек,
За медовый осточек.
И пойду я по улицы
И людей послушаю,
Что люди говорют.
Они батюшку бронют,
А матушку ругают,
Щё младу отдавают[2].

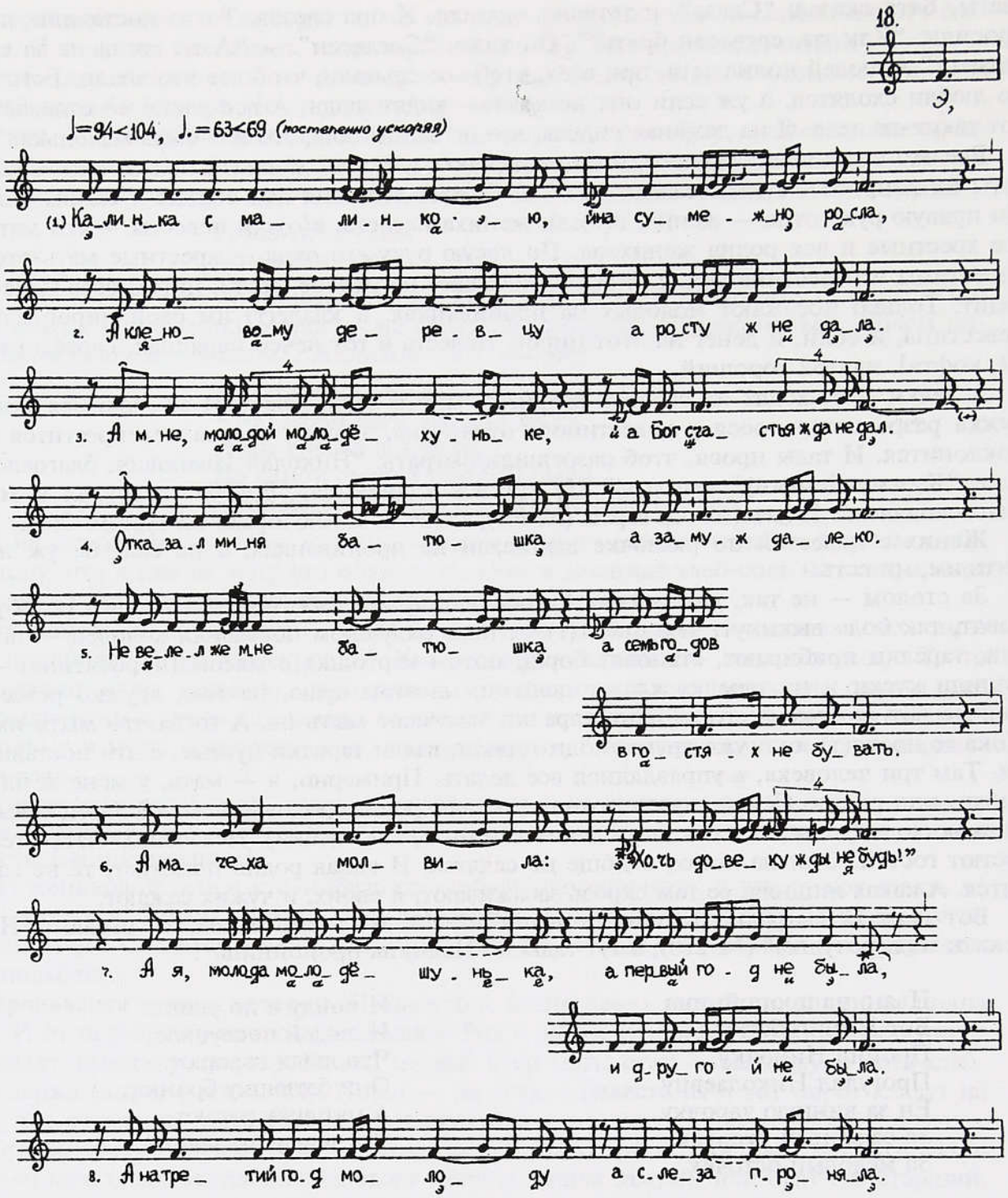
Сравните: № 226 б.

Если нема у жениха или у невесты, умерли мать или отец, то играют "Не ива ж моя ивушка" (№ 274). А когда матери нема, а отец же привел мачеху, этой сироте без матери своя игралася песня. Это поет любой взрослый, мужчина или женщина, кто он ни есть и кто эту песню зная. Выходит, перед всеми становится и поет, это строго обязательно, в одиночку (*поет*):

---

[1] *Кофта* — жилетка с рукавами, короткая душегрея.

[2] Напевный вариант в записи из соседнего села см.: Народные песни сел Купино и Большое Городище Шебекинского района Белгородской обл. / Сост. И.Н. Карачаров. Белгород, 1995. С. 48—49.



Э,

Калинка с малинкою, йна сумежно росла,
А кленовому деревцу а росту ж не дала.
А мне, молодой молодёхуньке, а Бог счастья ж да не дал.
Отказал миня батюшка а замуж далеко.
Не велел же мне батюшка а семь годов
в гостях не бувать.
А мачеха молвила: "Хочь довеку ж ды не будь!"
А я, молода молодёшунька, а первый год не была,
и другой не была.

А на третий год молоду а слеза проняла.
А скинуся я, молодёхунька, а я кукушечкою.
Полечу я, молодёхунька, а я у батюшкин сад.
А сяду я, молодёхунька, на любимую ж яблонку
И своими причётами увесь сад я заглушу,
А своими горькими слёзами увесь сад я затоплю!
Вот старший брат по двору идет, и он говорит:
"Ох какая ж-то пташечка в нашем саду жалобно поет?"
А другой брат по двору идет, и он говорит:
"Ох пойду я погляжу,
и не наша ли сестра
в нашем саду жалобно поет?"

На пропиванках это сиротская песня. На пропиванках и после, на договоре, да и когда бояре приезжают за невестой, можно сыграть: "У нас на Дунайку на бережочку, на желтом песочку" (№ 232).

И тады девки эти уходят от сватов. Девок не сажают с сватами (как сейчас все вместе). В другую хату, к суседу. И то-то там девки гуляют на пропиванках. Уже невестины отец-мать договаривают, если родня сбоку, значит, у родни, а если сусед, то суседа договаривают: "В вашей хате будут девушки гулять". За так, не платили ничего. Это ж почет: девчата ж придут гулять и невеста с женихом! Не отказывали. Только там гуляли девки на пропиванках. С ними, если родня есть неженатые у жениха, то гуляют меньшие братья или двоюродные — эти гуляли, а чужих не было. Тады вся родня своя гуляла и от жениха, и от невесты. С невестиной родни (чужие — не!) там оставляют людей, чтоб за ими ухаживали, за девками. Или хозяйка эта останется; он пойде(т), мужчина, сюды, а она сама там останется... Жених с невестою ж тут [у] сватов отбудут и идут к девкам, девок надо ж *почтовать* у другой хате, ну вот сбоку, примерно. На столе у них всё, что и у сватах. Чего готовили сватам, то и у девках там, у невесты.

Жених и невеста пойдут, там с молодежью они. А старики тут продолжают. Гуляют, уже песни поют, ну какие на пропиванках. А какие на свадьбе ужо, на пропиванках не пели. Протяжны*е* — нет, по-моему. Тольки веселые были песни. Пля-ят-шут, все берутся за руки кругом, и мужчины с ими любые песни подпевали. "Винная чарочка" — это начало [гулянья], свадьбишная первая:

Винная чарочка
На столику стояла,
Вином-медом налита,
А бархатом накрыта.
Красная девушка,
Девушка вот Ниночка
В концы стола стояла,
У руках чару держала,
Ой плакала, рыдала,
Она батюшку умоляла:
"Мой батюшка родимый,
Испей чару, искушай
И моих речей послушай,
Что я буду говорить,
Родного батюшку гневить.
Ой батюшка ты родной,
Не (о)тдавай мене молоду
И не ключь мою голову.
Я йще в девках посижу,
С девками танок повожу,
Золотой венок доношу,
Алую ленду дотреплю.
Золотой венок — на лучок,
Алую ленду — на крючок". —
(А ён отвечая:)
"Нехай, Ниночка, девочка,
Есть в тебе сестра меньшая,
Золотой венок донося
И алую ленду дотрепя".

Близкий вариант № 313.

Потом жениха и невесту величают:

Ой чей-то конь по вулице пробежал,
Ой чей вороной на широкой шурмовал?
Шурмуя конь, играя конь вот Геночкин.
Увырвалси, забег к молодой тещи в огород,
Повытоптал зеленую мяту, весь рамон,
Увесь рамон, зеленые васильки.
Увидела вот Ниночка с терема,
Увидела Николаевна — смолчала.
Не смолчала вот Нинина матушка.
Она брала ворона коня за повода,
Подводила к калиновому кустику,
И сломила калинову ветку- однолетку,
И стебнула ворона коня по бедру,
А захватила вот Геночку по лицу.
Загорелось у Геночки белое лицо,
Загорелось [у Лексеевича] как огонь...[1].

Песен тут, песен — а-я-яй! Они все тут в голове буровятся, а конец не найдешь, с чего начинать... "Ох изюмная вышанка расцветала" (№ 314), "Хвалилася соловьюшка в зеленом садочку" (№ 351), "Ой над речкою рябинушка стояла" (№ 366), "Ой у саду, у садочку", "Не садовая моя яблочко катилась далёко", "Донная наша речушка широкая", "Липушка-ракитушка всее ночку шумела" (*поет,* напев № 351):

Липушка да ракитушка всее ночку шумела,
Ой лёли, ды лёй лёли, всее ночку шумела.
А со листиками *да* со бумажнами всее ночь говорила,
Ой лёли, ды лёй лёли, всее ночь говорила:
"Листики *да* бумажные, как с вами расстаться[2].
А расстаться ж, расставаться, у вовек разлучаться?
Разлучут нас, разделют нас да морозы ж лютые,
Морозы лютые, морозы лютые, а снеги глубокие".
Ниночка ж Миколаевна всее ночку ж не спала,
Батюшку ж и матушку всее ночку ж будила:
"Батюшка ж, моя матушка, а как с вами расстаться,
А расстаться ж, расставаться, у вовек разлучаться?
Разлучут нас, разделют нас всё князья-бояре,
Князья-бояре, князья-бояре да мужики-дворяне".

Вариант № 344, сравните с далеким напевным вариантом № 247.

Кончились пропиванки. Невеста — в хате. Пропили: уже она с девками не ходя, уже и на улицу не пускают ее. (И не "не пускают", она сама не ходя.) На огород, на поле сходя, но вечером на улицу не пойде(т). Може, где другой был обряд, но у нас был такой.

От пропиванок до свадьбы время не указанное было. Кто как договорится, кто скоро подготовятся, а кто — с месяц. Вот они задумали его женить, они уже подготовились и выпивки сготовили. А невеста, она ничего не знала, ей же надо подготовиться и дары пошить. Тут-то и затягивается, и с месяц бывая. Но боле не бывая. На **договор** приходят после этих пропиванок опять мать-отец. Бывая и с дружком, если свой он. Мать принося коржиков в платочке, с пресного из теста, то-то ж гостинец

---

[1] Песню до конца не досказала. Пример полного напевного варианта в записи из соседнего села см.: Народные песни сел Купино и Большое Городище Шебекинского района Белгородской обл. С. 79—82.

[2] Форма строфы с припевом далее не приводится.

невесте. А отец выпивку тоже принесе(т). Садятся за стол. И тут они договариваются, по сколько человек и в какую воскресенье. Договариваются ж на снаряд [наряд] класть, и есть ли при*д*аное. Это в том-то дне. Они днем приходят, серёд дня. Или те потребуют от жениха, или просто отец невесты, в его есть что подарить, и он сам даря. А есть и такие, что бедный жених: "Ну как? Мол, пособить надо ж". И отец тот соглашается. Волей-неволею будешь давать, куда ты денешьси... Ну а богатые — деньгами, а то ж скотину дарили, быка... Богатые хорошо дарят, а если бедные, то когда подарят, а когда и не подарят. Ну дарили деньги, на снаряд платки шелковые хорошие свекор невесте покупая, еще там ей чего. Свекру рубаху и штаны покупали мать-отец невестины. И жениху рубаху, и хрестным. Дарили тады здорово!

Подруги невесты готовить дары помогали. Рушники вышивали, скатертя, если молодую дюже отдавают, а она еще не готовая. И рубахи свекру-свекрови холстинные с конопей [из конопли] тады ж шили. Сами сажали, сами дергали, и мочили, и пряли, и ткали, и белили, и то-то, значит, берегли свекру-свекрови шить рубаху "у двенадцать пасом" (в пасме — десять численок, в численке по три ниточки). А рушники, примерно, утирошные — в восемь пасом. И то-то девки к невесты сюда приходили и шили прямо у невесты за столом. И по дворах шили, на дом невеста приносила, тады ж даров много было: "Ну принеси мне". Кому чего принесе(т), то и выполняли девчата. Вот я много даров пошила. И вышивала, и шила, и все делала. Есть тольки на ноги взопнется, или в богатом доме, или красивенькая — тут ее схватят, а в ей еще не готовое ничего. Тут много помогали подружки и свои сродство, всё делали.

То-то в хате девки целый день с утра и до вечера сидя(т) и шьют за столом. Их кормят отец и мать невестины. А чё ж, примерно, если далеч*е*нько, чи побегит обедать? То-то много нашивали. Я у одной шила, дак невеста и сестра ее с моего года и я — мы ничего там не играли. То шили, то рушники подкатывали, то скатертя, то расшивали, а играть мы не играли.

Приходя жених к ей. Насыпая на столе кучку орех*о*в (лесные орехи), зерна гарбузовые[1]. И то-то вечером они сидя(т) рядом за столом от святого кута слева, невеста — по левую руку от жениха. Поужинают. Мясного-молочного в рот не брали до самых до целованок (целованки справлялись после свадьбы). Говели жених и невеста, в церкви споведались, причащались, вот такой был закон. (*А сейчас, Господи! Чего зря, как кошки.*) Как жених приходя, девок уже нету, они ушли домой.

Вечер перед свадьбой — не знаю, как он называлсы, а подружки играли песню; завтра свадьба, и они приходили, когда в хате, когда на улице играли песню "По садику галушка летала" (*поет* № 265). В тот-то вечер девки невесты играют, а она дюже плачет. Плачет слезами, утирается. И мать-отец плачут, и невестина родня, все плачут. После того девки уходят домой.

А сирота на могилку сходя обязательно. Если завтра свадьба, то она ныне вечером идя на кладбище к крестам. Подружка любимая или сестра с ею, одна не ходя. Не тёмно, а солнце на закате — и прося (*пробует начать причитание*):

И прости ты мене, мой батюшка,
И прости, благослови!
И надойди, надойди, туча грозная,
И выпусти, выпусти громову стрелу!
И приударь, приударь, громовая стрела,
И разбей, разбей гробову доску
И выпусти ты моего батюшку...

Сравните с песнями сироте № 269—271, 276.

---

[1] *Зерна гарбузовые* — **тыквенные семечки.**

Вот не соображу, как в кучку собрать рядом... Ну и к матери одинаково, слова одни будут...

А с утра собираются рано (если осень, день же маленький), чуть только развиднеется, и девки уже тут все как одна. Приходят, каждая когда справится. Можа, по две, одна к одной там, где поближе, зайдут. Наряженные, как цвет цветут все девчата. Рубахи — у кого атласовая, как малина, у кого темная сатиновая... Тут саян был, фартук, тюлевые были платочки. Кофта хорошая сверху надевалася. Хорошо девчата были наряженные. Тады вот разбиралися: так, ныне в воскресенье я иду в церкву — один у мене наряд, какой-то еще праздничек — другой наряд, годовой праздник — уже наряжаешьси у во весь наряд, идешь. И малиновые саяны, у кого какие есть. (А сейчас что на ферму, что на Пасху выйдут на кладбище — у в одной юбке. Никуда не гож сейчас народ.) Тады ж все-таки понимали: в церкву сходишь — лучше наряд, а на улицу широкую[1] — там тебе никто не видя, приношенное надевай и иди...

Девки станут сходиться (*поет,* напев № 152):

Ишли-прошли ж красны девки горою,
Лёли ж лёли, ох лёли лёли, горою.
Они звали *да* ох Ниночку с собою:
Лёли ж лёли, ох лёли лёли, с собою:
"Пойдем, пойдем, вот, Ниночка, с нами в ряд,
Лёли ж лёли, ох лёли лёли, с нами в ряд[2],
А с нами в ряд, Миколаевна, роя гребать". —
"Идите, идите, красны девки ж, не ждите,
Я сабе роя, я сабе роя отгребла,
Я сабе роя, сабе роя большого,
Вот Геночку молодого,
Алексеевича хорошего".

Сравните: № 377.

Эту песню они играют уже как за столом сидя(т). Не сразу сядут за стол. Придут и сперва начнут ее наряжать прямо в(о)зле стола. Их тут полна хата, а как трошки бедноватая [невеста], то с десяток подружечек, по расчету. Она с себя все скидая, понадевая на себя все свадёбное, венчальное — черное! Може, там поправят ее, а то она сама надевая на себе. Ей косу заплетут, в косе лента шепковая, какую она пожелая, такая лента, какая ей нравится. На пропиванках она наряженная у во весь наряд, а как свадьба, девок почтовая у во всем черном, во всем печальном.

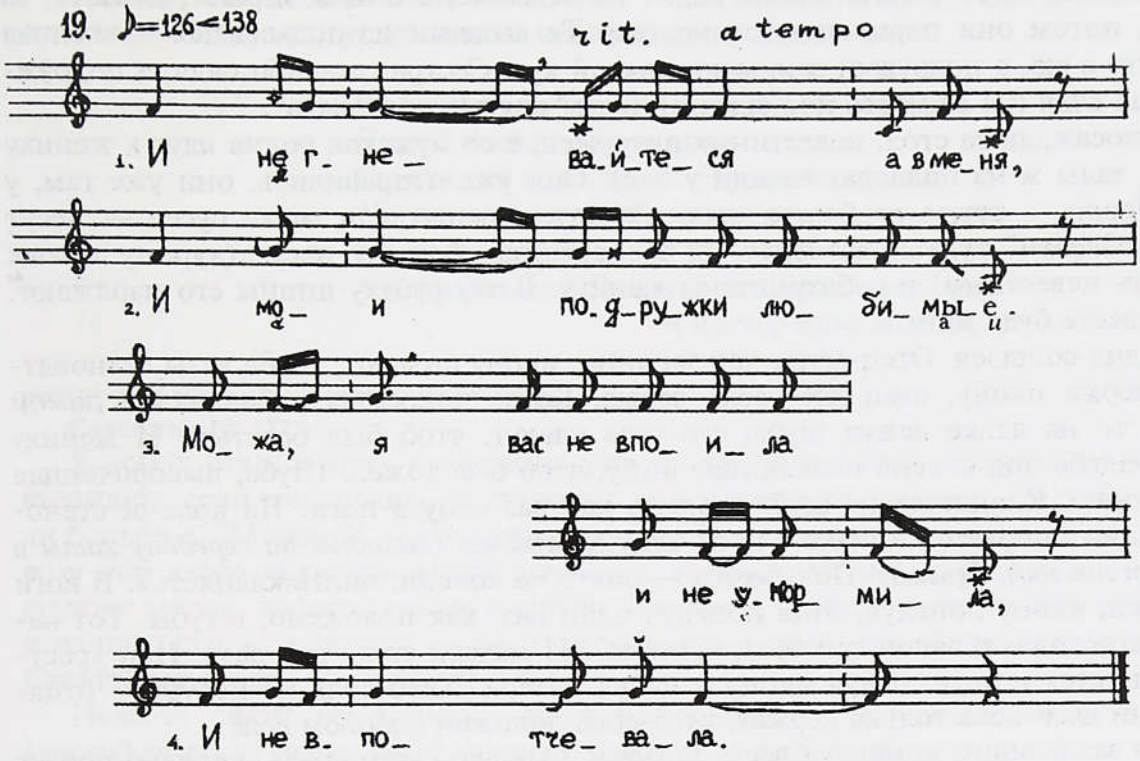
Она должна их приветить, чтоб довольные были. За стол пригласит (это называется, почтуя). Почтовать она сажая их, подружек: его сестру (жениха, а если нетути сестры, какая-нибудь, можа, хрестовая или ближняя сродство) и с женихового сродства всех под святые сажая, а подружки уже одаля. И вот, как девок почтовая, тоже всё становят. Они же сидят, считай, с утра — и коли ж приедут за невестой. Они ж голодные, девки. Их всегда кормят, становят всё, чего надо.

Это — девки, мужиков здесь даже и близко нет. Отец один будя ходить, но и то не подходя до девок. Сама невеста, два-три стола подружек, и она их почтовая, коло стола ходя. И то-то поедя(т) они там сколько чего, она им кланяется, прощается с ими и голося. Не так, как по покойнику голосят, а еще мелодия такая, что за сердце бере(т)!.. Три раза поклонилась и заголосила (*причитает*):

---

[1] *Широкая улица* — многолюдное праздничное гулянье, которое проходило с вечера до полуночи.

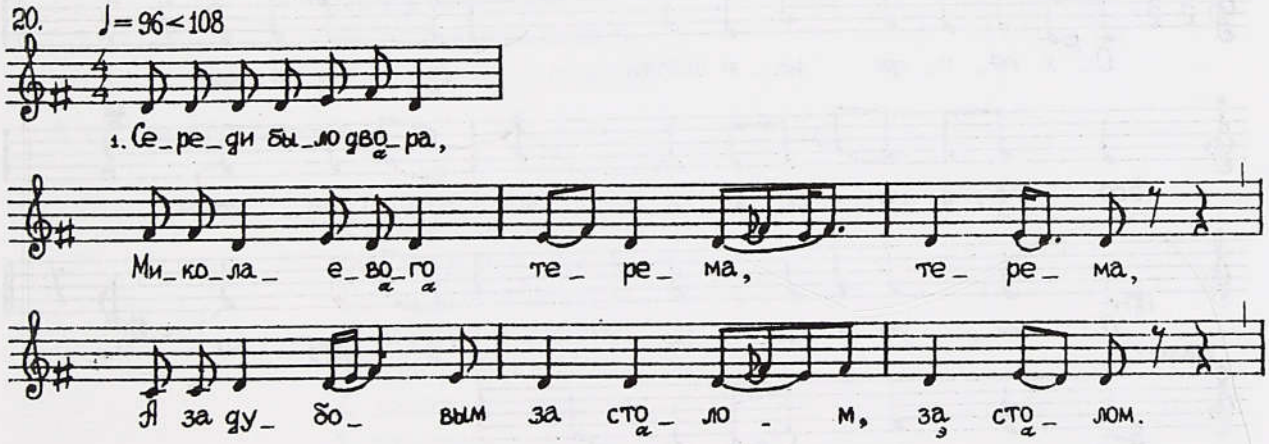
[2] Форма строфы далее не изменяется.



И не гневайтеся а в меня,
И мои подружки любимые.

Можа, я вас не впоила,
и не ўкормила,
И не впотчевала.

Тады ж она садится, ее **покрывают**. Уже на свадьбе все на ей черное, и черным платком накрыта (*достает и показывает свадебный платок, квадрат тонкой шерсти со стороной почти в полтора метра*). Концы по одной стороне платка должны ровно свисать. Покрывают, что даже и глаз ее не видно. Они тут будут играть, а она садится на лежанку. Сидит, пока жених [не] приедя, вся накинута платком. Эти девушки начинают песни играть: "Икону Миколу" (№ 280), "Винную чарочку" (№ 313), "Хвалилася соловьюшка в зеленом садочку" (№ 351) — это девки играют за столом у невесты, много они песен, да кабы их все-все, ох, Господи!.. И вот (*поет*):



Середи было двора,
Миколаевого терема, терема,
А за дубовым за столом, за столом,
А за шитою скатертью, [скатертью]
А Ниночка подруг кормила, кормила,

Миколаевна потчевала:
"Ешьте, подружки, скушайте,
Вам боле беседы не будя.
А хоть будя, да не в мене,
А в подружки любимой,
А в сестрицы родимой".

Такая песня. И то-то она плача, сидит на лежанке, а они ж играют, девчата, за столом. А потом они перьменяются местом. Те вылезли из-под святых — жениха сестра и кто с ею, а подружки занимают святой кут. Сестра где-либо сядя, а подружка любимая сядя [на ее место под святые], будя "святые продавать".

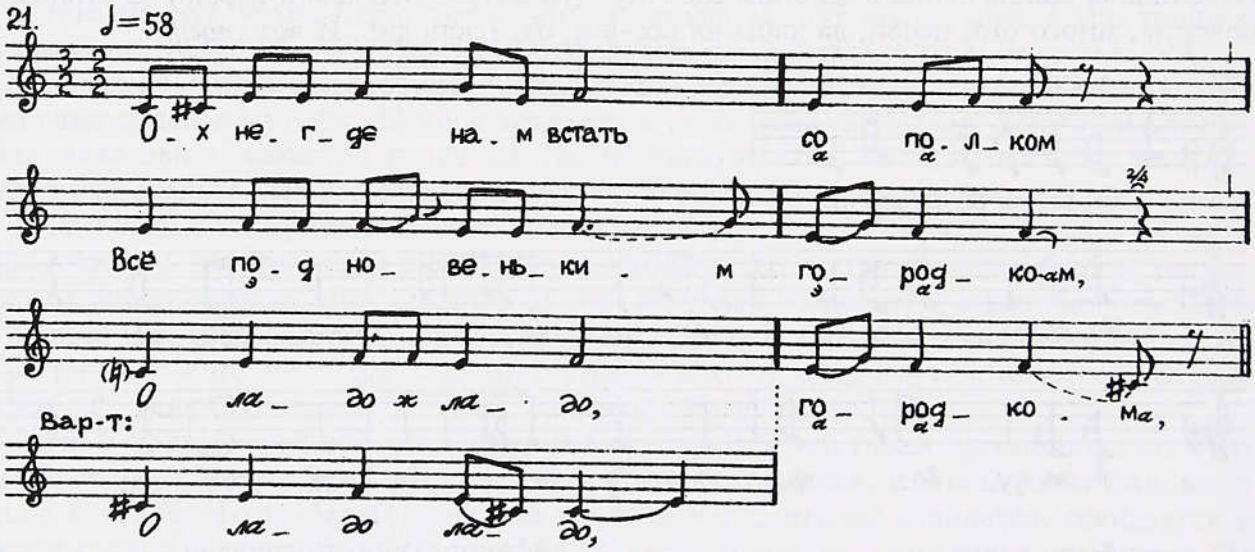
Девок посажали за стол, невестиных подружек, а ее мужская родня *и*дут к жениху (или едут, тады ж на подводах ездили у нас). Они уже отправились, они уже там, у жениха. Девки — тут, а ее братья, дяди, хрестный можа или можа сусед — несут "*курицу продавать*" туда и *позывать* их за невестою. Курицу несут (курицу готовя отец и мать невестины) и рубаху-штаны жениху. В эту рубаху-штаны его наряжают, когда к невесте будя идтить.

Там родня сошлася. Отец-мать, как законно, икону сымают, серёд хаты становятся, мать держа икону, отец хлеб-соль держа. Когда покрестят ребеночка и домой приносят, то на лавке лежит шуба, его туда кладут, чтоб был богатый. И жениху тоже на свадьбе под колена подкладают шубу, чтоб был тоже... Шуба, вывороченная наверх волною. Кланяется на шубе стоючи, как раз отцу в ноги. На колени становится, руками опирается и лбом в ноги отцу кланяется (*выходит на середину хаты и показывает поклон*). Трижде! Подымется — опять на колени, опять кланяется. В ноги покланяется, икону поцелуя, отца поцелуя один раз, как положено, в губы. Тот каже(т): "Благословляю законный брак принять". И матери тады три раза. Или хрестной... Кланяется в ноги, целуя икону и целуя матеря. Хлеб-соль не целует — отца-матеря. Они хлеб-соль только держат, хлеб-соль положен в любом деле.

Дружко за главного командуя всем парадом, сколько сватов будя, сколько поедут за невестою. Дружко — на первом возу с женихом, а сзаду несколько подвод: сестры, братья, хрестные. Рушниками дуги обвязаны, колокольцы привешаны. Родители во дворе еще раз жениха благословляют: "Благословляем тебе у путь поехать".

Дорогу им перегораживают. Просто станут и стоя(т) или веревку перетянут. Тады ж на кажной дуги — звоник. И те ж как со двора выехали — "Уже едя по*е*зд," — выскакиваем мы. У дружка — чайник с самогоном (самогон тут всю жизнь, и сейчас с чайником едут), дружко наливает, откупается. И закуску берут: конечно, раз-два укусить, не то что будя есть.

А тут ворота подопрут, и откупают ворота, наливают тем, кто подопре(т). Дружко откупая. А сваты-бояре играют песню:



Ох негде нам встать со полком
Все под новеньким городком,
О ладо ж ладо, городком,
Под каменною стеною.

Зарядим ружье стрелою,
Разобьем стену каменну,
Заберем вот Ниночку с собою,
О ладо ладо, с собою.

Они же, считай, как полк! Едя по*е*зд — по двадцать пять подвод было. А девки, как свадьба едя, вот тут за столом сидя(т), жениха дожидают:

По улице по широкой по*е*зд проезжая.
Никто поезд*а* на двор не спуская.
Спустя, не спустя вот Нинин батюшка.
“Батюшка родимый, спусти поезд на двор,
Не зноби мил*о*го вот Геночку молодого.
А я своего вот Геночку по шапке угадаю
и по в*о*роном коню”, —

девки так играют, сид*я*(т) за столом.

Сравните: № 137.

У ворот отец и мать невестины уже стоя(т) встречают. Если двор большой, то въезжают, если маленький, то подводы за ворот*а*ми оставаются. Но тады дворы были большие. "Можно?" — Ну разрешают же: "Пожалуйста, просим пожаловать!" (*Вот тут еще слово какое-то пригласительное, хорошее, чи вспомню, чи не...*) Ну а тады дружко заходя, жениха заводя в кухню. Все гости ихние, какие за невестою пришли, и наши гости, от невесты, — все в хате. Полна хата стоит набитая, полна хата людей! Стоя(т) все в ряд.

Невеста сидит на лежанке, платком накрыта, я вот показывала, под сель-то (*проводит рукой пониз лица*). У нас одному деду наделили: в их две было, на пропиванках посадили молодую, другая была посидуха (долго сидела [в девках]), а на свадьбу платком накрыли да и привезли к жениху ее. Когда платок раскрыли (*смеется*)... Всю жизнь он ее бил.

Жениха оставил дружко в кухне, сам заходя к девкам откупать место — **святые продавать**, а то ж ни молодую, ни молодого не посадить. Воюют часа два, покаместь они девок тех-то выгонят. А их не выгонишь! Они как уцопются, как козы! Он заходя к им и кажа: "Кто вам разрешил? Кто вас посадил?" Там сидит ее любимая подружка под святыми:

Благословил Миколай Иванович, *(а ее м*а*теря)*
Ольга Андреевна посадила.
И велела сидеть,
Боярь дожидать
И святые продавать.
И даром не (о)тдавать!

А тут попрут (*поет*):

Ой дружко богатина,
Купи в нас местечко,
Мы не дорого просим:
Тысчоночек восемь.
И дешево отдаваем:
За два рубля с полтиною,
С золотою гривною,
С золотою гривною
И с чарою наливною!

Близкий вариант № 141.

Тут, если как приедут зимою: “Мы — на двух полоз*а*х” (“на двух колесах”, если на колесах), — боле денег просят. Ну как они стромят дружка!

Ой дружко богатина,
Приехал с девяти сел,
А на ём платья девяти пол,
Оглянется — увесь гол!
У нашего дружка денег нет, денег нет,
Денег нету, так займи,
У товарища попроси.
А покос придя *(вот как косят жнива)*, откоси... (№ 489).

Тады опять:

Не табе дружковати,
А табе свиней пасти
Ой с черною собакою,
С длинною поленякою!

Вот опять:

Стой, дружко, не гнися,
А купи место, садися.

Потом:

На столе кисель кисня,
А в дружка сопель виснЯ!

Сравните с циклом корильных припевок № 491.

Как тольки его не шельмуют, покаместь он не заплотя, сколько они запросили! Тады наливая всем по стопке, девки эти выпивают, место ослобоняют, невесту сажают. У ей рушник в руках. Дружко бере(т) за рушник и заводя: сажают невесту за стол, платком она ж укрытая. И брата ее заводя. Теперь продавают **косу** (вариант № 142). Тут уже сидит невестин брат сбок невесты, это он должен косу продавать. Ну за косу торгуются уже менее, чем девки за место. Давая денег опять дружко этому брату. Брат деньги бере(т), невесты у чулок кладе(т), прямо тут же за столом. Купили — опять же ж наливая ему рюмочку дружко, он выпивая. Деньги получил, будь добр... А девки уже уходят, идут на улицу, постель тады продавают.

Теперича брат вылазя, и дружко идя за женихом. Заводя жениха. Жених идя вот так (а там сидит невеста накрытая), не задом, а вот как заставляют: спиной к людям, а к ей лицом, к правой руке невесты (*показывает*). И подымая этот платок и целуя ее. Спрашивают все: "Угадывай, твоя чи не?.. Твоя? Угадал?" Он отвечая: "Угадал". Сажают жениха сбок невесты, по левую руку, а тады сажают всех боярь, какие приехали за ею. Какие его там сродства, хрестные — сбоку жениха. За ними — все сваты, уже знают, где кому какая место. Но и дружко указывая, он за все отвечая, за всю свадьбу. Ихню родню посажая, и сажается наша (примерно я кажу, нехай будя "наша"), невестина. И то-то, значит, гуляют сколько... Сваты-бояря кушают, а жених и невеста и к ложке не попинаются. Они ничего не ели с утра и до темной ночи, ну покаместь целованки. И мать-отец и жениха не ели ничего, и невестины. Все едят, что хочут, и пьют, а они сидя(т) не едя(т). Говели, называется, чтоб жизня была хорошая, чтоб счастье было дитям. Становят первый холодец. Тарелки были во-от такие большие. Поедя(т) — становят борщ. Картошка, гусятина, утятина — это всё становили, мясо... Котлет тады и не знали, как их и делают. И сала сырого не резали. Закуски было полно. Сейчас дюже ж щиплют на кусочки ("это культурно"), а тады обжаривали — небольших поросят резали и чтоб прямо целый кусок, и как они тушили, как они все это делали, чё целиком клали куски те-то. И дружко, значит, на этом столе режа, а там какие еще сидя(т) — и на том столе тоже режут. И это всё поедали.

В каком-нибудь помещению **постель** девки продадут. Там они сели на постели, а сваты ж здесь сидя(т) обедают. Потом с-за стола дружко команду свою выведя, а где-нибудь там девки уже сидя(т):

Дружко богатина,
Купи в нас постелю...

Дружко покупая постель эту. Выносят постель. И едут к венчанью, постель везут. А сундук — уже отец-мать, тетки, дяди (ну кто там есть) после едут, приданно везут. Ну тряпки, дары. Тады дарили много, и все холстинное было.

Посидели, погостились — едут к венчанью. Тады ж не ездили расписываться, тады ездили венчаться в церкву. Дружко подходя: "Разрешите молодых вывести из-за стола", — обращается к отцу и к матери невесты. Те: "Бог благословляя и мы благословляем". Их дружко выводя за рушник, и у жениха рушник свой, и у ей свой, — бере(т) за обея рушники и выводя. Опять шубу стелят, икону бере(т) отец. Отец-мать становятся под матицу перед шубой, спиной к святому куту. Жених и невеста уже в пояс кланяются обея. Три раза. И поцелуют, и тут отец благословляет с матерью.

Выводят их, а тады на вор(о)т*ах* отец с матерью благословляют "у путь поехать". Там невеста вставая, в санях она или на чем, и — на четыре стороны (*показывает*). Перекрестится и поклонится "на усход" [восход]. Вот, примерно, у нас сани стоя(т), а вот вороты уже открытые, и она, значит, в вороты так-то кланяется, потом на закат, потом на север и через левое плечо поворачивается — на юг. А тут играют:

У ворот бела береза стояла,
Вот Ниночка с подворьица съезжала,
Миколаевна с высокого батюшкиного.
Она сломила белой березы макушку,
Все макушку, зеленую верхушку:
"Постой-постой, бела береза, без верху.
Поживи-ка, мой батюшка
и мамушка, без мене,
И без мене, без удалой голове".

Сравните с вариантом № 152.

Это поют сваты-бояре, гости, какие за невестою и от невесты едут. А теперича, как ее повезут (напев "Ох негде нам встать со полком"):

Тонкая дерево рябина
По полю катилася, звенела,
К лугам прикатилася, зацвела.
Цвела, цвела травушка — желтый цвет,
Была, была Ниночка, теперь нет.
Выйдем за воротечки — только след,
Прислухаемси — только шум.
Повезли вот Ниночку все под шум.

К венцу ехать рассаживаются нарозь: дружко с женихом, а с невестой рядом на другом возу сваха сидит. Уже мать-отец невестины наготовили блюдо, там орех*и*, хмель (цветочки сухие), пирог и скатертями красивыми накрывали. Сажают сваху к венчанию и дают это блюдо. Те поедут к венчанью, молодых повезут венчать. То молодежь поехала, невестины и жениховы вся сродство, а тут уже пожилые — материна и отцова родня невесты, тетки, дядьки — собираются и сундук везут, едут к жениху. Они на венчанью не присутствовали, и родители жениха тоже (и подружки

не бывали никогда). Молодые венчаются, а эти едут к отцу к матери [жениха]. Но только вперед молодых не приезжали. Бывая то, что и в одно время приедут, а бывая, что жениха и сватов с невестою дружко привезе(т) вперед.

Была *причта* у нас. Один тут на нашем порядку жил. Чи его не позовут, дак он так делал: едя поезд, а он что насудомил, что все — невеста и жених, и все сваты — извините меня, все вставают, брюки снимают, все садятся оправляются. Так-то по-отделывал. Это истинно я вам, без брехни, это батя рассказывал. Я его захватила живого, но сама не видала этого.

Повенчаются и едут к жениху. С венчанья жених и невеста едут в одних санях. И до венца и после венца в санях она едя — ничего не видя, накрыта. Бывая, путь им опять перегораживают, дружко откупая.

Мать-отец [жениховы] там стревают [встречают] с хлебом-солью, с иконою. Как привезут от венчанья, то в вор(о)тах становят на шубу, и жених кланяется в пояс, а невеста в ноги. Отец-мать благословили, и их тут же сажают **повивать**. Опять дружко веде(т) молодых за обое, невестин рушник и женихов держа в одной руке (*показывает*), ведет, как коней за удила. Сваха за женихом держится за рушник, а родители вслед пойдут за невестою. Дружко заводя молодых за стол левою стороною. Сажая жениха, сажая невесту, справа рядом — сваха. И туда садятся кто-либо, ну и тут эти ж сваты, какие гуляли. Черный платок с ней снимают, накрывают всех. Это сваха снимая. И то-то, значит (*поет,* напев № 109):

Прилетела к нам голубка,
Неповитая головка,
Села-упала на лавку,
Распустила рукавки по лавке.

А тут начинают (*поет*):

“Сваха-репка, сваха-репка, повивай крепко!” —
“Я не репка, я не репка, повью крепко” (№ 167).

Она ж снимая платок, а тут уже ж знают, чего с ему делать. Берут в руки этот платок, его не бросают, прямо с ней снимут и растягают его. Платок распластают, вот, на углах стоя(т), и там-то и тут-то, четыре человека берут этот платок — брат там, дядя, дружко, мужчины и женщины, все участвовали. А сваха тоже с молодыми, она ж косу расплетая и заплетая. За столом в это время больше никто не сидит, молодые только и сваха.

Тады три раза кругом обойдут. Раз обойдут, другой... Платок — на одном и том же месте, но как бы поворачивается (*показывает направление по часовой стрелке*). Ступают спокойно, чтоб сваха все успела. И свечи горя(т) ихние венчальные (их же, как венчают, у обе(и)х по свечке, и с теми-то свечками повивают), дружко зажигал, две свечи держа(т) сваты, какие повивают и у каких противоположные концы платка. А молодые сидя(т) нагнутые под тем-то платком.

Сваха над молодой слева сидит не подымается. Косу ж ей расплете(т) сваха, ленту выплете(т). У девушки коса наверх плетется, а как повивают, тогда под низ заплетают. Она ее расплете(т) и вниз заплете(т) в две косы: девкою была — одна, а бабою стала — две косы. Начиная заплетать с правой косы, потом — левую. И, значит, играют:

Правую косу заплету
На богатого на сына,
А левую косу заплету
На неродную дочеря.

Вот тут-то подденя и тут подденя и сделая *лепету* из тех-то с двух кос. Даже и гребешок не нужон там. Тут же петелечка из косы, а другую — сюда, и перевяжа их кончики. Лепета называлася. (*Показывает: конец косы продергивается под основание другой косы, потом то же самое делают с другой косой, концы скрещивают поверху, обводят вокруг и подтыкают под низ. Получается овальная плетенка.*)

Там и гребешок лежит, и масло лежит, в бумажке оно было. Это ж в тарелке все. Тарелка такая большая на столе, под низом орех*и*, хмель, зерны, а сверху пирог и то-то масло, гребешок. Как заплела сваха лепету, возьмет ка-а-пельку и маслицем мажет сперва жениха, а потом у невесты там чуть-чуть, абы присловье... Это все свахина работа.

...Чешите-маслите вот Генины кудри,
Чешите-маслите вот Нинины косы[1].

Да она там раз чесане(т), чуть, абы, значит, присловье было.

Вот такие были припевы, когда это всё повивают. Долго не играют. Как косы она заплете(т) и помажа — шлычку надевали (*я вам покажу, у мене есть*). Теперь платок этот сымают и к свекрови в теплушку отдадут, и она его в сундук отнесе(т). И весь наряд, в котором невеста была при венчаньи и в день свадьбы, она бережет, а потом этот наряд надевают на смерть. Так берегли. За платок не скажу, а наряд — этот: саян, кофта, рубаха, чулки и все-все.

А сваха раскрывая эту тарелку и начиная хмелем посыпать, рассыпая орех*и* по людях:

Сваха, хмелью посыпай, посыпай,
А йще с орех*а*ми.

Она бере(т) и посыпая гостей всех, и лавют [ловят] орех*и*, тут-то и все на свете... Все расшвыряя, все дочист*а*, ничего не оставляя на тарелке. А этот пирог скатертью опять с тарелкою заворачивая и отдавая в кухню свекровьи, жениховой матери.

А тады выводя их дружко, с рушником иде(т). Как повьют — и в кухню повели, они ж целый день не ели. Перекусят они трошки, и ведут — клетка [клеть] тады называлася, ведут в клетку. Как поведут наряжать их "под целованки", уже без рушника они идут парою, как жених с невестою. И тады ж нарядят ее, э-эх! Блестит все! Сваха и дружко с ними, а тут все дожидают, коли, значит, их нарядят. Да играют, все ж выпивши до жениха ж приехали. Она была в печальном, как на лежанке сидела и как ее под венец вели. В самом красивом невеста под венцом и не была, она — у во всем печальном. А теперя все это с ей сняли, наряжали самый любой[2] наряд: в празднишный малиновый саян, в чепец (можа, они идесь в музее есть), сороки были старинные. Ну у кого чепца нема, в сороку наряжали невесту. А в кого чепец у компании — примерно, я гуляю, у меня чепец, — с меня снимут, а невесту нарядят. И сверху — платок любой. Она сидит, что ты! Куда там!.. Жених меняя рубаху: как девок сажая невеста, едут к жениху и везут курицу и ему рубаху-штаны, он эту венчальную тоже снимая и надевая хорошую, малиновые были рубахи, оранжевые...

Дружко заводя их опять с одной стороны — слева, они за руки все держатся, когда идут по-за столами. Сажают за стол их опять. Тарелочка одна перед ними, две рюмочки. Ей наливают, а невеста подавая стаканчики. Сперва женихову сродству. Те дорют [дарят] и заставляют уже их целоваться, молодых. Теперь пошли **целованки**, и на том свадьбе конец. Дружко под целованки вызывая:

---

[1] Вариант в записи из соседнего села см.: Народные песни сел Купино и Большое Городище Шебекинского района Белгородской обл. С. 73, 74.

[2] *Любой* — зд.: предназначенный для любования.

Ну Геннадий Иванович и Нина Миколаевна,
Покажите ясные очи, карие брови.
Сыр-каравай принимай,
Наших молодых надаряй,
Не рублем-полтиною,
Золотою гривною.
Если Ваша честь —
Рубликов шесть.
А если хвала,
Гоните серого вола
сюда!

Сравните: № 569—571.

Такая-то пр*и*казка дружка. Всем, пока пройдут. Невеста стоит, к ней начиная подходить каждый из женихового ср*о*дства, и она каждому наливая по стаканчику. Дружко хлеб-каравай режа, по кусочку чтоб каждому хватило.

Потом дружко с дядькею ведут молодых ночевать. В каком-нибудь амбарчике или в чуланчике на холоде стелят им дерюгу.

Утром на другой день невеста и полы подметала, и невестины ср*о*дство шли "искали молодую", ей снедать приносили (шли они с песней "У нас на Дунайку на бережочку", № 232), и воды таскала невеста. Тады и у своих родителей она с женихом гостила...

Деточки, я уж поуморилась. Не хочу прибавлять, потому что я или не знаю, или забыла... За это я подробностей не могу схватить, потому что это было детство, это ж до колхоза еще было. А с колхозами тут и свадьбов не было. Какие тут свадьбы, такая гонения была...

Причитания

Перед тем как обратиться к текстам, сперва узнаем, каковы впечатления собирателя фольклора от свадебного причитания. Искусством причети славилась прежде всего обрядовая культура Русского Севера.

1965 г., экспедиция в Онежское Поморье. Студентка-москвичка в избе М.Д. Хохлиной, семидесяти семи лет, слышит в ответ на свою просьбу записать причитания: "У нас в деревне много *стихов водили* [причитали] на свадьбе, а если уж невеста не умела *водить*, так говорили: "К ней нечего ходить, стоит, как балбес". Была я на свадьбе в Беломорске — не понравилосе, невеста сидит да кланяется, а стихи кто другая водит. Если тебе начинать водить, дак надо неделю с тобой просидеть!.. Что с того, что немного скажу?.. Марфа Дмитриевна встала из-за стола и неожиданно скорбным речитативом заговорила, в голосе начинает слышаться плач, она с поклоном падает мне в ноги, продолжая причитывать. Перебивать нельзя, переспрашивать нельзя, а писать трудно, в избе темно, уже ночь. Так же неожиданно Марфа Дмитриевна умолкает, встает, снова присаживается к столу: "Вот так невесты все причитывали. Про все в стихах расскажет, про всю свою жизнь, как за скотиной ходить, как корову доить, ягоды собирать... Кто горя не видал, так тому стихов не знать"[1].

1972 г., экспедиция на Пинегу. "Женщины, собравшись на повети, рассказывали нам о свадебном обряде, пели свадебные песни. Когда же мы попросили вспомнить причитания, все дружно показали на Надежду Артемьевну... Прикрыв лицо ладонями, она слегка наклонилась — и мы услышали неподдельный плач, скорбным речитативом выговаривались "жалкие слова" невесты матери, отцу... Примолкнувшие женщины потянулись к платкам, заслезились глаза. Теперь уже не плач, а рыдания сопровождали скорбное свадебное причитание. Но Надежда Артемьевна отнимает руки от лица, и мы видим, что она смеется. Интересно, что эту условность плача слушавшие женщины приняли как должное, привычное"[2].

Смерть и возрождение. Такова исходная сценарная схема любого и каждого ритуала перехода. В свадебном ритуале цикл причитаний и есть переход в иное, трудное движение к кульминации всего обряда (брак — это игровая "смерть"). Во время причитания и особенно после него невеста, как говорилось, "обмирает", опустошенная. Жанр предельной экспрессии и силы воздействия на все человеческое су-

---

[1] ФЭ МГУ 05 : 0309-0310.

[2] ФЭ МГУ 09 : 3799-3800. Речь идет о причитании Н.А. Земцовской в д. Большое Кротово Пинежского р-на Архангельской обл., см. № 4, 5.

щество, причитание как бы обращает девушку в безымянную (в причитаниях не произносятся имена невесты и жениха) невесту, которой предуказано стать молодой мужней женой. Возвышая женское начало, русский свадебный обряд на причитаниях зиждется.

Собрание поэтических и музыкально-поэтических текстов открывается причитаниями, потому что причитать невеста начинала сразу с момента просватания, и они сопровождали только первую половину свадебного обряда, пока жених не увез невесту к себе.

Девушке, выходившей замуж по любви, плакать не хотелось. Но полагалось. Невесте говорили: "Не поревешь за столом, так поревешь за столбом" (то есть после, в замужестве). Ученые высказывают догадку, что ритуальный плач изначально имел магическое значение: чтобы обманом отвести злых духов. А в народе считали, что "если невеста не плакала — немудрая невеста тут... Какая плачет и смеется, все вместях. А плакать надо"[1]. Приходилось натирать глаза луком, вызывая слезы (об этом даже поется в свадебных песнях, см. № 217), и покорно следовать этикету обряда. Причитать учились с детства, запоминая с голоса соседок и старших сестер. В ряде местностей невесте помогали ее подруги или мастерицы-плакальщицы, слушая которых все рыдали.

В причитаниях невеста прощалась с девичеством, которое "соколом пролетело, соловьем просвистало",

А серым заюшком проскакало,
А горностаюшком пропрыгало,
А серой уточкой проплавало,
А золотым кольцом проблискало,
А красной девушкой проплакало.

См. № 86.

Понуждая себя плакать, невеста постепенно проникалась стихией традиционного причитания и, вдохновляясь, даже импровизировала слова, экспромтом творила. В такие моменты, по справедливому замечанию писателя В.И. Белова, знатока народного быта, "высокоодаренные художественные натуры и создавали величайшие фольклорные ценности"[2], которые передавались другим поколениям.

Причитания возникли в глубокой древности (в древнерусских памятниках XI в. есть свидетельства о бытовании этого вида фольклора). В них до наших дней дошли поэтические образы и символы, связанные с мифологическими представлениями, относящимися к доисторическому периоду жизни славян. Центральными образами причитаний являются девичья "воля" и "девья (дивья) кр*а*сота", с которыми невеста должна расстаться и которые могут принимать антропоморфные (девушки, подруги невесты) или зооморфные (заюшки, горностаюшки, уточки) обличья или отождествляться с косой или головным убором невесты (лентой, жемчужной повязкой, венцом).

В причитании большое значение придается традиционным позам, жестам, элементам пантомимы (например, см. № 76, 78, 81, 82, 92 и др.). Развитая плачевая культура во многом способствовала театрализации свадьбы, особенно в севернорусских традициях. В XVIII — первой половине XX в. ритуал превращался в своего рода драматическое представление.

---

[1] ФЭ МГУ 10 : 5613. Из записей Н.И. Савушкиной в д. Погорелец Мезенского р-на Архангельской обл., 1975 г.

[2] *Белов В.И.* Лад: Очерки о народной эстетике. Изд. 2. М., 1989. С. 286.

Цикл причитаний настолько неотделим от ритуала, что, бывало, собиратели фольклора иногда записывали их одно за другим едва ли не сквозным текстом под названием "Свадебный обряд". Причитания были связаны, с одной стороны, с традиционной обрядностью (причитание-обряд), с другой — с раскрытием чувств и переживаний невесты, навсегда покидающей родной дом (причитание об обряде). Причитаниями сопровождалось сватовство, пропой, рукобитье, сговор, голосила невеста и на девишнике, и перед ритуальным посещением бани и после, и перед отъездом к венцу. Этапы перехода от девичества к будущему замужеству представлялись в причитаниях "как торговая сделка ("по рукам ударить"), как магический акт соединения вступающих в брак (замыкание замка ключом, обмен родовыми огнями), наконец, как "избывание" опасного члена коллектива, "запроданного" ранее "чужим" и в силу этого получившего их качества"[1].

Тексты причитаний размещены по эпизодам обряда таким образом, чтобы показать постепенное накопление в них песенных черт начиная от экспрессивной, плачевой ритуальной декламации, с длительным логическим восхождением к формам песенного типа. По типу музыкально-поэтической формы и с учетом форм исполнения причитания делятся на сольные и групповые. Между ними нет постоянных границ, и в каждой из основных разновидностей свадебного причитания в свою очередь насчитывается множество градаций.

Исходными для жанра являются издание протяжного возгласа-звукослога (№ 15, 38, 42, 47, 58 и др.) и опасное, рискованное для голоса плачевое интонирование (на рывками аритмично содрогающейся диафрагме сквозь слезы, всхлипы, рыдания, обильные стенания), при котором затруднено произнесение слов. В некоторых формах, как сольных, так и групповых, целиком довлеет ритуальный плач. К таким его образцам, как № 49 и в особенности № 64, применимо афористическое замечание Т.А. Бернштам: "Коллективность голошения — признак его архаичности"[2]. В большинстве своем причитания строятся на противопоставлении певческого и плачевого звукообразования (с плачем на концах стихов и в цезурах) и нередко достигают значительной распевности (№ 24, 28, 38, 56, 58, 85, 99, 100).

Сольные причитания бывают стиховыми и строфическими, с рассекающей напевный стих формотворческой цезурой, в которую как бы стекаются слезы, плачевые вздохи, всхлипы, и без этой цезуры. Становление мелоса и формы некоторых сольных свадебных причитаний проходило во взаимовлияниях с восточнославянским пластом календарных голошений и песен. Иные же имеют напевы эпического склада (№ 3, 10). Групповым причитаниям присущи объективированный тон повествования, его обстоятельность, несколько большая степень постоянства текста и обилие мифопоэтики. Среди них выделяются формы голошения различной степени распевности, преимущественно в местах исторического расселения старообрядцев, и псевдопесни (№ 74, 79, 80, 91, 105, 106, 107). Несколько особняком стоят голошения в форме фантазии на словесном материале причитания и музыкальном материале песни (№ 102).

Процесс замедления течения художественно-музыкального времени (№ 12, 17 б, 24, 38) и практика подпевания во время исполнения причитаний (например, см. № 14, 46) заложили предпосылки для постепенного сближения сольного причитания не только и не столько с групповым (№ 12), сколько с песней. Имела место тяга и к упрощению группового причитания в сольном исполнении и превращению его в

---

[1] *Островский Е.Б.* Вологодский свадебный фольклор (история, традиции, поэтика). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. С. 14.

[2] *Бернштам Т.А.* Свадебный плач в обрядовой культуре восточных славян (XIX — начало XX века) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 93.

подобие песни, в том числе одновременно с деградацией ритуала, вследствие отказов от услуг "артели" наемных плакальщиц по соображениям экономии в пользу одной плачеи и еще по ряду причин.

В свадебном причитании искались пути кардинального его сближения с песенной лирикой. Близка песенному жанру и главная тема свадебных причитаний на последних витках их истории — горестные переживания невесты, вызванные предстоящей разлукой с родной семьей, подругами, девичьими гуляньями и страхом перед чужой семьей.

Жизнь девушки в родном доме идеализируется, а в чужом — представляется в самых мрачных тонах. "Чужая сторона" не медом перелита и не сахаром усыпана, а улита горькими слезами (№ 66, сравните то же в песне № 205). Изливаются красочные жалобы:

Уж отвезли ле меня да повыдали
И на чужу-ту *да* дальню сторону,
И на злодеюшку *да* незнакомую,
Уж куда конички не сбегаютсе,
А добры люди там не съезжаютсе.
Там кукушьё *да* кукованьицё,
Там петушьё *да* воспеваньицё,
Там лягушьё *да* воркованьицё,
Там медвежьё *да* жированьицё,
И уж волчьё завыванъицё!..

См. № 108.

Сторона жениха обозначается через символику "чужого", а прибытие поезжан воспринимается в причитаниях как нечто опасное.

В своих поэтичных, полных драматизма плачах-монологах невеста обращается к родителям, братьям и сестрам, подругам и соседям. Родителей она упрекает за то, что они "сбывают" ее в чужие люди; сетует, что теперь некому будет помочь им в работе; благодарит их за то, что они поили-кормили и воспитали ее; спрашивает благословения. Невеста-сирота просит ударить в церковный колокол, чтобы расколоть землю, рассыпать могильный песок, разбудить спящих под саваном отца или мать и получить от них напутствие в новую жизнь (то же в песнях № 269—271, 276). Сходив на могилу к родителям, невеста-сирота в причете просила братьев впустить ее в дом, где она будет ждать батюшку и матушку (№ 11, 64). Невеста уговаривала братьев поймать в лесу лютого зверя, чтобы кони жениха испугались и свадьба не состоялась. Приехавшему дружке на вопрос о ее здоровье она жаловалась, что здорова, но невесела, и просила передать жениху, что прощается с девьей жизнью, с родителями, родными, соседями и подругами (№ 34). Замужних сестер и подруг невеста упрашивала научить ее, как жить в чужих людях (№ 23, 24), к девушкам обращалась с просьбой не забывать ее на гуляньях и посиделках.

Причитали также и мать невесты, сестра, тетки, подруги. Мать и сестра призывали невесту обрести на чужой сторонушке силу звериную и сыть голубиную, умение "глядеть полуглазком", "говорить полуротком", учили ее жить умеючи:

Жить пониже муравой травы,
Ходить тише ключевой воды.

См. № 53, 75 в.

I. СОЛЬНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

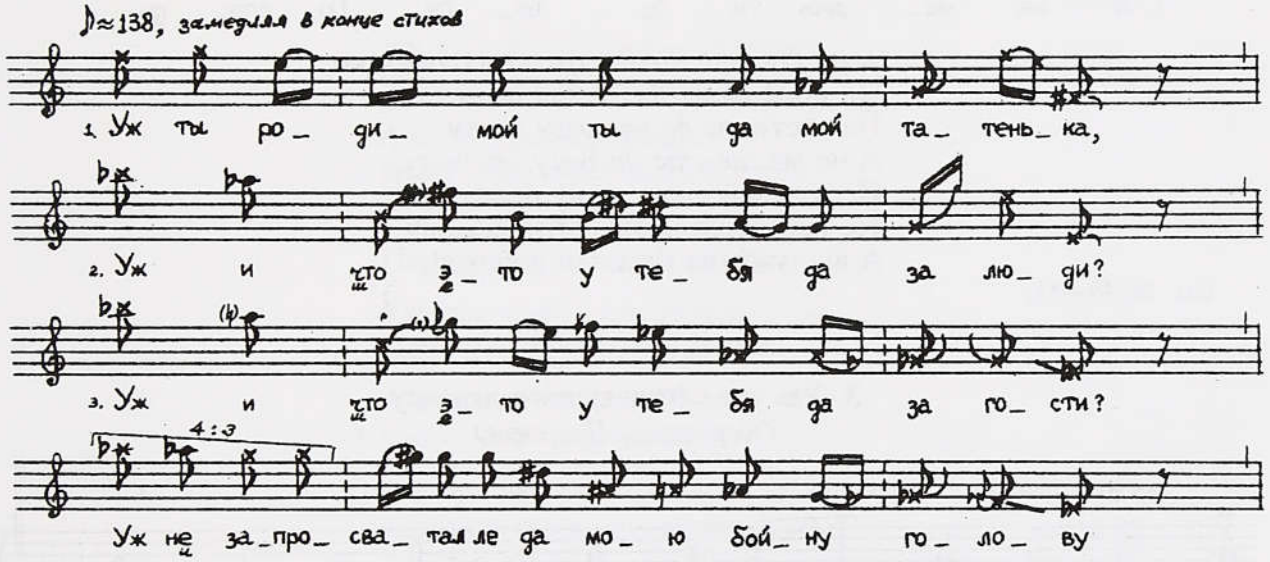
ДЕВУШКУ ОБЪЯВЛЯЮТ НЕВЕСТОЙ

1. Уж ты родимой ты да мой татенька

(Арх., Пинега)

Через некоторое время после сватовства по предварительной договоренности сторон жених с отцом, братом и сватами приходили к родителям девушки "Богу молиться". Ее мать приглашала гостей к столу, сама же невеста в это время пряталась от чужих людей. После некоторого разговора ее звали в избу спросить, согласна ли. Шли долгие уговоры. Наконец, сват требовал *задаток*. С девушки снимали платок, мать протягивала его отцу жениха. Вот кто-то из сватов сказал: *"Не берите от матери задаток, пусть сама дает". — "Она не хочет, мати и дает. Насилу отдают"*. Тем временем девушку упрашивали: *"Отдай сама"*. И вот она выходила вперед, со сватами здоровалась, каждый из них в ответ называл себя по имени-отчеству. Когда она доходила до жениха, то отдавала платок со словами: *"Мама велит, тятя велит, дак надо давать. Нате, пожалуйста"*.

Теперь все стоя долго молились Богу. Как только они помолились вместе, девушка считалась невестой. Сразу после молитвы невеста падала отцу в ноги, начинала причитать:



Уж ты родимой ты да мой татенька,
Уж и что это у тебя да з*а* люди?
Уж и что это у тебя да з*а* гости?
Уж не запросватал ли да мою бойну голову
Уж и за чужа-то да за чужинина,
Уж и не за сто рублей да не за тысячу,
Уж и за удалого добра молодца?

Затем она обращалась и к матери:

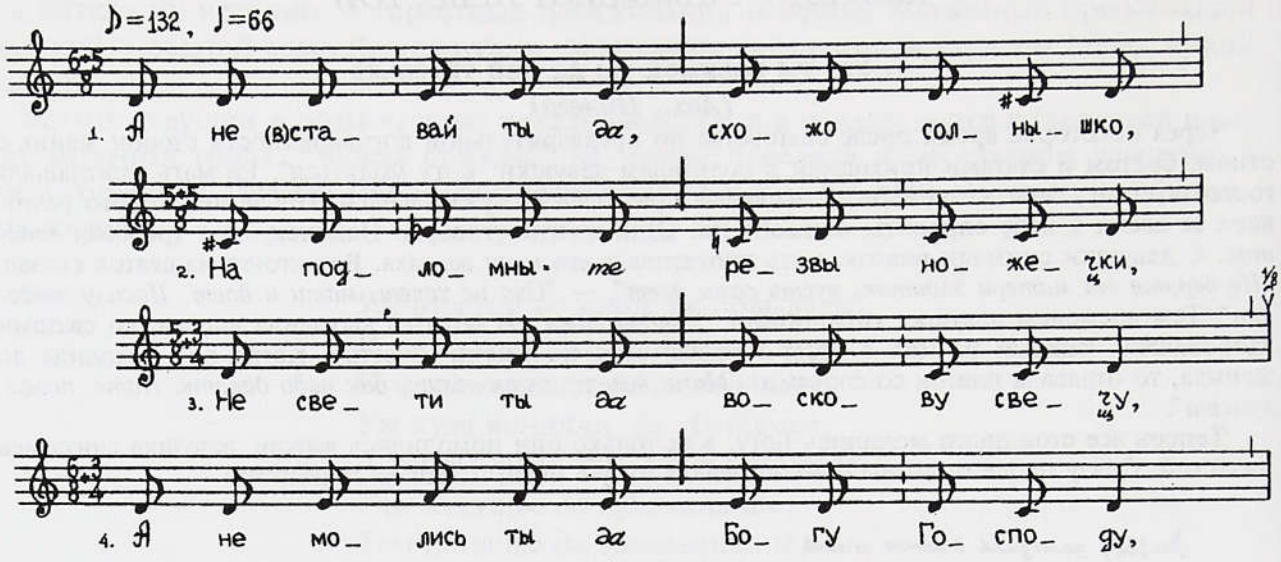
Уж ты родима ты да моя мамонька,
Уж не запросватала да мою голову
Уж и не за сто рублей да не за тысячу,
Уж и за добр*а* ле, да за добр*а* молодца?
Уж ты родима ты да моя мамонька!

После этого гости садились за стол угощаться. Жених прежде всех брал себе чаю да сахару. Родители невесты к столу не присаживались, отец угощал, мать помогала.

2. А не вставай ты, всхожо солнышко

(Арх., Мезень)

Когда приходили сваты, чтобы Богу молиться — скрепить договоренность о свадьбе, невеста пряталась за печью в шолныши. Отец перед началом молитвы выводил дочь к сватам, те сидели за столом. Она падала отцу в ноги и причитала:

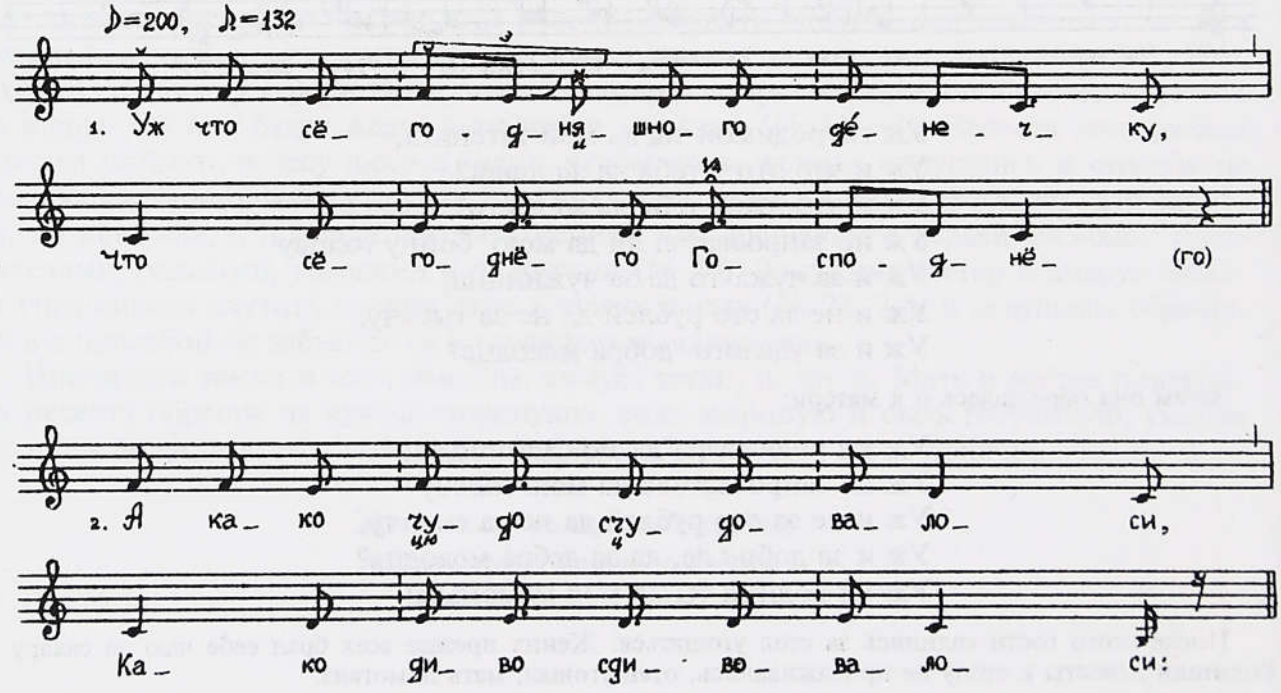


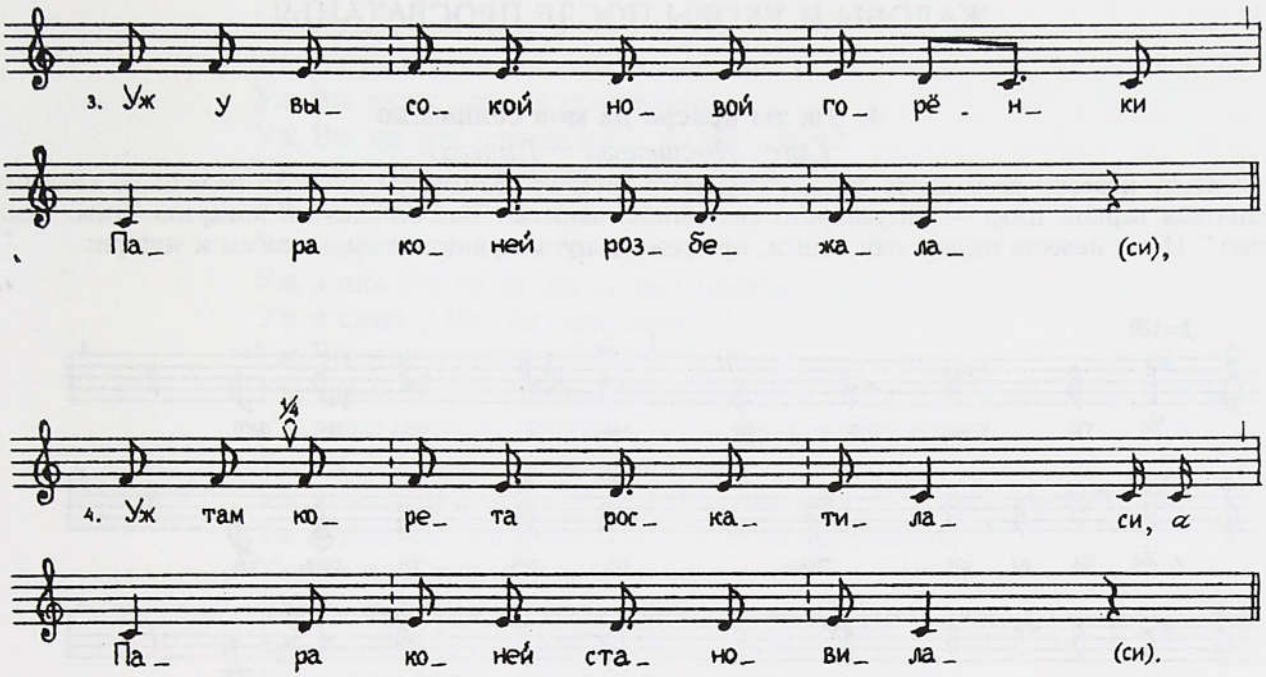
А не вставай ты *да*, схожо солнышко,
На подломны-*те* резвы ножечки,
Не свети ты *да* воскову свечу,
А не молись ты *да* Богу Господу,
Не задавай свою руку правую,
Не пробивай мою буйну голову
А во чужи-ти *да* люди добрыя!

См. № 49—51.

3. Уж что сёгодняшного денечку

(Карельск., Пудожье)





Уж что сёгодняшного де́нечку,
Что сёгоднёго Господнё(го)[1]

А како чудо счудовалоси,
Како диво сдивовалоси:

Уж у высокой новой горёнки
Пара ко́ней розбежала(си),

Уж там корета роскатиласи, *а*
Пара ко́ней становила(си).

А за столами за дубовыма *да*
Сидят гости незнакомые.

Уж там два свата в место сходятси, *а*
Там больша родня заводи(тси).

А крылья-перья ощипаютси *да,*
Меня сватать собирают(си).

Уж что сёгодняшного де́нечку,
Что сёгоднёго Господнё(го)

Как ты, родитель милый батюшко,
Со полки́ братья любимые,

Уж на столы да вы дубовые
Кладите скатерти шелко́вые,

Кладите ложки серебряные,
А тарелочки хрустальные.

Уж принимайте гостей за́ лучшо,
Посадите гостей за́ большо.

---

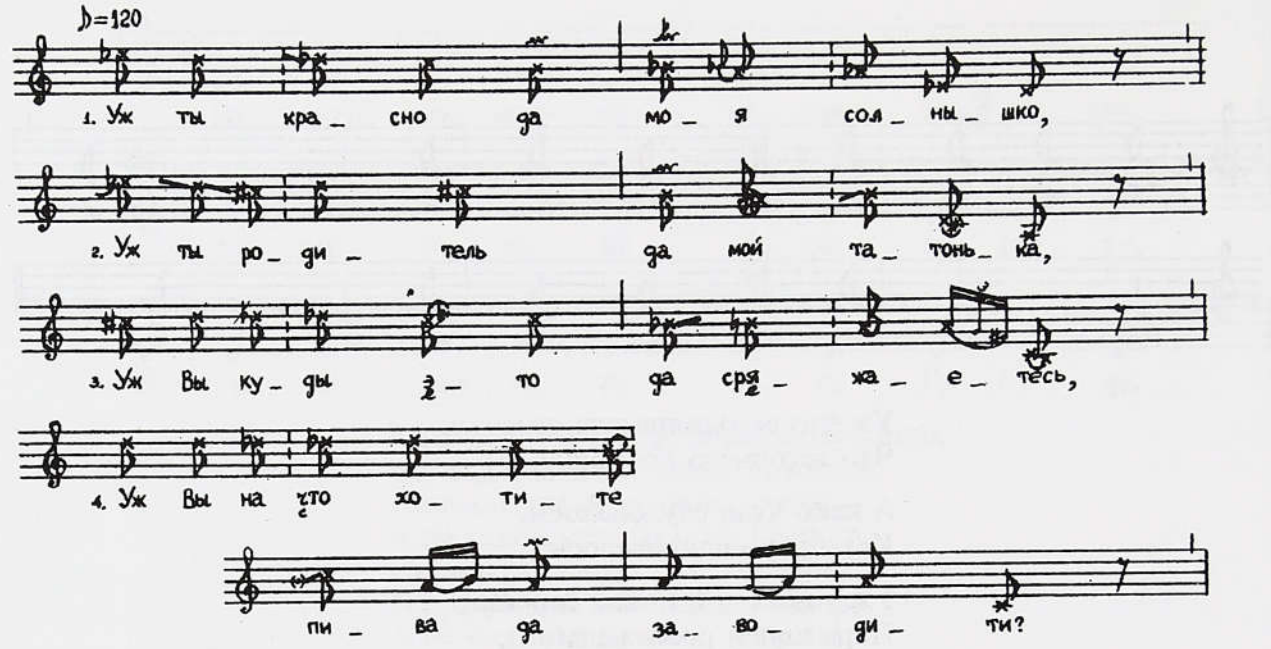
[1] Заключенные в скобках окончания стиха не произносятся или шепчутся в момент смены дыхания.

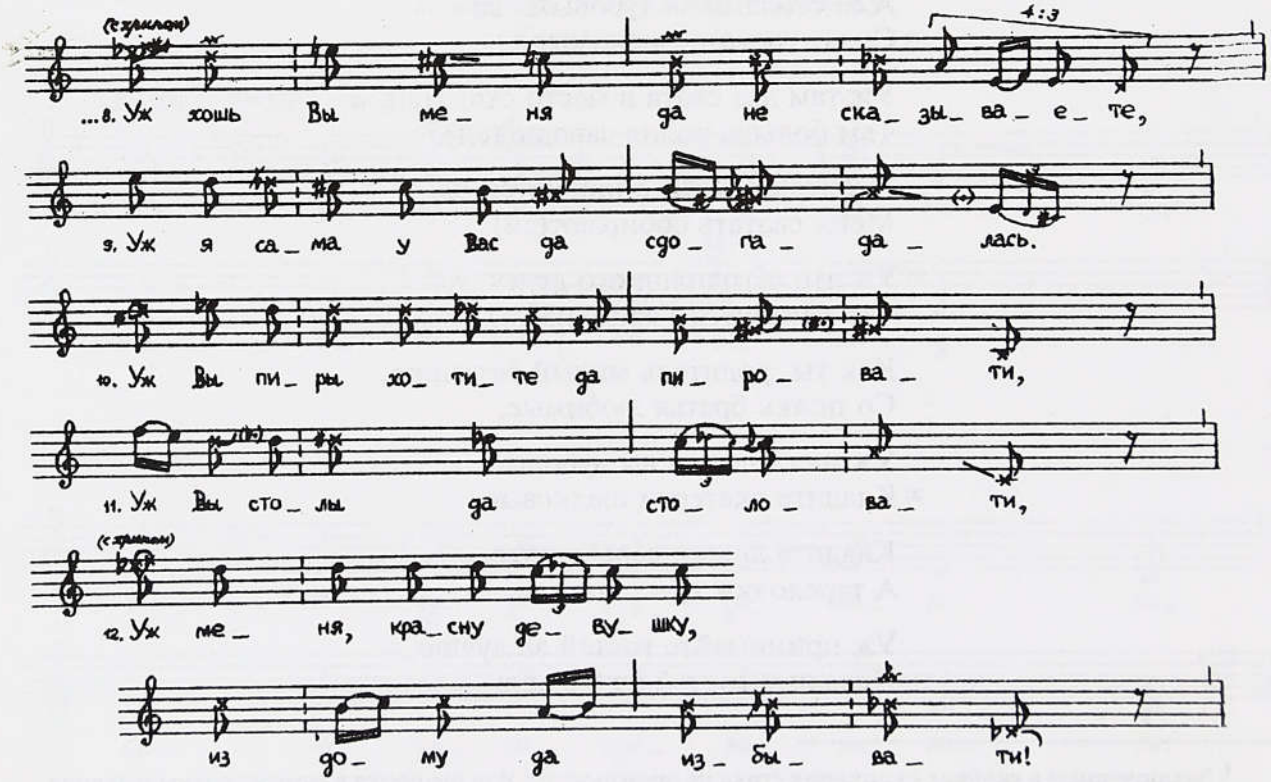
ЖАЛОБЫ И УКОРЫ ПОСЛЕ ПРОСВАТАНЬЯ

4. Уж ты красно да моя солнышко

(Арх., Покшеньга – Пинега)

Отцу невесты полагалось загодя, обычно в срок от двенадцати дней до недели до свадьбы, заняться варкой пива — ритуального свадебного напитка. Вот он шел на поварню "пиво заводить". И тут невеста падала ему в ноги, преграждая путь, причитала ему, а затем и матери:





Уж ты красно *да* моя солнышко,
Уж ты родитель да мой татонька,
Уж Вы куды это да сряжаетесь,
Уж Вы на что хотите пива *да* заводити?
Уж не пиры ли хотите *да* пировати,
Уж не столы ли *да* столовати,
Уж не родителей *да* поминати?
Уж хошь Вы меня да не сказываете,
Уж я сама у Вас *да* сдогадалась.
Уж Вы пиры хотите *да* пировати,
Уж Вы столы *да* столовати,
Уж меня, красну девушку, из дому *да* избывати!
Уж ты родитель да мой татонька,
Уж у вас, верно, хлебушка на меня сей год *да* не закуплен,
Уж и постели на меня сей год *да* не заправлено.
Уж ты корминьица *да* моя мамонька!
Уж ты зачем на меня *да* рассердиласе?
Уж ты об чем *да* спрогневиласе?
Уж и я молодым-*то* молодешенька,
Уж я травонька да у тебя да не дошла,
Уж как цветочек я *да* не доцвел(ый).
Уж ты чего, мамонька, у меня *да* убоялась?
Уж ты чего *да* устрашилась?
Уж ты старости ли *да* моей старой?
Уж ты глупости ли *да* глуподе(вьей)?
Уж моя старость-*то* да не стара,
Уж моя глупость-*то* да не глупа.
Уж ты теперь, мамонька, меня *да* не спомянешь,
Уж ты тогды меня да спомянешь,
Уж когды полы у тебя да затопчутсе,
Уж когды рубашечки *да* загрязнятся.
Уж ты корминьица *да* моя мамонька,
Уж ты на что ихнё да обзарилась?
Уж ты за что ихнё *да* обнадеялась?
Уж ты на терема ли ихны да высоки?
Уж и на анбары ли *да* крутоверховаты?
Уж на сусеки ли *да* полноверхот(ы)?
Уж и на коней ли *да* на езжалых?
Уж на коров ли да на дойных?
Уж ты корминьица *да* моя мамонька,
Уж меня житье-бытье, бывat, у них *да* не пондравитсе,
Уж меня хлеб-соль ихнё, бывat *да,* не покатитсе,
Уж ключева вода *да* не запьетсе.
Уж и мне, бывat, у их *да* не заживется,
Уж вы назад тогды меня от их да возьмите.

5. Уж ты красное да мое солнышко

(Там же. Манера причитания см. № 4)

В предбрачные дни чередой следовали одно за другим посещения невестиного дома гостями со стороны жениха. С каждым разом уточнялась и укреплялась договоренность между сторонами. Одним из предсвадебных посещений являлось *рукобитье.* Приезжали жених со сватами и его

молодые родственники, так называемые *женихи* — парни. Их заводили за стол, и они требовали посмотреть невесту. Ее выводили в праздничном убранстве. Жених выходил к ней из-за стола, поздоровавшись, дергал ее за косу и вдобавок к этому "репетировал" действия, которые он повторит вновь и при вручении подарков невесте "на белила" (ср. № 556), и еще, разумеется, в момент окончательной передачи ему невесты: больно жал ей руку, наступал на ногу и целовал. Невеста же смотрела прямо перед собой и не выдавала своего состояния. Но вслед за этим она причитала:

Уж ты красное *да* мое солнышко,
Уж ты родитель ты мой таточка!
Уж у Вас что *да* были *за* люди?
Уж у Вас что *да* были *за* гости?
Уж у Вас что яко *за* воля,
Уж у Вас что тако *за* самовольство?
Уж громко к нам *да* приезжали,
Уж на крут мост *да* заезжали,
На поветочку *да* заходили,
Уж меня, девушку, да спросили,
Уж и стоять приказали *да* не шататься,
Уж смотреть приказали *да* не смеяться.
Уж я стояла *да* не шаталась,
Уж я смотрела *да* не смеялась.
Уж ко мне близко *да* подходили,
Уж со мной смело *да* говорили,
За русу косыньку меня *да* захватили,
Уж на праву ножечку *да* наступили,
Бело *ли*цо у мня *да* пристыдили,
Уста сах*а*рны *да* прискверн*и*ли.
Уж бело *ли*цо у меня *да* не стыжёно,
Уста с*а*харны *да* не скверн*ё*ны...

Сравните: № 82.

6. От-вы порядовны мои да суседушки

(Пинега. Манера причитания — вариант № 1, 4)

Невеста причитанием встречала девушек, своих соседок, когда они приходили изо дня в день на *посидки*.

От-вы порядовны мои да суседушки,
От-вы полюбовны мои да подружечки,
От-я не могла вас а дождатьсе!
От-вы на что *да* осердилисе?
От-вы на что *да* прогневилисе?
От-я ждала вас *да* дожидалася,
Ох все окошечки *да* приглядела,
Ах и все двери *да* охватала.
Ах и Надежда ты да Калинишна,
Ах и Лидия да Яковлёвна,
Ах и большо вам да спасибо:
Ох и до меня да дошли *да* доступились!
Уж не могла я вас *да* дождаться,
Наказала сизому голубочку:
"Полети-ко, сизенький голубочек,
Ты снеси-ко низенький да поклончик
Любезным подружечкам —
Надежды да Калинишны,
Лидии да Яковлёвны".

Этим причетом встретила Т.И.Сараева своих подруг, долго не шедших петь песни для записи (примеч. собирателя).

7. Ты милая подруженька

(Арх., Вага)

Ты милая подруженька
Катерина Ивановна!
Да душа-зорюшка занимается,
Да душа-солнышко выкатается —
Да то моя подруженька является.
Я не в вид-то тебя увидела —
Да по говору услышала,
Да по речи догадалася.
Да ты гуляй-ко гуляючи,
Да носи платье не жалеючи,
Да цв*е*тного летнего,
Да зимнего теплого,
Да по дождичку по линючему,
Да по солнышку жгучему.
Да мы ходили с тобой
Да рядком да парочкой,
Да ручка *за* ручку.
Да нам приходит *да* расставаньица,
Да будет редкое *да* свиданьице.
Уж мы встретимся *да* не по-старому,
Уж слово молвим *да* не по-девьему!

8. Меня вздумали родители прочь отсеяти

(Арх., Поонежье)

За несколько дней до свадьбы родители иногда приглашали в дом старуху плакальщицу (ее часто называли стиховодницей, вытницей и др.), чтобы она поучила невесту. Стиховодница *выла*, горько плакала, и невеста повторяла за ней в речитативной манере. Во время совершения обряда невеста наоборот только начинала то или иное причитание — *призывала ко стиху*, а плакальщицы подхватывали, ей достаточно было немного подпевать да еще вскрикивать высоко и протяжно на концах фраз.

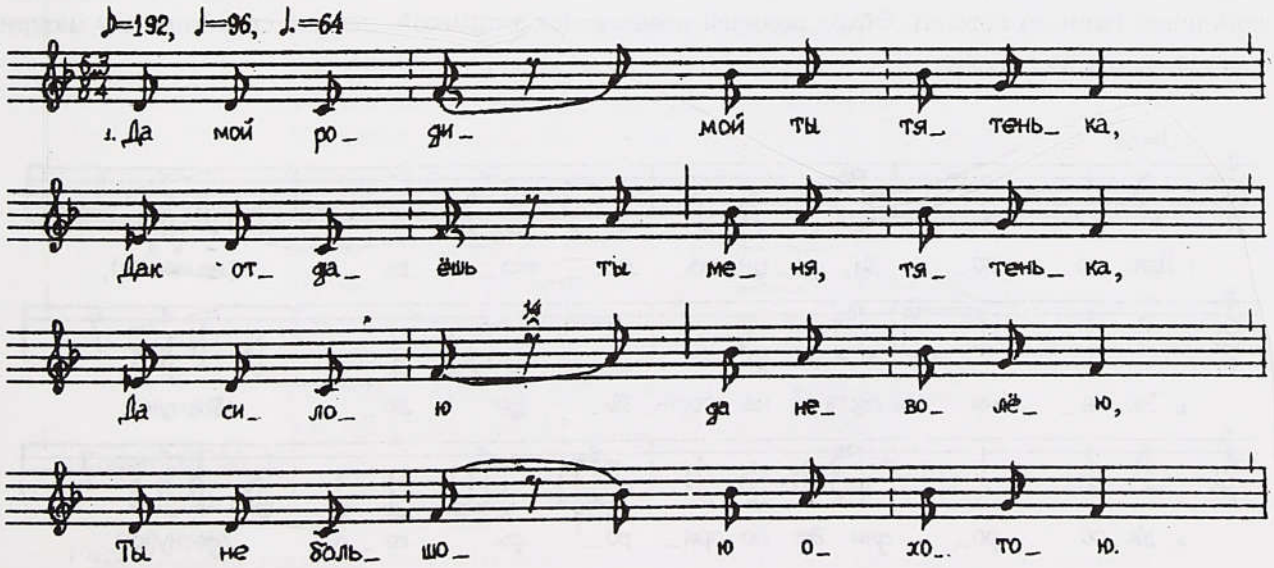
Меня вздумали родители прочь отсеяти,
Поневолить в неволю великую,
На злодейную чужедальнюю сторону,
На безродную землю бессемянную.
Что страшатся-то мои очи ясные,
Обмирает мое сердце ретивое:
Еще как я буду жить, обживатися
У злодейки-то неволи великой,
Под грозой да под страмой молодецко[ю]?
Не могу я вам прислужить, приодобриться
Ни трудами да работкою тяжелой.
Все не трудница слыла, не работница,
Все не пособь, не замена великая.
Приглядела я оконца стекольчаты,
Просидела белые брусовые лавочки,
Притоптала я полочки дубовые.
Уж молодешенька я *да* зеленешенька,
Неухожено у меня, неугуляно,
Неуношено у меня платье цветное.

См. № 87, 88 а.

9 а) Да мой родимой ты тятенька,
б) Моя родимая мамонька

(Костромск., Поветлужье)

Девушки и все присутствующие на вечеринке поочередно подносили невесте дары деньгами. Приглашенная на весь свадебный обряд плакальщица-*вытьянка* по одной подзывала к невесте сначала подруг, потом прибывших к середине вечеринки жениха и его отца-свата, невестину тетю, а под конец и родителей. Во время дарения чередовались между собой причитания вытьянки и невесты. Когда отец подходил деньги дарить, невеста причитала ему:



Да мой родимой ты тятенька,
Дак отдаешь ты меня, тятенька,
Да силою да неволею,
Ты не большою охотою.
Да ты родимой мой тятенька,
Ты на кого обнадеялся?
Да разве у тебя, тятенька,
Да два-те сына женатые,
Да две снохи приведенные?
Да погоди, родимой тятенька.
Дак ты не во пору хватишься,
Ты не во время спокаешься.
Да все пройдет зима холодная,
Да принесет вёсну красную,
Да придет летико теплое,
Придут работы тяжелые,
Да всё пойдут *да* люди добрые
Да на работу тяжелую
Да все семьям да ватагами.
Дак ты пойдешь, родимой тятенька,
Да попойдешь да огл*е*нёшься,
Дак не идет ли то у тебя
Твоя любая работница —
Да меня нет, *да* не (с)лучилося,
Меня с тобой не пригодилося.

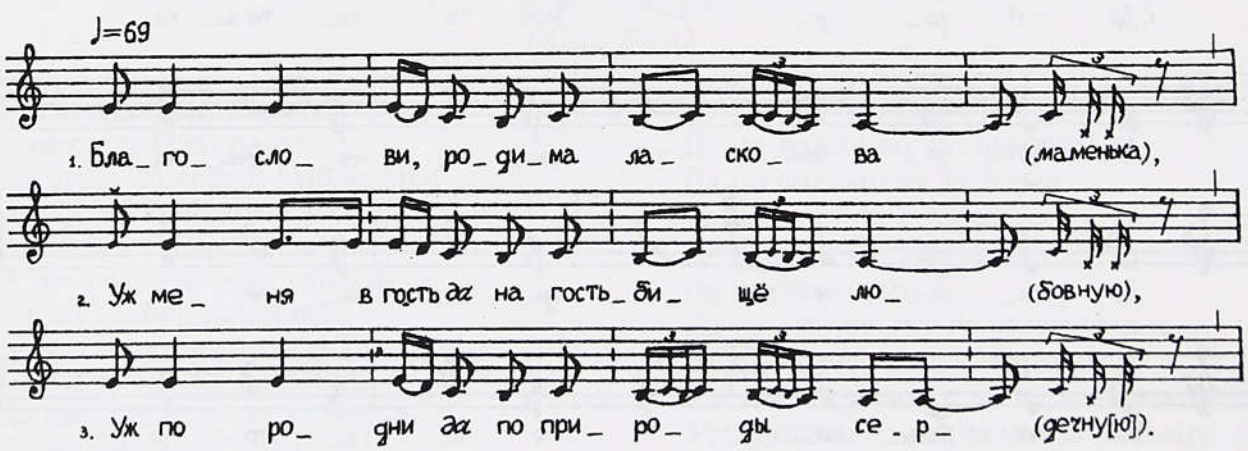
Батько ушел. Матка подойдет, невеста причитает ей:

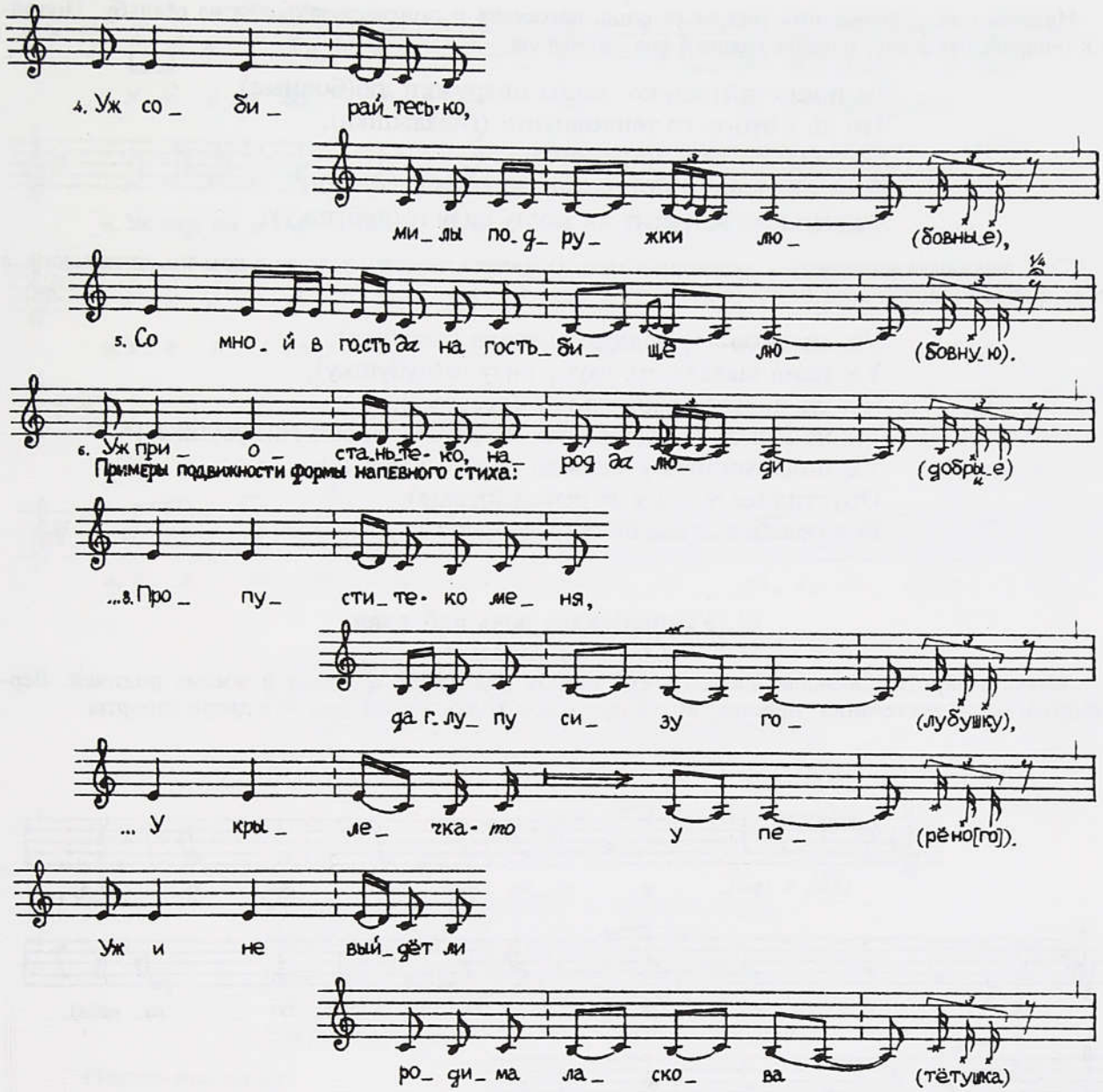
Моя родимая мамонька.
Дак на кого Вы обнадеялись?
Да погоди, родная мамонька.
Да ты на речке намоешься,
Да ты и голосом навоешься.
Да всё придут, родная мамонька,
Те-то годовые празднички,
Пойдут подружки-голубушки
Да на веселое *и*грище.
Да поглядишь, родная мамонька,
Да на подружек-голубушек —
Да меня нет, *да* не (с)лучилося,
Меня ведь с ими не пригодилося.

ОБХОД РОДИЧЕЙ

10 а) Благослови, родима ласкова маменька,
б) Уж приостойтесь-ко, милы подружки любовные,
в) Уж спасибо-то, родима ласкова тетушка
(Арх., Поонежье)

Дня два-три перед самой свадьбой занимал обход невестой вместе с подругами своих старших родственниц и крестной матери (последний выход в гости обычно совершался в свадебный день после банного обряда). Обход родичей предварялся заплачкой, невеста спрашивала у матери благословения на гостьбу:





Благослови, родима ласкова (маменька)[1],
Уж меня в гость *да* на гостьбищё лю(бовную),
Уж по родни *да* по природы сер(дечную).
Уж собирайтесь-ко, милы подружки лю(бовные),
Со мной в гость *да* на гостьбищё лю(бовную).
Уж приостаньте-ко, народ *да* люди (добрые),
Уж и на все да на чётыре на (стороны),
Пропустите-ко меня, *да* глупу сизу го(лубушку).
Уж я не тихо я иду *да* не смирё(нно я),
Уж не по-прежнему пошла да не по-(старому),
Пошла с милыма подружками с лю(бовными),
Уж по родни *да* по природы сер(дечные).

Сравните: № 57.

[1] Заключенное в скобках окончание каждого стиха едва слышно шепчется скороговоркой.

Невеста в сопровождении подруг уходила погостить и пригласить хозяев на свадьбу. Подойдя к очередному дому, невеста каждый раз причитала:

Уж приостойтесь-ко, милы по́дружки лю(бовные),
Что ль у этого-то тепловитого (гнездышка),
У крылечка-то у пе(рёного).
Уж и не выйдёт ли родима ласкова (тетушка)?
Уж меня не встретит ли глупу сизу го(лубушку)?

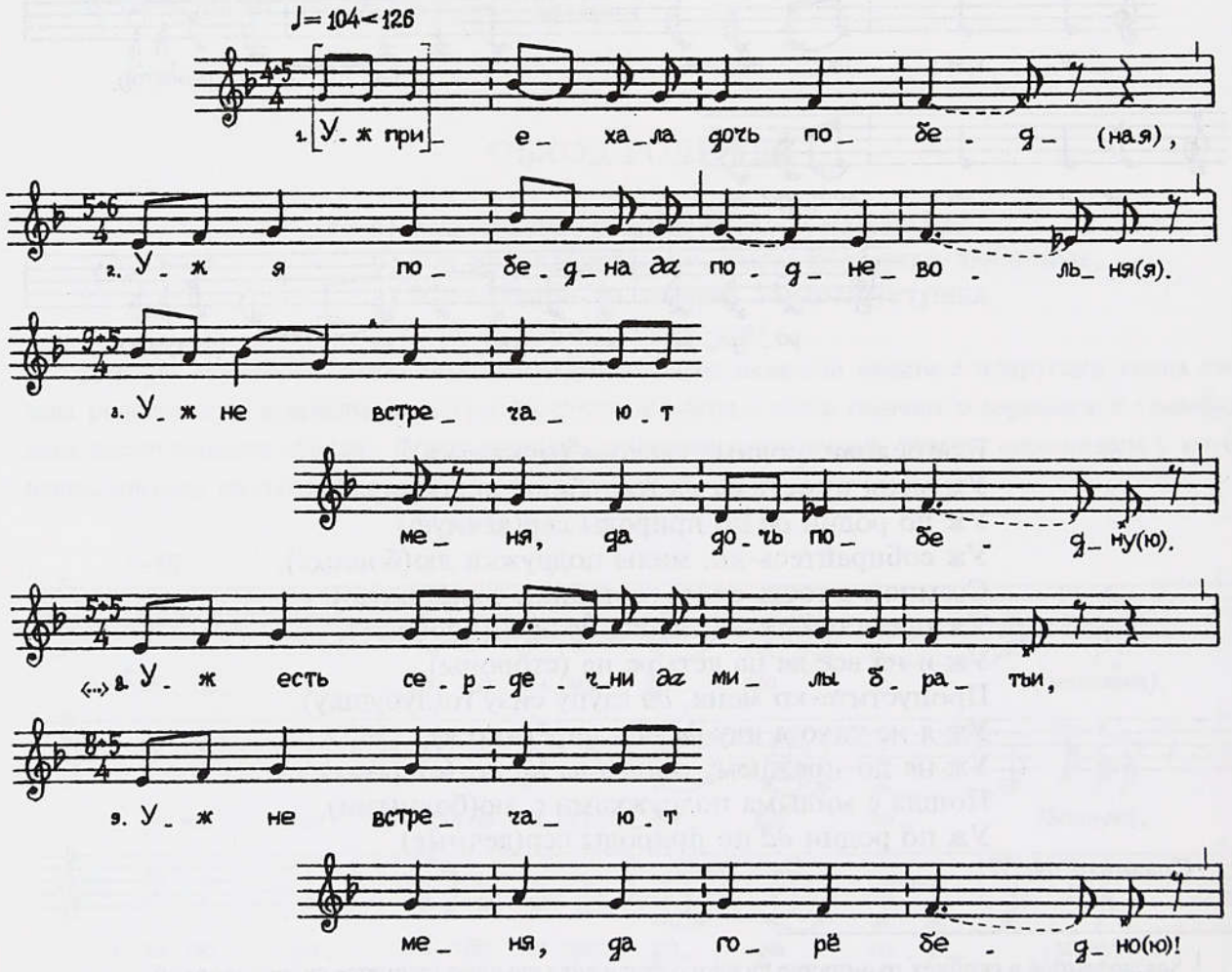
Тетя выходила навстречу и тоже причитала. Обхватив невесту, вела ее в дом по ступенькам, а невеста возобновляла свое причитание:

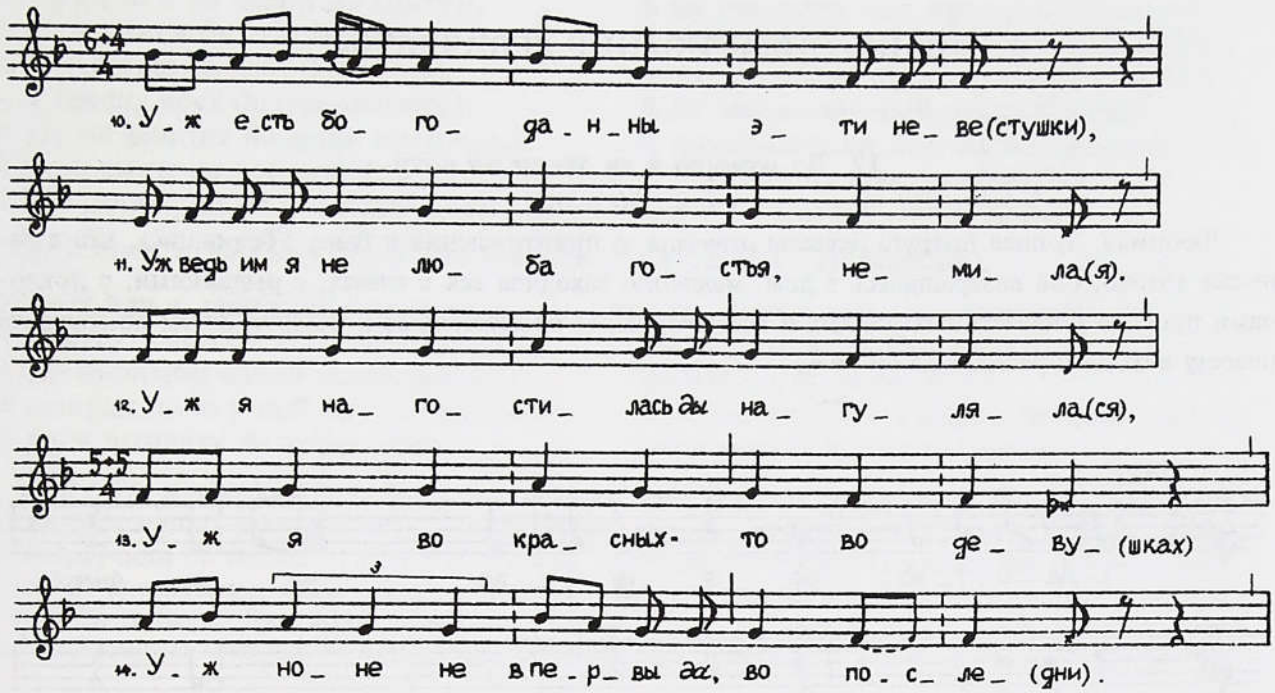
Уж спасибо-то, родима ласкова (тетушка),
Уж меня вывела-то, глупу сизу го(лубушку),
Что ль во эту-то крутую во (лесенку).
Уж не выйти бы было мне, да глупой сизой го(лубушке)!
Уж подломились у меня да ножки (резвые),
Опустилисе у меня да ручки (белые),
Вся ослабла глупа сиза го(лубушка)!

11.[Уж при]ехала дочь победная

(Арх., Каргополье)

Невеста-сирота посещала прежде всего могилу родителей, а потом и живых родичей. Вернувшись после гостевания, невеста-сирота пробовала войти в свой дом — а двери заперты.





[Уж при]ехала дочь побед(ная)[1],
Уж я победна *да* подневольня(я),
Уж не встречают меня, да дочь победну(ю).
Охти мне *да,* мне тош(нёхонько)!

Пойдет опять:

Уж повыйди, желанный мой ба(тюшка),
Уж повстречай-ко меня, дочь победну(ю).
[Ты] скажи-тко, желанный батю(шка),
Уж есть сердечни *да* милы братьи,
Уж не встречают меня, да горё бедно(ю)!

Опять подходит.

Уж есть богоданны эти неве(стушки),
Уж ведь им я не люб*а* гостья, немила(я).
Уж я нагостилась *ды* нагуляла(ся),
Уж я во красных-то во деву(шках)
Уж ноне не в первы *да*, во после(дни).
Уж вы сердечны *да* милы братьи,
Уж я была *да,* дочь побед(ная),
Уж у родителя у мату(шки),
Уж на муравчатой могилу(шке).
Уж зазывала, дочь подневоль(няя),
Уж я свою-ту родитель ма(тушку),
Уж на слезливу *ды* горьку сваде(бку),
Уж посулилась моя-то родитель ма(тушка),
Уж на мою *ды* горьку сваде(бку),
Как меня приневолили побед(ную).
Уж ты желанной ты мой батюшка!
Поставьте, сердечни *ды* милы братьи,
Уж ко дверям *дак* вы придверничка,
Уж к воротам *ды* приворотни(чка).
Уж будём ждать *ды* дожидати(се)
Уж как мою-то родитель ма(тушку)
Уж на мою да на горьку сваде(бку).
Ой тошнёшенько серде(хонько),
Уж я бедная, горё подневольное!

Сравните: № 64 б, в.

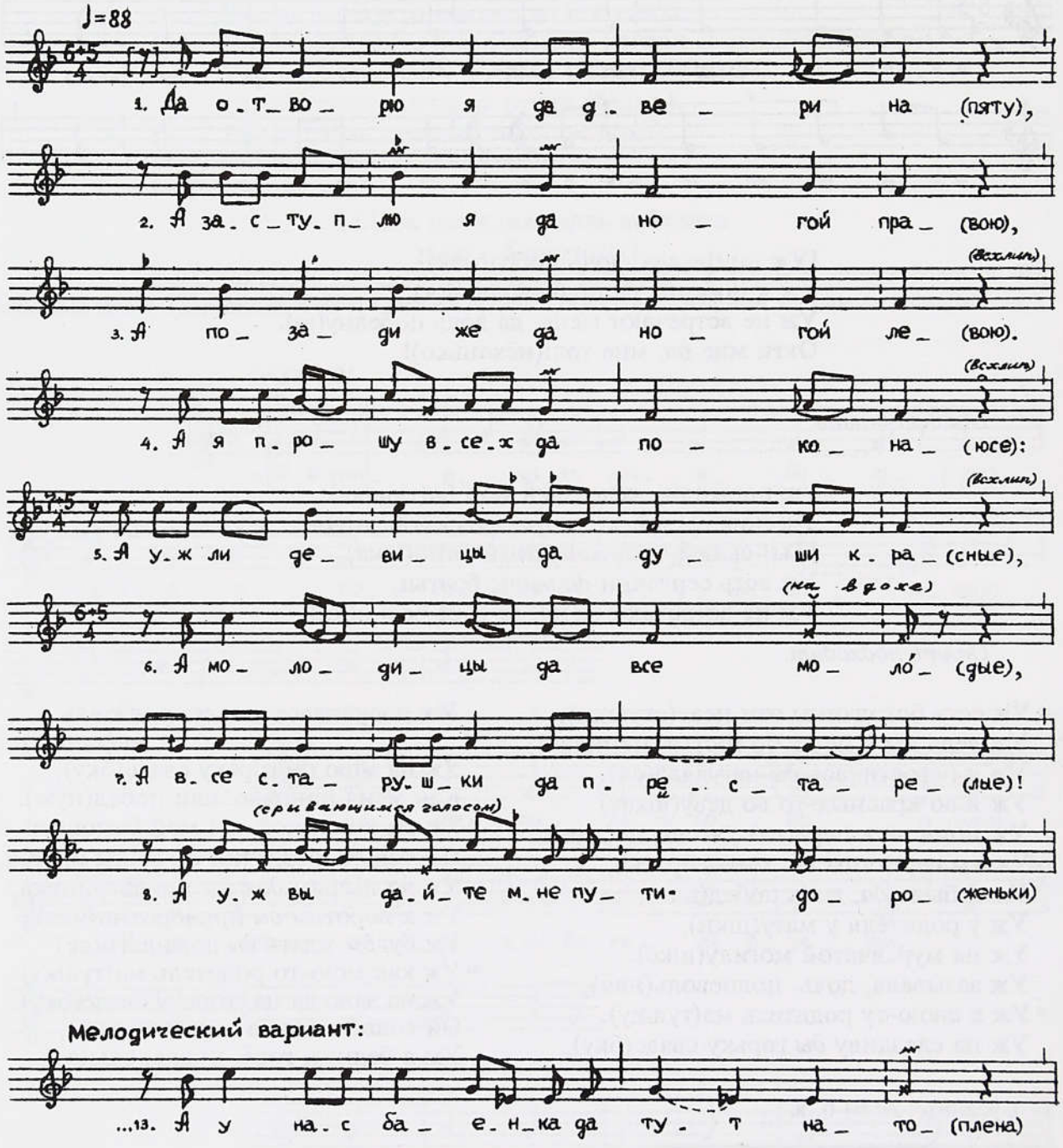
[1] Заключенное в скобках окончание почти каждого стиха не произносится либо едва слышно в всхлипах.

БАНЯ. ОПЛАКИВАНИЕ ДЕВИЧЕСТВА

12. Да отворю я да двери на пяту

(Арх., Мезень)

Любимая, лучшая подруга невесты отвечала за приготовления к бане. Убедившись, что в бане все готово, она возвращалась в дом, медленно заходила вся в слезах, с рыданиями, с поклонами просила у невестиных родных и всего собрания пропустить ее к невесте. Затем приглашала невесту в баню и расплетала ей косу.



Да отворю я *да* двери на (пяту)[1],
А заступлю я *да* ногой пра(вою),
А позади же *да* ногой ле(вою).
А я прошу всех *да* покона(юсе):
А уж ли девицы *да* души кра(сные),
А молодицы *да* все моло(дые),
А все старушки *да* престаре(лые)!
А уж вы дайте мне пути-доро(женьки)
А мне дойтить-то, многозлосча(стной),
А как до белых-то *да* мне лебе(душек),
А до любимой моей подру(жечки)
А пригласить ее *да* в жарку ба(енку).
А у нас баенка *да* тут нато(плена),
А у нас венички *да* тут напа(рены).

Ну а тут раздаются люди, мне идтить уж к невесте. Подходишь:

И подойду я, многозлосча(стная),
А как до белой-то *да* я лебе(душки),
А до любимой своей подру(жечки)
А расплесть-то у ней *да* косу ру(сую).
А уж я выплету *да* ленту а(лую).
Я пришла к тебе, к лебедушке,
Росплести *да* трубчату косу,
Выплести *да* ленту алую,
Пригласить тебя в жарку *да* парну баенку,
Во девью *да* во последнюю.

Вот тут и невеста заплачет, начнет пенять: "Что тебе надоела моя трубчата коса, да приплётна лента алая?" А я отплакиваю: "Не сама это я сдумала, не сама и сделала. Научили да послали, вот я и пришла". Она сперва не дават расплетать. А потом дает.

После расплетания косы невеста эту свою подругу и еще кого-нибудь из ближних приглашала с собой в баню. Две девушки вели невесту под руки, остальные шли позади, а впереди всех еще одна девушка отворяла им двери и веником дорожку "распахивала" — разметала (см. № 67, 68, 73, 74).

13. Я ходила, бела лебедушка

(Арх., Мезень. Напев № 34)

Невеста в баенку сходила и теперь плачет:

Я ходила, бела лебедушка,
Я во жарку парну баенку,
Я во девью во последню,
Ну, я не смыла, не сполоскала я
А с ретива сердца возрыданьица,
А со могучих плеч воздыханьица,
А со бела лица горючи слезы.
Горючёй слезою я косу мыла,
Исполоскала я всю девью красоту.
И осталась моя девья красота
А как во парной жаркой баенке,
Она на столбышке на точеном,
На корытичке золочёном.
А попрошу я, поконаюся
А свою родиму сестриценьку:
"Подойди ты к бане тихохонько,
Ты отворь-ко двери малехонько,
Ты поймай мою девью красоту,
А принеси-ко мне, красной девице".
А прибежала ты к бане крутехонько,
А размахнула ты двери на пяту.
И во ту пору, во то время
Улетела моя девья красота,
Она в раздольице во далёко,
Она во полюшко во широко.
А как во том же во полюшке
А как стоит горька осиночка,
Она по корню да корневата,
А по середке да сердцевата,
А по вершиночке шапорчистая.
А как на этой на осиночке,
А как на этой на вершиночке
Как сидит моя девья красота.
Она ревет там по-звериному,
А она свистит по-соловьиному.
И попрошу теперь, поконаюся
У родимого у брателка:
"Ты сходи-кося, мой брателко,
Ты во нову во кузницу,
Уж ты скуй-ко саблю вострую.
А ты зайди-ко во широкой двор,
Ты возьми коня самолучшего,
И ты съезди-ко во чисто полё,
А во чисто поле во широкое,
А во раздольицо во далекое.
И ты сруби-ко горьку осиночку,
Чтобы она пала, горька осиночка,
А и не на воду, и не на землю,
А вот во это же во чисто полё,
И ты поймай-ко мою девью красоту".

А он скажет: "Я съездил, да ничего нету, упустил, да и все! Она улетела! Девья красота не воротится, где-е тут!"

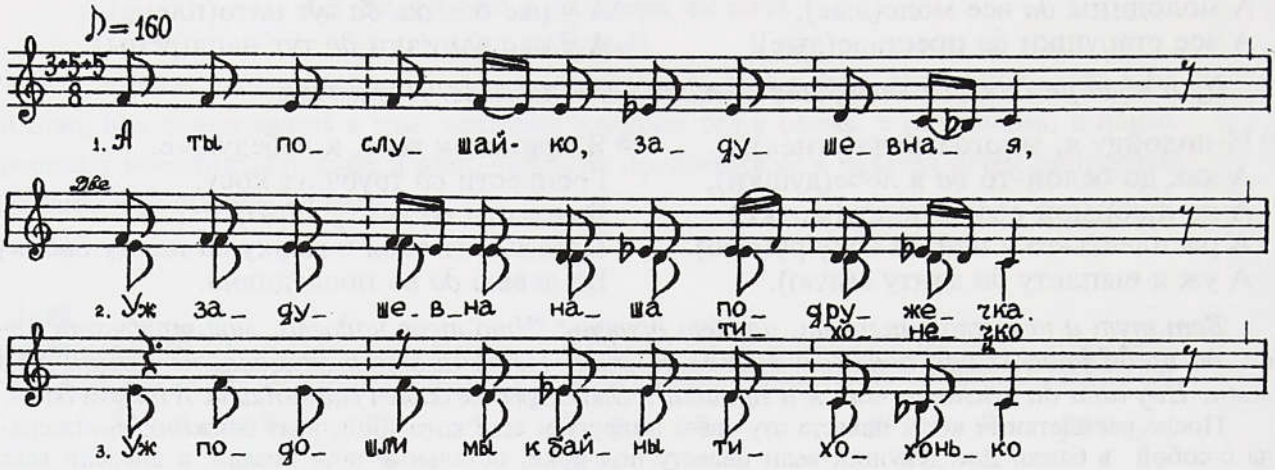
---

[1] Заключенные в скобках окончания едва слышно произносятся скороговоркой или вовсе не проговариваются, но лишь подразумеваются.

14. А ты послушай-ко, задушевная

(Арх., Мезень)

Невеста обращалась к девушкам с мольбой — найти "девью кра*с*оту", и с ответным причитанием к невесте подходила ее подруга. Хотя и *приплакивали* они вместе, но в этом случае порой манера и форма сольного причитания не изменялись.



А ты послушай-ко, задушевная,
Уж задушевна наша подружечка.
Уж подошли мы к байны тихохонько,
Уж отворили двери маленечко
И заскочили в байну крутёхонько,
Уж мы схватили тво(е)й молоду пору
Уж середи-то байны на столбышке.
Уж только вышли *да* мы, голубушки,
Уж тут задунули *да* ветры буйные
Из-под всех-то *да* четырех сторон,
Уж ухватили у нас *да* утащили-то
Молоду пору — девью кра*с*оту
Уж во леса-те *да* ей во темные,
В боруча-те *да* во зверюжие.
Уж там сидит твоя молода пора
Середи-то поля широкого.
Уж там стоит-*то* бела березонька,
Уж она с корня-*то* корневатая
И под вершиночку шапорчистая,
И шапорчиста, широколистная.
Уж она плачет *да* по-невестиному,
Она воет *да* по-звериному,
Уж она кичет по-лебединому.
Уж поконайсе, наша голубушка,
Уж ты своёму *да* схожу солнышку,
Чтобы он взял-то *да* там извозщичков,
Он извозщичков-то ядреных-то,
Он ядреных *да*, он мудреных-то,
Чтобы срубили белу березоньку!..

См. № 70.

15. Да я спала, да просыпалася

(Арх., Вага)

После бани в первый свадебный вечер невеста прощалась с прежней волей, с подругами и родными, много *причётала*, между стихами каждый раз она *ухала* ("У - у - у - ух!") и валилась со всего размаху, билась об пол. Те, кого выдавали замуж насильно, выбирали место, где было кольцо для входа в подполье, и разбивали лицо.

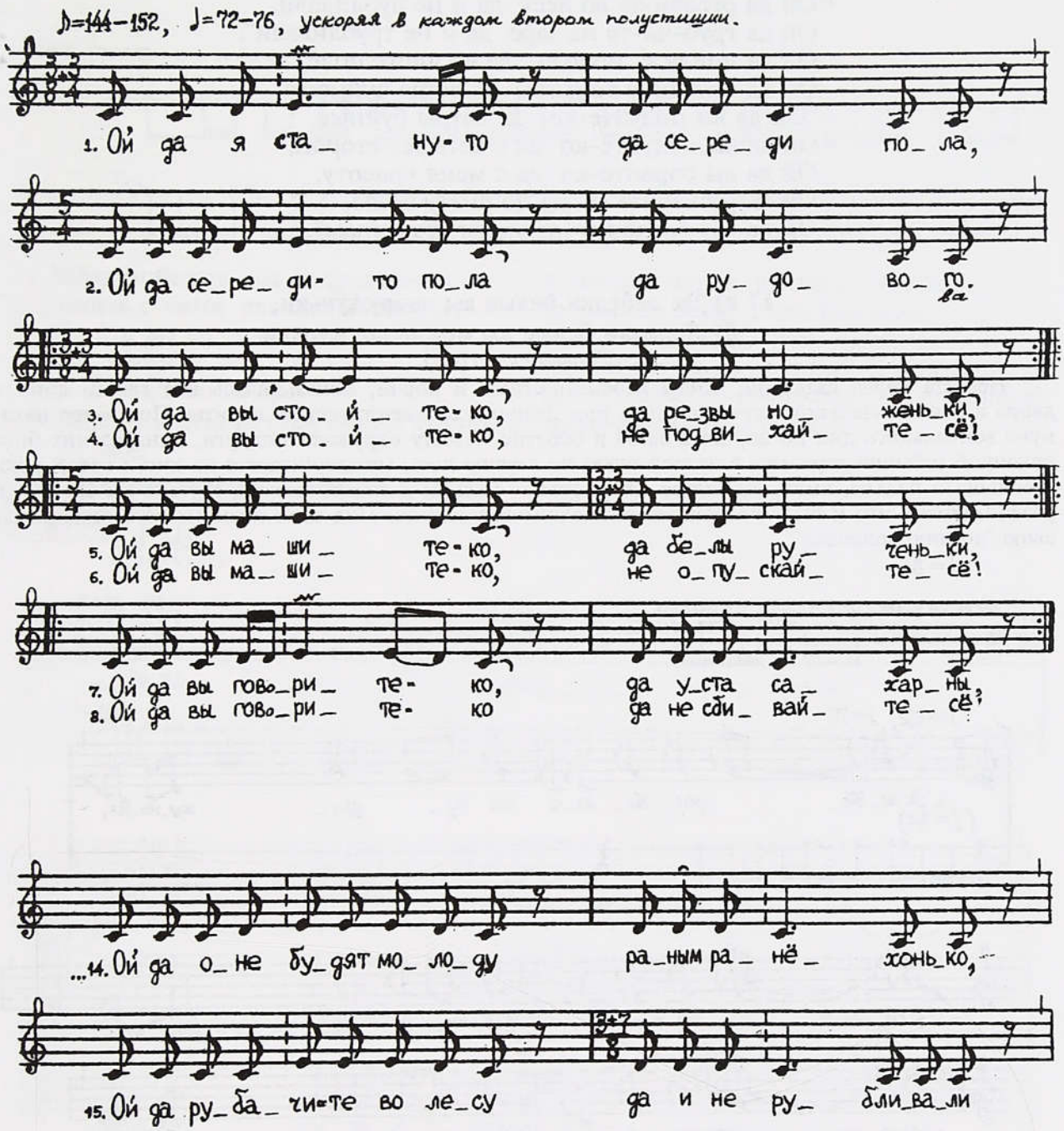
Да я спала, да просыпалася,
Да побуды раннего дожидалася,
Да побуды раннего,
Да наряду скорого.
Да не пришла же ко мне родна матушка,
Да не пришел же ко мне родный батюшко,
А пришла же ко мне девья-то кра*с*ота!
Да русы косоньки поразгладила,
Да алы ленточки порасправила,
Да пошла, распростилася,
Да больше ввек не сулилася.
Да во траве-то она забродилася,
Да во росе-то она замочилася,
Да во колечушко-то закрутилася,
Да в чисто морюшко да укатилася,
Да в чистое морюшко
Да на самое дёнушко,
Да под серый-то камешек.
Да серый камешек да не расколется,
Да девья кра*с*ота не воротится.

Сравните: № 559 (конец).

16. Ой да я стану-то да середи пола

(Тверск., Молога)

Невесту, с головой накрытую после бани большой теплой шалью, приводили и усаживали за стол на вывороченную шубу, положенную на лавке. Девушки пели печальную песню, чтобы невеста поплакала слезами (без слов). Затем она выходила из-за стола и посреди горницы причитала:



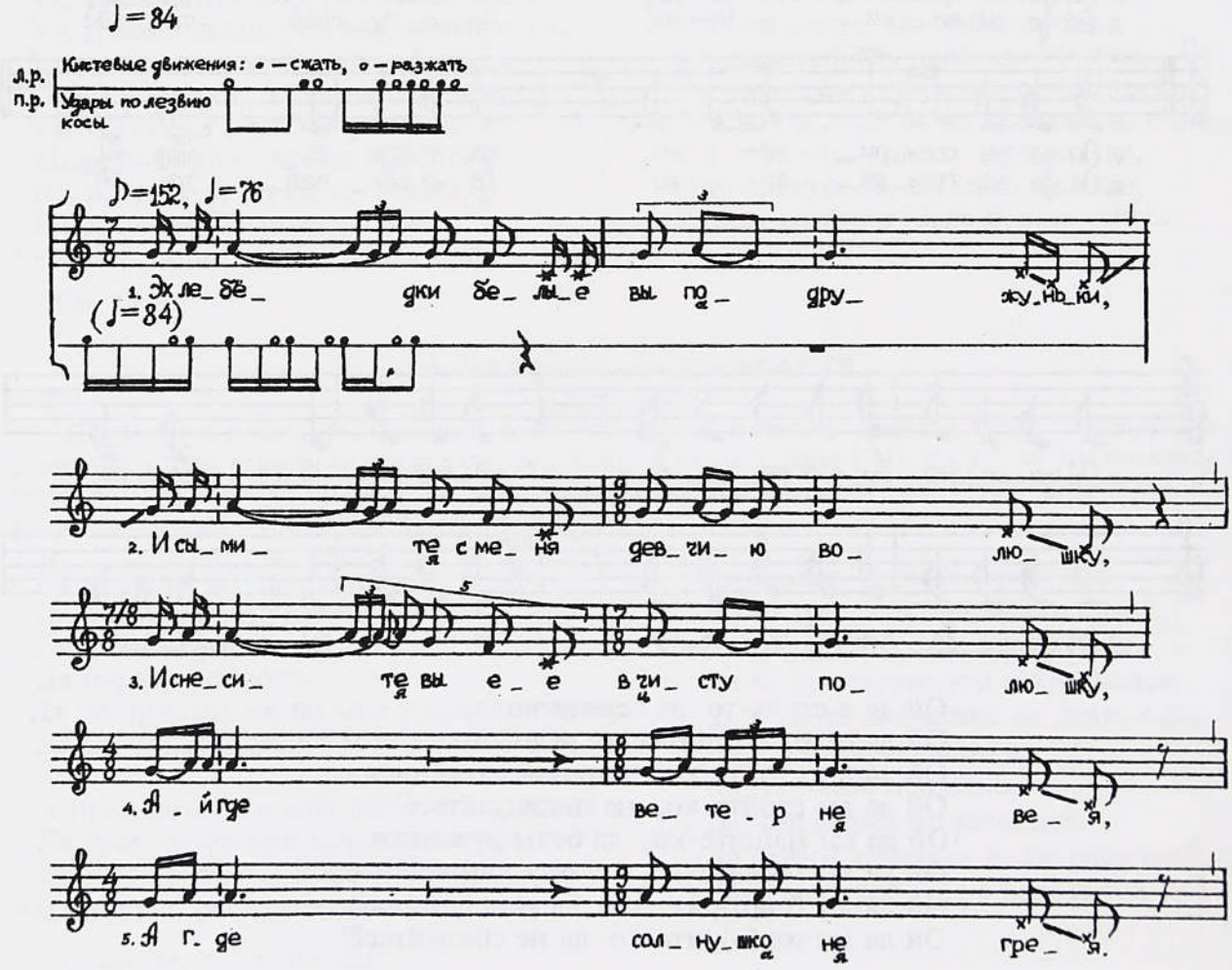
Ой да я стану-то да середи пола,
Ой да середи-то пола да рудового.
Ой да вы стойте-ко, да резвы ноженьки,
Ой да вы стойте-ко, не подвихайтесё!
Ой да вы машите-ко, да белы рученьки,
Ой да вы машите-ко, не опускайтесё!
Ой да вы гов(о)рите-ко, да уста сахарны,
Ой да вы гов(о)рите-ко да не сбивайтесё!

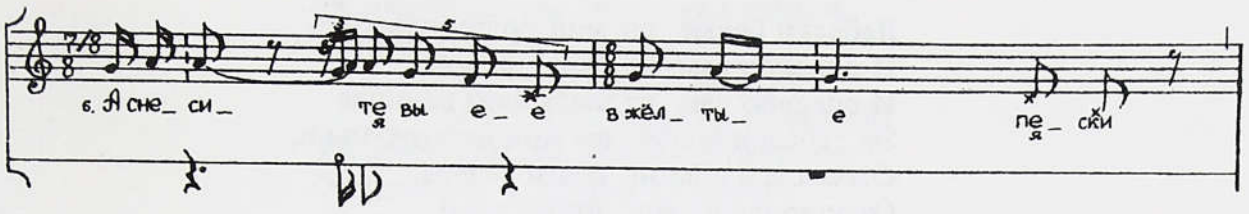
Ой да попеняю-то я да отцу с матерью:
"Ой да с кем же, с кем же вы да думу думали?
Ой да зачем же, зачем да замуж выдали
Ой да на чужую-то да дальню сторону,
Ой да ко чужим тем да к отцу с матерью?
Ой да оне будят молоду раным ранёхонько,
Ой да рубачи-те во лесу да и не рубливали,
Ой да трубачи-те на заре да и не трубливали".
Ой да пойду я, молода, да во чисто полё,
Ой да попрошу-то я там да ветра буйного:
"Ой да вы подуйте-ко, да ветры буйные,
Ой да вы подуйте-ко да с четырех сторон,
Ой да вы сорвите-ко да с меня красоту,
Ой да разнесите ее да по чисту полю,
Ой да алу ленточку да моим сёстрицам".

17 а) Эх лебедки белые вы подружуньки,
б) Лебедки белые вы мои подружуньки

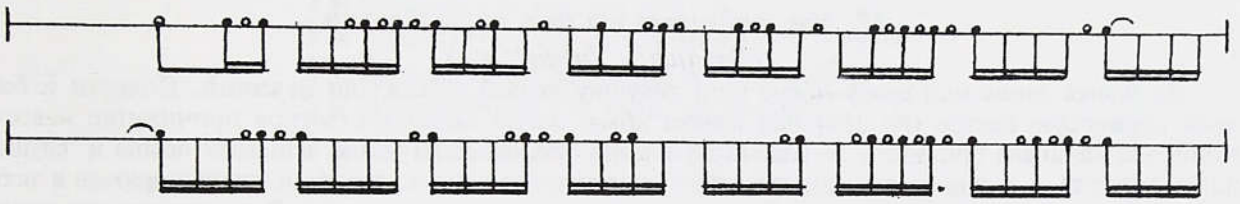
(Пензенск., Цна)

Невеста перед свадьбой, чтобы избежать сглаза и порчи, показывалась вне своего дома и двора в исключительном случае и лишь при наличии соответствующей защиты. Под вечер накануне венчального дня по дороге в баню и обратно невесту окружали подруги, одна из них била палочкой (обычно держится в правой руке) по лезвию косы (подвешивается на кисти левой руки у большого пальца, кисть ритмично сжимается — пальцы касаются лезвия, глушат его звон — и разжимается). Это и была особенная, ритмошумовая защита. Под звон косы невеста оплакивала свою "девчию волошку".





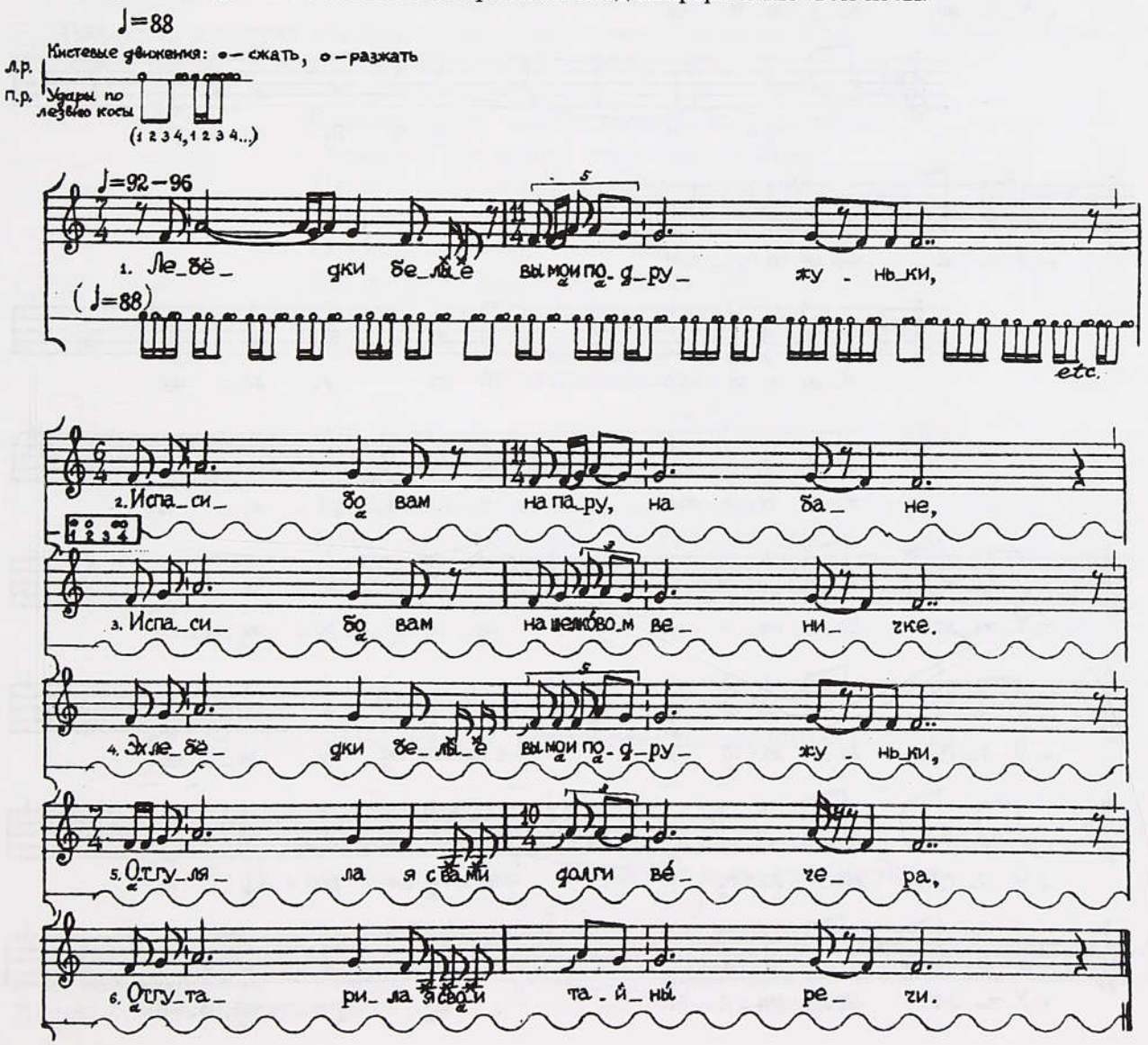
отыгрыш на косе:



Эх лебедки белые вы подружуньки,
И сымите с меня девчию волюшку,
И снесите вы ее в чисту полюшку,
Ай где ветер не вея,
А где солнушко не грея.

А снесите вы ее в желтые пески,
За темные леса, горы высокие,
За высокие горы, реки быстрые.
Положите вы ее под горькую полынь.
И больше мово голосочка не услышите!

На обратном пути из бани невеста причитала под непрерывный звон косы:

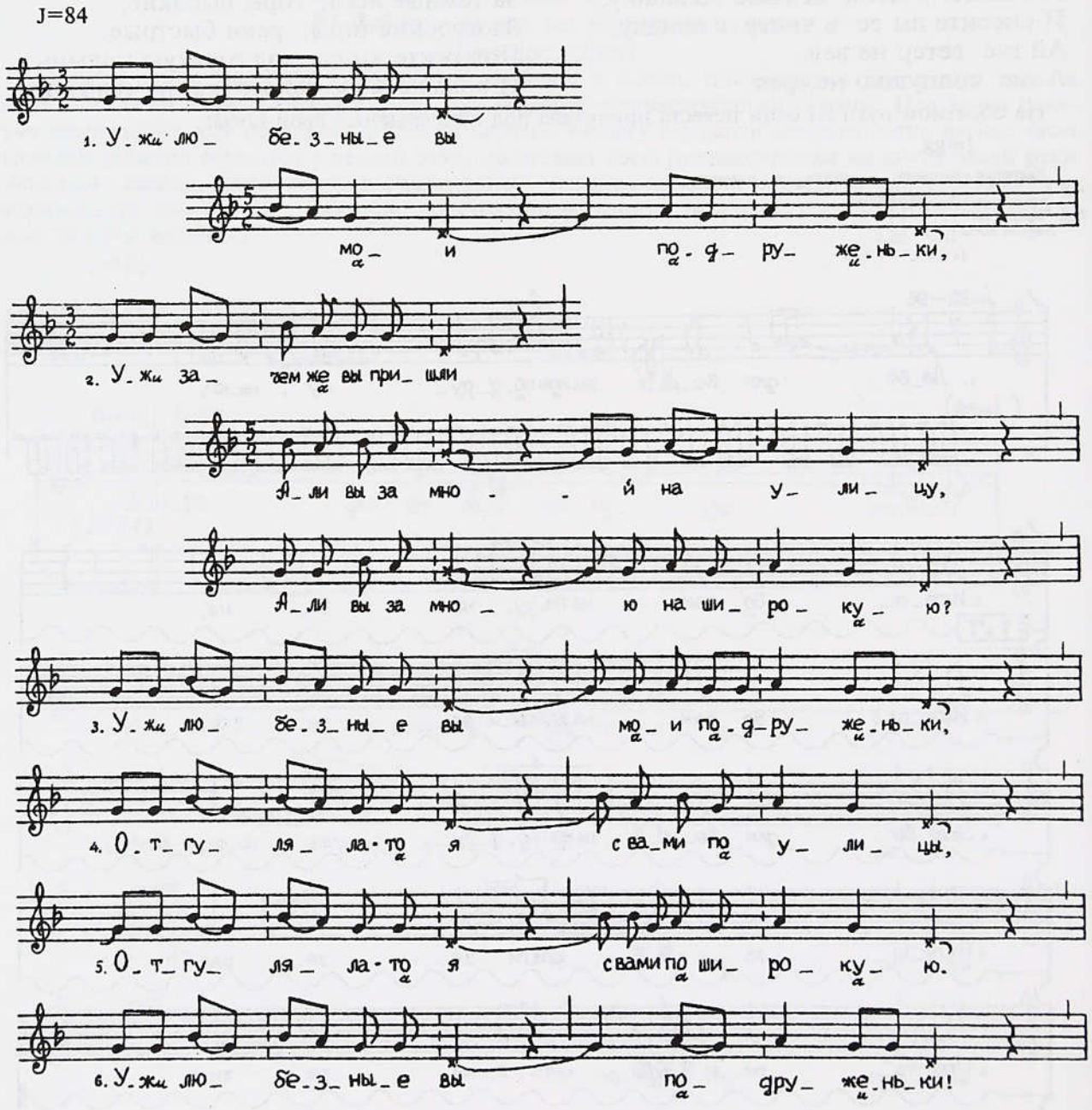


Лебедки белые вы мои подружуньки,
И спасибо вам на пару, на бане,
И спасибо вам на шелковом веничке.
Эх лебедки белые вы мои подружуньки,
Отгуляла я с вами долги вечера,
Отгутарила я свои тайны речи.

18. Уж любезные вы мои подруженьки

(Рязанск., Унжа/Ока)

Во время *запоя* или сразу после него девушку *корили*, объявляли невестой. Подруги и бабы пели обрядовую песню (№ 355) под окном дома, желая вызвать ответное причитание невесты. Когда она начинала причитать, то женщины обычно оставались на улице, допевали песню и "слушали голос" невесты. А девушки проходили в избу. Хождение под окно к невесте могло повторяться в любой день предсвадебного срока, от запоя и до девишника накануне венчания. В последнюю же неделю перед свадьбой ходили *корить* каждый день. Невеста оплакивала свою "волюшку":



Уж любезные вы мои подруженьки,
Уж зачем же вы пришли
али вы за мной на улицу,
али вы за мною на широкую?
Уж любезные вы мои подруженьки,
Отгуляла-то я с вами по улицы,
Отгуляла-то я с вами по широкую.
Уж любезные вы подруженьки!
Уж пойдете-то вы на улицу,
Уж пойдете-то вы в лес зеленый гулять,
Уж возьмите-ка вы мою да волюшку,
Уж возьмите-ка вы мою да негую,
Уж пустите-ка вы ее по лесу,
Уж пустите-ка вы и по темному.
Уж пущай-то моя да волюшка,
Уж пущай-то она разгуляется,
Пусть на веточки замотается.

19. Спасибо вам, сестрицы мои подруженьки

(Калужск., Таруса—Ока)

Под вечер накануне венчального дня в дом невесты девушки приносили из леса символ девичества — елочку. Невеста благодарила, причитывала — *выла* им:

Спасибо вам, сестрицы мои подруженьки,
Отходила я с вами, отгуляла я с вами
По зеленым лугам, по темным лесам,
Оторвала я с вами цветочки алые,
Отплела я с вами веночки.
Вы когда пойдете в зеленые луга,
Сорвите там цветочек аленький,
Принесите вы моей
кормилице-матушке
и прикажите вы ей,
Чтобы она не сидела поздно вечером,
Чтобы не жгла она свечку сальную,
Чтобы не ждала она меня с сестрицами-подружками.
Пусть ждет она меня из большой семьи,
Из большой семьи с горькими слезьми.

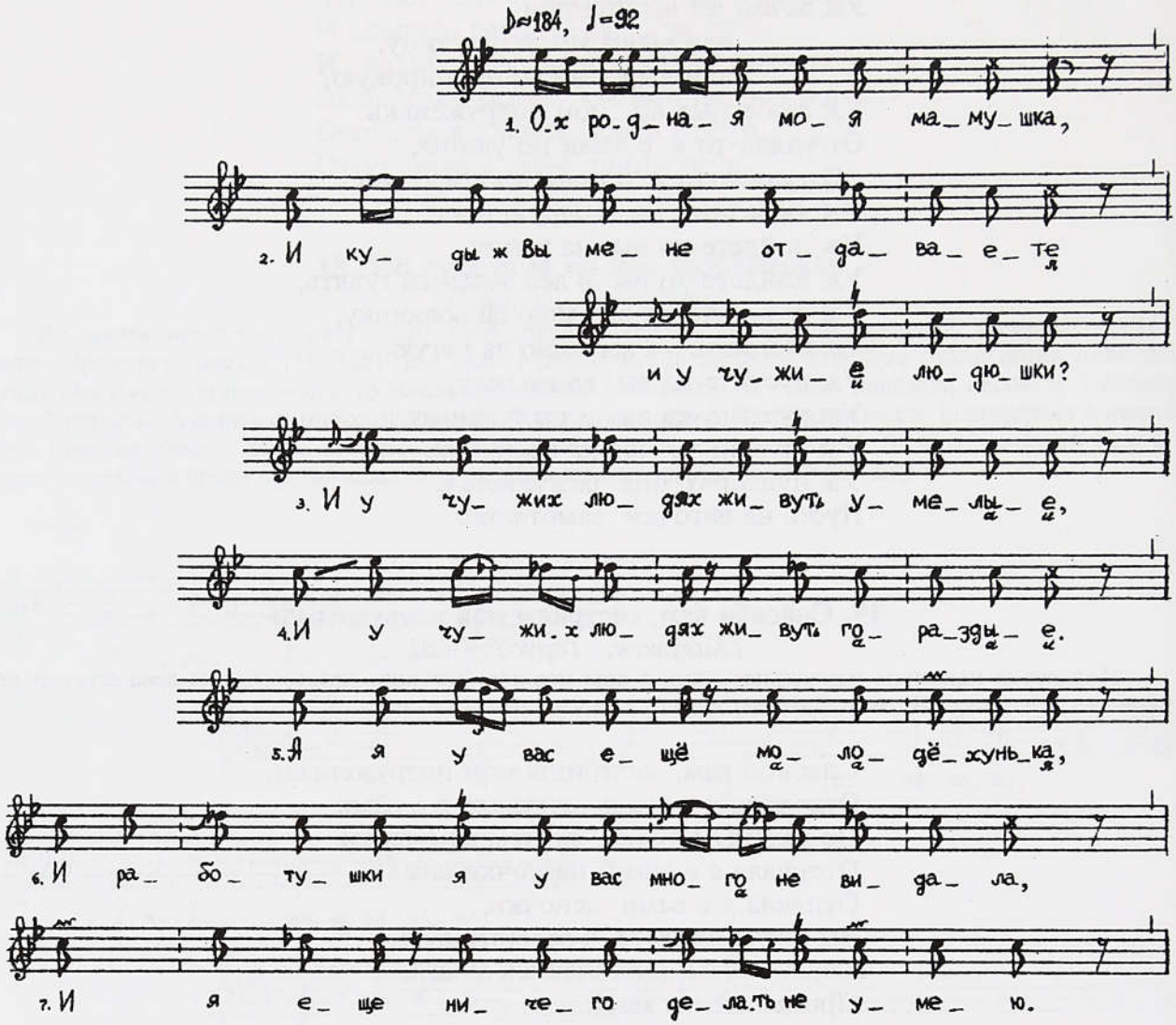
ВЕЧЕРОМ ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

(последняя вечеринка, девишник, молодешник, посидка)

20 а) Ох родная моя мамушка / Ох родные вы мои подружуньки, б) Родная моя мамушка / Ох родная ж ты моя дочушка

(Воронежск., Дон)

Допоздна накануне венчального дня у невесты проводился *молодешник*. Причитания невесты и ее матери обычно сопровождались прощальными свадебными песнями девушек за столом. Иногда невеста с матерью причитали до и после той или иной песни.

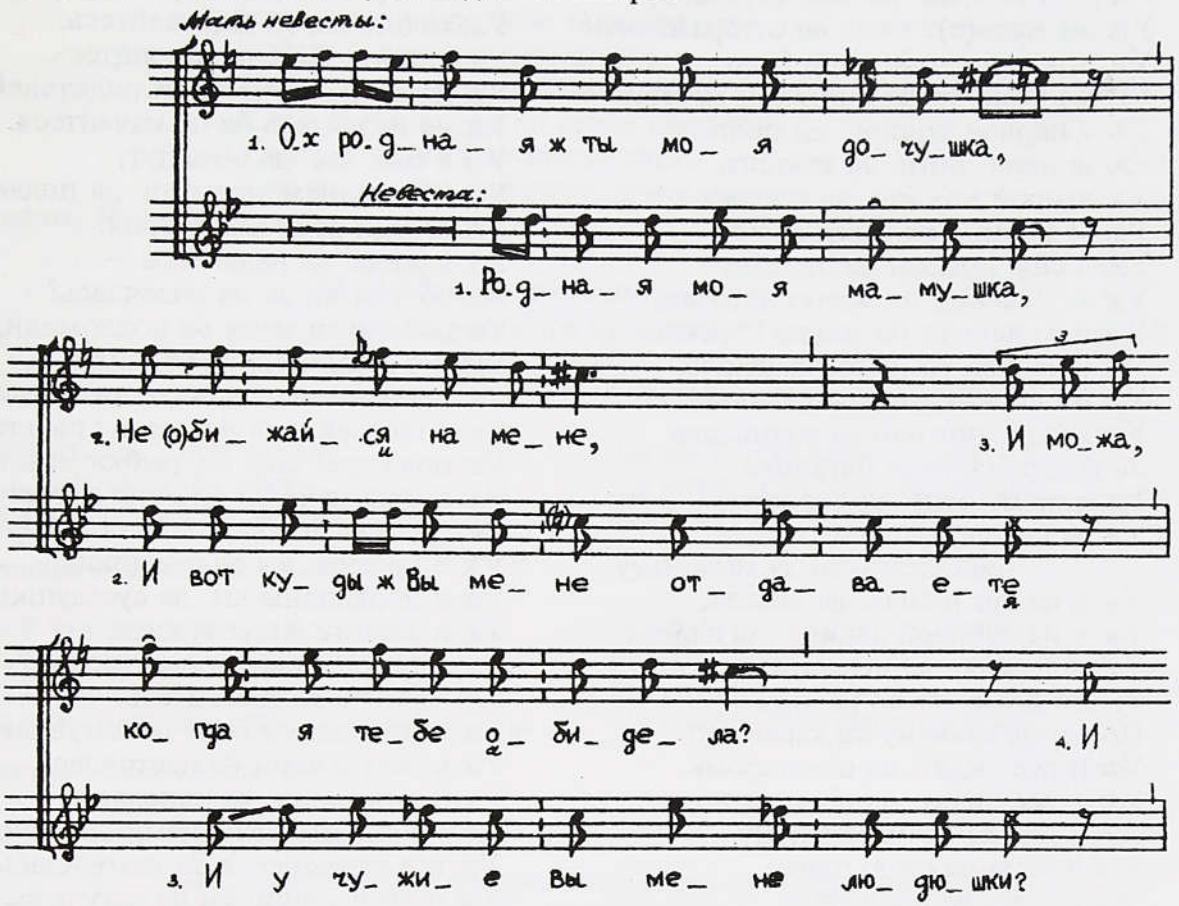


Ох родная моя мамушка,
И куды ж мене вы отдаваете
и у чужие людюшки?
И у чужих людях живут умелые,
И у чужих людях живут гораздые.
А я у вас еще молодехунька,
И работушки я у вас много не видала,
И я еще ничего делать не умею.
И кормилец уж ты мой батюшка,
И не (о)бижайтеся Вы на мене,
И можа, я Вам ко(г)да нагрубила.
И можа, я Вам ко(г)да и не послухала?
И не (о)бижайтеся Вы на мене.

Невеста больше и чаще обращалась к родителям, но также и к своим подругам:

Ох родные вы мои подружуньки,
Отходилась я с вами на все беседушки,
Отплясалася, отыграла все песенки.
Не (о)бижайтесь вы на мене,
Можа, я вас кого обидела.
И куды же мене отдаваете такую молодую?
Не дознали вы, мои подружуньки,
Да какая же долюшка моя,
И молодую вы мене отдаваете!

Невеста *голосила* не только одна, но и вдвоем с матерью:



Невеста:

Родная моя мамушка,
И вот куды ж вы мене отдаваете
И у чужие вы мене людюшки?
И у чужих людях живут умелые,
И уж у чужих людях живут гораздые.
А я у вас еще молодехунька,
И ничего я еще работать не умею.
И кормилец уж ты мой батюшка,
И родная ты моя мамушка,
И не обижайтеся вы на мене,
И можа, я вас не послухала,
И можа, я вам чего не исделала.

Мать невесты:

Ох родная ж ты моя дочушка,
Не (о)бижайся на мене,
И можа, когда я тебе обидела?
И можа, когда я тебе не так-то накормила?
Да заговорный ты мой голосочек,
Да непослушный ты мой волосочек,
И что ж я без тебя теперь буду делать?
И кто ж теперя
и без тебе мне
будя помогать,
Моя ж ты деточка золотая?

21. Уж и я пошла многокручинна да многопечальна

(Арх., Пинега. Манера причитания — вариант № 1, 4)

На последней *посидке* у невесты, когда девушки были все в сборе, невесту выводили под руки сестра и божатка (крестная), без согласия и участия божатки и свадьбы не было бы. Они держали невесту за руки, она стояла в синяке (сарафан), в повязке (головной убор девушки) и причитала перед девушками:

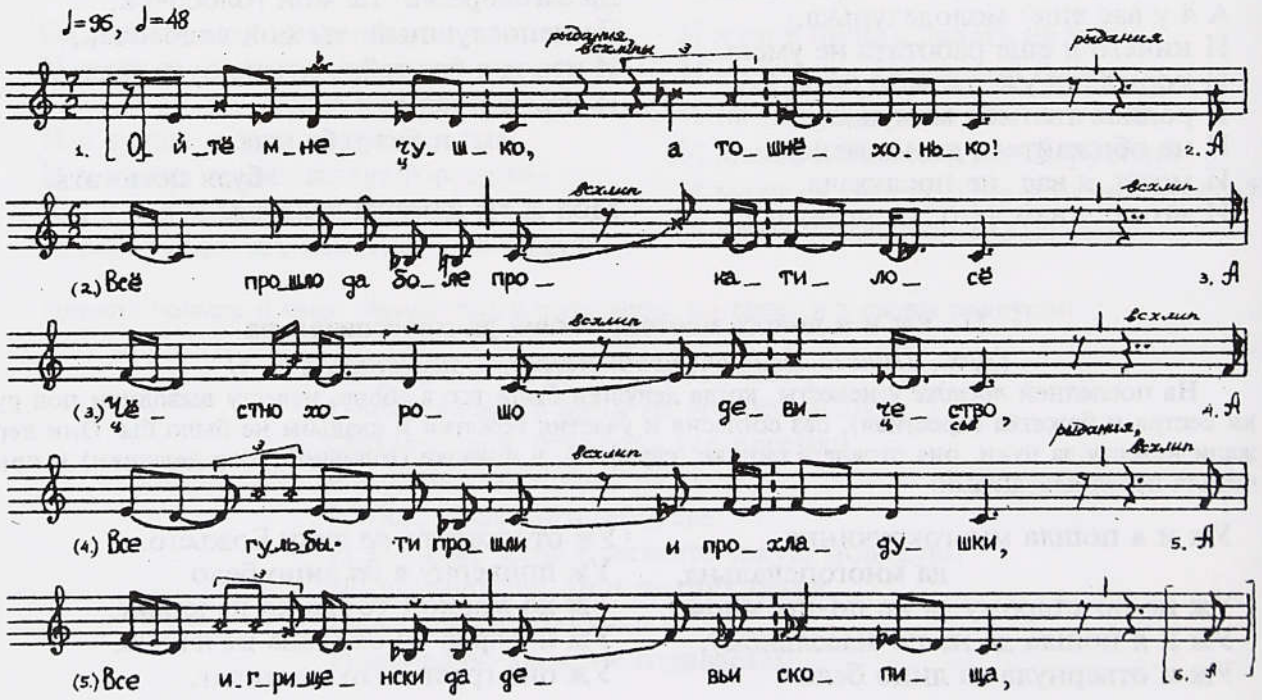
Уж и я пошла многокручинна
да многопечальна,
Уж не по-старому да не по-прежному,
Уж и я пошла да не по-насельнёму.
Уж и отвернула да лицо бело
[5]Уж от икон-то *да* лику Божьёго.
Уж приверну я *да* лицо бело
Уж ко жаркой-то да ко печеньке.
Уж и жарка-то *да* наша печенька,
Уж она греет *да* охолаживат.

Уж родитель ли да мой татонька,
Уж он жале(е)т меня *да* отгораживат.
Уж приверну я *да* лицо бело
Уж к иконе-то *да* к Божьей матери.
Уж я первой поклон да положу
Уж за царя, Бога *да* земного.
Уж второй поклон да положу
Уж за царицу *да* многоверну.
Уж я еще поклон да положу
Уж за царевых *да* малых деточек,
Уж и за всю-то *да* землю царскую,
Уж и за всю-то *да* государскую.
Уж и еще поклон да положу
Уж за красного-то да солнышка
За родителя-то за батюшка.
Уж еще поклон да положу
Уж за корминьицу-то
соболезну-то да мамоньку.
Уж я не тут нынчё да стояла,
Уж я на дубовой лавице да сидела.
Уж я постою да посмотрю
Уж по всему *да* по народу,
По всему девьему *да* караводу:
Уж и все сидят да по-старому,
Уж и все сидят да по-прежному,
Уж и все *да* по-насельнёму.
Уж я одна *да* стою плачу,
Уж я одна *да* причитаю
Уж не по-старому *да* не по-прежному.
Уж вы красные да девушки,
Уж ходите вы *да* наряжайтесь,
Уж гуляйте *да* прохлаждайтесь.
Уж на своих-то честных родителей
Уж не надейтесь *да* не начейтеся.
Уж и они вас да обманут,
Как на вешнем льду они да подлому
Уж середи реки да потопя.
Уж я жила да надеялась —
Уж об чем жила да надеялась?
Уж омманули меня *да* подломили,
Уж и в реки меня *да* утопили.
Уж я лесом шла *да,* ели гнилися,
Уж я щельей шла *да,* щелья сыплется,
Уж под берег шла *да,* рыбка мечется,
Уж рыбка мечется *да* меня пугается.
Уж тут моя молодость *да* оставается.
Уж и красны вы да девушки,
Уж и порядовны вы да суседушки,
Уж и живите *да* не тужите,
Уж и гуляйте *да* наряжайтесь,
Уж и пойте *да* веселитесь!
Уж находилась я боле *да* нагулялась,
Уж в ряду с вами *да* настоялась.
Уж и я песёнок да напелась,
Уж с добрамы молодцами *да* насиделась.
Уж и в караводах я *да* находилась,
Уж и по игрищицам *да* нагулялась,
Уж и по метищицам *да* находилася.

Сравните: № 81-83 (начало), 88 б.

22. Ойтё мнечушко, а тошнехонько

(Арх., Мезень)



Ойтё мнечушко, а тошнехонько!
А все прошло *да* боле прокатилосё
А чёстно-хорошо девичество,
А все гульбы-ти прошли и прохладушки,
А все игрищенски *да* девьи скопища,
А часты мелки *да* вечеринечки,
А долги тёмны *да* сутемёночки.

Сравните: № 84, 86.

23 а) Моя милая подруженька,
б) Да у чужого чуженина

(Арх., Вага)

На девишнике невеста захватывала руками подругу-молодицу, склонялась к ней, причитала:

Моя милая подруженька!
Я у тя буду спрашивать,
Да ты изволь мне-ка сказывать.
Да уж ты сказывай да не затаивай,
Да меня, девушку, не обманывай!
Да каково жить у чужого чуженина?

Молодица отплакивала невесте:

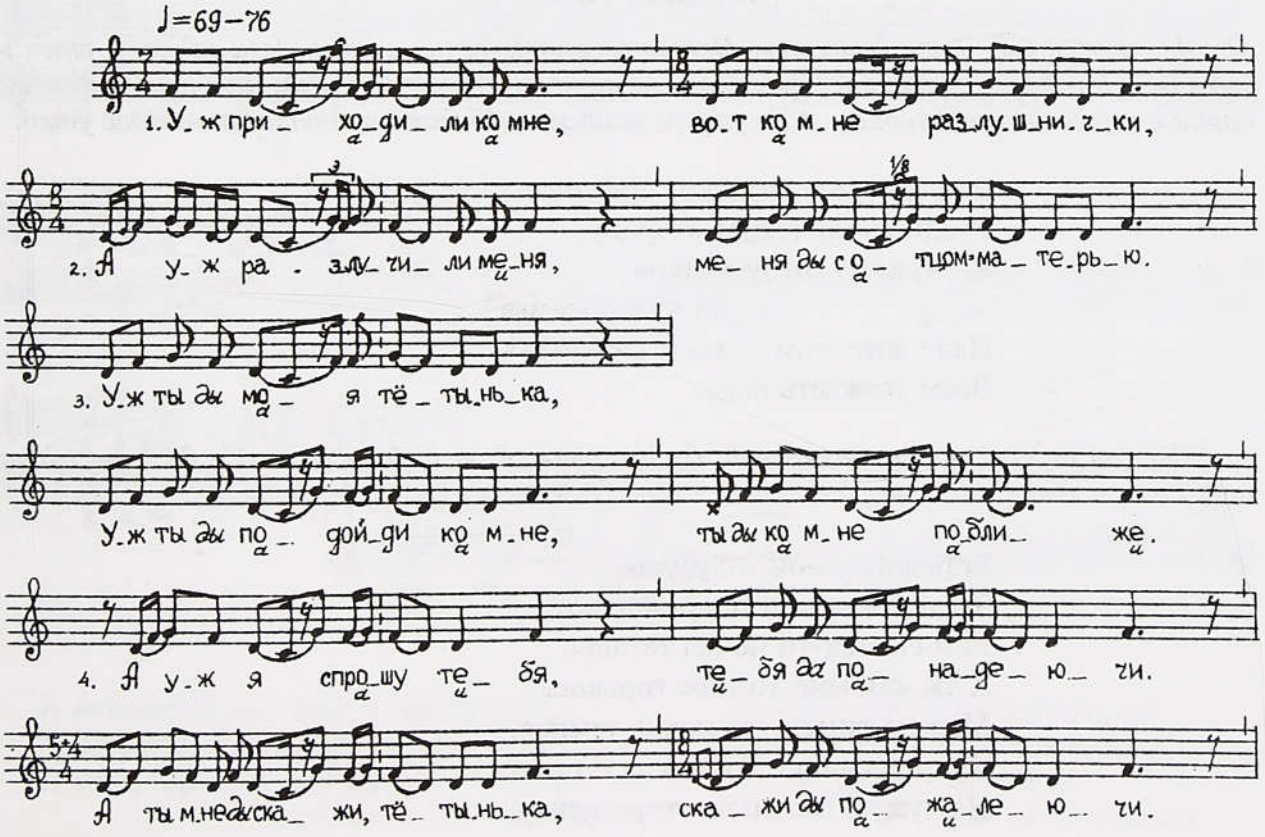
Да у чужого чуженина
Да надо жить-то умеючи,
Да говорить разумеючи.
Да как говоришь, так — зубатая,
А молчишь, так — сердитая!
А расхохочешься, так — все дикая!
Да у приступочек да настоишься,
Да в руки дела напросишься!

Сравните с окончанием № 211 б.

24. Уж приходили ко мне, вот ко мне разлушнички

(Рязанск., Унжа/Ока)

Невеста причитала приходящим на девишник старшим родственницам (тетке, старшей сестре, крестной), спрашивала их о замужней жизни.



Уж приходили ко мне, вот ко мне разлушнички,
А уж разлучили меня, меня ды с отцом-матерью.
Уж ты *ды* моя тетынька,
Уж ты *ды* подойди ко мне, ты *ды* ко мне поближе.
А уж я спрошу тебя, тебя *да* понадеючи.
А ты мне *ды* скажи, тетынька, скажи *ды* пожалеючи,
А уж каково будет жить у чужого батюшки,
у чужой у матушки?

Каждая из родственниц откликалась причитанием. В ответных причитаниях обязательно содержались слова:

Не плачь, не плачь, все и Анна,
В чужих людях жить вольнее,
Жить вольнее, придобрее.
Куда пойдешь — спросися,
Откель придешь — скажися.

См. № 305.

ПРОБУЖДЕНИЕ НЕВЕСТЫ И ПОДРУГ

25 а) Вставай, мое дитятко сердечное,
б) Вставайте, мои голубушки
(Калужск., Угра—Ока)

Две недели был у нас девишник. Нашло восемь девок, они две недели жили, и отец их кормил. Помогали дошивать приданое, пели, танцевали вечерами краковяк, полечку, парни с гармонями приходили. А по утрам меня мать будит, причитает каждое утро:

Вставай, мое дитятко сердечное.
Уходишь на чужую сторону,
Ко чужому отцу-матери,
ко чужой семье.
Надо жить там — всем кланяться,
Всем угождать надо.

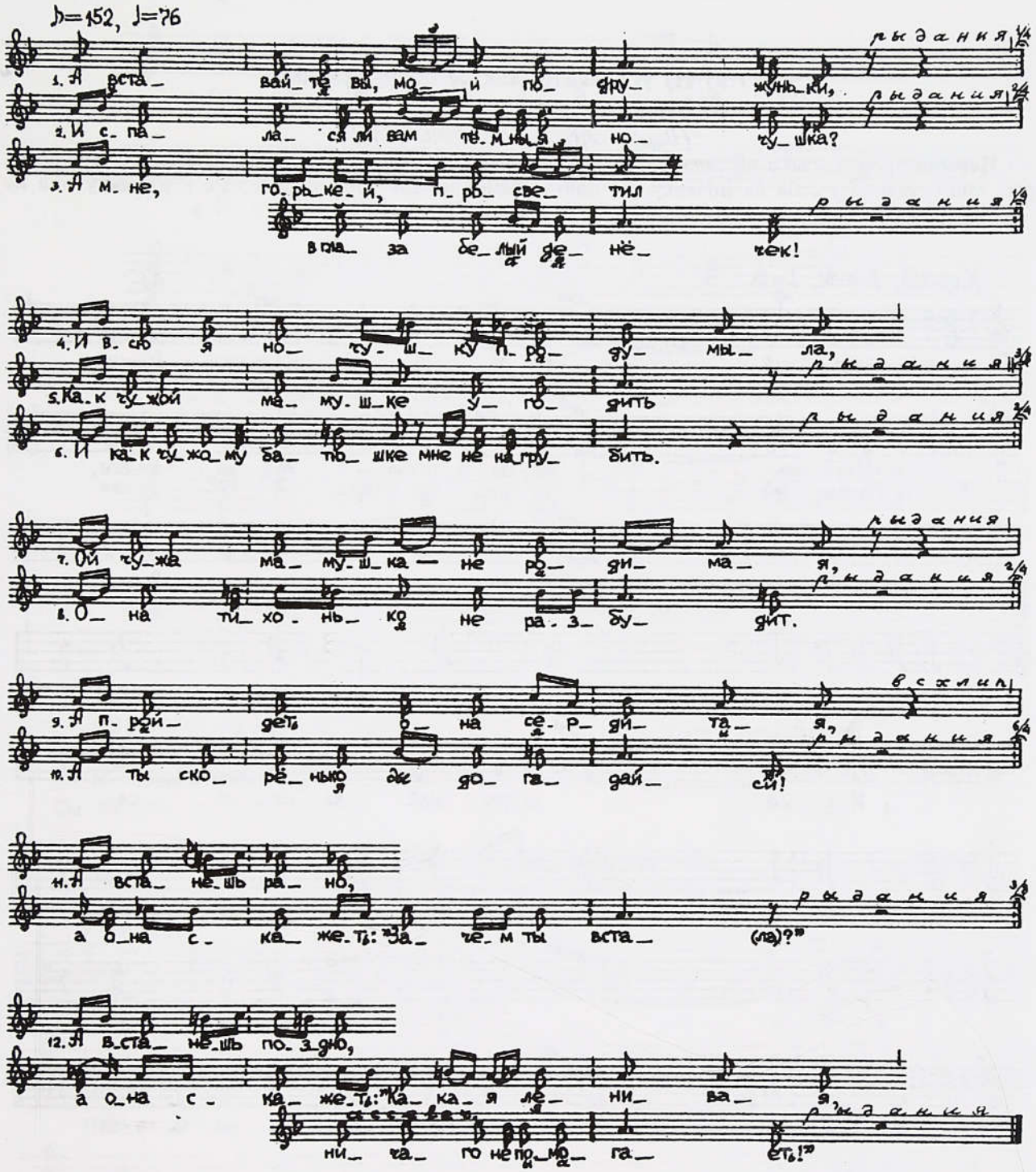
Первую неделю мать причитает, будит меня. А на другую неделю я должна будить подружек:

Вставайте, мои голубушки,
Задушевны мои подруженьки.
Вам спится-то ночка темная,
А уж как мне-то горе горькое,
Мне не спится-то ночка темная.
Как просватал любимый тятенька
На чужую дальнюю сторонушку.

26. А вставайте вы, мои подружуньки

(Пензенск., Цна)

В последнюю неделю до свадьбы подруги невесты каждую ночь оставались у нее. По утрам она будила их:



А вставайте вы, мои подружуньки,
И спалася ли вам темныя ночушка?
А мне, горькей, просветил
в глаза белый денечек!

И всю я ночушку продумыла,
Как чужой мамушке угодить
И как чужому батюшке
мне не нагрубить.

Ой чужа мамушка — не родимая,
Она тихонько не разбудит.

А пройдет она сердитая,
А ты скорёнько ды догадайся!

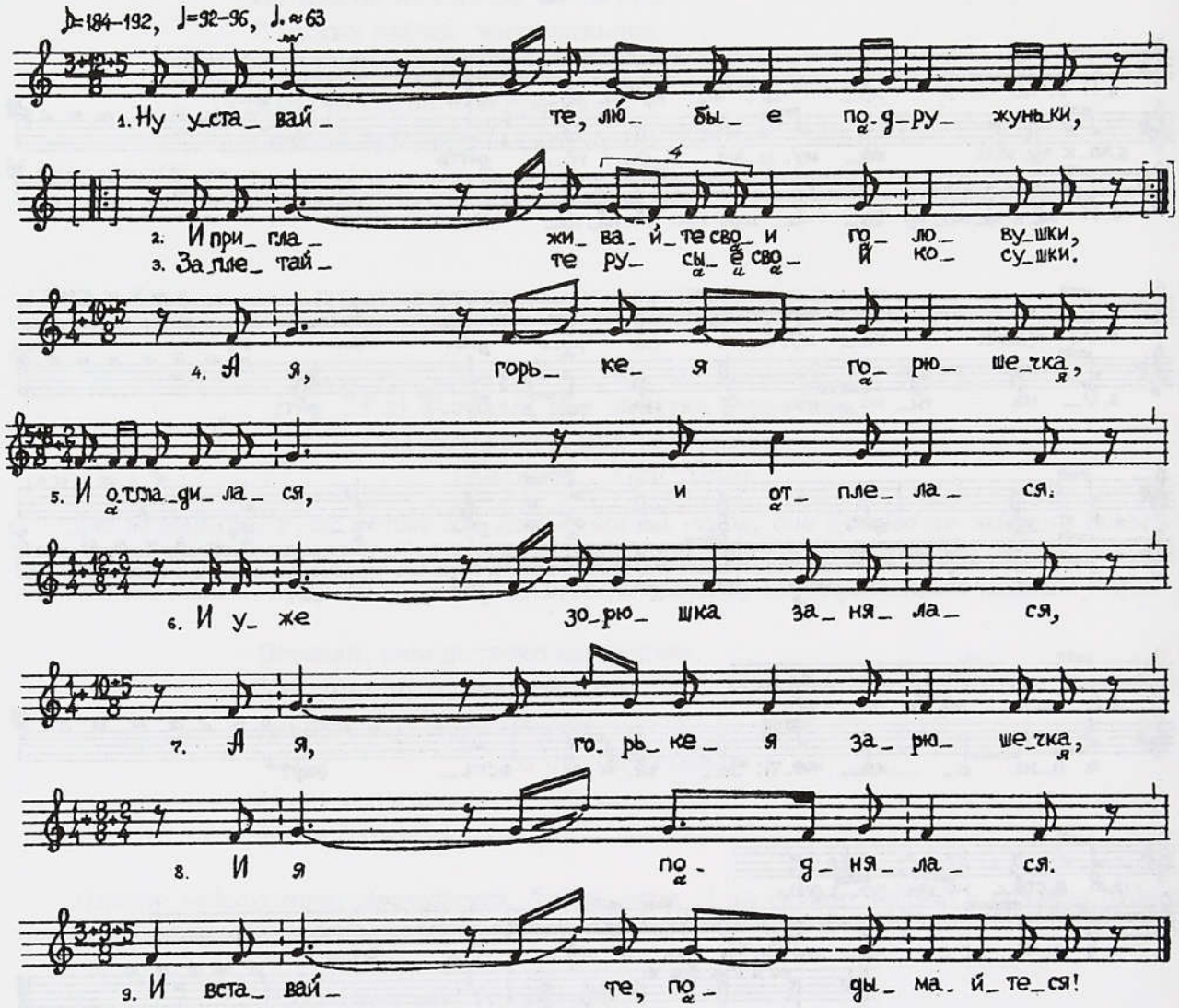
А встанешь рано,
а она скажет: "Зачем ты вста(ла)?"

А встанешь поздно,
а она скажет: "Какая ленивая,
ничаго не помогает!"

27 а) Ну уставайте, *лю*бые подружуньки,
б) Заря моя, зорюшка

(Воронежск., Потудань–Дон)

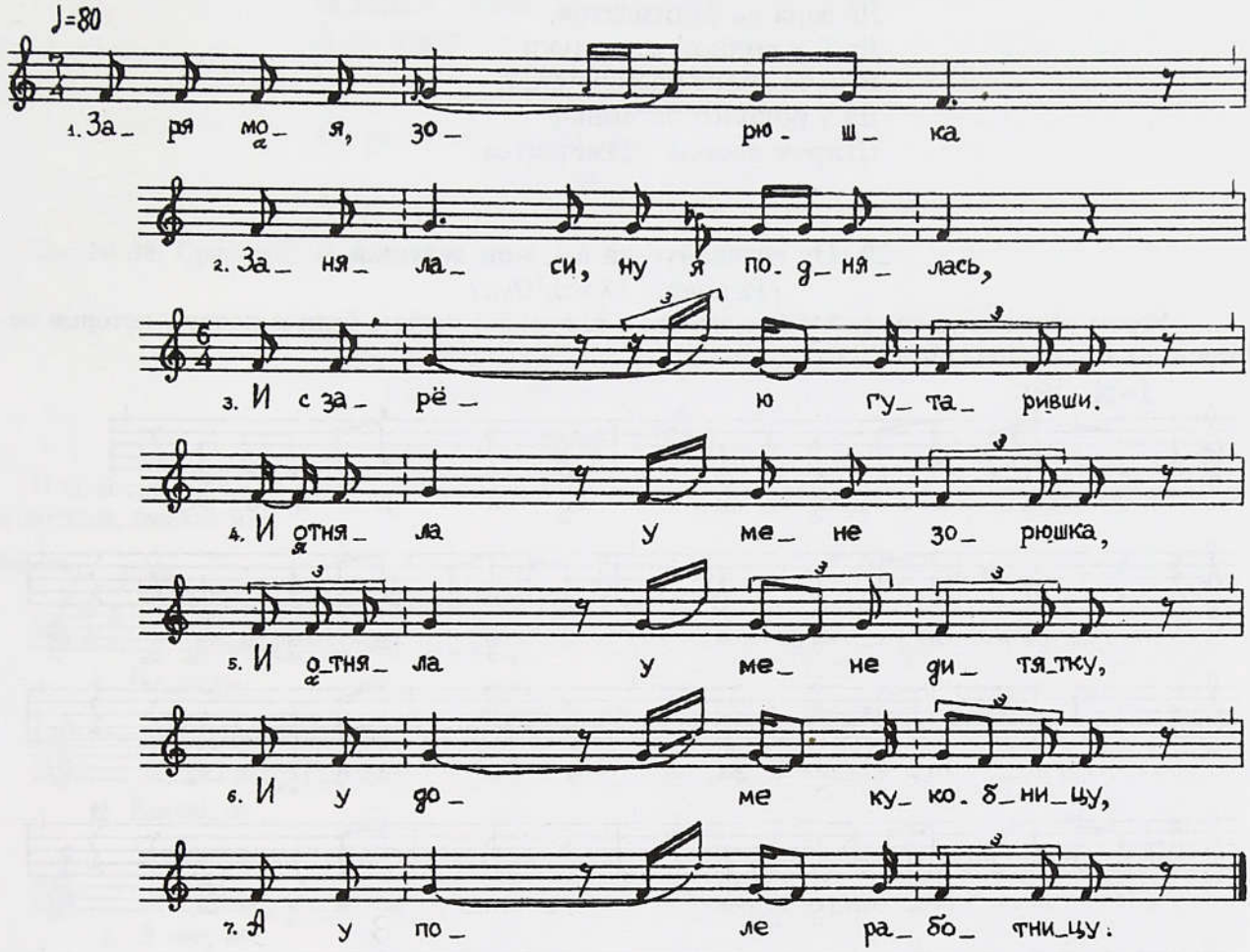
Невеста провела свою последнюю ночь в отчем доме, она вставала первой. Ее подруги, которых она оставила у себя на ночевку, не поднимались до тех пор, пока ближе к рассвету она не начинала *голосить*:



Ну уставайте, *лю*бые подружуньки,
И приглаживайте свои головушки,
Заплетайте русые свои косушки.
А я, горькея горюшечка,
И отгладилася, и отплелася.

И уже зорюшка занялася,
А я, горькея зарюшечка,
И я поднялася.
И вставайте, подымайтеся!

Мать невесты тоже *голосила*, услыхав, что дочь поднимает своих подруг:

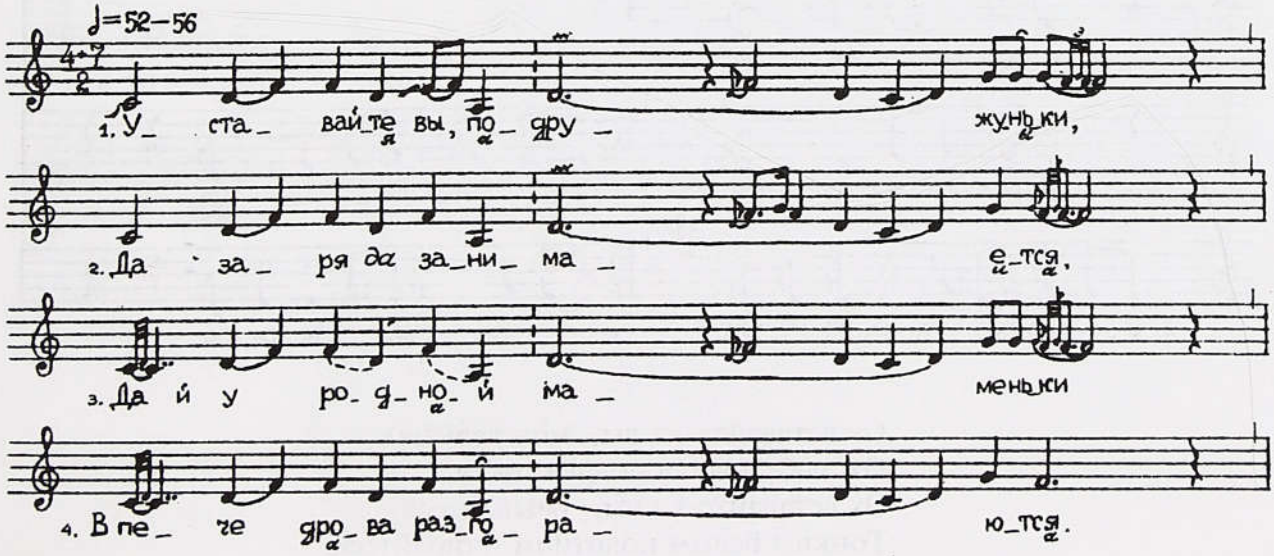


Заря моя, зорюшка
Заняласи, ну я поднялась,
И с зарею гутаривши.
И отняла у мене зорюшка,
И отняла у мене дитятку,
И у доме кукобницу,
А у поле работницу.

См. № 225.

28. Уставайте вы, подружуньки

(Ставропольск., Малка–Терек)

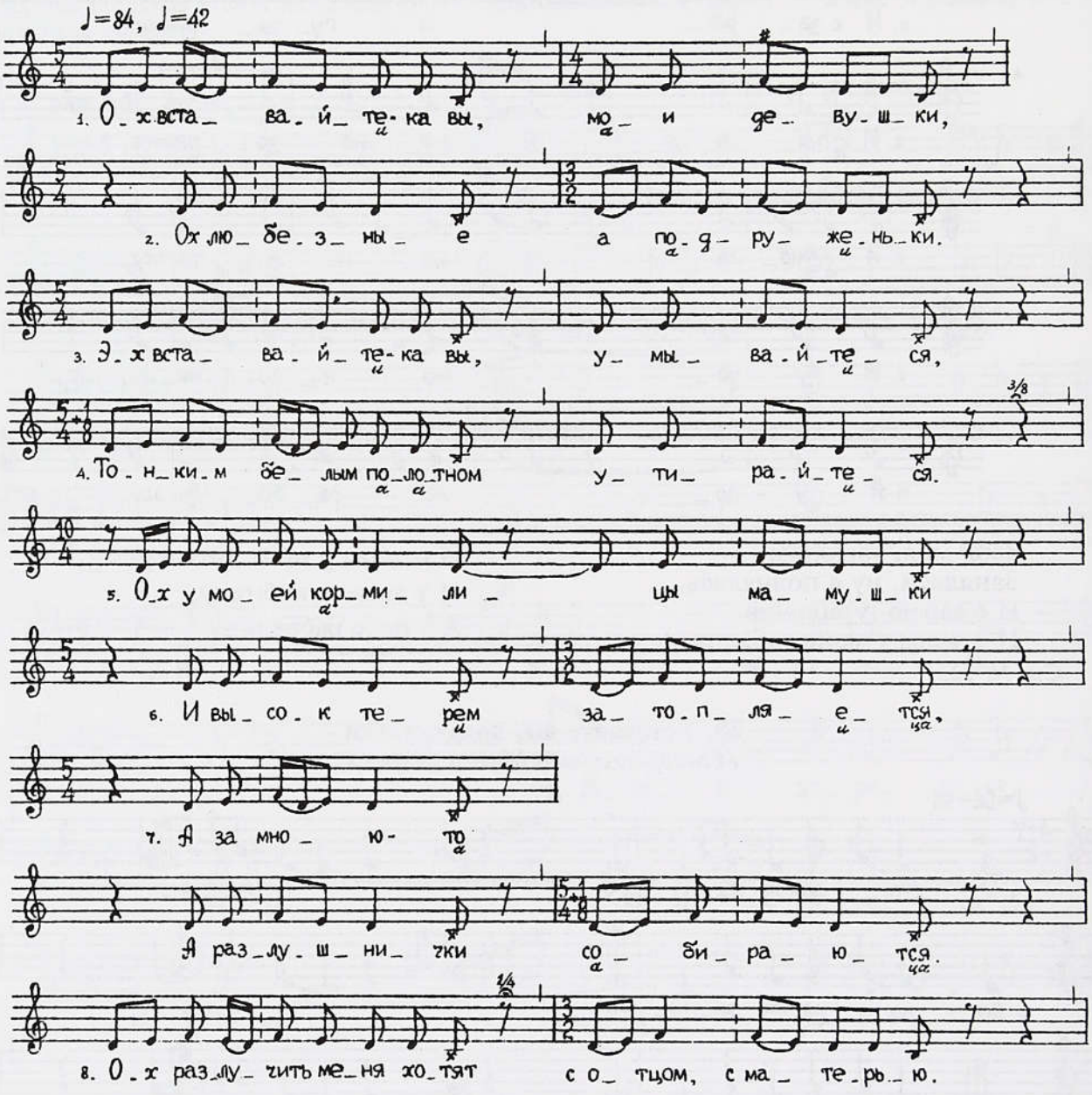


Уставайте вы, подружуньки,
Да заря да занимается,
Да й у родной маменьки
В пече дрова разгораются,
Да у родного батеньки
Широк дворик разметается

29. Ох вставайте-ка вы, мои девушки

(Рязанск., Унжа/Ока)

Утром перед встречей свадебного поезда и венчанием невеста будила подруг, которые оставались у нее на ночь после девишника:



Ох вставайте-ка вы, мои девушки,
Ох любезные а подруженьки.
Эх вставайте-ка вы, умывайтеся,
Тонким белым полотном утирайтеся.

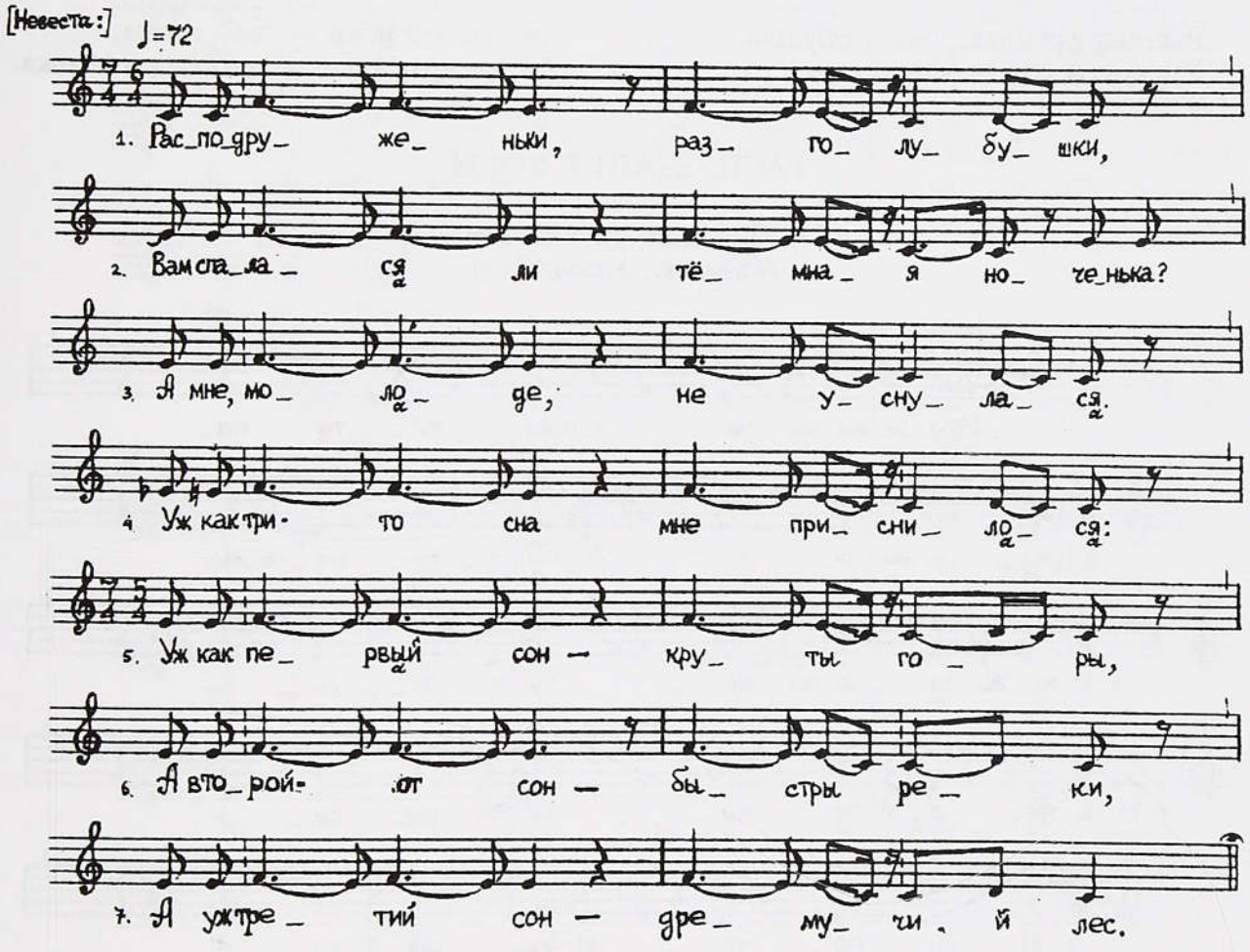
Ох у моей кормилицы мамушки
И высок терем затопляется,
А за мною-то
а разлушнички
собираются.
Ох разлучить меня хотят
с отцом, с матерью,
А еще меня хотят с большим племеньем.

См. № 38. Сравните: № 122.

30 а) Расподруженьки, разголубушки, б) Расподруженька, разголубушка

(Владимирск., Клязьма)

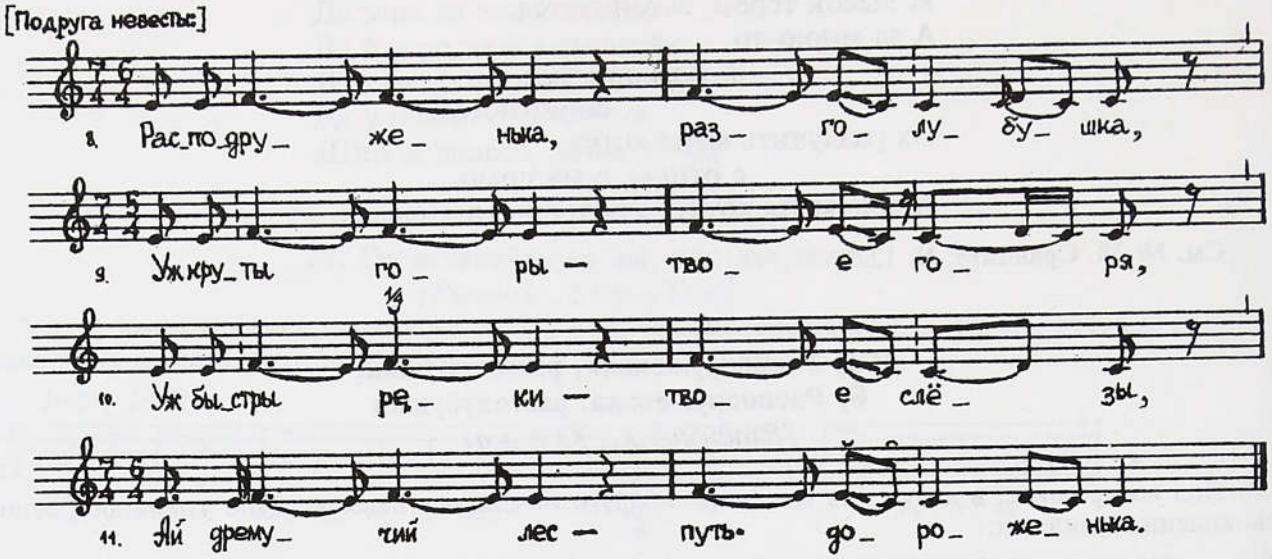
Под воскресенье, в канун дня венчания, подруги ночевали у невесты. Рано утром она, встав на колени, будила их:



Расподруженьки, разголубушки,
Вам спалася ли темная ноченька?
А мне, молоде, не уснулася.
Уж как три-то сна мне приснилося:
Уж как первый сон — круты горы,
А второй-от сон — быстры реки,
А уж третий сон — дремучий лес.

Любимая подруга в ответ причитала:

[Подруга невесты:]

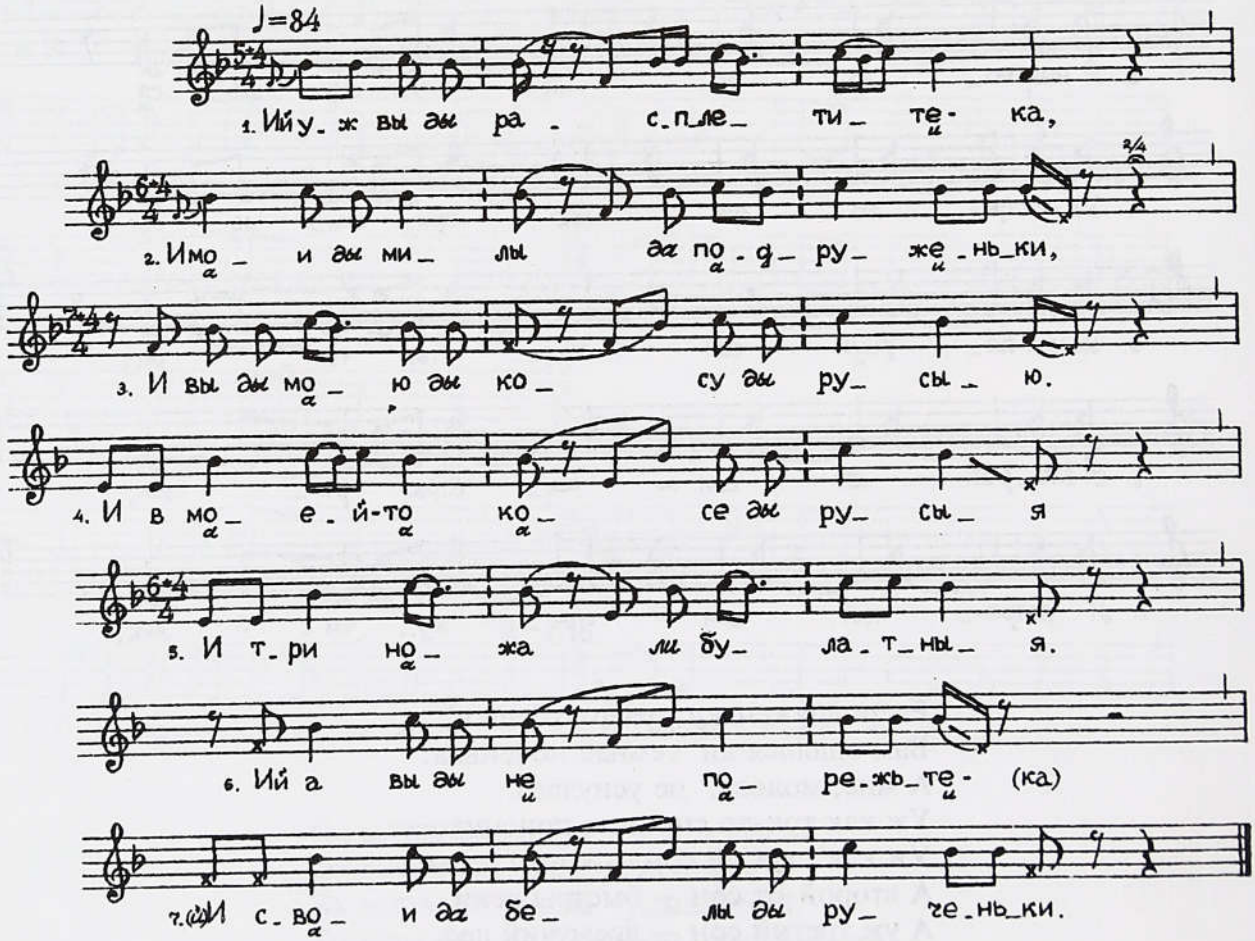


Расподруженька, разголубушка,
Уж круты горы — твое горя,
Уж быстры реки — твое слезы,
Ай дремучий лес — путь-дороженька.

РАСПЛЕТАНИЕ КОСЫ

31. Ий уж вы расплетите-ка

(Рязанск., Унжа/Ока)



Ий уж вы *ды* расплетите-ка,
И мои *ды* милы *да* подруженьки,
И вы ды мою *ды* косу *ды* русыю.
И в моей-то косе *ды* русыя
И три ножа *ли* булатныя,
Ий а вы *ды* не порежьте-(ка)
И свои *да* белы *ды* рученьки.

Сравните: № 60, 62 а.

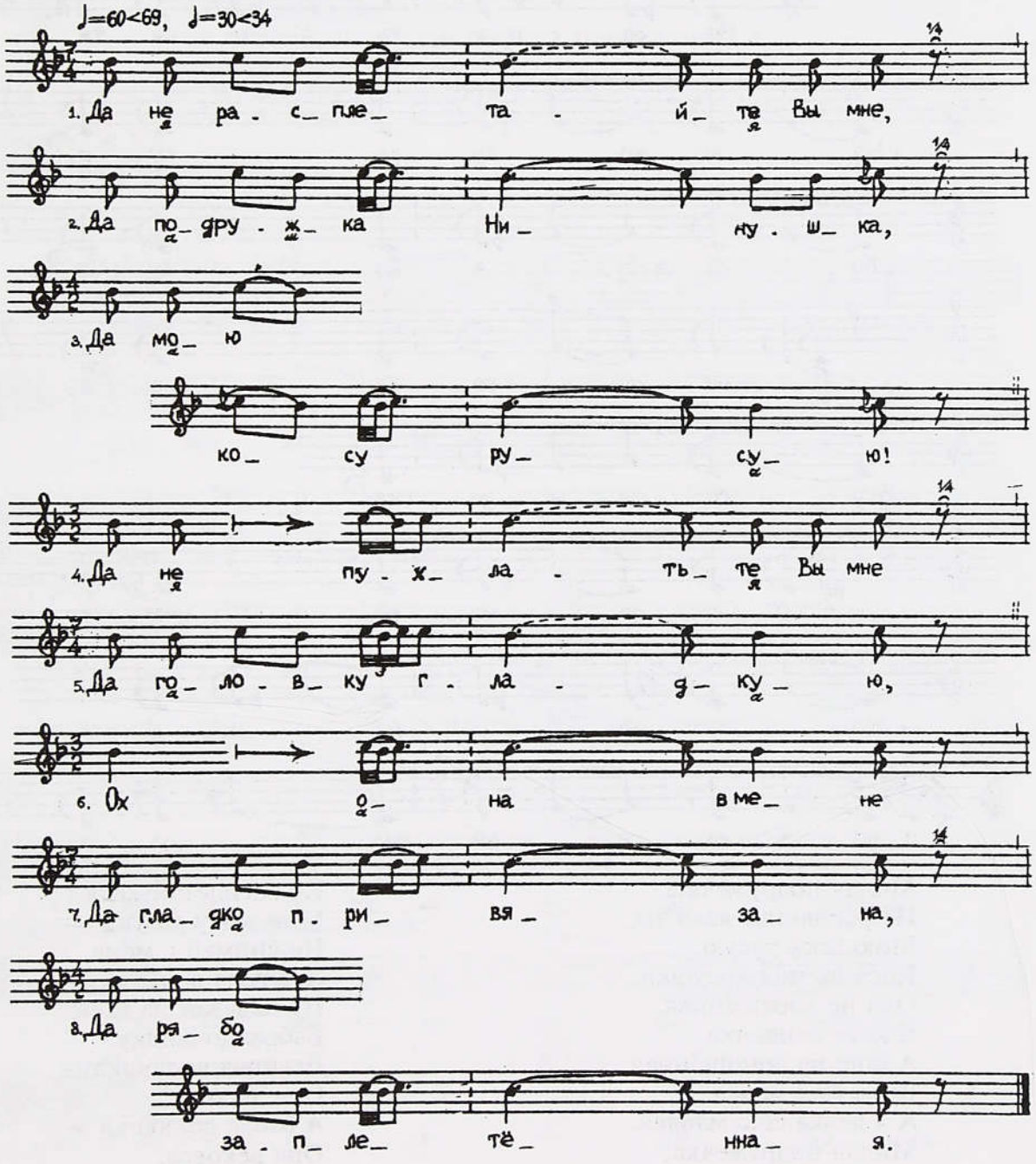
32. Да не расплетайте Вы мне

(Белгородск., Тихая Сосна)

С приходом свахи начинались долгие сборы невесты к венцу. В церковь невеста должна прийти без девичьей косы. И первым делом сваха обращалась к родителям невесты:

Иван Иванович и Дарья Семеновна,
Вся честная беседушка
И вы, красные девушки,
Благословите расплесть косу!

Отец говорил: "Бог благословит!"
Сваха бралась за гребешок, невеста принималась голосить, обращаясь к ней:



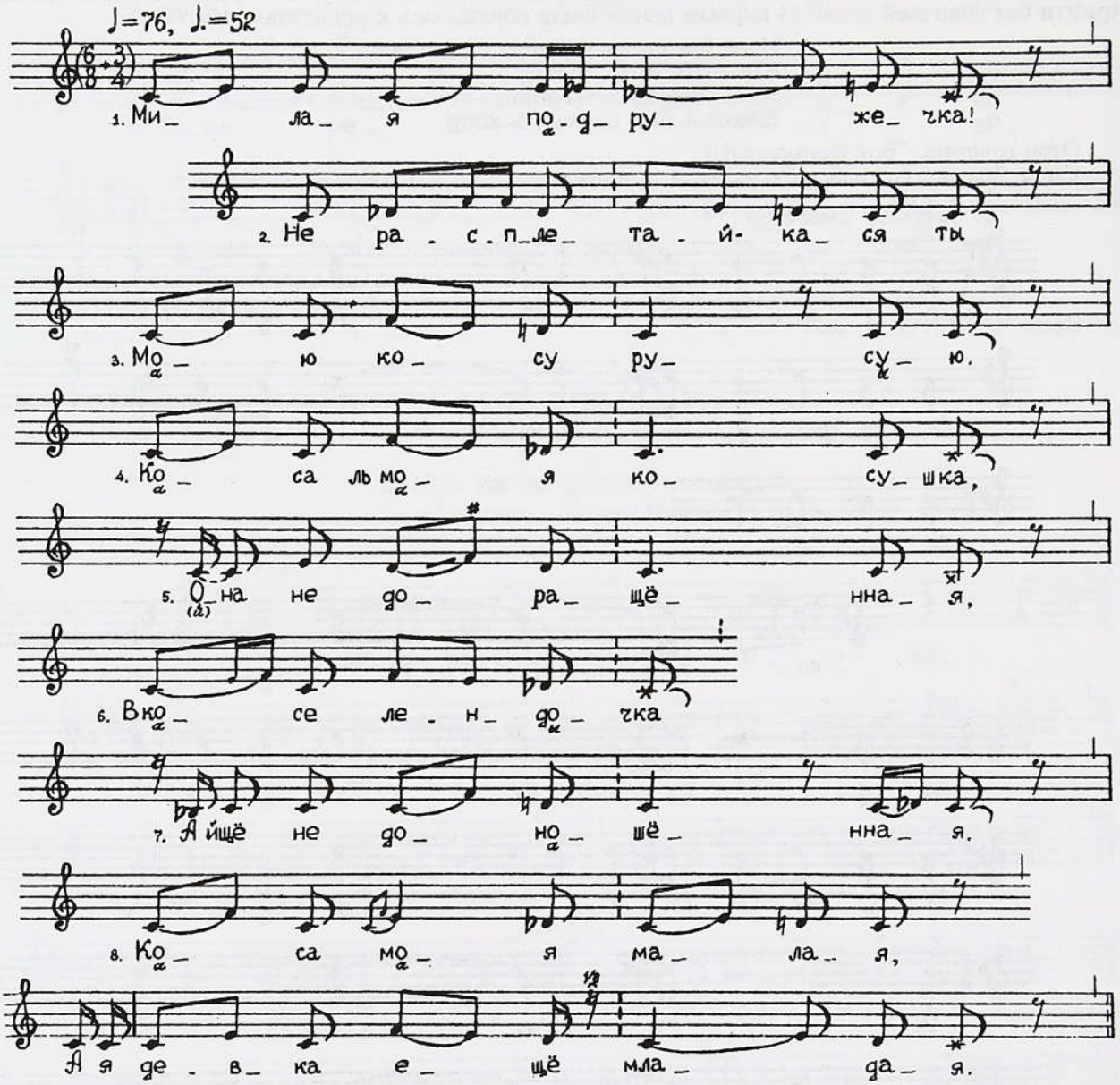
Да не расплетайте Вы мне,
Да подружка Нинушка,
Да мою косу русую!
Да не пухлатьте Вы мне
Да головку гладкую,
Ох она в мене
Да гладко привязана,
Да рябо заплетенная.

Сравните: № 127 а.

33. Милая подружечка

(Калужск., Дугна—Ока)

Одна из подруг или сестра выводила невесту на середину комнаты и начинала расплетать косу.



Милая подружечка!
Не расплетай-кася ты
Мою косу русую.
Коса ль моя косушка,
Она не доращённая,
В косе лендочка
А йще не доношённая.
Коса моя малая,
А я девка еще мл*а*дая.
Милая подружечка,
Не расплетай-кася
Мою косу русую,
Не снимай с мене
Девичью волюшку,
Не надевай на мене
Бабью долюшку.
Девичья волюшка —
Она часовая,
А бабья долюшка —
Она вековая.

СБОРЫ В ПУТЬ-ДОРОГУ

34 а), б) Шафера вы, дружки вежливы

(Арх., Мезень)

Во время сборов невесты дружки приходили к девушкам:

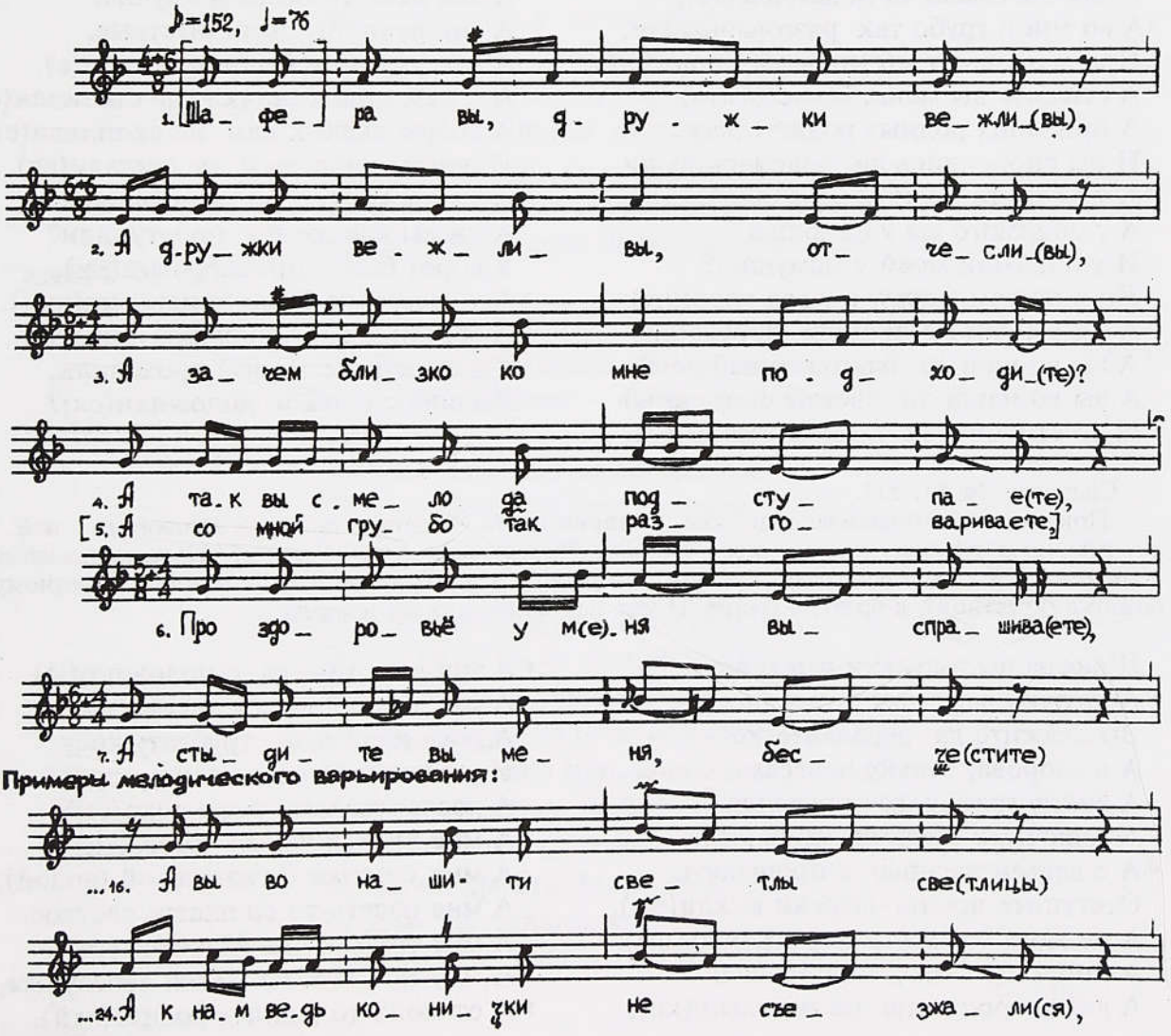
Мы пришли, послы-посланники,
Не воры, не разбойники.
Охота узнать, какое у невесты здоровье.
Наш князь, Степан Иванович, жив-здоров, бодрый.
А как невеста, ваша Мария Ивановна, здорова ли?

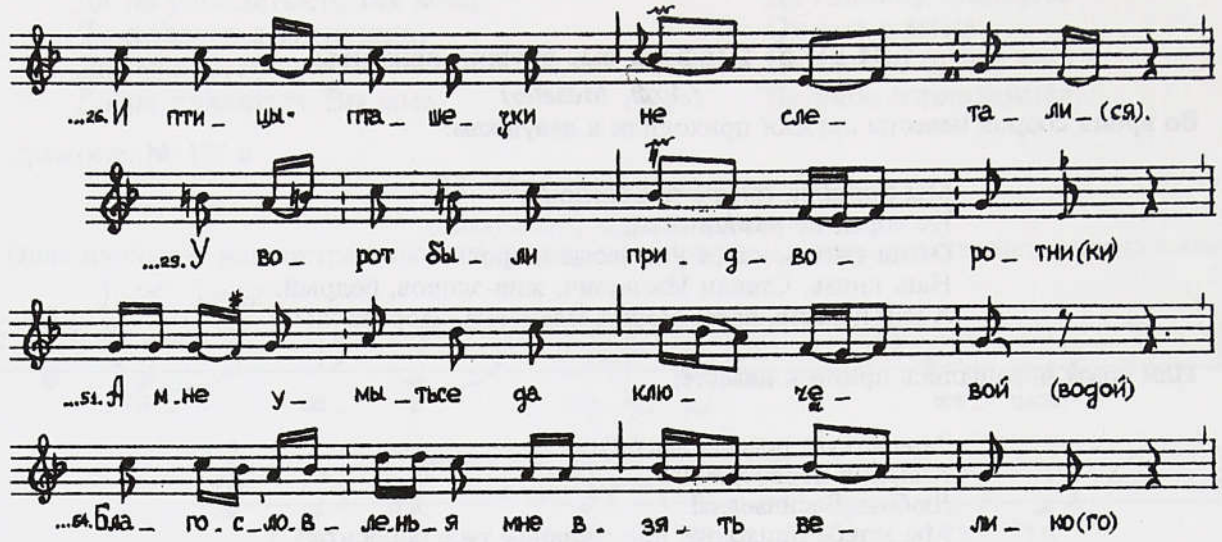
Или сразу обращались прямо к невесте:

Здравствуй, невеста заручёна,
Княгиня первобрачна
Любовь Васильевна!
Мы к тебе приходим про здоровье твое спросить,
А про нашего князя объявить,
Что наш князь жив и здоров, и весел.
А как ты, невеста?

Сравните: № 525.

Невеста сразу начинала плакать:





Шафера вы, дружки вежли(вы),
А дружки вежливы, отчесли(вы),
А зачем близко ко мне подходи(те)?
А так вы смело *да* подступае(те),
А со мной грубо так разговариваете,
Про здоровьё у м(е)ня выспрашива(ете),
А стыдите вы меня, бесче(стите)
А при моих родных роди(телях).
И вы спросились ли, доложились ли
А у моих-то родных родителей,
А у родимого вы у батюшка
И у родимой моей у мамушки?
Но я не вам скажу, а у вас спро(шу):
А уж вы как же прошли, проеха(ли)
А вы во наш-то благодат(ный дом),
А вы во наши-ти светлы све(тлицы)
И во столовы-ти в новы горни(цы),
А в пировы-ти в наши избу(шечки)?
А кругом дому ведь благодатн(ого)
А были горы очунь высоки(е),
А как леса-ти были дремучие,
А как реки-ти были быстрые,
А как ручья-ти были приглубы(е).
А к нам ведь конички не съезжали(ся),
А добры люди к нам не скопляли(ся),
И птицы-пташечки не слетали(ся).
А уж вы как же тут проходили?
А уж вы как же тут проступили?
У ворот были придворотни(ки),
А у дверей-то были придверни(чки),
А середи двора — крепки сторо(жа).
Уж вы как же то всё проходили,
Вы спросились и доложили(ся)?

Сравните: № 81, 537.

Пока невеста отплакивала, дружки предпринимали все новые попытки заговорить с ней: *"Не позволь мужа томить, позволь слово сказать. Говори, како Ваше здоровье?"* Невеста посылала к родителям: "К отцу сходите и спросите, он знает... К матери сходите...", потом к крестному, к божатке (крестной), к брату, к сестре. И уже под конец она им плакала:

Шафера вы, дружки вежливы,
А дружки вежливы, отчесливы,
Вы скажите да передайте-ко:
А я здорова, только невесела,
А буйну голову все повесила,
А горючьми слезьми уливаюся,
А с девьей жизнью я прощаюся.
Отступите прочь, дружки вежли(вы),
А не могу с вами говорить боль(ше).
А попрошу я вас, поконаюся:
А дайте сроку мне не надолыш(ко),
А три часа мне-ка с половино(ю).
А мне первой час *да* часова(ти) —
А росплести мою трубчату косу
И уж как выплести ленту алу(ю),
А росчесать мои русы воло(сы).
А мне второй час *да* часова(ти) —
А мне умытьсе *да* ключевой (водой),
А мне надеть-то *да* платье светлое.
А мне третьей час *да* часова(ти) —
А мне-ко взять *да*, белой лебедушке,
А от моих-то родных родите(лей),

А от восхожа-та красна солн(ышка)
А от родителя-та от батюшки,
А от денной-то моей печальщ(ицы),
От насельней моей богомольщицы
И от родимой-то жалкой ма(мушки)
Благословенья мне взять велико(го),
А мне прощеньица взять тут крепко(го).
А полчаса мне-ка часова(ти) —
А мне проститьсе, белой лебедушке,
А мне с подружками полюбовны(ми),
Мне с суседками порядовны(ми),
И со девицами белым лебе(дями),
И с молодцами-то мне с удалы(ми).

Вот, это так оно было плакать. Но ведь, когда в невестах походит, да горе есть, дак у ей ловко ведь получается! Она плачет, и у ей так и получается... (Смеется.)

35. Уж я с чужим да чужанином

(Арх., Пинега. Манера причитания — вариант № 1, 4)

Уж я с чужим да чужанином
Уж я в саночки да не сяду,
Уж ко Божьей церкве *да* не поеду,
Уж я рядом с им да не стану,
Уж золота венца *да* не наложу,
Законну браку я да не приму.
Уж не пойду я с им *да* не поеду:
Уж там нет звону *да* колокольнего,
Уж нет петья-четья да церковного,
Уж нету поступу *да* лошадиного,
Уж нету посвисту *да* молодецкого.
Уж выдаваете меня *да* избываете!

Сравните: № 108.

36. Уж ты ясненькой да соколочек

(Манера причитания — вариант № 1, 4)

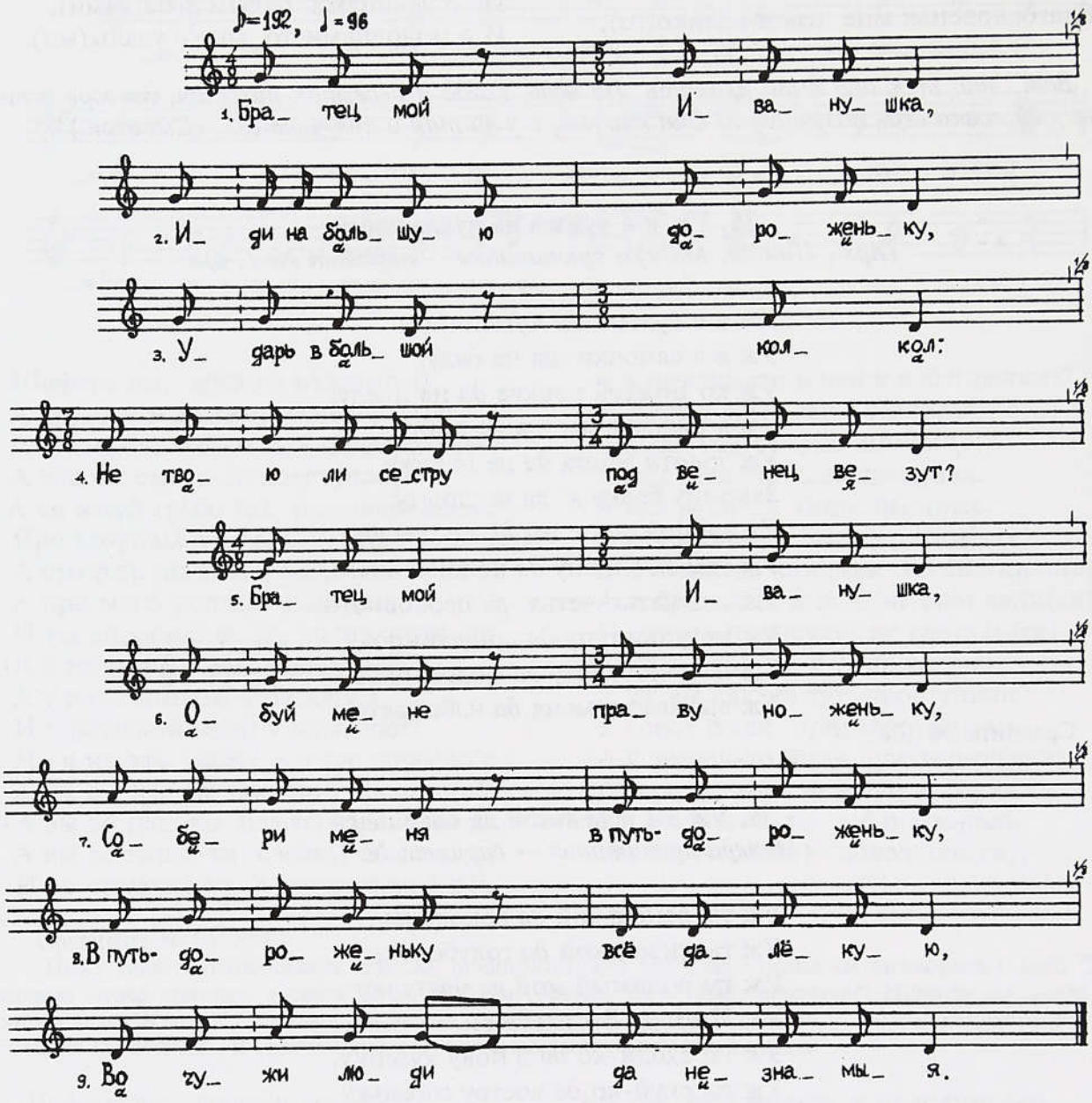
Уж ты ясненькой *да* соколочек,
Уж ты сизенькой *да* голубочек,
Уж ты родимый мой да брателко
Уж Иван да Васильёвич!
Уж ты сходи-ко *да* в нову кузенку,
Уж ты скуй-ко *да* востру сабельку.
Уж ты зайди-ко *да* во конюшенку,
Уж ты выбери-ко *да* коней парочку,
Поезжай-ко *да* в путь-дорожечку,
Посеки ельничку да березничку,
Завали *да* путь-дорожечку,
Чтобы не пройти *да* не проехать
Чужому да чужанину,
Чужу незнаему *да* человеку.

Сравните: № 38, 94, 106, 190.

37. Братец мой Иванушка

(Рязанск., Унжа/Ока)

После того как расплетена коса, невесте помогали надеть венчальный свадебный наряд. И вот оставалось лишь надеть сапожок на правую ногу (левая уже обута). Тут невеста *вопила* — звала брата, который надевал сапожок и бросал туда монетку:

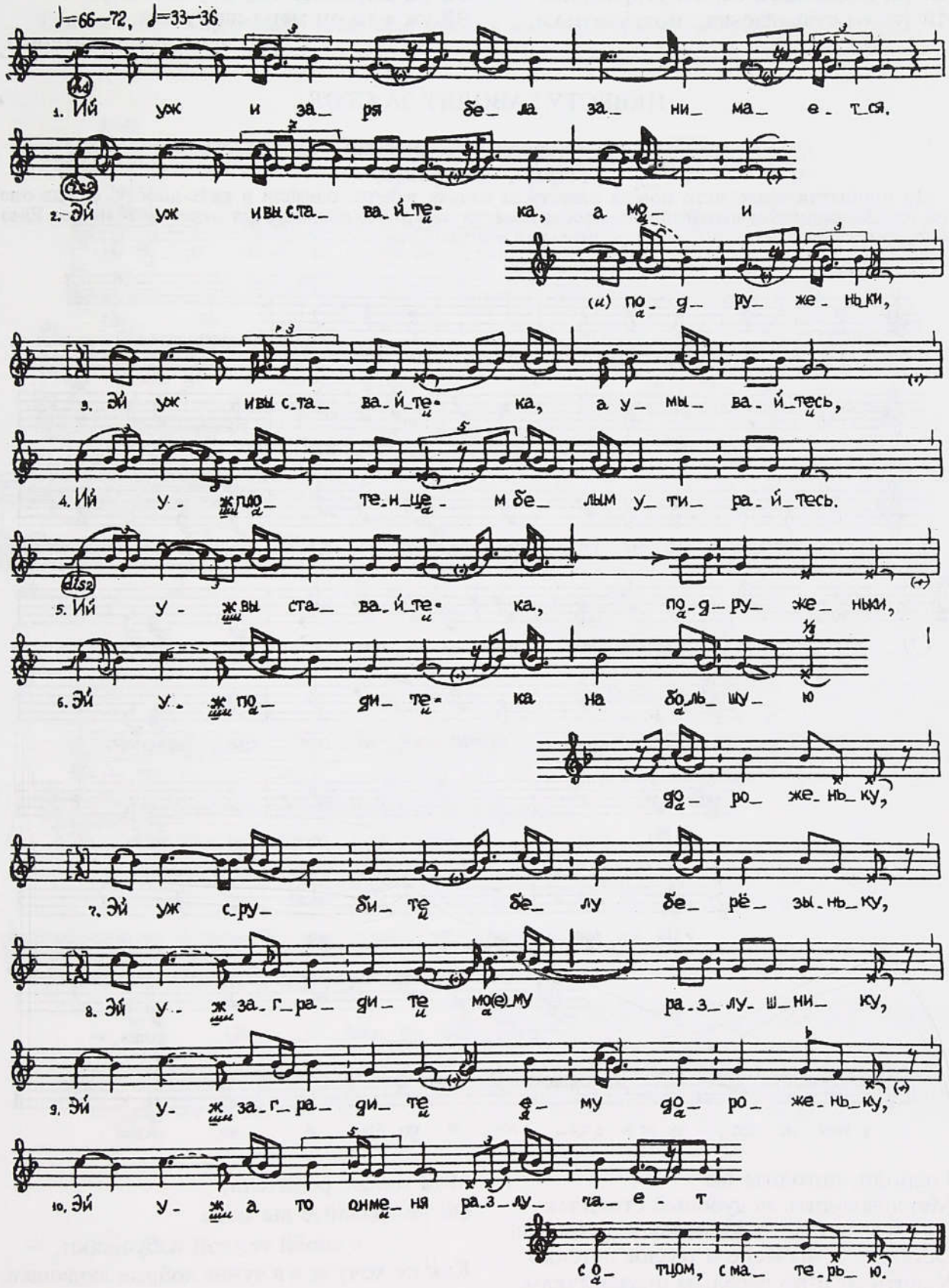


Братец мой Иванушка,
Иди на большую дороженьку,
Ударь в большой колкол:
Не твою ли сестру под венец везут?
Братец мой Иванушка,
Обуй мене праву ноженьку,
Собери меня в путь-дороженьку,
В путь-дороженьку все далекую,
Во чужи люди да незнамыя.

38. Ий уж и заря бела занимается

(Рязанск., Унжа/Ока)

В некоторых приокских селах существовала по-особому неторопливая и распевная манера свадебного причитания, которую местные жители назвали *июшканьем* (по начальному возгласу "Ий уж", "Эй уж"):



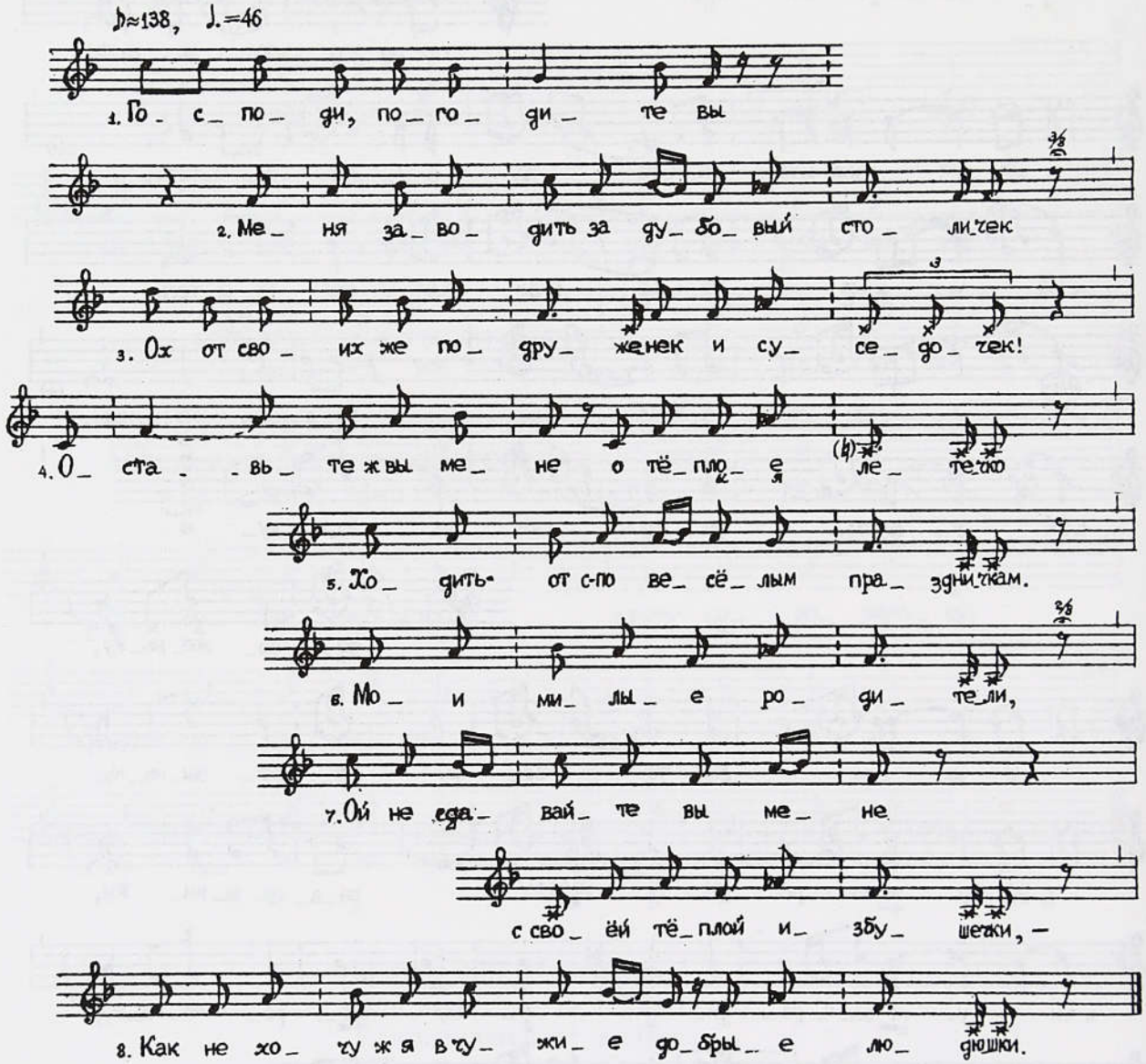
Ий уж и заря бела занимается.
Эй уж и вы ставайте-ка, а мои
подруженьки,
Эй уж и вы ставайте-ка, а умывайтесь,
Ий уж плотенцем белым утирайтесь.
Ий уж вы ставайте-ка, подруженьки,
Эй уж подите-ка на большую
дороженьку,
Эй уж срубите белу березыньку,
Эй уж заградите мо(е)му разлушнику,
Эй уж заградите ему дороженьку,
Эй уж а то он меня разлучает
с отцом, с матерью.

НЕВЕСТУ ЗАВОДЯТ ЗА СТОЛ

39. Господи, погодите вы

(Тверск., Зап. Двина)

До прибытия свадебного поезда невесту за печью, в кути, одевали в путь-дорогу. Когда она была готова, родители вызывали ее, чтобы повести за стол и посадить на невестино место. Едва выйдя, невеста сразу падала перед родителями на пол:

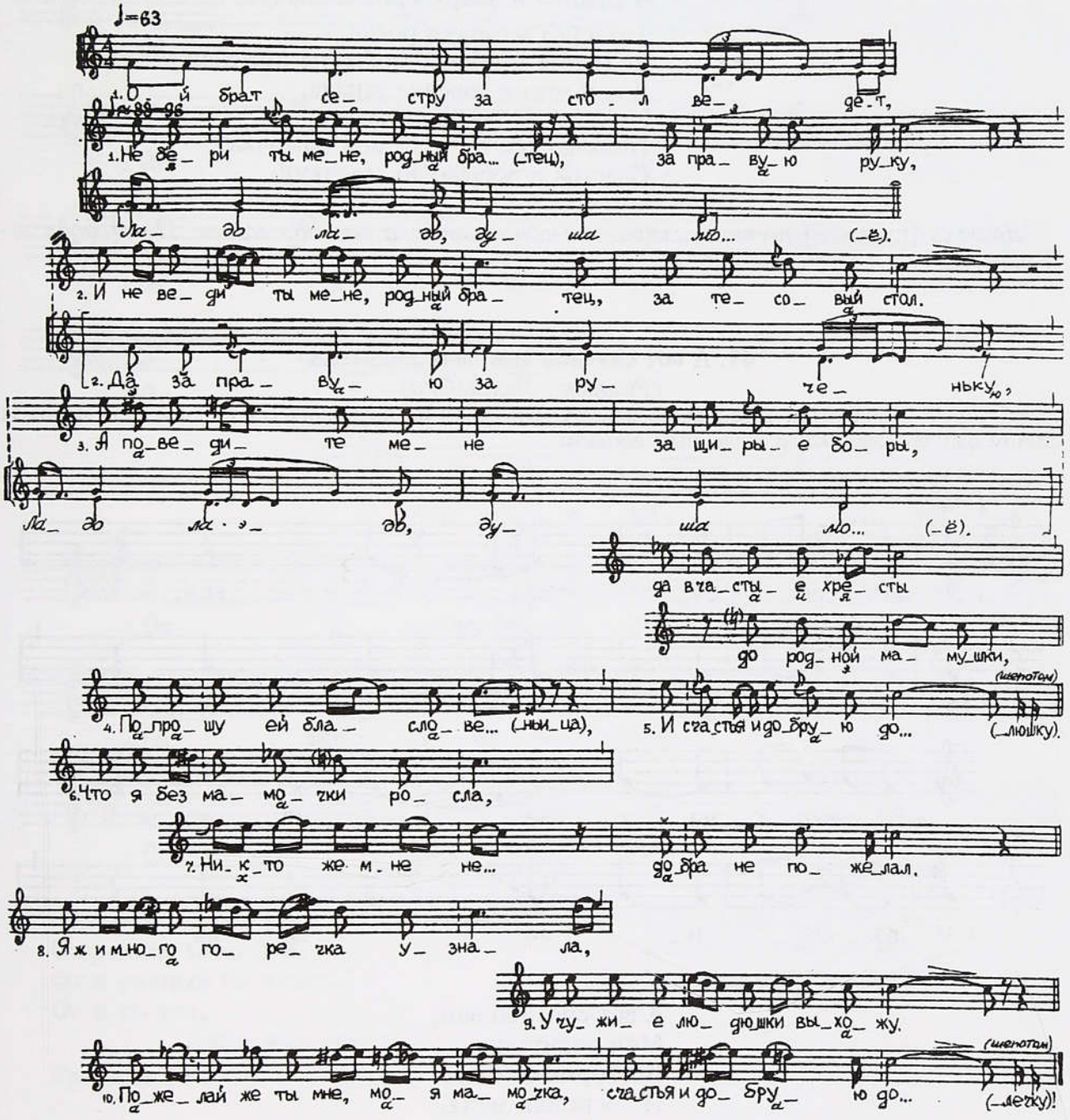


Господи, погодите вы
Меня заводить за дубовый столичек
Ох от своих же подруженек и суседочек!
Оставьте ж вы мене о теплое летечко
Ходить-от с-по веселым праздничкам.
Мои милые родители,
Ой не сдавайте вы мене
с своёй теплой избушечки, —
Как не хочу ж я в чужие добрые людюшки.

40. Не бери ты мене, родный братец, за правую руку / / Ой брат сестру за стол ведет

(Белгородск., Ворсклица)

Каждая невеста причитала, когда брат заводил ее за стол. Сирота же плакала еще горше.



Песня девушек:

Ой брат сестру за стол ведет,
Ладо ладо, душа мо(ё).

Да за правую за рученьку,
Ладо ладо, душа мо(ё).

Причитание невесты-сироты:

Не бери ты мене, родный бра(тец), за правую руку,
И не веди ты мене, родный братец, за тесовый стол.
А поведите мене за щирые боры,
да в частые хресты
до родной мамушки.

Попрошу ей бласло́ве...(ньица),
И счастья и добрую до...(люшку).

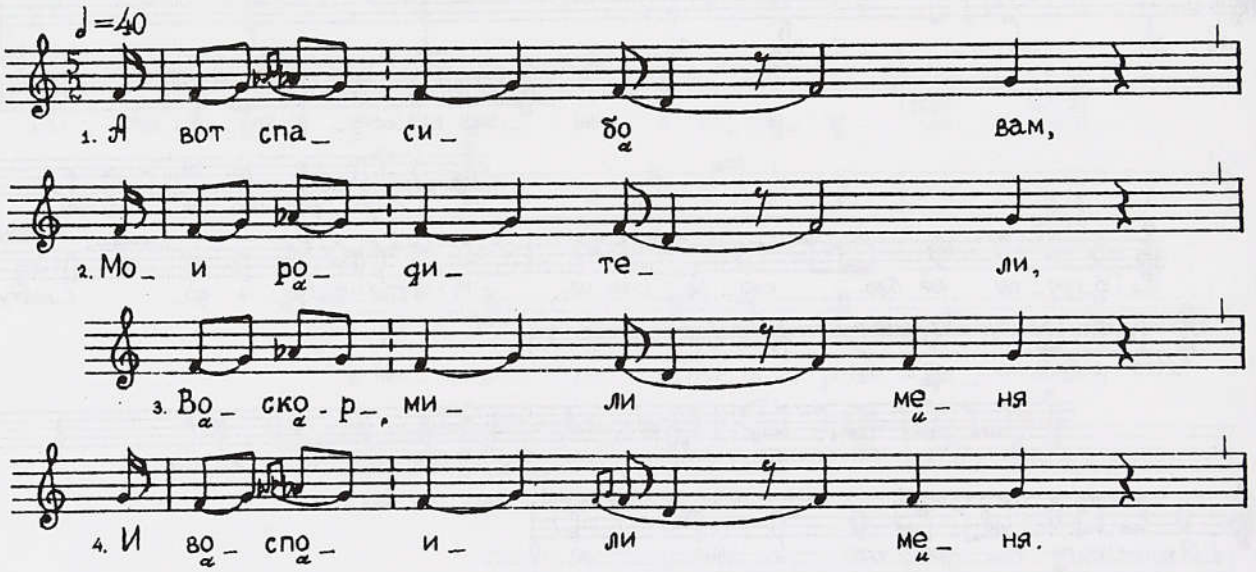
Что я без мамочки росла,
Никто же мне не... добра не пожелал.
Я ж и много горечка узнала,
У чужие людюшки выхожу.
Пожелай же ты мне, моя мамочка,
Счастья и добрую до...(лечку)!

Дружки [подруги] *песню жалобно-жалобно грают, а невеста голося. И все люди голосют.*

41. А вот спасибо вам, мои родители

(Рязанск., Унжа/Ока)

Готовую отправиться к венчанию невесту усаживали на полагающееся ей почетное место за столом ожидать жениха со свадебным поездом.

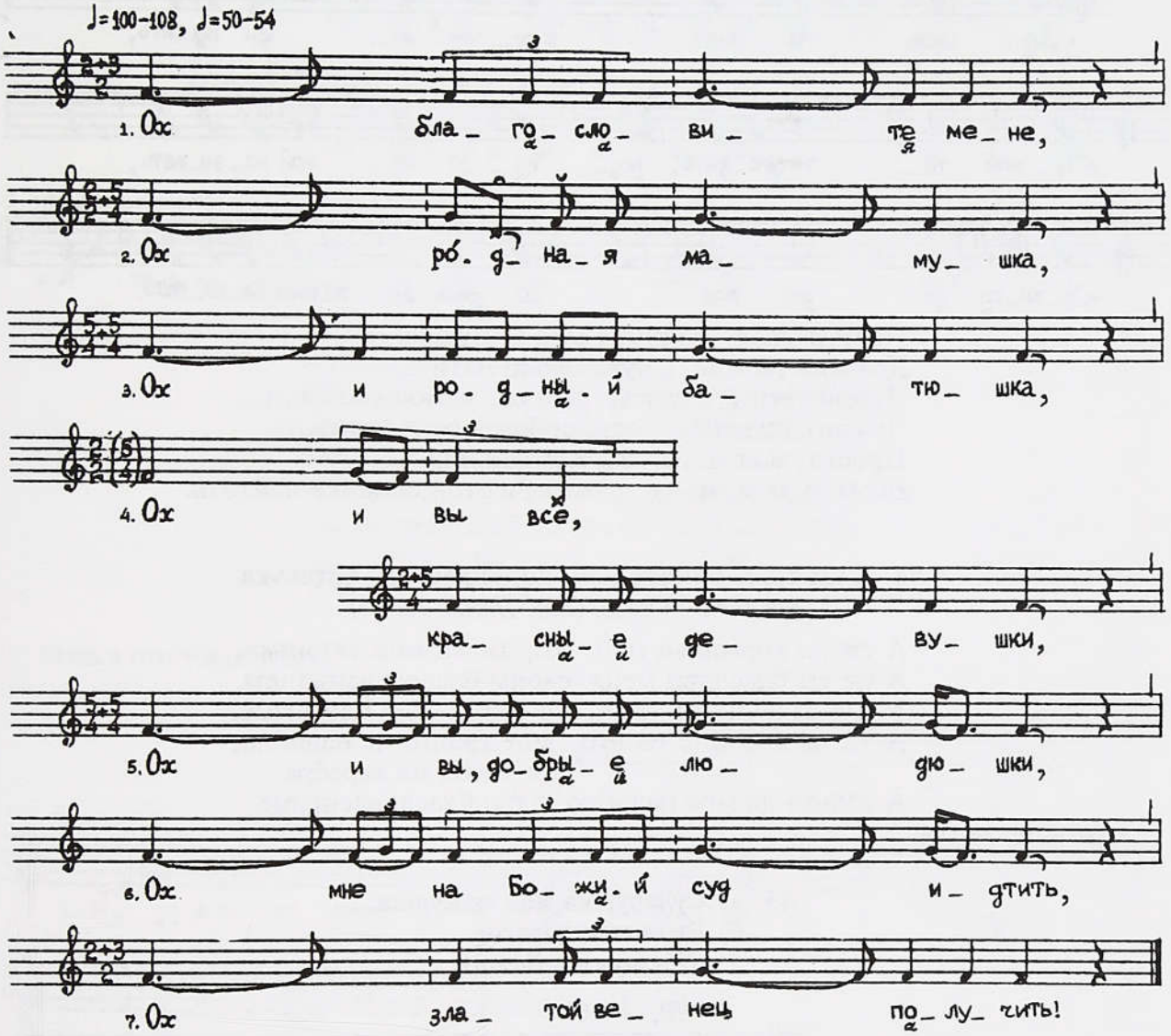


А вот спасибо вам,
Мои родители,
Воскормили меня
И воспоили меня,
Завели меня
За дубовый за стол.
Посадили меня
За дубовый за стол,
Сами сели вы
По конец стола.

НЕВЕСТА СПРАШИВАЕТ БЛАГОСЛОВЕНИЯ

42. Ох благословите мене

(Воронежск., Дон)



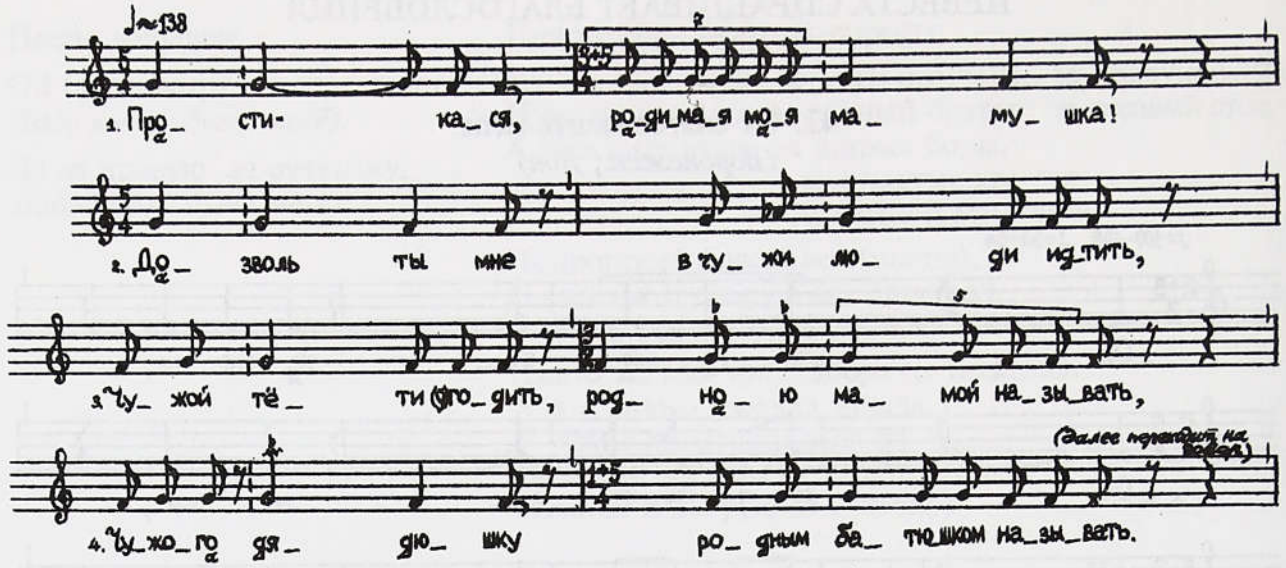
Ох благословите мене,
Ох родная мамушка,
Ох и родный батюшка,
Ох и вы все,
красные девушки,
Ох и вы, добрые людюшки,
Ох мне на Божий суд идтить,
Ох златой венец получить!

Сравните: № 145.

43. Прости-кася, родимая моя мамушка

(Воронежск., Дон)

Дружко вел молодых за рушник к выходу. На пути под матицей им под ноги бросали вывороченную (овчина наружу) шубу. Невеста опускалась на колени и голосила, жених просто стоял рядом.



Прости-кася, родимая моя мамушка!
Дозволь ты мне в чужи люди идтить,
Чужой тети (ў)годить, родною мамой называть,
Чужого дядюшку родным батюшком называть.
Прости, моя мама, за неугоды мои,
Дозволь мне, мама, счастья в этой семейке найтить.

44. А уж ты кормилец мой, кормилец мой тятенька

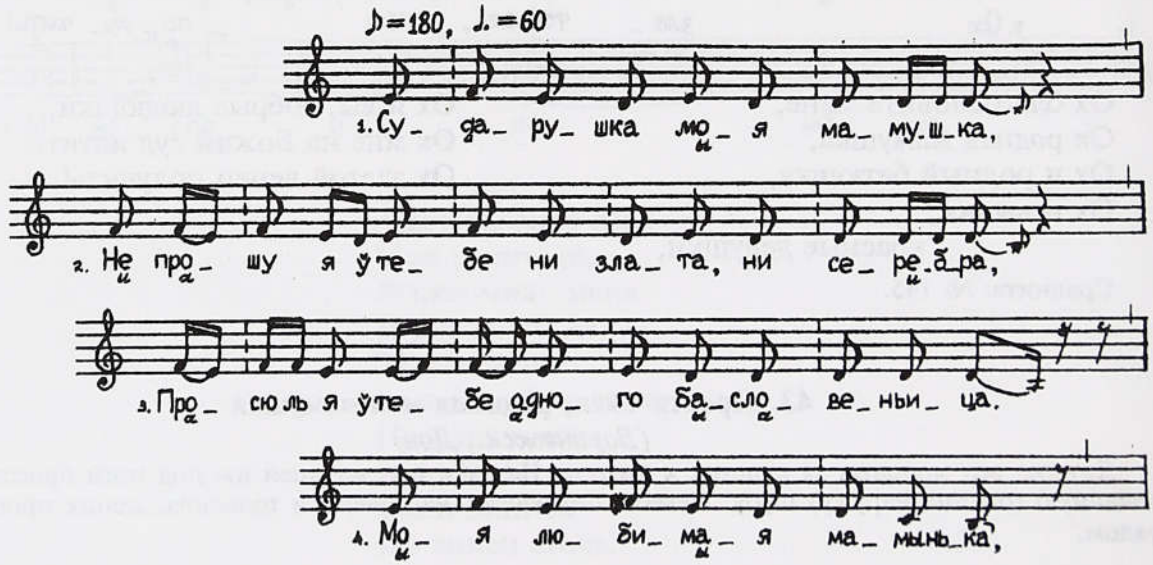
(Рязанск., Унжа/Ока. Напев № 24)

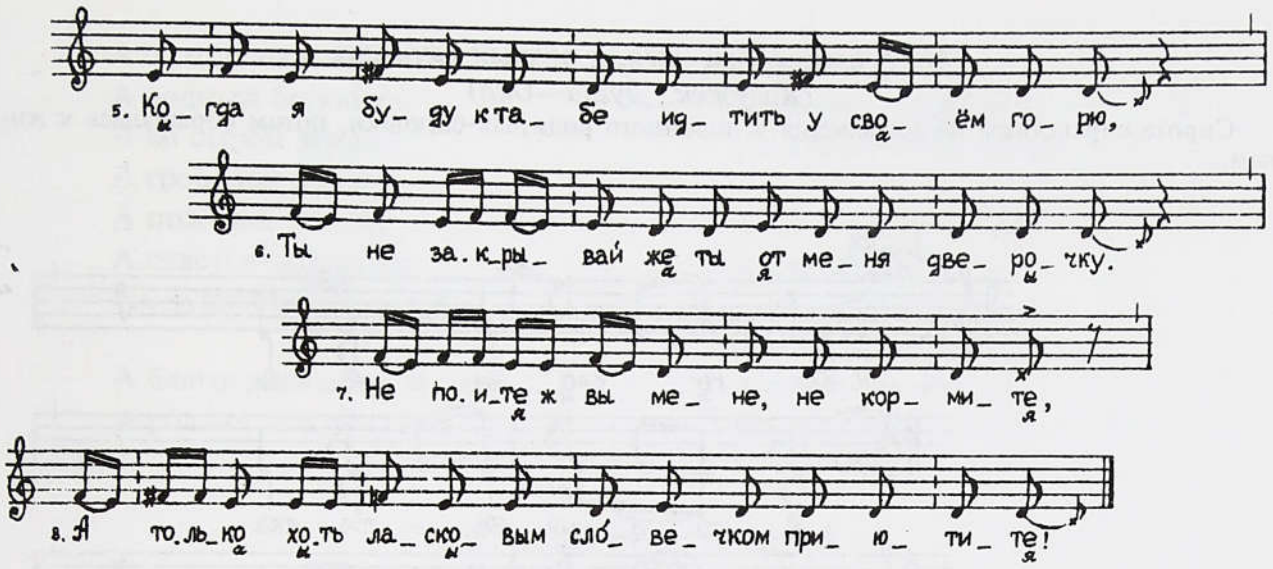
А уж ты кормилец мой, кормилец мой тятенька,
А уж ты бласлови меня своим бласловленьицем,
Меня да во чужи люди, во чужи люди незнамые.
А уж ничего мне твойго, мне твойго не надобно,
ни злата, ни серебра.
А только да мне надобно одно бласловленьице.

Сравните: № 144.

45 а) Сударушка моя мамушка,
б) Дите мое дорогое

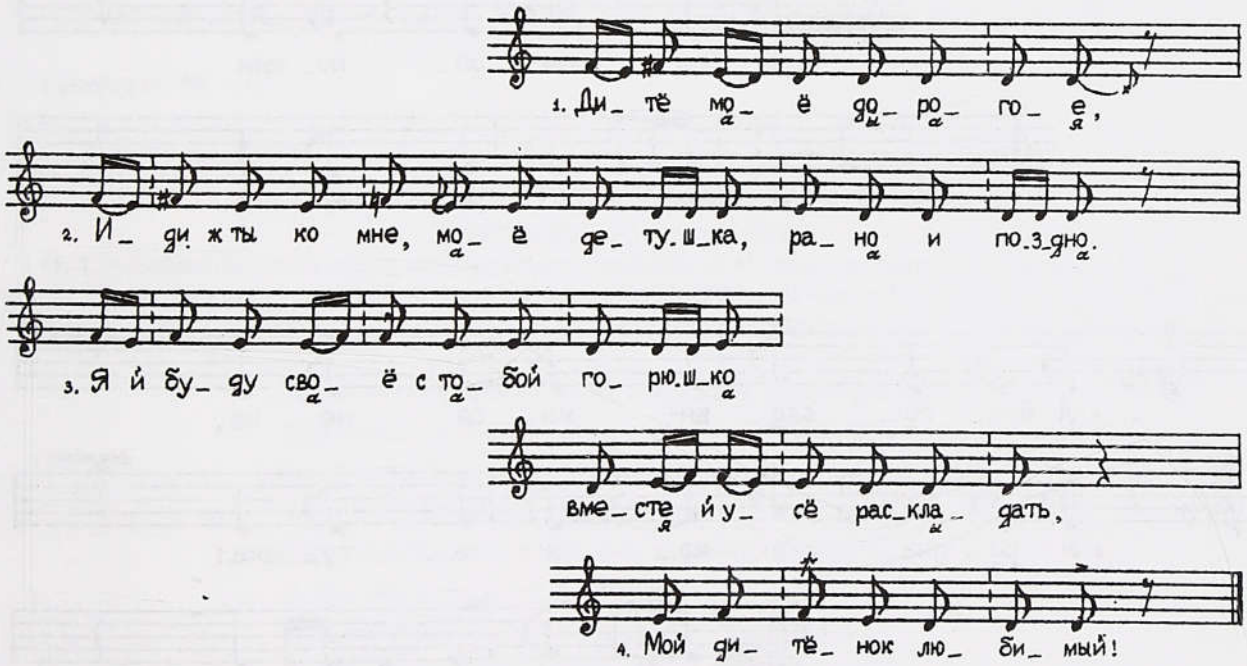
(Калужск., Болва)





Сударушка моя мамушка,
Не прошу ж я ў тебе ни злата, ни серебра,
Просю ль я ў тебе одного басловеньица.
Моя любимая мамынька,
Когда я буду к табе идтить у своем горю,
Ты не закрывай же ты от меня дверочку.
Не поите ж вы мене, не кормите,
А только хоть ласковым словечком приютите!

Мать в ответ причитала:

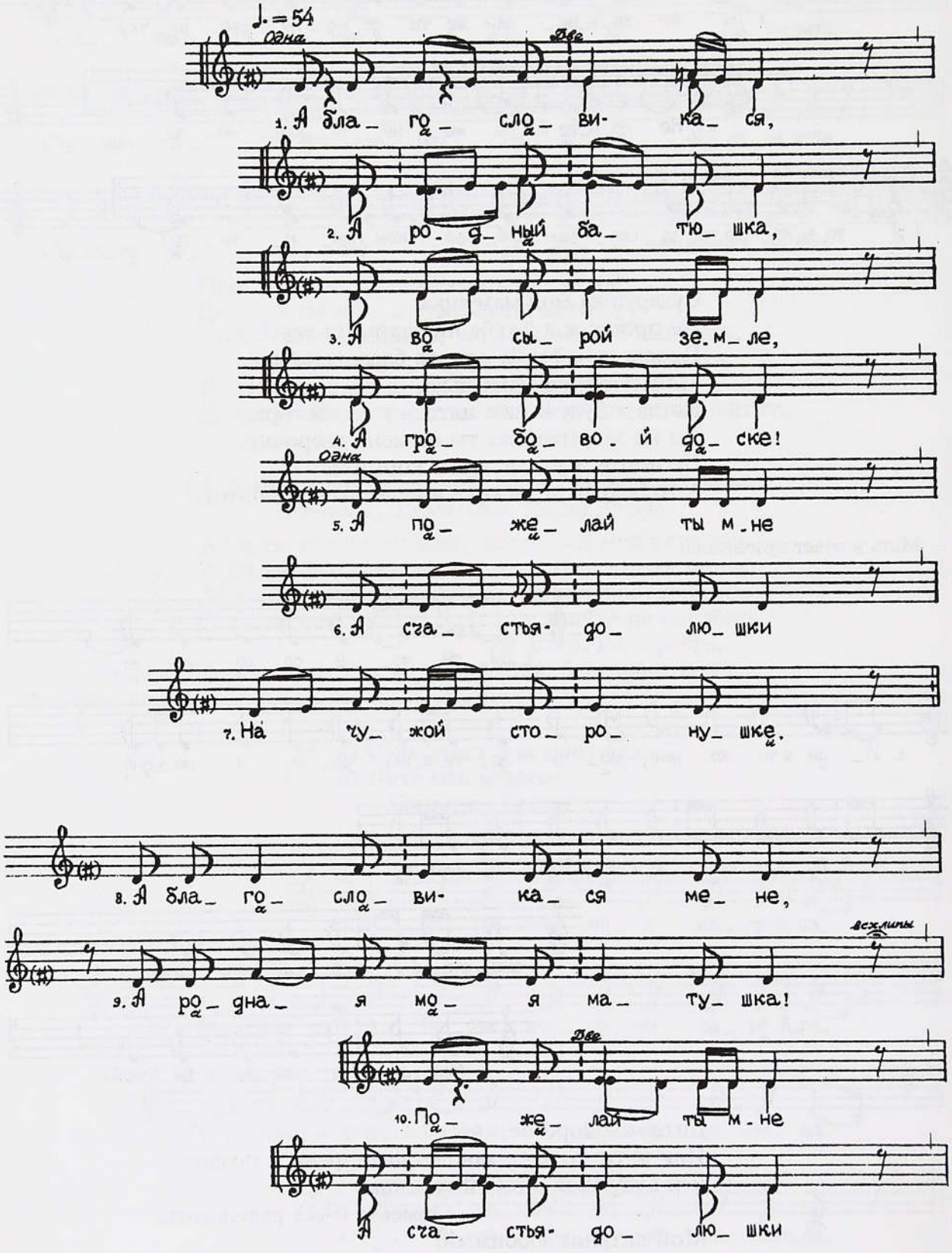


Дите мое дорогое,
Иди ж ты ко мне, мое детушка, рано и поздно.
Я й буду свое с тобой горюшко
вместе й усё раскладать,
Мой дитенок любимый!

46. А благослови-кася, а родный батюшка

(Калужск., Дугна—Ока)

Сирота спрашивала благословения у покойного родителя-батюшки, потом обращалась к живым:



А благослови-кася
А родный батюшка,
А во сырой земле,
А гробовой доске!
А пожелай ты мне
А счастья-долюшки
На чужой сторонушке.

А благослови-кася мене,
А родная моя матушка!
Пожелай ты мне
А счастья-долюшки
На чужой сторонушке.

А благословите мене,
А все сестрицы,
подружуньки,
А пожелайте мне
А счастья-долюшки
На чужой сторонушке.

47. Да вы прощайте, прощайте-ко

(Арх., Вага)

Перед отъездом невеста получала благословение и прощалась с родимой стороной. На поле выносили какую-нибудь подстилку. Невеста становилась на колени и начинала протяжно *ухать* (перед каждым стихом: "У - у - у - ух!") и бить земные поклоны.

Да вы прощайте, прощайте-ко,
Да все поля-то широкие,
Все луга-то зеленые,
Да все крутые угорышки,
Да быстрые реченьки,
Да все милые подруженьки,
Да все соседи да соседушки,
Да все соседски малы детушки!
Да не стоивать мне, не хаживать
Да со милыми подруженьками.
Да не гулять мне, не хаживать
Да по полям-то по широким,
Да по лугам-то по зеленым,
Да больше не кашивать травиночки,
Да не жинать мне волотиночки.

Сравните: № 101.

48. Благослови-кося, мое широкое подворьице

(Калужск., Протва—Ока)

После благословения родителями невесту выводили из дома к телегам, повозкам свадебного поезда. По пути сваха осыпала ее хмелем и мякиной. Невеста становилась на телегу и кланялась всякий раз тому, что (кого) она перечисляла в своем причитании. Провожающие рыдали в голос.

Благослови-кося, мое широкое подворьице,
Благослови-кося, мое южное и северное,
Благослови-кося, мой восток,
Благослови-кося, мой запад,
Благослови-кося на все четыре стороны.
А ты, моя матушка родная,
Вспомнишь мене на зимней сторонушке.
Благослови-кося меня, мои подруженьки,
Теперь я с вами никогда не увижуся
и никогда не приеду.
Заковал меня мой милый друженька,
Заковал меня так сильно,
что я и не вырвусь.

II. ГРУППОВЫЕ И ПЕСЕННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

ПРОСВАТАНЬЕ

(запорученье, рукобитье, сватовы)

49. Уж я выйду, красна девушка

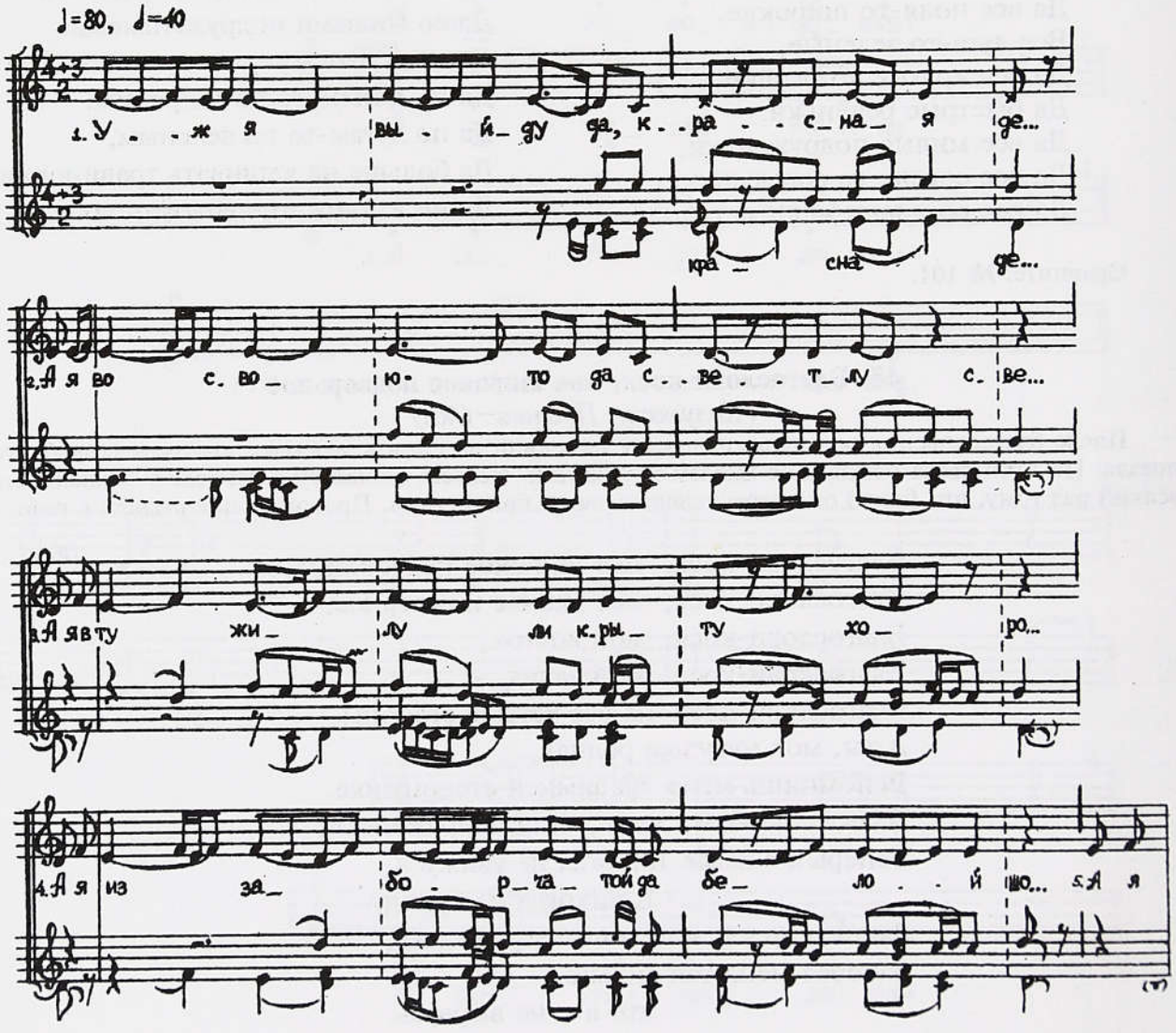
(Арх., Верхняя Мезень)

После сватовства и осмотра имущества по взаимной договоренности сторон сваты и сватьи жениха приходили на *сватовы*. Приглашались и девушки, подруги невесты. Сваха говорила:

Мы за добрым делом пришли.
У вас есть невеста,
У нас есть жених.
Нельзя ли в одно место свести
Да род завести?

Сравните: № 503.

Потом помолятся, сядут чай пить. Невеста заголосит, девушки подхватят:



Уж я выйду *да*, красная де(вушка)[1],
А я во свою-то *да* светлу све(тлицу),
А я в ту жилу ли крыту хоро(минку),
А я из заборчатой *да* белой шо(лныши).
А я во своей-то *да* светлой све(тлице)
А я побью ли низко покло(нушки)
А уж я своему-то *да* красну со(лнышку),
А уж я родителю *да* сударь-ба(тюшке).
А уж ты послушай, мой *да* красно со(лнышко),
А я ж то скажу тебе *да* разоткро(юся):
Уж ты не вставай-ко, мой *да* красно со(лнышко),
А ты на свои ты *да* на ноги ре(звые)
А ты на полы-те *да* на дубо(вые),
А на перекладинки *да* положё(нные).
Уж ты не ходи-тко *да*, красно со(лнышко),
А ты к рукомоечке *да* ко и к ме(дненькой).
А уж ты не мой-ко, мой *да* красно со(лнышко),
А уж ты свои-те *да* руки бе(лые),
А уж ты не три-тко, мой *да* красной со(лнышко),
А ты шитым браным *да* полоте(нечком),
Уж ты не ходи-тко, мой *да* красно со(лнышко),
Уж ты ко кирпичной *да* жаркой пе(чушке),
А не бери-тко, мой *да* красной со(лнышко),
А уж ты пива пьяна *да* вина хмель(ного),
А уж ты не засвечивай *да* свечи са(льные),
Уж ты свечи-то сальны, шнуры бумаж(ные).
А ты не просватывай *да*, красной со(лнышко),
А уж ты меня *да*, красну де(вушку),
А ты во чужи-ти *да* люди до(брые).
А ты постой-ко, мой *да* красной со(лнышко),
А уж подорожи за меня *да* за горю(шицу)!

50. Мне сидеть здесь, не высидеть

(Арх., Каргополье. Вариант напева № 74)

Когда высватают девушку, то отец зажигал свечу перед иконами.

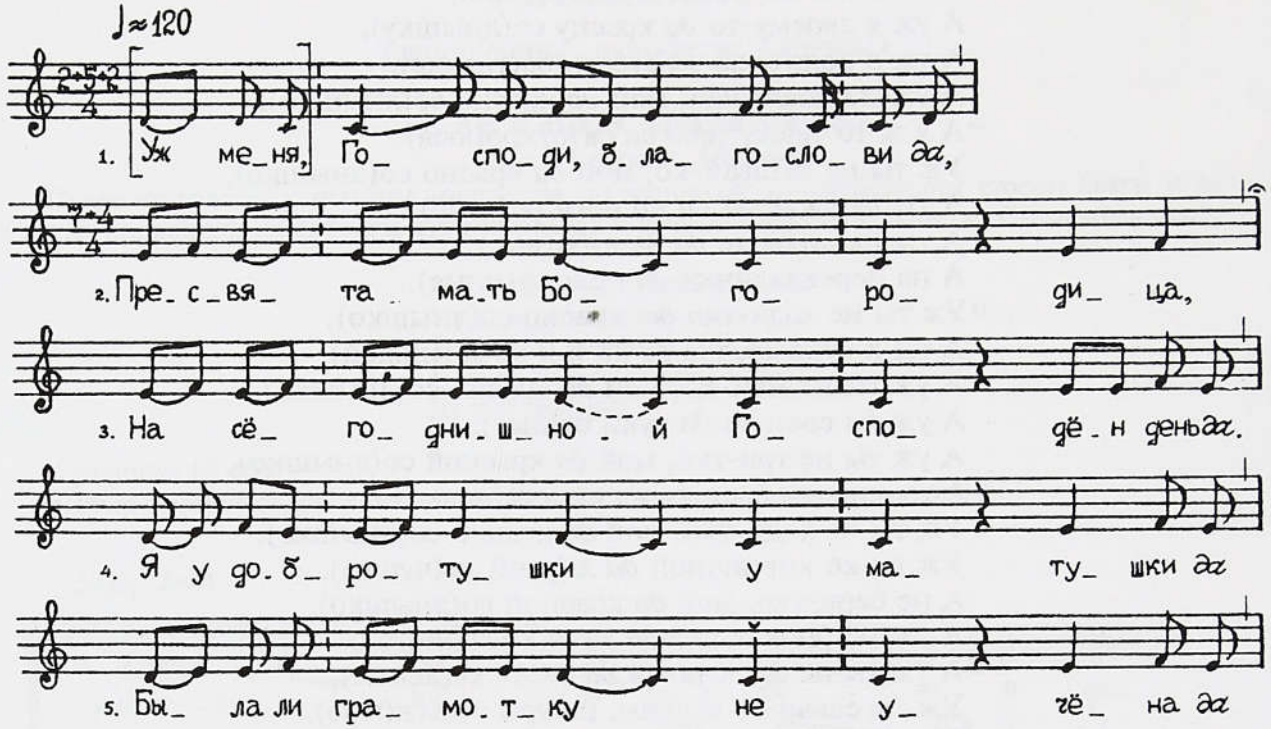
Мне сидеть здесь, не высидеть,
Со стеной думы мне не выдумать,
Стать на резвые на ноженьки,
На сафьяновы сапоженьки,
На гвоздочки на муравчатые,
Подойти бы мне ко столу ко дубовому,
Ко божнице ко кленовой.
Тут горит свеча *да* воска ярого,
Не по дедушке-то поминка,
Не по бабушке-то обединочек,
Тут горит свеча *да* воска ярого
По мне, по красной-то девушке.
Как запоручивают-то мою буйную головушку!
Подойти бы мне ко родителю ко батюшке:
"Не запоручивай мою буйную головушку
На чужую на дальнюю сторонушку!
На чужой-то на дальней сторонушке
Печет солнышко на задворках,
Течет реченька на запольках".

[1] В скобки заключено послеударное окончание каждого стиха, которое в условиях напевного причитывания не произносится вовсе или выдыхается шепотом.

51. Уж меня, Господи, благослови

(Карельск., Пудожье)

По обычаю, когда приходили сваты, родители невесты брали горячие угли из жаратки, чтобы просватание было удачным. В причитание, связанное с просватанием, часто включалось обращение к печи.



Уж меня, Господи, благослови *да,*
Пресвята мать Богородица,
На сёгоднишной Господён день *да.*
Я у добротушки у матушки *да*
Была ли грамотку не учёна *да,*
Было в церковь редко хожёно *да,*
Во Псалтырь-книгу не гляжёно, *дак*
Не умию, красна девушка *да,*
Говорить да я по-книжному *да,*
Прицитать да по-умильному.
Видно, надоть пристыдитиси *да,*
Принародно прослезитиси *да.*
Пропустите, люди добрые *да,*
Пропустите, православные *да,*
Мужской полк да на праву руку, *а*
Женской полк да на леву руку *да,*
Старички, седьти по лавочкам,
А старушки по скамеёчкам, *а*
Плясуны да на новы сени *да.*
Дайте местечка немножечко *да,*
Хоть одну да мостовиинку, *а*
С мостовинки половиночку, *а*
С половинки четвертиночку *да,*
Мне не в саночках катитиси *да,*
Не с дровнями воротитиси *да.*
Мне пройти да, красной девушке *да,*
Ко кирпичной белой печеньке *да,*
Ко муравчату жараточку *да*:
“Ты скажи, кирпична печенька *да,*
Ты, муравчатой жараточёк *да,*
Кто огню был выдувателём, *а*
Кто лученки подавателём, *а*
Кто свечи да зажига(телем)?”
У добротушки у матушки *да*
Глинкой печка призамазана *да,*
Печке строго призаказано *да,*
Как не скажет мне-ка, девушке *да,*
Кто огню был выдувателём, *а*
Кто ж лученки подавателём, *а*
Кто свечи да зажигателём *да.*
Сама знаю, сама ведаю *да*:
Выдувала огонь матушка *да,*
Подавал лученку братёлко *да,*
Зажигал да свечку батюшко.

ПРОБУЖДЕНИЕ

52. Вставайте, милые подружки любовные

(Арх., Онежское Поморье. Вариант напева № 64)

За два дня до брака у невесты оставались ночевать подруги. Наступало первое свадебное утро (венчание — на следующий день). В избу являлись жениховы дружки и будили невесту приговором:

Княгиня молода,
Встань, пробудись от крепкого сна!
На крестьянских дворах петухи поют,
На боярских соловьи свищут,
Спать не дают.

Невеста поднималась и начинала первое утреннее причитание. По местной традиции, свадебные причитания обычно исполнялись тремя девушками, ведь с невестой все это время были неразлучны две подруги-*подручницы*. Невеста одна и шагу не ступала.

Вставайте, милые под(ружки любовные)[1].
Сегодня да по се(годняшнему)
Налетели черные гра(чи и вороны)
Во родительское тепло(витое гнездышко),
Убуждают меня, куколку ко(сату голубушку),
От крепкого сна [беспечального].
Сёгодня-то по се(годняшнему)
Убудили куколку ко(сату голубушку)
Эти чужи млады я(сны соколы).
Послушайте, желанны ро(дители),
Каку дали вольну (волюшку)
[Чужим младым] ясным (соколам)?
Видно, надоело да на(скучило)
Убуждать куколку ко(сату голубушку)?
Как вам, милые под(ружки любовные),
Спалося, что в снах вам (снилося)?
Расскажу лучше сама, (куколка косата голубушка),
Свои крепкие сны [беспечальные].
Малым-мало мне спа(лось),
Много ли во снах (виделось):
Вместо мягкой пе(рины пуховой)
Было все пеньё да ко(реньё),
Вместо крутого сго(ловья)
Был серый-то камешек,
Вместо теплого оде(яла)
Сверху бурюшка-по(года великая).
Видела куколка ко(сата голубушка):
Стоит тихонько при(глубое озеро),
В этом тихоньком при(глубом озере)
Плавают маленькие серо(плавные уточки),
У всех-то сероплавных (уточек)
На зобе сложено ле(гкое перьё).
Ох я глупая да нера(зумная),
Это не серые водоп(лавные уточки) —
Вы, мои милые по(дружки любовные).
У вас убраны тонкие-то (буйны волосы),
Заплетены русые-то (косы красовые),
Вплетены семишёлковые (ленточки).
У меня, у куколки ко(сатой голубушки),
Распустят тонкие-то (буйны волосы)...

Сравните: № 92.

В это время невесту начинали готовить к свадебной девичьей бане, расплетали косу (см. № 59, 60).

53. Выставай, моя голубушка

(Арх., Каргополье. Вариант напева № 74)

Выставай, моя голубушка,
Да душа да красна девица.
Пора вставать да пробуждатися:
По дворам петушки поют,
По избушкам печки топятся,
По прилубам Богу молятся.
Я была, моя голубушка,
У твово да чужа чуженца,
Я там выглядела, бедненька:
У твово у чужа чуженца
Во большом углу на лавочке
Сидит змея да со змеятами,
Во печном углу да на лавочке
Сидит змея да со дитятами,
Середина — орел *да* птица камская,
У него да когти вострые.

[1] Заключенное в круглые скобки окончание каждого стиха в напевном исполнении не произносится, лишь подразумевается.

Расскажу тебе, голубушка:
Там не змея да со змеятами, *а*
У тебя свекор со деверьями, *а*
Как в печном углу на лавочке,
Там не змея со дитятами —
Там свекровь со золовками, *а*
Как середи белой лавочки, *так*
Там не орел да птица камская,
А твоя да лада милая.
Захватил тебя он, бедную,
Во свои да когти белые.
Забывай-ка, моя голубушка,
Про своих про красных девушек,
Приставай-ка, моя голубушка *да*,
Молодым да ко молодушкам *да*,
Ко окрученным да головушкам *да*.
Ты живи да потихонечку *да*,
Говори да помаленечку.
На чужой-ка на сторонушке
Надо жить да потихонечку,
Говорить да помаленечку,
Жить пониже муравой травы,
А потише ключевой воды.

Сравните: № 209.

Невесте с девушками предстояла на весь день *гостебка* в домах ее родичей, она заходила также и к своим подругам. В каждом доме девушек сажали за стол и угощали (№ 91). Гостебка продолжалась два дня. На третий же день либо к вечеру, либо поутру — девичья баня и прощание с родительским домом и с близкими.

54. Вы вставайте, мои голубоньки

(Костромск., Поветлужье)

Вы вставайте, мои голубоньки,
Со мягкие со постелюшки,
Со высокого сголовьица.
Вы скажите, мои голубоньки,
Вам спалось ли ночку темную?
Уж как мне-то, молодешеньке,
Не спалось да ночку темную.
Чуть маленько позабылася,
Много снов во сне навидела.
Уж я первый сон увидела:
Ходила будто я, молодешенька,
Во зеленый сад погуляти,
Алых цветиков пощупати.
Все стоят цветы алешеньки,
Веселы да веселешеньки.
Что один же цвет повял-поблек,
Он повесил буйну голову
Ко матушке *да* ко сырой земле.
Уж как эти алы цветики —
Это вы, мои голубушки,
Нарядны вы, наряднешеньки,
Веселы да веселешеньки.
Уж как этот же поблекший цвет —
Это я да молодёшенька,
Буйну голову повесила
Ко матушке ко сырой земле.
Вы скажите, мои подруженьки,
Еще чем вы умывалися,
Еще чем да утиралися?
Умывались ключевой водой,
Утирались полотенчиком.
Уж как я да молодешенька
Умывалась горячьми слезми,
Утиралася рукавышком.

55. Да я спала-то, просыпалася

(Арх., Вага)

Да я спала-то, просыпалася *да*
На сегодняшний Божий денечек *да*,
От родимого-то батюшки *да*
От родимой-то матушки
Да пробуду-то дожидалася.
Я ждала — не дождалася *да*,
Уж я стала ранешенько *да*,
Снаряжалась скорешенько.
Да вышла я, девушка,
Из горенки-то новою
На серёду полу тесового *да*.
Мой родимый-то батюшка *да*
Сидит на брусовой лавочке,
А родима-то матушка *да*
Стоит она у печи у кирпичноей *да*,
У столба горемычного *да*.
Со родимой-то мамушкой *да*
Они говорят-то, сговариваются *да*:
"Мы откажем родному дитятке *да*
На сегодняшний Божий денечек
Да от милых-то подруженек,
Да от хлеба да от соли" *да*.

Попросила я, девушка *да*,
У родимого батюшка
Рукомоечки медные *да*.
Мне ответил родимый батюшка *да*:
"Ищо в город не езжено *да*,
Рукомоечек не куплено *да*,
Про тебя не излажено" *да*.
Попросила я, девушка,
У родимой-то сестрицы *да*
Ключевой воды холодною *да*.
Мне сказала, ответила
Да родимая сестрица:
"На ключ по воду не хожено *да*,
Про тебя не излажено" *да*.
Попросила я, девушка,
У родимого братенка
Дорогого мыла белого *да*.
Мне сказал родимый братенка *да*:
"В Кострóм-город не езжено *да*,
Мыла белого не приважено *да*,
Про тебя не излажено" *да*.
Попросила я, девушка *да*,
У родимой-то мамушки *да*
Тонка бела полотенышка *да*.
Мне сказала, ответила
Да родима-то мамушка:
"Да ткано — да не дóткано,
Белено — не добелено *да*,
Про тебя не излажено" *да*.
На сегодняшний Божий денечек *да*
Я слезами умывалася *да*
Рукавами да утираласе.

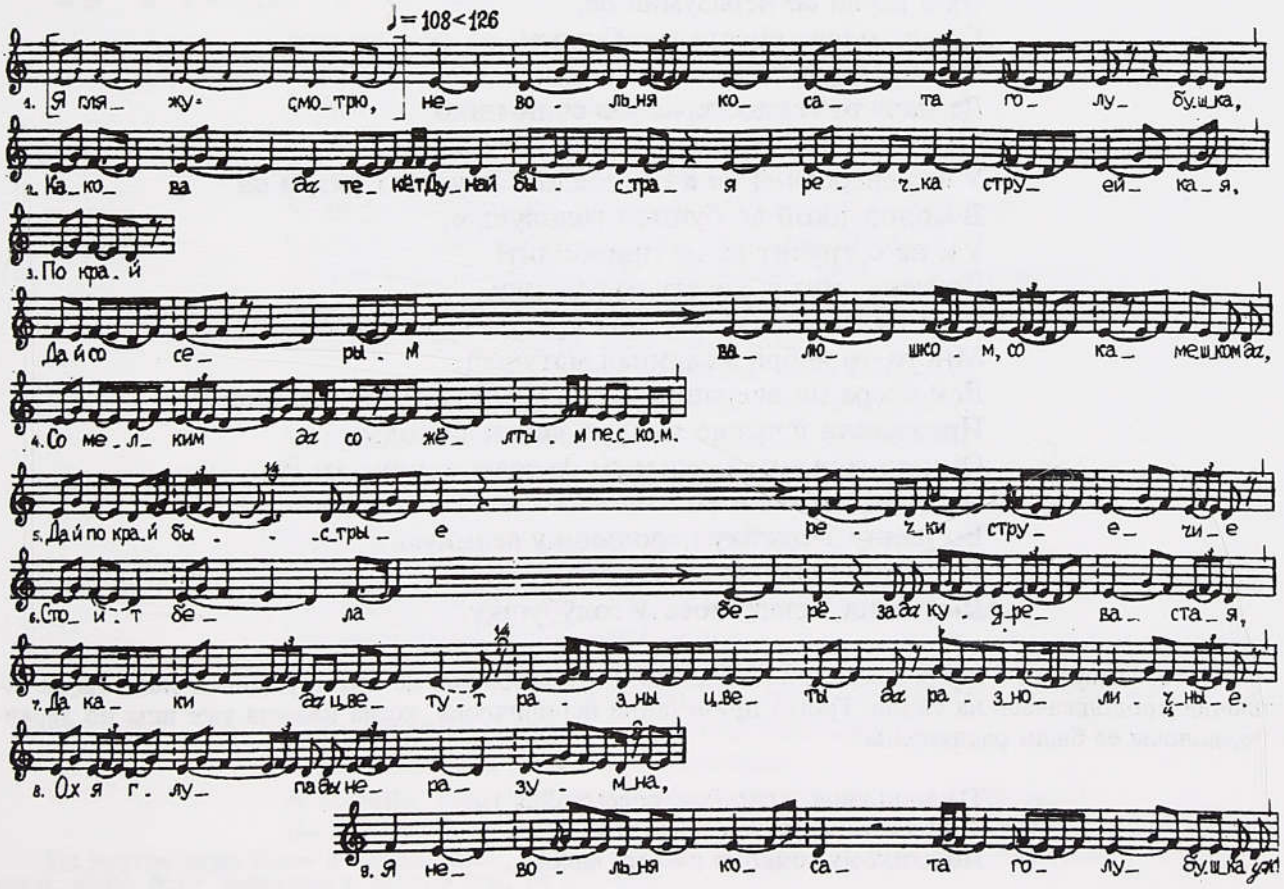
ЗАПЛАЧКА НА ЗАРЕ

56. [Я гляжу-смотрю,] невольня косата голубушка
(Карельск., Беломорье)

Иногда почти сразу же после запоручивания (рукобитья), но обычно часа через три-четыре, когда невеста немного отдохнет, под утро начиналась *заплачка*. Причитания исполняли приглашенные в дом невесты плакальщицы, если невеста знала напев и слова, тогда она подтягивала "тонким" голосом (в головном регистре). Зачин носил заклинательный характер:

Благослови-ко, Господи, Спас да пресвятая Богородица,
Попустить да мне свой тонкой, молодой *ды* незычён голос...

А следующее, второе причитание было обращено к матери, которая в это время подходила к сидящей у печи невесте, обнимала ее и плакала вместе с ней.



[Я гляжу-смотрю,] невольня косата голубушка,
Какова *да* текет Дунай быстрая речка струейкая,
По край
Да й со серым валюшком, со камешком *да*,
Со мелким *да* со желтым песком.
Да й по край быстрые речки струечие
Стоит бела береза *да* кудревастая,
Да каки *да* цветут разны цветы *да* разноличные.
Ох я глупа *ды* неразумна,
Я невольня косата голубушка *уж*!
Не Дунай *да* текет речка струейкая
Тут не со серым валючим со камешком —
Тут сидит *да* моя-то красна красиворка,
Много-то добра желанная матушка.
Уж как она сидит *да* топерь на белой брусовой на лавочке,
Понизку *да* держит буйну матёру головушку,
Потупя *да* свои-то ясные очи слезливые,
Ронит горькие слезы горючие
Да и во пол да серёду *да* в зень дубовую.
Тебя кто так согрубил *да* приобидел,
Ты моя красна красиворка,
Многодобра желанная матушка ль?
Таки ль тебе согрубила *да* приобидела
Твоя-то млада венчальня голубушка?
Мой родимой тот ласковой батюшко
Да что угрубными словами *да* неприятныма?
Ох я глупа *да* неразумна *да,*
Я ведь млада косата голубушка!
Уж не согрубит *да* не приобидит
Да наш-то теплое красное солнышко,
Многодоброй желанный наш батюшко.
У его сверстной *да й* постоялой *да* ум тот разум *да*
В молодецкой во буйной головушке,
Уж не согрубит да не приобидит!
Да меня, младу косату голубушку,
Да й ты послушай-ко, моя красна красиворка,
Много-то добра желанная матушка.
Дак вчера по вчерашнёму-ту, ранному утру утрённёму
Приходили *д* чужие младые ясные соколы,
Они со горьким хмельным *да* зеленым вином *да*,
Запоручили меня *да*
Во ранну злодейку неволюшку великую.
Да того, видно, ты сожалела
Д[а] меня, младу косату голубушку.

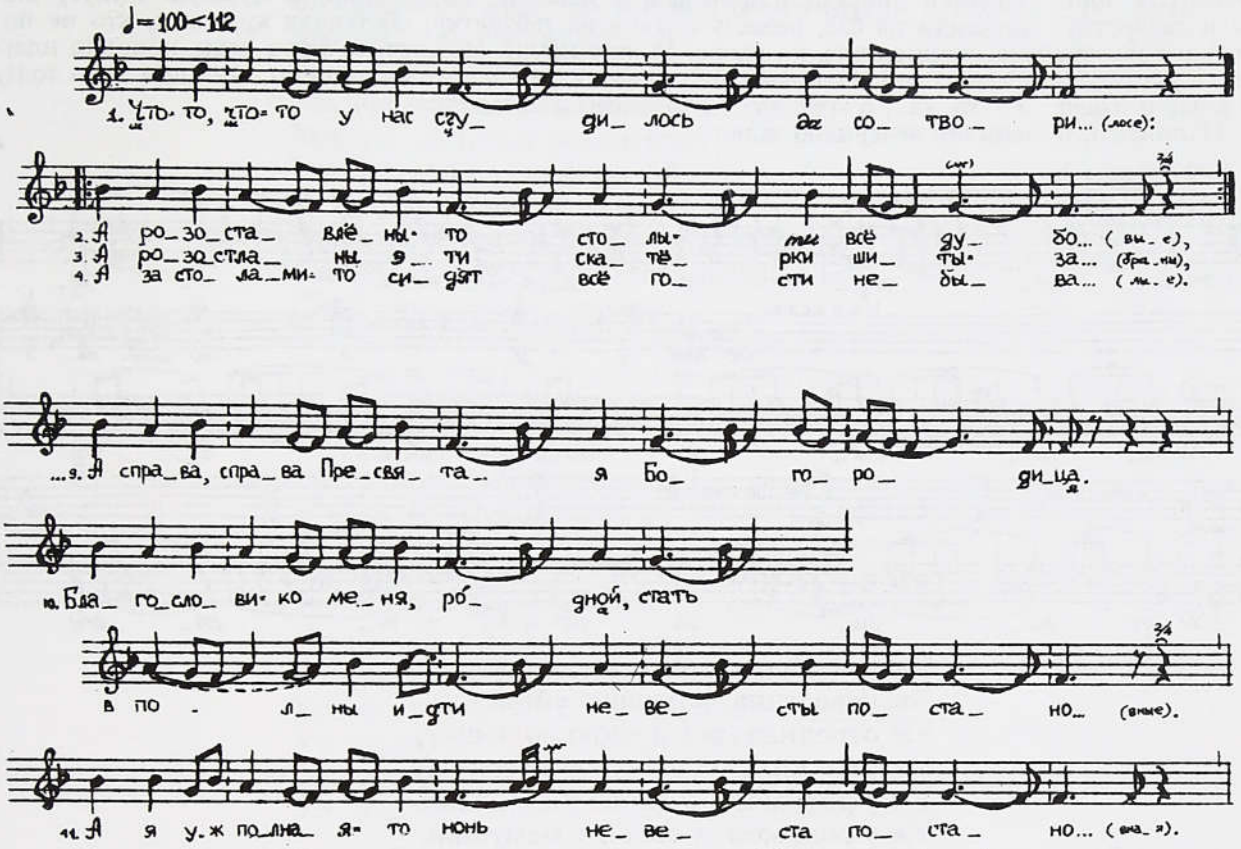
Потом девушки в сопровождении плакальщиц отправлялись на обход родичей невесты, и заплачка продолжалась на улице. Третье причитание исполнялось, когда невеста уже шла по деревне, волосы ее были распущены:

Ты ходи, моя, красуйся, россыпайся ты,
Моя-та тонка коса красовитая,
По единому тонкому русому волосу...

57. Что-то у нас счудилось да сотворилося

(Арх., Поонежье)

После запоручения на первое свадебное утро родители невесты приглашали старушку попричитать. Невеста сидела среди подруг у печи, в левом углу избы. После причитания она с девушками целый день совершала обход родственников.



Что-то, что-то у нас счудилось *да* сотвори(лосе):
А розоставлены-то столы-*ти* всё дубо(вые),
А розостл*а*ны эти скатёрки шиты-за(браны),
А за столами-то сидят всё гости *да* небыва(лые)
А со кумами-то, со подружками люби(мыми).
А вы вставайте-ко, кумы-подруженьки люби(мые),
Скрозь туман вижу я, душа красная де(вушка):
Стоит милой-от родной, любимой мой да й ба(тюшко),
А справа, справа — Пресвятая Богородица.
Благослови-ко меня, родной, стать
в полны идти невесты постано(вные).
А я уж полная-то нонь невеста постано(вная)!
Благослови-ко меня, мама, родная ду(шенька),
А я — стань полная-та невеста постано(вная)!
Подойди ко мне, еще милый мой да бра(телек),
Благослови-ко меня, душу красну де(вушку),
Стать во полные невесты постано(вные).
Подойди-ко ко мне, душа невестка приведе(нная),
Приведенная, жить научённая,
Научи-ко ты меня, как мне жить
с родителями с богодан(ными).
А вы ступайте, кумы-подружки люби(мые),
А нагостиласи у родного батюшка,
А больше век мне под этим окошечком не си(живать)
Да вы пойдемте-ко нонь в любимую во го(стёбку).

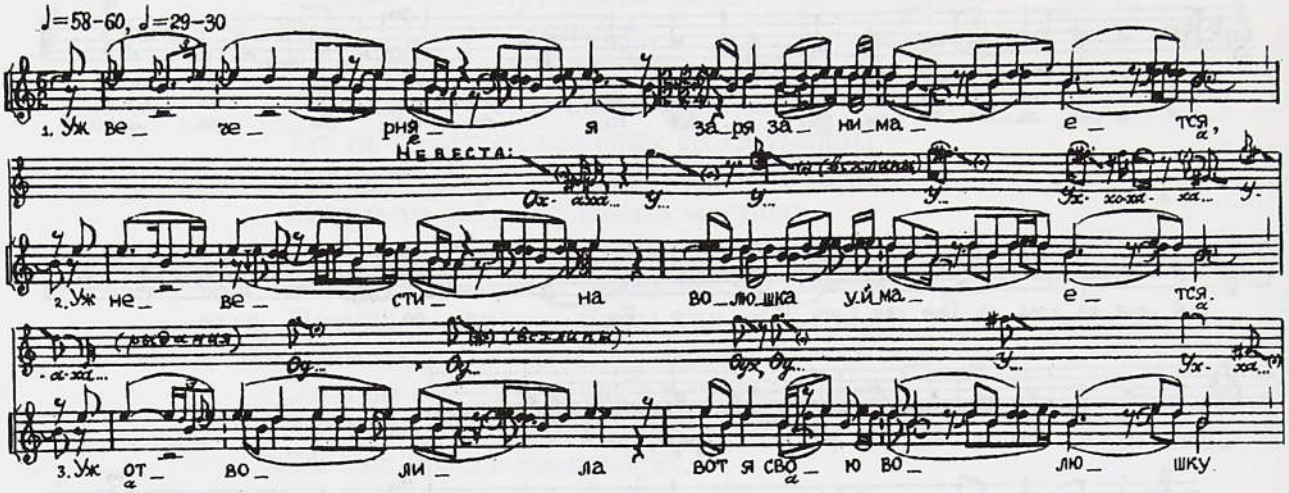
На другое утро была девичья баня. Потом невеста сидела в углу, к ней подходили прощаться отец, мать, брат, невестка и другие (см. № 87—89).

58. Уж вечерняя заря занимается

(Волгоградск., Бузулук)

Свадьба назначалась на воскресенье. Всю предшествующую неделю начиная с утра в понедельник пятеро-шестеро подруг невесты *обкричивали зори* — по шесть утренних и вечерних, всего двенадцать зорь. Девушки дневали и ночевали у невесты, шили убор. В нужную минуту они брали табуретку, выходили на баз, невесту сажали на табуретку, обступали кружком, кто не поместился на крыльце, становились на дворе. И причитали. Невеста по глаза была покрыта платком, в руках держала носовой платочек, им утирала слезы и закрывала лицо. Она при этом только *ухала* и *охала*: "У - ха, ха.., о - ха, хо..." *Похудает за неделю!*

Например, провожали вечернюю зарю:



Уж вечерняя заря занимается,
Уж невестина волюшка уймается.
Уж отволила вот я свою волюшку,
Уж отнежила вот я свою нежуньку
Уж у родимого у своево у батюшки,
Уж у родимой у своей у мамушки.

См. № 103.

ДО БАНИ. РАСПЛЕТАНИЕ КОСЫ

59. Что-то удивляюся я, глупая

(Арх., Онежское Поморье. Напев № 64)

Перед тем как расплести косу и вести невесту из избы в баню, ей примеряли праздничную дорогую перевязку — головной убор, символ девичьей воли.

Что-то удивляюся я, глу(пая),
Сёгодни-то по се(годняшнему денечку),
Что убуждают-то меня, глу(пу сизу голубушку),
От заманного крепкого (сна беспечального)
Сёгодня-то, по се(годняшнему денечку).
Ой ты желанная да (ласковая матушка),
Да ласкотница ты мо(я доброхотница)!
Летит белая-то (лебедь),
Уж под правым крылышком
Несет лебединое пе(ро),
А под левым — гусиное.
Уж летит это не (лебедь белая),
А то ласкотница-то моя (желанная).
Уж под правой-то (рукой)
Несет-то хорошу-то (любу)
Расшивную пере(вязочку),
А под левым (крылышком) —

Да вольные семи(шелковые ленточки).
Где же взяла ты, мо(я желанная ласкотница),
Да ты хорошу ту (любу расшивну перевязочку)?
Ой была замкнута (люба расшивна перевязочка)
Во хорошенький-то о(кованный сундук),
Были брошены (кл*ю*чи-то)
В зеленую да ма(ленькую пролубку).
Уж послала моя же(ланная матушка)
Милую сестрицу ро(димую).
Уж достала из ма(ленькой)
[Из] зеленой про(лубочки),
Уж достала-то хо(рошенькие ключи),
Уж отомкнула тот хо(рошенький),
[Тот] окованный ящичек.
Не одену-то я, глу(па сиза голубушка),
Хорош*о*й-то любы ра(сшивной перевязочки).
Нонче зимушка зим(на и холодная),
Уж не кукует-то ку(кушка серая)
Во темном во сы(ром бору),
Только кукую-то я, глу(па сиза голубушка),
Да сегодни-то по се(годняшнему денечку).
Не носят-то мои по(дружки любовные)
Хорошей расшивной (любы перевязочки).
Уж как пропивают-то меня, (глупу сизу голубушку),
Во чужое-то витое (теплое гнездышко)
Уж из своего-то те(пл*а* витого гнездышка).
Уж приходится одеть-то (мне),
[Мне-ка,] глупой сизой го(лубушке),
Уж хорошу-то любу ра(сшивну перевязочку).

60. Не примайся ты, моя крестова божатушка

(Арх., Онежское Поморье. Напев см.в Примеч.)

Девушки и мать принимались готовить невесту к банному обряду, расчесывали ей волосы, одевали ее. Расплетала косу *божатка* — крестная мать невесты (или замужняя подруга, по обряду берущая на себя обязанности крестной). Однако еще до этого подруги долго спутывали невестины волосы, вплетали в косу булавки, колючки, обрывки веревок и т.д.

Не примайся ты, моя кре(стова божатушка),
За мою-то да частоп(лёт-косу русую).
Как мою-то частоплёт-ко(су-то б*о*льшую)
Уж чесали милы по(дружки полюбовные),
Да (о)ни плели-то частоп(лёт-косу русую).
Как зачесала-то мила по(дружка полюбовная),
Заплела-то мою часто(плёт-косу русую):
По кор*е*нь моей часто(плёт-косы русой)
Вплела три-то-девять но(жёв и сабли вострыя),
Посередь моей часто(плёт-косы русой)
Заплела три-то-девять (булав).
Дак уж не примайся, моя кре(стова воспреемна божатушка)!
По конец моей часто(плёт-косы русой)
Завязала три-то-де(вять узлов).
Дак ведь тебе не роспле(сти, моя крестова божатушка)!
Ведь не росплести моей кре(стовой божатушке):
Она и обрежет-то (ручки белые),
Она и уколет-то (ручки белые),
Не трудница-то она да не ра(ботница будет).

61. Расплетись, коса русая сторублевая

(Арх., Мехреньга. Напев № 100)

Невеста прощалась с девичьей волей. Символом "воли" являлся девичий головной убор — повязка. Когда с невесты снимали девичью повязку и расплетали косу, то причитали:

Расплетись, коса русая сторублевая,
По единому светлорусому волосу.
Схороню я волю[-приволю] великую
Я во темные глубокие погребы.
Тут подумаю умом своим разумом:
Тут-то ей не место, не местечко *уж*,
Забусеет отволье-приволье великое *уж*.
Оверну я волю-приволю великую
Я хорошей да водоплавной да уточкой,
Пущу по матушке Дунай-речке быстроей,
Пусть-то плавает она и красуется.
Тут подумаю умом своим разумом:
Тут-то ей не место, не местечко.
Пойдут злые ворога ненавистные,
Застрелят волю да приволю да великую,
Унесут во чужое тепловитое гнездышко.
Откажу лучше я волю-приволю великую
Своей милой сестрице да двоюродной:
Носи ты волюшку да приволю да великую.

На последних словах невеста передавала свою повязку младшей, незамужней сестре (здесь — двоюродной).

Сравните: № 256.

62 а) [Ох]ти мнечушко, тошнёхунько,
б) Налетели птицы-пташицы,
в) Подойди-ткосе, моя подружочка

(Арх., Вашка—Мезень. Вариант напева № 85, 99)

Свадебным угром девушки готовили невесту к бане. В своем причитании они от лица невесты *выплакивали* первые просьбы: одним, чтобы топили баню и воды наносили, другим, чтобы расплетали косу. Однако, как только подруги подсаживались к невесте, она не позволяла им расплетать косу до тех пор, пока не исполнена следующая *плакса* с обращением к невестиному брату:

[Ох]ти мнечушко, тошнёхунько!
А я кругом только *да* на й околицу,
А я одному да только наособицу,
А я родимому-то брателку:
А назову только тебя по имени,
А вознесу сполна *да* по й отечеству,
Олёксандр только *да* сын Исакович!
А уж ты сделай-ко *да* послушаньицо
И мне велико *да* уваженьицо.
И ты сходи-косе *да*, родной братёлко,
И ты во лавочку *да* во торговую,
И накупи-ткосе *да*, родной братёлко,
И ты иголочёк только булавочек,
И не пятками ты *да* не десятками,
А уж ты целыма только бумажками.

И я натычу *да,* лебедь белая,
И во природну *да* трубчату косу,
И я во кажну *да* переплётинку.
И как налетят *да* птицы-пташицы,
И как набежат *да* белы лебеди
А на природну *да* трубчату косу,
А набежат только *да* белы лебеди —
Они утычут *да* руки белыя.
И я останусь ли, бывat, лебедь белая,
И со своей только *да* трубчатой косой
И со своима *да* лентами алыма,
И я во девьих *да* во последних же,
И я девицею *да* младокрасною,
И я по-старому, бывat, по-прежному.

Брат приносил булавки. Невеста *потычет и колет, чтобы не расплетали.* Сначала подходила мать, останавливала девушек. Мать уйдет, тогда сестра защищала невесту. Да и сама невеста вела себя активно, отпихивала девушек, а косу накручивала вокруг пальца, на руку, чтобы не досталась девушкам.

Ти мнечушко, скажу, тошнёхунько!
Налетели *да* птицы-пташицы,
Набежали *да* белы лебеди.
Растрепают *да* трубчату косу!
И подойди-ткосе, моя желанная,
Отгони-ко *да* белых лебедей.
Подойди-ткосе, моя сестриченька,
Помоги-ткосе, моя голубушка,
Отогнать ли *да* белых лебедей.

Потом происходила раздача лент, выплетенных из невестиной косы. Каждой девушке пелось:

Подойди-ткосе, моя подружочка.
А ты носи-ткосе, моя подружочка,
И дороги только *да* ленты алыя.
И ты ко ступы да надень, ко жернову
И ко хлеву только *да* благодатному,
Ко скоту только *да* бласловлённому[1],
И не жалей-косе, моя подружочка.

Раз хоть десять, хоть двадцать можно подзывать. Вот подружкам всем отдала.

63. Уж и милые вы, вы мои подружки

(Волгоградск., Бузулук. Напев № 58)

Подруги ночевали у невесты. В первое свадебное утро (вечером — *вечерина,* а венчание — завтра) старшая родственница расплетала невестину косу, невеста сопротивлялась, девушки в это время *обкричивали* косу и выплетенную из косы ленту.

Уж и милые вы, вы мои подружки,
Уж вы подружки вы, вы мои любезные,
Уж не расплетайте мою косу русую,
Уж не развевайте мою ленду алую!
Уж мою косушку — ее лют мороз побил,
Уж мою русую — ее белый снег покрыл,
Уж ленду алую — ее молоньёй сожгло.

[1] «Когда выходили замуж, то благословляли коров, поля, пожни» (пояснение исп.).

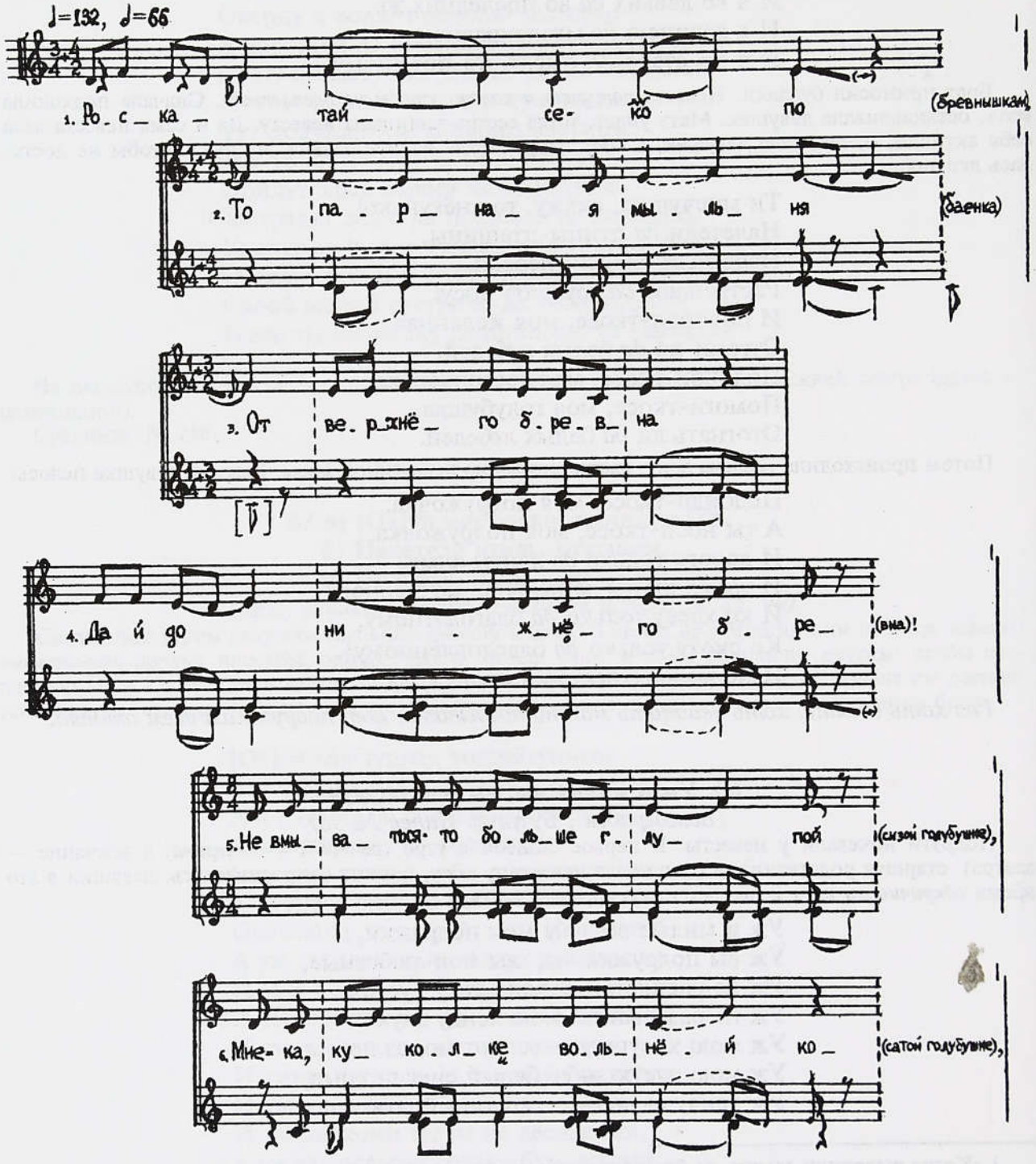
БАНЯ

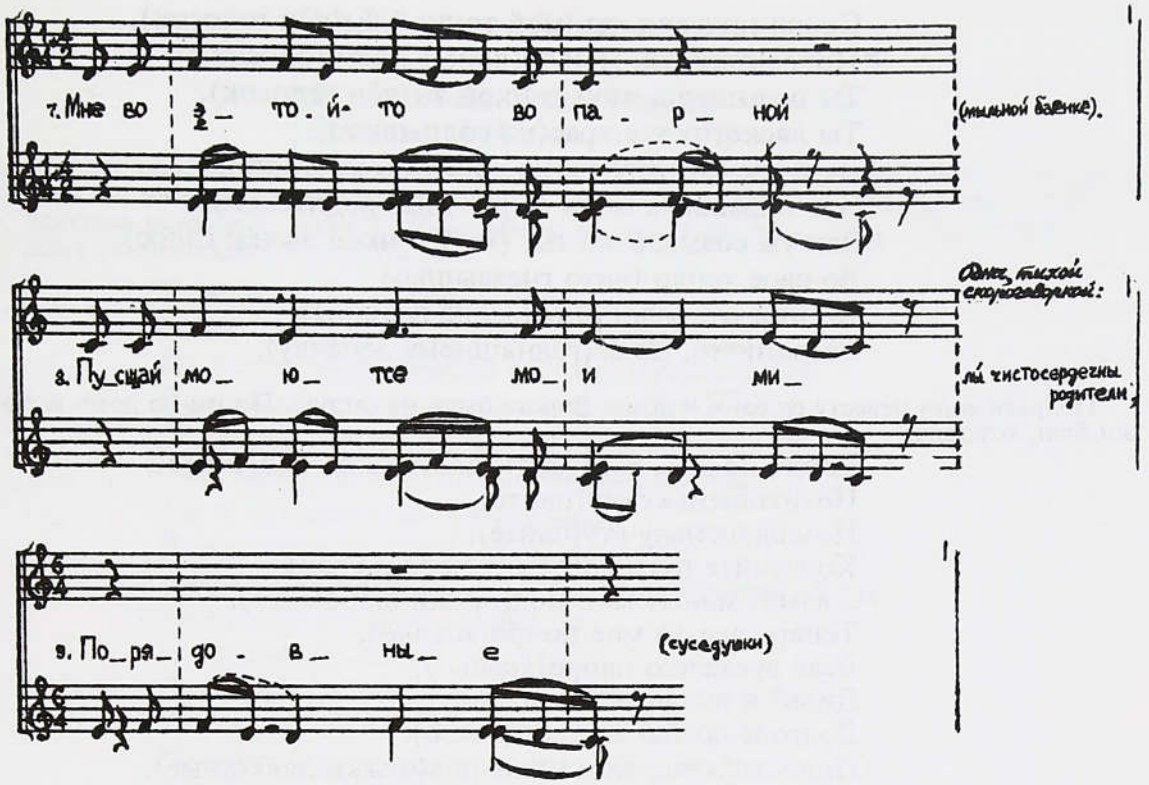
А) Онежское Поморье

64 а) Роскатайсе-ко по бревнышкам,
б) Бласловите-тко, многой народ, люди добрые,
в) Добро подьте, мои милы подружки любовные

У нас обычай был: когда в баньке невесту моют, потом всех девок этой водой брызжут, чтобы скорей замуж выходили.

Долгая череда причитаний начиналась, когда две девушки выводили из бани невесту под руки. Как правило, именно втроем все они и причитали. Сперва *раскатывали баню*:





Роскатайсе-ко по (бревнышкам),
То парная мыльня (баенка),
От верхнего бревна
Да й до нижнего бре(внышка)!
Не вмываться-то больше глупой (сизой голубушке),
Мне-ка, куколке вольнёй ко(сатой голубушке),
Мне во этой-то во парной (мыльной баенке).
Пусщай моются мои ми(лы чистосердечны родители),
Порядовные (суседушки),
Подружки лю(бовные).

Посторонние люди всегда собирались поглядеть на выход невесты с подругами из бани, и те обращались к народу: *невеста посылала голос*. Эта часть свадебных "стихов" была развита, если невеста — сирота.

Бласловите-тко, многой на(род, люди добрые),
Дайте волюшку мне, (глупой сизой голубушке),
Мне-ка, куколке вольнёй ко(сатой голубушке),
Послать свой тонкой зычён (голос)
Во первую-то во путь-до(рожку широкую) —
На воскат да на (гору на высокую)
И на желтеньки мелки пе(сочки сыпучие)
Ко желанным-то своим ро(дителям сердечным).
Посылаю свой тонкой (зычен голосок)
На воскат да на (гору на высокую),
На желтеньки мелки пе(сочки сыпучие).
Скоро придешь, мой тонкой зву(чён голосок),
Не западывай, мой тонкой вы(сок голос),
Не за мхи, рады-бо(лота зыбучие),
Не за темные леса ли дре(мучие),
Не за тихоньки лёсы, при(глубоки озера),
Чтоб не за пенья да ко(ренья).

Скоро пр*и*дешь ты, мой тонкой зы(чён голосок),
Порозыскивай, мой тонкой зы(чён голосок)!
Ты розыщешь, мой тонкой зы(чён голосок),
Ты ласк*о*тничка крас(н*а* солнышка),
Да й ласкотницу сво(ю родимую матушку),
Что наимилых моих се(рдечных родителей).
Дак уж созывай-ко ты, (мой тонкой зычён голос)
Во свое тепло (вито гнездышко)
На пир-от, радость-ве(селие великое)
Сёгодни-то, по се(годняшнему денечку).

Подруги вели невесту от бани к дому. Ворота были на запоре. Потом из дома выходил невестин брат, отворял.

Добро подьте, мои мил*ы* под(ружки любовные),
Потихошеньку сту(пайте),
Помалешеньку сту(пайте),
Коротайте путь-до(рожку неширокую).
С вами, милые мои под(ружки любовные),
Теперь все-то мое попро(х*о*дило),
Всеё времечко напро(х*о*дило),
Дивьё и вольнее жити(е мое),
Долго и крепкое спани(е мое).
Приост*о*йтесь, мои мил*ы* под(ружки любовные),
У этого-то тепла (витого гнездушка).
Во этом-то во теплом (витом гнездушке)
Повыйди-ко, роди(мый брателко),
То мой молод славной один(акий брателко),
На хорошеньку торну до(рожку неширокую).
Ты послушай-ко, мой родимой (брателко),
Сёгодни-то, по-се(годняшнему денечку)
Сходила-то я, глупа (сиза косата голубушка),
В хорошенькую парну (мыльню баенку).
Отсылала я свой тонк*о*й вы(сок голосок),
На все-т на три, на че(тыре стороны),
Во перв*ую*-ту путь-до(рожку широкую) —
На воскат да на (гору на высокую),
Уж я на желтеньки мелки пе(сочки сыпучие)
Ко желанным-то своим се(рдечным родителям).
Дожидала-то я, глу(па сиза косата голубушка),
Уж я во нашеё во теп(ло витое гнездушко)
Сёгодни-то, по-се(годняшнему денечку):
Во нашем-то во теп(лом витом гнездушке)
Соберетсе мой род-пле(мя великое),
Будет пир-от радость ве(ликая),
И приедут мои желан(ны чистосердечны родители).
Ты встречай-ко, ты, мой роди(мой брателко),
Ты ласкотницу (матушку родимую),
Ты ласкотничка-то красна (солнышка).
Приедет-то мое красно (солнышко)
Пообг*о*стевать многой (род-племя великое).
Пришло и много-то по(съехалосе),
Да скопилосе у крас(н*а* солнышка)
Пог*о*стевати многой (род-племя великое)
Еще на много-то чёстной-то св(адебке).

Б) Поонежье/Мехреньга

65. Бласлови, Боже Господи

(Напев см. в Примеч. и № 100)

Невеста в бане сидела между своих подруг, приглашенные родителями невесты старушки причитальщицы — напротив девушек, на другой полке. Начинали причитать, когда подруги накрывали платком невесту с головой, обхватывали ее и выводили из бани. Шли медленно, и весь путь к дому сопровождался причитанием.

Бласлови, Боже Господи *да*,
Меня пойдучи-то пойти, поступаючи *ну*,
На великой-*от* Божий страх напускаючи *да*.
Причитайте, кумы-подружки любовные *да*,
Покрывайте-*ко* мой высок небегуч голос *да*.
Тебе спасибо-*то*, парная жаркая баенка,
Уж я намылась да напарилась
В девичьём житии беспечальном *да*.
Попричитайте, кумы-подружки любовные *да*,
Раскатися *да*, бела баенка *да*,
По единому сосеку раскатися!
Раскатись-ко, бела хрустальная каменка *да*,
Ты на все-то *да* на четыре да сторoны *да*.
Поворотись-*ко*, бела сосновая баенка *да*,
Ты на все-то *да* на четыре да сторoны *да*,
На все четыре стороны да на бoльшевик.
Больше век-*то* мне не бывать *да* и не хаживать *уж*.
Хоть и судит-*то* Бог бывать да и хаживать *ну*,
Не по-прежному-то *да* ведь мне, не по-старому *да*.
Ты прощай-*ко*, ты, быстра речка текучая *ну*,
Ключевой водой-то я умылася.
Я охоча была ходить красоватися,
Красоватися *да* умыватися *да*
В девьем красноём-то житьи беспечальном[у],
Многотесь ходить-то
Во чёстн*ы*х-то, больших Господниих праздничках *да*.
Хоть и судит мне Бог бывать да и хаживать *ну*,
Не по-прежному-то ведь мне, не по-старому *да*.
Вы пойдемте, кумы-подружки любовные *да*,
Уж мы пойдучи-то пойдем, поступаючи *да*.
Не спешите, кумы-подружки любовные *да*,
Я могу ли-то присмотреть, приобoзрети *ну*
Скрозь туман-*от* горьких слез бегучие *да*.
Вы встречайте, святосердечны родители *ну*,
Я не тихая иду, не смиренная *да*
Со всей тихою я беседой смиренною *ну*,
Со всей долгою вечеринкой полуночнёю *да*.
Убоится тепловитое гнездышко *да*
Стреть дочь-то свою, свою голубушку *да*,
Не по-старому идет *да* не по-прежнему,
Со всей тихою беседою, со всей долгой вечеринкою.
Ночью да помолюся за печальную *да* мою головушку *да*,
Мою рoдную природу *да*, дай Бог здoровья *да*!
Вы садитесь, кумы-подружки любовные *да*,
По бел*ы*м брусовым лавочкам *да*.

Уж как я встану, кума-подружка любовная,
Между красных окошек, где-*то* свет лазоревый *да* —
Мой надёжа родитель батюшко *да*.
Ты сдумал отдать меня да выдати *да*,
Не спросили Вы у меня *да* у моих милых-то *да*
Кум да подружек любовных.
Когда все пойдут да кумы да подружки любовные *все да*
По честны́м, по большим Господним праздничкам *да*,
Я пойду, кума-подружка, несчастливая!
Уж вы счастливы, кумы-подружки любовные,
У своих святосердечных родителей *да*,
Уж я, кума-подружка, несчастливая.

Потом невеста в избе ждала жениха. Божатка (крестная) снимала с ее головы повязку, невеста накладывала повязку на своих девушек-подружек. Божатка надевала на невесту другую, жемчужную повязку. А потом жених будет стучаться:

Подайте нам желаемое!
Мы шли по лисичьим тропам
Да по куничьим следам.

Сравните: № 523 а, 524.

Невесту поведут обряжать, а жениха подержат в сенях, затем вино ему вынесут, и он зайдет в избу. Невесту, закрытую, приведут к нему на смотрины, он с подноса подарит ей зеркало, мыло, гребень. В это время люди зажгут три свечи. Он свечи возьмет и откроет ей лицо, посветит: "Не подменили!"

66. Спасибо, парная жарная баенка

(Напев № 100)

Спасибо, парная жарная баенка,
Намыла меня да напарила.
Больше век мне не бывать *да* и не хаживать
Уж в парную, во жарную баенку.
Расколися, бела колода дубовая,
Протеки-ка ты, Дунай-река быстрая.
Коль ты быстро мутись-то, проглубись-то,
Чтоб злым ворогам ненавистным
Не пройти им, не проехать!
Раскатись, белохрустальная каменка,
На все да на четыре сто́роны!
Станьте, горы да пригоры высокие,
Чтобы злым-то врагам ненавистным
Не пройти бы им, не проехати!
Прощайте, частые звоны колокольные,
Больше век мне не бывать к вам *да* и не хаживати.
Судит Бог бывать да и хаживать
От злой маяты-то, да неволи да великоей.
Отдавают меня, бедную,
На злодейку чужу дальную сто́рону.
Ой злодейка чужа дальняя сторона,
Не медом-то исперельита,
Не сахаром она пересыпана —
Улита горькими слезами горючими.

В) Мезень

67. Охти мнечушки, тошнёхонько (Я накину руку правую)

(Вариант напева № 85)

Девушки истопили баню и шли в избу невесту звать. Уже в сенях они начинали причитание.

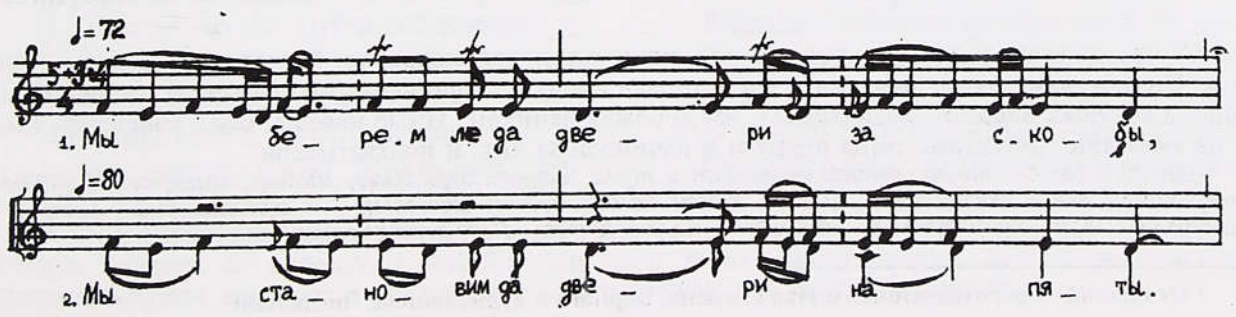
Охти мнечушки, тошнёхонько!
Я накину руку правую
На скобу *да* на железную.
Я отв*о*рю *да* двери н*а* крюки,
Я поставлю *да* двери н*а* пяты,
Я на кр*ю*ки *да* на железные,
Я на петелки *да* полужённые.
Наперед да ступлю ногой правою,
Позади да ступлю ногой левою,
На полы да стану на дубовые,
На перекладинки стан*у* сосновые,
Я на столбышки точёные.
Дубовы полы, не изогнитеся,
Перекладинки, не изломитеся,
Столбы т*о*чены, не подвернитеся.
Я грузным только иду грузнехонька,
Тяжел*ы*м да иду тяжелехонька.
Я со всей да иду силой-армией:
И со дев*и*цами со красными,
С молодцами да иду со удалыми,
Со жен*а*ми-то со мужнима,
Со вдов*а*ми-то благочестивыма,
Со солдатками *да* горе-горькима,
Со матросками *да* многолетнима.
Вы задуйте *да*, ветры буйные,
Расшатитесь *да*, леса темные,
Разодвиньтесь *да,* люди добрые!
Уж вы дайте мне-*ка* путь-дорожечку,
Мне не парой в Питер ехати,
Не каретушкой *да* в Москву б*е*жати,
Мне не конну *да* — пешеходную,
Только сл*е*да *ле,* следу *и*скати
Мне до стада лебединого,
Мне до красну *да* роду девьего.
Как во стаде *да* лебедином[у]
Есть одна только лебедь подстрелена,
Как во кругу, роду девьем
Красна девушка есть запоручена.
Назовем мы тебя по имени,
Вознесем да сполна по отечеству.
Уж ты Марья *да* дочь Ивановна,
Ты об чем же *да* нам каналасе?
Ты об чем низко *да* поклонялася?
Ты вербо*й* и ле *да* возгибалася,
Ты червой ле *да* извивалася.
Уж мы сделали *да* послушаньице,
Мы велико тебе *да* уваженьице,
Истопили да тебе парну баенку,
Накалили *да* светлу каменку.
Мы наносили *да* ключевой воды,
Мы нагрели *да* парну щёлоку.

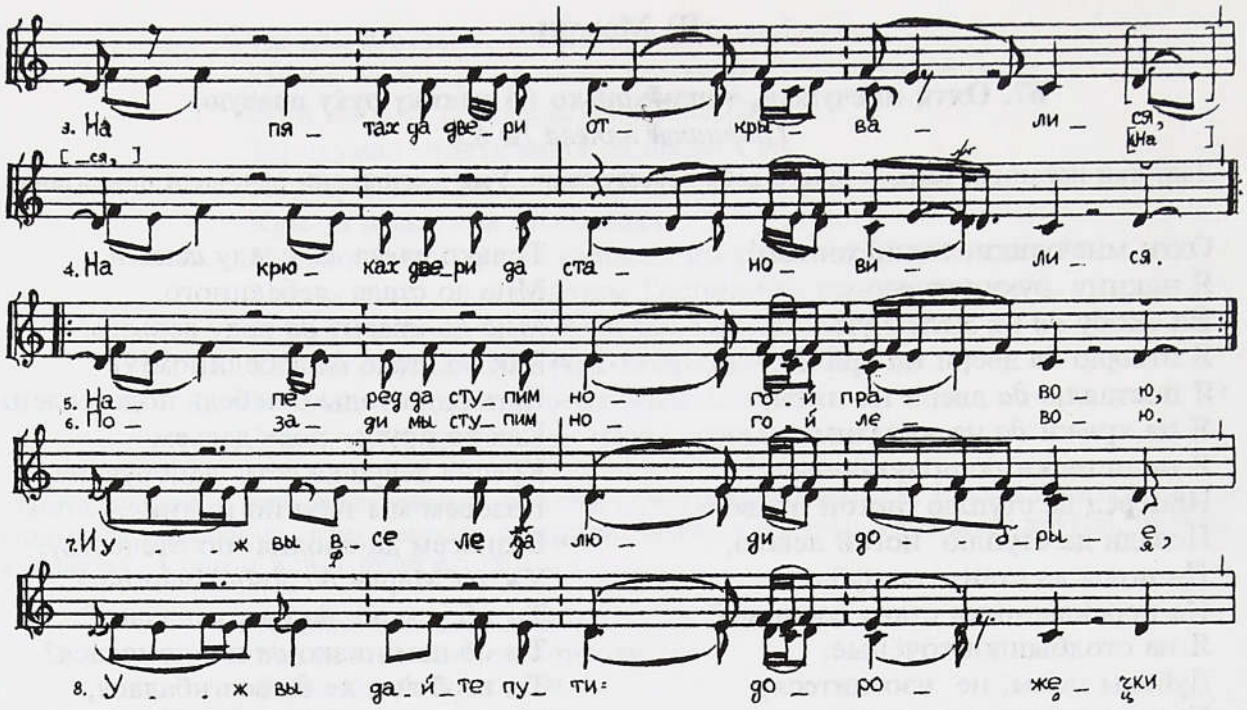
(*Пропуск исп.*)

Как третьей ле щел*о*к черёмховый.
Как перво ле мыл*о* казанское,
Как второ ле мыло астраханьское,
Как третье ле мыл*о* хрестьянское.
Ты пожалуй-ка, наш*а* голубушка,
Ты во жарку *да* парну баенку,
Ты помыться с нам*и* попариться,
Ты во девьицо во последние,
Во последние в отстаточны.

Перед невестой стелили платы, чтобы она ступала по ним. Две подруги вели ее под руки в баню, с ними и мылась невеста.

68. Мы берем ле двери з*а* скобы




3. На пя_ тах да две_ри от_ кры_ ва_ ли_ ся, [на]
4. На крю_ ках две_ри да ста_ но_ ви_ ли_ ся.
5. На_ пе_ ред да сту_ пим но_ го_ й пра_ во_ ю,
6. По_ за_ ди мы сту_ пим но_ го_ й ле_ во_ ю.
7. И у_ _ ж вы в_ се ле да лю_ ди до_ _ _ _

69. Мнечушко-то, тошнёхунько
(Вашка—Мезень. Вариант напева № 85, 99)

В бане плачей не было. Причитания возобновлялись при выходе из бани невесты под руки с двумя подругами, с которыми она мылась.

Мнечушко-то, тошнёхунько!
Тебе спасибо *да,* парна баёнка,
И ты намыла меня, напарила
Ты последней *да* раз отстаточной,
Ты девицей *да* младокрасною.
Тебе за все большо спасибо,
Тебе за все *да* большо кланенье.
Только на чем большо не спасибо —
Всю я смыла девью красоту.
А после моёго больше бываньица,
После девьего *да* жированьица
Ты россыпьсё *да*, жарка баенка,
По одному *да* по бревёшечку,
По одному *да* по колодчику!
Роскатись-ко ты, жарка камёнка,
По одному *да* камешочику,
Несчастлива, неталаниста,
Не на хорошо место поставлена,
Не на счастливое, не на проворное,
На худых-то конях вожена,
На чужом бору да рублена... *(всяко тут).*

Девушки подходили с причитанием к брату невесты, чтобы он поискал утраченную девью красоту. Дома невеста просила налить ключевой воды, чтобы еще помыться из умывальника, говорила: "Чистого белого полотенца подайте мне, пожалуйста, вытереть лицо белое". Становилась перед иконой помолиться. Ей приносили напиться (после бани пить хочется). И начинались сборы невесты к отъезду, обычно *женихи* днем уже должны прийти.

70. И охти мнечушко, тошнехонько (А я ударюсь челом в поясы)
(Напев № 85)

Когда девушки ходили в баню, то ребята кудесили: рядили кукол — пьяницей, хорошим мужиком, клали в веники и бросали в девок. *Кака девка что поймат, то и сбудетсе.*

После бани девушки садились за *стол баенный* и оплакивали девью красоту, дожидались приезда *женихов.*

И охти мнечушко, тошнехонько!
А я ударюсь *да* челом в поясы,
А я кругом ударюсь на околицы,
А семерым я ударю наособицу,
Уж я всем ле милым подружочкам.
И я об чем только *да* вам конаюсе,
А об чем низко *да* поклоняюсе:
А мне и сделайте *да* послушеньицо,
А мне велико *да* уваженьицо,
А на веку-то *да* мне-ка первыя,
А во году-ту *да* мне последния.
А вы сходите-ко, милы подружочки,
Ой вы во жарку-ту *да* парну баёнку
А за моей-то *да* трубчатой косой,
За дорогой да моей девьей красотой.
Уж я мыласе *да* обзабыла(ся),
Оболокаласе я *да* обтерялася,
А потеряла да свою девью красоту
И как во жаркой *да* в парной баёнке.
И вы подите-ко *да* потихохоньку,
А вы ступайте *да* полегохоньку
И открывайте да двери в одну щелочку,
Ой вы окошечко *да* в половиночку,
А вы трубы-то *да* четвертиночку,
Чтобы не вылетела моя девья красота
Как из жаркой *да* парной баёнки.
"Мы там сходили *да*, белы лебеди:
Что улетела да твоя девья красота,
А во леса-ти она улетела во темные,
И прибрала она *да* себе местечко —
И как кудряву ту ведь сосёнку,
Котора с кореня *да* коренистая,
Котора сверху *да* шапочистая.
И не хватают да ей ведь ветры буйныя,
И как не льют да ей ведь часты дождики,
Она свила да себе тепло гнездышко".

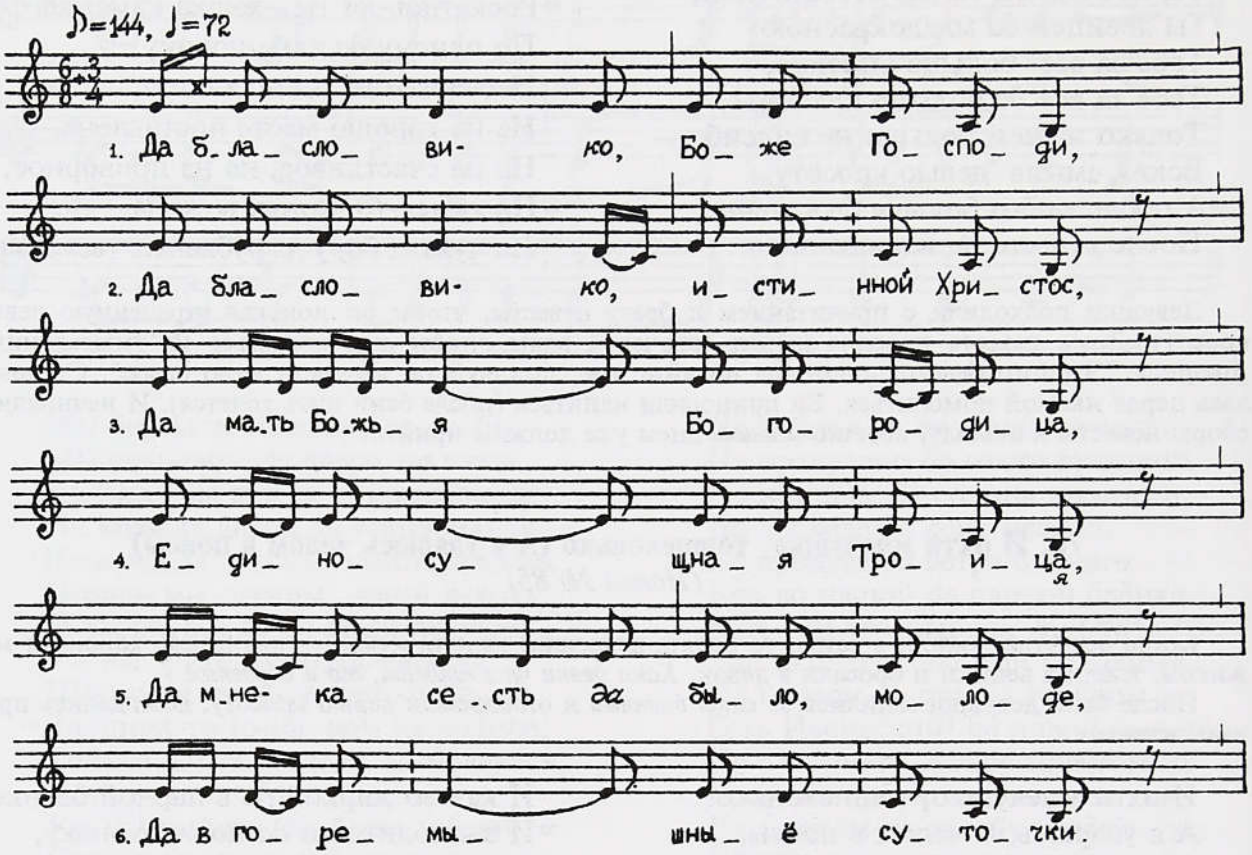
Уже на следующее утро у новобрачных в доме жениха *баенный обед* будет. Свекровь на бороне в баню повезут. Ее волокут, а новобрачные дают за нее выкуп вином. Любого постороннего человека марают, пачкают и приглашают в бане помыться и за столом угоститься.

Г) Поветлужье

71 а) Да бласлови-ко, Боже Господи,
б) Да подхожу я к бане к паруше,
в) Тебе спасибо, баня-паруша

Родители невесты нашли плакальщицу- *вытьянку*, чтобы она провела свадебный обряд. Вытьянка приехала, девушки сошлись.

Девки сели, меня закрыли полотенцем, я-то сижу. Вот вытьянка и начинает:



Да бласлови-ко, Боже Господи,
Да бласлови-ко, истинной Христос,
Да мать Божья Богородица,
Единосущная Троица,
Да мне-ка сесть *да* было, молоде,
Да в горемышныё суточки,
Под слезяноё окошечко,
Да мне-ка горя помыкати,
Мне кручины *да* поизбавити,
А либо боле прибавити.
А я спрошу *да* тебя, милой брат,
А наколол ли ты, милой брат,
Да в баню дровец березовых?
Да истопила ли, сестрица,
Да для меня ты баню-парушу?
Да я схожу в баню в парушу,
Я на веку-ту не в первыю,
А я в девицах *да* во последнюю.

Тут невесту берут под руки, невеста ревет. И просятся в баню у батька да у матки.

Да мой родимой тятенька,
Да дай-ко мне благословленьице
Идти во баню во парушу,
От чиста сердца ретивого
Да от желанья великого.

Батько стоит, берут ее под руки, она падает в ноги батьку: "Тятенька, дай мне благословленье". И опять у матки просят:

Моя родимая мамонька,
Да дай-ко мне благословленьице,
Благословленьё великую
От чиста сердца ретивого,
Идти во баню во парушу.
Да я схожу в баню в парушу,
Я на веку-ту не в первыю,
Я в девицах во последню(ю).

Падет она, невеста, матке в ноги. Матка: "Ну пошел, Христос с тобой, Бог с тобой". И пошли.

Да подхожу я к бане к паруше.
Да все кругом-то бани-паруши
Да стоит тын-от серебряной,
Да что на кажной тыниночке
По золотой *да* по головочке.
Дак он стоит *да* все прямёшенько,
Только одна-то тыниночка
Дак она шибко наклонилася.

(Вот, вишь, как невеста наклонилась.)

Невеста входит в баню, а невесте надо девью красоту отдать. Вплетает ленточку в плетень и вызывает хоть подружку, хоть сестренку. Вот уж тогда сама невеста причитает в бане (см. Примеч.). *Вот подружка идет, ее расплетает, ленточку берет себе. Умоют ее в бане, невесту. Вымыли, росчесали, заплели другую ленточку — уж эту ленточку в церкви выплетают. Вот пошли из бани, это уж вытьянка причитает:*

Тебе спасибо, баня-па*р*уша,
Да на жар*у* и н*а* пару,
И на шелк*о*вом на веничке.
А я немножко помылася,
Немножко я и попарилась,
Ну много смыла-испа*р*ила:
Дак уж я смыла дивью кр*а*соту.

Подошли к дому, взошли на лестницу — дверь заперта. Просились у отца, чтобы впустил. Отец: "Входи", а сам опять запирал. Потом у матери просились. Она впускала в избу, девушки и невеста входили, садились на место. Мать приносила им пирогов. Потом они расходились по домам приодеться, чтобы идти на *вечеринку* к невесте.

72. Уж как эту жарку банюшку

Уж как эту жарку банюшку
Раскатать бы всю по бревнышкам,
Уж как эти бы дрова березовы
Расщепать бы все по щепочкам,
Раскидать бы по сторонушкам.
Уж как эти бы березовые венички
Раскидать бы все по прутикам,
Раскидать бы по сторонушкам.
Уж как эти жарки камушки
Разбросать бы по дороженьке.
Всю я смыла, всю я спортила
Я свою да волю девичью,
Я свою да девью кр*а*соту.

Д) Каргополье

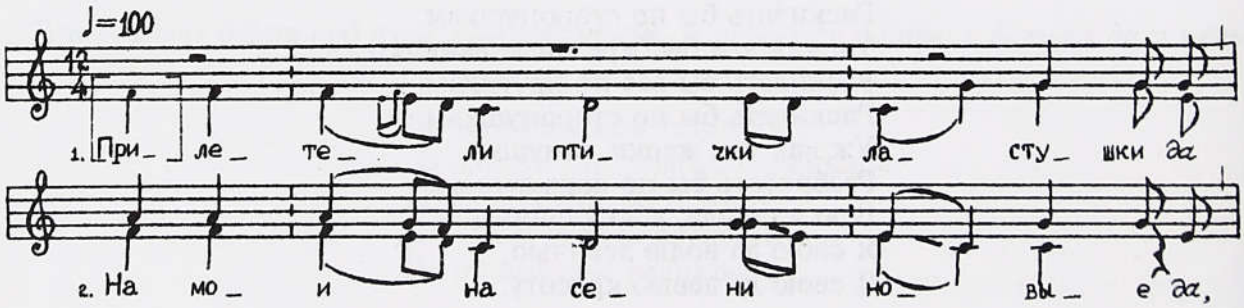
73. Меня, Господи, благослови
(Вариант напева № 74)

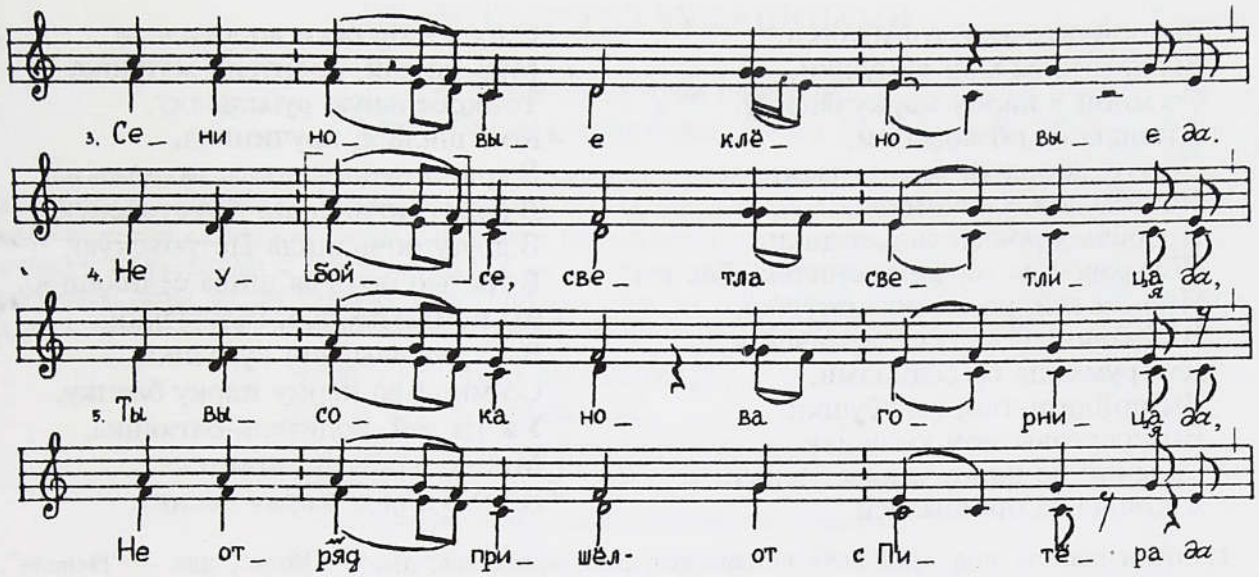
Когда баня была натоплена, девушки приглашали невесту:

Меня, Господи, благослови,
Пресвята мать Богородица.
Захватите двери за скобу,
Отвори да двери на пяту,
Открывайте двери дубовые.
Становись, да дверь дубовая,
[Ты] о стенку городовую.
Не указ пришел из Питера,
Пришли трудники-работнички,
Идут баенны истопнички,
Ключевые водоноснички *да.*
Вы пожалуйте, родители,
Во хорошу парну баенку,
Во белую умываленку.
У нас баенка натоплена,
Ключевой воды наношена
С девяти со трех колодезей.
Мы топили парну баенку
Со чиста поля полынь-травой.
Вы пожалуйте, родители,
Во хорошу парну баенку,
Во белую умываленку.
Родный батюшка со матушкой,
Родный брателко с невестками, *а*
Не чешитеся, не скоблитеся,
Не про вас да байна топлена,
Не про вас байна готовлена.
Мы топили парну баенку
Про душу про красну девицу.
Ты пожалуй, голубь белая,
Во хорошу парну баенку.
Метена байна куницею,
Крыта баенка лисицею,
Ободверинки кленовые,
Двери новые дубовые,
А две грядочки точеные,
Комелечек-от решетчатый,
Что полок да тесу белого,
И две стопочки точеные *да,*
Два окошечка косявчатых,
Две колоды новые дубовые.
Ты на перву повесь грядочку
Тонкобельную рубашечку,
Что на другую [на грядочку] —
Тонкобелу свою юбочку.
Что на первую повесь стопочку
Золотую опоясочку. *Ты*
На другую повесь стопочку
Золотую перевязочку.
А на первое окошечко —
Со правой руки злачен перстень,
На другое-то окошечко —
Ты белила со румянами.
Ты не мойся-тко, голубушка,
Со Свиреп-реки Свирепые:
Богоданные свирепые,
Твоя млада несговорная,
Там сторонка невеселая.
Ты не мойся-тко, голубушка,
Со второй реки Угрюмою:
Богоданные угрюмые,
Твоя млада несговорная.
Ты помойся-ко, голубушка,
С Каргопол-реки веселая:
Богоданные веселые,
Твоя млада там сговорная,
Там сторонушка веселая.

74. [При]летели птички ластушки

Девушки начинали в сенях:





[При]летели птички ластушки *да*
На мои на сени новые *да,*
Сени новые кленовые *да.*
Не убойсе, светла све*т*лица *да,*

Проходили из сеней и кланялись:

Ты пожалуй, лебедь белая *да,*
Во парную жарку баенку *да,*
Во белую умываленку *да,*
У нас баенка истоплена *да,*
Ключевой воды наношено *да,*
С девяти со трех колодчиков *да:*
Что со первого колодчика *да* —
Что со батюшки Угрюм-реки,
Со второго-то колодчика —
Что со матушки Свиреп-реки.
Что со третьего колодчика —
Что со матушки Весёл-реки.
Не плошай-ко, лебедь белая *да,*
Не мочи-тко белых рученек *да*
Ты во матушке Угрюм-реке *да*:
Богоданные угрюмые *да,*
Млада мила невеселая *да.*
Помочи-тко белы рученьки *да*
Ты во матушке Весел-реке *да*:
Богоданные веселые *да,*
Млада милая удалая.

Ты, высо*к*а нова горница *да,*
Не отряд пришел-от с Питера *да,*
Пришли баенны истопщицы *да,*
Ключевой воды износщицы *да.*

Что у этой парной баенки
Три косивчаты окошечки:
Во перво*е* во окошечко
Выходить чаду кудрявому,
Во другое-то окошечко
Выходить пару ветря*н*ому,
А на третье-то окошечко
Класть твою красну кр*а*соту,
Золотую перевязочку.
Мимо этой парной баенки
Пролегала путь-дороженька.
Что по этой по дороженьке
Проезжал-от чужой чуженец.
Он ведь спрашивал, выведывал,
Нет ли кр*а*соты продажныя,
Нет ли д*е*вицы отданныя.
Я стояла не плошалася,
Говорила не смущалася:
"Есть и кр*а*сота продажная,
Есть и д*е*вица отданная".

75 а) Отдирайся, платье белое,
б) Уж поглядите-тко, голубушки,
в) Уж погляди, желанный батюшка

(Вариант напева № 74)

Девушки становились перед баней и пели *"Приглашение"* (варианты № 73, 74). Через некоторое время невеста сходила по ступенькам. До конца причитания-приглашения она стояла у стены дома. Потом ей пели:

Отдирайся, платье белое,
От стены белой тесовою.
Становитесь, резвы ноженьки,
На башм*а*чки на сафьяные,
На гвозд*о*чки шеломочные,
На чулочки белы нитяны.

Вы пойдите-тко, голубушки,
Вы крестовы мои кумушки,
Со мной в парну жарку баенку.
Я пошла *да* обзабыласи,
С пути-дорожки воротиласи, *уж*
Позабыла я, кручинная,
Просить у родитель-матушки
Шелковой да мягкий веничек. *Дак уж*
Мне-ка дай, родитель-матушка,
Шелковой да мягкий веничек *и*
Дай румянца со белилами.
Вы пойдите-тко, голубушки,
Вы крестовы мои кумушки,
Со мной во парну жарку баенку.
Я пошла да обзабыласи,
С пути-дорожки воротиласи.
Мне-ко дай, родитель-матушка,
Тонкобельную рубашечку,
Кою шила я, кручинная,
В три-те темны долги ноченьки:
В перву ночь шила Христовскую,
В другу ночь шила Петровскую,
В третью ночь да шила седнюшню.
Вы пойдемте-тко, голубушки,
Вы крестовы мои кумушки,
Со мной во парну жарку баенку.
Уж ты дай, родитель-батюшка,
Мне-ка спереди вожателя
Идти в парну жарку баенку.

Из бани невесту под руки вели четыре девушки, чередуясь, две — "Воля", две — "Неволя". Одна пара передавала невесту другой паре. Потом, уже войдя в дом, пели:

Уж поглядите-тко, голубушки,
Вы крестовы мои кумушки,
На мои на белы рученьки.
Уж я мылась, душа девица,
[Я] во парной жаркой баенке.
Мимо этой парной жаркой баенки
Протекла да быстра реченька,
Пролегла да путь-дороженька.
По этой да быстрой реченьке,
[Как] по этой да дороженьке
[Там про]шел чужой чуженец.
А моя-то красна красота
На косивчатом окошечке,
Она его да испугаласи,
О полки да убиваласи. *Дак*
Я имала, красна девица,
Опалила белы рученьки.

Далее отцу:

Уж погляди, желанный батюшка,
На мои на белы рученьки *уж*:
Я имала красну красоту, *дак*
Опалила белы рученьки.
Ты поедь, желанный батюшка,
Да во славный город Каргополь,
Привези, желанный батюшка,
Занавесу штофу красного,
Мне-ко шелку семиразного.
Я заставлю, душа девица,
Шить подружек да голубушек,
Я крестовых моих кумушек:
"На первом углу вышейте
Там литару со боярами.
На другом углу вышейте
Там войну да со татарами.
На третьём углу вышейте
Короля да с королицею.
На четвертом углу вышейте
Молодца да со девицею.
Посередочке повышейте
Тепло красное-то солнышко,
Часты мелки-то звездочки". *Дак*
Я повешу, душа девица,
[Я] на светлу-ту улушку, *дак*
Тут пройдет чужой чуженец,
Позабудет меня, кручинную, *дак*
Я остануся, кручинная,
Я во красных-те во девушках,
Во белых-те во лебедушках, *дак*
Стану жить я, дочь кручинная,
У тебя, желанный батюшка,
Жить пониже муравой травы,
Ходить тише ключевой воды.
Сяду я, кручинна девушка,
Во девочьем-те затульице,
Во старушьем богомольице,
Где старушки Богу молятся,
Красны девушки спасаются.
Ты послушай, желанный батюшка,
У нас ничто да дело сделано, *хоть*
Зелено вино да выпито,
Золота казна отсчитана.
Ты отлей, желанный батюшка,
Зелено вино кужлявое,
Отсчитай, желанный батюшка,
Золоту казну несчетную —
Откажи-тка чужа чуженца,
Удала да добра молодца.
Я останусь, дочь кручинная,
Я во красных-те во девушках,

НЕВЕСТА ПЕРЕД ЧУЖАНИНАМИ

76. Чтой-то за чудо содеялось

(Арх., Онежское Поморье. Напев № 64)

После бани невеста с подругами посещала родичей. Сперва — умерших, отдавала поклоны их могилкам на кладбище. Потом совершала объезд близких родственников. Брат правил лошадью, невеста с распущенными волосами стояла на повозке (или санях), подруги сидели. В последнюю очередь подъезжали к дому жениха. Сам он тоже ездил по родне, приглашая на свадьбу, тем временем дома его не бывало. А вот дружки повозку с невестой прямо на улице поджидали, не давали проехать, ловили лошадь под уздцы. Повозка останавливалась под окном у свекрови.

Чтой-то за чудо со(деялось)?
Это и что за у(чудилосе)
Сёгодни-то, по се(годняшнему денечку)?
Налетели чёрны гра(чи, чужи млады соколы),
Еще граяли меня, глупу (сизу голубушку),
Меня, куколку вольню ко(сату голубушку).
Погоняй-ко ты, мой роди(мой брателко),
Не жалей-ко ты, мой родимой (брателко),
Прехорошенького добра на(ступчива коничка).
Не повыезжу я, глу(па сиза голубушка),
Уж не повытомлю, вольня (куколка косата голубушка).
Езжай в теплое (наше витое гнездышко)!
Что наездила(сь) я, глу(па сиза голубушка),
По путям-то везде, по до(рожкам),
По-за глушечью, тём(ным лесам).
Да за молод-славной один(акий родный брателкой)
Не повыездила, глу(па сиза голубушка),
Не повытомила, вольня ко(сата голубушка),
Сёгодни-то, по се(годняшнему денечку).
Погоняй-ко ты, мой род(имой брателко)!

Дружки между тем подносили невесте вина, предлагали отпить.

Отойдите вы, чужи мла(ды ясны соколы),
От меня-то прочь, от глу(пой сизой голубушки).
Не на смех я росла, глу(па сизая голубушка),
Уж на смех вывели меня, глу(пу сизу голубушку),
Середи-то пути-до(рожки широкие)
При одинаком-то родимом (брателке),
При милых-то моих под(ружках любовных).

Невеста отстранялась от дружек, отводила прочь протянутую ей чарку.

Не повыпью-то я, глу(па сиза голубушка),
Я и горьчицы-то хме(лёвого вина).
Дак повыпью-то я, глу(па сиза голубушка),
Да пропью-то свою мла(ду буйну головушку)
Во чужое-то не тёпло (гнездышко).

Дружки настаивали, и невеста выпивала. Теперь причитание было обращено к свекрови, наблюдавшей из окна.

Теперь пропила,
Запоручила я, глу(па сиза голубушка),
Свою младу буй(ну головушку)
Во чужое-то тёпло (гнездышко)!
Низко, бесчёстно-то назвать глу(пой сизой голубушке),
Мне-ка, куколке вольнёй (косатой голубушке),
По этой-то злодей-(неволе великой):

Моя и матушка Уль(яна ...[1]),
Уж поучай-ко ты меня, глу(пу сизу голубушку),
Поторяй-ко ты м(е)ня, вольню (косату голубушку),
Уж на кажно-то сделье-руко(делье)!
Не учёна-то моя мла(да буйна головушка),
Не торёно-то мое зябло (сделье-рукоделье).
За досужей я жила за (слободой великоёй),
За ласкотницей (матушкой доброхотницей),
Я за милыма-то своими (сестрицами родимыма).
Разбужай-ко ты меня, глу(пу сизу голубушку),
Меня, куколку вольню (сизу косату голубушку),
У скота да живо(тинушки),
Да й у белого стола.

Свекровь говорила: "Хватит, хватит, научу! Жить будете — научитесь".

77. Уж накатаетсе туман-туча грозная
(Арх., Мехреньга. Напев № 100)

Уж накатаетсе туман-туча грозная,
Туча грозная идет, не порозная,
Со частым мелким росистым дождичком,
Что на наше тёпловитое гнездушко,
Что ко мне-то, ко дитети печальнёй.
Уж ты мое да схожо красное солнцё-время,
Сходи закрой ты ворота дубовы,
Не пускай злых людей, ворогов ненавистников
Уж ко родительску тепловитому гнездушку,
Что ко мне-то, ко дитети печальней.
На кого мне служба-дружба покинути,
Служба-дружба, труды-работка непосильная?
Не на милого родительного брателка?
Мой ты милый да родимый да брателко,
Увернись белой березой кудрявою,
Схорони милую сестрицу родимую
Ты от злых ворогов ненавидящих.

Сравните: № 210.

78. Уж родимый мой, а ты мой батюнюшка
(Волгоградск., Бузулук. Напев № 58)

Накануне венчального дня к середине *вечерины* приезжали сваты с женихом. Девушки и парни, которые здесь гуляли, не пускали их, дверь запирали. Невесту пересаживали из угла у печи, в котором она находилась, в простенок. Подруги садились вокруг нее. Теперь можно было открывать двери. Когда гости шли, то девушки начинали *кричать* (причитать), вставали и невесту обступали.

Уж родимый мой, а ты мой батюнюшка,
Уж встречай же ты а своих гостёчков,
Уж своих гостей, а моих разлучничков.
Уж разлучают меня, меня с отцом с матерью,
Уж разлучают меня и с родимыми сестрами,
Уж разлучают меня и с родимыми с братьями.

[1] Подразумевается полное имя-отчество свекрови.

Дружко и сваха за платок подводили жениха: "Ты угадаешь свою невесту?" — "Вот она, моя невеста". И сажали его рядом с ней. Родные *дарили* невесте и жениху *на каравай*. (А в это самое время женихова мать пекла у себя *каравай* — два больших круглых пирога, которые назавтра разукрашенные веточками сосны и разноцветными ленточками в воротах при встрече вручит жениху и невесте после венчания какая-нибудь другая молодая пара, лучше из родственников.) На вечерине *обыгрывали* невесту, молодежь танцевала под скрипки (три скрипача садились в ряд, скрипку они держали в наклон, упирая почти в живот, левая рука положена на колено), цимбалы и губную гармошку. Потом гости уезжали. На следующее утро они приедут забрать невесту.

79. Погляди-ко, чужой чуженин

(Костромск., Поветлужье. Напев № 71)

Когда жених за невестой приедет, пока девочку собирают, дак, значит, тут вытница-та с девками выйдет и начинает "хвалить":

Погляди-ко, чужой чуженин,
На батюшков на высок терем:
Что у батюшка круг терема
Всё высокие горницы,
Всё большие окольницы.
У нас деревня хорошая *да*,
Ёй названье хорошое —
Да славное Максимово.

Вот это у нас дома пели.

У нас соседи хорошие,
Да они-ка ровно бояра,
А соседушки — боярушки,
А малы-ти робёночки *да* —
Они как боярёночки.
У нас поля-ти хорошиё *да*,
Ровно скатерки браные.
А что у вас, чужой чуженин?
У вас деревня нехорошая *да*,
Роспроклятое Дымково.
У вас изба, как мякильница,
По бороне в избу ходите.
У вас окошка корытами *да*
Пестерями затыканы.
У вас соседи ровно вороны,
А соседушки — воронушки,
А малы-ти робёночки *да* —
Оне как воронёночки.
У вас поля-ти не гладкие *да*,
Всё ухабами да ямами.

У одного жениха брат пьяный тысяцким приехал. Услыхал — уехать хотел: "Петька, поехали, — говорит. — Раз росхулили нас, дак не надо и невесты!". Нет, не уехали: жених-от ить знает эту шутку-ту дак. А то брат говорил: "Давай поедем!.."

80. Не клоню буйной головушки

(Карельск., Пудожье)

До свадьбы невеста в сопровождении брата и девушек-*проголосниц* ехала к жениху и плакала у крыльца.

Не клоню буйной головушки,
Не корю сердца ретивого.
На судимой на сторонушке
Деревиночки на заполке,
А избеночка на задворке.
А избенка — будто банюшка,
Косарём бревна насичены,
Они собаками-то вожены,
А на нитке они здыманы,
Топором окна прорублены,
А сверлом окна просверлены.

А ён [жених] *стоит и стыдится. А у невесты глаза платом завешаны, не стыдно плакать.*

На судимой-то сторонушке
Как соседы будто вороны,
А соседки будто галушки,
Ихни маленькие детушки,
Как морские заворонушки.
Хоть долго было ломатиси,
Только им да поклонятиси.
Поклонись, буйна головушка,

Покорись, сердце ретивое,
Молодому сыну отецкому.
На судимой-то сторонушке —
Как палата грановитая,
Да усадьба красовитая:
Как палата грановитая
У царя да в каменной Москве,
Как усадьба красовитая
У царицы в зелено*м* саду,
Ихни маленькие детушки —
Будто питерски статуйчики.

Сравните: № 211 б.

81. Отворочусь я, многокручинная

(Арх., Мезень. Вариант напева № 85)

Накануне свадьбы к вечеру в дом невесты на рукобитье приезжали жених и его родственники. Невеста и ее подруги шли на поветь и там пели во время рукобитья.

Отворочусь я, многокручинная,
От честного угла переднего,
От икон-то *да* лику Божьего,
Пресвятой Божьей Богородицы,
От свечей-то *да* воску ярого,
От ладана кипарисного,
От лампадочек-то хрустальных же,
От плавочков-то железных же,
От шнурочков-то бумажных же,
От масличка-то от Божьего же
И от огонечка-то палючего же,
От палючего огня жгучего.
Отворотюсе я, многокручинная,
От столов-то я от дубовых же,
От скатертей-то от камчатных же,
От спичников-то[1] шелку браного,
Шелку браного, своготканого,
От яствов-то *д* от сахарных же,
От питей-то от стоялых же,
От хлеба-то дару Божьего,
От бутылочек *да* от стеклянных же,
От графинов *да* от хрустальных же,
От рюмочек от шлифоровых же.
Отворочуся я, многокручинная,
От гостей-то я небывалых же.
Эти гости-то небывалые,
Они ране-то у нас не были,
Они двора нашего не знали же.
Кто сказал им путь-дорожечку,
Указал наш двор широкой-то?
Как у нашего схоже солнышка
У родима-то люба татушки
У ворот были приворотнички,
У дверей-то были придвернички,
А середи двора — сторожа.
На кого пришли-приехали
Эти гости *да* небывалые,
Как купцы-то люди торговые?
На бычков-то на стоялых же?
Да на конёчков-то на езжалых же?
Как у нашего схоже солнышка,
У нас конечки не нарощены,
Да бычки-то не накормлены.
Пришли да, видно, приехали
На меня, видно, лебедь белую,
На мою, верно, буйну голову.

82. Ой отворочу *да* лицо белоё

(Арх., Мезень. Напев № 85)

Гости приехали на рукобитье, сели за стол. Невесту, накрытую платом, подводили к жениху. Он "пристыдит-прибесчестит" невесту: плат откроет да и поцелует ее, возьмет за руку и вкладывает подарок в руку. Она отвернется и заплачет. Девушки становятся к ней под руки и подхватывают причитание.

Ой отворочу *да* лицо белоё
Ой от больше-то угла переднего,
От икон-то *да* лику Божьего,
От горшних-то *да* от скамей дубовых.
А от свещей-то *да* воску ярого,
От ладанов-то духу тимьяного,
А от Ивана *да* от Крестителя,
А от Николы *да* от Святителя,

[1] *Спичник* — полотенце (примеч. собир.).

А от огня-то *да* от палючего,
Ой от палючего огня *да* от трескучего.
Ой отворочу *да* лицо белоё
Ой от столов-то *да* от дубовых же,
От скатертей-то *да* от камчатных же,
А от евтов-то *да* от сахарных же,
А от питей-то *да* розналивных же,
А от братыней *да* пива пьяного,
А от графинов *да* зелена вина,
А от бутылочёк *да* сладкой водочки.
И отворочу да свое лицо белоё
Ой я от сватушка лукавого.
Ой от лукаваго свата вилавого,
Ой я от змея *да* семиглавого,
От враля-то я редкозубого.
Ой отворочу *да* свое лицо белоё
От чужого *да* от чужанина.
А пристыдил ле меня отецкой сын,
А пристыдил он меня, прибесчестил же
А при всему да меня роду-племени.
А приворочу да свое лицо белоё
А я ко липовой ко грядочке,
А ко скрипучей- то ко лавочке,
А ко кирпичней *да* жаркой печеньке,
А ко родимой *да* жалкой мамушке.
А я спрошу-то да у своей желанною:
У нас каки сёгодни *да* люди за люди?
У нас каки сёгодни *да* гости за гости?
А у нас былые гости не званы,
А они незваные гости не знамы.
У нас купцы разве люди торговые
А как по коничку пришли *да*
с-по рублеваём,
А по быков-то *да* на кормлёных же?
Что да стоишь только, моя желанная?
А про себя у нас *да* кони рощчёны,
А про себя да были быки кормлёны.
Ой я дозналася *да*, лебедь белая:
Они пришли, только *да* к нам приехали
А за моей только *да* буйной головой,
А за приростой *да* трубчатой косой,
За дорогой да моей девьей красотой.

Девушки с невестой удалялись от гостей на поветь или в клеть. А гости пировали.

83. Я ударюсь *да* низко кланяюсь

(Арх., Мезень. Вариант напева № 68)

Я ударюсь *да* низко кланяюсь.
И отворочу я лицо белое
От большого угла от переднего,
От иконок *да* лику Божьего,
От свеч-то ль *да* воску ярого
И я от вор-то *да* от лукавого,
От лукавого сладка вилавого,
От змея [ли *да* семи]главого,
И от враля еще редкозубого.
И приворочу я лицо белое
Ко ранней-то зоре утренней,
Ко маревну *да* красну солнышку,
Ко кирпичней *да* жаркой печеньке
И ко желанной *да* своей мамушке,
Родной да своей печальщице,
Ко нощной крепкой *да* богомольщице.
Я спрощу ли тебя, моя желанная:
У нас что же *да* пришли за люди?
У нас кто, да еще кто *да* так-то загостил?
И хошь не скажешь, моя желанная,
Я сама боле знаю-ведаю:
А тут не гости *да* стоят — вороги,
Супостаты *да* трубчатой косы,
А лиходеи *да* девьей красоты.
И понесите *да*, ноги резвые,
А поведите *да*, очи слезные!

В другу комнату пойдут:

Наперед ступлю ногой правою,
Позади ступлю ногой левою,
Все зайду, млада кручинная,
Во клетчаську свою избушечку.

Вот и посадят боле ее плакать:

Как вот я дак, а красна дева,
Я ходила *да* проударилась,
Я пробила *да* руку правую,
Я пробила *да* проударила.
Мое горюшко-горё а тошнехонько,
А уж я сяду ле, млада кручинная,
А на брусчатину *да* сяду лавицу.
А я роскину *да* очи слезные

А я по всем да еще людям добрымы,
А по подружечкам *да* задушевнымы.
И охти мнечушко горё а тошнехонько,
А ум-разум ли у мня а рассыпалсе.
А раскололось мое ретиво сердцё
И оно на две *да* половиночки,
А на четыре мое че... четвертиночки.
А не найти да боле только лекаря,

Вот и мама сядет, будет плакать, петь.

А не спала я *да* высыпаласе
А как у схожего *да* красна солнышка,
У желанной *да* своей мамушки
Сего(д)нешну-*то* тёмну ноченьку,
А я ждала да только дожидаласе
А я кукушьего *да* кукованьица,
И я петушьего *да* воспеваньица,
А ждала мамушкиного, жениться
Ждала я татушки распоряженьица.

Не отыскать да боле только мастера.
А чтобы склал да мое ретиво сердцё
Он по-старому бы, тут по-прежнёму,
А как по-прежному-то, он по-девьему.
Подойди-косе, моя а желанная,
А поприбавь-ко мне-ка ума-разума
А во мою *да* только буйну голову
И во мое *да* только ретиво сердцё.

Они ходят, мои, потихохонько,
Они и ступают *да* помалехонько,
Не разбудить чтобы меня, сердечнюю,
А ядреным, да сталью звенёхоньким,
Удалым, да сталью удалёхоньким!
А зажелали меня заневолити
А за чужого-то меня чужинина.
А не надельная стала работенка,
И не надельная стала, а изменная.

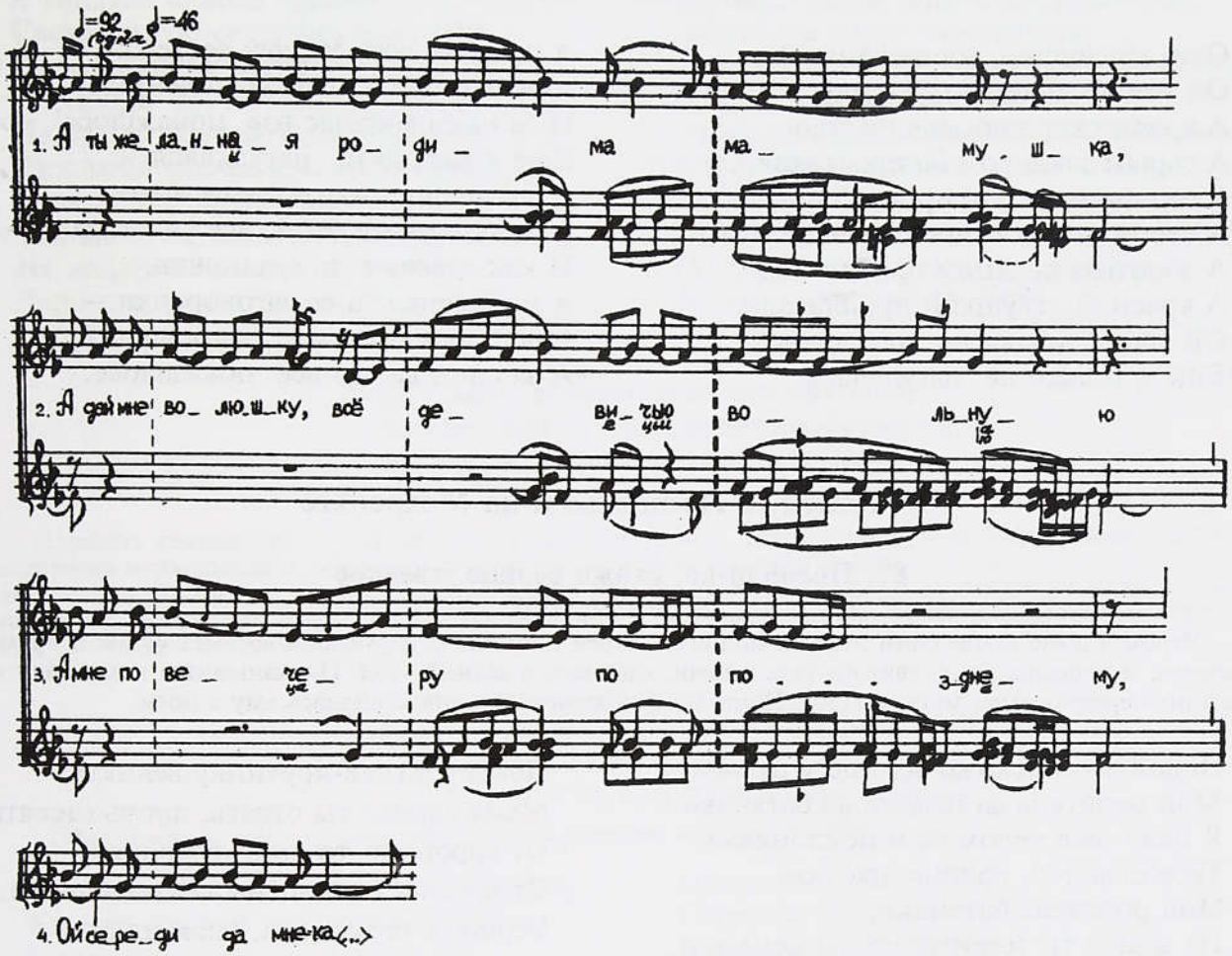
ПРОЩАЛЬНАЯ БЕСЕДА

А) Девишник на Мезени

84. Охти мнечушко, тошнехонько!
А я спрошу у тя, схоже солнышко
(Напев № 85)

Охти мнечушко, тошнехонько!
А я спрошу у тя *да*, схоже солнышко,
А я, родимой ле *да* мой ты татушка,
А дайте волюшку мне-ко да вольнюю
Пойти ноне ж-от недолгой денечек
А посидеть мне
со девицами-*ти* то со красныма,
А с молодцами мне-ко со удалыма,
А веселиться мне-ко теперь порадоваться
А не девицею ж *да* душой красною,
А мне княгинюшкой-*то* заручённою,
А мне невестой *да* бласловлённою.
А как у Вас да, схожо мой ведь татушка,
А пускай ли поют тут *да*
девицы теперь, поиграют же.
А как последне-то мое девичество
А боле всё да мое нарушилосе!
Пускай играют тут
удалы-ти *да* добры молодцы.
А вам спасибо-те *да*, добры молодцы,
А боле я с вами *да* находиласе,
А рукой во руку *да* наводиласе.
А боле всё-то *да* моё кончилось,
А боле все да мое нарушилосе!

85 а) А ты желанная родима мамушка,
б) Тебе спасибо ле, доброй молодец



А ты желанная родима мамушка,
А дай мне волюшку всё девичью вольную
А мне по вечеру по позднему,
Ой середи да мне-*ка* темной ноченьки
И мне сыграть ле *да*, белой лебеди,
Ой мне хорошие красёнски песничёк,
Ой чтобы ходушки не застоялисе,
А красны девушки не засиделисе,
А молодцы чтобы не осердилисе.
А вы играйте *да*, добры молодцы,
И мне-ка волюшка-то ведь дана вольная,
А мне гроза-то дана ведь грозная.

На девишнике невеста не плясала, не играла. Бывало, у жениха все на коленях сидела. Ее парни звали, она вместе с подругами каждому "спасибо" отплакивала, но сама не шла, а с женихом-то пойдет:

Тебе спасибо ле, доброй молодец,
А ты зовешь ле меня, жалуёшь.
А не на прошлом *да*, повечно спасибо!
Уж как я больше *да* находилась,
Уж я с вами *да* нагулялась.

86. Охте мнечушко, тошнехонько!
Ой все прошло да мое прокатилося
(Напев № 85)

Охте мнечушко, тошнехонько!
Ой все прошло да мое прокатилося
А красно хорошо девичество:
А серым заюшком *да* проскакало,
А горностаюшком пропрыгало,
А серой уточкой проплавало,
А золотым кольцом проблискало,
А красной девушкой проплакало.
Ой еще я только не находиласе,
Еще я только не нагулялася
А во кругах-то *да* ряду девьего,
А во застеночках *да* во ходечиих.
И за один миг-час все показалосе!
Еще я только не нагулялася
А я с девицами- ти с красныма,
А с молодцами-ти *да* все удалыма.
И как девочия та гуляночка,
А молодецка та *да* заговорочка —
Еще прошло да мое, миновалосе,
А за один да час все показалосе.

Б) "Канун" в Поонежье и на Мехреньге

87. Подойди-ко, схожо солнце угревное
(Напев № 100)

Утром в доме после бани невеста молилась перед иконой, которую она возьмет с собой в дом жениха, и переходила из святого угла к печи, садилась в задний угол. Плакальщицы подзывали к ней поочередно отца, мать, подруг. Когда отец подходил, то она кланялась ему в ноги.

Подойди-ко, схожо солнце угревное,
Мой родитель да надежа да батюшко.
Я паду тебе челом *да* и поклоняюсь.
Тебе спасибо, солнце красное,
Мой родитель батюшко,
Не жалел ты золотой казны-денежки,
Обряжал ты дочь свою косатую ласточку.
Понесу я гнев-кручинку великую:
Меня сдумал ты отдать, прочь отсеяти
От хорошего-то лета угревного,
От красноей-то весны солнопечноей.
Верно, я те надоела, наскучила,
Верно, не трудница была, не работница.

88 а) Сядем мы, милая подружка любовная,
б) Уж я что сижу, обсиделася
(Вариант напева № 100)

Подруге:

Сядем мы, милая подружка любовная,
На дубовую тесовую лавочку
Не на первую беседу — на последнюю,
На последнюю беседу собранную,
Между два окошечка стекольчатых.
Рассердились-то на меня свет-сердешны родители,
Они вздумали меня прочь отсеяти
На чужую на дальнюю сторону,
Ко чужим-то свет-сердечным родителям.
Уж я как-то буду жить-обживатися?
Уж я как-то буду привыкать к чужой семье?
Уж я как-то к ним прилажуся?
Уж я как-то к ним приглянуся?

Сестре:

Уж я что сижу, обсиделася,
Я на милых подруг огляделася,
Я увидела сквозь туман слезы горькие
Свою милую сестрицу родимую.
Ты моя милая сестрица родимая,
Ты приди-ка, посиди со мной,
На белую брусовую лавочку.
Да с тобой побасим, посоветуем,
У нас не первая с тобой беседа — последняя.
Так же и ты, моя сестрица родимая,
Не надейся на своих родимыих:
Даром, что они добры да ласковы.
А вешние ледочки подмойчивы,
Они трещат да вдруг подломятся.
Так-то и наши сердечные родители,
Добрят, да вдруг рассердятся.
Отдают меня, молоду да молодешеньку,
За мхи да за озеры глубокие.
Уж не зазвонят да звоны колокольные,
А забрякают шишки еловые.
На чужой-то дальней стороне
Свекор будет журити, а свекровь бранить.
Уж как я-то подобьюся к ним?
Да как я им понравлюся?

89 а) Стань, надежа родитель-матушка,
б) Подойди, надежа родитель-батюшка,
в) Милые любезные подруженьки
(Вариант напева № 100)

Невеста прощалась с родителями, родственниками, подругами. Слова причитания напевала старушка плакальщица, а невеста подпевала — *водила голосом*, нередко теряя слова и захлебываясь от слез. Затем она переходила из заднего угла в передний, за стол, где ей вновь вручали приношения. К ней по одному подходили родичи и *дарили* ее, клали подарки на тарелку. Невеста еще раз со всеми прощалась.

Матери:

Стань, надежа родитель-матушка,
Ко мне, милой сердечной дитятке.
Ты задумала меня отдать
На злодея — на чужую дальнюю сторону.

Обращение к отцу с просьбой призвать братьев, если их нет дома:

Подойди, надежа родитель-батюшка,
Ко мне, милой сердечной дитятке.
Ты задумал меня прочь отдать
На злодея — чужую дальнюю сторону.
Ты возьми листик бумажки гербовой,
Ты возьми чернила ореховые,
Сядь на белую брусцовую лавочку
Ко дубовому столику,
Напиши скорую, скорописчатую грамоту.
Выйди на широкую пробойную улочку,
Поклонись ты ветрам буйным.
Вы раздуйтесь, ветры буйные,
Унесите скору, скорописчатую грамоту
На злодей — на чужую дальнюю сторону
Моим милым родимым брателкам.
Прилетит эта грамотка,
Падет на плечико да на левое,
С левого да на правое.
Прочитают милы родимые брателки,
Замрет их сердечко ретивое,
Задрожат ручки белые,
Затрясутся ножки белые:
Отдают-то милу сестрицу родимую.
Погляжу сквозь туман да слезы горькие:
Едут, идут кони ступистые,
Гремят сани со шинами,
Едут милые родимые брателки
На мою печальную, слезливую свадебку,
Заезжают в ворота дубовые,
[Они в наши] в сараи высокие —
Ой кого нет, так и негде взять.

Наказ подругам:

Милые любезные подруженьки,
Накажу вам наказанье немалое.
Накажу вам, милые подружки любовные:
Вы в родительском доме да в теплом гнездышке
Спойте хорошую жалобную песенку.
Вы идите на широкую на пробойную улочку,
Спроводите честно да именно.

Потом невеста выходила из-за стола, тряхнув салфеткой, чтобы подруг скорее брали замуж, раздирала тряпку, обычную, которой вытирают пыль, и лоскуты раздавала девушкам.

БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ХЛЕБ-СОЛЬ

90. Я последню *да* ужину узнала

(Арх., Мезень. Вариант напева № 68)

У невесты ожидали приезда чужих. В последний раз ее мать приносила девушкам перекусить. Перед тем как подняться из-за стола, они "давали спасибо":

Я последню *да* ужину узнала,
Последню *да* ествy кушала.
Тебе спасибо ль, схожо солнышко,
На потрепущих *да* свежих рыбочках,
На полетущих-то тетёрочках.
А я жила да у вас, красовалаcе,
Ровно сыр ле в масле купалася,
И ровно сахар *да* колупаласе.
Я жемчужинкой у вас каталасе
По серебряной тарелочке.
Тебе спасибо, моя желанная,
Тебе на завтраках, желанная,
И на обедах тебе на сладных[1],
На горячих *да* теплых шанюшках,
Еще на тонких беленьких рубашечках.

Портна ткали да шили рубахи портяные. Не сами сряжались, а родители сряжали.

91. Слава тебе, Господи

(Арх., Каргополье. Напев № 74)

Под самую свадьбу невеста и подруги обходили родственников. В каждом доме их кормили, а под конец ели саламату. Девушки втыкали в еду ложки и начинали "Славу". Невеста в перевязке, покрыта большим платком — кланялась.

Слава тебе, Господи *да*,
Напиласе я, наеласе *да*,
В большом месте насиделася *да*,
Красной ложкой нахлебалася *да*,
Любой гостьей насчиталася *да*.
Я первую ествy кушала *да* —
Я белую лебедь рушала *я*.
Я вторую ествy кушала *да* —
С пирожка съела начиночку *да*.
Уж я третью ествy кушала *да* —
Толоконце в масле мешано *да*.
Дай быть, Господи, хозяину *да*:
На полосоньке прижитисто *да*,
На гум[н]ёшке примолотисто *да*,
Что на мелёнке примелисто *да*,
Во заслончиках прибависто,
Во квашёнушке примешисто *да*.
Куда солнышко катилосё *да*,
Куда красное садилося —
Туда кра*с*ота катилася.

После "Славы" выходили из-за стола.
Сравните: № 118, 435, примеч. к № 404 (см. окончание).

МНИМЫЕ СТРАНСТВИЯ ПОСРЕДИ ИЗБЫ

92. Что за чудо, да что за диво великое

(Арх., Онежское Поморье. Напев см. в Примеч. к № 60)

Утром накануне венчания по возвращении с последней гостьбы невеста спрашивала у отца, затем у матери и божатки позволенья идти "во чужу да злу неволю великую", после чего следовало большое причитание. Во время этого причитания невеста ходила по избе как обычно со своими девушками-подручницами и делала вид, что ищет дорогу.

Что за чудо, да что за (диво великое)?
Где заходилася я да за(блудилася)?
Во лесах-то я, во бо(лотах),
Во приглубенных о(зерах)?
Во темных во лесах во дре(мучих)
Ходила я, гуляла, сиза (голубушка),

[1] *Сладный* — сладкий.

В лес по сахарные спелые (ягоды).
Прежде этой поры-(времени)
Уж я-то не блудилась во тём(ном лесе),
А сегодня заблудилась я, захо(дилася).
Не знаю я, мне идти ку(да),
В кою сторону да во ко(торую).
Помолюсь я да покло(нюсь Богородице):
"Открой-ка узеньку тро(пинку неширокую)".
Уж увидела я тропинку (узеньку, неширокую).
Пойду по этой-то тро(пинке неширокой),
Куда-нибудь я и выйду.
Во чистом поле у тро(пинки)
Стоит беленька береза (кудреватая),
На той беленькой березе (кудреватой)
Сидит горькая кукуша.
Я и спрошу-то, глупа (сиза голубушка),
У тебя, горькая кукуша:
"Во кою идти да во ко(торую [сторону])"?
И говорит-то мне горькая (кукуша горегорькая):
"Ты иди да, глупа сиза го(лубушка),
По той узенькой тропинке,
Дойдешь до славной до Ду(най-речки быстрой).
В этой славной-то Дунай-(речке быстрой)
Плавает серая водо(плавная уточка)
Со своими сердечными (милыми деточками),
Все одна да назади оста(вается)".
Пошла я, глупа сиза го(лубушка),
По той узенькой тропке неши(рокой),
Дошла до славной Дунай-(речки быстрой).
А после того и пошла
Вниз по славной Дунай-(речке быстрой).
Потом дошла я до хороших
[До] раскосчатых пожинок.
Тут я вспомнила, что жила
Я, глупа сиза го(лубушка),
Во работах да каза(чихах).

Дошла она и видит: косят их.

Уж я глупая да нера(зумная),
Уж найду я тут свой дом, тепло(витое гнездышко)!
Пришла я о свою веселую (Тамицу),
Уж я глупая да нера(зумная)!
Тут не мхи да болота глу(бокие),
Тут не темные лесы дре(мучие),
Тут не белая берез[а] ку(древатая),
Тут не горькая кукуша (горегорькая)
Со своими со горькими (слёзами),
Тут не сера водоплавная (уточка) —
Все одна я, глупа сиза (голубушка),
Да назади оставалася.
Тут стоит-то народ-(люди добрые),
Тут пол-то да дубо(вые доски),
Тут сидят милые под(ружки полюбовные),
Они сидят на белых на бру(совых лавочках).
Отставала я, глупа сиза (голубушка),
От своих милых подружек.

93. Охти мнечушки, тошнехонько! Я ставала, лебедь белая

(Арх., Мезень. Вариант напева № 85)

На второе свадебное утро, до того как приезжал жених и забирал невесту с собой, девушки пели длинные *плаксы*.

Охти мнечушки, тошнехонько!
Я ставала, лебедь белая,
Я по утру стала по раннему
До восхода еще красна солнышка,
До занимушки *да* зори утренней.
Выходила *да,* лебедь белая,
На широку- то на улочку
И на прекрасну *да* путь-дорожечку.
Хорошим везде *да* хорошохонько,
Дороднim везде *да* дороднёхонько!
И вдруг задули *да* ветры буйные
Как со всех только четырех сторон:
И как со летней, со западной,
Со восточной-то, со северной.
И закатились *да* тучи темные,
Загремели *да* громы грозные.
А из первой *да* тучи темное[й]
Полетели *да* снеги белые.
А из второй ле *да* тучи темноей
Задожжили *да* часты дождички.
А как из третьей *да* тучи темноей
Загремели *да* громы грозные.
А из четвертой *да* тучи темноей
Вылетала *да* громова стрела.
Она летала, шибко свистала
Кругом нашего-то *да* широка двора,
Круг высока *да* наша терема.
Забегала я *да,* лебедь белая,
На прекрасно- то крылечушко,
На тёсово-то *да* передизьбице,
Во свою да *ле* светлу светлицу,
Во хрестьянску свою избушечку.
Я стояла *да*, лебедь белая,
Я под липовой да грядочкой,
Под скрипучей- то полаточкой,
У кирпичной *да* жаркой печеньки
И у частых только мелких приступочек,
У точёного-то столбышка,
Я у медна *да* рукомоичка.
Я чесала *да* свою буйну голову,
Заплетала *да* трубчату косу,
Я вплетала *да* косоплеточку,
Я вязала да еще ленты алые —
Залетала *да* громова стрела,
Она в нашу-то *да* светлу светлицу,
Во хрестьянску- то избушечку,
Не дверями да она, не воротами,
Она целым ле *да* окладным бревном.
Она тут только меня заметила,
Она тут да меня заприметила,
Она тут только меня подстрелила
Как под правою- то махалышко,
Как под леву *да* меня перышко.
Уж я тут да, бедна, испугалася,
Уж я тут да еще перепалася.
Забегала я *да*, лебедь белая,
Во заборну *да* белу шолонку,
За желанну *да* свою мамушку.
И говорит и ле *да* мне желанная:
"Не убойся ты, мое сердечное,
Это все да еще в людях дается".

94. Охти мнечушки, тошнехонько! А я побьюсь ле, низко покланяюсь

(Арх., Мезень. Вариант напева № 85)

Плаксы девушки адресовали каждому из пришедших попрощаться с невестой. Если она выходила в чужую деревню, то причитали брату невесты, *чтобы съездил да жениху нахулил.*

Охти мнечушко, тошнехонько!
А я побьюсь ле, низко покланяюсь
Я кругом ле *да* на околицу,
Я одному *да* на особицу,
Я родимому-то брателке.
А ты послушай *да*, добрый молодец,
Об чем я да тебе буду конатися,
Об чем низко *да* поклонятися,
Я вербой ле *да* возгибатися,
Я червёй да *ле* извиватися,
Девьим сердцем да буду унижатися.
А уж ты сделай да мне-ка послушаньице,
Ты велико да мне-ка уваженьице.
Ты сходи-ко *да* на конюшен двор,
Ты возьми-ко коня езжалого,
Запряги-ко коня езжалого

В белодубовы *да* пошовёночки,
Ты сходи-ка, еще езди-ко
До чужой-то *да* дальней сто*р*оны,
До злодеюшки *да* незнакомого,
До чужа-то ле до чуженина,
До чужа только сын*а* отецкого.
Ты приедешь да еще на широкий двор
Ты к егому-то высоку терему,
А привяжи-кося коня езжалого
Ты ко столбышку точёному,
Ты к колечку *да* золоченому.
Если нет у них столбов то*ч*еных,
Нет колечушек *да* золочёных —
Уж ты к колышку еловому,
Ты к колечку вересовому.
Ты зайди *да* в их избушечку:
"Живете ле, — скажи, — здорово-те".
И ты пойди еще, родимый брателко,
Ты меня еще хулить-расхуливать.
Скажи, хвора да у нас, нездоровая,
Скажи, крива она у нас, безглазая,
Как хрома ле она, безногая.
Бывaт, лучше они откажутся,
Бывaт, лучше они отступятся.
Если они да еще не откажутся,
Если они да еще не отступятсе,
А ты пойди ле *да*, добрый молодец,
Ты до ихних *да* светлых светлиц,
Ты до ихнего *да* широка двора,
Зареви ты по-звериному,
Засвисти ты по-соловьиному.
Бывaт, лучше они откажутся,
Бывaт, лучше они отступятся.
Если они да еще не откажутся,
А ты пойдешь ле, когда поедешь,
Середи еще *да* путь-дорожечки
Заклади да еще частым ельничком,
Частым ельничком, березничком,
Уж ты горьким *да* вересеюшком,
И не пройти да чтобы не проехати!
Уж тогда-то они откажутся,
Уж тогда-то они отступятся,
И тогда-то они воротятся.

ПРОВОДЫ НЕВЕСТЫ

95. Уж простите, сердечные родители

(Арх., Онежское Поморье)

Уж простите, сердечные ро(дители)!
Во честном моем да во де(вичестве),
Во похвальном да во о(течестве)
Жила да красовалася
У вас, мои сердечные ро(дители).
Теперь вот уезжаю вон из (дома родного),
Со своего со тепловитого со (гнездышка).
По сегодняшнему денечку поез(жаючи),
Перва путь-то мне дороженька ши(рокая) —
Слава всемирная по всей (улице),
Вниз по тихой реке да Дунай (быстроей),
По протихой-то да Уне ши(рокоей),
Перва путь-то мне до(рожка [широкая])
Да во Божь*ю* церкву,
От вас, мои сердечные ро(дители).
А как вторая-то моя *да* путь-до(роженька широкая) —
В чужой дом да нетепло(витое гнездышко),
Не ко мил*ы*м, да не ко сер(дечным родителям).

96. Не вода-та ли матка вёшняя
(Костромск., Поветлужье)

Не вода-та ли матка вёшняя,
По лугам вода разливается,
Тятеньке во двор она вливается.
Под вереюшку вода подмывала,
Всю соломушку вода поднимала.
Ой да что идет да дружка по мосту,
Он берет да ведь скобы на руки,
Отворяет он двери на пяты,
Всё на пятушки на вырезныя,
Всё на крючки-ти на железныя,
На гвозди на полужённыя.
Ты иди, дружка, иди не шоборшко,
Говори, дружка, ты не говорко,
Не пугай-косе красну девицу.
Без того она иль напугана,
Напугал родимый тятенька
И еще родная мамонька.

97. Ты не гнися же, половочка
(Костромск., Ветлуга/Юг)

Ты не гнися же, половочка,
Не ломайся, переводинка,
Не тяжелешенька же я иду.
Да буде тем-то тяжелешенька
Я со горем со великиим.
Я первый ключ обронила —
Своих знакомых и подруженек.
Я второй-от ключ обронила —
Свою дивью свою красоту.
Я уж третий ключ обронила —
Свою любимую сторонушку.
А я четвертый ключ обронила —
Своих родителей, отца да мамочку.
Вот спасибо-то, родители,
Вам за хлеб и соль,
Вам за лучшую нарядушку,
Да за хорошую державушку.
Благослови-ко меня, мамочка
и тятенька,
Ко венцу да мне-ка ехати,
Венец на буйну голову мою поднять.

98. А уж ты дай-ко, мой красной солнышко
(Арх., Верхн. Мезень. Напев № 49)

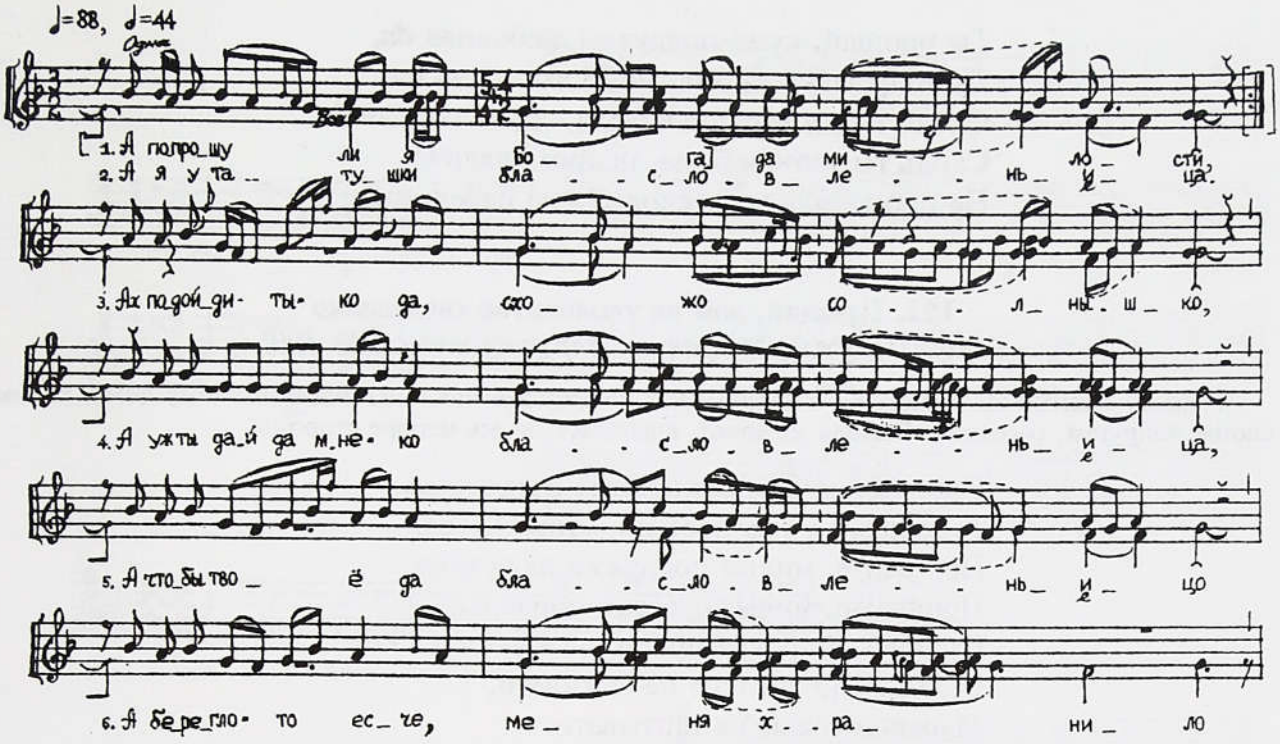
На проводах к венчанию обязательно высказывалась благодарность "за платье". Подруги и невеста просили принести венчальный наряд. Если путь до церкви неблизкий, если непогода, то на невесту наденут венчальное уже в притворе церкви.

А уж ты дай-ко, мой *да* красной со(лнышко),
А ты ключень-то *да* мне золо(ченый).
А уж ты дай-ко, мой *да* красной со(лнышко),
А дорого обручальное *да* цветно пла(тьице)
А мне срядиться *да* сподоби(тися)
А мне ко чужим-то людям ко до(брым),
А ко чужому сыну оте(цкому),
А мне принять ли *да* брак венчаль(ный)
А мне со чужим-то сыном оте(цким)
А во чужи-ти *да* люди до(брые).

99.[А попрошу ли я Бога] да милости
(Арх., Мезень)

Приехали *на бранье* жених, дружки, сваты. Девушки заняли стол и проход к невесте загородили. Дружки спрашивали: "Вы кто и что здесь делаете?" — "А нас посадила княгиня молода". — "А что же вы хотите?" — "А мы от вашего князя подарков ждем". Девушкам давали подарки, деньги. А они: "Наша княгиня не столько стоит. Она у нас не грошова, не копеечна". Им давали еще. Они: "Наша княгиня как малина, ваш князь как сокол, кладите боле!" Им еще добавляли. Они отгребали по четырем углам, чтобы середка стола была пуста: "Наша избушка — четыре угла, пятая печка, кладите боле!.." *А которы дружки мало набросают, так девки и стол унесут!*

Ну так поторгуются (вариант № 548). Наконец, доверенная подруга говорила: "Благодарю покорно". Невесту за стол заводили. Приносили хлеб-соль, икону, скатерть. Тогда родители и благословляли невесту. Под причитание девушек. И невеста плакала, ей деньги клали.

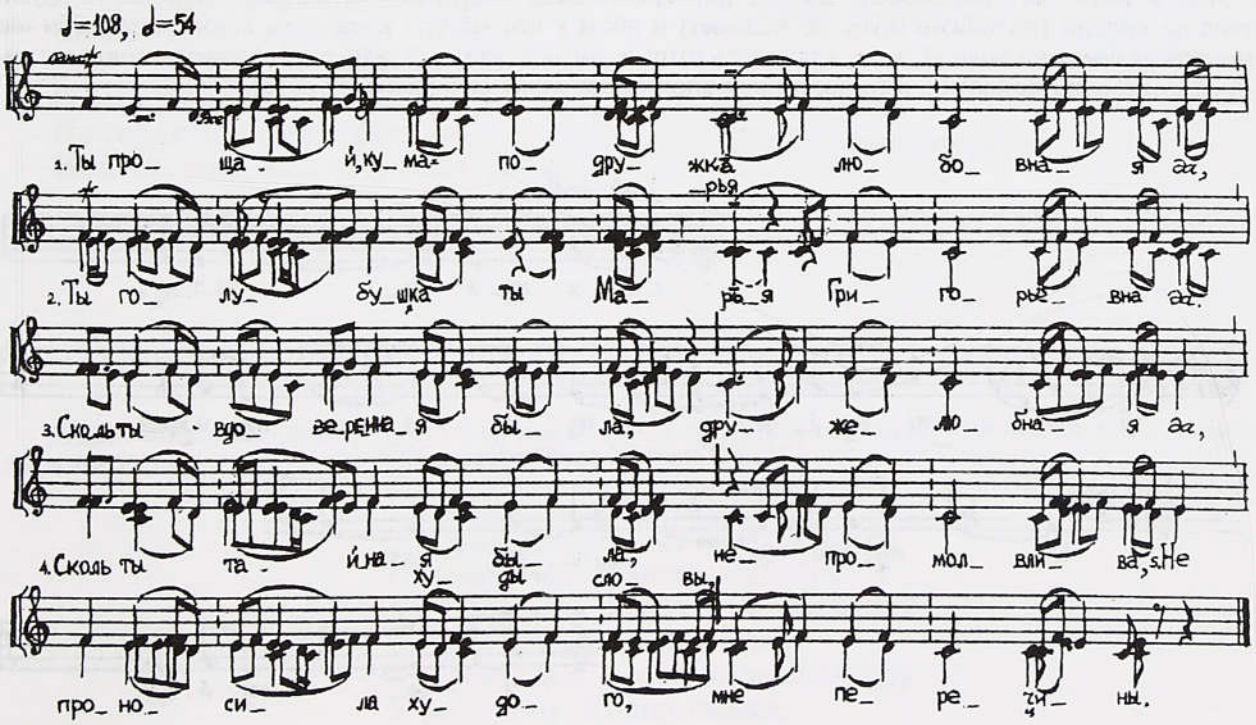


[А попрошу ли я Бога] да милости,
А я у татушки бласловленьица.
Ах подойди ты-ко *да*, схожо солнышко,
А уж ты дай да мне-*ко* бласловленьица,
А чтобы твое *да* бласловленьицо
А берегло-то есче, меня хранило
А как от пурги, то от падюрги,
А вот от той да мелкой заметелицы.

100. Ты прощай, кума-подружка любовная

(Арх., Мехреньга)

Настало время невесте отправляться с женихом в церковь. Плакальщицы-стиховодницы, а с ними и подруги невесты на прощание напевали ей, уже готовой покинуть отчий дом:



Ты прощай, кума-подружка любовная *да*,
Ты голубушка ты Марья Григорьёвна *да*.
Сколь ты вдоверенная была, дружелюбная *да*,
Сколь ты тайная была, непромолвлива,
Не проносила худы словы, мне перечины.

101. Прощай, дом да тепловитое гнездышко

(Арх.,Поонежье/Мехреньга. Вариант напева № 100)

Невесту с женихом повели к венчанию. Она отвешивала поклоны родительскому дому, потом своим подругам, соседкам. Выходя из ворот, кланялась на все четыре стороны.

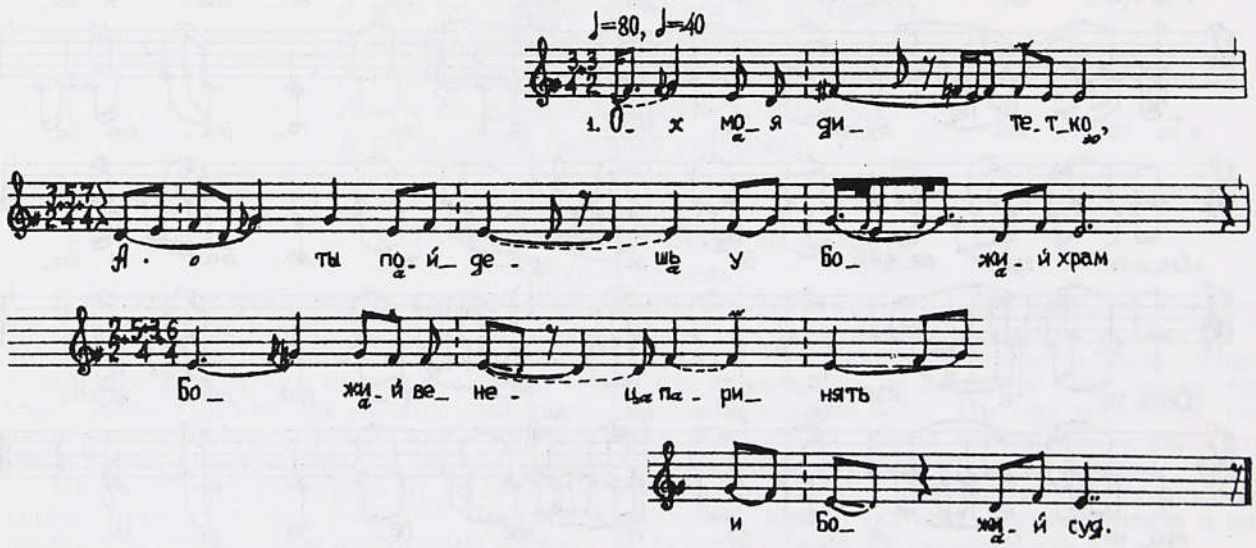
Прощай, дом да тепловитое гнездышко.
Теперь все у нас прошло, миновалося.
Прощайте, милые подружки любезные.
Прощайте, милые суседки порядные.
Прощай, широкая просторная улица,
Больше мне по тебе не хаживати,
Муравой травы не таптывати.

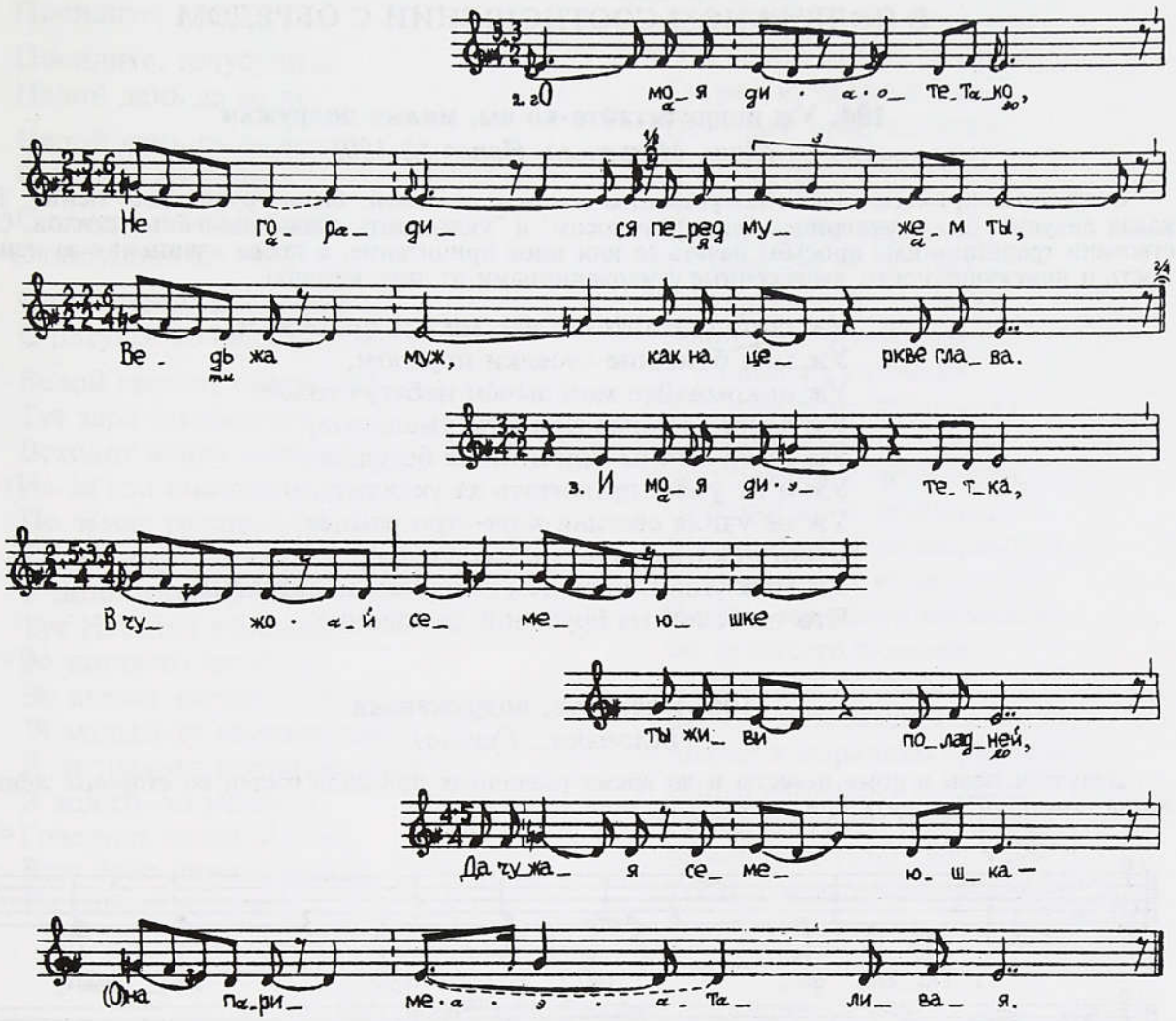
102. Ох моя дитетко

(Белгородск., Потудань/Тихая Сосна)

Перед отъездом жениха с невестой, когда в доме невесты заканчивали кормить *повозников*, а девки прощальные свадебные песни играли, тогда же родители под шумы и звуки песен благословляли дочь. Между столами и печью "наземь" стелили шубу мехом наружу. Невесту подводили к краешку шубы, родители невесты становились по другую сторону, справа — отец с караваем, большим круглым пирогом, слева — мать с иконой.

Невеста была все время *нагнутая*. Незавязанный платок глубоко надвигала себе на лицо, свисающие концы придерживала левой рукой (правой-то крестилась). Отвешивала поклоны матери и отцу в ноги: вот поцеловала икону, перекрестилась, оперлась костяшками пальцев о шубу, стала на колени (коленями шубу не задевает) и лбом у ног матери коснулась шубы, *это щёбы они* (молодые) *богатые были*. Так же кланялась отцу, а он целовал ее в макушку. Невеста подымалась, снова повторяла поклоны, в то время как вполголоса *мать обголашивала дочеря*:





Ох моя дитетко,
А ты пойдешь у Божий храм
Божий венец принять
и Божий суд.
О моя дитетко,
Не гордися перед мужем ты,
Ведь жа муж, как на церкве глава.

И моя дитетка,
В чужой семеюшке
ты живи поладней,
Да чужая семеюшка —
(О)на приметливая.

Родители говорили: "Дай Бог счастья-доли". Благословили, каравай положили на стол, повозники выходили из хаты на двор. Тут и невесту за ними вели.

103. Уж милые мои подружуньки

(Волгоградск., Бузулук. Вариант напева № 58)

Перед отбытием свадебного поезда две подруги стояли на полозьях, причитали от лица невесты и не давали саням тронуться с места, пока не закончат.

Уж милые мои подружуньки!
Уж закрывается светлая светлица,
Открывается темная темница.
Уж отволила я свою ведь волюшку
У родимой ай маманюшки.
Уж отволила я свою ведь волюшку
У родимого а папанюшки.

ПЕСЕННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ В ПОДВИЖНОМ СООТНОШЕНИИ С ОБРЯДОМ

104. Уж попричитайте-ко вы, милые подружки

(Арх., Мехреньга. Напев № 100)

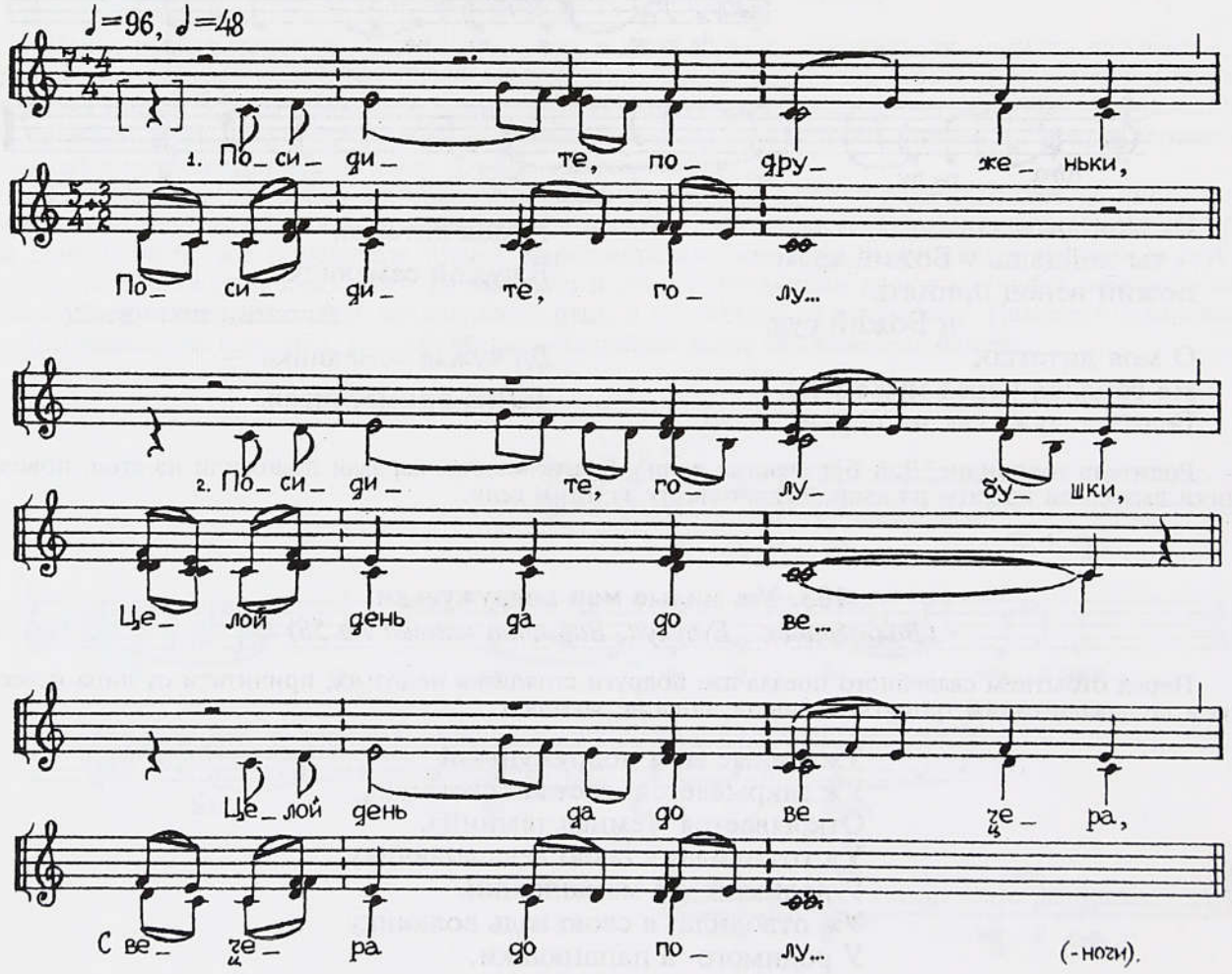
Свадебные причеты-*стихи*, по уверению местных жителей, были трудны для пения. Редко какая девушка была мастерицей "водить голосом" и "укладывать слова" свадебных стихов. Существовали традиционные просьбы начать то или иное причитание, а также извинения за неискусность и неискушенность, выраженные стиховодницами от лица невесты.

Уж попричитайте-ко вы, милые подружки,
Уж мои ближние суседки порядом,
Уж покрывайте мой зычён небегуч голос.
Уж ваши славные причеты умельные,
Уж ваши зычны причитанья бегущие
Уж и не умею причитать да укладывать.
Уж не учила светлая заря-утро раннёе,
Было некогда сидеть красоватися
Уж меж угла и красным окошком косетчатым,
Что на белой на брусовой да лавочке.

105. Посидите, подруженьки

(Вологодск., Сухона)

Девушки пели в доме невесты и во время различных приездов гостей со стороны жениха и когда помогали готовить приданое.



Посидите, подруженьки,
Посидите, голу...

Посидите, голубушки,
Целой день да до ве...

Целой день да до вечера,
С вечера до полу...

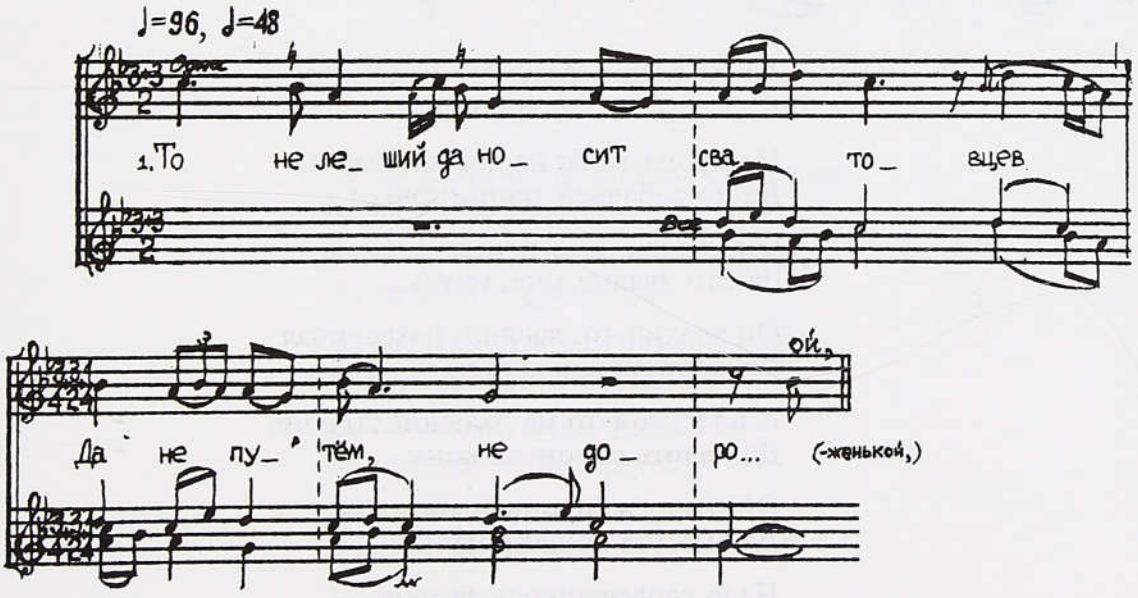
С вечера до полуночи,
С полуночи до пе...

С полуночи до пе*т*ухов,
С петух*о*в до бел*а* (света).

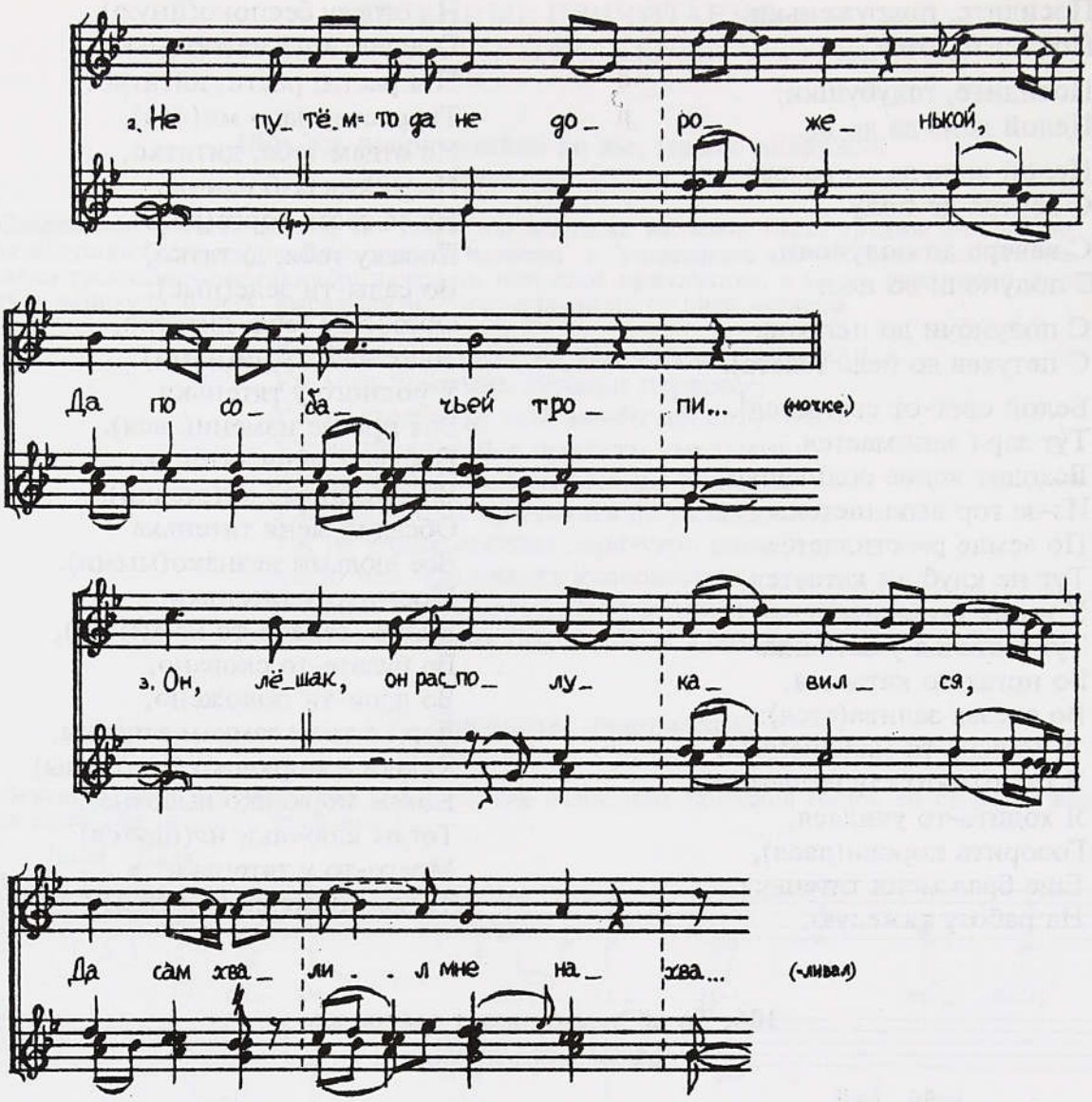
Белой свет-от светается[1],
Тут заря занимается.
Всходит ясное солнышко,
Из-за гор выкатается,
По земле расстилается.
Тут не клуб ли катается,
У ногах увива(ется) —
Тут Наталья у батюшка
Во ногах-то катается,
Во слезах залива(ется):
"Я малым-то малешенька,
Я глупым-то глупе(шенька),
Я ходить-то училася,
Говорить норови(лася),
Еще брал меня тятенька
На работу тяжелую,
На страду беспоко(йную).
Говорил мне-ка тятенька:
"Ты расти, расти, дитятко,
Ты расти, чадо ми(лое),
Не отдам тебя, дитятко,
Не за князя-боярина,
Не за гостя торго(вого).
Посажу тебя, дитятко,
Во сады-ти зеле(ные),
Обгорожу тебя, дитятко,
Золотыми тыни(нами)".
У родного у тятеньки
Вся правда измени(лася).
Посадил меня тятенька
Во стыдливое ме(стечко),
Обсадил меня тятенька
Все людьми незнако(мыми).
Моего-то у тятеньки,
Видно, сердце-то ка(менно),
Во булате-то сковано,
Во лари-ти положено,
Лари с трем замкам заперты,
Ключи в морюшко бро(шены).
Когды морюшко высохнет,
Тогды ключики на(йдутся).
Моего-то у тятеньки
Тогды слезы пока(жутся)".

106. То не леший носит сватовцев

(Арх., Сев. Двина)



[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится. Форма строфы не изменяется.



То не леший *да* носит сватовцев
Да не путем, не доро...

Не путем-то *да* не дороженькой,
Да по собачьей тропи(ночке).

Он, лешак, он располукавился,
Да сам хвалил мне, нахва...

Он хвалил-то, хвалил, нахваливал
Да чужу дальнюю сто...

А на чужой-то на дальной стороне
Да надоть силонька кони...

Ой, надоть силонька кониная,
Да вмогута лошади(ная).

Надо сердечушко железное,
Да чтобы не роспало(се),

Надо рученьки железные,
Да чтобы не устава(ти).

Я жила-то, жила у батюшки,
Да я жила красова(лася),

У кормилицы своёй матушки
Спала да любо ходи(ла),

Я не знала у жалостницы,
Откуль заря-то занима...

Откуль заря-то занимается *ох*,
Да белый свет россвета...

Да белый свет россветается,
Откуль солнце выхо(дит).

Говорила я родному батюшку
Я с того раннёго у(тра):

"Ты сходи-ко, родимый батюшка,
Да к кузнецу хитрому.

Уж ты скуй-ко, родимый батюшка,
Скуй топор, вострy са(блю).

Засеки-ко, родимый батюшка,
[Да] засеки-ко ты за...

Засеки-ко ты засеку
От востока и до за...

От востока и до западу,
Да от земли да до не(ба),

Чтобы той да живой да розлуке
Да не пройти *да*, не прое...

Не пройти, не проехати,
Соколом не пролететь".

107. Да вы встречайте-ко нас, родители

(Там же. Напев № 106)

Да вы встречайте-ко нас, родители,
Да со пути, со доро...

Да со пути-то *да* со дороженьки,
Да со дела, со рабо(ты).

Да все мы, бедные, притомилися,
В ковыль-траву приклони(лись).

Да ножки-то у нас шатаются,
Да за траву запина(ются),

Да вот за ту траву шелковую,
Да за осоку резу...

За осоку за резучую,
Да за крапиву жигу(чую).

Я осоку ту резучую
Да всю серпом пожина(ла),

Да я крапиву ту жигучую
Да рукавом сорыва(ла).

Эх спала, спала-то у батюшка,
Да спала от свету до (свету).

Я не знала, с кои сто*р*оны,
Откуль заря занима...

Откуль зорька занимается,
Да белый свет настает.

А вечёра, бедные, мы выброшены
На чужу дальнюю сто*р*(рону).

А там сторонка-та не чужая,
Там только люди чужи (живут).

А там учить будут, переучивати,
Да торить, перето(ривати).

Я ученьица-тореньица
Да на веку не вида(ла).

108. Охти мнечушко, тошнехонько. Уж отнесло меня, больше отвеяло
(Арх., Вашка–Мезень. Вариант напева № 85, 99)

Охти мнечушко, тошнехонько.
Уж отнесло меня, больше отвеяло
От прикрута *да* красна бережка,
И от любимого становищица,
И от родного *да* присталищица,
От родимой меня да стороночки.
Уж отвезли ле меня да повыдали
И на чужу-ту *да* дальню сторону,
И на злодеюшку *да* незнакомую,
Уж куда конички не сбегаютсе,
А добры люди там не съезжаютсе.
Там кукушьё *да* куковаиьицё,
Там петушьё *да* воспеваньицё,
Там лягушьё *да* воркованьицё,
Там медвежьё *да* жированьицё,
И уж волчьё завываньицё!
Как буду жити, бедна, обживатисе
На незнакомой *да* я стороночке,
Не на любимой *да* я волосточке?

Пєсни

Свадебные песни занимают в нашей подборке центральное и самое большое место. При всех локальных и региональных различиях в обрядности именно в песенном жанре создавался "межрегиональный" фонд сюжетов, а отчасти и музыкально-поэтических форм русской свадьбы. Песня среди других художественных жанров свадьбы наиболее очевидно послужила проводником интегративного процесса.

Если причитания исполнялись лишь в первой половине свадьбы, то свадебные песни проходят через весь обряд. Песни более разнообразны по эмоциональному тону: в них есть и грусть (связанная с горькой судьбой девушки, уходящей из любящей ее семьи), и радость, праздничное веселье (по поводу заключения семейного союза девушки и парня).

Как и причитания, песни, с одной стороны, связаны с конкретными моментами свадебной обрядности, с другой — раскрывают чувства и желания невесты и жениха, а также других участников свадьбы. В повествовательную ткань песен иногда вплетаются монологи, близкие к причитаниям, величальные или корильные элементы. Невеста в свадебных песнях предстает скромницей, слабой и беззащитной, любящей родителей и покоряющейся их воле, но упрекающей их и доказывающей свою неподготовленность к жизни и работе в чужой семье. Символически она изображается как подломленная тоненькая березка, недозрелая ягодка, отставшая от стада лебедушка.

Как показал в своих работах Ю.Г. Круглов, свадебные песни — явление многожанровое. "Три актуальных для свадьбы XIX—XX вв. жанра — величальные, корильные и лирические свадебные песни, а также два жанра, которые можно выделить в свадебном фольклоре исторически (заклинательные и юридическо-бытовые песни), — различаются между собой определенно"[1].

В нашем сборнике свадебные песни условно делятся тоже на пять разрядов, не во всем, впрочем, совпадающих с предложенной ученым жанровой рубрикацией. Деления обусловлены конкретным материалом.

Первый подраздел называется "Песни-обряды", второй — "Песни об обряде". В следующей книге (см.: "Русская свадьба", т. 2) читатель ознакомится с содержанием подразделов: "Свадебные хороводные песни", "Величания", "Корения". Песни всех подразделов объединяет общий для них фонд напевов. А иногда черты общности проступают и в сюжетно-тематическом составе (например, сравните № 116 и 290; 122, 293 и 374; 125, 126 и 260; 131 и 299; 152, 261 и 341; 165, 166 и 257; 176 г, 239—241 и 334; 194 и 367; 204, 205 и 474; 247 и 344 и т.д.).

---

[1] *Круглов Ю.Г.* Русские свадебные песни. М., 1978. С. 120.

Песни первого подраздела ("Песни-обряды") отличает функциональная, контекстная синхронность реального совершения того или иного символического, ритуально значимого действия и называния, объявления, словесного обозначения этого действия. Мы включили в этот раздел песни и заклинательные (например, № 109, 110, 111 — своего рода свадебный гимн, открывающий весь песенный блок, с призывом к "Кузьме-Демьяне" — мужеско-женский фольклорный персонаж — "сковать" свадьбу на житье и богатство молодых, на продолжение их рода), и песни юридическо-бытовые (сопровождающие обряд и в силу своей поэтики и тематического содержания, по словам Ю.Г. Круглова, специально акцентирующие "в сознании коллектива факт совершения свадьбы"). Привлечены в состав этого подраздела также и некоторые лирические свадебные песни, потому что и они в местных свадьбах тоже могут сопровождать происходящие во время ритуала события. В песнях-обрядах содержатся повеление к действию, программа действий, комментарий к ним, жалобы-монологи и эмоциональный образно-художественный ряд. Едва ли не каждая из этих песен дает пример синкретической связи с ритуалом, она поется исключительно при исполнении предопределенного обрядом действия. И, следовательно, занимает строго свое положение в хронологической и пространственной конструкции обряда. Их мало на Русском Севере, там, где обряд сопровождается в основном причитаниями. Эти песни чрезвычайно характерны для русской свадьбы юго-западного типа, в которой нередко они являются активными функциональными дублерами свадебного причитания и иногда почти вытесняют его.

Как свидетельствуют указания на опубликованные варианты (см. "Примечания"), песни первого подраздела, в отличие, скажем, от песен второго подраздела и, наоборот, подобно причитаниям (что закономерно), обычно не распространены на широкой территории. География вариантов чаще всего субрегиональна или вовсе локальна, хотя бы потому, что эти песни сильно зависимы от местных реалий, особенностей свадебного ритуала. В этнокультурном "ландшафте" они тесно связаны с местной спецификой. И в самих этих песнях, как и в жанре причитаний, концентрируется неповторимая самобытность свадебной традиции. В плане географии вариантов показательными исключениями являются совсем немногие песни, которые сопутствуют переломным, повторным моментам ритуала. Все они относятся к центральному этапу свадьбы — действу с передачей невесты жениху: отправление свадебного поезда со двора жениха и его прибытие за невестой (№ 129, 130, 135, 137, 139 а), проводы невесты со двора (№ 152) и ритуал наделения жениха и невесты новым статусом, с изменением их прически (№ 165). Это примеры придания некоторым свадебным лирическим песням функций песни-обряда.

Во втором подразделе помещены песни, которые наиболее связаны уже не с действием, а с состоянием психики, души, с миром человеческих чувств в обряде. Эти песни возникли позже величаний, корений, причитаний и являются как бы переходным звеном между необрядовой и обрядовой лирикой.

Попытка расположить тексты лирических свадебных песен по ходу обряда связана с известными трудностями, обусловленными иногда многозначностью сведений, содержащихся в конкретной песне и подсказывающих возможное ее место в обряде, иногда расхождением этих сведений с информацией об обряде, которой располагают современные исполнители. Та или иная песня по традиции могла в одних местах исполняться на девишнике, в других — при вынесении елочки на сговоре, в третьих — перед приездом жениха. Часто одна и та же песня звучала при подходящей обстановке неоднократно в разные дни и тем самым как бы подтверждала и усиливала в длительном ритуале элемент периодичности — повторяемость положений, ситуаций, обстоятельств. Вот почему они распределены по типическим ситуациям в свадебном ритуале с учетом общей его динамики.

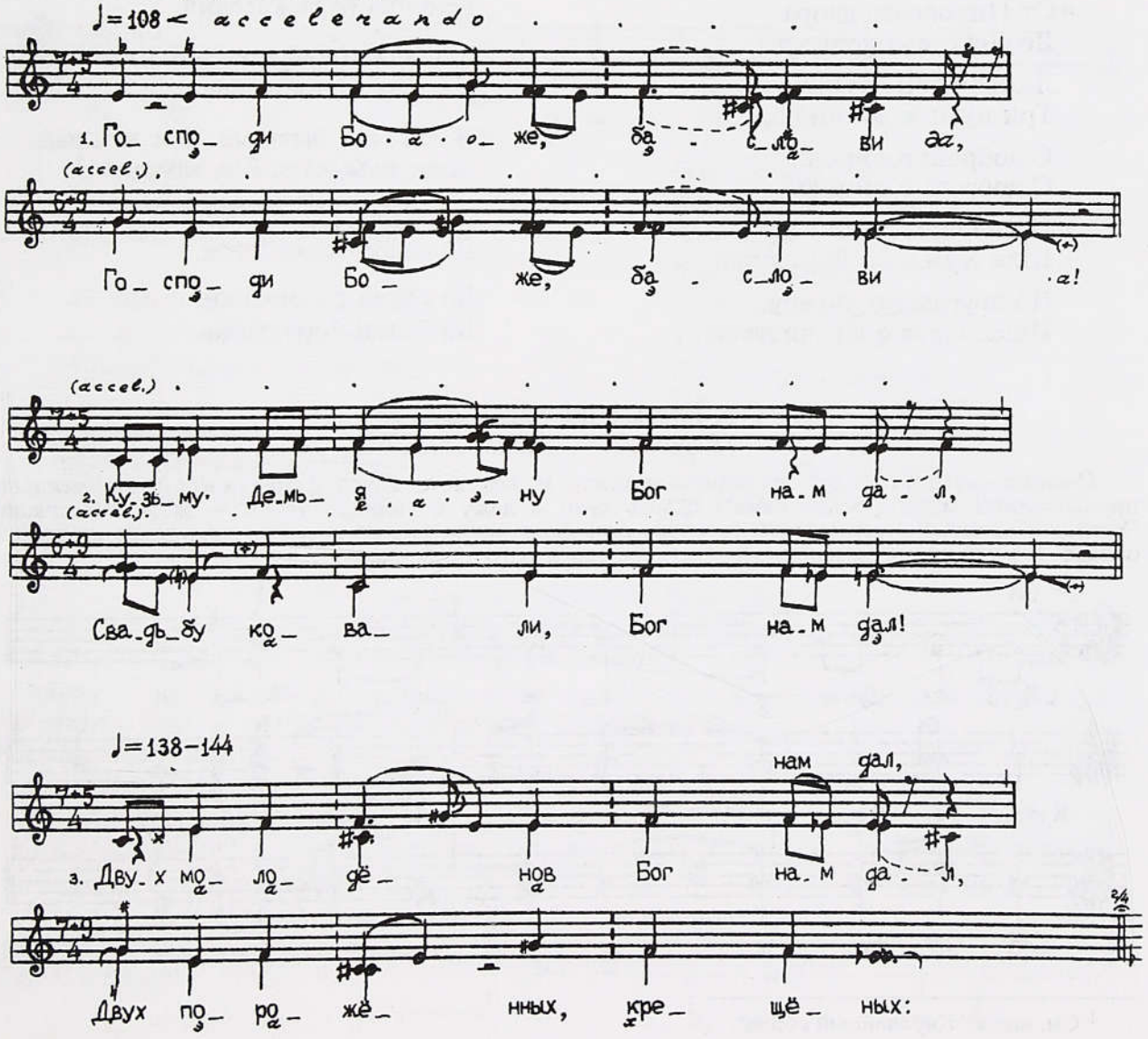
Лирические свадебные песни образуют в национальной обрядовой культуре огромный и разнохарактерный, многоплановый массив. В нашей подборке представлено не более 1/6 части сюжетного состава свадебной песенной лирики, однако и эти песни помещены не в одном, а в двух разделах, с выделением в особую группу свадебных хороводных песен (см. т. 2).

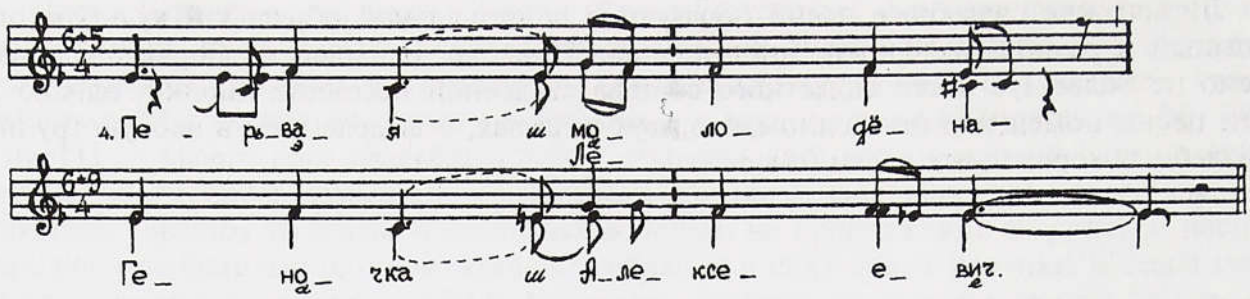
I. ПЕСНИ-ОБРЯДЫ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВАДЬБУ СЫГРАТЬ
(южнорусск.)

109. Господи Боже, баслови
(Белгородск., Нежеголь—Сев. Донец)

Вся последовательность свадебных песен и припевок начиналась с заклинательного обряда благословения предстоящей свадьбы.





Господи Боже, баслови *да*,
Господи Боже, баслови!

Кузьму-Демьяну Бог нам дал,
Свадьбу ковали, Бог нам дал!

Двух молодёнов Бог нам дал,
Двух порожённых, крещеных:

Первая ж молодёна —
Геночка ж Алексеевич,

Другая молодёна —
А Ниночка ж Николаевна.

От Николаева двора
До Лексеева подворья

Лежали три путика,
Три пути ж долиною,

С доброю годиною,
С доброю годиною.

По первом по путику
Шла Кузьма с Демьяною.

По другом по путику
Ишел Спас с Пречистою.

По третьем по путику
Шел Гена ой с Ниною,

Шли ко Божьему суду,
Ко святому венчанью.

А в святому венчанью
Два голубочка вилися,

Сизенький да беленький,
Сизенький да беленький.

Сизенький голубочек —
Геночка (А)лексеевич,

Белая ж голубушка —
Ниночка Николаевна.

Жить вам, быть вам Бог вам дал,
Жить вам быти Бог вам дал

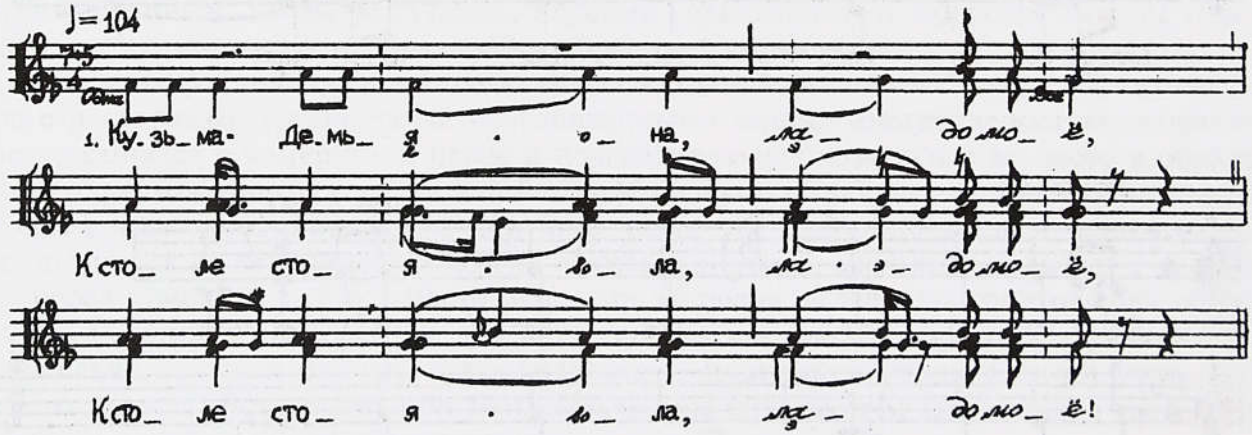
И до старого ж веку,
До седой головушки,

До седой головушки,
До белой бородушки.

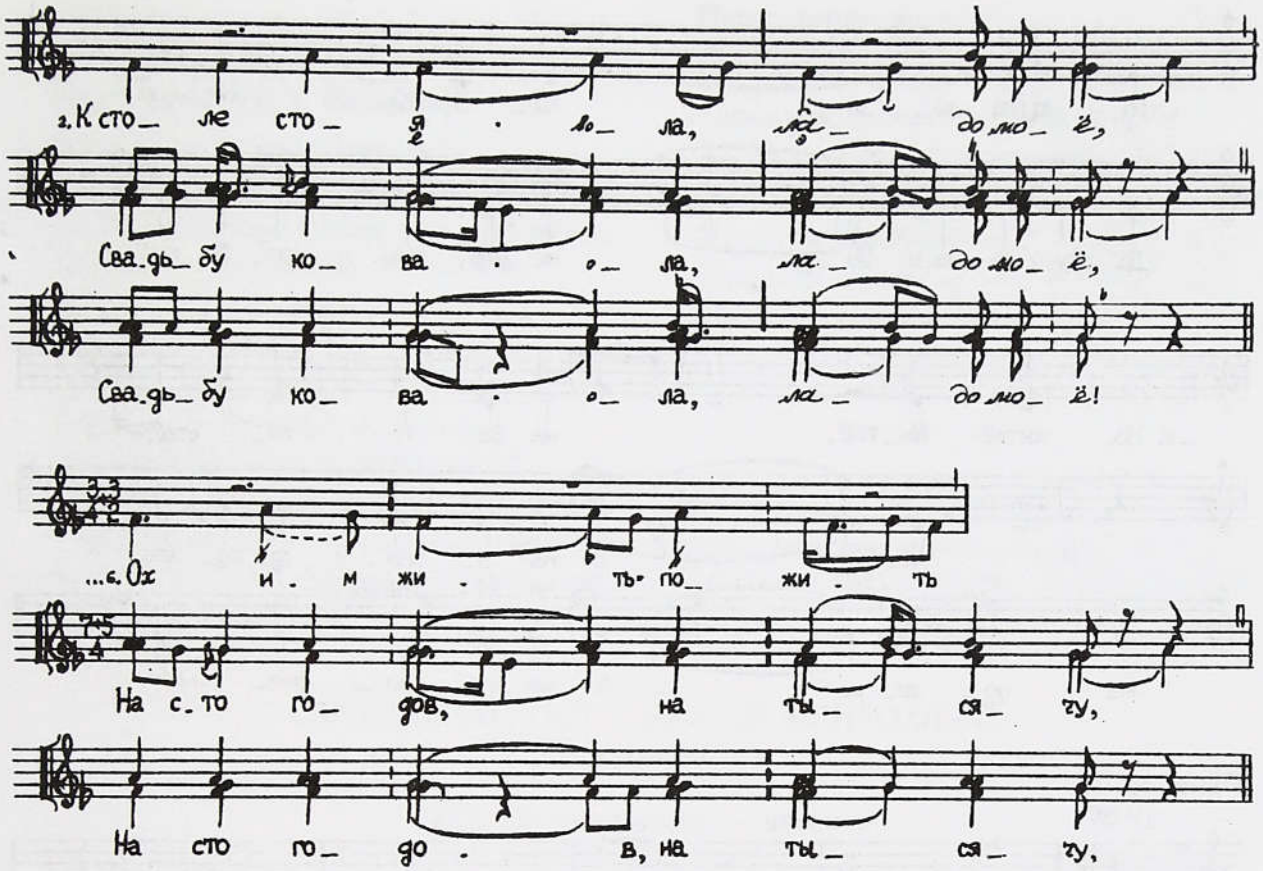
110. Кузьма-Демьяна, *ладо моё*

(Воронежск., Тихая Сосна)

Соединение двух родов, слияние мужского и женского начал символически отображалось просеиванием муки ("белое семя") сквозь сито в дежу с водицей (вода — женское начало). "Учиняли" каравай[1] три подруги невесты, они пели заклинательную песню, первую в свадебном обряде, и в это время замешивание теста являлось магическим действием.



[1] См. ниже: "Каравайный обряд".



Кузьма-Демьяна, *ладо моё,*
К столе стояла, *ладо моё,*
К столе стояла, *ладо моё!*

К столе стояла, *ладо моё,*
Свадьбу ковала, *ладо моё,*
Свадьбу ковала, *ладо моё!*

Две молодёны, *ладо моё,*
Две порожёны, *ладо моё,*
Две порожёны, *ладо моё!*

Первая молодёна —
Что Сергей то Викторович,
Что Сергей то Викторович.

Другая молодёна —
Татьяна то Павловна,
Татьяна то Павловна.

Ох им жить-пожить
На сто годов, на тысячу,
На сто годов, на тысячу

До седой бородушки,
До белой головушки.

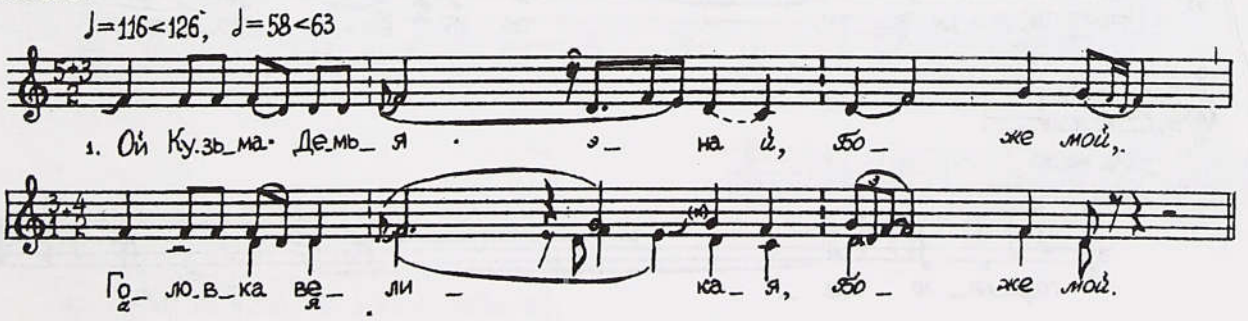
Сравните: № 400.

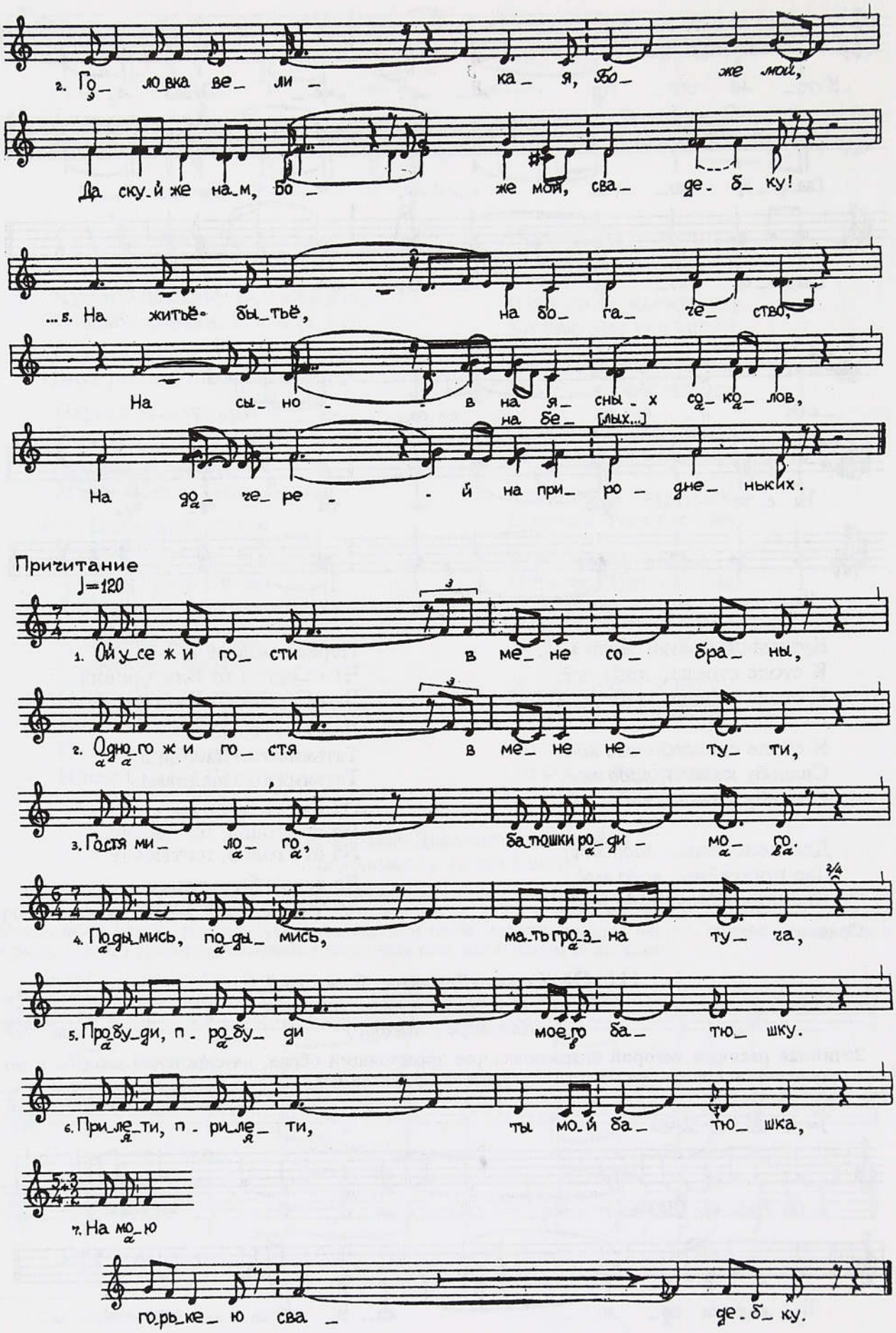
111. Ой Кузьма-Демьяна, *Боже мой* / / Ой усе ж и гости в мене собраны

(Калужск., Жиздра)

Зачинная песня, в которой благословляется предстоящий обряд, на сиротской свадьбе в момент просватания-*запоя* невесты соединялась с ее причитанием.

Песня




2. Го_ ло_вка ве_ ли_ ка_ я, Бо_ же мой,
Да ску_й же на_м, Бо_ же мой, сва_ де_ б_ ку!
...5. На житьё бы_тьё, на бо_ га_ че_ ство,
На сы_ но_ в на я_ сны_ х со_ ко_ лов,
на бе_ [лых...]
На до_ че_ ре_ й на при_ ро_ дне_ ньких.
Причитание
♩=120
1. Ой у_се ж и го_ сти в ме_ не со_ бра_ ны,
2. Одно_го ж и го_ стя в ме_ не не_ ту_ ти,
3. Гостя ми_ ло_ го, ба_тюшки ро_ ди_ мо_ го.
4. По_ды_мись, по_ды_ мись, ма_ть гро_з_ на ту_ ча,
5. Про_бу_ди, п_ ро_бу_ ди мое_го ба_ тю_ шку.
6. При_ле_ти, п_ ри_ле_ ти, ты мо_й ба_ тю_ шка,
7. На мо_ю
го_рь_ке_ ю сва_ де_ б_ ку.

Песня:

Ой Кузьма-Демьяна, *Боже мой,*
Головка великая, *Боже мой.*

Головка великая, *Боже мой,*
Да скуй же нам, Боже мой, свадебку!

Да скуй же нам, Боже мой, свадебку,
Да Катю с Сережею, *Боже мой.*

Да двух порожённых, *Боже мой,*
Да двух басловлённых, *Боже мой.*

На житье-бытье, на богачество,
На сынов на ясных соколов,
На дочерей на природненьких[1].

Причитание невесты:

Ой усе ж и гости в мене собраны,
Одного ж и гостя в мене нетуги,
Гостя милого, батюшки родимого.
Подымись, подымись, мать грозна туча,
Пробуди, пробуди моего батюшку.
Прилети, прилети, ты мой батюшка,
На мою горькею свадебку.

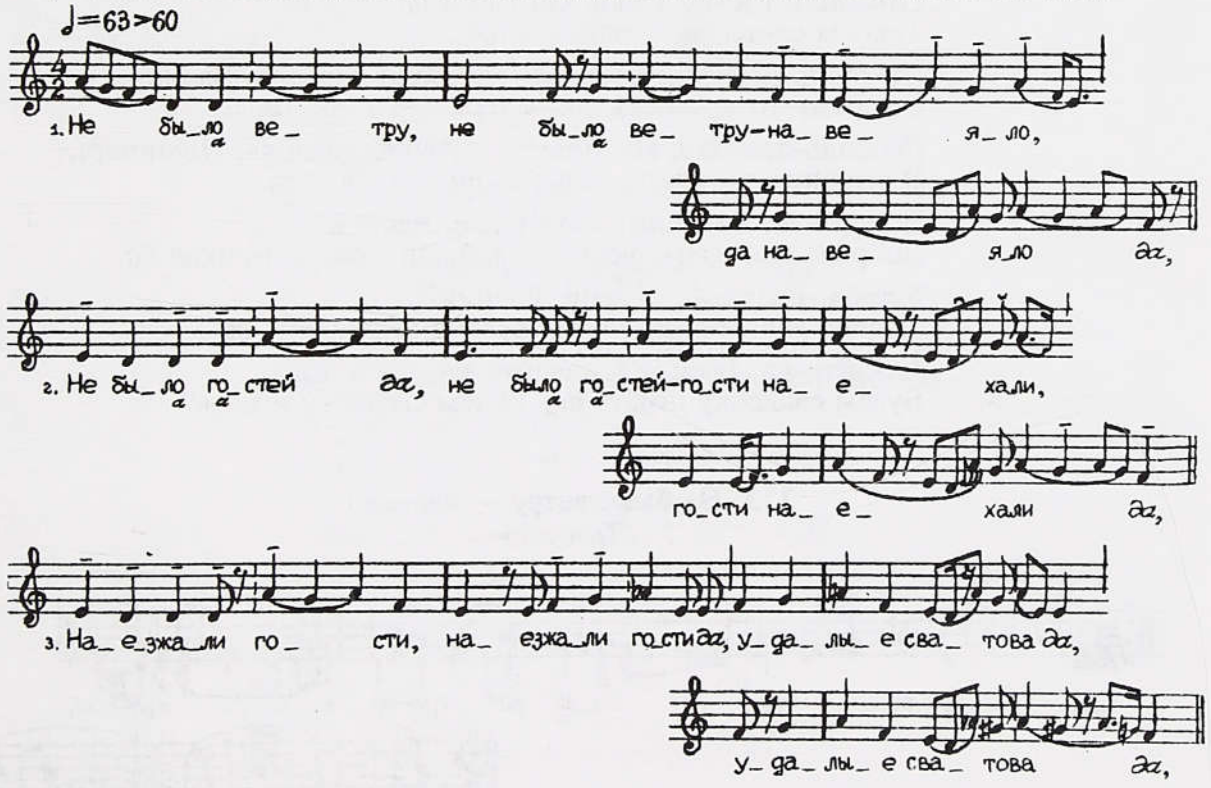
Поют, а я буду плакать, сирота...

Это то-то так-то голосила. Тут поют, песню играют, а она голосит. Это — сирота. А не сирота так посидит, похлюпает, всё лука в глаза терёт: плакать заставили. А я — так голосила!

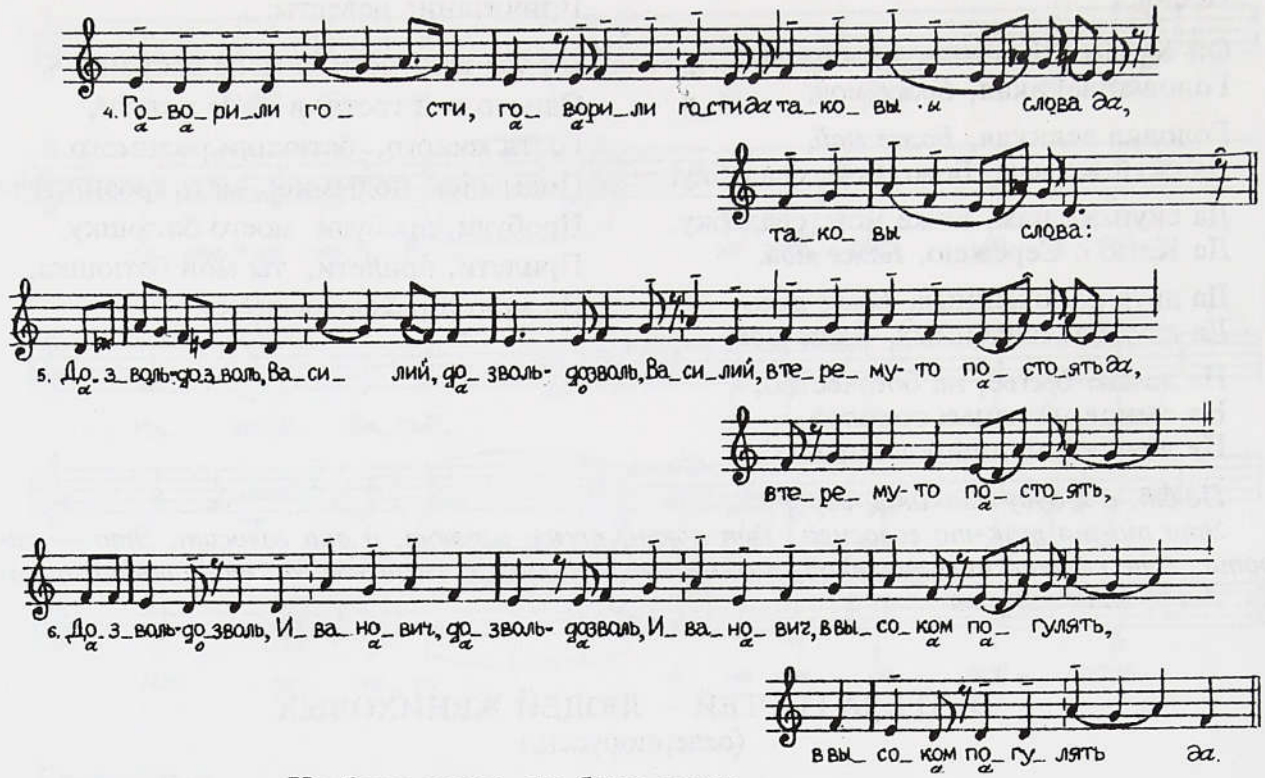
ВСТРЕЧА ГОСТЕЙ — ЛЮДЕЙ ЖЕНИХОВЫХ
(севернорусск.)

112. Не было ветру — навеяло
(Арх., Вычегда)

Накануне дня венчания в дом невесты на большой пир, называемый *сватаньем*, приглашались жених, его родители и родственники со знакомыми. Когда гости еще только подходили к дому, женщины и мужчины, главным образом посторонние, собравшиеся попеть, начинали первую свадебную песню. В это время девушки сидели в маленькой горенке над крыльцом, невеста — у самого окошка, в шубе. На песню накладывался ее громкий *вой* (плач без слов).



[1] Вариант: "На дочерей на белых лебедей".



Не было ветру, не было ветру —
Навеяло, да навеяло *да*,

Не было гостей *да*, не было гостей —
Гости наехали, гости наехали *да*,

Наезжали гости, наезжали гости *да*,
Удалые сватова *да*, удалые сватова *да*,

Говорили гости, говорили гости *да*
Таковы слова *да*, таковы слова:

"Дозволь-дозволь, Василий, дозволь-дозволь, Василий,
В терему-то постоять *да*, в терему-то постоять,

Дозволь-дозволь, Иванович, дозволь-дозволь, Иванович,
В высоком погулять, в высоком погулять *да*.

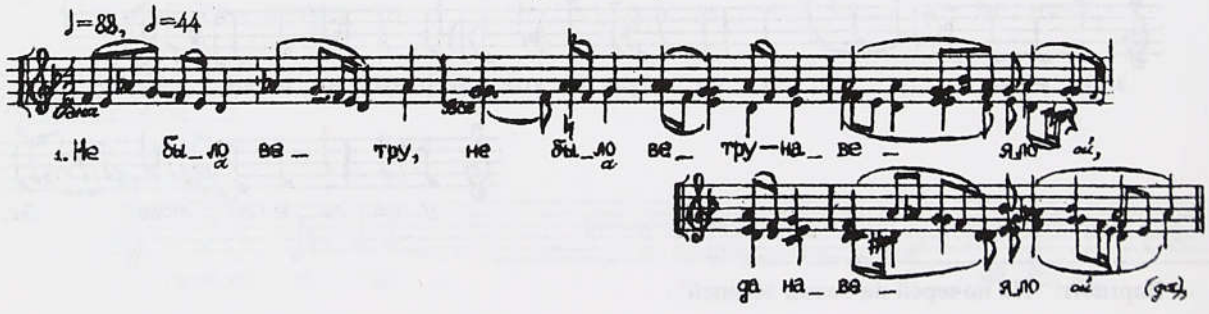
Есть у нас, Василий, есть у нас, Василий,
Добрый молодец-сокол *да*, добрый молодец-сокол *да*,

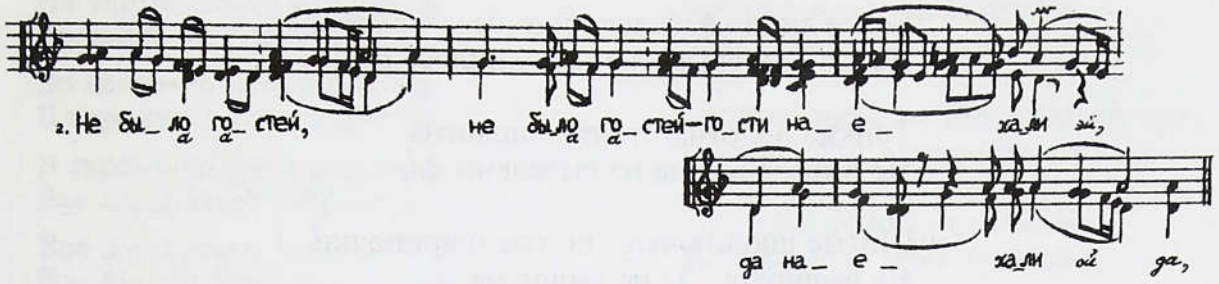
У тебя, Василий, у тебя, Василий,
Красна девушка-душа *да*, красна девушка-душа.

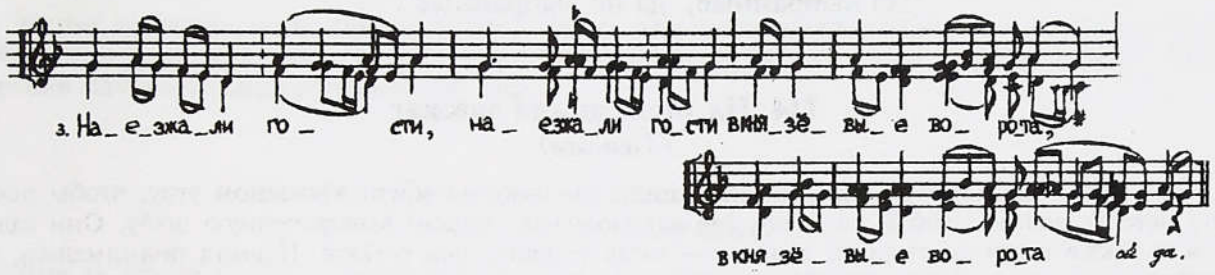
Давайте-ка, Василий, давайте-ка, Василий,
Будем свадебку играть *да*, будем свадебку играть!"

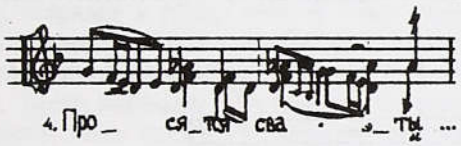
113. Не было ветру — навеяло

(Там же)









Не было ветру, не было ветру —
Навеяло *ой*, да навеяло *ой да,*

Не было гостей, не было гостей —
Гости наехали, да наехали *ой да,*

Наезжали гости, наезжали гости
В князёвы*е* ворот*а,* в князёвы*е* ворот*а ой да.*

Просятся сваты, просятся сваты
Во дому-то постоять, во дому-то постоять *да,*

Просятся ласковы, просятся ласковы
В широком пошуметь, во широком пошуметь *да*:

"Пустишь ли не пустишь, пустишь ли не пустишь,
Миколай господин, Миколай-от господин *да,*

Пустишь ли, не пустишь,
Иванович сударь, да Иванович сударь?"

"У меня в дому, у меня в дому
Стоять не на чем, стоять не на чем *да,*

У меня в широком, у меня в широком
Шуметь не по чем, шуметь не по чем *да.*

У меня Валентина, у меня Валентина
Да не выросла, да не выросла *да,*

У меня Семеновна, у меня Семеновна
Не выдобрела, да не выдобрела *да,*

Русая коса ее, русая коса *да*
Не отрощенная, не отрощенная *да,*

Белое лицо *ой,* белое лицо *да*
Не наполнилосе, не наполнилосе *да.*

Тонкие полотна, тонкие полотна
Не выбелены, да не выбелены *да,*

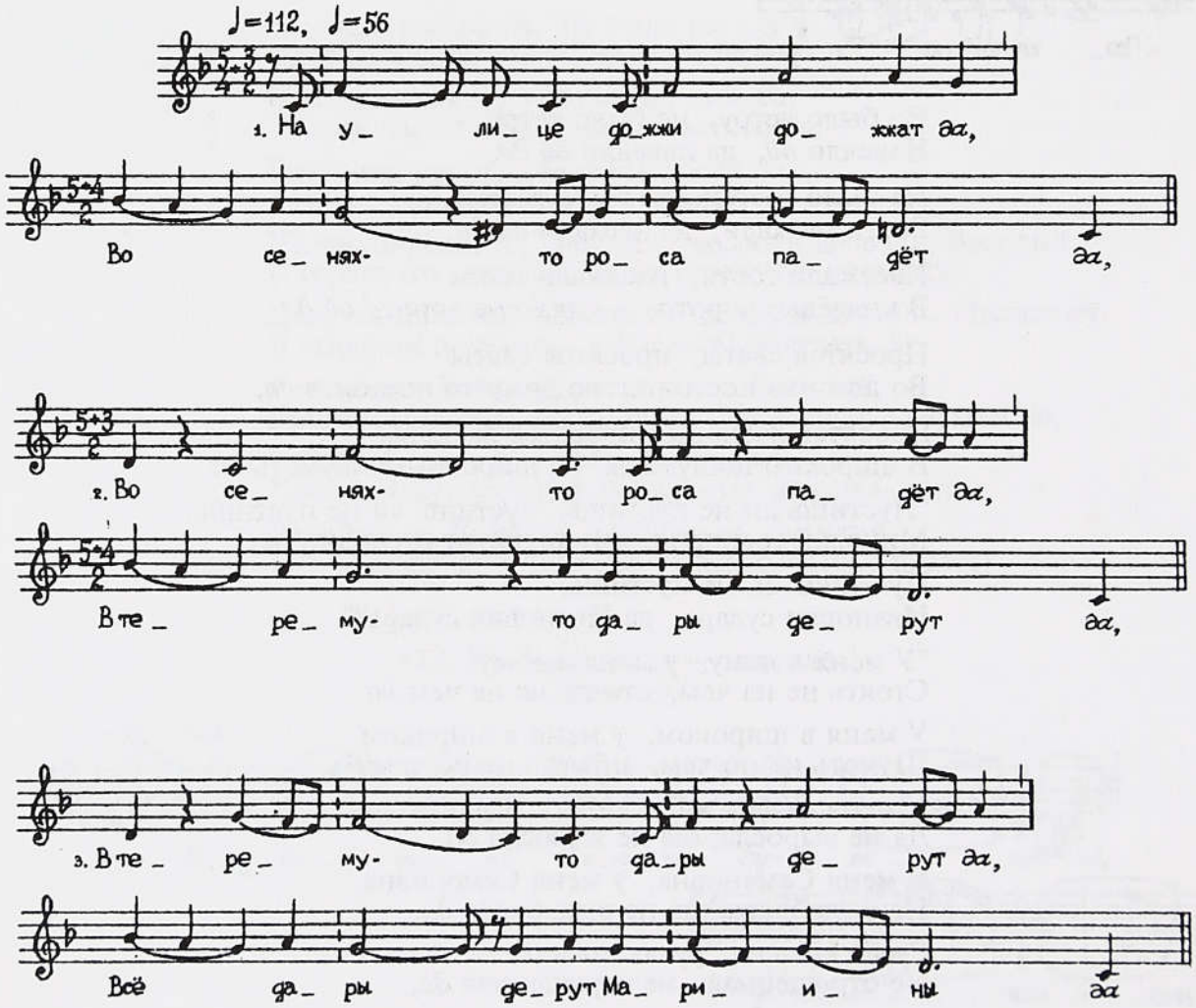
Шитые шириночки, шитые шириночки
Не вышитые, да не вышитые *да,*

Браные скатёрки, браные скатерочки
Не выбранные, да не выбранные".

114. На улице дожди дожжат

(Там же)

После того как невесту выводили к жениху, он выкупал место в красном углу, чтобы посадить невесту рядом с собой на лавку, где для молодых стелили вывороченную шубу. Они садились, а также гости со стороны жениха — тогда устраивалось *даренье.* Невеста поднималась, ей вручали блюдо или поднос, невестина сваха перекладывала на это блюдо по порядку сложенные на полице рушники, рубахи, портки, платки, шали, чулки, отрезы холстины, кому что положено получить. Певицы стояли у печи и у дверей и вызывали того или иного гостя на одаривание, одну и ту же песню многократно повторяя (с незначительным сокращением). Начинали с жениха:



На улице дожди дожжат *да*,
Во сенях-то роса падет *да*,

Во сенях-то роса падет *да*,
В терему-то дары дерут[1] *да*.

В терему-то дары дерут *да*,
Все дары дерут Мариины *да*.

Все дары дерут Мариины *да*,
Все Марии Васильевны *да*.

Все-то Марии Васильевны *да*[2],
За столом-то дарить хотят *да*

Удалого добра молодца *да*
Все Ивана свет-Васильевича *да*:

"Прими дары, не (о)творочайся *да*,
Прими дары, не прогневайся *да*,

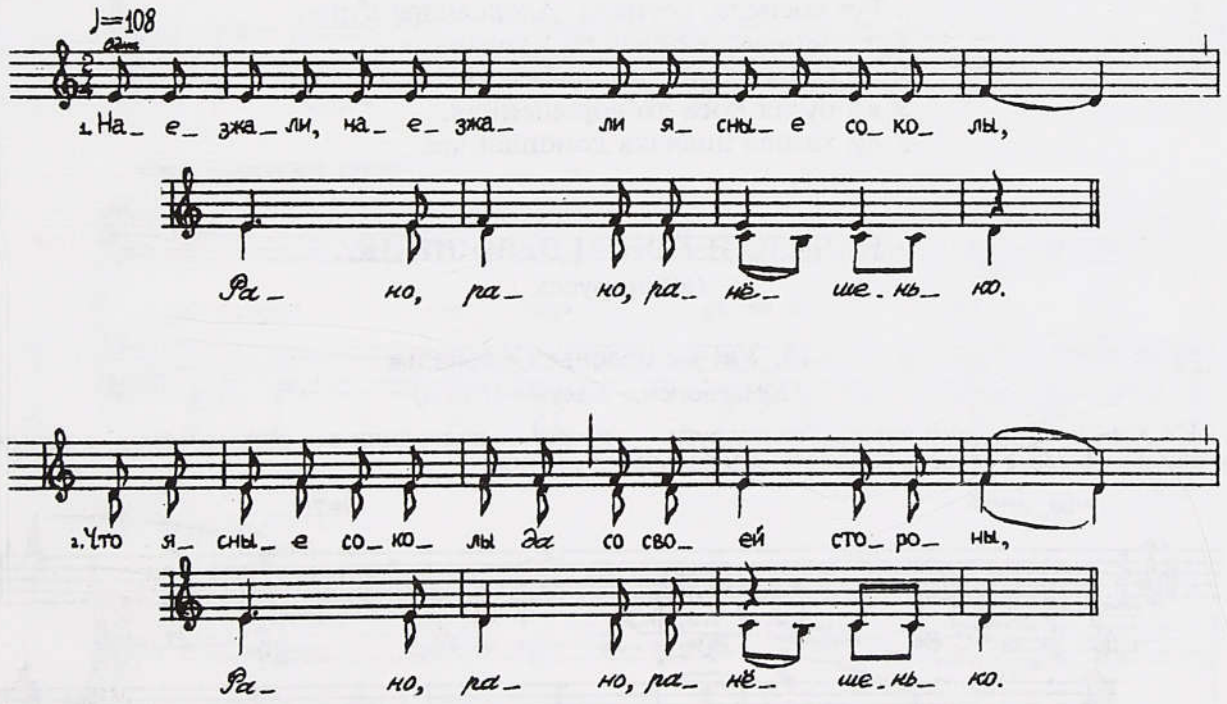
От даров не (о)творочайся.
Не тебе ведь дары лажены,

А тебе пригодилися *да*,
Пригодились, приручилися".

Жених принимал с поклоном подарок. Далее одаривали свекра, свекровь и остальных родичей жениха, всех, кто есть за столом. Все они кланялись трижды: невесте, жениху и "хору". После дарения начинался первый свадебный пир.

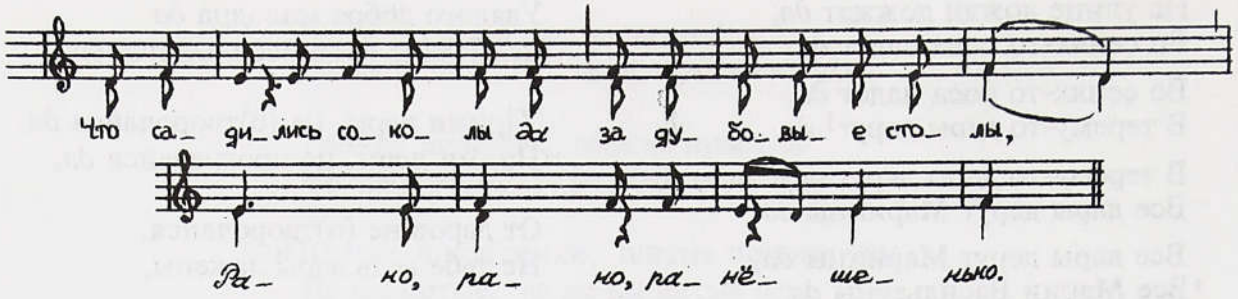
115. Наезжали, наезжали ясные соколы
(Карельск., Беломорье)

Дня за два до свадьбы девушки собирались к невесте на *вечерок*, накрывали столы и ждали гостей. Девушки выходили из избы, перед крыльцом расстилали платок. Около платка вставала невеста, чуть поодаль — причетница, на нижней ступеньке крыльца — два мальчика со свечами в руках. Жених, его родичи-сверстники (*женихи*, как их было принято называть), дружки-шаферы с фонарями в руках шли к дому невесты шеренгой, вытянувшись вдоль улицы, у каждого дары, завязанные в белые полотенца и платки. Невеста долго кланялась и плакала. Поклоны она отдавала, падая на платок. Наконец, гости говорили: "Хватит плакать, идем!" Мать с отцом встречали их, приговаривая: "Наши гости, наши гости!.. Дом ваш, а воля наша!" На вечерке угощались вином, пели песни, танцевали "кадрели". Невеста, скромно одетая (тоненькая косынка на голове, шерстяной сарафан), обносила гостей дарами.



[1] *Драть дары* — надрезать ножницами и разрывать холст, парчу, предназначенные для одаривания родственников жениха. Упоминание об этом в местном приговоре см. № 576. "Кусок получше ближнему дают, а похуже — дальнему" (родственнику).

[2] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится. Каждый стих повторяется, кроме 1, 11, 12, 14-го.



Наезжали, наезжали ясные соколы,
Рано, рано, ранёшенько.

Что ясные соколы *да* со своей стороны.
Рано, рано, ранёшенько.

Что садились соколы *да* за дубовые столы,
Рано, рано, ранёшенько.

За дубовые столы *да*, за печатны скатерти *да*[1]
За печатны скатерти *да*, они пьют и едят.
Что один-от сокол, он не пьет и не ест.
Он не пьет и не ест *да*, сам невесело сидит,
Сам невесело сидит *да* ничего не говорит,
Ничего не говорит *да*, все на завесу глядит.
Тут соспела, не успела Александра душа,
Тут соспела, не успела да Яковлевна.
У ей белые дары *да* не добеленные,
У ей русая коса недорощенная,
У ей хазова повязка недоношенная.

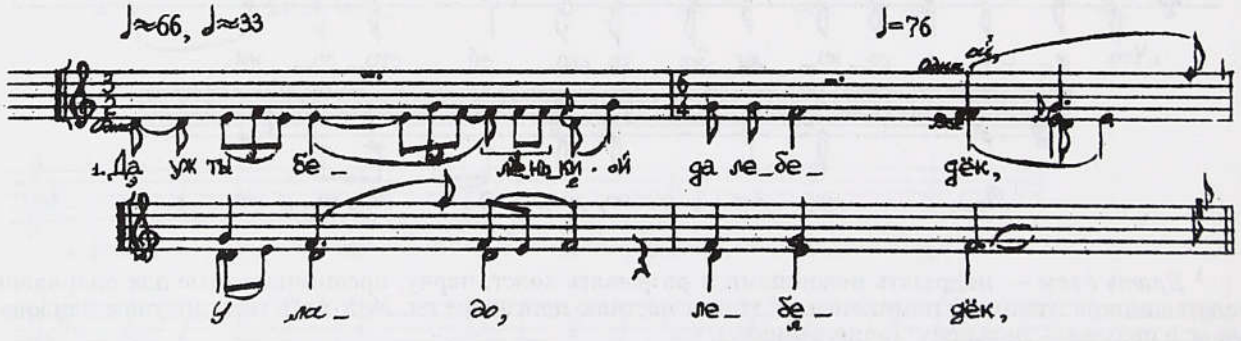
Дальше песня повторялась с другим окончанием:

...Тут соспела, соспела Александра душа,
Тут соспела, соспела да Яковлевна.
У ей белые дары все добеленные,
У ей русая коса-то дорощенная,
У ей хазова повязка доношенная.

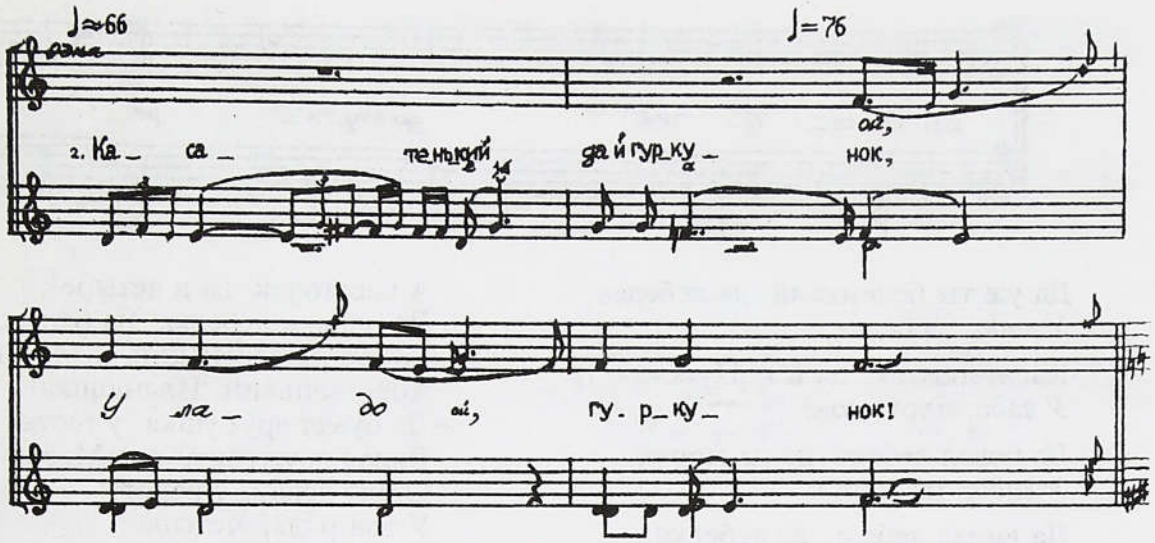
НАЧАЛО И КОНЕЦ ДЕВИШНИКА
(южнорусск.)

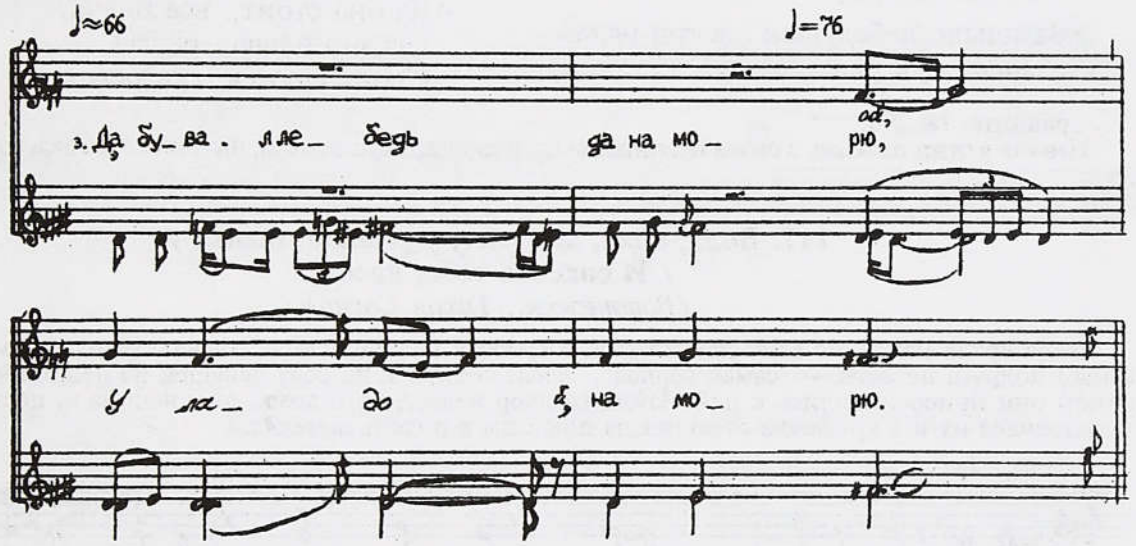
116. Уж ты беленький лебедек
(Белгородск., Валуй—Оскол)

На девишник к дому невесты ее подруги — *дружки* — подходили все одним гуртом и начинали песню. Невеста встречала подруг, с крыльца не сходила.

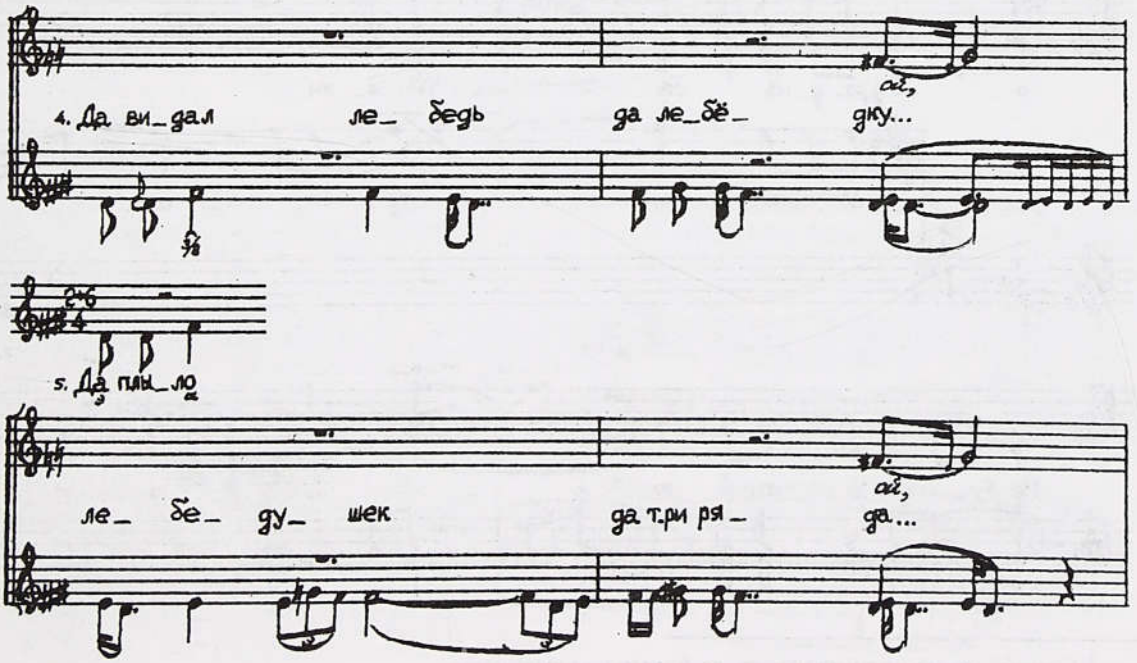


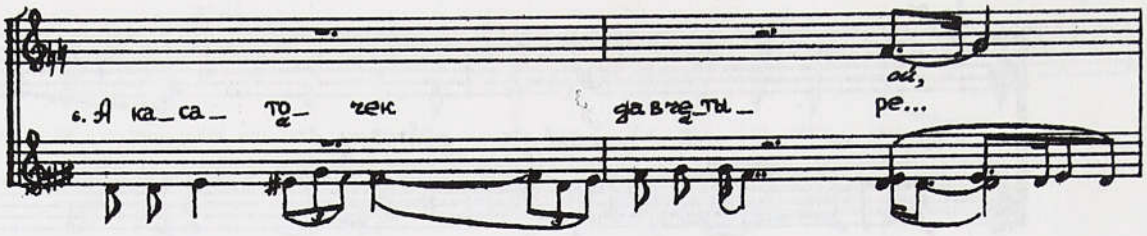
[1] Припев далее не приводится, он повторяется после каждого стиха.





Начала следующих строф:





Да уж ты беленький да лебедек,
У ладо, лебедек,

Касатенький да й гуркунок,
У ладо, гуркунок!

Да бувал лебедь да на морю,
У ладо, на морю.

Да видал лебедь да лебедку,
У ладо, лебедку.

Да плыло лебедушек да три ряда,
У ладо, три ряда,

А касаточек да в четыре[1],
Да одна ж лебедка на бережку.
Да уж ты беленький дружушка,
Хорошенький Иванюшка!

Да бувал дружушка у тестя,
Видал дружушка вот Марью.
Стоят девки у ворот,
У три ряда, четыре,
Да одна Марьюшка на крыльцах.

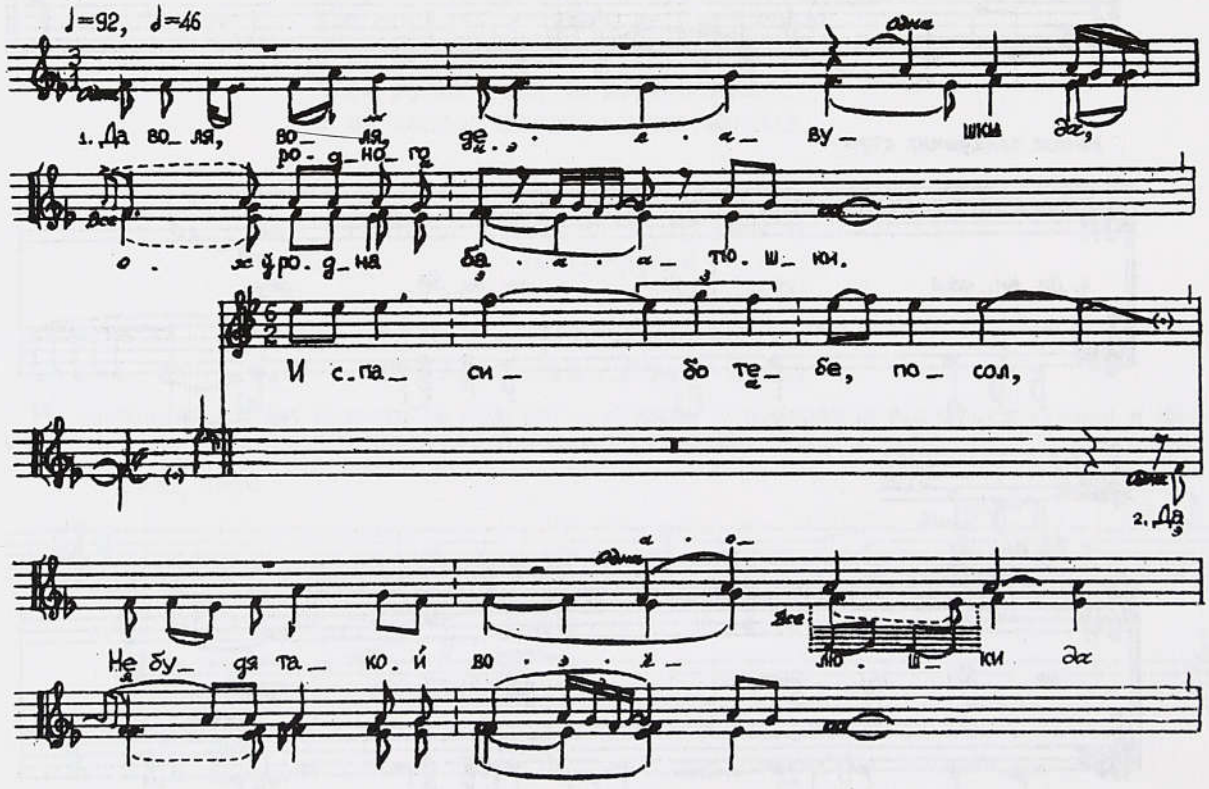
Да она стоит, все плача,
Слезно плача, рыдая,
Своих дружек сустревая.

Сравните: № 290.
Невеста в ответ *голосила,* в своем причитании благодарила девушек за то, что они собрались наведать ее.

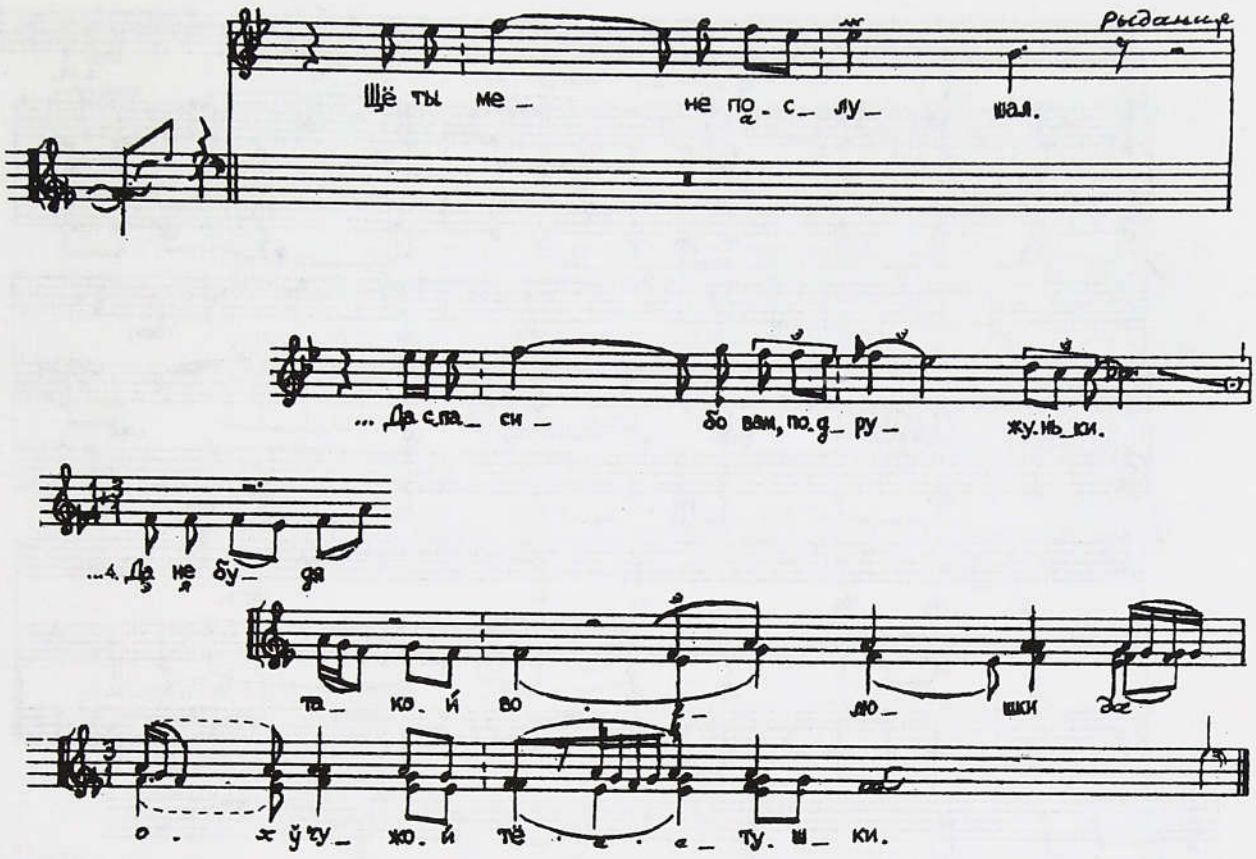
117. Воля, воля, девушки, у родна батюшки / / И спасибо тебе, посол

(Воронежск., Тихая Сосна)

В сумерках накануне венчального дня, в субботу (венчались по обычаю рано утром в воскресенье) подруга невесты — "самая верная", *посол* собирала по селу девушек на девишник. Одна за одной они присоединялись к ней. Зайдя во двор невестиного дома, они начинали песню. Невеста встречала их и с крылечка отвешивала поклоны в пояс и *голосила.*



[1] Строфа далее не приводится, ее форма не изменяется.



Песня:

Да воля, воля, девушки *да*, *ох* у родна батюшки.
Да не будя такой волюшки *да ох* у чужого дядюшки.
Да воля, воля, девушки *да*, *ох* у родной мамушки.
Да не будя такой волюшки *да ох* у чужой тетушки.

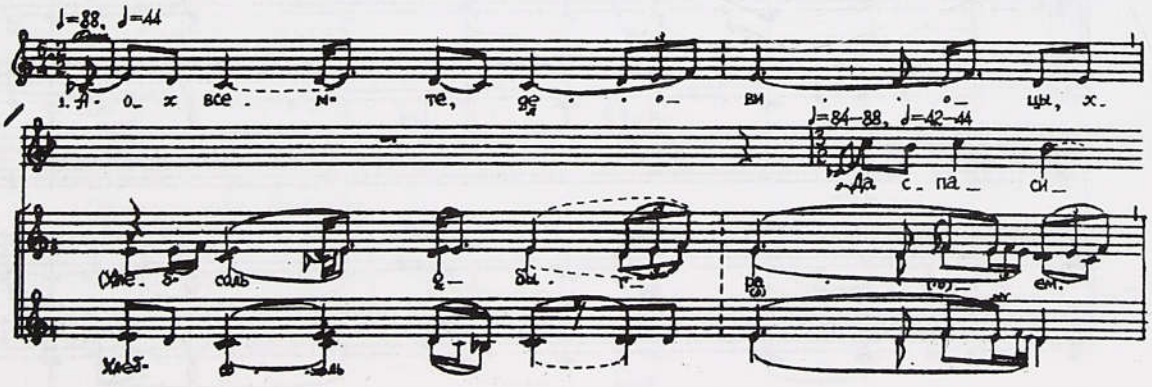
Причитание:

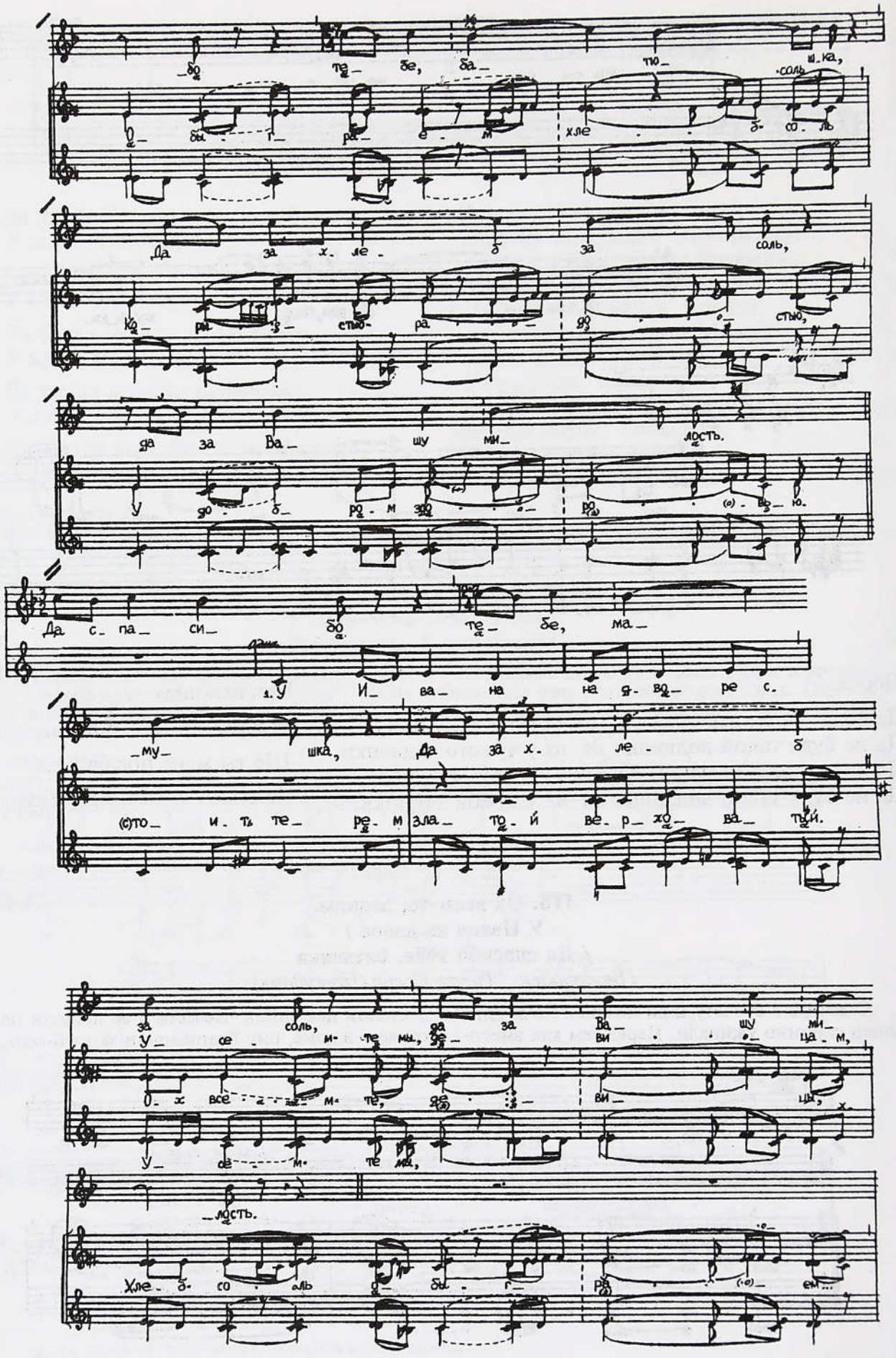
И спасибо тебе, посол,
Щё ты мене послушал.
Да спасибо вам, подружуньки.

118. Ох всем-те, девицы, У Ивана на дворе / / Да спасибо тебе, батюшка

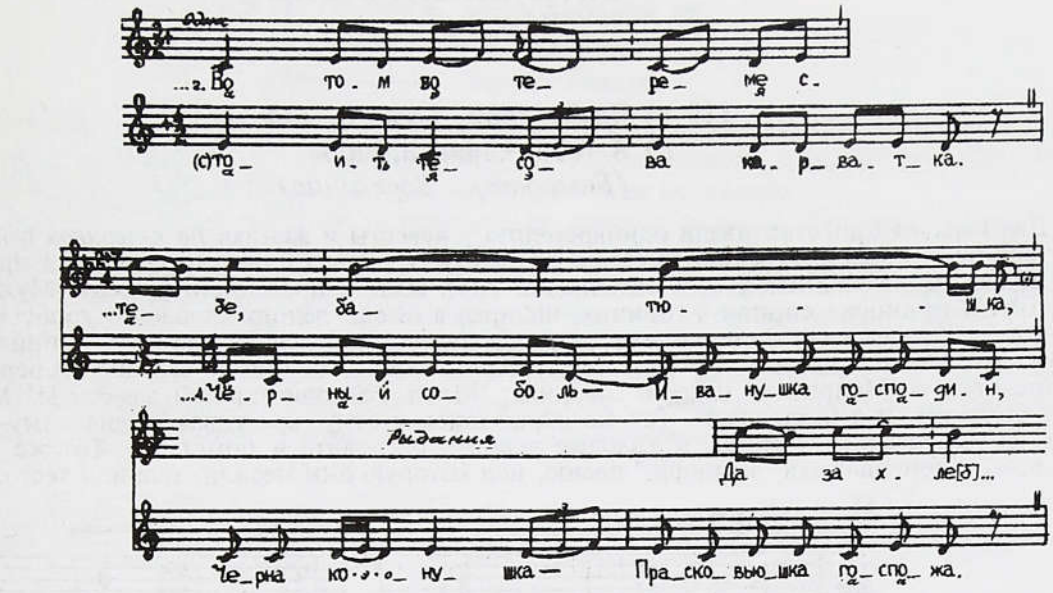
(Белгородск., Тихая Сосна/Потудань)

С вечера в субботу и до поздней ночи длился за столом девишник. Невеста и ее подруги под конец скромно ужинали. Перед тем как вместе заночевать в доме, они благодарили за хлеб-соль.




_бо те_ бе, ба_ тю_ ш_ка,
О_ бы_ г_ ра_ е_ м хле_ б_ со_ль
Да за х_ ле_ б за соль,
Ка_ ра_ з_ стю- ра_ до_ стю,
да за Ва_ шу ми_ лость.
У до_ б_ ро_ м зо_ ре ро_ (о)_ вы_ ю.
Да с_ па_ си_ бо_ те_ бе, ма_
1. У И_ ва_ на на_ я_ во_ ре с.
_му_ шка, Да за х_ ле_ б
(с)то_ и_ ть те_ ре_ м зла_ то_ й ве_ р_ хо_ ва_ ты_ й.
за соль, за за Ва_ шу ми_
У_ се_ м_ те_ мы, зе_ ви_ ца_ м,
О_ х все_ м_ те, зе_ ви_ цы, х_
У_ се_ м_ те мы,
_лость.
Хле_ б_ со_ль зе_ бы_ г_ ра_ ем...

Запевные речитативы:



Припевка и запевный речитатив:

Ох всем-те, девицы,
Хлеб-соль обыграем.
Обыграем хлеб-соль
Корыстью-радостью,
У добром здоровью.

У Ивана на дворе
Стоит терем златой верховатый.

Ох всем-те, девицы,
Хлеб-соль обыграем.
Обыграем хлеб-соль
Корыстью-радостью,
У добром здоровью.

Во том во тереме
Стоит тесова карватка.

Ох всем-те, девицы,
Хлеб-соль обыграем.
Обыграем хлеб-соль
Корыстью-радостью,
У добром здоровью.

На той на карватке
Лежал черный соболь
Сы конушкою, черноконушкою.

Ох всем-те, девицы,
Хлеб-соль обыграем.
Обыграем хлеб-соль
Корыстью-радостью,
У добром здоровью.

Черный соболь — Иванушка господин,
Черна конушка — Прасковьюшка госпожа.

Ох всем-те, девицы,
Хлеб-соль обыграем.
Обыграем хлеб-соль
Корыстью-радостью,
У добром здоровью.

Причитание невесты:

Да спасибо тебе, батюшка,
Да за хлеб за соль, да за Вашу милость.

Да спасибо тебе, мамушка,
Да за хлеб за соль, да за Вашу милость.

Да спасибо тебе, батюшка,
Да за хлеб за соль, да за Вашу милость.

Да спасибо тебе, мамушка,
Да за хлеб за соль, да за Вашу милость.

Да спасибо тебе, батюшка,
Да за хлеб за соль, да за Вашу милость.

Да спасибо тебе, мамушка,
Да за хлеб за соль, да за Вашу милость.

Да спасибо тебе, батюшка,
Да за хлеб за соль, да за Вашу милость.

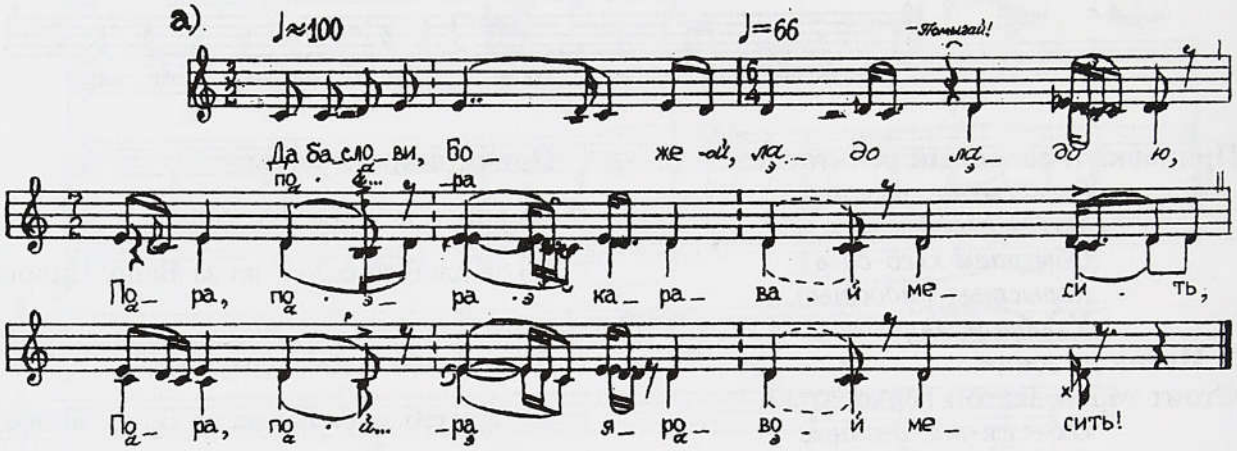
Да спасибо тебе, мамушка,
Да за хлеб за соль, да за Вашу милость.

КАРАВАЙНЫЙ ОБРЯД
(южнорусск.)

119 а) Да баслови, Боже й, *ладо ладо,*
б) Я тебе, каравай, валю
(Белгородск., Ворсклица)

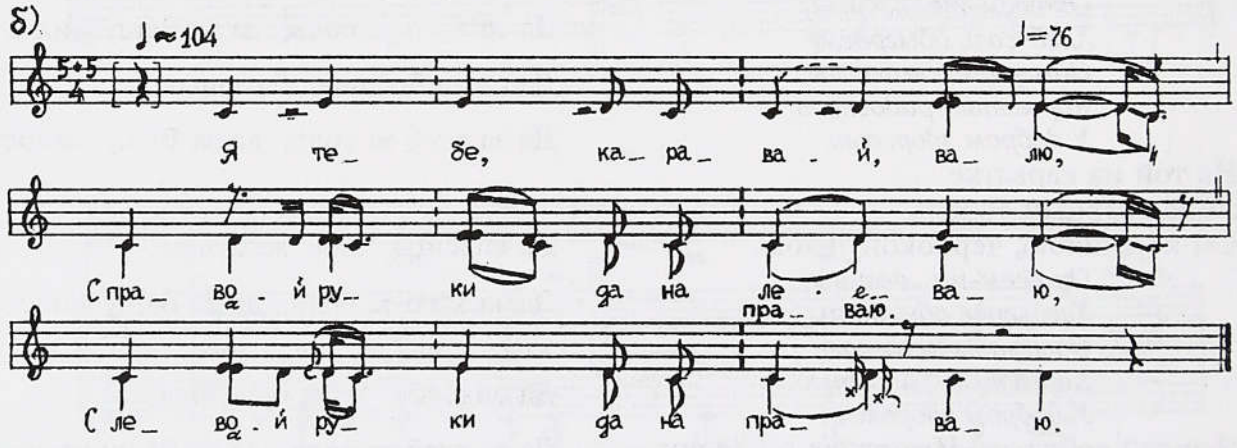
Два каравая приготавливали одновременно у невесты и жениха на *вечеринах* в канун свадьбы. В тот и другой дом собирались вместе с участниками обряда кто-то из соседей и просто зрители.

Любая семья хранила у себя небольшой сноп жита с последнего урожая. Мужчина (обычно крестный) приносил снопок в горницу, набирал в обхват ладони стеблей с колосьями и вот так, "по горсти", расставлял по углам жито, оно называлось *покраса*. Ближе к столу придвигали дежку. Две свахи (свои у жениха и у невесты) насыпали муки, наливали водицы. Теперь спрашивали благословения. Например, невеста говорила: "Мама, баслови каравай замесить!" Мать отвечала: "Бог басловит, и я басловляю". Так же обращались к отцу, крестным и еще кому-либо из старших. И напоследок: "Игрицы и красные девицы, басловите и помогите!" Тот же ответ получен ото всех, и теперь свахи "зачинали" песню, под которую они месили, творили тесто.



Да баслови, Боже *й, ладо ладо ю,*
Пора, пора каравай месить,
Пора, пора яровой месить!

Замесили тесто для каравая, и разошлись люди. Через некоторое время тесто подошло, как раз тогда у невесты собирались девки-*дружки*. Они за столом делили тесто и лепили каравай, а также булочки-*шишки*, сколько девок, столько и шишек. Пели:



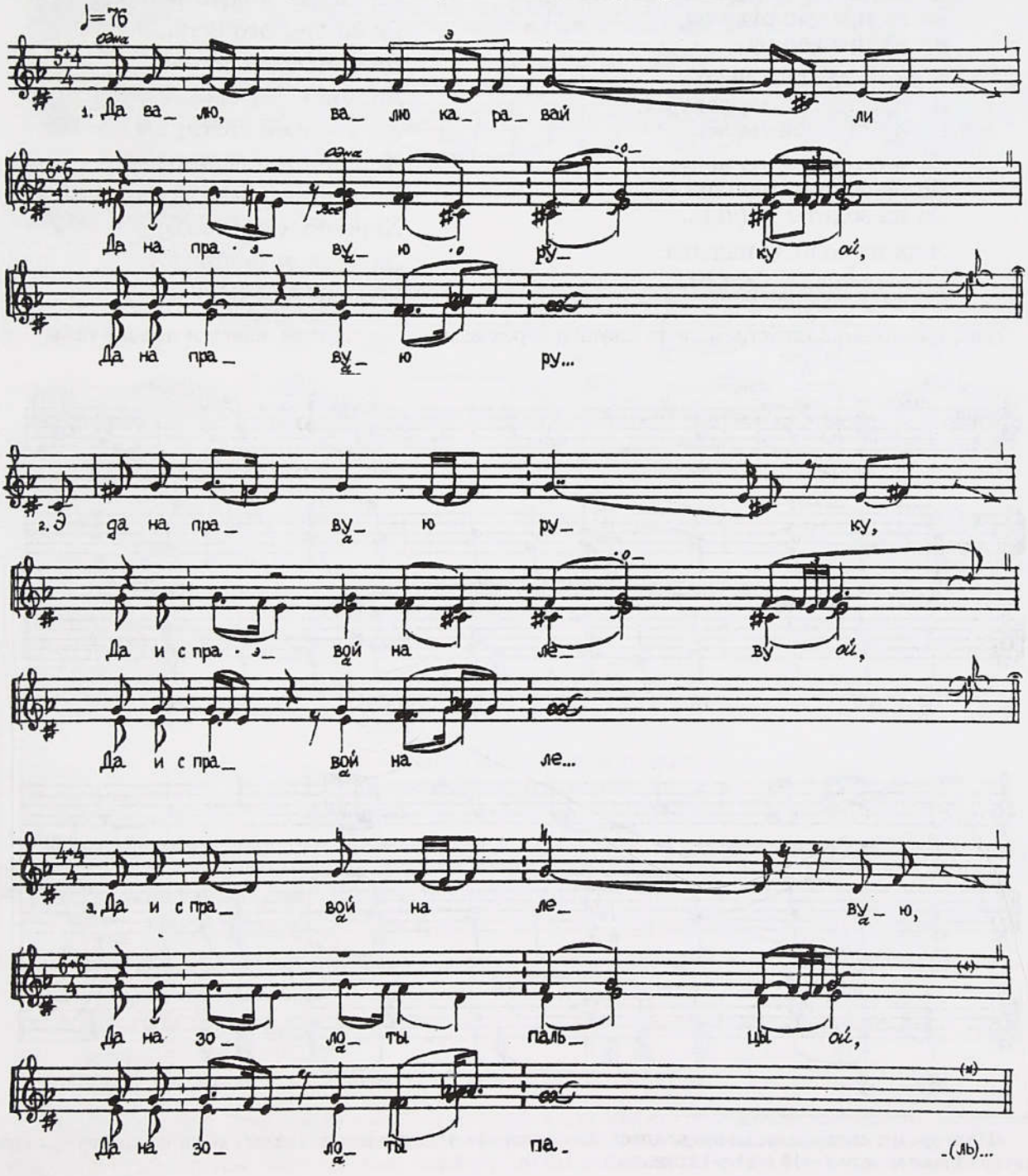
Я тебе, каравай, валю
С правой руки да на леваю,
С левой руки да на праваю.

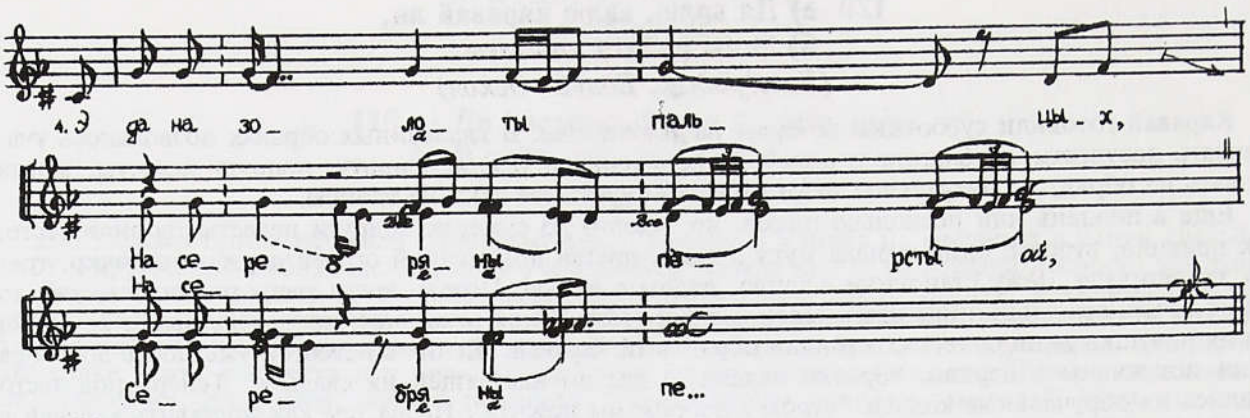
Когда испеченные каравай и шишки доставали из печи, невеста раздавала подругам эти шишки. Девушки подбрасывали свои шишки с пылу с жару и с пляской расходились по домам. У жениха в это время тоже проходила вечерина с парнями, родственниками. Там каравай лепили и пекли жениховы свахи, а в испеченный каравай втыкали свечу.

120 а) Да валю, валю каравай ли,
б) Э вы ребята холосты
(Белгородск., Валуй–Оскол)

Каравай готовили субботним вечером на девишнике. В каравайных обрядах позволялось участвовать девушкам из благополучных семей, знающим песни. Сироту, подругу невесты, могли позвать на обряд, но ритуальное тесто девушка-сирота все-таки не трогала.

Еще в полдень или несколько позже, но задолго до сумерек подруги невесты творили тесто, как правило, втроем: одна сыпала муку в дежу, другая под мучной струей держала ситечко, третья замешивала. Дежу становили в тепло, рядом с печью. Потом, когда тесто поднялось, уже во время вечернего девишника дежу переносили к столу. Сидя за столом, непосредственно во время пения девушки лепили тесто, готовили обрядовый каравай. Жених с невестой уже после договора были повенчаны в церкви, нередко недели за две до настоящей их свадьбы. Теперь под тесто клались их обручальные кольца, "чтобы с добром им пожить". Перед тем как поставить каравай в печь, его поливали маслом, посыпали сыром и слегка подсахаривали.





Да валю, валю каравай ли
Да на правую руку *ой,*
Да на правую ру...

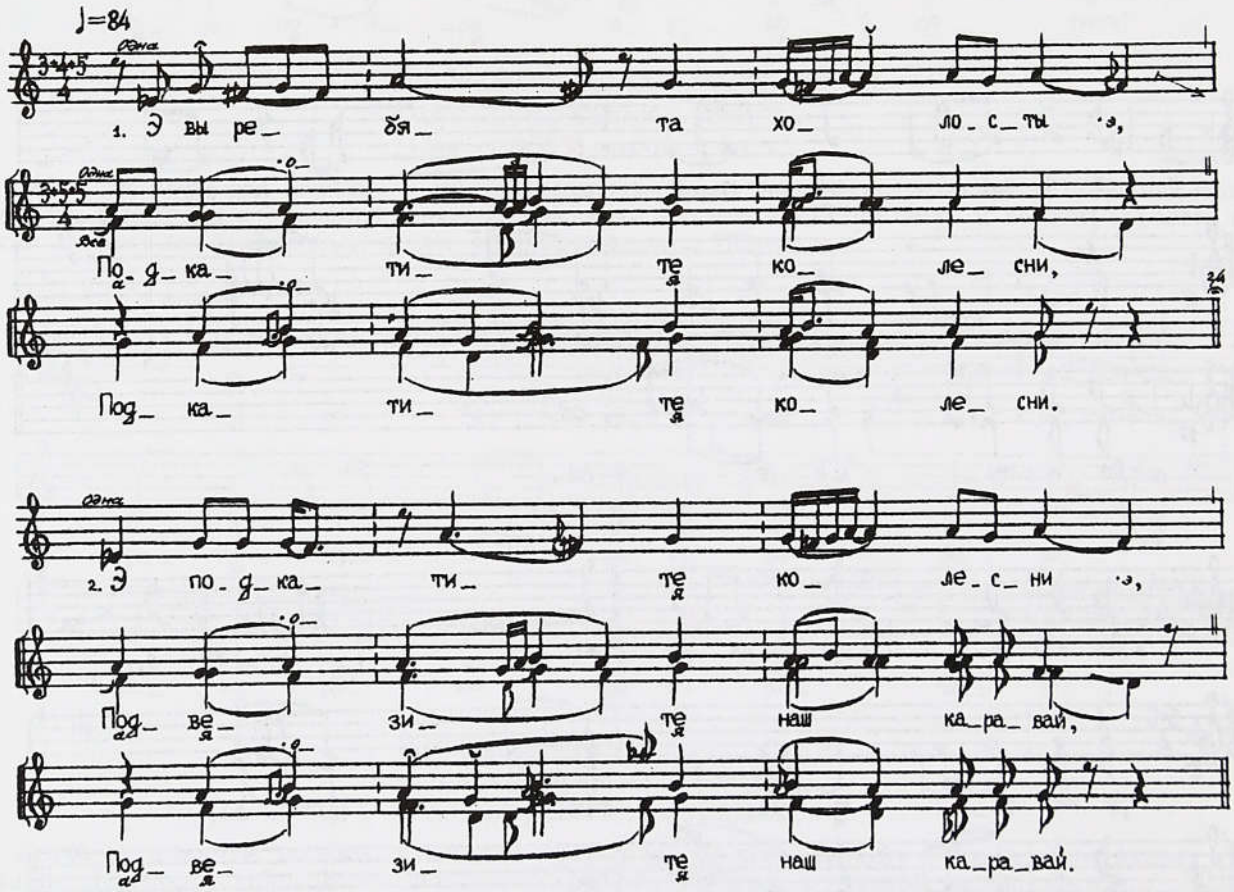
Э да на правую руку,
Да и с правой на леву *ой,*
Да и с правой на ле...

Да и с правой на левую,
Да на золоты пальцы *ой,*
Да на золоты па(ль)...

Э да на золоты пальцы,
На серебряны пе*р*сты,
Серебряны пе...

Да подуй, подуй, ветер[1],
Да со чистого поля,
Да широка раздолья
Да под нашу светлицу.
Ай у нашей светлицы
Хороши все девицы.
Хорошо каравай лепют,
Хорошо снаряжают,
Да масло*м* поливают,
Да сыро*м* посыпают.

Теперь каравай на капустном листе девушки перекладывали со стола на лопату и несли в печь.



[1]Повторение стиха далее не приводится, форма строфы не изменяется. Цепное соединение строф отсутствует только между 9—10 и 11—12 стихами.

Э вы ребята холосты,
Подкатите колесни,
Подкатите колесни.

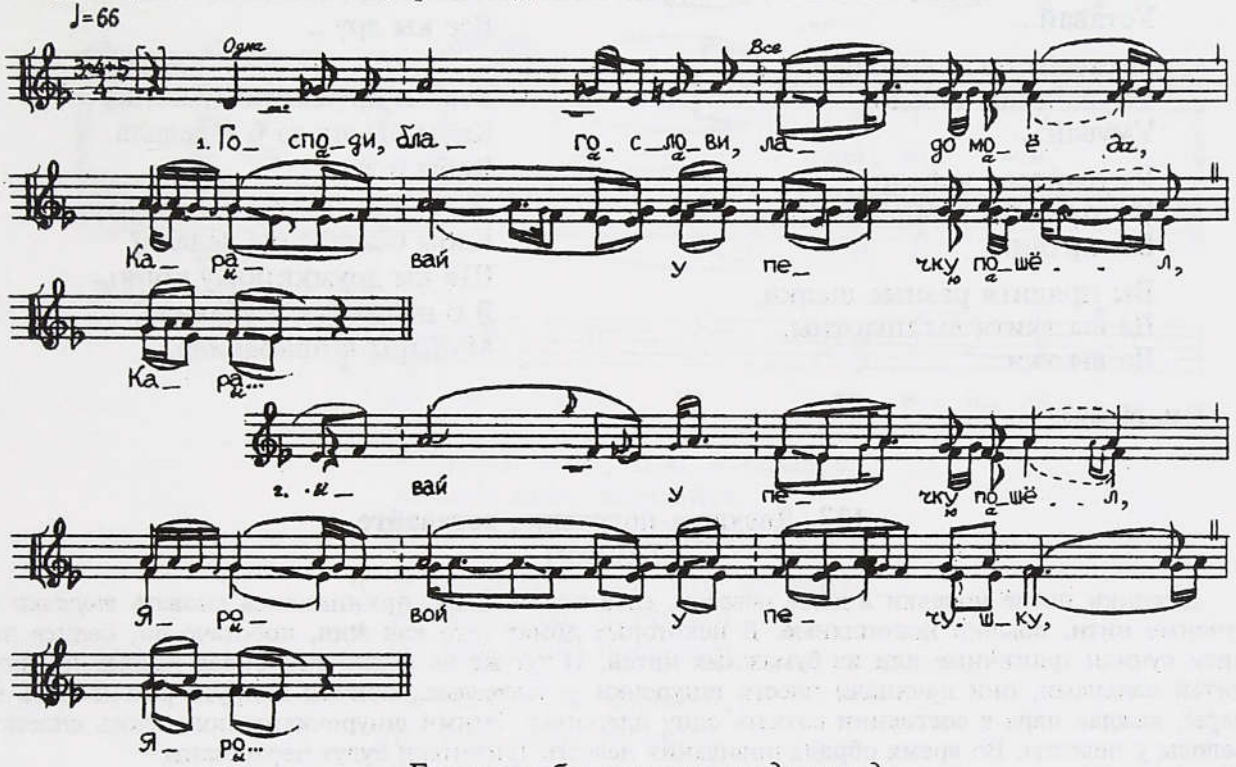
Э подкатите колесни,
Подвезите наш каравай,
Подвезите наш каравай.

Каравай у печку пошел,
Яровой у печушку,
Яровой у печушку.

Каравай ручки-ножки попек,
Яровой ой ножуньки,
Яровой ой ножуньки.

121. Господи, благослови, *ладо мое*
(Белгородск., Тихая Сосна)

Каравай, когда его слепили, брали под пение со стола и становили в печь.



Господи, благослови, *ладо мое да*,
Каравай у печку пошел,
Кара...

...авай у печку пошел,
Яровой у печушку,
Яро...

Каравай белы ножки пожег,
Яровой белы ручушки,
Яро...

Испеченный каравай перекладывали на блюдо или сито. Передавая его из рук в руки, трижды справа налево обносили готовый каравай вокруг печного столба, затем остужали, оставив где-нибудь у стены. Каравай поставят на стол к приезду поезжан с женихом.

Господи, благослови, *ладо мое!*
Каравай из печки пошел,
Кара...

Каравай на блюдцу лежит,
Яровой на блюдечку,
Яро...

...авой круг столба пошел,
Яровой круг столбушка,
Яро...

Каравай ко стенке лепит,
Яровой ко стеночке,
Яро...

Готовый каравай "переезжает" вместе с невестой в дом жениха (его повезет свашка). В доме жениха уже под самый конец застолья совершается обряд свадебного причастия: дружко *кроет каравай*, а "подружье сыр колупает", они нарезают каждому, чтобы досталось по кусочку всем присутствующим.

ПОСЛЕДНЕЕ УТРО В РОДНОМ ДОМЕ

122. Уставайтя вы, девушки

(Белгородск., Потудань/Тихая Сосна. Напев № 275)

Вечерний девишник оканчивался глубокой ночью, так что подруги, оставшиеся с невестой, спали недолго. Уже до рассвета или с рассветом все они поднимались и, только умывшись, с песней начинали за столом утренний девишник. Готовили, чем украсить конскую упряжь, сбрую, чтобы празднично выглядел свадебный поезд. Плели *плетеньки* (№ 123).

Уставайтя вы, девушки,
Уставайтя вы, красные,
Уставай...

Уставайтя вы, красные,
Умувайтеся набело,
Умувай...

Умувайтеся набело,
Вы прядитя разны шелки,
Вы пряди...

Вы прядитя разные шелки,
Да вы ткитя вы полотны,
Да вы тки...

Ох да вы ткитя вы полотны
Все кы дружкиному коню,
Все кы дру...

Все кы дружкиному коню.
Кабы бы знала б я ведала,
Кабы б зна...

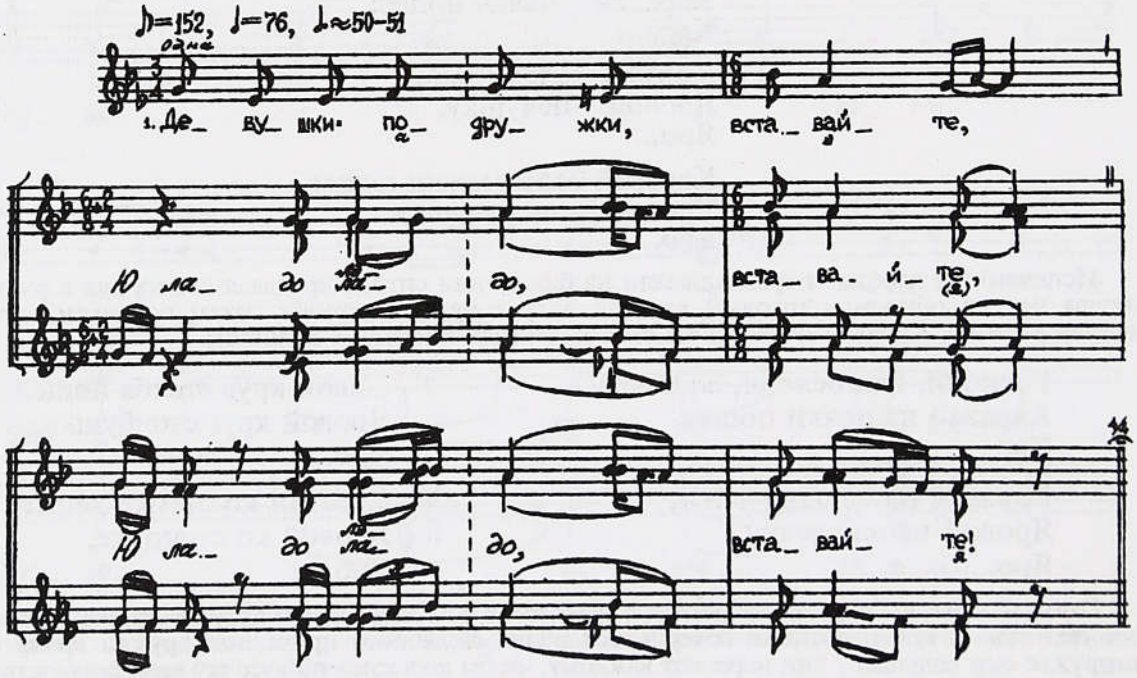
Кабы б знала бы ведала,
Щё кы дружкиному коню,
Я б шалковья б убавила,
Мушары я прибавила.

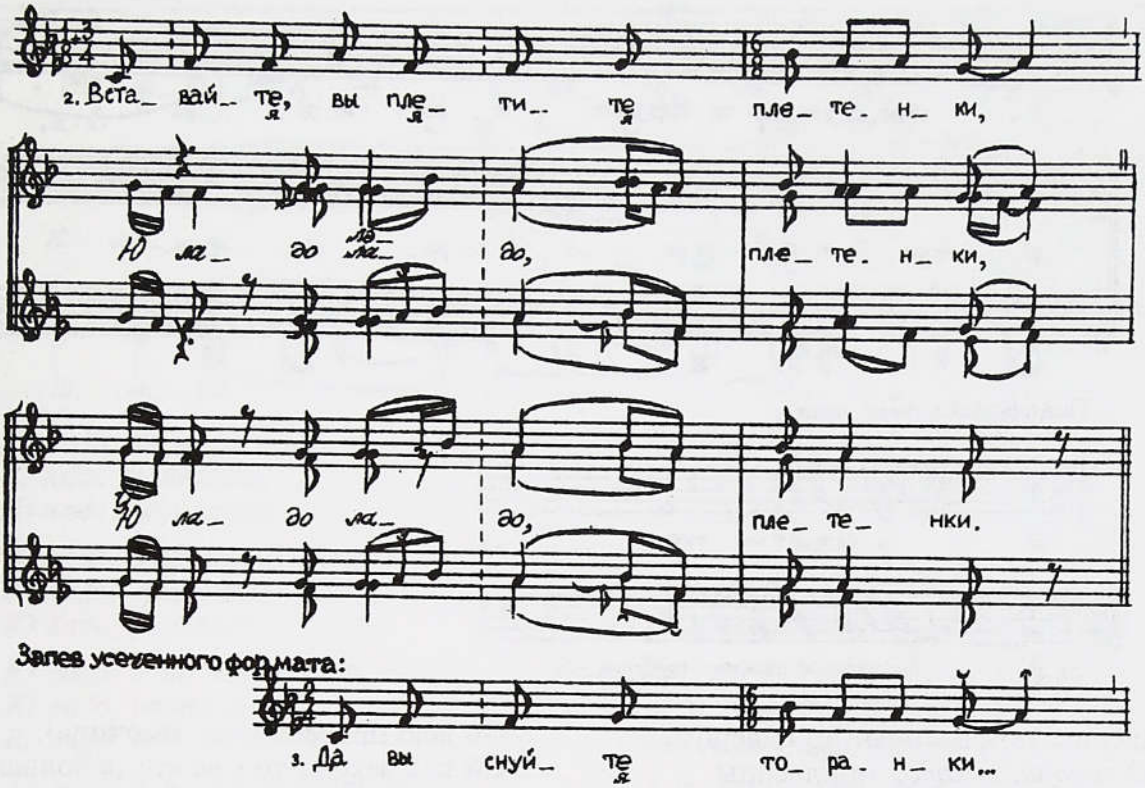
См. № 293.

123. Девушки-подружки, вставайте

(Там же)

Девушки после ночевки в доме невесты, едва поднявшись, принимались сновать *торанки* — сученые нити, обычно конопляные. В некоторых домах (кто как жил, побогаче ли, беднее ли) нити сучили тряпичные или из бумажных нитей. И тут же на руках, перебирая каждая по пяти нитей пальцами, они начинали плести шнурочки — *плетеньки*, причем подруги разбивались на пары, каждая пара в состоянии соткать одну плетеньку. Этими шнурочками полагалось сплетать волосы у невесты. Во время обряда повивания невесты плетеньки будут перерезаны.





Девушки-подружки, вставайте,
Ю ладо ладо, вставайте,
Ю ладо ладо, вставайте!

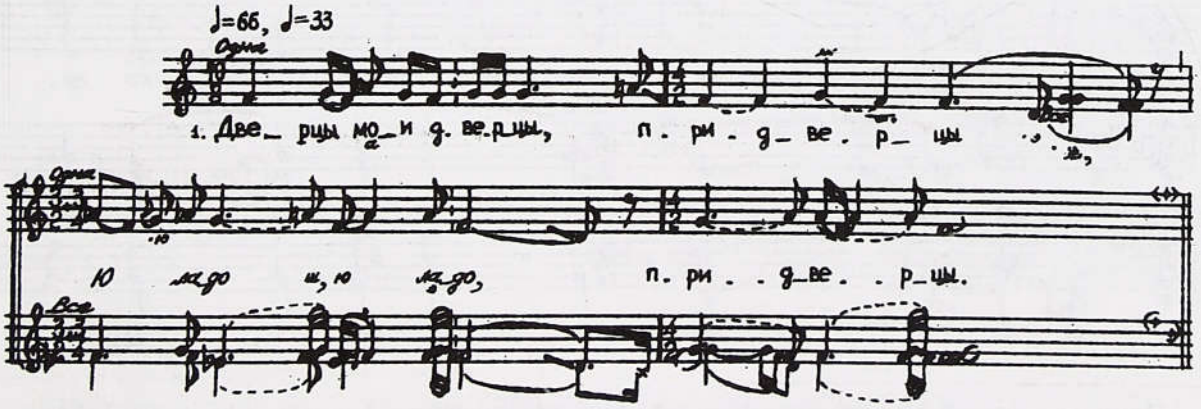
Вставайте, вы плетите плетенки,
Ю ладо ладо, плетенки,
Ю ладо ладо, плетенки,

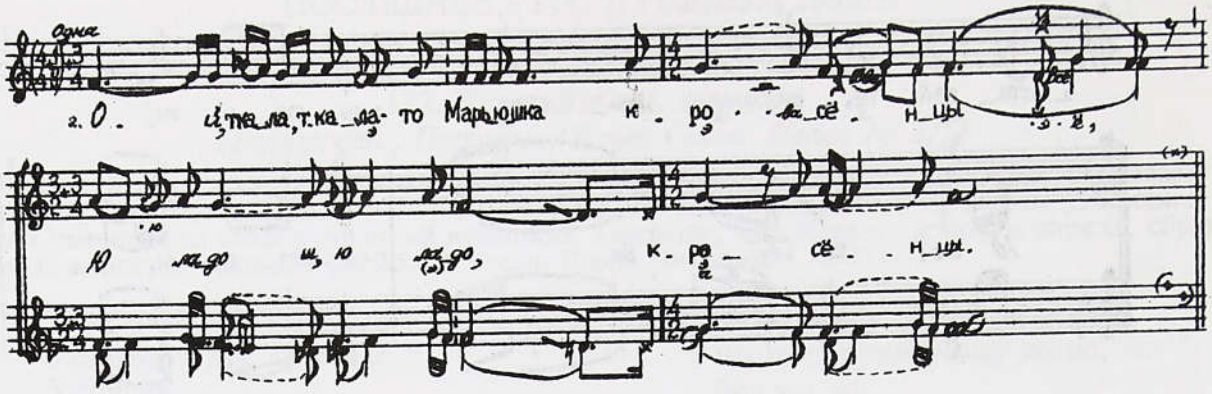
Да вы снуйте торанки,
Ю ладо ладо, торанки,
Ю ладо ладо, торанки.

Справившись с работой, девушки уходили кататься по селу. Веселились, играли песни. Часа через полтора возвращались в дом невесты и "убирали" (одевали) ее к свадьбе.

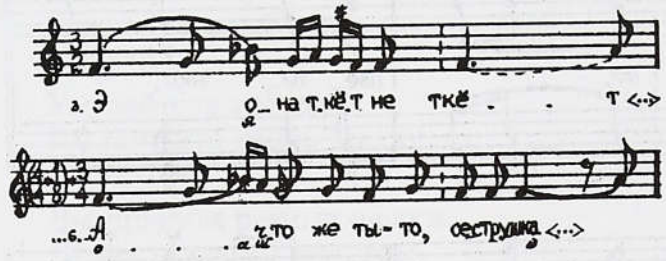
124. Дверцы мои дверцы, придверцы
(Белгородск., Потудань–Дон)

Этой песней также сопровождалось изготовление плетенек.





Подвижный формат начал:



Дверцы мои дверцы, придверцы,
Ю ладо ш, ю ладо, придверцы.

Ой ткала, ткала-то Марьюшка кросёнцы,
Ю ладо ш, ю ладо, кросёнцы.

Э она ткет не ткет, все плачет,
Ю ладо ш, ю ладо, все плачет,

Ой всю просестушку смочила[1].
Ой как заходя-то к ей что набольший брат:
"А что же ты-то, сеструшка, ткешь не ткешь?
А что же ты, сеструшка, все плачешь,
Ой всю просестушку смочила?" —
"Я ж тебе, набольший братец, не таюся.
А девушки мне-то кросёнцы наткали,
А подружки мне-то торанки сновали,
А плетеньками косушку не сплетали".

Песня повторяется столько раз, сколько у невесты братьев. Последним называется "меньший брат", окончание:

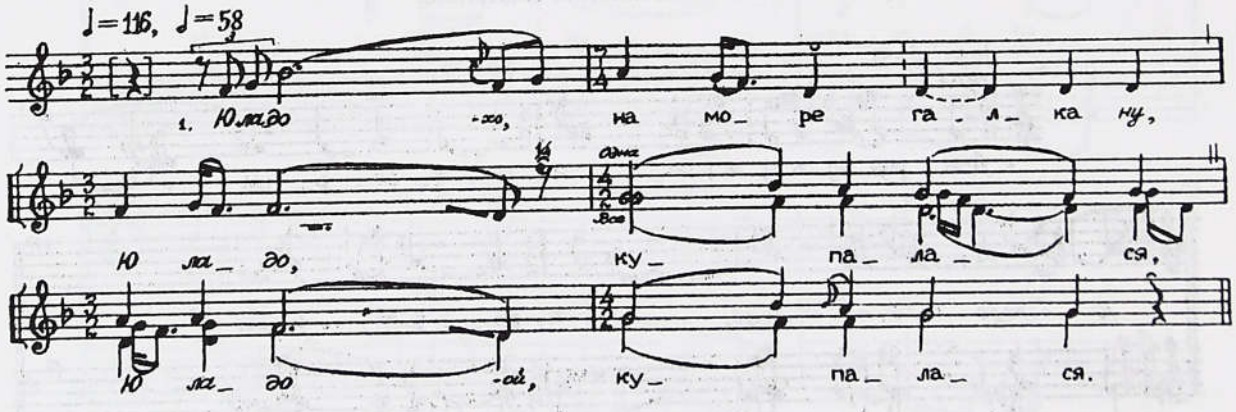
"...И косушку плетеньками сплетали".

СБОРЫ У НЕВЕСТЫ

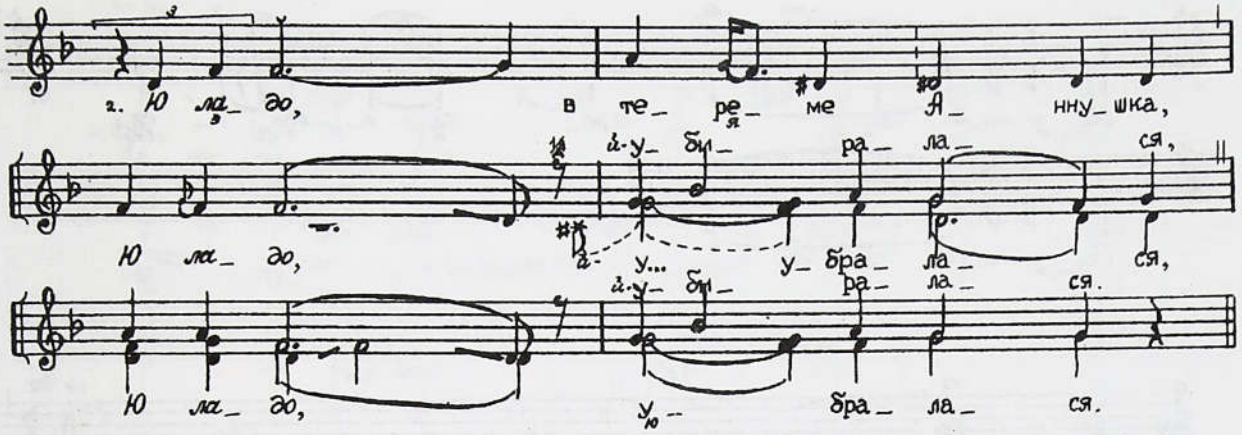
125. *Ю ладо!* На море галка

(Там же)

Много времени уходило на то, чтобы подруги одели невесту "в свадебное". В этом наряде ее передавали жениху. Потом она, по старому обычаю, хранила этот наряд для погребения, себе на смерть.



[1] Припев с повторением концевого полустиха далее не приводится, форма строфы не изменяется.



Ю ладо, на море галка *ну*
Ю ладо купалася,
Ю ладо, купалася.

Ю ладо, в тереме Аннушка
Ю ладо, убралася,
Ю ладо, убралася.

Ю ладо! У во всё платья
Ю ладо венчальная,
Ю ладо, в венчальная,

Ю ладо! У во все кольца *ну*
Ю ладо обручальные,
Ю ладо, обручальные.

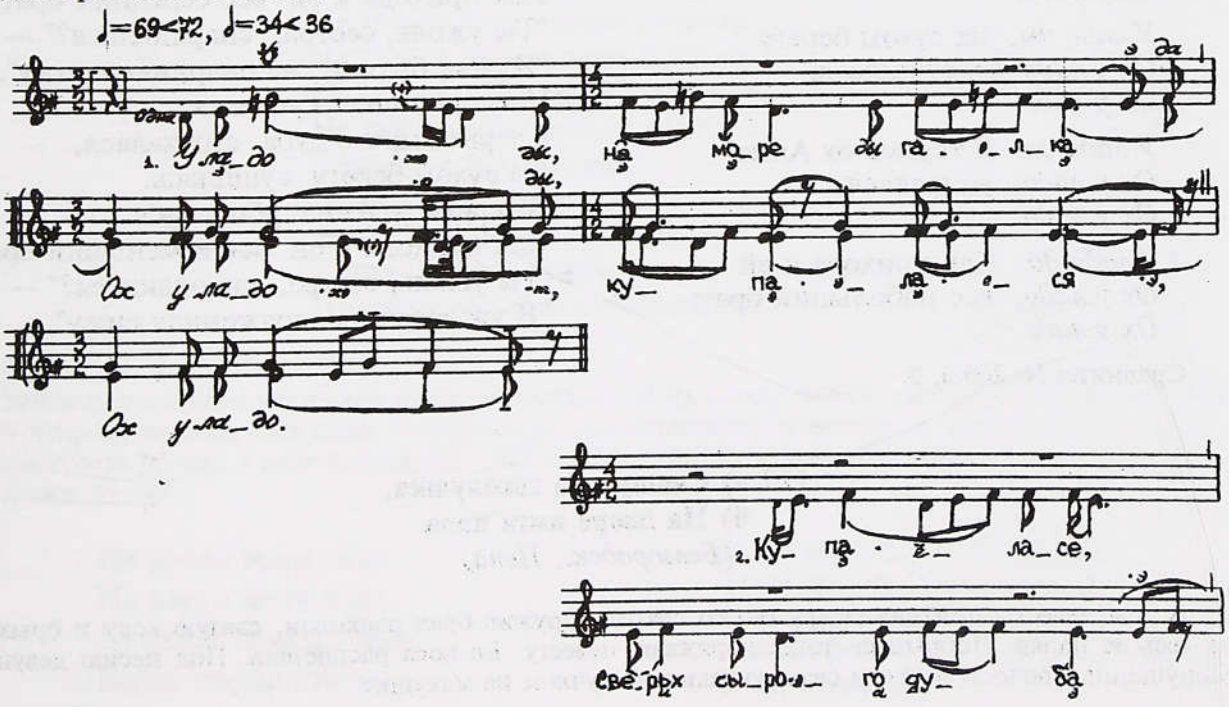
Ю ладо! Как заходя к ней
Ю ладо, что набольший брат,
Ю ладо, что набольший брат:

"Что же ты, сестра, убралася[1]
У во всё платья *ну* венчальная,
У во все кольца обручальные?" —
"Я ж тебе, братец, не таюся,
Все равно, братец, уберуся
У во всё платья венчальная,
У во все кольца обручальные".

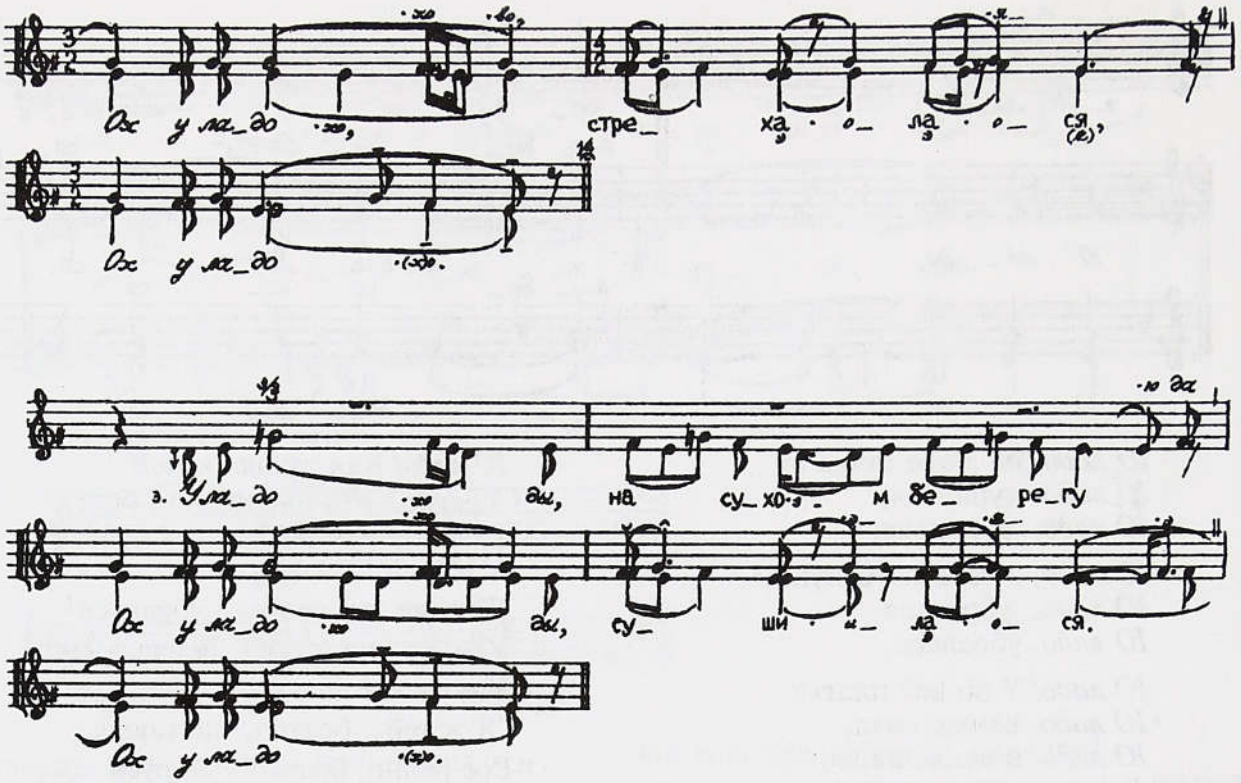
126. *У ладо,* на море галка

(Белгородск., Потудань/Тихая Сосна)

Песня во время "наряжания" невесты повторялась столько раз, сколько у нее братьев, в последний раз менялся конец.



[1] Рефрен и повторение второго полустиха далее не приводятся, форма строфы не изменяется.



У ладо ды, на море *ды* галка
Ох у ладо, купалася,
Ох у ладо.

Купаласе
Сверьх сырого дуба
Ох у ладо, стрехалася,
Ох у ладо.

У ладо ды, на сухом берегу
Ох у ладо ды, сушилася,
Ох у ладо.

У ладо да. В тереме ох Анна
Ох у ладо, убиралася,
Ох у ладо.

У ладо да. Как приходя к ей
Ох у ладо, все набольший брат:
Ох у ладо.

"Ты ужоль, сестра, снарядилася?"[1] —
"Я еще, братец, не снаряжена ж сижу".
На море галка купалася,
Сверьх сырого дуба стряхалася,
На сухом берегу сушилася.
В тереме ж Анна убиралася.
Как приходя к ей все середний брат:
"Ты ужоль, сестра, снарядилася?" —
"Я еще, братец, не снаряжена сижу".
На море галка купалася,
Сверьх сырого дуба стряхалася,
На сухом берегу сушилася.
В тереме ж Анна убиралася.
Как приходя к ей все и меньший брат:
"Ты ужоль, сестра, снарядилася?" —
"Я уж давечь снаряженная сижу".

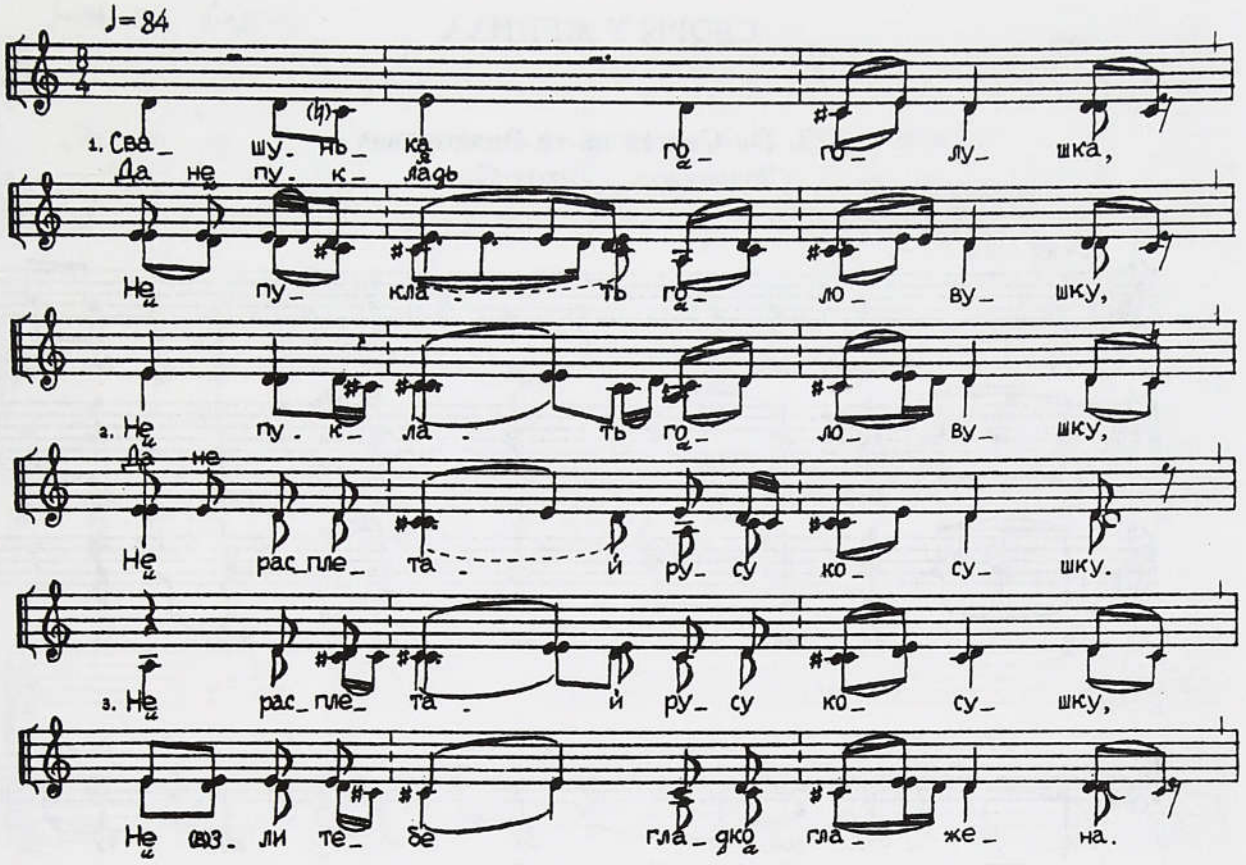
Сравните: № 260 а, б.

127 а) Свашунька гоголушка, б) На дворе имга пала

(Белгородск., Пена)

В дом невесты приходили дружко со свахой. Дружко брал одеколон, святую воду и брызгал на весь ее наряд. Побрызгал, тогда наряжают невесту. Ее коса расплетена. Под песню девушек распущенные волосы невесты сваха укладывает пучком на макушке.

[1] Рефрен далее не приводится, сохраняется та же форма, что и в выписанных строфах, кроме второй.



Свашунька гоголушка,
Не пуклать головушку,
Не пуклать головушку,
Не расплетай русу косушку.
Не расплетай русу косушку,
Не (в)зли тебе гладко глажена.
Не (в)зли тебе гладко глажена,
Не (в)зли тебе дробно плётана.
Не (в)зли тебе дробно плётана,
Гладила я у мамушки,
Плетала я в батюшки
А под красным окошечком,
А под красным окошечком,
Под хрустальным стёклушком.

Сравните: № 32, 33.

Затем под следующую песню сваха накидывает ей на голову белый миткаль — *покрывило*. Невесту *покрыли* на весь этот день, с *покрывилом* она переезжает к жениху, и только по окончании повивального обряда у него в доме (№ 170) можно будет заглянуть ей в лицо.

Напев № 349.

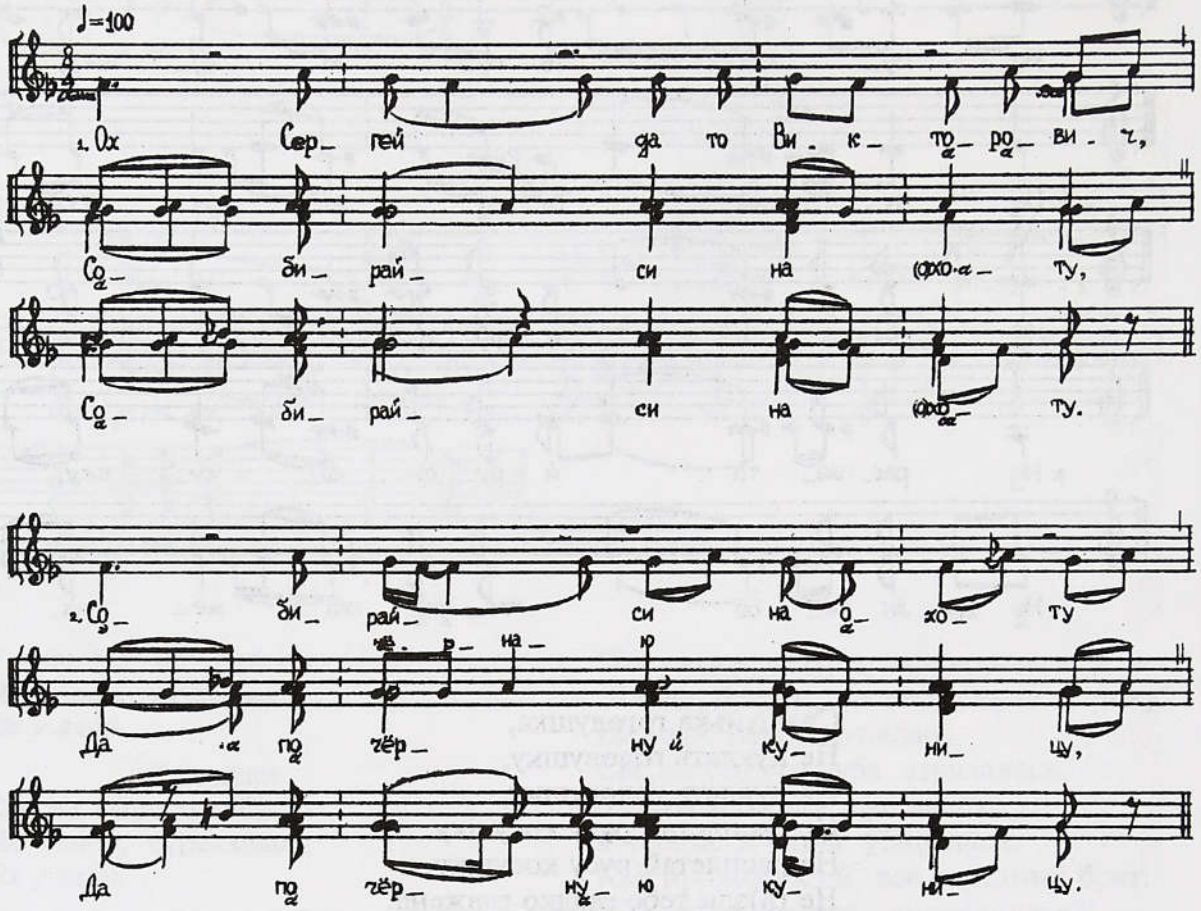
На дворе имга пала,
На дворе имга пала,
Да белая порошинка,
Белая порошинка.

Да на нашей вот Аннушке,
Да на нашей Никаноровны
Да белая покрывило,
Тонкая белая,
Свое рукоделье.

Сравните: № 163.

СБОРЫ У ЖЕНИХА

128. Ох Сергей да то Викторович
(Воронежск., Тихая Сосна)



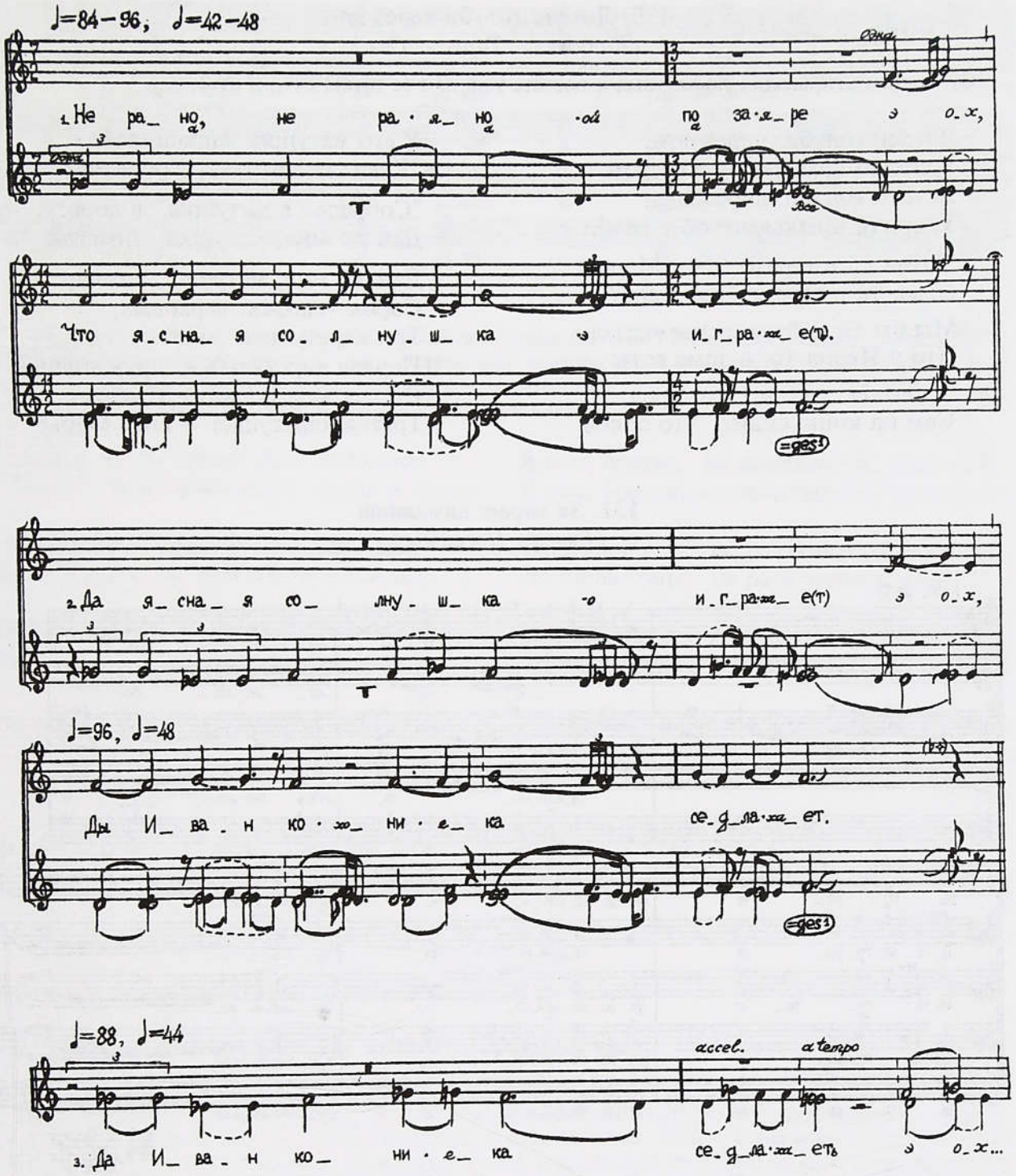
Ох Сергей да то Викторович,
Собирайси на (о)хоту,
Собирайси на (о)хоту.

Собирайси на охоту
Да по черну куницу,
Да по черную куницу.

Ох по черную куницу,
А по красну девицу,
Да по красную девицу.

129. Не рано, не рано по заре
(Белгородск., Валуй–Оскол)

Когда провожали жениха за невестой, то его крестная либо сама мать надевала шубу мехом наружу ("для богатства молодых") и в ней обходила уже собранный свадебный поезд до трех раз начиная с правой стороны. В это время на проводы поезда звучала песня:



Не рано, не рано по заре *э-ох,*
Что ясная солнушка играет.

Да ясная солнушка играе *э-ох,*
Ды Иван коника седлает.

Да Иван коника седлает *э-ох,*
У его ж мамушка пытает:

Да его ж мамушка пытает[1]:
"Куды, моя дитетка, убираешьси?" —
"Убираюсь, мамушка, у дорогу.
Дай же мене, мамушка, подмогу:
Да сорок человек пешавых,
Пятьдесят коников вороных,
Две каретушки золотых
Да две свашуньки молодых".

[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.

130. Летели голуби через дом

(Калужск., Таруса—Ока)

От жениха отправляли посыльных к невесте узнать о ее готовности к отъезду.

Летели голуби через дом,
Ударили крыльями об терём.
Летели голуби через дом,
Ударили крыльями об терём[1].

"Дома ли в тереме свет Марья?
Дома ли в тереме Ивановна?

Мы бы ей добрую речь сказали,
Что у Ивана-то в доме есть:

У него есть конь, что орел,
Сам на коню сидит, что сокол.

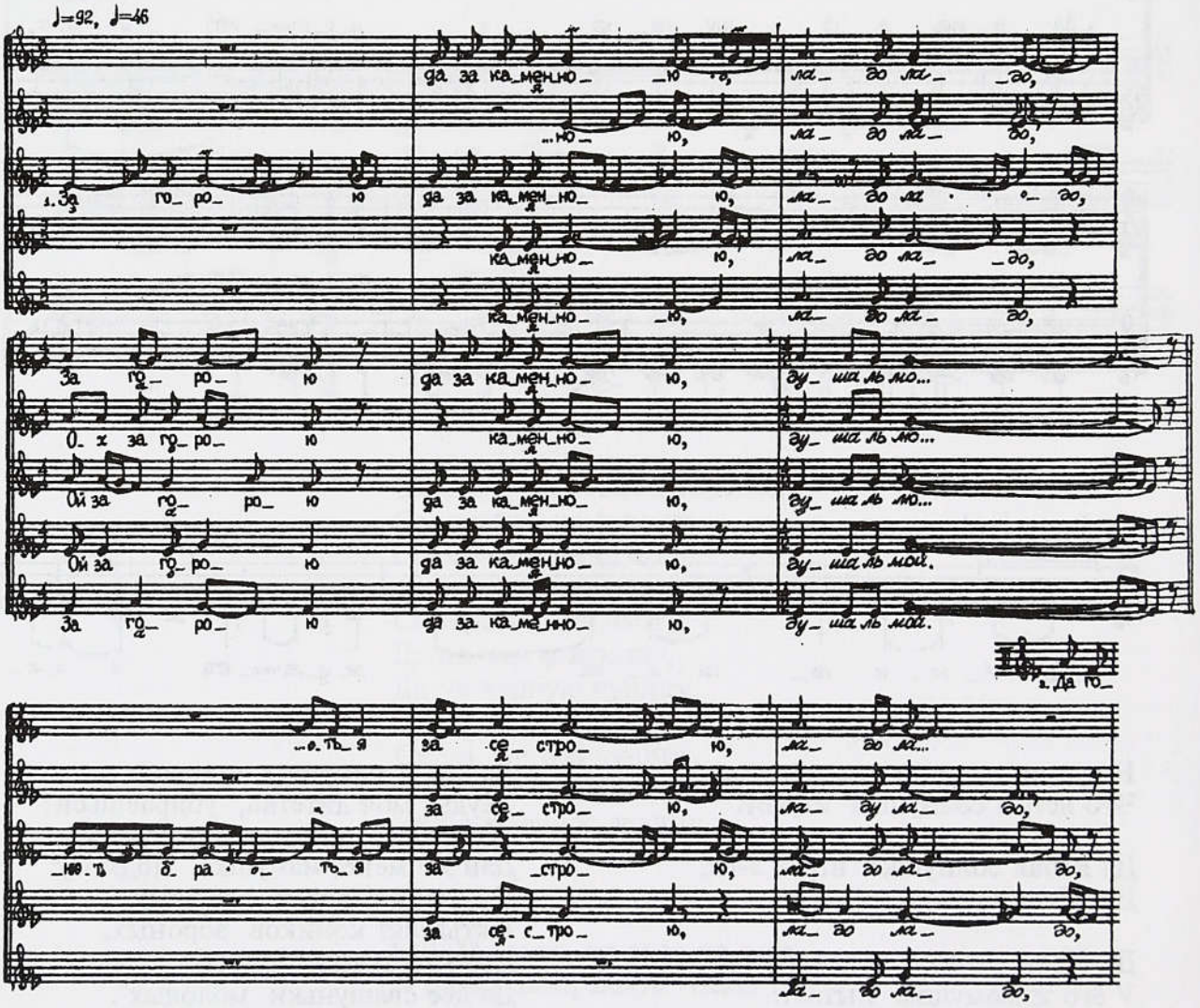
У его матушка спрашивала:
"Куда ты, дитятка, собрался?" —

"Собрался я матушка, в дорогу,
Дай же мне, матушка, помочу.

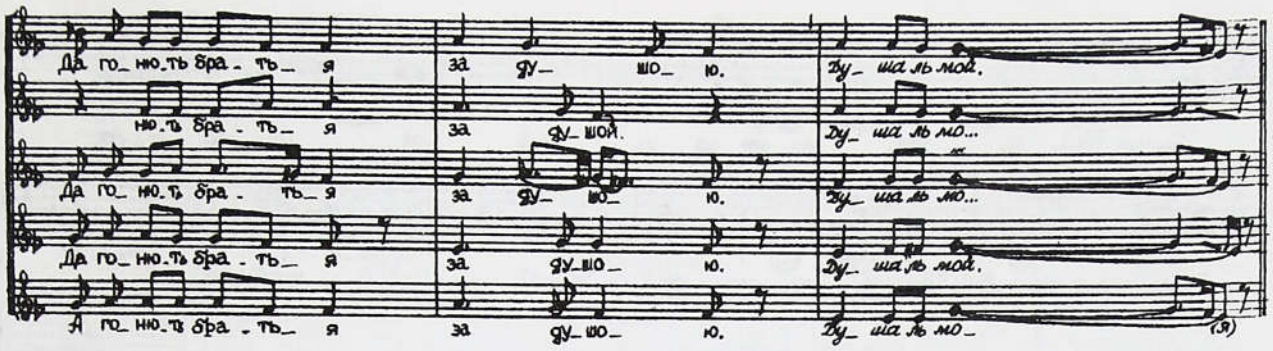
Дай же мне, матушка, помочу:
Сорок человек верховых,
Три каретушки золотых.
Первая каретушка — дружинушке,
Вторая каретушка — Ивану,
Третья каретушка — свет Марье".

131. За горою каменною

(Курск., Посеймье)



[1] Последующие строфы повторяются так же, как и первая строфа.



Накануне свадьбы в дом жениха отвозились дары его родственникам, постель невесты, приданое, так называемый *сундук*. Сундук перевозили *вечерние свахи* под началом невестиной сестры, старшей, замужней (если она есть). Примерно с середины 1930-х годов сундук стали передавать не вечером в субботу, как в старину, а в воскресенье утром.

За горою да за каменною, *ладо ладо,*
За горою да за каменною, *душа ль мо(я).*

Гонют братья за сестрою, *ладо ладо,*
Гонют братья за душою, *душа ль мо...*

"Постой, сестра, ключи унесла! *Ладо ладо,*
Постой, душа, ключи унесла!" *Душа ль мо...*

"Вернитесь, братья, не гонитесь, *ладо ладо,*
Вернитесь, братья, не гонитесь, *душа ль мо...*

Я вам, братья, не клюшница, *ладо ладо,*
Я вам, братья, не разлушница, *душа ль мо...*

Не клюшница, не разлушница, *ладо ладо,*
Не клюшница, не разлушница, *душа ль мо...*

А я клюшница я лютому свекру, *ладо ладо,*
А клюшница я лютому свекру, *душа ль мо...*

А разлушница я лютой свекрови". *Ладо ладо,*
Разлушница да лютой свекрови". *Душа ль мо...*

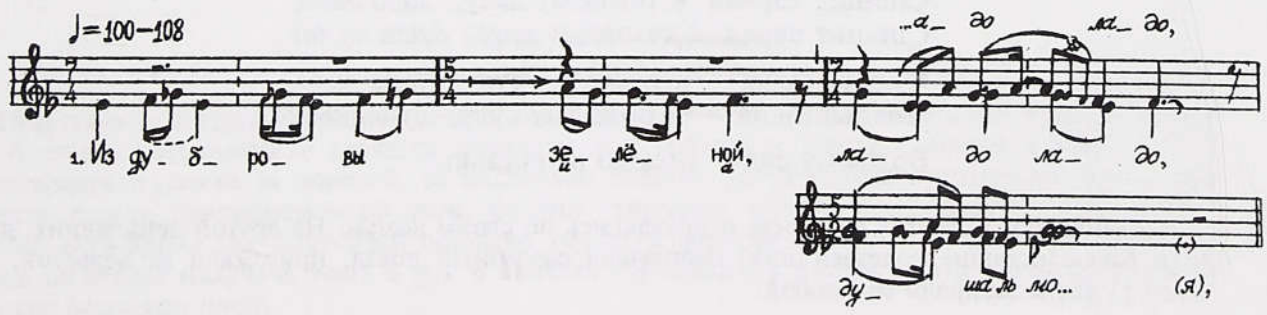
Сравните: № 299.

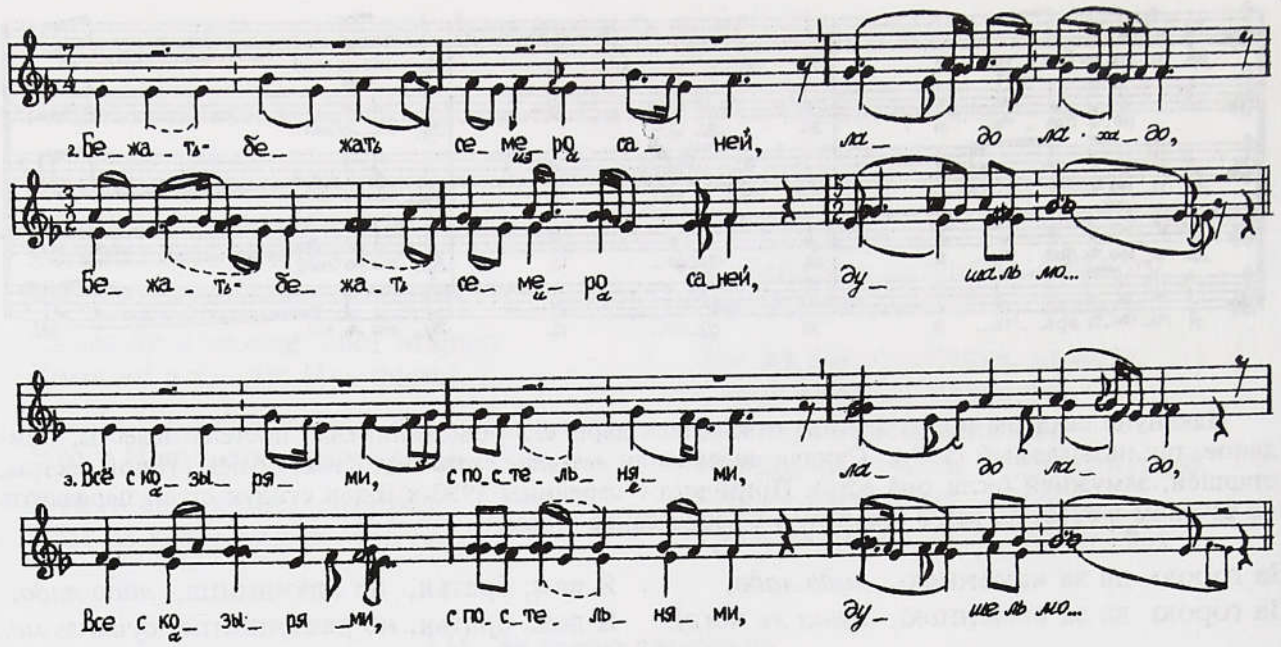
В доме жениха свахи одаривали родителей жениха, родственниц, "наряжали хату", развешивали рукоделия. Нередко тем временем жених и невеста стояли в церкви на венчании (№ 132).

ВЕНЧАНИЕ
(южнорусск.)

132. Из дубровы зеленой
(Курск., Посеймье)

Действительному переезду невесты к жениху предшествовал символический переход — поездка под венец. Церковное венчание опережало почти на сутки (или в несколько суток) местный обряд реального бракосочетания. В церковь жених отправлялся из своего дома в сопровождении "свадебных людей", впереди всех на лошади, а невеста из своего дома "пешки шла", ее вели подруги-*игрицы*. Это происходило на вечерней заре. Вслед жениху старухи пели:





Из дубровы зеленой, *ладо ладо,*
душа ль мо(я),

Бежат-бежат семеро саней, *ладо ладо,*
Бежат-бежат семеро саней, *душа ль мо...*

Всё с козырями, с постельнями, *ладо ладо,*
Все с козырями, с постельнями, *душе ль мо...*

Ах чей того конь наперед бежит? *Ладо ладо,*
Ах чей-то конь наперед бежит? *Душе ль мо...*

Наперед бежит, выступает, *ладо ладо,*
Наперед бежит, выступает, *душе ль мо...*

На поводы наступает? *Ладо ладо,*
На поводы наступает? *Душе ль мо...*

Иванов конь наперед бежит, *ладо ладо,*
У Васильевича выступает, *душе ль мо...*

Наперед бежит, ажно земля дрожит, *ладо ладо,*
Наперед бежит, земля дрожит, *душе ль мо...*

Иван коня погоняет, *ладо ладо,*
Васильевич погоняет, *душе ль мо...*

Он зорюшку наджидает, *ладо ладо,*
Он серую наджидает, *душе ль мо...*

Спешит-спешит, спешит зорька, *ладо ладо,*
Спешит-спешит ой серая, *душа ль мо...*

Спешит зорька к темному лесу, *ладо ладо,*
Спешит серая к темному лесу, *душа ль мо...*

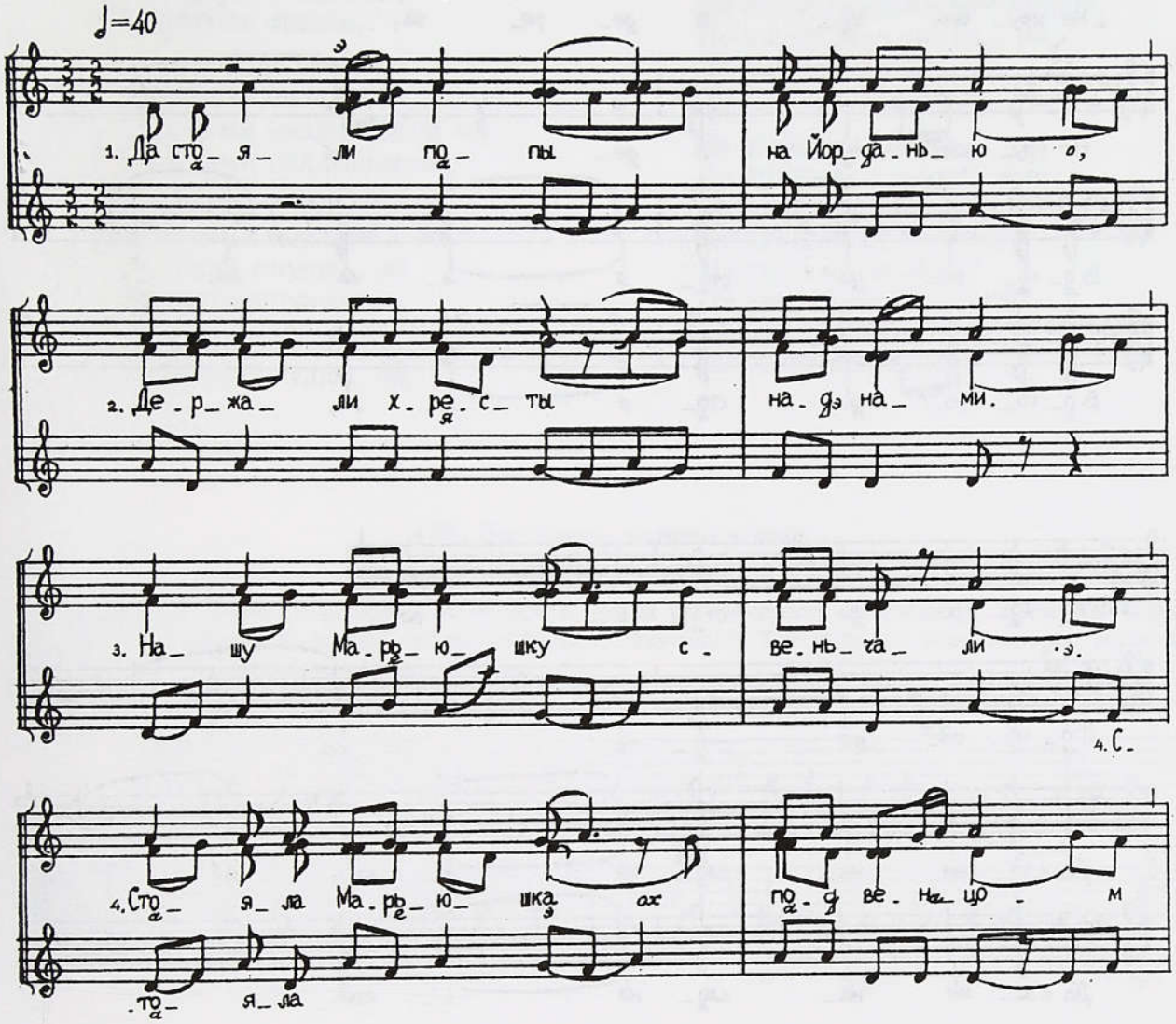
Федосьюшка — к Божьему суду, *ладо ладо,*
Амельяновна — к Божьему суду, *душа ль мо...*

Божьему суду, Божью венчанью.

Повенчавшись, жених и невеста отправлялись по своим домам. На другой день жених, дружко и *бояря* (старшие родственники) составляли свадебный поезд, приезжали за невестой, вели торги за нее и забирали ее с собой.

133. Стояли попы на Йорданью
(Воронежск., Дон)

От церкви после венчания невесту сопровождали с песней:

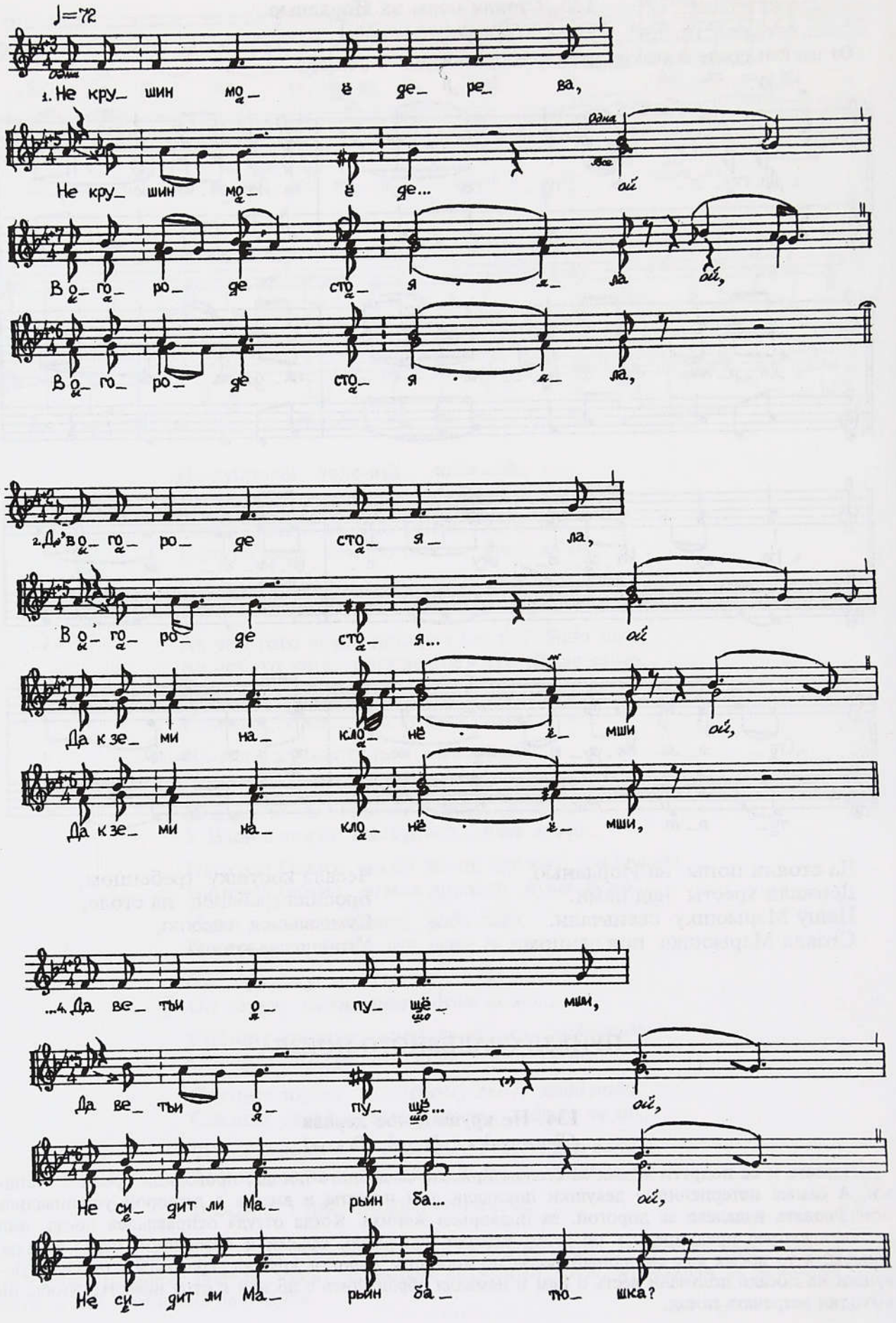


Да стояли попы на Йорданью,
Держали хресты над нами.
Нашу Марьюшку свеньчали.
Стояла Марьюшка под венцом,
Чесала косушку гребенцом,
Бросила гребенец на столе,
Сумывалася слезою,
Утиралася косою.

ПРИЕЗД СВАДЕБНОГО ПОЕЗДА

134. Не крушин мое дерева
(Белгородск., Валуй—Оскол)

Невеста и ее подруги ждали за столом приезда свадебного поезда, проводили время с песнями. А самые нетерпеливые девушки покидали дом невесты и вместе с детворой устраивались понаблюдать издалека за дорогой, за подворьем жениха. Когда оттуда отправлялся поезд, они мчались скорее предупредить об этом. Бежали напрямую, садами и огородами, через ограды, канавы, в то время как свадебный поезд по хорошим дорогам кружил, красовался по селу. Девушки на посаде получали весть о нем и немедля обращались с песней к отцу невесты, чтобы он выходил встречать поезд.


♩=72
1. Не кру_ шин мо_ ё де_ ре_ ва,
Не кру_ шин мо_ ё де...
ой
В о_ го_ ро_ де сто_ я_ ла
ой,
В о_ го_ ро_ де сто_ я_ ла,
2. До_ в о_ го_ ро_ де сто_ я_ ла,
В о_ го_ ро_ де сто_ я...
ой
Да к зе_ ми на_ кло_ нё_ мши
ой,
Да к зе_ ми на_ кло_ нё_ мши,
...4. Да ве_ тьи о_ пу_ щё_ мши,
Да ве_ тьи о_ пу_ щё...
ой,
Не си_ дит ли Ма_ рьин ба...
ой,
Не си_ дит ли Ма_ рьин ба_ шка?

Не крушин мое дерева,
Не крушин мое де... *ой*
В огороде стояла *ой*,
В огороде стояла,

Д`в огороде стояла,
В огороде стоя... *ой*
Да к земи наклонёмши *ой*,
Да к земи наклонёмши,

Да к земи наклонёмши,
Да к земи наклонё... *ой*,
Да ветьи опущё... *ой*,
Да ветьи опущёмши,

Да ветьи опущёмши,
Да ветьи опущё... *ой*,

[5] Не сидит ли Марьин ба... *ой*,
Не сидит ли Марьин батюшка?

Не сидит Марьин батюшка?
Не сидит Марьин ба... *ой*,
Да выйд*и* за воро... *ой*,
Да выйд*и* за ворота[1].

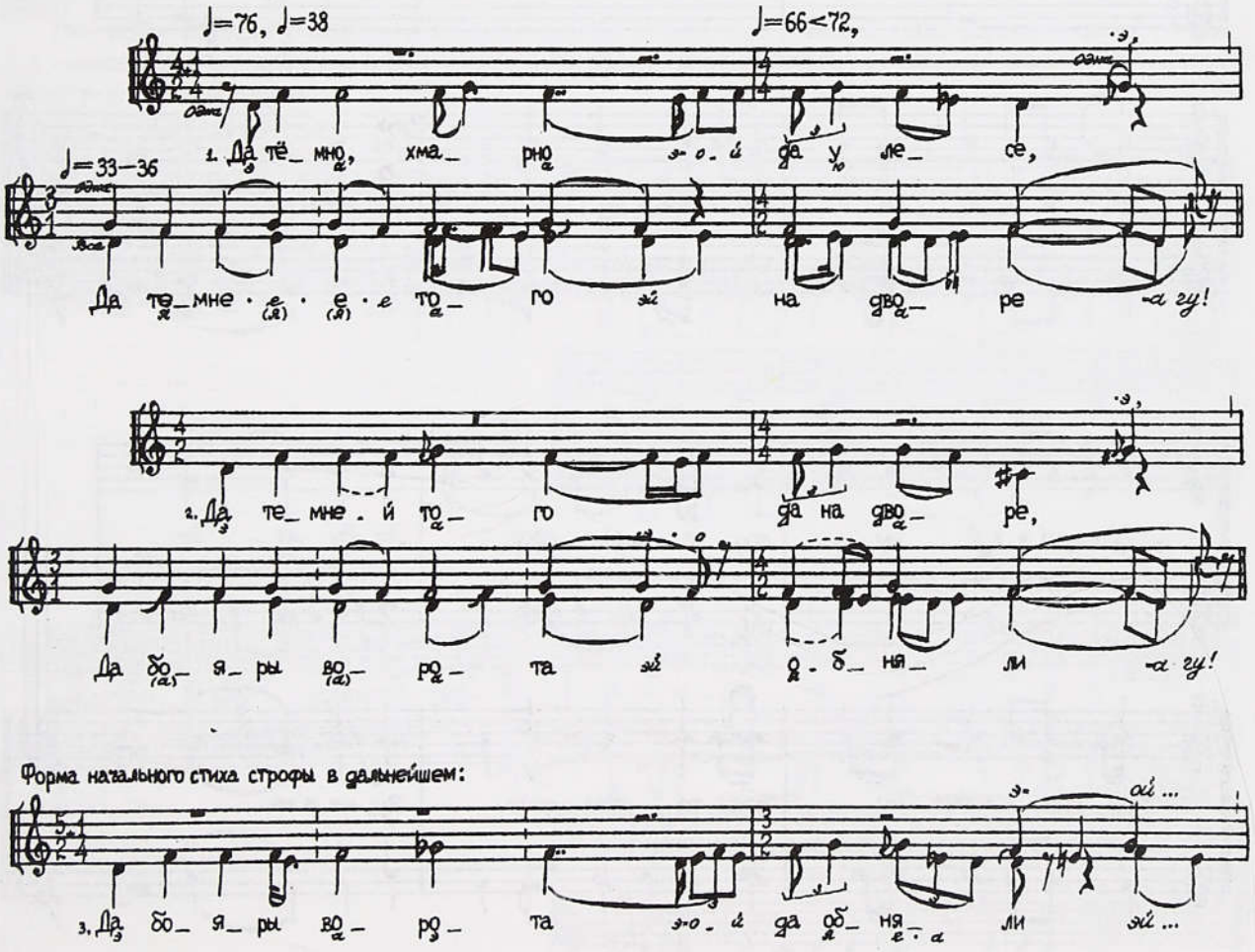
Да выйд*и* за ворота,
Да припань к сырой з*е*ми.
Да припань, ты послушай:
Не дрожит ли землица?
[10] Не гудут ли колёсы?
Не звенят ли подковы?
Д`ли не едут бояре,
Не везут молодого?

Сравните: № 161.

135. Да тёмно, хмарно у лесе

(Там же)

Свадебный поезд отправлялся за невестой, когда уже вечерело. Подъезжали к наглухо закрытым воротам, соседи и гуляки-зеваки требовали откупного. Тут выходил отец невесты встречать поезд. Вслед ему девушки за столом пели:



[1] Строфа далее не приводится, ее форма не изменяется.

Да тёмно, хмарно да у лесе,
Да темнее того на дворе *а гу!*

Да темней того да на дворе,
Да бояры ворота обняли *а гу!*

Да бояры ворота да обняли *эй,*
Да сорок человек верховых *а гу!*

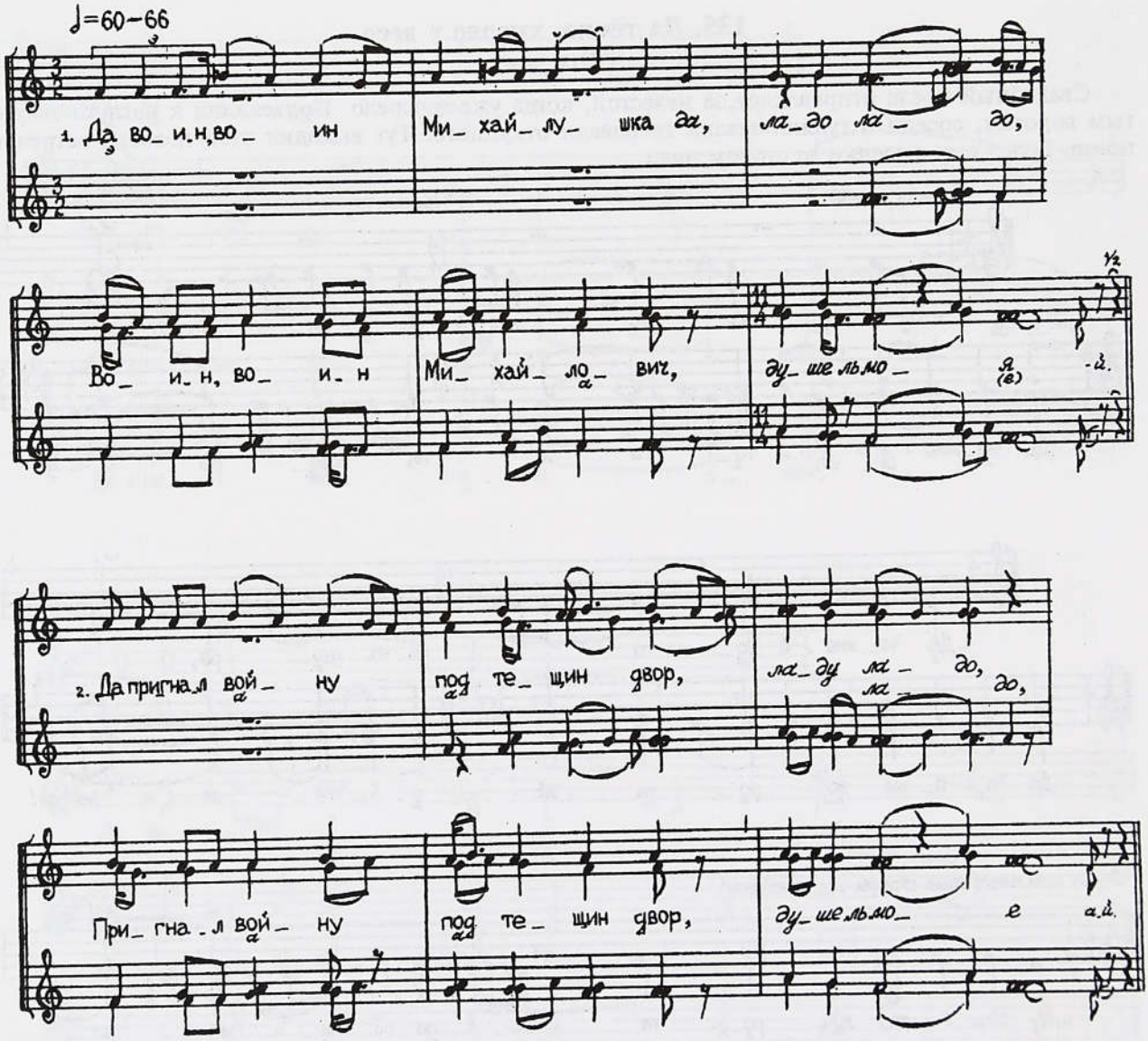
Да сорок человек верховых *эй,*
Да пятьдесят коников вороных *а гу!*[1]

Сравните: № 337.

Да й разобьют стену стрелою,
Да й возьмут Марьюшку с собою.
Ой сидела Марьюшка да под окном,
Да кликала батюшку для двух слов:
"Да й торгуйся, батюшка, поскорей,
Да проси за мене сто рублей,
Анно ж подорожись косою.
Да за косушку проси тысячу,
За мой ум за разум — сметы нет".

136. Воин, воин Михайлушка
(Курск., Псел)

Приедут сваты за невестою, и тут-то ж встречают их: "Воин, воин"... Сходятся зрители на свадьбу смотреть, вот и кричат эту песню, родные все с ими. А подружки в доме сидят.



[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.

Да воин, воин Михайлушка *да, ладо ладо,*
Воин, воин Михайлович, *душе ль моя.*

Да пригнал войну под тещин двор, *ладу ладо,*
Пригнал войну под тещин двор, *душе ль мое.*

Да хоча тещу *да* своевати, *ладу ладо,*
Хоча тещу своевати, *душе ль моя.*

Да хоча *да* тестя своевати, *ладо ладо,*
Хоча тестя своевати, *душе ль мое.*

Валентинушку *да* с собой взяти, *ладо ладо,*
Ивановну с собой взяти, *душе ль моя.*

Да с собой взяти *да* солучати, *ладо ладо,*
С собой взяти, солучати, *душе ль мое.*

137. В нас во поле во чистому туман туманея

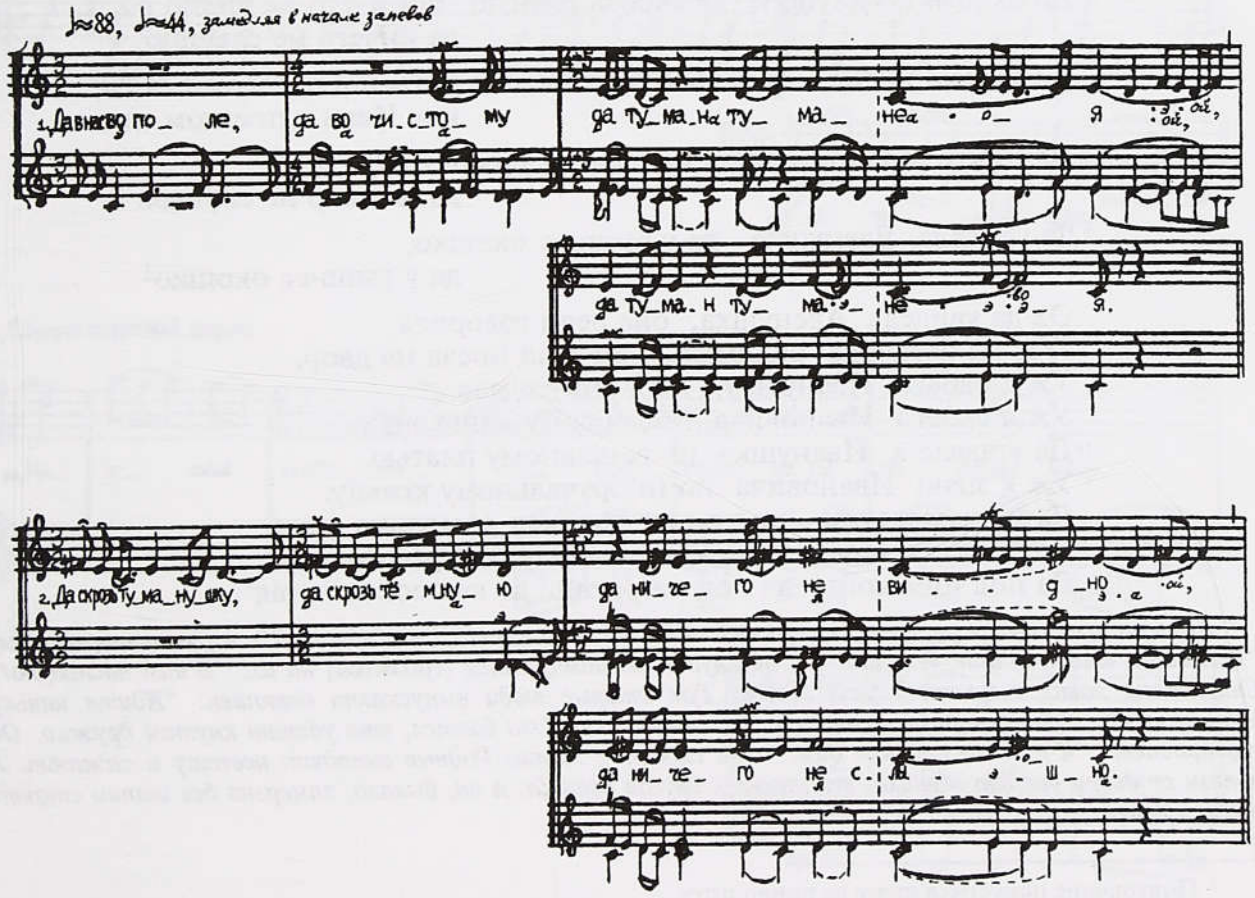
(Белгородск., Тихая Сосна)

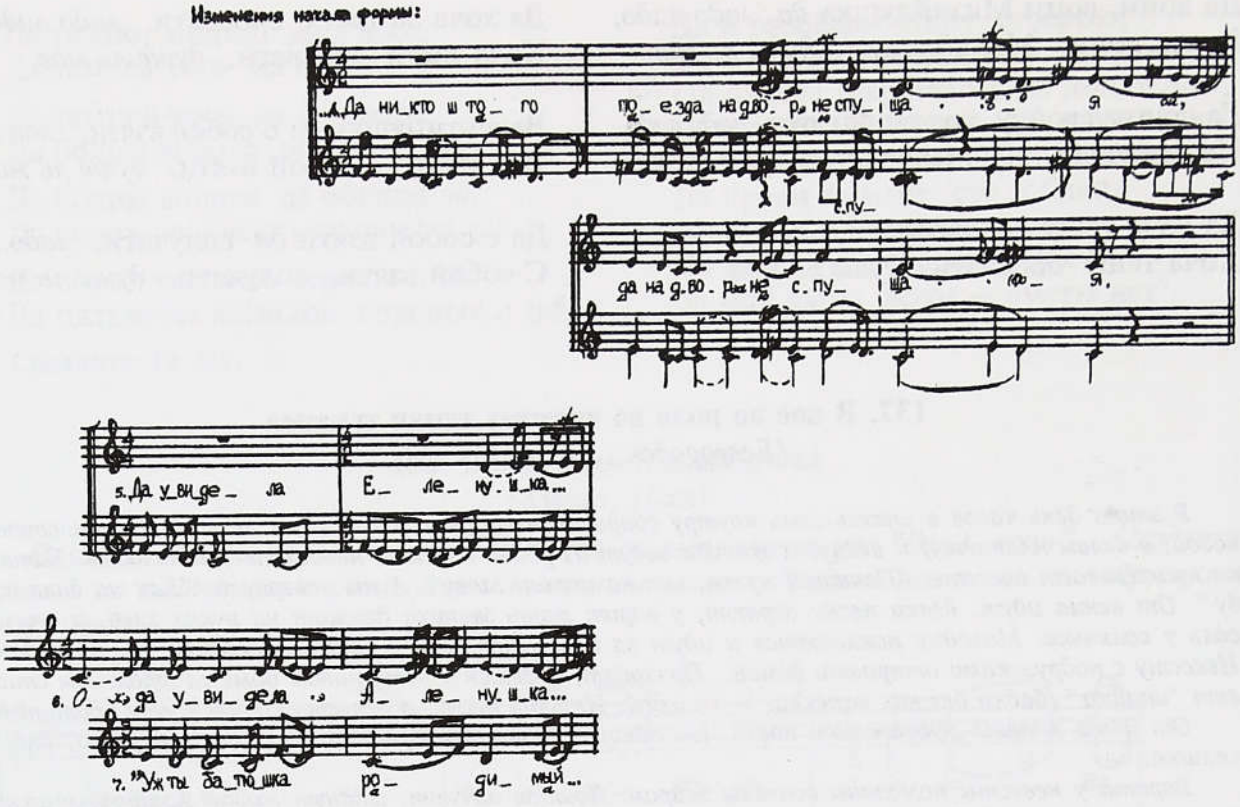
В этот день часов в шесть-семь поутру сбираются подруги, Они ведут невесту (с заплетенной косой, в белом платочку) к венцу. А жениха ведут из родни те, кто попожилее, немолодые. Батюшка приказывает невесте: "Почитай мужа, как на церкви главу". А мы повернули: "Как на бане трубу". От венца идут, девки песни играют, у ворот мать жениха держит на руках хлеб, а отец — соль у соляньке. Молодые поклонются и идут за ими услед, бок с боком. Посодют их, пообедают. Невесту с подружками отправят домой. Приходят, садятся в невестином доме за стол. Им становят "шишки" (бабки без них напекли) — каждой. Играют песни. А невеста сидит в углу подле печки.

От дома жениха провожают поезд. На одной из телег (или саней) — жених, дружко, дядька, свашка.

Ворота у невесты помазаны волчьим жиром. Лошади зачуют, станут гопки! Храпят, у ворота их никак не ввести! Уж с ними мучаются, мучаются. А мазали какие-то знатники [колдуны, знахари].

Они трое станут в дверях, а дружко выйдет уперед, под мышкой левой держит вылок (епанчу), а в правой руке — огромный кнут. Кричит на девок, чтоб вылазили. Но те всё играют, что начали, завидев поезд жениховый.


1. Давна-зад по_ ле, да во чи_с_то_му да ту_ма_на ту_ ма_ не_ я
да ту_ма_н ту_ ма_ не я.
2. Да скрозь ту_ма_ну_ шку, да скрозь тё_ мну_ ю да ни_ зе_ го не ви_ _ _ _



Да в нас во поле, да во чистому да туман туманея *ой*,
да туман туманея.

Да скрозь туманушку, да скрозь темную да ничего не видно *ой*,
да ничего не слышно.

Да только видно, да только слышно, как Иван с поездом едя *ой*,
как Иван с поездом едя.

Да никто ж того поезда на двор не спущая *ой*,
да на двор не спущая.

5 Да увидела Еленушка да у вышнее окошко,
да у вышнее окошко[1].

Ох да увидела Аленушка, она речи говорила:
"Уж ты батюшка родимый, успущай поезд на двор,
Уж я своего Иванушку, уж я его угадала.
Уж я своего Ивановича по доброму коню знаю.
10 Да угадала я Иванушку по венешному платью,
Уж я знаю Ивановича по (о)бручальному кольцу.
Да на нем платья, на нем платья как солнушко сияя,
Да на нем шапка, на нем шапка как мак расцветая,
Да под ним конь, да под ним конь да как сокол летая".

Дружко всех обнося рюмкою, куда кинуто по две-три копейки — "золотой". А девки торгуются: "Как дашь золотой, так устанем". А он кнутякою намирается [грозится] *на их: "Я вам настябаю!" Стелет на лавку в цвятной угол вылок. Тут старые люди выпускают детишек: "Идите няньку продавайте!" Этих детишек — пять, а то и семь коли. Они боятся, что ударит кнутом дружко. Он уговаривает: "Я вам по копейке дам!" Они сходят с лавки. Родные выводют невесту и сажают. А потом со двора вводят жениха, его позовет другая свашка. А он, бывало, замерзня без шапки стоять возли крылец.*

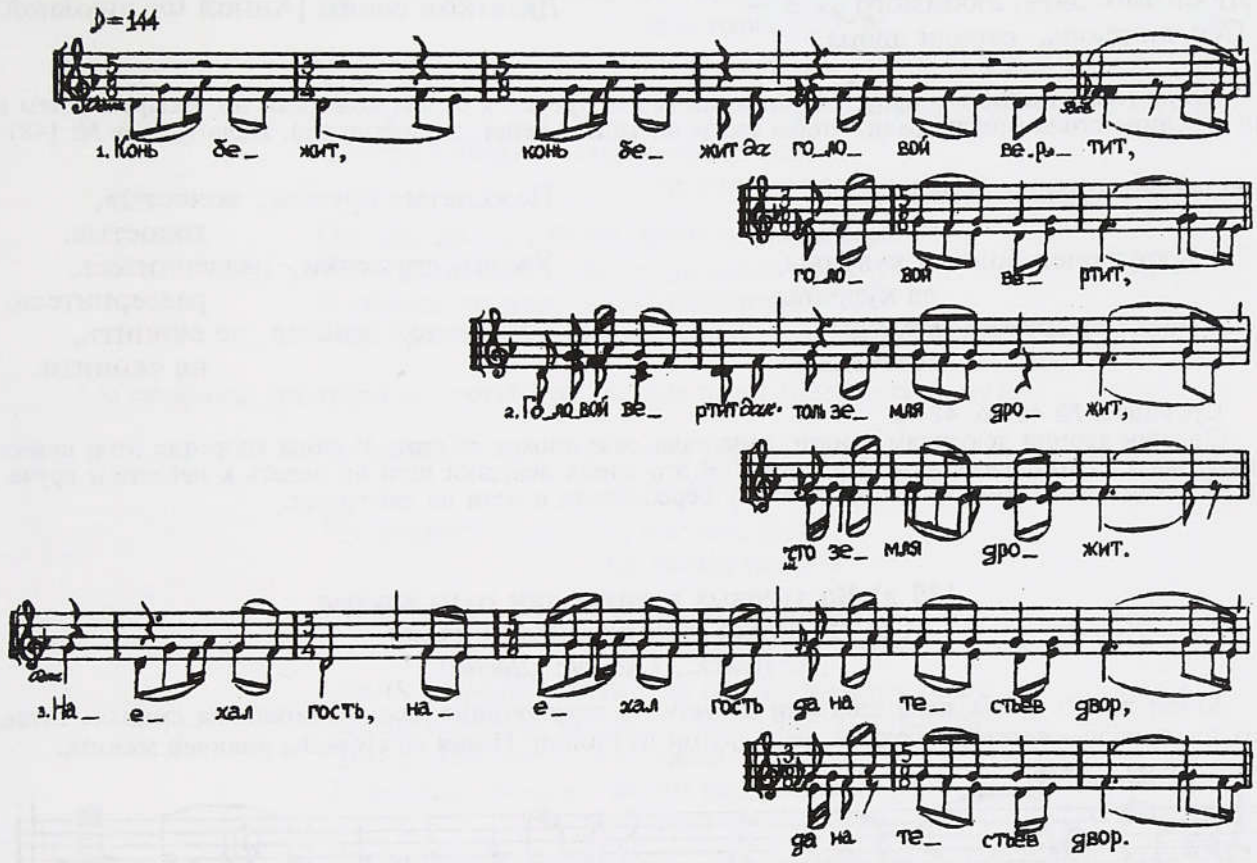
[1] Повторение полустиха далее не приводится.

ПОЕЗЖАНЕ У НЕВЕСТЫ. ВЫКУПЫ

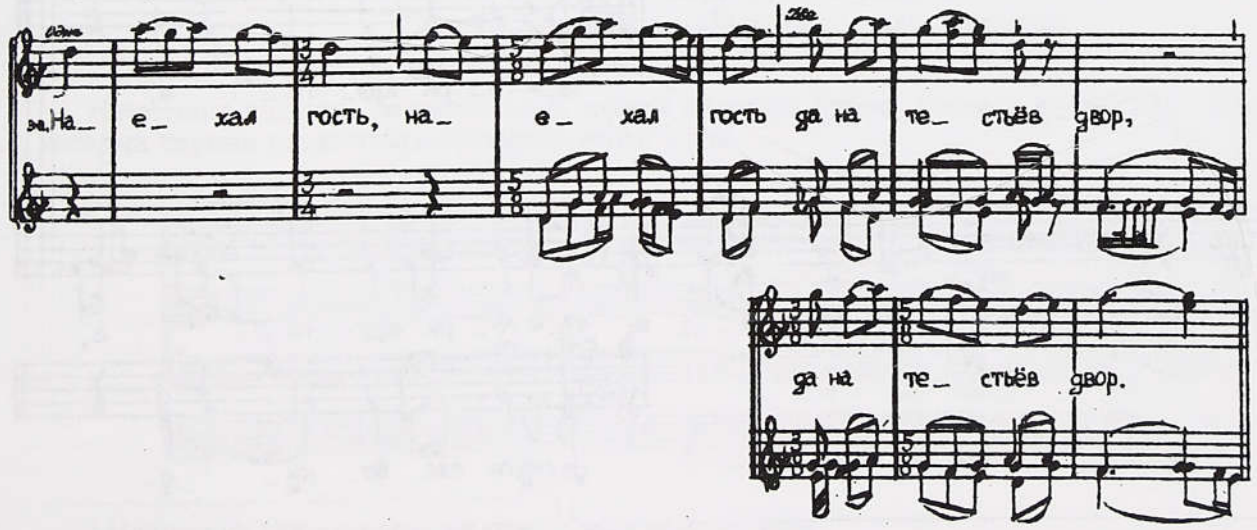
138 а) Конь бежит, головой вертит,
б) Наехали дружки купавы

(Арх., Пинега)

У ворот жениха встречал отец невесты с вином на подносе. В это время девушки становились на повети и пели:



Двухрегистровый вар-т:



Конь бежит, конь бежит *да*
Головой вертит, головой вертит,

Головой вертит *да*,
Толь земля дрожит, што земля дрожит.

Наехал гость, наехал гость
Да на тестьёв двор, да на тестьёв двор.

Тесть бояр встречаё, тесть бояр встречае
У широких ворот, у широких ворот,

Любимого зятя, любимого зятя —
Середи двора, середи двора,
Середи двора, середи двора *да*,
Середь батюшкова, середь батюшкова[1].

Тесть бояр поил *да* зелен*ым* вином,
Любимого зятя — сладкой водочкой.
Тесть бояр садил да ряд п*о* ряду,
Любимого зятя — да повыше всех.
Тесть бояр дарил да дар к*о* дару,
Любимого зятя — своим дитетком,
Дитетком своим [Анной Федоровной].

Когда гости входили в избу, девушки занимали проход к столу, колотили по четырем углам и по середине стола (показывали, чтобы сваты насыпали денег, да побольше). Пели (напев № 148):

Наехали дружки купавы,
да купавы,
Да у дружочек волосы кудрявы,
да кудрявы.
Да наехали дружки молодые,
молодые,
Нежёнатые дружки, холостые,
холостые.
Уж вы, дружечки, развернитесь,
развернитесь,
Уж вам тем живота не скопити,
не скопити.

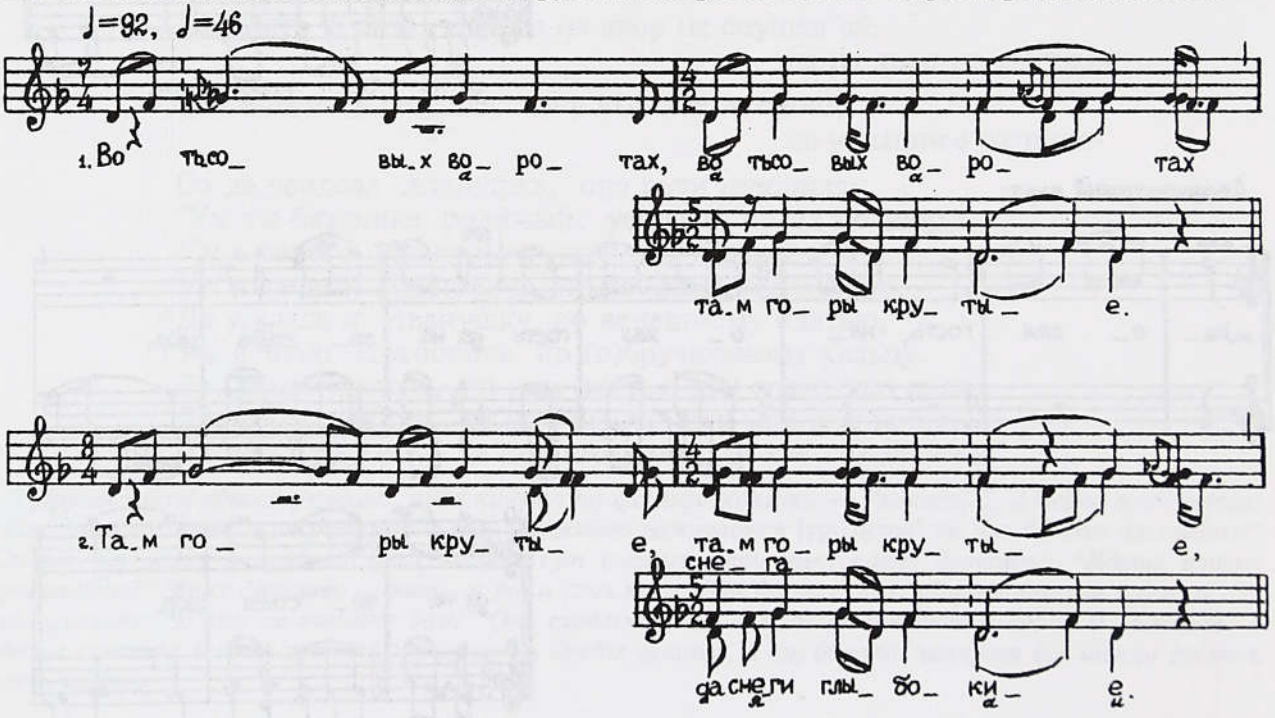
Сравните: № 483 б, 484 а.

Дружки дарили девушкам деньги, выкупали себе проход за стол. У стола хлопотал отец невесты, угощал: "Пожалуйте, кушайте, гости!" В это время девушки шли на поветь к невесте и вручали ей гостинцы от жениха. Потом невесту переодевали и вели на *смотренье*.

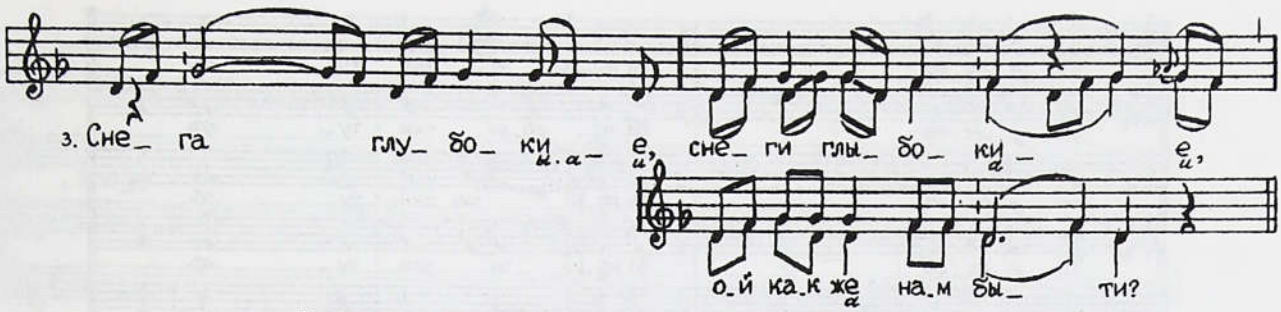
139 а) Во тьсовых воротах там горы крутые, б) Налетели гуси из чистого поля

(Калужск., Снопот—Десна)

Когда жених и поезжане забирали невесту, то посторонние люди, зрители на свадьбе, пели, как бы присоединяясь то к одной, то к другой из сторон. Песня со стороны родичей жениха:



[1] Повторения полустихов далее не приводятся.



Во тьсовых воротах, во тьсовых воротах
там горы крутые.

Там горы крутые, там горы крутые
да снеги глыбок*ие*,

Снега глубокие, снеги глыбокие,
ой как же нам быти?[1]

Ой как же нам быти, кого ж нам наняти?
Кого ж нам наняти горы раскопати?
Казаков наняли, горы раскопали,
Горы раскопали да Настеньку взяли.

Со стороны родичей невесты поезжанам пели (напев этот же):

Налетели гуси, налетели гуси
да из чистого поля,

Из чистого поля, из чистого поля,
на ледик посели,

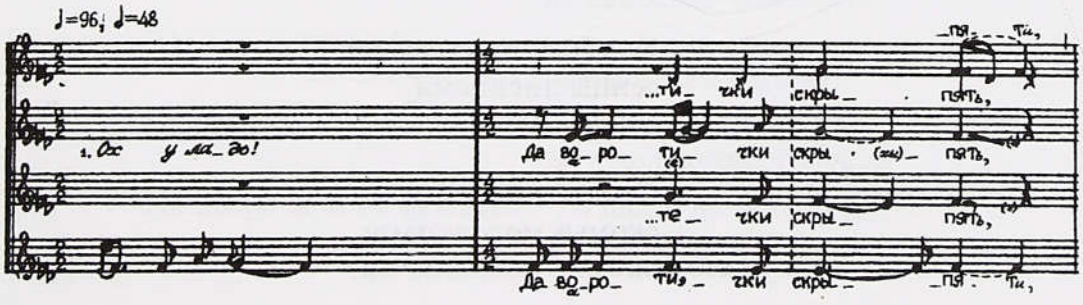
На ледик посели, на ледик посели,
стали лед-воду пити[2].

Стали лед-воду пити, да об лед крылья бити:
"Либо лед-воду попьем, либо крылышки побьем!"
Понаехали гости из чужой деревни,
За столик посели, стали мед-вино пити,
об стол чарки бити:
"Либо мед-вино попьем, либо Настеньку возьмем!"

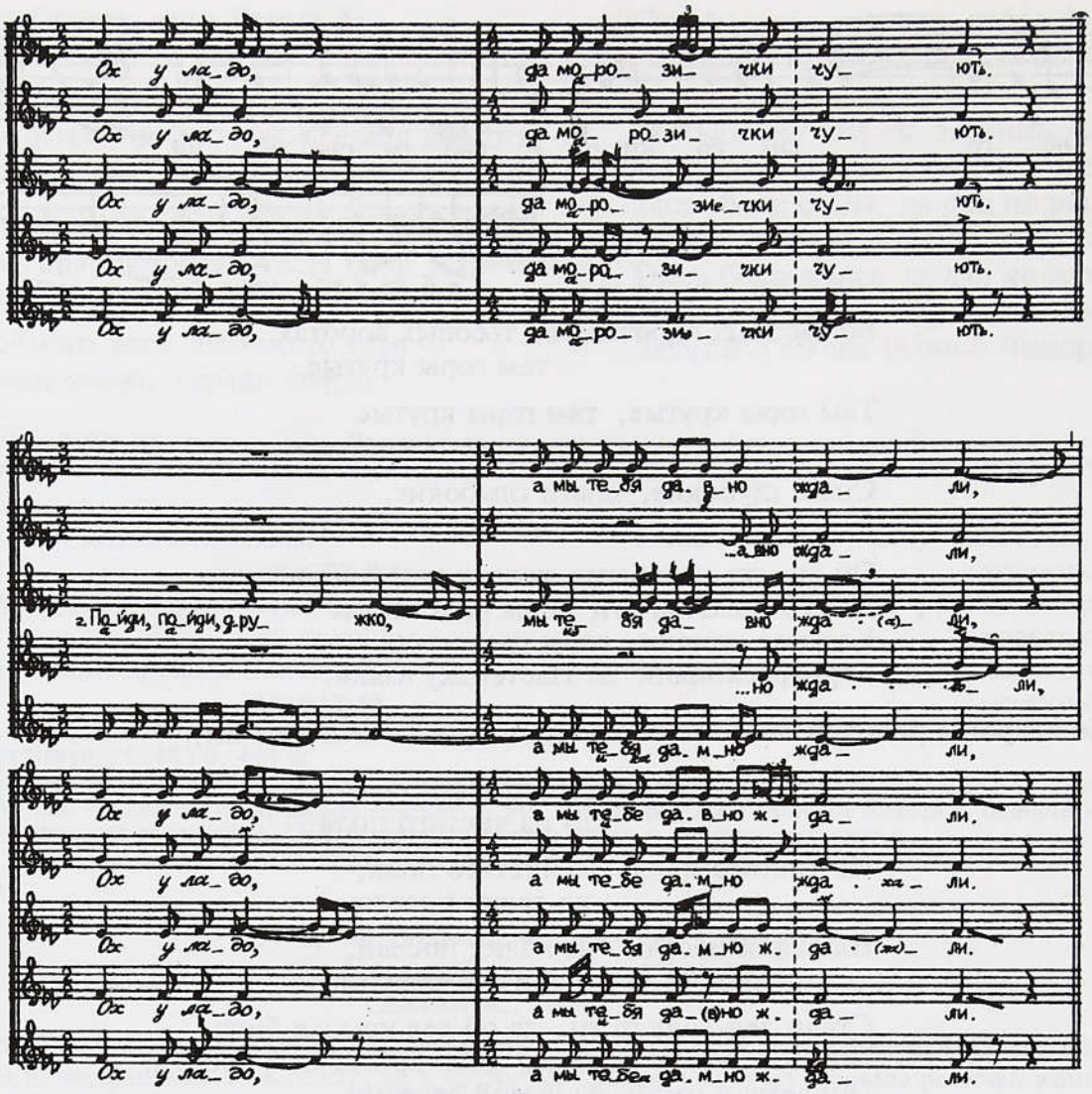
140 а) *Ох у ладо!* Воротички скрыпят, б) Дружко по избе ходит, у печь заглядает

(Курск., Посеймье)

Невестины подруги, занявшие стол, песней отмечали приезд поезжан и появление дружка, который первым спрашивал разрешения войти в дом.



[1] Повторение полустиха внутри строфы далее не приводится.
[2] Повторение полустиха внутри строфы далее не приводится.



Ох у ладо! Да воротички скрыпят,
Ох у ладо, да морозички чуют.

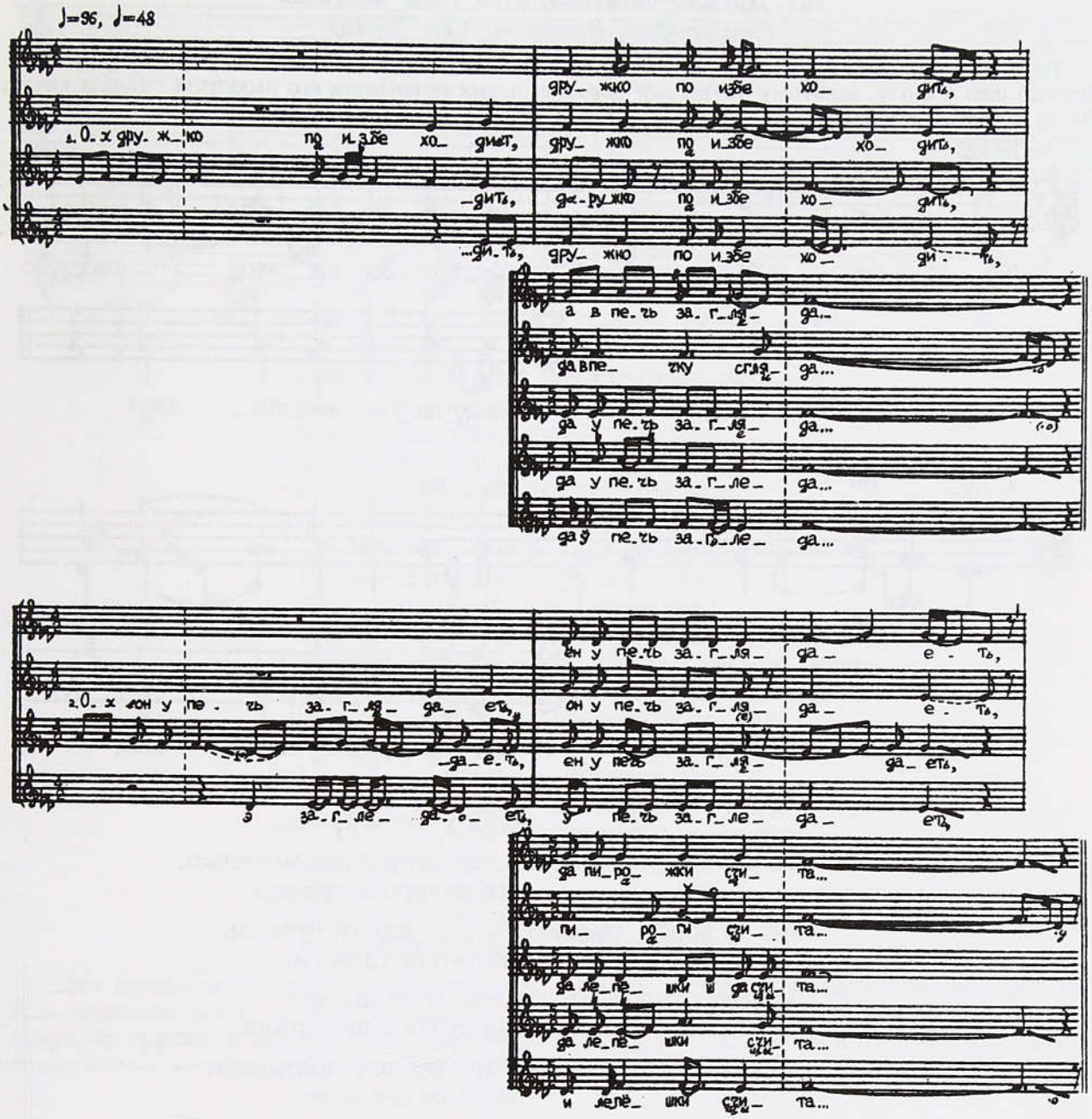
Пойди, пойди, дружко, мы тебя дамно ждали,
Ох у ладо, а мы тебя дамно ждали.

Мы тебе дамно ждали,
коврами двор стлали,
Ох у ладо, коврами двор стлали.

Коврами двор стлали,
сенцы лисицами,
Ох у ладо, сенцы лисицами,

Сенцы лисицами,
скомьи молодицами,
Ох у ладо, скомьи молодицами.

Дружко входил. Перед тем как направиться к девушкам, к столу, он, помахивая своим кнутом, немного прохаживался возле печи и в нее заглядывал. Девушки дразнили:



Ох дружко по избе ходит, дружко по избе ходит,
да у печь загляда...

Ох он у печь заглядает, он у печь загледает,
да лепешки[1] счита(ет):

"Ох мал горшок каши, ох мал горшок каши,
наедятся ли на(ши)?"

Ох дружко-неповертушко, дружко-неповертушко,
на дворе коня (у)крали!

На дворе ж коня (у)крали, на дворе да коня (у)крали,
да шитый ковер сняли!

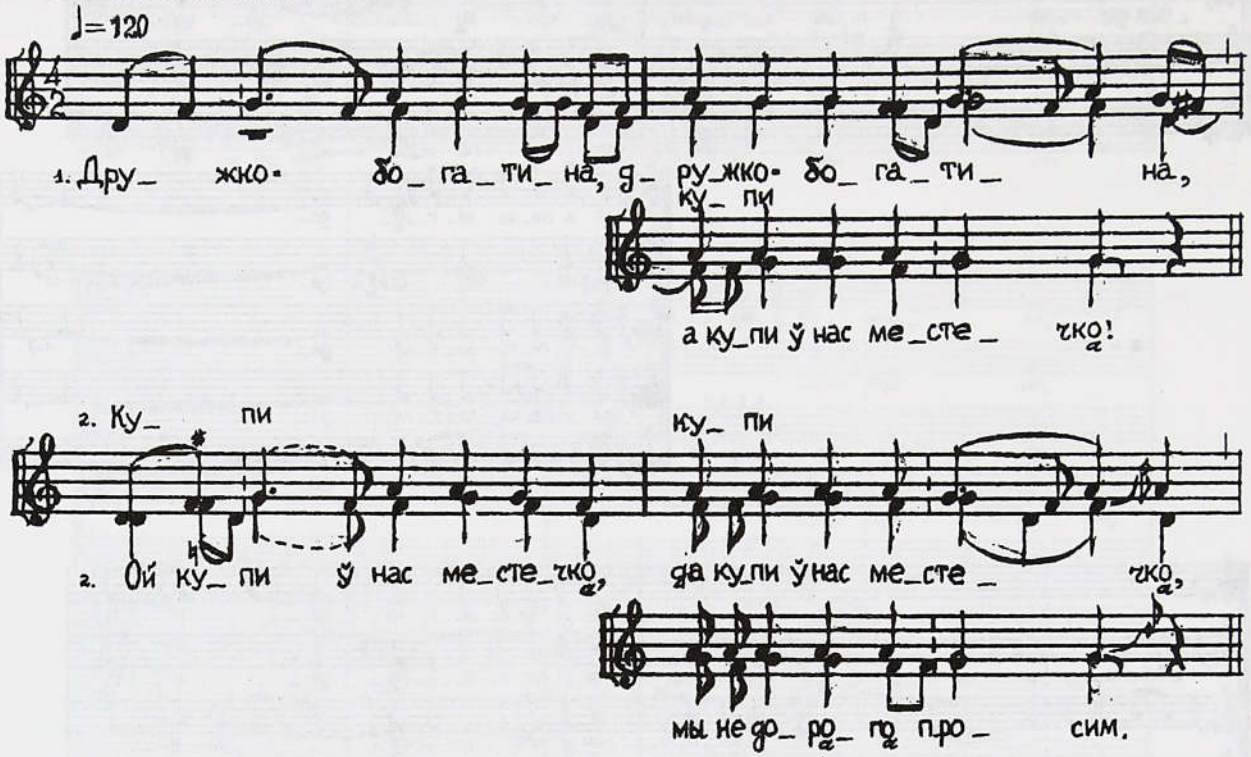
См. № 460, 491.

[1] Одновременно напето: "пироги", "пирожки".

141. Дружко-богатина, купи ў нас местечко

(Белгородск., Нежеголь—Сев. Донец)

Передача невесты жениху начиналась с длительного торга за место и за невестину косу. Дружко шел к столу, занятому подругами невесты, и они призывали его выкупить сначала место, чтобы посадить молодых.



Дружко-богатина, дружко-богатина,
купи ў нас местечко.

Ой купи ў нас местечко, да купи ў нас местечко,
мы не дорого просим.

Мы не дорого просим, мы не дорого просим,
дешево (о)тдаваем.

Дешево (о)тдаваем, дешево (о)тдаваем:
три рубля с полтиною,

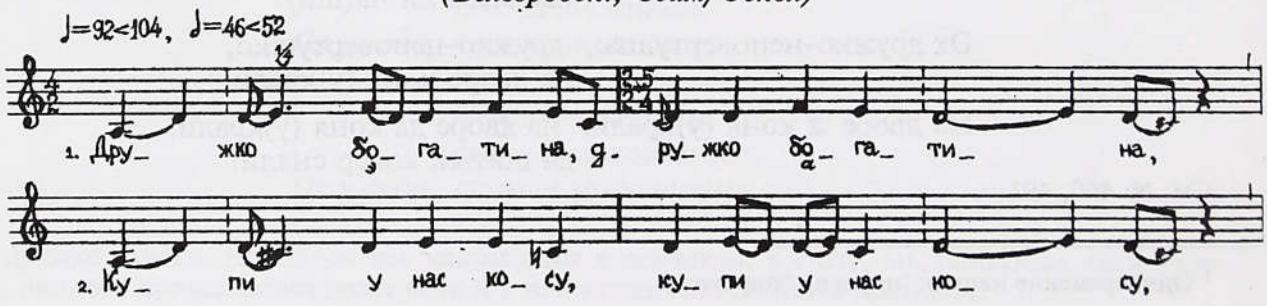
Три рубля с полтиною, три рубля с полтиною,
золотою гривною,

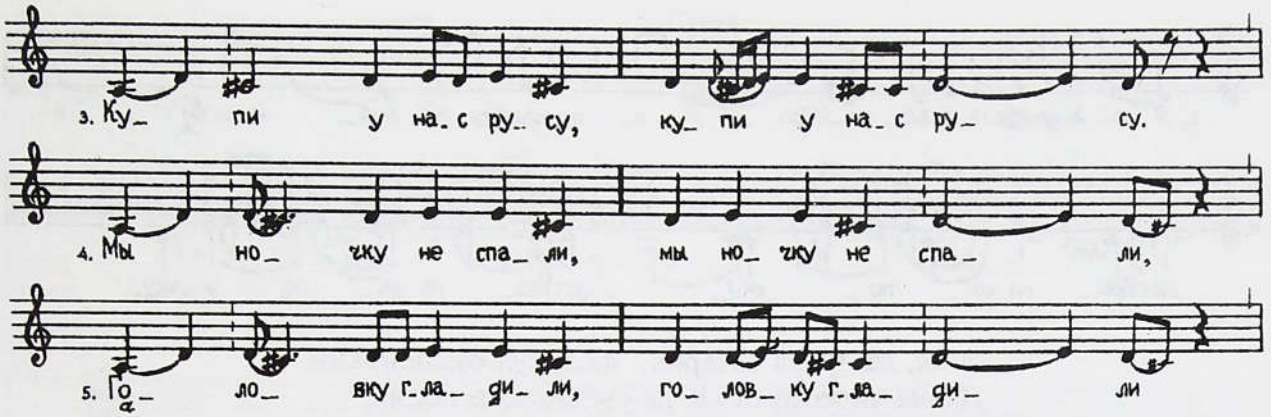
Золотою гривною, золотою гривною,
чарою наливною.

После выкупа дружком места за столом следовал второй торг — за невестину косу.

142. Дружко-богатина, купи у нас косу

(Белгородск., Сейм/Оскол)



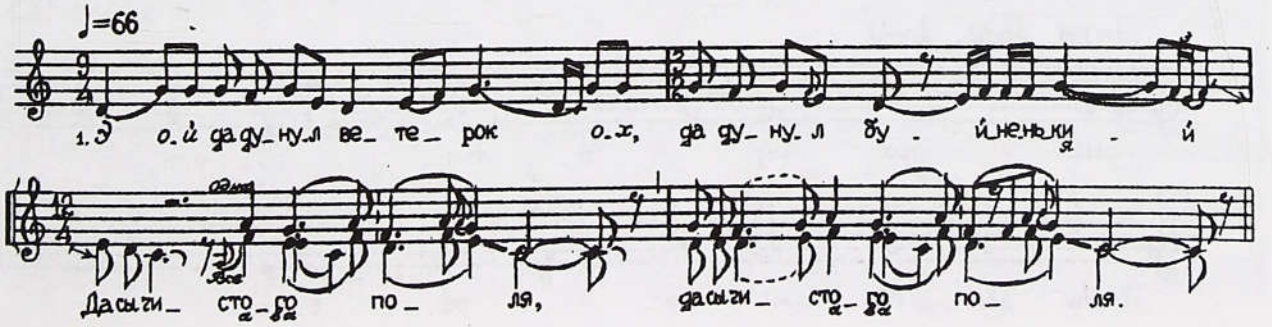


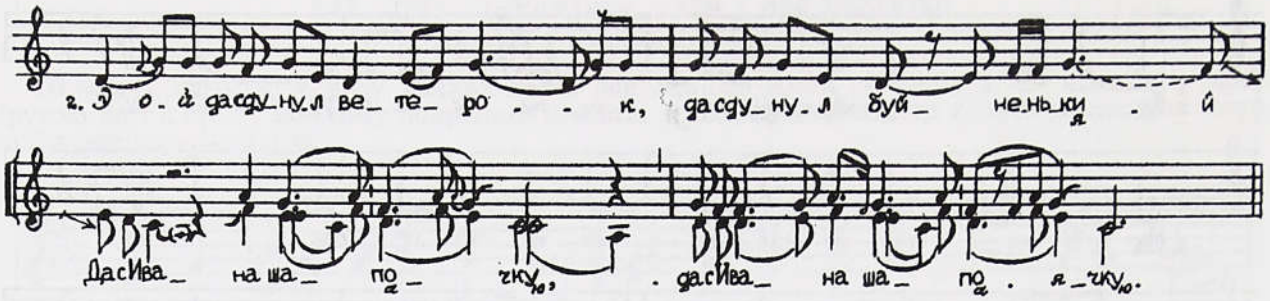
Дружко-богатина, дружко-богатина,
Купи у нас косу, купи у нас косу,
Купи у нас русу, купи у нас русу.
Мы ночку не спали, мы ночку не спали,
Головку гладили, головку гладили,
Русу косу плели, русу косу плели.
Мы дробно плетали, мы дробно плетали,
Дружка дожидали, дружка дожидали,
Косу продавали, косу продавали.
Мы не дорого просим, мы не дорого просим,
Целковничков восемь, целковничков восемь,
Сто рубличков на стол, сто рубличков на стол —
Иванушку за стол, Иванушку за стол,
А Марьюшку сбоку, а Марьюшку сбоку,
По правую руку, по правую руку.
За нашу подружку, за нашу подружку
Налей вина кружку, налей вина кружку.
За нашу любую, за нашу любую
Налейте другую, налейте другую.
Рюмочка маленька, рюмочка маленька,
Вино зелененько, вино зелененько.

Если дружко за это время не удосуживался расплатиться толком с девушками, они принимались *страмить* и его, и всех поезжан (№ 460). Наконец, когда девушки соглашались принять выкуп, то дружко, сердитый, приносил бутылочку и цедил оттуда каждой по рюмочке. Подруги поднимались из-за стола. Дружко приводил жениха и сажал его рядом с невестой.

143. Дунул ветерок, дунул буйненький со чистого поля
(Воронежск., Потудань–Дон)

В невестином доме дружко медленно заводил за стол молодых и "раскрывал" их, чтобы жених поглядел на свою невесту. Сваха принимала у жениха картуз, с невесты снимала платок, скрывавший лицо. Картуз и платок сваха швыряла прочь от стола.





Э-ой, да дунул ветерок, да дунул буйненький
Да сы чистого поля, да сы чистого поля.

Э-ой, да сдунул ветерок, да сдунул буйненький
Да с Ивана шапочку, да с Ивана шапочку.

"Э-ой, достаньте, дворяня, достаньте, бояря *да,*
Подымите шапочку, подымите шапочку,

*Э-ой, д*а чтоб моя шапочка, да чтоб моя черная ж
Да пылью не пылилася, да пылью не пылилася,

*Э-ой, д*а пылью не пылилася, да пылью не пылилась,
Да грязью не грязнилася, да грязью не грязнилася".

*Э-ой, д*а сдунул ветерок, да сдунул буйненький
Да с Марии платочек, да с Марии платочек.

*"Э-ой, д*останьте, девушки, достаньте, красные *да,*
Подымите платочек, подымите платочек,

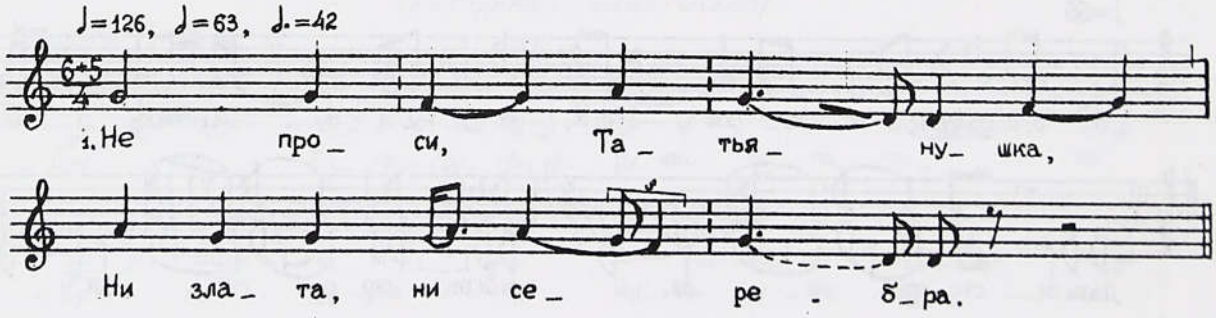
*Э-ой, д*а чтоб мой платочек, да чтоб мой шелковой
Да пылью не пылилси, да пылью не пылилси,

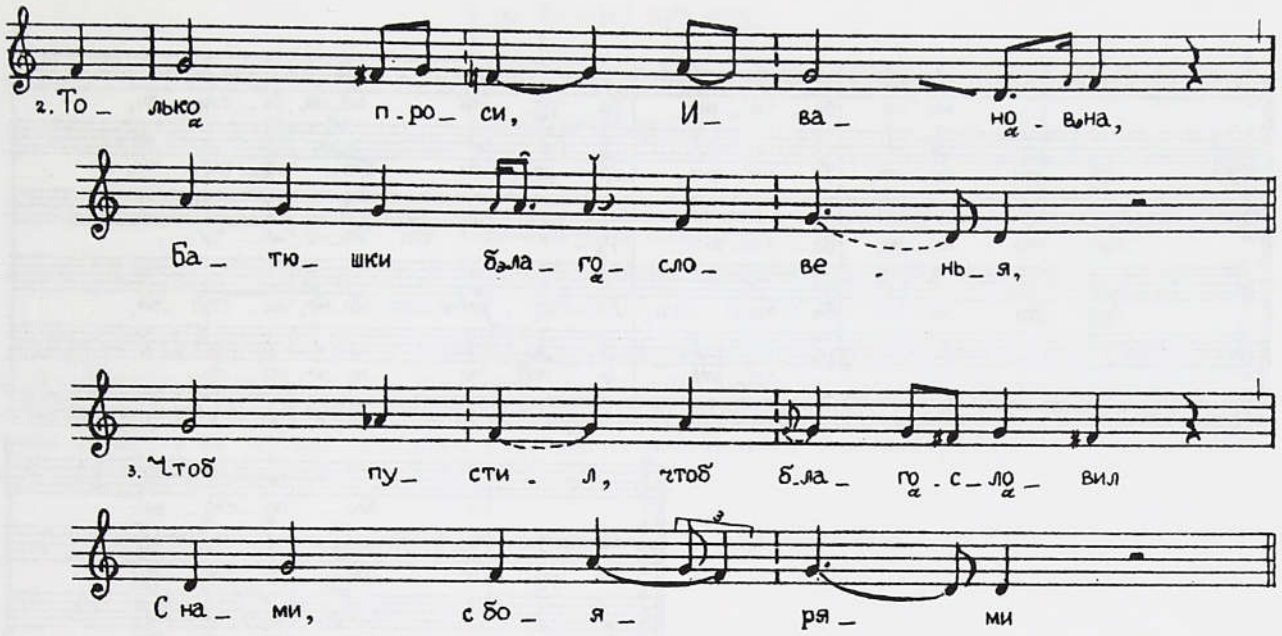
*Э-ой, д*а пылью не пылилси, да пылью не пылилси
Да грязью не грязнилси, да грязью не грязнилси".

ПРОЩАЛЬНОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ. ПРОВОДЫ СО ДВОРА

144. Не проси, Татьянушка
(Курск., Свапа)

Короткой заклинательной песней *ранняя сваха*, замужняя родственница жениха, предваряла просьбу невесты к родителям о последнем благословении.





Не проси, Татьянушка,
Ни злата, ни серебра.

Только проси, Ивановна,
Батюшки благословенья,

Чтоб пустил, чтоб благословил
С нами, с боярями,

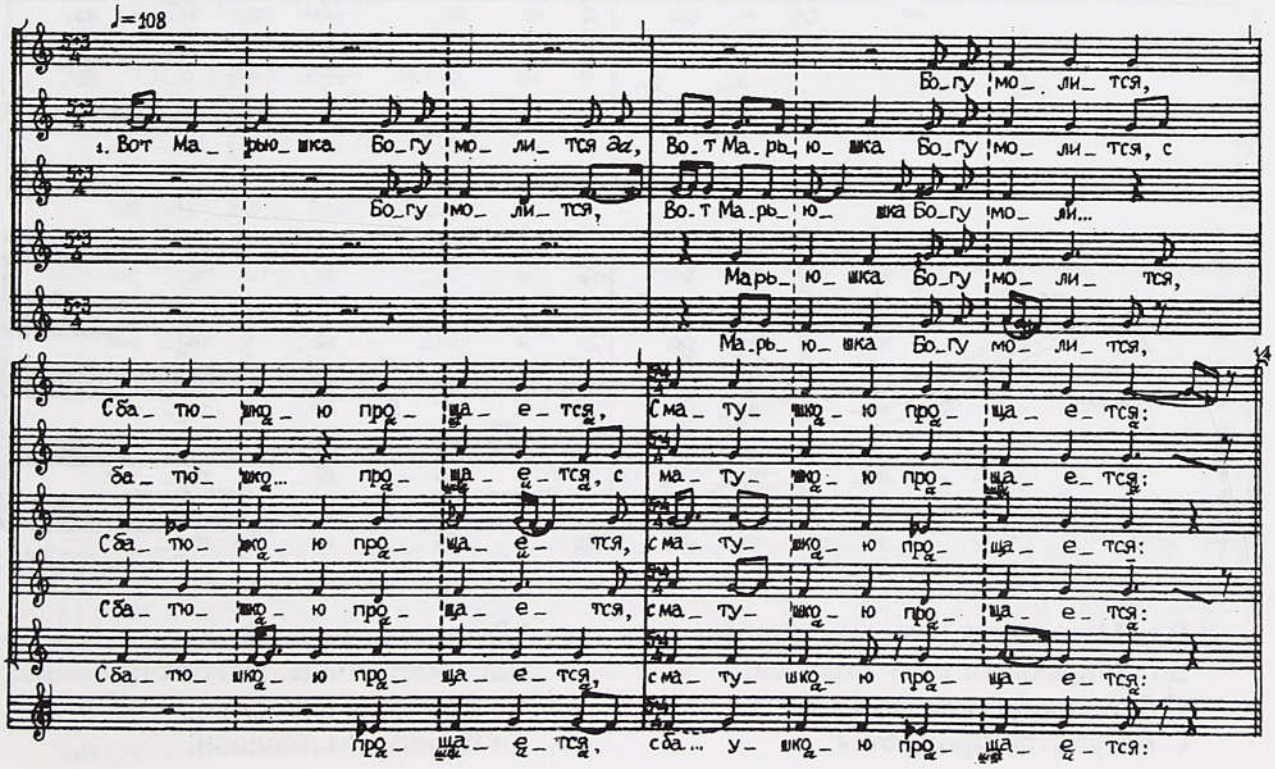
И с нами, с боярями,
С прекрасным поездом.

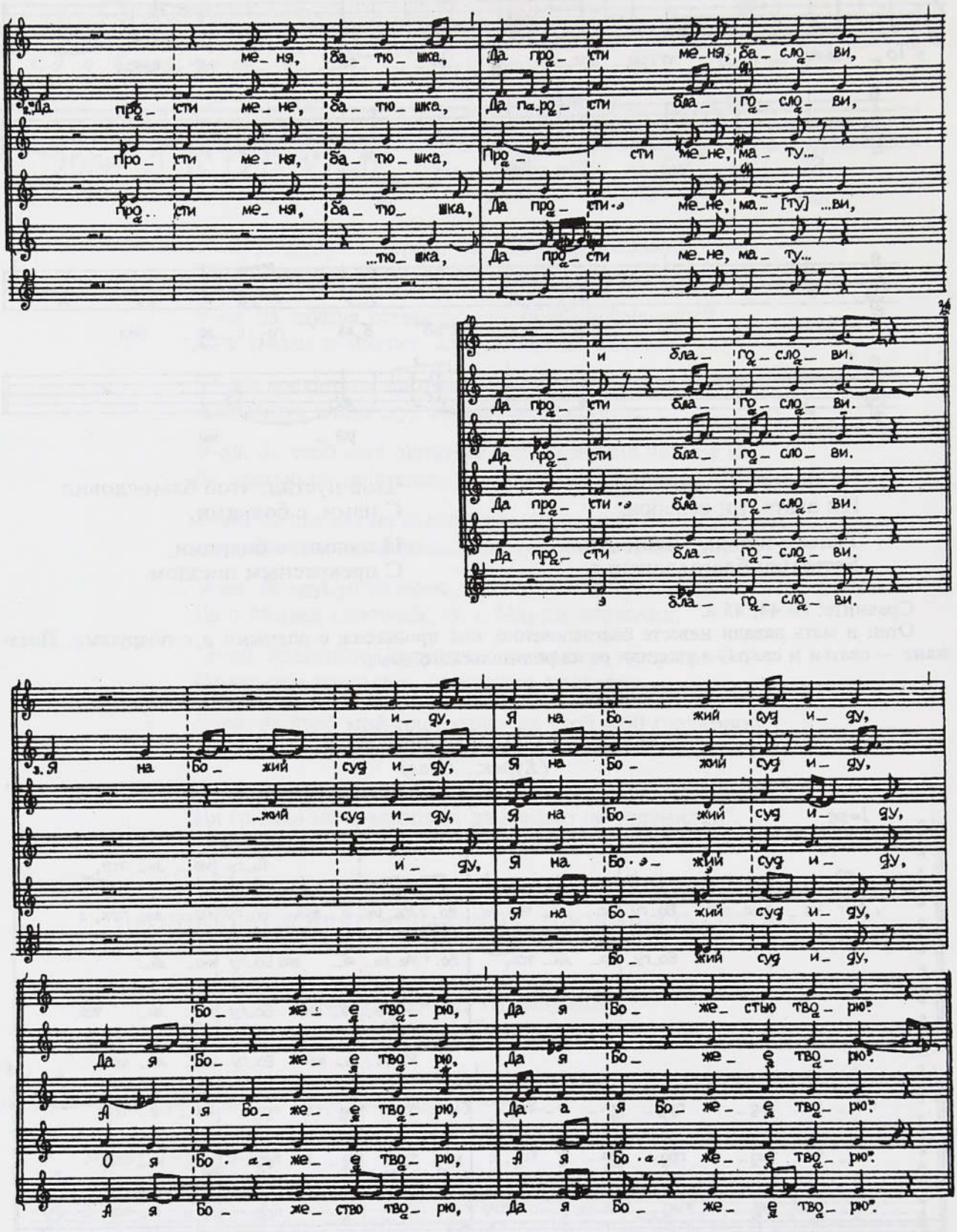
Сравните: № 44, 45 а.

Отец и мать давали невесте благословение, она прощалась с родными и с подругами. Поезжане — сватьи и сваты — уводили ее из родительского дома.

145. Вот Марьюшка Богу молится

(Курск., Псел)




Да прости меня, батюшка,
Да простите меня, батюшка,
Прости меня, батюшка,
Да прости меня, батюшка,
...тюшка,
Да простите меня, батюшка,
Да простите меня, матушка,
Прости меня, матушка,
Да прости меня, матушка,
Да простите меня, матушка,
Да простите меня, матушка,
Да простите

Я на Божий суд иду,
Я на Божий суд иду,
Да я Божее творю,
А я Божее[1] творю".

146. Не павиная перо / / И прости мене, батюшка

(Воронежск., Тихая Сосна. Напев № 110)

Еще до прихода жениха кто-нибудь из невестиной родни под матицей стелил шубу овчиной кверху. Отец с караваем и мать с иконой становились перед шубой, спиной к святому углу и к девушкам за столом. Невесту дружко подводил к шубе с другой стороны, она опускалась перед отцом-матерью на колени. Подруги невесты начинали петь, и она спрашивала благословения идти к венчанию — *голосила*.

Песня:

Не павиная перо
Серёд терема пала,
Серёд терема пала —

Пала, пала Аннушка
Батюшке у ножуньки,
Батюшке у ножуньки.

Не павиная перо
Серёд терема пала,
Серёд терема пала —

Пала, пала Аннушка
Мамушке у ножуньки,
Мамушке у ножуньки.

Не павиная перо
Серёд терема пала,
Серёд терема пала —

Пала, пала Аннушка
Братушке у ножуньки,
Братушке у ножуньки.

Причитание:

И прости мене, батюшка,

И прости, благослови
И у Божий храм пойти,

И у Божий храм пойтить
И святой венец принять.

И прости мене, мамушка,
И прости, благослови

И у Божий храм пойти
И святой венец принять.

Невеста голосила, отвешивала поклоны отцу. Потом то же самое причитала матери и кланялась ей, то же — брату. Затем сестре (поют: "сеструшке"), крестному (поют: "батюшке") и крестной (поют: "мамушке"). Потом она целовала отца, мать, икону и каравай.

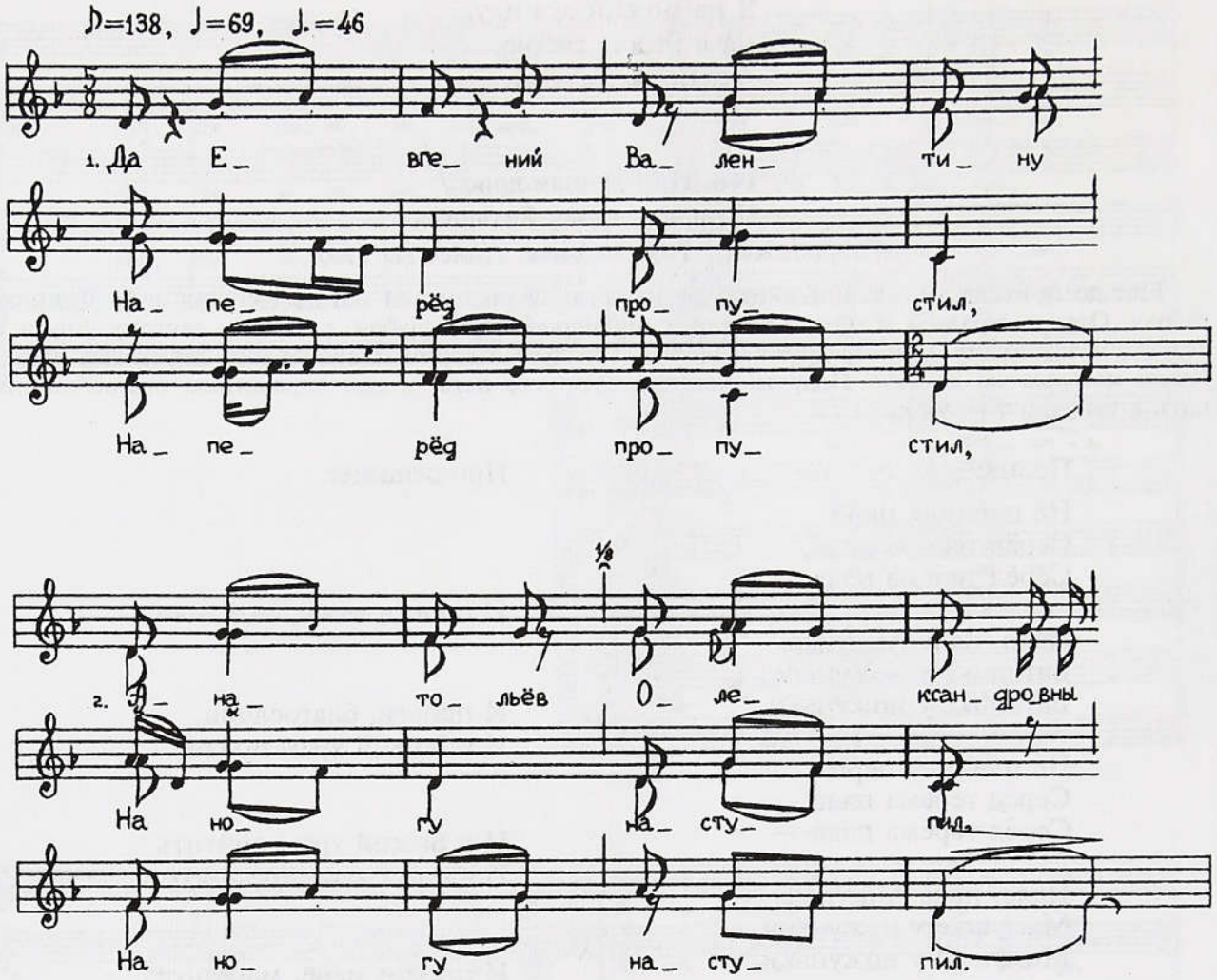
147. Да Евгений Валентину

(Арх., Пинега)

Перед проводами невесту долго не выводили к жениху и остальным гостям, родители благословляли ее в другой избе. Гости тем временем за столом угощались рыбой, выпивали чуть-чуть. Только когда выносили к столу последнюю перемену — кашу, тогда и выводили невесту. В руках она держала икону. Отец вел ее, "тянул" за собой, держа плат, другим концом привязанный к лямке сарафана. При их появлении все вставали. Она впереди жениха проходила за стол, он ее пропускал и в последний момент наступал ей на ногу.

---

[1] Одновременно напето: "Божество", "Божестью".



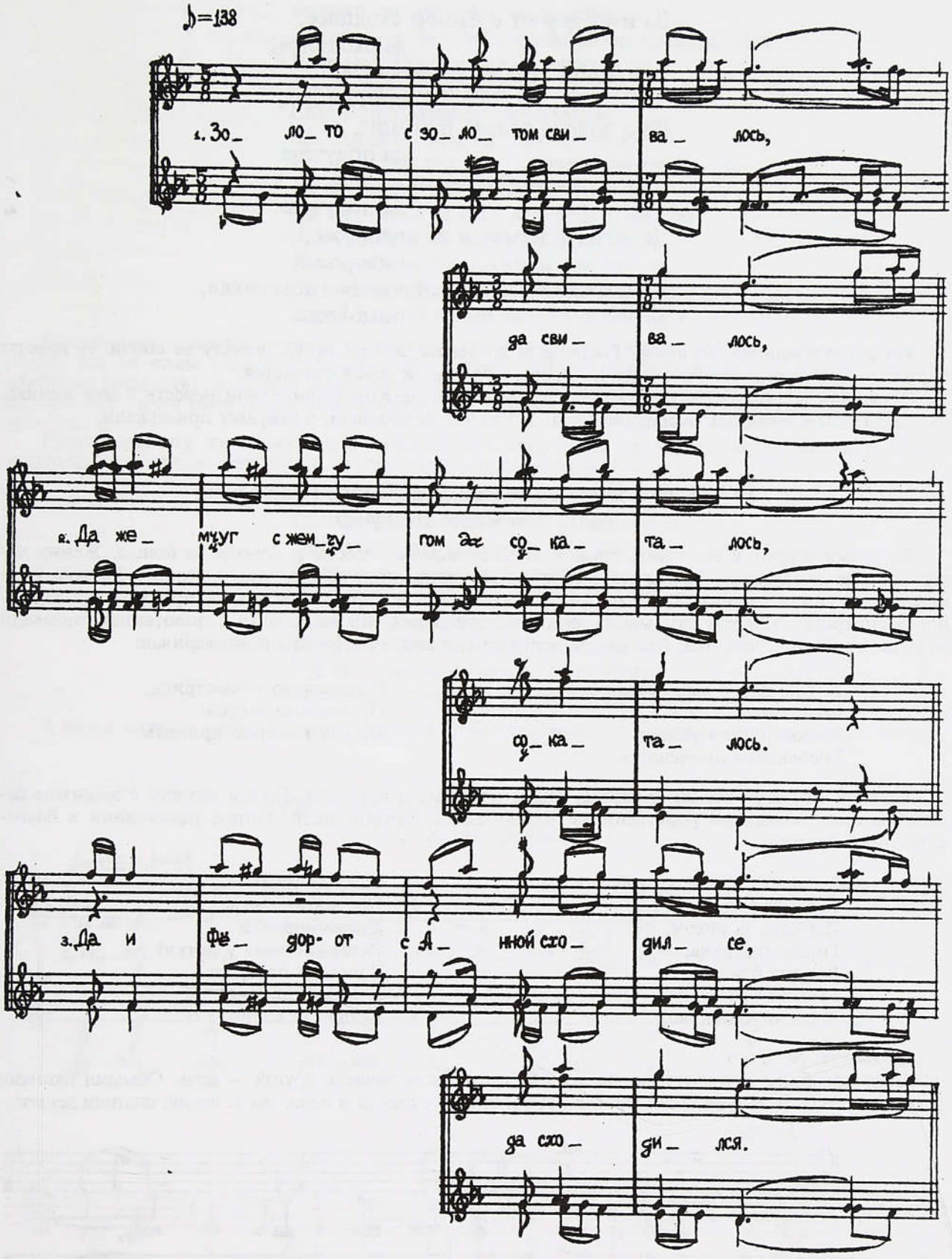
Да Евгений Валентину
Наперед пропустил,
Наперед пропустил,

Анатольёв Олександровны
На ногу наступил,
На ногу наступил.

148. Золото с золотом свивалось

(Там же)

Невесту, с головой закрытую шалью (*под закрышкой*), отец выводил за конец белого плата, привязанного к лямке сарафана, к гостям, чтобы ее передать жениху. Отец спрашивал: "Что вы за люди, что за бояре?" — "Мы люди Божьи-государевы". — "За чем приехали?" — "За князем Федором Михайловичем". — "А ты, князь, зачем?" Жених говорил: "Я за твоей кормленой, твоей поеной. Ты кормил-поил, а мне Бог судил". Отец тогда: "Ну получай". Свой конец плата отдавал жениху, тот вокруг себя невесту обводил трижды "по солнцу", сажал рядом с собой за стол, менял шаль, которой она накрыта, на свою. Затем мать надламывала ковригу, вставляла туда икону. Молодые подымались, и невестины родители благословляли их, в это время тысяцкий склонял друг к другу их головы и под песню троекратно обводил хлебом над головами.



Золото с золотом свивалось,
да свивалось.
Да жемчуг с жемчугом *да* сокаталось,
сокаталось.

Да и Федор-от с Анной сходилсе,
да сходился,
За единой стол *да* становилсе,
становился.
Да и золото золота получше,
да получше,
Да и Анна-то Федора получше,
да получше.
Да жемчуг жемчуг*а да* подороже,
подороже,
Да и Федоровна Михайловича помоложе,
помоложе.

Тут же убирали все со стола. Гости шли на выход, жених тянул невесту за собой. А невеста тащила стол к двери, *чтобы сестра не засела*, а то старой девой останется.

Песня могла звучать дважды, второй раз — у жениха. Когда приводили невесту в дом жениха, то в этой песне менялась очередность имен. Уже его возвышали, а девушку принижали.

149 а), б) Золото со золотом свивалось (сливалось)

(Арх., Онежское Поморье)

Во время сборов к венчанию происходили *смотренье* невесты и *даренье на белила*. Жених дарил невесте покрывало. Закрытую с головой, ее приводили стоять "перед столы". Дружка (или крестный жениха, тысяцкой): "Наш князь первобрачный Юрий Николаевич просит вашу княгиню посмотреть". Невесте открывали лицо, она кланялась. Ей на тарелке с полотенцем подавали мыльце, гребешок, чулочки, башмачки, зеркальце, пряничек. Дружка приговаривал:

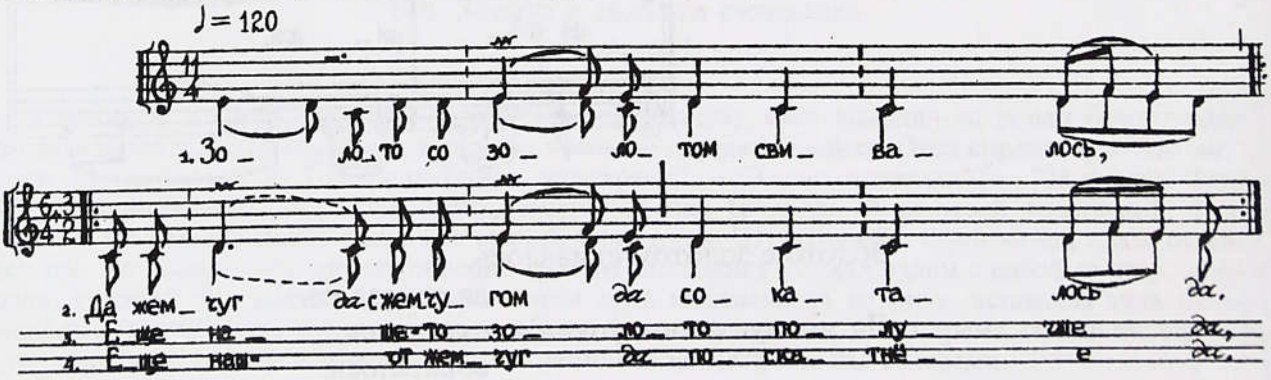
В чулочки, в башмачки обуйся,
Мыльцом умойся,
Полотенцем утрись,
Гребешком причешись,
В зеркальцо посмотрись,
Пряничком закуси!
Прошу покорно принять.

Рядом с невестой стояла крестная, она и принимала все дары. Потом невесту с женихом сажали за стол, жениховы родственники раздвигались, давали место. Потом переходили к благословению. Дружка:

У нашего князя первобрачного
Горенка над рекой,
Церковь за рекой.
Горка низенька,
Водица близенько,
Умойся беленько,
Ходи хорошенько!
Сажу да грязь
Под матицу везь.
Худые порядки
Оставляй дома у матки!
Хорошие порядки
С собой забирай!
Прошу покорно.

Сравните: № 556 б.

Отец молодицы приносил иконы, одной благословить жениха, другой — дочь. Обводил иконами вокруг их голов. В это время посторонние люди стояли у дверей и пели, им за песню платили деньги.



Золото со золотом свивалось,
Да жемчуг *да* с жемчугом *да* сокаталось *да*.
Еще наше-то золото получше *да*,
Еще наш-от жемчуг *да* поскатнёе *да*.
Еще наша Ирина пославнее,
Да Михайловна *да* посмазнёе.
Да не стульчик на ножках вертится,
Да не скалёнка *да* подсыкает,
Да как теща блины *да* подпекает *да*
Для любимого гостя да зятя *да*,
Для любимой-то гостьи дочери *да*,
Для Иринушки *да* молоденькой *да*,
Для Михайловной *да* хорошенькой.

Благословят молодых, тогда и гости из-за стола пойдут к дверям. Невестина крестная быстро уберет все со стола (перед молодыми стоял хлеб), потому что невеста в этот момент *схватит салфетку* (скатерть) *и начнет девок-подружек этой скатертью-то хлопать. Чтобы замуж выходили, это был такой обычай. Где девки стоят — она хлопат, а потом совсем ей бросит. Потом подберут-то...*

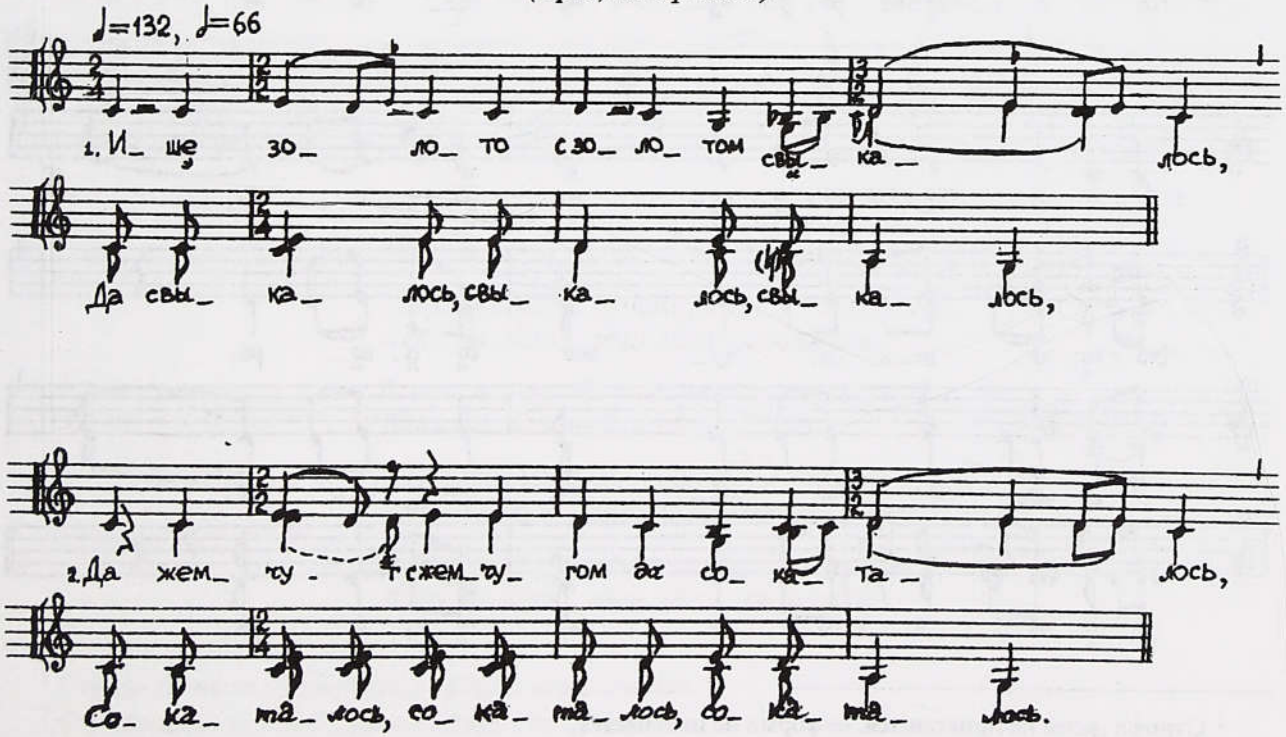
Другой раз эту же песню пели девушки и посторонние женщины, когда жених и невеста вступали на церковное крыльцо, со следующим продолжением:

Золото с золотом сливалось,
Да жемчуг со жемчугом сокаталися
Еще наше-то золото получше
Еще наш-то жемчуг поскатнее
Еще наш-то Михаил посмазнее,
Еще наша-то Мария побасче.
Уж ты добрых людей побойся,
Уж ты нас-то, подруг, постыдися,
На одной постели спать не ложися.

А когда идут от венца, тогда, чтобы баба не боялась мужика, нужно наступить ему на пятки.

150. Ише золото с золотом свыкалось

(Арх., Мехреньга)



Ише золото с золотом свыкалось,
Да свыкалось, свыкалось, свыкалось,

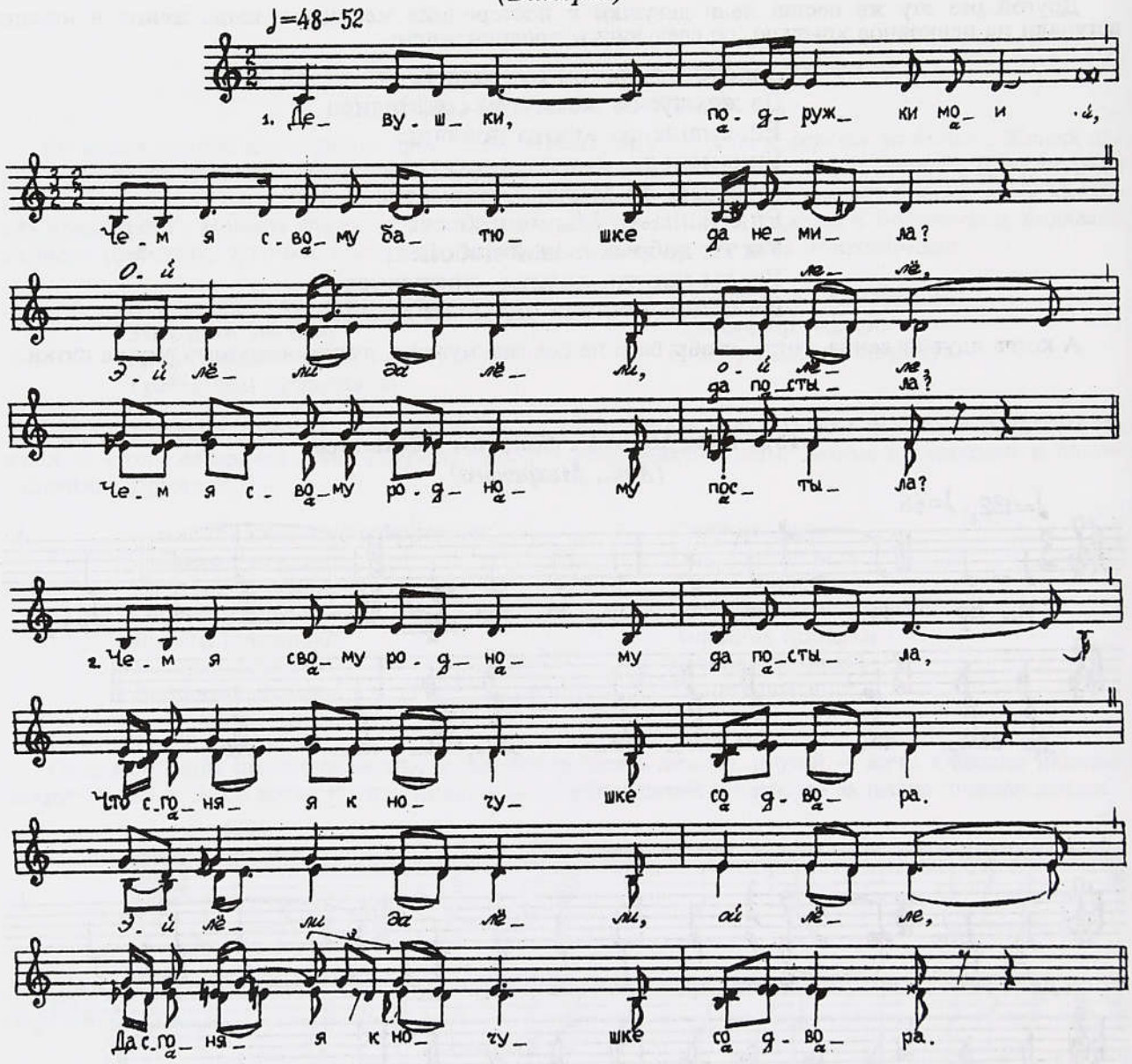
Да жемчуг с жемчугом *да* сокаталось,
Сокаталось, сокаталось, сокаталось.

Еще наше-то золото получше,
Да получше, получше, получше[1].

Еще наш-от жемчуг *да* подороже,
Еще наши ко вашим не ездя,
Еще ваши ко нашим приезжали,
Еще семеро полозьев притерли,
Еще семь кнутовей *да* пристегали,
Еще семь лошадей *да* загоняли,
Еще семь комоней *да* утомили,
Одного-то молодца *да* пристыдили,
Одну девицу-душу *да* росклевили.
Тут подружки-то Наде говорили:
"Когда будешь ты, Надюшка, во церкви,
А во церкви да закон Божий примати,
Тебя будет Иван-от целовати —
Уж ты, Наденька *да*, не целуйся,
Свет Михайловна *да*, не милуйся.
Либо на сторону *да* отвернися,
Либо беленьким платочком прикройся,
Либо низкой поклон *да* поклонися".

151. Девушки, подружки мои

(Белгород)



[1] Строфа далее не приводится, ее форма не изменяется.

Девушки, подружки мои,
Чем я свому батюшке да не мила?
Эй лёли да лёли, ой лёле,
Чем я свому родному постыла?

Чем я свому родному да постыла,
Что сгоняя к ночушке со двора.
Эй лёли да лёли, ой лёле,
Да сгоняя к ночушке со двора.

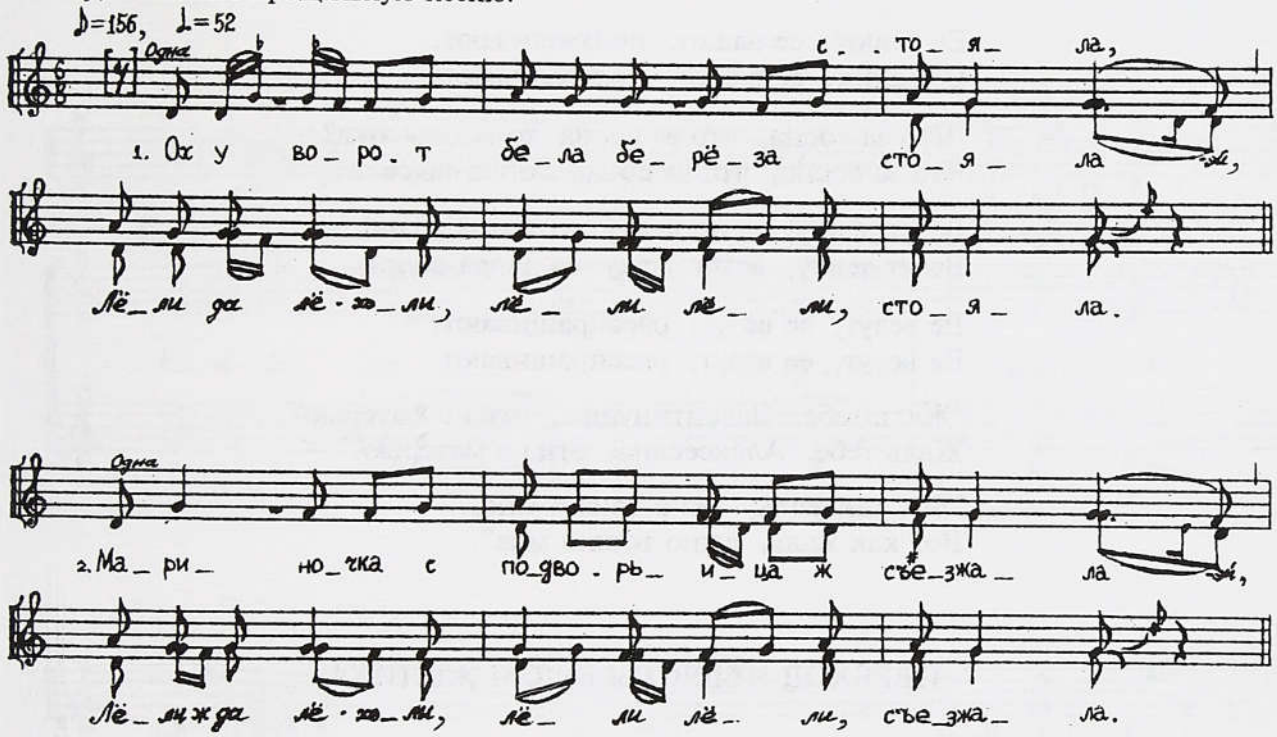
Да сгоняя к ночушке со двора,
Замыкая ж замком ворота.
Эй лёли да лёли, ой лёле,
Замыкая замком ворота.

Замыкая замком ворота,
Да ключики вешая на себя[1].
А в поле ж зверье сильное,
А в поле ночи темные,
А дорожечки дальние,
А сваточики лютые!

152. Ох у ворот бела береза стояла

(Белгородск., Нежеголь—Сев. Донец)

Свадебный поезд готов трогаться со двора. Женщины, которые собрались, чтобы проводить невесту, начинают прощальную песню:



Ох у ворот бела береза стояла,
Лёли да лёли, лёли лёли, стояла.

Мариночка с подворьица ж съезжала,
Лёли да лёли, лёли лёли, съезжала.

А все ж она белу березу ж ломала,
Лёли да лёли, лёли лёли, ломала:

"Ох оставайся ж, бела береза, без верху,
Лёли да лёли, лёли лёли, без верху,

И без верху ж, без зеленой макушки,
Лёли да лёли, лёли лёли, макушки[2].

---

[1] Строфа далее не приводится, ее форма не изменяется.

[2] Строфа далее не приводится, ее форма не изменяется.

Ох оставайся ж, моя мамушка, без мене,
Ой без мене ж, без завдалой голове.
Ох уставай же, моя мамушка, раненько,
Поливай же все цветики частенько,
Ох ранними, вечерними зарями,
Больше того горючими слезами.
Не хватит слез — ключёвою водою".

См. № 261, 341.

153. Валют сосну, валют сосну с кореня долой
(Калужск., Жиздра. Вариант напева № 260)

Валют сосну, валют сосну с кореня долой,
Валют сосну, валют сосну с кореня долой.

Ее валют, ее валют, подхваливают,
Ее валют, ее валют, подхваливают:

"Что за сосна, что за сосна тонка-высока?
Что за сосна, что за сосна тонка-высока?"

Везут девку, везут девку со двора долой,
Везут девку, везут девку со двора долой.

Ее везут, ее везут, расспрашивают,
Ее везут, ее везут, расспрашивают:

"Жаль тебе, Валентинушка, отца с матерью?
Жаль тебе, Алексеевна, отца с матерью?" —

"Вот как жаль, ажно тошно мне,
Вот как жаль, ажно тошно мне".

ПЕРЕХОД НЕВЕСТЫ В ДОМ ЖЕНИХА

154 а) Поезжайте, бояре,
б) Не лежи, белый зайка
(Калужск., Болва)

Путь свадебному поезду заклинали песней:

Поезжайте, бояре,
Не бо*и*теся н*о*чи.
Господь на пути,
А Христос на дороге!

Не лежи, белый зайка,
На пути, на дороге.
Эво ладу, на пути, на дороге.

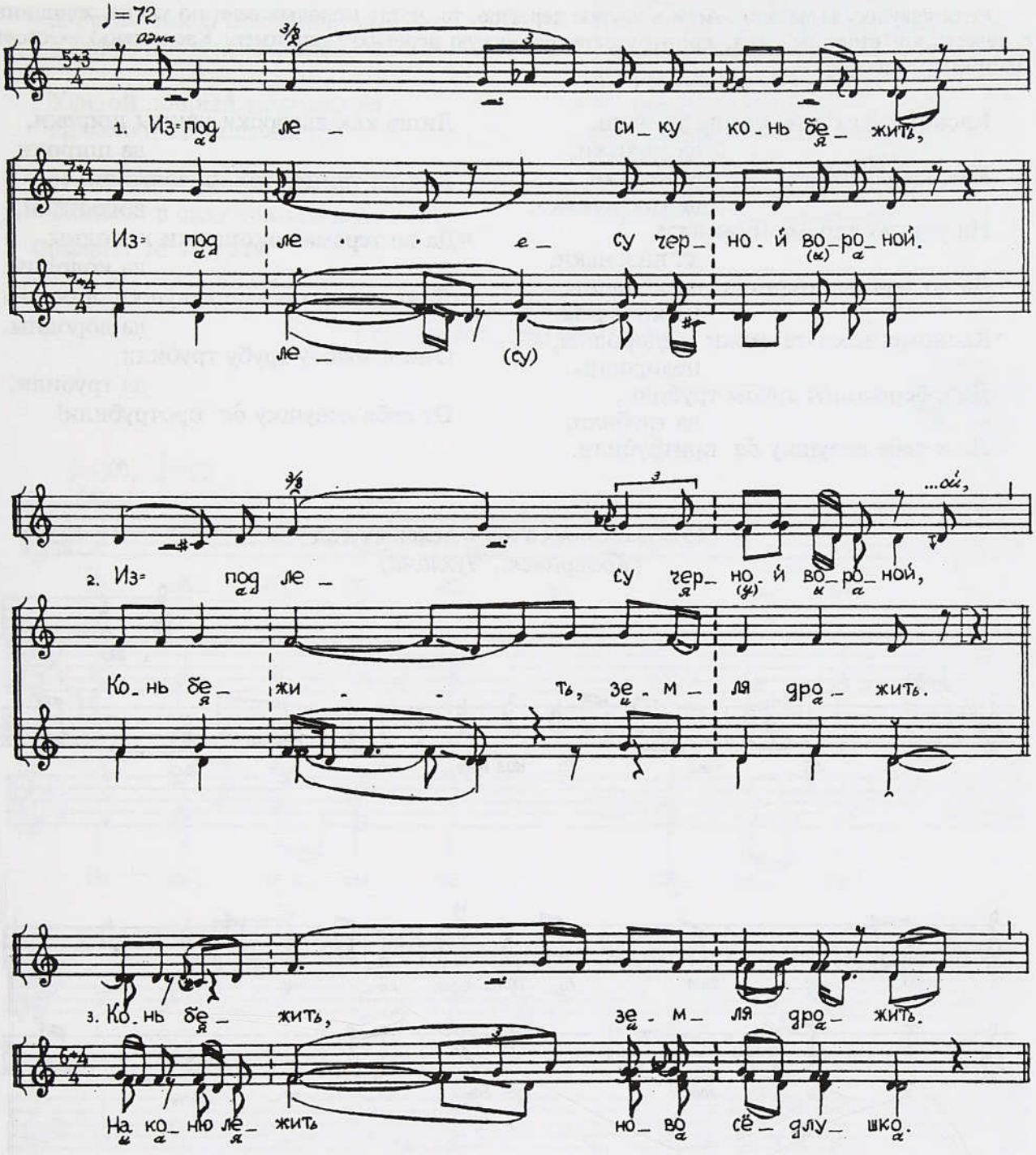
Будут ехать бояре,
Копыт*а*ми затопчут,
Эво ладу, копыт*а*ми затопчут.

Копыт*а*ми затопчут,
Колес*а*ми (о)бмарают,
Эво ладу, колес*а*ми (о)бмарают.

Колес*а*ми обмарают,
Плетьми застегают,
Эво ладу, плетьми застегают!

155. Из-под лесику конь бежит

(Калужск., Десна)



Из-под лесику конь бежит,
Из-под лесу черной вороной.

Из-под лесу черной вороной,
Конь бежит, земля дрожит.

Конь бежит, земля дрожит.
На коню лежит ново сёдлушко.

На коню лежит ново сёдлушко,
На седле сидит Лександрушка,

На седле сидит Егорович,
Во коленях его — Натальюшка,

Во коленях — Натальюшка,
Свет Наталья Гаврильевна.

156. Каскоменьски-те улицы узеньки

(Арх., Пинега. Напев № 148)

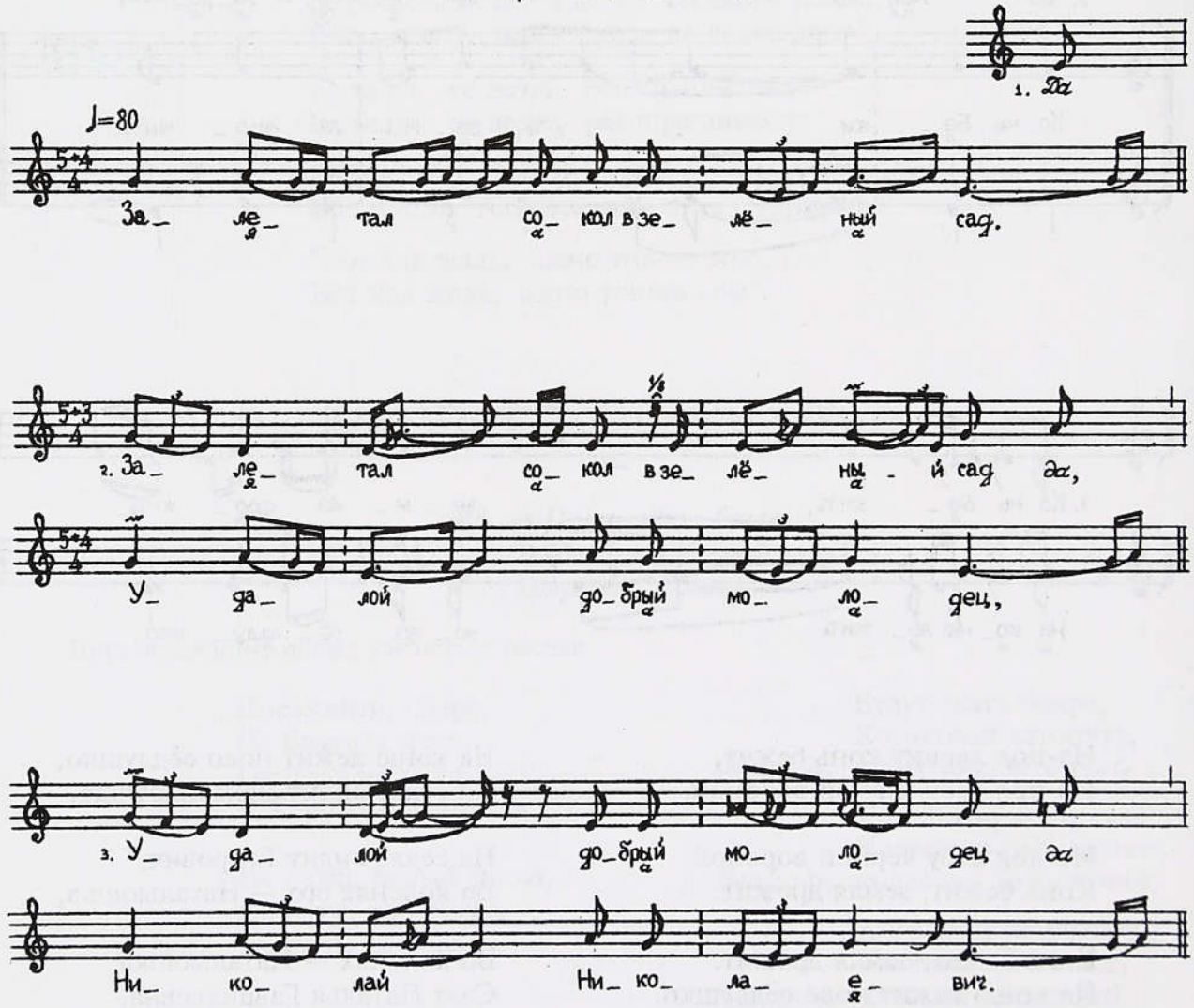
Если девушку выдавали замуж в другую деревню, то, когда молодых вели по улице, женщины с невестиной стороны пели, противопоставляя чужую деревню (например, Каскомень) — своей (например, Явзора):

Каскоменьски-те улицы узеньки,
да узеньки,
Как на улицах тех да грязненько,
да грязненько,
На улицах терема низеньки,
да низеньки,
Да во теремах окошки не колодны,
не колодны,
Каскоменьски-те девки недородны,
недородны.
Да в берестяны трубы трубили,
да трубили,
Да к себе девушку *да* притрубили.

Лишь как явзорски улицы широки,
да широки,
Как на улицах тех водостоки,
водостоки,
Да во теремах окошечки колодны,
да колодны.
Лишь-те явзорские девушки дородны,
да дородны.
Они в золоту трубу трубили,
да трубили,
От себя девушку *да* протрубили!

157. Залетал сокол в зеленый сад

(Костромск., Чухлома)



Да
Залетал сокол в зеленый сад.

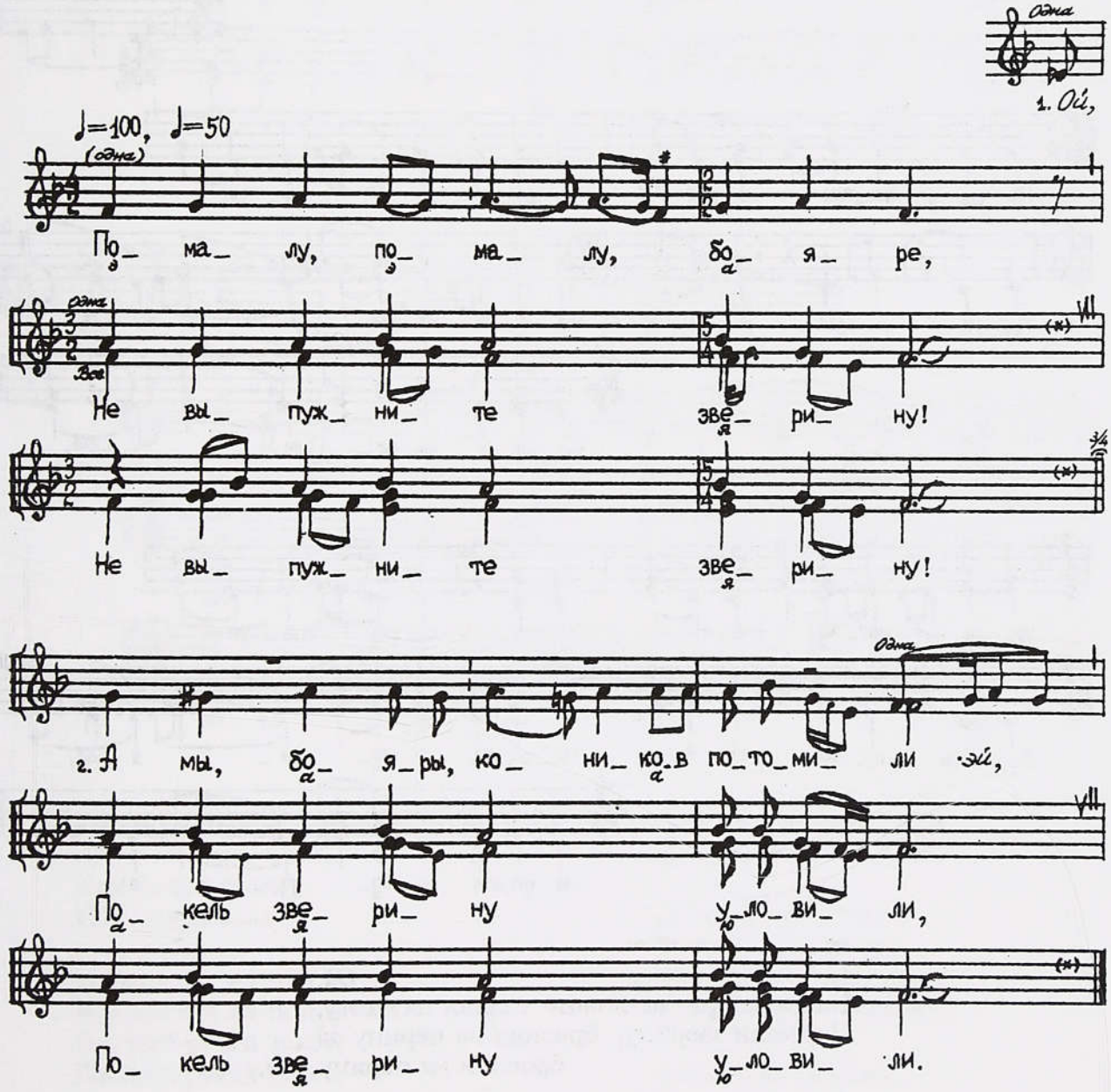
Залетал сокол в зеленый сад *да,*
Удалой добрый молодец,

Удалой добрый молодец *да*
Николай Николаевич.

Николай Николаевич *да*
Поймал в саду соколинку,
Поймал в саду соколинку *да,*
Душу красную девицу[1]
Катерину Алёксандровну.
Поимавши, стал он спрашивать ее,
Из ума ее выведывать,
Из ума *ой* ее, из разуму,
Из черёзвой крепкой памяти.
Растворяйтесь-ка, воротечки *да,*
Расшатитесь-ка, вереюшки,
Что на двор-от сокол летит,
Удалой добрый молодец!

Сравните: № 213, 214.

158. Помалу, помалу, бояре
(Белгородск., Валуй–Оскол)



[1] Повторение стиха, возникающее при цепном соединении строф, далее не приводится. Повторяется каждый стих, кроме 11-го и 14-го.

Ой,
Помалу, помалу, бояре,
Не выпужните зверину!
Не выпужните зверину!

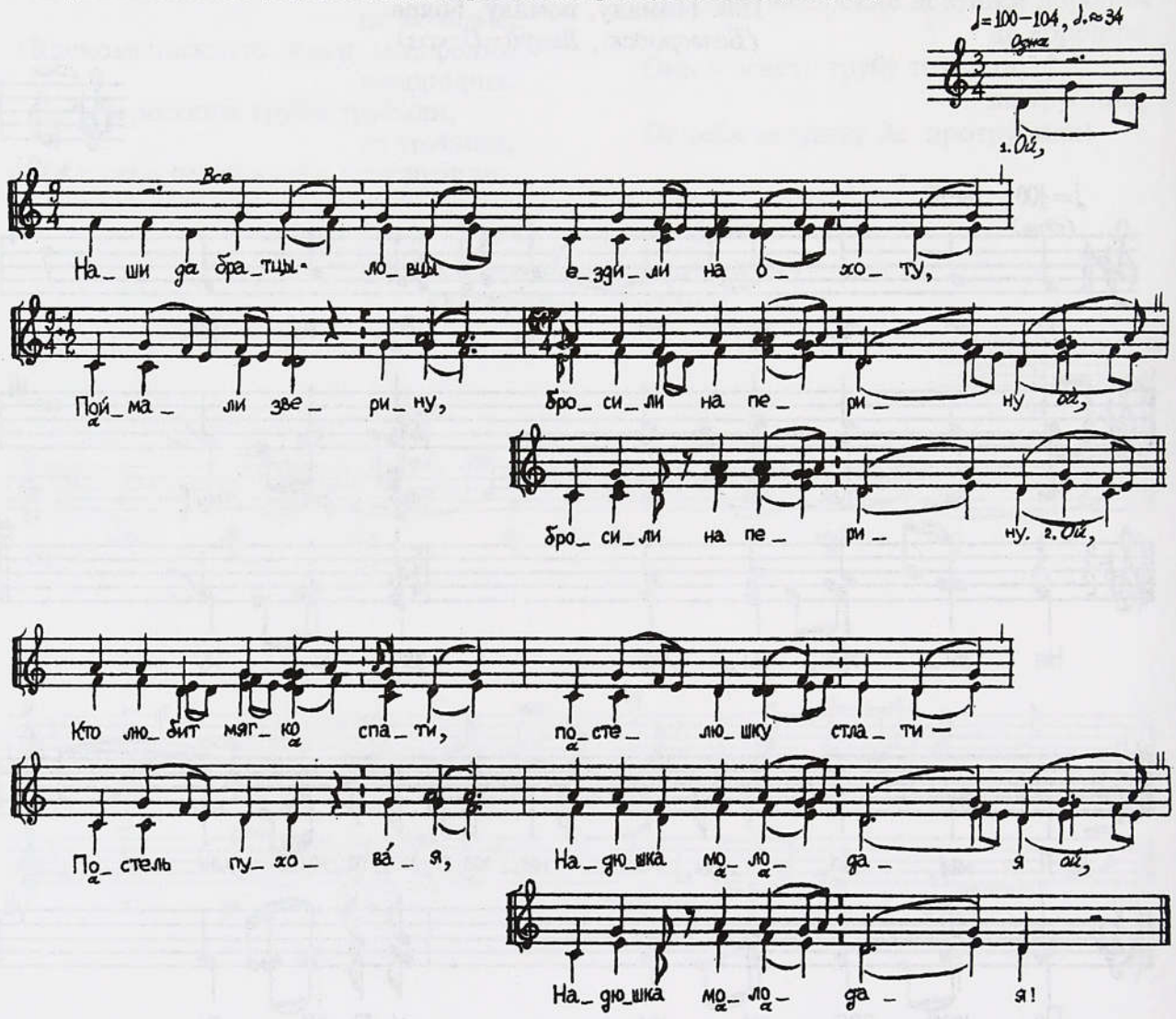
А мы, бояры, коников потомили *эй,*
Покель зверину уловили,
Покель зверину уловили.

ПРИЕМ У РОДИТЕЛЕЙ ЖЕНИХА

159. Наши братцы-ловцы ездили на охоту

(Ставропольск., Малка–Терек)

В дом жениха его родственницы перевозили брачную постель, перину от невесты.

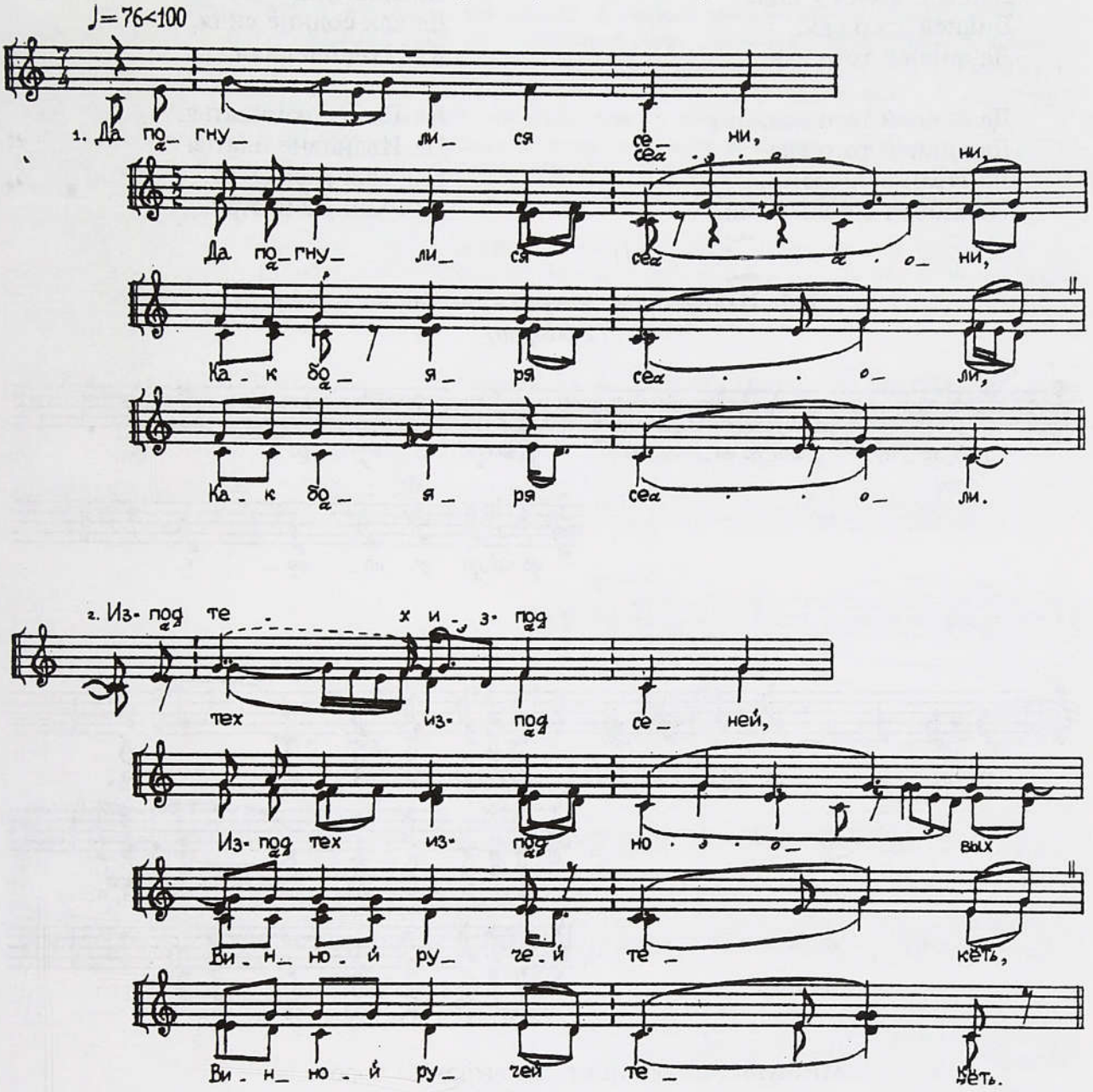


Ой,
Наши да братцы-ловцы ездили на охоту,
Поймали зверину, бросили на перину *ой,*
бросили на перину. *Ой,*

Кто любит мягко спати, постелюшку стлати —
Постель пухов*ая*, Надюшка молодая *ой,*
Надюшка молодая!

160. Погнулися сени, как бояря сели

(Белгородск., Тихая Сосна)



Да погнулися сени,
Да погнулися сени,
Как бояря сели,
Как бояря сели.

Из-под тех из-под сеней,
Из-под тех из-под новых
Винной ручей текет,
Винной ручей текет.

А по том ручеечку,
Да по том ручеечку
Дивной гоголь плывет,
Дивной гоголь плывет.

Да тому гоголёчку,
Да тому гоголёчку,
Ему люди сдивовались,
Ему люди сдивовались.

А вы, люди дивные,
А вы, люди дивные,
Вы гляньтя у поле,
Вы гляньтя во поле,

Да вы гляньтя у поле,
Да вы гляньтя у поле:
Дивней того едя,
Да дивней того едя,

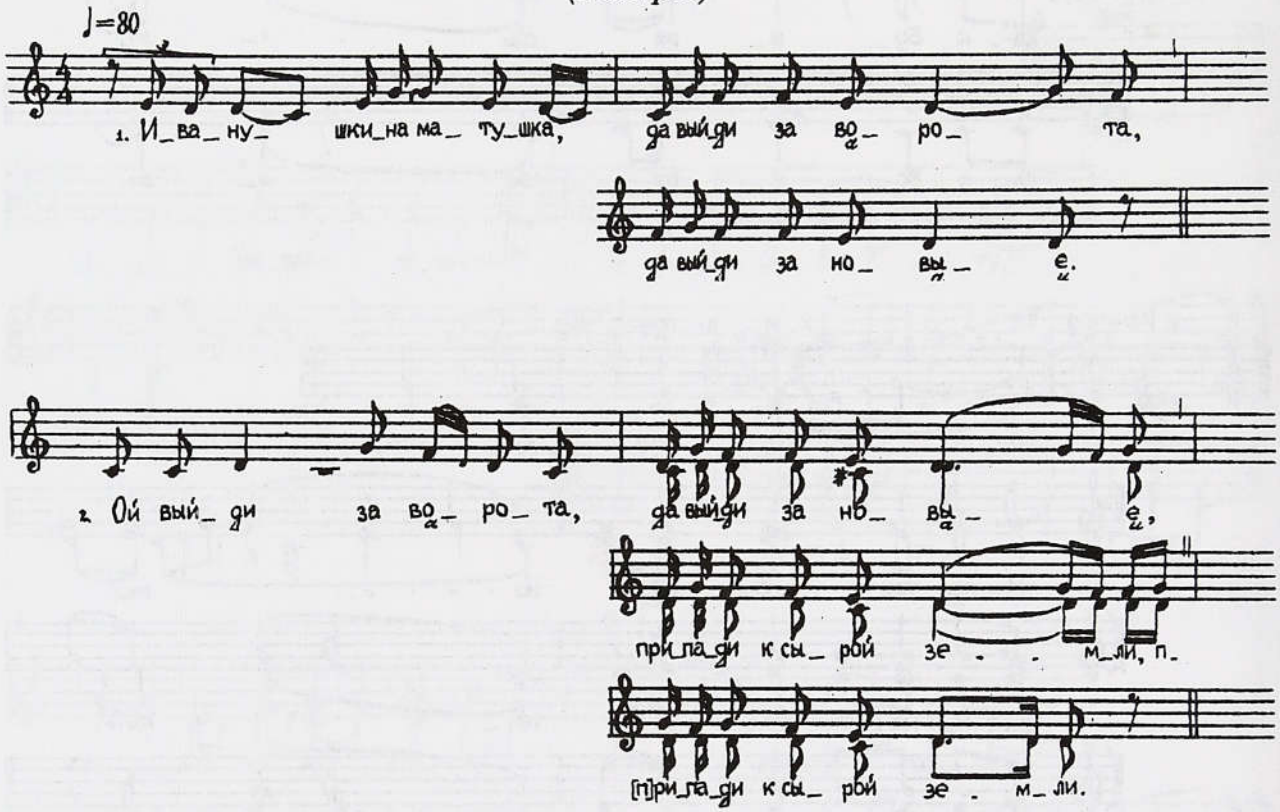
Да дивней того едя,
Да дивней того едя
Да Иван с бояреми,
Иванович с большими.

На Иванушке шапка,
На Иванушке шапка
Да как солнце сияя,
Как солнце сияя!

На Еленушке платья,
На Ивановне платья
Как мак расцветая,
Как мак расцветая!

161. Иванушкина матушка, выйди за ворота

(Белгород)



Иванушкина матушка, да выйди за ворота,
да выйди за новые.

Ой выйди за ворота, да выйди за новые,
Припади к сырой земли, припади к сырой земли.

Припади к сырой земли, припади к сырой земли:
Да не стогнет ли земля, да не стогнет ли земля?

Ох не дрогнет ли земля, да не дрогнет ли земля,
Не гудут ли колёсы, не гудут ли колёсы?[1]

Не гудут ли колёсы, не звенят ли подковы?
Не звенят ли подковы, не везут ли княгиню?
Не везут ли княгиню, молодую да невестушку?
Тебе, Марья Ивановна, переменьица будет,
Да твоим ручкам-ножкам угомоньице будет.

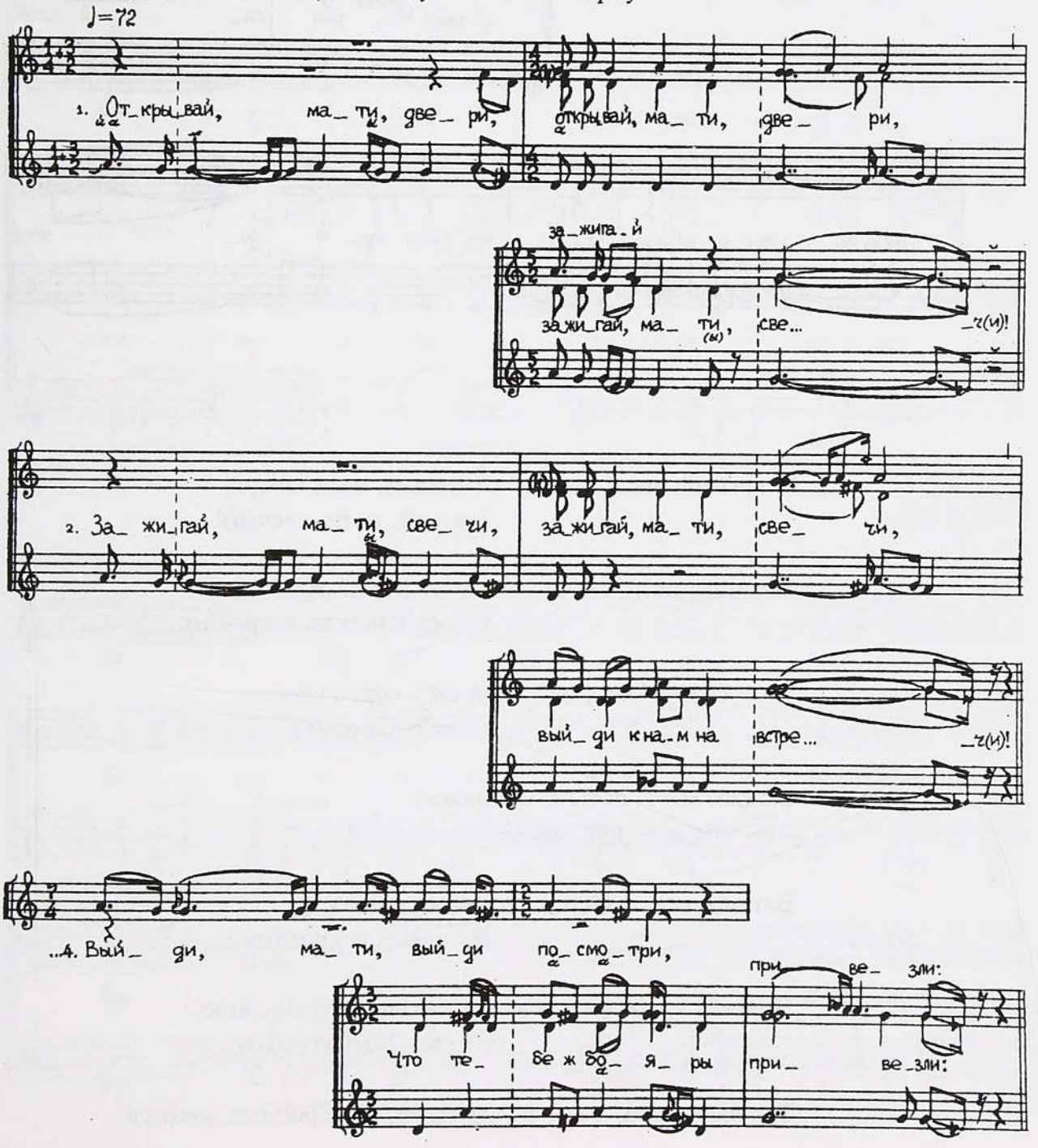
[1] Далее до конца сохраняется удвоенное повторение, как и в строфах со второй по четвертую.

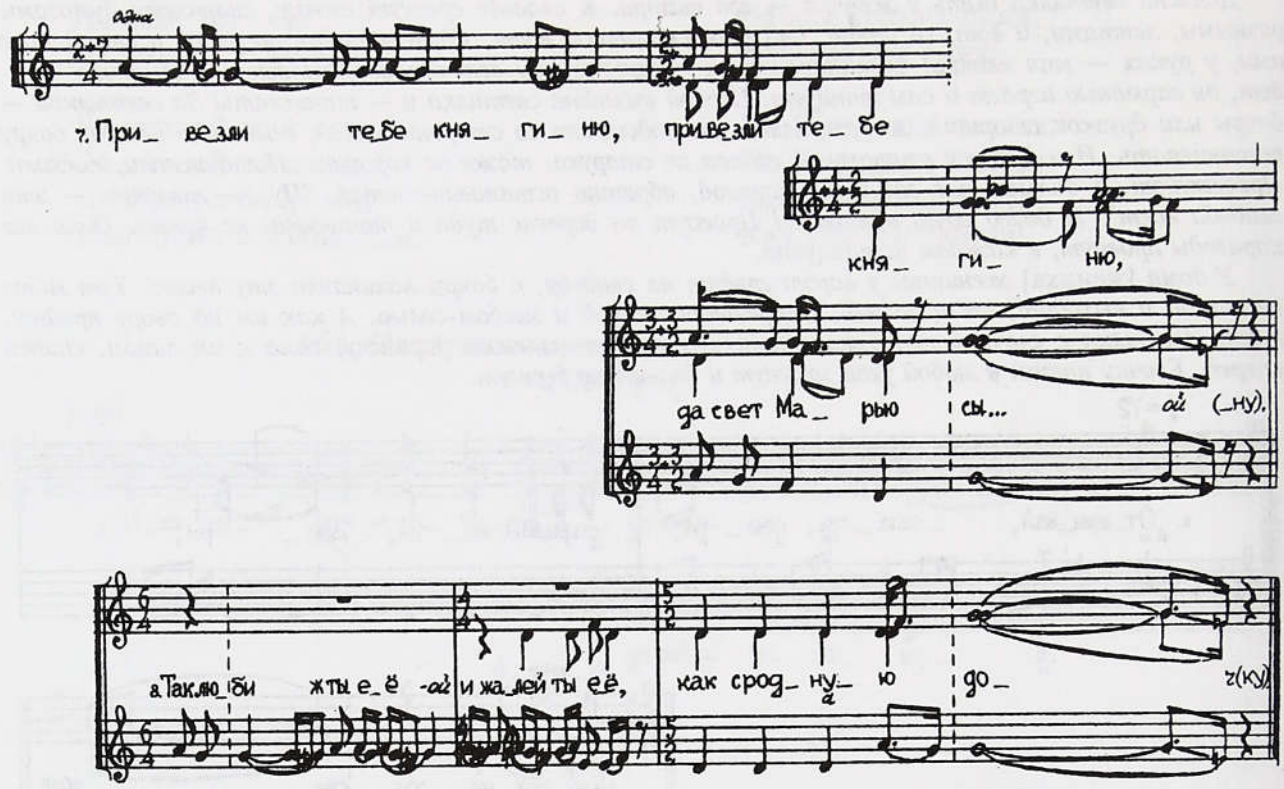
162. Открывай, мати, двери, зажигай, мати, свечи

(Курск., Посеймье)

Должна светилка быть у жениха — его сестра. К свадьбе срежут елочку, снаряжут бумагамы разнымы, лентами, и вот, ей дают, она уже светилкой едет. Едут молодые по улице и светилка с ими, у руках — эта елочка. Останавливают поезжане эту всю свадьбу, вылазют. Гармонист выйдет, он гармонью играет и сам танцует. Первой выходит светилка и — танцевать! За светилкой — бояры или дружок старший. А там, гляди, да подскочет со стороны какая, поможет какому бояру потанцевать. Или дружку старому — такая ж старуха, тоже ж хорошо... Потанцевали, поехали. Проезжают, а дальше еще где й-то карагод, обратно останавливаются. "Ну, — говорят, — это свадьба едет". И долго едут поезжане! Проедут по деревне туда и оттудова, не прямо. Пока все карагоды проедут, в каждом потанцуют.

У дома [жениха] *женщины у ворот глядят на свадьбу, а бояры начинают эту песню. Тут мать со свечой и выходит, отец за ней, встречают иконой и хлебом-солью. А как им по двору пройти, тогда светилка с елочкой перед молодыми прометает веничком дорожку, сама к им лицом, спиной вперед. Елочку потом в любой угол закинут и больше не берегут.*





Открывай, мати, двери, открывай, мати, двери,
зажигай, мати, свеч(и)!

Зажигай, мати, свечи, зажигай, мати, свечи,
выйди к нам на встреч(и)!

Твой сын-сокол едет, твой сын-сокол едет,
везет перемен(у)!

Выйди, мати, выйди посмотри,
Что тебе ж бояры привезли:

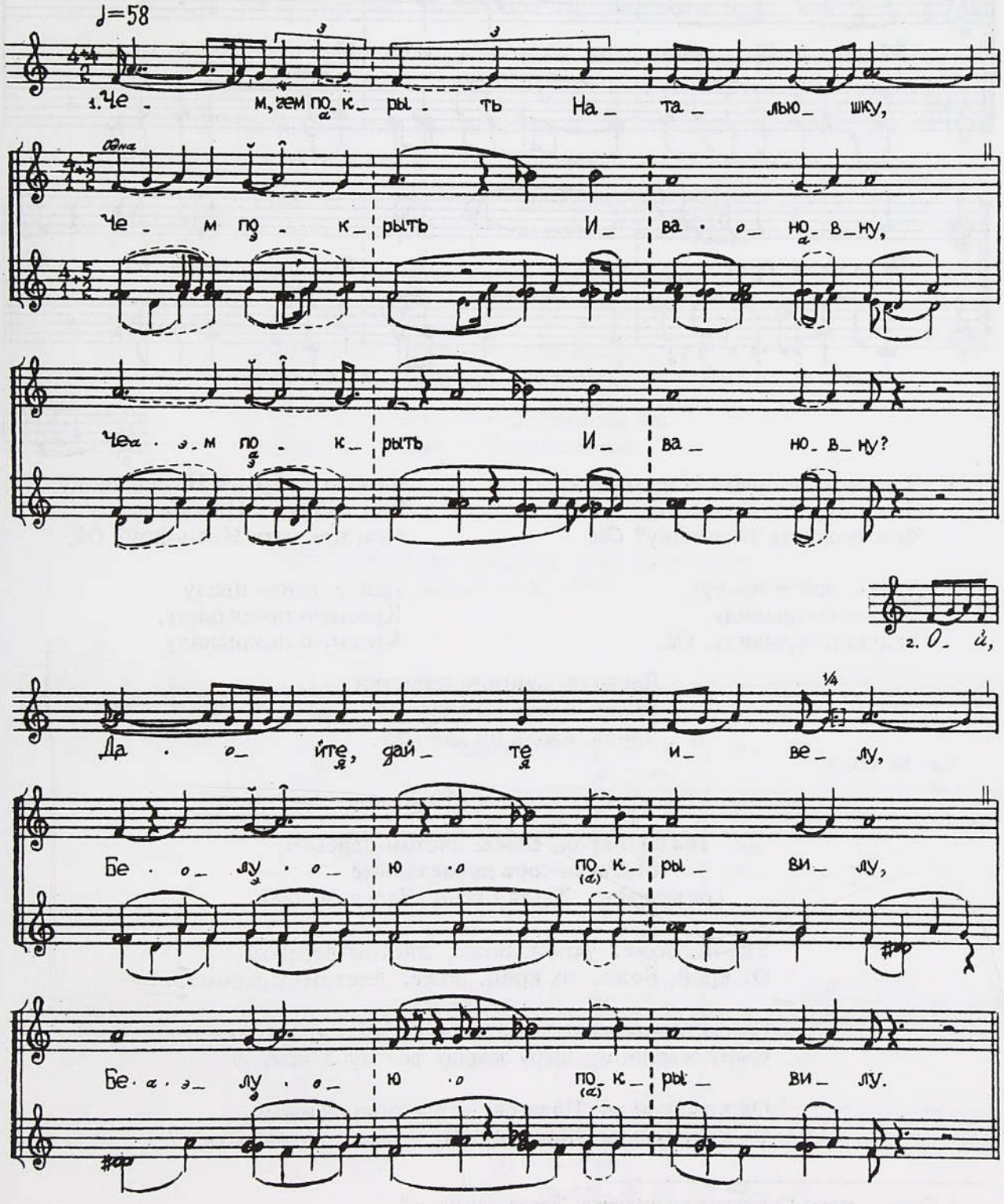
Вот елушку, телушку, подушку, дерюжку,
и перину, и скры(ню),

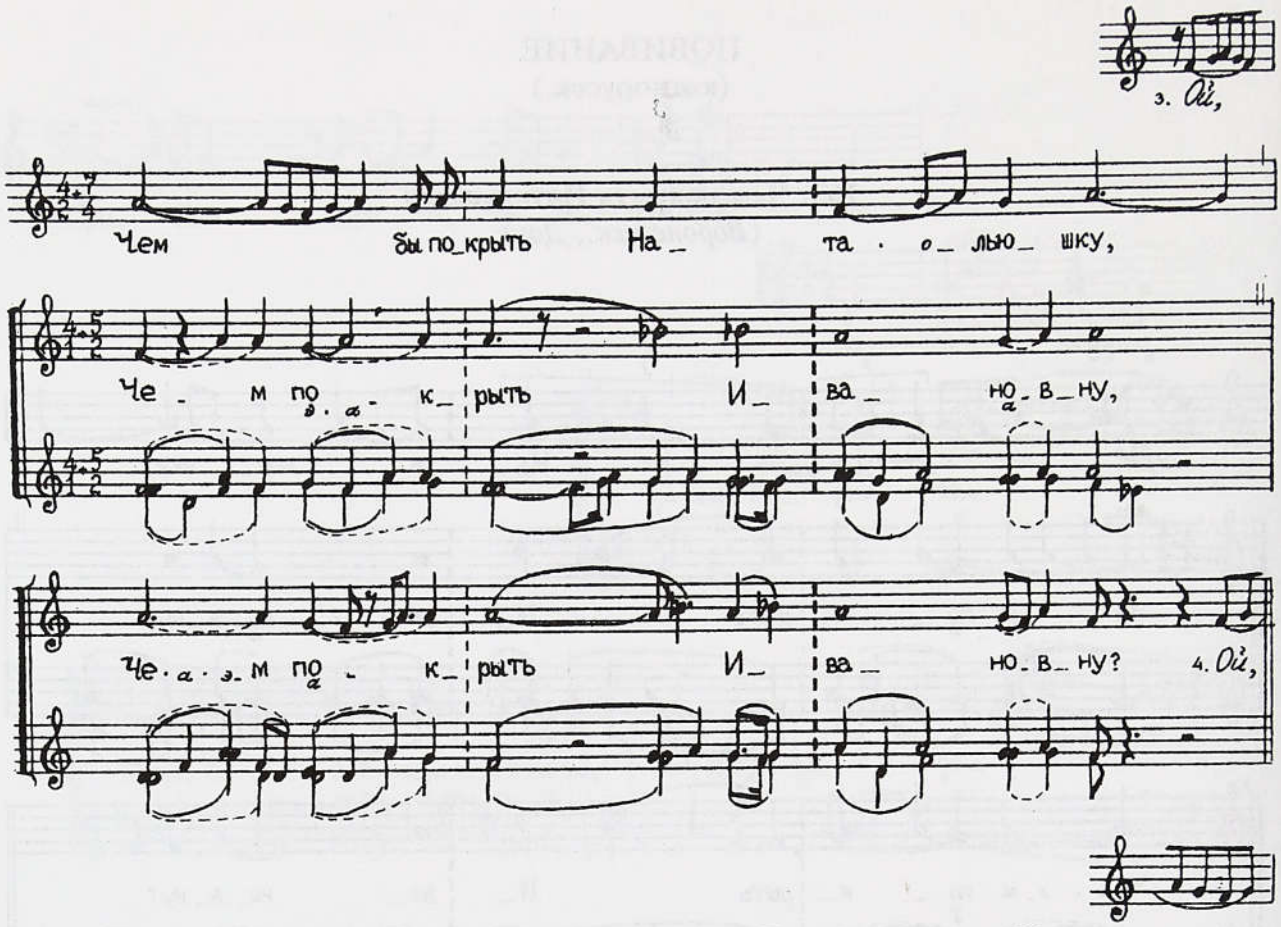
Привезли тебе княгиню, привезли тебе княгиню,
да свет Марью сы(ну).

Так люби ж ты ее и жалей ты ее, как сродную доч(ку)!

ПОВИВАНИЕ
(южнорусск.)

163. Чем покрыть Натальюшку
(*Воронежск., Дон*)





Чем, чем покрыть Наталюшку,
Чем покрыть Ивановну,
Чем покрыть Ивановну? *Ой,*

Чем бы покрыть Наталюшку,
Чем покрыть Ивановну,
Чем покрыть Ивановну? *Ой,*

Дайте, дайте ивелу[1],
Белую покрывилу,
Белую покрывилу. *Ой,*

Дайте, дайте ивелу,
Красную покрывилу,
Красную покрывилу.

Двиньте, двиньте пялички
Удоль, вдоль по лавочке,
Удоль, вдоль по лавочке.

См. № 170 в.

164 а) Укрой, Боже, листом-деревом, б) Свечи горя повивальные

(Белгородск., Тихая Сосна. Напев № 228)

Укрой, Боже, укрой, Боже, листом-деревом,
Ох крой, Боже, ох крой, Боже, листом-деревом, *э,*

Ох сыру землю *ох,* сыру землю все муравкою,
Сыру землю *ох,* сыру землю все муравкою. *Э,*

Ох красную *ой* Палагею — все покрывилом,
Ох красную *ой* Ларивоновну — все покрывилом. *Э,*

[1] *Ивело* — кисея. Существует поговорка: "Белая, как ивело".

Ох вот табе, Палагея, все покрывила *ой,*
А вот табе, Ларивоновна, все венечная, *э,*

Венечная *ох,* венечная, она вечная *ой,*
Венечная *ой,* венечная, она вечная, *э,*

Ох вечная *ох,* вечная, бесконечная *ох,*
Вечная *ой,* вечная, бесконечная!

Свечи горя *ой,* свечи горя повивальные *ох,*
Свечи горя *ой,* свечи горя повивальные.

Трубы трубя *ой,* трубы трубя всё вечёрние *ох,*
Трубы трубя *ой,* трубы трубя всё вечёрние. *Э,*

Перстни звеня *ой,* перстни звеня обручальные *ох,*
Перстни звеня *ой,* перстни звеня всё венчальные.

Свечечка *ой,* свечечка все на стенки лепит,
Ох свечечка *ой,* свечечка все на стеночки. *Э,*

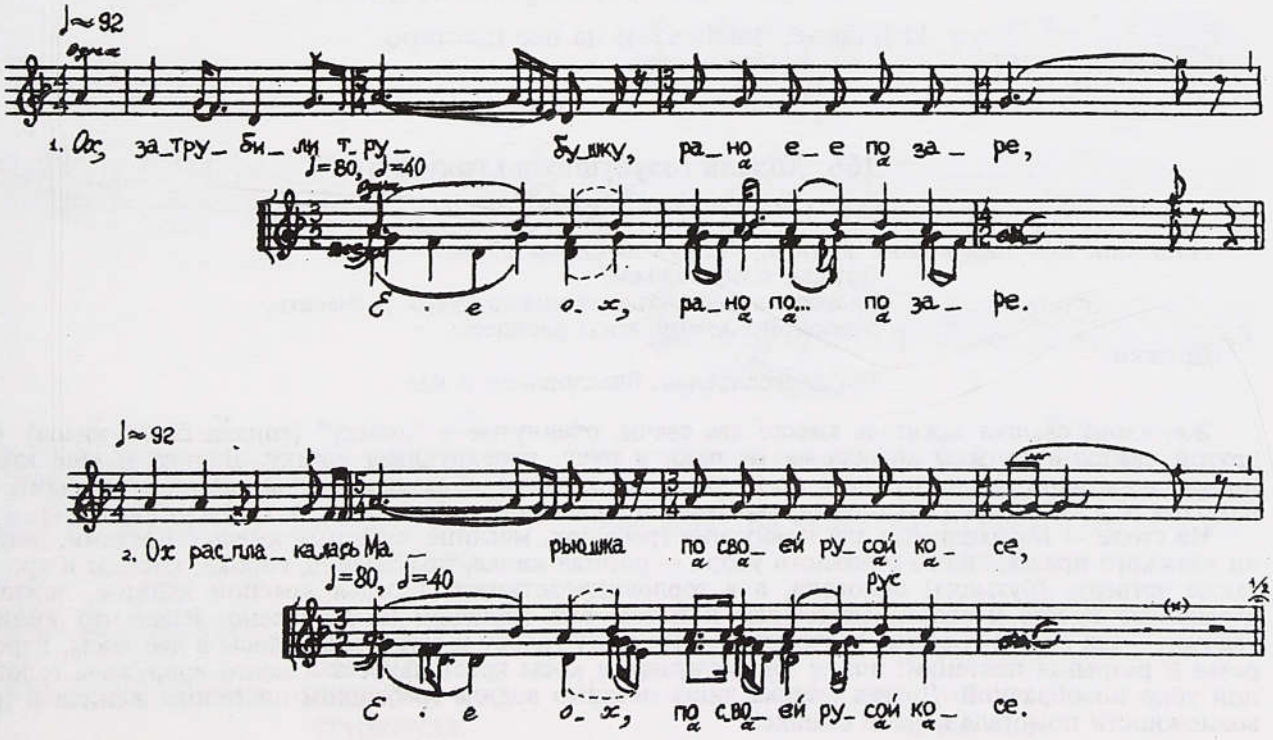
Ягодка *ой,* ягодка все на блюдцу лежит,
Ох ягодка *ох,* ягодка все на блюдечку.

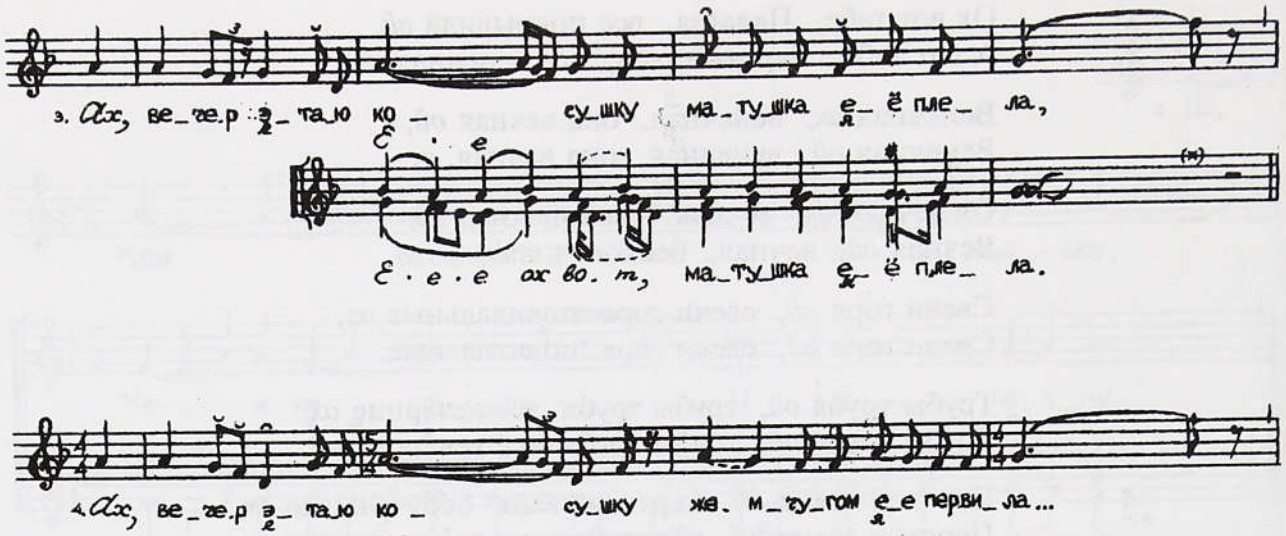
Свечечка *ой,* свечечка — то Иванушка *ой,*
Свечечка *ох,* свечечка — то Иванович. *Э,*

Ягодка *ох,* ягодка — Палагеюшка *ох,*
Ягодка *ох,* ягодка — Ларивоновна.

165. Затрубили трубушку, рано ее по заре

(Воронежск., Дон)





Ох затрубили трубушку, рано ее по заре,
Е - е ох, рано по... по заре.

Ох расплакалась Марьюшка по своей русой косе,
Е - е ох, по своей русой косе.

Ах вечер этаю косушку матушка ее плела,
Е- е вот, матушка ее плела,

Ах вечер этаю косушку жемчугом ее первила,
Е - е ох, жемчугом первила.

А приехала сващунька из Нового города,
Е - е ох, из Нова города,

Ах из Нового города, она невежливая,
Е - е ох, (о)на невежливая,

Ах и стала эту косушку мять ее и ломать,
Е - е ох, мять ее и ломать,

И мять ее, и ломать, и надвое ее делить,
Е - е ох, и надвое делить.

И надвое, натрое, и на все шестеро.

Сравните: № 257.

166. Ходила голубушка по голубню

(Белгородск., Тихая Сосна)

Повивали молодых в доме жениха. Свашка начинала обряд:

Дружко с подружьем,
Благословите молодому князю кудри расчесать,
Молодой княгине косы расплесть.

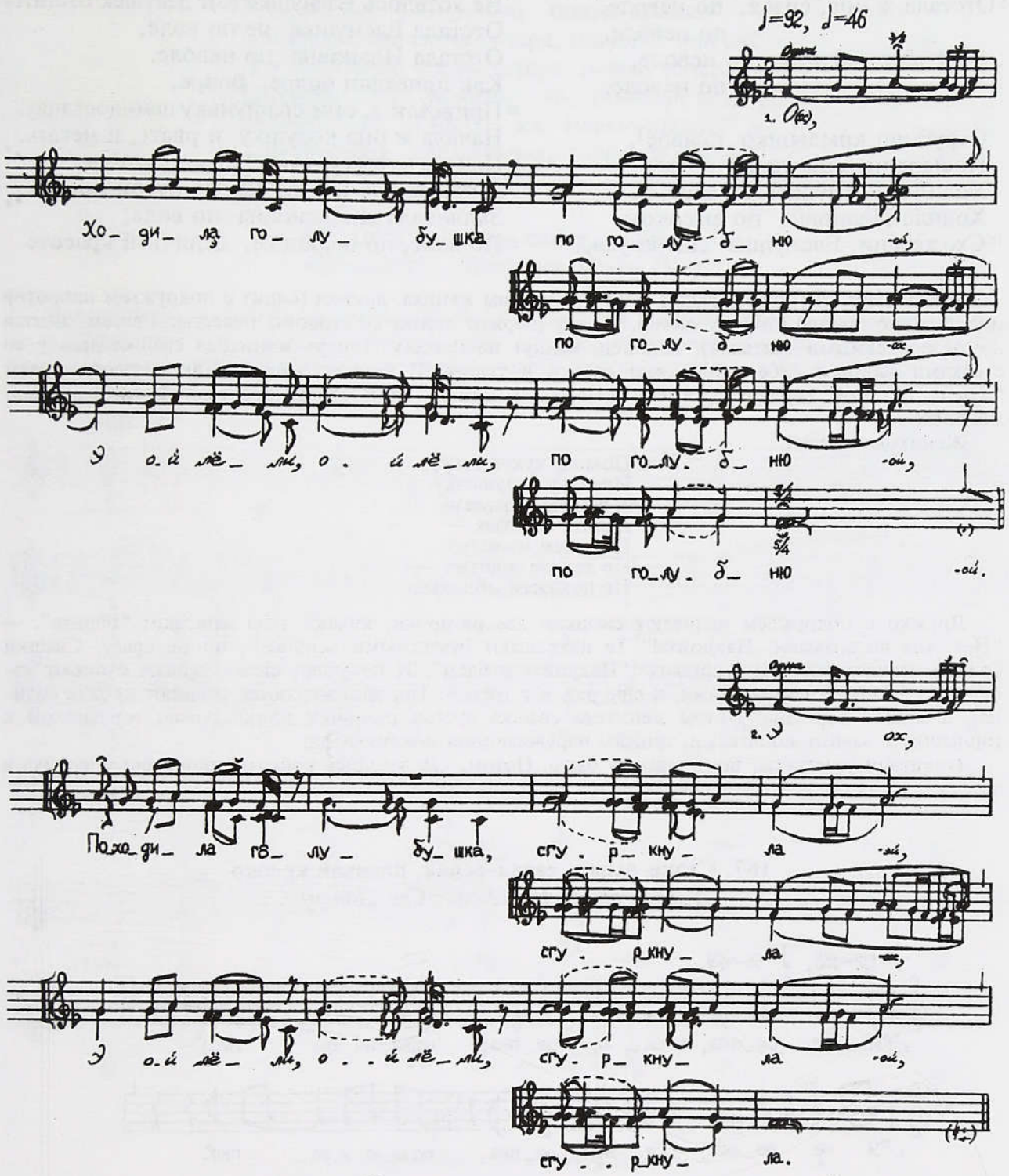
Дружко:

Бог благословляя, бласловляем и мы.

Женихова свашка зажигала вместе две свечи, обернутые в "дымку" (тонкая белая кисея). С другой свашкой трижды меняла их из руки в руку, перекручивая дымку. Дядька и еще кто-нибудь из мужчин (или дружко с подружьем) принимали от свашек концы дымки со свечами и натягивали дымку перед молодыми, скрывали повивальные действия от глаз присутствующих.

На столе — необходимые для повивания гребешок, маслице, сушеный хмель с орехами, детали женского праздничного головного убора — рогатая кичка, позатылень, сорока, косицы и др., а также четверть (бутылка) самогона, а в горловину воткнуты гроздья красной калины, ложки, сложенные вместе и связанные (сейчас и потом есть молодым не положено. Разве что жених удалый — так поест). Свашка расчесывала невестину голову и заплетала волосы в две косы, перерезая и разрывая плетенки, потом она укладывала косы крест-накрест и долго водружала головной убор новобрачной. Другая свашка лишь немного водила гребешком по голове жениха и по возможности помогала первой свашке.

Женщин много в хате. Пели (начинает иногда свашка, но это не обязательно):



Ох,
Ходила голубушка по голубню *ой,*
по голубню *ох,*
Э ой лёли, ой лёли, по голубню *ой,*
по голубню.
Э ох,
Походила голубушка, сгуркнула *эй,*
сгуркнула *ох,*
Э ой лёли, ой лёли, сгуркнула *ой,*
сгуркнула.

Э ох,
Не хотелось голубушке (о)т стадичка отстать,
(о)т стадичка отстать *ох,*
Э ой лёли, ой лёли, (о)т стадичка отстать *ой,*
(о)т стадичка отстать.
Э ох,
Отстала голубушка не по воле *ох,*
не по воле *ох,*
Э ой лёли, ой лёли, не по воле *ох,*
не по воле,

Отстала ж она, сизая, по неволе,
по неволе,
Э ой лёли, ой лёли, по неволе,
по неволе.

Отрубили крылышко правое[1],
Посыпались перушки рябые.
Ходила Еленушка по терёму,
Ходила Ивановна по высоком.
Схожемши, Еленушка сплакнула,
Не хотелось Еленушке (о)т девушек отстать.
Отстала Еленушка не по воле,
Отстала Ивановна по неволе.
Как приехали бояре, бояре,
Привезли ж они свашуньку немилостливу.
Начала ж она косушку и рвать, и метать,
Начала ж она русую надвое делить.
Заплакала ж Еленушка по русой косе,
Заплакала ж Ивановна по воле,
По воле, по волюшке, девичьей красоте.

Как повьют, женихова свашка помажет маслом жениха, дружка (сидит с подружьем напротив молодых, по другую сторону стола), дядьку (держит дымку со стороны невесты, а затем садится почти под самыми святыми), наконец, капнут на невесту. Теперь женихова свашка дымку со свечками забирает себе, скручивает свечки и тушит. И бросает хмель. (Как повьют, играют "Хмель ты, мой хмелюшка, хмель яровой..."). Теперь сами собою обе свашки загораживают молодых.

Женихова свашка:

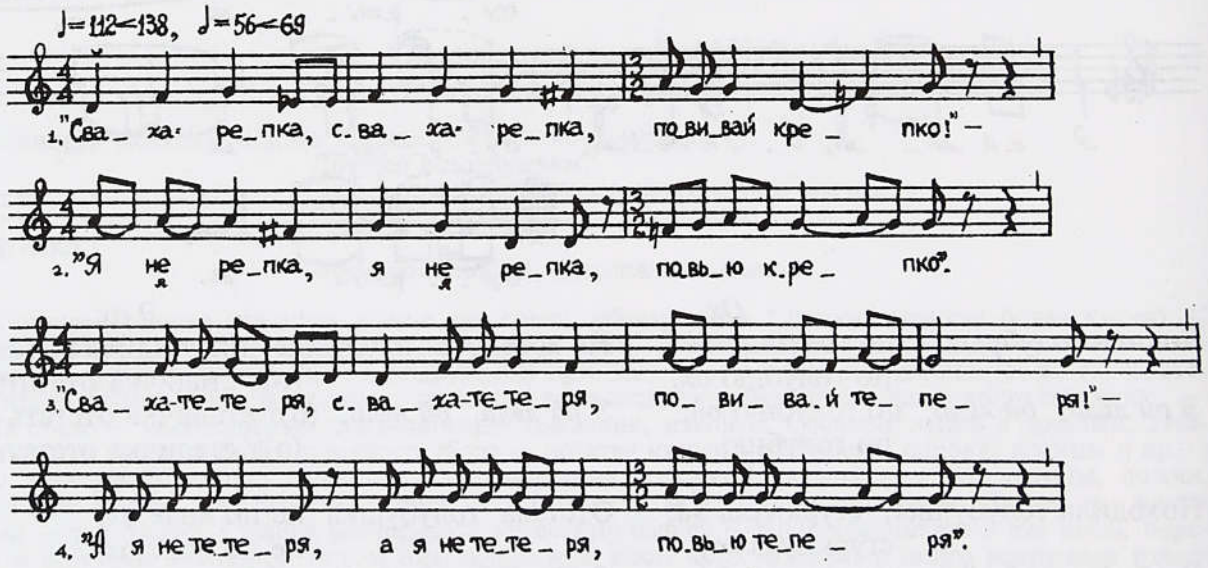
Повили кукушечку,
Иванову игрушечку.
А вам не покажем!
Дадите золотых —
Покажем молодых.
Не дадите золотых —
Не покажем молодых.

Дружко с подружьем наливают свашкам две рюмочки, кидают туда монетки: "Берите". — "Нет, мы не возьмем. Накройте!" Те накрывают бумажными деньгами, но не сразу. Свашки боевые, продолжают выговаривать: "Накройте рублем". И получают свое. Свашки отопьют капельку и поменяются рюмками, и еще раз, и в третий. Три раза меняются (меняют против солнца), а затем — до дна! Потом женихова свашка пустые рюмочки прикладывает горлышком к горлышку и звенит монетками, трижды переворачивая и встряхивая.

Повивали у невесты, так в старину было. Потом, как завелись колхозы, повивали у жениха в хате, уж когда привезут молодых.

167. Сваха-репка, сваха-репка, повивай крепко

(Белгородск., Нежеголь—Сев. Донец)

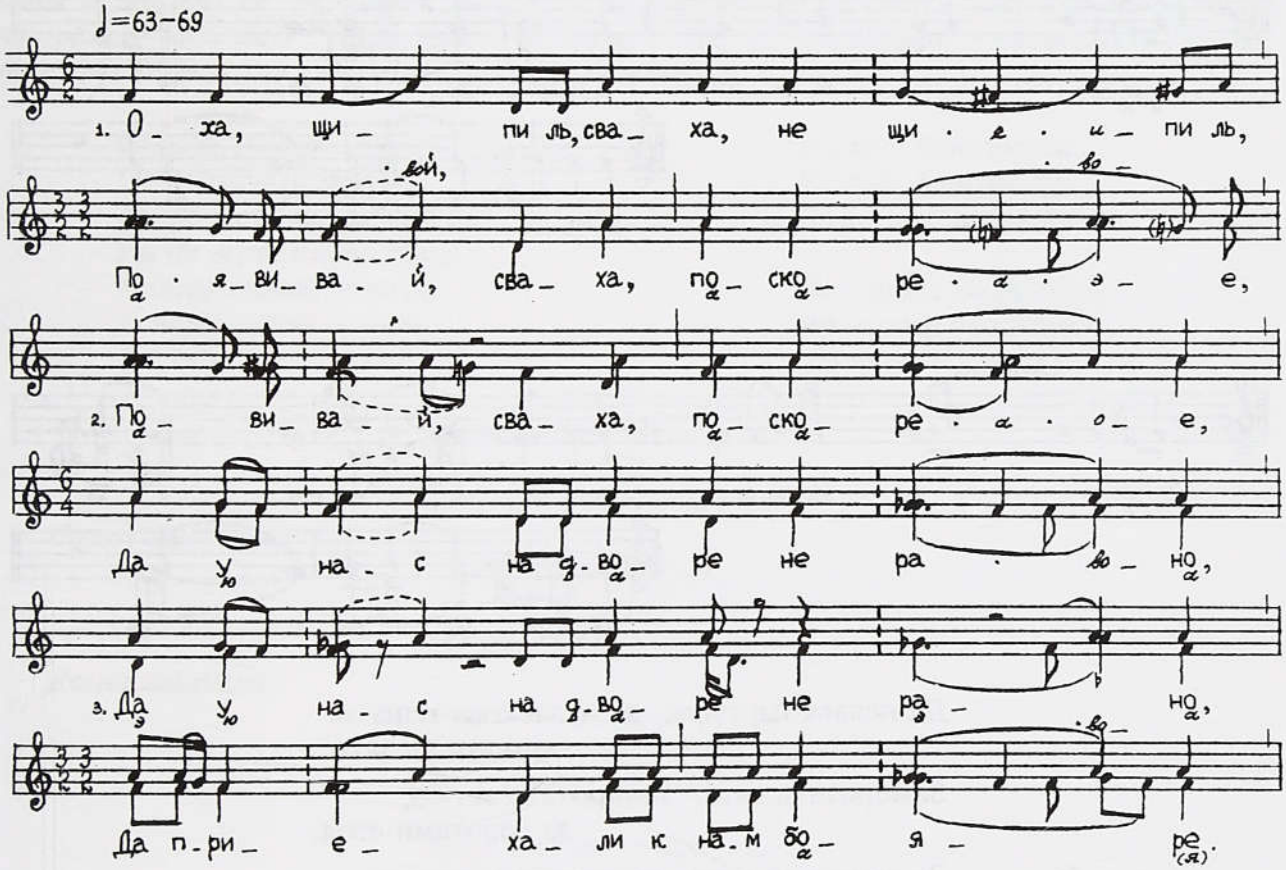


[1] Строфа далее не приводится, ее форма не изменяется.

"Сваха-репка, сваха-репка, повивай крепко!" —
"Я не репка, я не репка, повью крепко". —
"Сваха-тетеря, сваха-тетеря, повивай теперя!" —
"А я не тетеря, а я не тетеря, повью теперя". —
"Сваха-б. . .ка, сваха-б. . .ка, повивай гладко!" —
"Я не б. . .ка, я не б. . .ка, повью гладко!" —
"Сваха-курва, сваха-курва, повивай кругло!"

168. Оха, щипи ль, сваха, не щипи ль
(Белгородск., Потудань/Тихая Сосна)

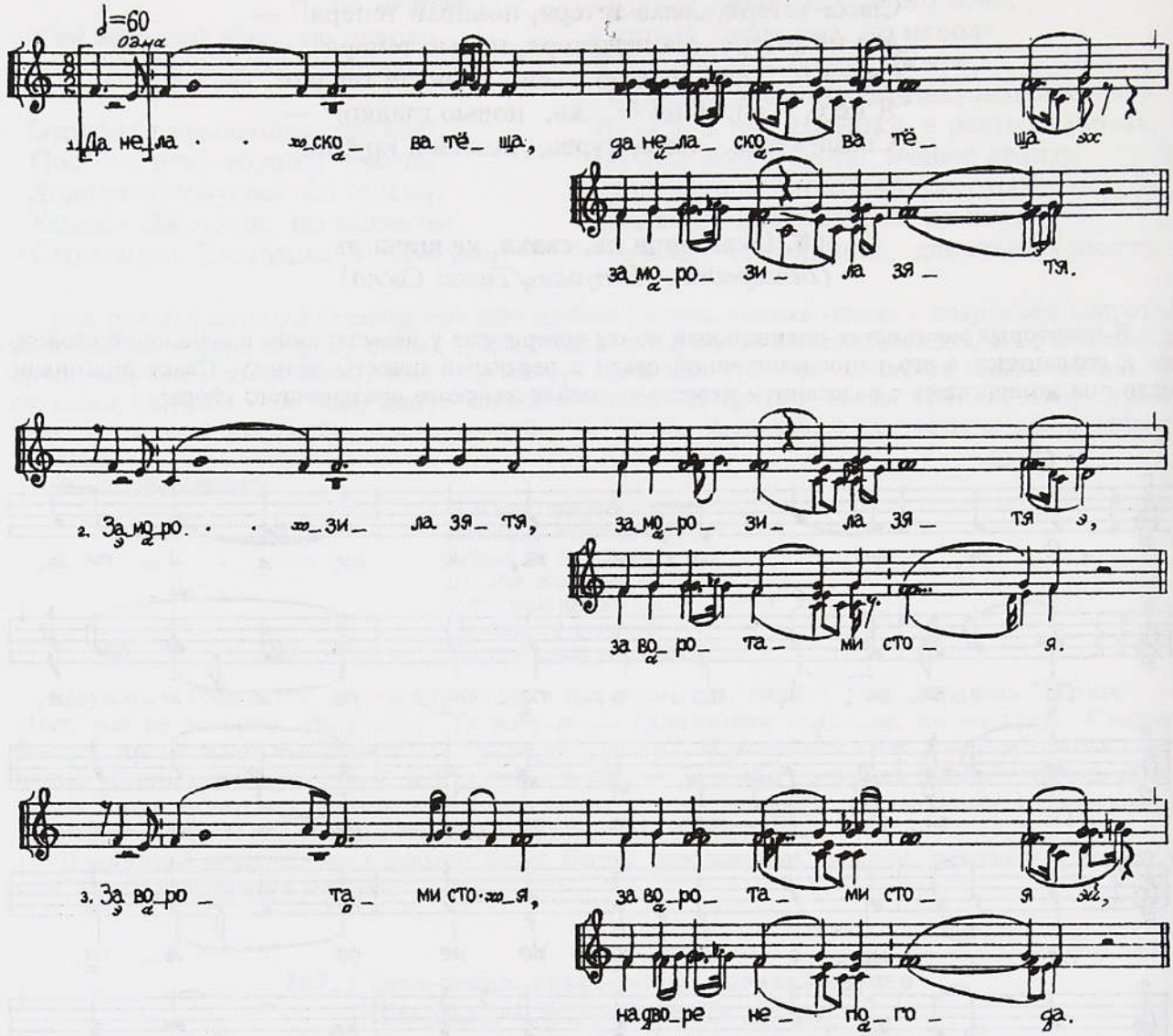
В некоторых местностях повивальный обряд совершался у невесты либо в церковной сторожке и сохранился в его непосредственной связи с передачей невесты жениху. Сваху подгоняли, если она замешкалась с надеванием невесте на голову женского праздничного убора:



Оха, щипи ль, сваха, не щипи ль,
Повивай, сваха, поскорее,
Повивай, сваха, поскорее,
Да у нас на дворе не рано,
Да у нас на дворе не рано,
Да приехали к нам бояре,
Да приехали к нам бояре,
Вороной да конь простоялси,
Вороной да конь простоялси,
Молодой да князь весь прождалси!

169. Неласкова теща заморозила зятя

(Калужск., Вытебеть–Жиздра)



Да неласкова теща, да неласкова теща *эх*
заморозила зятя.

Заморозила зятя, заморозила зятя *э,*
за воротами стоя.

За воротами стоя, за воротами стоя *эй,*
на дворе непогода[1].

На дворе непогода, [и снег, и дождь идет.
И снег, и дождь идет,] метелица вьюжит.
Да метелица вьюжит, да Мареюшка тужит.
Да Мареюшка тужит. Да ну, сваха-борковка,
Да ну, сваха-борковка, да боркуй поскорея!
Да боркуй поскорея, наша девка-то нежна,
Наша девка-то нежна, калачами кормлёна,
Калачами кормлёна да сытою поёна.

[1] Повторение первого полустиха внутри строфы далее не приводится, ее форма не изменяется.

170 а) Ой свашунька-немка, не мучь нашу девку,
б) Слушайте ж, бояре,
в) Золотые мои пялички, двиньтеся по лавочке,
г) Чего ж нам хотелось, мы то снарядили
(Белгородск., Пена)

Прямо как привезли мы их и за стол посадили, ну, надо повивать. Я попросила разрешенья у свекра и в свекровьи (просит разрешения сваха обязательно). Я поднялась:

Иван Петрович,
Агафья Михайловна,
Дружко и дядька
И все гости на беседе,
Разрешите молодому князю кудри причесать,
Молодой княгине косу расплесть!

Они стоят, отвечают: "Пусть Бог разрешит, а мы разрешаем". Тогда уже приступаем к повиванию. Повивала сестру, я ж расплетала. Я стала расплетать, а девки заиграли другой раз: "Свашунька гоголушка..." (№ 127 а). *Потом я повивала долго, дак там они по-всякому обыгрывали* (напев № 349):

Ой свашунька-немка,
Ой свашунька-немка,
Да не мучь нашу девку,
Да не мучь нашу девку,
А наша девка нежна,
А наша девка нежна,
Нежна, благородна!

Нежна, благородна,
Нежна, благородна,
Во городе возращёна.

Во городе возращёна,
Во городе возращёна,
Да чаем воспоёна.

А чаем воспоёна,
А чаем воспоёна,
Калачами воскормлёна!

Сваха отвечает:

— А на болоте раки,
На болоте раки,
Не брешите как собаки!

Девки заиграли:

— А на нашей на свахе,
А на нашей на свахе
А не сам чепец пляша.

А не сам чепец пляша,
А не сам чепец пляша,
А вши подымают,
А вши подымают,
Гниды пособляют!

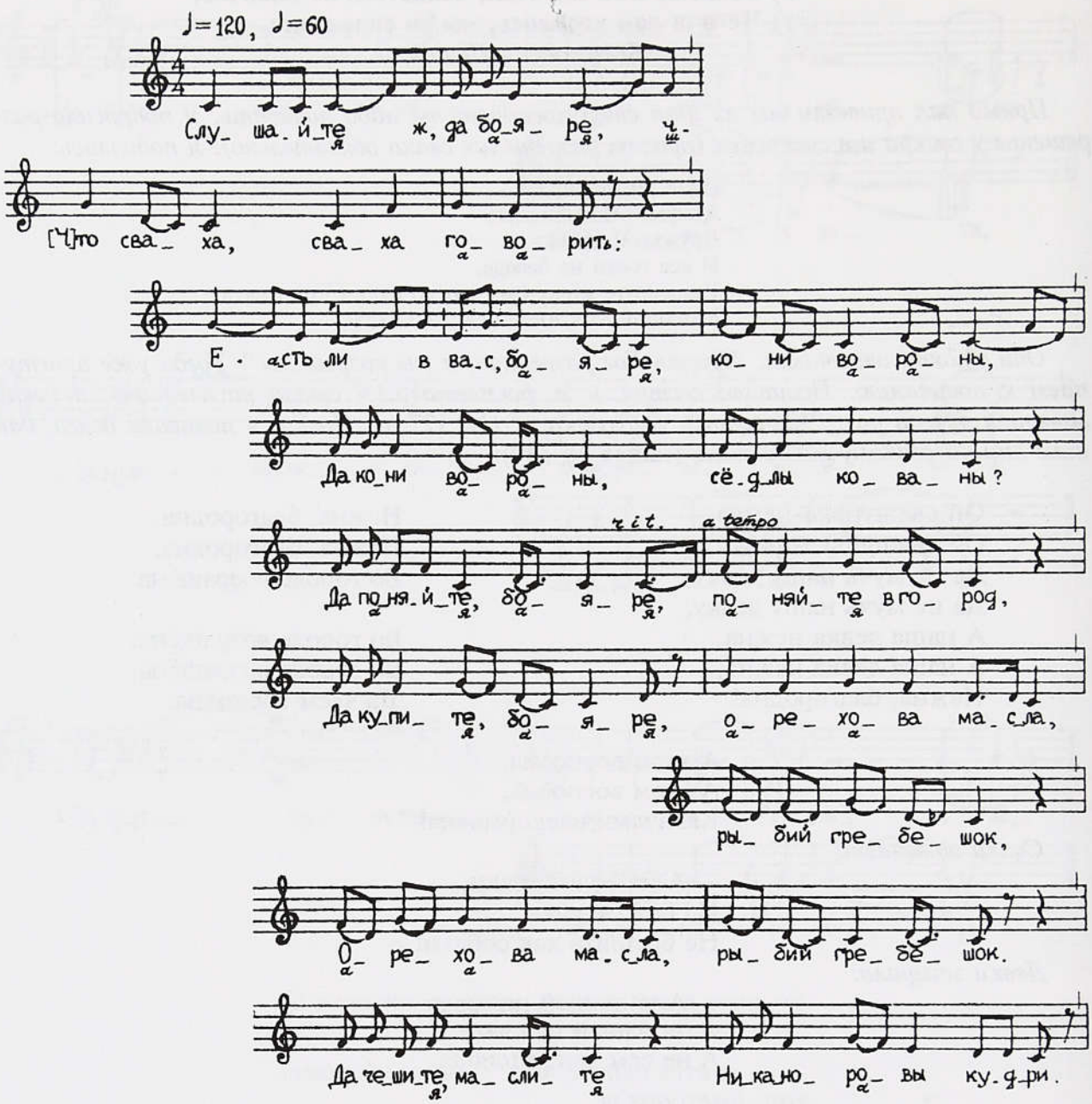
Сравните: № 441.

Ой сваха тетеря,
Ой сваха тетеря,
Повивай быстрее!

Сваха:

— А на болоте кучки,
На болоте кучки,
Не брешите как сучки!

А потом я еще заиграла:



Слушайте ж, да бояре,
Что сваха, сваха говорит.
Есть ли в вас, бояре, кони вороны,
Да кони вороны, сёдлы кованы?
Да поняйте, бояре, поняйте в город.
Да купите, бояре,
орехова масла,
рыбий гребешок,
Орехова масла, рыбий гребешок.
Да чешите, маслите Никаноровы кудри,
Никаноровы кудри, вот Аннину косу.

Чешешь. Там же кладут и гребешок, и две ложки, и блюдо, и две свечи, и пирог кладут, две тарелки, и обряда, что обвязывали: чепец, заплешники, пейсики, с селезня куклы, бузовки. А покрывило у ей на голове, у невесты, когда везут ее. Ну, а потом тут, под святыми "у вышках" стоит дружко, а дядька — сзаду, берут оба свечки (свечи — с красными завязками), берут с невесты покрывило и держут. А я повивала. Когда я повила, мы окружили [покрывилом] *три раза их, и их голову о голову я стукнула три раза, жениха с невестою. Три раза. Да еще я заиграла* (напев № 349):

Золотые мои пялички,
Золотые мои пялички,
Двиньтеся по лавочке.
Двиньтеся по лавочке,
Никанор с Анною.

Никанор с Анною,
Сядьте поладнее,
Сядьте поладнее
Да живите помилее!

Это чтоб они сдвигалися... Когда повили, тогда поднесли сперва свахе, потом — всем. Тогда сваха поклонилась и открыла их. Ну, а там девки стоят, заиграют:

Да чего ж нам хотелось,
Да чего ж нам хотелось,
Да мы то снарядили.
А мы то снарядили:
Исделали из муки тесто,
Исделали из муки тесто,
С теста пеляницу,
С теста пеляницу,
С девки молодицу!

Учера вот Аннушка,
Учера вот Дмитревна,
Она девкою была.

Нынче вот Аннушка,
Ныне вот Дмитревна —
Молодою молодкою,
Молодою молодкою,
Повитою головкою.
Повили повитушечку,
Вот Аннину душечку!

Сваха села сбок невесты, а мой муж — дядька — сбоку мене. Дружко сбок жениха сел, а сбоку жена дружка (или тетка жениха, в общем сродствие), "подсвашка" называется.

Молодые за столом мало сидят. Повили, тогда молодых уводют у половень (амбар), спрячут. А тут жениховы родные сажают усех гостей, отбывают: кормят, обед делают.

БРАЧНАЯ НОЧЬ

171. Каша пошла в колыбанье

(Арх., Пинега. Напев № 148)

Последней сменой на свадебном пиру была каша. Перед новобрачными клали ложку с сильно пересоленной кашей. Он и она перекладывали ложку черенком в сторону другого (другой), чтобы тот съел, на кого черенок показывает. Если жених любит невесту, то он в конце концов съедал кашу сам. И под песню целовал невесту.

Каша пошла *да* в колыбанье,
в колыбанье,
Да и Анна пошла *да* в целованье,
в целованье,
Да и Федоровна *да* в милованье,
в милованье.

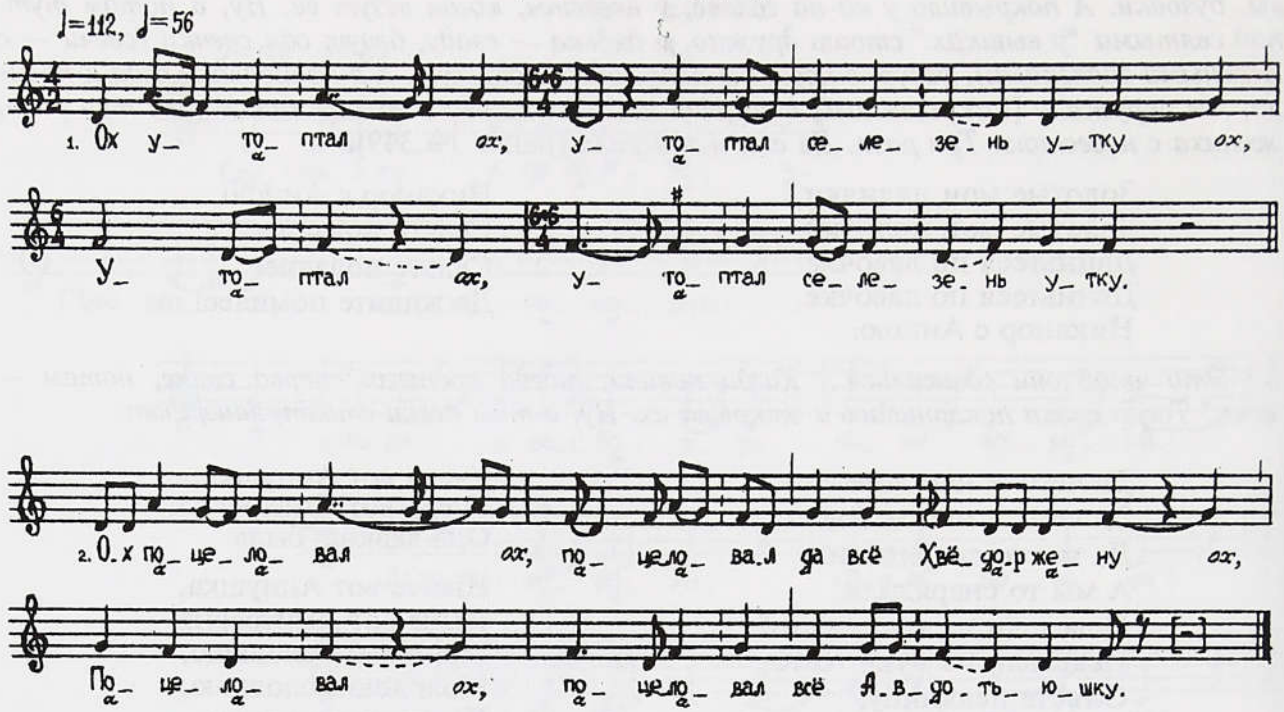
Да и кашу-то Федор милует,
да милует,
Да и Федор-от Анну целует,
да целует.
— *Горько! Горько!..*

Потом какая-нибудь соседка била свекровь веником, а невеста должна была выйти ее спасать. После этой потасовки падала свекрови в ноги, обнимала ее и спрашивала: "Как тебя звать?" Свекровь отвечала: "Как сын зовет".

Песня могла звучать также и на другой день в доме родителей невесты *на хлебинах,* причем столько раз, сколько за столом собралось супружеских пар. Все эти супруги перечислялись в песне, и тогда они пара за парой крепко целовались, молодым "для науки".

172. Утоптал, утоптал селезень утку

(Воронежск., Дон)



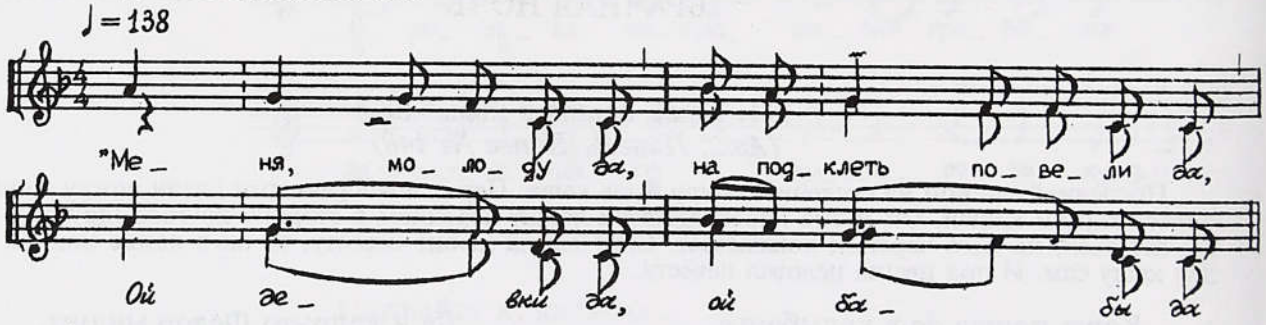
Ох утоптал *ох*, утоптал селезень утку *ох*,
Утоптал *ох*, утоптал селезень утку.

Ох поцеловал *ох*, поцеловал да все Хвёдор жену *ох*,
Поцеловал *ох*, поцеловал все Авдотьюшку.

173. Меня, молоду, на подклеть повели

(Арх., Уфтюга—Сев. Двина)

Молодых вели на первую брачную ночь, дружка шел с иконой, сопровождающие притопывали, били в ладоши и прокрикивали:



"Меня, молоду *да*, на подклеть повели *да*,
Ой девки да, ой бабы да,

Отымите меня *да* от чужа мужика,
Ой девки да, ой бабы да,

Вот чужой-от мужик на лавку валит
да булавку сулит"
Ой девки да, ой бабы да,

"Подымайся, подол, разувайся, хохол,
Ой девки да, ой бабы да,

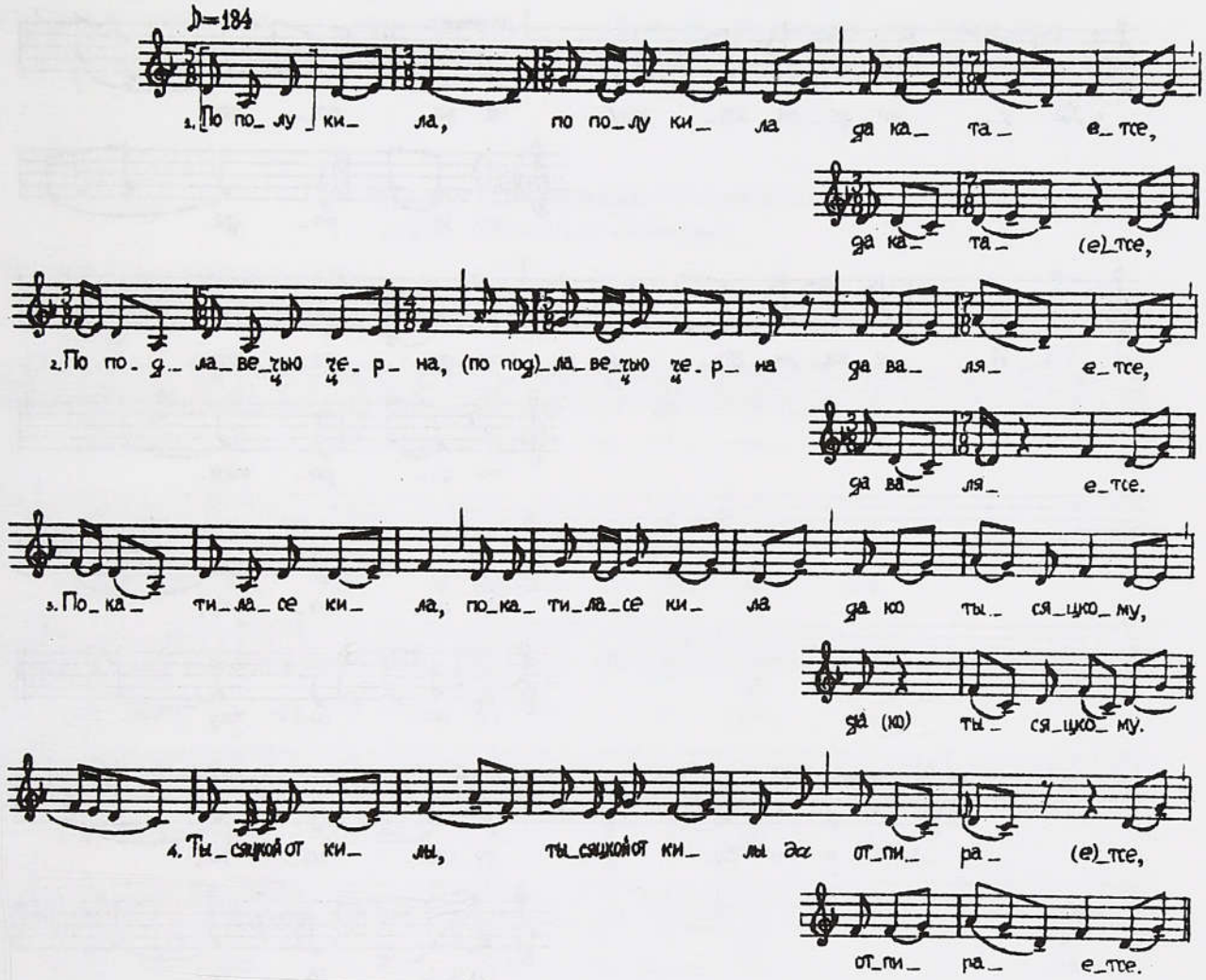
Молодая, не бойсь: не железный гвоздь,
не пройдет насквозь!"

Утром их будили, а гости уже сидели за столом. Жениха спрашивали: *"Лед ломал или грязь топтал?" Он отвечал: "Лед ломал". Ни один не скажет, что грязь топтал. Выгораживает свою жену.*

174 а) По полу кила да катаетсе,
б) Ехали бояра по дороге

(Арх., Пинега)

На свадьбу специально нанимали молодого мужчину пройти утром по деревне с крюком (кочергой). Пройдет по деревне, явится в избу к молодым и приговаривает, пересыпает речь "бедовыми", "некрасивыми" словами[1]. Его увещевали: "Да молодой мужик, да не смущай жены"... Тут он наставлял молодожена: "На улице ребятишки будут ей свистать. Будешь слушать — будут ребята посещать!" А после старухи пели "матюкальную песню". По другим сведениям, она пелась и в ночь на пиру.



[По полу] кила, по полу кила
Да катаетсе, да катаетсе,

По подлавечью черна, по подлавечью черна
Да валяетсе, да валяетсе.

Покатиласе кила, покатиласе кила
Да ко тысяцкому, да ко тысяцкому.

Тысяцкой от килы, тысяцкой от килы *да*
Отпираетсе, отпираетсе:

"Не моя это кила, не моя это кила,
Мне не надомна, мне не надомна".

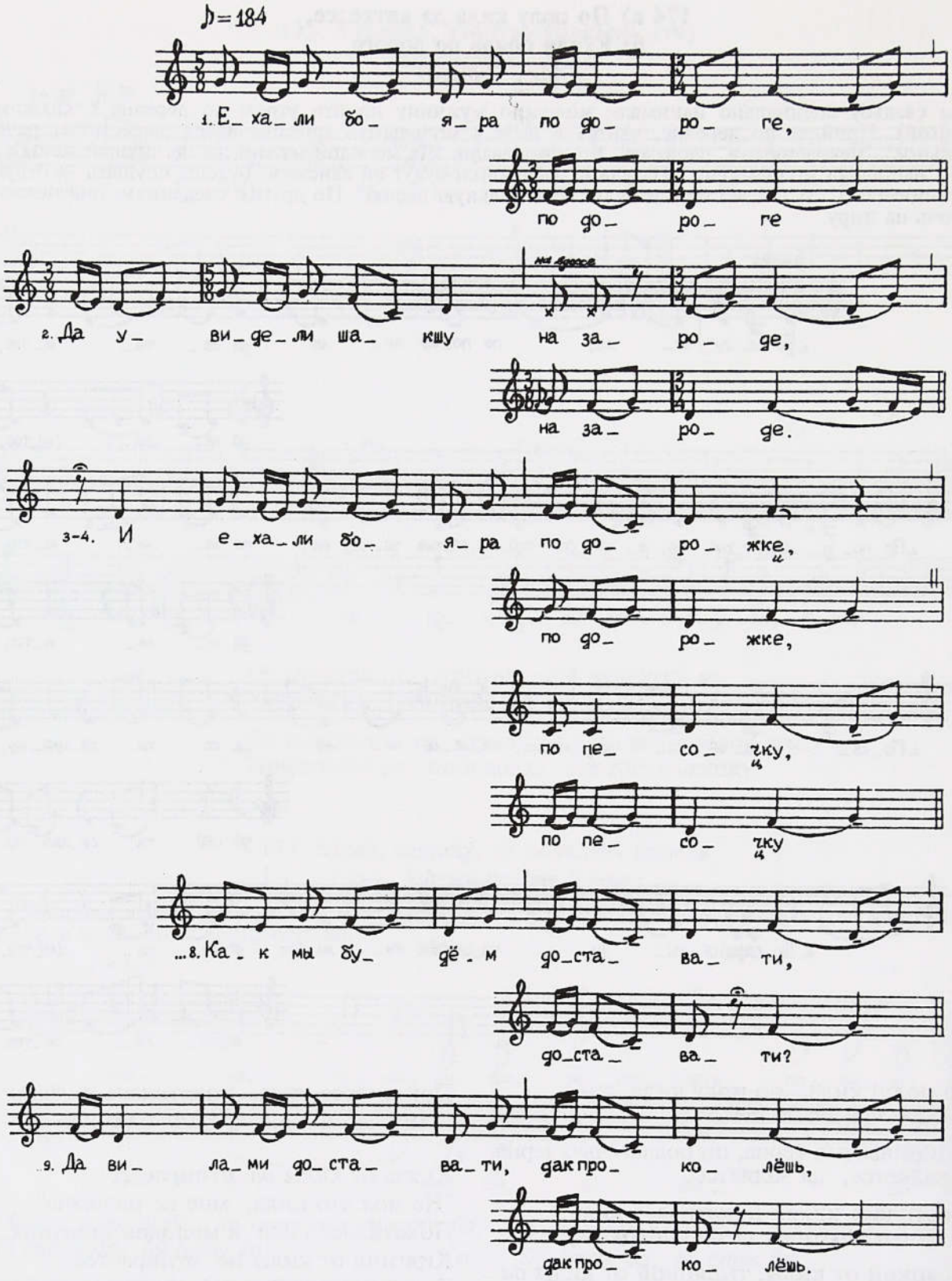
Покатиласе кила, покатиласе кила *да*
К молодому князю, к молодому князю[2].

Князь от килы *да* отпираетсе:
"Не моя это кила, мне не надомна".
Покатиласе кила к молодой княгины.
Княгиня от килы не отпираетсе.
Брала ту килу *да* во белы руки свои,
Клала ту килу *да* во свою черну шакшу:
"Эта кила да как тут была!"

---

[1] Вариант свадебного приговора опубликован А.А.Ивановой в кн.: Русский эротический фольклор / Сост. А.Л. Топорков. М., 1995. С. 165.

[2] Повторения полустихов далее не приводятся.



Ехали бояра по дороге,
по дороге,
Да увидели шакшу на зароде,
на зароде.

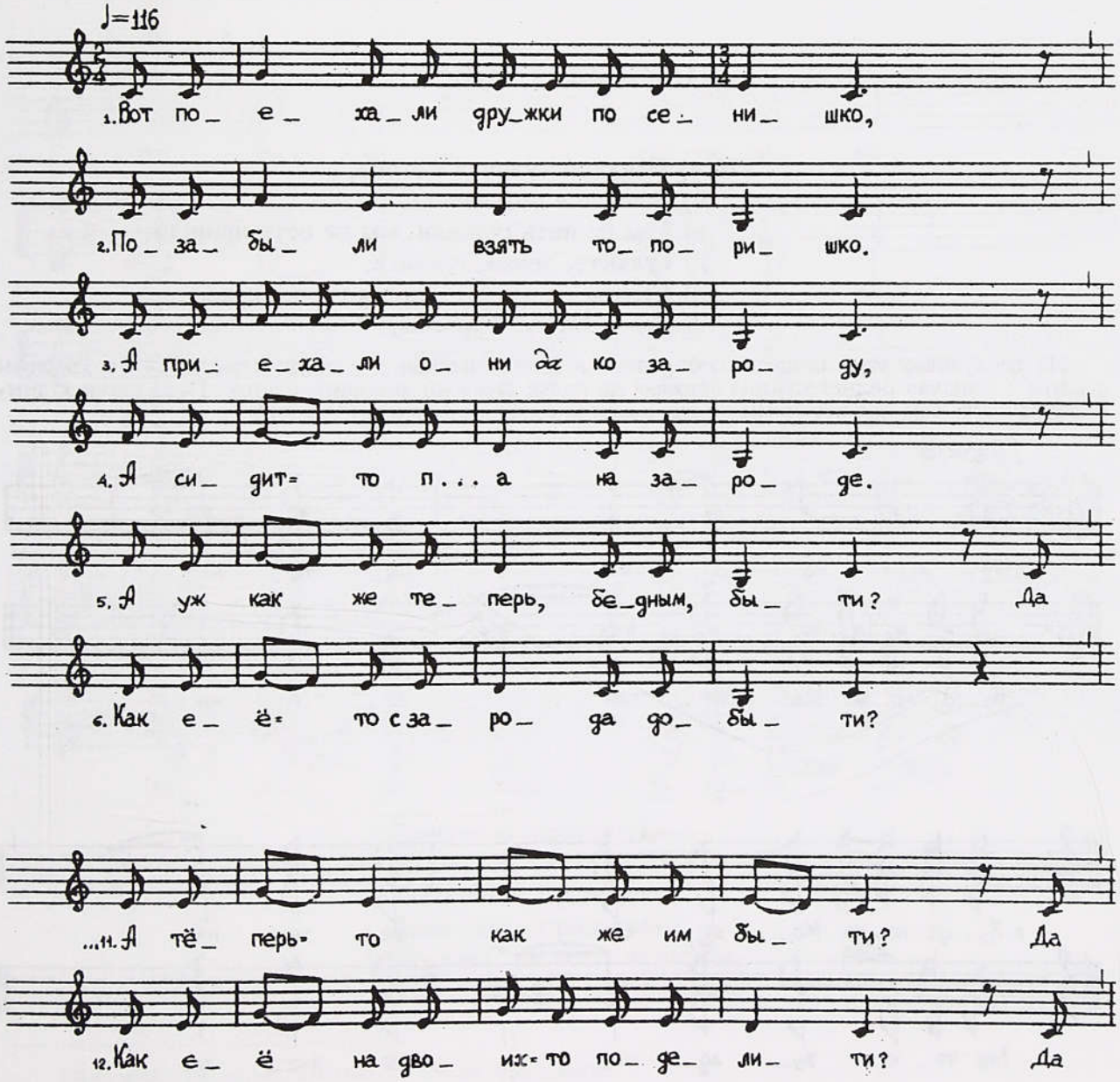
И ехали бояра по дорожке,
по дорожке,
[По дорожке бояра,] по песочку,
по песочку,

[5]Да нашли они шакшу в туесочку,
в туесочку.
Они думали — солонинка,
солонинка,
А то й край манды половинка,
половинка.
"Как мы будем доставати,
доставати?
Да вилами доставати, дак проколешь,
дак проколешь,
[10]А граблями доставати — расцарапашь,
расцарапашь".
Да у нас ведь Сергей-от догадлив,
да догадлив.
Он ведь праву полу загибает,
загибает,
Толстой хер из штаны вытягает,
вытягает,
Да с зароду шакшу он снимает,
да снимает.

175. Вот поехали дружки по сенишко

(Арх., Онежское Поморье)

На пиру в доме жениха пели:



Вот поехали дружки по сенишко,
Позабыли взять топоришко.
А приехали они *да* ко зароду,
А сидит-то п. . .а на зароде.
А уж как же теперь, бедным, быти? *Да*
Как ее-то с зарода добыти?
Если вилами, так всю притычешь,
А граблями, так всю прицарапашь.
Они выломали кочерыжку,
Потянули п. . .у *да* за опушку.
А теперь-то как же им быти? *Да*
Как ее на двоих-то поделити? *Да*
Они надвоё не ломали, *а*
Целиком-то ее *да* забирали.
А целиком-то ее забирали *да*
Они тысяцкому подавали:
"Уж ты тысяцкий, не ломайся,
За целую манду *да* принимайся".

См. № 468, 487.

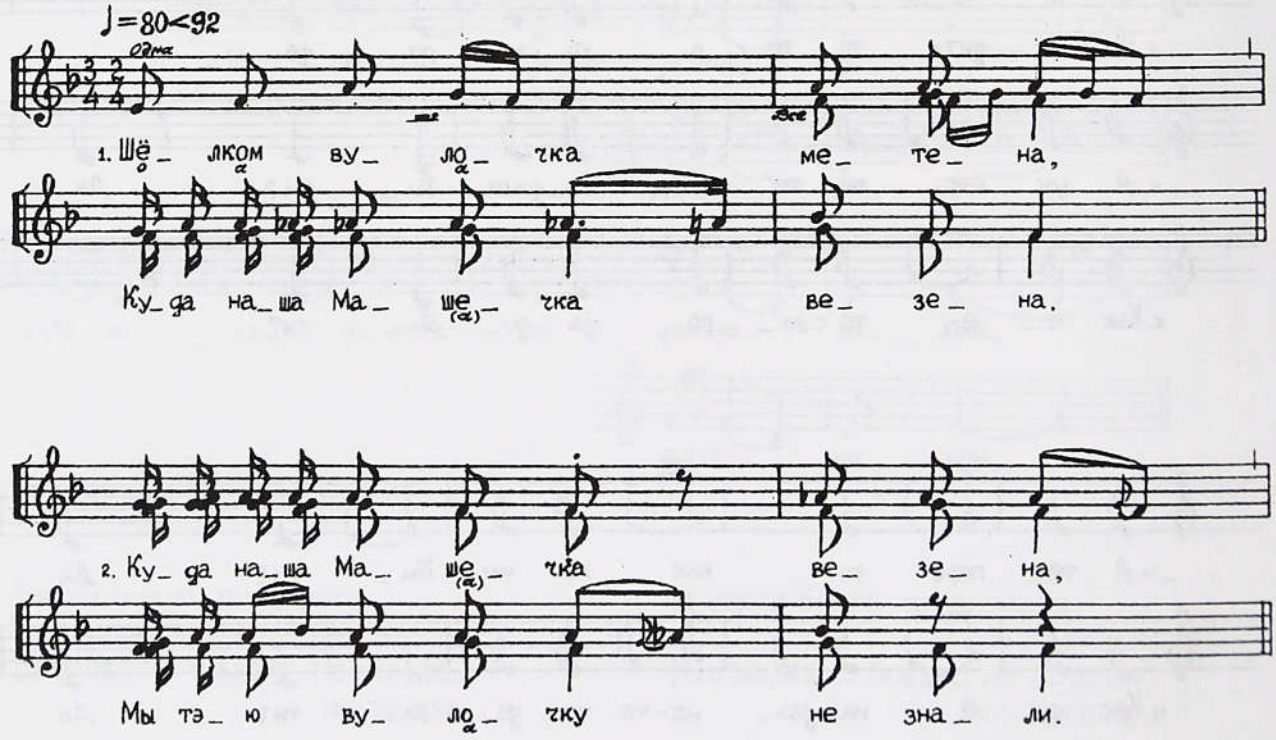
Тем временем молодых в клеть приводят. Жених раздевается, невеста снимает подвенечный наряд, фату. А жених ноги вытянул. Она просит: "Дай сапоги снять!" Она тянет, он не дает. Потом стянет, в сапоге — три копейки. Он ложится к стене, она говорит: "Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, Никанор Васильевич, прими в товарищи!" Тут провожатые — родственники жениха сеть на них накидывают и приговаривают:

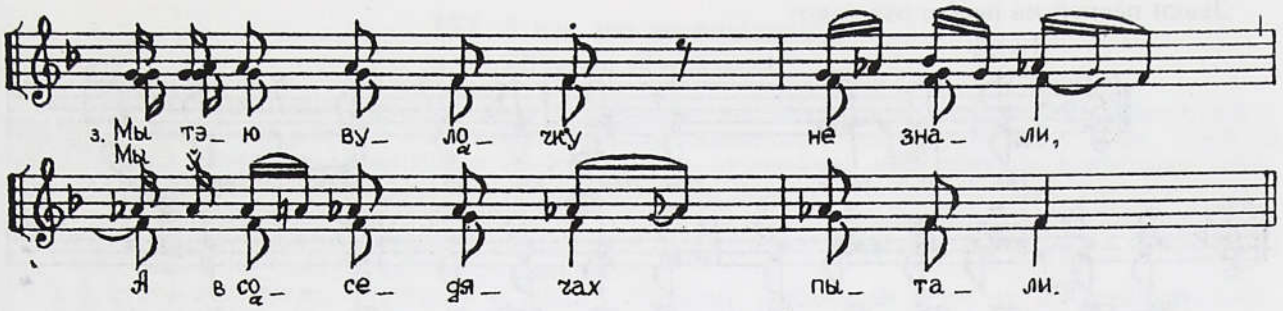
Сколько ячеек — столько дочерек,
Сколько узелков — столько сынков.
В перву ночку — сына да дочку!

СВАДЬБЕ — КОНЕЦ

176 а) Шелком вулочка метена,
б) Вечерние петушочки,
в) Мы не пить пришли, мы не есть пришли,
г) Гуляйте, девки, гуляйте,
д) Сымем пеньковые, повесим шалковые
(Брянск., Ипуть/Судость)

На следующее утро подруги собирались и шли с песней по улице к молодой "с красным флагом": большая подневестница держала на палке красный хороший платок. Подходили к дому новобрачных. Там над воротами стояла с вечера свадебная елочка ("ялина").





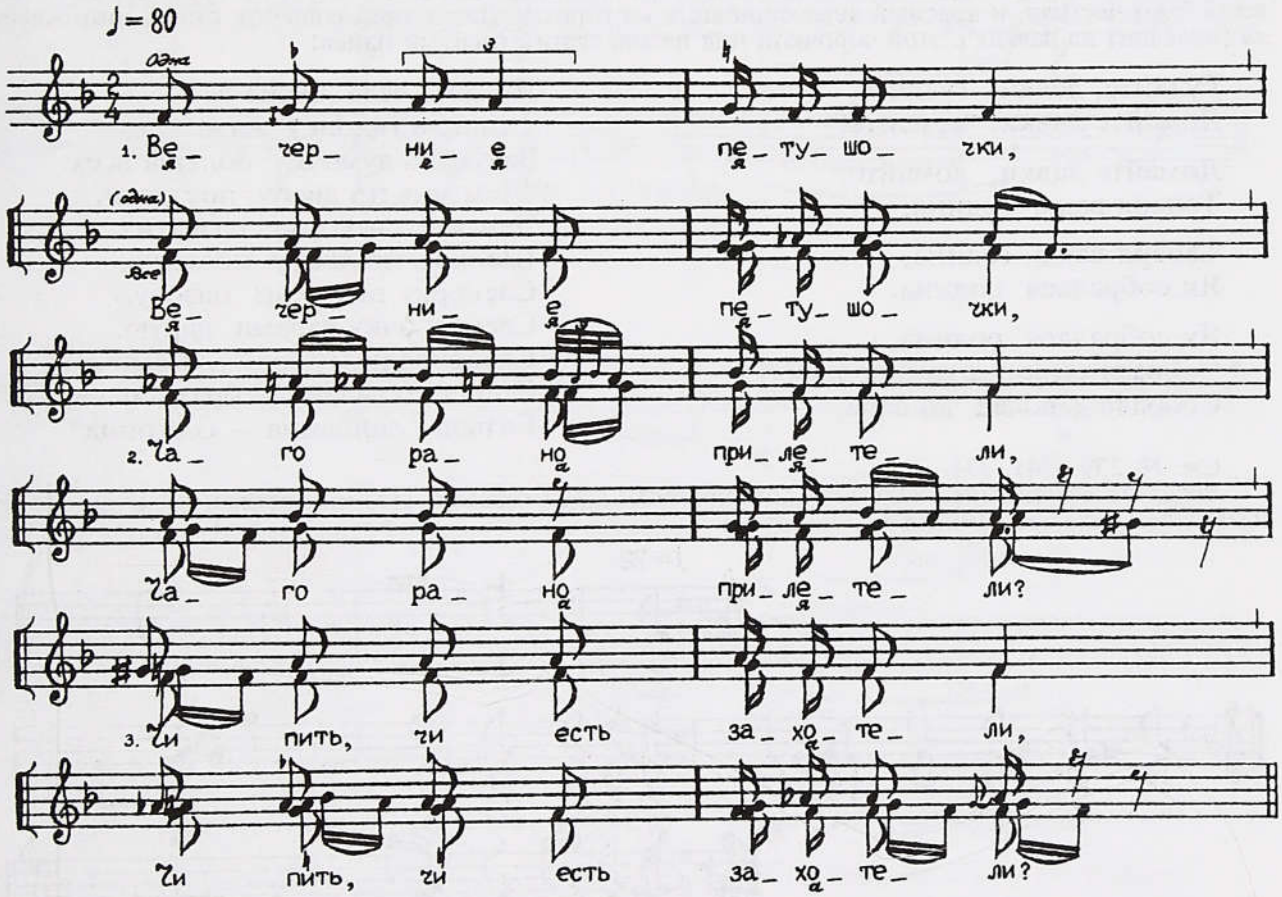
Шелком вулочка метена,
Куда наша Машечка везена.

Куда наша Машечка везена,
Мы тэю вулочку не знали.

Мы тэю вулочку не знали,
А в соседячах пытали,

Мы в соседячах пытали[1]:
"Укажите нам дорогу,
Где живет наша подруга?"
У воротечках ялина,
Середи двора калина,
Выйди, Машечка княгиня!

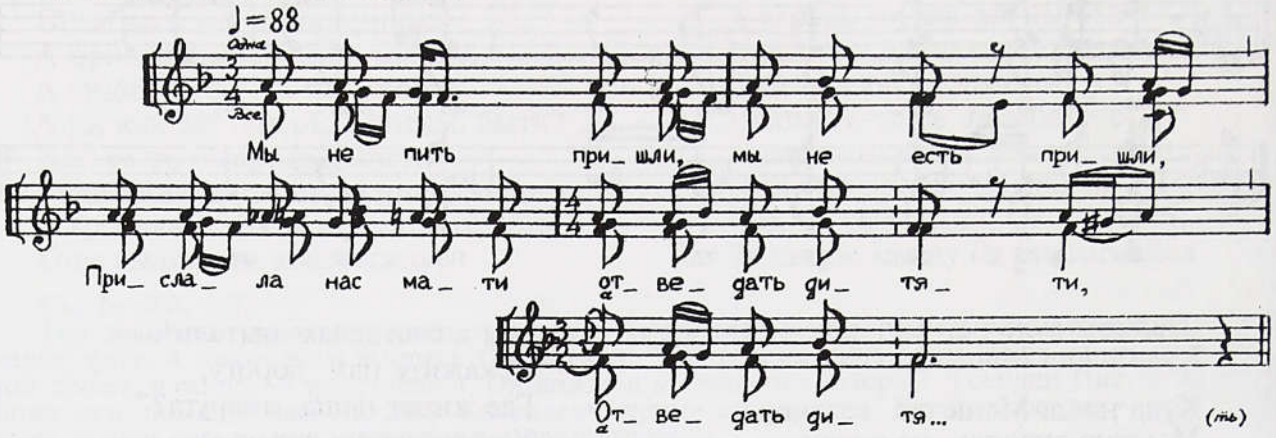
Тут бабы-сватьи встречают девушек песней:



Вечерние петушочки,
Вечерние петушочки,
Чаго рано прилетели,
Чаго рано прилетели?
Чи пить, чи есть захотели,
Чи пить, чи есть захотели?

[1] Каждый стих далее повторяется, кроме последнего.

Девки песней на песню отвечают:



Мы не пить пришли, мы не есть пришли.
Прислала нас мати отведать дитяти,
Отведать дитя...

Если девка оказалась плохая, нечестная, тогда сватьи должны вынести для подруг блин горелый, большей подневестнице на голову надеть дырявую корзину, а флаг порвать, поломать и раскидать по двору. Обыкновенно же сватьи выносили девкам для обозрения сорочку, если невеста была честная, и красный флаг становили на воротах. Девок приглашали к столу, они *скакали* (плясали) на лавках с этой сорочкой под песню сватий (первый напев):

Гуляйте, девки, гуляйте,
Ломайте лавки, ломайте!

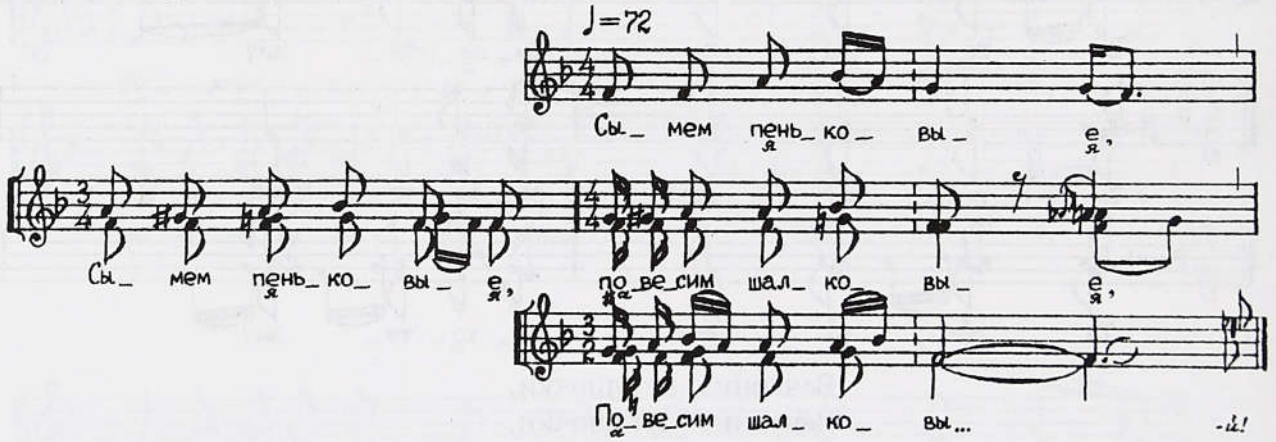
Ломайте лавки, ломайте,
Теперя ваша година,

Теперя ваша година,
Як собралася родина.

Як собралася родина,
Собрала сыбор в свекров двор[1].
Собрала девочек до сябе,
Як сама села выше всех,
Схилила головку ниже всех,
Задумала думочку больша всех:
"Чем мне по двору постлати,
Чем мне свекорку назвати?
Шелком по двору постелю,
Свекорку таточком назову.
Свекровочку дарами дарую.
Свекровочку назову — мамочка,
Старшего деверя — брахненька,
Большая золовица — сестрица".

См. № 239—241, 334.

Вслед за девушками входили в дом невестины родители со своими гостями-родичами, они назывались *придани*. Они пели:



Сымем пеньковые,
Сымем пеньковые, повесим шалковые,
Повесим шалковы...

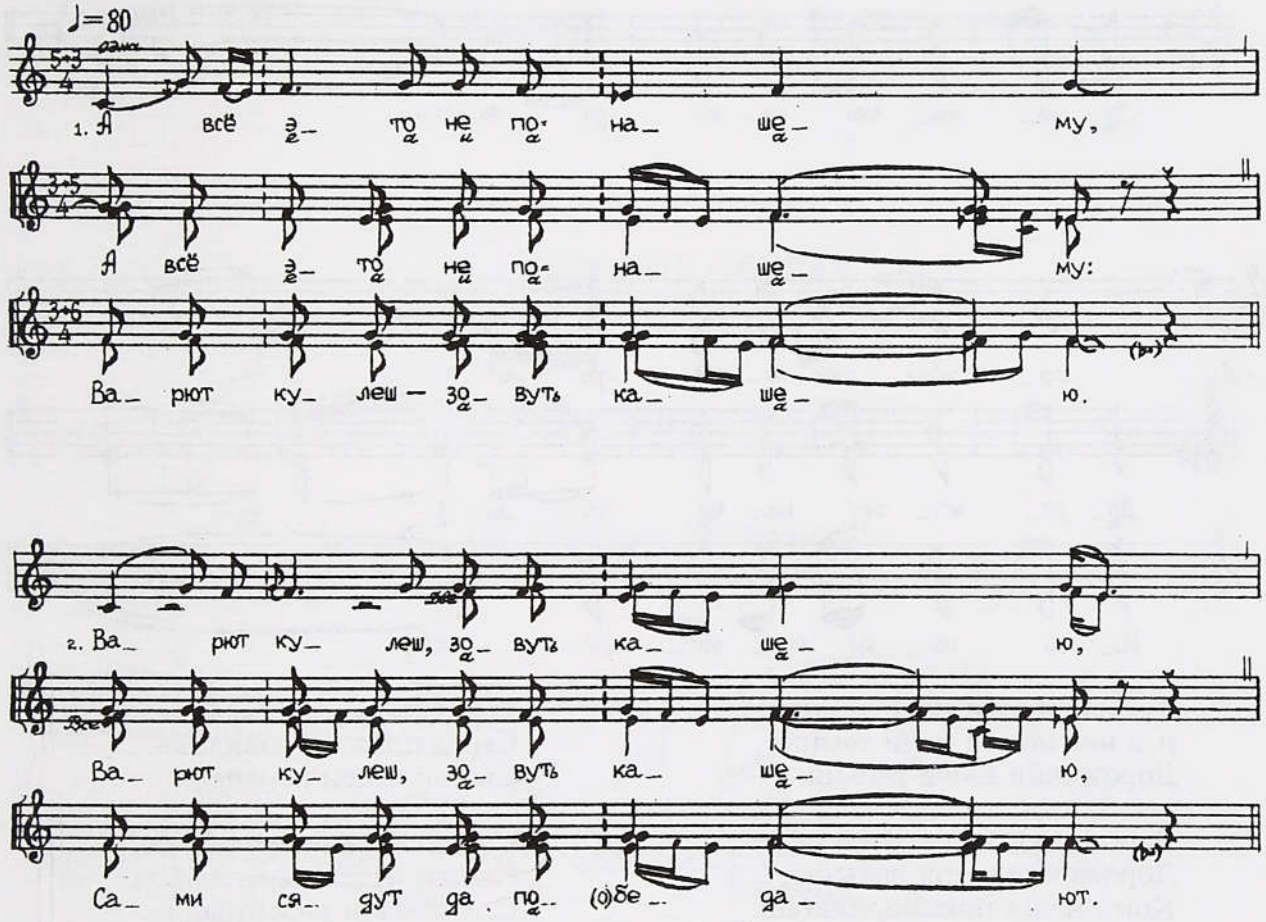
Крестная доставала приданое из привезенного накануне сундука и принималась развешивать рушники по стенам, скатерти стелила и показывала свекрови все это невестино рукоделье.

[1] Каждый стих далее повторяется, кроме последнего.

177. А все это не по-нашему
(Курск., Посеймье)

На другой день после перехода невесты к жениху устраивалась юмористическая процессия к колодцу за водой из разряда испытаний невесты (подметание пола и уборка в доме, выпечка блинов и др.). Поезжане через плечо перевязывались рушниками и шалями, полученными накануне в качестве даров от невесты. На коромысло тоже повязывали два рушника. Первый в процессии рядился попом, по плечи накрывался попонкой, кадилом помахивал. А еще брали помело и впереди "попа" разметали дорожку. Так "чудили свадебные". Они как бы поучали и приучали невесту к тому месту, откуда ей теперь воду брать.

А колодец загорожен, посторонние люди с соседями поджидали возле него: "Четверть давай, откупи!" Наготове у дружко был графин со стопкой. Выпивали, тогда пускали к колодцу. Воду черпал дружко и невесту с коромыслом ограждал, чтобы никто ведра не схватил и не опрокинул. Однако на обратном пути свои же "свадебные" и посторонние все-таки подскакивали к невесте и выплескивали воду. Тогда поклонись-ка тому, кто это сделал, да ступай обратно... Раз пять гоняли ее к колодцу. А донесет она ведра, то этой водой обливали ворота, скотный двор, да и молодых тоже. Пока водили невесту до колодца и обратно, *кричали*:



А все это не по-нашему,
А все это не по-нашему:
Варют кулеш — зовут кашею.

Варют кулеш, зовут кашею,
Варют кулеш, зовут кашею,
Сами сядут да по(о)бедают.

Сами сядут да по(о)бедают,
Сами сядут да по(о)бедают,
А мне, младу, по воду пошлют.

А я, млада, уморилася,
А я, млада, уморилася,
На горочку становилася.

А я, млада, ни с кем не зналася,
А я, млада, ни с кем не зналася,
Усякому поклонялася.

Усякому поклонялася,
Усякому поклонялася,
Ой старому да и малому,

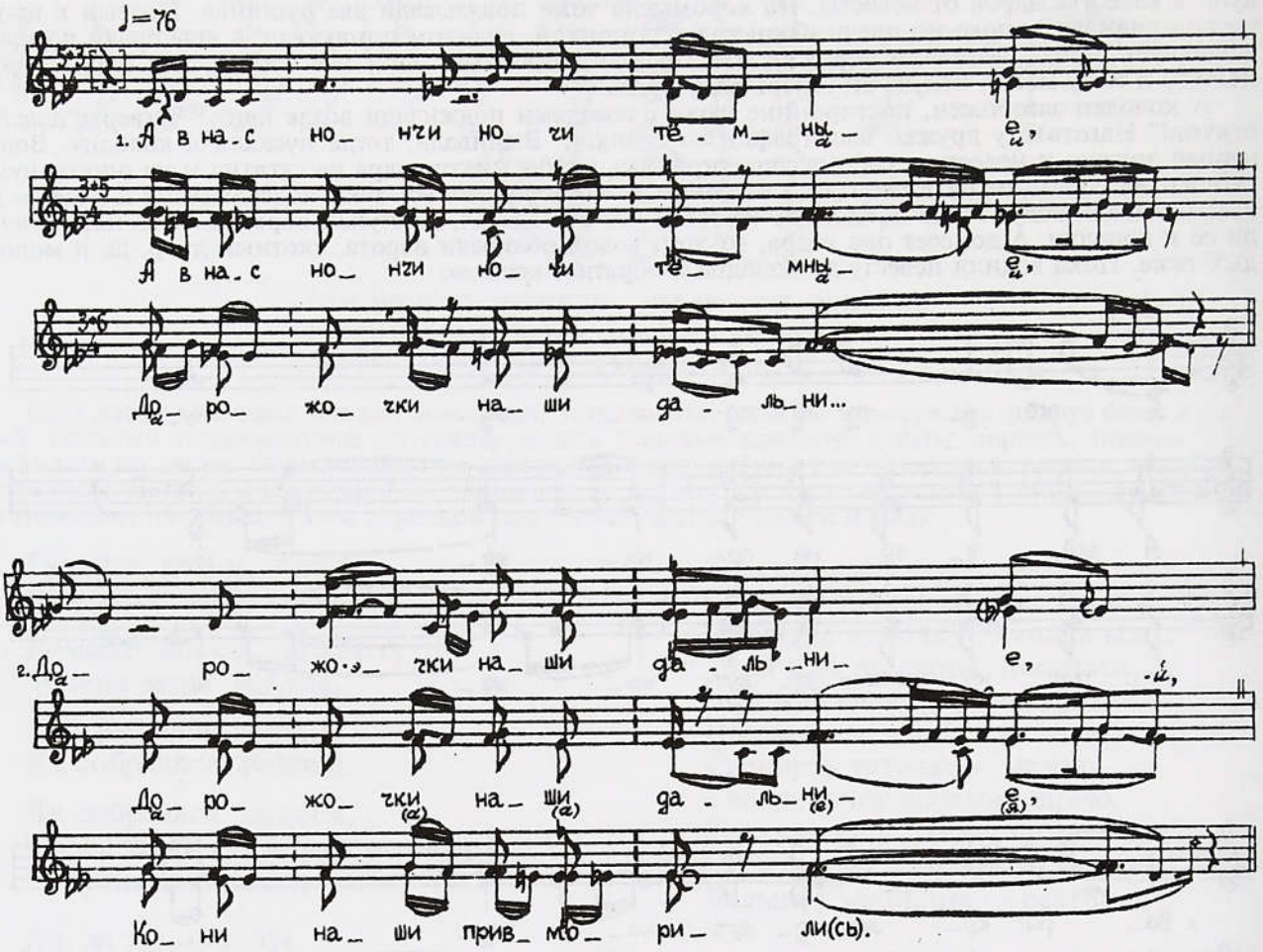
Ой старому да и малому,
Ой старому да и малому,
Неженатому холостому.

См. № 308, 310.

178. А в нас нончи ночи темные

(Там же)

На второй день после свадьбы новобрачные со сватами гуляли у родителей новобрачной. Давно наступила ночь. На разъезд гостей со свадьбы существовали короткие песни для гостей и хозяев.



А в нас нончи ночи темные,
А в нас нончи ночи темные,
Дорожочки наши дальни...

Дорожочки наши дальние,
Дорожочки наши дальние,
Кони наши привморили(сь).

Кони наши привморилися,
Кони наши привморилися,
Серёд поля становили...

Серёд поля становилися,
Серёд поля становилися,
Сватьи песен перепели...

Сватьи песен перепелися,
Сватьи песен перепелися,
Светилочки перейграли...

Светилочки перейгралися,
Светилочки перейгралися,
Татьянушка переплака(лась).

179 а) Прожоры гости, прожоры,
б) Катитесь, шапоньки, с полки долой

(Смоленск., Угра)

Свадьбе — конец. Гости покидали застолье с песней о себе самих:

Прожоры гости, прожоры,
Прожоры гости, прожоры!

Съели кобылу по гриву,
Съели кобылу по гриву,

Съели жерёбку по жопку,
Съели жерёбку по жопку,

Не жаль кобылы, жаль гривы,
Не жаль кобылы, жаль гривы!

Съели собачку по срачку,
Съели собачку по срачку.

Не жаль жерёбки, жаль жопки,
Не жаль жерёбки, жаль жопки!

Не жаль собачки, жаль срачки,
Не жаль собачки, жаль срачки!

Ответ хозяев гостям:

Катитесь, шапоньки, с полки долой,
Катитесь, шапоньки, с полки долой,

А вы нам тута надоели,
А вы нам тута надоели!

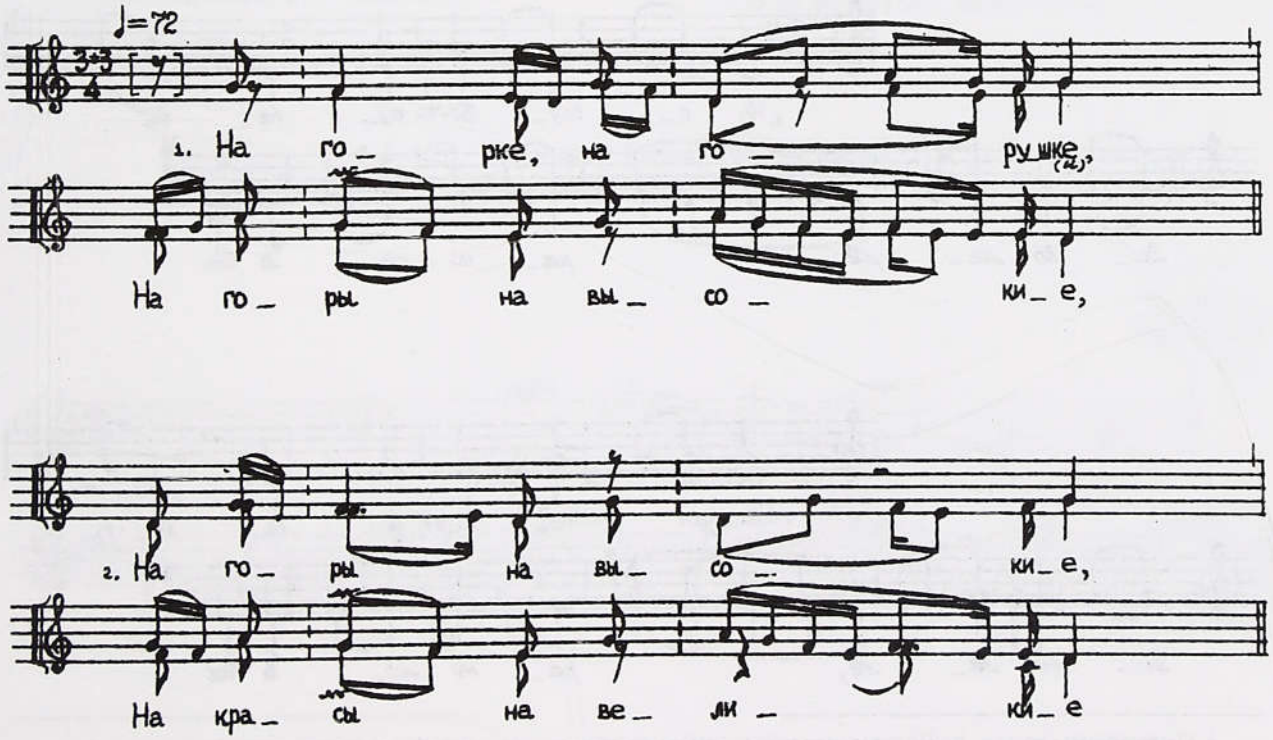
Вертитесь, гостеньки, к черту домой,
Вертитесь, гостеньки, к черту домой!

[У]се продукты поели,
[У]се продукты поели!

II. ПЕСНИ ОБ ОБРЯДЕ

ДЕВУШКУ ПРОСВАТЫВАЮТ

180. На горке, на горушке
(Арх., Онежское Поморье)



На горке, на горушке,
На горы на высокие,

На горы на высокие,
На красы на великие,

На красы на великие,
Там стояло-то деревцо,

Там стояло-то деревцо,
Деревцо-то кудрявоё.

Деревцо-то кудрявоё
Высокошенько выросло,

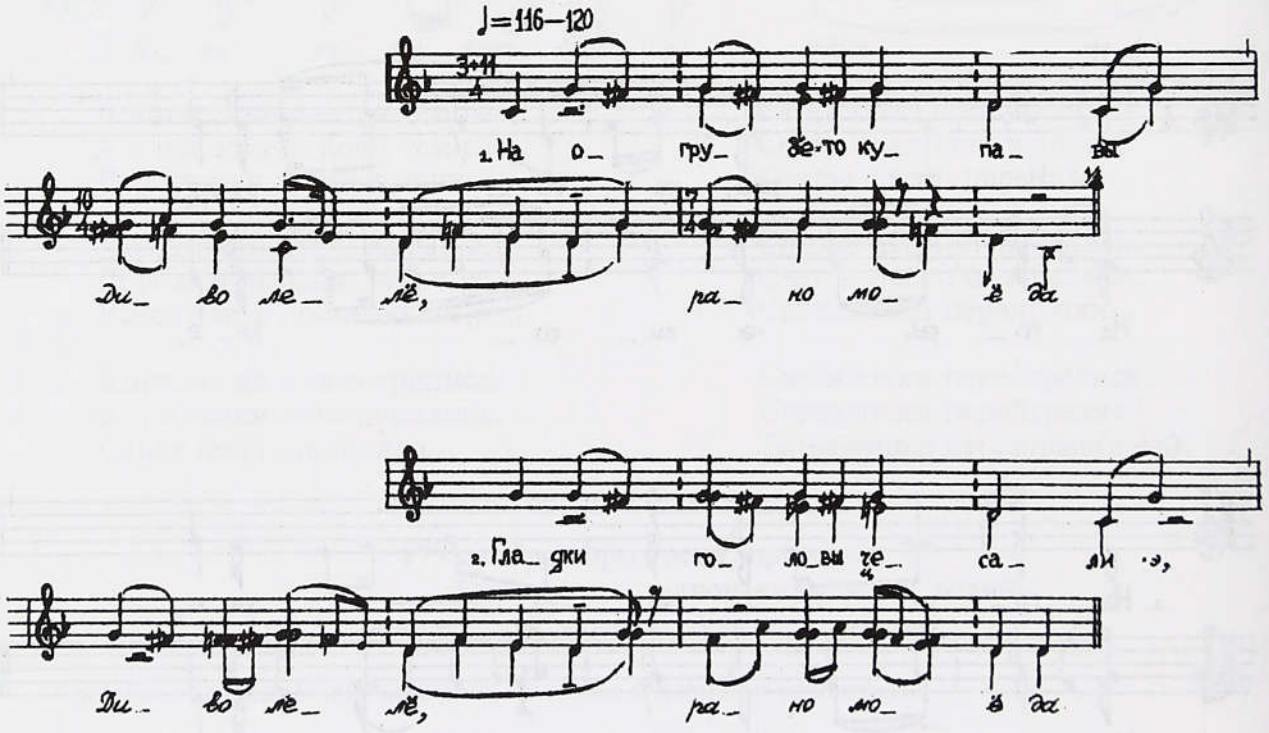
Высокошенько выросло[1],
Зеленешенько росцвело.
Что ль кунами древо обросло,
Соболями древо росцвело.
Что ль не видно из-за древа,
Только видно из-за кудрявого,
Что ль за этоё деревцо,
Что ль за этоё кудрявое
Тулилась-хоронилась
Душа красная девица,
Да девица-душа красная
Да Ирина Михайловна.

Да сама похвалялась
Похвальбой своёй девочией:
"Никому меня не высмотреть,
То ль не высмотреть, не выглядеть".
Тут услышал эту похвалу
Удалой доброй молодец
Да как Юрий Николаевич:
"Не хвались, красна девица,
Да девица-душа красная
Да Ирина Михайловна.
Я один тебя повысмотрю,
Я повысмотрю, повыгляжу:
Я не стом, да не другим стом,
Не целой счетной тысячёй —
Я с одной золотой гривной,
Золотой гривной, серебряной,
Я с одним ли со сватушком —
Я со крестным со батюшком,
Я с одной ли со сватьюшкой —
Со крестовой божатушкой,
С двума дружками хорошима,
С поезжанами удалыма,
С удалыма, отобранныма".
Удалой доброй молодец
Да как Юрий Николаевич,
Да девица-душа красная
Да Ирина Михайловна!

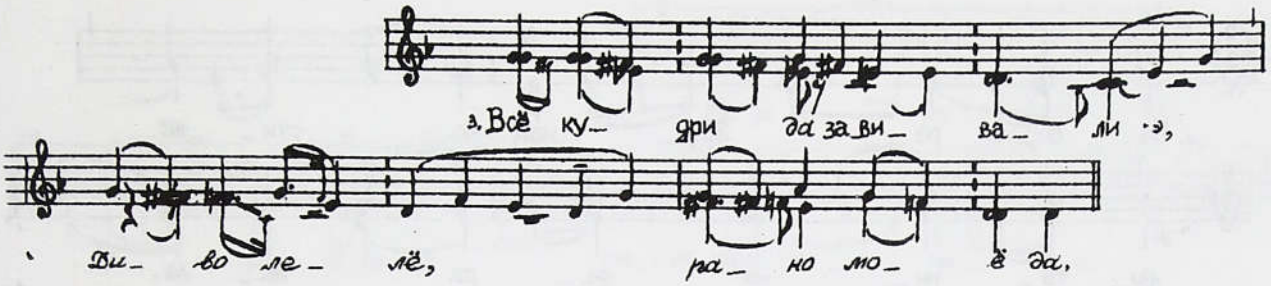
Сравните: № 360.

181. На огрубе-то купавы

(Арх., Пинега)



[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.



На огрубе-то купавы,
Диво лелё, рано моё да

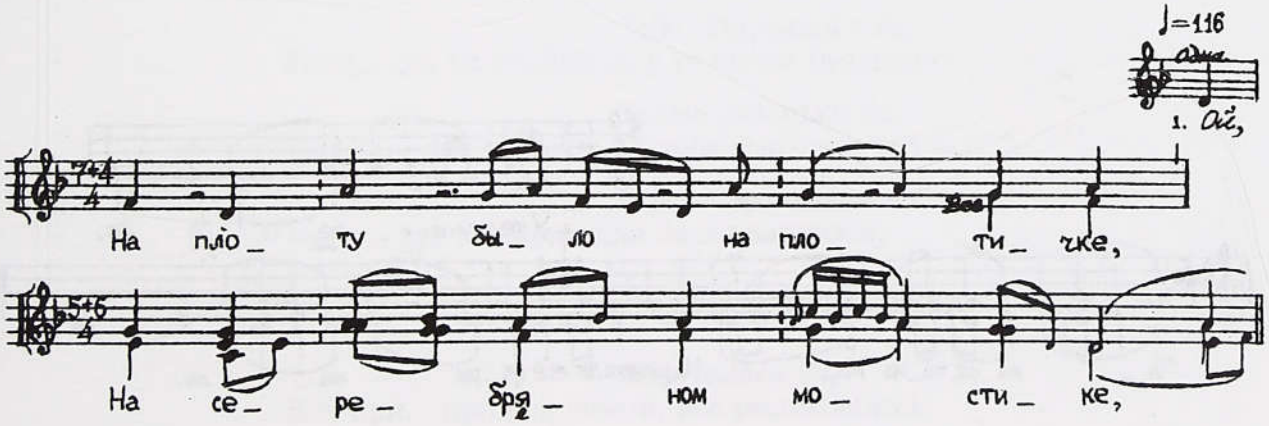
Гладки головы чесали,
Диво лелё, рано моё да,

Всё кудри да завивали,
Диво лелё, рано моё да,

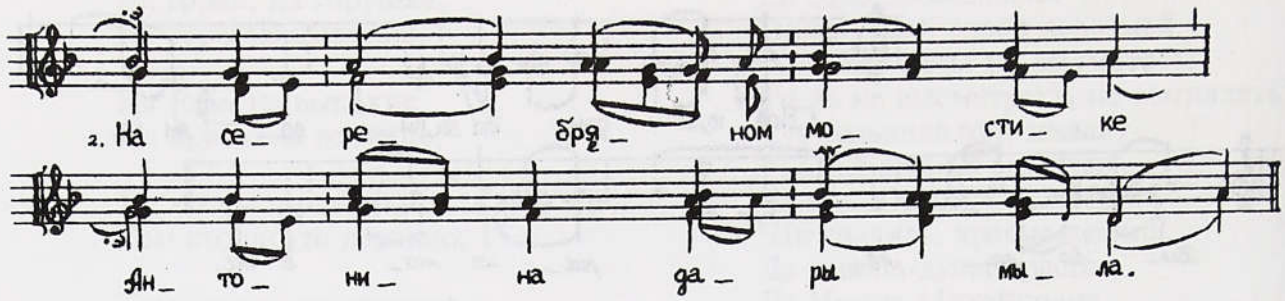
Да Геннадия боялись[1],
Анатольёва с большие.
Валентинушка княгина,
Олександровна первобрачна
С кубцём по воду ходила,
С золотым да по ключёву.
Да навстречу Валентины,
Да навстречу Олександровны
Идет бел да кудреватой,
Идет холост да нежёнатой,
Да Геннадий йдет с боярьми,
Анатольёвич с большима.
Как спроговорит молодчик:
"Уж ты стой-постой, девица,
Да девица душа красна,
Да княгина первобрачна
Да по имень Валентина,
По извотчине Олександровна!" —
"Не велел мне родной батюшко
На дороге постояти,
С молодцём да речь гов(о)рити,
С неженатым слово молвить,
С неженатым, вожеватым.
Да велел мне родной батюшко
В терему да побывати,
В высоком да посидети,
Сер камень да разбивати,
Сыр корень да разжигати:
Есть ли в камени-то ядра,
Есть ли в молодце-то правда?
Нету в камени-то ядров,
Нету в молодце-то правды,
В неженатом нету жиры,
В неженатом, вожеватом".

182. На плоту было, на плотичке

(Арх., Вычегда)



[1] Припев далее повторяется после каждого стиха.



Ой,
На плоту было, на плотичке,
На серебряном мостике,

На серебряном мостике
Антонина дары мыла.

Антонина дары мыла,
Олексеёвна тонкие,

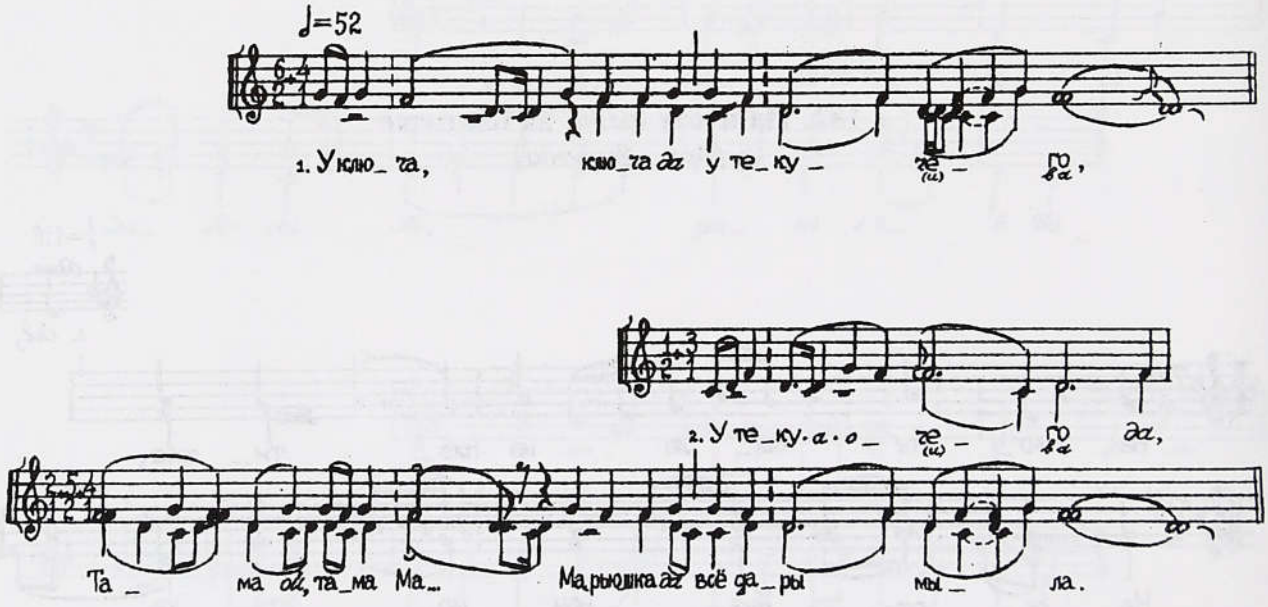
Олексеёвна тонкие,
Все тонки полотняные.

Да тонкие полотняные.
Супротив, на другой стороне,
Супротив, на другой стороне[1],
Анатолий коня поил,
Да Иванович вороного.
Он поил, коня отпустил,
Одно словечко вымолвил:
"Антонина, судёржи коня,
Олексеёвна, вороного". —
"Я хочу — коня судержу,
Не хочу — коня отпущу.
Я теперя, сударь, не твоя.
Уж я Божья да батюшкова,
Да родимой-то мамушки
Олександры Григорьёвны,
Да родимого батюшка
Олексея-то Павловича".

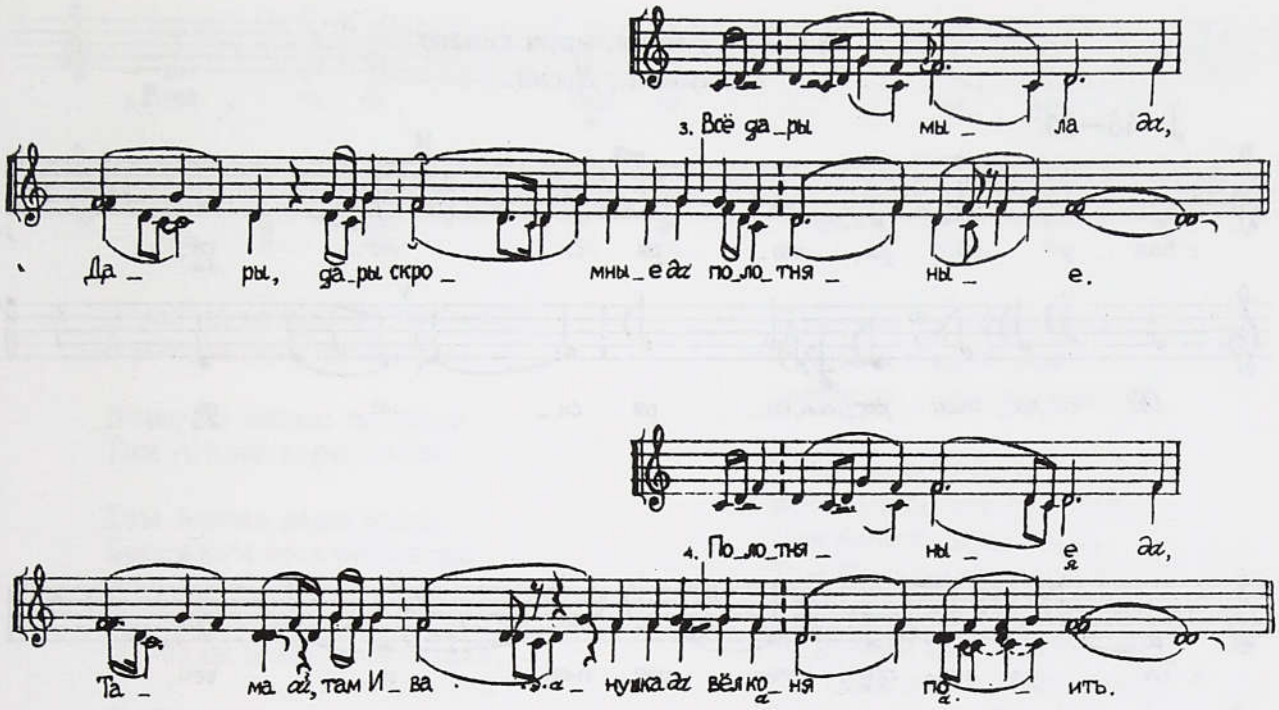
Сравните: № 366.

183. У ключа, ключа у текучего

(Рязанск., Унжа/Ока)



[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.



У ключа, ключа *да* у текучего,

У текучего *да,*
Тама, ой тама Марьюшка *да* все дары мыла.

Все дары мыла *да,*
Дары, дары скромные *да* полотняные.

Полотняные *да,*
Тама, ой там Иванушка *да* вел коня поить.

Вел коня поить,
Не до... ох, не доехавши *да* стал с коня слазить.

Стал с коня-то слазить,
Не до... не дождемши он *да*: "Все белéнько", — сказал,

"Все белéнько, — сказал *да,* —
Вот бе... вот беленько те... *ой* тебе, Марьюшка?

Тебе, Марьюшка *да,*
Не о... ой, не озябли ль у тя белые рученьки?

Белые рученьки *да,*
Вот не... вот не снять ли тебе с рук перчаточки?"

С рук перчаточки *да,*
Тут и... тут и Марьюшка *да* застыдилася,

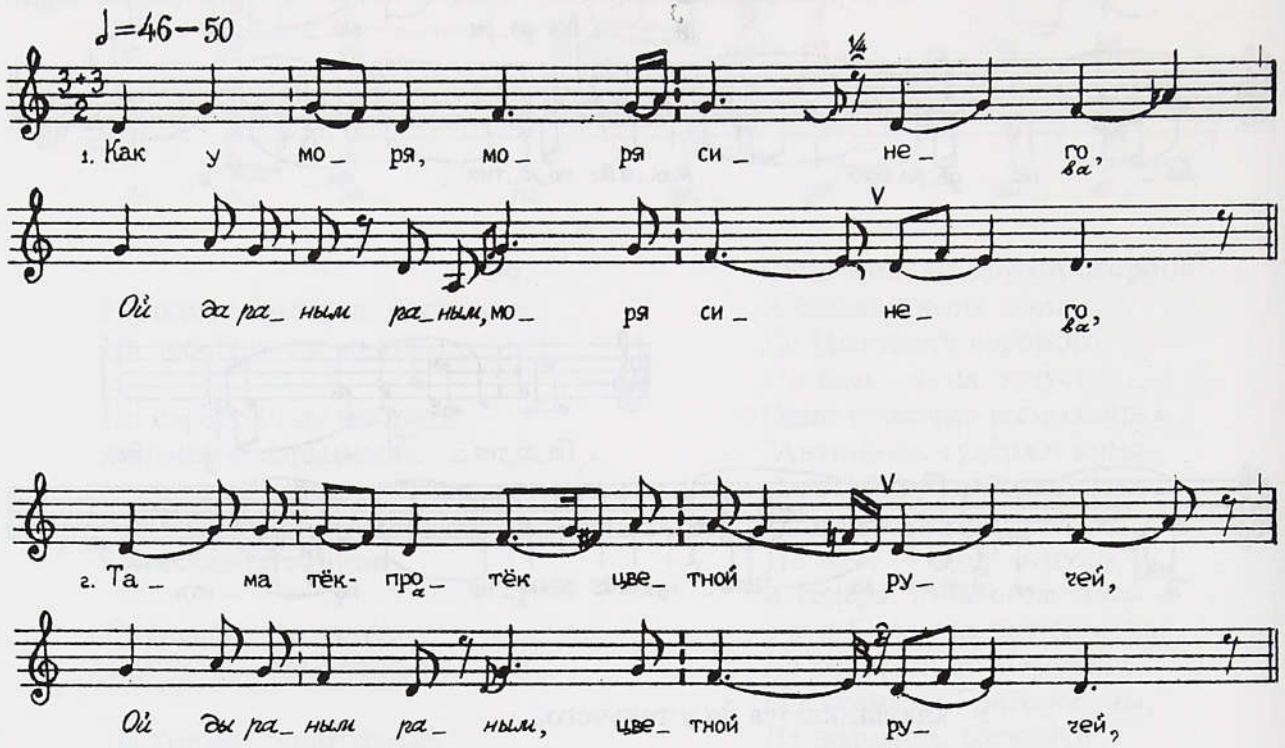
Застыдилася *да,*
К тере... к терему лицом *да* обратилася,

Обратилася *да,*
Вот при... пришла домой, все расплакалась,

Все расплакалась *да,*
Отцу, отцу с матерью *да* все разжалвалась.

184. Как у моря, моря синего

(Калужск., Десна)



Как у моря, моря синего,
Ой да раным раным, моря синего,

Тама тек-протек цветной ручей,
Ой ды раным раным, цветной ручей,

Цветной ручей, холодна вода,
Ой да раным раным, холодна вода,

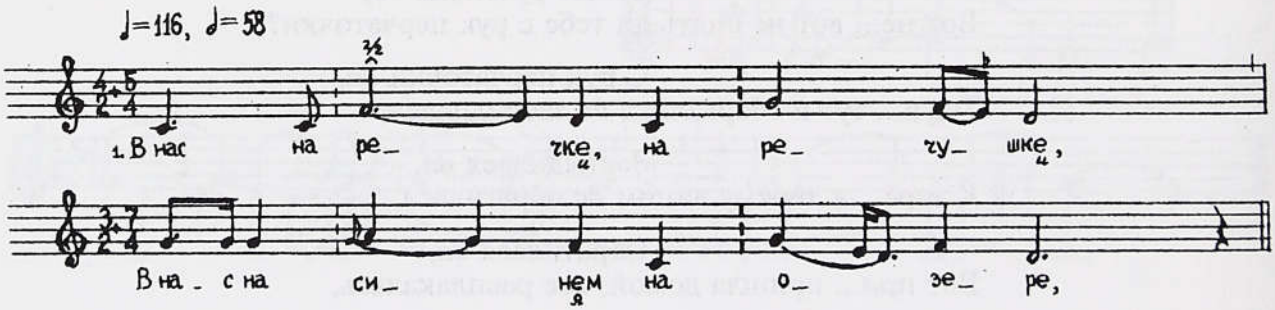
Холодна вода студеныя,
Ой да раным раным, студёная.

Там Иванушка коня поил[1],
Там свет Аннушка воду брала,
Она с Иванушкой повстречалася,
Перстенечками поменялася.
Ее матушка дожидалася,
Она матушке отолгалася:
"Как летели гуси серые,
Узмутили воду цветную.
А я, млада, дожидалася,
Пока вода состоялася".

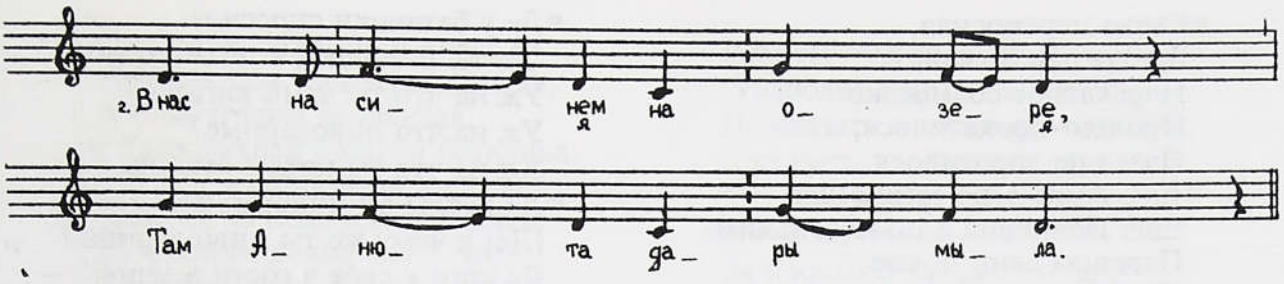
Сравните: № 283, 308.

185. В нас на речке, на речушке

(Калужск., Десна)



[1] Припев с повторением окончания каждого стиха далее не приводится.



В нас на речке, на речушке,
В нас на синем на озере,

В нас на синем на озере,
Там Анюта дары мыла.

Там Анюта дары мыла.
Бережком шел батюшка,

Бережком шел родненький:
"Те белы дары, Анютушка,

Те белы дары, Васильевна,
Привбелила бел*ы* ручки,

Привбелила бел*ы* ручки[1],
Привстояла резв*ы* ножки". —
"Не жалей меня, батюшка,
Не жалей меня, родненький.

Я теперя не твоя чара,
Я теперя заручённая,
Заручёна, приговорённая".

В нас на речке, на речушке,
В нас на синем на озере,
Там Анюта дары мыла,
Там Васильевна дары мыла.
Бережком ишел Колюшка,
Бережком шел Иванович:
"Те белы дары, Анютушка,
Те белы дары, Васильевна,
Привбелила бел*ы* ручки,
Привстояла резв*ы* ножки". —
"Пожалей меня, Колюшка,
Пожалей меня, Иванович.
Я теперя твоя чара,
Я теперя заручённая".

ПЕРЕД ПРИЕМОМ У НЕВЕСТЫ ЖЕНИХА С РОДИЧАМИ

186. Свеча переносная

(Арх., Вычегда. Вариант напева № 182)

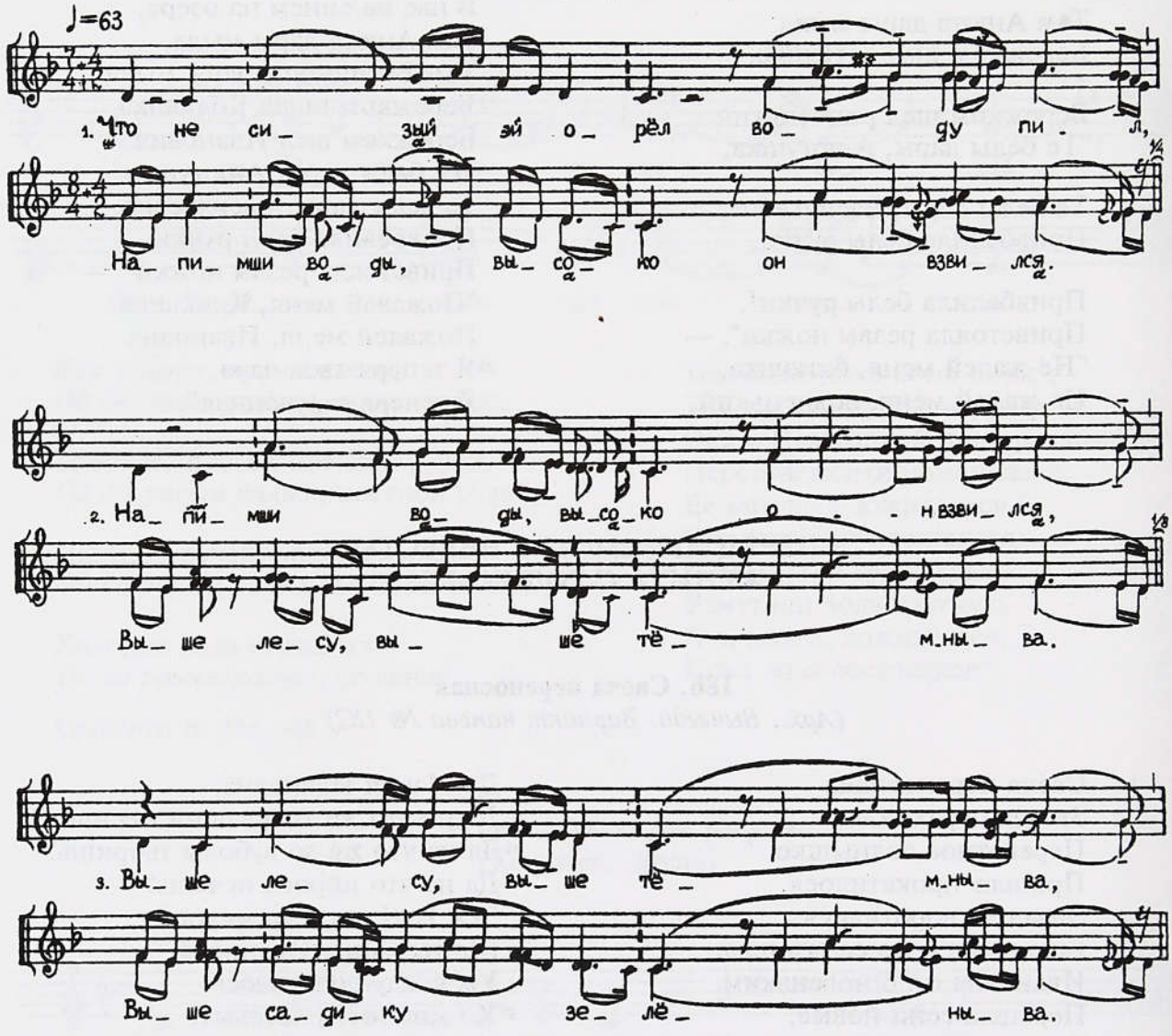
Свеча переносная,
Звезда перехожая,
Перекатное солнышко
Прошло-прокатилося,
Назад не воротилося.
Еще Анна с-по сеням шла,
Ивановна с-по новеньким.
Перешла сени новые,
Перешла, сама заплакала,
Во слезах слово вымолвила,
Да у матушки спр*о*сила:
"Да ты мамушка родимая,
Да Мария Ивановна,
Да на что же ты квашни месишь?
Да на что же во дубовы творишь?
Да на что пироги печешь?" —
"Уж [ты] дитятко милое,
[Да ты] Анна Ивановна.
Уж я жду-дожидаюся:
Ко мне гости час*о*вые,
А к тебе вековы женихи,
Вековы, вековечные,
По судьбе пригодилися,
По судьбе мы разлучилися".

[1] Из повторений стиха, возникающих при цепном последовании строф, далее приводятся лишь измененные повторения (стихи 8, 14—16, 19).

Свеча переносная,
Звезда перехожая,
Перекатное солнышко
Прошло-прокатилося,
Назад не воротилося.
Еще Анна с-по сеням шла,
Еще Ивановна с-по новеньким.
Перешла сени новые,
Перешла, сама заплакала,
Во слезах слово вымолвила,
Да у батюшки спросила:
"Да ты батюшка, кормилец мой,
Уж на что ты чаны катишь,
Уж на что пивоварные?
Уж на что ты котлы весишь,
Да котлы-ти пивоварные?
[Да] к чему же ты пиво варишь?
Да кого к себе в гости ждешь?" —
"Николая Ивановича".

187. Что не сизый орел воду пил

(Владимирск., Клязьма)



Что не сизый орел воду пил,
Напимши воды, высоко он взвился.

Напимши воды, высоко он взвился,
Выше лесу, выше темнывa,
Выше лесу, выше темнывa,
Выше садику зеленывa,
Выше терема высокого[1],
Там сидела красная девица.

[1] Повторение каждого стиха, вызванное цепным соединением строф, далее не приводится.

Она шила вашивной ковер.
Недошивши, шить спокинула,
А сама пошла заплакала:
"Разродимый родный батюшка,
Ты зачем рано дары даришь?
Или ты хочешь сына женить?
Разродима родна матушка,
Ты зачем рано дары кроешь?
Или ты хочешь сноху привесть?" —
"Разродимо родно дитятко,
Не сказать, ты будешь плакати,
А сказать, ты будешь думати.
Мы вечор тебя просватали,
Не за князя, не за барина,
За простого за крестьянина".

188. Как на девичьем вечеру

(Воронежск., Тихая Сосна. Напев № 128)

Как на девичьем вечеру
Растоплялася банюшка,
Растоплялася банюшка.

Растоплялася банюшка,
Разгоралася каменка,
Разгоралася каменка.

Как рассыпалси бел земчуг
По дубовому столику,
По дубовому столику,

По дубовому столику,
По шелковому скатертю,
По шелковому скатертю,

По шелковому скатертю,
По серебряну блюдничку,
По серебряну блюдничку.

Как расплакалась Федора
Перед батюшкой стоявчи[1],
Перед батюшкой стоявчи,
Перед мамушкой плакавши:

"Государь родный батюшка,
Ты на щё завод куришь[2]?

Ты на щё завод куришь,
Ты на щё вино гонишь?

Али тебе, мой батюшка,
Али тебе сына женить,
Али тебе сноху приводить?" —

"Мне ни сына не женить,
Мне сноху не приводить.

Мне тебе, мое дитятко,
Мне тебе в чужи люди отдавать,

Мне тебе в чужи люди отдавать,
Во чужую семеюшку,

Во чужую семеюшку
Ко чужому к отцу, к матери".

189. Растопися, банюшка

(Калужск., Угра)

Растопися, банюшка,
Разгорися, каменка,
Разгорися, каменка.

Расплачаси, Настасьюшка,
Пред своим родным батюшкой,
Пред своим родным батюшкой:

"Ой родный батюшка,
Ты на что пиво варишь?

Ты на что вино куришь,
Ты на что зеленое куришь?" —

"Ох дите мое, дите мое милое,
Ой да твои гости будут,

---

[1] Повторение второго стиха в строфе далее не приводится, ее форма не изменяется.

[2] *Завод курить* — варить самогон (пояснение исп.).

Да твои незваные,
Да твои нежданные,
Да твои".

Растопися, банюшка,
Разгорися, каменка,
Разгорися, каменка.

Ой расплачаси, Настасьюшка,
Пред своей родной матушкой:

"Ой родимая матушка,
Ты зачем столы кроешь,
Ой да зачем дубовые кроешь?" —

"Ой дитя ль мое дитятко,
Ой дитя мое милое,

Да твои гости будут,
Да твои незваные,
Да твои нежданные,
Да твои".

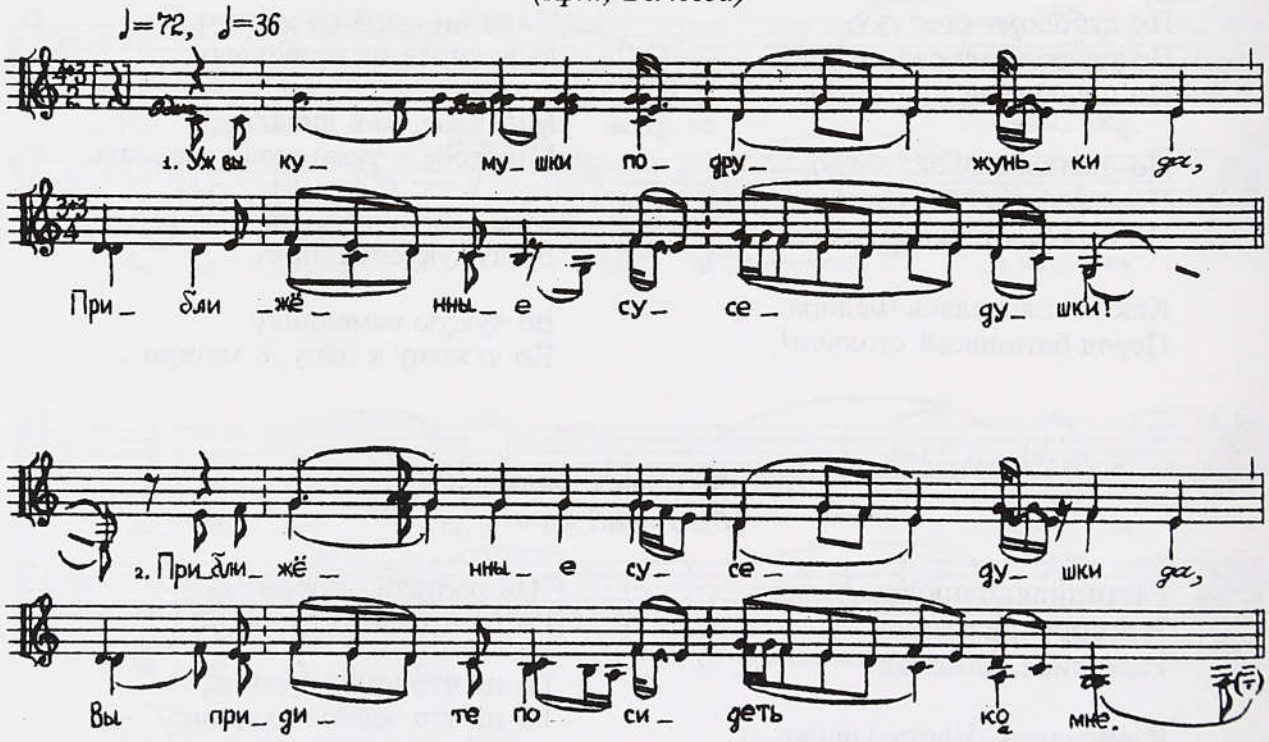
190. Растопилася банюшка

(Калужск., Болва)

Растопилася банюшка,
Разгорелася каменка.
Порассыпался бел жемчуг
По дубовому по столику,
По шелковой по скатерти.
Порасплакалась Марьюшка
Перед отцом, перед матерью,
Перед родными братцами:
"Братцы мои вы родимые,
Возьмите востры топоры,
Вы пойдите в темные лесы,
Завалите дубьем дорогу,
Чтоб не пройти, не проехат[и]
Ни пешком, ни на лошади".

191. Уж вы кумушки подружуньки

(Арх., Вычегда)



"Уж вы кумушки подружуньки *да,*
Приближенные суседушки!

Приближенные суседушки *да,*
Вы придите посидеть ко мне,

Вы придите посидеть ко мне *да,*
Посидеть со мной, поплакати.

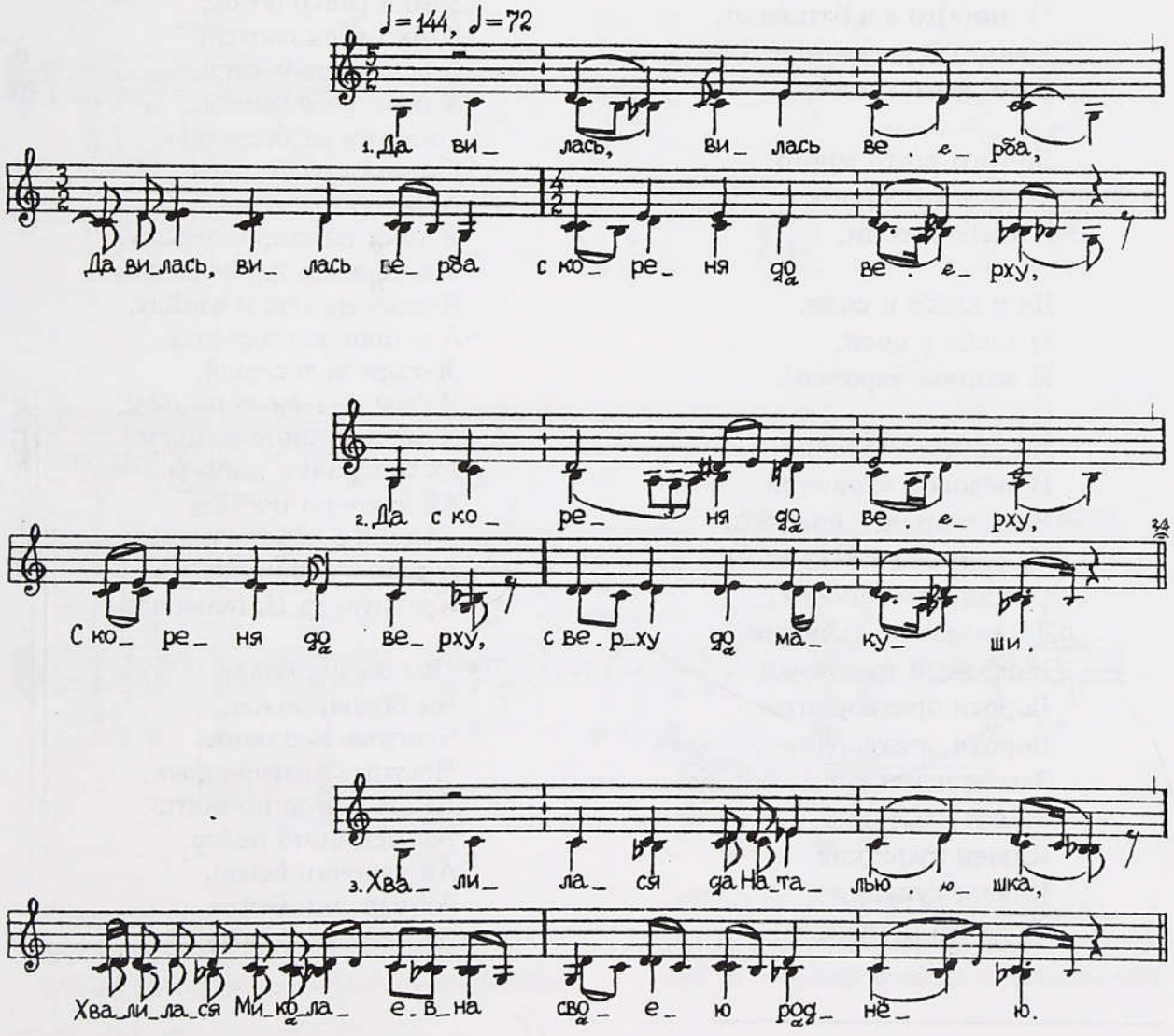
Посидеть со мной, поплакати *да,*
Вы одну же думу думайте.

Вы одну же думу думайте *да*,
Вы меня замуж не выдайте!

Вы меня замуж не выдайте *да*,
Вы возьмите по ведерышку[1],
По ведерышку дубовому,
Коромыслицу кленовому,
Вы сходите на Дунай-реку,
На Дунай на речку быструю,
Почерпните ключевой воды,
Ключевой воды холодные.
Вы улейте-ко круту гору,
Все крутую гору высоку,
Нашу улочку широкую:
Не зайти бы, не заехати
Все ни конём, и ни пешему,
Ни удалу добру молодцу
По душу по красну девушку
Да Людмилу Александровну".
"Не хитрейся, красна девушка.
Да еще я похитрей тебя,
Похитрее-то тебя да помудреней тебя.
Наварю я пива пьяного,
Наберу вина зеленого,
Назову я дорогих гостей,
Дорогих гостей я подпою,
Вороных коней я подкую,
Я заеду на крутую гору,
На крутую гору, высокую,
Нашу улочку широкую
По душу по красну девушку
Все Людмилу Александровну".

192. Вилась, вилась верба

(Белгородск., Пена)



[1]Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.

Да вилась, вилась верба,
Да вилась, вилась верба
С кореня до верху,

Да с кореня до верху,
С кореня до верху,
С верху до макуши.

Хвалилася да Наталюшка,
Хвалилася Миколаевна
Своею роднею,

Да своею роднею,
Своею роднею,
Своим батюшкою,

Да своим желанненьким,
Своим желанненьким:
"У мо(е)го а в батюшки,
У мо(е)го у желанного
Того-всего много,

Да того-всего много,
Того-всего много,
И хлеба и соли,

Да и хлеба и соли,
И хлеба и соли,
И винной чарочки[1],

Ай винной чарочки,
И медовой стопочки,
Весь двор, что колечко,
Да (о)город что веночек,
Огород что веночек,
Да железный тыночек,
Железный тыночек,
Ворота притворчиты,
Ворота притворчиты,
Замки немецкие,
Замки немецкие,
Ключи купецкие,
Ключи купецкие,
Сторожа немецкие". —

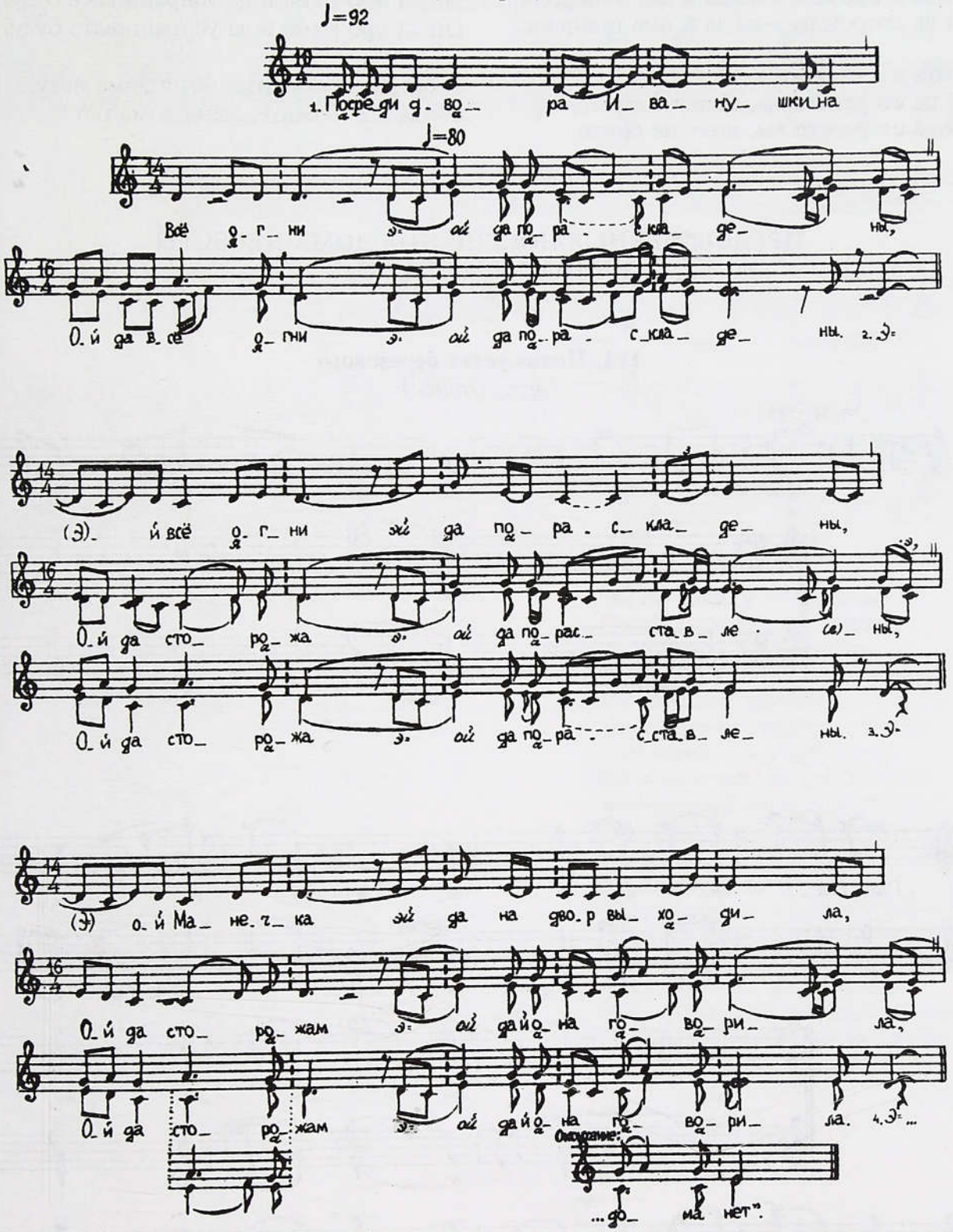
"Не хвались, да Наталюшка,
Не хвались, Миколаевна,
Своею роднею,
Своею роднею,
Своим батюшкою,
Своим батюшкою,
Своим желанненьким,
Своим желанненьким,
Да я сам скоро буду,
Я сам скоро буду,
Да я сам не миную!
Я сам не миную,
К воротам я подъеду,
К широким подъеду
Да ширинкою махну,
Да я шитою стебну —
Ворота растворются,
Ворота растворются,
Замки расколются,
Замки расколются,
Ключи разобьются,
Ключи разобьются,
Сторожа разбегутся,
Сторожа разбегутся,
А я-таки на двор взъеду.
Я-таки на широк узъеду,
А я-таки на терём взойду.
Я-таки на терём взойду,
А я-таки за стол сяду,
Я-таки за тесовый,
Да мы мед-вино попьем.
А мы мед-вино попьем,
Да й чарочки побьем,
Ай чарочки побьем
Да тебя с собой возьмем,
А тебя с собой возьмем,
Красную да Наталюшку". —

"Вы бояря, бояря,
Вы бояря, бояря,
Честные поезжане,
Честные благородные,
Да вы мед-вино пейте.
Вы мед-вино пейте,
Ай чарочки бейте,
Ай чарочки бейте,
Да мене не берите!"

[1] Повторение с незначительным изменением концевого стиха в начале каждой строфы далее не приводится.

193. Посреди двора Иванушкина

(Белгород)



Посреди двора Иванушкина[1]
Всё огни *э-ой* да пораскладены,
Ой да всё огни *э-ой* да пораскладены.

Эй всё огни *эй* да пораскладены,
Ой да сторожа *э-ой* да порасставлены,
Ой да сторожа *э-ой* да порасставлены.

[1] Называют отца невесты (пояснение исп.).

Э-ой Манечка *эй* да на двор выходила,
Ой да сторожам *э-ой* да й она говорила,
Ой да сторожам *э-ой* да й она говорила:

"Э-ой да сторожа да мои молодые,
Ой да стерегите вы, ночь не спите,
Ой да стерегите вы, ночь не спите.

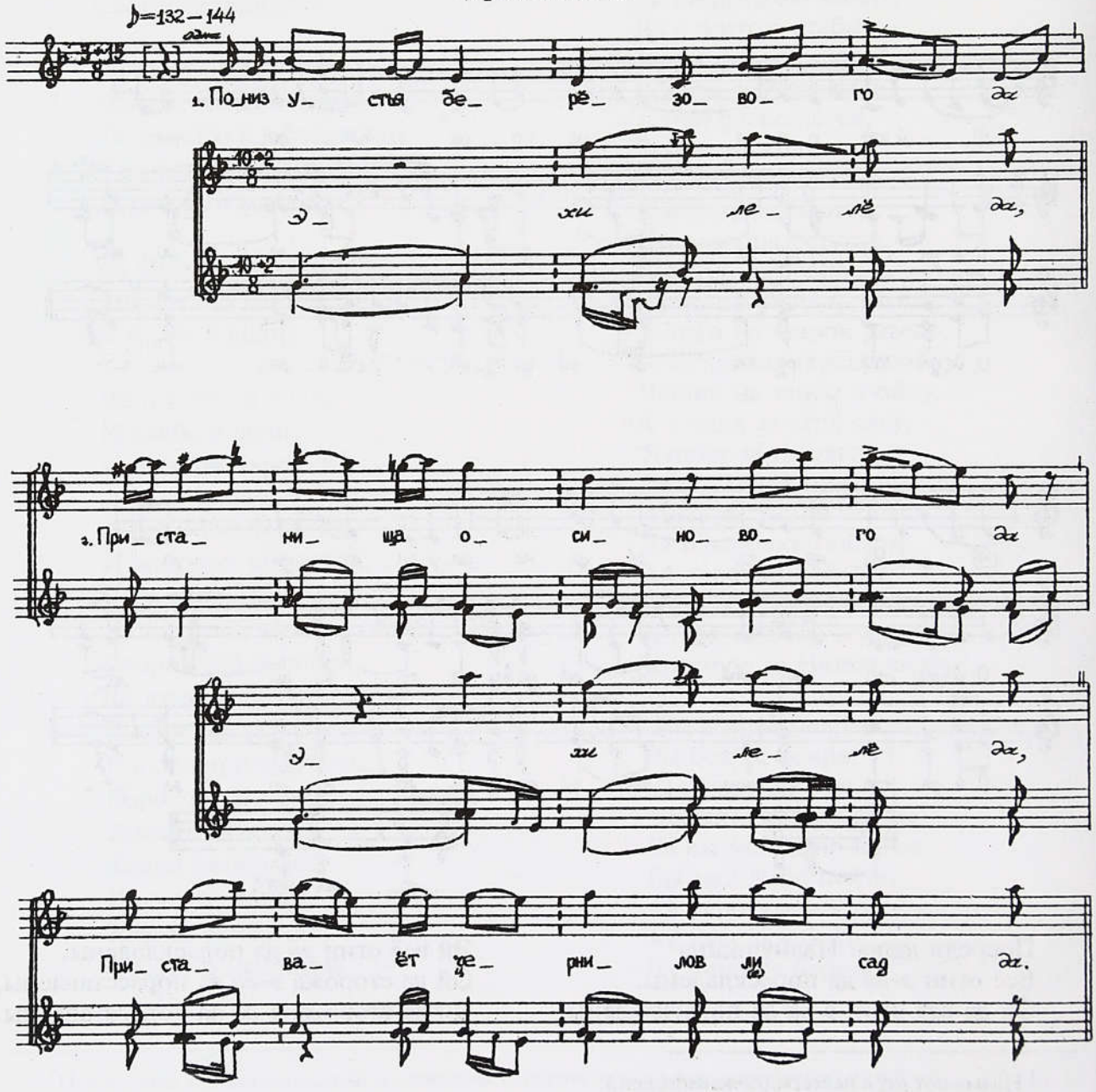
Э-ой к нам нынче й да боярушки будут,
Ой да про мене й да успрашивать будут,
Ой да про мене й да успрашивать будут.

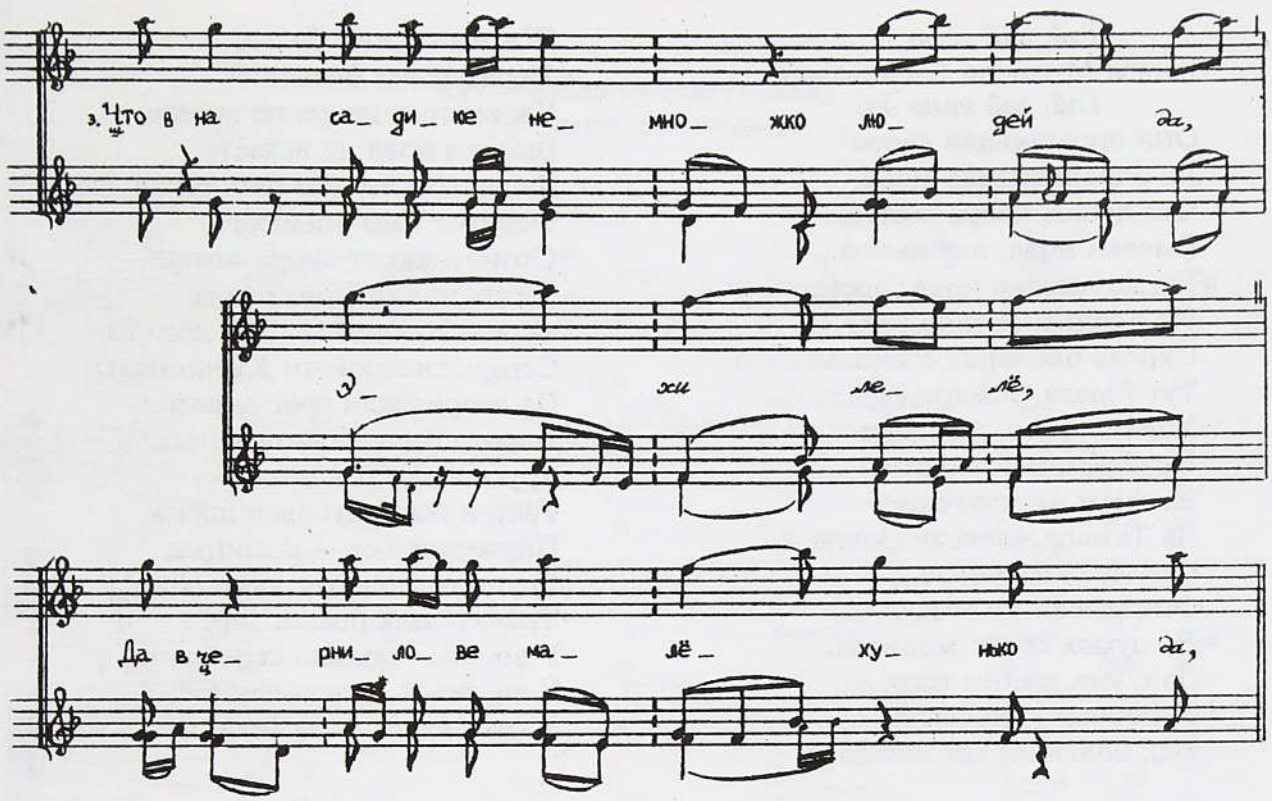
Э-ой да вы скажите, меня дома нету,
Ой да вы скажите, меня дома нет".

ПРЕДСВАДЕБНЫЕ ПОСЕЩЕНИЯ ДОМА НЕВЕСТЫ ЖЕНИХОМ И СВАТАМИ

194. Пониз устья березового

(Арх., Пинега)





Пониз устья березового *да*
Эхи лелё да,
Пристанища осинового *да*
Эхи лелё да,
Приставает чернилов ли сад *да.*
Что в насадике немножко людей *да,*
Эхи лелё,
Да в чернилове малехунько *да,*
Только семеро работничков *да,*
Эхи лелё,
Семеры-ко весёлком гребут *да,*
Эхи лелё да,
Семерыма угрёбывают *да.*
Эхи лелё да.
Что восьмой-от был накормщичек *да*
Эхи лелё,
Девятой-от был наносничек[1],
Десятой — удалой молодец
Князь Григорий Игнатьевич.
Он по садику похаживает,
По чернилову погуливает,
Русы кудри расчесывает,
По бровям русы разглаживает,
По единому волосу,
По единому русому.
Как тугой лук натягивает,
Калену стрелу направливает,
Ко калёной он наказывает:
"Полети, моя каленая стрела,
Высоко по поднебесью,
Да под синему по облаку.
Подстрели, моя каленая стрела,
Бура волка во темном лесу,
Серу утицу на тихой на воде,
Белу лебедью на камешке.
Не стрели, моя каленая стрела,
Красну девицу в высоком терему".

См. № 367.

195. Что из устья Береза тече

(Арх., Пинега)

Гай, гай лелю,
Что из устья Береза тече,
Гай, гай лелю,
Что по той по Берези-реки,
Гай, гай лелю,
Ехали князья-бояра,
Гай, гай лелю,
[Бояра] молодого князя,

[1] Припев далее повторяется после каждого стиха, кроме 5, 13, 16, 22-го. Частица *да* ставится всегда в конце стиха и часто, но не всегда, в конце припева.

Гай, гай лелю,
Князя Михаила Васильевича.
Гай, гай лелю да,
Они спрашивали двора[1]
Да спроведывали нова,
Что двора, двора тестева,
Высока нова, любимого.
Уж из высока нова терема,
Из окошка косящятого
Скрозь околенку стекольчатую
Тут узрела, усмотрела
Хороша красна девица,
Первобрачная княгина
Именём по изотчине
Да Тамара Александровна.
Она думу задумала,
Она мысли-то мыслила,
Во думах слово молвила,
Да с ума крепка разума,
Уж боярам дивовалася,
Над большим насмехалася:
"Уж вы глупые бояра,
Неразумные большие!
Уж вы того двора не знаете,
Высока нова не ведаете,
Да знаком только батюшков двор.
Знакоме того родимого
Стоит двор от двора отстал,
Стоит нов от нова отлит
Середь славной-то Карпогоры,
Середь славной-то Кушкопалы.
От двора были трое ворота:
Ворота были стекольчатые,
Други были решетчатые,
Третьи были дубовой доски.
Подворотенка — рыбинка,
Друга была светел камешок,
Третья была рыбий зор.
У ворот — кольцо серебряно,
У других — позолоченное,
У третьих-то — золото-вито кольцо".

196. Валентина, Валентинушка

(Там же. Напев № 477)

Валентина, Валентинушка *да*,
Валентина Олександровна,

Валентина Олександровна *да*,
Ты сама до вины дожила.

Ты сама до вины дожила *да*,
Ты сама до большой доросла.

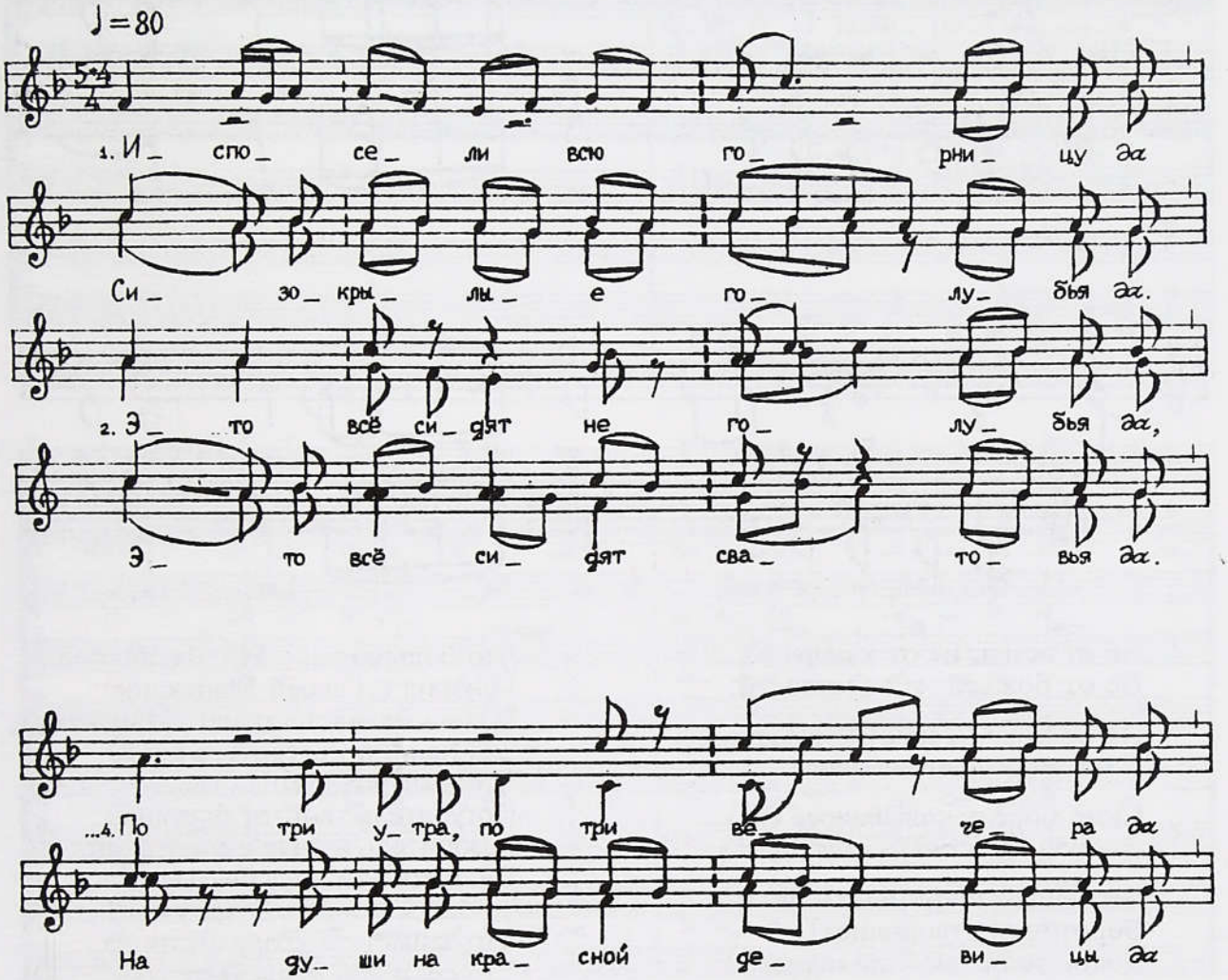
Ты сама до большой доросла *да*,
Ты сама вину сделала[2]:
Молода князя на сени завела,
Из сеней в нову горенку,
За дубовый стол посадила,
Чаём-кофеём напоила,
Колочеми его накормила,
Колочеми круписчатыма,
Пряниками россыпчатыма,
Конфетами медовыма,
На красно крыльцо выводила,
На добра коня посадила,
Шелковы не забросила.
Повода в руки не подала,
Как повез его доброй конь,
Доброй конь добра молодца
Да Евгенья Инатольёвича
Не путем, не дорогою,
Все лесами дремучима,
Да болотами седучима,
Да осотами резучима,
Да тропами звериныма,
Хоботами змеиныма.
Да привез его доброй конь,
Доброй конь добра молодца
Да на улицу широкую
Да ко терему высокому,
Да ко тестю ко ласковому,
Да ко тещи приветливое[3],
Ко шурьям ко ясным соколам,
Да ко своечкам ко белым лебедям,
Да ко белой лебедушке
Ко души красной девушке
К Валентины Олександровны.

---

[1] Припев далее повторяется перед каждым стихом.
[2] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится. Повторяется каждый стих, кроме 27-го. Если стих начинается с частицы *да*, то она опускается на конце предыдущего стиха при его повторении.
[3] При повторении этого стиха: "приметливое".

197. Испосели всю горницу

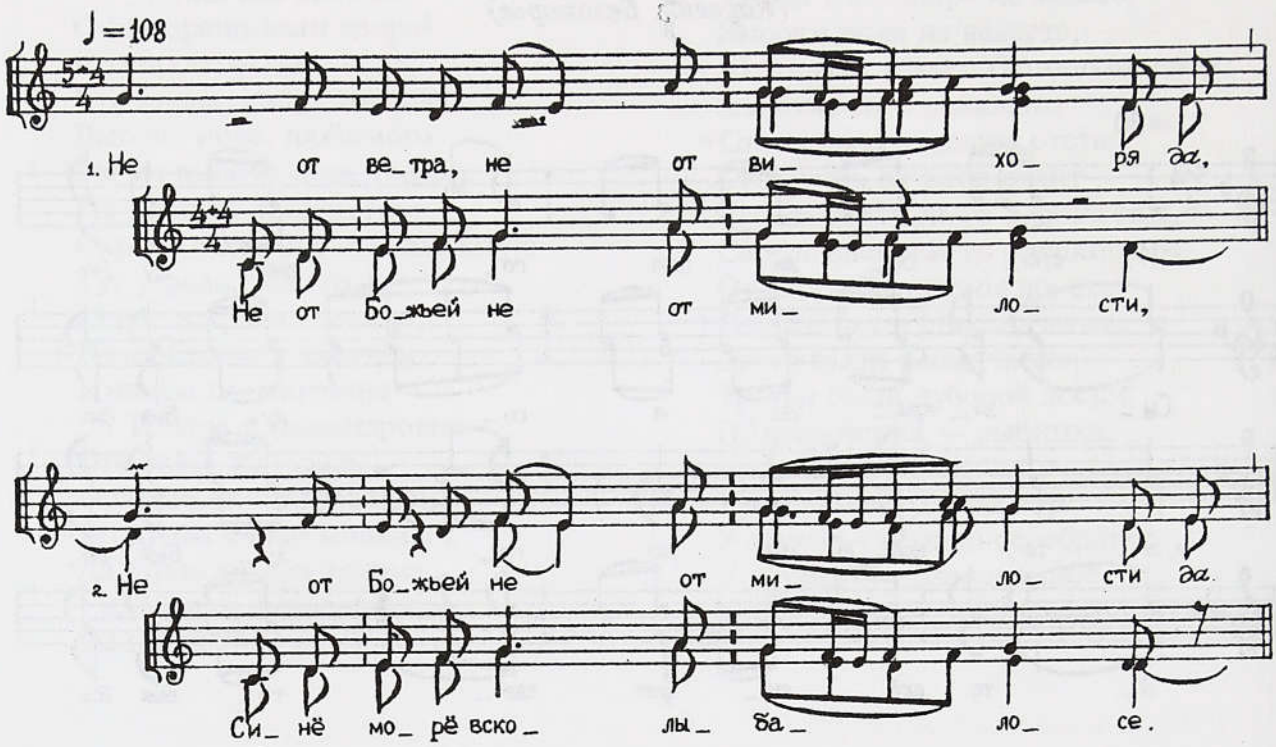
(Карелия, Беломорье)



Испосели всю горницу *да*
Сизокрылые голубья *да.*
Это все сидят не голубья *да,*
Это все сидят сва*т*овья *да,*
Сватовья сидят Васильевича *да,*
Они сватали, высватывали *да*
По три утра, по три вечера *да*
На души на красной девицы *да,*
На Галины Ивановной *да*
Тут Галина испугалася *да,*
Резвы ножки подломилися *да,*
Белы ручки опустилися *да,*
Ой да слезы прокатилися *да,*
Она села на лавочку *да.*
Она села, заплакала *да,*
Плачучи, слово молвила *да*:
"Вот идет погубитель мой *да,*
Вот идет разоритель мой *да,*
Вот идет росплети-коса *да,*
Вот идет потеряй-краса" *да.*
Тут ответ держал Василь молодец *да,*
Тут отвечал Николаевич *да*:
"Ты не плачь-ко, Галина душа *да,*
Ты не плачь-ко, Ивановна *да.*
Ведь не я разоритель твой *да,*
Ведь не я погубитель твой *да,*
Ведь не я — росплети-коса *да,*
Ведь не я — потеряй-краса *да.*
Погубитель твой — батюшко *да,*
Разорительница — матушка *да,*
Росплети-коса — сватьюшка *да,*
Потеряй-краса — подруженька".

198. Не от ветра, не от вихоря

(Арх., Мехреньга)



Не от ветра, не от вихоря *да*,
Не от Божьей не от милости,

Не от Божьей не от милости *да*
Синё морё всколыбалосе.

Синё морё всколыбалосе *да*,
Вереюшки пошатилися,

Вереюшки пошатилися *да*,
Воротички отворилися[1].
Бояра-те на двор съехались,
Что большотня с Миколаюшкой.
Говорил он своей Марьюшке:
"Ты не плачь, не плачь, Марьюшка,
Что не я ли погубитель твой,
Что я не розоритель твой.
Погубитель твой-от батюшко,
Розоритель нынче с матушкой.
Расплетет-то косу сватьюшка
С воспреемной с божатушкой,
Что займет-то красу сестрица,
Что сестрица наша Нюрочка".

199. Буйны ветры сбушевалися

(Калужск., Жиздра)

Буйны ветры сбушевалися,
Вереюшки расшаталися.

Вереюшки расшаталися,
Воротушки раскрывалися.

Воротушки раскрывалися,
Каретушки на двор съехались.

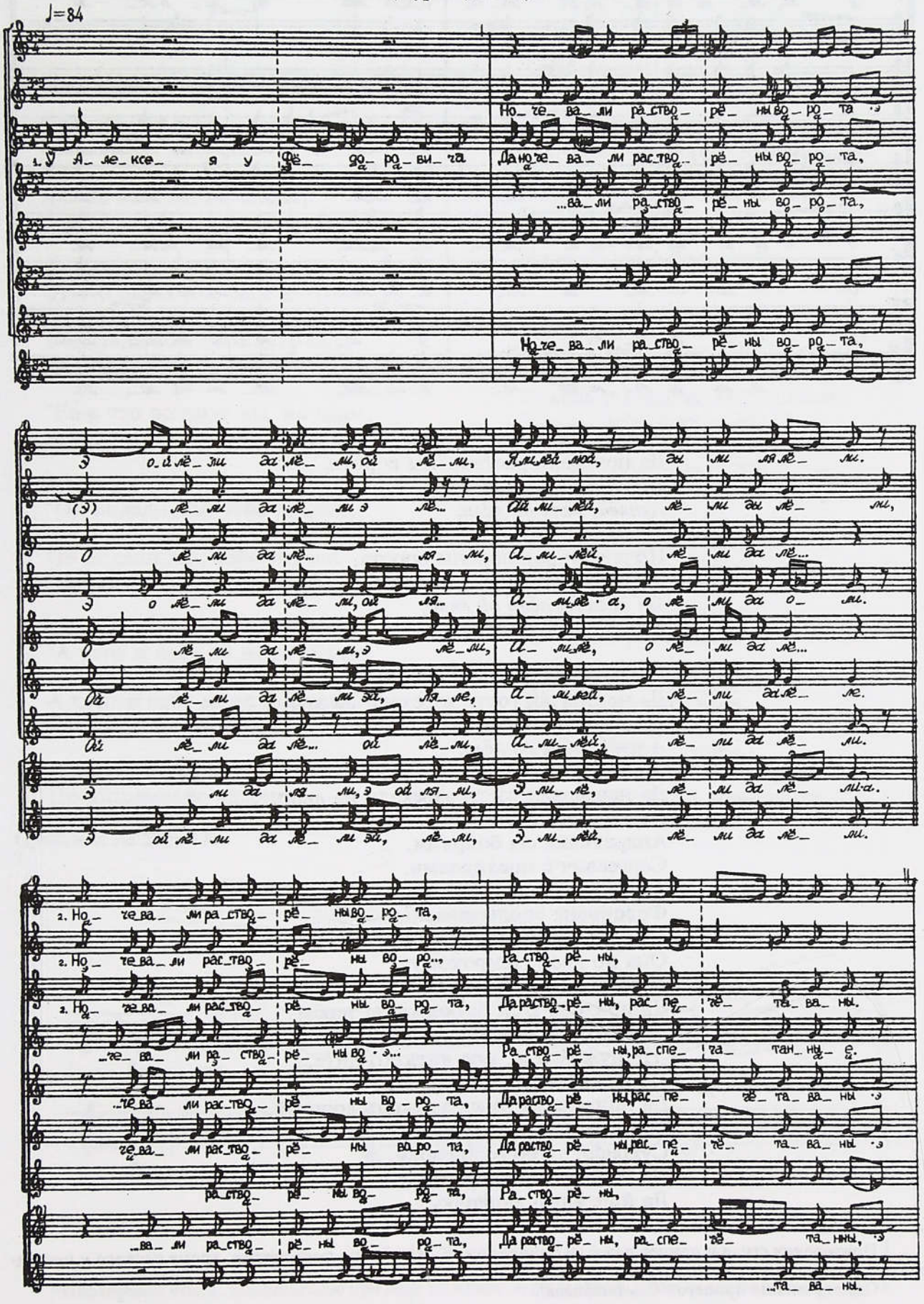
Каретушки на двор съехались,
Свет Марьюшка испугалася[2].
Она туда-сюда металася,
Она из горенки во горенку,
На высок терем ко девушкам:
"Вы сестрицы, вы подружки мои,
Схороните вы сироточку,
Сироточку у середочку.
Как приехал погубитель мой,
Погубил мою головушку,
Расплел, расплел косу русую,
Выплел, выплел ленту алую".

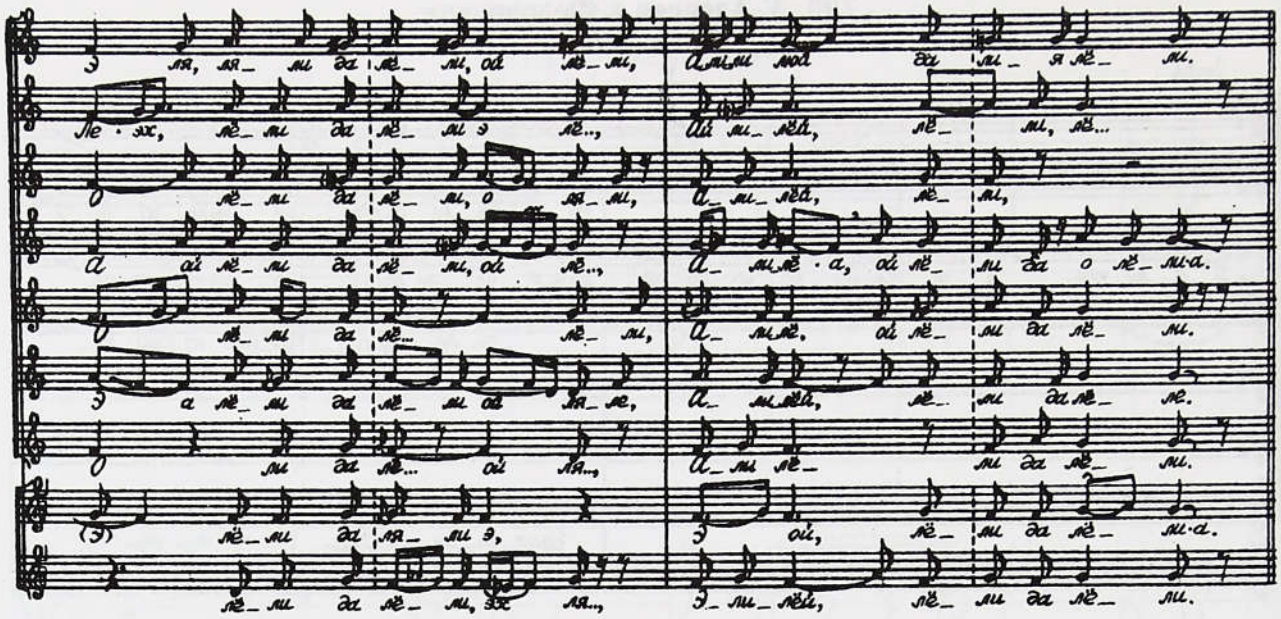
---

[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.
[2] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.

200. У Алексея у Федоровича

(Курск., Псел)





У Алексея у Федоровича
Да ночевали растворёны ворота.
Ой лёли да лёли ой ляли,
Алилёй, лёли да лёли.

Ночевали растворёны ворота,
Растворёны, распечётаваны.
Ой лёли да лёли ой ляли,
Алилёй, лёли да лёли.

Растворёны, распечётаваны,
Да невзначай гости взъехали на двор.
Ой лёли да лёли ой ляли,
Алилёй, лёли да лёли.

Да невзначай гости взъехали на двор,
Незналые, небувалые[1],
Андреюшка сы боярями,
Сергеевич с поезжалами.
Татьянушка сыпужалася,
Федоровна сполыхалася[2].
Она по двору взметалася,
Она по двору широкому,
А по терему высокому.
Да приходя к ей батюшка на терём,
Да приходя, уговаривая *да*:
"Не пужайся ж, мое дитятко-дите,
Не пужайся ж, мое милое.
Да приехал (э)то к нам гость дорогой,
Гость дорогой, сукраситель твой.
Сукрас*ит* твою головушку,
Да йще русую косушку,
Да йще алую лендочку".

[1] Повторения стиха и припев далее не приводятся. Каждый стих повторяется, кроме первого и последнего. После последнего стиха припев отсутствует.
[2] Одновременно пропето: "Спотыкалася".

ГОСТИ ПОБЫЛИ И ОТБЫЛИ

201. Соколы вы, мои соколы

(Калужск., Десна. Варианты напева см. в Примеч.)

"Ой соколы вы, мои соколы,
Ясные мои залетные.

Ясные мои вы залетные,
С отколь вы далёко вылётывали?

С отколь вы далёко вылётывали?" —
"А что были мы, себе лётывали,

Вылетали мы, себе лётывали
Еще что во поле, на море". —

"Еще что во поле вы, на море,
А что вы себе тама видели?

А что вы себе тама видели?" —
"Ой видели мы, себе видели,

Ой видели мы, себе видели
Ой серую утушку на море,

Серую касатую на синем". —
"А чего ж себе да не поймали?

А чего ж себе да не поймали?" —
"А мы-то на ее знак налаживали,

А мы-то на ее знак налаживали:
По крыльям ее вдарили,

По крыльям ее вдарили,
С крыльев да перья повыщипали.

Перья, перья повыщипали,
На синее море бросили.

На синё море бросили". —
"Вы купцы ж, добры молодцы,

Вы купцы ж, добры молодцы,
Отколь вы далёко выезживали?

Отколь вы далёко выезживали?
Что вы себе тама видели?

Что вы себе тама видели?" —
"Ой видели мы, себе видели,

Видели мы, себе видели
Красную Наталюшку,

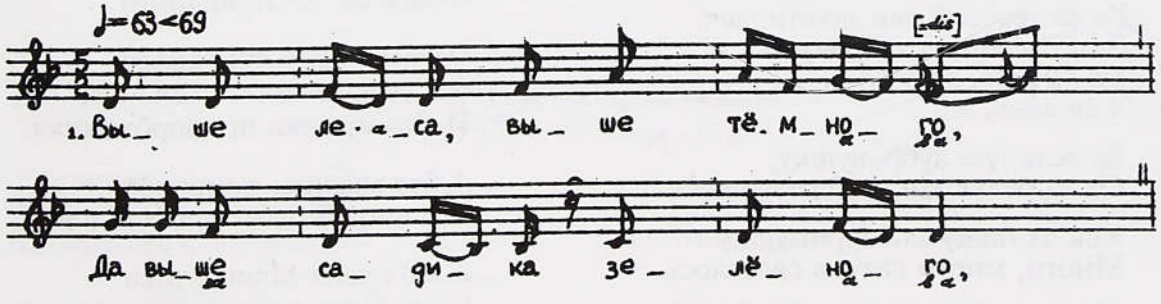
[Красную] Васильевну". —
"За что ж вы ее с собой не взяли?"[1]

"А мы на ее знак налаживали:
По рукам ее ударили.
Был порукою батюшка,
Поручалася матушка,
За удалым добрым молодцем
[За Андреюшкой Ивановичем".]

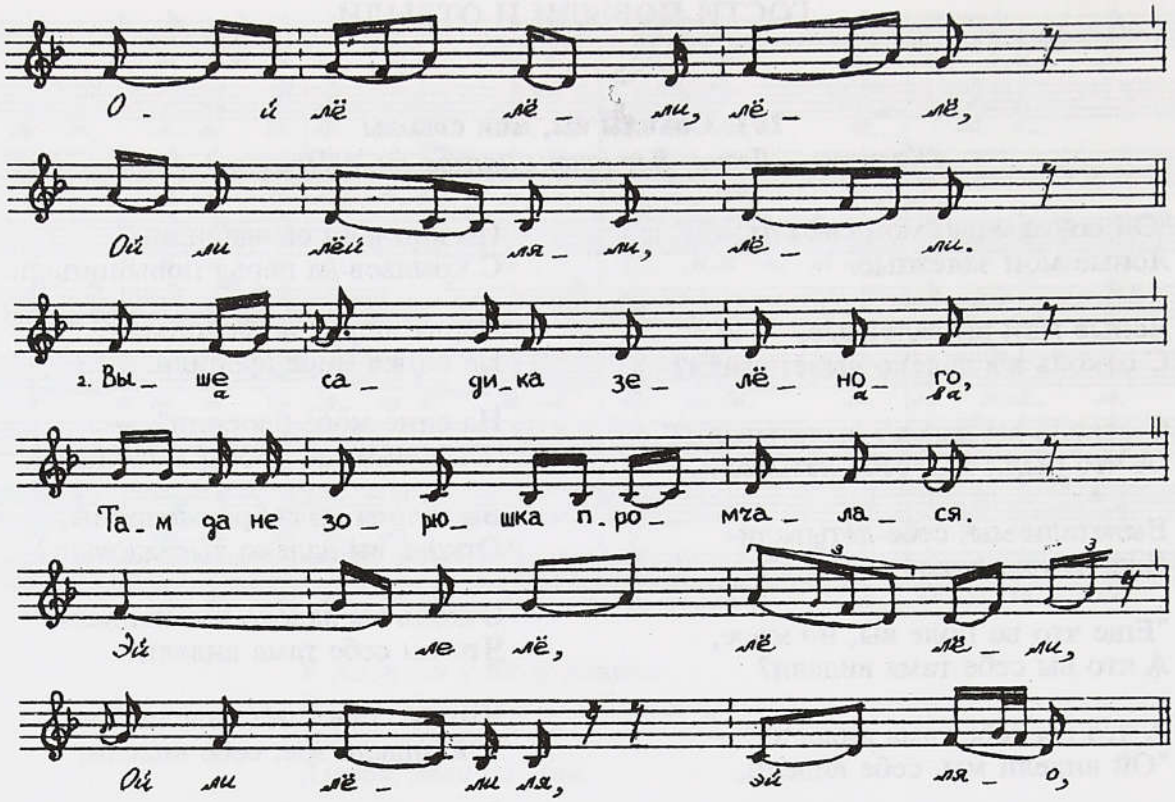
Сравните: № 256, 306.

202. Выше леса, выше темного

(Курск., Псел)



[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.



Выше леса, выше темного,
Да выше садика зеленого,
Ой лё лёли, лёлё,
Ой ли лёй ляли, лёли.

Выше садика зеленого,
Там да не зорюшка промчалася.
Эй ле лё, лё лёли,
Ой ли лёли ля, эй ля-о...

Там да не зорюшка промчалася,
Да не ясная прокатилася,
Э - эй ле, лё лёли,
Ай ли лёли, э...

Да не ясная прокатилася,
Да за темный лес закатилася,
Э - эй ле лёли, лё али,
Ай ли лёй, э...

Да за темный лес закатилася,
Да за зеленую дубровушку,
Ой ли лёлё, лёли лёли,
А ли лёлю, э...

За зеленую дубровушку,
Ох за белую-то за березушку[1].

Как за нашу за Маринушку
Много, много сватов сваталось.

Много, много сватов сваталось,
Да сваты-то всё богатые,

Да сваты-то всё богатые,
Да мужички-то всё сходатаи.

Да мужички всё сходатаи
Много просют приданого.

Много просют приданого,
Да вороного коня стоялого,

Вороного коня стоялого,
Да мужичка приворотничка,
Старую бабу приспешницу,

Старую бабу приспешницу
И молодушку постельницу.

А ее батюшка говорит:
"Да моя чада небогатая,

А моя чада небогатая,
Отдам ее без приданого.

Отдам ее без приданого,
Без ворона коня стоялого,
И без мужика приворотничка,

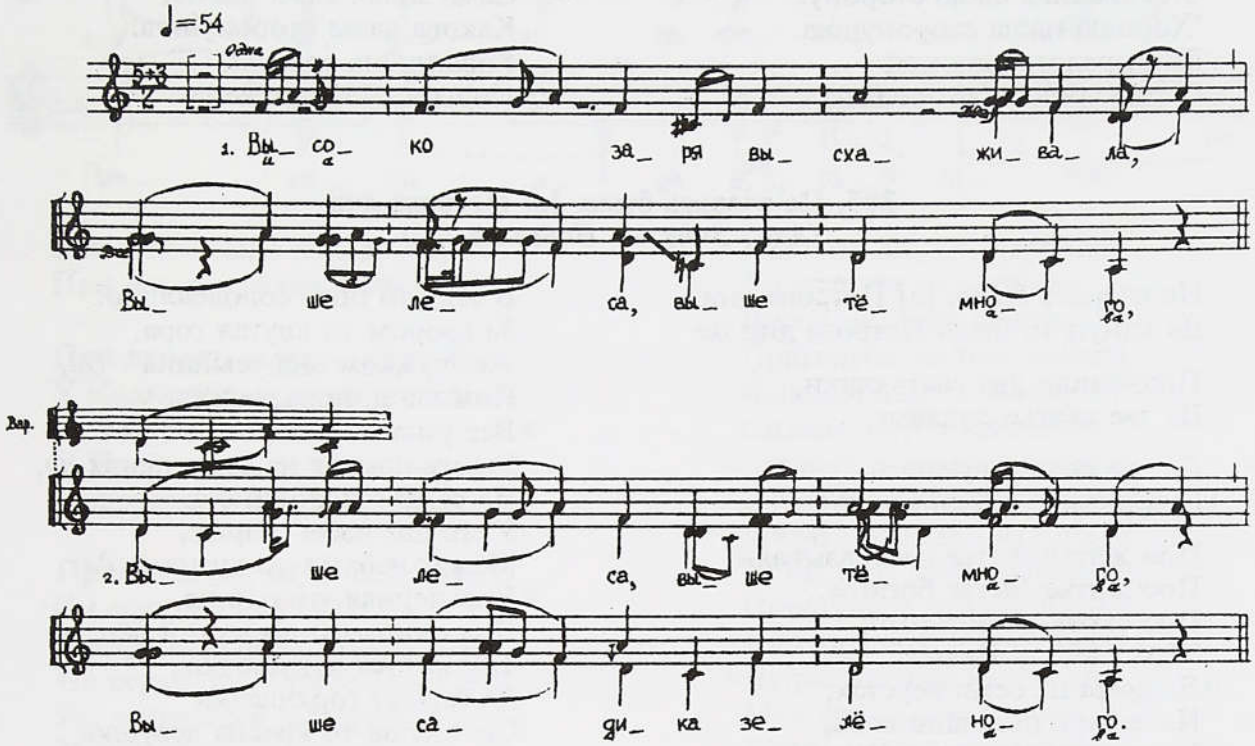
А без мужика приворотничка,
Без старой бабы приспешницы.

А моя чада Маринушка
Сама будя и приспешница,
И молодушка постельница".

[1] Припев далее повторяется в каждой строфе.

203. Высоко заря высхаживала

(Волгоградск., Бузулук)



Высоко заря высхаживала,
Выше леса, выше темного,

Выше леса, выше темного,
Выше садика зеленого.

Как вы этим во садочке зелены*м*,
Там стояла караватя тесова.

Там стояла караватя тесова,
На кроватке перинушка пухова[1],
На перинке одеяльца шелкова*,*
На (о)деяльце подушечки пуховы,
На подушках лежит Вася душа.
Как у этой у кровати тесово*й*
Коло его душа Любушка стоит.

Она плачет, как река льется,
А рыдает, как волна бьется.
Проклинает чужу сто*р*ону:
"Распроклятая чужая сторона,
Разлучает с отцом с матерью меня,
С отцом с матрю и с роденюшкою,
Еще с милыми подружуньками.
Та сторонка да не медом сполита,
Не сахаром пересыпанная,
Все не яблоньми засоженная.
Поливали ее слезушки,
Желты пески позавеяли,
Карапивою засожена она.
Карапивушка жигучая была,
Моя слезушка горючая".

204. Я не думала, не ведала

(Калужск., Протва—Ока)

Я не думала, не ведала,
Ко мне сваха приехала.

Ко мне сваха приехала
Молодая, спесивая,

Молодая, спесивая,
Она гордая, ревнивая.

Она гордая, ревнивая,
Она садилась во большо место[1],

[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.

Во большо место под иконами,
Она хвалила свою сторону:
"Хороша наша сторонушка,
Виноградом усожена,
Черносливом обгорожена".

Не сговаривай, сговорщица,
Сама знаю, сама ведаю,
Какова ваша сторонушка:
Карапивою сожена,
Полынью обгорожена.

205. Не вчерась было, [о] Петрова дни

(Арх., Вычегда. Напев № 182)

Не вчерась было, [о] Петрова дни,
Да канун-то было Петрова дни *да*

Приходили две сватьюшки,
Да две сватьи лукавые.

Да две сватьи лукавые
Говорили — обманывали[2],

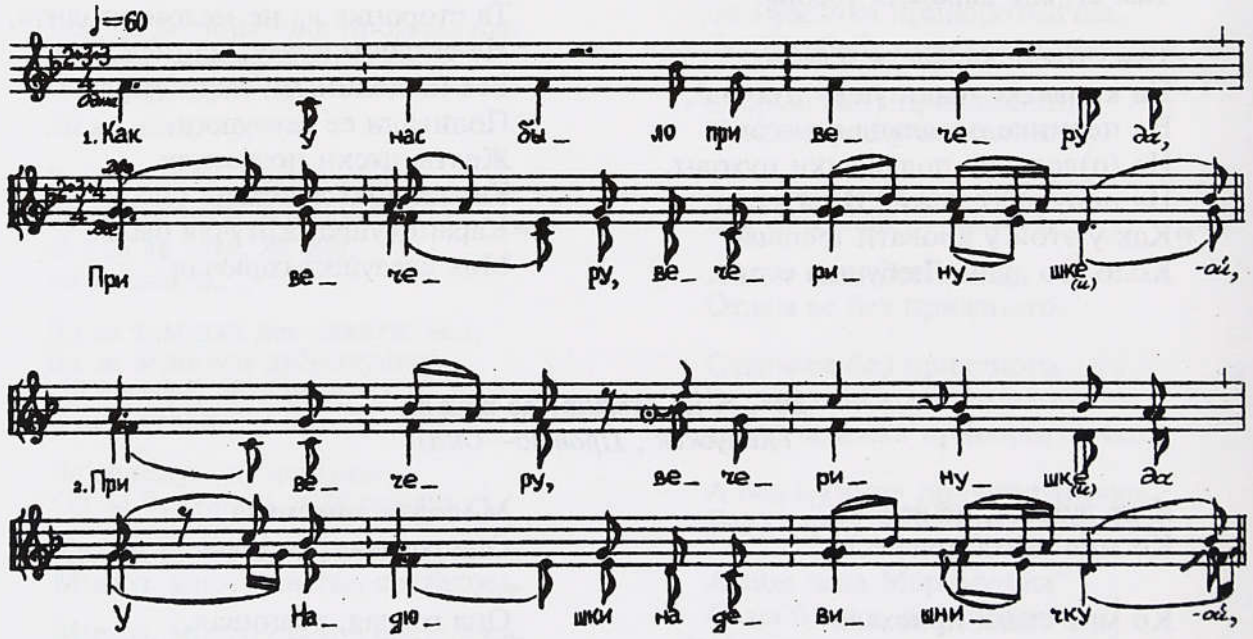
Про житье-бытье рассказывали,
Про житье-бытье богатое,
Про скота-то рогатого:
"Что у нас, у Ивана
Да дома на семи верстах,
На семи с половиною *да*,
У его две избы новые,
Меж избами-те горница *да*,
Еще светлая светлица,
Под окном-то зеленый сад,

В саду-то поет соловеюшко.
За двором-то крутая гора,
Жемчужком она усыпана". *Ой*,
Пожила я, поразведала,
Все узнала, распроведала *ой*:
У него дом-от на семи шагах *да*,
На семи с половиною,
У его две избы старые,
Между избами-то кузница *да*,
Еще черная угольница,
Под окном-то дремучий лес, *а*
Там кокует кукушечка,
Да горюет горюшечка
Свет душа-то красна девушка
Ой и Марья Ивановна.
За двором-то крутая гора,
Вся слезами улитая,
Да соплями убросана.

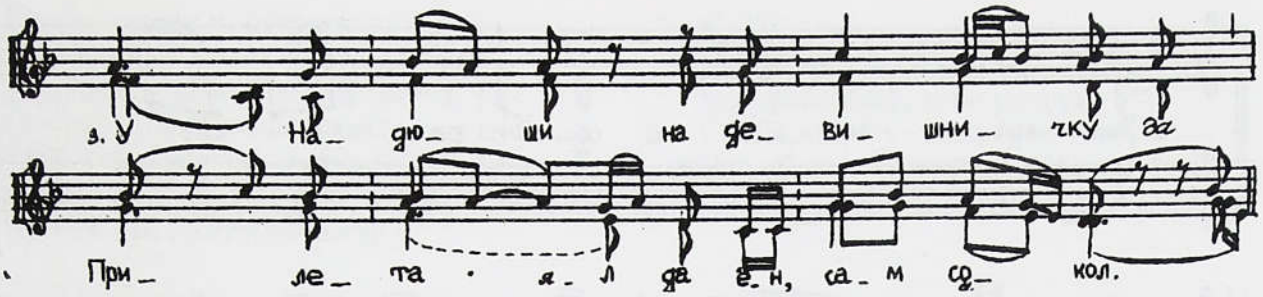
См. № 474.

206. Как у нас было при вечеру

(Ставропольск., Кума—Терек)



[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.
[2] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится. Повторяются стихи 4, 6, 10, 22, 27, 30, 31.



Как у нас было при вечеру *да,*
При вечеру, вечеринушке *ой,*

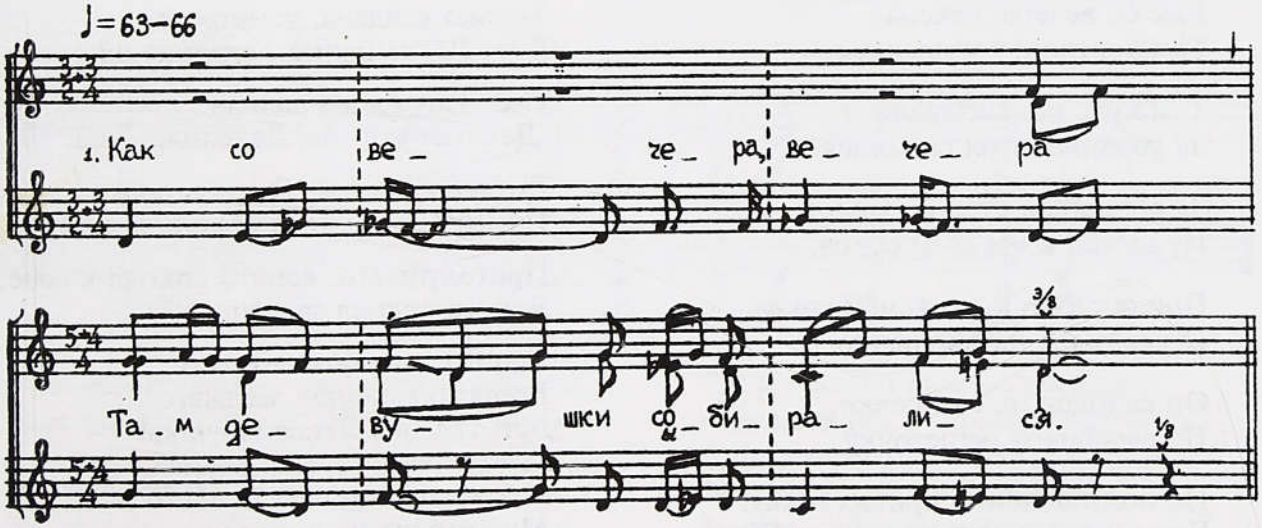
При вечеру, вечеринушке *да,*
У Надюшки на девишничку *ой,*

У Надюши на девишничку *да*
Прилетал да ён, сам сокол.

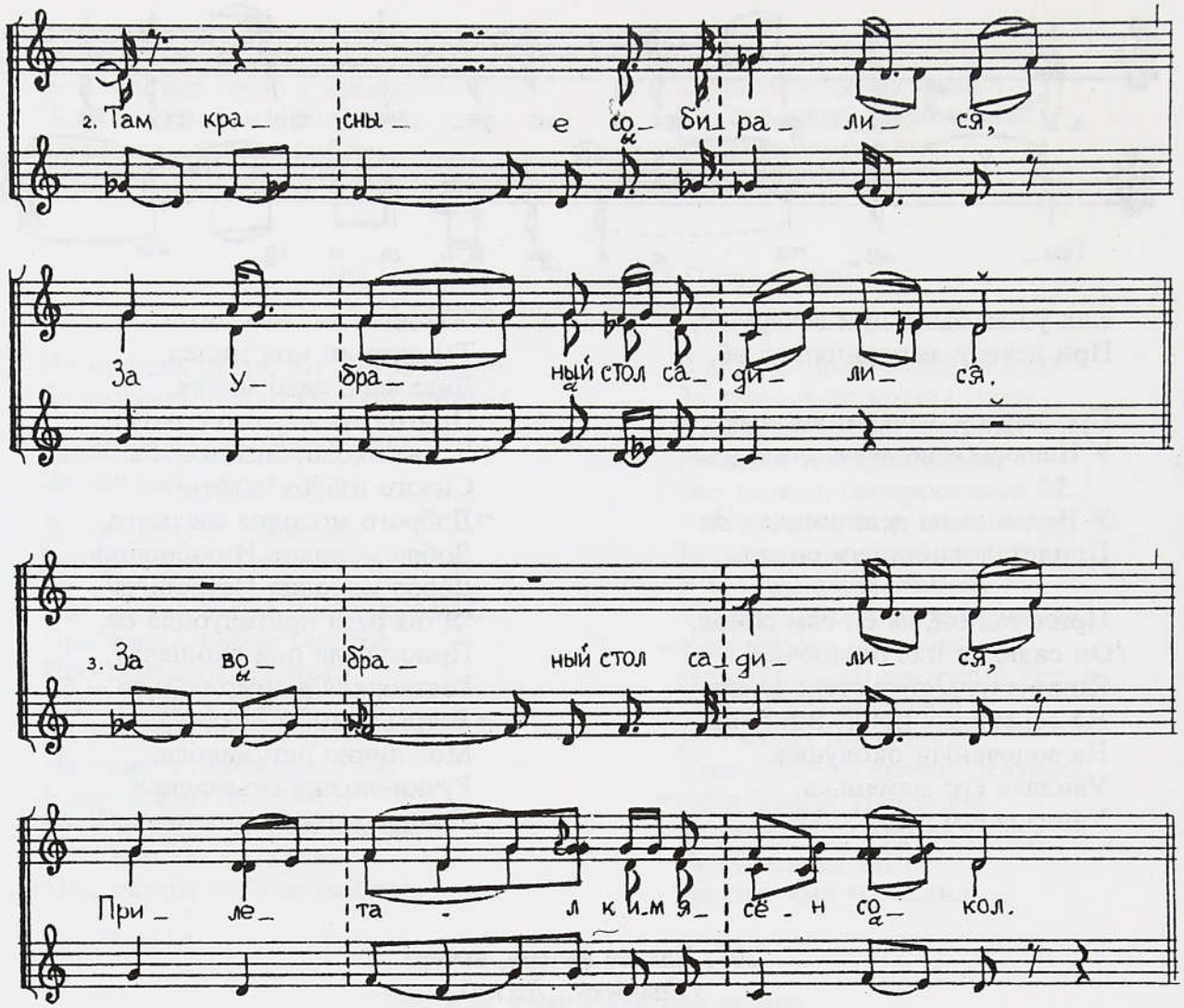
Прилетал он, да ён сам сокол,
Он садился над окошечку[1]
Ко хрустальному стеколушку
На серебряну причёлинку *ой,*
На золоченый околушек.
Увидала его маменька,
Увидала его родная *да*:

"Ты дите ли, моя дитенка,
Ты дите ли моя милая,
Дите моя, чадо милая,
Приголубь же того сокола,
Ясна сокола, сиза голубя,
Сизого голубя залетного,
Доброго молодца заезжего,
Добра молодца Николюшку,
Добра молодца Петровича". —
"Я бы рада приголубила *да*,
Приступала под окошечку,
Растворяла я хрустальную —
Ветры буйные навянули,
Мое личко остужалося,
Ручки-ножки отымалися,
С косы ленда выплеталася".

207. Как со вечера, вечера
(Калужск., Десна)



[1] **Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится, кроме измененных повторений стихов 9, 11, 16.**



Как со вечера, вечера
Там девушки собиралися.

Там красны*е* собиралися,
За убраный стол садилися.

За вобраный стол садилися,
Прилетал к им ясён сок*о*л.

Прилетал-то к им ясмён сок*о*л,
Он садился на окошечко.

Он садился на окошечко,
На серебряну решеточку,

На подзолоченну пришесточку.
Что никто сокола не видал. *Ой,*

Что никто залетного не видал,
Только увидела, усм*о*трела, *а*

Только увидела, усм*о*трела
Свет Лександрина матушка *ой,*

Свет Гаврилова р*о*дная:
"Детитка мое ты, Лександрушка,

Дитятко мое ты, Гавриловна,
Приголубь ты ясна сокола к себе.

Приголубь его, ясного сокола к себе,
Ясного сокола залетного,

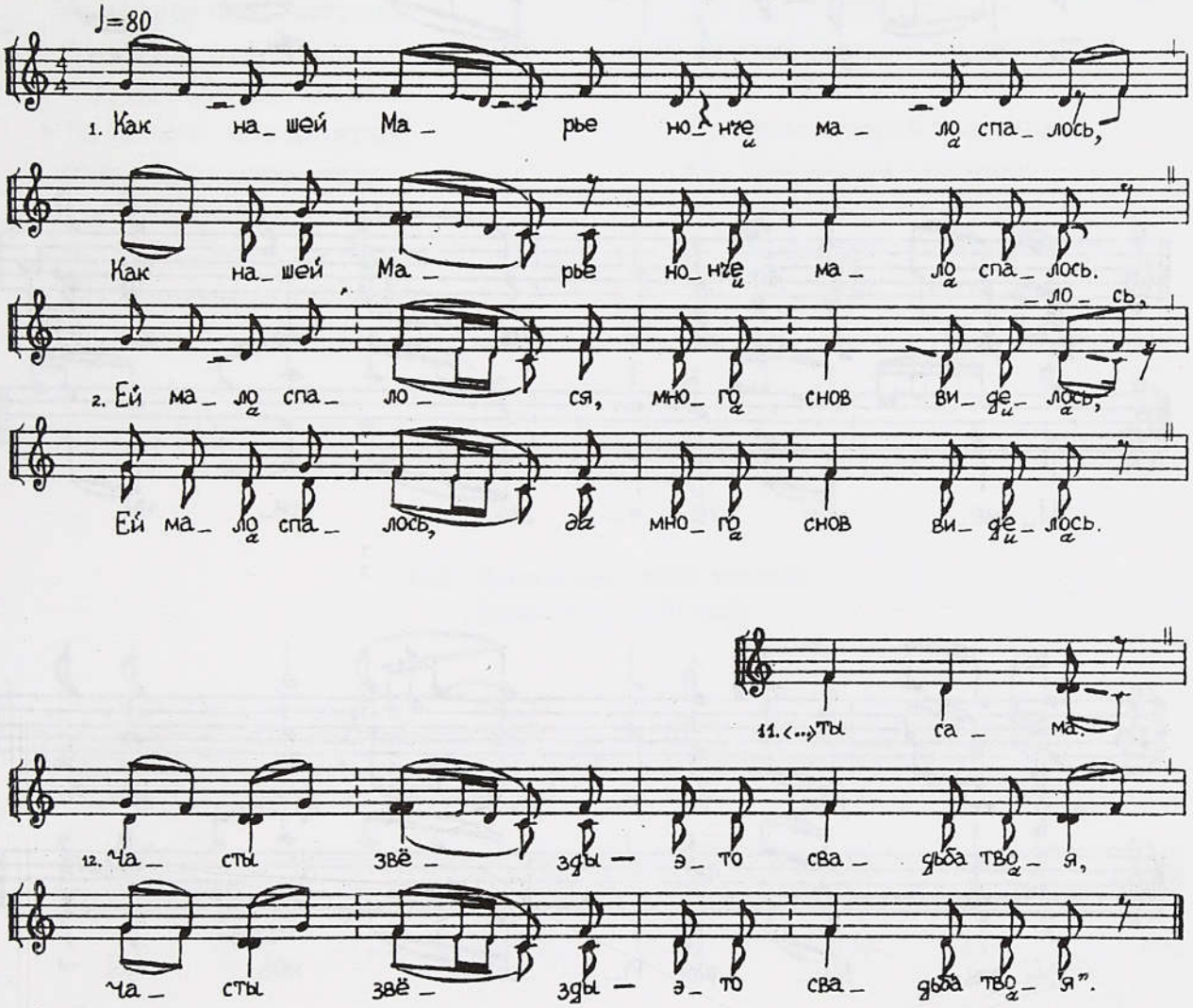
Ясного сокола залетного,
Доброго молодца заезжего[1],
Детитка мое Лександрушка!" —
"Матушка моя, моя р*о*дная,
Я б и рада приголубила его —
Мое сердце испугалося,
Ретив*о*е встрепенулося.
Я сегодня же и прошлую ночь
Мало спала, много видела во сне:

[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится, кроме измененных повторений 26—28-го стихов.

Как у наших у широких у ворот
Синее море разливается,
Сизый селезенюшка купается,
Серая утушка умывается". —
"Дитятко мое ты, Александрушка,
Дитятко мое ты, Гавриловна,
Я тебе этот сон расскажу.
Я тебе этот сон рассужу.
Рассужу, тебе расскажу.
Сон расскажу, тебе рассужу:
Синее море — подворье твое,
Сизый селезенюшка — Андреюшенька,
Серая утушка — ты, Лександрушка".

208. Как нашей Марье нонче мало спалось

(Калужск., Таруса—Ока.)

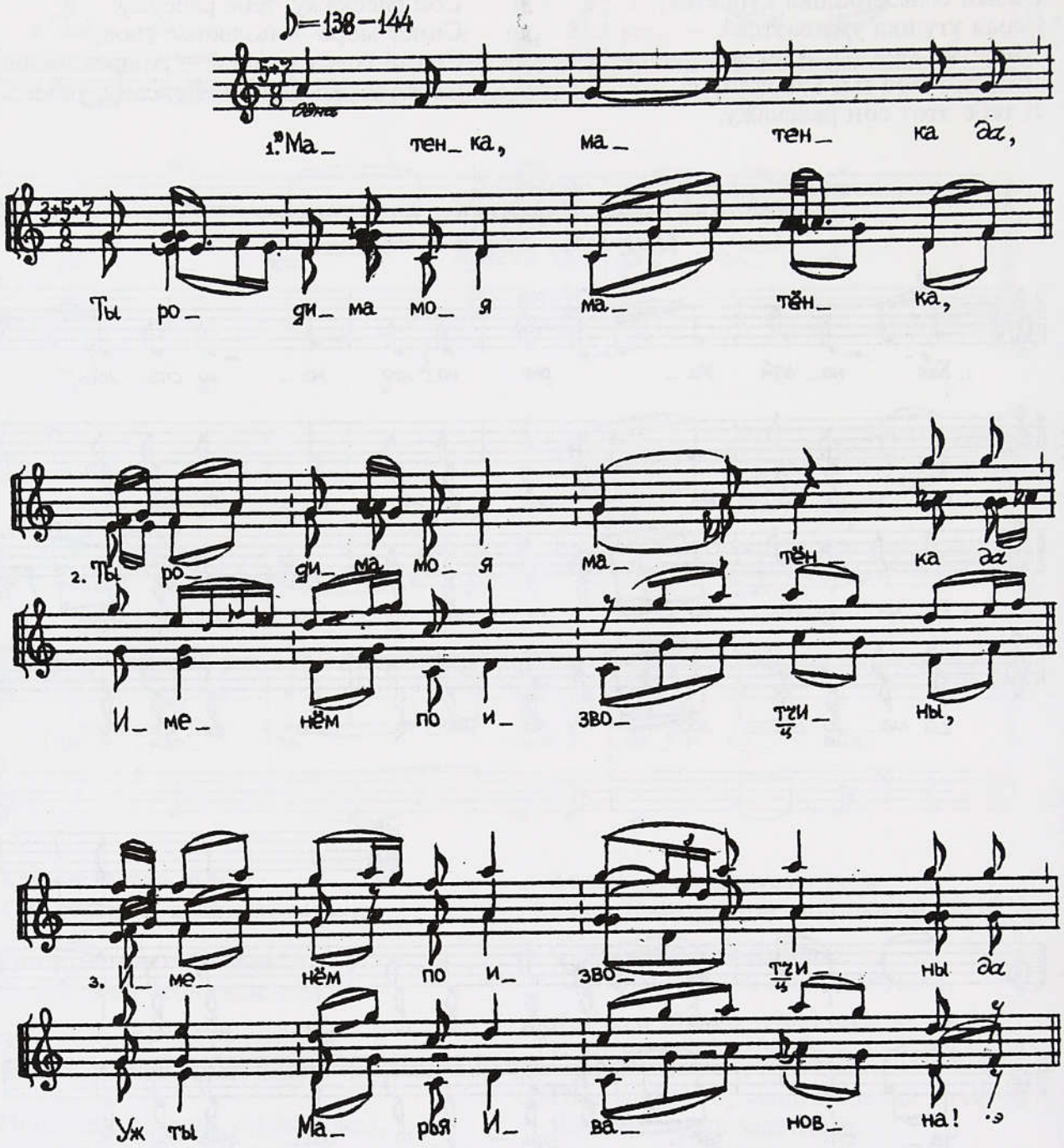


Как нашей Марье нонче мало спалось,
Как нашей Марье нонче мало спалось.
Ей мало спалося, много снов виделось,
Ей мало спалось, да много снов виделось.
Поутру вставала, стала сны говорить,
Поутру вставала, стала сны говорить:
"Родимая матушка, да что это за сон?[1]
Что да за сон во сне видела:
Светёл месяц высоко восходил,
А за месяцем — красна солнушка,
А за солнушком — часты звездочки?" —
"Дитетко, тебе сон расскажу,
Милая, тебе сон расскажу:
Светел месяц — это суженый твой,
Красная солнушка — это ты сама,
Часты звезды — это свадьба твоя".

[1] Повторение каждого стиха далее не приводится, кроме измененного повторения 9-го стиха.

209. Матенка, матенка

(Арх., Пинега)



"Матенка, матенка *да*,
Ты родима моя матенка,

Ты родима моя матенка *да*,
Именём по извотчины,

Именём по извотчины *да*
Уж ты Марья Ивановна!

Уж ты Марья Ивановна *да*,
Мне в ночи-от мало спалосе.

Мне в ночи-от мало спалосе *да*,
На заре приуснулосе,

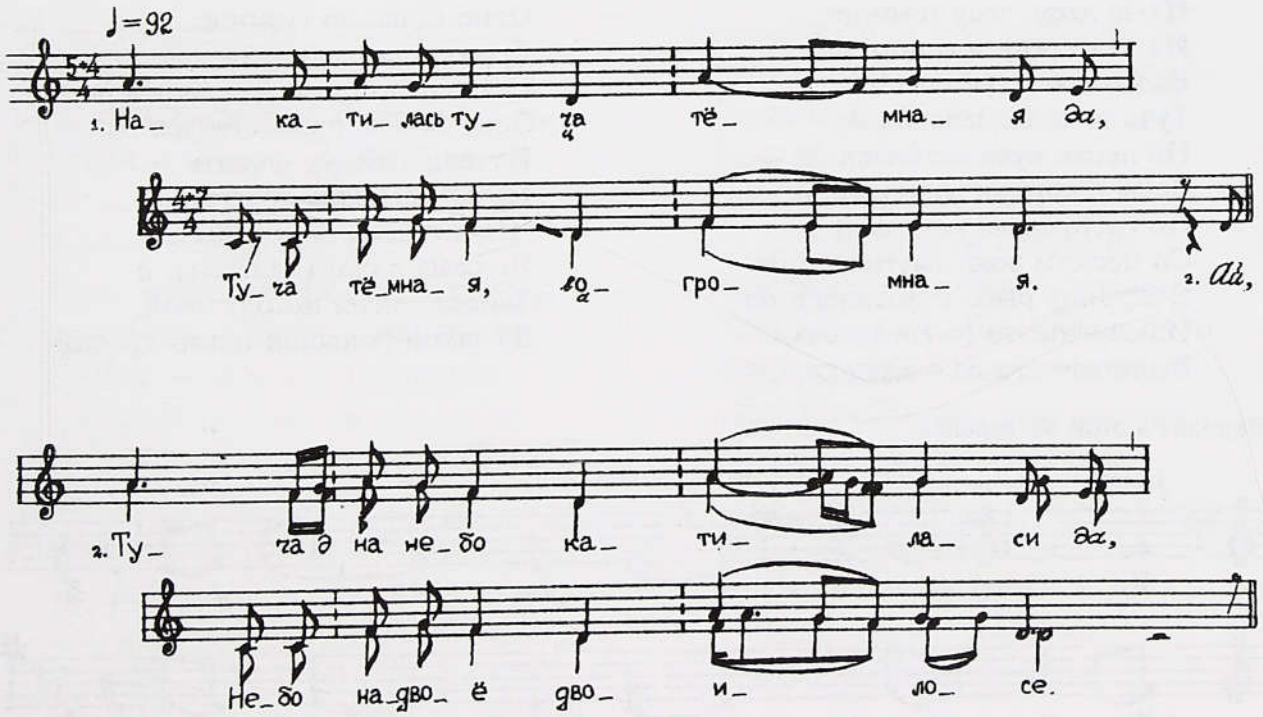
На заре приуснулосе *да*,
На заре все на утренней[1],

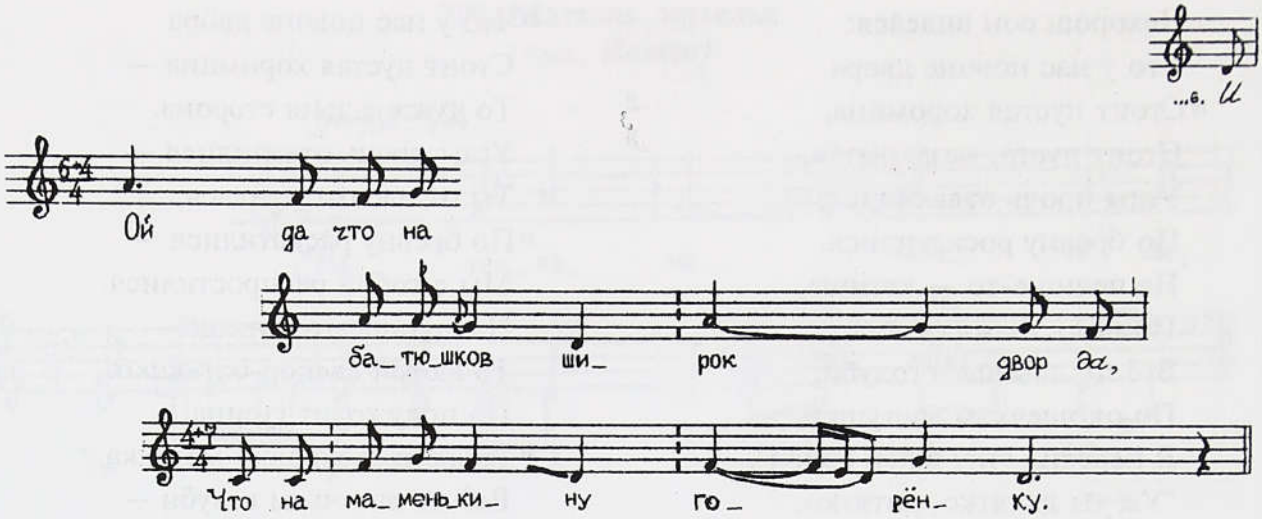
[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, с добавлением частицы *да* далее не приводится.

Нехорош сон виделся:
Что у нас повоне двора
Стоит пустая хоромина,
Стоит пуста, незакрытая,
Углы прочь отвалилися,
По бревну роскатилися.
На печище-то — котище,
По полу ходит гусина,
Всё по лавечьям голуби,
По окошечкам ластушки,
В передни углу ящён сокол". —
"Уж ты дитятко, дитятко,
Ты родимо мое дитятко,
Именем по извотчины
Ты Татьяна Ивановна!
Уж я весь тебе сон расскажу,
По словечушкам разложу.
Что у нас повоне двора
Стоит пустая хоромина —
То чужа дальня сторона.
Углы прочь отвалилися —
Ты от нас отшатилася,
По бревну раскатилися —
Мы с тобой распростилися.
На печище-то котище —
То лютой свекор-батюшко.
По полу ходит гусина —
То люта свекровка-матенка.
Всё по лавечьям голуби —
То люты деверья-братьицы.
По окошечкам ластушки —
То люты золовки-сестрицы.
В передни углу ящён сокол —
То твое, дитя, сужено".

НЕВЕСТУ ПОНУЖДАЮТ РАСПЛАКАТЬСЯ

210. Накатилась туча темная
(Карельск., Пудожье)





Накатилась туча темная *да*,
Туча темная, огромная. *Ай,*

Туча *д* на небо катиласи *да,*
Небо надвоё двоилосе. *Ай,*

По лесам туча катиласи *да,*
Лесы с кореня валилисе.

По рекам туча катиласи *да,*
Реки надвоё двоилисе. *Ай,*

Накатилась туча темная *да*
Что на батюшков широкой двор. *И*

Ой да что на
батюшков широк двор *да,*
Что на маменькину горёнку. *И*

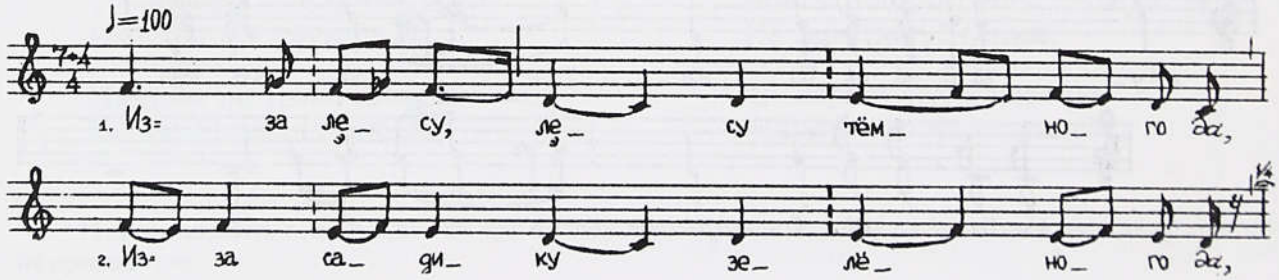
Ох на маменькину горёнку *да*
На мою бажону волюшку.

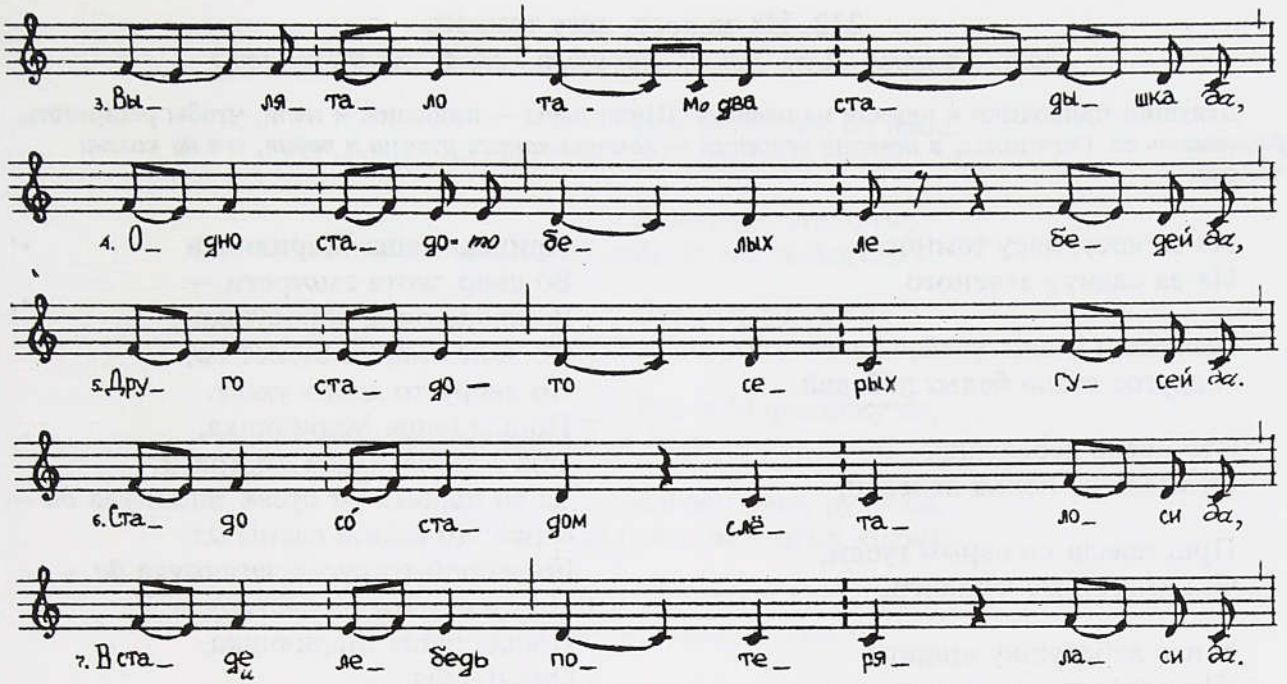
211 а, б) Из-за лесу, лесу темного

(Арх., Приозерье)

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садику зеленого *да*
Выкаталась туча темная,
Туча темная, зеленая *да.*
По лесам туча катилася *да* —
Лесы с кореня валилися, *а*
По озерушкам катиласи —
Со песком вода смутиласи *да,*
В глубину рыба спустиласи *да.*
Из-за этой-то [с-]за тучечки
Вылетало два да стадушко,
Одно стадо-то гусиное,
Друго стадо лебединое.
Стадо со стадом смешалися *да,*
Одна лебедь приотсталася *да.*
Начели лебедку щипати,
Начала лебедка крыкати:
"Не щипите, гуси серые,
Не сама я сюда залётала, *а*
Занесло меня погодушкой,
Да такой большой невзгодушкой".

Вариант в этой же деревне:





Из-за лесу, лесу темного *да*,
Из-за садику зеленого *да*
Вылятало там два стадышка *да*,
Одно стадо-то белых л*е*бедей *да*,
Друго стадо-то серы*х* гусей *да*.
Стадо с*о* стадом слёталоси *да*,
В стаде лебедь потераласи *да*,
Во гусиной-от ряд смешаласи *да*.
Начал*и*-то гуси щ*и*пати *да*.
"Не щиплите вы, гуси серые *да*,
Не сама я к вам залётала *да*,
Не своей волей-охоцею *да*,
Занясло-то меня *да* погодою *да*,
То не б*о*льшой-то не вьюгою *да*".
Завозили кони добрые,
Кони добры-то нее[з]жалые *да*,
Завозили-то красну девушку *да*
От своёго-то роду-племени *да*.
Отставала тут красна девица *да*
От своих-то красных девушек *да*,
От своёго-то отца-матери *да*,
От своих-то добрых молодцев.
Приставала тут ведь девушка *да*
Ко чужому-то роду-племени *да*,
Ко чужому-то отцу-матери *да*,
Ко чужим-то красным девушкам *да*.
Выходила-то ейна матушка *да*
Говорила-то два словечушка *да*:
"Воротись-ко, дитя милоё *да*,
Не в свою-то ты
попалосё хоромину *да*,
Занесло тебя погодою.
Там в болото-то брёвна ронены *да*,
На собаках да бревны возжены *да*,
На отробных-то нитках сдыманы *да*.
Косарём-то да изба срублена *да*,
Что сверлом окн*а* просв*е*рлёны *да*,
Решетом-то свету наношено *да*.
Тамо полочки высокие *да*,
Тамо латочки глубокие *да*,
Не достать тебе до колоба *да*,
Наживешься-та, бедна, голодом.
Тихо ходишь — обледиласи, *а*
Круто ходишь — осердиласи.
[Надь] поскок, как сера заюшка,
Поговор, как горностаюшка.
Семь годов изба не мылася, *а*
Все тебя-то дожидалися,
Твоей силушки пыталися.
А на[дь] сила-то звериная,
Могота-то лошадиная".

212. Из-за лесу, лесу темного

(Арх., Уфтюга—Сев. Двина. Вариант напева см. в Примеч.)

Девушки приходили к невесте на *шитник*. Шили дары — приданое и пели, чтобы растрогать, *росклевить* ее. Они поют, *а невеста чепается — захватывается руками и ревет, все на колени падает.*

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садику зеленого

Вылетало стадо гусей,
А другое стадо белых лебедей.

Отставала лебедушка
От стада от белых лебедей,

Приставала ко серым гусям,
Стали гуси же крыкати,

У нас лебедушку щипати.
"Не щиплите, гуси серые, меня,

Не сама я к вам залетала.
Занесло меня погодушкой,

Что великой невзгодушкой,
Что завел меня лукавый сват".

Сват вился, да сват лукавился:[1]
"У чужого у чуженина
Много злата, много серебра,
Много хлеба лёжалого,
Да много скота стоялого".

Пришла наша Мариюшка
Во двор скота смотрети —
Во дворе одна коровушка,
Не доит она, не бухает *да*,
По двору-то ходит ухает.
Пошла наша Мариюшка,
Она в амбар хлеба смотрети.
Да во первый-от сусек заглянула *да* —
С решето мыши едены *да*.
Во второй-от сусек заглянула *да* —
По сусеку мышь растянулася.
Пошла наша Мариюшка,
Она пошла
Во сундук денёг смотрети —
Одна копеечка валяется *да*,
На ребре она катается *да*,
Во кабак она собирается,
Из кабака идет, валяется *да*.
Уж как дивья-то красота *да*
Добела-то умывается *да*,
Полотенцем утирается, *а*
Уж как бабья-то красота *да*
На пече в углу катается,
Да слезами умывается *да*,
Рукавами утирается.

Песню повторяли некоторое время спустя, накануне дня венчания, когда в первый день свадьбы к невесте собирались на *сватанье* жених с родней и друзьями.

213.Соколок белый все Иванушка

(Рязанск., Унжа—Ока. Напев № 244)

Соколок белый все Иванушка,

Все Иванушка *да*,
Соко... соколинов сын все Иванович был.

Ой все Иванович,
Ты ле... ты летал, сокол, все по вышанью,

Он по вышанью *да*,
Он по... он по вышанью *да* по высокому,

По высокому *да*,
По чи... по чисту полю *да* по широкому.

---

[1] Двухстиховая форма строфы далее не показана.

И по широкому *да*,
Зале... залетел сокол все на тестев на двор,

Все на тестев на двор,
Разо... разогнал сокол лебедино стадо,

Лебедино стадо *да*,
Он о... он отшиб себе *да* все лебедушку,

Все лебедушку *да*,
Он ле... он лебедушку *да* все и Марьюшку.

Все и Марьюшку *да*,
Он и... он и взял ее *да* за белые руки,

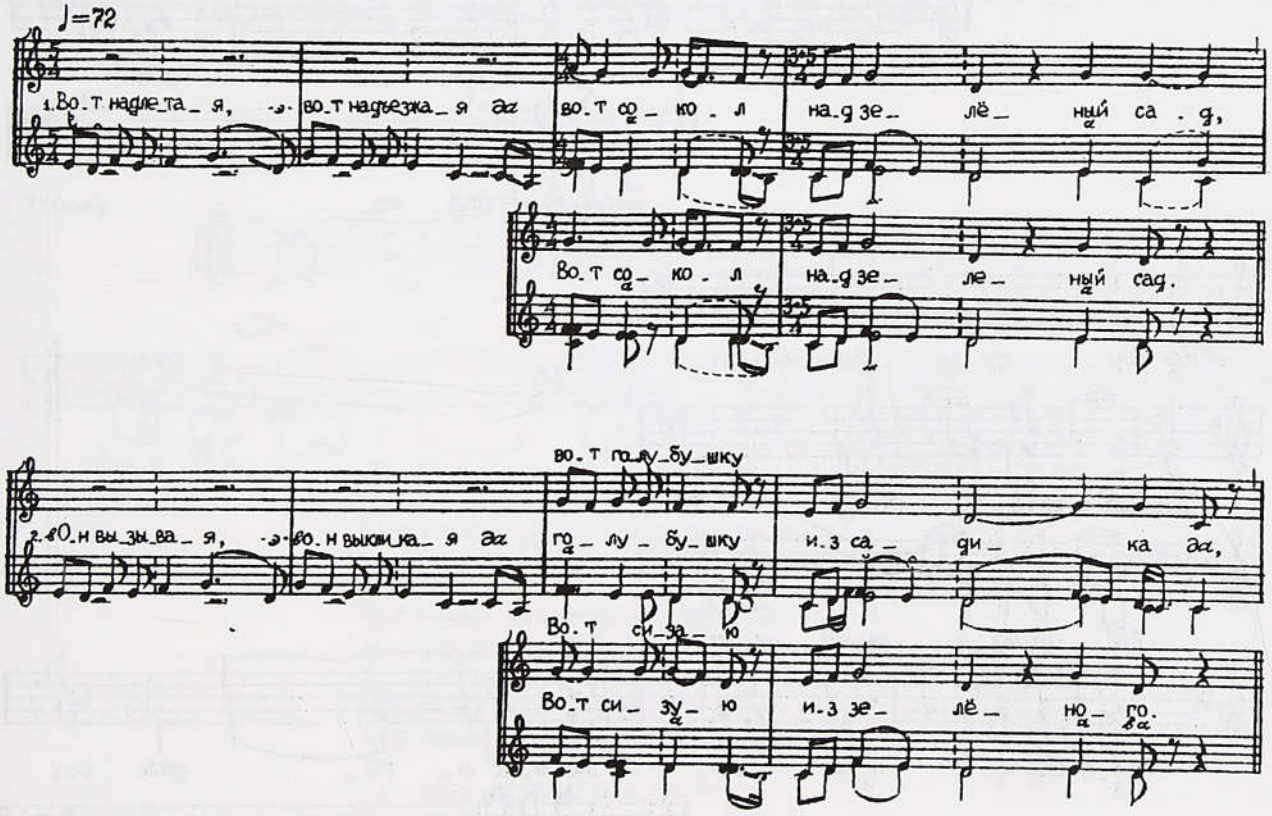
Ой за белые руки *да*,
За бе... за белы да руки, за златые кольцы,

За златые кольцы,
Он по... он повел ее к суду Божьему[1].

От суда, суда — к отцу с матерью,
От отца с матерью — к золотому венцу.

214. Надлетая, надъезжая вот сокол над зеленый сад

(Белгородск., Потудань—Дон)



[1] Запев с повторением в нем окончания стиха далее не приводится.

Вот надлетая, вот надъезжая *да*
Вот сокол над зеленый сад,
Вот сокол над зеленый сад.

Он вызывая, он выкликая *да*
Вот голубушку из садика *да,*
Вот сизую из зеленого.

Голубушка ходя, голубушка ходя *да*
Вот перушки она роня *да,*
Вот да перушки она роня.

Вот перушки роня, вот перушки роня *да*
Вот из садику она не хоча *да,*
Из зеленого она не хоча.

Она не хотела, она не хотела, *да*
Вот и за им полетела *да,*
Вот и за им полетела.

Вот надъезжая, вот надлетая *да*
Вот Иван над высок терём,
Иванович над высок терём.

А он вызывая, а он выкликая *да*
Вот Марьюшку из терема *да,*
Ивановну из высокого.

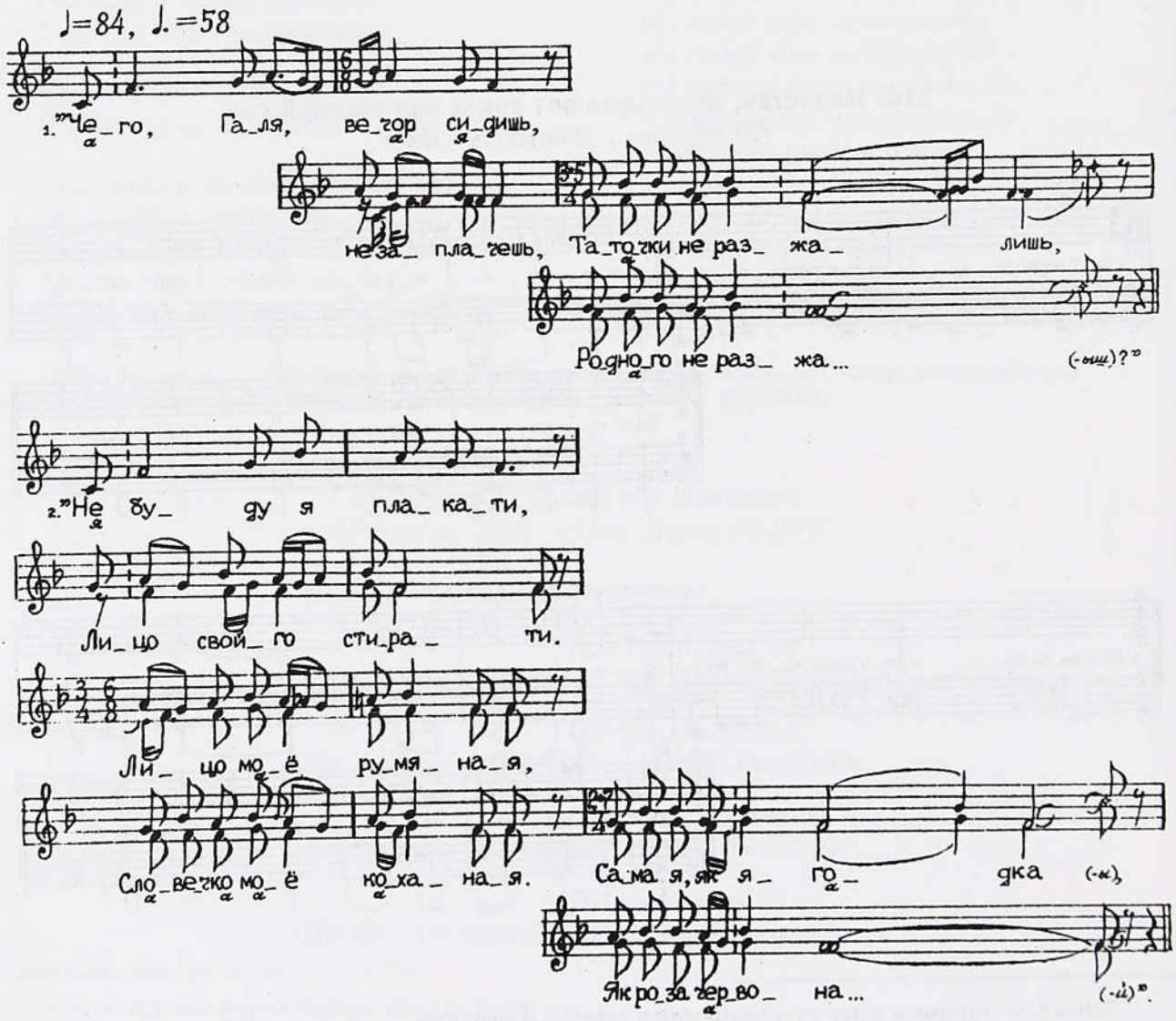
Вот Марьюшка ходя, вот Марьюшка ходя *да*
Вот слезушки она роня *да,*
Вот слезушки она роня,

Вот слезушки роня, вот слезушки роня *да*
Вот из терема она не хоча *да,*
Вот из терема она не хоча.

Она не хотела, она не хотела, *да*
Вот и за им поехала *да,*
Вот и за им поехала.

215. Чего, Галя, вечор сидишь, не заплачешь

(Брянск., Ипуть/Судость)



"Чего, Галя, вечор сидишь,
не заплачешь,
Таточки не разжалишь,
Родного не разжа..?" —

"Не буду я плакати,
Лицо свойго стирати.
Лицо мое румяная,
Словечко мое коханая,
Сама я, як ягодка,
Як роза червона..." —

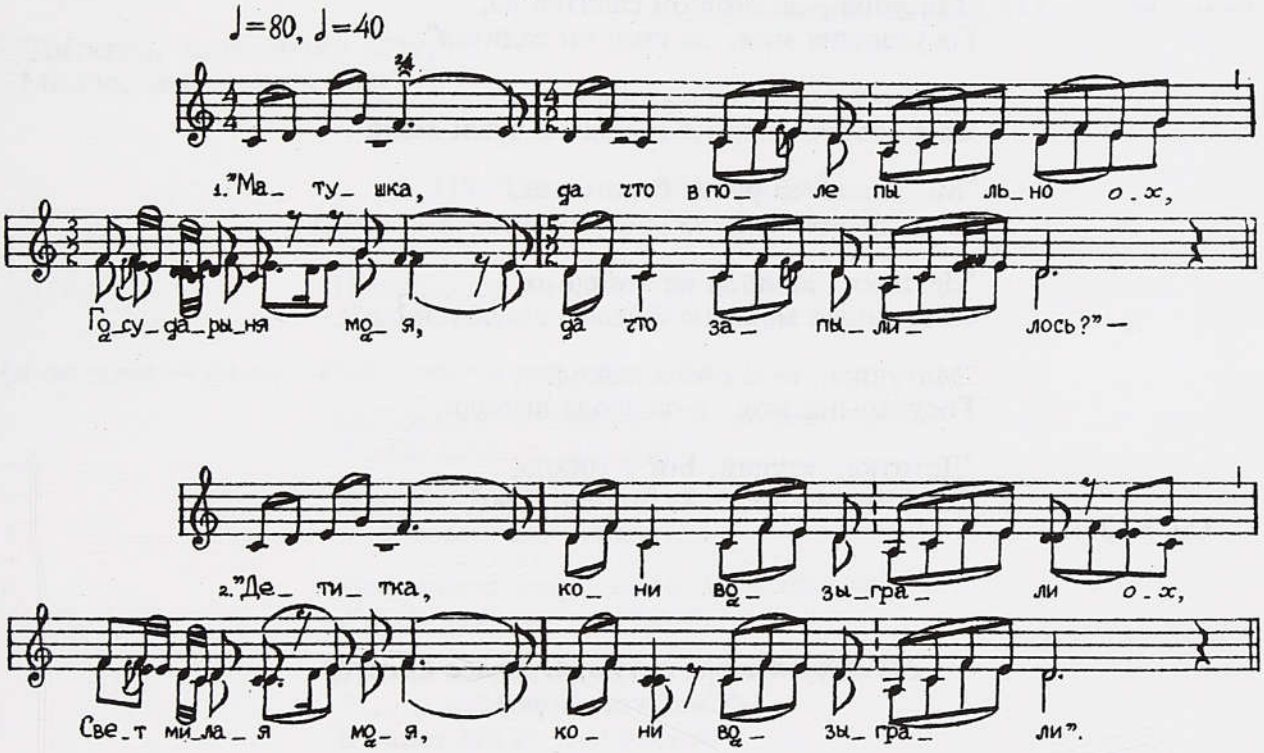
"Авжо, Галя, заплачешь,
Як долечки прознаешь.
Русая коса до пояса,
Ленточка в косе червоная —
Все твое минуется,
Як рюта завяла(я).

Дотуль сидишь, павочка,
В садочку на кустику,
Покуль дождички тебя смыют,
Покуль паводки тебя взнесут
Из саду зеленого,
С кустику червоного.

Дотуль сидишь, панночка,
Во тереме на кутику,
Покуль бояре на двор взъедут,
Покуль детинка за стол сядет.
Все твое минуется,
Як рюта завялая".

216. Матушка, да что в поле пыльно

(Калужск., Ока)



"Матушка, да что в поле пыльно?
Государыня моя, да что запылилось?" —

"Детитка, кони возыграли *ох,*
Свет милая моя, кони возыграли". —

"Матушка, да чьи ж эти кони *ох,*
Государыня моя, чьи ж вороные?" —

"Детитка, Ивановы кони *ох,*
Свет милая, его вороные". —

"Матушка, по деревне едут,
Государыня моя, к крыльцу подъезжают". —

"Детитка, сиди не пужайся *ох,*
Свет милая моя, не (о)тдам в чужи люди". —

"Матушка, на крыльцо усходют *ох,*
Государыня моя, на крыльцо усходют". —

"Детитка, сиди не пужайси *ох,*
Свет милая моя, не (о)тдам в чужи люди". —

"Матушка, у сенцы усходют,
Государыня моя, у сенцы усходют". —

"Детитка, сиди не пужайси *ох,*
Свет милая моя, не (о)тдам в чужи люди". —

"Матушка, у в избу усходют *ох,*
Государыня моя, у в избу усходют". —

"Детитка, сиди не пужайсе *ох,*
Свет милая моя, не (о)тдам в чужи люди". —

"Матушка, за стол он садится *ой,*
Государыня моя, за стол он садится". —

"Детитка, сиди не пужайся *ох,*
Свет милая моя, не (о)тдам в чужи люди". —

"Матушка, за ручку берется *ох,*
Государыня моя, за ручку берется". —

"Детитка, сиди да не бойси *ох,*
Свет милая моя, не (о)тдам в чужи люди". —

"Матушка, с-за стола выводит,
Государыня моя, с-за стола выводит". —

"Детитка, ступай, Бог с тобою,
Свет милая, ступай, Бог с тобою".

См. № 311.

217. Солнышко, матушка, за лес котится
(Смоленск., Угра)

Пели невесте, если она не плакала и вопреки обычаю торопилась замуж.

"Солнышко, матушка, за лес котится,
Солнышко, матушка, за лес котится". —

"Ти тобе, Машенька, замуж хочется?
Ти тобе, Машенька, замуж хочется?

Что у тебе слезоньки с глаз не котются?
Что у тебе слезоньки с глаз не котются?

А ти твои глазоньки полуженные[1]?
Ти твои слезоньки позаченные?

Ты иди, Машенька. в мамкин огород,
Сорви-ка, Машенька, три цубулинки,

Натри-ка глазоньки полуженные,
Чтоб пошли слезоньки позаченные".

[1] Повторение каждого стиха далее не приводится.

ДАРЫ К СВАДЬБЕ

218. Солнышко за лес закатилося

(Калужск., Вытебеть—Жиздра. Вариант напева № 236)

Солнышко за лес закатилося,
Ясное за лес закатилося.

Наталюшка замуж запросилася,
Петровна замуж запросилася:

"Батюшка, выдай меня замуж,
Родненький, выдай меня замуж". —

"Дитятко, с чем же тебя выдать?
Родная, с чем же тебя выдать?" —

"Батюшка *да,* чего ж у меня нет?
Родненький *да,* чего ж у меня нет?" —

"Дитятко, попоночки нету,
Милое, попоночки нету". —

"Батюшка, попонка — боронка,
Родненький, попонка — боронка". —

"Дитятко, подушечки нету,
Милое, подушечки нету". —

"Батюшка, милого ручeнька,
Родненький, милого ручeнька". —

"Дитятко, дерюжечки нету,
Милое, дерюжечки нету". —

"Батюшка, дерюжечка — темна ночь,
Родненький, дерюжечка — темна ночь".

219. Тёмно ли тёмно на небе

(Там же. Напев № 252, а также см. в Примеч.)

И тёмно ли тёмно *ох* на небе *ох,*
У ладо ладо ох, на небе.

(*А невеста — плача сидит, сирота или какая еще...*)

Ох темней, вот темней *ох* во лесу *ох,*
У ладо ладо ох, во лесу.

И высоко, высоко *ох* на клену ох,
У ладо ладо ох, на клену,

Там висела колубель *ох* на шалку *ох,*
У ладо ладо ох, на шалку.

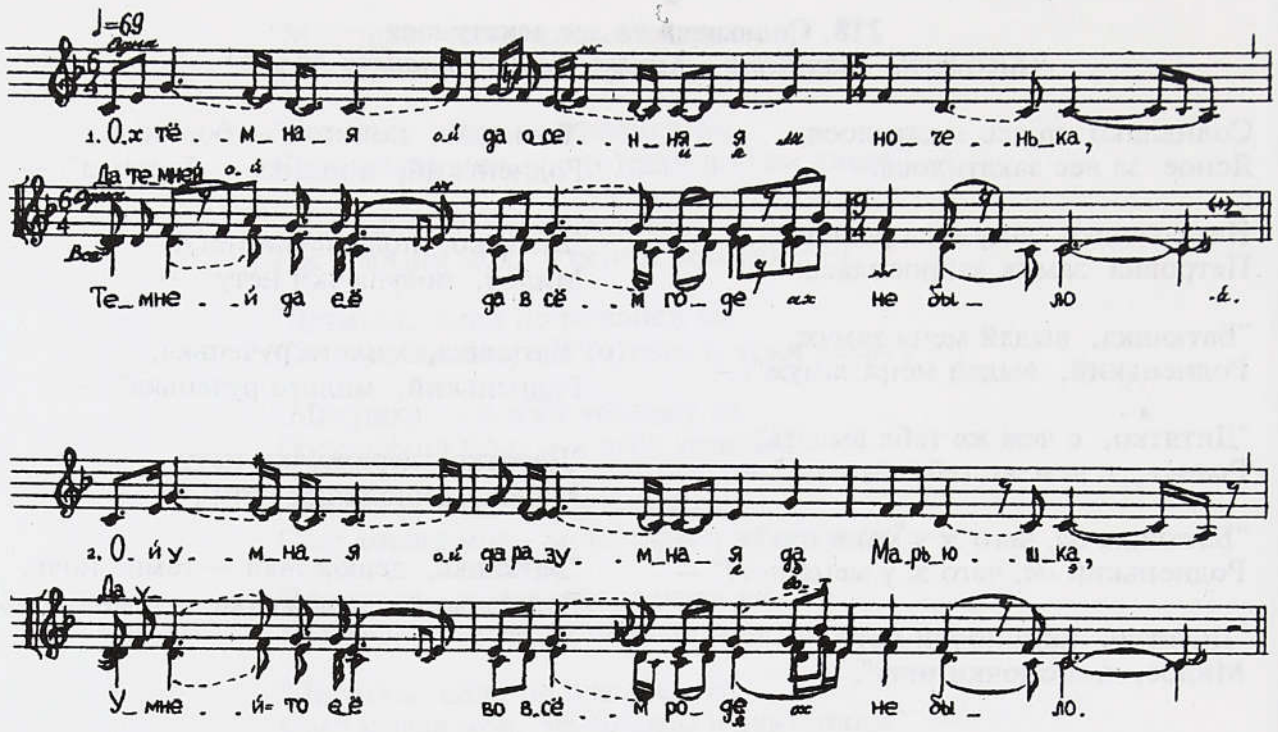
Во той во колубели *ох* млад Василь *ох,*
У ладо ладо ох, млад Василь,
Качают его *ох* две сестры[1].
"Ох сестрицы вы мои *ох* родные *ох,*
Восклыхните, взмахните *ох* повыше *ох,*
Щёбы я увидал *ох* тестев двор *ох,*
И щёбы я увидал тещин терём *ох,*
А щёбы я оглядел вот Марью *ох,*
Ох щё Марья дело делая *ох* — дары шье *ох,*
А другое дело делая *ох* — катая *ох,*
А третья дело делая *ох* — складая".

Теперя утюгом, а у нас — скала, рубель. Катали... и лучше было, щё сейчас этим утюгом.
Сравните: № 374.

[1] Строфа с припевом далее не приводится, ее форма не изменяется.

220. Ох темная осенняя ноченька

(Белгородск., Потудань—Дон)



Ох темная да осенняя ноченька,
Темней да ее да в сём годе не было.

Ой умная да разумная *да* Марьюшка,
Умней-то ее во всем роде не было.

Вот задумала она думушку в батюшки,
Узорала она черну ль пашню орлами,

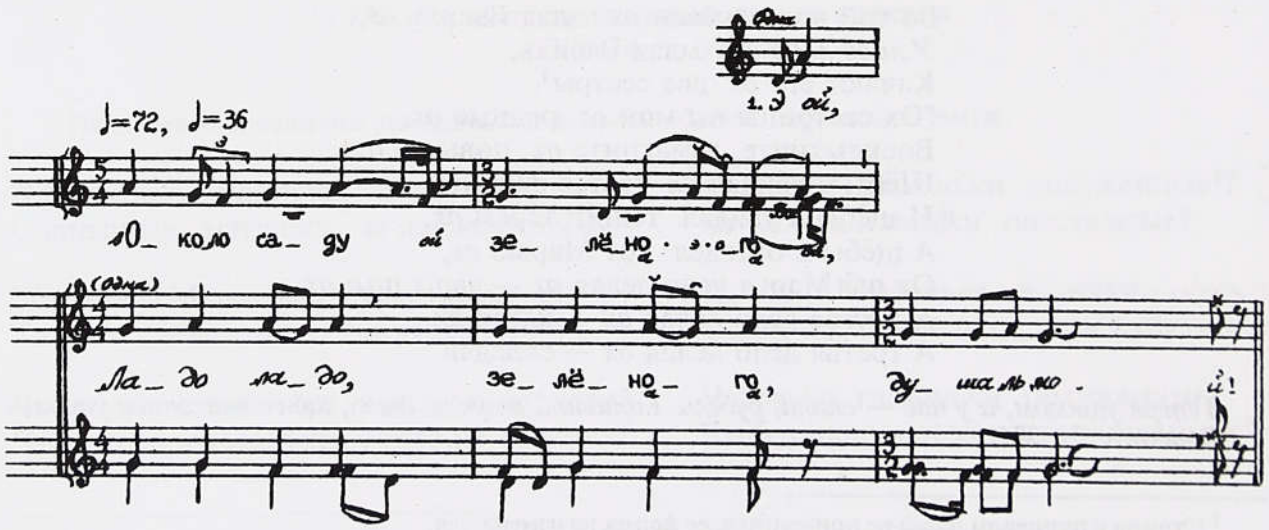
Ой посеяла черную пашню жемчугом,
Усеяла черну ль пашню жемчугом,

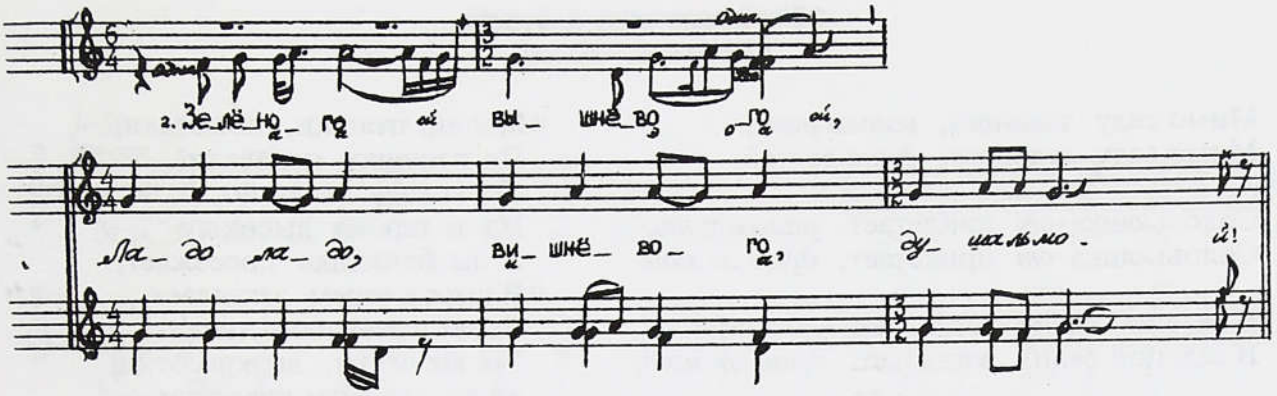
Да й уставила черную пашню столбами,
Да й увешала да все те столбы коврами,

Ой увешала да все те столбы коврами,
Да й устлала она круты бережки холстами.

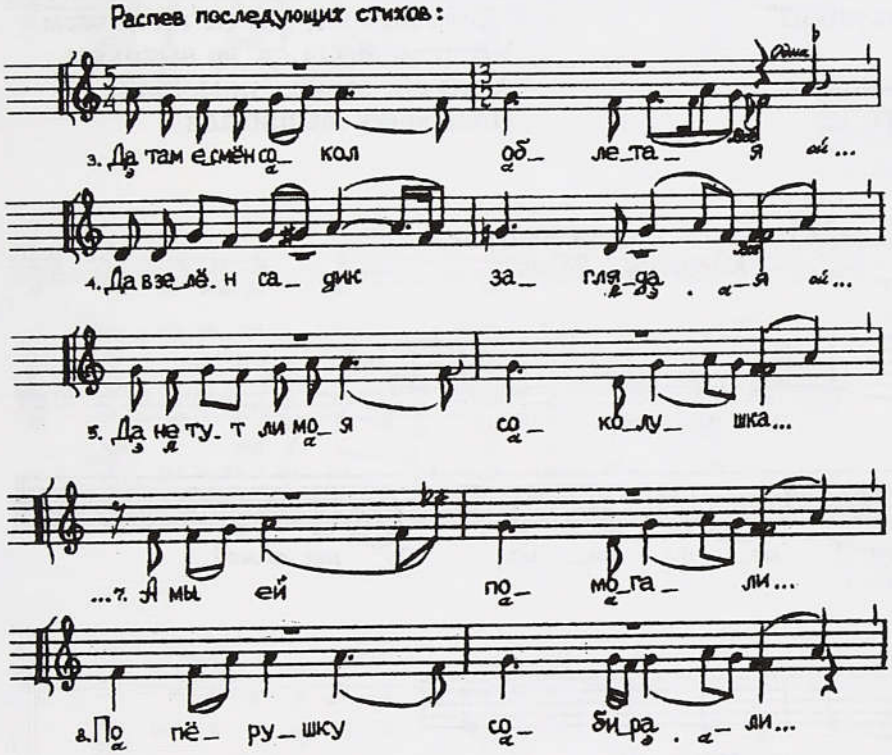
221. Около саду зеленого

(Белгородск., Валуй—Оскол)





Распев последующих стихов:



Э ой,
Около саду *ой* зеленого *ой*,
Ладо ладо, зеленого, *душа ль мой*!

Зеленого *ой*, вышневого *ой*,
Ладо ладо, вышневого, *душа ль мой*!

Да там есмён сокол облетая *ой*,
Ладо ладо, облетая, *душа ль мой*!

Да в зелен садик заглядая *ой*:
Ладо ладо, заглядая, *душа ль мой*!

"Да не тут ли моя соколушка?"
Ладо ладо, соколушка, *душа ль мой*!

"Она тут была *ой*, гнездо вила *ой*[1],
А мы ей помогали,
По перушку собирали,
Ко гнездушку прививали".

Окол терему высокого,
Да там Иванюшка объезжая
Да в высок терем заглядая:
"Да не тут ли моя ой Марьюшка?" —
"Она тут была *ой*, венок плела *ой*,
А мы ей помогали,
По цветику собирали,
Ко веночку прививали".

[1] Строфа с рефренами далее не приводится, ее форма не изменяется.

222. Мимо саду зеленого
(Калужск., Болва)

Мимо саду зеленого, *раным рано,*
Мимо саду зеленого, *душа ль мой.*

Соловьюшка-*от* прилетает, *раным рано,*
Соловьюшка-*от* прилетает, *душа ль мой.*

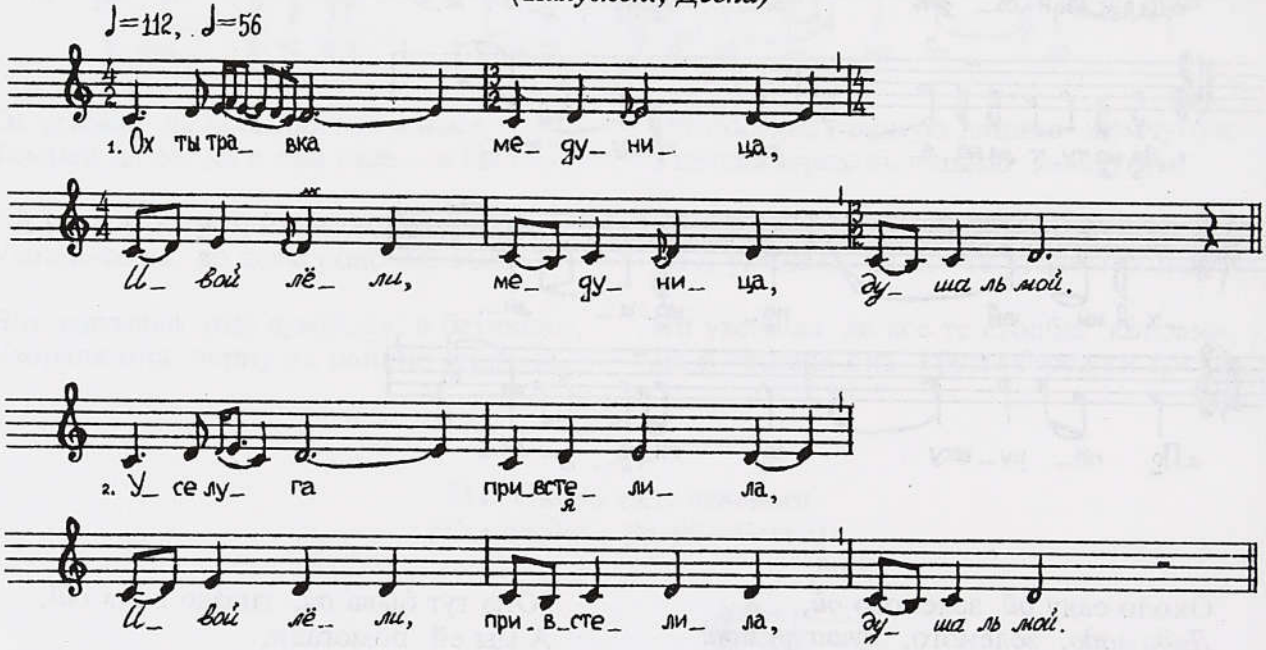
В зеленой садик заглядает, *раным рано,*
В зеленой садик заглядает, *душа ли мой*[1].

Он у пташек ах пытает:
"Ах вы пташки канарейки,
Не видали ль вы тут кокушки?"
Ему пташки отвечали:
"Хоть видали, да не выскажем.
В саду была, гнездо вила.

Сравните: № 350, 351.

Мы ей, пташки, помогали,
По перушку подавали".
Из-за саду зеленого,
Из-за терема высокого
И ды Ванюшка проезжает,
В высок терем заглядает,
Эх он у девушках пытает:
"Ах вы девки, вы красотки,
Ах вы девушки красотки,
Не видали ль вы тут Тони?"
Ему девки й отвечали:
"Хотя видали, ды не выскажем.
У тереме была *ах* да высоком.
А мы ей, девки, помогали,
Подарочку вышивали".

223. Ох ты травка медуница
(Калужск., Десна)



"Ох ты травка медуница,
Ивой лёли, медуница, *душа ль мой.*

Усе луга привстелила,
Ивой лёли, привстелила, *душа ль мой.*

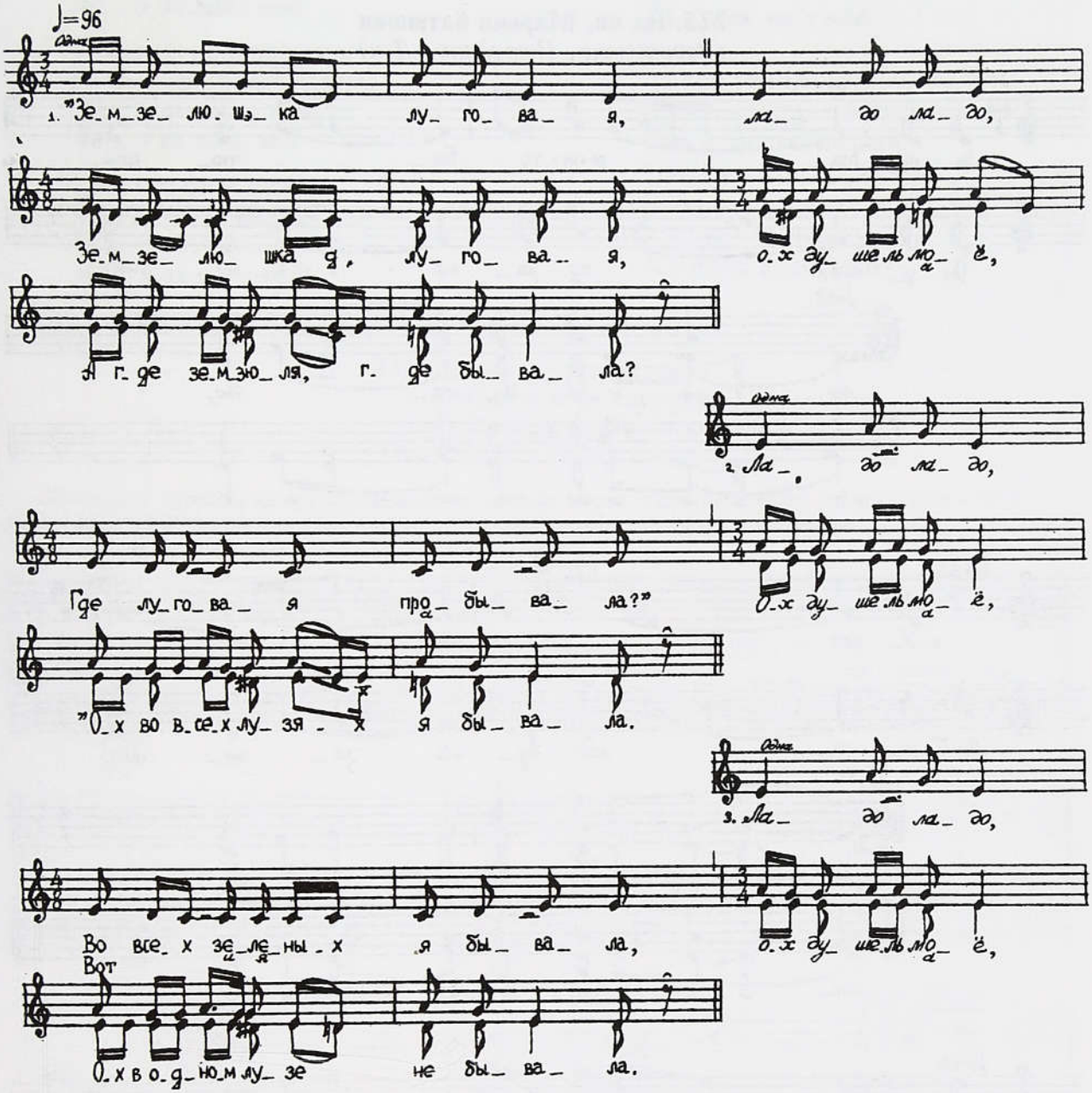
На (о)дном луге не бывала".
Ивой лёли, не бывала, *душа ль мой*[2].

"На том луге сама сяду,
Сама сяду, раскустюся,
Раскустюся, разлопушуся,
Пущу коренья по всем лугам,
По всем лугам, по болотам". —
"А красная Анютушка
Усех сватов привдарила,
А про Ваню позабыла". —
"А за Ваню сама пойду,
Пущу дары на все дворы,
На все дворы островские".

[1] Припев и повторение каждого стиха в строфе далее не приводятся, кроме измененного повторения 17-го стиха.
[2] Строфа с рефренами далее не приводится, ее форма не изменяется.

224. Земзелюшка луговая

(Белгород)

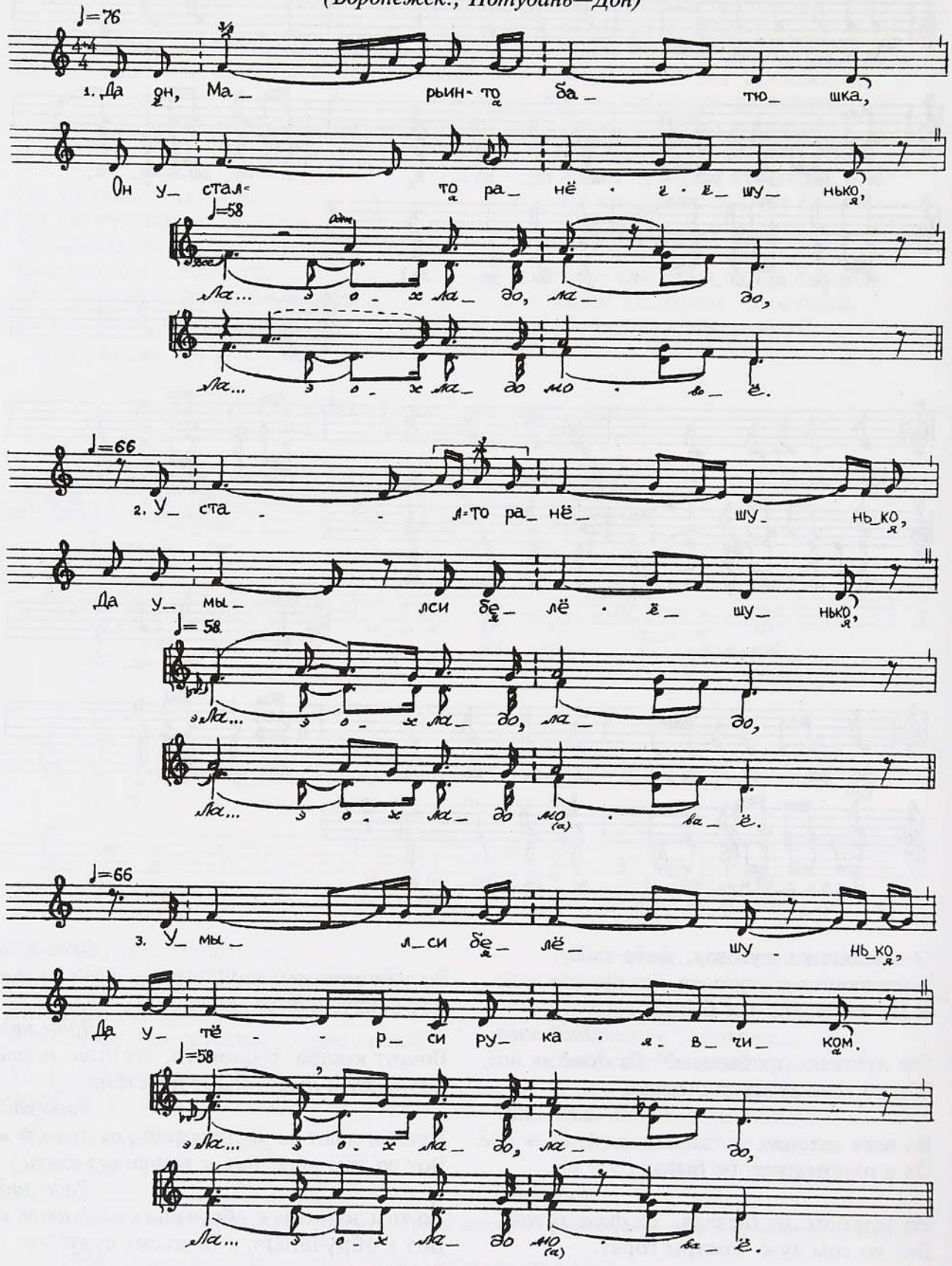


"Земзелюшка луговая, *ладо ладо,*
Земзелюшка д` луговая, *ох душе ль моё,*
А где земзюля, где бывала?
Ладо ладо,
Где луговая пробывала?" *Ох душе ль моё,*
"Ох во всех лузях я бывала.
Ладо ладо,
Во всех зеленых я бывала, *ох душе ль моё,*
Ох в одном лузе не бывала.
Ладо ладо,
Во зеленом не бывала, *ох душе ль моё.*
Вот во том лузе костры горят.
Ладо ладо,
Во том зеленом терновые, *ох душе ль моё,*
Вот вокруг костра ковалики.
Ладо ладо,
Вокруг костра тернового, *ох душе ль моё,*
Вот куют и льют золот перстень.
Ладо ладо,
Куют и льют золот перстень, *ох душе ль моё,*
Вот во том перстню к венчанью ехать.
Ладо ладо,
Во том золотом к обручанью, *ох душе ль моё,*
Вот к обручанью, к Божьему суду".

ЧАРА ИСПИТА

225. Да он, Марьин батюшка

(Воронежск., Потудань—Дон)



Да он, Марьин-то батюшка,
Он устал-то ранешунько,
Ла... э ох ладо, ладо,
Ла... э ох ладо моё.

Устал-то ранешунько,
Да умылси белешунько,
Ла... э ох ладо, ладо,
Ла... э ох ладо моё.

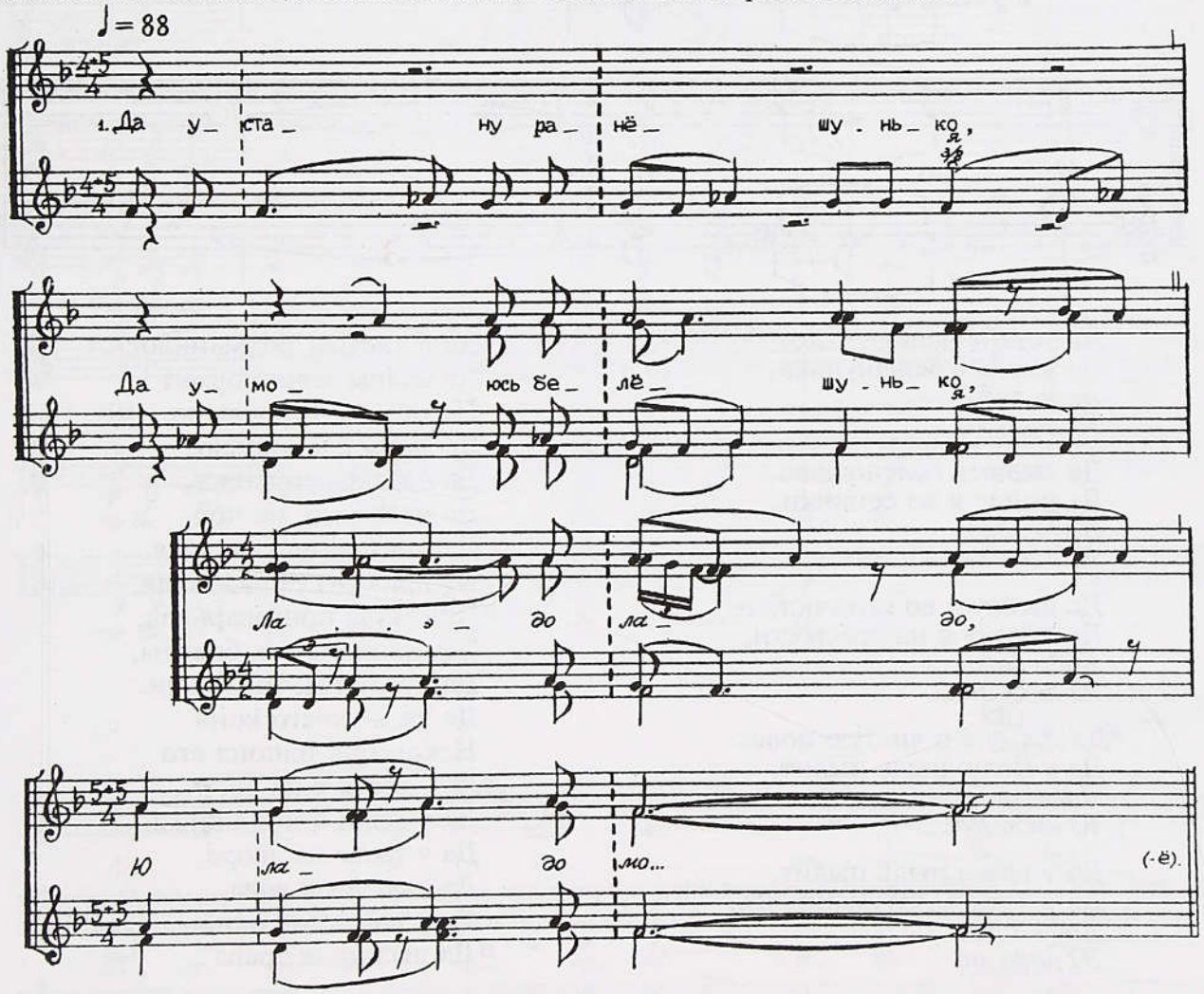
Умылси белешунько,
Да утерси рукавчиком.
Ла... э ох ладо, ладо,
Ла... э ох ладо моё.

Он утерси рукавчиком,
Сам сел перьд оконушком,
Ла... э ох ладо, ладо,
Ла... э ох ладо моё.

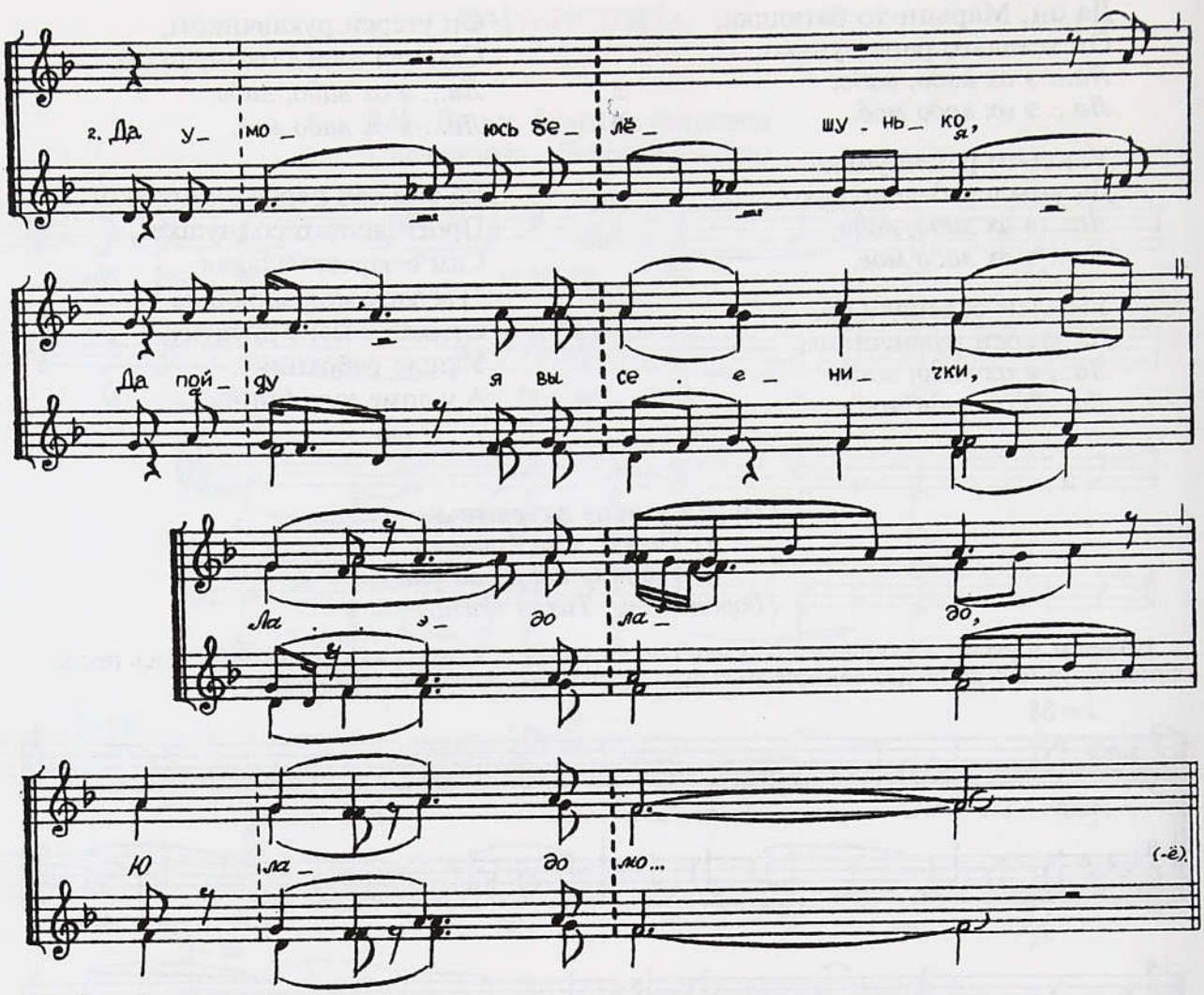
Да сам сел перьд оконушком
Проти ясного солнушка[1],
Сам с зарею балакая:
"Ты заря моя зорюшка,
Отняла ў мене дитятку,
У поле работницу,
А у доме кукобницу".

226. Да устану ранешунько
а) Пойду я во сенички,
б) Пройду вдоль по улицы
(Воронежск., Тихая Сосна)

Вечером и утром в канун свадьбы исполнялась песня, которая как бы разветвлялась после одинакового начала на два самостоятельных сюжета. На вечернем девишнике:



[1] Повторение стиха, вызванное цепным соединением строф, и припева в каждой строфе далее не приводится.



Да устану ранешунько,
Да умоюсь белешунько,
Ладо ладо,
Ю ладо мо...

Да умоюсь белешунько,
Да пойду я во сенички,
Ладо ладо,
Ю ладо мо...

Да выйду я во сенички,
Да ступну я на крылечки,
Ладо ладо,
Ю ладо мо...

Да гляну я в чистую поле:
Да у полю пыль пылит,
Ладо ладо,
Ю ладо мо...

Да у полю пыль пылит,
Да в чистом затуманилось,
Ладо ладо,
Ю ладо мо...

Да в чистом затуманилось,
Да бояры коня кормят [1]
Не овсом, а гречихою,
Яровою пашаницею.
Да один Сергеюшка
Да не кормя, не поя,
Да приказщичком ходя,
Да приказы приказывая,
Приговор приговаривая:
"Да кормите вы, братцы,
Да поите вы, товарищи.
Да уж я своего коня
Накормил, напоил его
Да у тестя я на дворе,
Да у тещи я под окном.
Да у тестя на дворе
Да ключёвая вода,
Да у тещи под окном
Да шалковая трава".

[1] Повторение стиха, вызванное цепным соединением строф, и припева в каждой строфе далее не приводится.

На следующее утро девушки продолжали песню иначе:

Да устану ранешунько,
Да умоюсь белешунько,
Ладо ладо,
Ю ладо мо...

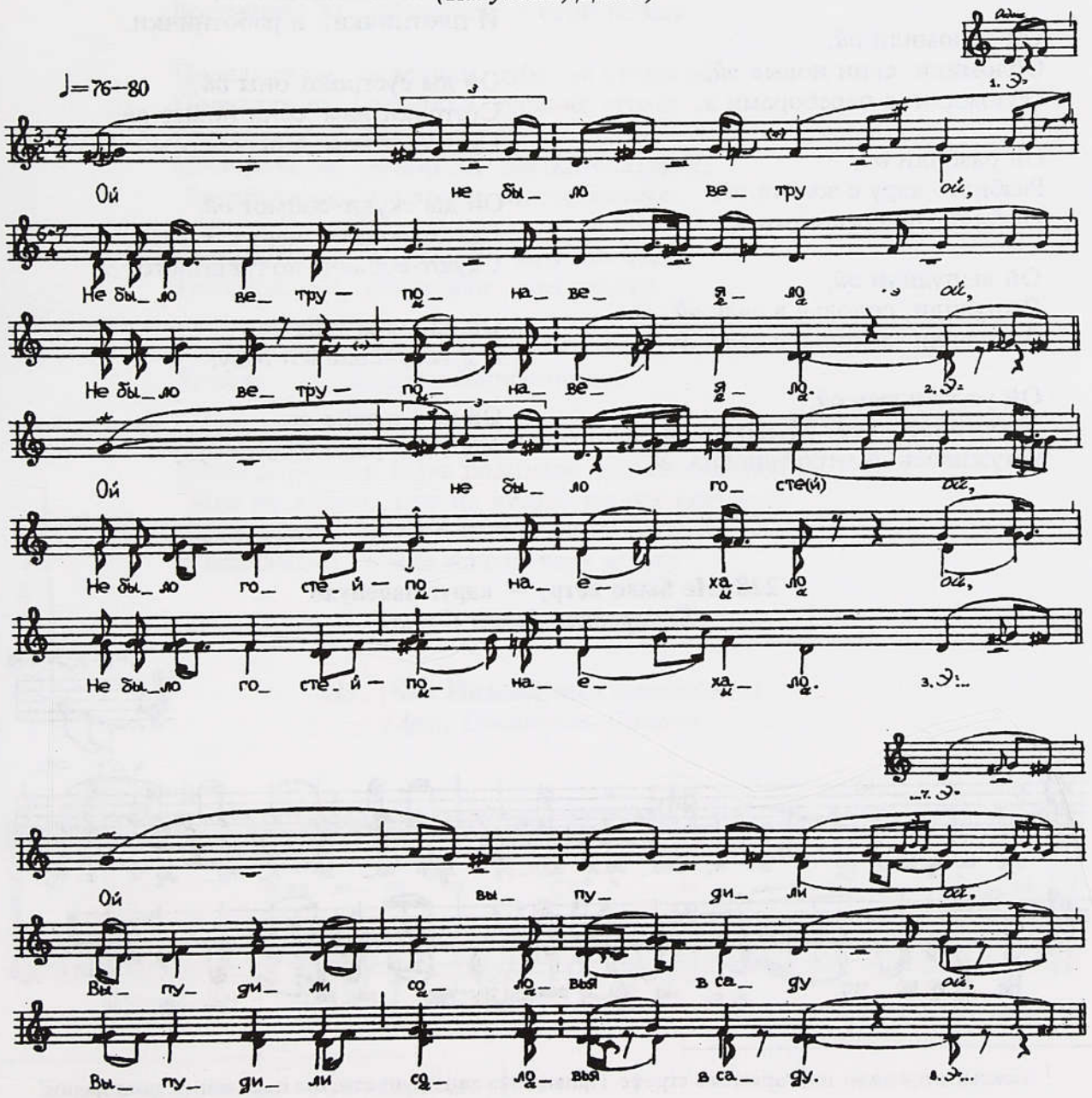
Да пройду вдоль по улицы
Два двора я минуевчи,
Ладо ладо,
Ю ладо мо...

Два двора я минуевчи,
Да у третьем послушаю,
Ладо ладо,
Ю ладо мо...

Да у третьем послушаю,
Щё люди бают-гутарют.
Люди бают-гутарют,
Анниного батюшку бронют:
"Ох Аннин батюшка
Пьяница-пропойница,
Да пропил свою дочеря
Не за винную чарочку,
За медовую чашечку,
Да за сладкий кусочек,
За теплый куточек".

227. Не было ветру — понавеяло

(Калужск., Десна)



Э,

Ой не было ветру *ой,*
Не было ветру — понавеяло *ой,*
Не было ветру — понавеяло. *Э,*

Ой не было гостей *ой,*
Не было гостей — понаехало *ой,*
Не было гостей — понаехало. *Э,*

Ой полон дворок *ой,*
Полон дворок вороных коней *ой,*
Полон дворок вороных коней. *Э,*

Ой ды полны сени *ой,*
Полны сени дорогих гостей *ой,*
Полны сени дорогих гостей. *Э,*

Ой обломили *ой,*
Обломили сени новые *ой,*
Обломили с переборами *э,*

Ой разбили *ой,*
Разбили чару с золота *ой,*
Разбили полуженного *э,*

Ой выпудили *ой,*
Выпудили соловья в саду *ой,*
Выпудили соловья в саду. *Э,*

Ой устужилась *ой,*
Устужилась свет Манютушка *ой,*
Устужилась Митрофановна. *Э,*

Ой ды а ей Алеша *ой,*
А ей Леша разговаривал *ой,*
А ей Леша разговаривал:

"Ой ты не тужь, не плачь *ой,*
Не тужь, не плачь, свет Манютушка *ой,*
Не тужь, не плачь, Митрофановна. *Э,*

Ой да мои братья *ой,*
Мои братья на всё мастеры[1],

Ой да и свечнички *ох,*
И свечники, и кузнечнички,

Ой да и плотнички *ох,*
И плотнички, и работнички.

Ой ды сустроют оны *ой,*
Сустроют нам сени новые *ой,*
Сустроют нам с переборами. *Э,*

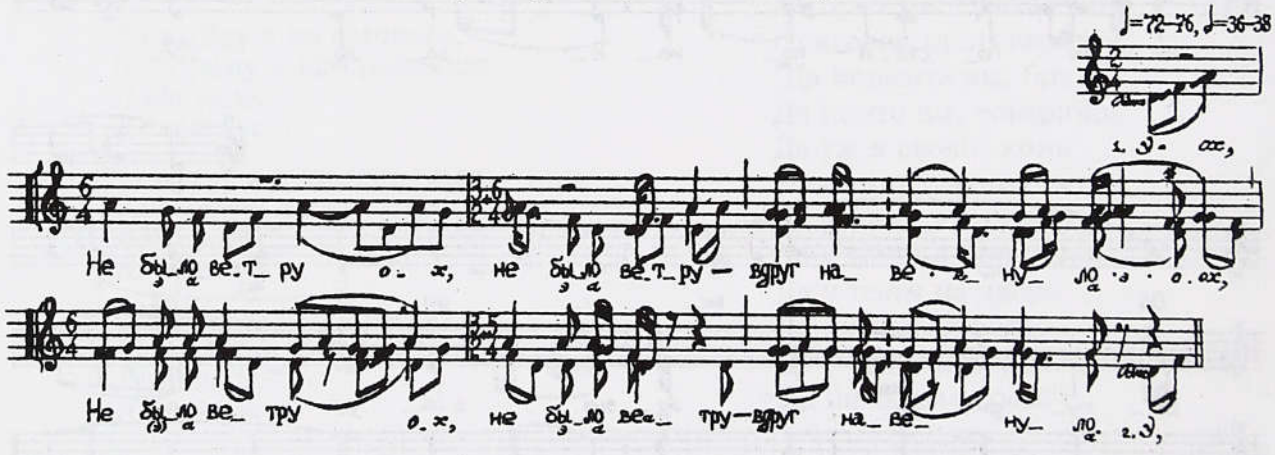
Ой ды скуют-сольют *ой,*
Скуют-сольют чару с золота,
Скуют-сольют полуженного. *Э,*

Ой да а я ж тебе *ох,*
А я тебе соловей буду,

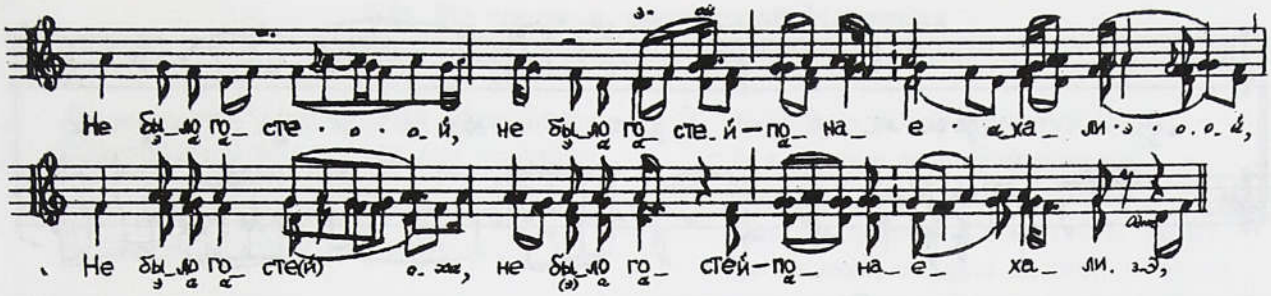
Ой да а я тебе *ох,*
А я тебе рано будить буду".

228. Не было ветру — вдруг навенуло

(Белгородск., Тихая Сосна)



[1] Каждый стих далее повторяется в строфе. Приводятся лишь существенно измененные повторения.



Э-ох,
Не было ветру *ох,* не было ветру — вдруг навенуло *э-ох,*
Не было ветру *ох,* не было ветру — вдруг навенуло. *Э,*

Не было гостей, не было гостей — понаехали *э ой,*
Не было гостей, не было гостей — понаехали. *Э,*

Воступили *ох,* воступили в сени новые *вот,*
Воступили *ох,* воступили в сени новые.

Поваляли *ой,* поваляли дубовые столы *ой,*
Поваляли *ох,* поваляли дубовые столы.

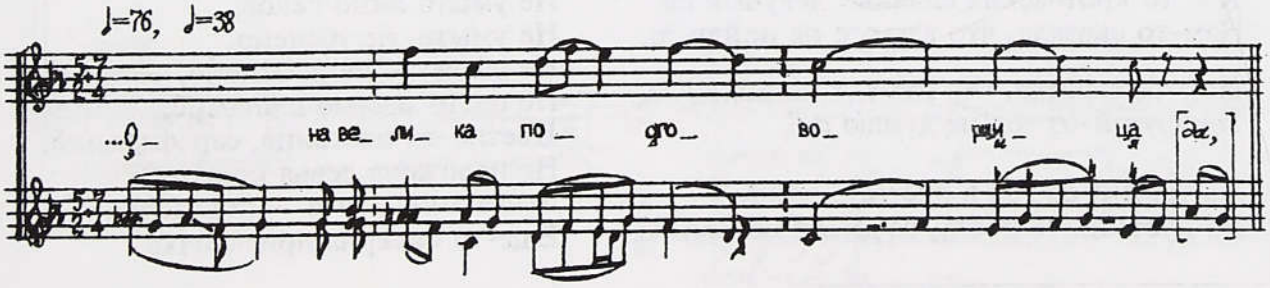
Помарали *ох,* помарали шалки-скатерти,
Помарали *ох,* помарали шиты браные.

Раздавили *ох,* раздавили чару золоту,
Раздавили *ох,* раздавили чару золоту.

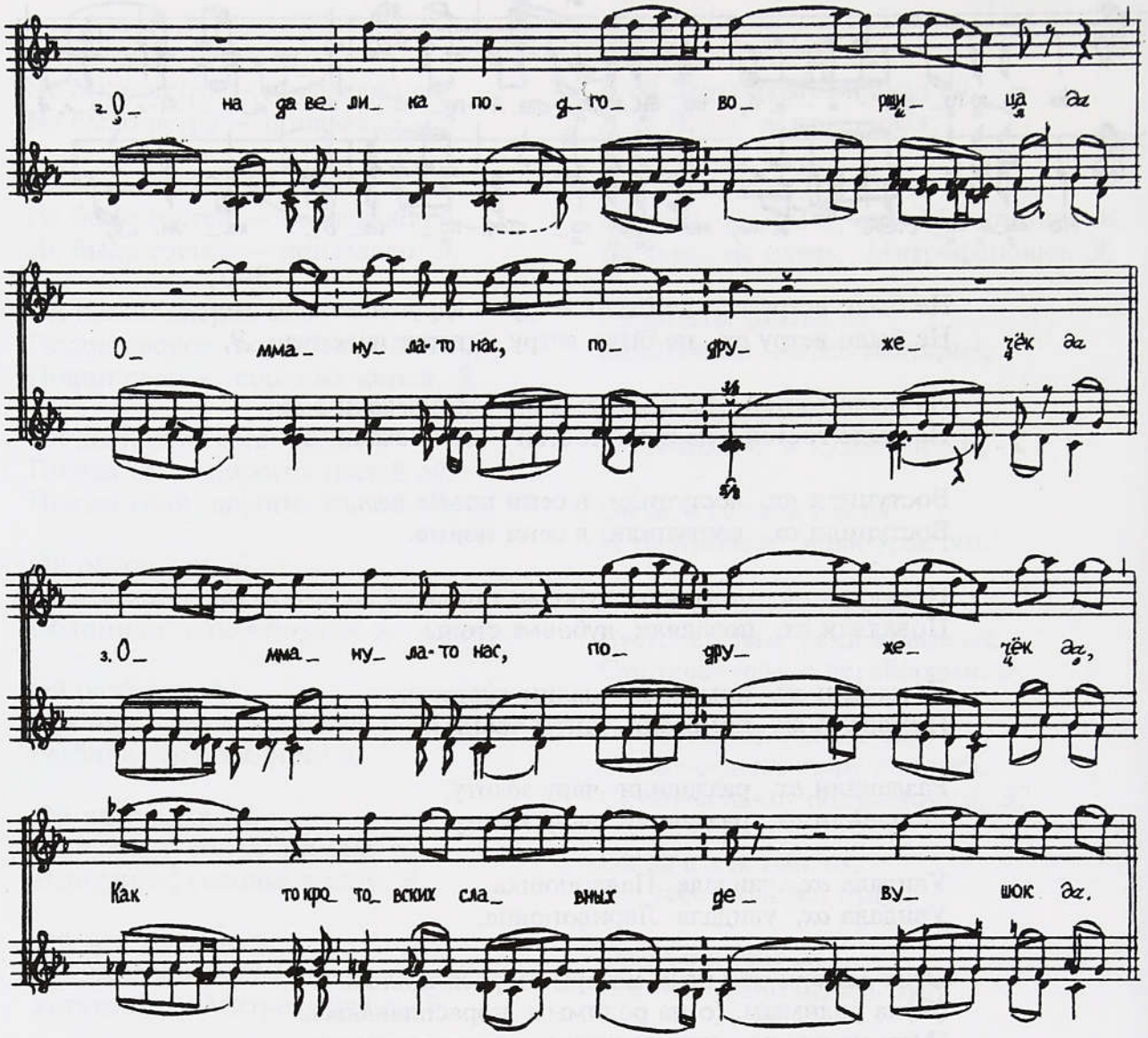
Увидала *ох,* увидала Палагеюшка,
Увидала *ох,* увидала Ларивоновна,

Отцу-матери *ох,* отцу-матери поразжалилась[1],
(О)на родимым, (о)на родимым порасплакалась:
"Мне не жалко, мне не жалко шалки-скатерти,
Да не жалко, мне не жалко шиты браные,
А мне жалко, а мне жалко чару золоту".

229. [Как Надеждушка омманщица]
(Арх., Покшеньга–Пинега)



[1] Далее в строфе каждый стих повторяется.



[Как Надеждушка омманщица,]
Она велика подговорщица *да*,

Она да велика подговорщица *да*,
Омманула-то нас, подружечёк *да*,

Омманула-то нас, подружечёк *да*,
Как то кротовских[1] славных девушок *да*,

Как то кротовских славных девушек *да*.
Нам-то сказала, что взамуж не пойду *да*,

Нам-то сказала, что взамуж не пойду *да*,
На другой-от год не думаю *да*[2],

На третий-от год в пустынь пойду,
Во пустынь-то пойду, во девьёй монастырь,
Вас-то, подружечёк, с собой возьму.
Как то пошла-то, пошла Надеждушка,
Как то пошла-то, пошла Артемьёвна
Во сыры-те бора невесела,
Буйную голову повесила.
Неучёсана буйна голова, *не*
Заплетёна трубчата коса,
Не вплетёна ала ленточка,
Не умыто лицо белоё,
Не умыто, не убелено,
Не убелено, не руменено,
Не одето цветно платьицё,
Цветно-то платьицё, сарафаньицё,
Не наложена девья красота,
Девья-то красота — повязочка,
Еще-то бисерна присадочка.

---

[1] По названию деревни, запись сделана в д. Кротово.
[2] Далее повторяется каждый стих, кроме первого и последнего, а также 16 и 17-го. Не выписывается частица *да*, она стоит на конце каждого стиха, кроме 14-го.

230. Не сподман, сподман ой Манюшка

(Калужск., Десна. Вариант напева см. в Примеч.)

Не сподман, сподман ой Манюшка,
Сподманяла (о)на красных девушек.

Говорила она: "Замуж не пойду,
Я ня йду, ня йду, я не думаю.

Я ня йду, ня йду, я не думаю,
Отца с матерью я не слушаю.

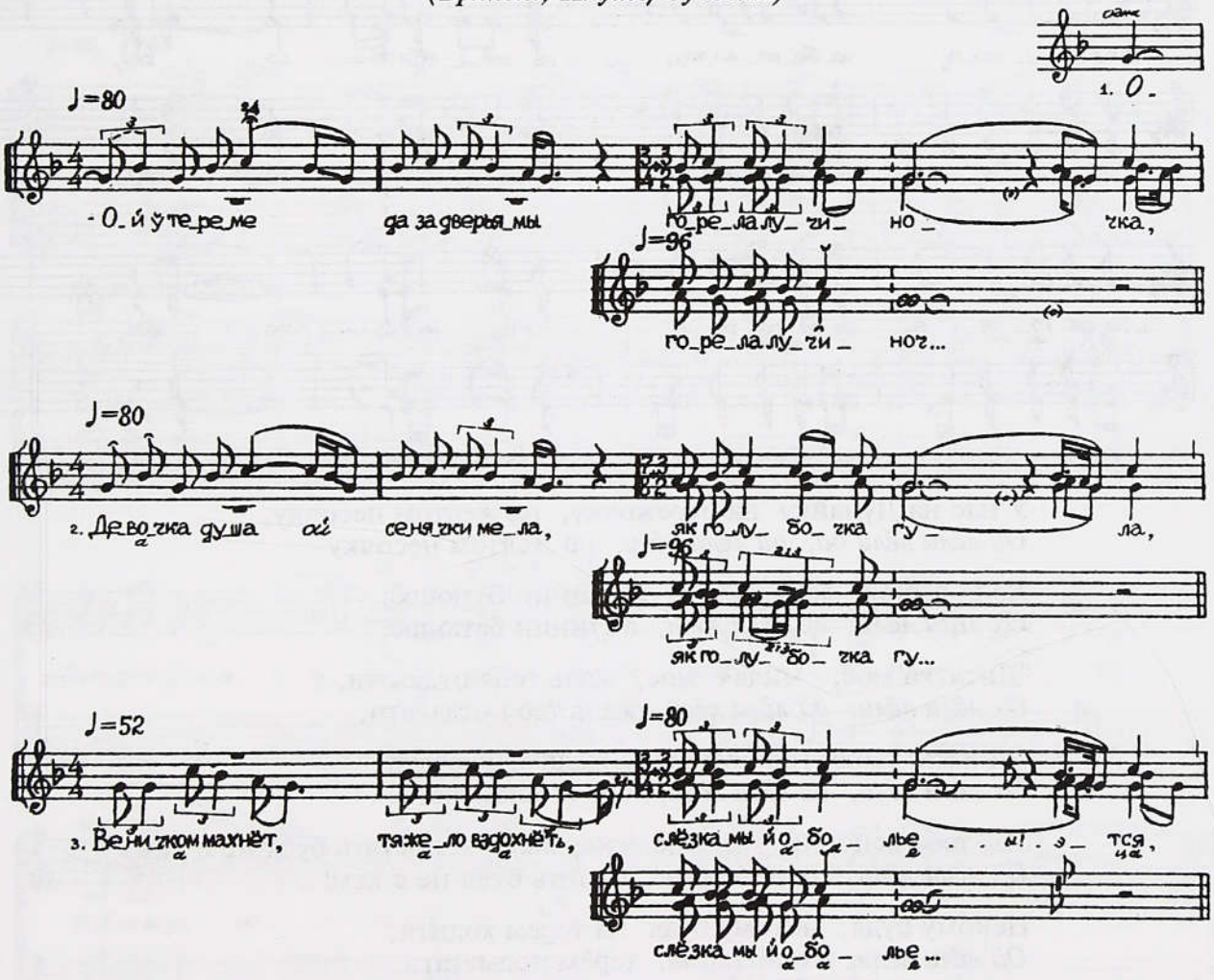
[Отца с матерью не слушаю,]
В нымостырь пойду в монашечки.

В нымостырь пойду в монашечки,
За собой возьму трех подруг своих.

За собой возьму трех подруг своих,
А я первую — я у клюшницы[1],
А другую я — у прислужницы,
А я третью за собой возьму".
Поглядите-ка, люди добрые,
Как наша сестра за столом сидит,
За столом, столом за тесовеньким
Она с таким парнем неженатеньким
Да й с Колюшкою кудреватеньким.
Сидят, сидят, улыбаются,
Зеленым вином угощаются.
"Ты послушай-ка, друг мой Колюшка,
А что я тебе да говорить буду.
Отдает меня родный батюшка
Не за сто рублей, не за тысячу,
Не за тысячу рублей, за едные чару,
За едные чару, чару виннную".

231. Ой ў тереме да за дверьямы горела лучиночка

(Брянск., Ипуть/Судость)



[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.

Ой ў тереме да за дверьямы горела лучиночка,
горела лучиноч...

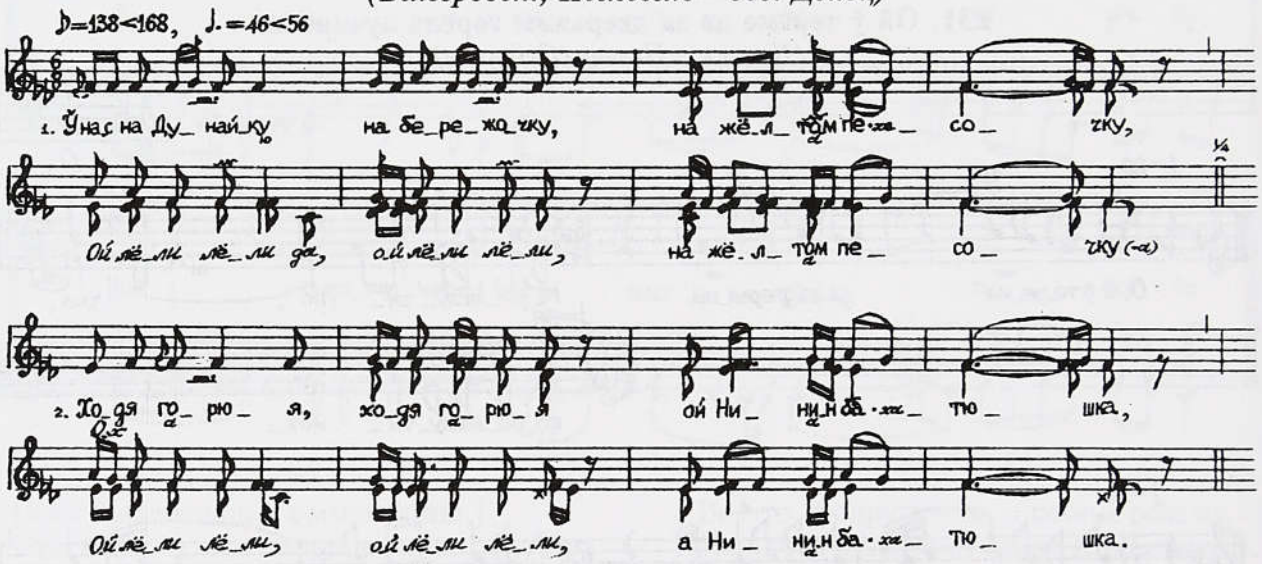
Девочка душа *ой* сенячки мела, як голубочка гула,
як голубочка гу...

Веничком махнет, тяжело вздохнет, слезкамы й обольется,
слезкамы й оболье..:

"Таточка ты мой, родненький ты мой, як мне тебя жалко[1].
Жалко мне тебе, твоей старости, твойво подворьичка,
Як теперячка твои сенички невметеные будут.
А йще жалко мне русыя косы да девоцкия красы,
Чтой учёра ты панам-сватовьям не вмел отказати,
Да й пропив чаду за одну чару, да за чару винную.
Як бы знала я, як бы ведала свою горькую долю,
Не пошла б замуж, не подумала, пошла б я в чернушачки,
Черничкы б брала, душу б питала, горечка б не ведала".

232. У нас на Дунайку на бережочку, на желтом песочку

(Белгородск., Нежеголь—Сев. Донец)



У нас на Дунайку на бережочку, на желтом песочку,
Ой лёли лёли да, ой лёли лёли, на желтом песочку

Ходя горюя, ходя горюя ой Нинин батюшка,
Ох лёли лёли, ой лёли лёли, а Нинин батюшка:

"Дитятка мое, милая мое, жаль тебя отдавати,
Ох лёли лёли, ой лёли лёли, жаль тебя отдавати,

Ой жаль твою головушку, а жаль заключати,
Ох лёли лёли, ох лёли лёли, а ее ж заключати.

Мы тебе вспоили, мы тебе вскормили — постать будя не с кем,
Ой лёли лёли, ох лёли лёли, постать будя не с кем.

Некому будя, некому будя на терем ходити,
Ой лёли лёли, ох лёли лёли, терём подметати,

[1] Далее последняя слоговая группа каждого стиха повторяется .

Некому будя, некому будя скатерти выстилати,
Ой лёли лёли, ох лёли лёли, хлеб-соль на стол класти,

Некому будя, некому будя батюшку честовати,
Ой лёли лёли, ох лёли лёли, родного честовати".

Ходя играя, ходя играя ой Генин батюшка:
"Мы не вспоили, мы не вспоили — постать будя есть с кем,
Ой лёли лёли, ох лёли лёли, постать будя есть с кем.

Есть кому будя, есть кому будя на терем ходити,
Есть кому будя, есть кому будя терём подметати,
Ой лёли лёли, ох лёли лёли, терём подметати,

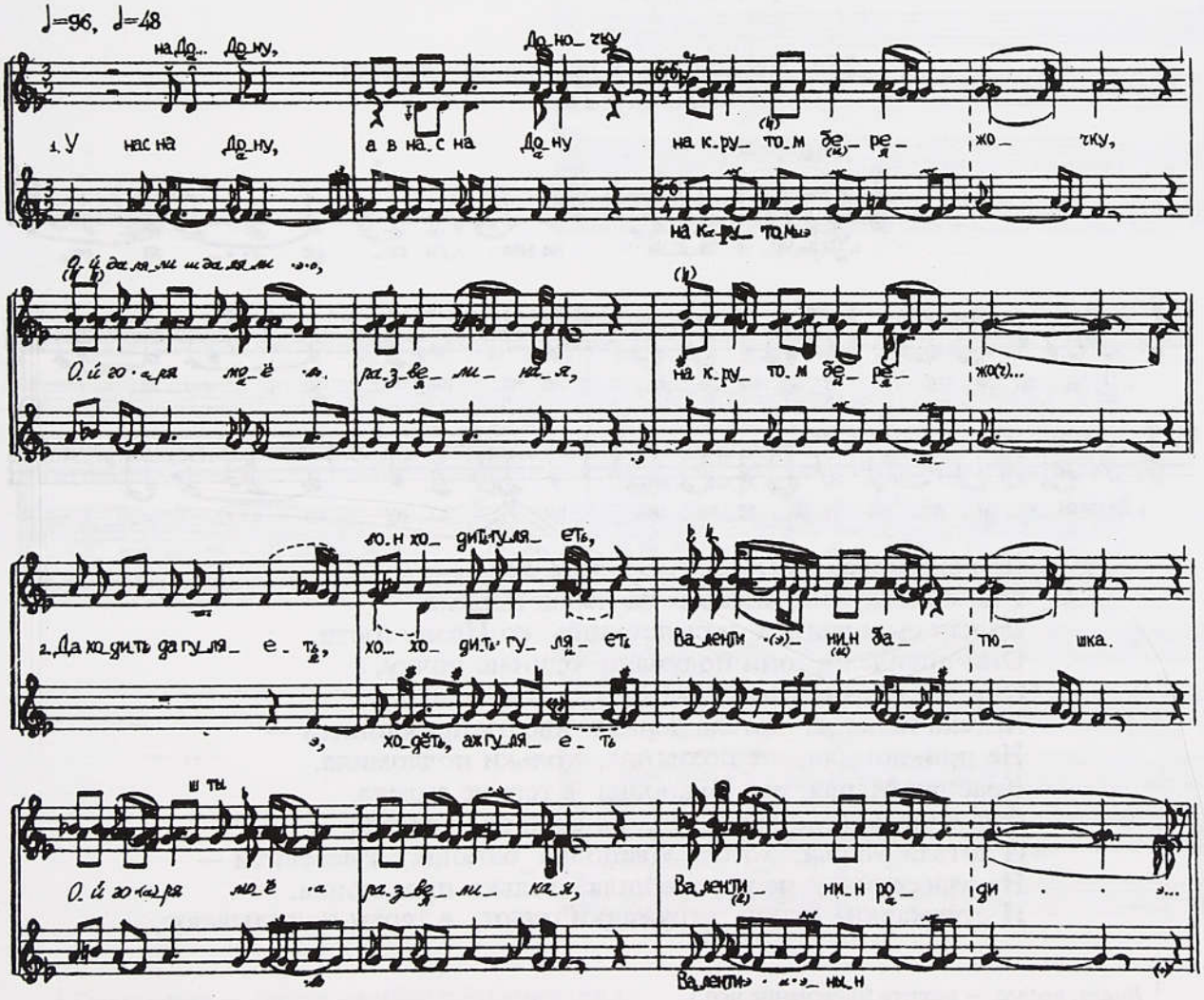
Есть кому будя, есть кому будя скатерти выстилати,
Ой лёли лёли, ох лёли лёли, скатерти выстилати,

Есть кому будя, есть кому будя хлеб-соль на стол класти,
Ой лёли лёли, ох лёли лёли, хлеб-соль на стол класти,

Есть кому будя, есть кому будя бояр честовати,
Ой лёли лёли, ох лёли лёли, бояр честовати".

233. У нас на Дону, а в нас на Доночку на крутом бережочку

(Курск., Посеймье)



У нас на Дону, а в нас на Доночку на крутом бережочку,
Ой горя моё развеликая, на крутом бережо...

Да ходит да гуляет, ходит-гуляет Валентинин батюшка,
Ой горя моё развеликая, Валентинин роди...

Он ходит да гуляет, он ходит гуляет, сам себе размовляет:
Ой горя моё развеликая, сам себе размовля...

"Я посею да жита, посею жита, ярову пашаницу,
Ой горя моё развеликая, яровую пашани...

Ой зайду я постатку, да зайду другую — не с кем подогнати,
Ой горя моё развеликая, не с кем подогнать.

Оглянусь назад — снопочки лежат, не с кем мне сносити,
Ой горя моё развеликая, не с кем мне сносить".

Иванов батюшка, Иванов родный, он ходит гуляет,
Ой радость моя развесёлая, сам себе размовля(ет):

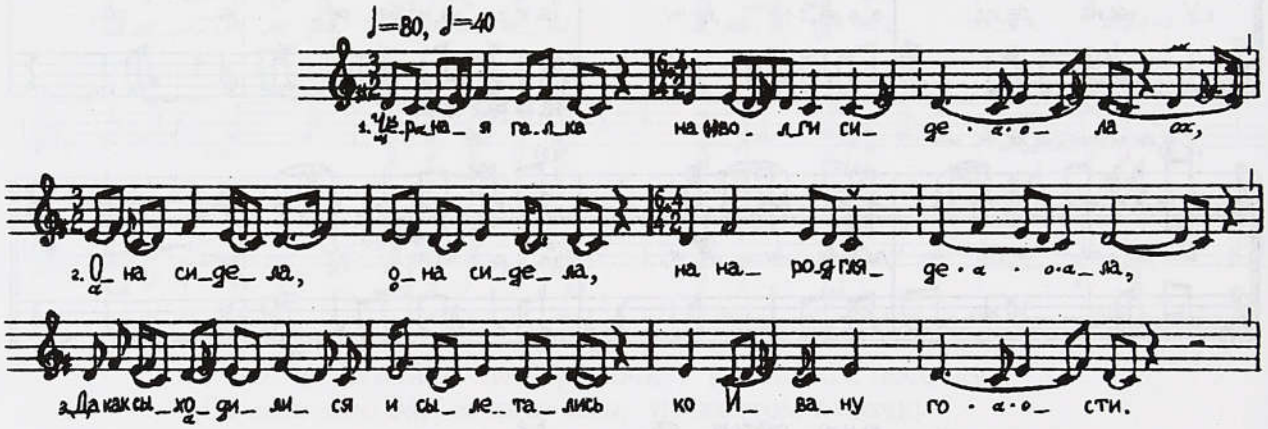
"Ох посею жита, я посею жита, яровую пашаницу,
Ой радость моя развесёлая, яровую пашани...

А зайду я постать, зайду другую — есть с кем подогнати,
Ой радость моя развесёлая, есть с кем подогнать.

Оглянусь назад — снопочки лежат, есть с кем посносити,
Ой радость моя развесёлая, есть с кем посносить".

234. Черная галка на (и)волги сидела

(Белгородск., Тихая Сосна)



Черная галка на (и)волги[1] сидела *ох,*
Она сидела, она сидела, на народ глядела,
Да как сыходилися и сылетались ко Ивану гости.
Они посидели, они подумали одинаю ночку,
Они высидели, они выманули у Ивана дочку.
Хотела галка ж, хотела черная иволгу приклонити —
Не приклонила, не похилила, тольки подломила.
Красная Марья вот Ивановна в тереме сидела,
Она сидела ж, она сидела, на свой род глядела.
И хотела Марья, хотела Ивановна батюшку взвеселити —
Не взвеселила, не рассмешила, тольки прослезила.
И стружачки[1] грают, стружачки грают, в терём приплывают,

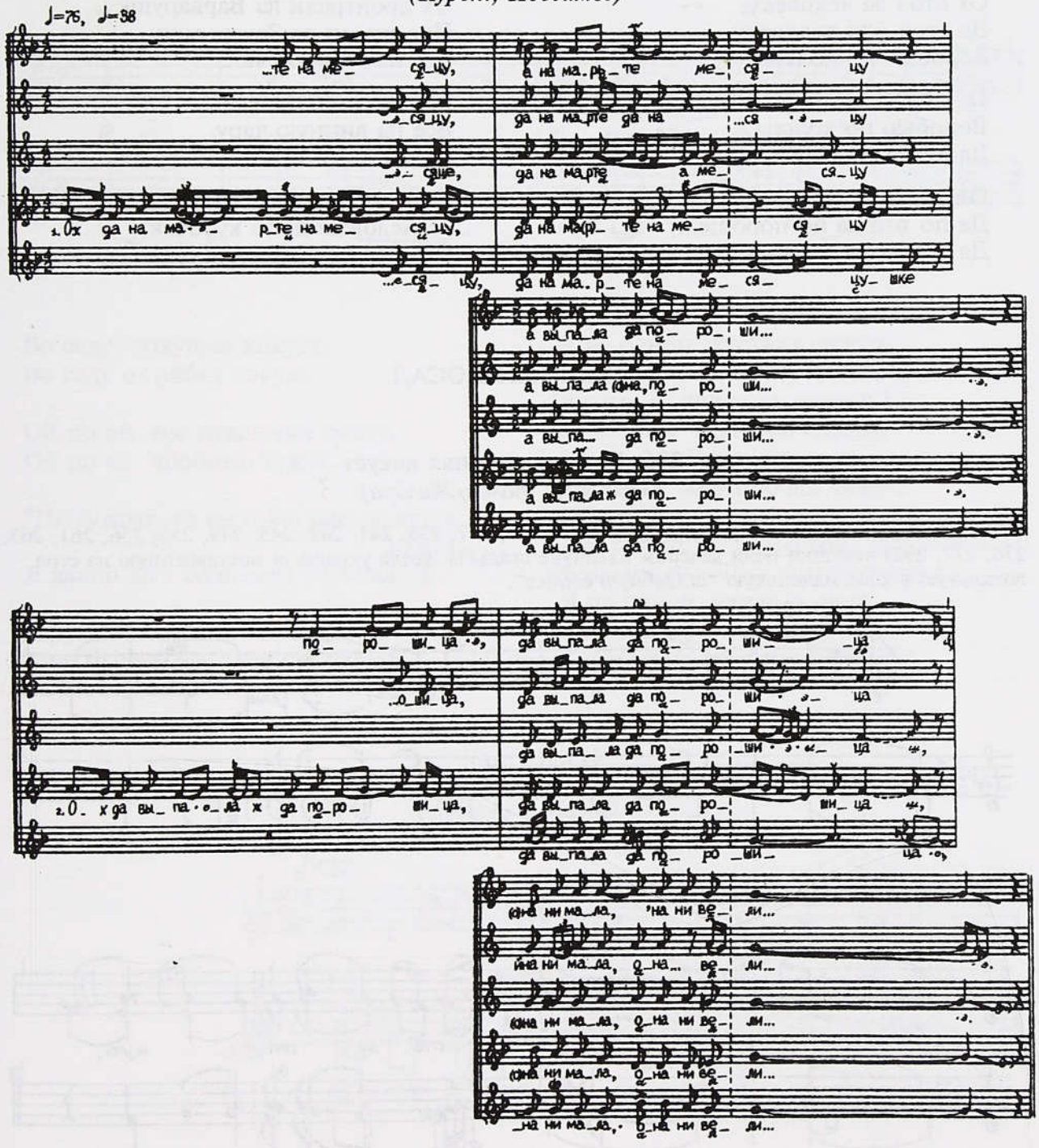
[1] *Волга, иволга* — ракита (пояснение исп.).

Да в нас у тереме, в нас у високом, там тужут и плачут.
Там тужа-плача, там тужа-плача да Марьин батюшка:
"Да й мы поили и мы кормили — постать будя некем,
И наша хатушка, наша новая нетоплена будя".
И в нас у тереме, в нас у високом, там играют и пляшут.
Там играя-пляша, там играя-пляша Стехванов батюшка:
"Да мы не поили ж и не кормили — постать будя есть с кем,
И наша хатушка, и наша новая натоплена будя".

Сравните: № 365.

235. На марте на месяцу выпала порошица

(Курск., Посеймье)



[1] *Стружачки* — струги, корабли (пояснение исп.).

Ох да на марте на месяцу,
Да на марте на месяцу
А выпала да пороши...

Ох да выпала ж да порошица,
Да выпала да порошица,
(О)на ни мала, она ни вели...

Ох (о)на ни мала, она ни велика,
(О)на ни мала, она ни велика,
Да стоя челове...

Ох стоя да человеку,
Да стоя она человеку,
Воробью по колена,

Ох воробью она по колена,
Воробью по колена,
Да коню по черёва.

Ой по той по пороше,
Да по той да по пороше
Да три коня да игра...

Да три коня ж да играли,
Да три коня играли
С черными да с соболя...

Только и с черными яны соболями,
И с черными да соболями,
С красными щеголя(ми).

Только ж они мало ж играли,
Они мало ж играли,
А много да проигра...

Ох проиграли да Варварушку,
Проиграли да Захарьевну
Все на винную ча...

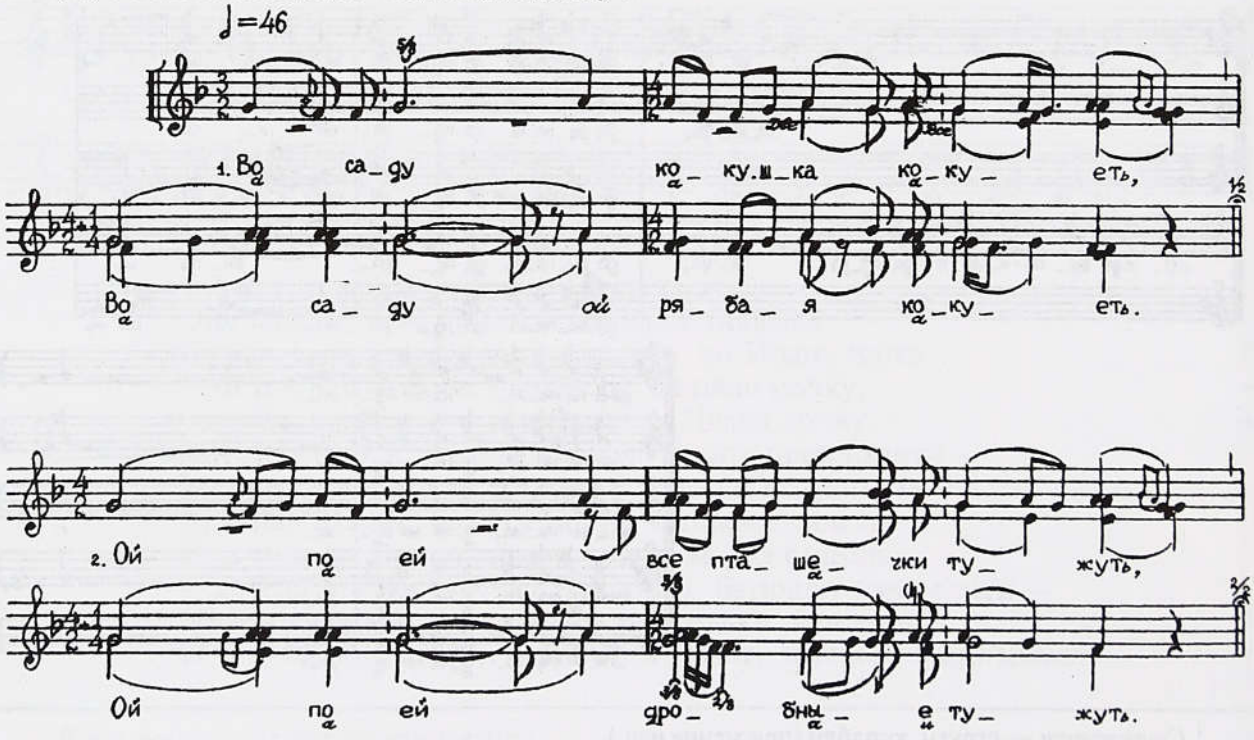
Все на винную чару,
Все на винную чару,
За медовый кусо...

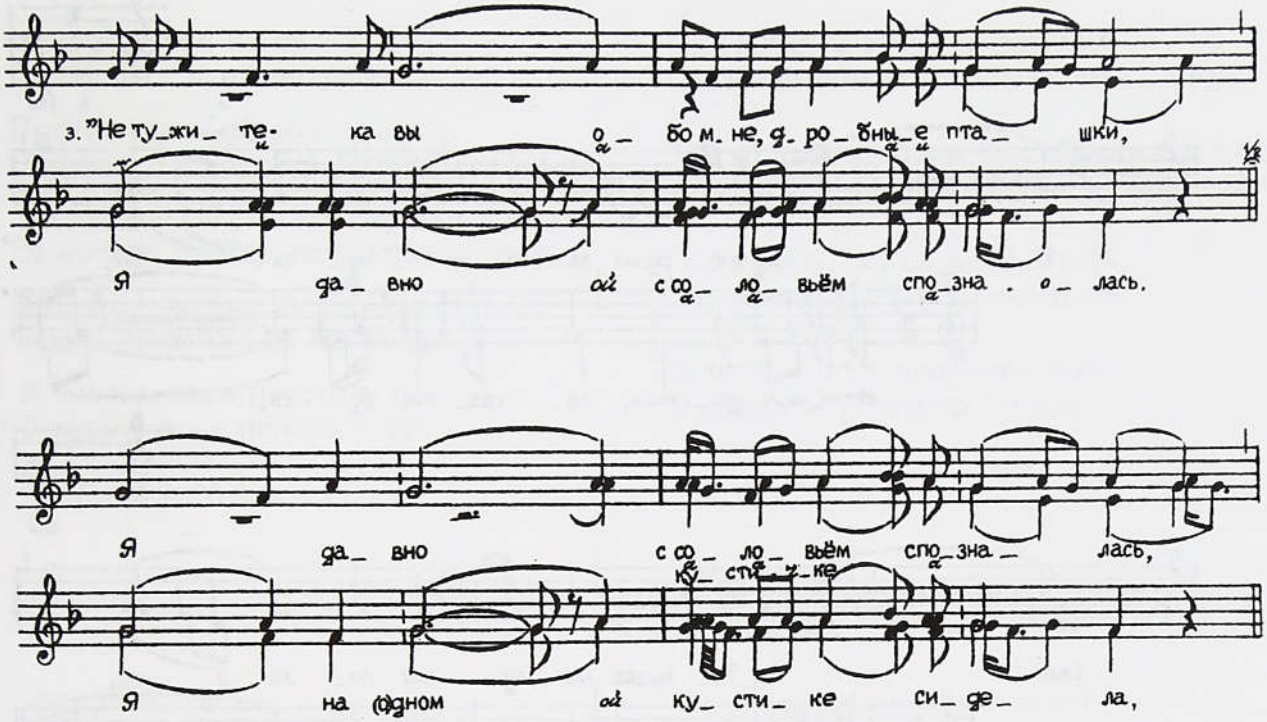
Да за медовый да за кусочек,
За медовый да за кусочек,
Йще за теплый куто(чек).

ДЕВИЧИЙ ПОСАД

236. Во саду кокушка кокует
(Калужск., Болва/Жиздра)

Заелошные песни — эту и ряд других (№ 216, 237, 238, 241, 242, 245, 249, 255, 256, 261, 263, 276, 277, 292) девушки пели вечером накануне свадьбы, когда украшали поставленную на стол, воткнутую в хлеб маленькую "свадебную елочку".





Во саду кокушка кокует,
Во саду *ох* рябая кокует.

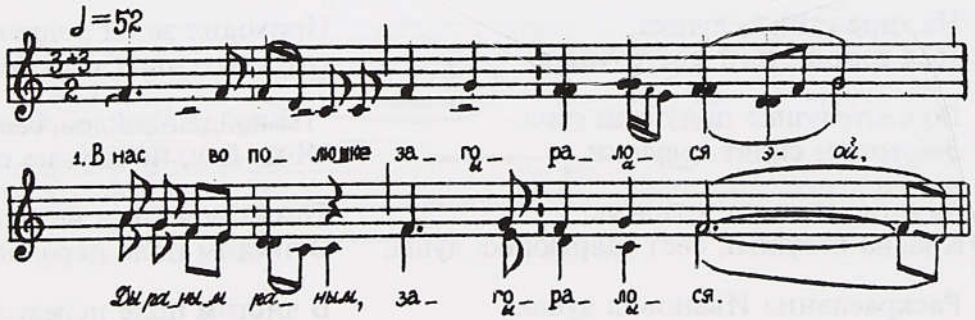
Ой по ей все пташечки тужут,
Ой по ей дробные тужут.

"Не тужите-ка вы (о)бо мне, дробные пташки,
Я давно *ой* с соловьем спозналась.

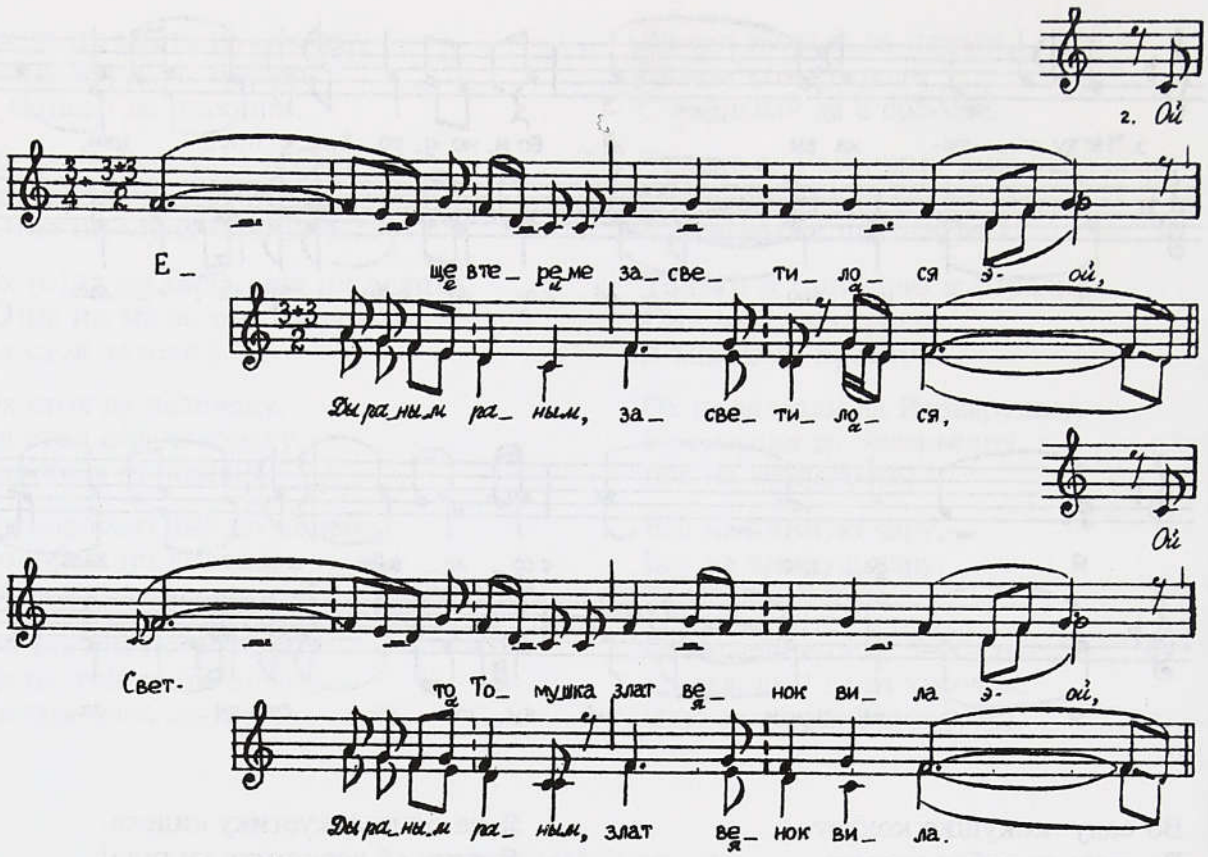
Я давно с соловьем спозналась,
Я на (о)дном *ой* кустике сидела,
Я на одном кустику сидела,
Я одну *ой* вершинку хилила[1],
Я одну *ой* вишенку ломила".
За столом Матрена голося,
За столом Ивановна голося.
Ой по ей девчоночки тужут,
Ой по ей все красные тужут.
"Не тужите вы (о)бо мне, красные девки,
Я давно *ой* с Федором спозналась,
Я по одной улице ходила,
Я за стол уместя садилась,
Я за (о)дно *ой* чару выпивала".

237. В нас во полюшке загоралося

(Калужск., Болва)



[1] Повторение каждого стиха далее не приводится, кроме измененных повторений 8 и 9-го стихов.



В нас во полюшке загоралося *э-ой*
Да раным раным, загоралося.

Ой

Еще в тереме засветилося *э-ой*
Ды раным раным, засветилося.

Ой

Свет-то Томушка злат венок вила *э-ой*
Ды раным раным, злат венок вила.

Ой

Злат венок вила с чистого серебра[1].
Приходил к ней же родный батюшка:
"Брось-ка, Томушка, брось веночек вить,
Пора ль тебе ко венчальному!"
Свет же Томушка, она не послушала,
Ко венчальному она не поехала...

За елкой ее три раза играют. Сперва "отец пришел", потом "мать пришла", потом "жених пришел", тогда она венок бросила вить и поехала "ко венчальному", венчаться.

238. На горе стоит елушка

(Калужск., Дугна—Ока. Напев № 208)

На горе стоит елушка,
Под горой стоит светелушка.

Во светелушке приубран стол,
За столом сидят девушки,

За столом сидят красные,
Красна девушка, свет Марьюшка душа,

Раскрасавица Ивановна душа.
Приходил за ей батюшка,

Приходил за ей родненький,
Он зовет-зовет свет Марьюшку домой:

"Ты пойдем-пойдем, свет Марьюшка, домой!" —
"Я не йду, не йду, не слушаюсь тебя.

Темна ноченька не месячная,
В чистом поле переходу нет,

В чистом поле переходу нет,
В синем море перевозу нет,

[1] Строфа с припевом далее не приводится, ее форма не изменяется.

В синем море перевозу нет".
Приходила за ей матушка.

Приходила за ей родненькая,
Она зовет-зовет свет Марьюшку домой:

"Ты пойдем-пойдем, свет Марьюшка, домой!"—
"Я не йду, не йду, не слушаюсь тебя,

Я не йду, не йду, не слушаюсь тебя.
Темна ноченька не месячная,

В чистом поле переходу нет,
В синем море перевозу нет".

Приходил за ей Иван государь.
Он зовет-зовет свет Марьюшку домой:

"Ты пойдем-пойдем, свет Марьюшка, домой.
Ты пойдем-пойдем, Ивановна, со мной!" —

"Я иду-иду, все слушаюсь тебя,
Темна ноченька все месячная.

В чистом поле переходы есть,
В синем море перевозы есть".

Сравните: № 330.

239. Сборная суббота настала

(Смоленск., Днепр/Зап. Двина)

Сборная суббота настала,
Сборная суббота настала.

Нюронька девок собрала,
Нюронька девок собрала.

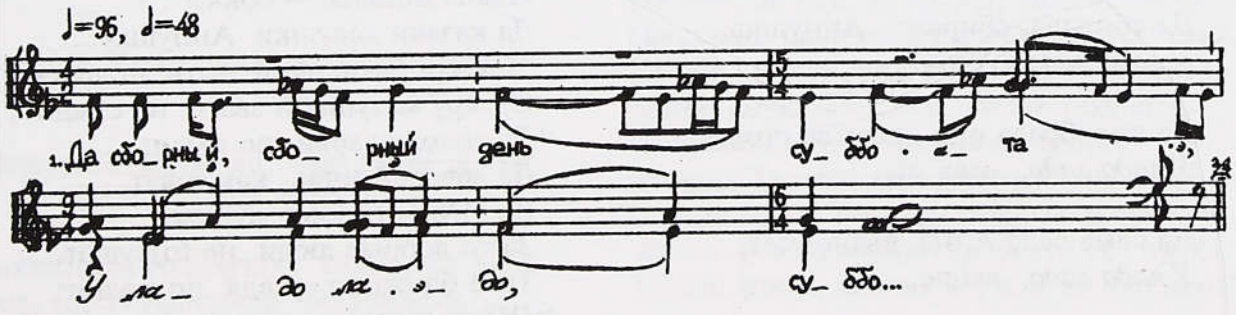
Собравши, девок за стол садила,
Собравши, девок за стол садила.

А сама Нюронька по двору ходила[1],
Свои ноженьки томила,
Белые рученьки ломила,
Просила девок: "Девоньки- подружки,
Скажите мне всю правду:

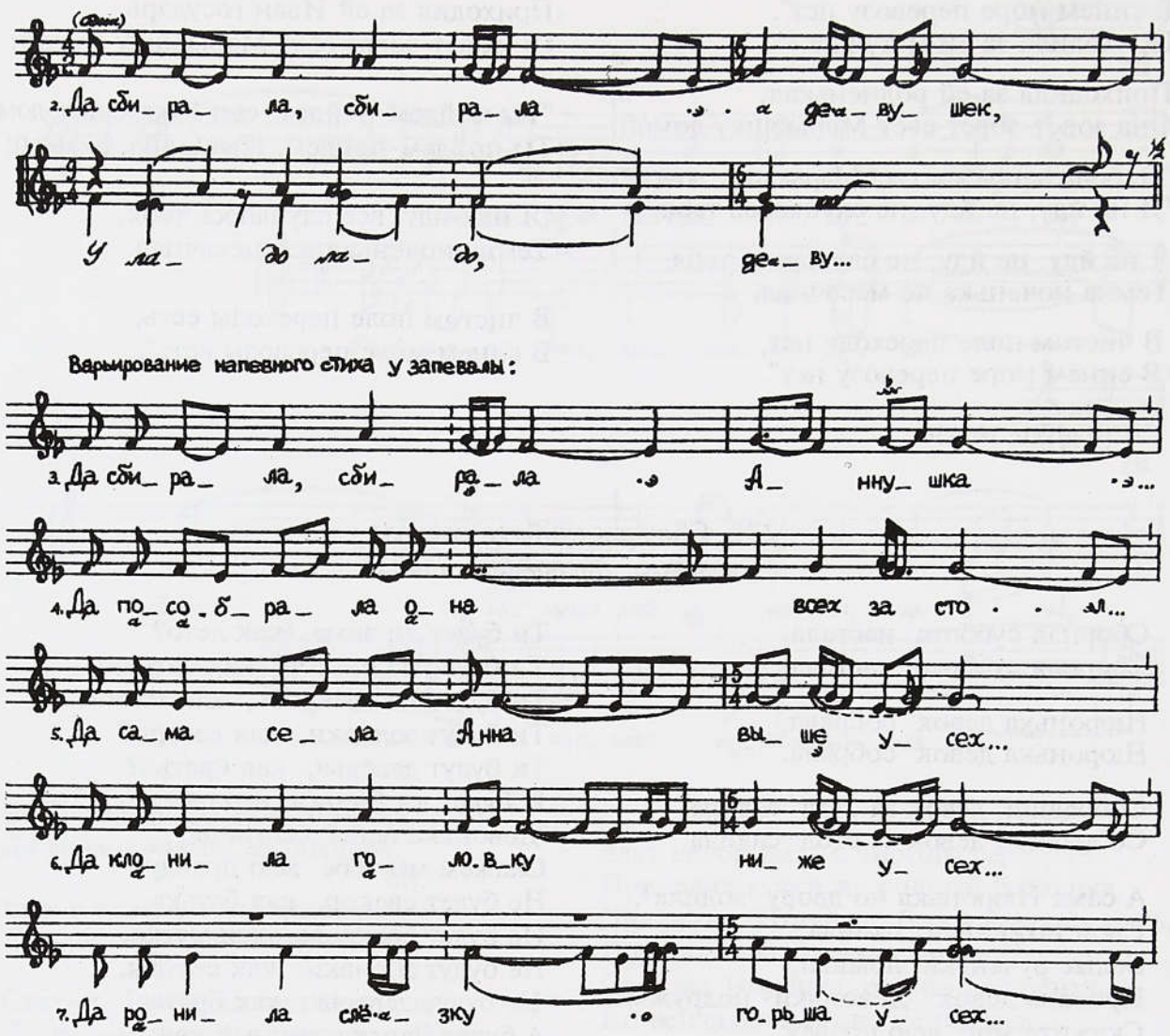
Ти будет ли зима, как лето?
Ти будет ли свекор, как батька?
Ти будет ли свекровь, как матка?
Ти будут золовки, как сестры?
Ти будут деверья, как братья?
И будет ли Ванька верный друг?" —
"Девонька наша сестрица,
Скажем мы тебе всю правду:
Не будет свекор, как батька,
Не будет свекровь, как матка,
Не будут золовки, как сестры,
Не будут деверья, как братья,
А будет Ванька верный друг".

240. Сборный, сборный день суббота

(Воронежск., Тихая Сосна)



[1] Далее повторяется каждый стих, кроме 7, 14—16-го.



Да сборный, сборный день суббота,
У ладо ладо, суббо...

Да сбирала, сбирала девушек,
У ладо ладо, деву...

Да сбирала, сбирала Аннушка,
У ладо ладо, Анну...

Да пособрала она всех за стол,
У ладо ладо, всех за...

Да сама села Анна выше усех,
У ладо ладо, выше...

Да клонила головку ниже усех[1],
Да ронила слезку горьша усех,
Да думу думала больше усех:
"Как свекра назвать, не знаю,
Свекровью назвать не смею,
Ивана назвать — боюся".
Да казали девушки Аннушке:
"Свекра батюшкой звать почёстно,
Свекру матушкой звать не стыдно,
Да золовку зови по имень,
Да деверей зови, как зовут,
Да Ивана назови душою.
За то добрые люди не (о)судют,
Тебе ближние суседя похвалют:
Щё за умная-разумная Аннушка!".

[1] Строфа с припевом далее не приводится, ее форма не изменяется.

241. Собирала цветы Марьюшка

(Московск., Протва—Ока)

Собирала цветы Марьюшка,
Собирала цветы Марьюшка.

Созывала подруг на свой двор,
Созывала подруг на свой двор.

Сажала подруженек за свой стол,
Сажала подруженек за свой стол.

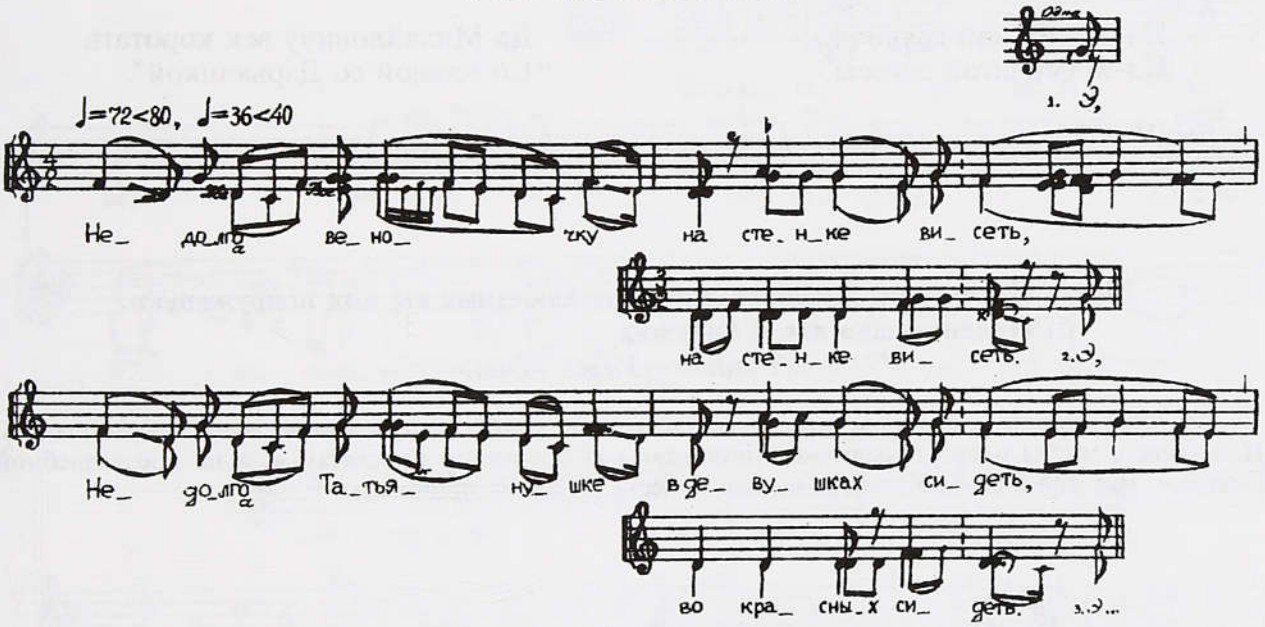
Сама садилась выше всех[1],
Задумала думушку крепче всех:

"Подружки мои, вы голубушки,
Вы придумайте, пригадайте-ка,
Ну как же мне быть, как замуж идти?
Ну как же мне будет свекора назвать?
Приложу я, молода, уму-разуму.
Назову я, молода: свекор батюшка,
А свекровушку — свекровь матушка,
А золовушек — всех по имени.
Уж я с этого хуже не буду,
Со бела лица да я не сойду,
Со красных румян да я не спаду".

См. № 179 г, 334.

242. Недолго веночку на стенке висеть

(Владимирск., Клязьма)



Э,
Недолго веночку на стенке висеть,
на стенке висеть. *Э,*

Недолго Татьянушке в девушках сидеть,
во красных сидеть. *Э,*

Сидела Татьянушка, она выше всех,
она выше всех. *Э,*

Наклонила головушку она ниже всех[2].
Бывало, Татьянушка говаривала,
Свому родну батюшке приказывала:
"Не ходи ты, тятенька, по частым пирам.
Не пей, не пей, тятенька, зелёна вина.
Пропьешь, пропьешь, тятенька, молоду меня.
Лучше пропей, тятенька, сорок соболей, *а*
Меня, дочку Танечку, годок пожалей".
Поехала Танечка долой со двора.
Заехала Танечка во зеленый сад, *и*
Сломила там Танечка вербочки сучок:
"Рости, рости, вербычка, рости без сучка.
Живи, живи, маменька, весь век без меня".

Сравните: № 152.

[1] Каждый стих далее повторяется.
[2] Второй полустих далее везде повторяется.

ОТРЕШЕНИЕ НЕВЕСТЫ ОТ "СВОИХ"

243. Перепелочка-ласточка

(Арх., Емца—Сев. Двина)

"Перепелочка-ласточка,
Зачем рано вылетывала *ах,*

Зачем рано вылетывала
Из тепла-светла гнездышка,

[Из тепла-светла гнездышка,]
Из тепла перепелкина?

Из тепла перепелкина?" —
"Не сама я вылетывала,

Выводил меня батюшко,
Выводил меня батюшко

Из-за дубовой грядочки,
Из-за берчатой з*а*весы,

Из-за берчатой з*а*весы.
Становил меня батюшко

Середи полу дубового.
Отдавал меня батюшко,

Отдавал меня батюшко
Князьям-бо*я*рам н*а* руки,

Да Ивану-то н*а* веки,
Да Ивану-то н*а* веки,

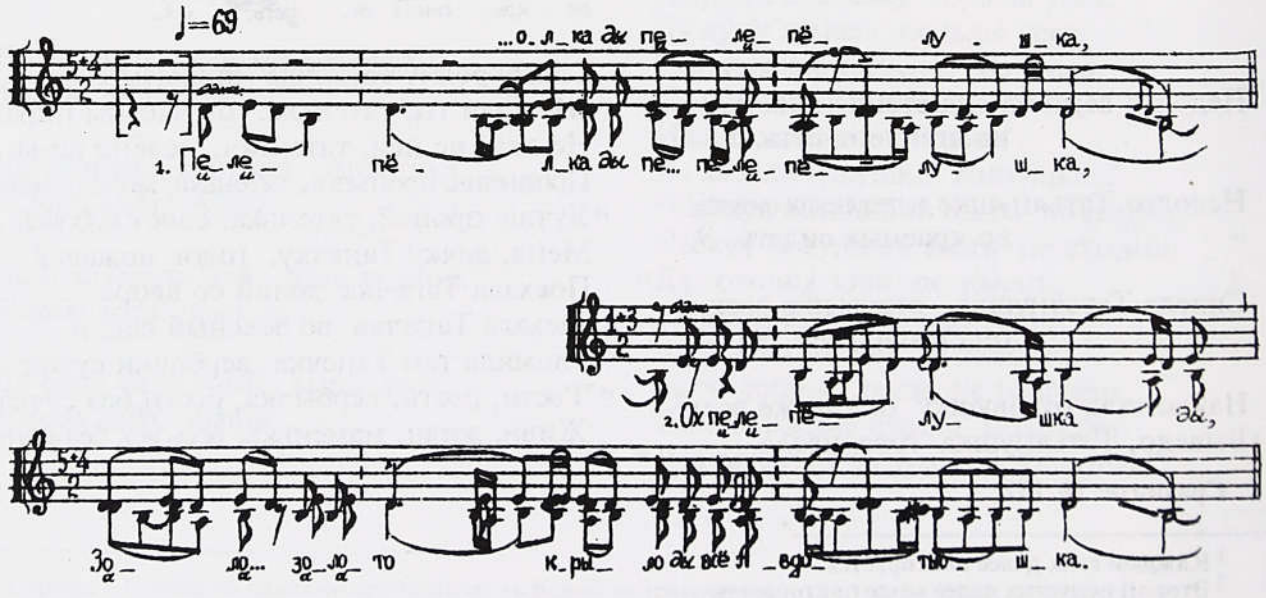
Да Михайловичу век коротать
Со младой со Дарьюшкой".

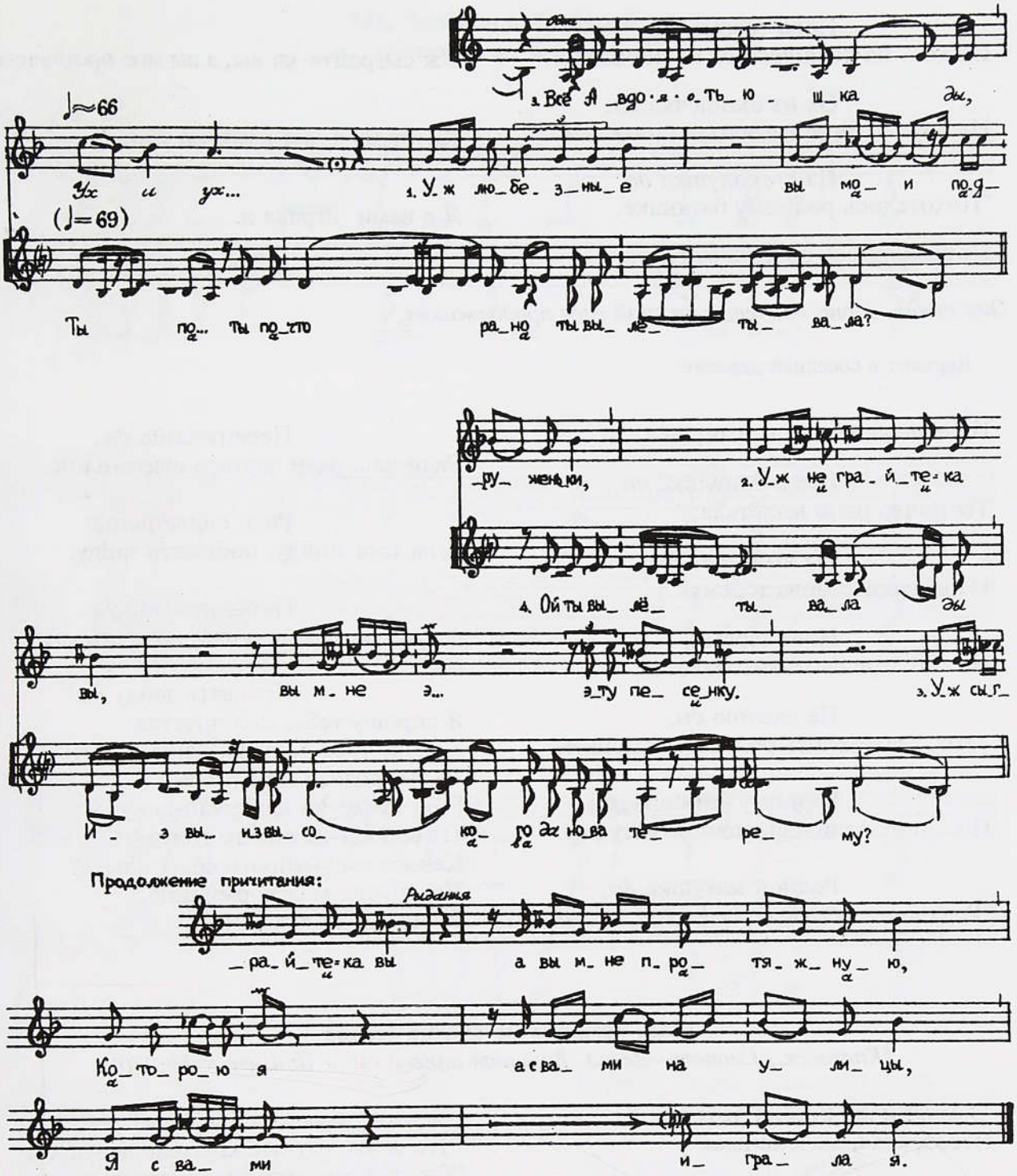
См. № 267.

244 а) Пелепелка, пелепелушка / Уж любезные вы мои подруженьки, б) Пелепелушка все и Аннушка

(Рязанск., Унжа—Ока)

Девушки стояли под окном дома невесты и пели, чтобы растрогать ее, заставить поплакать. Полагалось, чтобы песня прозвучала множество раз с момента просватанья, а на предсвадебной неделе — изо дня в день. Услышав песню, невеста начинала причитать.





Песня:

Пелепелка *ды* пелепелушка,

Ох перепелушка *ды*,
Золо... золото крыло *ды* все Авдотьюшка,

Все Авдотьюшка *ды*,
Ты по... ты почто рано ты вылетывала,

Ой ты вылетывала *да*,
Из вы... из высокого *да* нова терему,

Причитание:

Уж любезные вы мои подруженьки,

Уж не (и)грайте-ка вы, вы мне эту песенку.

Нова терема *да*,
Из ко... из косящего *да* из окошечка,

Ох из окошечка *да*,
Из хру... из хрустального из стеколушка?

Из стеколушка *да*,
"Похотелось родному батюшке.

Поизволилось родной матушке"...

Уж сыграйте-ка вы, а вы мне протяжную,

Которою я а с вами на улицы,

Я с вами играла я.

Они поют, а она плачет, они знай свое продолжают.

Вариант в соседней деревне:

Пелепелушка все и Аннушка,

Все и Аннушка *ды*,
Ты почто рано вылётала,

Ты вылётала *ды*
Из высокого нова терему?

Нова терема,
Не сво... не своею ты охотою,

Не охотою *ды*,
Захо... захотелось родному батюшке,

Родному батюшке *ды*
По... поизволилось родной матушке.

Родной матушке *ды*:
"Ради бли... *эх* ради ближнего перепутьица,

Перепутьица *ды*,
Ради ча... ради частого свиданьица,

Ради свиданьица
Я на торг пойду, побывать зайду,

Побывать зайду,
А с торга, с торга пойду, ночевать зайду.

Ночевать зайду *ды*[1]
Я спрошу тебе, моя дитетка:
Каково тебе во чужих людях жить?" —
"А ты, родная мамынька,
[Ты] сходи-ка на Дунай-реку,
Ты спроси-ка сизого голубя,
Каково ему напроть воды плыть?
Так и мне, моя кормилица,
Во чужих людях жить".

245. Земляничка красна ягодка

(Калужск., Снопот—Десна. Вариант напева см. в Примеч. к № 230)

"Земляничка красна ягодка,
Несозрелая, малененька,

Что рано с горы скатилася,
Со крутой горы, с-под горочки?

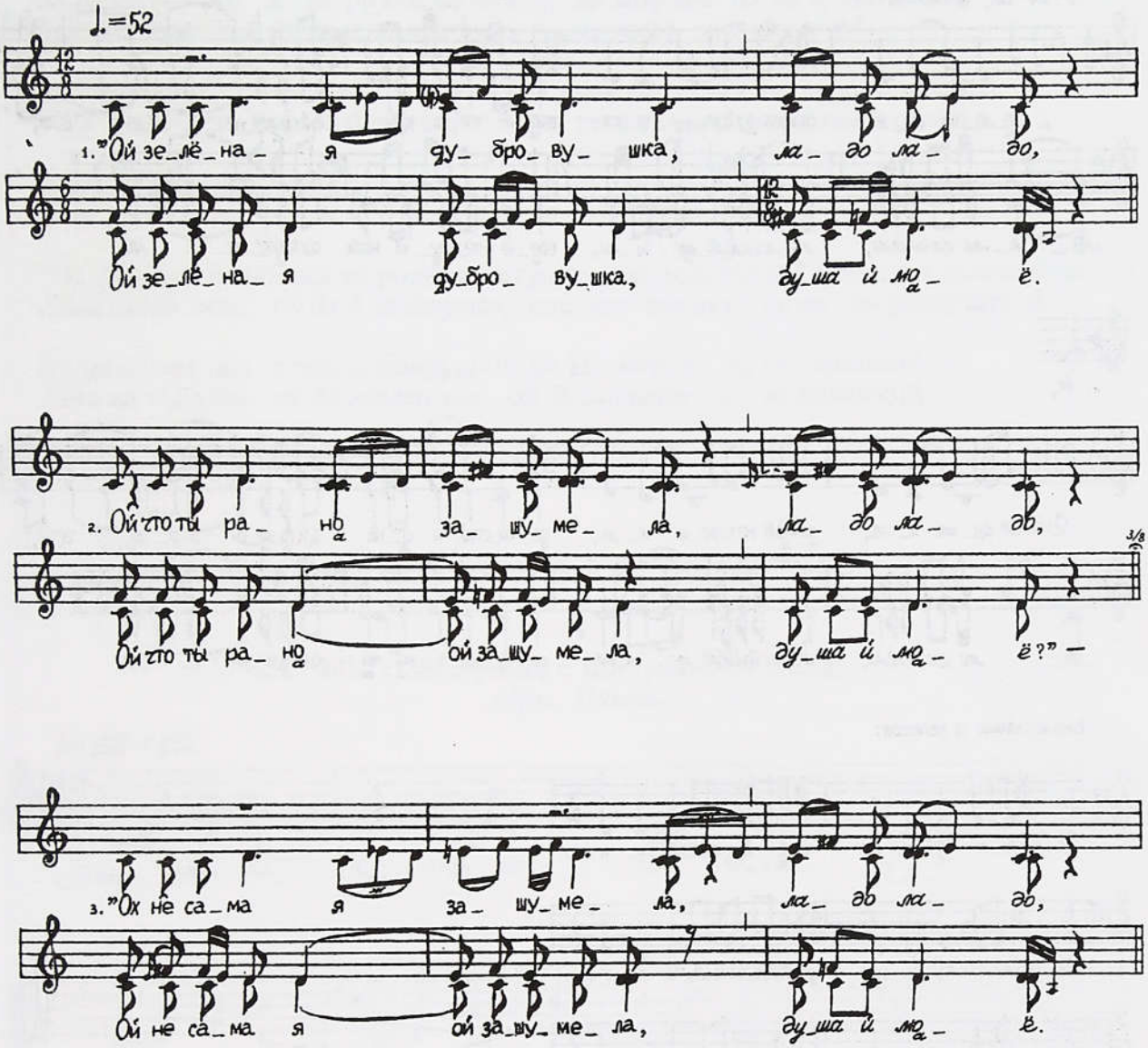
Что же ты, глупая ты Манюшка,
Что ты рано замуж задумала?

Ни у кого не спросилася,
Ни у батюшки, ни у матушки,

Ни у нас, красных девушек?" —
"Что ж вы, глупые красные девушки,
[Красны девушки,] подруги мои.
Не сама я думу думала,
Не сама совет советовала,
Думу думал родный батюшка,
Совет*а*ла совет родна матушка,
Присудили люди добрые,
[Люди добрые,] соседи мои,
За такого да за молодца,
За Василия Васильевича".

[1] Запев с повторением в нем окончания стиха далее не приводится, форма строфы не изменяется.

246. Зелёная дубровушка
(Белгородск., Короча)



"Ой зелёная дубровушка, *ладо ладо,*
Ой зелёная дубровушка, *душа й моё.*

Ой что ты рано зашумела, *ладо ладо,*
Ой что ты рано ой зашумела, *душа й моё?*" —

"Ох не сама я зашумела, *ладо ладо,*
Ой не сама я ой зашумела, *душа й моё.*

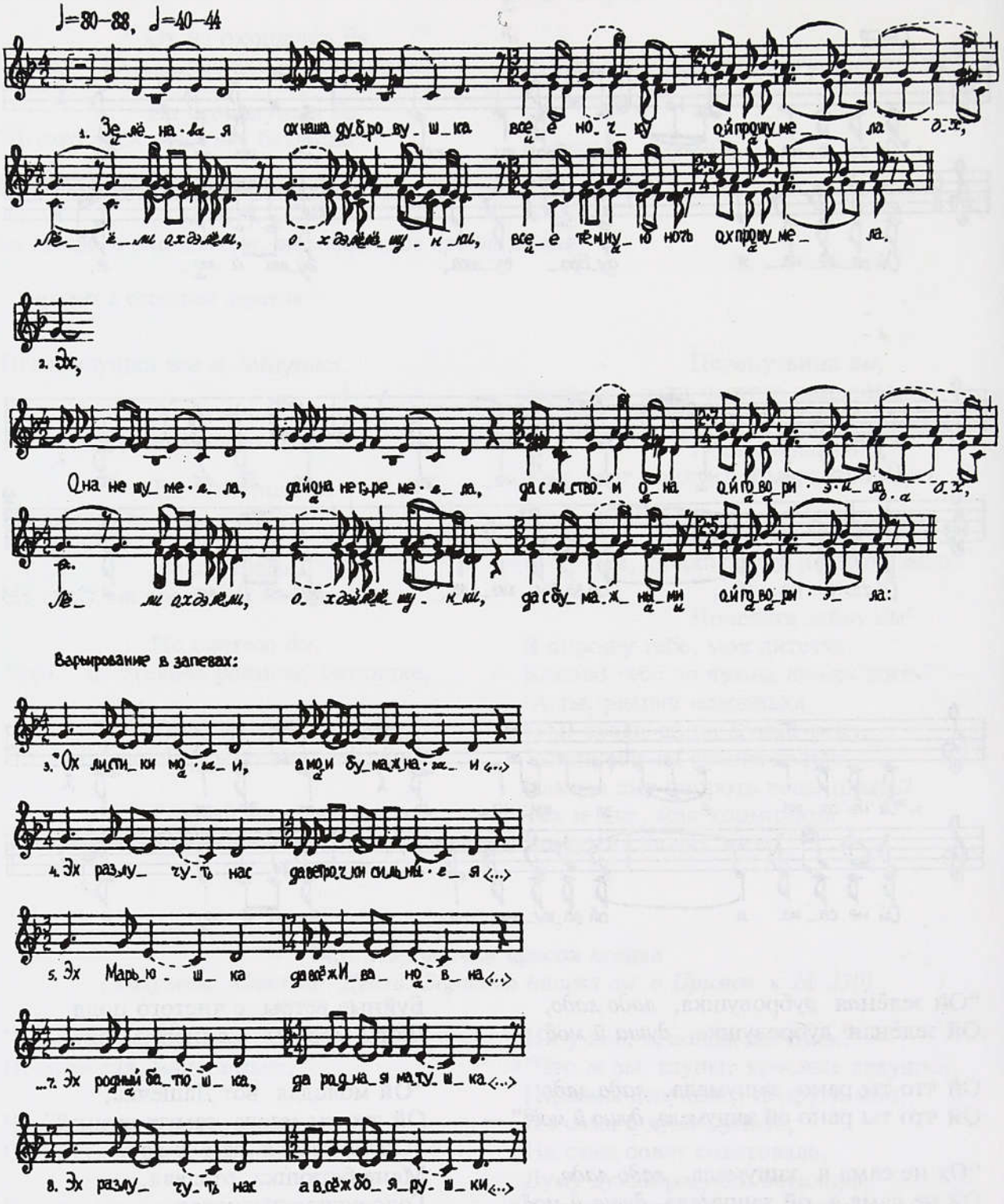
Шумнули мною буйные ветры[1],
Буйные ветры, люты морозы,
Буйные ветры с чистого поля,
Люты морозы с синего моря". —

"Ой молодая вот Дашечка,
Ой что ты млада замуж идешь?" —
"Ой не сама я замуж иду.
Мене батюшка отдавая,
Головушку заключая.
А мамушка собирая,
С роденюшкой разлучая,
К чужим людям прилучая".

[1] Строфа с повторением каждого стиха и с припевом далее не приводится.

247. Зеленая наша дубровушка всее ночку прошумела

(Белгород)



Зеленая ох наша дубровушка всее ночку ой прошумела *ох,*
Лёли ох дэ лёли, ох дэ лёлёшунки, всее темную ночь ох прошумела.

Эх,
Она не шумела, да й она не гремела, да с листом она ой говорила *ох,*
Лёли ох дэ лёли, ох дэ й лёлёшунки, да с бумажными ой говорила:

"Ох листики мои, а мои бумажнаи, как мне трудно ох расставаться *ох,*
Лёли ох ды лёли, ох да й лёлёшунки, как мне трудно с вами ох разлучаться!

Эх разлучут нас да ветрочки сильныя, да морозы ох да й лютые *ох,*
Лёли ох ды лёли, ох да й люлёшунки, да морозы ох да лютые".

Эх Марьюшка да все ж Ивановна да темную ночку ох мало спала *ох,*
Лёли ох ды лёли, ох да й люлёшунки, да темную ночку ох мало спала.

Ох ночку не спала, темную не спала, да с родными ох говорила *ох,*
Лёли ох ды лёли, ох да й лёлёшунки, да с родными ой говорила:

"Эх родный батюшка да родная матушка, как мне трудно с вами ох расставаться *ох,*
Лёли ох ды лёли, ох да ё лёлёшунки, как мне трудно с вами ох разлучаться.

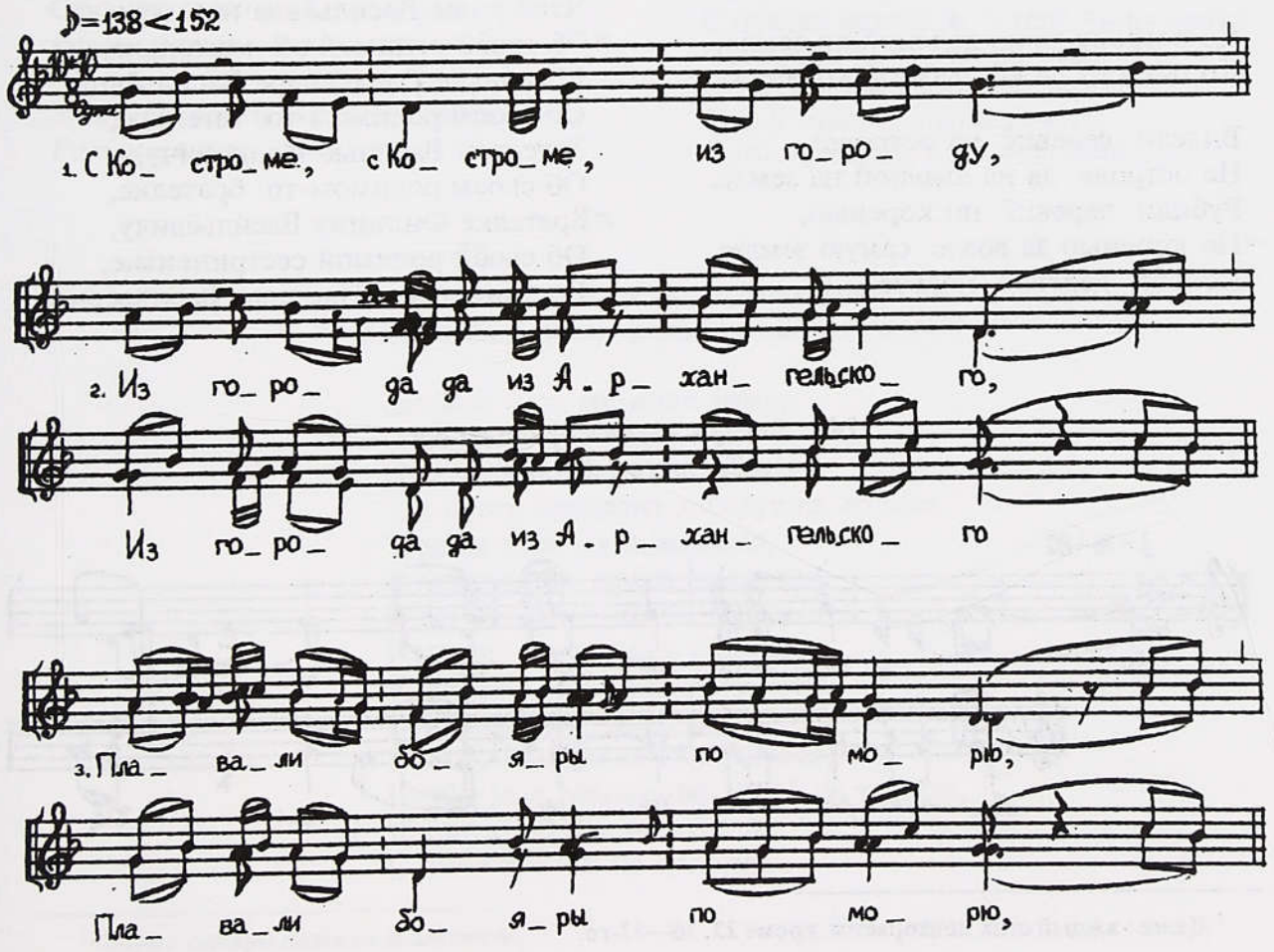
Эх разлучут нас а всё ж боярушки да Иванушка ох молодецкий *ох,*
Лёли ох ды лёли, ох да лелёшунки, ой Васильевич ох молодецкий".

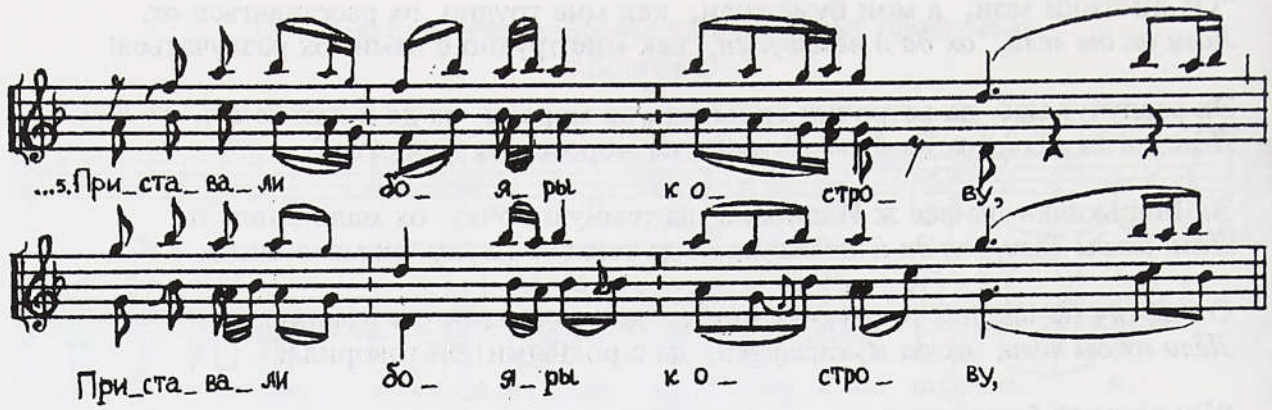
См. № 344.

ПРИГЛАШЕНИЕ "В ЧУЖУЮ СТОРОНУ"

248. С Костроме, с Костроме, из городу

(Арх., Пинега)





С Костроме, с Костроме, из городу,

Из города да из Архангельского,
Из города да из Архангельского

Плавали бояры по морю,
Плавали бояры по морю,

По морю, по морю по синёму,
По морю, по морю по синёму.

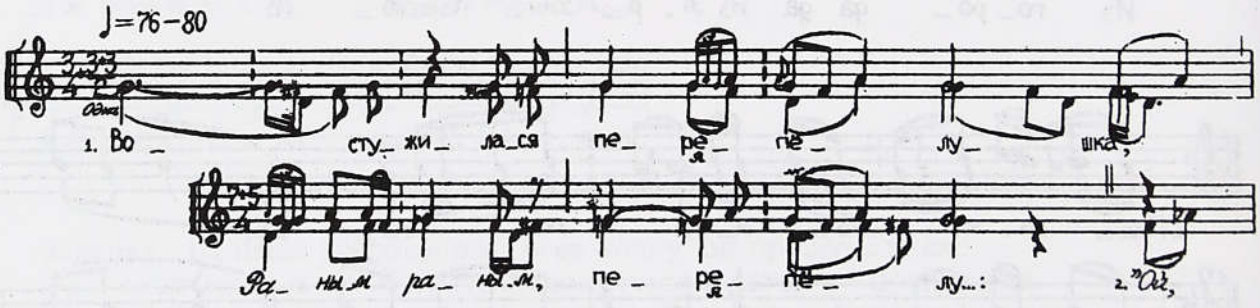
Приставали бояры к острову,
Приставали бояры к острову,

Ко острову да ко льдяной ко земле,
Ко острову да ко льдяной ко земле.

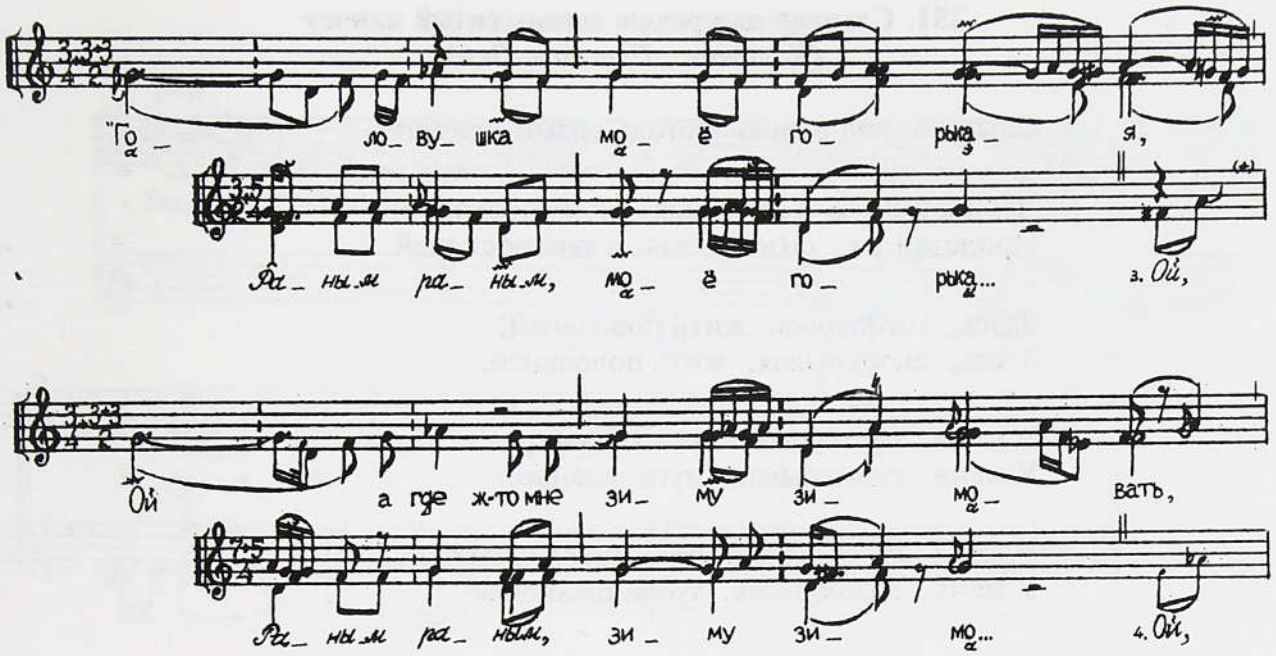
Видели деревцё на острове[1],
На острове да на льдяной на земле.
Рубили деревцё по коренью,
По коренью да возле самую землю.
Кололи деревцё надвоё,
Надвоё, надвоё, натроё,
Натроё, натроё, начетверо.
Тесали дощечки тонкие,
Тонкие, тонкие, тончатые.
Делали гусельцы звонкие,
Звонкие, звонкие, звончатые.
Кто же в эти гусельцы играть горазд?
Играт-споигрыват молод князь,
Молод князь Олександр-от Степанович,
Тешит-утешаё свою суженую,
Сужену Раисью Васильёвну,
Чтоб у нас Раисьюшка не тужила жила,
Чтоб у нас Васильёвна не плакала
Об своёй родимой об мамоньке,
Мамоньке Олександре Васильёвны,
Об своем родимом-то татеньке,
Татеньке Василью Ивановичу,
Об своем родимом-то брателке,
Брателке Филиппу Васильёвичу,
Об своёй родимой сестриценьке,
Сестриценьке Настасье Васильёвны.

249. Востужилася перепелушка

(Калужск., Десна)



[1] Далее каждый стих повторяется, кроме 23, 26—32-го.



Востужилася перепелушка,
Раным раным, перепелу... *ой*:

"Головушка моё горькая,
Раным раным, моё горька... *ой,*

Ой а где ж-то мне зиму зимовать,
Раным раным, зиму зимо... *ой,*

Зиму зимовать, лето летовать,
Раным раным, лето лето... *ой,*

Лето летовать, век советовать?
Раным раным, век совето..." *ой.*
С откуль взялся к ней ясён сокол[1]:
"Не тужи, моя перепелушка,
В темном лесе зелена сосна,
Там и будем зиму зимовать,
Зиму зимовать, лето летовать"...
С откуль взялся ж к ней Андреюшка:
"Не тужи, моя Наталюшка.
Ой как будет высокой терем,
Там и будем лето летовать,
Лето летовать, век советовать".

250. Высоко я по горушке хожу

(Калужск., Болва. Вариант напева № 249)

Высоко я по горушке хожу,
Далеко я по зорюшке слышу,
Как лебедь лебедушку кличет:
"Да пусть прилетит лебедушка ко мне.
У меня луга, луга зеленые,
В лугах трава, трава шелковая,
В траве цветы, цветы голубые,
В цветах гнездышко вилося.
У гнезде соловей громко поет.
Он поет, поет-воспевает,
Красну Марьюшку взвеселяет,
Чтобы моя Марьюшка, чтоб не тужила,
Живота, сердца не сушила,
С лица краски не сронила".

[1] Форма строфы далее не изменяется.

251. Слышно над рекою гоголь сизый кличет
(Калужск., Протва—Ока)

Слышно над рекою гоголь сизый кличет:

"Прилетай уж, гоголушка, сюда поскорей,
Прилетай уж, сизокрылая, сюда поскорей.

Здесь, гоголушка, жить повольней,
Здесь, сизокрылая, жить повольней.

У меня, гоголушка, луга зелены*е*,
У меня, сизокрылая, луга зелены*е*.

У меня ой, ты гоголушка, трава шелкова*я*,
У меня, сизокрылая, трава шелкова*я*.

У меня ой, ты гоголушка, вода ключевая,
У меня ой, ты сизокрылая, вода ключевая".

Далеко ой *да* по дороженьке [слышно],
Слышно ой да далёко по вечеру,

Как Иван да Настасьюшку кликает,
Как Иван да Владимировну кликает:

"Ты приди ой, да Настасьюшка, ко мне поскорей,
Ты приди ой, да Владимировна, ко мне поскорей.

У меня ой, да Настасьюшка, житье повольней,
У меня ой, да Владимировна, житье повольней.

У меня ой, да Настасьюшка, горенка нова*я*,
У меня ой, да Владимировна, горенка нова*я*.

У меня ой, да Настасьюшка, столы дубовы*е*,
У меня ой, да Владимировна, столы дубовы*е*". —

"Ты приди ой, да Иванушка, ко мне поскорей,
Ты приди ой, да Григорьевич, ко мне поскорей.

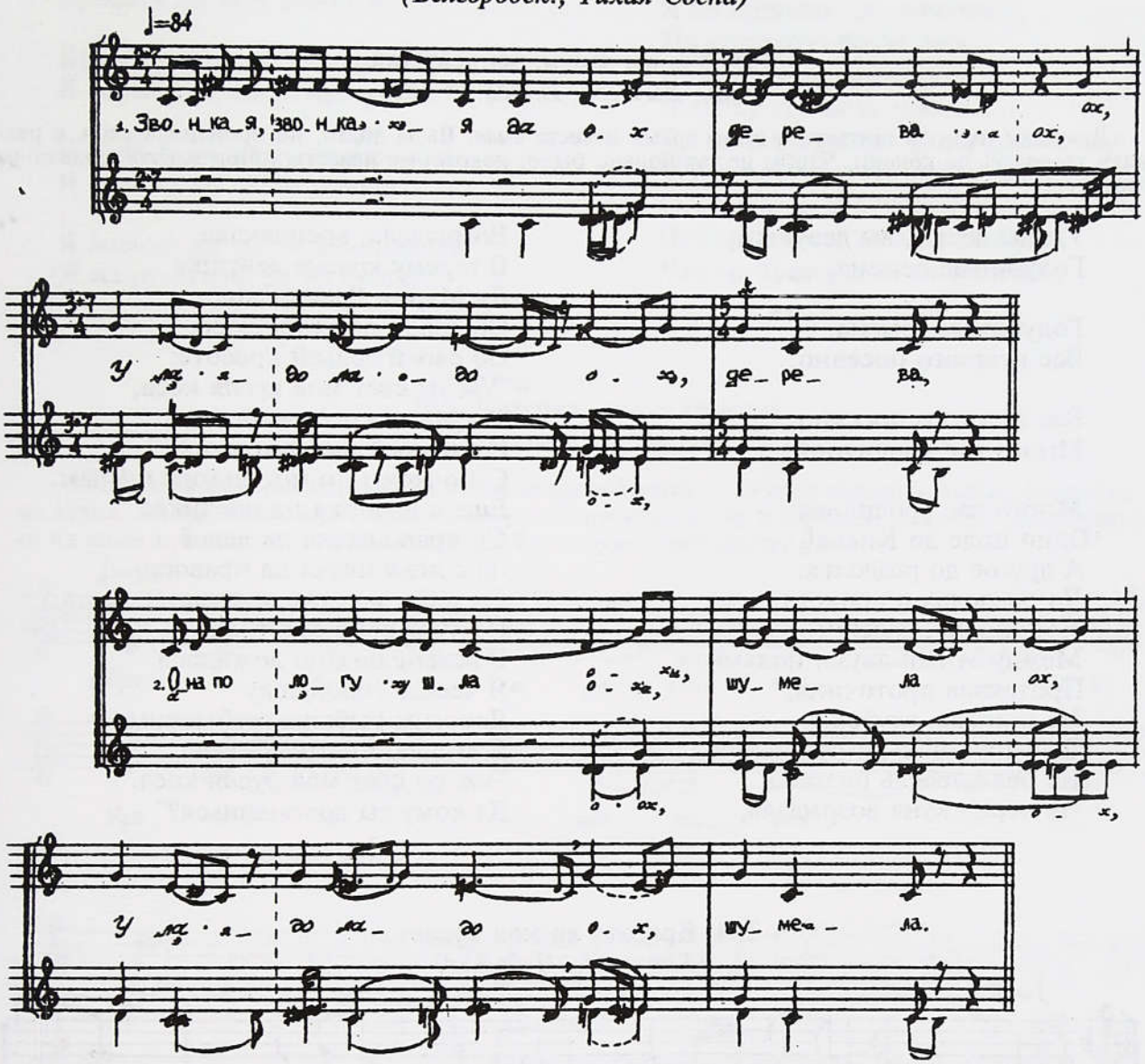
У меня ой, да Иванушка, скатерти белы*е*,
У меня ой, да Григорьевич, скатерти белы*е*.

У меня ой, да Иванушка, кровати тесовы*е*,
У меня ой, да Григорьевич, кровати тесовы*е*.

У меня ой, да Иванушка, перины пуховы*е*,
У меня ой, да Григорьевич, перины пуховы*е*".

252. Звонкая, звонкая дерева

(Белгородск., Тихая Сосна)



Звонкая, звонкая *да ох* дерева *ох,*
У ладо ладо ох, дерева,

Она по логу шла *ох,* шумела *ох,*
У ладо ладо ох, шумела.

А к Дону подошла *ох,* привныла *ох,*
У ладо ладо ох, привныла.

Да орел дереву *ох* поломил,
У ладо ладо ох, поломил.
Э-ох,
По тихом Дону *ох* положил *ох,*
У ладо ладо ох, положил.
Э-ох,
Да по той по дереве *ох* соболь шел,
У ладо ладо ох, соболь шел[1].

Да за собою он вел *ох* конушку:
"Да иди-иди, конушка *ох,* не бойси,
Да лапушек своих *ох* не (о)бмочишь,
Шерсточку свою *ох* не сронишь".

Красная, прекрасная *ох* Татьяна,
(О)на по терему шла *ох* тужила,
А возли стола стала *ох,* привныла,
Сы бела лица слезки *ох* ронила.
"Да иди-иди, Татьяна *ох,* не бойси,
Да ступай, Васильевна *ох,* поближе.
Да ножунек своих *ох* ню (у)томишь,
Башмачков своих *ох* не стопчешь,
Свою платьица *ох* не износишь".

[1] Строфа далее не приводится, ее форма не изменяется.

РАССТАВАНИЕ С ВОЛЕЙ-КРАСОТОЙ

253. Уж вы девки, вы девушки
(Арх., Вычегда. Напев № 182)

Девушки пели за шитьем, а в это время невеста *выла*. Выла долго, не произнося слов, с размаху *хлопалась* на колени. Чтобы не так больно было, некоторые невесты привязывали к коленям бересту.

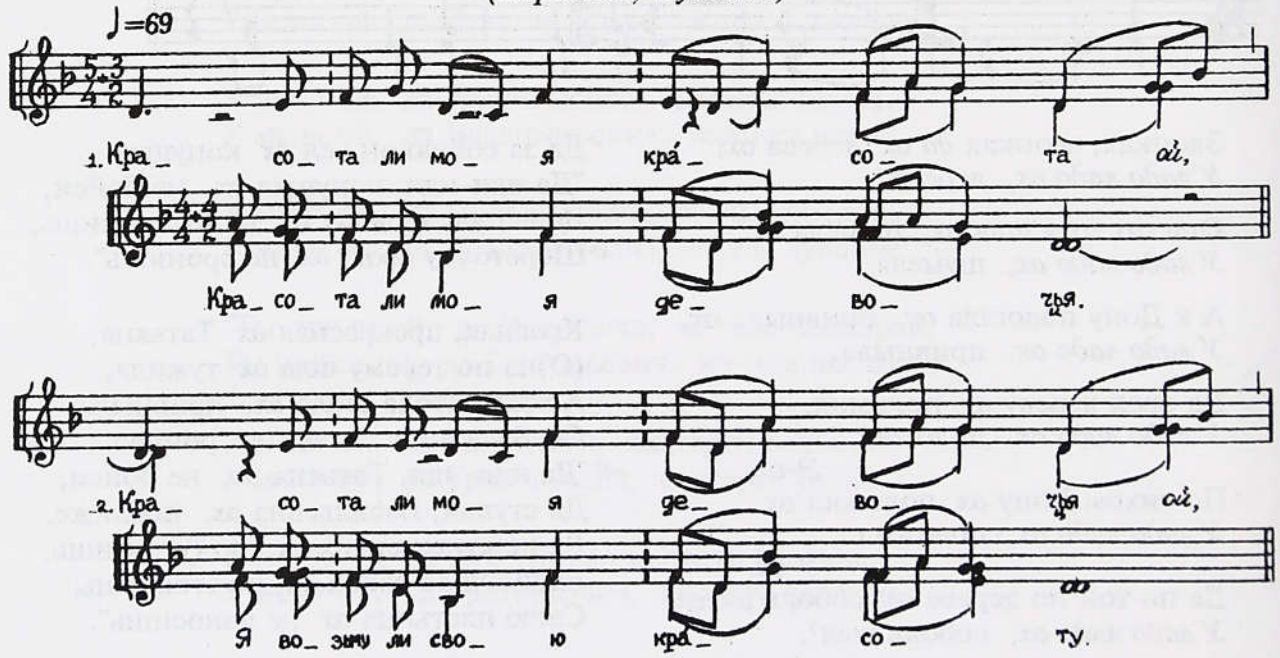
Уж вы девки, вы девушки,
Голубиные семена,

Голубиные семена,
Вас немного посеяно.

Вас немного посеяно,
Много вас уродилося.

Много вас уродилося:
Одно поле до Киева[1],
А другое до роздолья,
До роздолья широкого,
Не широка, далекого.
Между этими двумя польми
Протекала проточина,
Не широка, глубокая.
Да с-по той с-по проточине
Не бела лебедь плавала,
Не черна куна возрыдала,
Возрыдала, восплакала
В терему красна девушка
Да Мария Васильёвна
Об своей она русе косе,
Об своей девьей красоте:
"Уж ты свет моя русая коса,
Ты могла красоватися,
С-по моей шее валятися,
С-по моим по могучьмим плечам,
Еще с плечика на плечико,
Со права плеча на левоё,
Да с лева плеча на правоё.
Со тебя, моя русая коса,
По утру рано встава́ла,
В вечеру поздно ложилася.
Я чесала головушку
Дорогим рыбьим гребешком,
Я чесала, приговаривала:
"Уж ты свет моя русая коса,
Да кому ты достанешься?"

254. Красота ли моя красота
(Карельск., Пудожье)



[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.

Красота ли моя кра*с*ота *ой*,
Красота ли моя девочья.

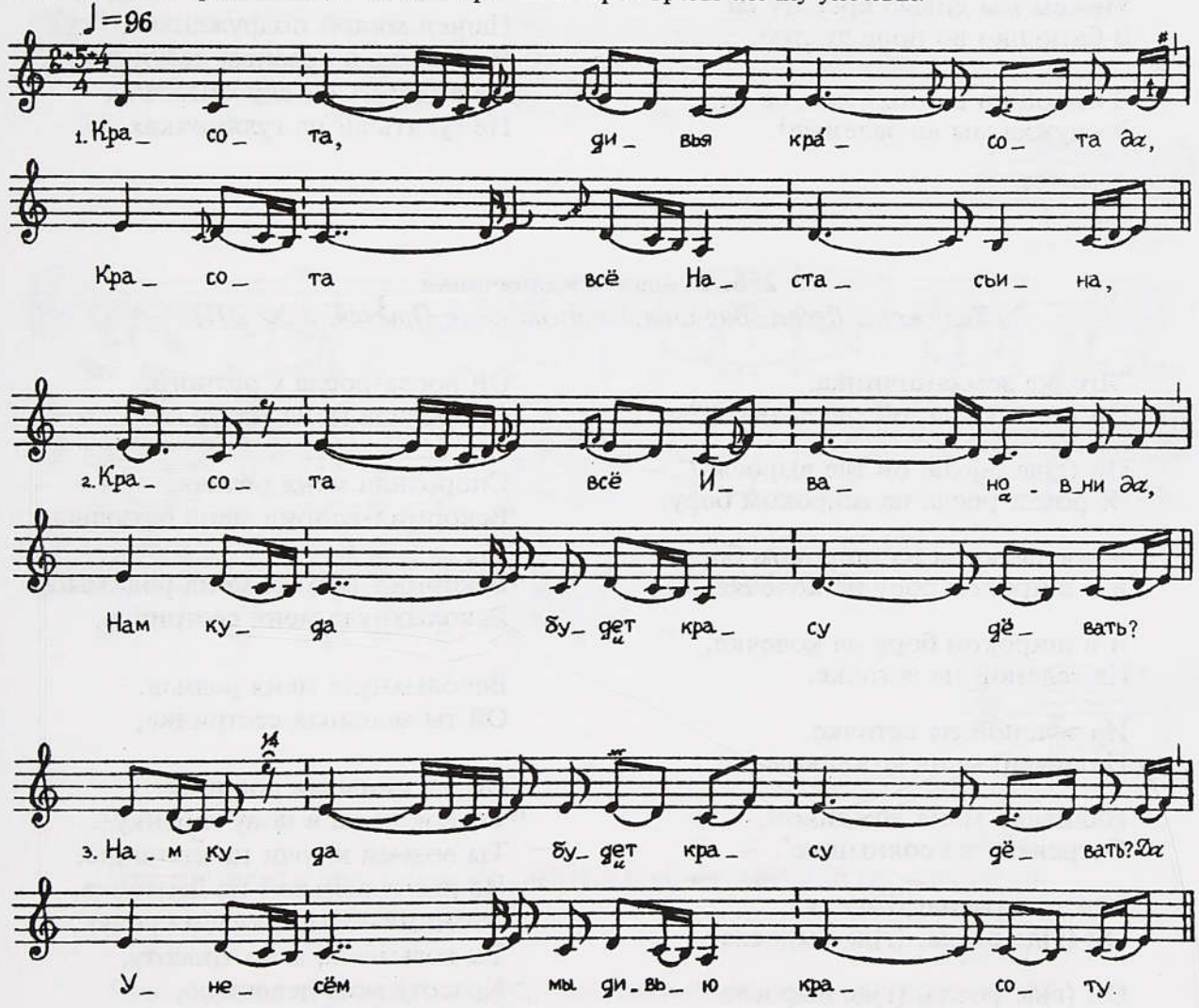
Красота ли моя девочья *ой*,
Я возьму ли свою кра*с*оту.

Я возьму ли свою кра*с*оту *ой*,
Я возьму ли свою девочью.

Я возьму ли свою девочью *ой*,
Я на рученьки да на белые.
Я на рученьки да на белые *ой*,
Я на перстни на злаченые[1].
На колечко обручённое,
Я снесу ли свою кра*с*оту,
Я снесу ли свою девочью,
В чисто полюшко да на травоньку,
Я на травушку на муравушку,
Отойду я прочь да послушаю,
Что не плачет ли моя кра*с*ота,
Что не тужит ли моя девочья.

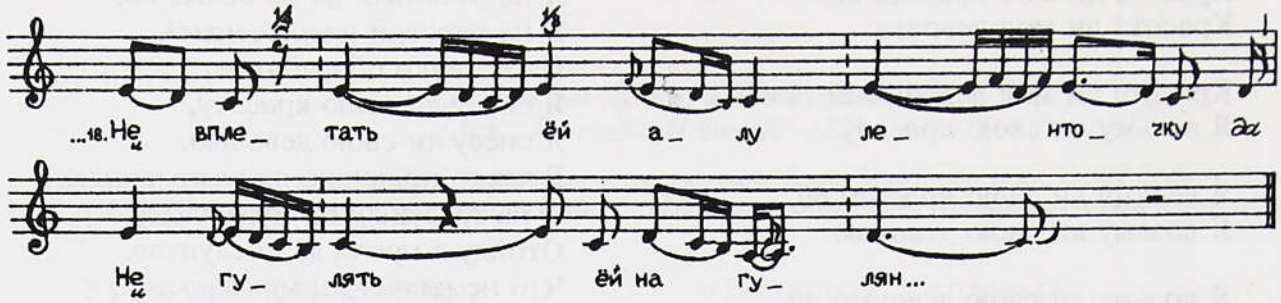
255. Красота, дивья кра*с*ота
(Костромск., Чухлома)

На *сговорки* подруги приносили в дом невесты елочку — символ девьей красоты, оставляли ее на кухне. Во время сговорок одна из девушек вносила елочку в горницу. Девушки устанавливали ее на столе и наряжали под песню. Через некоторое время елочку уносили.



[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится, кроме измененного повторения 8-го стиха. Частица *ой* на конце стиха не выписывается.

Окончание:



Красота, дивья кра́сота *да,*
Красота все Настасьина,

Красота все Ивановни *да,*
Нам куда будет красу девать?

Нам куда будет красу девать? *Да*
Унесем мы дивью красоту,

Унесем мы дивью кра́соту *да*
В батюшко во поле чистоё,

В батюшко во поле чистоё *да,*
Во лужка мы во зеленые[1].

Мы поставим дивью красоту
На шелко́вую тра́винку.
Тут и шли-прошли прохожие,
Удалой добрый мо́лодец,
Со косою он со вострою,
Подкосил эту тра́винку,
Подсушил дивью кра́соту.
Еще этому-то деревцу
Не бывать-то больше зелену,
Нашей милой подруженьке
Не бывать в красных девушках,
Не вплетать ёй алу ленточку,
Не гулять ёй на гуляночках.

См. № 559.

256. Ягодка земляничинка

(Калужск., Десна. Варианты напева см. в Примеч. к № 201)

"Ягодка земляничинка,
Ой (г)де росла, ой где выросла?

Ой (г)де росла, ой где выросла?" —
"Я росла-росла на широком бору.

Я росла-росла на широком бору,
Я в широко́м бору на кочечке,

Я в широко́м бору на кочечке,
На зеленой на веточке.

На зеленой на веточке.
Наливало меня дождиком,

Наливало меня дождиком,
Согревало на солнышке". —

"Ой ты красная Танечка,
Ой (г)де росла, (г)де выросла?

Ой (г)де росла, (г)де выросла?" —
"Ой росла-росла у батюшки,
Ой росла-росла у ро́дного,
Спородила меня матушка.

Спородила меня ро́дная,
Вскормил-вспоил меня батюшка,

Вскормил-вспоил меня родимый.
Всколыхнула меня сестричка,

Всколыхнула меня ро́дная.
Ой ты меньшая сестричка,

Ой ты меньшая родимая,
Ты войди-ка в нову горенку[2],
Ты возьми ключи на стеночке,
На шелковенькой на ленточке,
Отомкни-ка мой кален сундук,
Ты возьми-ка мою кра́соту,
Красоту́ мою девоцкую,
Что я в девках красовалася".

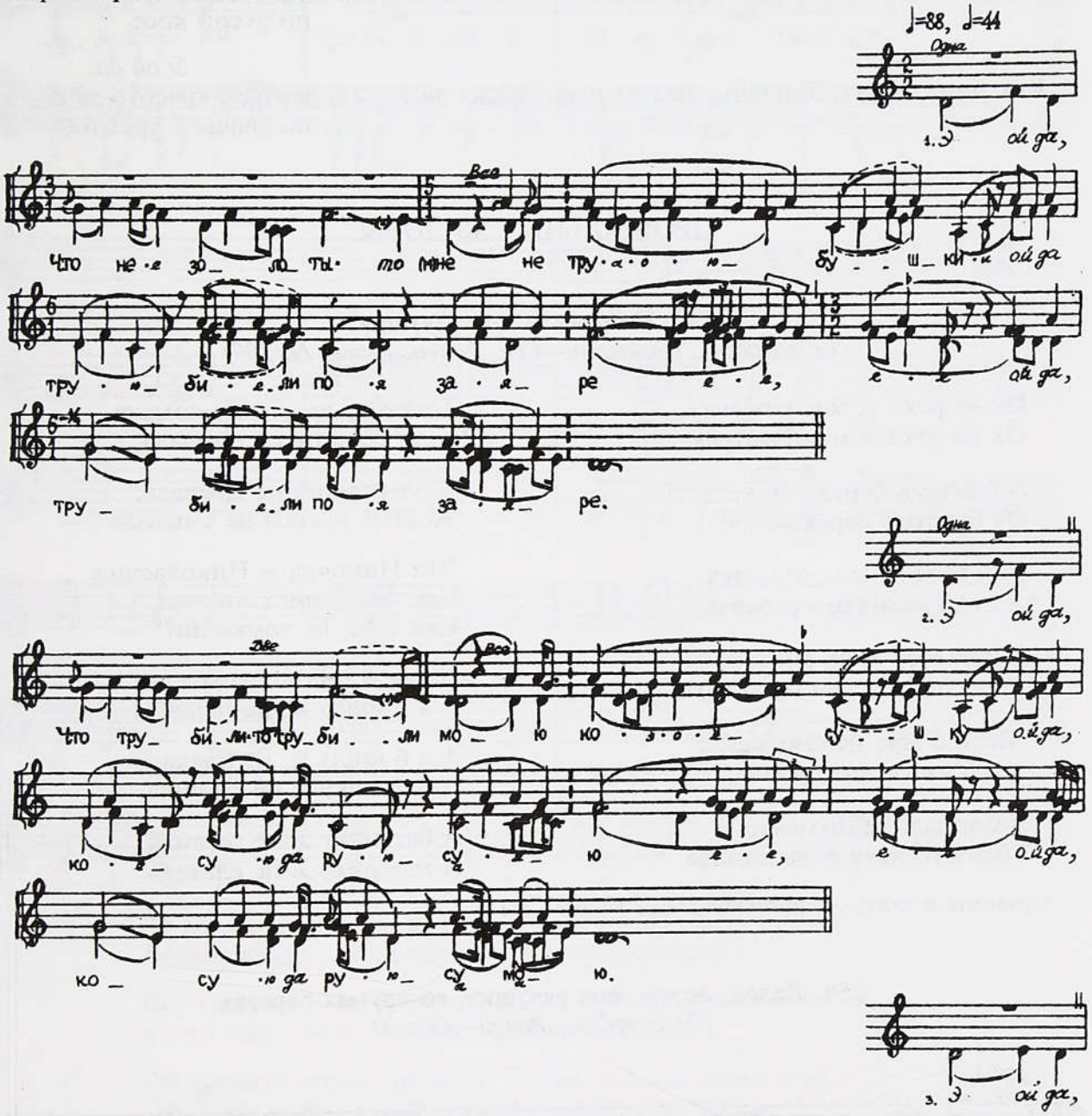
---

[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.
[2] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.

257. Что не золоты (м)не не трубушки трубили по заре

(Ставропольск., Малка—Терек)

Накануне венчального дня, после бани в субботу вечером, мать невесты допоздна многократно заплетала, расплетала и снова плела ее косу. Подруги в это время сидели за столом, несколько раз без перерыва они пропевали эту песню, "растрогивали" невесту с матерью, которые плакали, не проговаривая какие-либо слова.



Э ой да,
Что не золоты-*то* (м)не не трубушки *ой да* трубили по заре *ой да*,
трубили по заре.

Э ой да,
Что трубили-то, трубили мою косушку *ой да*, косу да русую *ой да*,
косу да русу мою.

Э ой да,
Что плела ли-то, плела *да* родимая маменька *ой да*, сама плакала *ой да*,
сама плакала.

Э ой да,
С вечера ли допоздна *да* родимой маменьке *ой да* подружки играли *ой да,*
подружки играли:

Э ой да,
"Ты не плачь, ты не плачь, родимая маменька *ой да,* по русой косе *ой да,*
по русой косе.

Э ой да,
Как поплачь, ты поплачь, родимая маменька *ой да,* по девчьей красоте *ой да,*
по девчьей красоте".

ПРОЩАЛЬНЫЕ ЖАЛОБЫ

258. Не река ж моя речушка

(Белгородск., Нежеголь—Сев. Донец. Напев № 109)

Ох не река ж моя речушка,
Ох не река ж моя быстрая,

А быстрая бережистая,
Ох быстрая бережистая!

Как тебе ж, моя речушка,
А подо льдочком стоевчи,

А как тебе ж не смоторно?
А как тебе ж не смоторно?" —

"Если б мне не смоторно,
А я б ишла, не шумела,

Я б ишла, не шумела,
Толстого льду ж не ломала,

Толстого льду ж не ломала,
Крут берегов не срывала,

Крут берегов не срывала,
Желтых песков не смывала". —

"Ой Ниночка ж Николаевна,
Как тебе, моя Ниночка,
Как тебе, не томко ли?" —

"Если б мне не томко ли,
А я б ишла ж, не плакала,

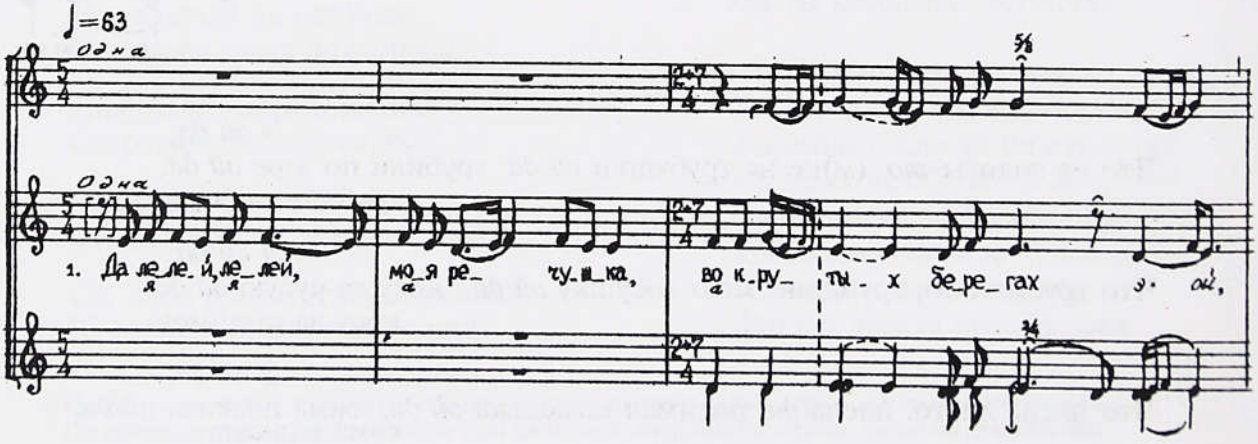
А я б ишла ж, не плакала,
А батюшку ж не гневила,

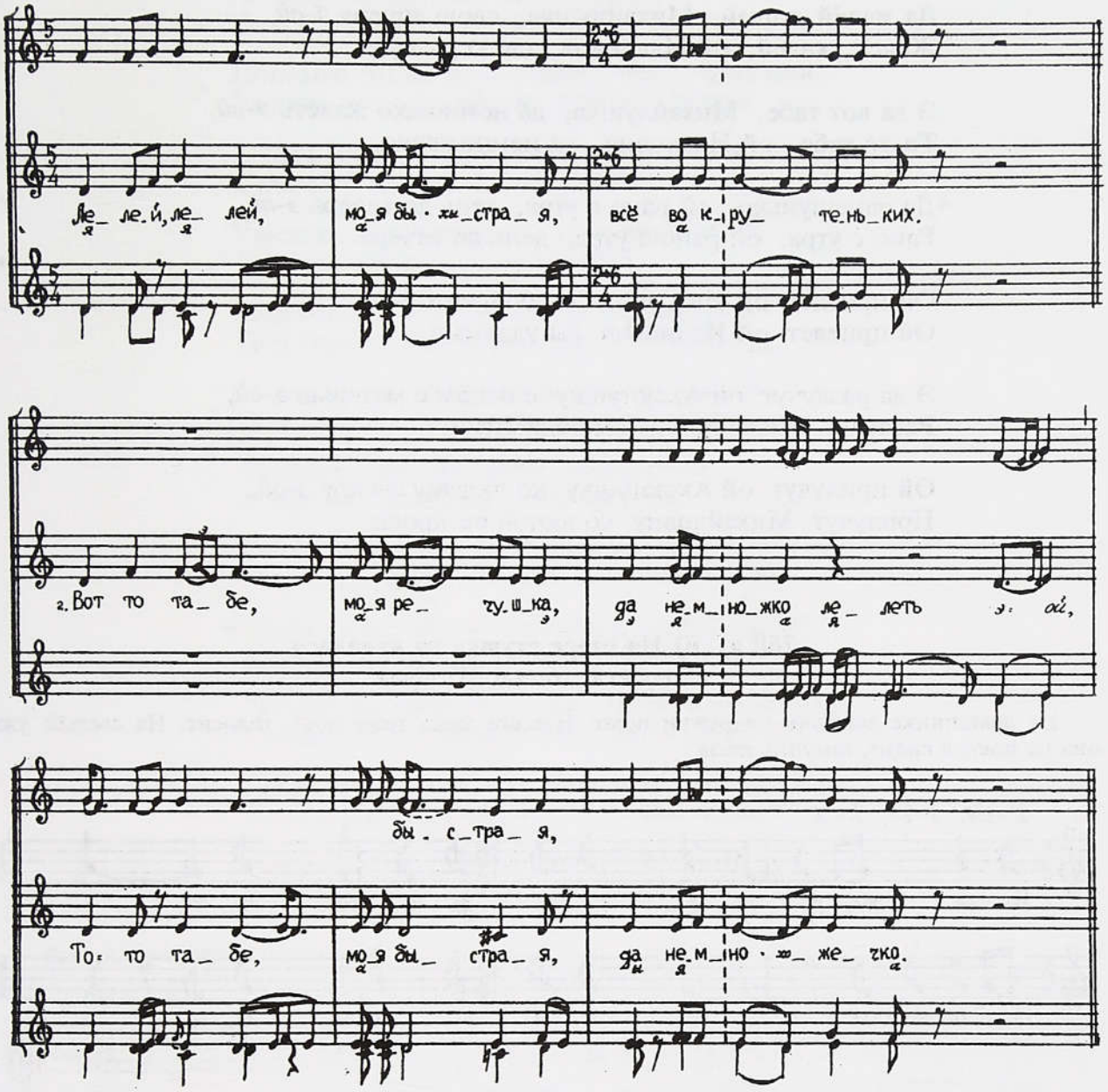
А батюшку ж не гневила,
А мамушку ж не слезила".

Сравните с зачином сиротских песен № 269—271.

259. Лелей, лелей, моя речушка, во крутых берегах

(Белгородск., Валуй—Оскол)





Да лелей, лелей, моя речушка, во крутых берегах *э-ой,*
Лелей, лелей, моя быстрая, все во крутеньких.

Вот то табе, моя речушка, да немножко лелеть *э-ой,*
То-то табе, моя быстрая, да немножечко.

Ой задунут ветр*ы*, ой дунут ветр*ы* все холодные *э-ой,*
Ой дунут ветр*ы*, ой дунут ветр*ы* все холодные,

Ой пойдут дожди, ой пойдут дожди все осенние *э-ой,*
Пойдут дожди, ой пойдут дожди все осенние,

Ой да падут снега, ой падут снега все глубокие *э-ой,*
Ой падут снега, ой падут снега все глубокие,

Ой да вдарют мороз*а*, ой ударют мороз*а* все крещенские *э-ой,*
Вдарют мороз*а*, ой ударют мороз*а*, все крещенские —

Да заморозют тебе, речушка, во крутых берегах *э-ой,*
Заморозют тебе, быстрая, все во крутеньких.

Да жале́й, жалей, Михайлушка, свою дочеря *э-ой,*
Жалей, жалей, ой Иванович, свою родную.

Э да вот табе, Михайлушка, да немножко жалеть *э-ой,*
То-то табе, ой Иванович, да немножечко,

Да ранешунько, ой рано с утра, день до вечера *э-ой,*
Рано с утра, ой рано с утра, день до вечера.

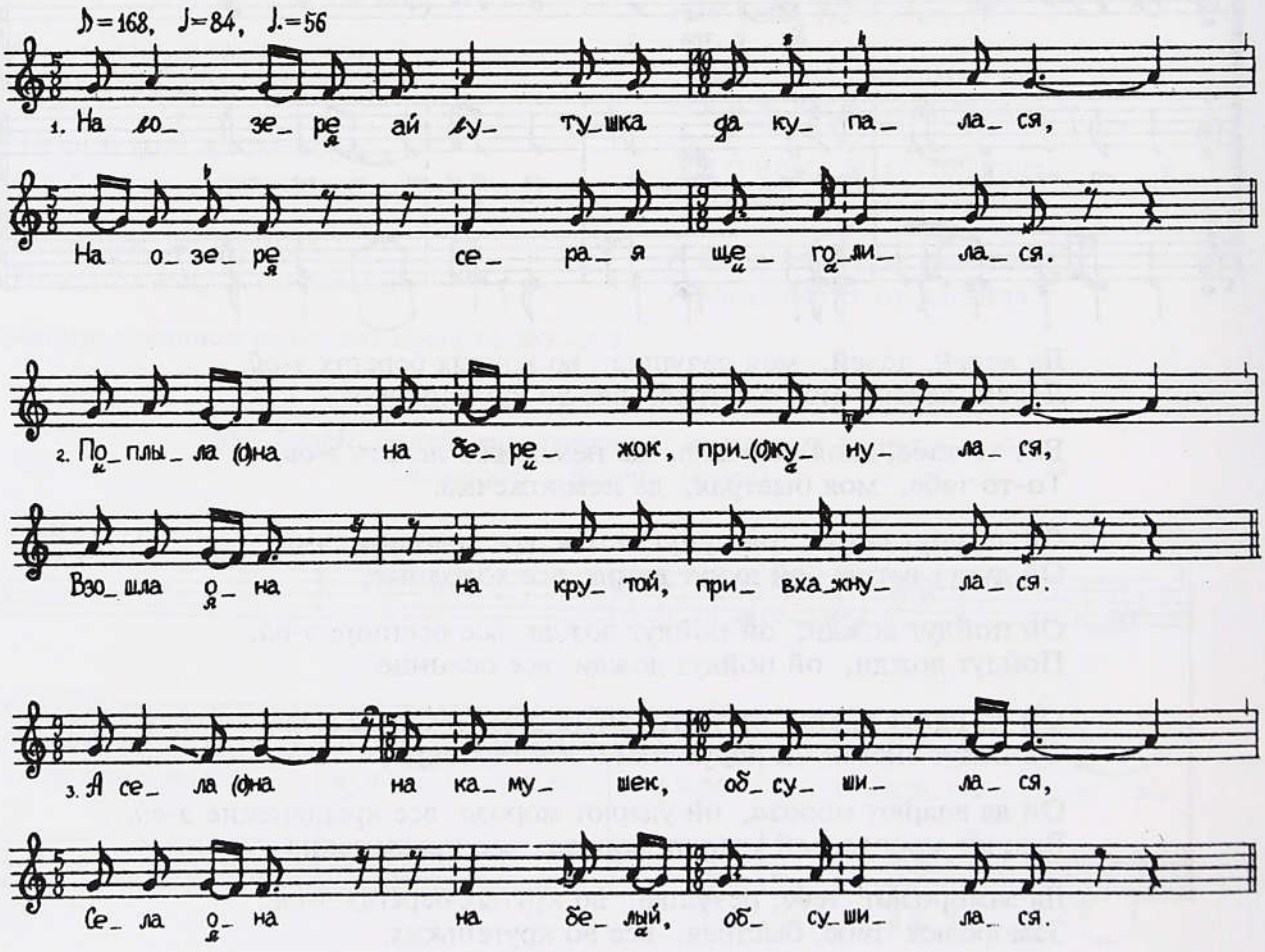
Ой приедет ой Иванушка сы бояреми *э-ой,*
Ой приедет ой Иванович сы удалыми.

Э да разлучут ой Аксютушку с отцом с матерью *э-ой,*
Разлучут Михайловну сы родимыми.

Ой прилучут ой Аксютушку ко лютому свекру *э-ой,*
Прилучут Михайловну ко лютой свекрови.

260 а), б) На озере утушка да купалася
(Калужск., Болва/Жиздра)

На девишнике девушки-подружки поют. Невеста здесь тоже поет, голосит. На свадьбе уже она не поет, а сидит, потупив глаза.



На озере ай утушка да купалася,
На озере серая щеголилася.

Поплыла (о)на на бережок, при(о)кунулася,
Взошла она на крутой, привхажнулася.

А села (о)на на камушек, обсушилася,
Села она на белый, обсушилася.

Увидела (о)на селезня, схоронилася *ой,*
Увидела белого, схоронилася

Под берега, под берега да под крутые,
Под берега, под берега все под крутые,

А под пески, под пески все под желтые,
Под пески, под пески все под желтые.

У тереме там Нинушка собиралася,
У тереме Ивановна снаряжалася.

Ой подходит а к Нинушке родный батюшка,
Подходит к Ивановной родный батюшка:

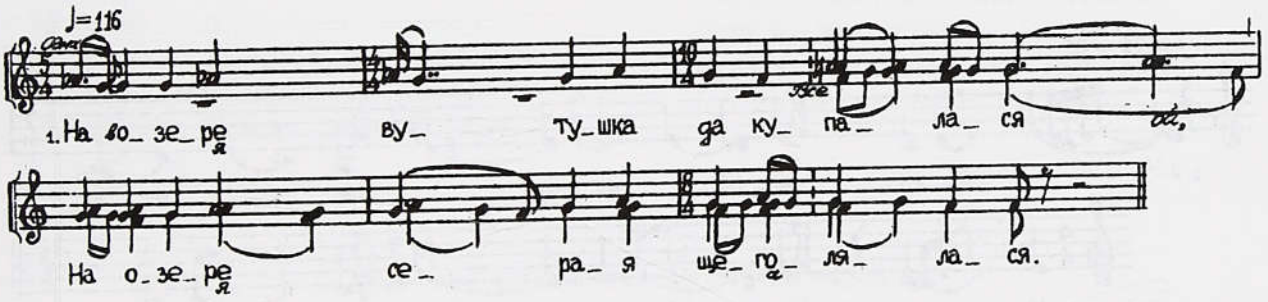
"Куда ль же ты, моя дititка, пособралася?
Куда ль же ты, моя милая, снарядилася?" —

"Убралася, мой батюшка, лишь не вмылася,
Собралася, родимый мой, лишь не вмылася". —

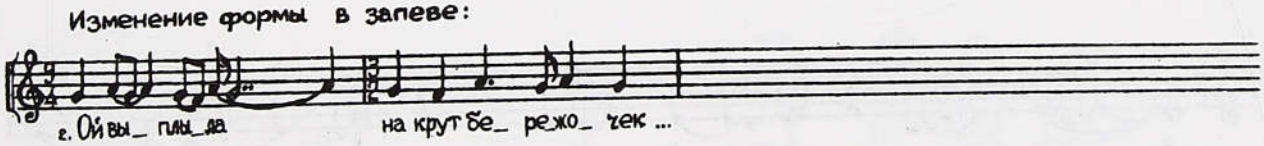
"Умоешься, моя дititка, горючьми слезьми,
Умоешься, моя милая, горючьми слезьми.

Утрешься ты, мое дititка, белым полотном,
Утрешься ты, моя милая, белым полотном".

Вариант в соседнем селе:



Изменение формы в запеве:



На озере вутушка да купалася *ой,*
На озере серая щеголялася.

Ой выплыла на крут бережочек, встряханулася,
Выплыла на крутой, встряханулася.

Села [она] на камушек, обсушилася,
Села [она] на белой, обсушилася.

Увидела селезня, схоронилася,
Увидела серого, схоронилася

Под бережки, бережки [всё] под крутые,
Всё под бережки, бережки [всё] под крутые,

Под пески, под пески всё под желтые,
Под пески, под пески всё под желтые.

В тереме Татьянушка собиралася,
В тереме Ивановна снаряжалася.

Подходит к Татьянушке родная матушка,
Подходит к Ивановне родная матушка:

"Куда ты, мое дитятко, да собралася?
Куда же ты, мое милая, снарядилася?" —

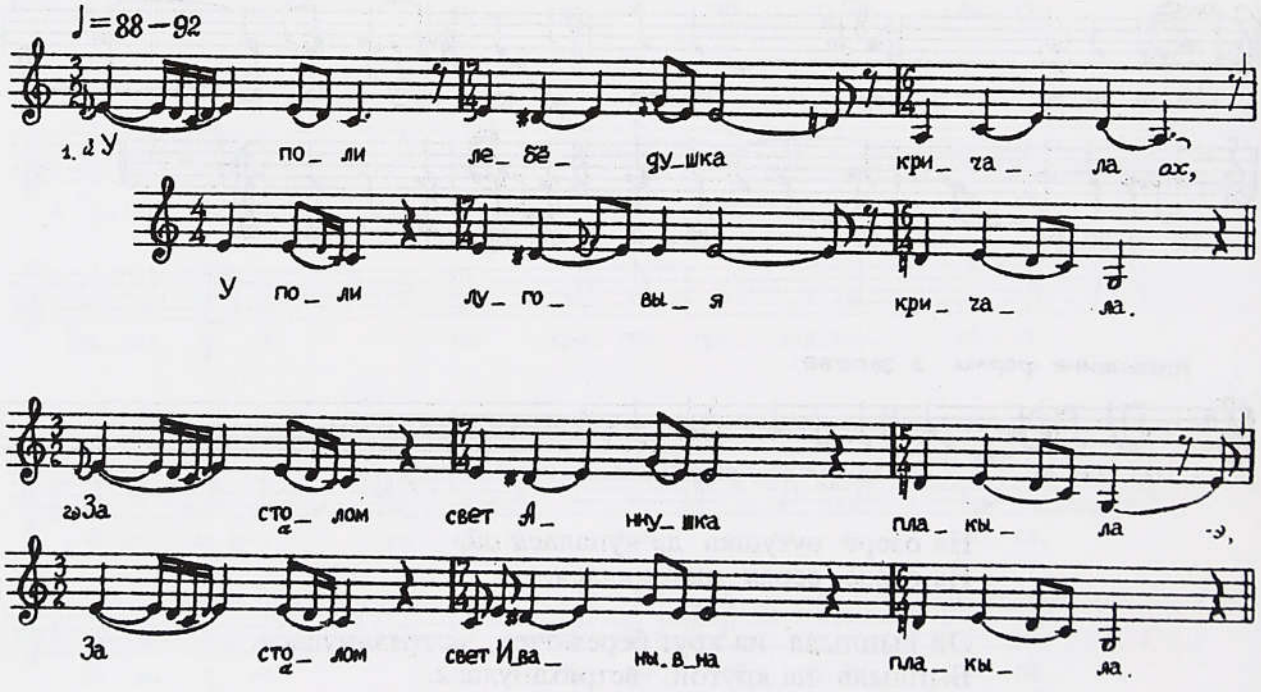
"Собралась я, моя матушка, не умылася,
Собралась, моя родимая, не умылася". —

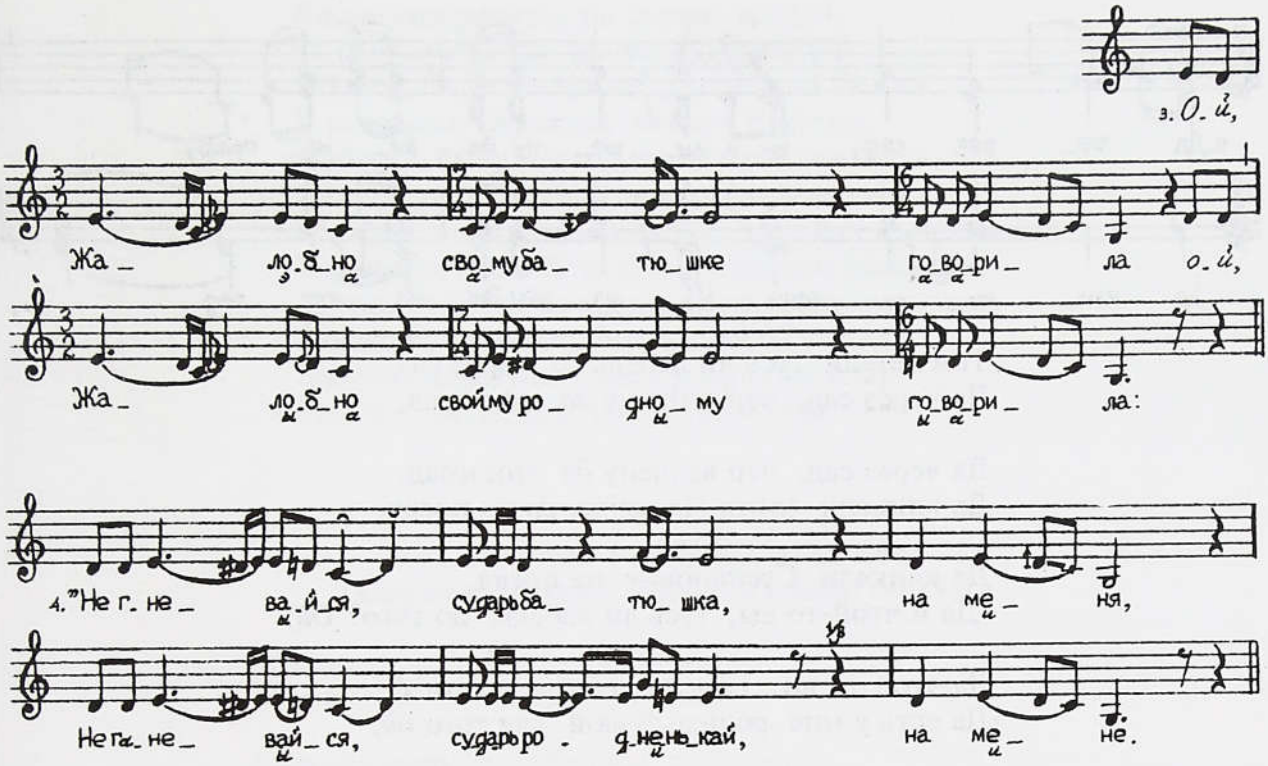
"Умойся, мое дитятко, горячьми слезьми,
Умойся, моя милая, горячьми слезьми.

Утрися, мое дитятко, белым полотном,
Утрися, моя милая, белым полотном".

261. У поли лебедушка кричала

(Калужск., Десна)



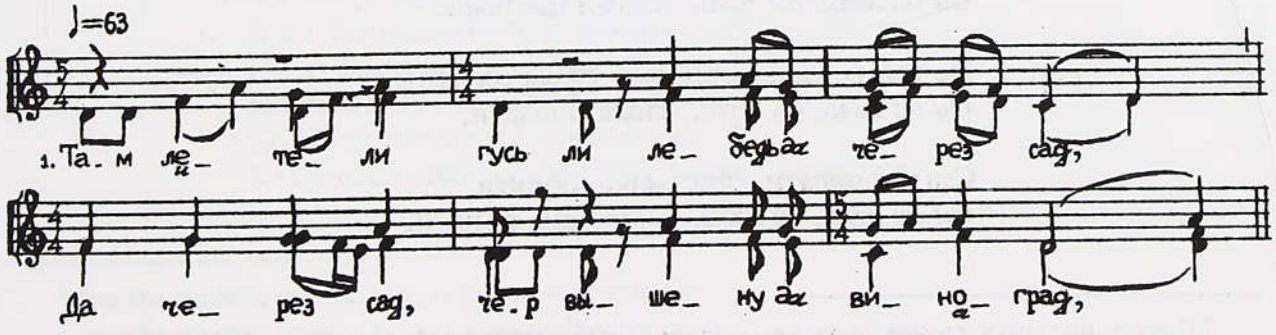


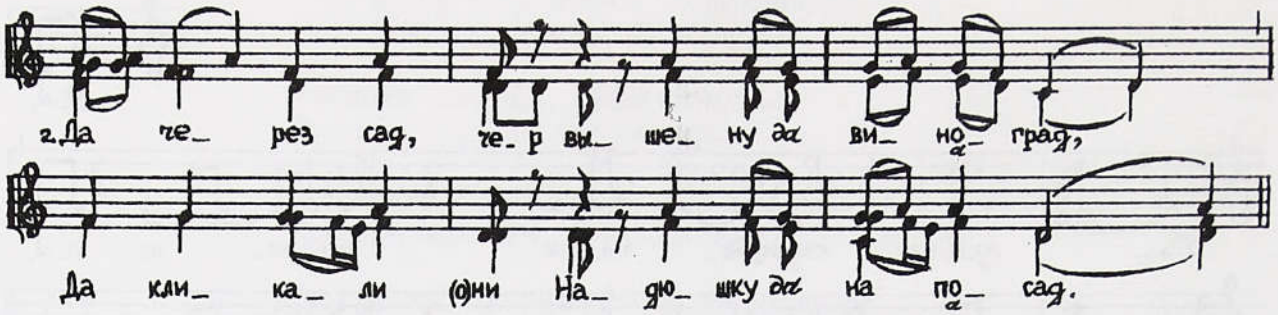
У поли лебедушка кричала *ох*,
У поли луговыя кричала.
За столом свет Аннушка плакыла *э*,
За столом свет Иванывна плакыла.
Ой,
Жалобно свому батюшке говорила *ой*,
Жалобно свойму родному говорила:
"Не гневайся, сударь батюшка, на мене,
Не гневайся, сударь родненькай, на мене.
И молоду в чужи люди отдаешь,
Молоду в чужи люди отдаешь.
Остался мой зелен сад без мене,
Остался мой зелен сад без мене.
Заблёкнут в саду цветики алые,
Заблёкнут в саду цветики алые.
Уставай, ты мой батюшка, раненько,
Уставай, ты мой родненькай, раненько
И поливай в саду цветики частенько,
И поливай в саду алые частенько,
Утренней, вечернею зарею,
Утренней, вечернею зарею
И сверх того горючею слезою,
И сверх того горючею слезою". —
"Буду я, мое дитятка, уставать,
Буду я, мое родныя, уставать.
Буду я в саду цветики поливать,
Буду я в саду алые поливать".

См. № 152, 341.

262. Там летели гусь ли лебедь через сад

(Ставропольск., Малка—Терек)





Там летели гусь ли лебедь *да* через сад,
Да через сад, чер вышену *да* виноград,

Да через сад, чер вышену *да* виноград,
Да кликали (о)ни Надюшку *да* на посад,

Да кликали Степановну на посад.
"Да й чтой-то вы, гусь ли лебедь, до того? *Ой,*

Да чтой-то вы, гусь ли лебедь, до того?
Да есть у мне родимый мой для того *ой,*

Да есть у мне родимый мой для того".
А Надюшка по терему *да* ходила *ой,*

Степановна по терему *да* ходила,
Серебряной цепочкою *да* звонила[1],

Родимого сво(е)го батюшку будила:
"Ты встань-проснись, родимый мой батюшка,
Открой-открой окошечко, погляди,
Да сколько есть больших бояр на дворе,
Хорош-пригож и Колечка на коне,
Хорош-пригож Петровича весь убор.
Да весь убор, весь шелковый, не простой,
Шелка, шелка с казачьего со полка".

263. Цвела-цвела липушка алыми цветами

(Калужск., Десна. Вариант напева см. в Примеч.)

Цвела-цвела липушка алыми цветами,
Ой да лёли, ой лёли, алыми цветами.

Не выцвемши, липушка стала опадати,
Ой да лёли, ой лёли, стала опадати,

Стала опадати, листьевца роняти,
Ой да лёли, ой лёли, листьевца роняти,

[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.

Листьевца роняти на сырую землю[1],
На сырую землю, на желтый песочек.
Пожить было Ленушке у родимого батьки,
У родимого батюшки четыре годочка,
Пойметь было косыньку четыре причёчка,
Не ходить было Ленушке по новым сеням,
Не звенеть было Арсеньевне златыми ключами,
Не будить было Ленушке родимого батьки:
"Устань-устань, батюшка, устань ты, родимый,
Погляди, батюшка, что на дворе светит?"
Золотая каретушка весь двор осветила,
Ранняя свашенька народ оглушила.

264. Вылетала голубушка из-за моря

(Калужск., Жиздра. Вариант напева № 292)

Вылетала голубушка из-за моря,
Из-за моря касатая, из-за моря.

Она садилась, голубушка, на ракиту,
На ракиту залетная, на ракиту.

Она хотела ракитушку сподломити,
Сподломити зеленую, сподломити.

Сподломлёмши, ракитушка стала сохнуть,
Стала сохнуть зеленая, стала вянуть.

Как просватали Аннушку, стала плакать,
Стала плакать Ивановна, стала плакать.

[В] нас по сенюшкам ласточка летала[2],
[В] нас по горенке Аннушка гуляла.
Она медными ключами звокотала,
Она родного свово батюшку пробуждала:
"Ты встань-встань, родный батюшка, встань проснись,
[Встань проснися,] родный мой, пробудись.
Мне не век с тобой, батюшка, вековати,
Остается немножечко гостевати.
Как приедет Иванушка со поездом,
Со поездом, Васильевич, со поездом,
А я сяду, красная девка, сяду да поеду,
А я с батюшкиного подворья со слезами,
По чистому полю со звонами,
По темному лесочку с фонарями,
Ко Божьему храму со свечами.
Как и глянешь, родный батюшка: меня нету".

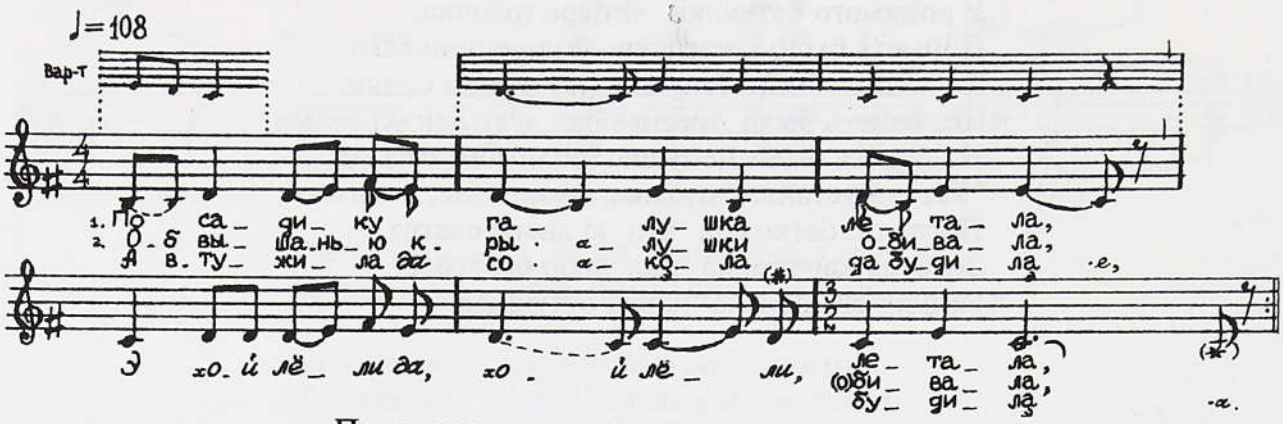
---

[1] Строфа далее не приводится, ее форма не изменяется.

[2] Строфа далее не приводится, ее форма не изменяется.

265. По садику галушка летала

(Белгородск., Нежеголь—Сев. Донец. Варианты напева см. в Примеч.)



По садику галушка летала,
Э ой лёли, ой лёли, летала.

Об вышанью крылушки обивала,
Э ой лёли, ой лёли, (о)бивала.

А втужила *да* сокола да будила,
Э ой лёли да, ой лёли, будила:

"А встань-проснись, ясненький соколик,
Э ой лёли, ой лёли, соколик.

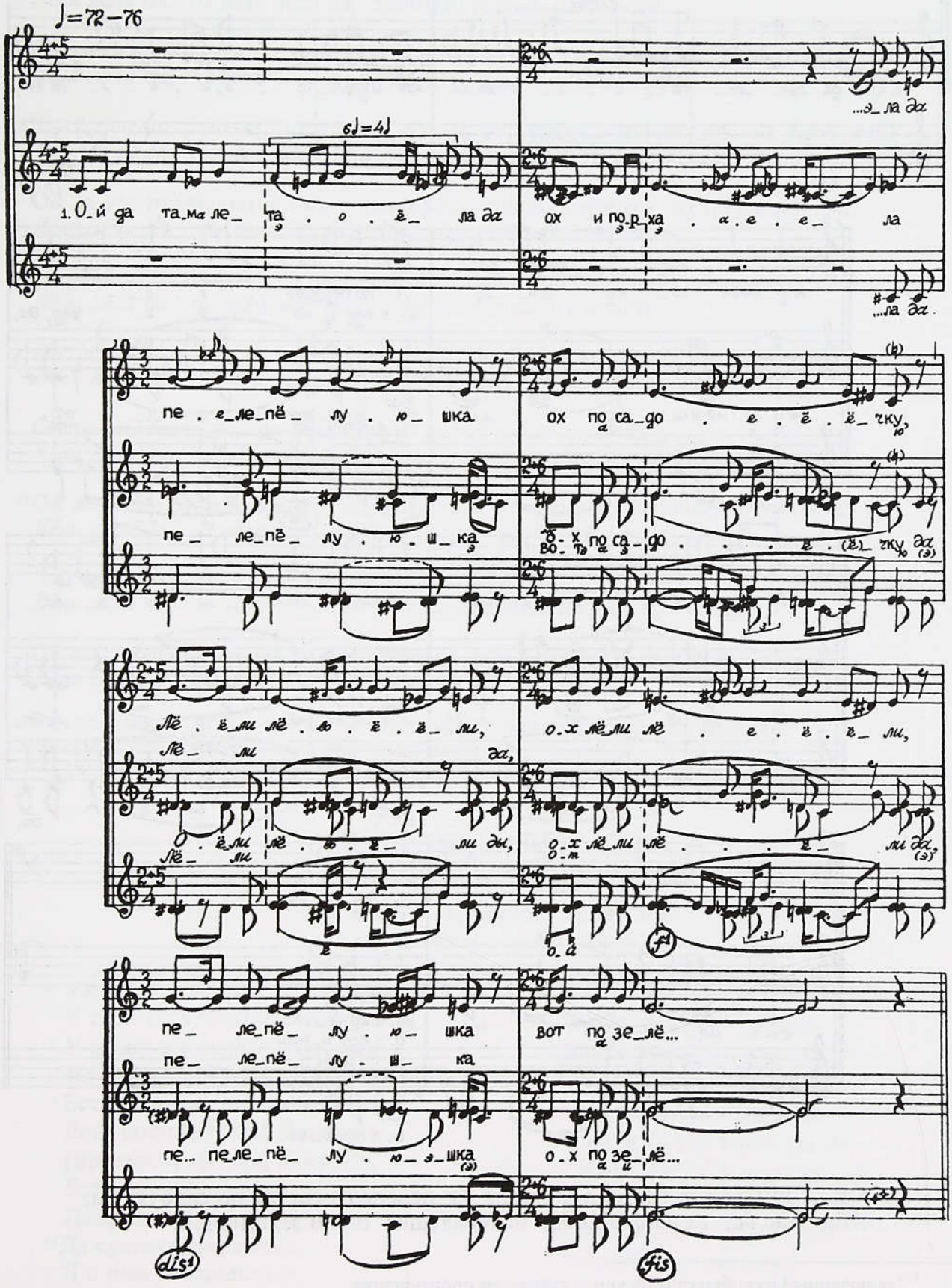
Чё не надолго я ж тебе досталась,
Э ой лёли, ой лёли, досталась:

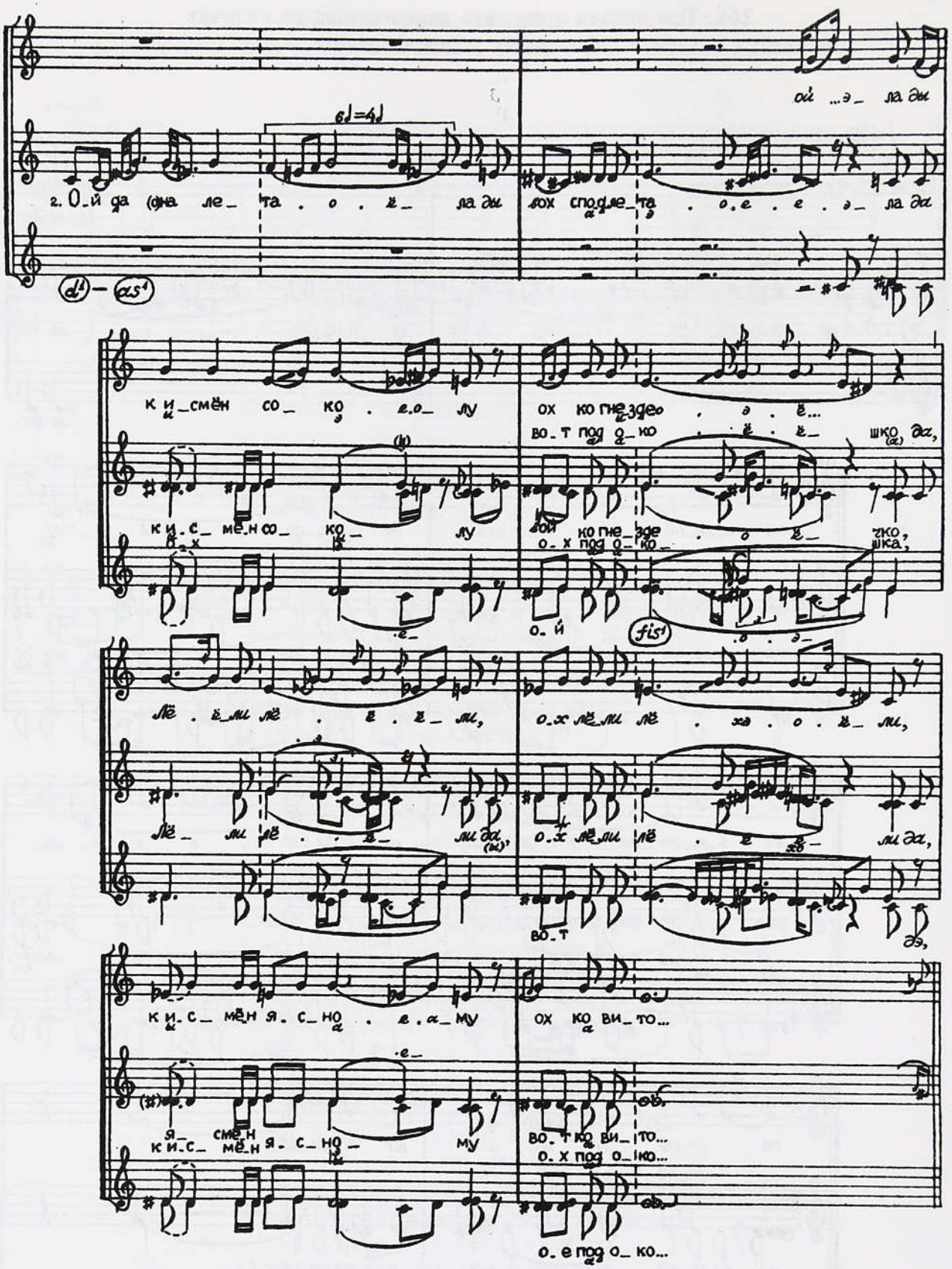
Всего одну ночушку ночевать[1],
Всего одну осеннюю коротать.
Завтра поутру дробны пташки прилетят,
Возьмут меня, галушку, с собою,
Отдадут меня к соколу на волю.
Станя мои пёрушки щипати,
По зеленой дубровушке пущати".
По терему Ниночка ходила,
По высокому Миколаевна гуляла,
Об дубовый стол ручушки обивала,
Обивала и плакала, рыдала:
"Ой батюшка, родимая матушка,
А устань ты, батюшка, проснися.
Чё не надолго а я вам досталась:
Всего одну ночушку ночевать,
Всего одну осеннюю коротать.
Завтра поутру князья-бояре приедут,
Возьмут меня, девушку, с собою,
Отдадут меня Геночке в неволю.
Станут мою косушку расплетать
И самою головушку пухлатить".

[1] Форма строфы далее не изменяется.

266. Там летала и порхала пелепелушка по садочку

(Белгородск., Тихая Сосна)





Ой да там летала *да,* ох и порхала *да* пелепелушка ох по садочку *да,*
Лёли лёли да, ох лёли лёли да, пелепелушка ох по зелё(ном)[1].

[1] Заключенный в скобки слог на конце строфы не произносится.

Ой да (о)на летала *ды,* ох сподлетала *да* к исмён соколу ох ко гнездечку *да,*
Лёли лёли да, ох лёли лёли да, к ясмён ясному ох ко вито(му).

Ой да она била *да,* ох обивала *да* золоты крылья ох о будылья *да,*
Лёли лёли да, ох лёли лёли да, золоты крылья ох о буды...

Ой да (о)на будила *да,* вот спробужала *да* исмён сокола ох из гнездечка *да,*
Лёли лёли да, ох лёли лёли да, ясмён ясного ох из вито(го):

"Ой да устань, сокол, ох устань, ясный *да,* устань, ясненький, ох пробудися *да,*
Лёли лёли да, ох лёли лёли да, устань, ясненький, ох пробуди...

Ой да усе пташечки *да* ох послетелись, одна пташечка ох не слетела *да,*
Лёли лёли да, ох лёли лёли да, одна пташечка ох не слете...

Ой да вон от саду *да* ох зеленого *да* одна пташечка ох полетела *да,*
Лёли лёли да, ох лёли лёли да, одна пташечка ох полете...".

Ой да там ходила *да,* вот голосила *да* то Авдотьюшка ох по терёму *да,*
Лёли лёли да, ох лёли лёли да, то Ивановна ох по высо(ком).

Ой да она била *да,* ох обивала *да* белые руки ох о перила *да,*
Лёли лёли да, ох лёли лёли да, белые руки ох о тесо(вы).

Ой да (о)на будила *да,* вот спробуждала *да* сво(е)го батюшку ох у терёме *да,*
Лёли лёли да, ох лёли лёли да, сво(е)го родного ох у высо(ком):

"Ой да устань, батюшка *да,* ох устань, родный, устань, батюшка, ох пробудися *да,*
Лёли лёли да, ох лёли лёли да, устань, родненький, ох пробуди...

Ой да усе девки *да* ох песни грают *да,* твоя дочушка ох возрыдая,
Лёли лёли да, ох лёли лёли да, твоя родная ох возрыда...

Ой да вон от терему *да* ох от высока *да* твоя дочушка ох пособралась,
Лёли лёли да, ох лёли лёли да, твоя родная ох пособра...".

НА СИРОТСКОЙ СВАДЬБЕ

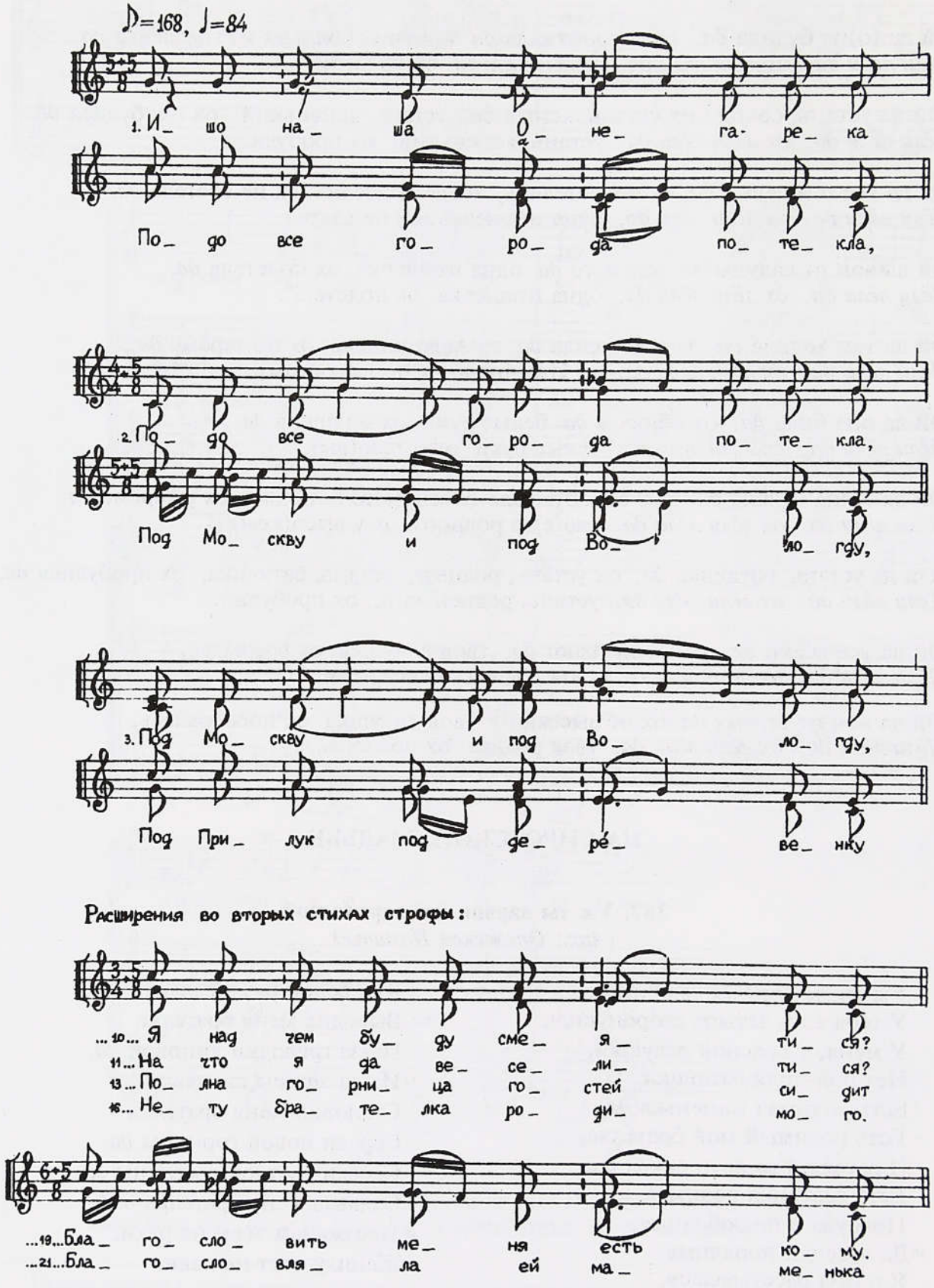
267. Уж ты ларчик-ка, ларчик мой

(Арх., Онежское Поморье)

Уж ты ларчик-ка, ларчик мой,
У тебя есть четыре сторонушки.
У меня, у красной девушки,
Нет родителя батюшки.
Есть родимая маменька *да,*
Есть родимый мой брателка,
[Брателка] да ясен сокол *да,*
Есть сестрица родимая,
Подружки полюбовные,
Да суседки порядные.
Я с има расставалася,
Как водой разливалася.
Выводил меня брателка
Из-за грядочки липовой *да,*
Из-за завесы ситцевой.
Становил меня брателка
Середи новой горницы *да,*
Середи светлой светлицы *да,*
Отдавал меня брателка *да*
Поезжанам всем на руки,
Жениху-свет на веки.

268. Ишо наша Онега-река

(Арх., Поонежье/Мехреньга)



Расширения во вторых стихах строфы:

Ишо наша Онега-река
Подо все города потекла,

Подо все города потекла,
Под Москву и под Вологду,

Под Москву и под Вологду,
Под Прилук под дер*е*венку,

Под Прилук под дер*е*венку
Как под Дунину еленьку.

Ты река, моя реченька,
Что течешь, не кол*ы*хнешься?[1]
Уж ты Дуня, ты Дунюшка,
Что сидишь, не ул*ы*бнешься,
Говоришь, не усм*е*хнешься?" —
"Я над чем буду смеятися,
На что я да веселитися?
У меня ли полон двор коней стоит,
Полна горница гостей сидит,
Только нет дорог*а* гостя,
Дорог*а* гостя милого
Нету брателка родимого,
Спроводить меня некому.
Снарядить меня есть кому,
Благословить меня есть кому".
Снаряжала ей крестненька,
Благословляла ей маменька,
Благословляла, наказывала:
"Уж ты дочь моя, доченька,
Дочь, касатая ласточка,
Носи злато, не снашивай,
Терпи горе, не сказывай.
Не снося, злато сносится,
Не стерпя, горе скажется".

Сравните № 282—284, а также № 352 (зачин).

269. Уж ты реченька, реченька

(Арх., Холмогоры)

"Уж ты реченька, реченька *да,*
Уж ты реченька, реченька *да,*

Уж ты реченька, реченька *да,*
Сахарина источинка *да.*

Сахарина источинка *да,*
Не по сахару река стекла *да,*

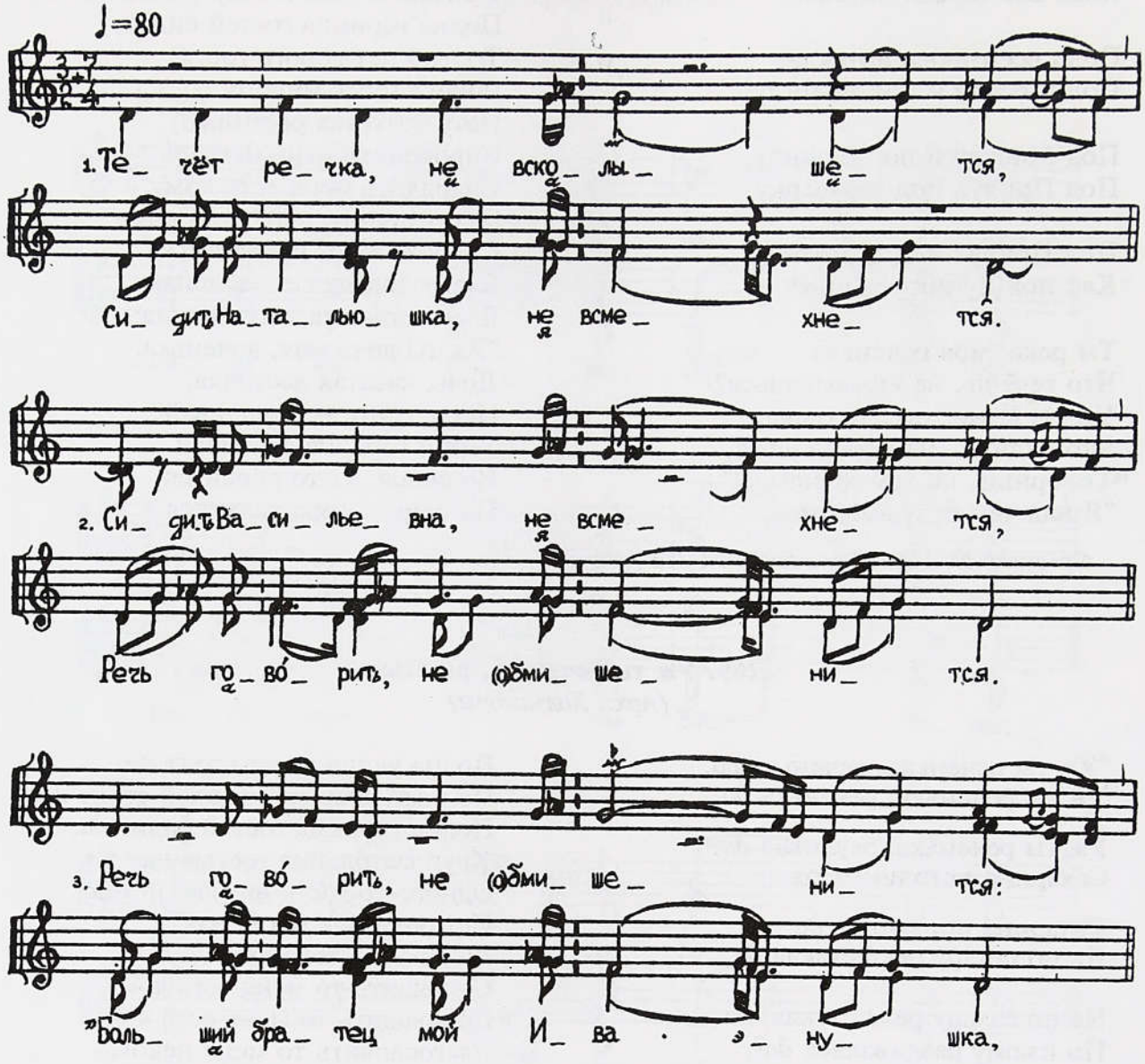
Не по сахару река стекла, *не*
По изюму разливалася *да*[2],
Черным сливом наполнялася *да.*
Уж ты реченька, реченька *да,*
Ты стоишь *да* не кол*ы*хнешься, *на*
Золотой берег не взольешься,
Сверх желт*ы*м песком не взмоешься *да*?
Уж ты дитятко, дитятко
Александра Степановна *да,*
Ты сидишь *да* не усм*е*хнешься,
Говоришь — не промолвишься *да.*"—
"Уж ты мамянька, маминька,
Я над чем буду смеятися,
Перед чем *да* веселитися *да*?
Полна улица карет стоит *да,*
Полный двор *да* лошадей стоит *да,*
Полна горница гостей сидит *да,*
Круг застольница гостьюшки *да,*
Одного-то гостя нет как нет *да,*
Нет родителя батюшки
Да Ивана Степановича.
Снарядить-то меня есть кому,
Спроводить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому.
Благословляет меня крестнушко[3] *да.*
Уж ты крестнушко, крестнушко
Да Иван Александрович *да,*
Ты сходи на колоколенку,
Да ударь-ко в большой колокол.
Да раздайся, мать сыра земля *да,*
Расколися, гробова доска,
Да откройся, белый саванок *да,*
Размахнитесь, белы ручушки *да,*
Ты восстань, родимый батюшка *да.*
Не прошу я злата-с*е*ребра,
Я прошу благословеньица".

---

[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.
[2] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится. Каждый стих повторяется, кроме 11-го и последнего.
[3] Вариант "брателко" (примеч. собир.).

270. Течет речка, не всколышется

(Калужск., Десна)



Течет речка, не всколышется,
Сидит Наталюшка, не всмехнется.

Сидит Васильевна, не всмехнется,
Речь говорит, не (о)бмишенится,

Речь говорит, не (о)бмишенится:
"Больший братец мой Иванушка,

Больший братец мой Васильевич,
Ты сходи-ка у конюшенку,

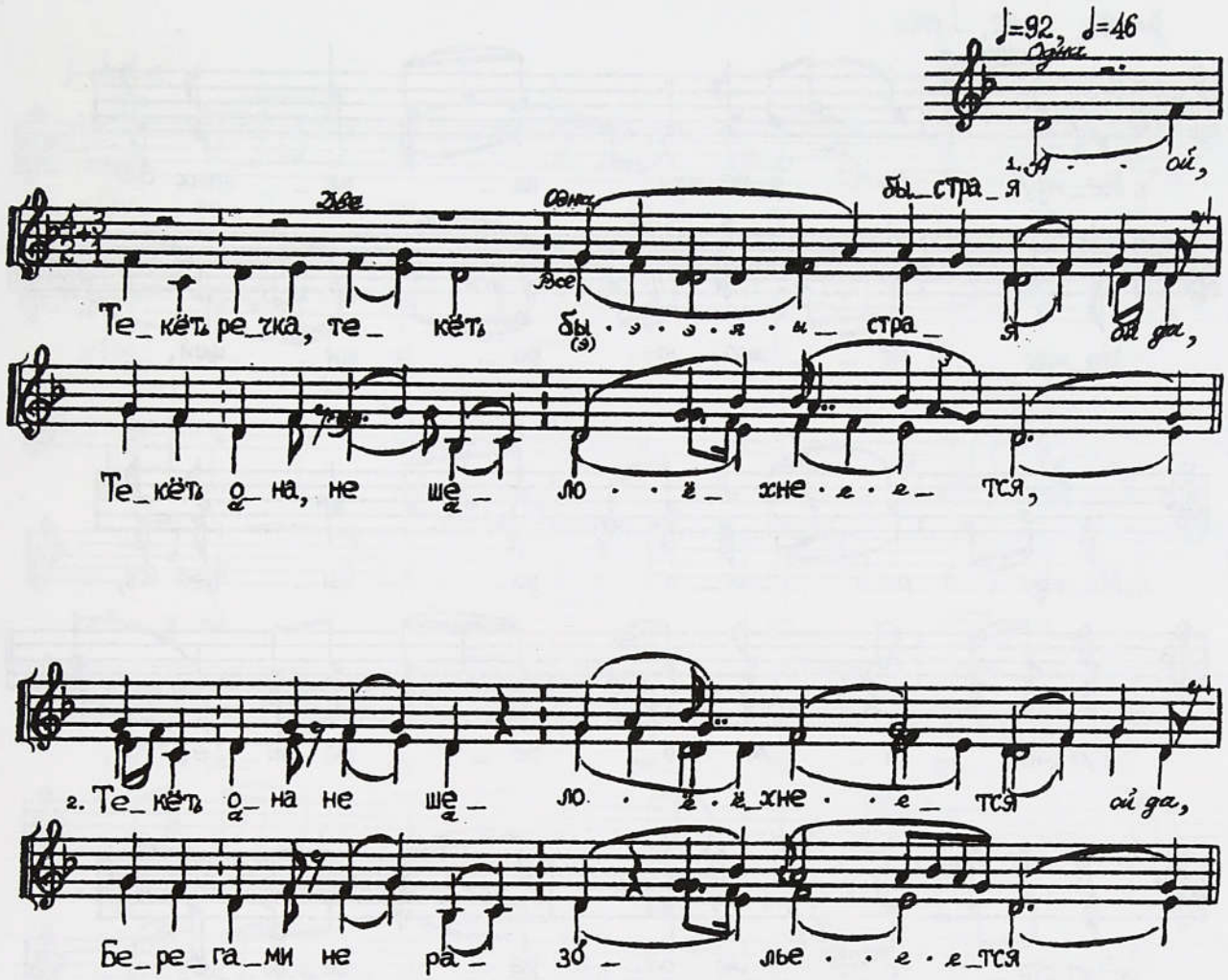
Ты сходи-ка у конюшенку,
Заседлай-ка ворона коня[1],

Поезжай-ка во Божью церковь,
Ты узлезь-ка на колоколенку,
Ты ударь-ка в большой кол(о)кол.
Затяни-ка калену стрелу,
Ты раздай-ка мать-сыру землю,
Ты разбей-ка гробову доску,
Пробуди-ко мою мамушку,
Пробуди-ко мою родную
На мою свадьбу на горькую,
На горькую, на сиротскую.
Да собрать же меня есть кому,
Басловить да меня некому.
Соберут меня красные девушки,
Басловят меня добрые людюшки".

[1]Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.

271. Текет речка, текет быстрая

(Ставропольск., Малка—Терек)



А-ой,
Текет речка, текет быстрая *ой да,*
Текет она, не шелохнется,

Текет она, не шелохнется *ой да,*
Берегами не разольется,

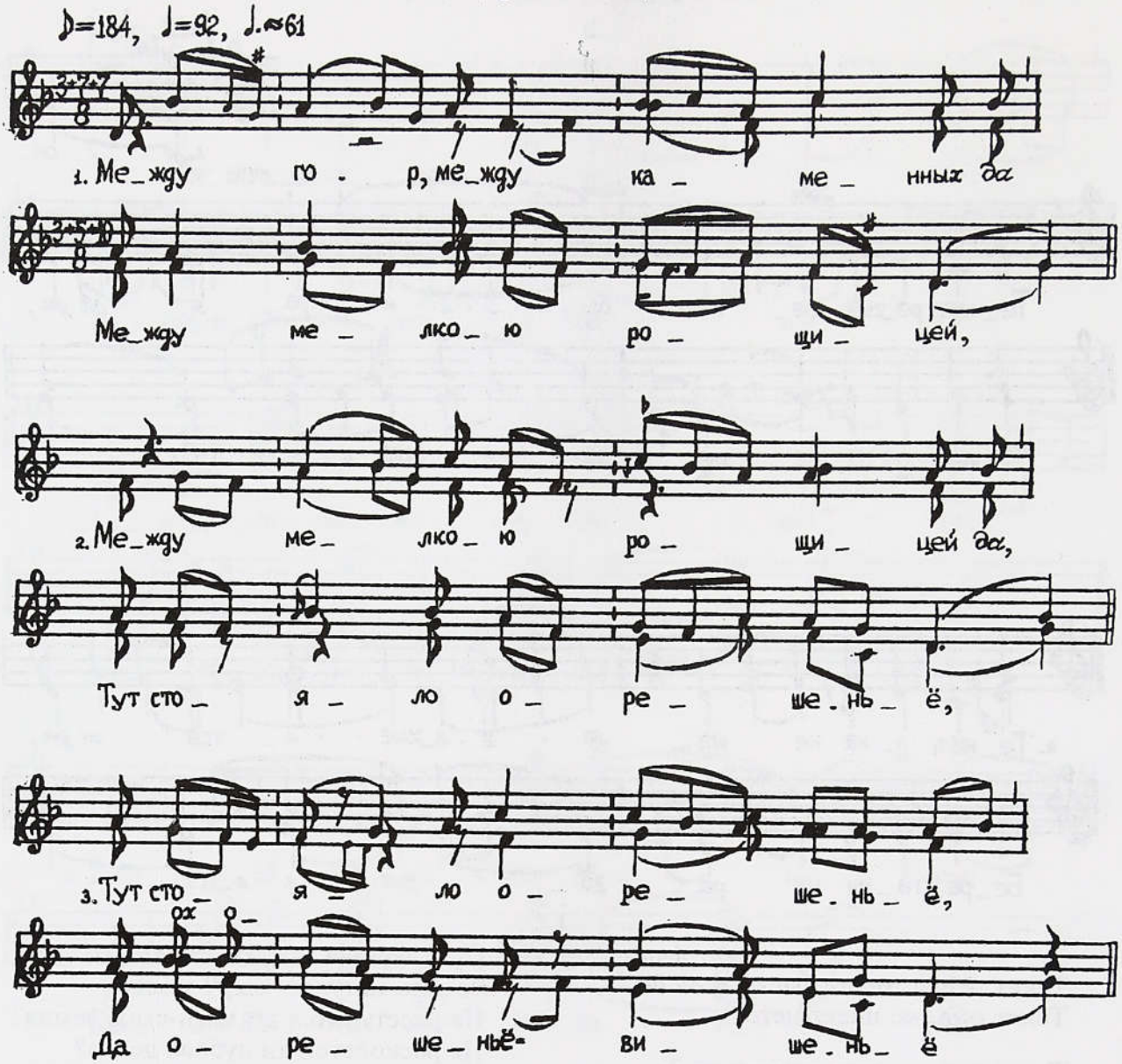
Желтым песком не возмутится *ой да,*
Там сидит душа да й Марьюшка.

Сидит она, не шелохнется *ой да,*
Говорит речьми, не усмехнется[1].
Говорила братцу родимому:
"Уж ты братец ты да родимый мой,
Ты войди-ка во конюшенку,
Обратай[2] коня что ни лучшего,
Что ни лучшего, что неезжего,
Поезжай-ка ко большой церкве *ох,*
Приударь-ка звонким кол(о)колом
Во всю матушку-сыру землю:
Не расступится ли мать-сыра земля?
Не расколется ли дубова доска?
Не услышит родна ли маменька?
Не придет ли бласловить мене?
Нарядить-то меня есть кому *ох,*
Проводить-то меня есть кому.
Да нарядят девки красные,
Девки красные, подруженьки.
Да проводят люди добрые,
Люди добрые, соседушки.
А благословить-то меня некому". —
"Не расступится сыра земля,
Не расколется дубова доска,
Да не встанет родная маменька,
Не придет благословить тебе".

[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.
[2] Одновременно напето: "Оседлай".

272. Между гор, между каменных

(Арх., Пинега)



Между гор, между каменных *да*,
Между мелкою рощицей,

Между мелкою рощицей *да*,
Тут стояло орешенье,

Тут стояло орешенье,
Да орешенье-вишенье.

Да орешенье-вишенье *да*,
У того у орешенья,

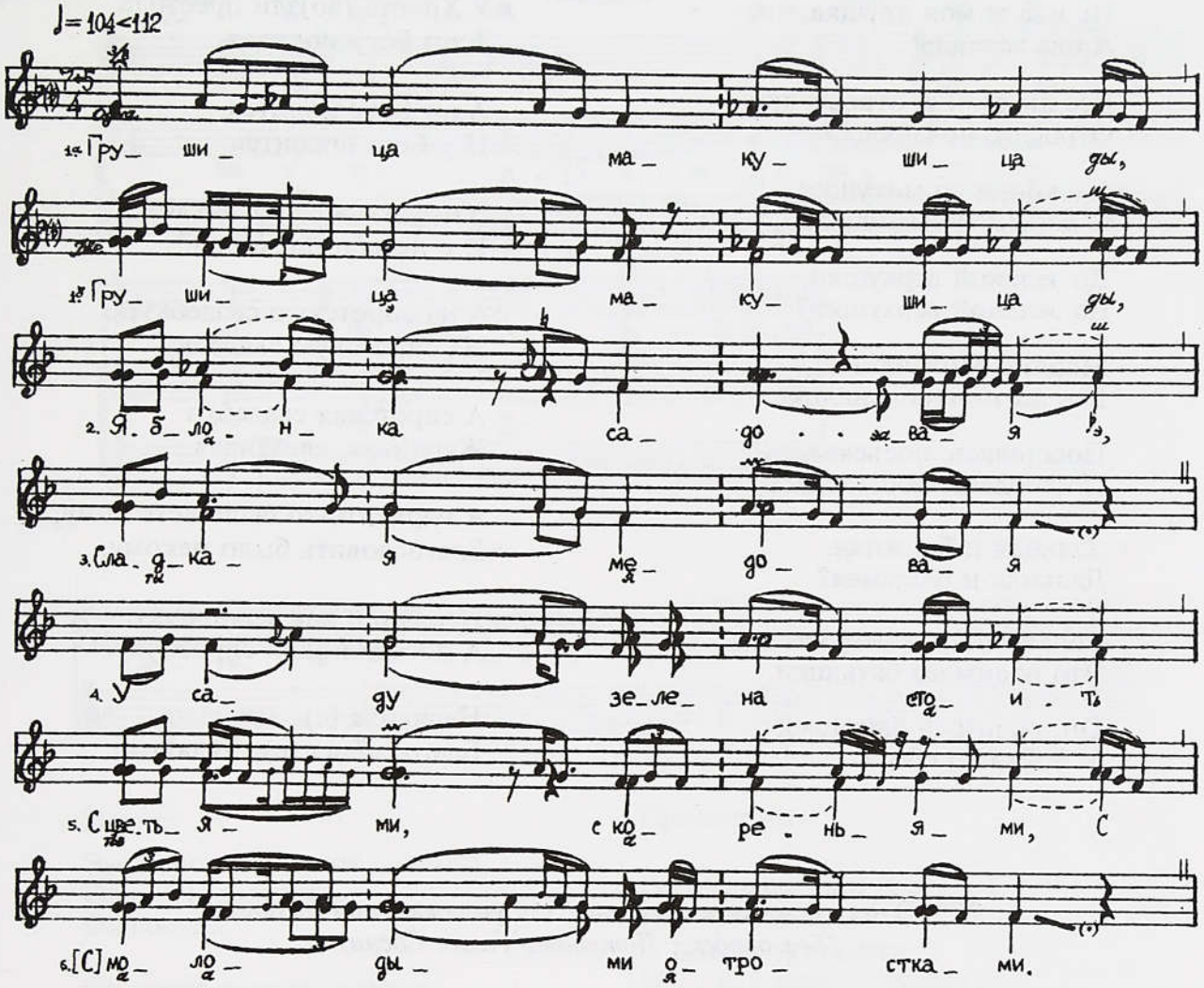
У того у орешенья *да*
Было коренье булатное[1],
Еще ветьё сах*а*рное,

Было листьё бумажное,
Да вершиночка жемчужная,
Позолочена маковка.
Отойду я от орешенья,
Посмотрю я на орешенье:
Каково ль тебе, орешенье,
Без коренья булатного,
Да без ветья сах*а*рного,
Да без листья бумажного,
Без вершиночки жемчужною,
Позолоченной маковки?
Таково жить Катеринушке
Без родителя батюшка,
Без корменьицы маменьки.

[1] Повторение стиха, вызванное цепным последованием строф, далее не приводится.

273. Грушица макушица

(Белгородск., Оскол)



Грушица макушица *ды*,
Грушица макушица *ды*,
Яблонка садовая,
Сладкая медовая
У саду зелена стоит,
С цветьями, с кореньями,
С молодыми отростками.
Тольки в зеленешенькой,
Что у яблонь-грушицы,
Нет одной макушицы,
Золотой верхушицы.
Девушка вот Марьюшка,
Красная Ивановна,
Вся твоя роденюшка
Посошлась, посъехалась.
Тольки нет роденюшки —
То родимой мамушки.
Мамушка родимая!
Прилети голубкою,
Прилети на подворьице,
Сядь же ты на (о)конушко,
На хрусталь-стеколушко,
Сядь же ты да послушай,
Как твоя чада плача,
Тяжело воздыхая,
Мамушку споминая.

274. Не ива ж моя ивушка

(Белгородск., Нежеголь—Сев. Донец. Напев № 109)

Не ива ж моя ивушка,
А ива зеленая!

Все ли твои ж отросточки
Отросли, повыросли

А с корня до макушки,
С кореня до макушки,

До зеленой верхушки,
До зеленой верхушки?

Марина Михайловна,
Вся ли твоя роденюшка

Посошлась, посъехалась,
Посошлась, посъехалась

Дальняя и ближняя,
Дальняя и ближняя?

Только нету роденюшки —
Что родимого батюшки.

Он, родимый батюшка,
У Бога на небеси.

У Христа (во)зли престола
А он Богу молится,

А он Богу молится
И у Бога просится:

"Отпусти ж меня, Боже,
И с небеси на землю

А на сиротскую свадебку,
На сиротскую свадебку".

А сиротская свадебка
Журливая, слезливая.

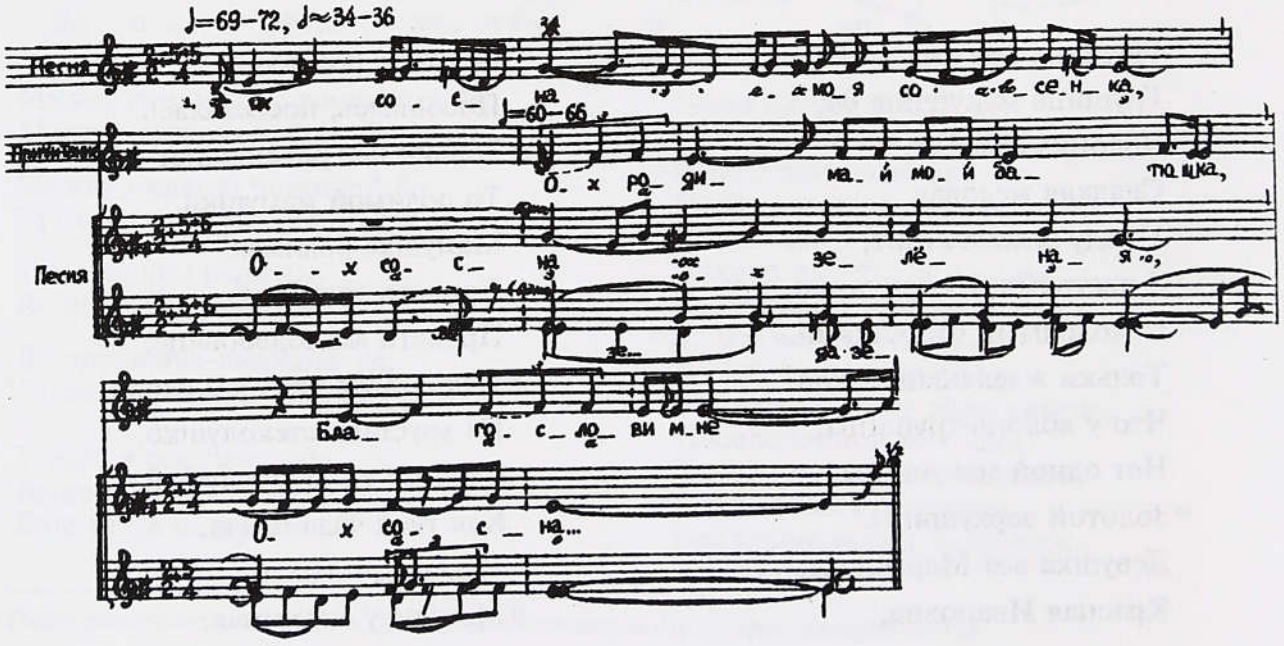
А нарядить-то было есть кому,
Благословить было некому,

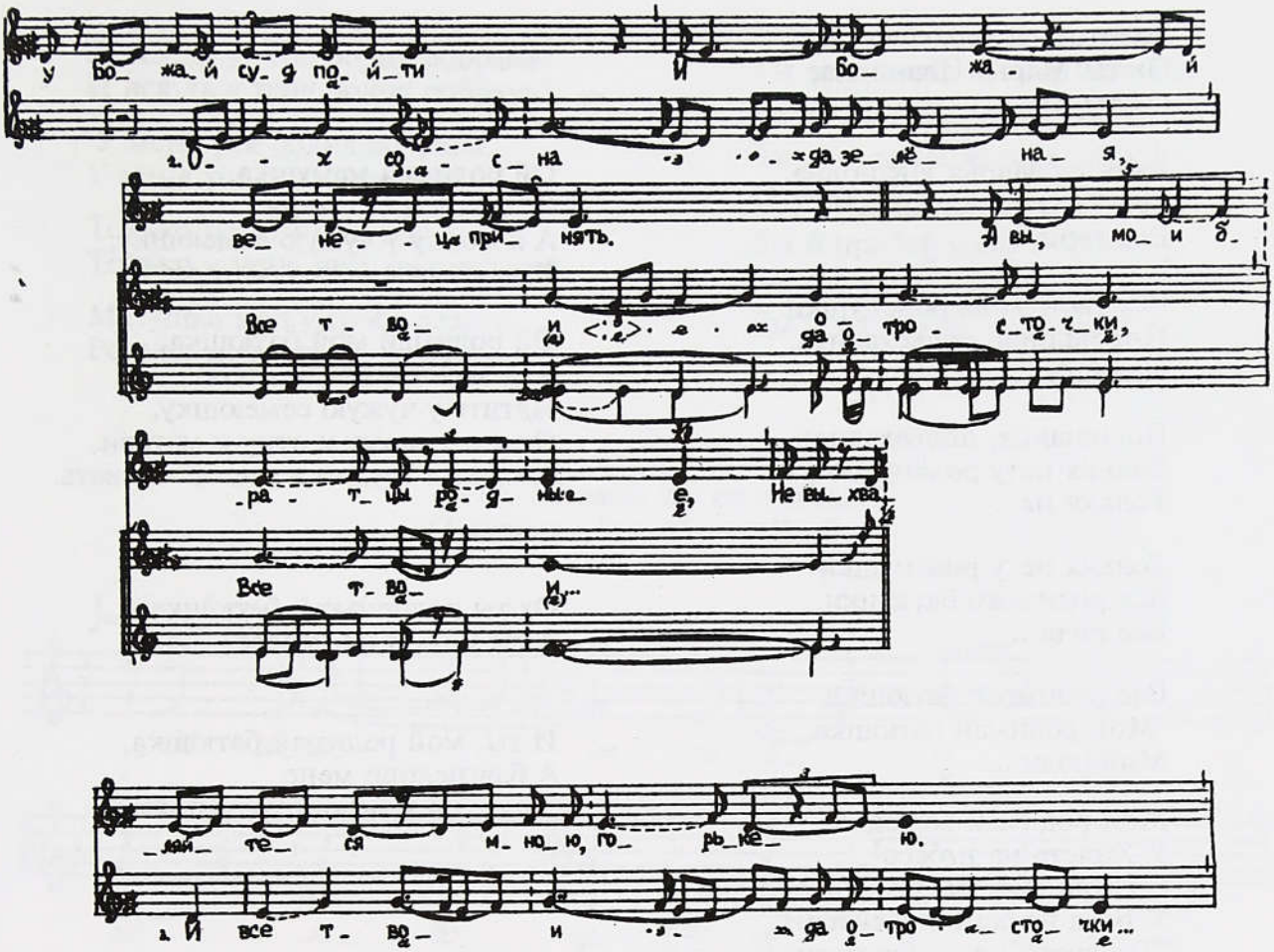
Нарядили как маковочку,
А посадили как сироточку.

Нарядила (е)е матушка,
Благословил (е)е дядюшка.

275. Э-ох сосна моя сосенка / Ох родимай мой батюшка

(Белгородск., Потудань/Тихая Сосна)





Песня:

Э-ох сосна *э-ох* моя сосенка,
Ох сосна зеленая,
Ох сосна...

Ох сосна *э-ох* да зеленая,
Все твои отросточки,
Все твои...

И все твои *эх* да отросточки
Сы верху и *до* земли,
Сы верху...

Сы верху да и *до* земли,
Толькя нету отросточка,
Толькя не...

Ох толькя нету отросточка —
Зелен*ой* макушечки,
Зелен*ой*...

Зелен*ой* да макушечки,
Золотой верхушечки,
Золотой...

Причитание:

Ох родимай мой батюшка,
Благослови мне
У Божай суд пойти
И Божай венец принять.

А вы, мои братцы родные,
Не выхваляйтеся а мною, горькею,
Не пойдете вы
У чужую семеюшку.

Ох а чужая семеюшка,
Она приметливая,
Они будут а мне во месть попрекать,
Ох а они мне будут во месть глазушки колоть.

А вы, мои сестрицы,
А вы не хвалите меня, горькею.
Не ходите вы замуж рано,
Вы послушайте мене, горькею.
У чужой семеюшки
Чужого отца-матерю
Называть трудно мамушкою и батюшкою.

Золотой да верхушечки
Ох ты Марья Ивановна,
Ох ты Ма...

А-ох ты Марья Ивановна,
Все твои родёнушки,
Все твои...

Все твои *эх* да родёнушки
Посошлись, посъехались,
Посошли...

Посошлися, посъехались,
Толькя нету родёнушки,
Толькя не...

Толькя нету родёнушки —
Все родимого батюшки,
Все роди...

Все родимого батюшки.
"Мой родимай батюшка,
Мой роди...

Мой родимай батюшка
У Христа на *н*ебесе[1],
Сы Христом Богу молится,
У Бога на земь просится:
"Ты пусти мене, Господи,
Сы небёси н*а* землю,
На сиротскую свадебку
Поглядеть свое чадушку,
Чадушку-то Марьюшку,
Как она сидит плача,
У руках — утирочка,
У глазах — слезиночка.
Слезою ўмывается,
Ўтирочкой ўтирается".

Ой родимая мамушка,
Оставайси без меня,
А я пойду у чужую семеюшку,
К чужому к отцу к матери.

Ой родимай мой батюшка,
Как мне трудно без тебе
Идтить у чужую семеюшку,
Ох а к чужому к отцу к матери,
А мне их трудно а мне их назвать.

Ох ты родненькей батюшка,
А ты у Бога на небесе,

И ты, мой родимай батюшка,
А благослови мене
а у Божай храм пойти.

276. Эх ты елка-елушечка

(Калужск., Болва. Вариант напева см. в Примеч.)

"Эх ты елка-елушечка,
Зелен*ая* макушечка!

Есть ли у тебя сучья-ветицы?
Есть ли у тебя сучья-ветицы?" —

"У меня усе сучья-ветицы,
У меня усе сучья-ветицы,

Только нету макушечки,
Только мене нет зелененькой.

Макушку мою бурею сломило,
Зелен*у* мою бурею сломило,

Бурею сломило, ветром закатило,
Бурею сломило, ветром закатило,

Ветром закатило, ю грязь утопило,
Ветром закатило, ю грязь утопило". —

"Эх ты Маша ды Машенька,
Эх Маша Васильевна!

[1] Строфа далее не приводится, ее форма не изменяется.

И вся ль у тебя родня собрана?
И вся ль у тебя родня собрана?" —

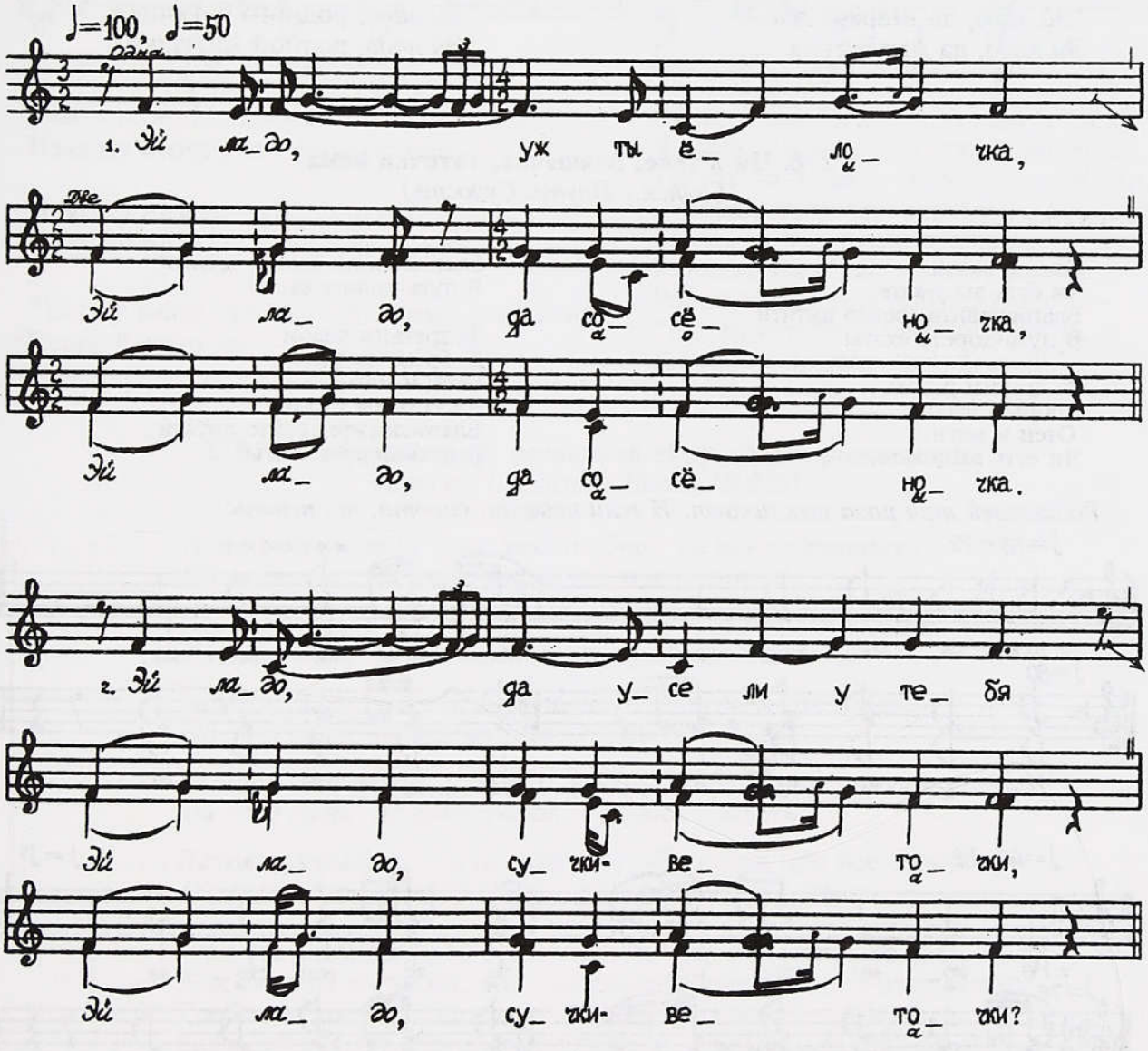
"У меня уся родня собрана,
У меня уся родня собрана,

Только нетути матушки,
Только у мене нету родненькой.

Матушка моя у гробе лежит,
Родная моя у гробе лежит.

Ты зайди-зайди, туча грозная[1],
Да пролейтесь, сильные дожди,
Вы промыйте желтые пески!
Спусти, Бог, огненную стрелу,
Ды й пробей гробовую доску.
Ды й ты выпусти матушку,
Ды й ты выпусти родную!"

277. *Эй ладо, уж ты елочка*
(Калужск., Вытебеть—Жиздра)



[1] Каждый стих далее повторяется без существенных изменений, кроме последнего стиха.

"*Эй ладо,* уж ты елочка
Эй ладо, да сосеночка,
Эй ладо, да сосеночка.

Эй ладо, да усе ли у тебя
Эй ладо, сучки-веточки,
Эй ладо, сучки-веточки?" —

"*Эй ладо,* да усе ж у мене
Эй ладо, сучки-веточки,
Эй ладо, сучки-веточки[1].

Эй ладо, только нету у меня
Эй ладо, (о)дной макушечки". —

"*Эй ладо,* да Мареюшка
Эй ладо, да Андреевна.

Эй ладо, да усе ж у тебя
Эй ладо, гости собраные,

Эй ладо, гости собраные,
Эй ладо, за стол сожаные?" —

"*Эй ладо,* да усе ж у мене
Эй ладо, гости собраные,

Эй ладо, гости собраные,
Эй ладо, за стол сожаные.

Эй ладо, только нету у меня
Эй ладо, дорогого гостя,

Эй ладо, дорогого гостя
Эй ладо, родного батюшки.

Эй ладо, родного батюшки,
Эй ладо, родной матушки".

278. Чи в тебе, Машечка, таточки нема

(Брянск., Ипуть/Судость)

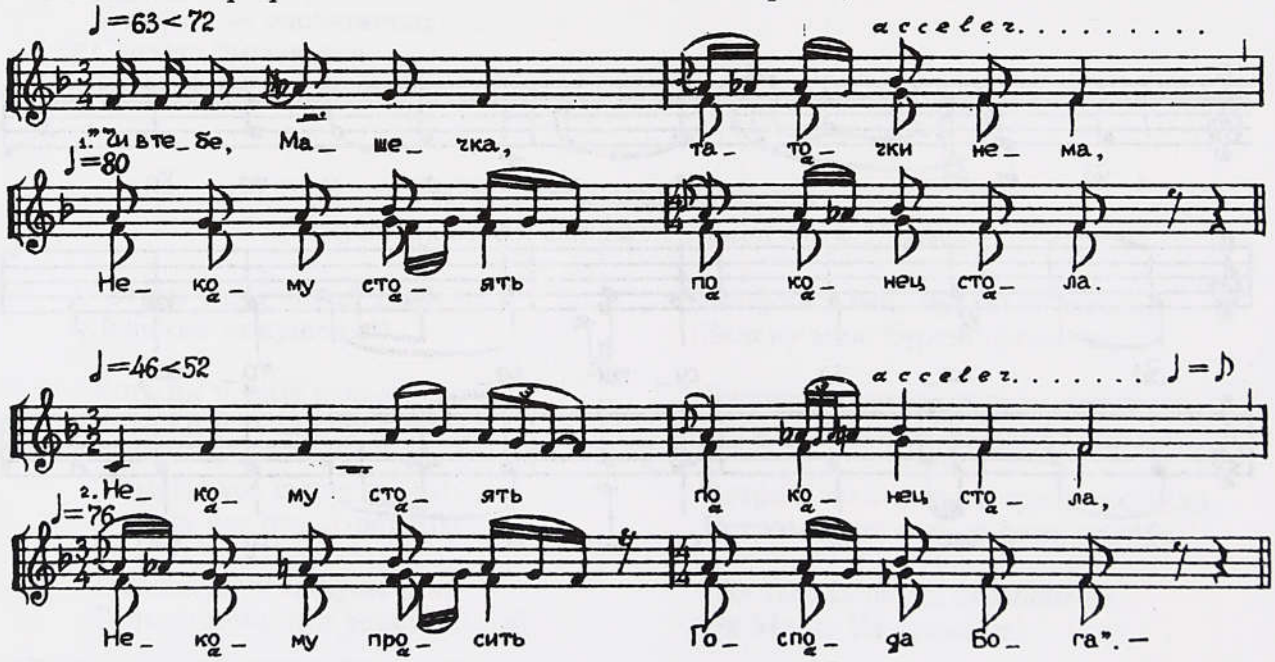
Сватья:

Отец и мати,
Чи ёсть вы у хате,
Благословите свойго дитяти
В путь-дорогу ехать!

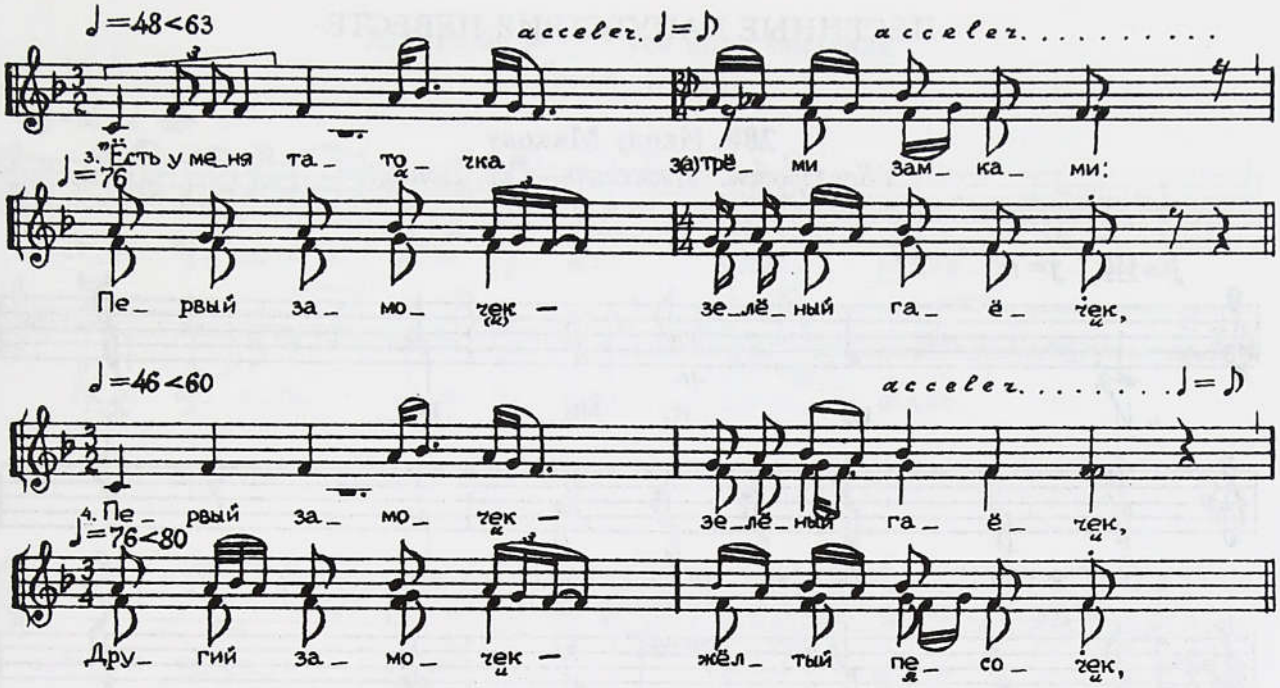
За другим разом
Добрым часом,
Отец и мати,
Чи ёсть вы у хате,
Благословите свойго дитяти
В путь-дорогу ехать!

За третьим разом
Добрым часом,
Отец и мати,
Чи ёсть вы у хате,
Благословите свойго дитяти
В путь-дорогу ехать!

Родителей три раза выкликает. И если невеста сирота, то поют:



[1] Повторение второго стиха в строфе далее не приводится, ее форма не изменяется.



"Чи в тебе, Машечка, таточки нема,
Некому стоять по конец стола.

Некому стоять по конец стола,
Некому просить Господа Бога". —

"Ёсть у меня таточка з(а) трёми замками:
Первый замочек — зеленый гаёчек,
Первый замочек — зеленый гаёчек,
Другий замочек — желтый песочек[1],
Третий замочек — дубовые досточки.
Дубовые досточки стиснули ножечки,
Сырая земля груди сдавила,
Зеленый гаёк все шумит, шумит,
Родного таточку побуждавает". —
"Ни як устати к свойму дитяти,
К свойму дитяти параду дати".

279. Неширокий двор, невеликий сбор, не вся роденюшка

(Курск., Посеймье. Напев № 233)

Неширокий двор, невеликий сбор, не вся роденюшка,
Ой ляли ляли, ох лялёшуньки, не вся роденю...

Некому стоять а в концы стола без родимого батюшки,
Ой ляли ляли, ох лялёшуньки, без родимого батю...

Некого послать батюшку позвать к дитю да на свадьбу,
Ой ляли ляли, ох лялёшуньки, к сироте на сва...

Пошлю соловейку у сырую земелькю батюшку побудити,
Ой ляли ляли, ох лялёшуньки, родного позвать.

Летит соловейка, ой не долетает, батюшка про все знает,
Ой ляли ляли, ох лялёшуньки, родный про все знает:

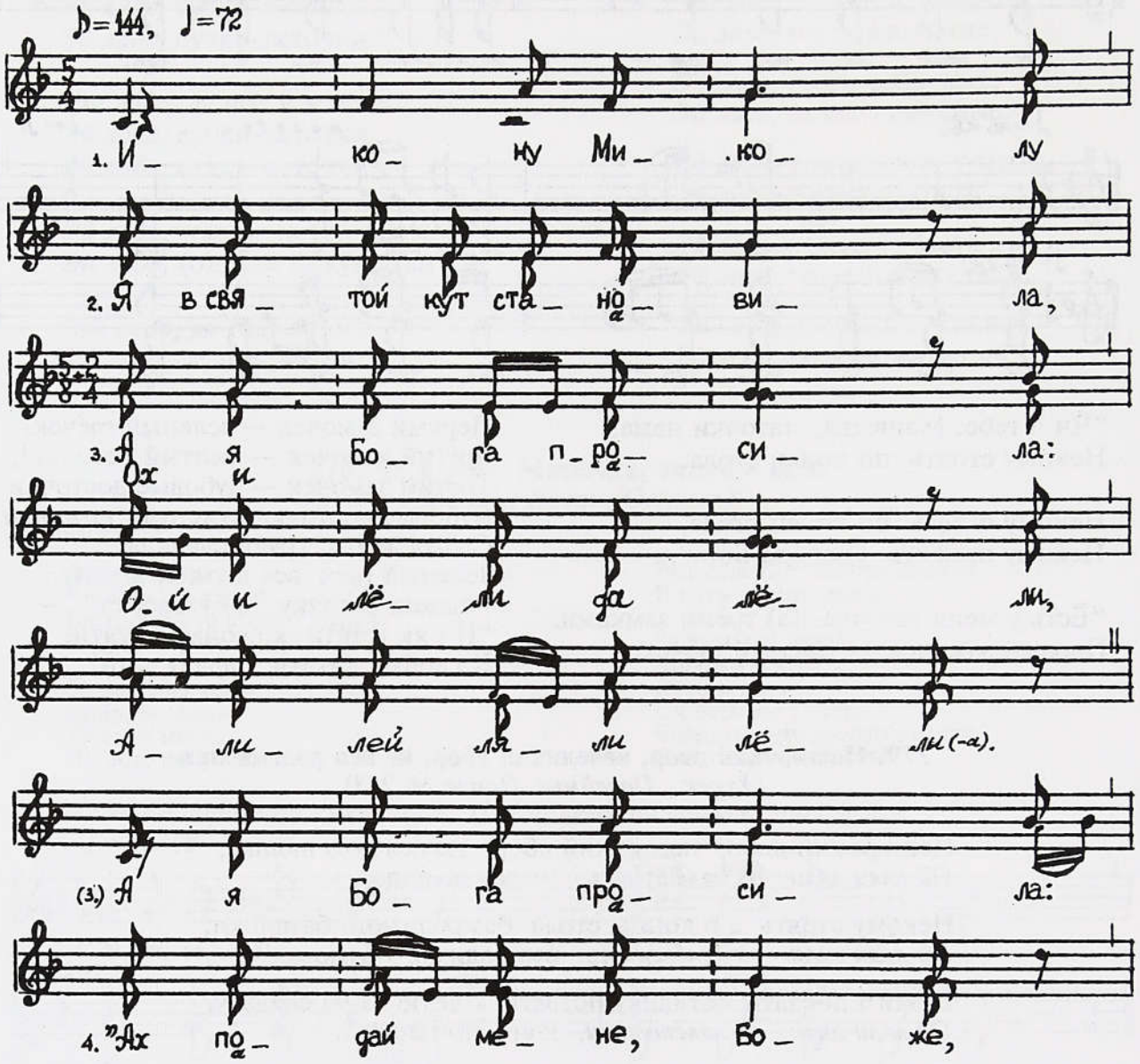
"Рад бы я пошел, рад бы поглядел, как сироты выходют[2],
Как сироты выходют, как сироты выходют, тижало воздыхают.
Гробовая доска ж на груди лежит, нельзя мне подняться,
Зеленый мураж скрозь глаза пророс, нельзя мне проглянуть,
Черная имга губы занесла, нельзя слова молвить".

[1] Каждый стих далее повторяется, кроме 7-го и последнего.
[2] Строфа далее не приводится, ее форма не изменяется.

ПЕСЕННЫЕ НАПУТСТВИЯ НЕВЕСТЕ

280. Икону Миколу

(Белгородск., Нежеголь—Сев. Донец)



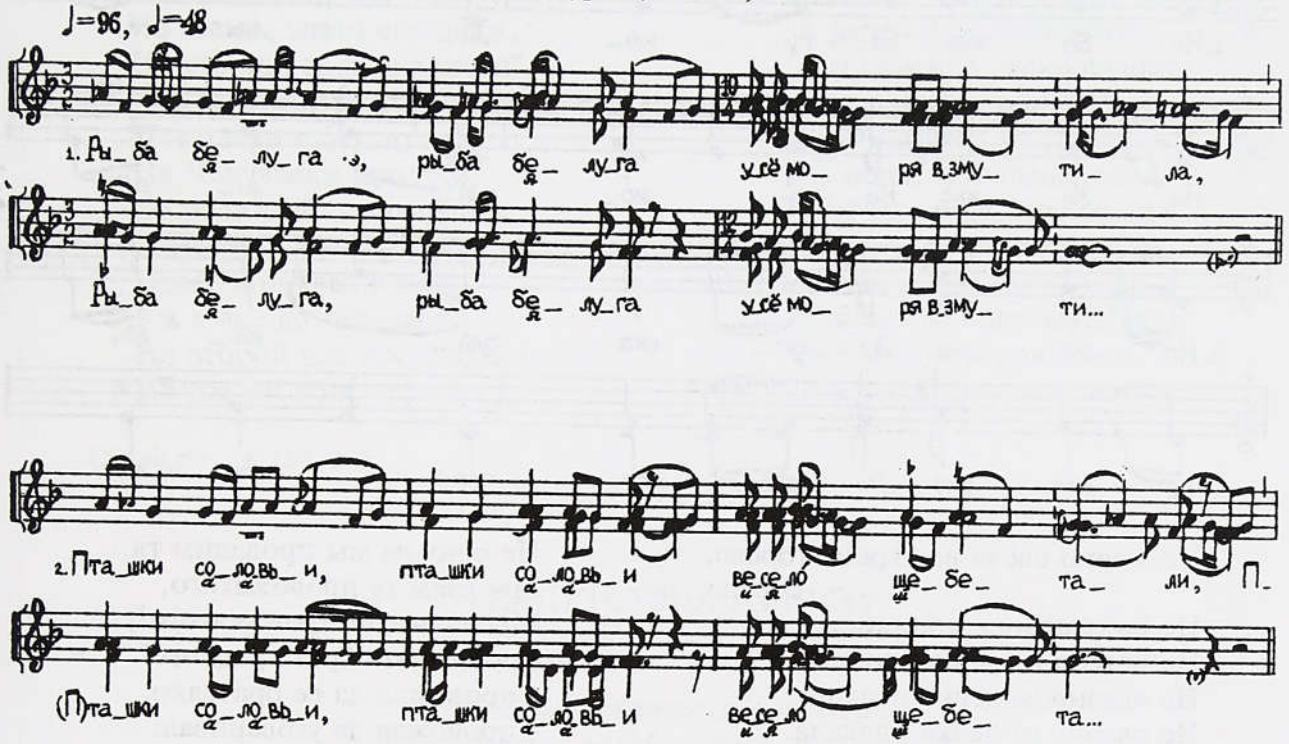
Икону Миколу
Я в святой кут становила,
А я Бога просила:
Ой и лёли да лёли,
Алилей ляли лёли.

А я Бога просила:
"Ах подай мене, Боже,
И богатого свекра,
Досужую свекровью
И хорошего мужа
Ой и лёли да лёли,
Алилей ляли лёли.

У богатого свекра
Я богатая буду,
У досужей свекрови
Я досужая буду,
У хорошего мужа
Я хорошая буду".

281. Рыба белуга усё моря взмутила

(Курск., Свапа)



Рыба белуга, рыба белуга усё моря взмутила,
Рыба белуга, рыба белуга усё моря взмути...

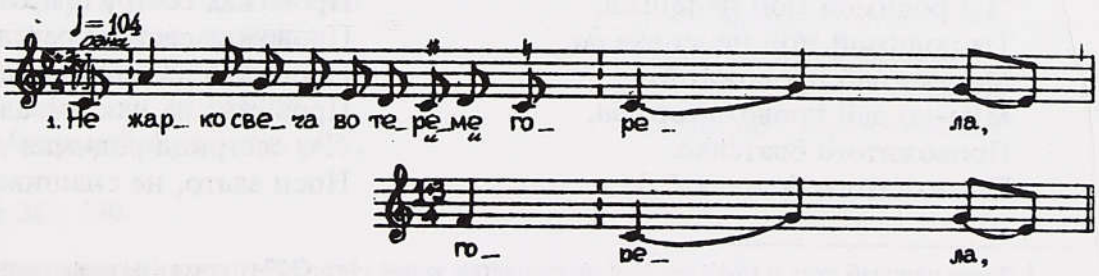
Пташки соловьи, пташки соловьи весело щебетали,
Пташки соловьи, пташки соловьи весело щебета...

Воскова свеча, воскова свеча усю ночь ню (у)гасала,
Воскова свеча, воскова свеча усю ночь ню (у)гасала,

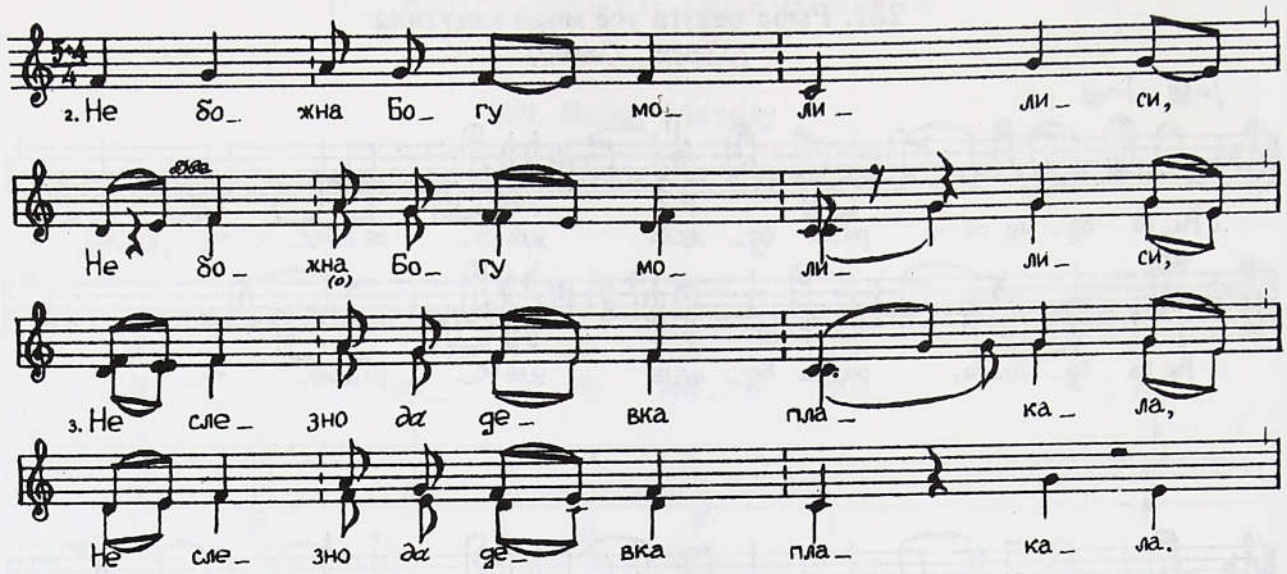
Красная Настасья, красная Ивановна усю ночку не спала[1],
Усю ночь не спала, усю ночь не спала, она Богу молила:
"Ой дай мне, Боже, ой дай мне, Боже, свекра богатого,
Свекра богата, свекра богата, свекровью досужую,
Свекровь досужую, свекровь досужую, ромню хорошую.
Я за свекором, я за богатым — я богатая буду,
Я за свекровью за досужею — я досужая буду,
Я за ромнею за хорошею — я хорошая буду".

282. Не жарко свеча во тереме горела

(Карельск., Пудожье)



[1] Далее каждый стих повторяется.



Не жарко свеча во тереме горела,
горела,
Не божна Богу молилиси,
Не божна Богу молилиси,
Не слезно да девка плакала,
Не слезно да девка плакала.
Когда стала свечка таяти,
Тогда стала девка плакати,
Тогда стала девка плакати.
Уговаривал ей батюшко,
Уговаривала матушка:
"Ты не плачь-ко, дочка милая,
Ты не плачь-ко, дочка милая.
Мы тебя да не в полон берем,
Мы тебя да замуж выдаем.
Мы тебя да замуж выдаем,
Мы за умного, разумного,
Мы за умного, разумного,
За него за ручки белые,
За него плечка могучие.
Не одну да мы провадим тя,
Не одну да мы провадим тя,
Мы даем те провожатого,
Мы дадим те провожатого[1],
Спровожата брата родного".
Спровожал да ее брателко,
Спровожал да уговаривал:
"Ты сестрица, лебедь белая,
Носи золотцо, не снашивай,
Терпи горюшко, не сказывай". —
"Уж ты братец, красно солнышко,
Носишь золотцо, дак сноситсе,
Терпишь горюшко, дак скажетсе".
Посылали день ее, молоду,
На Дунай на речку по воду.
Приходила она к реченьке,
В первый час стояла плакала,
В другой час она воды взяла,
В третий час она домой пришла.
Уж как свекор-от ей выбранит,
А свёкровушка-та бить велит.

283. Ты родимой мой папенька

(Арх., Онежское Поморье)

"Ты родимой мой папенька,
Ты родимой мой папенька *да,*
Мне-ко дай провожатого,
Мне-ко дай провожатого *да,*
Провожатого брателка.
Провожатого брателка" *да.*
Провожал сестру брателко,
Провожал сестру брателко *да,*
Провожал да наказывал,
Провожал да наказывал *да*:
"Ты сестрица родимая[2],
Носи злато, не снашивай,

[1] Далее каждый стих с 15-го по 26-й повторяется, кроме 24-го. С 27-го стиха и до конца повторений нет.
[2] Повторения стиха и частица *да* на конце далее не приводятся. 15-й стих повторяется три раза, стихи 24—26, 28—30, 33 не повторяются, остальные повторяются два раза.

Терпи горе, не сказывай". —
"Ты родимый мой брателко,
Не снося, злато сносится,
Не стерпя, горе скажется".
Что ль вечор молодешеньку
Посылали одну по воду
На Чекуевски пролуба,
Со родимой сторонушки
Налетели серы гуси,
Помутили свежу воду.
Уж я час дожидалася,
На второй час проплакала,
На третий воду черпала,
На четвертый домой пришла.
Пришла, снохи журят-бранят,
А деверья-те бить хотят.
Вот спасибо свекровушке,
Богоданною матушке,
Заступила за младешеньку,
За меня, молодешеньку:
"Уж ты глупа, молодушка,
Неразумна головушка.
Какова вода случилася,
Такову бы воду черпала,
Все домой торопилася,
К Александру спешилася".

Сравните: № 184, 308.

НАПУТСТВИЯ ЖЕНИХУ

284. В воскресенье с полуночи

(Арх., Поонежье/Мехреньга. Напев № 268)

В воскресенье с полуночи,
В воскресенску заутреню,

В воскресенску заутреню
Ваню мама спородила.

Ваню мама спородила,
Еще Ванина маменька,

Еще Ванина маменька
По три раза радовалася[1].
Первый раз радовалася,
Когда Ваню спородила.
Второй раз радовалася,
Когда Ваню споростила.
Третий раз радовалася,
Когда Ванюшку женила.
Еще Ванина маменька
По три раз порасплакалась:
"Ты расти, расти, дитятко,
Ты до полного возраста,
До мужичьего разума.
Ты поедешь женитися,
Не спускай коня под гору,
Ты отдай коня конюхам,
Пусть накормят пшеницею,
Напоят ключевой водой.
Ты зайдешь во высок терем —
Открывай двери на пяту,
Не снимай пуховой шляпы,
Замечай свою сужену,
Свою сужену-ряжену".
Еще Шурина маменька
По три раз порасплакалась.
Первый раз порасплакалась,
Когда Шуреньку родила.
Второй раз порасплакалась,
Когда Шуреньку ростила.
Третий раз порасплакалась,
Когда Шуреньку отдала.
Отдавала, наказывала:
"Уж ты дочь моя, доченька,
Дочь, касатая ласточка,
Носи злато, не снашивай,
Терпи горе, не сказывай.
Не снося, злато сносится,
Не стерпя, горе скажется".

См. № 389, 390.

[1] Повторение стиха при цепном последовании строф далее не приводится.

285. Садовая вышневая рощица
(Курск., Посеймье. Напев № 289)

Садовая вышневая рощица,
Ох кто на тебе зеленые ветьи по(о)бломал?

Ой кто на тебе зеленые ветья по(о)бломал?
По(о)бломал ветья не буян ветер, сильный дождь,

Хорошенький да пригоженький млад Сергей.
Ой кто на тебе головушку пригладил?

Ой кто на тебе головушку пригладил?
Ах кто на тебе да русые кудри вил-завивал?

"Пригладила мне головушку матушка,
Ах завивала русые кудри родная.

Завивала мне моя матушка у субботу[1],
А воскрёсный день да беседушку собрала.
После беседы да к обеденке послала,
После обедни за Марьюшкой позвала,
А позвала, Сергеюшку научала:
"Поняй, поняй, моя дитятка, не оглянься.
А взъедешь ты к тестю на двор, не чванься.
Станет тебе сам тестюшка сустречать,
Станет тебе вином-медом почтывать
И по отчеству, моя дитятка, называть —
Не испей ты винца-меду из корца,
А вылей винца своему коню на гриву,
Как на гриву, под правую копытца,
Чтобы стала в коню грива колесом
И сделался мое дитятка молодцом.
Поручай же ты своего коня кормщичкам,
Все кормщичкам, приказщичкам, сгонщичкам.
Пущай кормят твоего коня гречихой,
Овсом и гречихой и яровою пшаницей,
А напоют ключевою водицей.
Поведут тебе у высок терём, помолися,
А иконам низко ж Богу поклонися.
Примечай же свет Марьюшку, не (о)шибися,
За ручушку (е)е за правую возьмися.
Привези сабе свет Марьюшку в атлася,
А в шелковом, полушёлковым бархатя".

286. На заре было все на зорюшке
(Рязанск., Унжа—Ока. Напев № 244)

На заре было *да* все на зорюшке,

Все на зорюшке *да*,
На... на восхожьем красным солнушке,

[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.

Эх красным солнушке,
Родилс*и* да с*о*кол все Иванушка.

Все Иванушка *да,*
Воспоил, вскормил родный батюшка,

Родный батюшка,
Соби... собирала его матушка.

Его матушка,
Соби... собирала, все наказывала:

Все наказывала *да*:
"Ты за... ты заедешь все на тестев на двор,

Все на тестев на двор,
Не пу... не пущай коней п*о* двору.

Коней по двору *да,*
Привя... ой привяжи ты коней ко... ко столбу.

Ох коней ко столбу,
Ко сто... ко столбу, столбу да т*о*ченому.

Ой ко точёному *да,*
Ко ко... ко колечику *да* золоченому".

287. У Иванушки пятьдесят пять коней
(Там же. Напев № 244)

У Иванушки *да* пятьдесят пять коней,

Ой пятьдесят пять коней,
Пятьде... пятьдесят пять коней, все неезженые.

Неезженые,
По лу... по лугам кони все распущенные.

Все распущенные,
Черным, черным шелком перепутанные.

Перепутанные,
Золо... золотой уздой перегнузданные.

Перегнузданные,
Вот и... вот и все кони *да* они пьют и едят.

Они пьют и едят,
Вот о... вот один-то конь не пьет, не ест.

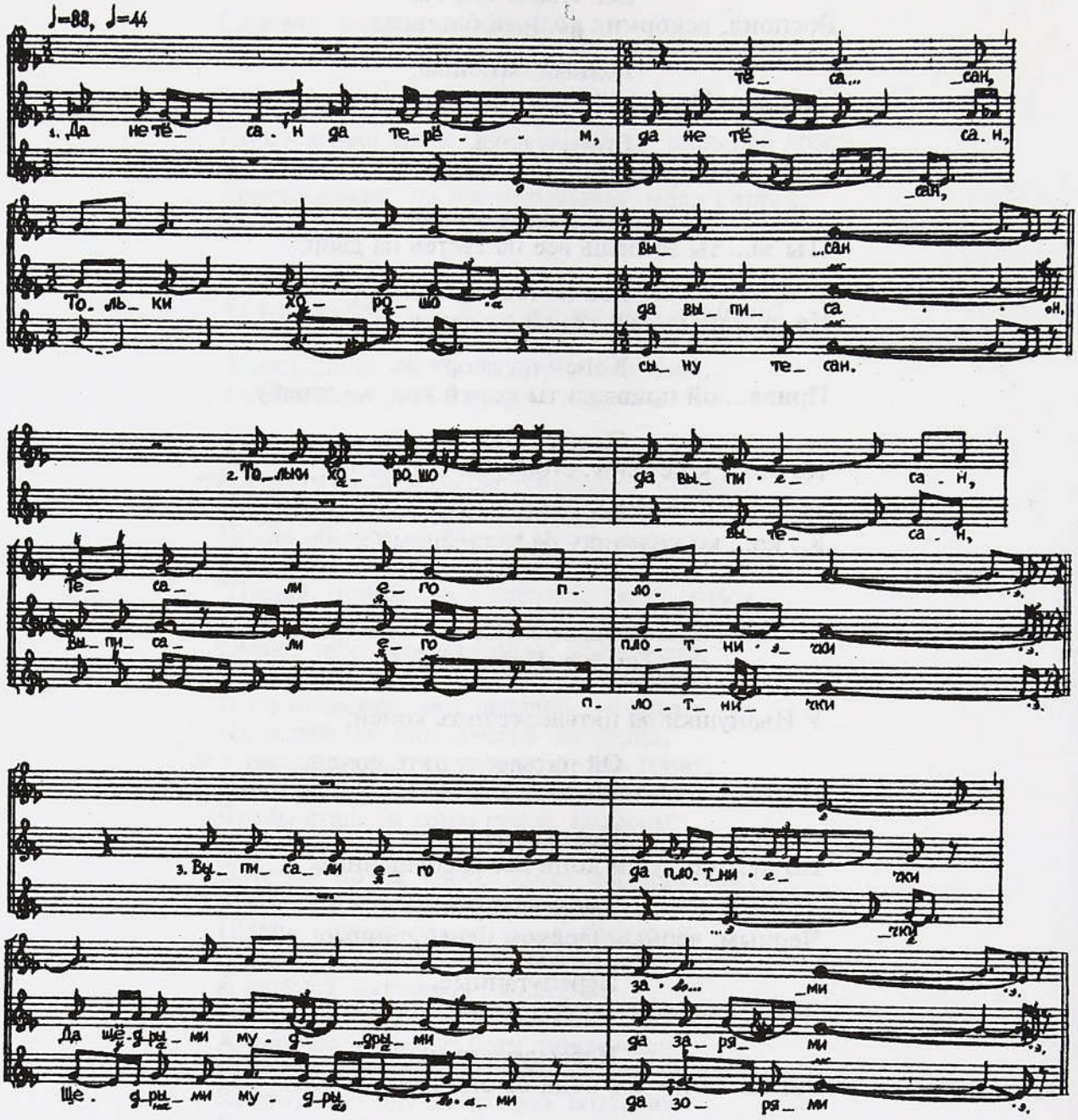
Он не пьет и не ест,
Он по... он повесил буйнаю голову[1].

Он почуял путь-дороженьку,
В Москву ехать за белилами,
За белилами, за румянами.
Его Аннушка говаривала:
"Без белилов я белехонька,
Без румян-то щечки аленькие".

[1] Залев с повторением в нем окончания стиха далее не приводится.

288. Не тесан терём, не тесан

(Курск., Посеймье)



Да не тесан да терём, не тесан,
Тольки хорошо да выписан[1].

Тольки хорошо да выписан,
Выписали[2] его плотнички.

Выписали его да плотнички
Щедрыми, мудрыми да зарями.

Да щёдрыми, мудрыми зорями.
Не учен млад Иван, да не учен,

Да не учен млад Иван, да не учен,
Тольки хорошо он снаряжён.

Тольки хорошо ж он да снаряжён,
Снарядила его да матушка.

---

[1] Здесь и при повторении одновременно пропето: "Вытесан", "Сыну тесан".

[2] Одновременно пропето: "Тесали".

Снарядила его родная,
Снарядёвши, к тестю[1] послала.

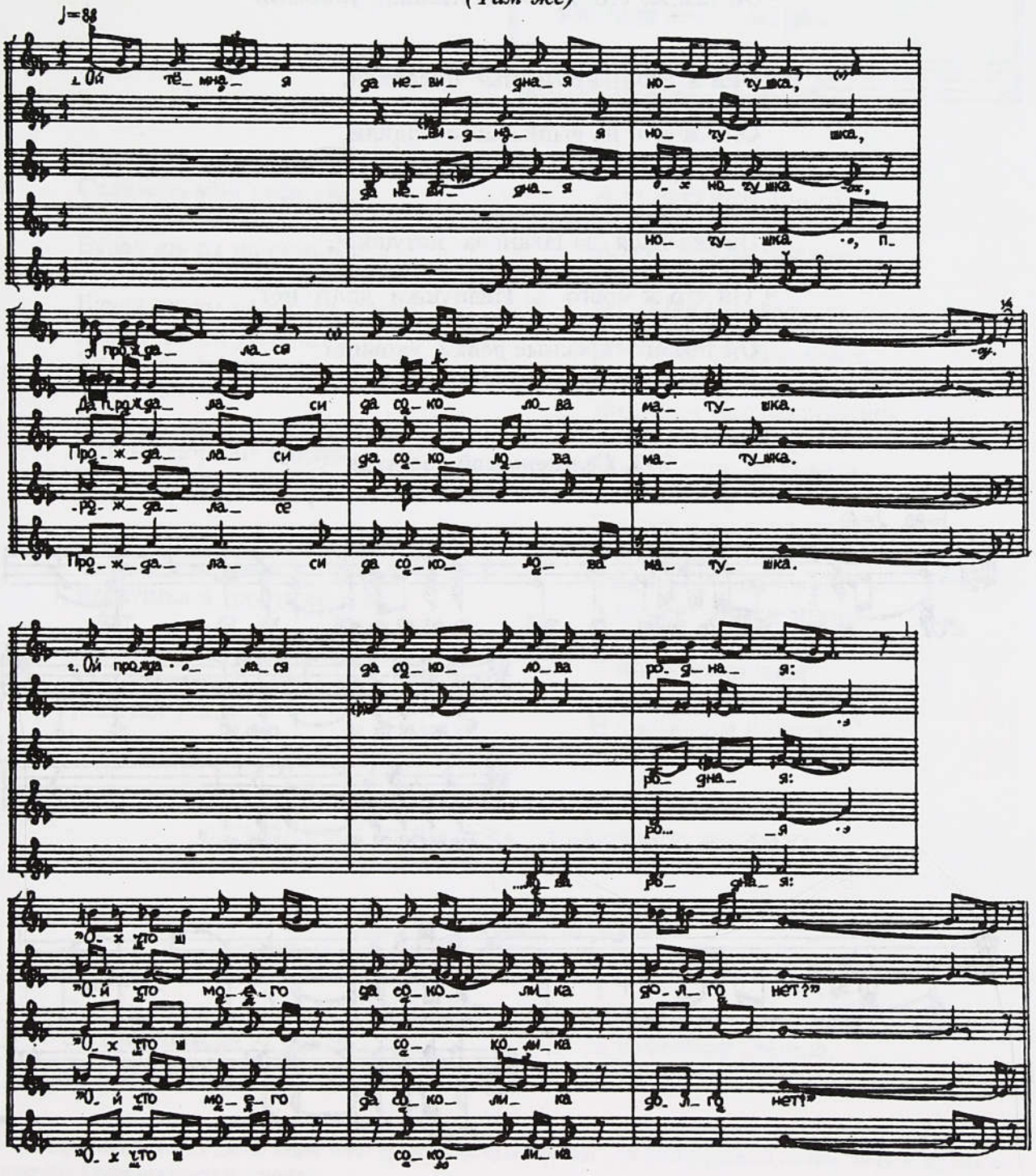
Снарядёвши, к тестю да послала,
Чтобы его тестьюшка похвалил,

Чтобы его тестьюшка похвалил,
Красною Катериной а он одарил.

Сравните: № 329.

289. Ой темная невидная ночушка

(Там же)



[1] Одновременно пропето: "Снарядёвши дитё".

Ой темная да невидная ночушка,
Прождалася да соколова матушка.

Ой прождалася да соколова родная:
"Ой что ж моего да соколика долго нет?

Ой что моего ж да соколика долго нет?"
Сылучилось ему через темный лес лететь,

Сылучилось ему через темный лес лететь,
Ой там же его дробные пташки ўловили.

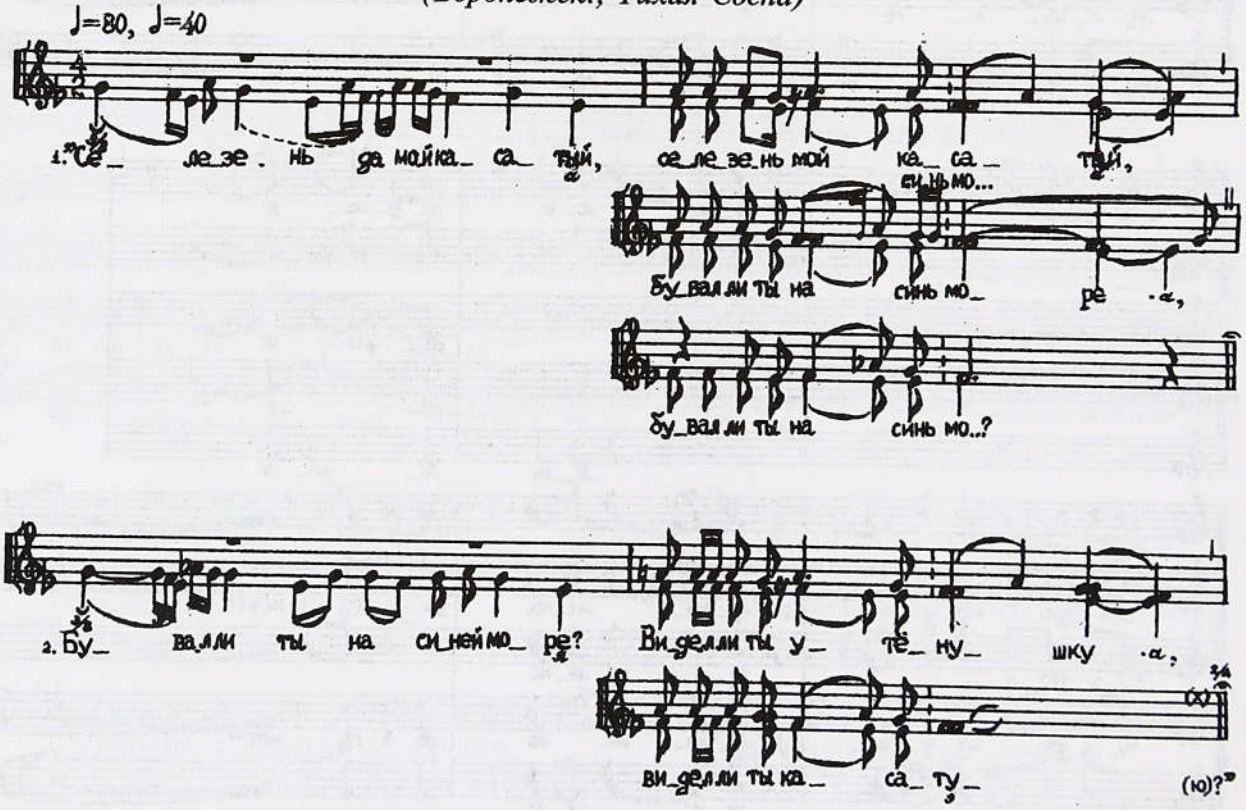
Ох там его дробные пташки ўловили,
Они ж его на вышанья посадили,

Они ж его на вышанья посадили,
Они его красной вышанкой ўкормили.

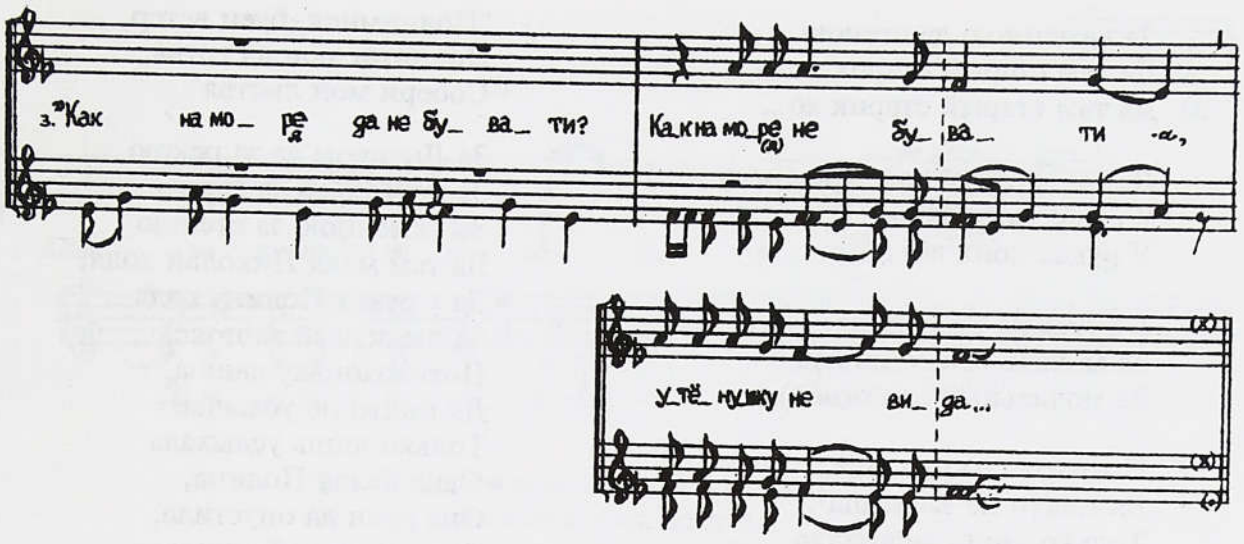
Ой темная да невидная ночушка,
Прождалася да Иванова матушка[1],
Прождалася Ивановича родная:
"Ой что ж моего да Иванушки долго нет?"
Сылучилось ему в высок терем ехати.
Ой там его красные девки ўловили
И красною свет Натальей наделили.

290. Селезень мой касатый

(Воронежск., Тихая Сосна)



[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.



"Селезень да мой касатый,
Селезень мой касатый,
Бувал ли ты на синь море,
Бувал ли ты на синь мо..?

Бувал ли ты на синей море?
Видел ли ты утенушку,
Видел ли ты касату(ю)?" —

"Как на море да не бувати,
Как на море не бувати,
Утенушку не вида(ти).

Тольки я на море усплыл,
Только я на море усплыл,
Утенушка в тростник вплы...

Утенушка в тростник вплыла,
Утенушка в тростник вплыла,
Касатая у зеле...[1]

Касатая у зеленый,
А за нею уток много,
У три ряда, у четыре.
А моя да утенушка —
(О)на у первом рядочку,
Да сизая головка". —

"Ох Иван да Иванович,
Бувал ли ты у ласковой тещи,
Видел ли там Полинушку,
Видел ли там Сергеевну?" —
"Как у тещи не бувати,
Как Полину не видати?
Тольки я на двор узъехал,
Полинушка в терем пошла,
Сергеевна у высокий,
А за нею подруг много,
У три ряда, у четыре.
А моя Полинушка
(О)на у первом рядочку
И у красном платочку".

ОЖИДАНИЕ ПЕРЕХОДА НЕВЕСТЫ К ЖЕНИХУ

291. За Днепром за рекою

(Воронежск., Тихая Сосна. Напев № 290)

За Днепром да за рекою,
За Днепром да за рекою,
За крутой горо...

За крутою да за горою,
За каменной стеною,
За каменной стено(ю),

[1] Первый полустих далее везде повторяется, форма строфы начиная с третьей не изменяется, кроме дополненной одиннадцатой строфы.

За каменною да стеною
Да там старый старик ходя,
Да там старый старик хо...

Да там старый да старик ходя,
У руках коня водя,
У руках коня во...

У руках да коня водя
За мочальный за повод,
За мочальный за по(вод),

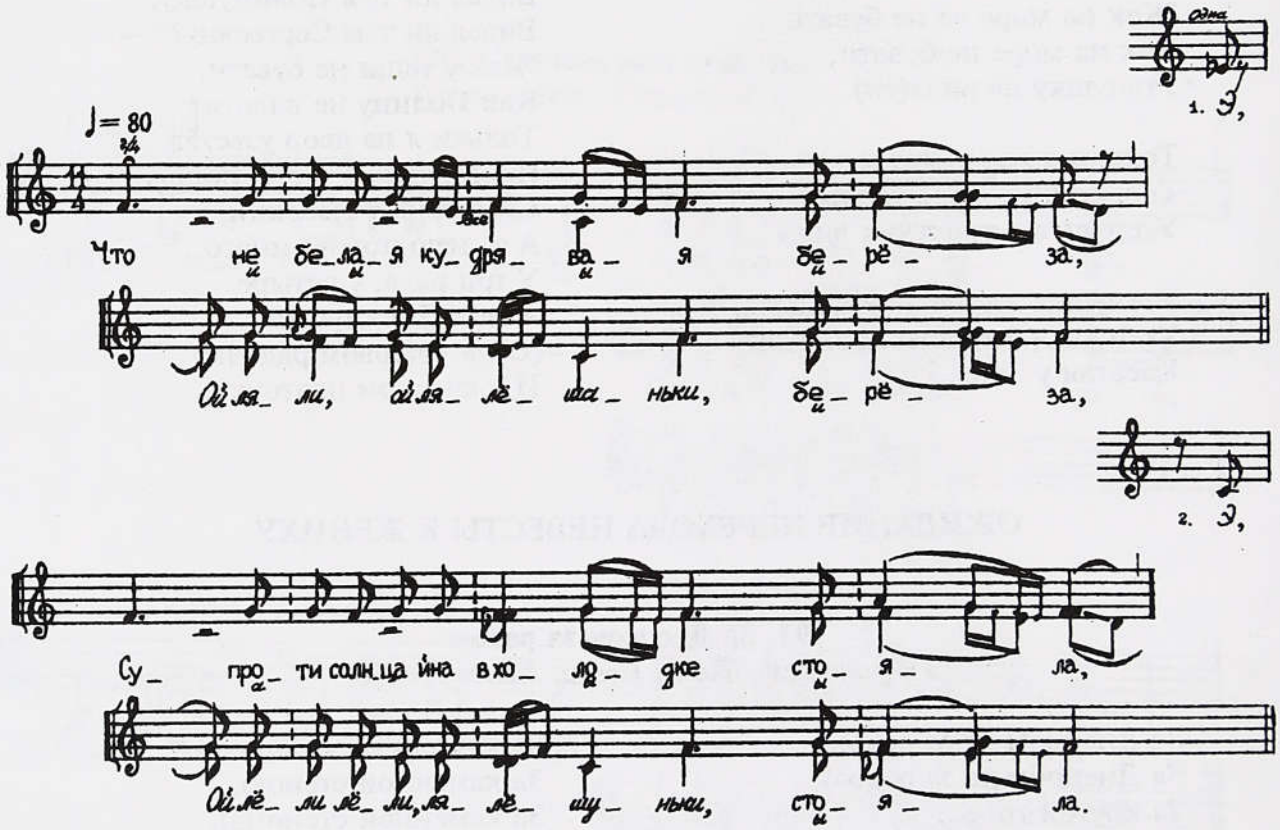
Потихохоньку свища,
Да никто не заслыша[1].
Только лишь заслыхала
Одна белая да береза,
Она ветья да опустила,
Она листья обронила:

"Поднимися, буен ветер,
Подними мои да ветья,
Собери мои листья".

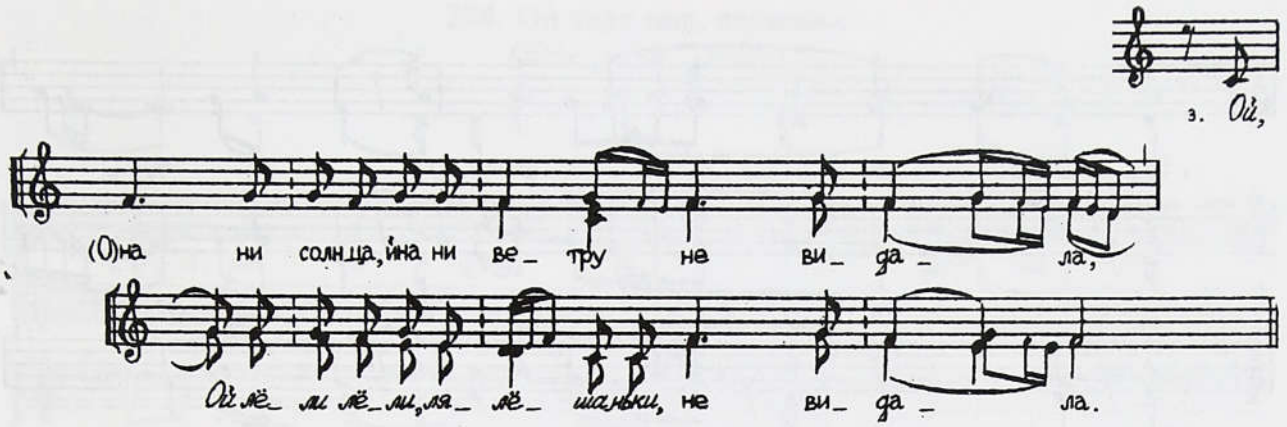
За Днепром да за рекою,
За крутою да за горою,
За каменною за стеною
Да там млад Николай ходя,
Да у руках Полину водя
За шелковый за пояс,
Потихохоньку свища,
Да никто не услыша.
Только лишь услыхала
Одна белая Полина,
Она руки да опустила,
Она кольца обронила:
"Уж вы девушки-подружки,
Да поднимите мои руки,
Соберите мои кольца".

292. Что не белая кудрявая береза

(Калужск., Снопот–Десна)



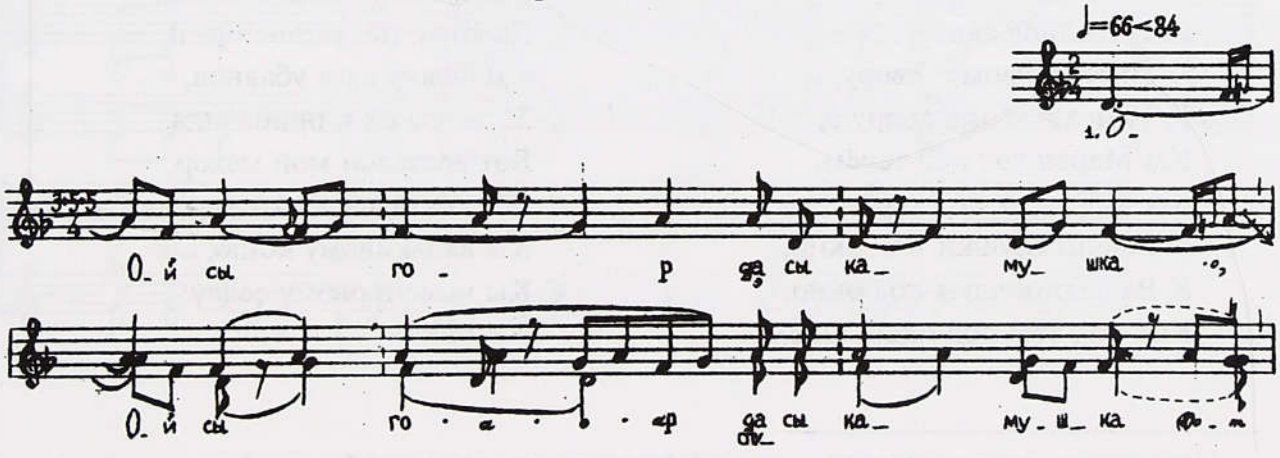
[1] Второй полустих далее везде повторяется.



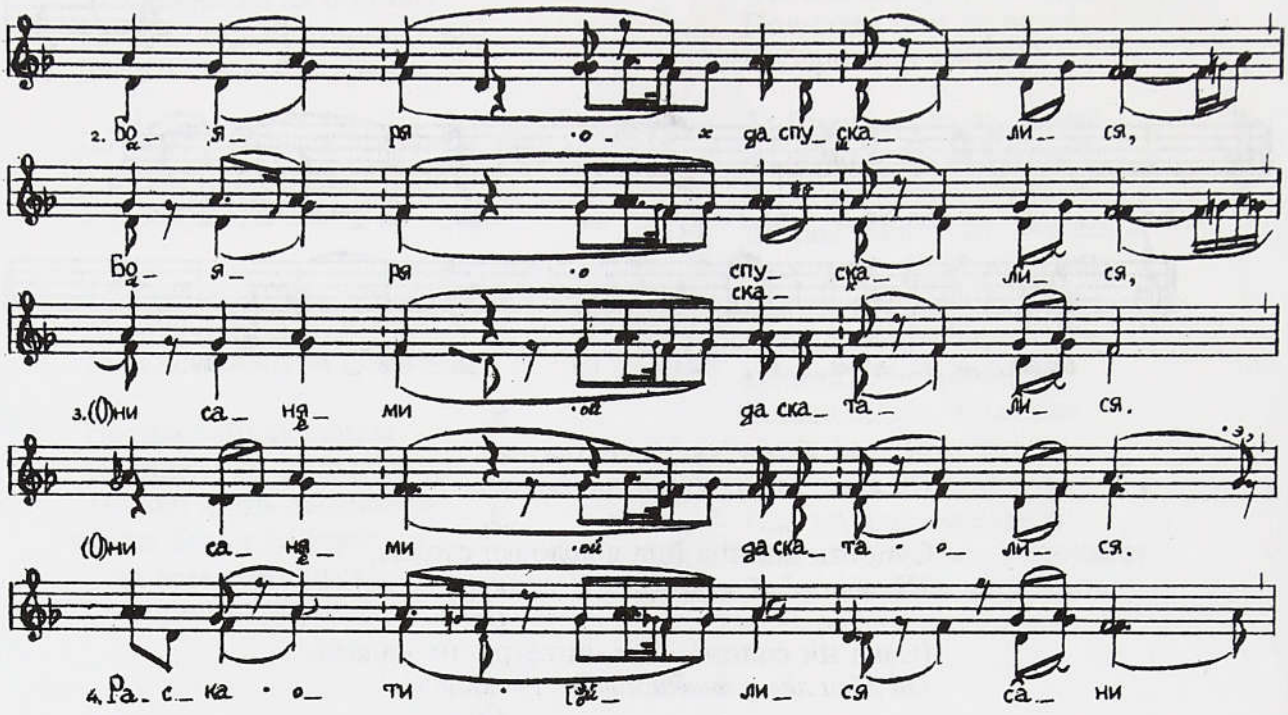
Э,
Что не белая кудрявая береза,
Ой ляли, ой лялёшаньки, береза,
Э,
Супроти солнца йна в холодке стояла,
Ой лёли лёли, лялёшуньки, стояла.
Ой,
(О)на ни солнца, йна ни ветру не видала,
Ой лёли лёли, лялёшаньки, не видала.
Ой,
С откуль взялись, появились буйные ветры[1],
Раскидали, размотали белую березу
По всем улкам, по болотам, по синему морю.
Ой что красная, прекрасная ой Марья!
Йна немножко в своей матери живала,
Йна немножко косу русую растила,
Йна немножко в косу ленточку вплетала.
С откуль взялся, появился ой Ванюшка,
С откуль взялся ой Ванюшка с шаферами.
"Улестил мене Ванюшка, он словами,
Расслезил он мою маменьку слезами,
Разложили мою косыньку причами".

Зачин сравните с № 384.

293. Ой сы гор да сы камушка
(Белгородск., Тихая Сосна)



[1] Строфа далее не приводится, ее форма не изменяется.



Окончание:

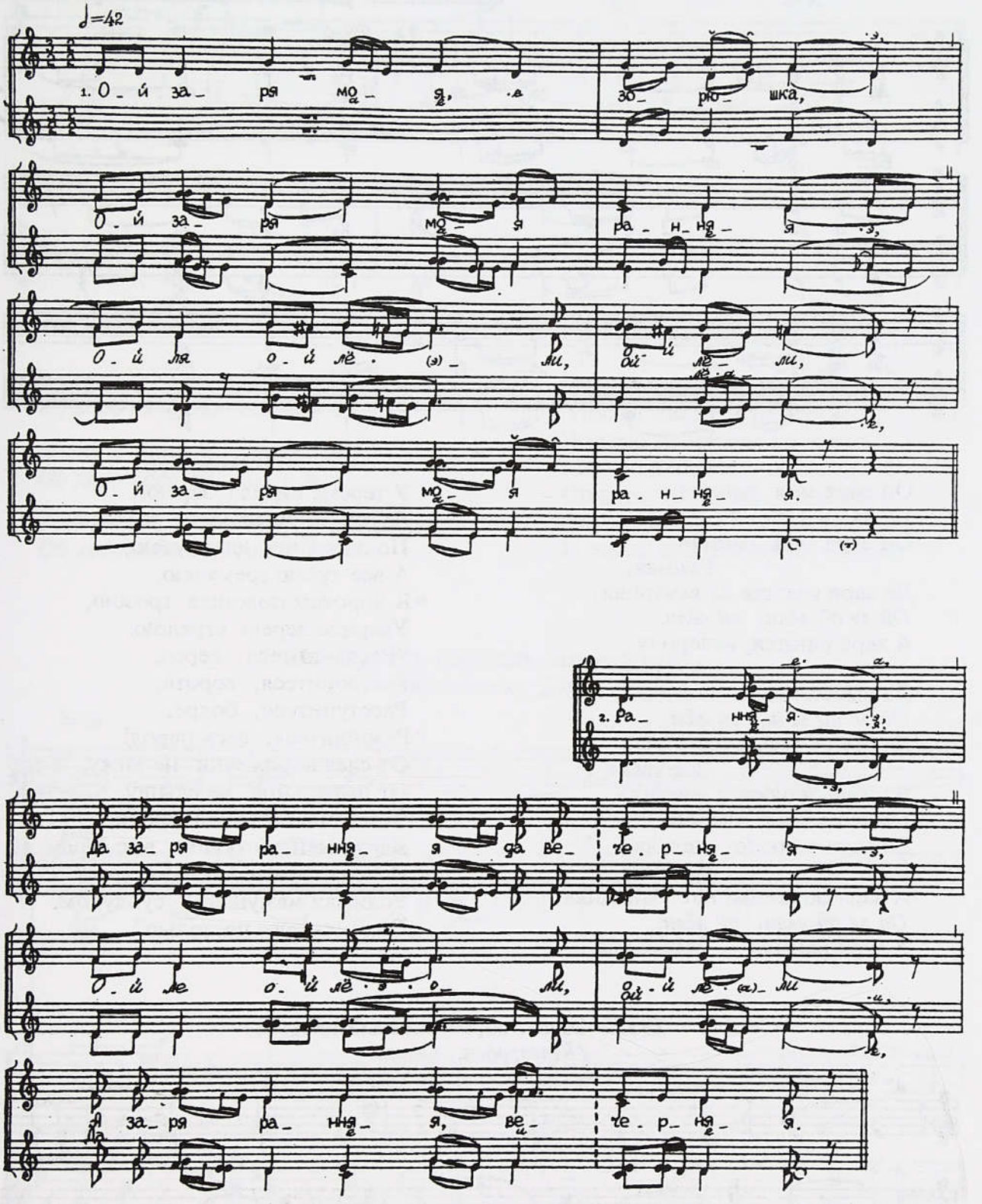
Ой сы гор да сы камушка,
Ой сы гор да сы камушка
Бояря *ох* спускалися,
Бояря спускалися,
(О)ни санями скаталися,
(О)ни санями да скаталися.
Раскатилися сани,
Раскатилися сани
К Тимохвеявому[1] двору,
К Тимохвеявому двору *д,*
Кы Марьи вот под терём,
Кы Марьи ох под терём,
К Валянтинушки под окно,
К Валянтинушки под окно.
Как под тем под оконушком,
Как под тем под хрустальненьким
Там сидела Валянтинушка,
Там сидела да Михайловна.
(О)на махор снарежала[2],
Сы махром слово мовлила:
"Ох махор мой машарной!
Вот кубы я знала-ведала,
Да кому ты достанешьси,
Я б шелку ох я убавила,
Машары ох я прибавила.
Вот достался мой махор,
Вот достался мой машарной
Кы дядькивому коню,
Кы немецковому седлу.
Кы неме...".

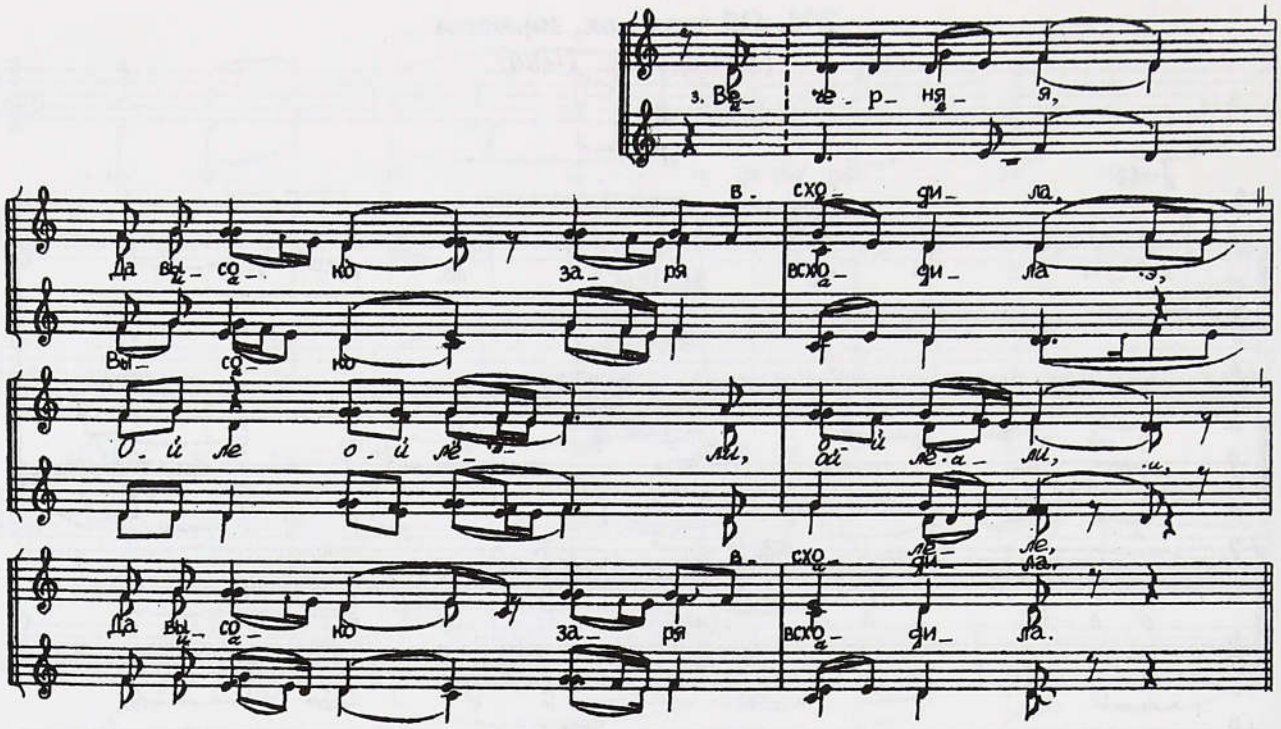
[1] Называются имена хозяев дома — деда и бабушки невесты, выросшей без отца (примеч. собир.).

[2] Повторение каждого стиха далее не приводится, кроме измененных повторений 17 и 19-го стихов.

294. Ой заря моя, зорюшка

(Белгородск., Пена)

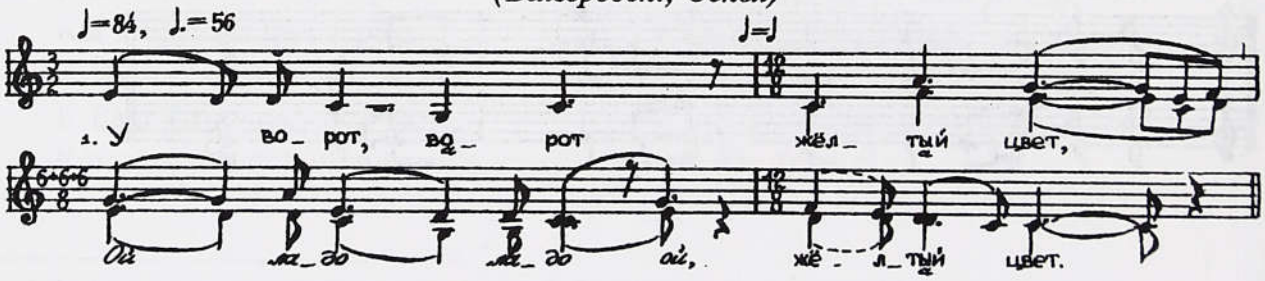




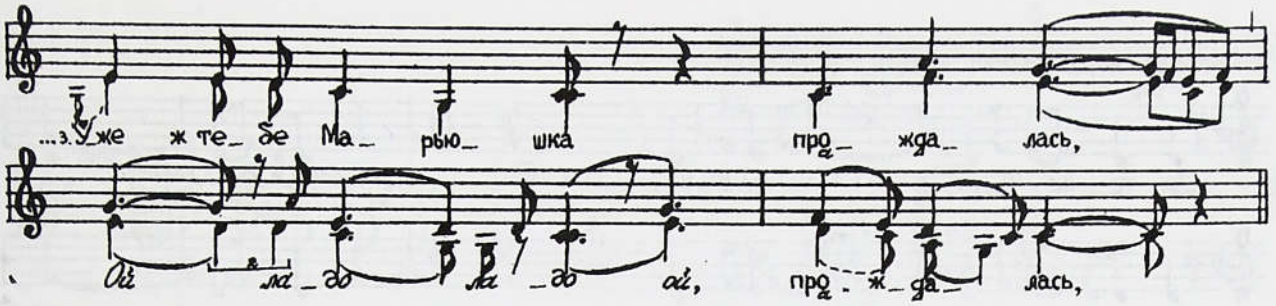
Ой заря моя, зорюшка,
Ой заря моя ранняя,
Ой ля ой лёли, ой лёли,
Ой заря моя ранняя.
Ранняя,
Да заря ранняя да вечерняя,
Ой ле ой лёли, ой лёли,
А заря ранняя, вечерняя.
Вечерняя,
Да высоко заря всходила,
Ой ле ой лёли, ой лёли,
Да высоко заря всходила.
Всходила,
Да заря зорюшку светила,
Ой ле ой лёли, ой лёли,
Да заря раннею светила.
Светила,
А заря-зорюшка вот Аннушка,
Ой ле ой лёли, ой лёли,
А заря ранняя — Валеровна.
Валеровна,
У тереме сидела зарею[1],
Да по сеням прошла звездою,
По двору прошла тучею,
А все тучею гремучею,
К воротам подошла грозою,
Ударила верею стрелою:
“Раскачнитеся, верея,
Растворитеся, ворота,
Расступитеся, бояре,
Разойдитеся, весь народ!
От слез дорожечки не вижу,
От рыданьица не слышу,
Чем мене батюшка даруя.
Даруя меня батюшка вот даром,
Небольшим даром — образом.
Родимая мамушка — сундуком,
Еще мягкою постелью”.

295. У ворот, ворот желтый цвет

(Белгородск., Оскол)



[1] Форма строфы далее не изменяется.



Ритмический вариант запевов:

У ворот, ворот желтый цвет,
Ой ладо ладо ой, желтый цвет.

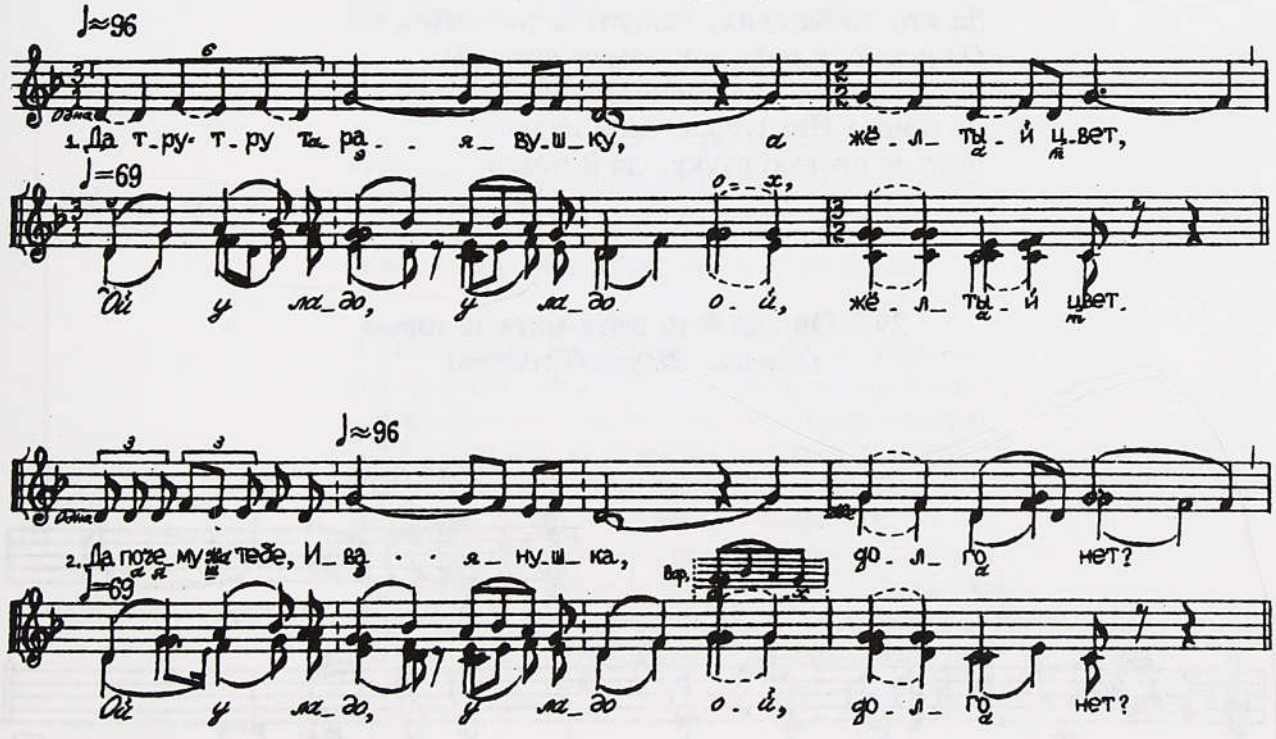
А что ж Ванечки долго нет?
Ой ладо ладо ой, долго нет?

Уже ж тебе Марьюшка прождалась,
Ой ладо ладо ой, прождалась[1],

Ивановна прогляделась:
"Посыл послать не смею,
Письмо написать не вмею.
Малого послать — не найдет,
Старого послать — не дойдет.
Сокола послать — залетит
И все ж мои весточки занесет".

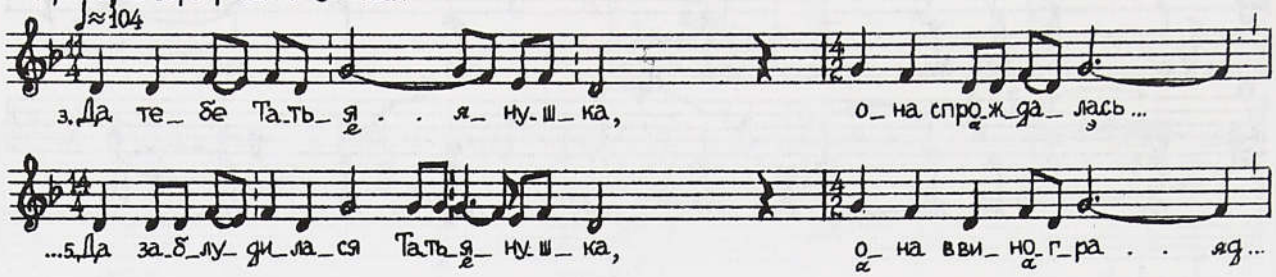
296. Тру-тру травушку, желтый цвет

(Воронежск., Дон)



[1] Строфа далее не приводится, ее форма не изменяется.

Примеры варьирования запева:



Да тру-тру травушку, желтый цвет,
Ой у ладо, у ладо ой, желтый цвет.

Да почему ж тебе, Иванушка, долго нет?
Ой у ладо, у ладо ой, долго нет?

Да тебе Татьянушка, она спрождалась,
Ой у ладо, у ладо ой, спрождалась,

Да тебе Ивановна, она спрогляде...
Ой у ладо, у ладо ой, спрогляделась.

Да пошла Татьянушка, она в зелен сад,
Ой у ладо, у ладо ой, в зелен сад.

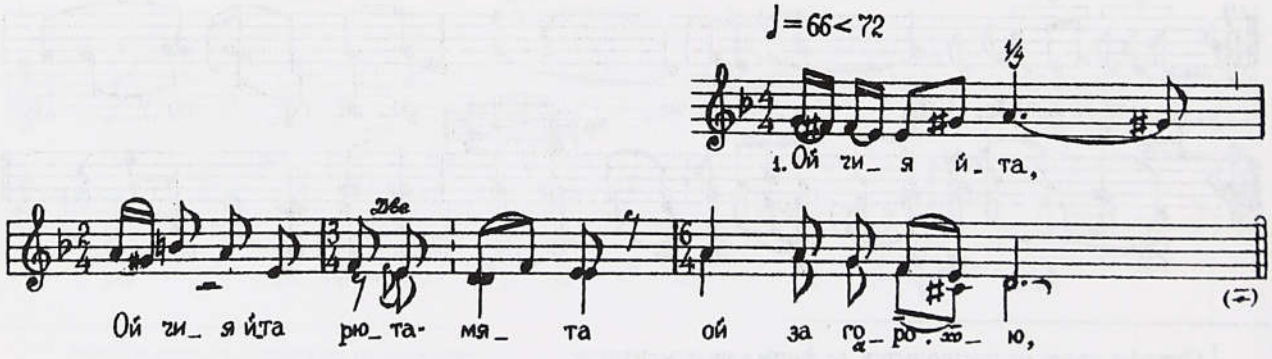
Да заблудилася Татьянушка, она в виноград,
Ой у ладо, у ладо ой, виноград.

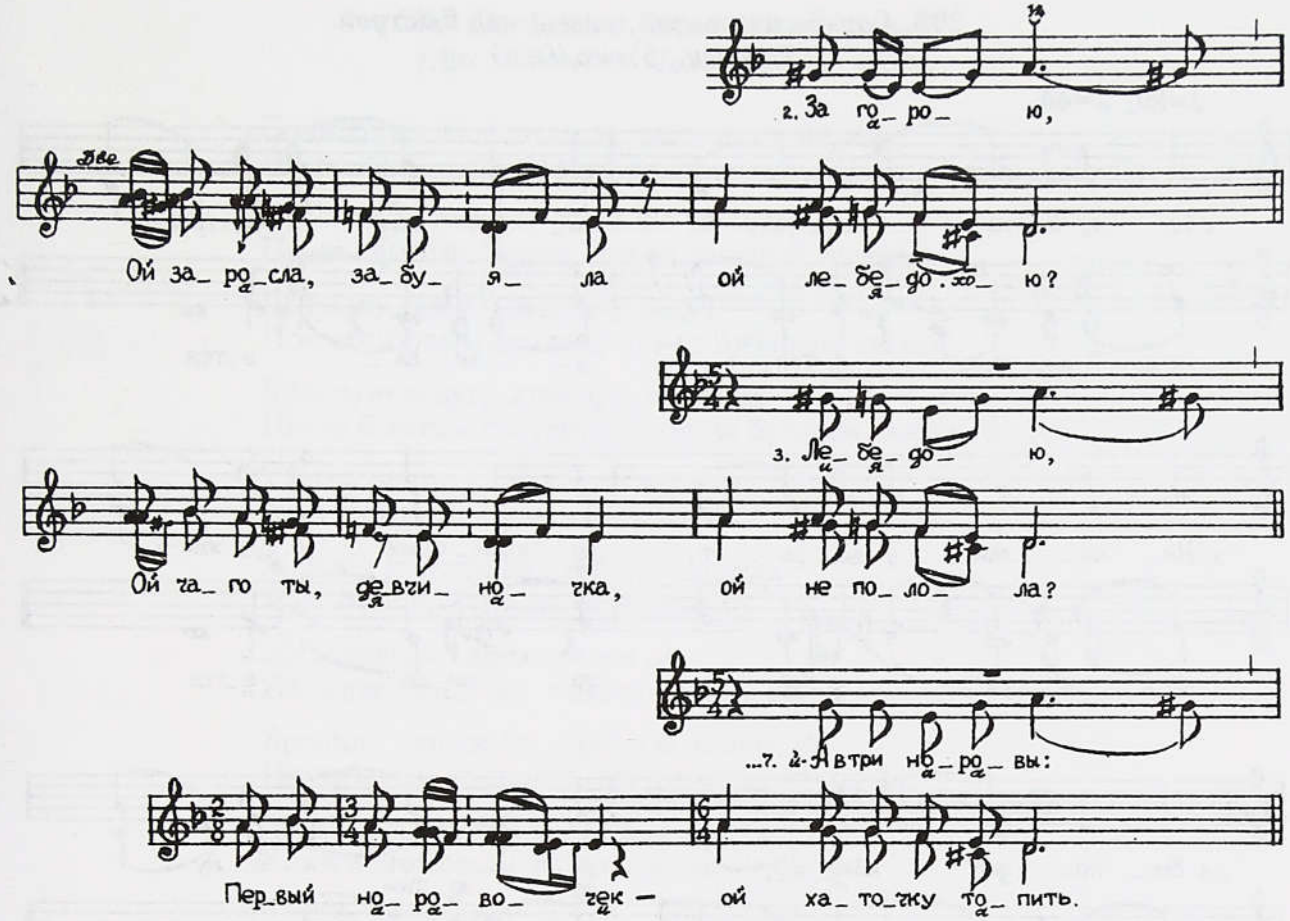
Да кто Татьянушку найдет, а тот замуж во...
Ой у ладо, у ладо, тот замуж возьмет.

Да пошел Иванушка, да й нашел,
Взял за правую ручку, да й повел.

297. Ой чия й-та рюта-мята за горою

(Брянск., Ипуть/Судость)





"Ой чия й-та,
Ой чия й-та рюта-мята ой за горою[1],

За горою,
Ой заросла, забуяла ой лебедою?

Лебедою,
Ой чаго ты, девчиночка, ой не полола? —

Не полола?"
"Ой девочки, не до рюты, ой не до мяты.
(Во яка красива песня!)

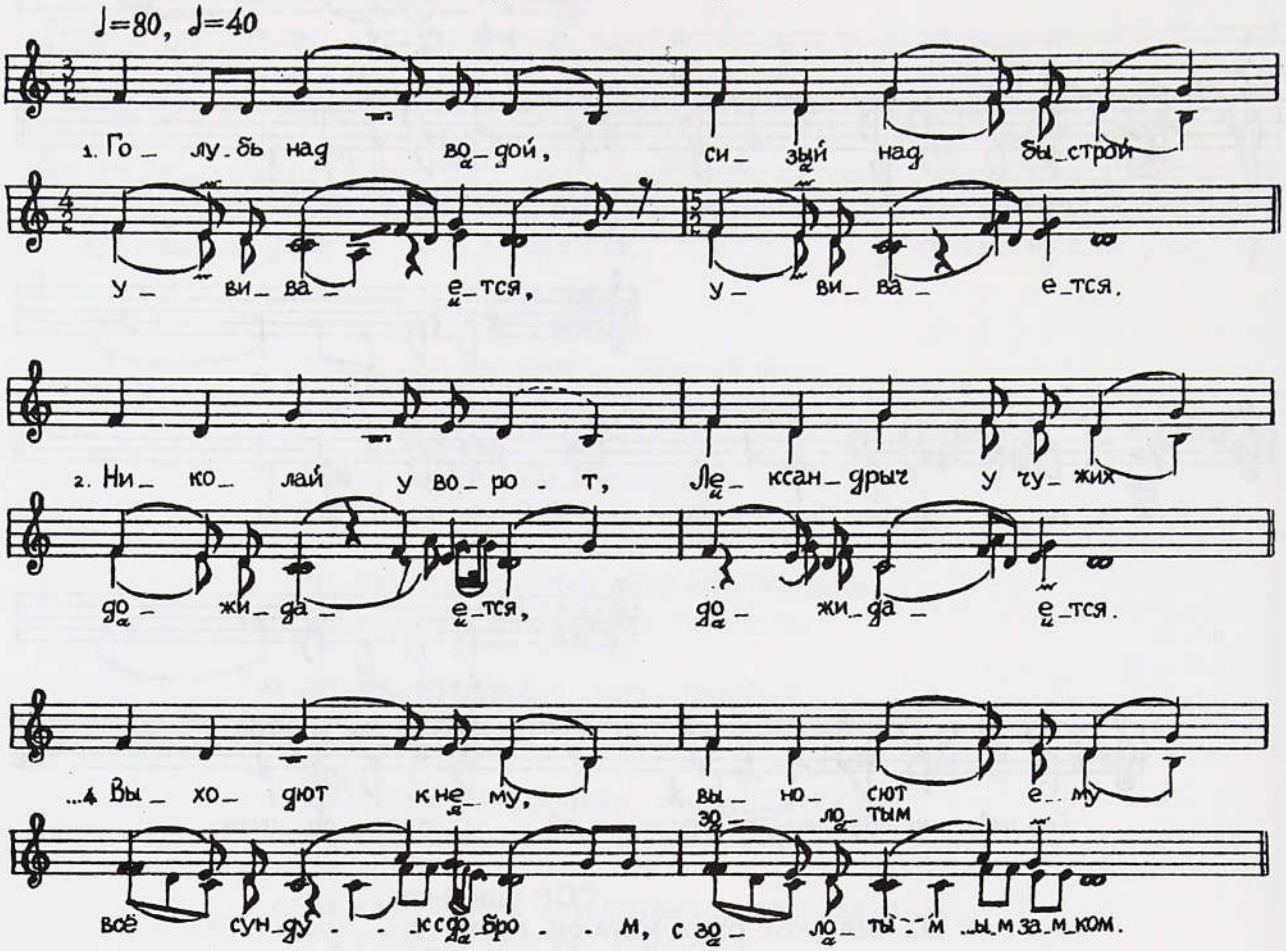
Не до мяты,
Берет мене Иванятка ой в свои руки,

В свои руки,
В свои руки, ще й науки, а в три норовы[2]:
Ой первый норовочек — ой хаточку топить,
Ой другий же норовочек — водицу носить,
Ой третий же норовочек — деток колыхать".
Ой ходила девчоночка ой по садочку,
Ой за ею Иванятка ой по следочку:
"Ой теперя, девчоночка, ой будешь ты моя". —
"Шукай себе девчоночки, ой неправда твоя". —
"Ой милая девчоночка, ой обошел весь свет,
Краше тебе, девчоночка, в белом свете нет".

[1] Или: "В огороде" (указание исп.).
[2] Повторение в запевах последней слоговой группы каждого стиха далее не приводится, форма строфы не изменяется.

298. Голубь над водой, сизый над быстрой

(Рязанск., Унжа/Ока)



Голубь над водой, сизый над быстрой
Увивается, увивается.

Николай у ворот, Лександрыч у чужих
Дожидается, дожидается.

Он просит свой дар, он просит свой дар,
Дар свой суженый, дар свой ряженый.

Выходют к нему, выносют ему
Всё сундук с добром, с золотым замком.

"Эт, — он гварит, — не мой дар. Эт, — он гварит, — не мой дар,
Не мой суженый, не мой ряженый".

Выводют ему, выводют ему
Всё коня в седле, в золотой узде.

"Эт, — он гварит, — не мой дар. Эт, — он гварит, — не мой дар,
Не мой суженый, не мой ряженый".

Выводют ему, выводют ему
Всё и Марьюшку, дочь Ивановну.

"Эт, — он гварит, — эт мой дар. Эт, — он гварит, — эт мой дар,
Дар мой суженый, дар мой ряженый".

См. № 337, 338.

299. Солнышко катилось по-з*а* лесу
(Арх., Вычегда. Напев № 112, 113)

Солнышко да катилось, солнце катилось
По-з*а* лесу, по-з*а* лесу *да,*

Красное катилось, красное катилось
По-за темным лесам, по-за темным лесам *ох,*

Девушку ведут, девушку ведут
По-за дубовым столам, по-за дубовым столам,

Красную ведут, красную ведут *да*
По-за браным скатертям, по-за браным скатертям *да.*

"Слезы р*о*нила, да слезы р*о*нила
Я на скатерти, я на скатерти *да,*

Жалобу копила *да*, жалобу копила
Я на батюшка, я на батюшка *ох,*

Жаловалася, жаловалася *ох*
На кормилица *да,* на кормилица *да,*

Бросила ключи *да*, бросила ключи *да*
На дубовые столы *да,* на дубовые столы *да*:

"Вот тебе, батюшка *да*, вот тебе, батюшка,
Ключи да замки, да ключи, да замки *да.*

Я тебе, кормилец, я тебе, кормилец,
Да не ключница, да не ключница *ох да,*

Я тебе, родимый, я тебе, родимый,
Не замочница, не замочница *ох.*

Ключница *ох,* ключница я
Чужому чужанину.

Чужой чужанин, чужой чужанин —
Со чужой стороны, со чужой стороны,

Со чужой сторонки да незнакомой".

300. С терема на терем там Аннушка шла
(Карельск., Кижи)

Пели трижды, а в это время невеста и девушки сидели за столом.

С терема на терем там Аннушка шла,
Играйте [*гораже,*] *гораже!*

С высока на высок Васильевна:
Играйте гораже, гораже!

"Не могу пройти, башмачки глюздят,
пяты ломятся.
Играйте гораже, гораже!

Подьте, дайте, приведите коня татенькина".
Играйте гораже, гораже!

А що татенькин конь не пошел, не повел.
Играйте гораже, гораже!

Песня повторяется с начала, до слов:

Подьте, дайте, приведите коня маменькина".
Играйте гораже, гораже!

А що маменькин конь не пошел, не повел.
Играйте гораже, гораже!

Песня повторяется до слов:

Подьте, дайте, приведите коня Васенькина".
Играйте гораже, гораже!

А що Васенькин конь — он пошел да повел.
Играйте гораже, гораже!

К оконцу, к кольцу, к золоту венцу.
Играйте гораже, гораже!

301. Во сыром бору рожь-ячмень молочу
(Арх., Вычегда. Напев № 112, 113)

Во сыром да бору, во сыром бору *да*
Рожь-ячмень молочу, рожь-ячмень молочу.

Выша сыра дуба, выша сыра дуба
Солома летит, да солома летит. *И*

С терема да на терем, с терема на терем
Красну девицу ведут, красну девицу ведут,

Свет нашу да Ирину, свет нашу Ирину
Николаевну, Николаевну.

Лестницы да крутые, лестницы крутые —
Ноги ломятся, ноги ломятся[1].

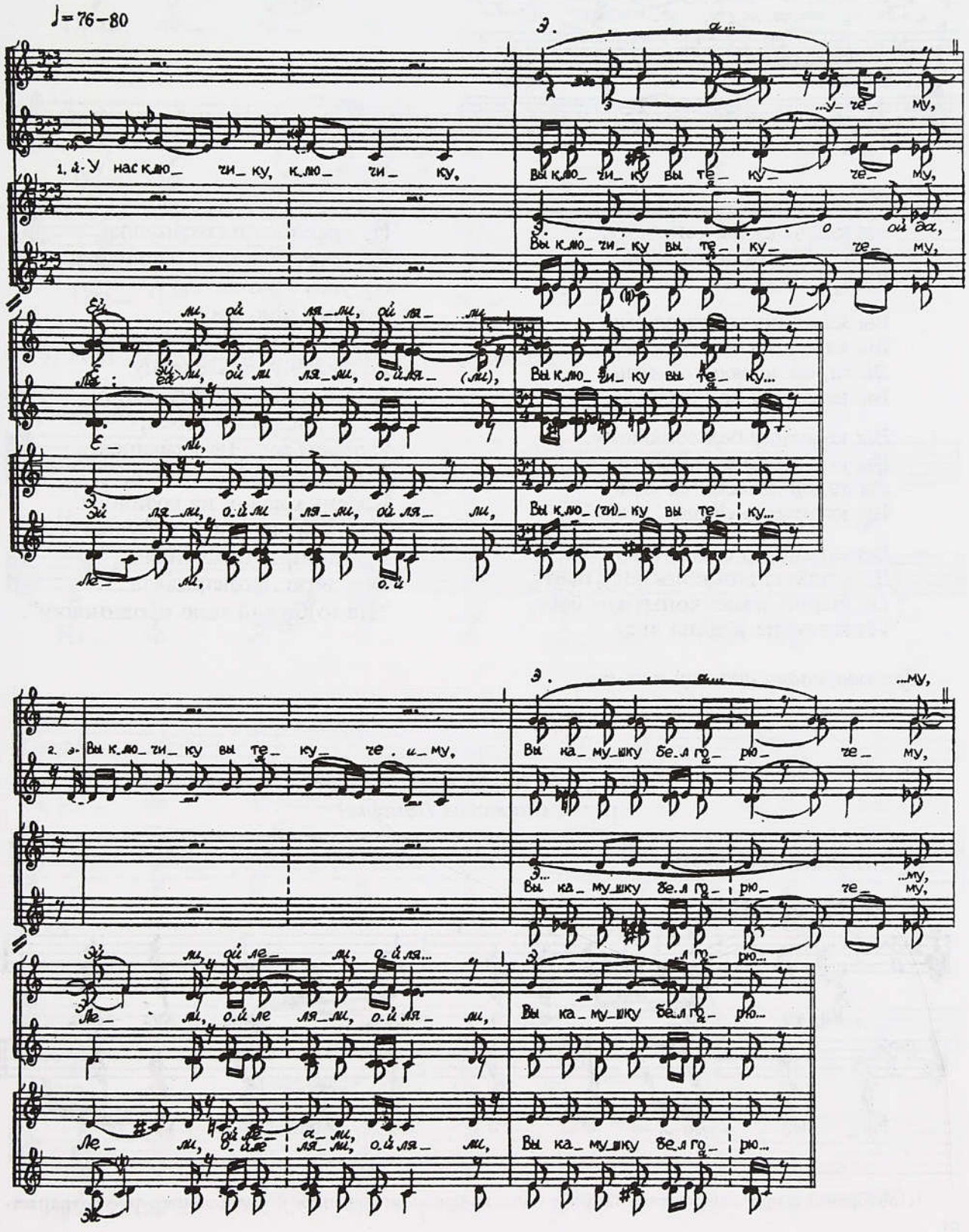
Чебота кривые подломиться хотят,
Просят коня *да*, коня батюшкина.
Батюшкин конь *да* не ступил он, не пошел,
Голову не понес *да* молодую не повез.
Просят коня *да*, коня матушкина.
Матушкин конь *да* не ступил он, не пошел,
Голову не понес *да* молодую не повез.
Вот просят коня *да*, коня братевкого.
Братевков конь *да*, он ступил и пошел,
Он ступил и пошел *да* молодую-ту повез.

[1] Повторения каждого полустиха в строфе далее не приводятся, ее форма не изменяется.

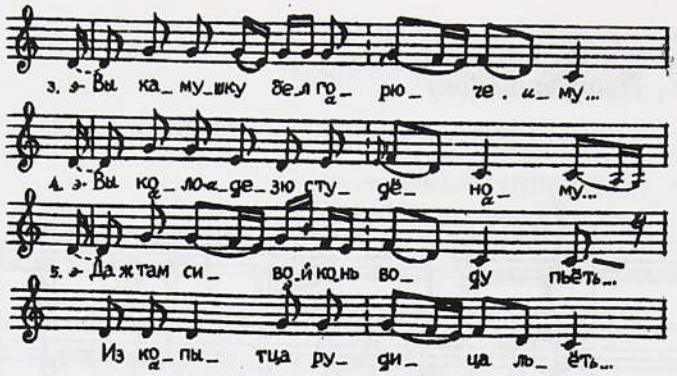
ЖЕНИХ УВЕЗ НЕВЕСТУ

302. У нас ключику, ключику

(Воронежск., Потудань/Дон)



Мелодические варианты запева:



У нас ключику, ключику,
Вы ключику вы текучему,
Э ли, ой ле ляли, ой ляли,
Вы ключику вы теку...

Вы ключику вы текучему,
Вы камушку бел горючему,
Эй ли, ой ле ляли, ой ляли,
Вы камушку бел горю...

Вы камушку бел горючему,
Вы колодезю студёному,
Эй ли, ой ле ляли, ой ляли,
Вы колодезю стюдё...

Вы колодезю стюдёному,
Да ж там сивой конь воду пьет[1],
Об сырой земле копытцем бьет,
Из копытца рудица льет,

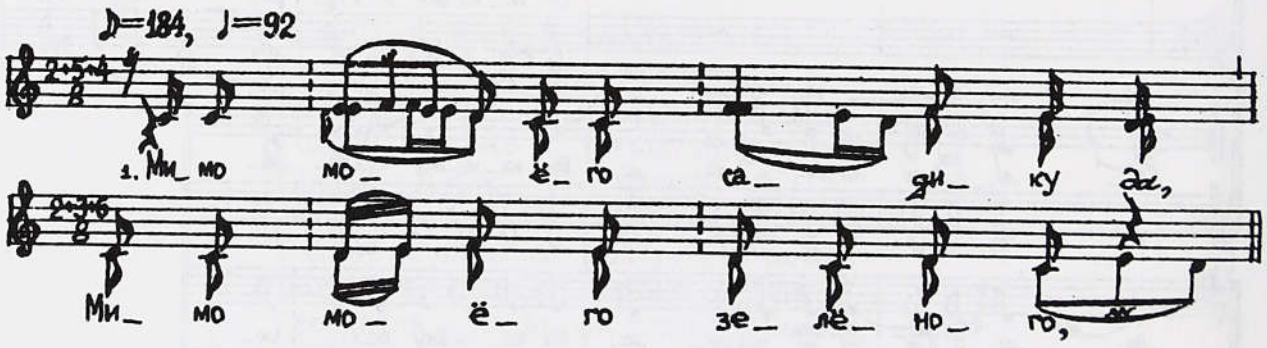
Приговаривала она ему тах-то.

А с высокого терема
Из красного из оконушка,
Из хрустального стеколушка.
Он увез мою дитятку,
Он увез мою милую,
Воскормлену, воспоенную,
Вознежёну, возлелеяну.
А чтоб табе, сивому коню,
Не пилося и не елося,
С овсом сена не жевалося,
По улицам не гулялося,
Красных девок не возилося!
Как Марьюшкина матушка
По горнице похаживала,
Она зятю наговаривала:
“Не (о)бижай мою кровиночку”.

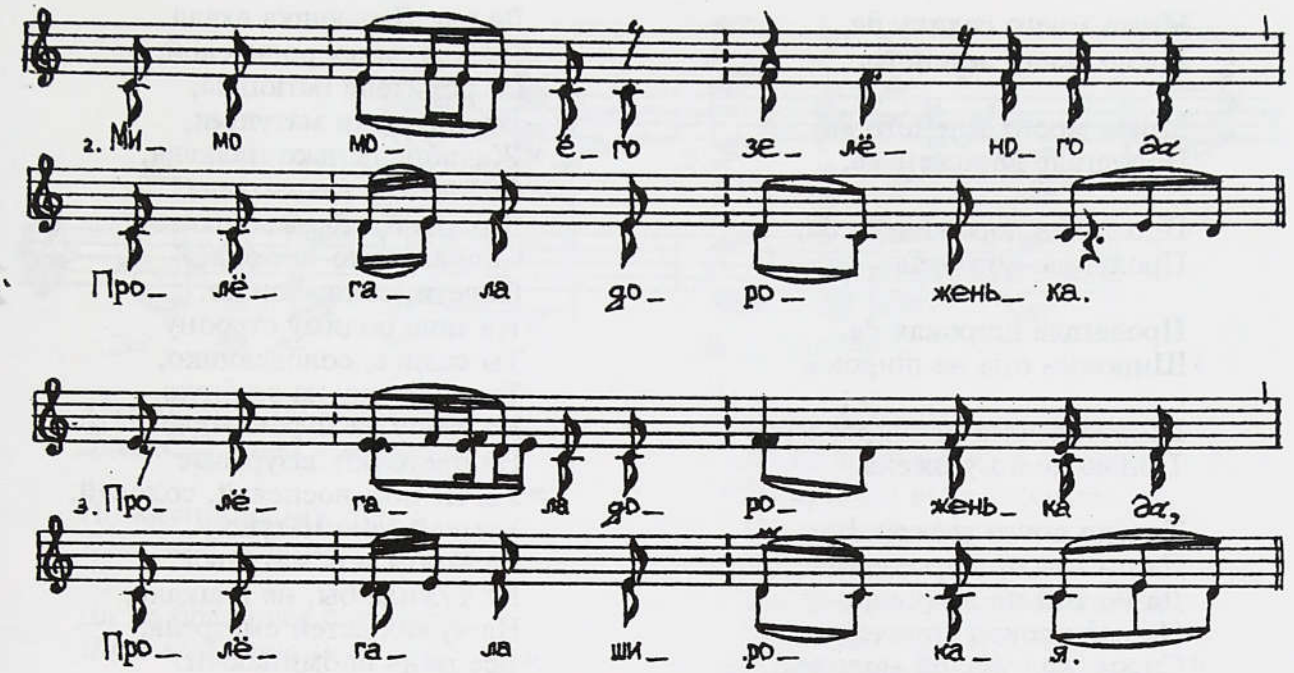
303 а), б) Мимо моего садику

(Арх., Онежское Поморье)

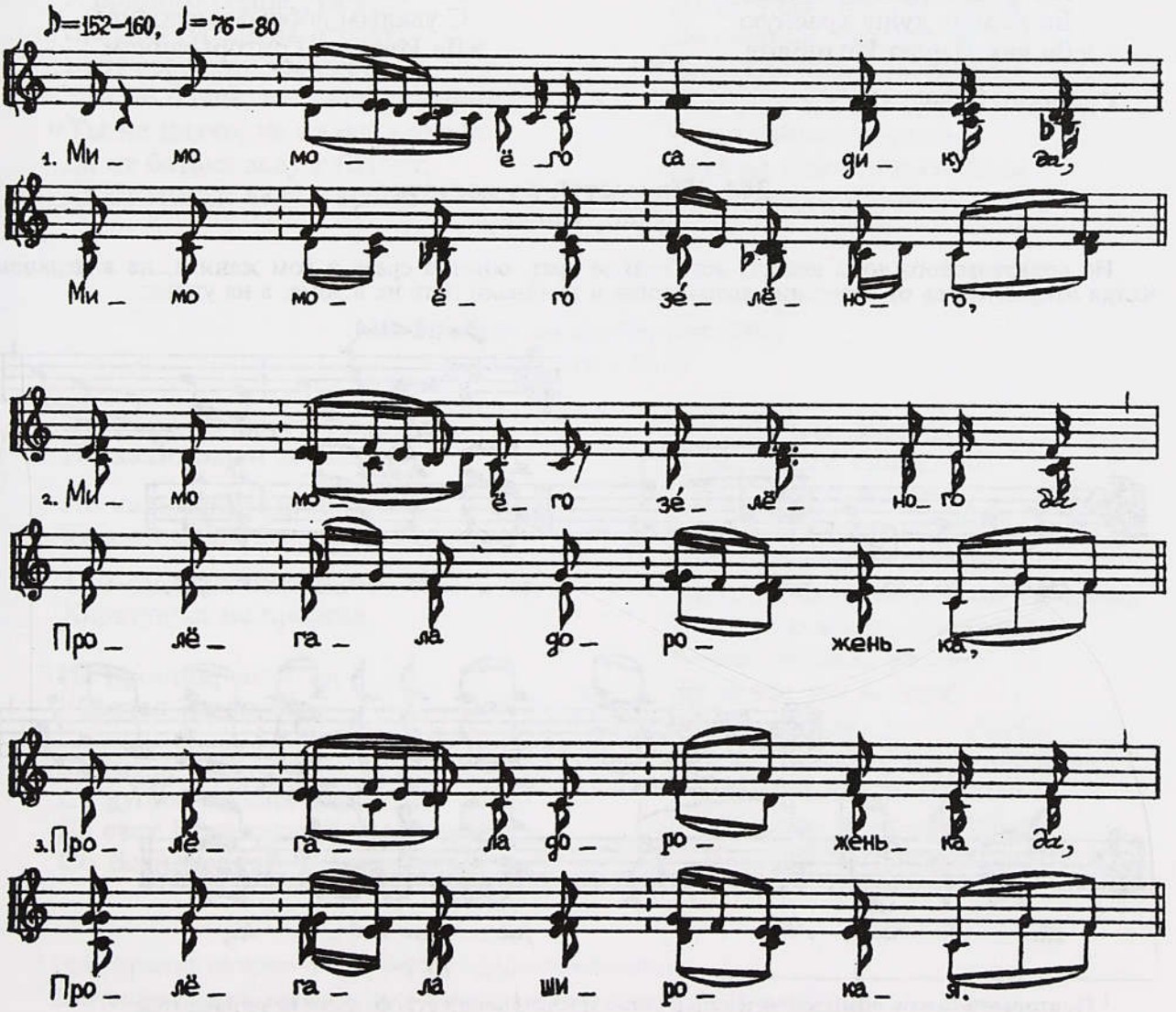
а) В исполнении дуэта:



[1]Повторения и припевные слова в строфе далее не приводятся, цепное последование строф сохраняется.



б) При увеличении числа поющих в ансамбле:



Мимо моего садику *да*,
Мимо моего зеленого,

Мимо моего зеленого *да*
Пролегала дороженька,

Пролегала дороженька *да*,
Пролегала широкая.

Пролегала широкая *да*,
Широким она не широка,

Широким она не широка *да*,
Только долга уезжена.

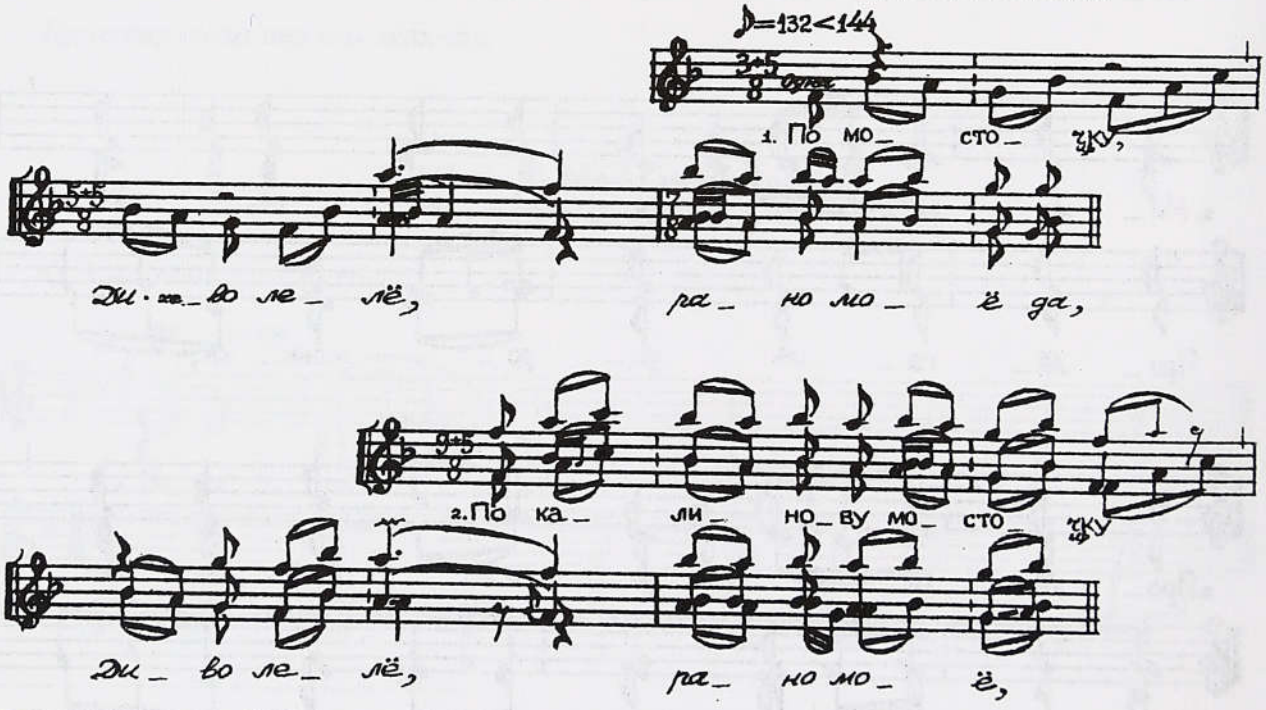
Только долго уезжена[1].
Да по той по дороженьке,
Да по той по широкие
Не ясён сокол спролетал,
Спроезжал удалой молодец,
Удалой доброй молодец
Да Иван да Григорьевич,
Проводил красну девицу,
Да девицу душу красную
Да как Дарью Ивановну.

Да как Дарьюшка ехала
От желанных родителей,
От родителя батюшка,
От сударыни матушки,
Жалобнешенько плакала,
Соловейку наказывала:
"Соловей, соловеюшко,
Соловеюшко-батюшко!
Полети, соловеюшко,
На мою родиму сторону.
Ты садись, соловеюшко,
Ты на грушу на зелёную,
На траву на муравленую,
На цветочки лазуревые.
Уж ты пой-воспевай, соловей,
Утешай мою матушку,
Да чтобы моя матушка
Не тужила бы, не плакала,
На чужих детей смотрела,
Все меня споминаючи,
Все домой дожидаючи,
Во разлуке девочией,
Во красы во великие,
С удалым добрым молодцом
Да Иваном Григорьевичём".

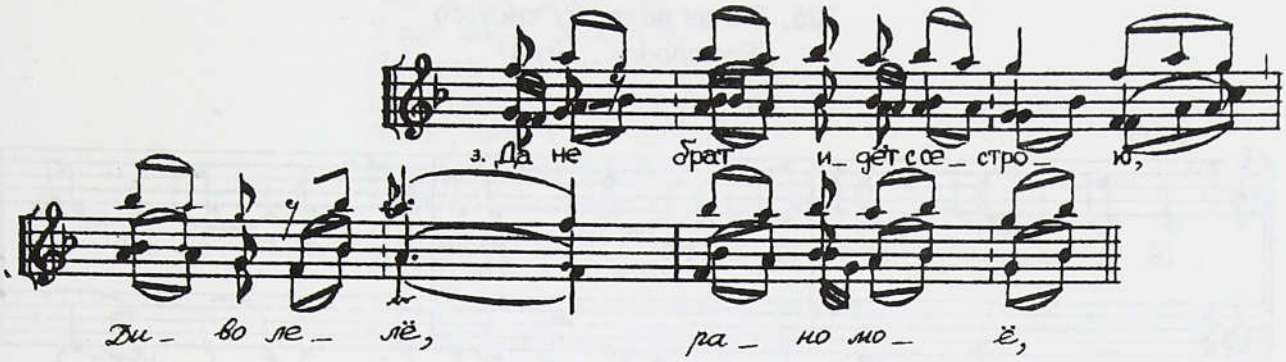
Сравните: № 309, 310.

304. [По мосту], по мосточку
(Арх., Пинега)

Из родительского дома невесту вез (вел) ее брат, обычно сразу в дом жениха, не в церковь. Когда отправлялись от невестина двора, тогда и начинали петь не в доме, а на улице:



[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.



[По мосту], по мосточку,
Диво лелё, рано мое да,

По калинову мосточку
Диво лелё, рано мое,

Да не брат идет с сестрою,
Диво лелё, рано мое,

Не родной идет с родною[1].
Да у брата сестра плачет,
У родного родна тужит.
Брат во гусельцы играет,
Брат сестрицу утешаёт:
"Ты не плачь, не плачь, сестрица,
Ты не плачь, не плачь, родная.
Да от батька веду к батьку,
Да от мамки веду к мамке,
Да от братьей веду к братьям,
Да от сестер веду к сестрам,
От суседей веду к дядьям,
От суседок веду к теткам".
Тут спроговорит Раисья,
Тут Васильёвна спромолвит:
"Да и свекор, черт, не батько,
Да свекровка, черт, не мати,
Да деверья, черт, не братья,
Да золовки, черт, не сестры,
Да суседья, черт, не дядья,
Да суседки, черт, не тетки.
Ведь мне будет настояться
У жернова, у ступы-ти,
Вот поганого корыта,
Ведь не будет допроситься
Рабодатного кусочка".

305. У нас по мосту, мосточку

(Калужск., Ока)

Эй у нас по мосту, мосточку,
По калиновым досочкам,

По калиновым досочкам,
Там-он ехала карета.

Там-он ехала карета,
Каретушка не простая,

Не простая, золотая,
Золотая, занятая,

Золотая, занятая,
Со душой красна-девицей,
Да свет Марьюшкой-сестрицей,
Со Васильевной-подружкой[2].

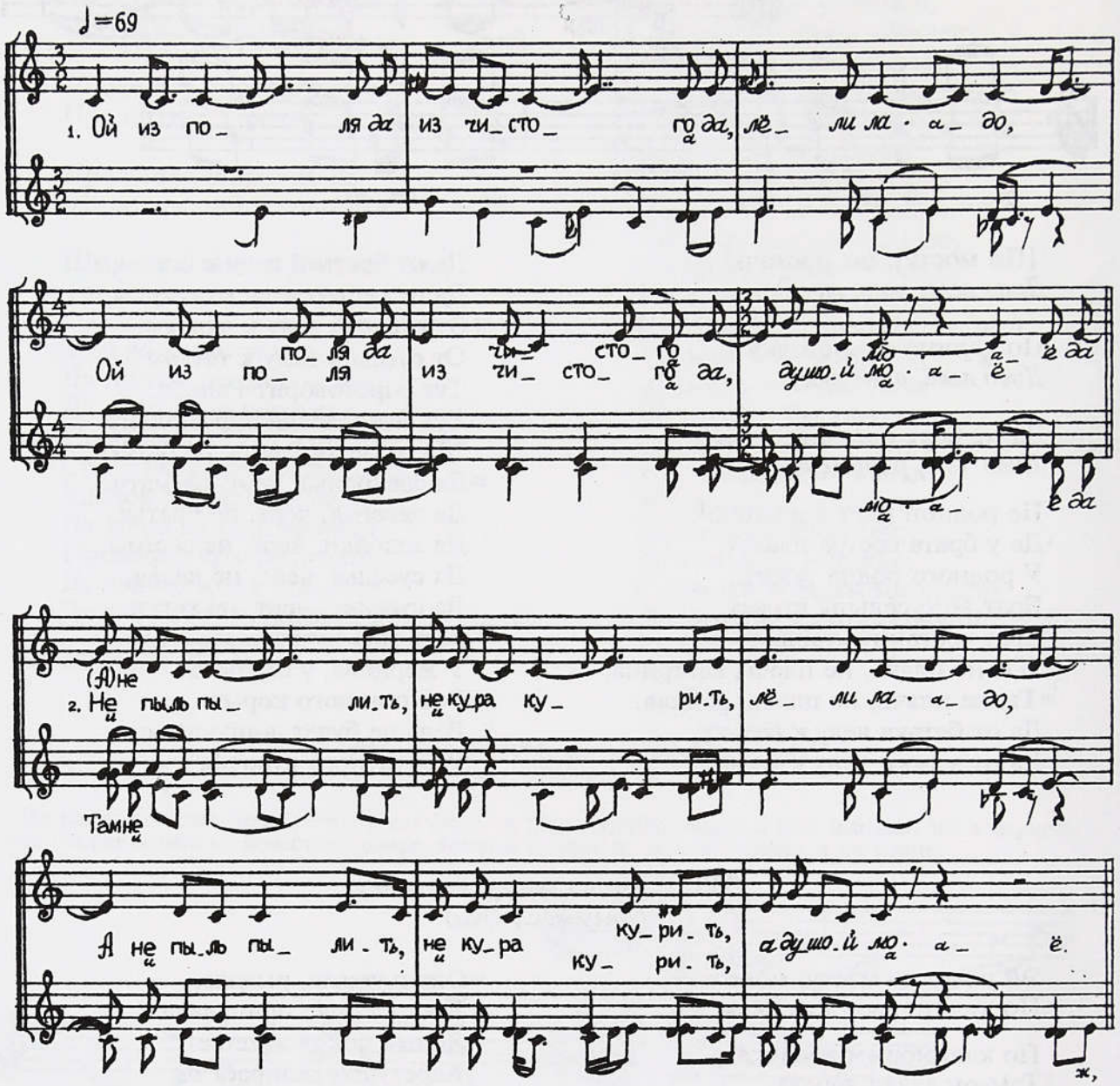
Она плакала, рыдала,
К каретушке припадала.
Ясный сокол залетает,
Каретушку зазирает *да*
Свет Мариюшке говорит:
"Ты не плачь, не плачь, свет Мариюшка,
У меня-то жизнь вольнее,
Жизнь вольнее, веселее". —
"Да и что это за воля?
Куды пойдешь, [все] спросишься,
Отколь придешь, все скажешься.
У матушки жизнь вольнее:
Куды пойду — не спрошуся,
Отколь приду — не скажуся".

[1] Припев далее не приводится, форма строфы не изменяется.

[2] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.

306. Ой из поля, из чистого

(Белгородск., Пена)



Ой из поля *да* из чистого *да, лёли ладо,*
Ой из поля, из чистого *да, душой моё да*

Не пыль пылит, не кура курит, *лёли ладо,*
А не пыль пылит, не кура курит, *а душой моё.*

Да не пыль столбом да вышибая, *лёли ладо,*
Да не пыль столбом вышибая *да, душой моё,*

Не боярь толчок выезжая *да, лёли ладо,*
Не боярь толчок выезжая *да, а душой моё.*

"Вы бояре молодые[1],
У вас кони вороные,
На конях сёдла кованые,
Недоуздочки все на бляхах.
А боярюшки усе пляшут,
Молодые усе скачут.
Иде вы были, где гуляли?
Иде ночечку ночевали,
Иде темную коротали?" —
"А были мы,были в большом селе,
В большом селе у Березовке.
Ох мы были
в богатого свата
на беседе,
В богатой свахи на веселью.
Пили мы ели, что хотели,
И хлеб и соль, горелочку,
Горелочку за девочку,
За красную вот Аннушку.
Ох мы пили *да* не платили,
Вот Аннушку сговорили,
А Валеровну сподманули.
Сподманувши, к сабе взяли,
На колясочку *да* посадили.
А колясочка *да* зелена*я*,
Вот Аннушка молодая.
Она, молодая, слёзно плача,
Слёзно плача, возрыдая.
А Валерочка часто слазя,
Под дорожку подбегая,
Тройку конев супиная,
Тройку конев вороные,
Из рук платок вырывая,
Платком слезы утирая,
Вот Аннушку *да* умовляя:
"Не плачь, не плачь, вот Аннушка,
Не горюй, не горюй, а Валеровна.
А мы тебе взяли[2] из неволи,
Из неволи *да* к сабе в волю.
У нас воля не такая,
У нас воля городская,
Городская да немецкая,
Немецкая, купецкая.
У нас воду на волах возют,
У нас хата сама топится,
А в нас каша сама варится,
А в нас медведь хату метет,
У нас кошки моют ложки,
У нас овцы моют донцы,
А в нас гуси (и)грают в гусли,
Наши утки грают в дудки,
А селезни — у сапелки".

[1] Строфа с повторением каждого стиха и с припевом далее не приводится, ее форма не изменяется.

[2] Одновременно напето "берем".

НА "ЧУЖОЙ СТОРОНЕ"

307. У нашей пташки ножки коротки

(Калужск., Десна. Напев № 249)

У нашей пташки ножки коротки,
Ой раным раным, ножки коротки.

"А как тебе быть, пожаром лететь?
Ой раным раным, пожаром лететь?" —

"А где перелечу, а где перейду,
Ой раным раным, а где перейду".

У нашей у Тани обычай тяжел[1].
"А как тебе ж быти, в чужи люди идти,
В чужи люди идти, свекре угодить?" —
"Свекру угожу — овин наложу,
Деверю угожу — коням положу,
Золовке угожу — косу заплету,
Мужу угожу — постель постелю.
Казала свекра четыре дела:
Первое дело — неделю бучать,
Другое дело — на озере мыть,
Третье дело — на дубе сушить,
Четвертое дело — по небу катать.
Мамушка ж моя, не цыганка я,
Не цыганка я неделю бучать.
Не ластушка я на озере мыть.
Не сол(ов)ушка я на дубе сушить.
Не звездочка я по небу катать.
А я, молода, свекре отказала,
Свекре отказала, все поделала".

308. На Дунайку на бережку

(Курск., Посеймье. Напев № 235)

На другой день после бракосочетания во время застолья следовали печальные песенные отклики на обряд ношения воды из колодца, возможно, забавный для посторонних людей, но драматичный для молодой.

Ох на Дунайку да на бережку,
На Дунайку да на бережку,
На белому да на каму...

Эх на белому да на камушку,
На белому да на камушку
Наталюшка умывала...

Ой Наталюшка умывалася,
Наталюшка умываласи,
Ручки-ножки привморози...

Ох ручки-ножки привморозила,
Ручки-ножки привморозила,
Бело лицо призноби...

Ох бело лицо признобила,
Бело лицо признобила.
Увидала родна батю(шка):

"Ох сударь мой родный батюшка,
Сударь батюшка родимай,
Я к тебе пришла пожали...

Ох я пришла к тебе пожалиться[2]:
В чужих людях не по-наше...
Ох в чужих людях не по-нашему,
Варют кулеш, зовут каше...

Ох варют кулеш, зовут кашею,
Сами сели да по(о)беда...

Уж сами сели да по(о)бедали,
Меня, младу, по воду посла...

Ох, меня, младу, по воду послали —
Налетели гуси-лебе...

Ох налетели гуси-лебеди,
Замутили студеную во...

Ох замутили студеную воду,
А я, млада, ожидала...

Ох а я, млада, ожидаласи,
Покуль вода сустояла(си)". —

"Ох неразумная моя дитетка,
Неразумная дите мила(я),

Ох а почто ж ты ожидаласи,
Покуль вода сустояла(ся)?

Ох такова вода случиласи,
Такову бы и воду бра(ла)".

---

[1] Строфа далее не приводится, ее форма не изменяется.
[2] Повторение первого стиха каждой строфы далее не приводится.

309. Ой камень, у камню белому
(Курск., Посеймье. Напев № 178)

Ой камень, у камню белому,
Ой камень, у камню белому *ой*,
Колодезю во студено...

Колодезю во студеному,
Колодезю во студеному *о*,
Татьянушка да воду бра...

Ивановна да й воду брала,
Ивановна да воду брала *ой*,
Да на свой край погляда...

На свой край она ж поглядала,
Завидела да два голу...

Завидела она да два голуба,
Завидела да два голуба *ой*,
Да два сизы, сизокрыла(и):

"Сизы мои да два голуба[1],
Полетите в мою сторо...

Полетите в мою сторону,
Накажите поклон батю...

Накажите поклон батюшке,
Сударыне родной мату...

Сударыне родной матушке,
Что я, млада, завоева...

Завоевана, во полон взята
Ой турками и с татаре...

Ой турками да татареми
С молодыми сы бояра(ми)".

310. Луга мои зеленые
(Калужск., Десна)

Луга мои зеленые,
Полны воды налелеяны.

Полные воды налелеяны,
Куда вы да затекать будете?

Куда вы да затекать будете?
Стекет вода в быстру речушку.

У речушки, у речушки колодцы,
Колодцы все студеные.

Города наши строёные,
Строёные, разоренные.

А кто ж у нас завоёватель?
Ой Ванюшка — завоёватель.

Завоевал он [те]стевый двор,
Он тещиҥ высок терем.

А во тереме над окошечком,
Там сидела душа Марьюшка

И смотрела в тою сторону,
В тою сторону родимую.

Летят, летят два голубчика.
"Вы, голубы мои сизые,

[Вы] сизые, сизокрылые,

Вы летите в тою сторону,
В тою сторону родимую.

Вы скажите мойму батюшке,
Сударыне родной матушке,

Что я, млада, в неволюшке,
В неволюшке за столом сижу.

Я сижу, ни с кем не знаюся,
Усякому поклоняюся,

И старому, и малому,
Холостому, неженатому *ой*
И Ванюшке кудреватому".

Сравните: № 136, 303.

[1] Повторение стиха в строфе далее не приводится.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания к записям, находящимся в корпусе текстов, построены следующим образом.

За номером и названием текста (по первому стиху) через тире идут определение жанра и краткие общие указания на положение в свадебном обряде. Определения от лица исполнителей берутся в кавычки. Для более объективной характеристики местоположения в обряде привлекаются сопроводительные данные также и из других записей этой же песни или причитания, сделанных в той же местности, если они относятся к этому же местному обрядово-этнографическому комплексу.

Краткие сведения о записи перечисляются по единой форме паспортизации: кто, где и в каком году сделал запись; буквенно-цифровое указание архивного хранения; от кого сделана запись с указанием года рождения исполнителя или его возраста. Для текстов, не снабженных нотами, указываются повторяющиеся (под другими номерами) напевы, которые установлены по комплексу музыкально-этнографических и стиховедческих данных, в том числе применительно к некоторым текстам, отсутствующим в звукозаписи.

Дополнительно вводимые тексты вариантов — факультативная часть потекстовых примечаний. Для некоторых номеров отобраны тексты из той же вариантной группы и записанные по преимуществу в той же местности, что и текст в основном корпусе под этим же порядковым номером, для обеспечения возможности сопоставлений с ним. Их подлинники имеются:

в звукозаписи, фиксирующей неполный по сюжету вариант и привлекаемой для раздела "Примечания" в качестве нотной иллюстрации для показа возможного в данной местности музыкального компонента причитания, песни;

в звукозаписи сюжетно полного варианта, которая не подлежит достоверной нотировке и привлекается для показа поэтического текста;

в записи со слов без напева, в текстуальном результате с отдельными дефектами, например пропущенный рефрен или припев, деформации стихового материала и др.

Данные об этих записях сообщаются в неунифицированной форме.

Указатель опубликованных вариантов является посюжетным, в разделе "Примечания" он рассредоточен по различным номерам. Указатель опирается на материал 80 сборников и книг по фольклору, в которых содержатся подборки текстов свадебных жанров. Сокращенные указания даются на издания, упоминаемые многократно, их названия раскрыты в списке библиографических сокращений. Издания перечисляются в указателе вариантов начиная с представительных классических собраний П.В. Киреевского, П.В. Шейна, Н.П. Колпаковой, затем указываются по фамилиям составителей сборники этнографически неоднородных записей, сделанных в различных местностях, а далее сборники этнографически однородного материала, указания на которые даются не по фамилии составителей, как это повсюду принято, а по территориальной принадлежности материала, что делает географическую панораму вариантов в перечне более наглядной. Если варианты того или иного сюжета в просмотренных нами изданиях не обнаружены, эта позиция пропускается без специальных оговорок.

Перекрестные ссылки на тексты нашего издания оформляются с написанием номеров полужирным шрифтом, например: "см. № **244—246**". Если материал находится не в корпусе текстов, а в разделе "Примечания", то дается сокращение, например: **примеч.** к № 68.

Сокращенные обозначения собраний фольклорных записей

ФФ МГУ — архив аудиозаписей (фонограмм) фольклора кафедры русского устного народного творчества, хранящийся при лаборатории устной речи филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
ФЭ МГУ, ФП МГУ — рукописный фонд экспедиций (ФЭ) и фольклорной студенческой практики (ФП) кафедры устного русского народного творчества филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
ЦФЭ — фонд экспедиционных аудиозаписей Республиканского центра русского фольклора.

Нотировщики

С.Ю. Власова — № 18, 24, 29. 31, 37, 38, 41, 50, 57, 105, 133, 139, 183, 207, 208, 236, 237, 244, 249, 270, 292, 298, примеч. к № 50, 105, 201 б, 230, 305.
С.Ю. Власова и **А.Н. Иванов** — № 100, 155, 163, 169, 227, 255, 277, 296, примеч. к № 65 и 263.
В.В. Запорожец — № 9, 71, 74, 114, 115, 174, 216, 254.
В.В. Запорожец и **А.Н. Иванов** — № 10, 11, 56, 111, 197, 198, 261, 268.
Остальные причитания и песни нотированы **А.Н. Ивановым**.

РАССКАЗЫ О СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В С. СУМСКИЙ ПОСАД БЕЛОМОРСКОГО Р-НА КАРЕЛИИ. Записали на мгф. Н.И. Савушкина, Е.И. Яцунок (Токарева) в 1968 г. ФФ МГУ 68/50. Рассказывала Т.И. Махилева, 64 л. В песнях, исполненных по ходу рассказа, ей подпевала А.Г. Трифонова, 65 л., род. в д. Колежме. Несколько коротких дополнений к рассказу Т.И. Махилевой взято из тетради собир. Р.Г. Бородько, Л.И. Рыбаковой ФЭ МГУ 07 : 3835, 3840-3841, запись сделана от У.Г. Евпоковой, 83 л.

Текст по аудиозаписи и тетрадям собирателей подготовил А.Н. Иванов.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В Д. ПОДВОЛОЧЬЕ САВИНСКОГО С/С ПЛЕСЕЦКОГО Р-НА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛ. Записали Г.А. Сафразбекян, И.В. Семибратова в 1964 г. ФЭ МГУ 05 : 3224-3240, 3247. Рассказывала М.И. Попова, 1901 г.р. Запись ее рассказа уточнена и дополнена некоторыми сведениями из более схематичных описаний свадебного обряда, сделанных Н.И. Савушкиной в д. Подволочье от А.Ф. Огарковой, 1896 г.р., ФЭ МГУ 05 : 1851-1853, 1860-1863, а также от Е.Ф. Фуртиковой, 79 л., ФЭ МГУ 05 : 1782-1784.

Причитания и песни записаны от нескольких певиц отдельно от рассказа о свадьбе. По ходу рассказа М.И. Поповой в тетради собирателя даются отсылки к тем или иным текстам, выявленные отдельные неточности нами устранены. При отборе текстов, иллюстрирующих рассказ, мы оказали предпочтение высокохудожественным вариантам. По записям, сделанным Г.А. Сафразбекяном, И.В. Семибратовой в д. Подволочье от М.Г. Хомутовой, 1884 г.р., приводятся слова причитаний "Пролегла да путь-дорожка широкая" (ФЭ МГУ 05 : 3196), "Благослови, Господи Боже" (05 : 3175), "Уж и погляжу, печальна сизая голубушка" (05 : 3177). По записям, сделанным Н.И. Савушкиной от А.Ф. Огарковой, приводятся слова причитаний "Ты прости, речка быстрая" (05 : 1854), "Помолюсь я Пресвятой Богородице" 05 : 1855-1856. Остальные причитания записаны от М.И. Поповой (05 : 3204-3210). Песню "Перепелышка-ластушка" записал на мгф. Ю.Н. Чекрыжов от женского ансамбля д. Подволочье (исп. см. № 100), ФФ МГУ 64/11—05.

Текст по тетрадям собирателей подготовил А.Н. Иванов.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В С. СЛОБОДЧИКОВЕ ЛЕНСКОГО Р-НА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛ. Записали на мгф. Костюхина, Моисеева (и.о.не указаны) в 1973 г. ФФ МГУ 73/21—01-13, 20; ФЭ МГУ 09 : 7004-7039. Рассказывала Л.А. Успасских, 1914 г.р. В публикуемый текст не вошли сопровождающие свадебный пир в доме невесты песня “Из ворот было в воротица” и романс “Разнесчастная я, видно, уродилась”. Небольшие добавления внесены из других описаний местной свадьбы: ФЭ МГУ 09 : 6974, 6977, 6992.

Текст по аудиозаписи и по тетради собирателей подготовил А.Н. Иванов.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В Д. БАКШЕЕВО АЛЕКСАНДРОВСКОГО Р-НА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛ. Записали на мгф. Л.А. Ёгина, А.С. Кабанов в 1989 г. ЦФЭ 417—11, 418 (целиком), 419—02. Рассказывала А.И. Юдина, 1910 г.р. В интервью, взятом у нее, реплики и вопросы собирателей опускаются. Представленное в рассказе сольное исполнение песни “Что сказали, свет Иван что грозён” заменено на запись от ансамбля А.И. Юдиной с В.И. Кулаковой, 1913 г.р. (сестра А.И. Юдиной) и М.Ф. Лазаревой, 1917 г.р., ЦФЭ 002-21.

Текст по аудиозаписи подготовили И.Е. Посоха, А.Н. Иванов.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В С. НИКОЛАЕВКА КАСИМОВСКОГО Р-НА РЯЗАНСКОЙ ОБЛ. Записали С.Ю. Власова, А.И. Веремеенко в 1990 г. Архив С.Ю. Власовой. Рассказывали Е.А. Кузнецова, 1921 г.р., М.Ф. Ерофеева, 1924 г.р.

Текст описания подготовила С.Ю. Власова.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В С. БУТЧИНЕ КУЙБЫШЕВСКОГО Р-НА КАЛУЖСКОЙ ОБЛ. Основой текста являются две записи. Первую из них сделала на мгф. Т. Петрашева в 1984 г., ФФ МГУ 84в/31: рассказывала А.Д. Бахтинова, 1910 г.р. Другую запись сделала на мгф. А.А. Иванова там же в 1985 г., ФФ МГУ 85/17, 85/19—01-07: интервью собирателя с А.А. Деминой, 1917 г.р. Добавления внесены по записям от А.С. Кривогиной, 1918 г.р., ФЭ МГУ 13 : 6105, а также Е.К. Поповой, 1909 г.р., ФЭ МГУ 14 : 8727. Отобраны сведения, относящиеся к состоянию обряда на середину 1920-х годов. Рассказы дополняют один другой, в публикуемом тексте они соединены по очередности эпизодов свадьбы. Вопросы собирателей опускаются. Диалектные особенности говора сглажены, устная речь в фрагментах, изобилующих сбивками, литературно адаптированна.

Сводный текст по аудиозаписям и по тетрадям собирателей подготовили В.В. Запорожец, А.Н. Иванов.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В С. МАРИЦА ЛЬГОВСКОГО Р-НА КУРСКОЙ ОБЛ. Записали на мгф. Л.М.Чернова, О.В.Величкина, Н.В.Яновская в 1991 г. ЦФЭ 218—23,.ЦФЭ 22О—5-9, ЦФЭ 222—12,13,22-25, ЦФЭ 223—13,15-18, ЦФЭ 224—1,2,5,12, ЦФЭ 225—1,18, ЦФЭ 226—3-8. Об отдельных моментах свадебного обряда рассказывали П.С. Алфимова, 1913 г.р., Т.К. Бушина, 1915 г.р., У.Ф. Данилина, 1903 г.р., Г.И. Лазарев, 1910 г.р., У.Е. Лазарева, 1917 г.р., П.А. Федотова, 1908 г.р., М.В. Кожемякина, 1923 г.р. Отобраны сведения, относящиеся к состоянию обряда на начало — середину 1920-х годов. Вопросы собирателей опускаются.

Сводный текст по аудиозаписям подготовил А.Н. Иванов.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В С. БОЛХОВЕЦ БЕЛГОРОДСКОГО Р-НА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛ. (ныне пригород Белгорода, конец ул. Фрунзе). Записал на мгф. А.Н. Иванов в 1997 г. ЦФЭ 902—17-30; 903—01-16; 905—11, 13-16, 21-23. Рассказывала Н.Н. Тарасова, 1931 г.р., проживающая с 1977 г. в с. Истобном Губкинского р-на Белгородской обл. В текст внесены мелкие дополнения и поправки, которые по ознакомлении с описанием Н.Н. Тарасовой высказала А.Ф. Григорьева, 1915 г.р., запись от которой сделана в г. Белгороде в 1998 г., ЦФЭ 914—07-14. Каждая из песен, напетых Н.Н. Тарасовой, нотирована на тон ниже реального звучания, кроме двух последних ("Щёкчёк, мои чеботочки" и "Посидите, гости, побеседуйте"). Нотировки песен "Ой выкатили из конторы да вина зеленого бочку" и "Иде был, селезнюшка" подготовлены по мгф. записи наложением на соло.

Текст по аудиозаписям подготовил А.Н. Иванов.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В С. СУРКОВЕ ШЕБЕКИНСКОГО Р-НА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛ. Записали на мгф. А.Н. Иванов, М.М. Крюкова, И.Г. Максимова в 1995 г. ЦФЭ 896—19-21, 897 (целиком). Рассказывала Ф.В. Астапова, 1913 г.р. Ее рассказ чередуется с формой интервью, вопросы собирателей опускаются. Соединены по эпизодам обряда часто встречающиеся в рассказе забегания вперед и некоторые добавления к ранее сказанному. Песня "Калинка с малинкою" приводится по записи ЦФЭ 776—19, 777—04 (перенос окончания песни).

Текст по аудиозаписям подготовил А.Н. Иванов.

ПРИЧИТАНИЯ

I. СОЛЬНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

1. Уж ты родимой ты да мой татенька — причитание невесты "на богомолье" в момент просватанья.

Записали В.В. Варгангова, Т.В. Шмелева, А.И. Нестеров в Архангельской обл., Пинежском р-не, д. Явзоре Лавельского с/с, 1972. ФФ МГУ 72/42—02. Исп. А.Ф. Дунаева, 61 г. Запись сделана во время организованной собирателями инсценировки старинного свадебного обряда в клубе. Сопроводительный текст подготовлен по аудиозаписи с привлечением репортажных заметок собирателей ФЭ МГУ 09 : 4221-4228.

2. А не вставай ты, всхожо солнышко — причитание невесты отцу "на богомолье" в момент просватанья.

Записали Е.Л. Калакуцкая, Г.И. Трубицына в Архангельской обл., Мезенском р-не, д. Азаполье, 1975. ФФ МГУ 76/81—05, ФЭ МГУ 10 : 5921. Исп. П.Д. Борисова, 71 г.

Напето опознавательное исходное клише, строго ритуальное, после которого тема причитания в более личном преломлении, как правило, может раскрываться подробнее. Некоторые варианты продолжения и общий процесс значительного роста текста показывает нам материал из ближайшей к Азаполье д. Мелогора. В записи, сделанной А.И. Роговой и Л. Денисовой от Е.К. Щепихиной, 74 л., род. в д. Азаполье, прожив. в д. Мелогоре, ФЭ МГУ 10 : 5963:

Уж Вы, всхоже *да* красно солнышко,
Не вставай на подломны резвы ножечки,
Не свети да восковой свецей,
Не молись да Богу Господу,
Не задевай да душу правую,
Не пробивай мою *да* буйну голову.
Попроси сроку долгого,
Сроку долгого, отказного.
Уж вы дайте мне посидетеньки,
Уж вы дайте мне погулятеньки,
Мне, девице *да* душе красной,
С молодцами-то с удалыми,
Со подружками полюбовными.

Причитание в записи, сделанной В.И. Харитоновой, ФЭ МГУ 10 : 5861-5864, исп. Ф.Г. Базырева 63 л., состоит из серии развернутых обращений невесты к отцу и матери, некоторые детали сравн. с № **9 а**:

Не ставай ты, скоро солнышко,
Не ставай, родимый татушко,
На полы да на дубовые,
На перекладинки на сосновые.
Не задавай ты руку правую,
Не свети свецу воску ярого,
Не отдавай меня, лебедь белую,
За этого за налетного,
За налетного *да* ясна сокола,
За дородного добра молодца.
У меня с ним-то было не хожено,
Руку за руку-то не держано,
Золотым кольцом не дарено,
Ретивым сердцём не влюблено.
У меня с ним навек не говорено.
Не отдавай меня, схожо солнышко,
Не отдавай меня, не просватывай!
Скоро придет *да* весна красная,
Разольются реки быстрые,
Разольются ручьи прегрубыя,
Тогда поедут *да* люди добрые
В скороходных *да* новых лодоцках,
Во метляных *да* легких шлюпоцках,
Тогда поеду я, скоро солнышко,
Тогда поеду, родимый татушко,
На чужу дальню сторонушку
На заводи-*те* на Русановы,
На Русановы лесопильные,
Лесопильные *да* лесокатные.
Пойду-поеду я, родимый татушко,
Я леса рубить дремучия.
Буду саму себя кормитеньки,
Буду саму себя наряжатеньки,
Буду все *да* покупатеньки,
Дорого-то *да* платье цветное.
Ишчо тебе буду посылатеньки,
Ишчо вам буду помогатеньки.
Не отдавай меня, не просватывай!
Ты желанная моя болезонька,
Ты родима *да* жалка мамушка,
Ты заложе-кося слово ласково!
Был бы дома родимый брателка,
Он бы не дал вам вольной волюшки,
Он заложил бы слово ласково,
Не загубил бы *да* молоду пору,
Не разорил бы он девью красоту.
Уж ты схожа *да* красно солнышко,
Ты желанна моя болезонька!
Уж я как буду забыватеньки
Молоду пору-прохладушку,
Молодецку всяку забавушку?
Дороги вы мои родители,
Уж я как буду приставатеньки
Ко чужому-*то* ко чуженину,
Ко чужому сыну отецкому,
Ко чужому *да* отцу-матери,
Богоданным *да* любым братёлкам,
Богоданным-*то* от-сестрицонькам?
Мне-ка дайте вы походитеньки,
Мне-ка дайте вы посидетеньки.
Мне у вас-то, родны родители,
Житьё девье да привольное,
Привольное житье, безгрозное
Мне, девице-то душа красною.
Ведь у вас-то, родны родители,
У вас много всякой работоцки,
У вас много богатых цищениц
На лугах у вас на зеленых-то,
На полях у вас на широких-то —
Уж вы как это будете жатеньки?
У вас-то, родны родители,
Нет родимых-то старших брателков,
Нет богоданных-то молодушек,
Нет дочерей боле белых лебедей.
Уж ты желанная моя болезонька,
Ты во завтрашно утро раннее
Ты придешь, моя родимая,
К тесовой-то кроватоцке,
К пуховой-то периноцке,
К пуховым мягким подушецкам —
Ты кого будешь будитеньки?
Ты кого будешь наряжатеньки?
Ты кого будешь спровожатеньки
На цижолую работоцку?
Уж ты желанна моя болезонька,
Ты родима *да* жалка мамушка!
Уж ты схватисся не во пору,
Уж ты схватисся не во время,
Когда придешь ты, моя родимая,
На цижолую работоцку
Во чисто поле-раздольицо
Со церпами *да* со булатными —
У вас помутятся оци ясные,
У вас опустятся руки белые
Без меня, моя родимая...

"Если у невесты нет кого-либо из родителей, то она далее должна оплакивать их" (примеч. собир.).

Вверх по Мезени сольная форма этого причитания постепенно вытесняется групповыми формами, см. № **49**.

Сравн.: Шейн, № 1663 на с. 506 (как часть сложносоставного причитания), 1684, 2171; СТУСЛП, № 54, 56; Истомин-Дютш, № 3 на с. 83 — 84; Московская земля, с. 100, 120 ("Не затепляй, крестный батюшка, воскову свечу"); Сибирь I, № 117, 120, 138; Сибирь III, № 219; Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П.В. Киреевского//Лит. наследство. М.. 1968. Т. 79. С. 453, № 2 (Пермская губ.).

3. Уж что сёгодняшного денечку — причитание невесты на просватании, "жених приехал за невестой".

Записала А.С. Монахова в Карельской АССР, Пудожском р-не, д. Водле, 1970. Архив собирателя, копия ЦФЭ 836—08. Исп. М.Ф. Богданова, 1907 г.р., род. в д. Нижний Падун.

4. Уж ты красно да моя солнышко — причитание невесты отцу после просватания, когда он "идет на поварню пиво заводить".

Записали Н.М. Ведерникова, С.А. Гореликов в Архангельской обл., Пинежском р-не, д. Большое Кротово Покшеньгского с/с, 1972. ФФ МГУ 72/62—02 а. Исп. Н.А. Земцовская, 74 л. Отдельные детали сравн.: Московская земля, с. 118; Пинежье, № 26.

5. Уж ты красное да мое солнышко — причитание невесты отцу на рукобитье.

См. № 4. ФЭ МГУ 09 : 7794-7795. По свидетельству собирателей, певица оборвала причитание из-за прихода других женщин на место записи.

Варианты: ЛРС, № 430; Пинежье, № 23, 83. Сравн.: Шейн, № 1336, 1637, 1660 (в записи из с. Ватагино Крестецкого у. Новгородской губ. с выразительным комментарием: "Жених принимает руку, жмет ее и наступает на ногу. Невеста от боли плачет:

...Как сжанул он белу рученьку,
Наступил на скору ноженьку,
Уж пролил кровь горячую").

6. От-вы порядовны мои да суседушки — причитание невесты на приход подруг "на посидки".

Записали Н.И. Савушкина, А.И. Нестеров в Архангельской обл., Пинежском р-не, с. Лавела, 1972. ФФ МГУ 72/37—б/н. Исп. Т.И. Сараева, 64 л. Звукозапись кончается на 12-м стихе, далее поэтический текст приводится по ФЭ МГУ 09 : 3127. Вариант 8-го стиха: "Все двери *да* присрывала".

7. Ты милая подруженька — причитание невесты на приход подруги.

Записал Ю.Г. Круглов в Архангельской обл., Шенкурском р-не, д. Монастырье Шеговарского с/с, 1967. ФЭ МГУ 07 : 2173-2174. Исп. А.М. Осипова, 64 л.

8. Меня вздумали родители прочь отсеяти — причитание ("вытье") плакальщицы, приглашенной на предбрачный срок обучать невесту.

Записали Н.М. Ведерникова (Изряднова), Е.А. Шевченко в Архангельской обл., Плесецком р-не, д. Усолье Ярнемского с/с, 1964. ФЭ МГУ 05 : 2687-2689. Исп. Л.А. Воробьева, 73 л., род. в д. Городок. Примеч. собирателей: "Ее приглашали причитать на свадьбах все окрестные деревни... Причитала легко, не вспоминала, а исполняла, горько плача при этом". Собиратели условно объединили два текста (стихи 1—9, 10—19), относимые ими к периоду просватания. Второй из них — это обращение к родителям также и утром накануне венчания (см. № **87**).

9 а) Да мой родимой ты тятенька, б) Моя родимая мамонька — причитание невесты во время дарения ей денег родителями на вечеринке.

Записала А.В. Кулагина в Костромской обл., Вохомском р-не, д. Марково Заветлужского с/с, 1996. ФФ МГУ 96 б/н, ФЭ МГУ тетр. 1, № 325. Исп. М.Ф. Попова, 1908 г.р.

Причитание (**а**) сравн.: Шейн, № 1538, 1663; СТУСЛП, № 190, 197; Вологодск.: Тарнога, № 9 на с. 38. Отдельные детали близки тексту в **примеч.** к № 2 нашего сборника. Причитание (**б**) сравн., например: Белозерский край, № 79; Сибирь I, № 15—18, 115 (конец).

10 а) Благослови, родима ласкова маменька, б) Уж приостойтесь-ко, милы подружки любовныс, в) Уж спасибо-то, родима ласкова тетушка — серия причитаний невесты, связанная с "гостьбищем" у родственников, которых она и ее подруги после бани обходят с приглашением на свадьбу.

Записали С. Архипова, Е. Литвиненко в Архангельской обл., Онежском р-не, д. Вонгуде, 1965. ФФ МГУ 65/6—05, ФЭ МГУ 06 : 1299-1301. Исп. К.П. Кринева, 60 л. Во время пения строй повышается, начало нотировано на тон выше реального звучания.

Отдельные детали причитаний (**б, в**) сравн.: Шейн, № 1289, 1290.

11.[Уж при]ехала дочь победная — причитание невесты-сироты (умерла ее мать) у дома по возвращении от родственников с гостьбы.

Записал Б. Федоров в Архангельской обл., Каргопольском р-не, д. Попадьино, 1961. ФФ МГУ 61/5—04. Исп. А.К. Носонова, 72 л. Начало в звукозаписи срезано.

Отдельные детали сравн.: Шейн, № 1412.

12. Да отворю я да двери *на* пяту — причитание подруги-истопницы, приглашающей невесту в девичью баню.

Записала В.И. Харитонова в Архангельской обл., Мезенском р-не, с. Козьмогородском, 1975. ФФ МГУ 76/76—01. Исп. А.С. Власова, 78 л.

В этом сольном "приглашении" претворена наиболее компактная из напевных форм мезенских групповых причитаний. Как и в других причетах, связанных с девичьей баней, тема этого причитания бывает выражена в сольной и в групповой формах исполнения.

Сравн.: Заонежье, № 17, 18. Конец сравн.: Новгородск. ф-р., № 451. Отдельные детали: Новгородск. свад., № 13. Также см. № **67, 68, 73, 74**.

13. Я ходила, бел*а* лебедушка — причитание невесты после бани.

Записали Н.В. Еремина, А.В. Кулагина в Архангельской обл., Мезенском р-не, д. Заозерье, 1975. ФФ МГУ 75/40—05 в. Исп. Л.В. Таранина, 83 л. (другое указание: 79 л.). Слова наговорены после напетого Л.В. Тараниной причитания № 34.

Отдельные детали: ЛРС, № 483, 487; Заонежье, прилож., № 2; Пинежье, № 132.

14. А ты послушай-ко, задушевная — ответное причитание подруги (подруг) после бани.

Записала В.И. Харитонова в Архангельской обл., Мезенском р-не, д. Черсове Целегорского с/с, 1975. ФФ МГУ 76/80. Исп. М.И. Киркунова, 59 л., Е.И. Ковалева, 57 л.

Вариант: ЛРС, № 488. Сравн.: № **70** и **примеч.** к № 69.

15. Да я спала, да просыпалася — причитание ("причёт") невесты после бани в доме.

Записал Ю.Г. Круглов в Архангельской обл., Шенкурском р-не, д. Колобовской 1-й Шеговарского с/с, 1967. ФЭ МГУ 07 : 2093-2094. Исп. А.А. Охитина, 69 л. Сопроводительный текст приводится по ФЭ МГУ 07 : 2449. В стихах 15—16 "чисто морюшко" (вместо "чисто полюшко, сине морюшко") не является случайной ошибкой и попадается еще в нескольких вариантах. Традиционные эпитеты в окончании записи, сделанной М.Г. Карповой, Е.М. Рогачевской от А.К. Кузнецовой, 77 л., ФЭ МГУ 07 : 1347-1348:

...Да ко чистому полюшку,
Да ко синему морюшку,
Уж как синю-то морюшку
Да на самое-то донышко,
Да под серый-то камешок.
Да серый камешок не откотится,
Да он вовеки не расколется,
Да девья кр*а*сота не воротится.

Вариант: Шейн, № 1410. Далекие варианты: там же, № 1697 (как часть большого сложносоставного причитания); ЛРС, № 187; Белозерский край, № 218.

16. Ой да я стану-то да середи пола — причитание невесты после бани в доме.

Записала О.В. Шикова в Тверской обл., Весьегонском р-не, д. Крешнево, 1990. ЦФЭ 077—28. Исп. Г.М. Сазанова, 1936 г.р.

Отдельные детали сравн.: Белозерский край, № 113.

17 а) Эх лебедки белые вы подружуньки, б) Лебедки белые вы мои подружуньки — причитание невесты на пути со двора в баню и обратно из бани, под звон лезвия косы.

Записал А.Н. Иванов в Пензенской обл., Земетчинском р-не, с. Красная Дубрава, 1978. Архив собирателя. Исп. Е.Т. Неволина, 1902 г.р. (причитание), М.Г. Левина, 1910 г.р. (звон в косу).

Близкий по ряду деталей вариант причитания (**а**), записанный в соседнем селе в середине XIX в.: *Масловский К.* Быт, обряды и поверья мещеряков //Вестник РГО, 1859, XXVII. Отд. II. С. 117. Причитание (**б**) сравн.: Киреевский, № 693; Шейн, № 2391; Новгородск. ф-р, № 458; Сибирь II, № 156.

18. Уж любезные вы мои подруженьки — причитание невесты в ответ на обрядовую песню девушек под окном (№ 244), в предсвадебную неделю.

Записали С.Ю. Власова, А.И. Веремеенко в Рязанской обл., Касимовском р-не, с. Любовникове, 1989. Архив С.Ю. Власовой. Исп. А.И. Буденкова, 1912 г.р.

Отдельные детали сравн.: Шейн, № 2216, 2307; Лядов, № 41; Ветлужская сторона, № 60; Новгородск. свад., № 17-причитание.

19. Спасибо вам, сестрицы мои подруженьки — причитание невесты, "когда принесут елку девки из леса, невеста *воет* им" вечером за два-три дня до свадьбы.

Записали Т.Г. Машкова, Е.Э. Цигипова в Калужской обл., Тарусском р-не, с. Лопатино, 1983. ФП МГУ 05: 8553-8557. Исп. М.И. Гаврилина, 80 л.

Варианты: Шейн, № 2147, 2210; Московская земля, с. 119, 329. Далекие варианты: Шейн, № 1607, 2238; СТУСЛП, № 175, 177; 298; 339. Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 258; Шейн, № 2484 (конец), 2561; Новгородск. ф-р, № 473, 474; Сибирь I, № 109 (конец); Сибирь II, № 97, 138.

20 а) Ох родная моя мамушка... Ох родные вы мои подружуньки, б) Ох родная моя мамушка / Ох родная ж ты моя дочушка — причитания ("голошения") невесты и ее матери "на молодешнике" (девишник), **б)** — двойное причитание.

Записали И.В. Новичкова, Л.М. Чернова в Воронежской обл., Репьевском р-не, с. Россошки, 1991. ЦФЭ 276—03, 06 (причитания соло), 04 (двойное причитание). Исп. Е.В. Савина, 1936 г.р. (за невесту), П.П. Золотарева, 1935 г.р. (за мать).

Причитание матери сравн.: Шейн, № 1880.

21. Уж и я пошла многокручинна да многопечальна — причитание невесты на последней посидке накануне свадьбы.

Записали В.В. Варганова, Н. Кобяк в Архангельской обл., Пинежском р-не, д. Церкова Гора Карпогорского с/с, 1970. ФФ МГУ 70/5—07. Исп. В.А. Кузнецова, 68 л. Причитание наговорено.

Перечисление поклонов сравн.: Шейн, № 1369, 1443, 1466, 1638; СТУСЛП, № 417; Истомин-Ляпунов, № 12 а на с. 76; Вологодск.: Сухона, № 62; Вологодск.: Тарнога, № 227 на с. 212; Пинежье, № 25. Некоторые другие характерные детали сравн.: ЛРС, № 438; Пинежье, № 32, 131.

22. Ойтё мнечушко, а тошнехонько — причитание невесты на последней вечеринке накануне дня венчания.

Записали М. Сафронова, М. Малашонок в Архангельской обл., Лешуконском р-не, д. Ценогоре, 1976. ФФ МГУ 76/19—06. Исп. Е.И. Парфенова, 80 л.

Напев группового причитания включается в сольную традицию с соответствующими изменениями его конструкции.

23 а) Моя милая подруженька, б) Да у чужого чуженина — причитания невесты и ее замужней подруги на девишнике.

См. № 7. ФЭ МГУ 07 : 2154.

24. Уж приходили ко мне, вот ко мне разлушнички — причитание невесты замужней родственнице на девишнике.

Записали С.Ю. Власова, М.И. Рыжова в Рязанской обл., Касимовском р-не, с. Мишукове, 1990. Исп. М.И. Анохина, 1906 г.р. Архив С.Ю. Власовой.

Сравн. № **23, 24**: Киреевский, № 254 и 255, 881 и 882, 1038 и 1041; Шейн, № 1378 и 1379, 1395—1398, 1439 и 1440, 1708 и 1709, 2222 и 2223; СТУСЛП, № 133; Рыбников, с. 24—25, 78—79; Белозерский край, № 80 и 81; Ветлужская сторона, № 34; Вологодск.: Сухона, № 70; Вятск., № 105 (групповое причитание, см. с 10-го стиха); Вятск.: А.А. Кенина, № 43; Донец-Дон, № 200; Московская земля, с. 314; Новгородск. свад., № 6; Новгородск. ф-р, № 468—470.

25 а) Вставай, мое дитятко сердечное, б) Вставайте, мои голубушки — утренние причитания (**а**) невестиной матери в течение предпоследней недели, (**б**) самой невесты девушкам, которые ночуют у нее, в течение последней предсвадебной недели.

Записали Е.В. Бездетко, О.А. Савосько в Калужской обл., Юхновском р-не, д. Козловке, 1988. ФП МГУ 07 : 0880-0881. Исп. Н.Ф. Лиднова, 87 л.

26. А вставайте вы, мои подружуньки — причитание невесты девушкам, которые ночуют у нее, каждое утро предсвадебной недели по день венчания включительно.

Записал А.Н. Иванов в Пензенской обл., Земетчинском р-не, с. Кириллове, 1978. Архив собирателя. Исп. И.Н. Абашова, 1914 г.р.

27 а) Ну уставайте, *лю*бые подружуньки, б) Заря моя, зорюшка — причитания невесты и ее матери на рассвете в день венчания.

Записала О.В. Величкина в Воронежской обл., Острогожском р-не, с. Ездочном, 1991. ЦФЭ 290—19, 25. Исп. О.Д. Полупанова, 1910 г.р.

28. Уставайте вы, подружуньки — причитание матери невесты на рассвете в день венчания.

Записал А.Н. Иванов в Ставропольском крае, Кировском р-не, ст. Марьинской, 1983. Архив собирателя. Исп. М.И. Курилова, 1915 г.р. Нотировано на тон выше реального звучания.

29. Ох вставайте-ка вы, мои девушки — причитание невесты на рассвете в день венчания.

Записали С.Ю. Власова, А.И.Веремеенко в Рязанской обл., Касимовском р-не, с. Аксенове, 1989. Архив С.Ю. Власовой. Исп. А.В. Попова, 1910 г.р.

Далекий вариант: Донец-Дон, № 68. Там же сравн. с № 67, 69, 70. Конец сравн.: Киреевский, № 1035.

30 а) Расподруженьки, разголубушки, б) Расподруженька, разголубушка — причитание невесты и ответное причитание подруги на рассвете в день венчания.

Записал А.Н. Иванов во Владимирской обл., Кольчугинском р-не, д. Красная Гора, 1989. ЦФЭ 003—18. Исп. Т.Е. Чекуланкова, 1910 г.р.

Далекие варианты: Шейн, № 1361, 2214 и 2215. Отдельные детали сравн.: Шейн, № 2311, Ветлужская сторона, № 62 (с 19-го стиха); Печора, № 194 (близкие отгадки снов в необрядовой лирической песне); Поволжье, № 746.

31. Ий уж вы расплетите-ка — причитание невесты девушкам при расплетании ими косы утром в начале сборов к отъезду.

Записали С.Ю. Власова, А.И. Веремеенко в Рязанской обл., Касимовском р-не, с. Скобелеве, 1989. Архив С.Ю. Власовой. Исп. М.В. Мелкова, 1911 г.р. В записях из соседних сел более часто встречается вариант:

...В моей-то косе русой
Два ножа булатныя,
Третья сабля вострая.
А вы не порежьте...

Это же клише сравн.: № **60**.

32. Да не расплетайте Вы мне — причитание невесты свахе при расплетании косы утром в начале сборов к венчанию.

Записал А.Н. Иванов в Белгородской обл., Красногвардейском р-не, с. Прилепы, 1981. Архив собирателя. Исп. В.Н. Серикова, 1909 г.р. Причитает в головном регистре. Сравн. с песней № **127 а.**

33. Милая подружечка — причитание невесты свахе (подруге) при расплетании косы утром перед венчанием.

Записал Н.С. Бурмистров в Москве, 1991. Архив собирателя. Исп. Е.Ф. Бурмистрова, 1906 г.р., род. в д. Широково Зудненского с/с Ферзиковского р-на Калужской обл.

34 а), б) Шафера вы, дружки вежливы — причитание невесты во время сборов к венчанию дружкам, спрашивающим о ее здоровье.

См. № 13. Причитание наговорено, затем напето с несколькими небольшими пропусками, которые в публикуемом тексте восполнены по наговоренному варианту. Вероятно, случаен и пропуск устойчивой в других записях мотивировки недовольства невесты тем, как ее приветствуют дружки. Например, по звукозаписи ФФ МГУ 76/78—01 от Е.М. Дьячковой, 1907 г.р., род. в д. Заозерье:

...А дружки вежливы, сколь очесли(вы),
А что вы близко *да* подбегае(те),
А яко княгиней *да* звеличаете,
А первобрачной *да* называете?
А не княгиня я первобрачна(я),
А я девица *да* душа красна(я),
А я невеста *да* зарученна(я)...

Вариант с присоединением другого окончания: Мезень, № 200. Сравн.: ЛРС, № 443; Олонецкая губ., II, с. 69. Отдельные детали причитания **(б)** также сравн.: Шейн, № 1359.

35. Уж я с чужим да чужанином — причитание невесты во время сборов в дорогу.

См. № 21. ФФ МГУ 70/5—08. Причитание наговорено.

36. Уж ты ясненькой да соколочек — причитание невесты брату во время сборов в дорогу.

Записали Е.Е. Королева, Т.Г. Булак в Архангельской обл., Пинежском р-не, д. Шотова Гора Карпогорского с/с, 1970. ФФ МГУ 70/3—06 б, ФЭ МГУ 08 : 3239. Исп. А.Я. Щепоткина, 70 л. Причитание наговорено.

Призыв к брату о заграждении пути-дороги является широко распространенным клише. Сравн.: Киреевский, № 248 (стихи 5 — 11), 1036; Шейн, № 1668 (как часть сложносоставного причитания), 1735, 2133, 2248, 2292, 2312, 2349; ЛРС, № 425, 491; Белозерский край, № 83, 131 (стихи 22 — 24); Московская земля, с. 176; Новгородск. ф-р, № 486; Пинежье, № 28; Поозерье, № 86; Сибирь I, № 10 (с 12 стиха), 68 — 70, 72, 73, 75, 76; Сибирь II, № 214 (конец); Сибирь III, № 290, 291. Также сравн. с № 94 и песней № **190**.

37. Братец мой Иванушка — причитание невесты брату-"коленнику" в конце сборов к венчанию.

Записали С.Ю. Власова, С. Рапенкова в Рязанской обл., Касимовском р-не, с. Ермолове, 1990. Архив С.Ю. Власовой. Исп. М.Т. Кривова, 1925 г.р.

Сравн.: Московская земля, с. 175.

38. Ий уж и заря бела занимается — причитание ("июшкание") невесты утром перед отъездом к венчанию.

Записали С.Ю. Власова, А.И. Веремеенко в Рязанской обл., Касимовском р-не, с. Пустынь, 1989. Архив С.Ю. Власовой. Исп. К.А. Когтева, 1911 г.р.

39. Господи, погодите вы — причитание невесты родителям, когда ее ведут к столу занять "место" и ожидать свадебный поезд.

Записала Л.М. Чернова в Тверской обл., Торопецком р-не, д. Точилино, 1990. ЦФЭ 134—03. Исп. В.Н. Литвинова, 1900 г.р. Стихи озвучиваются с ниспадающей динамикой и переходом к концу формы на полушепот.

40. Не бери ты мене, родный братец, за правую руку — причитание невесты-сироты. **Ой брат сестру за стол ведет** — песня девушек-"дружек", когда невесту повели к столу. Причитание начинается в наложении на песню.

Записала Л.М. Чернова в Белгородской обл., Грайворонском р-не, с. Почаеве, 1991. ЦФЭ 269—09. Исп. Ф.И. Леонова, 1915 г.р., М.Я. Маковеева, 1913 г.р. (запев и причитание). В квадратные скобки заключена часть записи песни, сделанная отдельно от причитания, ЦФЭ 269—07.

41. А вот спасибо вам, мои родители — причитание невесты, когда ее заводят за стол ожидать свадебный поезд.

Записала С.Ю. Власова в Рязанской обл., Касимовском р-не, с. Николаевка, 1990. Архив собирателя. Исп. Е.А. Кузнецова, 1921 г.р.

42. Ох благословите мене — причитание невесты родителям перед получением от них благословения.

Записала И.В. Новичкова в Воронежской обл., Лискинском р-не, с. Старая Хворостань, 1990. ЦФЭ 179—22. Исп: Е.И. Семенова, 1908 г.р.

43. Прости-кася, родимая моя мамушка — причитание невесты перед получением благословения от матери.

Записал А.Н. Иванов в Воронежской обл., Репьевском р-не, с. Краснолипье, 1991. ЦФЭ 272—10. Исп. Т.А. Болдырева, 1931 г.р.

44. А уж ты кормилец мой, кормилец мой тятенька — причитание невесты отцу перед получением от него благословения.

См. № 24. Напев соответствует № 24.

45 а) Сударушка моя мамушка, б) Дите мое дорогое — причитания невесты и матери перед благословением.

Записали Т.В. Родименко, Ю.А. Языкова в Калужской обл., Кировском р-не, с. Бережки, 1974. ФФ МГУ 74/65—10, 11; ФП МГУ 04 : 6599-6600. Исп. А.К. Хромых, 1912 г.р.

Просьбу о благословении в № **44, 45 а** сравн. с текстом песни № **144**, а также **269** (конец). Выраженное в № **45 а** пожелание невесты не закрывать от нее отчий дом и приютить сравн.: Белозерский край, № 84; Новгородск. ф-р, № 464, 465, 489[а].

46. А благослови-кася, а родный батюшка — причитание невесты-сироты родным перед получением благословения от них.

Записал Н.С. Бурмистров в Калужской обл., Перемышльском р-не, д. Карауловке Макаровского с/с, 1995. ЦФЭ 755—02. Исп. Н.Т. Данилочкина, 1924 г.р., род в д. Брагино Макаровского с/с, В.П. Сорокина, 1921 г.р. (подпевает).

47. Да вы прощайте, прощайте-ко — причитание ("причёт") невесты в поле перед отъездом.

Записали М.Г. Карпова, Е.М. Рогачевская в Архангельской обл., Шенкурском р-не, д. Макушевская Шеговарского с/с, 1967. ФЭ МГУ 07 : 1357. Исп. А.К. Кузнецова, 77 л. Сопроводительный текст приводится по ФЭ МГУ 07 : 2386.

Сравн.: Шейн, № 1744, 2139, Московская земля, с. 176.

48. Благослови-кося, мое широкое подворьице — причитание невесты на подводе во дворе перед отъездом к венчанию.

Записали Н.В. Лавренчук, М.И. Петрова в Калужской обл., Малоярославецком р-не, д. Букрино, 1981. ФП МГУ 05 : 4404. Исп. М.Д. Данилова, 75 л. Сопроводительный текст подготовлен по ФП МГУ 05 : 4404.

Сравн.: Киреевский, № 265 (отрывок в три стиха).

II. ГРУППОВЫЕ И ПЕСЕННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

49. Уж я выйду, красна девушка — причитание ("голошение") девушек "на сватовы" (просватанье, рукобитье).

Записали А.В. Кулагина, А.А. Ковач, Е.К. Королькова в Архангельской обл., Лешуконском р-не, с. Вожгора, 1978. ФФ МГУ 78/02—04. Исп. А.П. Бобрецова, 69 л., П.П. Бобрецова, 63 л., П.Ф. Галёва, 65 л., И.М. Карманова, 56 л., М.Т. Карманова, 67 л., род. в д. Лебское, П.М. Карманова, 43 л., род. в д. Киса. Магнитофон включен с опозданием. Начало 1-го стиха приводится по сделанной там же звукозаписи ФФ МГУ 78/05—09, напела И.А. Ляпунова, 67 л. Окончание по записи ФФ 78/05—09:

...А ты не молись-ко, мой *да* красной со(лнышко),
А ты со чужим-то сыном оте(ческим).
А не купцы ли к тебе *на*(дошли),
А не торговцы к тебе прие(хали).

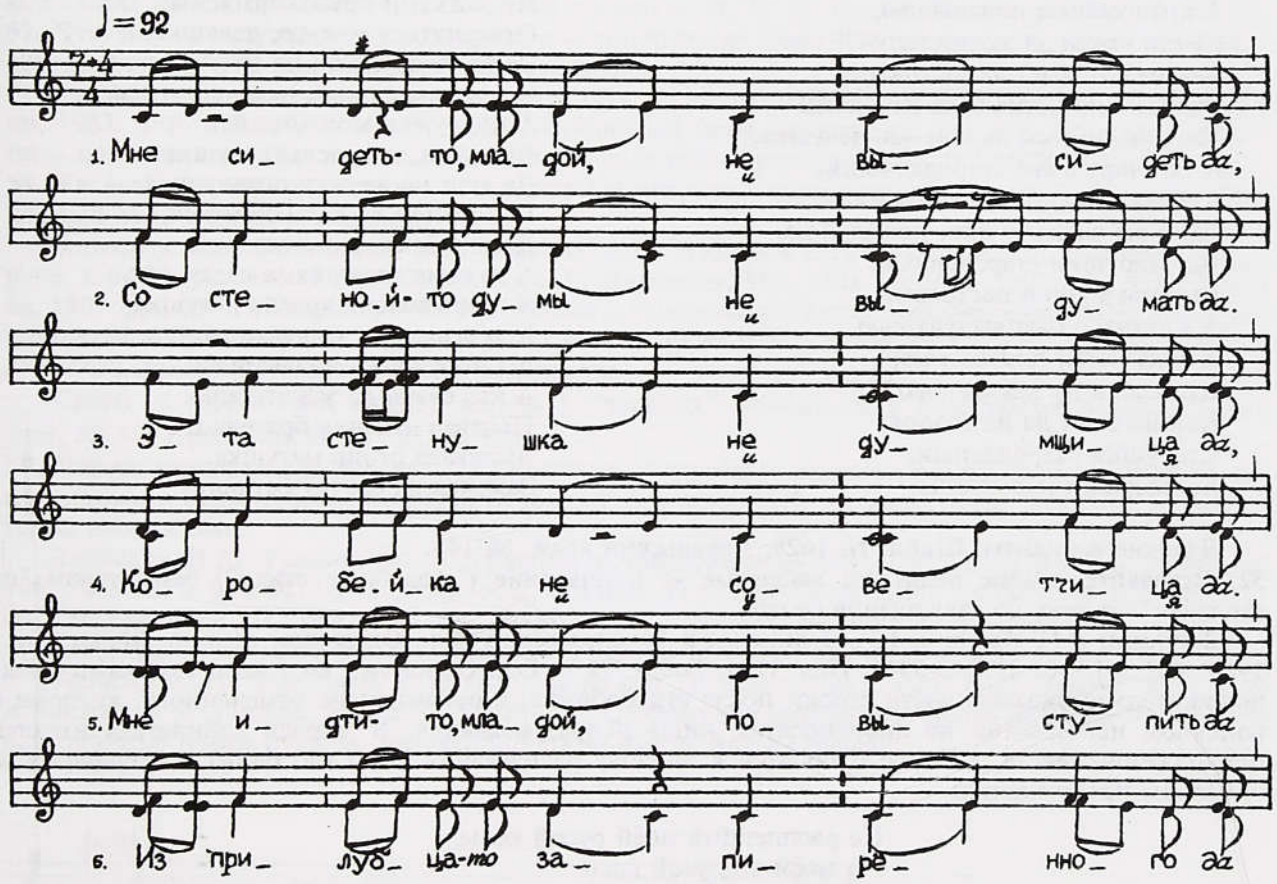
А они отвадят у меня *да* девью кра(соту),
А оттонят ле *да* вольну во(люшку).
А уж ты постой-ко, мой *да* красной со(лнышко),
А ты за меня ле *да* за горю(шицу).
А изживашь меня *да*, избы(вашь меня),
А я наскучила *да* напроску(чила).
А уж я побью ле низко покло(нушки)
А я к желанной родимой ма(мушке):
"А тебе спасибо, моя господа(рыня),
А уж ты стоишь ле за меня, доможи(лочку)?
А не отдавай ж меня *да* в чужи лю(дюшки).
А уж я много хлебушка у вас прие(ла)?
А много работочки *да* заронила)?"

Вариант: ЛРС, № 426. Тексты в порядке увеличения их объема см. № **2** и **примеч**. к № 2.

50. Мне сидеть здесь, не высидеть — песенное причитание на запоручении (просватание, рукобитье).

Записали Г.П. Бурмистрова, Е.Ю. Владычина в Архангельской обл., Каргопольском р-не, д. Нижнее Полуборье Лекшма-Боровского с/с, 1961. ФЭ МГУ 04: 1209-1210. Исп. А.Е. Братушева, 72 л., Е.А. Братушева, 62 л., А.В. Сорокина 65, л., Ф.П. Шумилова, 66 л.

Причитание с этим же зачином, записанное на мгф. Ю.И. Смирновым в Плесецком [Приозерном] р-не, д. Самково в 1962 г., ФФ МГУ 62/03—01, исп. А.И. Филева, 50 л., П.И. Брыкина, 63 л.; напев сравните с № 51:



Мне сидеть-то, младой, не высидеть *да*
Со стеной-то думы не выдумать *да*.
Эта стенушка не думщица *да*,
Коробейка не советчица *да*.
Мне идти-то, младой, повыступить *да*
Из прилубца-то запирённого *да*
Из чулашка-то залужённого *да*
Ко кирпичной-то милой печуньке *да*,
Ко муравчатой жараточке.
Мне спросить у белой печуньки *да*,
У муравчатой жараточки *да*:
"Не езжали-то гости выгодни?.. "

В той же д. Самково Н. Притулина, Е.А. Шевченко записали текст ФЭ МГУ 04 : 4502-4504, исп. П.В. Верещагина, 73 л., с продолжением, близким № **51**:

А мне сидеть-то было, бедной, да не высидеть,
А мне как со стеной-то думы да не выдумать.
Охти мне идти бы, бедной девушке *да*,
Ко кирпичной белой печушке *да*,
Ко муравчату жараточку.
Выступить да подневольной
красной девушке *да*
Ко кирпичной белой печушке *да*,
Ко муравчату жараточку.
Стенка мне-то да не думщица *да*,
Коробейка не советчитца *да*.
Мне спросить бы, бедной беднушке *да*,
У старушёк да у старопрежниих *да*,
У большуток да у настоящих:
"Кто свечи был зажигателем *да*
Кто огня был выдувателем *да*?" —
"Выдувала огонь матушка *да*,
Зажигал свечку батюшка *да*,
По рукам ударил братьюшко".

51. Уж меня, Господи, благослови — песенное причитание, "первый свадебный причёт при просватаньи".

Записала А.С. Монахова в Карелии [Карельская АССР], Пудожском р-не, д. Еремеевской, 1970. ЦФЭ 836—09. Исп. А.И. Боботина, 1906 г.р.

Развернутый вариант повествования с 29-го стиха имеется в сольном причитании, записанном этой же собирательницей без начала сюжета в д. Водле Пудожского р-на от Ф.А. Васюновой, 1898 г.р., напев эпического склада близок № 3:

"...А-к вы скажите-тко, пожалуйста,
Уж кто огню был выдувателю,
А кто лученки подавателю,
[А кто свечи да зажигателю?]"
А-к мнё не баёт да не говорит
Уж как кирпична бела печенька!
Уж отвернуться ль мне-ка, девушке,
А ко старушкам стародавныим,
А ко большушкам настоящиим:
"Дак вы скажите-тко, пожалуйста,
Вы старушки стародавныи,
Вы большушки настояшие,
А кто огню был выдувателю,
Кто лученки подавателю,
Кто свечи да зажигателю?"
Как не бают да не говорят
Старушки стародавныи,
Большушки настоящие.
У родителя у матушки
Дак уж чаем призапоены,
Пирожками призакормлены!
Отвернуться мне-ко, девушке,
Да ко подружкам ко голубушкам,
Ко душам да красным девушкам.
А подружки мои милые,
Вы души да красны девушки,
Да друг на дружку оглянулися,
Надо мной да насмехнулися,
Дак не бают да не говорят!
А то сама знаю, сама ведаю *уж*,
Я подневольна красна девушка,
Кто огню был выдувателю,
А кто лученки подавателю,
А кто свечи да зажигателю:
Подавал лученку брателко,
Выдувала огонь матушка,
Зажигал да свечку батюшка.

Далекие варианты: Шейн, № 1628; Карельский край, № 145.

52. Вставайте, милые подружки любовные — причитание ("свадебные стихи") рано утром "на заплачке" за день до заключения брака.

Записали В.П. Аникин, Е.А. Зелинская в Архангельской обл., Онежском р-не, д. Малошуйке, 1965. ФЭ МГУ 06 : 3342-3344. Исп. П.И. Боёва, 72 л. Редакторскими круглыми скобками предположительно указаны части строки после стихообрыва, в рукописи не отмеченного, которые в напевном исполнении не произносятся, лишь подразумеваются. В тетради собирателя имеется продолжение текста, которое относится к эпизоду расплетания косы (до бани), следующему за эпизодом пробуждения:

Не расплетайте моёй русой косы.
По моёй-то русой косы
Есть востры-то ножи,
Вы обрежете белые-то опадши рученьки,
Так не трудницы будете, не работницы
Желанным-то вашим родителям.
Они воспалятся да воскручинятся
На куколку косату голубушку. (Вариант см. № **60**.)

Вариант № **52** в записи сер. XIX в.: Шейн, № 1303. Отдельные детали сравн.: Рыбников, с. 84, 85.

53. Выставай, моя голубушка — песенное причитание на рассвете в последние дни перед свадьбой.

Записали А. Музылев, Б. Юндин в Архангельской обл., Каргопольском р-не, д. Зобово Шильдского с/с, 1961. ФЭ МГУ 04 : 1699-1701. Исп. Е.Ф. Кушакова, 1906 г.р. В 15, 24-м стихах "орел птица камская" — мифическая птица, которая вьет гнездо на камне посреди моря. См., например, былину "Застава богатырская": *Ончуков Н.Е.* Печорские былины. СПб., 1904, № 1.

Отдельные детали сравн.: Шейн, № 1665 (начало), 1670, 1697.

54. Вы вставайте, мои голубоньки — песенное причитание ("привывание") девушек, ночевавших у невесты, в кути на рассвете в день венчания.

Записала Т.П. Павлова в Костромской обл., Шарьинском р-не, д. Бынихе Поляшовского с/с, 1994. ФЭ МГУ 19 : 2063 обор. Исп. М.В. Смирнова, 1900 г.р.

Опубл.: Ветлужская сторона, № 207 и 210. Вариант там же: № 208 и 209. Отдельные детали сравн.: Шейн, № 2482; Сибирь II, № 88, 90, 92, 93; Чердынская свадьба, № 116.

55. Да я спала-то, просыпалася — причитание ("причёт") девушек в кути утром за день до венчания.

См. № 47. ФЭ МГУ 07 : 1349-1351.

56. [Я гляжу-смотрю,] невольня косата голубушка — причитание плакальщиц, обращение к матери невесты, "вторая заплачка" поздно ночью после "запоручивания" и рано утром перед обходом невестой родственников.

Записали А.П. Лычагина, Ю.К. Кузякин в Карелии [Карельская АССР], Беломорском р-не, с. Нюхча, 1966. ФФ МГУ 66/06-18. Исп. А.А. Карманова, 1896 г.р. Звукозапись велась с середины 1-го стиха до середины 38-го. Стихи 38—43 приводятся по ФЭ МГУ 06 : 5864-5869. Форма напевного стиха подвижна на протяжении всего текста. Почти все возможные случаи ее изменяемости показаны в нотированном фрагменте.

Варианты (без нот), записанные там же несколькими годами позже, в том числе от этой же исп.: Села Колежма и Нюхча, с. 73 (с 24-й строки) — 75, 76, 83. Сравн.: Белозерский край, № 163.

57. Что-то у нас счудилось да сотворилося — причитание плакальщицы (плакальщиц) утром перед обходом невестой с подругами ее родственников.

Записал В.Н. Кочетов в Архангельской обл., Плесецком [Каргопольском] р-не, д. Верещагино, 1963. ФФ МГУ 63/4—01. Исп. Н.И. Старицына (возр. не указан), род. в д. Пожары. Звукозапись кончается на 13-м стихе. Далее поэтический текст приводится по ФЭ МГУ 05 : 0778-0780.

58. Уж вечерняя заря занимается — причитание девушек, "обкричивание невесты" на закат солнца каждый день в предсвадебную неделю.

Записали О.В. Величкина, В.Г. Иванова, А.Н. Иванов в Волгоградской обл., Новоаннинском р-не, х-ре Галушкин, 1987. Архив А.Н., В.Г. Ивановых. Исп. Л.В. Попова, 1907 г.р., М.М. Лютова, 1907 г.р., М.Г. Назарова, 1906 г.р. Поется в головном регистре. Невеста, сидя, мерно подается корпусом вперед и "ухает" — протяжно глиссандирует голосом сверху вниз через весь головной диапазон, заканчивая рыданиями и всхлипами.

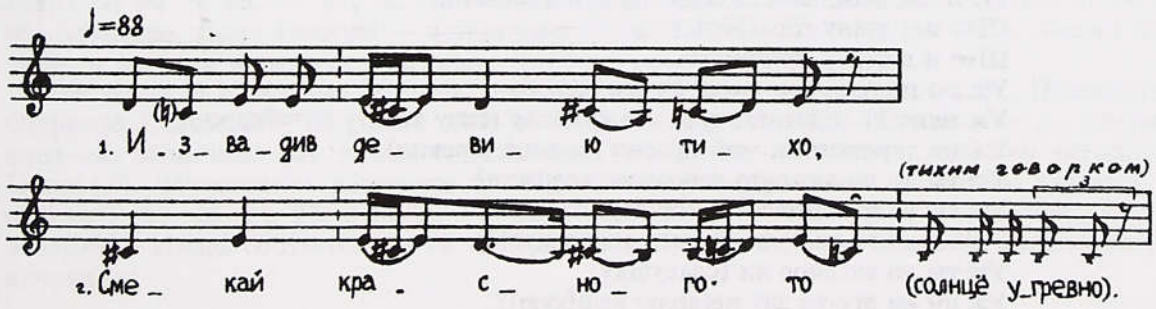
Сравн. с вариантами нашего напева в "зоревых" причитаниях невестиных подруг: Донец-Дон, № 70; Красноярский край, № 124.

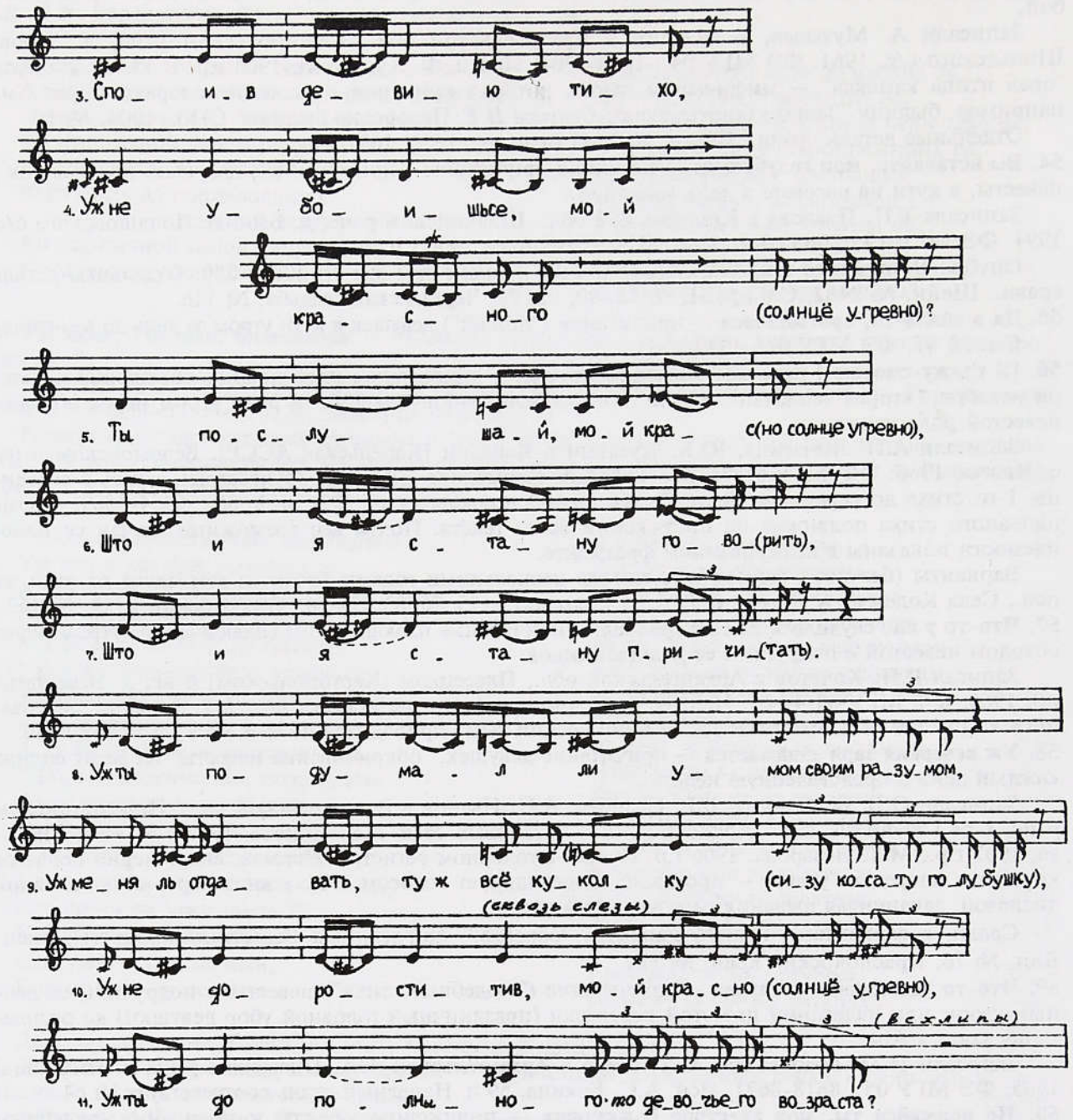
59. Что-то удивляюся я, глупая — причитание ("свадебные стихи") невесты и подручниц свадебным утром при надевании невестой перевязки (праздничный головной убор девушки) до расплетания косы к бане.

Записали И.М. Грабовская, А. Гудкина в Архангельской обл., Онежском р-не, с. Нименьга, 1965. ФЭ МГУ 05 : 8618-8621. Исп. А.С. Бокина, 59 л. Напевный стиль соответствует № 64.

60. Не примайся ты, моя крестова божатушка — причитание невесты и подручниц свадебным утром до бани при расплетании божаткой (крестная невесты) спутанной косы.

Записал Ю.Н. Чекрыжов в Архангельской обл., г. Онега, 1965. Исп. М.И. Зотова, 78 л., род. и прожив. в д. Тамице. ФФ МГУ 65/29—02. Причитание наговорено после напетого М.И. Зотовой причета-"укора отцу" и, вероятно, должно иметь этот же напев:





Извадив девию тихо,
Смекай красного-то (солнцё угревно).
Споив девию тихо,
Уж не убоишься, мой
красного (солнцё угревно)?
Ты послушай, мой крас(но солнце угревно),
Што и я стану гово(рить.
Што и я стану причи(тать.
Уж ты подумал ли умом своим разумом,
Уж меня ль отдавать, ту ж всё куколку (сизу косату голубушку),
Уж не дорóстив, мой красно (солнцё угревно),
Уж ты до полного-то девочьего возраста?
Уж ты на что здался-приоб(зарился)?
Уж ты на полноё ли (власть довольный?)
Уж ты на славноё ли (славушку),
Уж ли на эту-то злу не(волю великую)?

Как у этой-то злой неволи
Уж ни с кою нету, ни с которой (сто*р*оны)
Уж ни уйму нету, ни запрету ве(ликого).
Уж как мы и жить-то станем-то?
Уж ты подумай-ко ведь у(мом ли-ко, разумом).
Уж когды судит-то Божья мати Бого(родица),
Уж не забудь ты, мой красны(й солнцё угревное),
Уж пособи-ко да
помоги жить во этой-то злой неволе ве(ликие).
Уж дак эта-то зла неволя ве(ликая)!

Пожелание невесты, чтобы расплетальщицы косы поранились о ножички, булавки, сабли острые, сравн.: Киреевский, № 863; Шейн, № 1284[б], 1375, 1419, 2146, 2156; СТУСЛП, № 207, 268, 285, 411, 474; Вологодск.: Сухона, № 47; Новгородск. ф-р, № 455, 462; Олонецкая губ., II, № 8 на с. 23; Сибирь II, № 49, 59; Сибирь III, № 237; Поволжье, № 753 — 759; Чердынская свадьба, № 74. Также см. № **31** и текст в **примеч.** к № 52.

61. Расплетись, коса русая сторублевая — причитание ("свадебные стихи") плакальщиц, когда с невесты снимают девичий головной убор — повязку.

Записала Н.И. Савушкина в Архангельской обл., Плесецком р-не, д. Подволочье Савинского с/с, 1964. ФЭ МГУ 05 : 1858. Исп. А.Ф. Огаркова, 1896 г.р. В записи от А.П. Кузнецовой, 77 л., ФЭ МГУ 05 : 4589-4590, 7-му стиху соответствует "Забусеет жаровидное золото", окончание:

Береги волю-приволю великую,
Хорошую жемчужну повязочку.

Рассказ о троекратном переборе мест, наиболее подходящих для кр*а*соты, имеет много свободных параллелей с опубликованными текстами. Например, сравн.: Вологодск.: Тарнога, № 240, 243 на с. 215; Села Колежма и Нюхча, с. 34, 67 — 69; Сибирь III, № 241.

62 а) [Ох]ти мнечушко, тошнёхунько, б) Налетели птицы-пташицы, в) Подойди-ткосе, моя подружочка — цикл причитаний ("плаксы") девушек до бани при расплетании невестиной косы: просьба брату сходить в лавку, оборона от расплетальщиц, раздача выплетенных из косы лент.

Записала А.В. Кулагина в Архангельской обл., Лешуконском р-не, д. Чуласе, 1976. ФФ МГУ 76/57—08 с окончанием на второй стороне. Исп. К.И. Алимова 74 л., М.К. Федулова, 75 л., род в д. Кебе, иногда подпевает П.Ф. Федулова, 51 г. Напев близок к № 99, он является "минорным" вариантом № 85.

63. Уж и милые вы, вы мои подружки — причитание девушек свадебным утром при расплетании косы, "обкручивают косу с лентой".

См. № 58. Исп. Л.В. Попова, 1907 г.р., М.Г. Назарова, 1906 г.р. Напев соответствует № 58.

"Косу (голову) гром отбил и белый снег покрыл, ленту алую молоньёй сожгло" — это устойчивый оборот некоторых песен и причитаний. Сравн.: Донец-Дон, № 56, 68, 190.

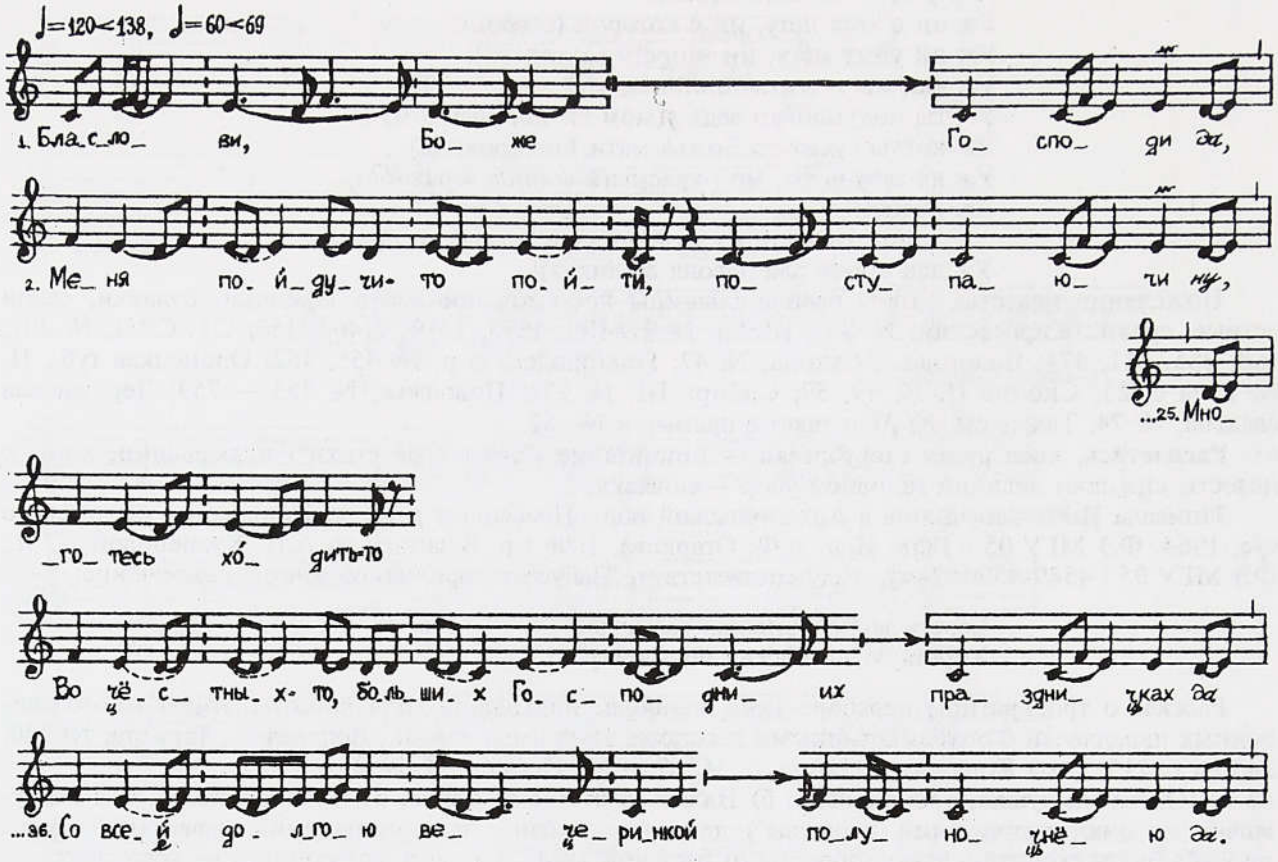
64 а) Роскатайсс-ко по бревнышкам, б) Бласловите-тко, многой народ, люди добрые, в) Добро подьте, мои мил*ы* подружки любовные — серия причитаний ("свадебные стихи") невесты и подручниц при выходе из бани на сиротской (**б, в**) свадьбе.

Записали И.М. Грабовская, Ю.Н. Чекрыжов в Архангельской обл., Онежском р-не, с. Нименьга, 1965. ФФ МГУ 65/33—01. Исп. А.С. Бокина, 59 л., К.Е. Кононова, 55 л., Е.К. Ушакова, 61 г. Клишированные сочетания слов после стихообрыва (в напевном исполнении причитания окончания стихов лишь подразумеваются, но не произносятся) установлены по ФЭ МГУ 05: 6680, 8618-8625 и др. Текст дополнен по тетради собирателей пропущенными в звукозаписи стихами, вероятно, наговоренными: в причитании (**б**) — стихи 5, 6, в причитании (**в**) — стихи 25—28. При исполнении (**б**) и (**в**) темп по отношению к причитанию (**а**) ускоряется, а высотный строй понижается.

Вариант причитания (**а**) в записи середины XIX в.: Шейн, 1309[б]. Далекие варианты причитания (**а**) см. № **65, 66, 69, 72**. Причитания (**б, в**) сравн: Села Колежма и Нюхча, с. 28, 60.

65. Бласлови, Боже Господи — причитание ("свадебные стихи") "старух"-плакальщиц при выводе невесты из бани и на пути к ее дому.

Записали Н.Б. Юдина (Иванова), Ю.Н. Чекрыжов в Архангельской обл., Плесецком р-не, д. Огарково Савинского с/с, 1964. ФФ МГУ 64/09—02. Исп. А.И. Попова, 64 л., подпевают еще одна-две женщины (их голоса изредка едва доносятся, микрофон поднесен вплотную к А.И. Поповой). Звукозапись кончается на 36-м стихе. Обнаруженные в напетом варианте пропуски стихов 6—11, 16, 21, 23, а также с 37-го до конца восполнены по тетради собир. ФЭ МГУ 05 : 3646-3650. Напев соответствует № 100, однако в № 65 больше проявлений подвижности формы, например:



66. Спасибо, парная жарная баенка — причитание ("свадебные стихи") "старух"-плакальщиц на вывод невесты из бани.

Записали С. Архипова, Е. Литвиненко в Архангельской обл., Плесецком р-не, д. Роспашь (Маркомусы) Оксовского с/с, 1964. ФЭ МГУ 05 : 4585-4587. Исп. А.П. Кузнецова, 77 л.

67. Охти мнечушки тошнехонько (Я накину руку правую) — причитание ("плакса") девушек-истопниц, приглашение в баню.

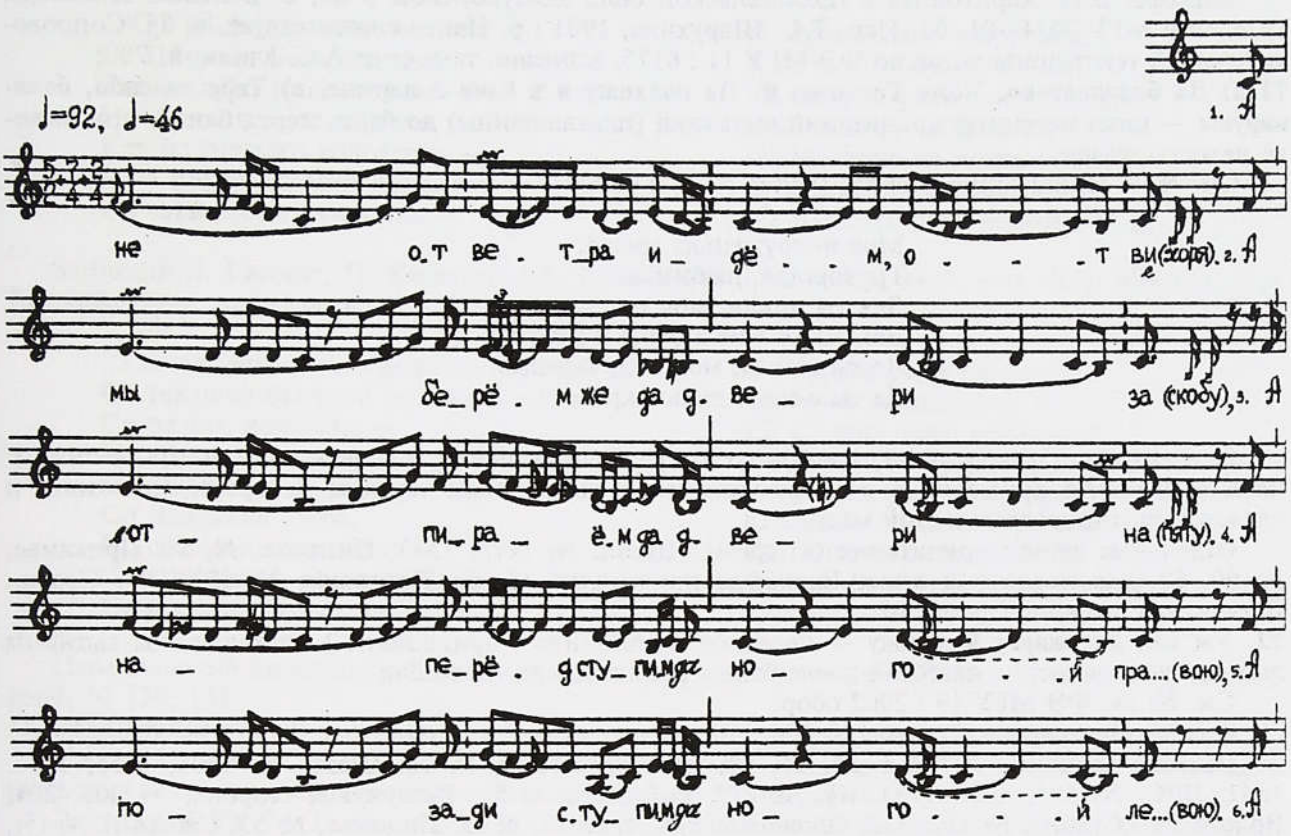
Записала В.И. Харитонова в Архангельской обл., Лешуконском р-не, д. Пылеме, 1976. ФЭ МГУ 11 : 2250-2252. Исп. Т.Н. Листова, 75 л. В тетради собирательницей оставлен пропуск на месте стихов 52, 53. В аналогичном месте по записи от К.И. Алимовой, М.К. Федуловой в д. Чуласе, ФФ МГУ 76/57—09: "Первый щелок рябиновый, / Второй щелок малиновый". Напев близок № 85.

68. Мы берем ле двери з*а* скобы — причитание ("голосянка") девушек-истопниц, приглашение в баню.

Записали М. Сафронова, М. Малашонок в Архангельской обл., Лешуконском р-не, д. Палащелье, 1976. ФФ МГУ 76/19—17, ФЭ МГУ 11 : 2275-2276. Исп. Т.Л. Кирина, 64 л., А.Я. Прокшина, 63 л. Сопроводительный текст приводится по сделанной там же записи от И.А. Кузьминой, 69 л., ФЭ МГУ 11 : 1936-1937. С 24-го стиха в записи от А.С. Поташевой, 67 л., и П.А. Галёвой, 66 л., в соседнем с. Вожгора, ФЭ МГУ 11 : 9171-9174:

...А мы истопили твою жарку ба(енку)
А уж мы без дыму *да* без кудря(вого),
А уж как без чаду *да* без еду(чего).
А мы наносили *да*, белы лебеди,
А мы ключевой ле воды холодной.
А уж мы нагрели *да*, белы лебеди,
А мы щёлоков-то тебе цененых.
А уж как напарили *да*, красны девицы,
А мы веничков-то тебе шелко(вых).
А как во твоей-то *да* жаркой баенке
А уж есть-то три столбушка, да три точёных,
А тут три окошечка *да*, три колодных...

Сравн. с напевным вариантом из Мезенского р-на, д. Заозерье, ФФ МГУ 75/40—05 б (исп. см. № 13):



А не от ветра идем, от ви(хоря).
А мы берем же *да* двери за (скобу),
А отпираем *да* двери на (пяту).
А наперед ступим *да* ногой пра(вою),
А позади ступим *да* ногой ле(вою).
А на полы встаем на дубовые,
А на перекладинки на ходьбовые.
И кого же мы тут зазрели,
И кого же мы тут завидели?
Мы девицу *да* душу красну,
Мы невесту *да* зарученну,
Мы княгиню *да* первобрачну.
Вот ты пожалуй, бела лебедушка,
А ты помыться с нами, попариться,
Ты во парну *да* жарку баенку,
А ты во девью во последню...

Отдельные детали № **67, 68** сравн.: ЛРС, № 475, 477, 478; СТУСЛП, № 219; Печора, № 129; Поволжье, № 738; Сибирь II, № 121; Тер. б-г Белого моря, № 14; Чердынская свадьба, № 44. Также см. № **12, 73, 74**.

69. Мнечушко-то, тошнёхунько — причитание ("плакса") невесты и подруг при выходе из бани.

См. № 62. Напев близок № 99, а также № 85 в "минорном" наклонении.. Напетый для звукозаписи текст условно нами дополнен стихами 6—9, 17—21 по тетради ФЭ МГУ 11 : 1890-1891, то же самое 11 : 2077-2078, исп. М.К. едулова, так как запись от нее сделана непосредственно перед звукозаписью дуэта М.К. едуловой и К.И. лимовой. Причитание кончается стихами, как правило, переиначенными по отношению к стихам 24—29 в № **68**, получившими противоположный смысл. Оборвав это причитание, певицы без перерыва напели следующее за ним по ходу обряда обращение после бани к брату невесты с окончанием (сравн. с № **13, 14, 70**):

...И уж ты сядь-косе *да*, девья кра*с*ота,
И на кудряву ту *да* на березоньку,
И ты на са*м*у ту *да* на вершиночку.
И потом по*й*дут *да* люди добрые,
И пусть посмотрят мою девью кра*с*оту.
А если худо мне *да* замуж выйдетсе,
И улетит только *да* девья кра*с*ота
И во леса-то те *да* во дремучие.
И ты поди-ткосе *да*, девья кра*с*ота,
И ты во болота-ти *да* во зыбучие,
И ты во рады *да* во седучие,
И ты за горы *да* за высокие.
И тебя задуют *да* вётры буйные,
И засекут тебя *да* часты дождички!

70. И охти мнечушко, тошнехонько (А я ударюсь челом в поясы) — причитание ("плакса") девушек после бани.

Записала В.И. Харитонова в Архангельской обл., Лешуконском р-не, с. Большая Нисогора, 1976. ФФ МГУ 76/4—01, 02. Исп. Т.С. Шарухина, 1901 г.р. Напев соответствует № 85. Сопроводительный текст приводится по ФЭ МГУ 11 : 6175, записано там же от А.С. алкиной, 79 л.

71 а) Да бласлови-ко, Боже Господи, б) Да подхожу я к бане к паруше, в) Тебе спасибо, баня-паруша — цикл песенных причитаний вытьянки (плакальщицы) до бани, перед баней, при выводе невесты из нее.

См. № 9. Причитание невесты (напев № 9) в бане:

Моя подруженька милая,
Ты дорогая, любимая,
Дак ты приди, моя подруженька,
Дак ты ко мне в баню в п*а*рушу.
Да ты сойми, моя подруженька,
Да ты с меня дивью кр*а*соту.

В некоторых звукозаписях, сделанных от различных певиц, напев вытьянки отличается от нашего варианта примерно в полтора раза более сдержанным темпом, который, возможно, и является традиционным в этой местности.

Отдельные детали причитания **(а)** сравн.: Шейн, № 1475, 1533; Пинежье, № 51; Прикамье, № 60, 62 (два последних стиха).Варианты причитаний **(б, в)**: Поволжье, № 682, 747. Сравн.: Ветлужская сторона, № 49, 202.

72. Уж как эту жарку банюшку — песенное причитание ("привывание") плакальщицы-вытницы либо девушек вместе с невестой после бани, "родителям это напевали".

См. № 54. ФЭ МГУ 19 : 2062 обор.

Опубл.: Ветлужская сторона, № 204.

Далекие варианты № **64 а, 65, 66, 69, 72**: Киреевский, № 98; Шейн, № 1408, 1456, 1535, 1641; ЛРС, № 484, 485; СТУСЛП, № 239; Рыбников, с. 88; Ветлужская сторона, № 203, 204; Вологодск.: Сухона, № 112, 113; Олонецкая губ., I, № 21, с. 45; Пинежье, № 53; Сибирь II, № 151, 152; Чердынская свадьба, № 54.

73. Меня, Господи, благ*о*слови — песенное причитание девушек, приглашение в баню, "невеста перед байной".

Записали О. Михайлова, И. Носкова в Архангельской обл., Каргопольском р-не, д. Киселево Лядиновского с/с, 1961. ФЭ МГУ 04 : 2509-2513. Исп. Е.В. Ромшина, 76 л., род. в д. Берег. Варианты на месте 8-го стиха в некоторых соседних деревнях: "Тут не зверь *да* вышел *из* лесу, /Не змея *да* вышла *из* кусту" (д. Чурилово, ФЭ МГУ 04 : 2400), "Не вор идет из Псковского, /Не разбойник из Петровского" (д. Григорьево, ФЭ МГУ 04 : 1430), "Да не вор идет из Питера, /Не разбойничек из Вытегра" (ФЭ МГУ 04 : 1521, 2437). После 17-го стиха обычно идет перечисление колодезей, на этом месте собиратели в тетради фиксируют забегание вперед, очевидно вызванное трудностями в припоминании полного текста:

А со первого колодезя,
Со реки Свирёпыя.
Богоданные будут свирепые,
А твоя млада невеселою. (Сравн.: стихи 55—58.)

Объявленное в 17-м стихе число "с девяти со трех колодезей" раскрыто в деревнях соседнего Пудожья: "со двенадцати". Отсылаем к нескольким перечислениям двенадцати колодезей (варианты, к сожалению, неполные) в Пудожском р-не Карелии по записям, сделанным в 1960 г. Записали Ю. Грейдинг, Т.И. Ярембаш в д. Михалево, ФЭ МГУ 03 : 9731-9732, исп. И.Е. Басалаева, 63 л.:

...Я со первого колодеца —
Со родимой со сторонушки,
А со другого колодеца —
Со судимой со сторонушки,
А со третьего колодеца —
Со круглистого озерушка,
А с четвертого колодеца —
Со шумливого Онегушка,
А со пятого колодеца —
Со Дунай-реки дунайской, *как*
Со шестого-то колодеца —
От Покрова Богородице,
Со седьмого со колодеца —
От Пречистой Божьей матери,
Со восьмого колодезя —
От Егория от Храброго...

Записали Б.А. Исадченко, Н.В. Муратова в с. Авдеево, ФЭ МГУ 03 : 9046-9047, исп. Н.А. Антонова, 51 г., род. в д. Унаськово Авдеевского с/с:

...Как из первого колодеча *да* —
От Покрова Богородицка,
Как из другого колодецка —
Из шумливого Онегушка,
Как из третьего колодецка —
Я из Белого из морюшка,
Из четвертого колодечка —
Из круглистого озерышка,
Я из пятого колодечка *да* —
Из Свирей-реки свирей-воды,
Я из шостого колодечка —
От Макария из жолтых песков,
Я из семого колодечка —
Из Шумлив-реки шумлив-воды...

Записали Л. Евсеева, И. Кочетков в с. Каршеве, ФЭ МГУ 03 : 9470, исп. Н.А. Кунина, А.А. Терехова (возр. не указан):

...Со четвертого колодеца —
Со текущей быстрой реченьки,
Со пятого колодеца —
Со круглистого озерушка,
Со шестого колодеца —
Со Ладужска озера,
Со седьмого колодеца —
Со шумливого Онегушка,
Со восьмого колодеца —
Со Угрюм-реки угрюмою,
Со девятого колодеца —
Со Свирип-реки свирипою,
Со десятого колодеца —
Со (*неразборчиво и пропуск*)
С перво-на-десять колодецков —
Где купался богосуженый,
Другой-на-десять колодецков —
Где купалась богосужена.

Перечисление колодцев в банном приглашении см., например: Шейн, № 1639; Карельский край, № 130, 131.

74. [При]летели птички ластушки — песенное причитание девушек, приглашение в баню.

См. № 11. ФФ МГУ 61/05—02. Исп. А.К. Носонова, 72 л., Е.К. Шубникова, 65 л. Начало в звукозаписи срезано. Окончание поэтического текста наговорено.

Вариант № **73, 74**: Рыбников, с. 86, 87. Далекие варианты: Рыбников, с. 55, 56; Белозерский край, № 92—95; Карельский край, № 131. Отдельные детали причитания-приглашения в баню сравн.: Шейн, № 1445, 1470, 1646, 1647, 1666; Новгородск. ф-р, № 449, 450.

75 а) Отдирайся, платье белое, б) Уж поглядите-тко, голубушки, в) Уж погляди, желанный батюшка — серия песенных причитаний девушек на пути в баню и после бани.

Записали О. Михайлова, И. Носкова в Архангельской обл., Каргопольском р-не, д. Чурилово, 1961. ФЭ МГУ 04 : 2402-2408. Исп. А.Ф. Архипова, 73 л. В 14-м стихе — порченое место, "литара — гитара" (пояснение исп.). Вероятно: "Там ли царя со боярами" (*ред.*). Другое предположение: "литары" — жители Литвы, иноземцы, что следует из варианта, который записали Л. Станкина, И. Геник в Карелии, Пудожском р-не, д. Гакуксы Каршевского с/с, 1960, исп. Е.М. Полунина, около 90 л. (сама не помнит), причитали на вечеринке:

Приходи, моя голубушка,
С утра завтра да на целый день.
Как подружки мои милые,
Наложу я, красна девушка,
На вас службу невеликую
Да работку нетяжелую.
Вы повешайте, подруженьки,
Заузорчатую з*а*весу мне.
Как на первой тресты[1] вышита
Как родимая сторонушка,
А на второй тресты вышита
Мне судимая сторонушка,
А на третьей тресты вишито
Питер-город со бурлакамы, *а*
На четвертой тресты вышито
Литва-город со литарамы,
А на пятой тресты вышито
Москва-город с музыкантамы.
И повесьте эту з*а*весу
О парчовую дороженьку.
Как поедет млад отецкий сын
Как за мной, за красной девушкой —
Заглядится млад отецкий сын
На узорчатую з*а*весу *и*
Позабудет меня, девушку.
Как я во девушках остануся *да*
И во красных заваляюся.

Причитание (**а**) сравн.: Шейн, № 1640; Карельский край, № 147; Олонецкая губ., I, № 18, с. 41, 42. Мотив вышивания см. в величаниях — виноградиях, например № **372**. Вариант причитания (**в**): Рыбников, с. 61, 62. Сравн.: СТУСЛП, № 277; Олонецкая губ., II, № 9 на с. 27, № 11 на с. 37.

---

[1] *Треста* — скатерть, занавеска (примеч. в тетради собир.), вернее часть скатерти, занавеси.

76. Чтой-то за чудо содеялось — причитание ("свадебные стихи") невесты и подручниц на улице под окнами у свекрови во время объезда села после посещения своих родственников.

См. № 64. ФФ МГУ 65/33—01. Клишированные сочетания слов после стихообрыва (стиховые окончания не произносятся, но лишь подразумеваются в напевном исполнении) установлены по записи ФЭ МГУ 05 : 8622-8625 от А.С. Бокиной, ведущей в ансамбле, от которого сделана звукозапись группового причитания. Темп исполнения быстрее, а высотный строй ниже, чем в № 64.

Отдельные детали сравн.: Села Колежма и Нюхча, с. 31, 63—65, 86, 87.

77. Уж накатаетсе туман-туча грозная — причитание ("свадебные стихи") плакальщиц на приезд жениховых гостей накануне свадьбы.

Записал Ю.Н. Чекрыжов в Архангельской обл., Плесецком р-не, д. Подволочье Савинского с/с, 1964. ФФ МГУ 64/11—04. Исп. не названа, вероятно, это М.Г. Хомутова, 1884 г.р., или А.Ф. Огаркова, 1896 г.р. Наговорена часть причитания — обращение к отцу невесты. С 11-го стиха (обращение к брату) приводится по тетради собир. ФЭ МГУ 05 : 3180 в записи от М.Г. Хомутовой.

Отдельные детали сравн.: Пинежье, № 54, 141.

78. Уж родимый мой, а ты мой батюнюшка — причитание девушек ("обкричивание") на приход жениха со сватами на вечерину (накануне венчального дня).

Записала О.В. Величкина в Волгоградской обл., Новоаннинском р-не, х-ре Челышеве, 1987. Архив А.Н. Иванова. Исп. Е.А. Дегтярева, 1905 г.р. Напев соответствует № 58.

Далекий вариант: Киреевский, № 1040.

79. Погляди-ко, чужой чуженин — песенное причитание из величальной и корильной частей, исполняемое плакальщицей-вытницей жениху на проводах невесты к венчанию.

Записал В.А. Ковпик в Костромской обл., Вохомском р-не, пос. Бережок Вохомского с/с, 1996. ФЭ МГУ б/н. Исп. А.И. Мельникова, 1914 г.р. Собирателем указаны варианты некоторых стихов: 3 — "Круг отцовского терема", 9 и 10 — "У нас соседи ровно бояра", 28 — "Все буграми да ямами". Напев близок № 71.

80. Не клоню буйной головушки — песенное причитание из корильной и величальной частей, исполняемое невестой и подругами-"проголосницами" перед крыльцом женихова дома во время предсвадебного объезда деревни.

Записали Л. Евсеева, И. Кочетков в Карелии, Пудожском р-не, с. Каршеве, 1960, ФЭ МГУ 03 : 9431-9433, исп. сестры А.А.Терехова, прожив. в д. Черная Речка, Н.А.Кунина (возр. не указан).

Сравн. № **79, 80**: Вологодск.: Тарнога, № 11 на с. 38, 39, № 102 на с. 73.

81. Отворочусь я, многокручинная — причитание невесты и подруг "на повети во время рукобитья".

Записали И.В. Одинцова, А. Эль-Массарани в Архангельской обл., Мезенском р-не, д. Азаполье, 1975. ФЭ 10 : 5943-5944. Исп. М.К. Дьячкова, 63 л. Напев соответствует № 85.

82. Ой отворочу *да* лицо белоё — причитание ("плакса") невесты и подруг на рукобитье.

Записали Е.Л. Калакуцкая, Г.И. Трубицына в Архангельской обл., Лешуконском р-не, с. Большая Нисогора, 1976. ФФ МГУ 1976/7-05. Исп. Т.С. Шарухина, 1901 г.р. (запевает), С.А. Иванова, 1925 г.р., А.И.Рыжкова, 1923 г.р., А.П. Авдышева, С.И. Иванова, С.Н. Несыбанова (возр. не указ.). Напев соответствует № 85, высота пения в начале № 82 значительно ниже.

Вариант, записанный В.И. Харитоновой от А.М. Ситниковой, 66 л., в соседней д. Верхний Березник, ФЭ МГУ 11 : 6196-6197:

Охти мнечушки тошнехонько.
Отворочу лицо белое
От больша угла переднего,
От иконушек *да* лику Божьего,
От пресвятой *да* Божьей Богородицы,
От Николы от Угодника,
От божниц-то от карнизовых,
От свечей *да* воску ярого,
От лампадочек от Божиих,
От масличка от Божьего,
От плавочка от железного,
От шнурочка от бумажного,
От огонечка от палючего,
От палючего огня от жигучего,
От всего угла переднего.
Отворочу лицо белое
От столов-то от дубовых же,
От спичничков *да* от камчатных же,
От скатертей-то от бранчатных же,
От питей-то разноливных же,
От братьней пива пьяного,
От графинов зелена вина,
От рюмочек *да* сладкой водочки,
От сватушка лукавого,
От змея-то семиглавого,
От враля-то редкозубого,
От сватьюшки от гостьюшки,
От чужого-то *да* от чуженина,
От чужа сына отецкого.
Пристыдил меня отецкий сын,
Он при всем *да* роду-племени,
При всех честных родителях,
При схожем-то красном солнышке,
При желанной-то при мамушке.

Варианты № **81, 82**: ЛРС, № 428, 429. Отдельные детали сравн.: СТУСЛП, № 75.

83. Я ударюсь *да* низко кланяюсь — причитание ("плакса") невесты и подруг на рукобитье, с переходом из горницы в клеть.

См. № 22. ФФ МГУ 76/20—05. Исп. У.С. Сидорова, 77 л., Е.И. Парфенова, 80 л. Стихи 7 и 8 напеты одновременно, в наложении последующего на предыдущий, стихи 31—34 наговорены, далее поет одна У.С. Сидорова. Напев представляет собой вариант № 68 в "мажорном" наклонении.

84. Охти мнечушко, тошнехонько! А я спрошу у тя, схоже солнышко — причитание ("плакса") невесты и подруг на вечеринке накануне дня венчания.

Записала А.И. Рогова в Архангельской обл., Лешуконском р-не, д. Малая Нисогора, 1976. ФФ МГУ 76/1-03 на второй стороне. Исп. П.С. Лыбашева, 73 л., М.А. Мартынова, 60 л. Напев соответствует № 85.

Сравн.: Вологодск.: Тарнога, № 196 на с. 150, № 202 на с. 153, № 213 на с. 156.

85 а) А ты желанная родима мамушка, б) Тебе спасибо ле, доброй молодец — причитания ("плаксы") невесты и подруг на последней вечеринке.

См. № 82. ФФ МГУ 76/7—01-в на второй стороне.

86. Охте мнечушко, тошнехонько! Ой все прошло да мое прокатилося — причитание ("плакса") невесты и подруг на последней вечеринке.

См. № 70. ФФ МГУ 76/4—03. Напев соответствует № 85.

Вариант: ЛРС, № 424.

87. Подойди-ко, схожо солнце угревное — причитание ("свадебные стихи") плакальщиц на беседе утром накануне венчания.

См. № 61. ФЭ МГУ 05 : 1856. Напев соответствует № 100. Поэтический вариант в нашей подборке: № **8**.

88 а) Сядем мы, милая подружка любовная, б) Уж я что сижу, обсиделася — причитание ("причет") плакальщиц "на заплачке после бани", в канун свадьбы.

Записал О.В. Орлов в Архангельской обл., Плесецком р-не, д. Прилук Наволоцкого с/с (?), 1964. ФЭ МГУ 05 : 4270-4271. Исп. А.П. Позднеева, 71 г., А.П. Позднеева, 61 г.

Некоторые детали причитания **(б)** сравн.: Шейн, № 1528.

89 а) Стань, надежа родитель-матушка, б) Подойди, надежа родитель-батюшка, в) Милые любезные подруженьки — серия причитаний ("свадебные стихи") плакальщиц утром накануне венчания.

Записали В. Гулыва, П. Овчарова в Архангельской обл., Плесецком р-не, д. Маркомусы Оксовского с/с, 1964. ФЭ МГУ 05: 5419-5422. Исп. П.И. Горюшева, 83 л., род. в с. Ярнема.

Причитание **б)** сравн.: Шейн, № 1453; Рыбников, с. 24; Пинежье, № 121.

90. Я последню *да* ужину узнала — причитание девушек "на браньё".

См. № 22, исп. указаны в № 83. ФФ МГУ 76/20—08 б. Поют втроем, третья не названа. Напев — вариант № 68 в "мажорном" наклонении.

Сравн.: ЛРС, № 490.

91. Слава тебе, Господи — песенное причитание-"слава" с благопожеланиями, элементами величания; девушки поют в конце застолья в каждом доме при обходе с невестой ее родственников.

См. № 11. ФФ МГУ 61/5—03. Исп. указаны в № 74. Стихи 8, 9 напеты в наложении последующего на предыдущий, одновременно. Пропущены в пении и со слов певиц вставлены в текст стихи 15, 20. Напев соответствует № 74.

Варианты: Белозерский край, № 168, 245; Вологодск.: Вожегда, с. 51. Сравн.: СТУСЛП, № 160; Карельский край, № 146 (начало); Шейн, № 1442 (конец).

92. Что за чудо, да что за диво великое — причитание ("свадебные стихи") невесты [и подручниц] во время прощания с родителями и божаткой в день венчания.

Записали Е.И. Яцунок (Токарева), Н.Б. Юдина (Иванова) в Архангельской обл., Онежском р-не, с. Тамица, 1966. ФЭ МГУ 06 : 5539-5545. Исп. Е.В. Горшкова, 67 л.

Далекие варианты: Киреевский, № 97; СТУСЛП, № 143.

93. Охти мнечушки, тошнехонько! Я ставала, лебедь белая — причитание ("утренняя плакса") невесты и подруг утром перед венчанием.

См. № 67. ФЭ МГУ 11 : 2239-2242. В тетради собирателя последовательно переданы особенности произнесения слова "исшче": "ишчо", "ишче", то же в № 94. Напев близок № 85.

Вариант с 15-го стиха в записи, сделанной А.И. Роговой и Денисовой (и.о. не указаны) от А.Е. Бобрецовой, 70 л., в д. Некрасово Мезенского р-на, ФЭ МГУ 10 : 5967-5968:

...Подымалась *да* туча грозная,
Тучи с тучами да столкнулисе.
Из первой *да* тучи грозною
Как задули ветры буйные.
Из второй *да* тучи грозной
Как засекли часты мелки дождички.
Из третьей *да* тучи грозной
Как завеяли *да* снежки белые,
Всяки слякоты *да* нехорошие.
Из четвертой тучи грозной
Вылетала громова стрела.
Она лётала и свистала,

Искала местечка себе притулиться.
Прилетела *да* громова стрела
Как по нашему двору по широкому
Как ко терему высокому.
Залетела эта громова стрела
Как во нашу-то *да* светлу светлицу,
Не дверьми и не воротами,
Не щельми и не протёсами,
Не трубой она и не окошечком.
Она с сарая сняла тесиночку,
С потолоку — потолочину.
Никого она *да* не спострелила.
Залетела эта громова стрела
Как в мои да руки белые,
В мое да ретиво сердце.
Раскололось мое ретиво сердце,
Оно на две половиночки,
На четыре четвертиночки,
Оно на восемь *да* мелких... *(пропуск собирателя)*,
На двенадцать осколёпышков.
Уж как век больше *да* не собратеньки,
В одно местечко сердца не сложитеньки...

Продолжение в записи от М.К. Дьячковой, 63 л., в д. Азаполье Мезенского р-на, ФЭ МГУ 10 : 5948:

...Тут летали *да* громовы стрелы
Тут по всем да по людям добрым же,
По родным по всем родителям,
По девицам белым лебедям —
Никого стрела не спострелила.
Я стояла-то, лебедь белая,
За кирпичной-то жаркой печенькой
Во заборной-то новой шолноши.
Я чесала-то буйну голову,
Я заплетала-то трубчату косу,
Я вязала-то ленты алые,
Я вязала-то семишелковы.
Тут залетела *да* громова стрела
На меня-то, на лебедь белую.
Расколола-то мое ретиво сердце
На две-то на половиночки,
На четыре-то четвертиночки,
На двенадцать-то мелки жеребьи,
На шестнадцать-то мелких ощепочек.
Будет век его собратеньки,
Во одно место его не скупитеньки.

Отдельные детали сравн.: ЛРС, № 433; СТУСЛП, № 73, 110; Чердынская свадьба, № 15.

94. Охти мнечушки, тошнехонько! А я побьюсь ле, низко покланяюсь — причитание ("плакса") невесты и подруг утром перед венчанием.

См. № 67. ФЭ МГУ 11 : 2244-2247. Напев близок № 85.

95. Уж простите, сердечные родители — причитание невесты [и подручниц] при ее прощании с родителями.

Записали Н.М. Ведерникова (Изряднова), Е.А. Шевченко в Архангельской обл., Онежском р-не, пос. Тоньево, 1965. ФЭ МГУ 05 : 0154-0155. Исп. А.Н. Синицына, 60 л., "род. с Летнего конца" (место рожд. не указано точно). Редакторскими круглыми скобками показан стихообрыв в напевном исполнении причитания. В причитании упоминаются рядом р. Дунай и небольшая река в Поморье Уна, название которой по звуковому составу входит в слово "Дунай", см. стихи 11, 12.

96. Не вода-та ли матка вёшняя — песенное причитание плакальщицы-вытницы в момент прихода дружки в дом в день свадьбы.

Записал Ю.И. Кузнецов в Костромской обл., Шарьинском р-не, с. Печенкине, 1994. ФЭ МГУ 19 : 2051. Исп. П.К. Уткина, 1906 г.р.

Опубл.: Ветлужская сторона, № 175. Варианты там же: № 72, 97; Поволжье, № 947; СТУСЛП, № 387. Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 249, Шейн, № 1368 (зачин), 2174 (конец), 2293; СТУСЛП, № 276 (зачин); Истомин-Ляпунов, № 10, с. 70.

97. Ты не гнися же, половочка — песенное причитание вытницы на проводах невесты к венчанию.

Записала А.В. Кулагина в Костромской обл., Шарьинском р-не, пос. Шекшема Троицкого с/с,1994. ФЭ МГУ 19 : 2103-2104. Исп. М.Е. Шалда, 1917 г.р., род. в д. Воронихе Леденгского с/с Павинского р-на.

Опубл.: Ветлужская сторона, № 122. Вариант: Сибирь II, № 317. Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 244; Шейн, № 1402, 2250; ЛРС, № 249; СТУСЛП, № 392, 418, 452; Белозерский край, № 167 (зачин), 176, 227; Вятск.: Луза № 7; Сибирь II, № 378; Сибирь III, № 350 (окончание); Поволжье, № 935, 1036, 1040.

98. А уж ты дай-ко, мой красной солнышко — причитание ("голошение") невесты и подруг на проводах к венчанию.

Записали А.А. Ковач, Е.К. Королькова в Архангельской обл., Лешуконском р-не, с. Вожгора, 1978. ФФ МГУ 78/5—13. Исп. И.А. Ляпунова, 67 л. Напев соответствует № 49.

99.[А попрошу ли я Бога] да милости — причитание девушек перед благословением невесты отцом.

Записали А.И. Рогова, В.И. Харитонова в Архангельской обл., Лешуконском р-не, д. Ценогоре, 1976. ФФ МГУ 76/39—03. Исп. А.Б. Лукина, 69 л., А.А. Семенова, 72 л., А.К. Семенова, 59 л. Звукозапись началась с середины первого стиха. Сопроводительный текст подготовлен по тетради М. Малашонок и М. Сафроновой ФЭ МГУ 11 : 1988, там же от Е.И. Парфеновой, 80 л.

100. Ты прощай, кума-подружка любовная — последнее на свадьбе причитание ("стихи") плакальщиц, обращение к невесте перед отъездом к венчанию.

Записал Ю.Н. Чекрыжов в Архангельской обл., Плесецком р-не, д. Подволочье Савинского с/с, 1964. ФФ МГУ 64/11—02. Исп. А.Ф. Огаркова, 1896 г.р., Н.Н. Огаркова, 1903 г.р., М.И. Попова, 1901 г.р., Е.Ф. Потылицына, 1898 г.р., М.Т. Потылицына, 1902 г.р., М.Г. Хомутова, 1884 г.р.

101. Прощай, дом да тепловитое гнездышко — последнее причитание ("стихи") плакальщиц, когда невесту с женихом поведут от ее дома по улице к венчанию.

Записали Н.М. Ведерникова (Изряднова), Е.А. Шевченко в Архангельской обл., Онежском [Плесецком] р-не, д. Мал. Фехтельма, 1964. ФЭ МГУ 05 : 2762. Исп. П.И. Махнова, 76 л.

Сравн.: Села Колежма и Нюхча, с. 27.

102. Ох моя дитетко — причитание матери невесты в момент благословения перед отъездом молодых к венчанию.

Записали И.В. Новичкова, А.Н. Иванов в Белгородской обл., Красненском р-не, с. Хмелевом, 1993. ЦФЭ 578—14. Исп. А.А. Колосова, 1928 г.р. В причитании используется в форме свободных вариаций напевный материал песни: см. № **275**.

103. Уж милые мои подружуньки — причитание двух девушек на полозьях невестиных саней перед самым отправлением свадебного поезда к церкви.

Записали В.Г. Иванова, А.Н. Иванов в Волгоградской обл., Новоаннинском р-не, х-ре Альсяпино, 1987. Архив собирателей. Исп. А.П. Лапина, 1909 г.р. Вариант 4-го стиха: "Уж отнежила я свою ведь нежуньку". Напев близок № 58.

104. Уж попричитайте-ко вы, милые подружки — причитание ("свадебные стихи") плакальщиц накануне свадьбы, в основном утром после бани и до прибытия свадебного поезда.

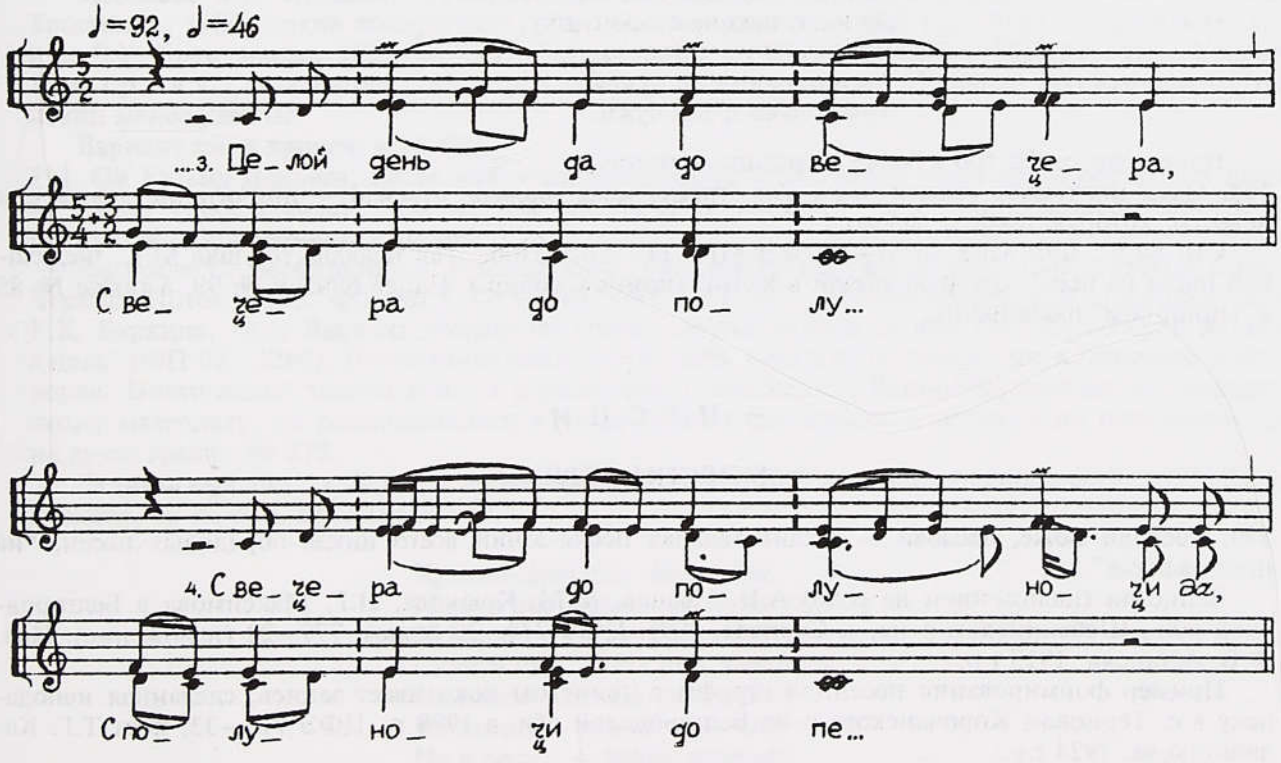
См. № 77. ФФ МГУ 64/11—03. Причитание наговорено после напетого № 100.

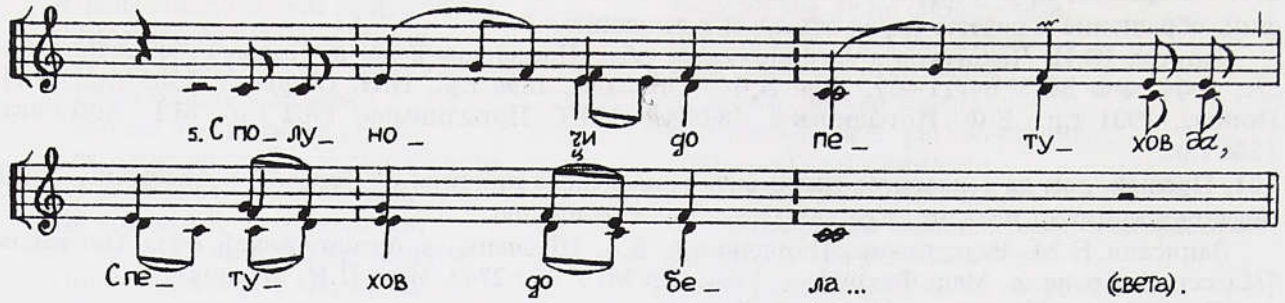
Сравн.: Пинежье, № 38.

105. Посидите, подруженьки — песенное причитание девушек в различных эпизодах добрачной части обряда.

Записал Ю.Н. Чекрыжов в Вологодской обл., Велико-Устюгском р-не, д. Ровдино Нижне-Ерогодского с/с, 1967. ФФ МГУ 67/37—01, 02. Исп. О.И. Пестовникова, А.П. Маркова (возр. не указан), третья не названа.

Напев этого причитания, записанный В. Шибановой "от хора" в д. Красавино Луженьгского с/с Велико-Устюжского р-на, ФФ МГУ 67/45—02 (первая и вторая строфы звучат в записи неудовлетворительно, показываем с третьей строфы):





В некоторых записях местных песенных причитаний каждая строфа повторяется.

Варианты второй части со слов "Я малым-то малешенька": Киреевский, № 68 (середина текста); Шейн, № 2462; СТУСЛП, № 185, 186, 192; Истомин-Ляпунов, № 2 на с. 58 (окончание сложносоставного причитания); Вологодск.: Тарнога, № 4, 5, 60; Сибирь I, № 105 — 112; Сибирь II, № 172, Сибирь III, № 230; Чердынская свадьба, № 24, 104, 105. Далекий вариант: Новгородск. свадьба, № 3. Отдельные детали: Чердынская свадьба, № 9, 156; Сибирь I, № 141, 142; Сибирь II, № 165.

106. То не леший носит сватовцев — песенное причитание с элементами корения "на закрыванье" в предсвадебную неделю (сват накрывает невесту платом или шалью) и в другие моменты до и после свадьбы.

Записали М.Г. Карпова, Е.М. Рогачевская в Архангельской обл., Виноградовском р-не, д. Кургомени Топецкого с/с, 1970. ФФ МГУ 70/10—12, ФЭ МГУ 08 : 4765-4766. Исп. М.Ф. Селиванова, М.Ф. Чуракова, Анна Ф. Чуракова, Анаст.Ф. Чуракова, А.Д. Чуракова, А.Е. Заколупинская (возр. не указан).

Начало сравн.: № **474** стихи 13-20, № **475** стихи 19-24 с отсылкой к песенному сюжету № 204, 205. О преграждении пути жениху ("живой розлуке") см. в **примеч.** к № 36.

107. Да вы встречайте-ко нас, родители — песенное причитание плачеи и подруг, сопровождающих невесту домой, когда она созовет гостей, а также женщин при возвращении вечером с полевых работ.

Записали И. Киндякова, Н. Портнова в Архангельской обл., Виноградовском р-не, д. Леонтьевской (Герасимов Двор) Топецкого с/с, 1970. ФФ МГУ 70/10—03. Исп. Т.И. Вилочева, 57 л., род. в д. Костинской, П.Е. Осокина (возр. не указан). В тетради ФЭ МГУ 08 : 6142-6143 стихи 20—24 записаны собирателями следующим образом:

Которы рано, бедны, выброшены
Да на чужую на сторонушку,
Чужедальную сторону.
А сторонка та не чужая,
Там только люди чужи.

Напев близок № 106 в более сдержанном темпе.

108. Охти мнечушко, тошнехонько. Уж отнесло меня, больше отвеяло — причитание девушек и невесты, которую выдают далеко.

См. № 62. ФФ МГУ 76/57—15, ФЭ МГУ 11 : 2105-2106. "Так плакала тетушка М.К. Федуловой [одна из исп.], которую увезли в Коми" (примеч. собир.). Напев близок № 99, а также № 85 в "минорном" наклонении.

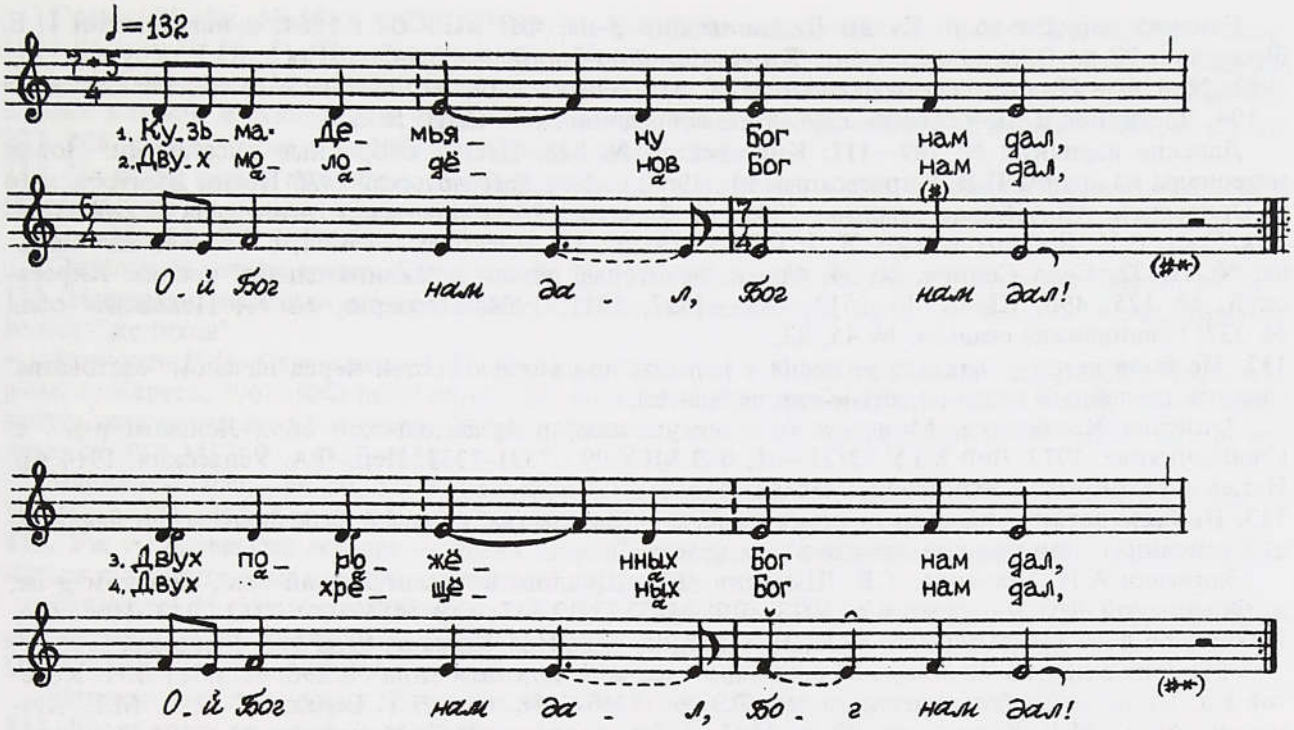
ПЕСНИ

I. ПЕСНИ-ОБРЯДЫ

109. Господи Боже, баслови — заклинательная песня-зачин всего цикла обрядовых песен, "на пропиванках".

Записали (наложением на соло) А.Н. Иванов, М.М. Крюкова, И.Г. Максимова в Белгородской обл., Шебекинском р-не, с. Суркове, 1995. ЦФЭ 778—20 (соло), 777—22 (наложение). Исп. Ф.В. Астапова, 1913 г.р.

Пример формирования песенной строфы с припевом показывает запись, сделанная неподалеку в с. Терновом Корочанского р-на Белгородской обл. в 1998 г., ЦФЭ 775—33, поет Т.Г. Калашникова, 1924 г.р.:



Кузьма-Демьяну Бог нам дал,
Ой Бог нам дал, Бог нам дал!

Двух молодёнов Бог нам дал,
Ой Бог нам дал, Бог нам дал!

Двух порожённых Бог нам дал,
Ой Бог нам дал, Бог нам дал!

Двух хрещёных Бог нам дал,
Ой Бог нам дал, Бог нам дал!..

Вариант: Села Купино и Б. Городище, с. 69—70. Далекий вариант: Село Завгороднее, № 12 а.

110. Кузьма-Демьяна, ***ладо мое*** — заклинательная песня-зачин всего цикла обрядовых песен, "девишная, когда учиняют каравай", при замешивании теста тремя девушками днем в субботу перед свадьбой.

Записали В.Г. Иванова, А.Н. Иванов в Воронежской обл., Острогожском р-не, с. Русская Тростянка, 1984. Архив собирателей. Исп. А.Т. Бражникова, 1909 г.р., Ф.М. Бражникова, 1918 г.р., Е.У. Бражникова, 1928 г.р., А.И. Лахина, 1906 г.р., П.С. Рассохина, 1917 г.р., Н.С. Уварова, 1914 г.р., А.С. Халахолина, 1931 г.р. Стихи 12, 13 наговорены. Пробные звукозаписи от трех певиц менее удачны.

Вариант см. в **примеч.** к № 400.

111. Ой Кузьма-Демьяна, ***Боже мой*** — заклинательная песня-зачин всего цикла обрядовых песен, на "запое" (просватанье), / **Ой усе ж и гости в мене собраны** — причитание невесты-сироты, исполняется одновременно с песней.

Записали С. Вербицкий, В. Румянцев, Ю. Тарасевич в Калужской обл., Людиновском р-не, с. Черный Поток, 1972. ФФ МГУ 72/59—05; ФП МГУ 03 : 8864-8865. Исп. А.К. Буркина, 56 л., Е.К. Буркина, 70 л. Вариант последнего стиха в другой записи от них же: "На дочерей на лебедушек" (ФП 03 : 1264). Причитание записано на мгф. отдельно от песни, что и отражено в нотировке. Поэтические тексты даны в параллельном изложении. Единообразные по их мелодическому материалу, но различающиеся в плане формы причитание и песню в их наложении друг на друга сравн.: № **275**.

Записанный там же вариант песни, ФП МГУ 04 : 0206, исп. А.С. Андронова, 72 л., Н.В. Андронова, 66 л., А.Е. Ерохина, 66 л.:

Кузьма-Демьяна, *Боже мой,*
И двух порожденных, *Боже мой,*
И Ваню, и Таню, *Боже мой!*
Скуйте нам, Боже мой, свадебку
На житье-бытье и на богатство,
На сынов — ясных соколов,
На дочерей — белых лебедей!

Близкий вариант из д. Куявы Людиновского р-на, ФП МГУ 04 : 1264, в исполнении И.Е. Фроловой, 72 л.: Обрядовая поэзия: Кн. 2. Семейно-бытовой фольклор/Сост. Ю.Г. Круглов. М., 1997, № 426 — (Б-ка русского фольклора. Т. 3). Далекий вариант поэтического текста: Калужск., с. 104. Частичное и, может быть, случайное совпадение: СТУСЛП, № 534.

Далекие варианты № **109—111**: Киреевский, № 828; Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П.В. Киреевского. М., 1968, с. 202; *Добровольский В.Н.* Песни Дмитровского у. Орловской губ.//Живая старина, 1905, № 3—4, с. 375; Смоленский этнографический сборник/Сост. В.Н. Добровольский. Ч. 2. СПб., 1893, с. 37; Московская земля, с. 77; Севская свадьба, № 31, 32; Село Сенное, № 54. Сравн. некоторые детали в заклинательных песнях: Киреевский, № 125, 496; Шейн, № 1513, 1825—1827, 1911, 1984; Поозерье, № 79; Псковская обл., № 237; Сланцевская свадьба, № 45, 82.

112. Не было ветру — навеяло — песня у невесты при встрече гостей перед началом "сватовства" (первый свадебный вечер накануне дня венчания).

Записали Костюхина, Моисеева (и.о. не указаны) в Архангельской обл., Ленском р-не, с. Слободчикове, 1973. ФФ МГУ 73/21—01; ФЭ МГУ 09 : 7331-7332. Исп. Л.А. Успасских, 1914 г.р. Напев в ансамблевом исполнении см. № 113.

113. Не было ветру — навеяло — песня на начало "сватовства" (первый свадебный вечер накануне дня венчания) "при приезде жениха в дом невесты".

Записали А.И. Нестеров, Т.В. Шмелева, О.Н. Щуплова в Архангельской обл., Ленском р-не, д. Фоминской Козьминского с/с, 1973. ФФ МГУ 73/12—17; ФЭ МГУ 09 : 7212-7213. Исп. Е.А. Быкова, 66 л., Е.Г. Гладышева, 59 л., Н.А. Ивина, 77 л., Н.И. Крюкова, 69 л., М.А. Морозова, 53 л.

Вариант с другим зачином, сближающим песню с сюжетом типа № **298**, записал В.Н. Кочетов в д. Вандыш Слободчиковского с/с, ФЭ 09 : 7366-7368, исп. Н.Т. Бережная, 62 л., М.Е. Кузнецова, 58 л., М.В. Куриленко, 70 л., М.П. Лобанова, 61 г., М.Т. Моденова, 69 л., Н.Т. Сафронова, 67 л., О.Т. Сафронова, 54 л.:

Во лузях вода, во лузях вода *да*
Разливается *да*, разливается *ой да*,

С бережками *да*, с бережками
Вода ровнялася, вода ровнялася *ой да*,

С крутенькимя *да*, с крутенькимя *да*
С бережочками, с бережочками *ой да*,

С желтенькимя *ой да*, с желтенькимя *да*
Со песочками *да*, со песочками *ой да*.

Вьюн-от по воде *да*, вьюн-от по воде *да*
Извивается *да*, извивается *ой да*[1],

Дружки у ворот *да* увиваются *ой да*,
Князев у широких в избу просятся *ой да*:
"Пустишь ли, Виталий, во дому-то постоять? *Ой да*,
Пустишь ли, Григорьевич, во широком погулять?" *Ой да* —
"У меня в дому *да* стоять не на чем *ой да*,
У меня в широком гулять не по что. *Ой да*,
У меня Галинушка не выросла *ой да*,
У меня Витальёвна не выдозрела *ой да*,
Белоё лицо *да* не наполнилосё *ой да*,
Русая коса *да* не отрощенная *ой да*,
Тонкие полотна не выбелены *ой да*,
Шитые шириночки не вышитые".

Вариант: Яренские песни, № 4, где песня состоит из двух частей и продолжается следующим образом: "Окованы сундуки не наполнены стоят...", далее повторяется с начала с соответствующими изменениями:

Ох у меня в дому, у меня в дому
Стоять есть на чем, стоять есть на чем,

У меня во широком, у меня во широком
Глядеть есть на кого, глядеть есть на кого... И т. д.

[1] Регулярное повторение в крупномасштабном стихе каждой из составных частей далее не приводится.

Сравн.: Шейн, № 1753, СТУСЛП, № 17, 430; Сибирь I, № 64, 65; Сибирь III, № 299; Углицкие песни, № 50, 51; Челябинская обл., № 22; *Травина И.К.* Русские народные песни родины П.И. Чайковского. М., 1978. № 32. Зачин № **112, 113** чрезвычайно характерен для свадебной поэзии в целом и относится к числу обязательных в песнях лирических (в нашей подборке см. № **227, 228,** сравн. также с № **199**) и величальных (№ **414**).

114. На улице дожди дожжат — песня невесты на одаривание гостей со стороны жениха в первый свадебный вечер накануне дня венчания.

См. № 112. ФФ МГУ 73/21—03; ФЭ МГУ 09 : 7335.

Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 1170; Шейн, № 1551 (с 20-го стиха); Вятск., № 115.

115. Наезжали, наезжали ясные соколы — песня девушек перед началом "вечерка" на одаривание гостей-"женихов".

Записали Н.И. Савушкина, Е.И. Яцунок (Токарева) в Карелии [Карельская АССР], Лоухском р-не, с. Кереть, 1968. ФФ МГУ 68/65—04. Исп. М.П. Чумичева, 65 л., Н.П. Юрьева, 69 л. Звукозапись кончается на 12-м стихе. Далее поэтический текст и сопроводительное описание приводятся по ФЭ МГУ 07 : 4657-4658.

Варианты: ЛРС, № 50, 51; Карельское Поморье, № 157; Поморье, № 33; Села Колежма и Нюхча, с. 155—156; Тер. б-г Белого моря, № 15, 16; Чердынская свадьба, № 153.

116. Уж ты беленький лебедек — песня девушек "в воротах" на начало девишника, может соединяться с причитанием невесты, вышедшей на крыльцо.

Записал А.Н. Иванов в Белгородской обл., Валуйском р-не, с. Подгорном, 1980. Архив собирателя. Исп. Д.Д. Лифенцова, 1902 г.р., Е.Д. Лифенцова, 1912 г.р., П.И. Лифенцова, 1903 г.р. Причитание невесты, встречающей подруг, певицы не знали.

Отдельные детали сравн.: Воронежская обл., № 61. Варианты зачина см. № **290**.

117. Воля, воля, девушки, у родна батюшки — песня девушек, **И спасибо тебе, посол** — причитание невесты ("голошение", вставками между стихами песни) — комбинированная форма, исполняется в начале вечернего девишника в субботу.

См. № 110.

С чуть более развернутым поэтическим текстом песня приближается к необрядовой лирике в варианте из с. Россошки Репьевского р-на Воронежской обл., ЦФЭ 276—05, в звукозаписи песня сопровождается двойным причитанием (невесте и ее матери полагалось причитать одновременно, см. № 20 б), поется на девишнике, как и № 117:

Ох волюшка ты, волюшка, ох воля батюшки,
Е-е ох да, ох воля батюшки.

Ох негушка ты, негушка, ох нега матушки,
Е-е ох да, ох нега матушки.

Ох и как мне, девушке, ох про волю забыть?
Е-е ох да, ох про волю забыть?

Ох успомню про волюшку, ох слезою зальюсь,
Е-е ох да, ох слезою зальюсь.

Ох успомню про негушку, ох никак ню (у)воймусь,
Е-е ох да, ох никак ню (у)воймусь.

118. Ох всем-те, девицы — заклинательная песня, **У Ивана на дворе** — речитатив, **Да спасибо тебе, батюшка** — причитание ("голошение") невесты (исполняется одновременно с песней). Комбинированная форма исполняется в конце ужина на вечернем девишнике.

Записали (на семь мгф. каналов) А.Н. Иванов, В.Н. Медведева в Москве, 1983. Архив А.Н. Иванова. Исп. жен. ансамбль из хуторов Большовского с/с и с. Больше-Быково Белгородской обл.: А.Т. Япринцева, 1912 г.р., запевает (прожив. на х-ре Япрынцев Редкодуб Большовского с/с), М.Т. Толмачева, 1916 г.р., причитает (проживают на х-ре Большое Большовского с/с), П.Т. Капустина, 1920 г.р. (прожив. на х-ре Большое), А.Т. Капустина, 1914 г.р. (прожив. в г. Острогожске Воронежской обл.) — все родились на х-ре Большое, А.Я. Юрина, 1921 г.р., Т.Е. Япринцева, 1917 г.р., Н.Б. Давыдова, 1918 г.р. (все проживают в с. Больше-Быково Красногвардейского р-на Белгородской обл.), М.К. Япринцева, 1914 г.р. (род. в с. Больше-Быково, проживает на х-ре Япрынцев Редкодуб). У этого же ансамбля в одной из звукозаписей 1981 г., наиболее приближенной по тонусу к реально длящемуся эпизоду в ритуале, звуковысотная интервалика между причитанием и пением шире на целый тон, чем в публикуемой нотировке.

Вариант заклинательной песни: Село Завгороднее, № 19. Отдельные детали сравн.: Тульск. обл., № 109. Поэтический текст речитатива сравн.: *Добровольский В.Н.* Песни Дмитровского у. Орловской губ., с. 383. Вариант напева: Усердская сторона, № 104. Слова причитания сравн.: Шейн, № 1888—1890, 2012, 2251.

119 а) Да баслови, Боже й, *ладо ладо*, б) Я тебе, каравай, валю — заклинательные однострофные песни "на вечерине" при замешивании теста и лепке каравая.

См. № 40. ЦФЭ 270—04.

Сравн.: Киреевский, № 398, 479, 482, 676; Шейн, № 1840; Московская земля, с. 139.

120 а) Да валю, валю каравай ли, б) Э вы ребята холосты — "каравайные" песни на девишнике, когда девушки лепят тесто и становят каравай в печь.

Записали Т.Б. Зубова, В.Н. Медведева, А.Н. Иванов в Белгородской обл., Красногвардейском р-не, д. Кулешовке, 1978. Архив А.Н. Иванова. Исп. А.И. Васильева, 1912 г.р., М.Н. Гамонина, 1906 г.р. (запевает), П.И. Ерыгина, 1906 г.р., Т.М. Лукинова, 1905 г.р., А.Н. Нагибина, 1909 г.р., П.М. Чусова, 1909 г.р. В напеве (**а**) интервальное соотношение между звуковысотами неустойчивых нижних ступеней иногда меняется от строфы к строфе, но сохраняется внутри строфы. В условиях уменьшенного звукоряда запевала в каждой строфе выбирает одну из двух возможных нижних ступеней. Певческий ансамбль придерживается того или иного интервального ориентира, предложенного запевалой. В песне (**а**) случайно пропущенные во время звукозаписи стихи 7, 8 вставлены по указанию запевалы. Вариант в соседнем с. Подгорном Валуйского р-на:

Да подуй, подуй, ветер,
Да й со чистого поля,
Да й со синего моря
Да й у нашу светлицу...

В песне (**б**) вариант в четвертой строфе: "Каравай белы ручки попек".

121. Господи, благослови, *ладо мое* — "каравайная" заклинательная песня при испечении каравая.

См. № 32. Исп. жен. ансамбль из 4 чел., запевает В.Н. Серикова, 1909 г.р.

Вариант окончания: Усердская сторона, № 106. Далекие варианты: Киреевский, № 452, 883; Шейн, № 1840—1842, 2076; Московская земля, с. 78, 79, 139, 314; Село Завгороднее, № 3.

122. Уставайтя вы, девушки — песня девушек, ночующих у невесты, "первая с утра на девишнике", когда они поднимаются и готовятся делать украшения для свадебного поезда, плести для невестиной косы плетеньки.

Записала И.В. Новичкова в Белгородской обл., Красненском р-не, с. Хмелевом, 1992. ЦФЭ 402—11. Исп. А.А. Колосова, 1928 г.р. Напев соответствует № 275.

123. Девушки-подружки, вставайте — песня девушек перед тем, как они начинают плести плетеньки на заре в день свадьбы.

Записали (на пять мгф. каналов) А.Н. Иванов, И.В. Новичкова, М.И. Рыжова, С.Н. Старостин, А.В. Шимчук в Белгородской обл., Красненском р-не, с. Ново-Уколове, 1993. ЦФЭ 573 (стерео)—23, 574 (стерео)—23, 580—13, а также 584—12 (общее звучание ансамбля). Исп. А.И.Астанина, 1918 г.р., А.С. Мосина, 1924 г.р., М.И. Разинькова, 1932 г.р., М.А. Стрекозова, 1933 г.р., Т.Н. Черньшева, 1923 г.р.

124. Дверцы мои дверцы, придверцы — песня девушек с утра "на посаде" во время изготовления плетенек.

Записали О.В. Величкина, А.Н. Иванов в Белгородской обл., Красненском р-не, с. Богословка, 1991. ЦФЭ 293—03. Исп. М.А. Мальцева, 1934 г.р., М.А. Мальцева, 1926 г.р., М.П. Мальцева, 1936 г.р., А.Г. Переверзева, 1928 г.р. (запевает), М.Ф. Теплова, 1937 г.р., Н.А. Фролова, 1930 г.р. С 9-го стиха слова наговорены.

Далекие варианты: Киреевский, № 642; Обь/Иртыш, № 126; Севская свадьба, № 139; Село Сенное, № 52/2.

125. *Ю ладо!* На море галка — песня девушек, одевающих невесту к приезду свадебного поезда.

См. № 124. ЦФЭ 288—14. Исп. М.А. Мальцева, 1934 г.р. (запевает), М.А. Мальцева, 1926 г.р., Е.Т. Мальцева, 1926 г.р., М.Г. Переверзева, 1935 г.р., Н.А. Фролова, 1930 г.р.

126. *У ладо*, на море галка — песня девушек, одевающих невесту к приезду свадебного поезда.

Записали О.В. Величкина, В.Г. Иванова, А.Н. Иванов в Белгородской обл., Красненском р-не, с. Расховец, 1993. ЦФЭ 635—02. Исп. А.М. Капустина, 1912 г.р. (запевает), М.П. Скорых, 1912 г.р.

Вариант: Села В. Мамон и Россоши, № 38. Зачин № **125, 126** сравн.: № **260 а, б**.

127 а) Свашунька гоголушка, б) На дворе имга пала — песни девушек во время укладывания волос и покрывания невесты свахой к приезду свадебного поезда.

Записали А.В. Золотарева, А.Н. Иванов, В.В. Пазынин в Белгородской обл., Ивнянском р-не, с. Березовка, 1998. ЦФЭ 922—03, 915—26. Исп. **а)** М.К. Бочарова, 1926 г.р., М.В. Ракзина, 1927 г.р., М.Г. Силина, 1927 г.р.; **б)** П.Д. Кобзева, 1913 г.р. В песне (**а**) вариант 8-го стиха: "Под косирчатым окном". В пении звуковысота "до" занимает положение нейтральной терции. Напев песни (**б**) соответствует № 349, только без припева (то же см. № 170 а, в, г, 491) и без деления на строфы.

Песню (**а**) сравн. с причитаниями № **32, 33**. Некоторые детали песни (**б**) сравн.: Киреевский, № 355; Севская свадьба, № 62; Тульская обл., № 18 (конец).

128. Ох Сергей да то Викторович — песня у жениха на проводах свадебного поезда к невесте.

См. № 110. Связанный с проводами свадебного поезда отрывок без перерыва в этой же звукозаписи, сравн. с началом песни № **160**:

Как погнулися сенюшки,
Да не так они гнутся,
Да не так они гнутся,
Ох не так они гнутся,
Как вина не напьются,
Как вина не напьются!

129. Не рано, не рано по заре — песня у жениха на проводах свадебного поезда к невесте.

См. № 120. В хоровой части каждой строфы строй поднимается на полтона и более, обычно до уровня первой звуковысоты в последующем запеве. Постоянное использование в запевах элемента уменьшенного звукоряда служит для удобства регулярного возвращения к исходной высоте звучания.

Варианты: Калужск., с. 96; Севская свадьба, № 131; Село Сенное, № 52/5.

130. Летели голуби через дом — песня посыльным от жениха к невесте во время ее сборов к отъезду, "когда от жениха приходили к невесте, садились за стол".

Записали С.М. Респина, Н.А. Лященко в Калужской обл., Тарусском р-не, с. Хлопове, 1983. ФЭ МГУ 05 : 8262-8263. Исп. П.Д. Елисеева, 1902 г.р.

Варианты: Киреевский, № 522, 649; Шейн, № 1848, 1871, 2066, 2080; *Астров Н.* Крестьянская свадьба в с. Загоскине Пензенского у. //Живая старина, 1905, № 3—4, с. 432, № 1 («Летел сокол через терем-дом»); Московская земля, с. 141, 142.

131. За горою каменною — песня во время перевоза невестиного "сундука" (дары, постель, рукодельная часть приданого) в дом жениха вечером накануне свадьбы.

Записали (на пять мгф. каналов) С.Б. Буцкая, Л.М. Чернова, А.Н. Иванов в Курской обл., Льговском р-не, с. Марица, 1991. ЦФЭ 229—09, 231—10, 233 (стерео)—09, 235—06. Исп. Е.И. Бушина, 1925 г.р., П.А. Бушина, 1928 г.р., В.З. Ларина, 1914 г.р., В.Д. Романова, 1928 г.р., Е.П. Фомина, 1914 г.р.

Характерная для свадебных традиций юго-запада России строфическая форма напева с повторением стиха в ритмически выровненных слоговых длительностях и с двойным рефреном. Ранняя публикация напевного варианта с этим же начальным стихом: *Одоевский В.Ф.* Напевы русских песен, записанные кн. Вл.Ф. Одоевским, № 36 //Вестник Общества древнерус. ис-ва, 1876. № 11, 12. Похожие элементы зачина в других песнях: № **291, 385**. В поэтическом тексте угадываются мотивы одной из широко бытовавших песен на проводах невесты, см. № **299** ("Я вам не клюшница... а я клюшница лютому свекру"). Однако наш вариант по местному обряду связан с исполнением своих обязанностей замужней сестрой, но не самой невестой. Вариант: *Руднева А.В.* Песни села Плехово Суджанского р-на Курской обл. //Русские народные песни в многомикрофонной записи. М., 1979, № 8, с. 61—64, см. с 17-го стиха: "А стой, сестра, ключи увезла...".

132. Из дубровы зеленой — песня пожилых соседок-наблюдательниц на улице вечером на пути жениха к венчанию, обычно в субботу накануне свадьбы.

Записала Л.М. Чернова в Курской обл., Льговском р-не, х-ре Красный Пахарь Марицкого с/с, 1991. ЦФЭ 221—15. Исп. Ф.Е. Карамышева, 1909 г.р. (запевает), Ф.К. Бушина, 1915 г.р. Нотировано на тон выше реального звучания. Вторая строфа напета дважды подряд, нотирован дубль.

Сходными словами на другой напев (соответствует № 140 б) подруги-игрицы провожают невесту в церковь:

Спешит, спешит зорька, спешит, спешит серая
и к темному лесу.

Спешит Федосьюшка, спешит Амельяновна
и к Божьему суду,

И к Божьему суду, к Божьему венчанью.

Далекий вариант: Донец-Дон, № 192. Сравн. там же № 231. Отдельные детали: Киреевский, № 630; Севская свадьба, № 71; Сибирь II, № 294, 295.

133. Стояли попы на Йорданью — песня невесте на улице после венчания, в процессии, направляющейся за предбрачным угощением к дому жениха.

Записали Г.Я. Сысоева, И. Ковалева, Т. Шмыкова в Воронежской обл., Каменском р-не, с. Татарине, 1994. ЦФЭ 688—16 а ("общий" мгф. канал), 691—06 а ("скользящий" мгф. канал с поочередным выделением голосов). Исп. Н.М. Андреянова, 1928 г.р., А.А. Болдырева, 1930 г.р., Е.С. Болдырева, 1930 г.р., А.В. Дешина, 1938 г.р., М.В. Острикова, 1925 г.р., А.М. Сапрыкина, 1927 г.р. В нотах на нижней строке выписан голос с выделенного мгф. канала.

Вариант: Донец-Дон, № 236. Сравните с вариантом жениху там же, № 232 и 235.

134. Не крушин мос дерева — песня девушек у невесты, последняя на посаде, когда "уже за молодою едут", и дозорные приносят весть о приближении свадебного поезда или его отправлении с женихова двора.

Записал А.Н. Иванов в Белгородской обл., Красногвардейском р-не, с. Валуйчик, 1979. Архив собирателя. Исп. жен. ансамбль из 4 чел., запевает А.М. Савинова, 1913 г.р. Запевала настаивала на том, что надо все время петь "*с отрывами*" (обрывая смежные стихи внутри каждой строфы), наподобие четвертой строфы (см. ноты), пропетой верно.

Вариант с развитой концовкой, записанный в с. Березовка Ивнянского р-на в 1998 г. от П.Д. Кобзевой, 1913 г.р., ЦФЭ 915—24:

Вот Лида батюшке
Давно говорила,
Давно ж говорила,
Говорила не таила,
Да говорила не таила,
Всю правду казала,
Всю правду казала:
"Ох да желанный батюшка,
Выйди за вороты,
Ты стань ко верейке,
Упань на коленки ж
Да ко сырой земельке:
Не стучит ли земля,
Не гудут ли копыты,
Да не едут бояре,
Не везут ли разлуки,
Разлуки великой,
Расплёт да русой косы,
Потерять своей красы,
Да красы вот девичей,
Воли вот батюшкиной
Да неги мамушкиной?"

Далекие варианты: Донец-Дон, № 193; Сибирь II, № 221; Сибирь III, № 295. Сравн.: № **161**.

135. Да тёмно, хмарно у лесе — песня девушек за столом у невесты, когда свадебный поезд подъехал к воротам.

Записали А.Н. Иванов, В.Н. Медведева в Белгородской обл., Вейделевском р-не, с. Долгом, 1979. Исп. В.Я. Климова, 1915 г.р. (запевала), А.М. Лаврова, 1920 г.р. (род. в с. Подгорном Валуйского р-на), А.А. Петрова, 1914 г.р., М.Л. Шумская, 1909 г.р. Нотировано на тон ниже реального звучания.

Варианты: Московская земля, с. 135; Обь/Иртыш, № 80 (первые шесть стихов); Севская свадьба, № 13; Село Завгороднее, № 14; Село Сенное, № 52/4; Сибирь III, № 246. Далекие варианты: Донец-Дон, № 9 (текст в шесть стихов, когда сваты "бьют по рукам"), 212 (текст в пять стихов брату невесты). Близкий зачин имеет в нашей подборке песня № **219**. Окончание сравн.: Шейн, № 2107.

136. Воин, воин Михайлушка — песня при встрече свадебного поезда на дворе у ворот невестиного дома, "как под двор подъезжают".

Записала Л.М. Чернова в Курской обл., Суджанском р-не, с. Спальном, 1992. ЦФЭ 565—01 на второй стороне. Исп. М.А. Гранкина, 1930 г.р., У.Л. Гуляева, 1926 г.р., Ф.Л. Ларина, 1922 г.р., Е.Д. Щербинина, 1930 г.р. Слова последней строфы наговорены, обычно местные варианты заканчиваются словом "совенчати" (в нашем тексте "солучати"). Примечание Е.А. Лаптиной, 1911 г. р., к 3-му стиху песни: "Ежли тестя нема: «под тещин двор», если тещи нема, а сестра есть: «под нянин двор»".

Сравн. с новогодней поздравительной песней: *Дубравин В.В.* Русские календарные песни на Украине. М., 1974. № 3. — (Из коллекции фольклориста).

137. В нас во поле во чистому туман туманея — песня девушек у невесты в доме, когда подъезжает свадебный поезд.

Записали А.Н. Иванов, В.Н. Медведева в Белгородской обл., Алексеевском р-не, с. Иловка, 1979. Архив А.Н. Иванова. Исп. Д.С. Евдокимова, 1913 г.р., А.И. Коробова, 1913 г.р., А.И. Черникова, 1908 г.р. С 9-го стиха слова наговорены. Сопроводительный текст взят из экспедиционной тетради.

Далекие варианты: Шейн, № 2108; Донец-Дон, № 178; Обь/Иртыш, № 143; Село Завгороднее, № 10; Обрядовая поэзия: Кн. 2. Семейно-бытовой фольклор/Сост. Ю.Г. Круглов. — М., 1997, № 807 — (Б-ка русского фольклора. Т. 3). Конец сравн.: Киреевский, № 656; Новгородск. ф-р, № 405.

138 а) Конь бежит, головой вертит, б) Наехали дружки купавы — песни девушек в доме невесты при встрече свадебного поезда ее отцом у ворот.

Записали Н.И. Савушкина, А.И. Нестеров в Архангельской обл., Пинежском р-не, д. Язворе Лавельского с/с, 1972. Песня (**а**): ФФ МГУ 72/39—09. Исп. А.В. Власова (возр. не указан), А.Ф. Дунаева, 61 г., А.А. Дурынина, 72 л. Напевный вариант при увеличении количественного состава ансамбля (в нотах см. стих 3 а, исп. указаны в № 148): ФФ МГУ 72/42—10, начало отсутствует, напет фрагмент сразу с 3-го стиха. Песня (**б**): ФЭ МГУ 09 : 4252. Из песни (**б**) напет короткий отрывок, напев соответствует № 148.

Варианты песни (**а**): ЛРС, № 236; Пинежье, № 73, прилож., № 9; Сев. Двина, № 28. Сравн.: Новгородск. свад., № 34. Близкий поэтический образ в зачине: № **155, 379**.

139 а) Во тьсовых воротах там горы крутые, б) Налетели гуси из чистого поля — песни поезжан и хозяев, когда "по девку приедут".

Записала И.Н. Райкова (Бартюкова) в Калужской обл., Куйбышевском р-не, д. Зимницы, 1985. ФФ МГУ 85/22—13, 15; ФЭ МГУ 14 : 8740-8742. Исп. Н.Е. Гришнова, 1924 г.р., М.С. Холькина, 1901 г.р. Начало нотировано на полтора тона выше уровня реального звучания. Строй постепенно повышается на два тона.

Варианты песни (**а**): Киреевский, № 644, 813; Севская свадьба, № 133; Село Завгороднее, № 24 а; Село Сенное, № 49/20; Тульская обл., № 48; Обрядовая поэзия: Кн. 2. Семейно-бытовой фольклор, № 470 («Хорошо горох сеять», текст оформлен в виде ложных строф с границей поперек настоящей формы строфы). Начало сравн.: Шейн, № 2043.

140 а) ***Ох у ладо!*** **Воротички скрыпят, б) Дружко по избе ходит, у печь заглядает** — песни девушек у невесты за столом, от момента прибытия свадебного поезда до начала торгов с дружком за место для молодых за столом.

См. № 131. ЦФЭ 228—04, 05, 230—05, 06, 232—06, 234—05, 06.

Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 575; Донец-Дон, № 185; Обь/Иртыш, № 103, 125; Севская свадьба, № 148, 150, 161; Село Завгороднее, № 17; Село Сенное, № 49/23; Сибирь III, № 180; Томская обл., № 16.

141. Дружко-богатина, купи ў нас местечко — припевка девушек во время торга с дружком за место.

Записали М.М. Крюкова, И.Г. Максимова, А.Н. Иванов в Белгородской обл., Шебекинском р-не, с. Нижнее Березово 2-е, 1995. ЦФЭ 774—26. Исп. А.Е. Мишнева, 1912 г.р., Р.С. Польщикова, 1925 г.р.

Вариант: Села Купино и Б. Городище, с. 57, 58.

142. Дружко-богатина, купи у нас косу — припевка девушек во время торга с дружком за "косу".

Записал А.Н. Иванов в Белгородской обл., Губкинском р-не, с. Истобном, 1997. ЦФЭ 904—17. Исп. М.З. Кретова, 1911 г.р. По ее указанию в текст вставлены пропущенные во время звукозаписи 9, 14, 15-й стихи. Вариант 11-го стиха: "десяточков восемь". Нотировано на полтора тона выше реального звучания.

143. Дунул ветерок, дунул буйненький со чистого поля — песня в доме невесты, когда дружко заводит за стол молодых и показывает жениху невесту, "раскрывает" ее.

Записали О.В. Величкина, А.Н. Иванов в Воронежской обл., Острогожском р-не, с. Ездочном, 1991. ЦФЭ 292—01. Исп. М.Т. Водопьянова, 1920 г.р., М.П. Лисицына, 1921 г.р., А.П. Полупанова, 1925 г.р., М.П. Сухинина, 1912 г.р. 9-й стих наговорен.

144. Не проси, Татьянушка — заклинательная песня сватий перед прощальным благословением невесты родителями. Обычно поется двумя жениховыми родственницами.

Записал А.Н. Иванов в Курской обл., Дмитриевском р-не, с. Поповкине, 1984. Архив собирателя. Исп. С.И. Каширина, 1913 г.р.

Прошение о благословении в песне № **144** и в причитаниях № **44, 45 а** является в свадебных традициях одним из самых распространенных клише. Сравн.: Киреевский, № 108, 244, 466, 876, 886; Шейн, № 1550, 1555, 1739, 1852, 1932, 2009[б], 2029, 2217, 2229, 2249[б]; Истомин-Ляпунов, № 13, с. 77; Вятск., № 112, 123 (оба текста в песенной двухстиховой форме); Донец-Дон, № 93, 170, 198; Московская земля, с. 87, 104, 143, а также № 63; Новгородск. ф-р, № 492; Поволжье, № 968; Сибирь II, № 407. Также см. конец песни № **269**.

145. Вот Марьюшка Богу молится — песня во время благословения невесты родителями.

Записали (на шесть мгф. каналов) О.В. Величкина, Е.А. Краснопевцева, А.Н. Иванов в Курской обл., Суджанском р-не, с. Плехове, 1990. ЦФЭ 149—07, 150—11, 151—16, 152—15, 154—01, 155—07. Исп. Т.Т. Басова, 1931 г.р., М.И. Затолокина, 1937 г.р., М.А. Ламанова, 1931 г.р., Е.И. Моторыкина, 1931 г.р., М.С. Яковлева, 1946 г.р., Г.А. Забелин, 1918 г.р. Нотировано на полтора тона выше реального звучания.

Далекие варианты сравн.: Новгородск. ф-р, № 356; Обь/Иртыш, № 4, 27 а на с. 43, № 68.

146. Не павиная перо — песня, **И прости мене, батюшка** — причитание (в перерывах между песенными строфами, многократно повторяемыми). Комбинированная форма во время благословения невесты родителями.

См. № 110. Напев соответствует № 110. Напев причитания см. № 117.

Вариант: Село Завгороднее, № 17 б; Далекие варианты: Киреевский, № 486, 565, 629.

147. Да Евгений Валентину — заклинательная песня в момент передачи невесты жениху.

Записали И.В. Одинцова, Н.И. Савушкина в Архангельской обл., Пинежском р-не, д. Кушкопале, 1972. ФФ МГУ 72/10—11. Исп. У.Е. Григорьева, 64 л., У.И. Постникова, 74 л.

Вариант: *Колпакова Н.П.* Свадебный обряд на реке Пинеге//Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Вып. 2. Л., 1928, с. 141.

148. Золото с золотом свивалось — заклинательная песня с элементами величания при благословении молодых родителями невесты.

Записали В.В. Варганова, Т.В. Шмелева, А.И. Нестеров в Архангельской обл., Пинежском р-не, д. Явзоре, 1972. ФФ МГУ 72/40—07 б. Исп. А.В. Власова (возр. не указан), А.Ф. Дунаева, 61 г., Е.А. Дунаева, 60 л., А.А. Дурынина. 72 л., Н.Н. Дурынина, 72 л., П.Д. Дурынина, 56 л., П.К. Дурынина, 59 л., Т.И. Южакова, 60 л. Звукозапись сделана во время инсценировки старинного свадебного обряда в клубе; пение прерывается на 8-м стихе пояснениями насчет происходящего в данный момент. Сопроводительный текст подготовлен по аудиозаписи.

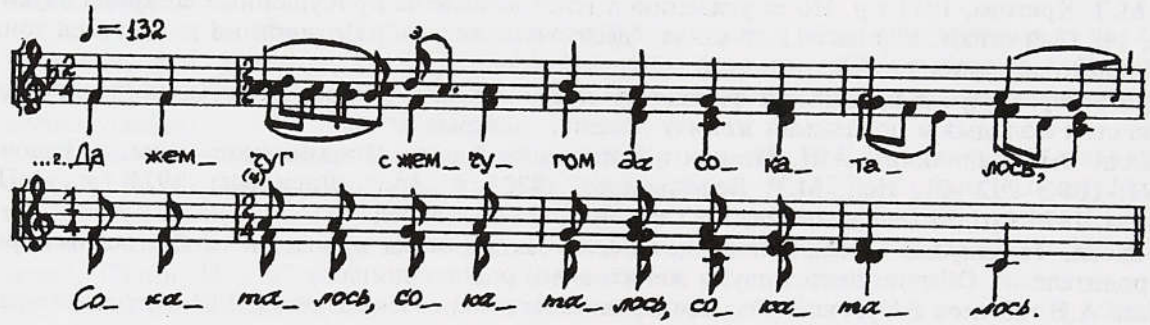
Варианты: Киреевский, № 50 (с 28-го стиха), 57 (с 12-го стиха); ЛРС, № 271, 272 (конец), 286; Печора, № 297, 378; Пинежье, № 89, прилож., № 14; Сибирь III, № 340; Тер. б-г Белого моря, № 31. Отдельные детали: Поморье, № 55; Сев. Двина, № 12.

149. Золото со золотом свивалось (сливалось) —заклинательная песня с элементами шутливого величания: **а)** при благословении молодых отцом невесты поют за деньги "посторонние у дверей", **б)** при вступлении брачующихся на церковное крыльцо.

Вариант **а)** записали И.М. Грабовская, Ю.Н. Чекрыжов в Архангельской обл., Онежском р-не, с. Нименьга, 1965. ФФ МГУ 65/31—04. Исп. К.Е. Кононова, 55 л., Е.К. Ушакова, 61 г. Сопроводительный текст подготовлен по рукоп. ФЭ МГУ 05 : 9158, запись от них там же, и по звукозаписи ФФ МГУ 75/66, сделанной там же от Н.П. Самариной, 75 л. Вариант **б)** записали Т.А. Щепакова и Т.Г. Шуваева, ФЭ МГУ 05 : 7135, исп. А.И. Кононова, 57 л.

150. Ише золото с золотом свыкалось — хороводная песня на проводах к венчанию невесты с женихом.

Записали С.Г. Айвазян, Н.Р. Тимонина (Иванова) в Архангельской обл., Холмогорском р-не, д. Усть-Мехреньге, 1969. ФФ МГУ 69/23—10; ФЭ МГУ 07 : 9721-9723. Исп. Н.А. Анциферова (возр. не указан), П.Д. Анциферова, 60 л. В звукозаписи пропущен 20-й стих, приводится по тетради собир. Вариант напева в репортажной звукозаписи, которую сделали (лишь со 2-й строфы) А. Панков, В.Г. Савинский непосредственно на свадьбе в с. Сельцо этого же р-на, ФФ МГУ 69/23—б/н:



Варианты: Печора, № 297, 378; Сев. Двина, № 34. Сравн.: № **148, 149**. Отдельные детали № **148—150** сравн.: СТУСЛП, № 30, 391; Печора, № 304.

151. Девушки, подружки мои — песня на проводах невесты во дворе.

Записал (наложением на соло) А.Н. Иванов в Белгородской обл., Губкинском р-не, с. Истобном, 1997. ЦФЭ 905—15 (соло), 907—08 (наложение). Исп. Н.Н. Тарасова, 1931 г.р., род. в с. Болховец (ныне пригород Белгорода). Песня с. Болховец.

Варианты: Севская свадьба, № 195; Село Завгороднее, № 14 б; Село Сенное, № 52/6.

152. Ох у ворот бела береза стояла — песня сватий на дворе, когда невеста и жених садятся в свадебный поезд.

См. № 141. ЦФЭ 774—25.

Однотипное окончание встречается в нескольких песнях, сравн.: № **261, 341**. Примеры других окончаний этого песенного сюжета из имеющегося в нашем распоряжении материала. В записи, сделанной в Белгородской обл., Красногвардейском р-не, с. Самарино в 1978 г.:

Э съехала Татьянушка сы двора,
Ой ладо ладо, сы двора,
Ой ладо ладо, сы двора,

Да сломила березушку со верха,
Ой ладо ладо, со верха,
Ой ладо ладо, со верха:

“Постой, моя березушка, не хились,
Ой ладо ладо, не хились,
Ой ладо ладо, не хились.

Оставайся, мамушка, не журись[1].
Побудь, побудь, мамушка, без мене".
Поехала Татьянушка — только след.
По тэй же следочку — только пыль,
По тэй же по пыли — дробный дождь.
Была, была Татьянушка — теперь нет!

В записи, сделанной в Брянской обл., Мглинском р-не, с. Высоком в 1986 г., исп. см. № 176 (каждый стих повторяется, кроме первого и последнего):

Съезжала Машечка со двора,
У-пол[2] березу сломала:
"Стой, моя береза, без верху.
Живи, мой таточка, без мяне,
Без моёй косы русыя,
Без мойво личенька белого.
Мое бело лицо в батьки было.
Чи будя бело у свекра,
А в свекра-свекра, свякровки,
Чи в молодого Петячки?"

В текстах наблюдается двух- и трехсоставная стиховая форма (5+3) сл., (7+5) сл., (3+3+4) сл., (4+4+3) сл.: Киреевский, № 127 ("По двору княгиня гуляла"), 280 ("У ворот, ворот вербочка стояла"), 1167 ("Соломонидушка со терема схаживала", двухчастная композиция с обращениями к отцу и к матери); Шейн, № 1987, 2116 (короткий текст); Донец-Дон, № 228 ("Зеленая роточка — желтый цвет"); Московская земля, с. 131, 132; Новгородск. свад., № 35 (двухчастная композиция); Новгородск. ф-р, № 358 (также двухчастная); Обь/Иртыш, № 82; Орловская обл., № 36; Поволжье, № 1003 и 1006 (конец); Псковская обл., № 216 (с 7-го стиха); Севская свадьба, № 197; Села Купино и Б. Городище, с. 62, 63; Село Сенное, № 52/3 (текст в четыре стиха); Стародубье, № 99; Томская обл., № 88. Далекие варианты: Киреевский, № 184 ("Плакала, тужила Степанида душа", с 11-го стиха), 696 ("Не трубушки трубят", с 18-го стиха), 852; Шейн, № 1821 ("на девичнике в ожидании жениха"), Донец-Дон, № 226; Поволжье, № 742; Рязанская обл., № 8; Сибирь II, № 365 — 368; Сибирь III, № 317; СТУСЛП, № 436, то же самое: Чердынская свадьба, № 142 ("Кругом, кругом солнышко ярко обошло").

153. Валют сосну, валют сосну с кореня долой — песня на отъезд невесты.

Записали Л.Р. Гаямова, М.Н. Ермолаева в Калужской обл., Сухиничском р-не, д. Слизнево, 1976. ФП МГУ 04 : 9485-9486. Исп. М.И. Гришкина, 63 л., А.В. Маркова, Е.Ф. Феногенова (возр. не указ.), М.В. Филина, 69 л. Напев близок № 260.

Вариант: Калужск., с. 162.

154 а) Поезжайте, бояре, б) Не лежи, белый зайка — заклинательная песня на отбытие свадебного поезда, "поет мать невесты, когда девушку увозят в дом жениха", "провожают свадьбу за невестой", "жених и невеста отъезжают к венцу".

См. № 153. ФП МГУ 04 : 9351-9352. Исп. А.И. Ерохина, 70 л., А.И. Жукова, 69 л.

Вариант из д. Азарьево этого же р-на записали Л.В. Авдеева, В.В. Башкеева, ФП МГУ 04 : 9317 обор., со слов М.Ф. Васьковой, 89 л.:

Поезжайте, бояре,
Бог вам на попутье,
Англе провожатый,
Другой — сбережатый!

Не сиди-ка, зайка,
На пути, на дороге,
На лютом на морозе.
Там боярушки едут,
Тебе, зайка, задавят.
А зайке Богу молит:
"Внеси мене, Боже,
Да до темного лесу *ох*,
До крутой до вершине.
Ой там мед-пиво варют,
Там Ивана женют".

Варианты: Киреевский, № 608, 664; Калужск., с. 166. Далекий вариант: Киреевский, № 541. Отдельные детали сравн.: там же, № 425, 630; Калужск., с. 102.

---

[1] Припев с повторением трехслоговой группы каждого стиха далее не приводится. Форма строфы не изменяется.

[2] *У-пол* — пополам (пояснение исп.).

155. Из-под лесику конь бежит — песня на улице во время переезда невесты в дом жениха.

Записала С.П. Сорокина в Калужской обл., Куйбышевском р-не, с. Бутчине, 1984. ФФ МГУ 84 в/35—08, ФЭ МГУ 13 : 6236. Исп. Л.Г. Власова, 1903 г.р., Н.В. Воробьева, 1912 г.р., Т.Н. Ивчина, 1915 г.р. По свидетельству собирательницы, певицы рассердились друг на друга из-за неудачного поначалу выбора имен жениха с невестой. Лександрушку-невесту они указали заменить на Натальюшку и песню до конца не допели.

Зачин сравн.: № **138 а, 379**.

156. Каскоменьски-те улицы узеньки — песня на улице во время перехода (переезда) невесты в дом жениха в другую деревню.

См. № 148. ФФ МГУ 72/43—08-в. Напев соответствует № 148.

Варианты: ЛРС, № 266; Пинежье, № 91.

157. Залетал сокол в зеленый сад — песня у дома жениха при приближении свадебного поезда с новобрачными после венчания.

Записали студенты Костромского ГПИ в Костромской обл, Чухломском р-не, с. Ножкине, 1991. Архив А.К. Корнаухова, с. Судай. Копия снята В.А. Ковпиком в с. Судай в 1993 г., ФФ МГУ 93/32—12, ФЭ МГУ 18 : 9072 обор.-9073. Исп. А.П. Крылова, 1911 г.р.

Отдельные детали сравн.: Киреевский, 204, 227; Шейн, № 1875, 2168; ЛРС, № 276, 278; Донец-Дон, № 11, 238; Новгородск. свад., № 44; Новгородск. ф-р, № 349; Пинежье, № 96; Сибирь II, № 469, 470; Сибирь III, № 357; СТУСЛП, № 398. Зачин сравн.: № **213, 214**.

158. Помалу, помалу, бояре — песня сватий, родственниц жениха в свадебном поезде, "когда увозят невесту бояре".

См. № 120. Вариант во второй строфе: "А мы своих коников". Нотировано на тон выше реального звучания.

159. Наши братцы-ловцы ездили на охоту — песня сватий, родственниц жениха во время перевозки из дома невесты брачной постели.

Записали А.Н. Иванов, В.Н. Медведева в Ставропольском крае, Кировском р-не, ст-це Марьинской, 1983. Архив А.Н. Иванова. Исп. Н.Ф. Бадулина, 1929 г.р., Н.Я. Баранник, 1922 г.р., А.А. Берестева, 1923 г.р., А.Ф. Гаркавенко, 1928 г.р., В.А. Жидовкина, 1924 г.р., М.И. Курилова, 1915 г.р., Н.С. Кугучкова, 1930 г.р., В.А. Моргашова, 1936 г.р., Н.С. Мочалкина, 1928 г.р., Н.С. Онищенко, 1927 г.р., Н.М. Рассказова, 1938 г.р., Е.П. Сыроватко, 1930 г.р.

160. Погнулися сени, как бояря сели — песня при встрече новобрачных у дома жениха: утром после венчания и вечером по возвращении свадебного поезда при переезде новобрачной в дом жениха; также и при встрече их родителями невесты в следующее воскресенье после свадьбы, когда молодые приходят в гости "на яишню". Поют встречающие.

См. № 137.

Варианты: Донец-Дон, № 180; Сборник русских народных песен Тульской губернии, составленный В. Свечиной-Кишенской для одного гол. с фп. Киев, 1911. № 8. Зачин и отдельные детали сравн.: Шейн, № 2101; Севская свадьба, № 48, 49, 77; Сибирь III, № 175; Обрядовая поэзия: Кн. 2. Семейно-бытовой фольклор, № 624. В нашей подборке см. **примеч.** к № 128. Вариант напева с другим поэтическим текстом: Усердская сторона, № 98.

161. Иванушкина матушка, выйди за ворота — песня поезжан, родственников жениха, которая поется при подъезде свадебного поезда с новобрачными к дому.

См. № 151. ЦФЭ 903—12 (соло), 904—05 (наложение). Нотировано на тон ниже реального звучания. Вариант напева во вдвое увеличенных длительностях см. № 473.

Варианты: Киреевский, № 424; Донец-Дон, № 241 (отцу новобрачного); Севская свадьба, № 106, 199, 201, 202; Село Завгороднее, № 24 б; Сибирь II, № 440. Далекий вариант: Киреевский, № 666. Сравн.: Псковская обл., № 122 (с характерной для местной традиции рамочной формой строфы АБА). Сравн.: № **134**.

162. Открывай, мати, двери, зажигай, мати, свечи — песня поезжан-"бояр" при подъезде свадебного поезда с новобрачными к дому жениха.

Записала Л.М. Чернова в Курской обл., Льговском р-не, с. Фитиж, 1990. ЦФЭ 136—14. Исп. Н.А. Бокренко, 1922 г.р., Э.И. Сойкова, 1927 г.р., Н.Ф. Секерина, 1931 г.р., Э.Т. Сухорукова, 1926 г.р. Пятая строфа пропущена в пении, надиктована по окончании песни. Сопроводительный текст приводится со слов М.Д. Котовой, 1908 г.р., ЦФЭ 135—03.

Далекий вариант: Севская свадьба, № 105. Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 575; Шейн, № 1892; Донец-Дон, № 250, 265; Московская земля, с. 136; Севская свадьба, № 101, 102; Село Завгороднее, № 21

163. Чем покрыть Натальюшку — песня во время повивания новобрачных, в местном обряде вторая после песни "Затрубили трубушку" (см. в **примеч.** к № 166).

См. № 133. ЦФЭ 688—17, 691—08 ("скользящий" мгф. канал с поочередным выделением голосов).

Сравн. некоторые детали: Севская свадьба, № 62.

164 а) Укрой, Боже, листом-деревом, б) Свечи горя повивальные — песня во время повивания новобрачных.

Записали И.И. Веретенников, А.Н. Иванов, В.Н. Медведева в Белгородской обл., Красногвардейском р-не, с. Верхососна, 1980. Архив А.Н. Иванова. Исп. П.И. Дворяшина, 1916 г.р., (запевает), А.П. Лотарева, 1913 г.р., Е.В. Пупынина, 1914 г.р., М.Е. Шемякина, 1919 г.р. Напев соответствует № 228.

Устойчивая деталь: Донец-Дон, № 58 (два последних стиха).

165. Затрубили трубушку, рано ее по заре — песня во время повивания новобрачной.

См. № 20. ЦФЭ 276—11. Исп. В.С. Анохина, 1936 г.р., П.П. Золотарева, 1935 г.р., Р.И. Когтева, 1939 г.р., О.П. Лестникова, 1937 г.р., Е.В. Савина, 1936 г.р., Е.И. Степанова, 1940 г.р., М.С. Черныщева, 1939 г.р.

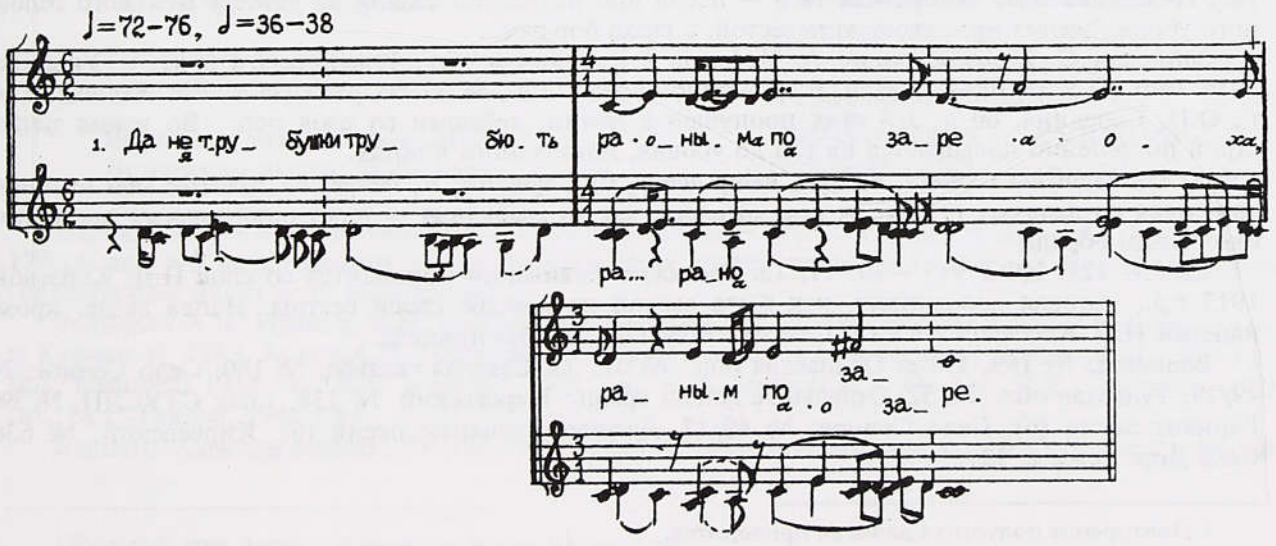
Песня закреплена в обряде повивания новобрачных на сравнительно ограниченном участке южнорусской территории. По своему происхождению песня связана, вероятно, с центральной частью России, где встречается значительно больше вариантов с расплетанием косы и расчесыванием волос невесты накануне дня венчания вечером и утром. Один из очень далеких вариантов см. № **257**.

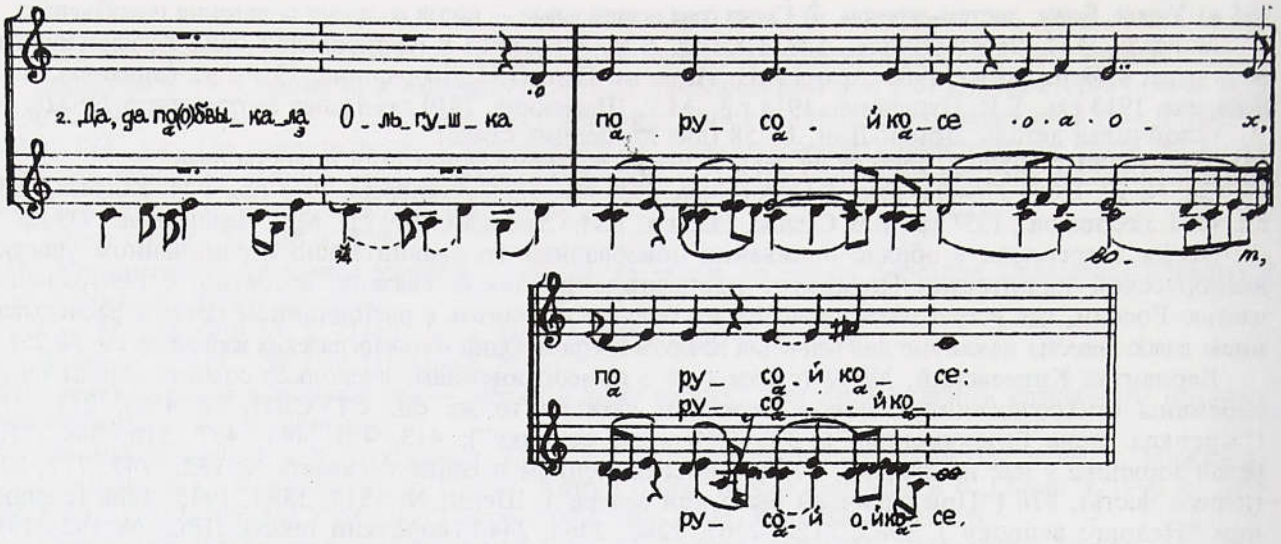
Варианты: Киреевский, № 92 (стихи 1—8 с присоединением, несколько сомнительным из-за перемены стихосложения в новом песенном сюжете; то же см. СТУСЛП, № 456), 277, 314 ("Крепкая стена белокаменная"), 335 ("Недолго веночку"); 413, 421, 444, 457, 516, 684 ("Не белая зорюшка у нас на дворе"), 696 (с присоединением песенного сюжета № **152**), 747, 777, 821 (первая часть), 878 ("При девичьем было при вечере"). Шейн, № 1510, 1895, 1945, 1960 (с зачином "Недолго веночку"), 1983, 2128, 2167, 2260, 2264, 2440 (короткий текст); ЛРС, № 192—194; СТУСЛП, № 475; Истомин-Ляпунов, № 24; Вятск., № 88; Вятск.: А.А.Кенина, № 45 (по 16-й стих); Донец-Дон, № 256 ("Воскрикнула ластушка рано на заре"), 259; Московская земля, с. 80, 81, 102, 132, 158, 313; Новгородск. свад., № 14 (с зачином "Недолго веночку"), 15 (1—9-й стихи с присоединением песенного сюжета № **239—241**), 16; Новгородск. ф-р, № 305; Обь/Иртыш, № 72, 73 (оба текста с зачином "Недолго веночку"), 145; Ока, № 23; Поволжье, № 1003 — 1007; Подмосковье, с. 121, 122; Севская свадьба, № 61; Село Завгороднее, № 22; Сибирь II, № 24, 455, 458; Сибирь III, № 363; Смоленск. свад. № 7; Томская обл., № 86; Тульская обл., № 37 ("Немножко-то венчику"); Тульск.: Ясная Поляна, № 12, 65; Тюменская обл., № 47 ("Недолго веночку"); Угличские песни, № 37 и с. 218, 219; Чердынская свадьба, № 159. Далекие варианты: ЛРС, № 164; СТУСЛП, № 476 ("Лебедушка кычет на заре"); Белозерский край, № 96, 97 ("ведут невесту с плакущей в баню и поют песню"); Московская земля, с. 165; Поволжье, № 765; Село Сенное, № 56; Томская обл., № 13; Угличские песни, № 39. Также см. № **166**.

166. Ходила голубушка по голубню — песня во время повивания новобрачных.

См. № 137. Сопроводительный текст подготовлен по экспедиционной тетради, рассказывала А.И. Черникова, 1908 г.р. (запевала).

Стихи 3—5 и 11—13 являются как бы отсылкой к песенному сюжету № **211, 212**. Напевный вариант из этого же села (с. Иловка Белгородской обл.) в записи, сделанной 30 годами ранее нашей: Усердская сторона, № 102 (поэтический текст записан с дефектами). Вариант с обратным последованием частей из соседнего села: *Шуров В.М.* Песни села Афанасьевка Алексеевского р-на Белгородской обл. // Русские народные песни в многомикрофонной записи. М., 1979. С. 147—152. Рассказ о повивальном обряде в с. Афанасьевка: *Шуров В.М.* Южнорусская песенная традиция. М., 1987. С. 64—66. Варианты поэтического текста из этих же двух частей записывались главным образом от р. Тихая Сосна (правый приток Дона) до р. Ворсклы. Приводим напевный вариант в увеличенных длительностях, записанный ближе к р. Дон в соседнем Каменском р-не Воронежской обл., с. Татарино, ЦФЭ 691—01, исп. А.А. Болдырева, 1930 г.р., П.К. Новикова, 1909 г.р., Т.Р. Шишкина, 1915 г.р.:





Да не трубушки трубют раным по заре *ох,*
раным по заре.

Да, да по(о)бвыкала Ольгушка по русой косе *ох,*
по русой косе:

“Да коса ж моя, косушка, вся (о)на трубчитая *ох,*
она трубчитая,

Она ж, трубчитая косушка, всё узорчитая *ох,*
всё узорчитая.

Да с вечор мою косушку подружки плели[1],
Поутру ранехонько мамушка плела.
Она золотом косу ж перьплетала,
Она земчугом русую перьсыпала.
А приехала свашунька невежливая,
Невежлива свашунька, бессовестная,
Начала мою косушку и рвать, и метать,
Надвое делить [русую], у три заплетать”.

167. Сваха-репка, повивай крепко — корильная припевка во время повивания.

См. № 109. ЦФЭ 775—08.

168. Оха, щипи ль, сваха, не щипи ль — припевка, повеление свахе поторопиться, если повивание затянулось.

Записали А.Н. Иванов, И.В. Новичкова в Белгородской обл., Красненском р-не, с. Круглом, 1992. ЦФЭ 452—б/н. Исп. П.И. Новикова, 1913 г.р., П.И. Масленникова, 1918 г.р. Начало нотировано на два тона выше реального звучания.

169. Неласкова теща заморозила зятя — песня при надевании свахой на невесту женского головного убора; "жених приезжает за невестой, а сваха боркует”.

Записали С. Жожикашвили, А. Нефедов в Калужской обл., Ульяновском р-не, с. Уколица, 1976. ФФ МГУ 76/106—06. Исп. Е.П. Афиногенова, 72 л., М.А. Захарова, 55 л., Е.А. Коняхина, 61 г., О.И. Середина, 60 л. 5-й стих пропущен в пении, добавлен со слов исп. Во время пения строй постепенно повышается на тон до уровня, показанного в нотах.

170 а) Ой свашунька-немка, не мучь нашу девку, б) Слушайте ж, бояре, в) Золотые мои пялички, двиньтеся по лавочке, г) Чего ж нам хотелось, мы то снарядили — цикл повивальных песен при окончании обряда.

См. № 127. ЦФЭ 915 —10, 11, 13. Рассказ о повивании приводится со слов П.Д. Кобзевой, 1913 г.р., которая вспоминает, как была свахой на свадьбе своей сестры. Напев везде, кроме напетой П.Д. Кобзевой песни (**б**), соответствует № 349 без припева.

Варианты № **169, 170 а**: Орловская обл., № 32, 33; Севская свадьба, № 180; Село Сенное, № 49/19; Тульская обл., № 52. Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 138, 1020; СТУСЛП, № 399. Вариант песни (**б**): Село Сенное, № 49/17. Далекие варианты песни (**б**): Киреевский, № 636; Село Дорожево, с. 139.

---

[1] Повторение полустиха далее не приводится.

171. Каша пошла в колыбанье — заклинательная "целовальная" песня на свадебном пиру у жениха перед брачной ночью и "на хлебинах" у родителей новобрачной на следующий день.

См. № 148. ФФ МГУ 72/43—09. Сопроводительный текст подготовлен по звукозаписи с привлечением репортажных заметок собирателей ФЭ МГУ 09 : 4265-4266. Напев соответствует № 148.

Варианты: Шейн, № 1350 (два стиха); Села Колежма и Нюхча, с. 153, 154 (конец), 191, 192; Пинежье, № 103; Поморье, № 56 (конец); Эротический ф-р, с. 166 (№ 4).

172. Утоптал, утоптал селезень утку — заклинательная "целовальная" песня на свадебном застолье у жениха перед брачной ночью и на следующий день там же на обеде, а затем у тещи вечером.

См. № 42. ЦФЭ 179—25.

173. Меня, молоду, на подклеть повели — эротическая плясовая припевка, когда молодых уводили с пира на брачную ночь.

Записал Ю.Н. Чекрыжов в Архангельской обл., Красноборском р-не, д. Алексеевской Белослудского с/с, 1967. ФФ МГУ 67/27—14. Исп. жен. ансамбль, участницы не указаны. Сопроводительный текст дается по ФЭ МГУ 06 : 8813.

174 а) По полу кила да катаетсе, б) Ехали бояра по дороге — эротические ("матюкальные") песни старух в доме жениха в первую брачную ночь под конец свадебного пира или наутро после бужения молодых.

См. № 21. ФФ МГУ 70/7—01. Сопроводительный текст приводится по тетради собир. ФЭ МГУ 08 : 3979-3980. Начало звукозаписи зашумлено помехами.

Вариант песни (**а**): Эротический ф-р, с. 167 (№ 5). Вариант песни (**б**): Эротический ф-р, с. 168 (№ 7).

175. Вот поехали дружки по сенишко — эротическая припевка в доме новобрачного в первую брачную ночь.

Записал А.А. Банин в Архангельской обл., г. Онега, 1994. ЦФЭ 719—04. Исп. К.Н. Ларионова, 1916 г.р., род. в д. Подпорожье. Сопроводительный текст приводится по ФЭ МГУ 05 : 6706, записали Н.И. Савушкина, Т.Г. Шуваева в 1965 г. от А.П. Бронниковой, 65 л.

Варианты: Эротический ф-р, с. 168 (№ 8), 175 (№ 1).

176 а) Шелком вулочка метена, б) Вечерние петушочки, в) Мы не пить пришли, мы не есть пришли, г) Гуляйте, девки, гуляйте, д) Сымем пеньковые, повесим шалковые — серия песен у дома жениха и в доме утром после брачной ночи.

Записал А.Н. Иванов в Брянской обл., Мглинском р-не, с. Высоком, 1986. Архив собирателя. Исп. А.В. Авраменко, 1929 г.р., П.А. Горохова, 1926 г.р., З.Т. Малашенко, 1918 г.р., У.В. Малашенко, 1925 г.р., А.К. Новикова, 1941 г.р.

Далекий вариант песни (**а**): Обь/Иртыш, № 181. Далекий вариант песни (**в**): Севская свадьба, № 260.

С помощью песни (**г**) обеспечивается переход от обряда признания "честности" невесты к послесвадебному дарению. По-другому ее пели в с. Высоком на проводах невесты сразу за родительским благословением во время ее одаривания, начало сравните с № **294**, окончание во многом совпадает с № **176 г**:

Ступнула Машечка на порог,
Махнула рукавом на подруг.

Махнула рукавом на подруг:
"Расступитеся, подружки,

Расступитеся, подружки,
Будя меня таточка даровать.

Будя меня таточка даровать
Невеликим даром за столом[1],
А хлебом-солью, здоровьем,
Ще й широкеньким подворьем.
Чем мне по двору постлати?
Чем мне свёкорку назвати?
Листиком по двору постелю,
Свёкорку таточком назову.
А свекровочку — мамочкой,
Старшего деверя — брахненьком,
Большую золовку — сестрицей".

Варианты песни (**г**), не связанные с послесвадебными обрядами, см. № **239—241, 334**.

177. А все это не по-нашему — песня "свадёбных людей на второй день" во время водолития (новобрачная носит воду из колодца).

Записали А.Н. Иванов, В.Н. Медведева в Курской обл., Курчатовском р-не, с. Успенка (ныне г. Курчатов), 1983. Архив А.Н. Иванова. Исп. трое из указ. в списке: М.Г. Долженкова, 1919 г.р., В.А. Иванова, 1914 г.р., В.А. Киреева, 1902 г.р., А.И. Меринова, 1908 г.р., Н.В. Слепцова, 1926 г.р., М.Г. Ракова, 1945 г.р.

Вариант: Севская свадьба, № 224. Отдельные детали: Село Завгороднее, № 26. Также см. № **308**.

---

[1] Каждый стих далее повторяется, кроме последнего.

178. А в нас нонче ночи темные — песня гостей на разъезд с последнего застолья в доме родителей новобрачной на второй день.

Записали А.Н. Иванов, В.Н. Медведева в Курской обл., Курчатовском р-не, с. Макаровка, 1983. Архив А.Н. Иванова. Исп. А.Ф. Губарева, 1912 г.р., Е.А. Пестунова, 1906 г.р., Ф.В. Тютюнникова, 1919 г.р.

Вариант на проводах к венчанию: Шейн, № 2117.

179 а) Прожоры гости, прожоры — песня гостей на последнем застолье у родителей новобрачной на второй день, **б) Катитесь, шапоньки, с полки долой** — ответная песня хозяев, повеление гостям разъезжаться.

Записали Л. Кутузова, И. Кондакчьян в Калужской обл., Юхновском р-не, д. Павловск, 1973. ФП МГУ 04 : 2572-2574. Исп. Е.И. Рубина, 57 л., р. в д. Бобылево (р-н не указан) Смоленской обл. Песня с ее родины.

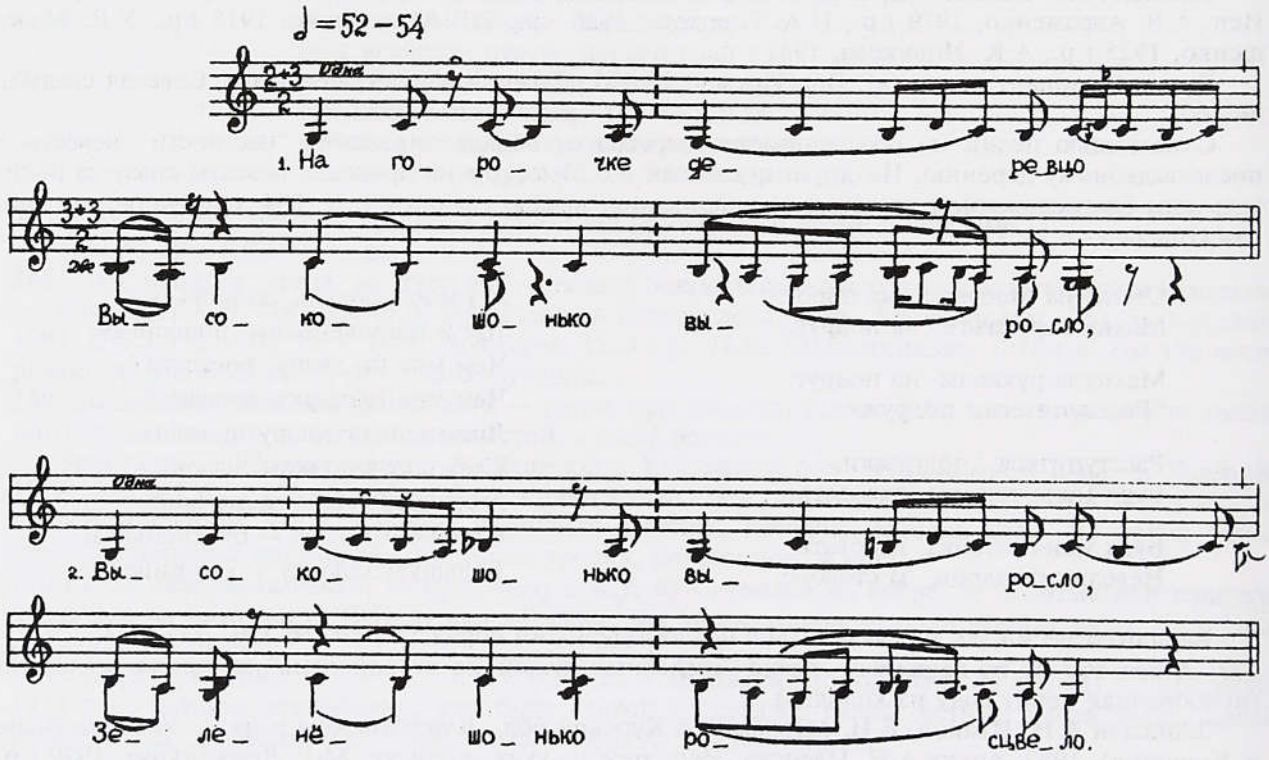
Варианты: Поозерье, № 107 (к тексту **а**); Севская свадьба, № 261, 262.Практически дословное совпадение нашего текста (**а**) с опубликованным в кн. "Традиционная музыка русского Поозерья" (1998) позволяет нам исходя из имеющихся там сведений о записи полагать наиболее вероятным местом бытования нашего варианта Велижский р-н Смоленской обл.

II. ПЕСНИ ОБ ОБРЯДЕ

180. На горке, на горушке — песня у невесты в предбрачных эпизодах обряда: на вечеринах, на рукобитье, на малом и большом смотреньях и др.

См. № 64, 149 а. ФФ МГУ 65/31—07, ФЭ МГУ 05 : 9163-9166. Исп. К.Е. Кононова, 55 л., Е.К. Ушакова, 61 г. Стихи 10, 11 в пении пропущены, вставлены в текст со слов по указанию, вероятно, Е.К. Ушаковой.

Напевный вариант во вдвое увеличенных длительностях в соседнем селе Малошуйка Онежского р-на Архангельской обл., ФФ МГУ 65/55—02 (исп. см. № 360):



В этой же местности (Онежское Поморье) бытовал короткий вариант песни, в большей мере приспособленный к обычаям величания жениха и невесты, если в песне называются их имена. В тексте, который записали Л.Я. Петрухненко, Н.Н. Римская-Корсакова в с. Малошуйка, ФЭ МГУ 06 : 2057-2058, исп. М.Ф. Филимонова, 72 л., родом из с. Нименьга, имена жениха и невесты пропущены:

Под окошечком деревце
Зеленёшенько ростило.
Что за это за деревце,
[Что за то] за кудрявое
Тулилася-хоронилася
Душа красная девица.
А сама похваляласи
Похвальбой своей девочьей:
"Никому меня не высмотреть,
Никому меня не выглядеть,
Никому меня не выкупить
Не стом, да не другим стом,
Да не целой золотой казной,
Не целой счетной тысячью".

Услыхал эту похвалу
Да удалой добрый молодец:
"Не хвались *(говорит)*, красна девица.
Я один тебя высмотрю,
Я один тебя выгляжу,
Я один тебя выкуплю
Я не стом, да не другим стом,
Да не целой казною,
Не [целой] счетной тысячью:
Я со крестным со батюшкой —
Да с крестовым божатушкой *да,*
Со двумя дружками хорошими,
С поезжанами удалыми,
С удалыми, отобранными".

Тексты песни появляются в изданиях с конца XVIII в. (одна из шести свадебных песен в кн.: *Прач И.* Собрание русских нар. песен, 1-е изд. — 1790 г., 2-е изд. — 1806 г., 3-е изд. — 1815 г. В издании 1955 г. под ред. В.М. Беляева см. № 112). Варианты: Киреевский, № 19, 980 (из сб. Прача); ЛРС, № 135—137; Балакирев, № 52; Истомин-Дютш, № 23; Карельское Поморье, № 150; Новгородск. ф-р, № 363, 364 ("Потихоньку б*а*еры /Под гору спущалися"); Печора, № 296 ("перед свадьбой на вечеринке"), 375; Поморье, № 30; Села Колежма и Нюхча, с. 110—112; СТУСЛП, № 461; Тер. б-г Белого моря, № 5. На юго-западе России эта же сюжетная схема воспроизводится в песне двухчастной композиции с приемом поэтического параллелизма: "Хвалилася калина /Своим лесом великим, /Своим лугом зеленым... Зачуял, почуял морозец: /"Не хвалися ты, калина, /Сам я тебе вырублю...", во второй части называются имена невесты и жениха. Также сравн. № **192**. Близкий зачин см. № **360**.

181. На огрубе-то купавы — песня у невесты "на посидках", во время девичьей бани, "за столом у невесты", а также у жениха, "когда он за невестой уезжает, а родная сестра чешет за столом ему голову", и в других предбрачных эпизодах обряда.

См. № 147. ФФ МГУ 72/10—09.

Варианты: ЛРС, № 37; Мезень, № 169; Пинежье, № 72, прилож. № 8.

182. На плоту было, на плотичке — песня девушек, "когда невесте шьют дары", "на смотринах", "на сватанье".

Записали А.И. Нестеров, Т.В. Шмелева, О.Н. Щуплова в Архангельской обл., Ленском р-не, д. Юрчаково Ленского с/с, 1973. ФФ МГУ 73/12—10. Исп. А.П. Лиханова, 83 л., М.А. Лиханова, 65 л., Е.П. Берникова, Е.Н. Векшина, Н.И. Михалева, М.П. Порыгина, А.Г. Яранская (возр. не указан).

Вариант: Обь/Иртыш, № 1. Далекие варианты: Шейн, № 2038, 2470; Истомин-Ляпунов, № 6 (короткий текст в 11 стихов); Вятск.: А.А.Кенина, № 39; Поволжье, № 576, 762; Сибирь I, № 162; СТУСЛП, № 18, 45. Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 695 (25—30-й стихи), 707, 857; ЛРС, № 93; Вологодск.: Тарнога, № 8 на с. 259, № 10 на с. 264; Воронежская обл., № 17; Обь/Иртыш, № 19, 20; Прикамье, № 52; Сибирь III, № 268; СТУСЛП, № 24; Тульская обл., № 10. Конец песни перекликается с № **353**. Сольный вариант напева см. в примеч. к № 303.

183. У ключа, ключа у текучего — песня на девишнике. Невеста могла причитать одновременно с песней.

Записали С.Ю. Власова, А.И. Веремеенко в Рязанской обл., Касимовском р-не, с. Николаевка, 1990. Архив С.Ю. Власовой. Исп. Е.А. Кузнецова, 1921 г.р., М.Ф. Ерофеева, 1924 г.р., Е.С. Волкова, 1916 г.р., прожив. в соседней д. Жуково. Этот же напев см. № 355.

Вариант: Рязанская обл., № 46 б. Зачин близок № **302**.

184. Как у моря, моря синего — песня предсвадебного периода, "осенняя".

Записала А.А. Иванова в Калужской обл., Куйбышевском р-не, с. Бутчине, 1985. ФФ МГУ 85/19—06. Исп. А.А. Демина, 1917 г.р. Ансамблевый вариант напева с возникновением словообрыва на конце строфы см. № 249.

Варианты: Лядов, № 81; Белгородская обл., № 27, 28; Воронежская обл., № 99; Обь/Иртыш, № 21, 65, 67; Села Купино и Б. Городище, с. 64, 65; Сибирь I, № 43—45; Смоленск. свад., № 18; СТУСЛП, № 25; Челябинская обл., № 14. Далекие варианты: ЛРС, № 128 (вторая часть); Воронежская обл., № 67; Новгородск. ф-р, № 307 (текст из 8 стихов). Также см. № **283**, **308**. Начало сравн.: № **309**.

185. В нас на речке, на речушке — песня девушек у невесты на неделе после "запоя" (просватанье) и "на сговорах за елкой" (за столом с украшенной елочкой, воткнутой в каравай).

Записала И.Н. Райкова (Бартюкова) в Калужской обл., Куйбышевском р-не, д. Гуличи Бутчинского с/с, 1985. ФЭ МГУ 14 : 8819-8820, ФФ 85/24—05. Исп. М.Р. Фатеева, 1924 г.р., род. на х-ре близ с. Семичастное.

В случае смены тонического стиха на силлабический песня приобретает хороводную форму в сдержанном темпе, в характере свадебных шествий Калужско-Брянского пограничья, хотя и поется в доме за столом с елкой. В записи, сделанной Решетниковой, Бабичевой (и.о. не указаны), "заелочная песня" с редким для нее зачином из д. Анновка Кировского р-на Калужской обл., 1974, ФП МГУ 04 : 6687-6689, исп. А.А. Карпина, 1896 г.р., напев соответствует № 347:

На семёх верстах с половиною,
Ой ляле ляле, с половиною,

Там стоит баня, баня новая,
Ой ляле ляле, баня новая,

Баня новая, вся еловая.
Коло той бани там протек ручей,
Ой ляле ляле, там протек ручей.

Там протек ручей, речка быстрая,
Ой ляле ляле, речка быстрая,
Речка быстрая, вода чистая[1].
Как на той речке там две досточки,
Как на тех на досках свет-то Машенька
Беляно мыла, тонки полотны.
Бережком ишел родный батюшка:
"Брось-ка, Манюшка, беляно мыти.
Твои рученьки примахалися,
Твои ноженьки пристоялися". —
"Родный батюшка, не жалей меня.
Я таперича не твоя слуга,
Не твоя слуга, слуга Ванина".

Варианты: Киреевский, № 936; Обь/Иртыш, № 48 а на с. 66 (трехчастная композиция). Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 1132; Прикамье, № 51.

186. Свеча переносная — песня девушек у невесты, "поется перед сватаньем" (первый свадебный пир накануне дня венчания).

Записали В.О. Поскребышева, О.А. Сенкевич в Архангельской обл., Ленском р-не, д. Остров Козьминского с/с, 1973. ФЭ МГУ 09 : 7248-7249. Исп. А.И. Хомутникова, 70 л. В тетради собирателей стихи с 1-го по 24-й и с 25-го до конца песни записаны рядом как два отдельных текста. В 14-м стихе "несешь" исправлено на "месишь". Повторение стихов собирателями не отмечено. Судя по другим записям, сделанных в этом же районе, вероятно, напев соответствует № 182.

Далекие варианты: Шейн, № 1570, 1588. Также см. № **187—189**. Зачин сравн.: Киреевский, № 1001; СТУСЛП, № 60; Сибирь I, № 148.

187. Что не сизый орел воду пил — песня на девишнике за неделю до свадьбы.

Записал А.С. Кабанов во Владимирской обл., Александровском р-не, с. Бакшееве, 1989. ЦФЭ 002—22. Исп. В.И. Кулакова, 1913 г.р., А.И. Юдина, 1910 г.р. (сестры), М.Ф. Лазарева, 1917 г.р.

Варианты № **186, 187** с другими зачинами (среди них по частоте использования преобладает "Раскачалася грушица / Перед яблонькой стоявчи"): Киреевский, № 209, 340, 839, 776, 1016; Шейн, № 1527, 1781 (короткий текст в 9 стихов), 2141, 2158; Белгородская обл., № 6; Вологодская обл., № 10 а; Вологодск.: Сухона, № 55 (с 19-го стиха), 96; Донец-Дон, № 3; Московская земля, с. 106, 135; Новгородск. свад., № 37; Псковская обл., № 213; Смоленск. свад., № 3; Сибирь I, № 6—8, 147, 150, 151; Сланцевская свадьба, № 68 (двухчастный текст, первая часть перекликается с величанием № **353**), 101; СТУСЛП, № 61; Томская обл., № 11 ("Раскачалась в поле рощица"); Чердынская свадьба, № 19; Песни и сказки Ярославской области/Под общ. ред. Э.В. Померанцевой. Ярославль, 1958, № 26. Отдельные детали сравн.: Вятск., № 106; Томская обл., № 87 (причитание). Этот же песенный сюжет с "банным" зачином см. № **188, 189**. Зачин № **187** сравн.: № **202, 203, 211, 212**.

188. Как на девичьем вечеру — песня на вечернем девишнике.

См. № 110. 7-й стих наговорен. Напев соответствует № 128 без смещений акцента в окончании напевного стиха.

189. Растопися, банюшка — песня на девишнике.

Записала О.Б. Хабарова в Калужской обл., Юхновском р-не, с. Палатки, 1973. ФП МГУ 04 : 5253-5254. Исп. М.А. Семенова, 75 л.

Варианты № **188, 189**: Киреевский, № 283, 338, 397, 419, 517, 600, 692, 808, 824, 877, 974; Шейн, № 1721, 1856, 2388 (все тексты с пояснениями: "ведут невесту в баню"); ЛРС, № 49; Истомин-Ляпунов, № 13; Московская земля, с. 88, 312—313; Новгородск. ф-р, № 304; Село Барятино, № 8. Далекий вариант: Псковская обл., № 111. Также см. № **186, 187**.

190. Растопилася банюшка — песня на девишнике до прихода в гости жениха и его родственников.

Записали Л.И. Богданова, Ю.Г. Круглов, М.Н.Смашнева в Калужской обл., Людиновском р-не, д. Куяве Косичинского с/с, 1972. ФП МГУ 04 : 1465-1466. Исп. И.Е. Фролова, 1900 г.р.

Общее построение и некоторые детали сравн.: Воронежская обл., № 64; Псковская обл., № 110. Варианты зачина встречаются в песнях различных сюжетов. Наряду с № **188, 189** также см.: Киреевский, № 150, 291; Шейн, № 2170; ЛРС, № 252 (1—8-й стихи); Р.-К., № 84; Рыбников, с. 72 (с 8-го стиха); Новгородск. ф-р, № 414; Поволжье, № 637, 643; Псковская обл., № 225, 242, 246; Сибирь II, № 115; Сланцевская свадьба, № 61.

---

[1] Припев с повторением полустиха далее не приводится.

191. Уж вы кумушки подружуньки — песня девушек у невесты "на смотринах", "когда шьют дары", "на сватанье".

Записали Костюхина, Моисеева (и.о. не указаны) в Архангельской обл., Ленском р-не, д. Коротовинское Слободчиковского с/с, 1973. ФФ МГУ 73/19—03; ФЭ МГУ 09 : 7377-7379. Исп. М.В. Баранова, 1890 г.р., В.И. Отряхнина, 1903 г.р., А.И. Щипина, 1916 г.р. Стихи 8, 9 записаны со слов, 13, 14 напеты в наложении, одновременно. После 19-го стиха должен быть назван жених по имени-отчеству (ФФ МГУ 73/12—15). Звукозапись кончается на 21-м стихе: "Все незнаму-то незнамовну". "Мы кому поем? Никак не называем, а надо звать, кому", — говорит запевала. Продолжение с 21-го стиха приводится по тетради собирателей.

После 4-го стиха в записанном В.Н. Кочетовым варианте из пос. Лунья Ленского р-на, 09 : 7372-7375, исп. Д.С. Черепанова, 65 л., М.П. Софина, 72 л.:

...У меня-то порозговаривать *да.*
Вы меня-то в замуж не выдайте *да,*
Похожу с вами на игрищо *да,*
Поплету то-то я косу себе да русу *да,*
Привяжу я-то ленту алую *да.*
Вы-то возьмите *да* по ведёрышку *да,*
По ведёрышку дубовому *да,*
Вы-то по ковшичку по медному *да,*
Почерпните-то ключевой воды *да,*
Ключевой воды холодные...

Варианты: Киреевский, № 149, 334, 960; Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П.В. Киреевского//Лит. наследство. Т. 79. М., 1968. № 53 на с. 213 (Псковская губ.); ЛРС, № 233; Донец-Дон, № 57; Поволжье, № 939. Далекие варианты: Шейн, № 2188, ЛРС, № 232. Отдельные детали: Шейн, № 1952; Ока, № 33; Поволжье, № 740.

192. Вилась, вилась верба — песня сватов в пути к невесте на пропой и в свадебном поезде, "за невестою когда едут".

См. № 127. ЦФЭ 915—22. Исп. П.Д. Кобзева, 1913 г.р., М.Г. Силина, 1927 г.р.

Общие черты сюжетного построения песни близки № **180**. Окончание песни сравн.: Донец-Дон, № 57.

193. Посреди двора Иванушкина — песня у невесты в первой части девишника до приезда в гости жениха со сватами.

См. № 151. ЦФЭ 902—23 (соло), 903—23 (наложение).

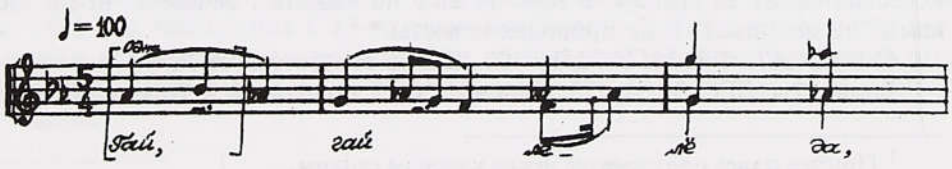
194. Пониз устья березового — песня у невесты "на посидках".

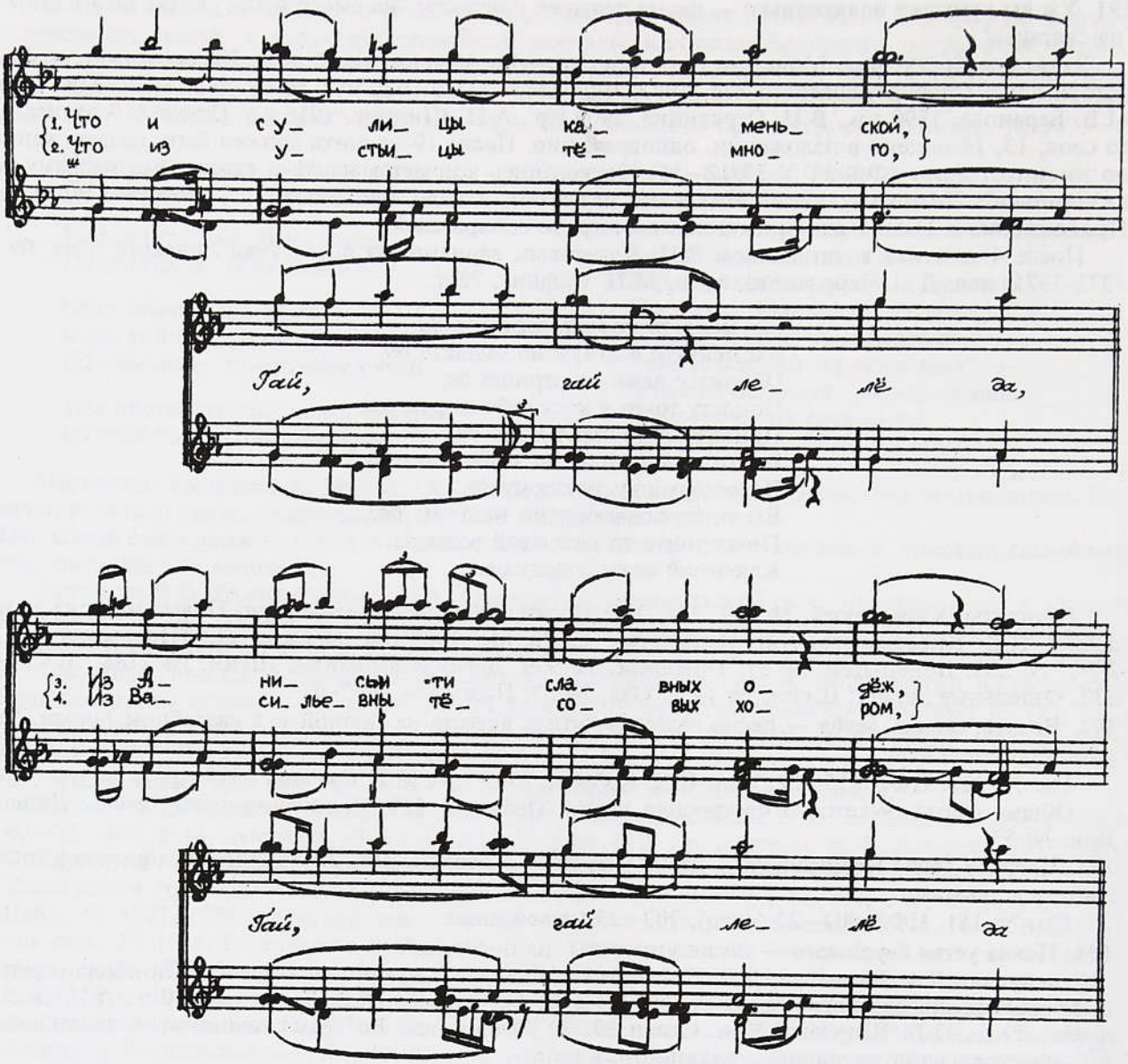
Записали Л.А. Блинкова, Л.В. Нехай, А.И. Нестеров в Архангельской обл., Пинежском р-не, д. Каскомень Лавельского с/с, 1972. ФФ МГУ 72/40—06. Исп. А.Е. Богданова, 60 л., А.И. Дорофеева, 59 л., П.В. Ширяева, 70 л. Стихи 29, 30 наговорены. Во время пения строй постепенно повышается на тон до уровня, показанного в нотах.

Варианты: Вологодская обл., № 19—22; Мезень, № 154; Печора, № 301, 376; Пинежье, № 106, прилож. № 19; СТУСЛП, № 31. Далекие варианты: Киреевский, № 374 ("Валгалеты, валгалеты мои"); Шейн, № 2271; Белозерский край, № 318 (величальная "кавалерам"); Вятск., № 91; Сибирь III, № 293; Яренские песни, № 8. Варианты с ярко выраженными чертами величания см. № **367**.

195. Что из устья Береза тече — песня у невесты в присутствии гостей-сватов за столом в предбрачных эпизодах обряда, "перед байной [до бани], их до черта на свадьбе пели песен-то".

См. № 147. ФЭ МГУ 09 : 2389-2391. Исп. А.Д. Кокорина, 61 г., А.С. Чемакина, 58 л. Напевный вариант из д. Каскомень (см. № 194), ФФ МГУ 72/44—04, исп. А.П.Антропова, П.В.Антропова (возр. не указан), А.Е. Богданова, 60 л., А.И. Дорофеева, 59 л., П.В. Ширяева, 70 л., А.А. Родионова, А.И. Стахеева, П.Д. Усова (возр. не указан). Собиратели, очевидно, не расслышали первых стихов, так как певицы в большом ансамбле спонтанно, между собой не договорившись о том, как начать песню, наложили один на другой стихи 1, 2 и 3, 4. В тетрадь ФЭ МГУ 09 : 3905-3906 собиратели занесли начальные стихи из другой песни (№ 194), пометили: "Песню не допели до конца":





Гай, гай лелё да,
Что и с улицы каменьской,
Гай, гай лелё да,
Что из устьицы темного,
Гай, гай лелё да,
Из Анисьи-ти славных одёж,
Гай, гай лелё да,
Из Васильевны тёсовых хором,
Гай, гай лелё да,
Из роздолья широкого,
Гай, гай лелё да,
Из дубров, лугу зеленого

Гай, гай лелё да,
Протекала Береза-река[1].
Что с-по той по Берези-реки
Ехали князьи-бояра,
Бояр*а* да молодого князя,
Князя Павла-то Васильёвича.
Они спрашивали двора,
Они наведывались нова
Всё двора, да двора тестьёва,
Высок*а* да нова тещина,
Терем*а* да все княгинина,
Все княгины-то Анисьи...

Варианты: ЛРС, № 228; Пинежье, № 44. Сравн. отдельные детали: Чердынская свадьба, № 59.

196. Валентина, Валентинушка — песня жениховой стороны, "когда *женихи* приезжают в дом невесты, сидят за столом, а невесту еще не вывели", вечером "после сватанья". Поется и девушками "на посидках" и на проводах невесты.*

См. № 147. ФФ МГУ 72/11—02. Напев соответствует № 477.

Варианты: ЛРС, № 31, 175; Пинежье, № 22, прилож. № 3. Отдельные детали сравн.: Шейн, № 1653.

[1] Припев далее повторяется перед каждым стихом.

197. Испосели всю горницу — песня гостям у невесты "на вечерине".

Записали Н.И. Савушкина, Е.И. Яцунок (Токарева) в Карелии [Карельская АССР], Беломорском районе, с. Сумский Посад, 1968. ФФ МГУ 68/50—13. Исп. Т.И. Махилева, 64 л., А.Г. Трифонова, 65 л., род. в с. Колежма.

Варианты см. № **198**, более далекие варианты: № **199, 200**. Окончание № **197** см.: Шейн, № 1644, 1701, 2152; СТУСЛП, № 13; Истомин-Ляпунов, № 10 (с 27-го стиха); Чердынская свадьба, № 57. Также см. текст в примеч. № **198**.

198. Не от ветра, не от вихоря — песня гостям "на девичнике, а невеста в это время ревела", и во время сборов невесты к венчанию.

См. № 100. ФФ МГУ 64/11—08. Звукозапись кончается на 13-м стихе. Далее поэтический текст приводится по тетр. собир. ФЭ МГУ 05 : 3191-3192. Исп. участница ансамбля М.Г. Хомутова, 1884 г.р.

Вариант с окончанием, близким № 197, записали Н.Б. Юдина (Иванова), Ю.Н. Чекрыжов в этой же местности в д. Кутованге Прилукского с/с Онежского [Плесецкого] р-на Архангельской обл., ФЭ МГУ 05 : 4045-4046. Исп. М.М. Красильникова, ок. 60 л.:

Не от ветра, не от вихоря,
Не от Божией от милости,

Не от Божией от милости
Верея спошатилася,

Верея спошатилася,
Ворота отворилися[1].

Тут ступил добрый молодец,
Он ступил-та во горницу.

Тут и я испугалася,
Тут и я перепалася:
"Вон идет погубитель мой,
Вон идет разлучитель мой,
Вон идет расплети-косу,
Вон идет потеряй-красу". —
"Я не я разлучитель твой,
Погубитель твой — батюшка,
Разлучительница — матушка,
Расплети-косу — божатушка,
Потеряй-красу — девушка".

Варианты № **197, 198**: Киреевский, № 3, 62; Шейн, № 1429, 1537, 1644, 2152; ЛРС, № 217 — 220; Истомин-Ляпунов, № 14; Рыбников, с. 44; Белозерский край, № 257; Вологодск.: Вожегда, № 9; Вологодск.: Сухона, № 56; Карельский край, № 125; Карельское Поморье, № 161; Новгородск. ф-р, № 352; Новгородск. свад., № 33; Пинежье, № 74; Поморье, № 52, 67, 94; Сев. Двина, № 16; Села Колежма и Нюхча, с. 98—103, 160, 161; Сибирь I, № 40 и 41 (конец); Сибирь II, № 284, 301, 305; Тер. б-г Белого моря, № 17, 19, 20; Томское Приобье, № 28, 29. Далекие варианты: Донец-Дон, № 184; Печора, № 305. Также см. № **199, 200**. Примеры зачина № **198** в некоторых других песнях: Шейн, № 1438; СТУСЛП, № 2, 204. Также сравн. с зачином текста в **примеч.** к № 68.

199. Буйны ветры сбушевалися — песня у невесты "на сговорах гостям" — жениху и его родственникам, "если невеста сирота, утром, перед тем как ехать к венцу".

Записали Н. Васюченко, Н. Каманицына, Л. Татаринова в Калужской обл., Козельском р-не, с. Каменка, 1971. ФП МГУ 03 : 4669-4671. Исп. М.И. Лобашова, 65 л.

Варианты: Киреевский, № 44, 55, 297 (первая часть), 346 (с 9-го стиха), 418, 690, 1033; Шейн, № 1734; Московская земля, № 65; Обь/Иртыш, № 21 в на с. 33 ("Ветру не был — вдруг навеяло"), № 62, 69; Село Барятино, № 1; Сибирь II, № 285, 286; Сибирь III, № 297, 298; Тульская обл., № 50; Тульск.: Ясная Поляна, № 59. Подробно нотированный напевный вариант от ансамбля из 8 певиц, поэтический текст которого почти дословно совпадает с № **199** (отсутствуют только стихи 6 и 7): Шестнадцать народных песен верховьев Оки в партитурной нотации /Сост. и предисл. В.И. Трохина. М., 1985 — (Местные стили русской народной песни). № 1. Окончание песни сравн.: Шейн, № 2234; СТУСЛП, № 433; Тульская обл., № 57; Угличские песни, № 49 (стихи 11—19). См. также № **198, 200**.

200. У Алексея у Федоровича — песня на предсвадебные посещения дома невесты гостями — женихом и его родственниками.

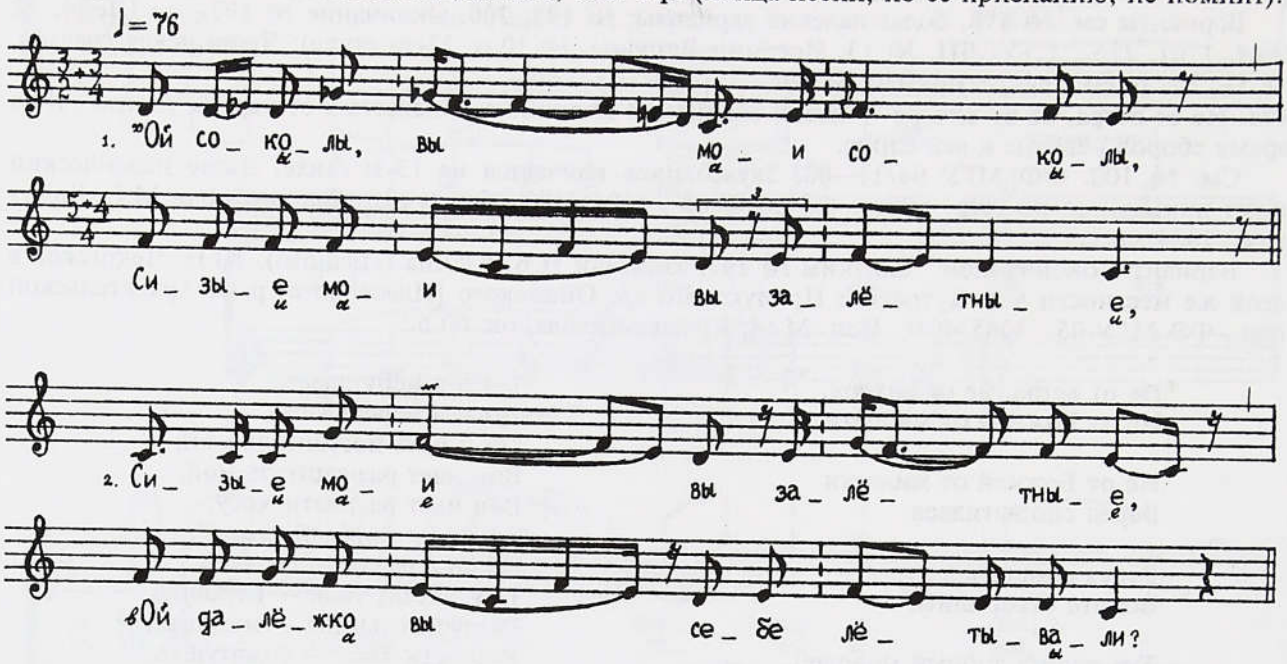
Записали (на девять мгф. каналов) М.М. Горшков, А.Н. Иванов, Е.А. Краснопевцева в Москве от анс. из Курской обл., Суджанского р-на, с. Плёхова, 1997. ЦФЭ с 817 по 825—07. Исп. Т.Т. Басова, 1931 г.р., Г.А. Забелин, 1918 г.р., М.П. Королева, 1930 г.р., А.А. Кошелева, 1919 г.р., М.А. Ламанова, 1931 г.р., А.П. Моторыкина, 1930 г.р., Е.И. Моторыкина, 1931 г.р., Е.С. Песцов, 1915 г.р., Е.М. Ходосова, 1941 г.р. Окончание с 13-го стиха наговорено Т.Т. Басовой, по ее указанию в тексте заменены имя и отчество жениха (пропеты одинаково с именем-отчеством отца невесты). В нотах высокотесситурные мужские голоса записаны и читаются по их реальному звучанию в скрипичном ключе.

---

[1] Повторение каждого стиха, кроме последнего, вызванное цепным последованием строф, далее не приводится.

201. Соколы вы, мои соколы — песня сватий по окончании как сговоров, так и венчания, до отъезда невесты к жениху.

См. № 155. ФФ МГУ 84 в/34 на первой стороне, ФЭ МГУ 13 : 6221. Окончание с 19-го стиха наговорено. То же с голоса А.А. Деминой, 1917 г.р. (конца песни, по ее признанию, не помнит):

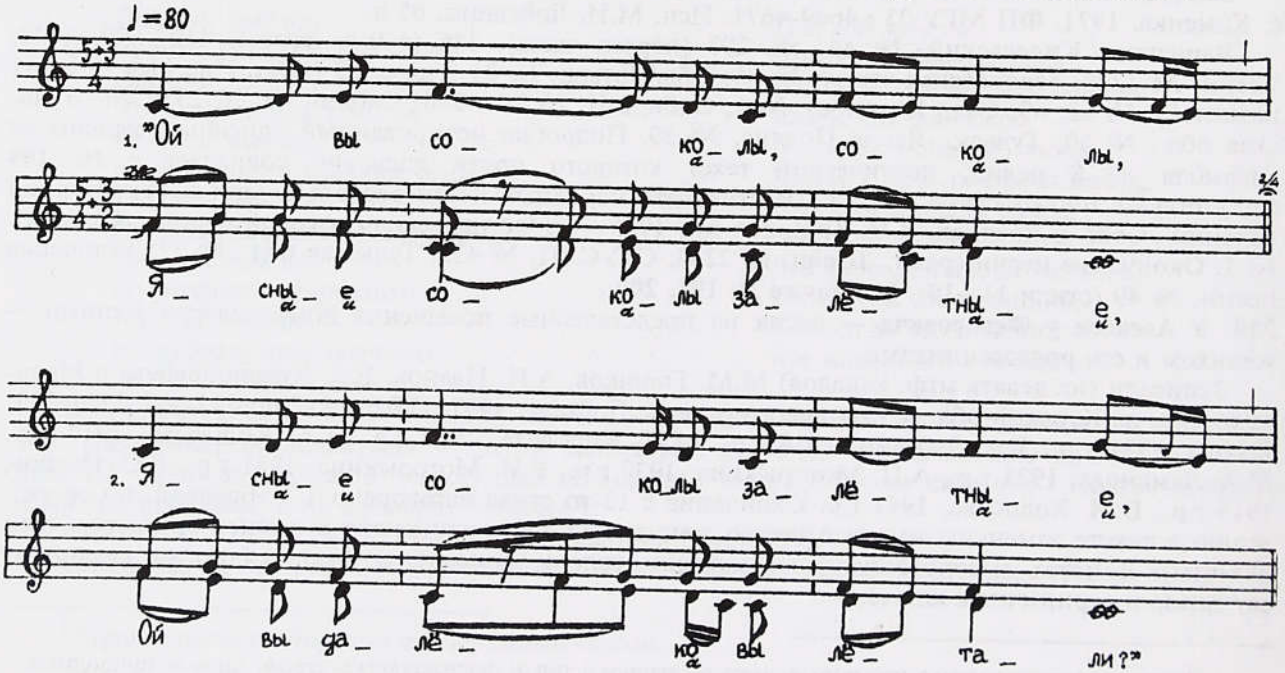


"Ой соколы, вы мои соколы,
Сизые мои вы залетные,

Сизые мои вы залетные,
Ой далёжко вы себе лётывали?

Ой далёко вы себе лётывали?" —
"Ой лётывали мы, себе лётывали,
Ой лётывали мы, себе лётывали
Ой далёко мы, на синё моря". —
"Ой что ж вы себе тама видели?" —
"Ой видели мы, себе видели
Ой серую утушку на мори". —
"Ой что ж вы себе ее не поймали?" —
"Ой поймали мы, себе поймали
Мы серую утушку на мори"...

С этим же напевом песня встречается и в соседних районах. Например, близ р. Жиздра (см. № 190) в записи ФФ МГУ 72/86—05, ФП МГУ 03 : 1635-1637 Исп. П.В. Козлова, 1917 г.р., Е.М. Шаболаева, 1920 г.р., обе род. в д. Иночке, "песня сватий после неудавшегося сватовства":



"Ой вы соколы, соколы,
Ясные соколы залетные,

Ясные соколы залетные,
Ой вы далёко вы лётали?

Ой вы далёко вы лётали?" —
"А мы лётали, лётали,

А мы лётали, лётали,
С моря на моря лётали.

С моря на моря летали". —
"Ой вы кого вы там видели?

А кого вы там видели?" —
"Ох а мы видели, видели,

Ой а мы видели, видели
Серую утушку на море,

Серую утушку на синем". —
"Ой а чего вы ее не взяли?

А чего вы ее не взяли?" —
"Ой а мы взять ее не взяли,

А мы взять ее не взяли,
Крылья-перья повыщипали.

Крылья-перья повыщипали,
На сине моря бросили,

На сине моря бросили:
"Да лети, наша утушка,

Ты лети, наша серая,
К твойму прежнему хозяину".

Некоторые из вариантов относятся к проводам сватов после вечеринки, другие же соответствуют определенной схеме свадебного ритуала, в котором от венчания жених и невеста разъезжаются на время по своим домам. Нередко исполнение песни откладывалось до момента встречи свадебного поезда с новобрачными.

Варианты: Киреевский, № 38, 126, 229, 281, 460, 728, 796, 837; Шейн, № 1505, 1876, 1967, 1973, 2054, 2103, 2451; ЛРС, № 67—71; Истомин-Ляпунов, № 10, 11; Белозерский край, № 147; Вологодская обл., № 10; Вологодск.: Сухона, № 57, 94; Вятск.: Луза, № 4; Мезень, № 158; Московская земля, с. 81, 98 (отрывок из 4 стихов), 110; Новгородск. свад., № 43; Новгородск. ф-р, № 365; Пинежье, № 111; Севская свадьба, № 99; Село Дорожево, с. 136 ("Ой гуси вы гуси, серые, белые"); Сибирь II, № 465—468; Сибирь III, № 359; Сланцевская свадьба, № 50; Смоленск. свад., № 13; СТУСЛП, № 465; Тюменская обл., № 53; Чердынская свадьба, № 151. Сравн.: Донец-Дон, № 238 (конец), 240.

202. Выше леса, выше темного — песня девушек у невесты, "сидячая".

Записала М.М. Крюкова в Курской обл., Пристенском р-не, с. Котове, 1994. ЦФЭ 730—08. Исп. Ф.И. Самофалова, 1909 г.р. Стихи 22—25 наговорены. Опорный тон и звуки нижележащих ступеней иногда звучат на четверть или треть тона выше, чем они показаны в нотах, и тогда полный шестиступенный звукоряд отчасти приближается к целотоновому. Сравните со шкалой звуковысот в № 376.

203. Высоко заря высхаживала — песня у невесты "на сводах" ее с женихом.

См. № 58. В этой же местности по р. Бузулук (хутора от ст-цы Филоновской) песню в прошлом, вероятно, знали еще и с другим продолжением, которое соответствует опубликованным ее вариантам (см. ниже). Так, П.А. Дегтярева, 1914 г.р., в соседнем хуторе Челышеве после 17-го стиха припомнила строчку "Посылают рано по воду меня", указывающую на сюжетное продолжение типа № **282, 283**, но как петь дальше — забыла.

Варианты начала песни (стихи 1—14) с зачинами "Ты звезда ли, моя звездочка (-ычка, -ушка)", "Высоко солнце всходило" и др.: Шейн, № 1851, 2559 (стихи 1—11); Московская земля, с. 142 и № 59 (стихи 1—13); Московская обл., 2-й разд., № 12, № 35. Некоторые детали сравн.: Киреевский, № 525. Близкий к № **202, 203** зачин имеется у целого ряда обрядовых и необрядовых лирических песен, некоторые примеры указаны в примеч. к № **212**.

204. Я не думала, не ведала — песня у невесты на сговорах.

Записали Н.Н. Эняева, С.М. Зардания в Калужской обл., Малоярославецком р-не, д. Нижние Горки, 1981. ФЭ МГУ 05 : 4302. Исп. Е.И.Королева, 68 л., М.Н. Сергеева, 71 г.

205. Не вчерась было, [о] Петрова дни — песня у невесты "за столом, когда молодые сватаются".

Записала Н.И. Савушкина в Архангельской обл., Ленском р-не, с. Лена, 1973. ФЭ МГУ 09 : 7183-7184. Исп. А.К. Шаньгина, 65 л., род. в с. Ирта. Начало многих местных вариантов: "Не вчера было, третьёго дни, / Накануне Петрова дни". Напев соответствует № 182.

Варианты № **204, 205**: Киреевский, № 208, 628, 860, 929, 1017 (начало); Шейн, № 1594, 1965, 2072, 2190, 2289 и 2347, 2450, 2562; ЛРС, № 44; Истомин-Ляпунов, № 2; Лядов, № 76 (вторая часть); Рыбников, с. 61 (начало); Вологодская обл., № 32; Заонежье, № 36—38; Зауралье, № 48, 77; Карельский край, № 126; Красноярский край, № 125; Ленингр. обл., № 43; Мезень, № 168; Новгородск. ф-р, № 299; Ока, № 17; Подмосковье, с. 132; Поволжье, № 581, 931, 932; Псковская обл., № 120; Сибирь I, № 3—5; Сибирь III, № 270 (с 17-го стиха), 271; СТУСЛП, № 130,

404, 405, 540; Томское Приобье, № 1; Чердынская свадьба, № 20, 160; Песни и сказки Ярославской области, № 50 на с. 288 («Не кладу я судьбу-жалобу»). Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 767; Шейн, № 1370, 1386, 1444, 1645 на с. 497 в лев. стлб., 1867; Вологодск.: Сухона, № 41; Новгородск. ф-р, № 300, 301; Поволжье, № 443, 761, 924, 1277; СТУСЛП, № 472. Варианты с усилением корильной направленности см. № **474**.

206. Как у нас было при вечеру — песня девушек "на последней вечеринке" перед свадьбой.

См. № 159. Звукозапись кончается на 11-м стихе. Стихи 6 и 8 пропущены в звукозаписи, добавлены по указанию исп., продолжение поэтического текста наговорено начиная с варианта 11-го стиха. С первой строфы по пятую строй постепенно повышается на два тона до уровня, показанного в нотах, далее высота сохраняется.

Одна из самых известных, широко бытовавших свадебных песен. Варианты: Киреевский, № 16, 152, 206, 304, 342, 352, 439, 474, 582, 594, 836, 851, 948; Шейн, № 1568, 1650, 2040, 2061, 2074, 2131, 2186, 2360, 2408; ЛРС, № 126; Песни, собранные писателями, № 34 на с. 204 (Псковская губ.); Истомин-Ляпунов, № 17, 18; Лядов, № 13; Р.-К., № 74; Белозерский край, № 107; Вятск., № 95, 96; Донец-Дон, № 224 (с другим сюжетным окончанием); Зауралье, № 63; Московская земля, с. 119—120; 131, 156; Новгородск. свад., № 20—22; Новгородск. ф-р, № 323; Поволжье, № 866; Прикамье, № 56; Рязанская обл., № 1-б; Сибирь I, № 361—364; Слапцевская свадьба, № 20, 86, 103; СТУСЛП, № 13; Томская обл., № 85; Тульская обл., № 23; Угличские песни, № 38; Чердынская свадьба, № 3, 57. Далекие варианты: Донец-Дон, № 184; Сибирь I, № 365; Сибирь II, № 283. Первую часть поэтич. текста сравн.: Киреевский, № 548; Шейн, № 2288; ЛРС, № 127, 128. Отдельные детали: Поволжье, № 1015.

207. Как со вечера, вечера — песня девушек "на сговорах", "на свадьбе всегда".

См. № 155. ФФ МГУ 84 в/35—06 (по 18-й стих), ФЭ МГУ 13 : 6234-6235.

Варианты: Шейн, № 1962; Сибирь III, № 294. Варианты без характерного для этого текста присоединения сюжетной части в конце см. № **206**.

208. Как нашей Марье нонче мало спалось — песня у невесты, "когда просватали", "когда она просыпается после последней ночи в доме матери".

Записали Г.И. Кабакова, Е.Ю. Плиско, А.А. Уткин в Калужской обл., Ферзиковском р-не, д. Желовиж, 1978. ФФ МГУ 78/2—14 (другие обозначения: 76/2, 76/95); ФП МГУ 05 : 3783. Исп. А.Е. Бунчукова, 69 л., Е.В. Наумова, 66 л., М.Д. Сапожникова, 62 л., А.В. Форманюк, 76 л. Вариант окончания по записи от А.Г. Митяевой, 55 л., в д. Губино этого же р-на в 1965 г., ФП МГУ 02 : 2847:

"...Середи мово широкого двора
Светел месяц высоко усходил,
За светлым месяцем — белая зоря,
За белой зорей — звезды частые". —
"Родимое дитятко, весь сон тебе расскажу,
Сон расскажу, все по частям разложу:
Светел месяц — суженый твой,
Белая зоря — это свадьба твоя,
Часты звезды — поезжане твои".

Окончание песни сравн.: Киреевский, № 461 (величание новобрачным), то же в переиздании: Московская земля, с. 82. Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 713.

209. Матенка, матенка — песня девушек у невесты "на посидках".

См. № 6. ФФ МГУ 72/37—02. Исп. Н.К. Дурынина, 65 л., Т.И. Сараева, 64 л., Л.Я. Тарасова, 60 л. Начало нотировано на тон выше реального звучания.

Варианты: Киреевский, № 25, 33, 339, 725; Шейн, № 1443 (вторая половина текста), 1829; ЛРС, № 122; СТУСЛП, № 129; Вятск.: А.А.Кенина, № 35 а; Мезень, № 152, 153; Новгородск. ф-р, № 485; Пинежье, № 41; Сибирь I, № 378, 379; Тюменская обл., № 12; Чердынская свадьба, № 101. Далекий вариант: Печора,№ 290. Ряд деталей сравн.: Шейн, № 2193.

210. Накатилась туча темная — песня на просватанье или, по сообщению собирателя, когда "жених приехал поездом".

Записала А.С. Монахова в Карелии [Карельская АССР], Пудожском р-не, д. Водле, 1970. Архив собирателя, копия ЦФЭ 836—01. Исп. М.Н.Васюнова, 1901 г.р., в строфах 1, 2 ей подпевает М.А. Ковина, 1908 г.р., род. в д. Нижний Падун. Вариант со 2-го стиха в записи от А.И. Ломовой: "Туча темная, осённая... / По горам туча катиласи *да,* / Горы надвое двоилисе", 8-го стиха — "Реки с песками мутилисе". Нотировано на тон ниже реального звучания.

Сравните с несколькими поэтическими текстами в записях 1960 г. в Карелии. "Поется после того как Богу помолятся, перед столом", записали Г. Григорьева, Ю.И. Смирнов в Медвежьегорском р-не, с. Данилове, ФЭ МГУ 03 : 8193. Исп. И.А. Викулина, 72 л., род. в д. Сергеево:

Наставала туча темная,
Туча темная, огромная,
Со дождями, со морозамы,
Со великими угрозамы.
По горам туча катиласи —
Буйны лесушки валилиси.
По рекам туча катиласи —
Со песком вода смутиласи.
Выставала туча темная
На батюшкин высокий двор,
На матушкин широк терём.
В этой туче темной
Наезжал да чуж-отецкой сын.

Записали Б.А. Исадченко, Н.В. Муратова в Пудожском р-не, с. Римском, ФЭ МГУ 03 : 8907-8908. Исп. И.Н. Урликова, 55 л.:

Наставала туча темная,
Туча темная, страховитая,
Со гром*о*м туча, со молнией,
Со великой Божьей милостью.
По горам туча катиласи —
Надвое она двоиласи,
По озерышкам катиласи —
По распескам помутиласи.
По лесам туча катиласи —
[*пропуск собир.*]
По церквам туча катиласи —
Со церквей главы валилися,
По деревне-то катиласи —
С крыши-то дома валилися.
Как вставала туча темная
Как над братцевым окошечком —
Туча тут ушла,
Туче место приюбилося,
Тут приехали-наехали.

Записали В.С. Кузин, А. Михеев в Пудожском р-не, д. Кургинцы, ФЭ МГУ 03 : 9925-9926, то же: 04 : 0517-0518. Исп. М.А. Прохорова, 64 л., род. в д. Бураково, песня поется, "когда подъезжает свадебный поезд ко двору".

Наступала туча темная,
Наставала страховитая
Со громами и со молниями.
По лесам туча катилася
Со великой Божьей силою.
По морям туча катилася —
Над морями туча плакала,
Там вода с песком мутилася.
По горам туча катилася —
Горы над водой дымилися.
Я стояла не боялася,
Говорила не стыдилася *да*:
"Отъезжай-ко, млад отецкой сын,
От меня, от красной девушки *да*,
Я ведь девушка не бедная,
Беру денежки не медныя.
Я ведь девушка есть важная,
Беру денежки бумажныя.
Поезжай-ко, млад отецкой сын:
Сын, у вдовушки — три девушки *да*,
По три девушки на денежку (*дешевые*),
По четыре на копеечку!"

Вариант с напевом, аналогичным в нашей подборке № **51** и **примеч.** к № 50: Карельский край, № 124. Далекие варианты: Олонецкая губ., II, № 3, с. 11 (часть сложносоставного причитания); Рыбников, № 12, с. 103, 104 ("по приезде жениха невеста причитает"). Варианты напева: Карельский край, № 125, 127, 132.

211 а), б) Из-за лесу, лесу темного — песня-"причет" накануне свадьбы, "когда девушку водят по гостям".

Текст **а)** записали Н. Притулина, Е.А. Шевченко в Архангельской обл., Плесецком р-не [Приозерный р-н], д. Самково, 1962. ФЭ МГУ 04 : 4504-4506. Исп. П.В. Верещагина, 73 л. Продолжение отсутствует. Текст **б)** записали Г. Балыкова, В.Н. Кочетов там же и тогда же. ФЭ МГУ 04 : 4964-4967, начало на мгф. записал Ю.И. Смирнов, ФФ МГУ 62/2—10. Исп. А.И. Филева 50 л. Звукозапись кончается на 7-м стихе, далее поэтический текст приводится по тетради собирателей. Записанные в этой деревне песня-причет (№ 211) и групповое причитание песенной формы (см. **примеч.** к № 51) единообразны по напеву.

Песня "Из-за лесу, лесу темного" принадлежит к числу самых заметных в русской свадебной лирике и наиболее широко представленных в изданиях, имея чаще всего двухчастное построение. Однако тексты с дальнейшим большим наращением к основной композиции песни, как в № **211 б**, чрезвычайно редки и сложились в условиях развитой плачевой культуры. Приводим еще одну из записей, сделанную Ю.И. Смирновым, Ю.А. Новиковым в 1959 г., ФЭ МГУ 03 : 7012-7014. Исп. А.М. Артемьева, 72 л., "слышала песню в Глущёве (Кенозеро)":

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садика зеленого
Выставала туця темная *да*,
Туця темная, гром*о*вая, *а*
Со дожжами со погодами *да*,
Со крещенскима морозами *да*,
Со великима невзгодами. *А*
По лесам туця катилася *да* —

Лес из кореня валилися, *а*
По горам туця катилася *да* —
Горы надвое двоилися, *а*
По воды туця катилася, *дак*
Вся вода с песком смутилася. *А*
Из-за этой туци тёмныя *да*
Вылетало там два стадушка, *а*
Перво стадушко серых гусей,
А второ стадо белых лебедей. *А*
Стадо со стадом смешалося, *а*
В стаде лебедь помешалася. *И*
Приставала тут лебедушка *да*
Ко тому стаду, ко серым гусям. *Да*
Нацинали гуси щипати, *да*
Начала лебедка крыкати:
"А не щиплите, гуси серыи *да*,
Не сама я к вам залётала *да*,
Не своей вольнёй охотушкой, *а*
Занесло меня погодушкой *а*
Во худую деревнюшецьку, *а*
Во безверьхую избушецьку. *А*
Топором двири просицёны *да*,
Долотом окна продолблёны, *а*
Решатом свету наношено *да*.
Десять лет изба не мывана, *а*
Восемь лет бука не буцены, *а*
Всё меня да дожидалися,
Моей силушки пыталися.
Моя сила не звериная, *а*
Могута не лошадиная.
Надо мыть да мне, победнушке,
Подневольной красной девушке".

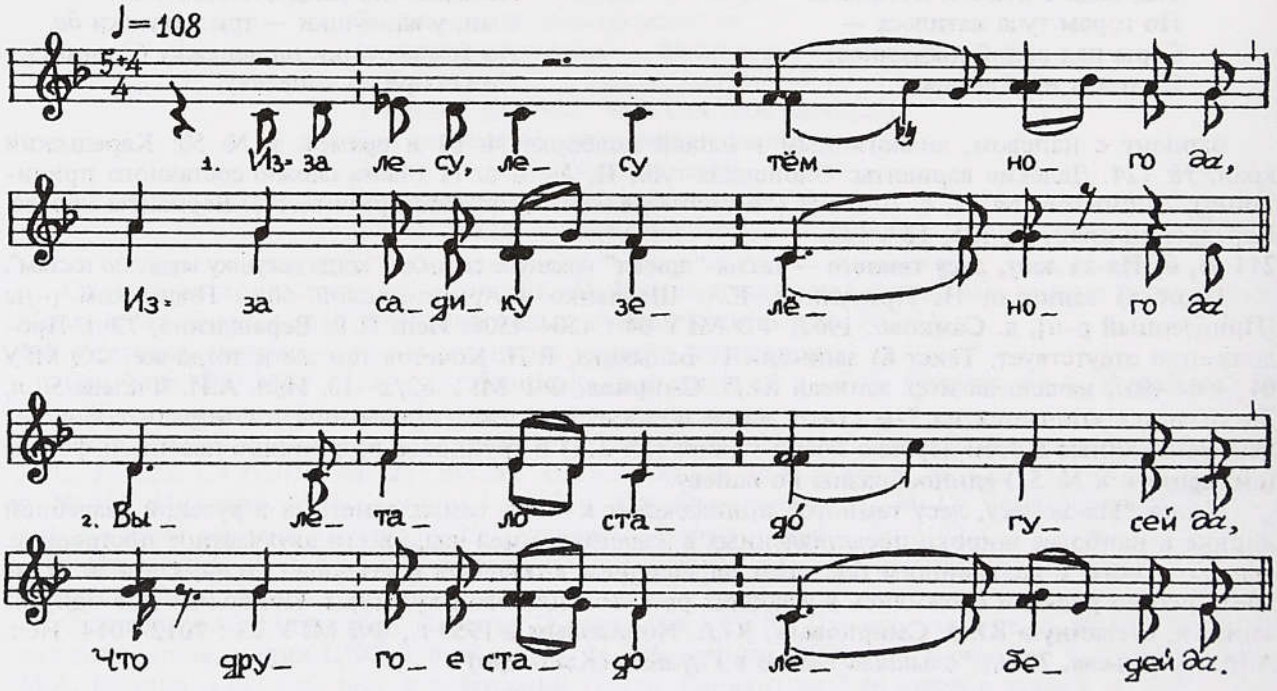
Очень сжатые варианты: Белозерский край, № 297; Вологодск.: Вожегда, № 6. Корильную часть текста (**б**) сравн.: Олонецкая губ., II, № 12 на с. 49 ("вопль невесты по возвращении с улицы").

212. Из-за лесу, лесу темного — песня девушек "на шитнике, когда невесте готовили сдарьё, чтобы расклевить ее", "на сватанье".

Записали В.А. Степаненко, Л.А. Копанцова в Архангельской обл., Красноборском р-не, д. Кузьминское Белослудского с/с, 1967. ФЭ МГУ 06 : 9317-9318. Исп. В.А. Драчева, 70 л., род. в д. Романиха. После 22-го стиха в других записях: "По прозванию Буренушка". После 25-го стиха в записи из д. Константиново Верхне-Уфтюгского с/с, ФЭ МГУ 06 : 9590-9591. Исп. К.П. Михайлова, 82 л.:

...Пошла в амбар хлеба смотреть.
Во первый сусек заглянула —
Стукоты да много *ю*коты[1], *а*
Во другой сусек заглянула —
С решето мыши едены, *а*
Во третий сусек заглянула —
Сера мышь уходилася *и*
По сусеку растянулася.
Пошла в клеть животы смотреть —
Наготы да много босаты,
Полно грядки набросано..

Напевный вариант из д. Домановской этого же р-на, ФФ МГУ 67/16—11:



[1] Синонимическое повторение. В местном говоре также: "Ни стуку, ни юку" (см.: Картотека Арх. обл. словаря филол. ф-та МГУ).

Из-за лесу, лесу темного *да*,
Из-за садику зеленого *да*

Вылетало стадо гусей *да*,
Что другое стадо лебедей *да*.

Отставала лебедушка *да*
От стада от белых лебедей *да*,

Приставала лебедушка *да*
Ко стаду *да* ко серым гусям *да*.

Ко стаду *да* ко серым гусям.
Стали гуси лебедь щипати,

Стала лебедушка крыкати *да*:
"Не щиплите, гуси серые *да*,

Не сама я к вам залетала *да*,
Занёсло меня погодушкой *да*...".

"Раньше шитники собирали, шить сдарьё — придано. Дак вот тогда невесту клевили, чтобы невеста ревела. Хошь, не хошь — реви! Она и чепается да ревет".

Общераспространенные варианты № **211, 212** (без характерных для наших текстов развернутых завершающих частей): Киреевский, № 20, 43, 68, 217, 288, 296, 601, 698, 734 (с 10-го стиха), 758, 759, 983; Шейн, № 1525, 1651, 1712, 2159, 2207, 2361; ЛРС, № 242, 268—270; Истомин-Дютш, № 12; Истомин-Ляпунов, № 4 ("Уж вы симена, симена, / Много вас было сеяно"); Р.-К., № 81; Ветлужская сторона, № 51, 170; Вологодск.: Сухона, № 81, 104; Воронежская обл., № 90 (далекий вар-т); Вятск.: А.А.Кенина, № 46; Донец-Дон, № 262 ("Как по морю, морю синему"); Зауралье, № 45; Карельское Поморье, № 151; Ленингр. обл., № 51 (с 19-го стиха); Мезень, № 151; Московская земля, с. 91, 154, № 67 на с. 239; Московская обл., № 78; Новгородск. свад., № 17, 37, 39—42; Новгородск. ф-р, № 359, 360; Пинежье, № 90; Поволжье, № 906 (далекий вар-т), 918, 919, 1041; Поморье, № 76; Прикамье, № 68; Псковская обл., № 112; Сев. Двина, № 37; Села Колежма и Нюхча, с. 106—109; Сибирь II, № 421—425; Сибирь III, № 334—337; Сланцевская свадьба, № 66, 85, 107 (все "Из-за гор, гор высокиих") и 104; СТУСЛП, № 440, 443 ("Как на синем было на море"); Тер. б-г Белого моря, № 9; Тульская обл., № 59 (с 10-го стиха); Тульск.: Ясная Поляна, № 32; Угличские песни, № 58 а (вторая часть текста), с. 228, 229 ("когда увозили или ставили красоту"); Чердынская свадьба, № 150. Некоторые примеры зачина и характерных сюжетных деталей в других песнях и причитаниях: ЛРС, № 495; Истомин-Ляпунов, № 12; Р.-К., № 63; Вятск., № 91, 111 (стихи 11—15), 121 (стихи 9—17); Донец-Дон, № 184; Карельский край, № 75; Печора, № 46; Подмосковье, с. 123—126; Поволжье, № 574, 890; Сибирь II, № 426, 427, 456; СТУСЛП, № 2 (413), с. 107; Угличские песни, № 49. Зачин сравн. также в № **187, 202, 203**. Формульное выражение "Не сама я..." характерно для целого ряда песен: № **243—246, 449** и др.

213. Соколок белый все Иванушка — песня на предсвадебной неделе под окном у невесты, на вечернем и утреннем девишнике, на проводах к венчанию.

Записали С.Ю. Власова, Е.Г. Веремеенко, С. Рапенкова в Рязанской обл., Касимовском р-не, с. Савостьянове, 1990. Архив С.Ю. Власовой. Исп. Е.Ф. Володькина, 1915 г.р., П.А. Володькина, 1915 г.р., М.И. Ушакова, 1917 г.р., А.Ф. Юнина, 1912 г.р. Напев соответствует № 244.

Варианты: Московская земля, с. 147 (в записи 1913 г. с данными о сроках исполнения песни начиная с запоя); Ока, № 28; Рязанская обл., №.73 (с типично величальным окончанием: после имен невесты и жениха изображен жених на коне). Сравн. с некоторыми родственными друг другу песнями, имеющими близкие зачины: Киреевский, № 194; Шейн, № 1654, 1875, 2497 (величание жениху); Донец-Дон, № 238; Новгородск. ф-р, № 324, 367; Московская земля, № 69 (величание жениху); Московская обл., № 79; Угличские песни, № 62; Яренские песни, № 2.

214. Надлетая, надъезжая вот сокол над зеленый сад — последняя песня девушек "на посаде" утром перед встречей свадебного поезда.

См. № 124, исп. указаны в № 125. Стихи 7, 8 пропущены в пении, наговорены после конца песни.

Редкая песня. Варианты: Воронежская обл., № 59; Севская свадьба, № 76. Зачины № **213, 214** сравн.: № **157**.

215. Чего, Галя, вечор сидишь, не заплачешь — песня девушек накануне свадьбы в доме невесты, когда она сидит в кути.

Записал А.Н. Иванов в Брянской обл., Мглинском р-не, с. Вормине, 1986. Архив собирателя. Исп. У.Ф. Лабека, 1927 г.р., В.Я. Лахтурова, 1911 г.р. Две последние строфы песни досказаны В.Я. Лахтуровой.

216. Матушка, да что в поле пыльно — песня девушек у невесты, "когда наряжали елочку".

Записали М.А. Аганина, Н.В. Вдовченко в Калужской обл., Ферзиковском р-не, д. Шахово,1978. ФФ МГУ 78/35—04 на второй стороне, ФП МГУ 05 : 3148-3149. Исп. П.Г. Попова, 64 л., А.Н. Чепурова, 67 л.

Начало песни в записи из д. Игнатовской Малютинского с/с, сделанной в 1963 г., ФП 01 : 8404-8405. Исп. М.П. Данилова, 1916 г.р. Собиратели М. Ионисиани и Л. Полякова зафиксировали вариантные повторы лишь отдельных стихов:

"Матушка, что во поле зелено,
Родная, а что запылило?" —
"Дитятко, там кони играют". —
"Матушка, чьи это кони?" —
"Дитятко, Ивановы кони,
Родная, его вороные". —
"Матушка, куда они едут?" —
"Дитятко, они к нам в деревню,
Милая, они к нам в большую". —
"Матушка, почто они едут?" —
"Дитятко, по красных по девок"...

Песня включалась, как правило, в различные эпизоды обряда от сговоров (девишник) до появления поезжан в доме невесты и момента передачи невесты жениху. Тексты появляются в изданиях с рубежа XVIII—XIX вв. (*Прач И.* Собрание русских нар. песен, ч. 2, № 5). Варианты: Киреевский, № 330, 412, 443, 549, 811, 982 (из сб. Прача); ЛРС, № 195; Р.-К., № 91; *Круглов Ю.Г.* Русские обрядовые песни. 2-е изд. М., 1989, № 200 (Калужская обл., Медынский р-н); Обь/Иртыш, № 61; Подмосковье, с. 128, 129; Севская свадьба, № 140; Село Завгороднее, № 12 б; Сибирь II, № 288; СТУСЛП, № 382; Томская обл., № 83; Тульская обл., № 44; Чердынская свадьба, № 137. Далекие варианты: Киреевский, № 927; ЛРС, № 195; Обь/Иртыш, № 59, 60; Севская свадьба, № 141; Сибирь II, № 287. Сравн. с юмористическим игровым "дублером" этой песни: № **311**.

217. Солнышко, матушка, за лес котится — песня "невесте, которая выходит замуж в радости".

См. № 179. ФП МГУ 04 : 2570-2571.

Напевный вариант: *Рубцов Ф.А.* Ольшанские песни, записанные в селе Ольша на Смоленщине. Л.;М., 1971. № 8. Некоторые детали сравн.: Севская свадьба, № 53.

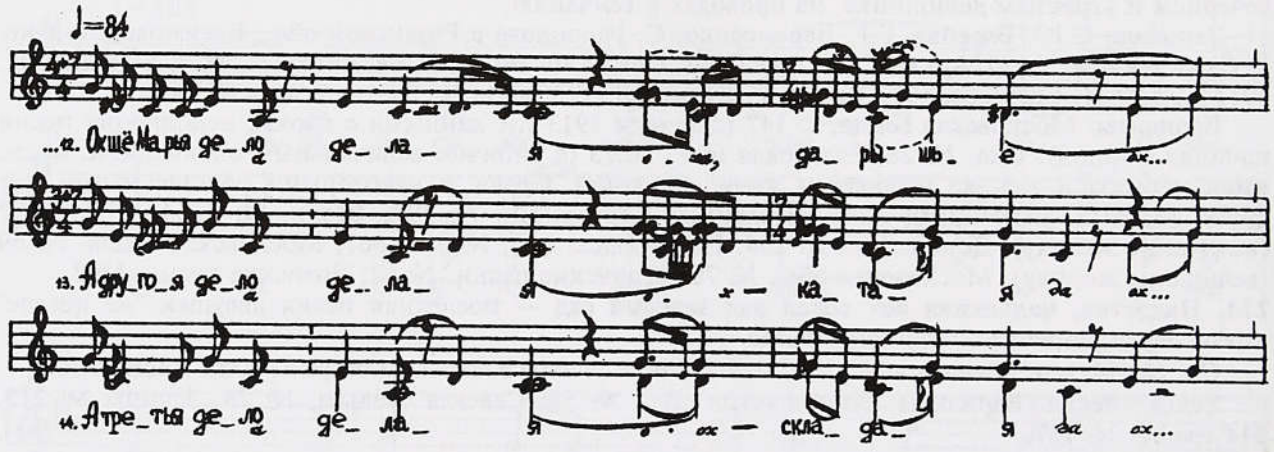
218. Солнышко за лес закатилося — песня на проводах невесты.

Записали Н.Н. Минакова, Т.А. Лукашева в Калужской обл., Ферзиковском р-не, д. Бронцы, 1978. ФП МГУ 05 : 3298. Исп. Н.П. Курносикова, 74 л., род. в д. Кен Ульяновского р-на, песня оттуда же. Один из вариантов напева см. № 236.

Вариант: Калужск., с. 131.

219. Тёмно ли тёмно на небе — песня на предсвадебных посиделках и девишнике, она могла сопровождаться причитанием невесты.

Записал (наложением на соло) А.Н. Иванов в Белгородской обл., Алексеевском р-не, с. Подсереднем, 1981. Архив собирателя. Исп. М.И. Башкатова, 1906 г.р., род. в с. Мало-Быкове Красногвардейского р-на [Бирюченский у. Воронежской губ.]. Напев близок № 252, в сольном пении М.И. Башкатовой больше выражена некоторая подвижность формы, связанная с расширениями напевного стиха, а также и звукоряда (включение в запев субтерцового тона "ля"):



Варианты: Киреевский, № 147, 148, 228, 238, 529, 614; Шейн, № 1940; Сланцевская свадьба, № 31, 71, 108; Чердынская свадьба, № 124. Сравните с сюжетно близкими песнями: Шейн, № 1846, 1907; Донец-Дон, № 22 (по 12-й стих); Московская земля, с. 141; Новгородск. ф-р, № 371 (с 21-го стиха); Прикамье, № 85; Псковская обл., № 231; СТУСЛП, № 3; Тульская обл., № 28. Зачин сравн.: № **135**. Сюжетное сходство с № **219** также имеет величальная песня № **374**.

220. Ох темная осенняя ноченька — песня с эротическими чертами "на ночном посаде" (вечерний девишник).

См. № 124. ЦФЭ 294—10.

Редкая песня. Некоторые детали сравн.: Донец-Дон, № 126 (с 11-го стиха). Близкий зачин имеет в нашей подборке песня № **289**.

221. Около саду зеленого — песня на девишнике (все вечера последней недели перед свадьбой) и свадебным утром.

См. № 116.

222. Мимо саду зеленого — песня девушек у невесты во время шитья даров и "на вечерухе" за столом с украшенной елочкой.

Записали Белкина, Двинянинова (и. о. не указаны) в Калужской обл., Кировском р-не, д. Глиньково, 1974. ФП МГУ 04 : 6660-6662. Исп. П.Н. Корнеева, 1902 г.р.

Сравните с одним из вариантов, который записали Е.В. Коркина, М.А. Эскина в Калужской обл., Куйбышевском р-не, д. Проходы, ФП МГУ 05 : 2051. Исп. Е.Г. Антохина, 74 л. "Пелась за елкой", начало и конец песни записаны с пересказа, поэтому строфическая форма с двойным рефреном *Раным рано, Душа ль мой* и повторением каждого стиха нами не приводится, оставлены только измененные повторения стихов с упоминанием имени и отчества:

Мимо саду зеленого
Соловьюшка облетает,
В высокий терем заглядает,
Он у пташечки пытает:
"Чи тут моя ой пташечка?" —
"(О)на тут была, гнездо вила.
К ней пташечки прилетали,
Гнездо вить ей помогали".
Мимо терема высокого,
Там Васюнька объезжает,
Там Иванович объезжает,
В высок терем заглядает,
Он у девушек пытает:
"Чи тут моя ой Манюшка,
Чи тут моя Ивановна?" —
"Она тут была, дары шила.
К ней девушки приходили,
По ниточке приносили,
Дары шить ей помогали".

Варианты № **221, 222**: Севская свадьба, № 50; Село Завгороднее, № 11; Смоленск. свад., № 2.

223. Ох ты травка медуница — песня у невесты на сговорах, "когда дарют" гостей — родственников жениха.

См. № 185. ФЭ МГУ 14 : 8818, ФФ 85/24—03. Во время пения строй постепенно повышается на тон от уровня, показанного в нотах.

Вариант окончания по записи ФЭ МГУ 14 : 8741 (исп. см. № 139):

..."Я за Женю замуж пойду,
Замуж пойду, разживуся,
Разживуся, разбогатею,
Пущу дары на все дворы,
Свекре — платье, хоть носовой платок".

224. Земзелюшка луговая — песня у невесты на девишнике до приезда в гости жениха с парнями.

См. № 151. ЦФЭ 902—25 (соло), 903—24 (наложение). Певица специально отметила: "Имен в этой песне не называют". В записи соло ошибочно спела в 1-м стихе "молодая", затем исправила на "луговая". Пропущена в пении и вставлена по ее указанию четвертая строфа.

Варианты: Севская свадьба, № 79, 81. Сравн.: Смоленск. свад., № 12.

225. Да он, Марьин батюшка — песня девушек утром "на посаде". Как бы реплика на утреннее причитание невестиной матери, см. № **27 б**.

См. № 143. ЦФЭ 291—11. Нотировано на полтора тона выше реального звучания.

Некоторые детали сравн.: Севская свадьба, № 229.

226. Да устану ранешенько а) ...Пойду я во сенички, б) ...Пройду вдоль по улицы — песня на вечернем (**а**) и утреннем (**б**) девишнике.

См. № 110.

Варианты песни (**б**): Шейн, № 2055; Донец-Дон, № 14; Севская свадьба, № 3; Село Сенное, № 49/4; Сибирь I, № 24. Отдельные детали сравн.: Шейн, № 1910; Село Дорожево, с. 134, 135; Обь/Иртыш, № 150.

227. Не было ветру — понавеяло — песня у невесты "на вечерухе".

Записала Т. Петрашева в Калужской обл., Куйбышевском р-не, д. Синявке Ветмицкого с/с, 1984. ФФ МГУ 84в/5—07. Исп. Н.П. Кузнецова, 82 л. (запевала), А.Н. Ульянова, 74 л., Н.И. Батурина, 52 л. Во время пения строй постепенно повышается на полтора тона. С первой строфы по шестую поют дуэтом, вторая и третья певицы присоединяются к запевале чередуясь между собой. В седьмой строфе поют втроем.

Предлагаем для сравнения поэтический текст, записанный в этом же районе в д. Березовке в 1977 г., ФП 05 : 1675-1704, исп. А.Г.Семенова, 1897 г.р., песня связана с приездом сватов к невесте накануне свадьбы "на вечеруху":

Э-ох не было ветру *ох,*
Не было ветру — понавеяло *э-ох,*
Не было ветру — понавеяло.

Э-ох не было гостей *ох,*
Не было гостей — понаехало,
Не было гостей — понаехало.

Э-ох полон дворик *ох,*
Полон дворик вороных коней *ох,*
Полон дворик вороных коней.

Э-ох полон сарай *ох,*
Полон сарай золотых карет.

Э-ох обломили *ох,*
Обломили сени новые,
Сени новые с переборами.

Э-ох восступилась *ох,*
Восступилась рання свашенька *ой,*
Восступилась свет молодая.

Э-ох услыхал же *ох,*
Услыхал же свет дружинушка *ох,*
Услыхал же свет молоденький:

"Э-ох не тужь, не горюй,
Не тужь, не горюй, рання свашенька *ой,*
Не тужь, не горюй, все молоденька.

Э-ох ў мине братья *ох,*
Ў мине братья — усе мастеры,

Э-ох и плотнички *ох,*
И плотнички, и работнички,
Ой швечики и кузнечики.

Э-ох срубят тебе *ох,*
Срубят тебе сени новые,
Срубят тебе с переборами.

Э-ох сольют тебе *ох,*
Сольют тебе чару новую,
Чару новую, полуженную.

Э-ой а я ж тебе *ох,*
А я ж тебе соловей буду,
А я тебе молодой буду".

Варианты: Киреевский, № 4, 40, 63, 297 (вторая часть), 445, 785, 992; Шейн, № 1526 (с 13-го стиха, перед которым в качестве первой части песни — "Олень-золотые рога"), 1854, 2045, 2308, 2560; ЛРС, № 255; Балакирев, № 1, 44; Истомин-Дютш, № 4; Истомин-Ляпунов, № 15, 16; Лядов, № 78; Вологодск.: Сухона, № 53; Вятск., № 116; Вятск.: А.А.Кенина, № 29; Вятск.: Луза, № 1; Донец-Дон, № 54 ("Не буйные с гор ветры понавенули"); Красноярский край, № 82, 130; Московская земля, с. 92; Обь/Иртыш, № 49, 58; Орловская обл., № 29; Поморье, № 32, 72; Рязанская обл., № 46; Севская свадьба, № 142; Сибирь II, № 349, 350, 355; Сибирь III, № 300; Смоленск. свад., № 11; СТУСЛП, № 432; Томское Приобье, № 30; Тульская обл., № 49; Челябинская обл., № 21; Чердынская свадьба, № 131. Далекий вариант: Новгородск. ф-р, № 346. Отдельные детали: Шейн, № 1948[б]; СТУСЛП, № 430. Также см. № **228**.

228. Не было ветру — вдруг навенуло — песня у невесты до или во время встречи свадебного поезда, иногда по окончании сговора.

См. № 164. Исп. А.Е. Бокова, 1913 г.р., П.И. Дворяшина, 1916 г.р. (запевает), А.А. Золототру-бова, 1929 г.р., А.П. Лотарева, 1913 г.р., Е.А. Мальцева, 1918 г.р., А.П. Пупынина, 1910 г.р., Е.В. Пупынина, 1914 г.р., П.З. Шемякина, 1915 г.р. Окончание с шестой строфы наговорено. Начало песни нотировано на полтора тона выше реального звучания.

Характерный поэтический зачин в некоторых соседних селах на примере записи в д. Кулешовке Красногвардейского р-на Белгородской обл. (повторение каждого стиха опускается):

Налетело, ой налетело полон ток голубей.
Поклювали, поклювали ярову пшаницу,
Ой да попили, ой попили ключеву водицу.
Ой наехало, ой наехало полон двор бояр.
Да приступили, да приступили кы новым сеням,
Поломили, ой повалили сени новые,
Поваляли, ой поваляли дубовы столы,
Поразлили, ой поразлили зелено вино,
Помарали, ой помарали шиты скатерки.

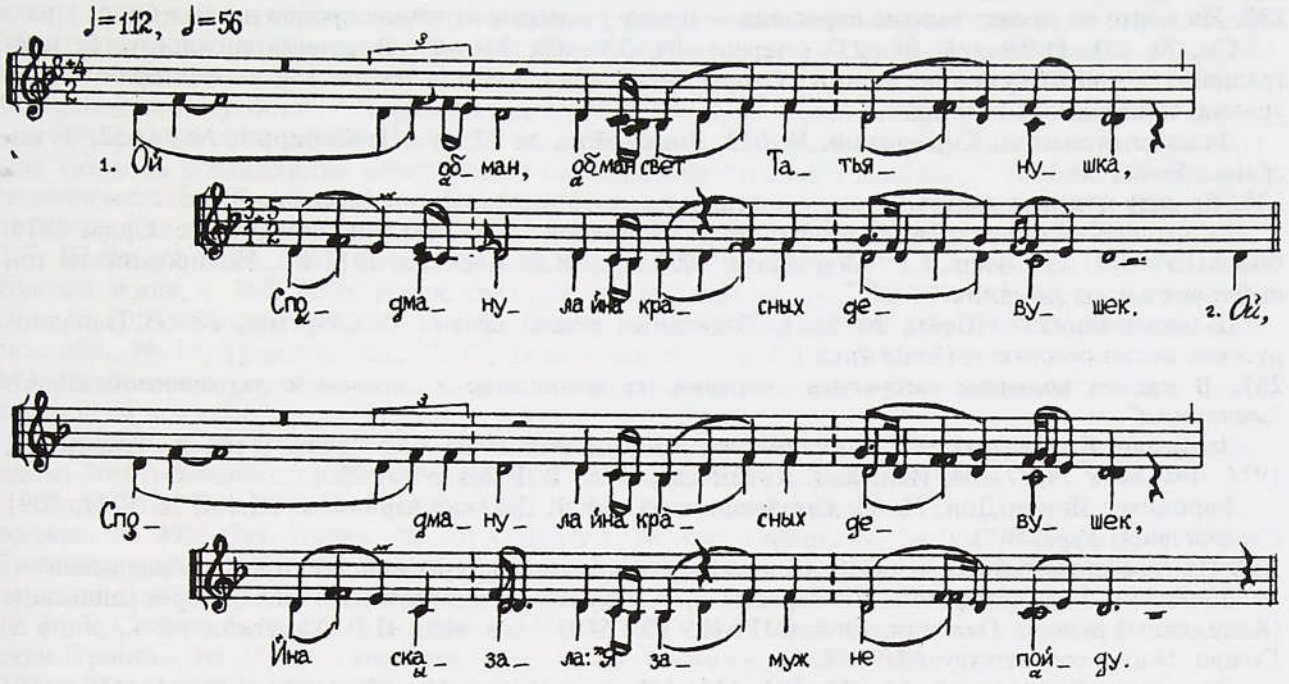
Варианты: Киреевский, № 191, 567; Шейн, № 1526; ЛРС, № 65, 215; Вятск., № 102; Московская обл., № 84; Пинежье, № 101; Севская свадьба, № 143; Сибирь I, № 340; Русские народные песни, напетые А.А. Степановой /Сост. И.И. Земцовский. Л.;М., 1975. № 16. Отдельные детали: Шейн, № 1753; Псковская обл., № 118. Зачин № **227, 228** также см. в песнях № **112, 113, 199, 414**.

229.[Как Надеждушка омманщица] — песня "на посидках".

См. № 4. ФФ МГУ 72/62—03. Исп. жен. ансамбль 7—9 чел., из них указана только запевала Н.А. Земцовская, 74 л. Звукозапись сделана в праздничный день на открытом воздухе, начата с половины первой строфы, пение иногда перебивается шумом, разговорами. Голос в головном регистре иногда плохо слышен (обозначен точечными нотными головками).

230. Не сподман, сподман ой Манюшка — песня у невесты под окнами или в доме на сговорах.

Записали М.И. Морозова, Л.Г. Петренко в Калужской обл., Куйбышевском р-не, с. Мамоновка, 1977. ФП МГУ 05 : 2346. Исп. А.М. Глаголева, 1908 г.р. Напев в с. Бутчино этого же р-на, ФФ МГУ 84 в/35—04, исп. указаны в № 155:



Варианты № **229, 230**: Киреевский, № 29, 119 (с 9-го стиха), 236 (с 8-го стиха), 274, 327 (с 10-го стиха), 659 (с 6-го стиха), 737 (с 8-го стиха); Шейн, № 2187, 2558 (с корением жениху в окончании сюжета); ЛРС, № 35, 172—174; Вологодская обл., № 8 ("Вы цветы ли мои, цветики"); Вятск., № 87 (с зачином типа № **270, 271** в нашей подборке); Мезень, № 175; Нижегородская земля, с. 3; Новгородск. свад., № 7, 8; Обь/Иртыш, № 48; Ока, № 25; Печора, № 371; Пинежье, № 42, прилож. № 4; Поволжье, № 578, 579, 582, 893, 936; Сев. Двина, № 24, 36; Сев. Подмосковье, № 4; Сибирь I, № 319, 322, 323; Сибирь II, № 103, 183; Сланцевская свадьба, № 2 ("Вы цветы ли наши цветички"); СТУСЛП, № 181; Тюменская обл., № 17; Чердынская свадьба, № 119. Далекие варианты и отдельные детали: Шейн, № 1514, 1705, 1761, 2263, 2265, 2435 (с 11-го стиха); Истомин-Ляпунов, № 1; ЛРС, № 188 (стихи 1—8); Московская земля, № 58; Московская обл., № 67; Новгородск. ф-р, № 301; Обь/Иртыш, № 161; Поволжье, № 763; Рязанская обл., № 24; Сланцевская свадьба, № 87; Тульская обл., № 22 (стихи 5—8); Челябинская обл., № 23. Песня имеет ряд общих деталей с распространенной в западных и юго-западных областях России песней "Неправедное дерево калина" ("Неправдива малина" и др.), см. например: Киреевский, № 977.

231. Ой ў тереме да за дверьямы горела лучиночка — песня у невесты "на вечарухе".

См. № 215. Исп. Е.Ф. Бутикова, 1930 г.р., У.Ф.Лабека, 1927 г.р., В.Я.Лахтурова, 1911 г.р.

Отдельные детали сравн.: Р.-К., № 85; Донец-Дон, № 15; Обь/Иртыш, № 152, 160.

232. У нас на Дунайку на бережочку, на желтом песочку — песня у невесты "на пропиванках", на договоре, а также на второй день после свадьбы, когда родственницы новобрачной "несут снедать невесте".

Записали М.М. Крюкова, И.Г. Максимова в Белгородской обл., Шебекинском р-не, с. Суркове, 1995. ЦФЭ 778—07 (соло), 777—07 (наложение). Исп. Ф.В. Астапова, 1913 г.р., в 1-й строфе подпевает А.Д. Неклюдова, 1913 г.р. Стихи 5—10 вставлены по указанию исп., напеты на контрольной записи. Строй постепенно повышается на тон до уровня, показанного в нотах.

233. У нас на Дону, а в нас на Доночку на крутом бережочку — песня у невесты после пропоя или сводов по свадебное утро включительно.

Записали (на три мгф. канала) И.В. Новичкова, Л.М. Чернова, А.Н. Иванов в Курской обл., Льговском р-не, с. Марица, 1990. ЦФЭ 205—03, 206—18, 203—04. Исп. П.А. Бушина, 1928 г.р., Е.Н. Колупаева, 1914 г.р., В.З. Ларина, 1914 г.р.

Варианты № **232, 233**: Севская свадьба, № 253, 254; Село Сенное, № 55/5. Отдельные детали: Село Дорожево, с. 123—125; Село Завгороднее, № 24.

234. Черная галка на (и)волге сидела — песня "на пропое".

Записал А.Н. Иванов в Белгородской обл., Алексеевском р-не, с. Подсереднем, 1983. Архив собирателя. Исп. Е.К. Ходыкина, 1898 г.р. Стихи 6—11 наговорены. Нотировал А.Н. Иванов.

Варианты начала песни: Киреевский, № 722, 1030; ЛРС, № 209; Шейн, № 2036; Воронежская обл., № 59; Донец-Дон, № 207, 208; Обь/Иртыш, № 151; Севская свадьба, № 52; Село Завгороднее, № 8; Село Сенное, № 55/2; Усердская сторона, № 101. Варианты продолжения сюжета сравн. в № **232, 233**, а также **365**.

235. На марте на месяцу выпала порошица — песня у невесты от начала пропоя до свадебного утра.

См. № 131. ЦФЭ 228—08, 232 (стерео)—09, 230—09, 234—09. В запевах интонируется нейтральная, немного суженная терция. Строй постепенно повышается на тон — полтора тона до уровня, показанного в нотах.

Далекие варианты: Киреевский, № 612; Донец-Дон, № 17, 18, 71; Сибирь I, № 56, 57. Зачин сравн.: Р.-К., № 16.

236. Во саду кокушка кокует — песня девушек на вечерине (девишник) "за елкой".

Записали Г. Синдрякова, Т. Агафонова в Калужской обл., Жиздринском р-не, с. Орля, 1975. ФФ МГУ 75/47—29. Исп. Т.Р. Андрюкова, 1909 г.р., М.В. Алехина, 1911 г.р. Нотировано на тон выше реального звучания.

Далекий вариант: Шейн, № 1861. Отдельные детали сравн.: Обь/Иртыш, № 95 (западнорусская песня со стихом (3+3+4) сл.).

237. В нас во полюшке загоралося — песня на девишнике за столом с украшенной елкой, "заелошная".

Записали Г. Боброва, В. Кожевникова в Калужской обл., Кировском р-не, д. Кулаковке, 1974. ФФ МГУ 74/77—04. Исп. К.Д. Кузмичева, 67 л., В.Д. Захарова, 49 л.

Варианты: Донец-Дон, № 60; Смоленск. свад., № 4. Далекие варианты: Шейн, № 1757, 2091 ("когда лепят каравай").

238. На горе стоит елушка — песня на девишнике за столом с украшенной елкой, "елочная песня".

Записали Л.А. Астафьева, Н. Варламова, А. Журавлев в Калужской обл., Перемышльском [Калужском] р-не, с. Песочня, 1968. ФП МГУ 02 : 5407-5408. Исп. Н.В. Хапугина, 60 л., род в д. Гулево. Напев соответствует № 208.

Варианты: Киреевский, № 272, 294, 442, 450, 761; Шейн, № 1600, 1920; ЛРС, № 167—169; Заонежье, № 59; Красноярский край, № 89; Ленингр. обл., № 48 (начало); Московская земля, с. 78, 149, 159, 166; Новгородск. ф-р, № 330; Поволжье, № 577; Рязанская обл., № 42; Сибирь III, № 365; СТУСЛП, № 42; Тульская обл., № 31; *Травина И.К.* Русские народные песни родины П.И.Чайковского. М., 1978. № 36. Далекие варианты: Киреевский, № 939, Шейн, № 1878; Белозерский край, № 323; Вологодск.: Вожегда, № 16; Новгородск. ф-р, № 331. Зачин сравн.: Тульская обл., № 22, 25, 57.

239. Сборная суббота настала — песня на зарученах, "поет девка зарученная".

Записали Л. Кутузова, И. Кондакчьян в Калужской обл., Юхновском р-не, д. Павловск, 1973. ФП МГУ 04 : 2586-2588. Исп. А.А. Лененкова, 58 л., род. в Руднянском р-не Смоленской обл. Песня с ее родины.

240. Сборный, сборный день суббота — песня в начале вечернего девишника.

Записали А.Н. Иванов, В.Н. Медведева в Воронежской обл., Острогожском р-не, с. Русская Тростянка, 1983. Архив А.Н. Иванова. Исп. М.Д. Акульшина, 1911 г.р., А.И. Лахина, 1906 г.р., П.С. Рассохина, 1917 г.р. (запевала). Поэтический текст с 9-го стиха наговорен П.С. Рассохиной.

241. Собирала цветы Марьюшка — песня у невесты "за елкой" утром до венчания.

Записал Н.С. Бурмистров в Московской обл., Наро-Фоминском р-не, г. Верея, 1962. ФП МГУ 01 : 5820-5821. Исп. К.Н. Жёсткова, 56 л., род. в д. Годуново Богородской волости, Верейского у. (пометка собир.).

Варианты № **239—241**: Киреевский, № 129, 215, 223, 324, 786, 853, 854; Шейн, № 1567, 1850, 1860, 1896, 2062, 2458; ЛРС, № 116, 118; Рыбников, с. 49, 50; Стахович, № 32; Белгородская обл., № 15; Белозерский край, № 103; Воронежская обл., № 88 ("Катилося ясное солнышко вдоль по залесью"); Донец-Дон, № 166—168, 209; Московская земля, с. 91, 113, 142, 157, № 57 на с. 231; Новгородск. свад., № 24; Новгородск. ф-р, № 308; Обь/Иртыш, № 22, 88, 89, 167; Поозерье, № 96 ("Синие булаки [облаки] на Дунай пошли"); Сев. Подмосковье, № 1; Севская свадьба, № 51; Село Сенное, № 52/1; Сибирь I, № 330—334, 343; Сибирь III, № 257, 261, 263, 264; СТУСЛП, № 146, 378; Чердынская свадьба, № 106. Далекие варианты: Киреевский, № 562; ЛРС, № 117, 280; Новгородск. свад., № 25; Поволжье, № 867; Прикамье, № 70; Сибирь III, № 251, 258, 259. Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 298, 671, 772; Р.-К., № 28 на с. 254 (см. конец текста, начало перекликается с сюжетом типа № **353**); Обь/Иртыш, № 141, 155; Сибирь III, № 262, 266. Также см. № **176 г, 334**.

242. Недолго веночку на стенке висеть — песня на девишнике за столом с украшенной елочкой-"кр*о*сатой".

См. № 30. ЦФЭ 003—21. Исп. М.А. Колабзина, 1913 г.р., Т.Е. Чекуланкова, 1910 г.р., Л.Л. Шлякова, 1926 г.р. Нотировано на полтора тона выше реального звучания.

Варианты: Шейн, № 2266; Московская земля, № 53 (короткий текст); Московская обл., 2-й разд., № 37. Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 89, 710, 711, 852; Шейн, № 1554, 1569, 1803, 2399; Вятск., № 69; Вятск.: А.А.Кенина, № 37 а; Прикамье, № 47; Сибирь I, № 121—125; Сибирь III, № 221; СТУСЛП, № 55; Чердынская свадьба, № 6. Песни с зачином "Недолго веночку..." нередко являются собирательными по отношению к лирическим мотивам и темам близкой разлуки, которые лишь кратко представлены в той или иной последовательности, тогда как в других случаях те же поэтические образы развернуты в самостоятельных сюжетах песен "Сборный день суббота", "Затрубили трубушку", "У ворот береза стояла", песен во время заведения невесты за стол, дарения невесты ее родителями и др. Своего рода эмблемы соответствующих сюжетов соединяются между собой после зачина "Недолго веночку..." на основе общности силлабического стихосложения (6+5) сл. и формы многих песен прощального цикла. В изданиях представлены песни различных сюжетов с близким началом, некоторые из них: Киреевский, № 335, 917; Шейн, № 1593, 1960, 2167; ЛРС, № 191; Вятск., № 79; Вятск.: А.А.Кенина, № 29 а; Московская земля, с. 167; Новгородск. свад., № 14; Новгородск. ф-р, № 309; Обь/Иртыш, № 72, 73; Ока, № 20; Рязанская обл., № 8; Сев. Двина, № 26; Сибирь II, № 413; СТУСЛП, № 397; Томская обл., № 12; Тульская обл., № 37; Тюменская обл., № 47; Угличские песни, № 40.

243. Перепелочка-ласточка — песня у невесты во время девишника "на смотренье", "когда жених приехал за невестой".

Записали Е.М. Гинодман, Н. Гидаспова в Архангельской обл., Холмогорском р-не, д. Мелондово Зачатьевского с/с, 1969. ФЭ МГУ 08 : 0519. Исп. Ф.С. Лопухина, 83 л.

Варианты: Киреевский, № 433; ЛРС, № 60; Истомин-Ляпунов, № 7, 8; Пинежье, № 87, Поволжье, № 907; Сев. Двина, № 35; Сибирь I, № 314; Сибирь II, № 316; Сибирь III, № 269; Тюменская обл., № 19, 20; Чердынская свадьба, № 17. Сравн.: Киреевский, № 67; СТУСЛП, № 385. С другими сюжетными продолжениями: Шейн, № 2477; Вятск., № 119, 119 а; Вятск.: А.А.Кенина, № 36 б; Сибирь I, № 153, 154; Сибирь II, № 165, 216 (с присоединением корения свату); Томское Приобье, № 25, 26; Тюменская обл., № 18. Также см. № **244—246.**

244 а) Пелепелка, пелепелушка — песня после просватанья под окном дома невесты и на вечернем девишнике, **Уж любезные вы мои подруженьки** — причитание невесты, исполняется одновременно с песней, **б) Пелепелушка все и Аннушка** — песня, записанная с более полным поэтическим текстом.

См. № 213. Запись (**а**) сделана в с. Савостьянове, исп. указаны в № 213, причитает А.Ф. Юнина; запись (**б**) сделана в д. Ласино, исп. Е.В. Антипова, 1913 г.р., Ф.П. Жучкова, 1911 г.р., А.Д. Карпова, 1910 г.р., В.П. Карпова, 1929 г.р. Между Ласино и Савостьяново около 4 км, напев одинаков.

Варианты см. № **246**. Песенные варианты к окончанию № **244 б**: Шейн, № 2561; ЛРС, № 127 (с 13-го стиха); Воронежская обл., № 114; Московская земля, с. 87, 88; Новгородск. ф-р, № 302; СТУСЛП, № 135, 652; Чердынская свадьба, № 23; *Васнецов А.* Песни Северо-Восточной России, 2-е изд. Киров, 1949. № 100; *Травина И.К.* Русские народные песни родины П.И. Чайковского. М., 1978. № 29.

245. Земляничка красна ягодка — песня девушек у невесты "на вечерухе", "пелась первой за елкой" (за столом с украшенной елочкой).

Записали О.Е. Иванова, М.К. Милеева в Калужской обл., Куйбышевском р-не, д. Павлиновке, 1977. ФЭ МГУ 05 : 2138-2139. Исп. П.И. Муравьева, 67 л. В примеч. к № 230 см. один из вариантов напева.

Варианты см. № **246**. Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 654; Шейн, № 2480; Новгородск. ф-р, № 310; Псковская обл., № 241; Сланцевская свадьба, № 84, 100. Зачин является общим с песней № **256**.

246. Зелёная дубровушка — песня девушек на улице "по осени", когда невеста просватана. Поется и безотносительно к свадебному обряду в адрес любой девушки, так как имя жениха в песне не называется.

Записал А.Н. Иванов в Белгородской обл., Шебекинском р-не, с. Большое Городище, 1998. ЦФЭ 912—15. Исп. В.Р. Галушко, 1914 г.р., А.Г. Жигулина, 1911 г.р. Стихи 13—15 наговорены.

Триольная ритмическая организация напева является очень редкой для этой песни.

Варианты № **244—246** при общей для них конструкции поэтического параллелизма отличаются друг от друга конкретным наполнением первых частей и соответственно зачинами ("Ах ты солнце, солнце красное", "Дубровушка зеленая", "Земляничка моя ягодка", "Перепелушка-ластушка", "Ты рябина, ты рябинушка", "Ты утка, ты уточка", "Уж ты синочка-ласточка"): Киреевский, № 197; ЛРС, № 20, 21; Истомин-Ляпунов, № 9; Сибирь I, № 315—318; Сибирь II, № 184; Стародубье, № 29; СТУСЛП, № 441, 442; Чердынская свадьба, № 111; *Руднева А.В.* Песни села Плехово Суджанского р-на Курской обл. //Русские народные песни в многомикрофонной записи. М., 1979, № 8 на с. 61—64 (с присоединением песенного сюжета № **131**). Также см. № **243**. Песни № **211, 212, 243—246, 449** объединяются между собой формульным выражением "Не сама я...".

247. Зеленая наша дубровушка всее ночку прошумела — песня сватий, родственниц жениха за столом "на запое". Невеста стоит и плачет навзрыд, жениха ставят рядом, он утешает ее.

См. № 151. ЦФЭ 902—21 (соло), 903—22 (наложение).

Более развитый сюжет наблюдается иногда в свадебной хороводной песне, варианты см. № **344**.

248. С Костроме, с Костроме, из городу — песня девушек "в ту неделю, когда невеста просватана", на улице, в доме невесты, на повети.

Записали А.И. Нестеров, Н.И. Савушкина в Архангельской обл., Пинежском р-не, д. Явзоре, 1972. ФФ МГУ 72/38—08. Исп. П.Д. Дурынина, 56 л., П.К. Дурынина, 59 л., Е.А. Дунаева, 60 л. Во время пения строй постепенно повышается (с переходом на пение вполголоса) на полтора тона от уровня, показанного в нотах. С 5-го стиха одна из женщин поет в головном регистре.

Варианты: ЛРС, № 113 и 328 (начало); Пинежье, № 105, прилож. № 18. Далекие варианты: Вологодск.: Тарнога, № 50, с. 273; Сибирь II, № 346, 347; Тер. б-г Белого моря, № 49; Чердынская свадьба, № 70. Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 78, 704; Шейн, № 2475; СТУСЛП, № 463; Ленингр. обл., № 65.

249. Востужилася перепелушка — песня девушек у невесты на сговорах.

См. № 155. ФФ МГУ 84 в/35—09, ФЭ МГУ 13 : 6237. Очевидно, пропущены несколько стихов после 10-й строфы. Во время пения строй постепенно повышается на тон, начало нотировано на полтора тона выше реального звучания.

Вариант: Смоленск. свад., № 16.

250. Высоко я по горушке хожу — песня, "когда везут к жениху постель невесты".

См. № 190. ФП МГУ 03 : 1508-1509. Исп. И.Е. Фролова, 1900 г.р.

Сравнительно редкая песня. Предлагаем еще вариант, который записали М. Ионисиани, Л. Полякова в Калужской обл., Перемышльском р-не [Калужский р-н], д. Игнатовской Малотинского с/с в 1963 г., ФП МГУ 01 : 8405. Исп. М.П. Данилова, 1916 г.р.:

Я в высоком тереме сижу,
Я далёко по зореньке слышу,
Как сокол лебедушку кличет:
"Ты, лебедушка луговая,
Полетела в луга зелены*е*.
В лугах травы шелковы*е*,
В траве цветы голубые,
На цветах пташки весел*ые*.
Они поют-поют, распевают,
Они Марьюшку взвеселяют,
Чтобы Марьюшка не тужила,
Чтоб Петровна не горевала,
Красоты с лица не роняла".
Я в высоком тереме сижу,
Я далёко по зореньке слышу,
Как сокол Марьюшку кличет:
"Ты, Марьюшка-друг мил*ая*,
Ты поди ко мне поскорее
В мой высок терем поновее".

Варианты: Киреевский, № 687; Шейн, № 1956; Смоленск. свад., № 15; СТУСЛП, № 425; Обрядовая поэзия: Кн. 2. Семейно-бытовой фольклор, № 574 («Я высоко в тереме сижу», Калужская обл., Перемышльский [Калужский] р-н); *Пушкина С.И.* Русские народные песни Московской области. Вып. II. М., 1988. № 160 (вторая часть песенного сюжета). Далекие варианты: Воронежская обл., № 65; Донец-Дон, № 30. Также см. № **251**.

251. Слышно над рекою гоголь сизый кличет — песня у невесты (местоположение в свадебном обряде не отмечено).

Записали М. Пассек, В. Радзишевский в Калужской обл., г. Боровске, 1962. ФП МГУ 01 : 5396-5399. Исп. В.И. Платонцева, 62 л. Песня записана, очевидно, с пересказа. Возможная реконструкция начальных стихов:

Далеко над рекою слышно,
Далеко по вечеру слышно,

Как гоголь гоголушку кличет,
Как сизый сизокрылую кличет:

"Прилетай уж, гоголушка, сюда поскорее,
Прилетай уж, сизокрылая, сюда поскорее.

Здесь у меня, гоголушка, жить повольнее,
Здесь у меня, сизокрылая, жить повольнее..."

252. Звонкая, звонкая дерева — песня у невесты на сгов*о*ре, "сговорная".

Записали А.Н. Иванов, В.Н. Медведева в Белгородской обл., Красногвардейском р-не, пос. Ендовицкое Мало-Быковского с/с, 1981. Архив А.Н. Иванова. Исп. В.А. Быкова, 1919 г.р., М.В. Трапезникова, 1908 г.р. (запевает), М.П. Трапезникова, 1917 г.р. Пропущенный в звукозаписи 3-й стих и продолжение поэтического текста с 8-го стиха наговорены М.В. Трапезниковой. Первый стих в ближних селах обычно: "Звонкая дерева калина".

Вариант: Донец-Дон, № 52.

253. Уж вы девки, вы девушки — песня девушек у невесты, "когда д*а*ры шьют", "на сватанье".

Записали В.О. Поскребышева, О.А. Сенкевич в Архангельской обл., Ленском р-не, с. Лена, 1973. ФФ МГУ 73/13—11; ФЭ МГУ 09 : 7235-7236. Исп. А.А. Лиханова, А.Ф. Лиханова, Е.А. Лиханова, Н.Г. Макарова, Е.Н. Пашина, Е.П. Шаньгина, Е.Ф. Шаньгина (возр. не указан). Напев соответствует № 182. Окончание в записи от А.Н. Пономаревой, 83 л., в д. Верхний Конец Суходольского с/с, ФЭ МГУ 09 : 7205:

...Я чесала головушку
Золотым рымским гребешком,
Приплетала к косе русе
Я шелк*о*вую тканочку.
Мне казалось, рус*а*-то коса
Легче л*е*бедина перышка.
А теперича кажется:
Тяжельш*е* сера камешка.

Вариант к первой половине нашего текста: Яренские песни, № 1. Далекие варианты: Сибирь II, № 109—113; Сибирь III, № 244, 360; СТУСЛП, № 478; Чердынская свадьба, № 157. Близкий зачин имеется в нескольких различных песнях. Сравн. отдельные детали: Шейн, № 1964, 2498; ЛРС, № 35; Истомин-Ляпунов, № 4; Вологодская обл., № 8; Новгородск. ф-р, № 312; Сланцевская свадьба, № 2; СТУСЛП, № 612; Томское Приобье, № 14; Тюменская обл., № 35.

254. Красота ли моя кр*а*сота — песня девушек у невесты, прощание с "кр*а*сотой" перед смотр*а*ми.

Записали Ю. Грейдинг, Т.И. Ярембаш в Карельской АССР, Пудожском р-не, д. Ярчево, 1960. ФФ МГУ 61/1—02 (в описи хранения указаны ошибочные данные о времени и месте записи), ФЭ МГУ 03 : 9663-9664. Исп. И.А. Голованова (возр. не указан), Е.П. Исаева, 62 л., У.П. Минина, 57 л., А.Е. Суворова, А.И. Фалина, А.Ф. Фешова (возр. не указан). В тетради собир. последовательно отражено "цоканье", в звукозаписи не особенно явно слышимое.

Варианты: Шейн, № 2483; Лядов, № 42; Сибирь II, № 85, 95, 100, Сланцевская свадьба, № 56; Угличские песни, с. 225. Отдельные детали сравн.: Шейн, № 1351, 2239, 2253; Вятск., № 113. Также см. № **255**.

255. Красота, дивья кр*а*сота — песня девушек "на сговорках" за столом с украшенной елочкой-"кр*а*сотой".

См. № 157. ФФ МГУ 93/33—03, ФЭ МГУ 18 : 9076-9077. Варианты продолжения в с. Георгий Чухломского р-на Костромской обл. в записи Е.В. Борисова, ФЭ МГУ 18 : 9517:

...Тут и шел добрый молодец,
Что Борис-то Михайлович
Со косою со вострою.
Подкосил эту травинку,
Уронил девью красоту,
Расквилил нашу подруженьку,
Что Фаину Алексеевну.
И взвилась девья кр*а*сота
На сухое на дерево. (Исп. Е.А. Орлова, 1918 г.р.)
Как уж этому дереву
Не бывать ему зелену,
Так и нашей подруженьке... (Добавила П.И. Зарубина, 1920 г.р.)

...Подкосил нашу елочку,
Расквилил нашу подруженьку
Что и Полю Ивановну.
Ты не плачь-ка, Полинушка.
Твоя сужена хорошая,
Не румяным нарумянена,
[Да] не пудрым напудрена. (Исп. А.Н. Казакова, 1918 г.р.)

Вариантная группа: Поволжье, № 898, 900—904. Зачин № **254, 255** и некоторые детали сравн.: Шейн, № 1355 (конец), 1389, 1391, 1409, 1455, 1469, 1479, 1543, 1667 на с. 509 в лев. стлб., 2185, 2272 и 2342; Истомин-Ляпунов, № 5, с. 61, № 6, с. 62; ЛРС, № 188 (вторая часть поэтич. текста); Рыбников, с. 102 (со 105-го стиха); Белозерский край, № 203, 230, 232; Красноярский край, № 54; Ленингр. обл., № 47; Новгородск. ф-р, № 480; Ока, № 24; Сибирь II, № 76, Сланцевская свадьба, № 56, 81; СТУСЛП, № 329; Угличские песни, № 43.

256. Ягодка земляничинка — песня девушек у невесты на сговорах.

Записали Н.Н. Мухаммадиева, И.Б. Троицкая в Калужской обл., Куйбышевском р-не, д. Холмы, 1977. ФЭ МГУ 05 : 2531. Исп. А.Я. Аксенова, 1909 г.р. Близкие варианты напева см. в примеч. к № 201.

Далекие варианты: Поволжье, № 925, 926. Начало сравн.: там же, № 924; Шейн, № 2371. Похожий зачин имеют иногда песни на сюжет типа № **244—246**, есть и черты сходства с началом песни № **201**.

257. Что не золоты (м)не не трубушки трубили по заре — песня девушек при непрерывно повторяемом невестиной матерью заплетании и расплетании косы, после бани вечером накануне свадьбы.

Записал А.Н. Иванов в Ставропольском крае, Кировском р-не, ст. Марьинской, 1983. Архив собирателя. Исп. М.А. Долбилова, 1910 г.р., М.В. Жарова, 1916 г.р., Г.И. Корицкая, 1921 г.р., Е.В. Попова, 1914 г.р. Нотировано на тон ниже реального звучания.

258. Не река ж моя речушка — песня девушек "на пропиванках", вторая после "Господи Боже, баслови" (№ 109), если родители невесты живы.

См. № 109. ЦФЭ 775—12. Напев соответствует № 109.

Варианты: Киреевский, № 216, 585 (начало); Шейн, № 2017, 2115 (короткий текст), 2144; СТУСЛП, № 89, 370; Ленингр. обл., № 54; Новгородск. ф-р, № 343; Сибирь I, № 380 (первая часть); Сибирь III, № 249; Сланцевская свадьба, № 54, 55; Томское Приобье, № 2, 3, 5, 6. Начало: Киреевский, № 346 (стихи 1—11). Сравн.: Вятск.: А.А. Кенина, № 38; Сибирь II, № 185.

259. Лелей, лелей, моя речушка, во крутых берегах — песня на девишнике. Ее первая часть вне свадебного обряда имеет самостоятельное значение "осенней" песни.

Записали (на четыре мгф. канала) Н.В. Амяга, А.Н. Иванов, В.Н. Медведева в Белгородской обл., Красногвардейском р-не, с. Арнаутове, 1979. Архив А.Н. Иванова. Исп. А.Л. Богданова, 1911 г.р., А.С. Зварыкина, 1908 г.р., А.А. Капитанова, 1918 г.р., Анаст.Ал. Михарева, 1909 г.р., Анна Аф. Михарева, 1916 г.р., Е.А. Фатнева, 1914 г.р. (запевает), А.А. Ханина, 1922 г.р., А.Р. Хахалева, 1919 г.р. Запевала перепутала очередность 3-й и 4-й строф, исправлено по указанию А.С. Зварыкиной. В нотах нижние голоса ансамбля приводятся в сводной, обобщенной записи.

Варианты: Киреевский, № 117 (стихи 1—8), 723; Рыбников, с. 51, 52 ("Ай, лелей-ка, сполелей, да сине море"); Белгородская обл., № 16; Сибирь I, № 300—302; СТУСЛП, № 65 ("Ах ты, матушка Волга-река, /Полелей свои крутые берега"). Далекие варианты: Киреевский, № 351, 938, 984; Р.-К., № 88; Донец-Дон, № 46, 205; Сибирь II, № 175, 178; Сибирь III, № 270 (стихи 1—16).

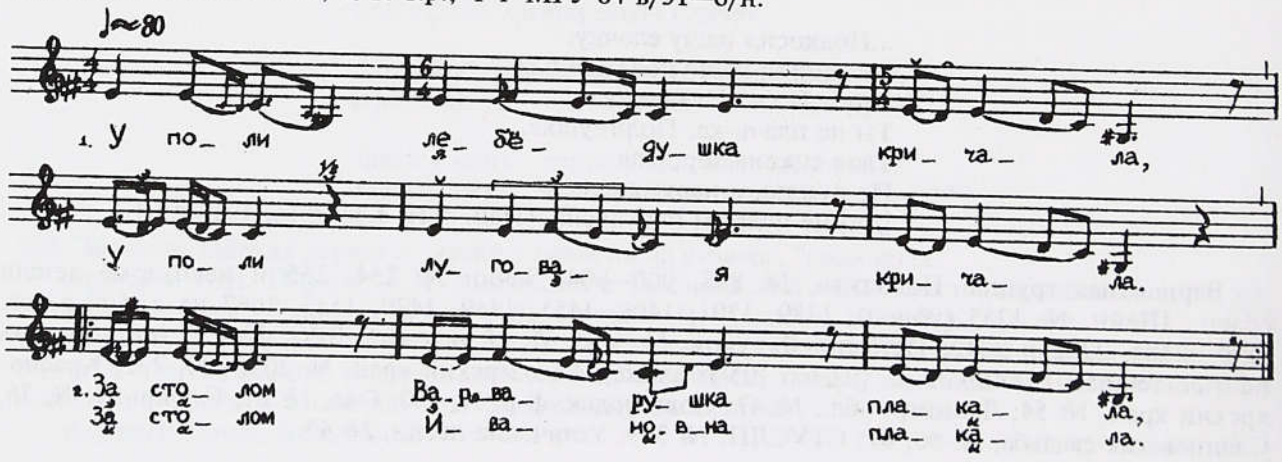
260 а), б) На озере утушка да купалася — песня девушек у невесты на вечерине (девишник).

Записали Т. Бабина, В. Нестерова в Калужской обл., Жиздринском р-не: **а)** в д. Сосновке, 1975. ФФ МГУ 75/51—26. Исп. Е.Е. Рабенкова, 1895 г.р. Нотировано на полтона-тон выше по отношению к началу, к предпоследней строфе строй постепенно повышается на полтора тона; **б)** в с. Орля (4 км от д. Сосновки), 1975. ФФ МГУ 75/47—07, ФП МГУ 04 : 8651-8652. Исп. М.В. Алехина, Т.Р. Андрюкова, 1909 г.р. (запевает), Т.М. Цыкленкова, 1912 г.р., и еще одна-две жен. (не указ.). В звукозаписи, технически дефектной, сохранилось только самое начало песни. Продолжение записано от Т.Р. Андрюковой, приводится по тетради собир.

Вариант: Калужск., с. 164. Зачин сравн.: № **125, 126**. Близкие зачины в некоторых других песнях: Киреевский, № 210, 351, 611, 702, 938, 984, 1009; Шейн, № 1590, 1782, 1832, 1938, 1955; Р.-К., № 88; Вятск.: А.А. Кенина, № 29 б; Донец-Дон, № 58, 177, 197; Красноярский край, № 91; Сибирь I, № 126; Сибирь, III, № 221, 260; СТУСЛП, № 4 к (55) на с. 30, № 379; Тульск.: Ясная Поляна, № 61.

261. У поли лебедушка кричала — первая песня девушек на сговорах, "девки собирались за столом у невесты". Невеста под песню причитала.

См. № 184. ФФ МГУ 85/19—07, ФЭ МГУ 14 : 8432-8433. Исп. А.А. Демина, 1917 г.р. То же с голоса А.Д. Бахтиновой, 1910 г.р., ФФ МГУ 84 в/31—б/н:



Варианты: Киреевский, № 118, 341, 411, 739; Лядов, № 38; Шейн, № 1933, 2041, 2065; Донец-Дон, № 49, 196; Обь/Иртыш, № 93; Орловская обл. № 36; Сибирь I, № 383—385; Севская свадьба, № 194. Окончание песенного сюжета также см. № **152, 341**.

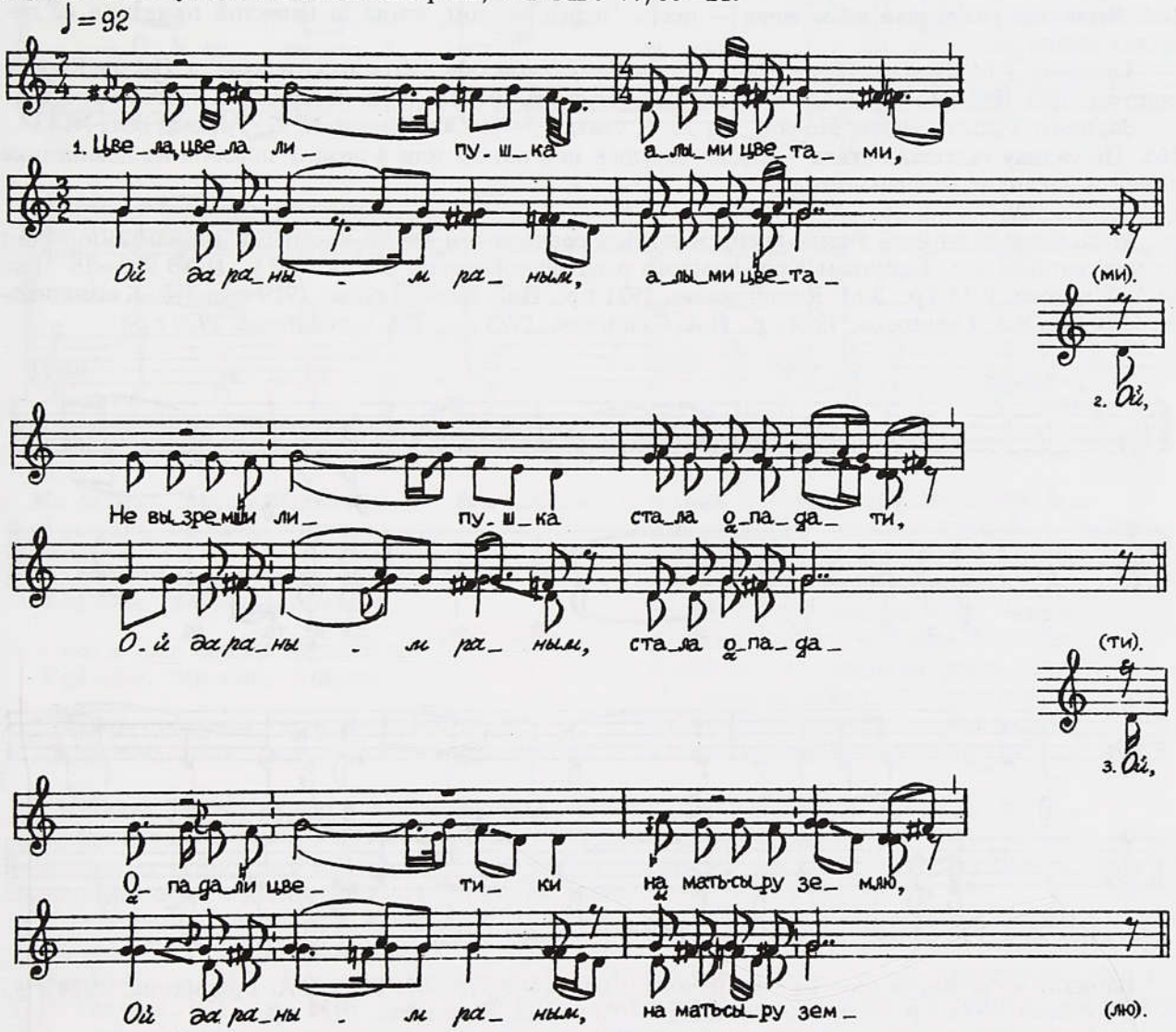
262. Там летели гусь ли лебедь через сад — песня во время сборов "в воскресенье утром, когда наряжают невесту".

См. № 159. С первой строфы по шестую строй постепенно повышается почти на два тона до уровня, показанного в нотах.

Варианты: Р.-К., № 94 ("Свет Дарьюшка по сеничкам ходила"); Белгородская обл., № 7. Зачин нашего варианта принадлежит одной из песен, которыми начинался вечерний или утренний посад (девишник). Сравн.: Донец-Дон, № 202 (текст в 4 стиха); Обь/Иртыш, № 81.

263. Цвела, цвела липушка алыми цветами — песня девушек у невесты "за елкой" в ожидании свадебного поезда.

Записали Ф.М. Селиванов, Е.А. Селиванова в Калужской обл., Куйбышевском р-не, д. Березовке Мокровского с/с, 1977. ФЭ МГУ 05 : 1676-1677. Исп. А.Г. Семенова, 1897 г.р. Напевный вариант в с. Кузьминичи этого же р-на, ФФ МГУ 77/06—21:



Цвела, цвела липушка алыми цветами,
Ой да раным раным, алыми цвета... *Ой,*

Не вызремши, липушка стала опадати,
Ой да раным раным, стала опада... *Ой,*

Опадали цветики на мать-сыру землю,
Ой да раным раным, на мать-сыру зем...[1]

[1] Форма строфы далее не изменяется.

Ой на твою, Нюрушка, на русую косу.
Ой плесть было б косуньку в четыре причёчка,
Пожить было б Нюрушке в родимого батьки,
Пожить было б Павловной одную недельку.
Не ходить было б Нюрушке по новым по сеням,
Носить было б ключики, носить ды не брякнуть,
Чтоб не пробудить ба мне родимого батьку:
"Устань, устань, батюшка, устань пробудися.
Погляди-ка, родненький, что на дворе белит?" —
"Белит свётел месяц на небе с звездами,
Двор занял твой суженый с сватами, гостями".

Варианты: Киреевский, № 598, 627; Шейн, № 2092; Калужск., с. 161, 162; Обь/Иртыш, № 43 (с другим окончанием сюжета); Севская свадьба, № 38, 39; Орловская обл., № 31. Отдельные детали: Киреевский, № 800.

264. Вылетала голубушка из-за моря — песня "перед венцом, когда за невестой приезжал на лошадях жених".

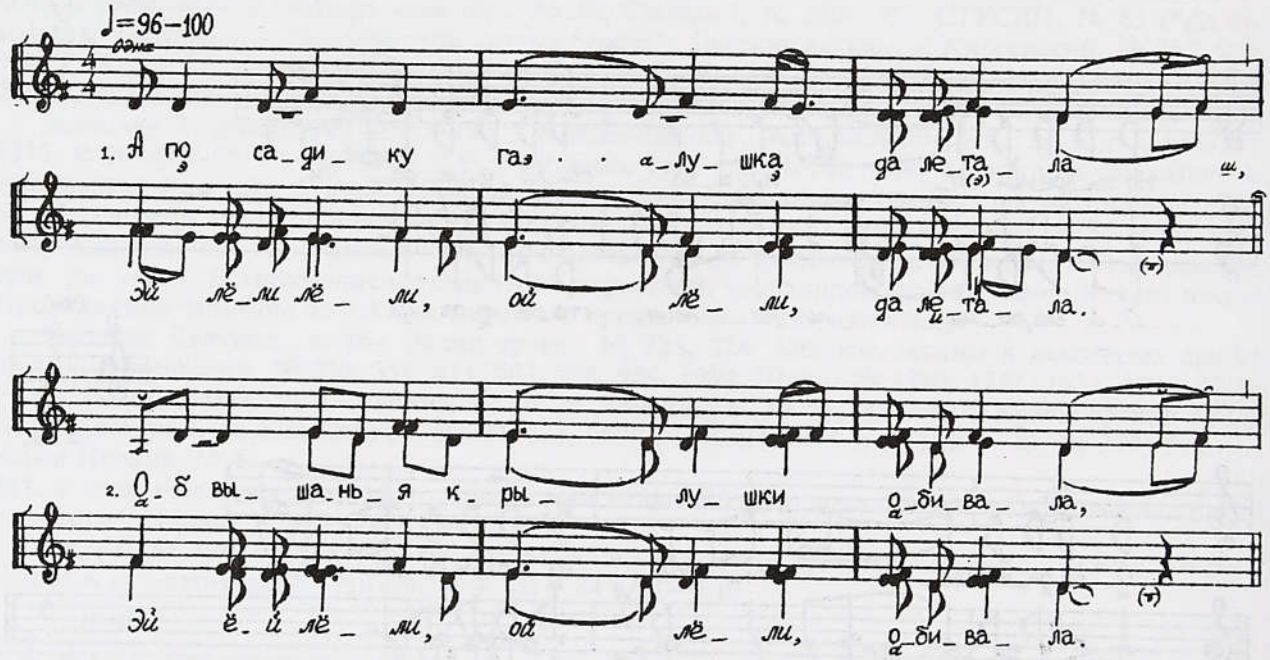
Записали Т.М. Бреева, Н.М. Шершнева в Калужской обл., Козельском р-не, д. Пальне Киреевского с/с, 1971. ФП МГУ 03 : 7163-7164. Исп. Е.П. Каряпина, 1913 г.р. Один из вариантов напева см. № 292.

Вариант: Тульск.: Ясная Поляна, № 30. К стихам 7—14: Обь/Иртыш, № 92; Тульская обл., № 13.

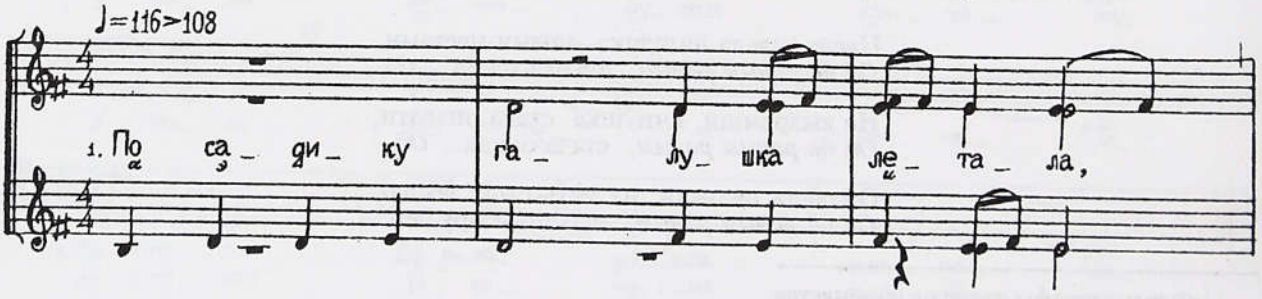
265. По садику галушка летала — песня девушек под окном или в доме у невесты на девишнике вечером накануне венчального дня.

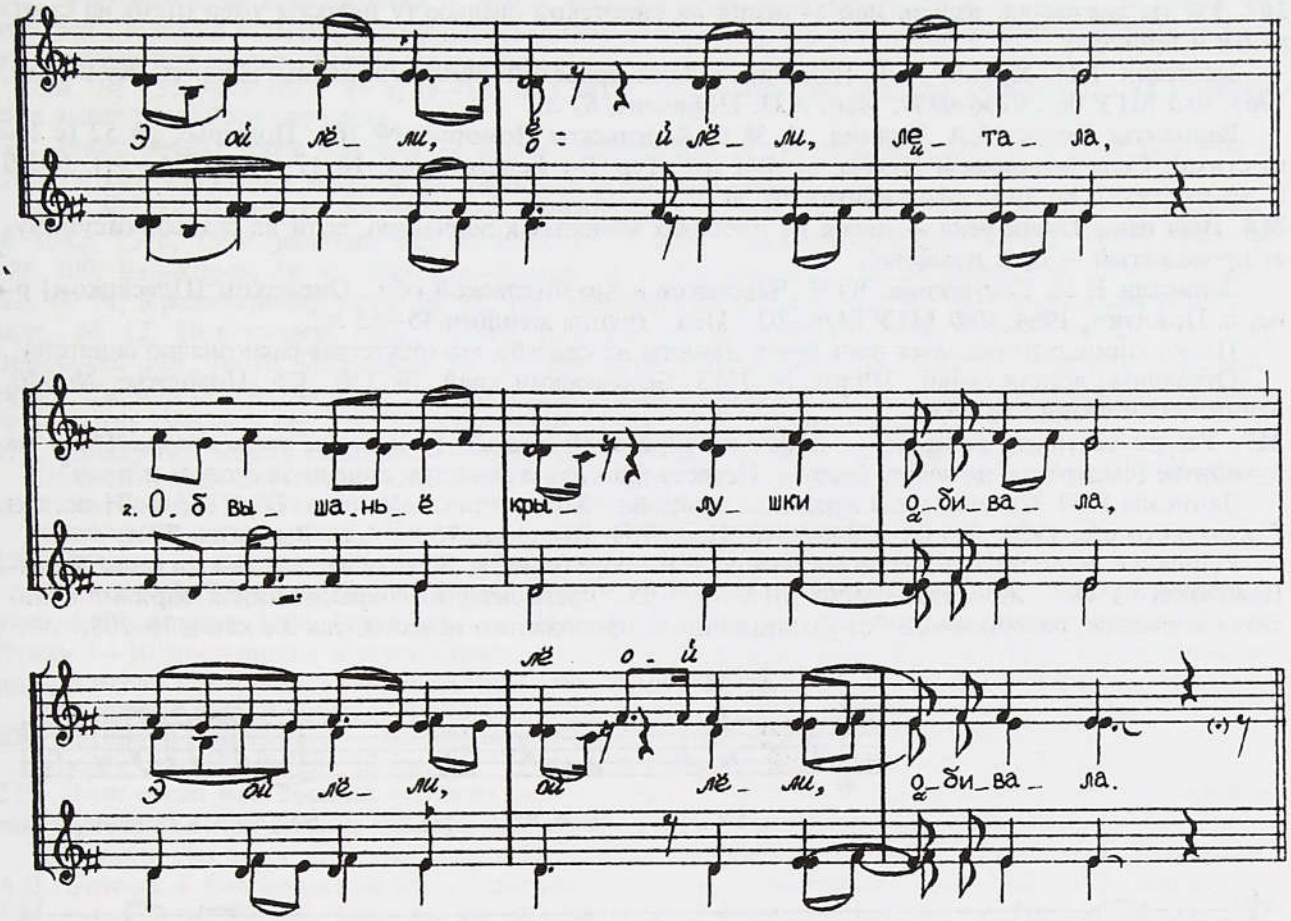
См. № 109.

Ансамблевых записей песни очень мало, мы располагаем двумя местными вариантами. Один из них записан в с. Терновом Корочанского р-на Белгородской обл. в 1998 г., ЦФЭ 910—16. Исп. М.А. Жидкова, 1918 г.р., З.М. Калашникова, 1921 г.р., П.Д. Калашникова, 1919 г.р., Т.Г. Калашникова, 1924 г.р., К.Г. Савинкова, 1924 г.р., П.А. Савинкова, 1923 г.р., Т.А. Сальникова, 1929 г.р.:



Вариант из с. Караичное Шебекинского р-на, ЦФЭ 772—07. Исп. Е.А. Брядихина, 1924 г.р., А.М. Зубкова, 1921 г.р., В.Д. Мотылина, 1927 г.р., О.И. Федосеева, 1924 г.р.:





По садику галушка летала ж,
Э ой лёли, ой лёли, летала,

Об вышанье крылушки обивала ж,
Э ой лёли, лёй лёли, обивала.

А все ж она сокола будила ж,
Э ой лёли, лёй лёли, будила:

"Устань-проснись, ясненький соколик[1],
Ох сполно спать, сполно спать, пора встать.

А пора ж табе по садику полетать,
А пора ж табе дробных пташек побудить.
А все ж твои пташечки привныли,
А все ж твои дробные привснули.
Завтра наутря князья-бояря приедут,
А возьмут мене, галушку, с собою.
А станут мои перушки рвать-щипать,
По зеленой дубровушке распускать,
Станут мою косушку рвать-чесать,
Станут мою русую расплетать".

Вариант: Села Купино и Б. Городище, с. 46, 47.

266. Там летала и порхала пелепелушка по садочку — песня девушек в период просватанья, пелась вечерами на улице под окном у невесты и на девишнике в доме или под окном. Первая часть вне свадебного обряда имеет самостоятельное значение "осенней" песни.

Записали (на шесть мгф. каналов) А.Н. Иванов, В.Н. Медведева в Москве от анс. из с. Верхн. Покровка Красногвардейского р-на Белгородской обл., 1982. Архив собирателя. Исп. Н.М. Ложкина, 1922 г.р., Н.Е. Поданева, 1922 г.р., М.П. Судовцева, 1932 г.р., А.В. Образцова, 1929 г.р., Е.И. Попова, 1927 г.р., М.И. Попова, 1929 г.р. (последние трое прожив. в соседней д. Бабкино). В 4-м стихе напето в наложении "под окошко" (смешение со второй частью поэтического текста) и "ко гнездечку", при повторении — "ко витому". С четвертой строфы поэтический текст приводится по записи соло с голоса Н.Е. Поданевой.

Далекие варианты № **264** — **266**: Шейн, № 1886; Вятск., № 114, 122. Некоторые детали сравн.: Киреевский, № 278, 315, 415, 703 (с 8-го стиха), 743, 800, 810, 979, 1164; Шейн, № 1522, 1595, 1615, 2476; ЛРС, № 177; Истомин-Ляпунов, № 21; Р.-К., № 78; Вятск.: А.А. Кенина, № 47; Донец-Дон, № 51, 62; Орловская обл., № 23; Севская свадьба, № 56; Сибирь I, № 225—227, 229; Сибирь III, № 260; СТУСЛП, № 245.

[1] Форма строфы далее не изменяется.

267. Уж ты ларчик-ка, ларчик мой — песня на сиротской свадьбе (у невесты умер отец) на смотренье и проводах.

Записали Т.И. Круня, А.Л. Налепин в Архангельской обл., Онежском р-не, д. Кушереке, 1965. ФЭ МГУ 06 : 0736-0737. Исп. А.П. Нефедова, 67 л.

Варианты: Вятск.: А.А. Кенина, № 36 б; Карельское Поморье, № 167; Поморье, № 52 (с 15-го стиха); Села Колежма и Нюхча, с. 104, 162; Тер. б-г Белого моря, № 17 (стихи 14—24), № 19 (с 19-го стиха); № 20 (с 18-го стиха), № 30.

268. Ишо наша Онега-река — песня на проводах молодых к венчанию, если на свадьбе отсутствует провожатый — брат невесты.

Записали Н.И. Савушкина, Ю.Н. Чекрыжов в Архангельской обл., Онежском [Плесецком] р-не, с. Прилуки, 1964. ФФ МГУ 64/6—02. Исп. "группа женщин 45—65 л.".

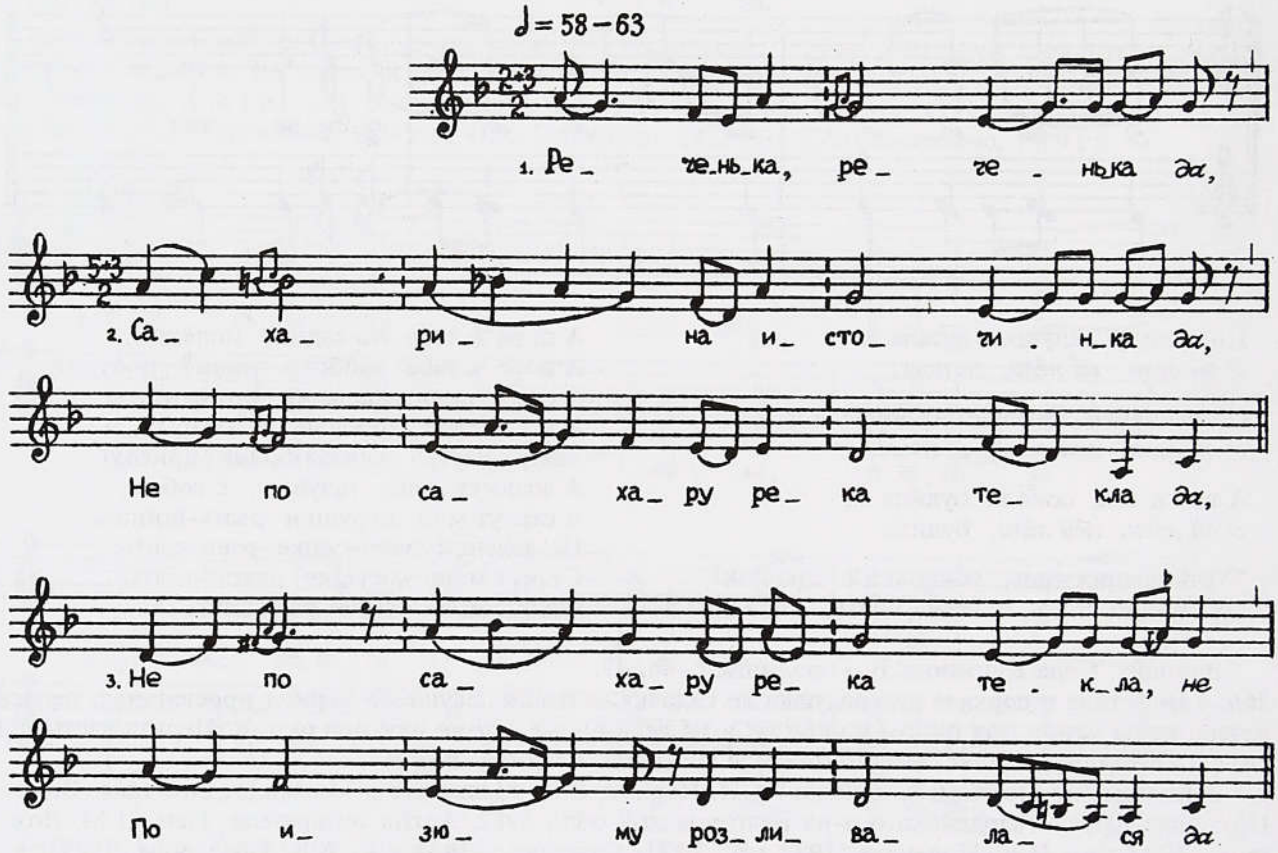
Песня хорошо показывает роль брата невесты на свадьбе, его отсутствие равнозначно сиротству.

Отдельные детали сравн.: Шейн, № 2213; Белозерский край, № 110, 326; Поволжье, № 946. Зачин песни сравн.: № **352**.

269. Уж ты реченька, реченька — песня на сиротской свадьбе (у невесты умер отец). "Пели на рукобитье (смотренье не всегда было)... Невеста плакала, а девушки сидели за столом и пели".

Записала Н.И. Савушкина в Архангельской обл., Холмогорском р-не, д. Горе (Брин-Наволок) Ракульского с/с, 1970. ФЭ 08 : 2846-2848. Исп. Л.Н. Выдрина, 78 л., А.С. Выдрина, 70 л.

Напевное исполнение песни записали В.В. Варганова и Н. Кобяк там же (в пос. Брин-Наволоке) от О.А. Железовой, ФФ МГУ 70/7-03. Фрагментарно сохранившийся вариант относится к свадьбе, совершаемой без традиционного провожатого невесты, так же как и № 268:



Реченька, реченька *да*,
Сахарина источинка *да*,
Не по сахару река текла *да*,
Не по сахару река текла, *не*
По изюму розливалася *да*,
По изюму розливалася *да*
Черным сливом наполнялася *да*,
Черным сливом наполнялася *да*[1].
Уж ты дитетко, дитетко *да*,
Тихо смирно постановное *да*,
Снарядить-*то* тебя есть кому *да*,
Спроводить-*то* тебя некому *да*.
Снаряжает тебя батюшко *да*
Провожает крестна матушка *да*...

[1] Повторение каждого стиха, вызванное цепным последованием строф, далее не приводится.

270. Течет речка, не всколышется — песня девушек невесте-сироте (умерла ее мать) "за елкой на сговорах", а также взамен родительского благословения, "когда жених приезжает выкупать невесту". Невеста под песню обычно причитала.

См. № 155. ФФ МГУ 84 в/35—13, ФЭ МГУ 13 : 6239-6240. Начало нотировано на полтора тона выше реального звучания.

271. Текет речка, текет быстрая — песня невесте-сироте (умерла ее мать) накануне свадьбы в субботу, когда девушки ведут ее на кладбище и оттуда в баню.

См. № 257. Варианты № **269—271**: Киреевский, № 168, 287, 302, 409, 414, 466, 838; Шейн, № 1542, 1576, 1599 (далекий вар-т), 1699, 1777, 2017, 2163, 2375, 2380 — 2382; 2447; ЛРС, № 199, 200; Балакирев, № 45; Истомин-Дютш, № 5; Рыбников, с. 25; Заонежье, № 33—35; Зауралье, № 74; Красноярский край, № 42, 126; Московская земля, с. 83, 93, 94; Московская обл., 2-й разд., № 13; Новгородск. свад., № 28; Новгородск. ф-р, № 344; Обь/Иртыш, № 27, 63, 104; Орловская обл., № 38; Прикамье, № 58; Поволжье, № 869—881, 894; Села В. Мамон и Россоши, № 16; Сибирь II, № 186—188, 267 (далекий вар-т); Сибирь II, № 320, 321; Сланцевская свадьба, № 1, 54[б]; Тульская обл., № 20; Угличские песни, № 42; Чердынская свадьба, № 28.

272. Между гор, между каменных — песня на сиротской свадьбе (невеста — круглая сирота).

Записали В.В. Варганова, Е.Е. Королева в Архангельской обл., Пинежском р-не, с. Шотогорка, 1971. ФФ МГУ 71/6—08. Исп. А.П. Лисицына (возр. не указ.), Е.П. Усова, 78 л.

Отдельные детали сравн.: Пинежье, № 107; СТУСЛП, № 7 в (616) на с. 161.

273. Грушица макушица — песня на сиротской свадьбе (у невесты умерла мать).

Записали М.М. Крюкова, С.М. Крюкова, А.Н. Иванов в Белгородской обл., Новооскольском р-не, с. Васильдол, 1994. ЦФЭ 741—10. Исп. М.Ф. Вендина, 1912 г.р., Е.А. Козлитина, 1921 г.р. Стихи 7—10 пропущены в звукозаписи, вставлены по указанию М.Ф. Вендиной. По ее объяснению, в песне повторяется почти каждый стих, если поет ансамбль большего состава.

Отдельные детали сравн.: СТУСЛП, № 82, 83; Сибирь III, № 248.

274. Не ива ж моя ивушка -- песня невесте-сироте (умер ее отец) "на пропиванках".

См. № 109. ЦФЭ 778—13 (соло), 777—23 (наложение). Напев соответствует № 109.

275. Э-ох сосна моя сосенка — песня невесте-сироте (умер ее отец) на девишнике, **Ох родимай мой батюшка** — причитание невесты-сироты исполняется одновременно с песней.

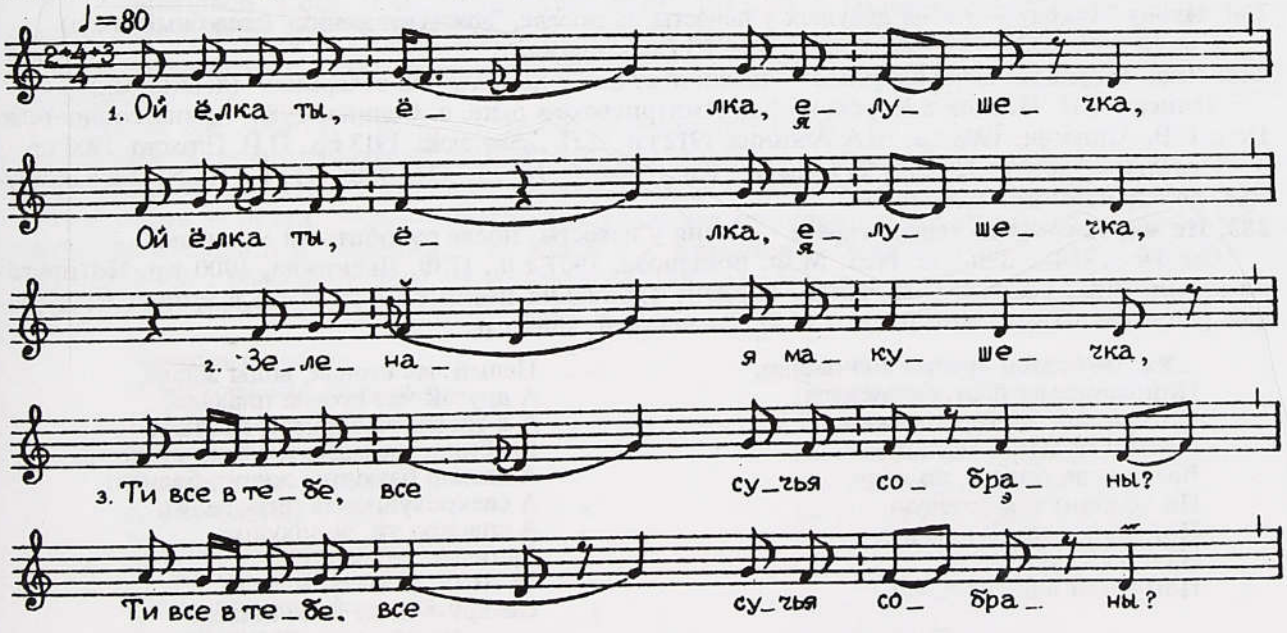
Записали (на семь мгф. каналов) А.Н.Иванов, И.В.Новичкова, М.И.Рыжова, С.Н.Старостин, А.В.Шимчук в Белгородской обл., Красненском р-не, с. Хмелевом, 1993. ЦФЭ 569 (стерео)—9, 570 (стерео)—9, 578—09, 590—09, 592—09. Исп. М.М. Андриянова, 1931 г.р., В.П. Локтева, 1937 г.р., Л.Ф. Локтева, 1937 г.р., М.Н. Локтева, 1924 г.р. (запевает), А.А. Колосова, 1928 г.р. (причитает), Е.Е. Колосова, 1929 г.р., П.М. Колосова, 1928 г.р. (запевает), Л.Е. Перова, 1930 г.р., Н.К. Старыгина, 1930 г.р.

Варианты: ЛРС, № 202; Усердская сторона, № 107.

276. Эх ты елка-елушечка — песня девушек невесте-сироте (умерла ее мать) на девишнике, "играется за елкой" (за столом с украшенной елочкой).

Записали Белкина, Двинянинова (и. о. не указаны) в Калужской обл., Кировском р-не, с. Тягаеве, 1974. ФП МГУ 04 : 6657-6658. Исп. А.Л. Мурашова, 1905 г.р.

В звукозаписях песни зафиксирован стиховой напев, по форме аналогичный № 208, например в д. Починок Куйбышевского р-на, ФФ МГУ 79/11—11. Исп. Е.В. Степаненкова:



"Ой елка ты, елка, елушечка,
Ой елка ты, елка, елушечка,
Зелена*я* макушечка!
Ти все в тебе, все сучья собраны?
Ти все в тебе, все сучья собраны?" —
"Усе в мене, все сучья собраны,
Усе в мене, все сучья собраны,
Только нетут*и* макушечки,
Только нетут*и* верхушечки.
Макушка была — бурей сломило,
Верхушка была — ветром сдунуло". —
"Ой Марья ты, Марья ой красная,
Ти вся в тебе, вся родня собрана?" —
"Уся в мене, вся родня собрана
И на место посожена.
Только нетут*и* в мене батюшки,
Только нетут*и* в мене р*о*дного.
Батюшка был — Бог*и* взяли,
Родненькой был сам (И)сус Христос.
Ты зайди, туча грозная,
Ты разбей гробову доску,
Выпусти мойво батюшку!
Ой собрать мене есть кому,
Благословить мене некому".

Варианты: Киреевский, № 193, 422; Шейн, № 1942, 1953; Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. 2-е изд. М., 1989, № 201 (Калужская обл., Козельский р-н); Ока, № 39; Поволжье, № 885; Сибирь III, № 324; Тульск.: Ясная Поляна, № 13, 87. Отдельные детали: Поволжье, № 884, 921—923.

277. *Эй ладо,* уж ты слочка — песня девушек на сиротской свадьбе (невеста — круглая сирота) вечером накануне венчального дня за столом с украшенной елочкой, "заелошная песня".

См. № 169. ФФ МГУ 76/105—07; ФП МГУ 04 : 9384-9385. Исп. Е.П. Афиногенова, 72 л. (запевает), М.А. Захарова, 55 л.

Далекие варианты № **274—277**: Киреевский, № 193; Донец-Дон, № 211; Красноярский край, № 127; Новгородск. свад., № 29; Новгородск. ф-р, № 314; Орловская обл., № 37, 39, 40; Поозерье, № 81; Села Купино и Б. Городище, с. 71, 72; Село Завгороднее, № 12; Сибирь I, № 308; Сибирь II, № 390—392; Сибирь III, № 325; Сланцевская свадьба, № 102; Тер. б-г Белого моря, № 6; Тульская обл., № 19; Чердынская свадьба, № 29. Многочисленные тексты с зачином "Много, много у сыра дуба" в нашем перечне не указываются.

278. Чи в тебе, Машечка, таточки нема — песня, заменяющая родительское благословение на проводах невесты-сироты (умер ее отец). Поется перед тем как невесту одаривают (текст соответствующей песни см. в примеч. к № 176) и выводят из дому.

См. № 176.

279. Неширокий двор, невеликий сбор, не вся роденюшка — песня невесте-сироте (умер ее отец), поется утром и днем до приезда свадебного поезда.

См. № 131. ЦФЭ 228—10, 230—11, 232—11, 234—11. Напев соответствует № 233.

Окончание по записи, сделанной Л.М. Черновой в с. Банищи (Льговский р-н Курской обл.) в 1990 г., ЦФЭ 137—10. Исп. В.В. Тишина, 1918 г.р.:

...Сырая земля двери замела и окошки засыпала,
Гробова доска на грудях легла, не могу я подняться,
Зеленый мурах скрозь глаза пророс, не могу я проглянуть,
Черная смага на губах села, не могу слово молвить.

Варианты: Севская свадьба, № 55; Село Сенное, № 55; Смоленск. свад., № 26. Отдельные детали: Красноярский край, № 88; Севская свадьба, № 64.

280. Икону Миколу — песня девушек у невесты на посаде, "дожидают жениха" (свадебный поезд).

См. № 109. ЦФЭ 778—22 (соло), 777—23 (наложение).

281. Рыба белуга усё моря взмутила — песня девушек у невесты "на вечеринах" (девишник).

Записал А.Н. Иванов в Курской обл., Дмитриевском р-не, с. Селине, 1984. Архив собирателя. Исп. Е.В. Анохина, 1908 г.р., М.А. Анохина, 1912 г.р., Д.П. Девятилова, 1913 г.р., П.И. Плахова, 1908 г.р.

Отдельные детали № **278, 279** сравн.: Киреевский, № 75, 321, 968; СТУСЛП, № 420; Заонежье, № 51; Ленингр. обл., № 61.

282. Не жарко свеча во тереме горела — песня у невесты "после рукобитья и молитвы".

См. № 3. ЦФЭ 836—03. Исп. М.Ф. Богданова, 1907 г.р., П.Ф. Льдинина, 1900 г.р. Нотировано на тон ниже реального звучания. Вариант окончания песни с 21-го стиха в записи из д. Водлы (Карелия, Пудожский р-н) от М.П. Васюновой, 1889 г.р.:

...Уж ты братец красно солнышко,
Поноси*ш*ь, да платье сносится,
Потерпи*ш*ь, да горе скажется.
Посылали меня, молоду,
Ввечеру да поздно по воду,
По холодную ключёвую.
Прихожу я на Дунай-реку,
Налетели гуси серые,
Помутили воду светлую.
Целый час стояла, воды ждала,
А другой час стояла плакала,
А в третий час домой пришла
Ко бил... (*неразборчиво*) ко свекору.
А свекор батюшко журит-бранит,
А свекровушка-та бить велит.
А спасибо ти, золовушка,
Да белая лебедушка,
За меня да заступиласи,
Свекру в ноги повалиласи.

Варианты: ЛРС, № 178; Балакирев, № 48; Истомин-Дютш, № 9; Нижегородская земля, с. 48, 49; Новгородск. свад., № 4; Олонецкая губ., II, № 14; Псковская обл., № 238. Варианты первой половины песни: Киреевский, № 840, 993; ЛРС, № 190, 227; СТУСЛП, № 393; Истомин-Ляпунов, № 25; Лядов, № 126; Рыбников, с. 19; Заонежье, № 31, 32; Ленингр. обл., № 52. Далекие варианты: Карельский край, № 87; Новгородск. ф-р, № 329. Отдельные детали: Шейн, № 1727. Также см. № **283**.

283. Ты родимой мой папенька — песня на проводах невесты.

Записали Л.Я. Петрухненко, Н.Н. Римская-Корсакова в Архангельской обл., Онежском р-не, д. Павловский Бор, 1965. ФЭ МГУ 06 : 2001-2004. Исп. Е.А. Рязанова, 53 л.

Варианты имеют различные зачины. Усиление лирической направленности севернорусского свадебного репертуара вызывало, в частности, сокращения в величаниях жениху с присоединением к величальному тексту лирического сюжета, раскрывающего переживания невесты. Например, сравните с № **353** начало текста, который записали Г. Балыкова, В.Н. Кочетов в д. Юхновке Плесецкого р-на, ФЭ МГУ 05 : 5174-5177. Исп. Е.А. Веселова, 75 л. В подлиннике каждый стих повторяется:

Как на стуле, на бархате,
На шитом красном золоте,
Там сидел доброй молодец,
Там сидел, кудри расчесывал,
Ко кудрям приговаривал:
"Уж ты, Оля, завей кудри,
Ты, Андреевна, завей кудри". —
"Не твоя теперь сужена,
Не тебя хочу слушаться.
Хочу слушать я батюшка,
Богоданную матушку.
Как вечор меня, молоду,
Посылали ночью по воду,
Не босу, не одетую.
Налетели гуси серые,
Помутили воду свежую.
Уж я час дожидаласи,
Я другой дожидаласи,
Во третей воду черпала.
Шла домой — торопилася,
А пришла я ко батюшку,
Меня свекор журит-бранит,
А золовушка бить велит.
А спасибо свекровушке,
Богоданные матушке,
За меня слово молвила,
За меня речь говорила:
"Уж ты глупа молодушка,
Неразумна головушка.
Ты каку б воду застала,
Ты таку б воду черпала".

Варианты с различными зачинами: Шейн, № 1851, 2559; ЛРС, № 121, 178 (вторая часть текста); Балакирев, № 47; Истомин-Дютш, № 8 (с 19-го стиха); Истомин-Ляпунов, № 18 (вторая часть); Белозерский край, № 442 (окончание), 443; Вятск.: А.А.Кенина, № 35 б; Вятск.: Луза, № 2; Донец-Дон, № 206; Московская земля, с. 142, 143 и № 59 на с. 233 (вторая часть текста); Московская обл., № 64 (вторая часть), 75; Новгородск. ф-р, № 311; Ока, № 38; Поволжье, № 574, 890, 1321; Подмосковье, с. 123—126; Псковская обл., № 225, 246 (вторая часть); Сибирь II, № 370; СТУСЛП, № 140, 658; Тульская обл., № 16, 57 (с 16-го стиха); Угличские песни, № 46, 49 (в обоих текстах вторая часть); Чердынская свадьба, № 218; Русские народные песни, напетые А.А. Степановой /Сост. И.И. Земцовский. Л.;М., 1975. № 5. Отдельные детали сравн.: Шейн, № 1501; Новгородск. ф-р, № 353. Также см. № **282, 308;** отдельные детали: № **184**.

284. В воскресенье с полуночи — песня жениху в доме невесты за столом на проводах молодых к венчанию.

См. № 268. ФФ МГУ 64/6—01. Напев соответствует № 268.

Песня связана с обычаями застольного величания матерей жениха и невесты (сравн.: № **390**) и показывает развитие и усиление лирико-повествовательного начала в фольклорной традиции. Часть песни — стихи 1—26 — обычно выступает как самостоятельное целое, например, в записи, которую сделали А.Л. Налепин, Т.И. Круня в д. Корельской Онежского р-на Архангельской обл., ФЭ МГУ 06 : 0640-0641. Исп. Н.И. Омегова, 1891 г.р. "Песня пелась за свадебным столом, обращалась к жениху":

Алексея матушка
В воскресенье спородила,
В воскресенье заутрену.
На руках она носила,
По головушке гладила,
К уму-разуму учила:
"Ты расти, расти, дитятко,
Ты расти, дитя милое,
Ты до полного возраста,
До мужичьего ума-разума.
Ты поедешь женитися,
Приворачивай проститися.
Ты зайдешь во новые сени,
Не снимай пуховой шляпы.
Ты зайдешь во высок терем,
Не снимай пуховой шляпы,
Ты низко Богу кланяйся,
Замечай богосужену,
Богосужену-ряжену
Марью да Ивановну".

Варианты относятся в большинстве своем к первой половине нашего текста: Киреевский, № 114, 267; Шейн, № 1740; ЛРС. № 270 (вторая часть); Песни, собранные писателями, № 36 на с. 474 («У сахорного древичка/Одна была веточка», Пермская губ.); Истомин-Дютш, № 24; Карельское Поморье, № 166; Ленингр. обл., № 60; Мезень, № 151 (вторая часть), 156; Поморье, № 58; Села Колежма и Нюхча, с. 164—166; Сибирь II, № 274; Сибирь III, № 280; Тер. б-г Белого моря, № 51. Также см. № **285, 286, 389, 390**.

285. Садовая вышневая рощица — песня у жениха перед отбытием свадебного поезда, "после обедни жениха за невестой высылать".

Записала С.Б. Буцкая в Курской обл., Льговском р-не, х-ре Николаевка Марицкого с/с, 1991. ЦФЭ 223—16. Исп. А.Н. Алфимова, 1929 г.р., Е.П. Федотова, 1915 г.р.. Начало и конец напеты дважды. Стихи 7—8, 15—32 наговорены Е.П. Федотовой. Напев соответствует № 289.

286. На заре было все на зорюшке — песня на девишнике, на сборах невесты к венчанию и в ожидании свадебного поезда.

См. № 213. Напев соответствует № 244.

Далекие варианты № **285, 286**: Киреевский, № 588, 966; Шейн, № 1517, 1621; ЛРС, № 8; Белозерский край, № 135; Новгородск. ф-р, № 338; Сибирь II, № 275; Сибирь III, № 286; Сланцевская свадьба, № 5, 52; СТУСЛП, № 359, 361, 613; Тульская обл., № 73. Также см. № **284**.

287. У Иванушки пятьдесят пять коней — песня на предсвадебной неделе под окном у невесты, на вечернем и утреннем девишнике и в ожидании свадебного поезда.

См. № 213. Напев соответствует № 244.

Последние стихи нашего текста встречаются, в частности, в причитании на доставку подарков от жениха невесте "на белила" (например: Шейн, № 2024) и свидетельствуют о вероятной связи нашего варианта песни с этим моментом свадебного обряда. Однако те же самые стихи можно увидеть в самых различных песнях, подвижно соотнесенных с планом обряда (например, Воронежская обл., № 87, 140; Донец-Дон, № 220; Печора, № 116, 256[б]; Псковская обл., № 83; Сланцевская свадьба, № 105; Угличские песни, № 60).

Варианты: Киреевский, № 845 (стихи 1—9); Шейн, № 1831, 2435 (стихи 1—10 с присоединением, являющимся напоминанием о сюжете песен № **229, 230**); ЛРС, № 157 (начало), 211; Вятск., № 92; Новгородск. ф-р, № 333; Поволжье, № 1030. Далекие варианты: Новгородск. ф-р, № 373; Обь/Иртыш, № 42; Псковская обл., № 234; Сибирь II, № 225. Отдельные детали: Шейн, № 1817; Новгородск. ф-р, № 334; Сибирь III, № 306.

288. Не тесан терём, не тесан — песня на сводах невесты с женихом и в день свадьбы.

См. № 233. ЦФЭ 207—01, 205—04-б, 203—05 б.

Варианты: Киреевский, № 322; Шейн, № 1934; Р.-К., № 76 (текст в 4 стиха); Севская свадьба, № 26; Тульск.: Ясная Поляна, № 85. Далекие варианты: Донец-Дон, № 218; СТУСЛП, № 358, 646. Зачин совпадает с песней № **329**.

289. Ой темная невидная ночушка — песня в доме жениха на проводах за невестой, а также в ожидании возвращения свадебного поезда с новобрачными.

См. № 131. ЦФЭ 229—10, 231—11, 233—10, 235—07. Звукозапись кончается на 8-м стихе, продолжение поэтического текста наговорено.

Варианты: Киреевский, № 373; Шейн, № 2056, 2105; Донец-Дон, № 239 (одночастная композиция); Севская свадьба, № 198; Село Сенное, № 48/4; *Савельева Н.М.* Суземские песни. Вып. 1. Календарные песни. М., 1995, с. 55, 56 ("осенняя"). Далекий вариант: Донец-Дон, № 126 ("За горою светел месяц просветил"). Зачин сравн.: № **220**.

290. Селезень мой касатый — песня у невесты на утреннем девишнике и до прибытия свадебного поезда.

См. № 240.

Варианты: Киреевский, № 571; Стахович, № 13 и текст на с. 68; Шейн, № 1887, 2052; Белгородская обл., № 9; Севская свадьба, № 74; Русские народные песни, напетые А.А. Степановой / Сост. И.И. Земцовский. Л.;М., 1975. № 21. Сравн.: Киреевский, № 551; ЛРС, № 296; Обь/Иртыш, №.95. Зачин сравн.: № **116**.

291. За Днепром за рекою — песня у невесты "на девишнике и вечером, и утром".

См. № 240. Напев соответствует № 290.

Варианты: Киреевский, № 372, Шейн, № 2083.

292. Что не белая кудрявая береза — песня девушек "за елкой".

Записали Н.В. Вдовченко, Т.А. Лукашева в Калужской обл., Куйбышевском р-не, с. Жерелеве, 1979. ФФ МГУ 79/9—02, ФЭ 12 : 3848. Исп. Е.Ф. Гавриченкова, 65 л., род. в с. Ямном, Е.А. Прохоренкова, 70 л., А.В. Романенкова, 67 л. Стихи 10, 11 напеты в наложении последующего на предыдущий, стихи 13—15 наговорены.

Зачин песни сравн.: Тульская обл., № 75. В нашей подборке № **384**.

293. Ой сы гор да сы камушка — песня девушек у невесты, "когда ждут поезд".

См. № 219. В стихах 5 и 6 называются в качестве хозяев дед и бабушка невесты (ее отец бросил семью), что примечательно для обряда в условиях неполной семьи. Строй пения постепенно повышается на полтора тона до уровня, показанного в нотах, интервалы между ступенями звукоряда немного сужаются.

Далекие варианты: Поволжье, № 1031; Сибирь I, № 37 ("Ты играй, играй, молодец"); Сибирь II, № 434 ("Ты сыграй, удалый молодец"); СТУСЛП, № 43 ("Вихорек вдоль по улице"); Чердынская свадьба, № 27 ("Ветерок вдоль по улице"). Отдельные детали сравн.: Шейн, № 1761 (конец).

294. Ой заря моя, зорюшка — песня девушек у невесты в ожидании свадебного поезда, во время угощения поезжан и на проводах.

См. № 127 а. ЦФЭ 921—04, 924—09, 926—12. Шестая строфа в пении повторена. Окончание песни с 12-го стиха наговорено.

Вариант: Белгородская обл., № 1. Далекий вариант: Шейн, № 1941. Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 904, 1043; Псковская обл., № 251; Севская свадьба, № 115; Села В. Мамон и Россоши, № 23; Сибирь II, № 322; Стародубье, № 101; Тульск.: Ясная Поляна, № 85.

295. У ворот, ворот желтый цвет — песня девушек у невесты в ожидании свадебного поезда.

Записали Л.А. Тюпина, А.Н. Иванов в Белгородской обл., Губкинском р-не, д. Дмитриевке Богословского с/с, 1997. ЦФЭ 907—17. Исп. К.А. Рукавицына, 1923 г.р., Л.А. Тюпина, 1928 г.р. Нотировано на полтора тона выше реального звучания.

296. Тру-тру травушку, желтый цвет — песня девушек в ожидании свадебного поезда, "у девках невеста сидит".

См. № 133. ЦФЭ 688—09, 689—09 ("скользящий" мгф. канал). Последние два стиха наговорены.

Песни родственной тематики и формы с зачинами № **295, 296** в большинстве своем аналогичны тексту из с. Марица Курской обл. "Травка ротовка, желтый цвет" в разд. "Рассказы о свадебном обряде", сравн.: Киреевский, № 146, 237, 298 (начало); Шейн, № 1936, 2106; ЛРС, № 245 (начало); Воронежская обл., № 14; Севская свадьба, № 136; Село Завгороднее, № 14 в; Тульская обл., № 38 (с 7-го стиха).

297. Ой чия й-та рюта-мята за горою — песня "на девичах", "свадебная, вясельная".

Записал А.Н. Иванов в Брянской обл., Мглинском р-не, с. Высоком, 1986. Архив собирателя. Исп. П.Л. Новикова, 1905 г.р., род. в д. Буда Унечского р-на, П.А. Шалутька, 1913 г.р. Окончание песни в записи от З.Т. Малашенко, 1918 г.р.:

...“Возьми сабе паняночку, эх як сам молодой”. —
“Я объехал всю Ўкраину, эх увесь белый свет,
Краше тябе, Марусячка, эх в белом свете нет”.

Конец песни сравн.: Киреевский, № 634; Донец-Дон, № 4.

298. Голубь над водой, сизый над быстрой — песня у невесты по приезде поезжан, когда жениха вели в дом.

См. № 183.

В старинной свадьбе песня включалась прежде всего в эпизоды сговоров и сводов жениха с невестой. Записи нашего времени значительно чаще свидетельствуют о ее исполнении на девишнике, во время сборов и проводов невесты, встречи свадебного поезда и т.п.

Варианты с различными зачинами ("Билася буря перед тучею", "Волга-(Вятка- и др.) река разливается", "Вьюн над водой увивается", "Не было ветру", "По лугу вода разливается (трава расстилается)", "Скорая весна, прибылая вода", "Что не гусь на плоту умывается" и др.): Киреевский, № 270, 401, 455, 491, 812, а также далекие варианты 48, 271, 385, 843, 950; Шейн, № 1504, 1591, 1617, 1847, 2044; ЛРС, № 54, 55; Лядов, № 90; Белозерский край, № 258; Вологодск.: Вожегда, № 18, 19; Вятск., № 99; 101, 109; Вятск.: А.А.Кенина, № 37; Донец-Дон, № 186—188; Зауралье, № 41, 83; Красноярский край, № 128, 129; Московская земля, с. 80, 141; Московская обл., № 73, 2-й разд., № 39; Новгородск. ф-р, № 327; Пинежье, № 85; Поволжье, № 1035; Сибирь II, № 309—314; Сибирь III, № 312—315; СТУСЛП, № 428; Томское Приобье, № 32; Тульская обл., № 53, 54; Тюменская обл., № 28—30; Чердынская свадьба, № 132, 134. Также см. № **337, 338**.

299. Солнышко катилось по-за лесу — песня на проводах невесты.

Записали Е.Е.Королева, Л.В.Нехай в Архангельской обл., Ленском р-не, с. Суходол, 1973. ФЭ МГУ 09 : 7272-7273. Исп. А.А.Ивашина, 73 л. В 11-м стихе в тетради собирателей "замужница", у других собирателей — "замочница". Напев соответствует № 112, 113.

Песня повсеместно сравнительно короткая, она бытовала почти во всех областях России. Варианты: Киреевский, № 783, 829, 962; Шейн, № 2492 (короткий текст); ЛРС, № 257; СТУСЛП, № 438; Вятск.: А.А.Кенина, № 29 в; Донец-Дон, № 203, 204; Зауралье, № 53, 69; Калужск., с. 169, 170; Красноярский край, № 132; Московская земля, с. 149; Московская обл., № 77; Новгородск.ф-р, № 348; Поволжье, № 1027; Псковск. обл., № 210 (с зачином "Грянул гром перед тучею, / Линул дождь со грозной со тучи"); Села В. Мамон и Россоши, № 39; Сибирь II, № 360—364; Сибирь III, № 330—332, 338. Отдельные детали сравн.: Киреевский, № 386, 639; Шейн, № 1757, 1758; Донец-Дон, № 197 (конец); Село Сенное, № 57/1. Также см. № **131**.

300. С терема на терем там Аннушка шла — песня девушек, "когда невеста сидит за столом", "когда молоды за столом сидят, разрешения спрашивают спеть", "невесту ведут к столу".

Записали Л. Станкина, И. Геник в Карелии [Карельская АССР], Медвежьегорском р-не, д. Оятьевщине Кижского с/с, 1960. ФЭ МГУ 03 : 9094-9095. Исп. М.Т. Савинкова, 63 л. С третьей строфы в записи от Е.Т. Клиновой, 75 л., в д. Клиново Кижского с/с:

...Башмачки глюздят,
Пяты ломятся *да*,
Гвоздья сыплются *да*,
Листья щиплются *да*,
Сени зыблются...

Сравните с одним из вариантов, который записали С.С. Ожегова, М. Соломина в Пудожском р-не, д. Пяльме в 1960 г., ФЭ МГУ 04 : 0202. Исп. А.А. Мастакова, 55 л.:

Из терема на терем Марьюшка шла.
Играйте гораже, гораже!

Еще с высоты на высоту Алексеевна шла.
Играйте гораже, гораже!

"Не могу пойти, башмачки глюздят,
Полы зыблются, гвоздья сыплются.
Играйте гораже, гораже!

Еще подьте приведите коня батюшкина".
Играйте гораже, гораже!

Еще батюшкин конь не пошел, не повез
Через каменный мост ко Божьей церкви,
Ко злату венцу, ко виту кольцу.
Играйте гораже, гораже!

"Еще подьте приведите коня милого,
коня Ванина".
Играйте гораже, гораже!

Еще Ванюшкин конь и пошел, и повез
Через каменный мост ко Божьей церкви,
Ко злату венцу, ко виту кольцу.
Играйте гораже, гораже!

301. Во сыром бору рожь-ячмень молочу — песня "на девишнике перед сватаньем" (первый свадебный пир), "на сватанье", "когда провожают к венцу".

Записали И.В. Панина, М.М. Фляш в Архангельской обл., Ленском р-не, с. Рябове, 1973. ФЭ МГУ 09 : 7401-7403. Исп. Д.Г. Калинина, 64 л. Напев соответствует № 112, 113.

Варианты № **300, 301**: Шейн, № 1586, 2489; ЛРС, № 256; Рыбников, с. 46 (№ 33, до 7-го стиха); Вятск.: Луза, № 8; Заонежье, № 43—45; Карельский край, № 134; Олонецкая губ., II, № 15; Поволжье, № 1021—1025; Сибирь II, № 408—412; Сибирь III, № 341, 343. Далекие варианты: Киреевский, № 329, 1028.

302. У нас ключику, ключику — песня на проводах невесты и свадебного поезда, "на свадьбе", "к жениху, когда невесту везут, а подруги стоят играют".

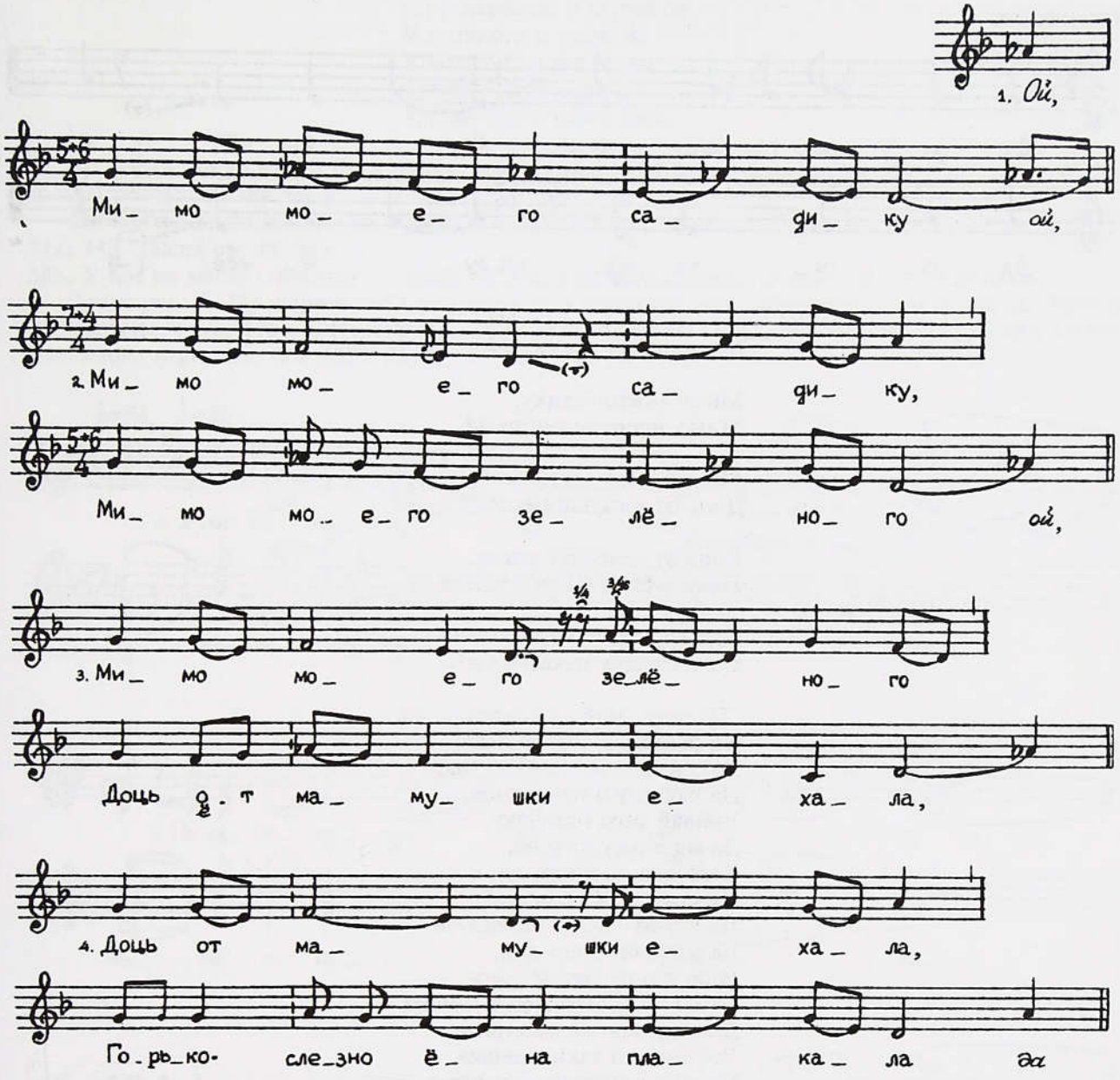
Записал А.Н. Иванов в Воронежской обл., Репьевском р-не, с. Новосолдатка, 1991. ЦФЭ 282—08 (стерео). Исп. А.П. Андроханова, 1938 г.р., К.П. Андроханов, 1935 г.р., А.Я. Бартенев, 1937 г.р., П.Д. Бартенев, 1907 г.р., П.Н. Бартенева, 1938 г.р., П.Я. Бирюкова, 1928 г.р., А.Я. Сатышева, 1940 г.р., И.Ф. Скоркин, 1923 г.р., А.Я. Шишова, 1942 г.р.

Отдельные детали сравн.: Село Сенное, № 49/25. Зачин похож на № **183, 309**.

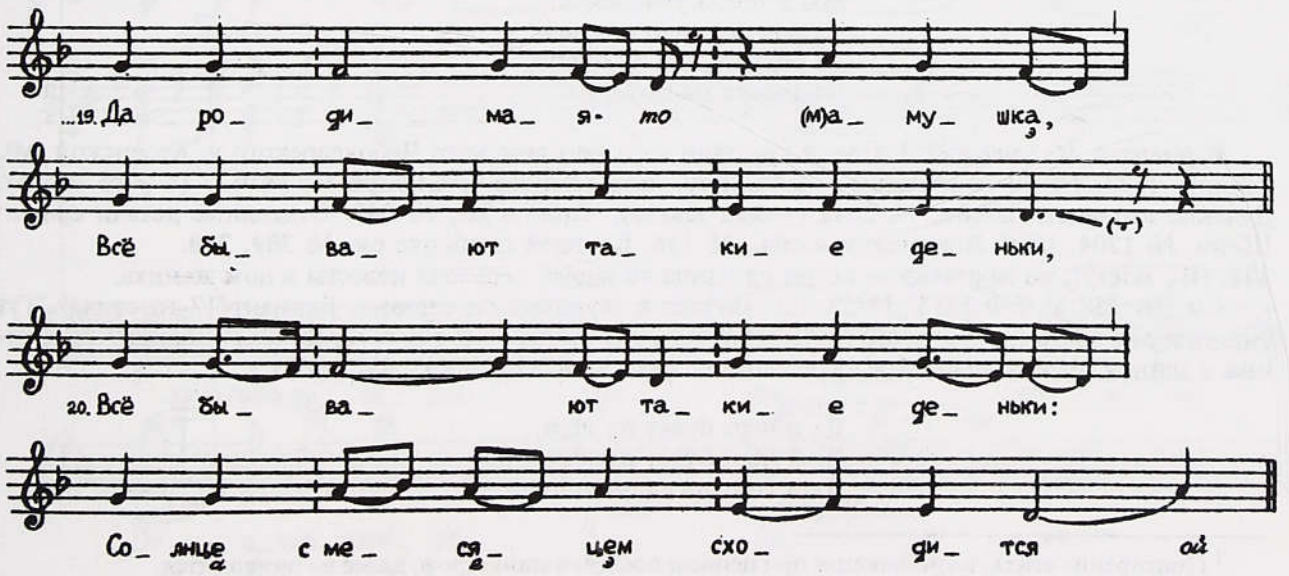
303 а), б) Мимо моего садику — песня на улице "от венца, когда едут за стол" (на свадебный пир у новобрачного). "Глупа привычка была: бабу толкают, чтобы на ноги мужику ступала, чтобы мужика не боялась" (примеч. исп.).

Запись **а)** см. № 149. ФЭ МГУ 05 : 9155-9157, ФФ МГУ 65/31—03, песня от дуэта записана до конца. Запись **б)** ФФ МГУ 65/30—05. Исп. жен. ансамбль из 5—7 чел., участницы не указаны. Голоса присоединяются к запевале по одному на протяжении первой строфы. Звукозапись кончается на 15-м стихе, в этом фрагменте поэтического текста не имеется существенных отличий от записи 65/31—03.

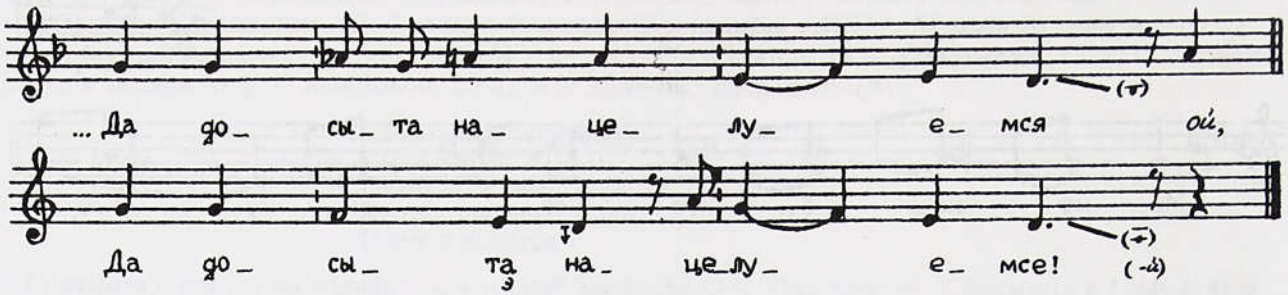
Песня бытовала преимущественно в нескольких районах Архангельской области, записи из других мест редки. Опубликованных вариантов песни очень мало. Для сравнения приводим вместе с напевом выразительный, чуть более короткий поэтический текст из д. Лукинская Ленского с/с Ленского р-на Архангельской обл., который записали А.И. Нестеров, Т.В. Шмелева, О.Н. Щуплова, ФФ МГУ 73/13—17, ФЭ МГУ 09 : 7204. Исп. А.А. Койнова, 65 л. (напев соответствует № 182):



Примеры мелодического варьирования:



Окончание:



Ой,
Мимо моего садику *ой,*

Мимо моего садику,
Мимо моего зеленого *ой,*

Мимо моего зеленого
Доць от мамушки ехала,

Доць от мамушки ехала,
Горько-слезно ёна плакала *да,*

Горько слезно ёна плакала,
Соловеюшку наказывала[1]:

"Ты ляти, мой соловьюшко *да,*
На родимую сторонушку.
Уж ты сядь во зелёной сад,
На любимую на яблоню,
Утёшай мою мамушку,
Да мою государыню,
Чтоб она, государыня,
Не тужила, не плакала,
На чужих людей взглядючи
Да меня споминаючи.
Ишо ето на белом свету
Пущё прежнего тебя я люблю.
Да родимая-*то* мамушка,
Всё бывают такие деньки,
Солнце с месяцем сходится.
Нам-то будет такой же денек.
Мы с тобой увидаемся,
Насмеемся, наплачемся,
Да родима моя мамушка,
Да досыта нацелуемсе".

Варианты: *Магнитский В.* Песни крестьян села Беловожского Чебоксарского у. Казанской губ. Казань, 1877. № 40 (с зачином "Из-за лесу, лесу темного"); Сибирь II, № 427 (с 7-го стиха). Далекие варианты: Шейн, № 2042 (конец текста); Сибирь III, № 349. Отдельные детали сравн.: Шейн, № 1704, 1710; Воронежская обл., № 116. В нашей подборке см. № **309, 310**.

304. [По мосту], по мосточку — песня на улице во время перехода невесты в дом жениха.

См. № 138 а. ФФ МГУ 72/39—12. Начало в звукозаписи срезано. Вариант 17-го стиха: "Тут спроговорит сестрица", с пропуском последующего стиха (см. МГУ 72/38—06). Вариант окончания в записи от жен. ансамбля в соседнем с. Лавела, ФЭ МГУ 09 : 3529-3531:

Да и черт будёт не нега,
Да и черт будёт ряженье,
Да и черт не снаряженье.

[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.

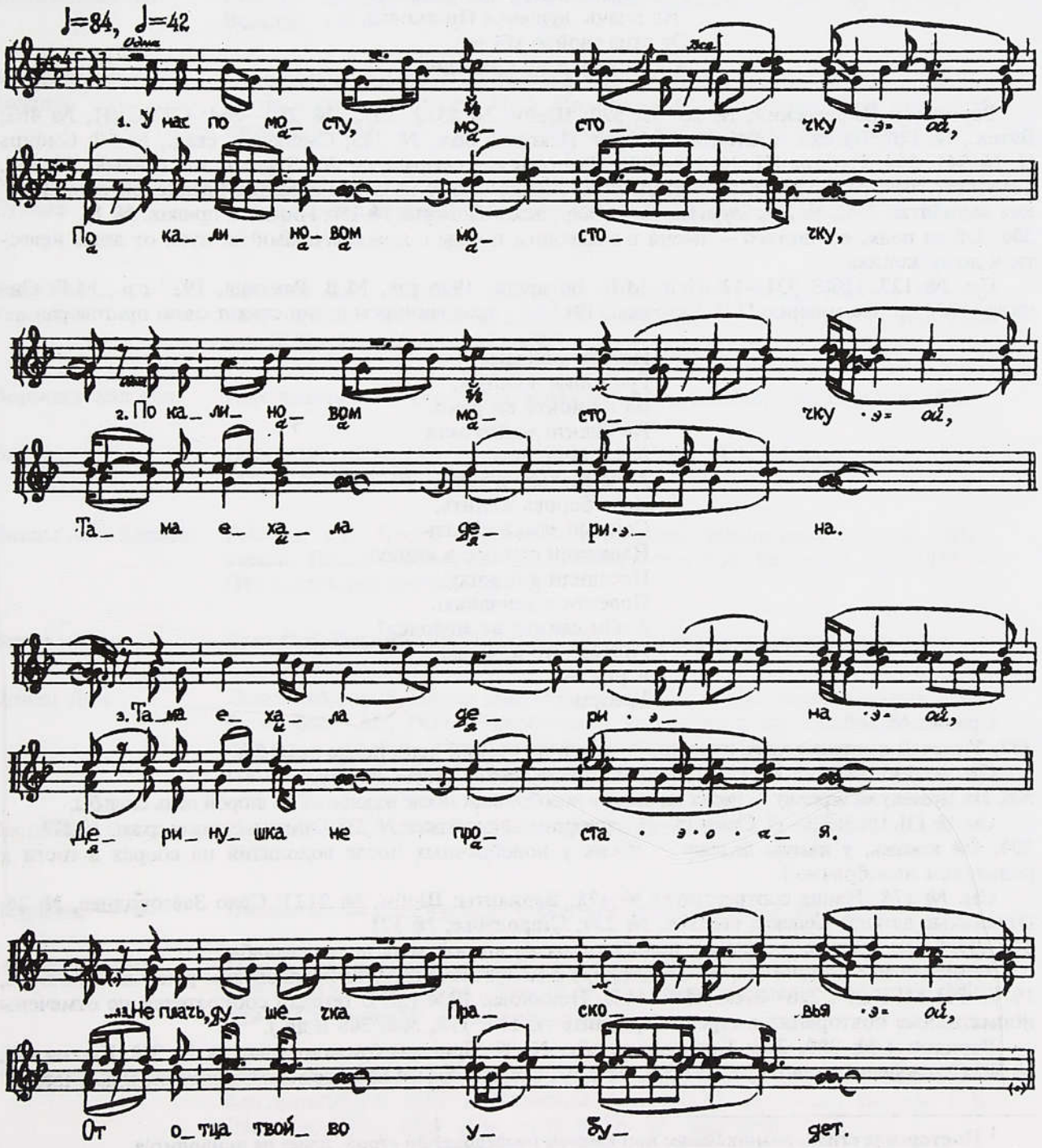
Да у жернова, у ступы *да*
У поганого корыта *да*,
У колодного подворья —
Тут же будет [мне] воля,
Тут же будет [мне] нега.

Во время пения строй постепенно повышается, начало нотировано на тон-полтора тона выше уровня реального звучания.

Варианты: Пинежье, № 94, прилож. № 15. Далекие варианты: Шейн, № 2490; Сибирь II, № 339, 342, 343. Также см. № **305**.

305. У нас по мосту, мосточку — песня на улице во время переезда невесты в дом жениха.

Записали Т. Прохорова, И.Сушилина в Калужской обл., Ферзиковском р-не, д. Кулачки Аристовского с/с, 1965. ФП МГУ 02 : 2544-2546. Исп. Н. Шишенкова (возр. не указан). Пример напевного варианта, ФФ МГУ 75/47—41 (исп. см. № 236):



У нас по мосту, мосточку *э-ой,*
По калиновом мосточку,

По калиновом мосточку *э-ой*
Тама ехала дерина.

Тама ехала дерина *э-ой,*
Деринушка не простая[1],
Не простая, золотая.
Как да во этой во дерине
Сидит душечка Прасковья.
Она сидючи слезно плачет,
Тижалехунько воздыхает,
Жалобнехунько причитает.
Игнат упереди заезжает,
Прасковью младу все воймает:
"Не плачь, душечка Прасковья.
От отца твойво убудет,
А к мойму отцу прибудет".

Варианты: Киреевский, № 26, 58, 520; Шейн, № 2372; ЛРС, № 262—264; СТУСЛП, № 462: Вятск., № 126; Вятск.: А.А.Кенина, № 40; Псковск. обл., № 243; Смоленск. свад., № 10; Сибирь II, № 341, 344; Сибирь III, № 272—275; Сланцевская свадьба, № 26; Чердынская свадьба, № 147. Также см. в разделе «Рассказы о свадебном обряде» текст из с. Николаевка Рязанской обл. Далекие варианты: ЛРС, № 262; Зауралье, № 64; Карельское Поморье, № 158; Пинежье, прилож. № 13.

306. Ой из поля, из чистого — песня в свадебном поезде с новобрачными на пути от дома невесты к дому жениха.

См. № 127. ЦФЭ 921—12. Исп. М.К. Бочарова, 1926 г.р., М.В. Ракзина, 1927 г.р., М.Г. Силина, 1927 г.р. По мнению П.Д. Кобзевой, 1913 г.р., продолжением песни служат слова приговора:

Петухи молодые,
Гребешки золотые,
Да не пойте вы рано,
Не будите мойго зятя.
А как мой зять
Хоча свадьбу играть,
Хоча борова женить,
Свинью замуж отдать.
Нарядили свинью в кичку,
Посадили у брычку,
Повезли к венчанью.
А чём свинья не молодка?
Голова, что колодка,
А ухи —
Требухи.

Сравн.: № 560.

307. У нашей пташки ножки коротки — песня на второй день после свадьбы.

См. № 155. ФЭ МГУ 13 : 6243-6244. Напев соответствует № 249.

308. На Дунайку на бережку — песня на обеде у новобрачных после водолития на второй день свадьбы.

См. № 131. ЦФЭ 221—17. Стихи 15—17 наговорены. Напев близок № 235. Отдельные детали сравн.: № **177**.

309. Ой камень, у камню белому — песня у новобрачных после водолития на сборах в гости к родителям новобрачной.

См. № 178. Напев соответствует № 178. Варианты: Шейн, № 2123; Село Завгороднее, № 26. Отдельные детали: Севская свадьба, № 234; Стародубье, № 121.

310. Луга мои зеленые — песня у новобрачных на второй день после свадьбы.

Записали И.Г. Балашова, М.С. Зубакова в Калужской обл., Куйбышевском р-не, д. Осиновке, 1977. ФП МГУ 05 : 2267-2268. Исп. М.Я. Новикова, 1904 г.р. В тетради собирателей не отмечены нормативные повторения в строфе (сравните № 177, 178, 308, 309 и др.).

Вариант к № **309, 310**: Белгородская обл., № 39. Примеры близкого зачина к № **310**: Киреевский, № 583 ("сговорная" песня); Тульская обл., № 2, 47. Сравн. с песней не свадебной: Севская свадьба, с. 166.

---

[1] Повторение стиха, возникающее при цепном последовании строф, далее не приводится.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

Балакирев	*Балакирев М.А.* Русские народные песни / Под ред. Е.В. Гиппиуса. М., 1957.
Белгородская обл.	Народные песни Белгородской области / Сост. Н.М. Элиаш и Л.Г. Улановская. Белгород, 1960.
Белозерский край	Сказки и песни Белозерского края. Записали Борис и Юрий Соколовы. М., 1915.
Ветлужская сторона	Ветлужская сторона: Фольклорный сб. Вып. II / Сост. А.В. Кулагина. Кострома, 1996. (См. разд. "Семейные обряды".)
Вологодская обл.	Русские народные песни Вологодской области / Сост. М. Бонфельд. Вологда, 1973.
Вологодск.: Вожегда	По заветам старины. Материалы традиционной народной культуры Вожегодского края /Сост. И.С. Попова, О.В. Смирнова; Под ред. А.М. Мехнецова. М., 1997. — (Русская традиционная культура, № 2).
Вологодск.: Сухона	Народные песни Вологодской области (по материалам студенческих фольклорных экспедиций): Песни Средней Сухоны / Сост. А.М. Мехнецов. Л., 1981.
Вологодск.: Тарнога	*Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И.* Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский р-н Вологодской обл.). М., 1985.
Воронежская обл.	Народные песни Воронежской области/Под ред. С.Г. Лазутина. Воронеж, 1974.
Вятск.	Народные песни Кировской области /Сост. П.А. Мохирев, В.И. Харьков, С.Л. Браз. М., 1966.
Вятск.: А.А. Кенина	*Руднева А.В.* Песни Смоленской области, записанные от Е.К. Щеткиной. Песни Кировской области, напетые А.А. Кениной. М., 1977. — (Из коллекции фольклориста).
Вятск.: Луза	*Браз С.Л.* Песни реки Лузы. М., 1977. — (Из коллекции фольклориста).
Донец-Дон	*Листопадов А.М.* Песни донских казаков. Т. V. Старинная казачья свадьба на Дону. М., 1954. [Преобладают записи из ст-цы Екатерининской и др. по р. Донец. Также имеются записи, сделанные по Среднему и Нижнему Дону с левобережными притоками Хопер и Медведица.]
Заонежье	Песни Заонежья в записях 1880—1980 годов / Сост. Т.В. Краснополь-ская. Л., 1987.
Зауралье	*Иванов-Балин Г.И.* Русские народные песни Зауралья. М., 1988.
Истомин-Дютш	Песни русского народа, собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали слова Ф.М. Истомин, напевы Г.О. Дютш. СПб., 1894. (См. разд. IV "Песни свадебные".)
Истомин-Ляпунов	Песни русского народа, собранные в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. Записали слова Ф.М. Истомин, напевы С.М. Ляпунов. СПб., 1899. (См. разд. V "Песни свадебные".)

Калужск.	Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях XIX — нач. XX в. Вып.1. Народные обряды и поэзия / Сост. Н.М. Ведерникова. М., 1997. — (Русская традиционная культура, № 4, 5).
Карельский край	Песни Карельского края. Сборник / Сост. и автор вступ. ст. Т.В. Краснопольская. Петрозаводск, 1977.
Карельское Поморье	Русские народные песни Карельского Поморья / Сост. А.П. Разумова, Т.А. Коски, А.А. Митрофанова. Л., 1971.
Киреевский	Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. I (песни обрядовые) / Под ред. В.Ф. Миллера и М.Н. Сперанского. М., 1911. [Записи из Архангельской губ. № 1—66, Пермской губ. № 67—109, Новгородской губ. № 114—123, Псковской губ. № 124—169, Тверской губ. № 170—235, Костромской губ. № 236—258, Московской губ. № 259—351, Тульской губ. № 352—409, Калужской губ. № 410—435, Рязанской губ. № 436—477, Тамбовской губ. № 478—517, Орловской губ. № 518—677, Воронежской губ. № 678—698, Симбирской губ. № 699—730, место записей неизв. с № 731, тексты из песенников XVIII — первой пол. XIX в. № 899—1043, песни различных жанров (святочные, хороводные и др.) № 1044—1160, дополнения № 1161—1172.]
Красноярский край	Русские народные песни Красноярского края. Вып. 2 / Сост. А.В. Руднева, В.И. Харьков; Под общ. ред. С.В. Аксюка. М., 1962.
Ленингр. обл.	Сто русских народных песен (Мат-лы студ. фолькл. эксп-ций Ленингр. консерватории) / Под общ. ред. Ф.В. Соколова. Л., 1970.
ЛРС	Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н.П. Колпакова. Л., 1973. — (Литературные памятники). [Представлены записи из разл. обл. и р-нов Русского Севера и Поволжья.]
Лядов	*Лядов А.К.* Песни русского народа в обработке для одного голоса и фп. / Предисл. и общ. ред. Н.М.Владыкиной-Бачинской. М., 1959.
Мезень	Песенный фольклор Мезени /Изд. подгот. Н.П. Колпакова, Б.М. Добровольский, В.В. Митрофанова, В.В. Коргузалов. Л., 1967. — (Памятники русского фольклора).
Московская земля	Фольклорные сокровища Московской земли. Т. 1. Обряды и обрядовый фольклор /Вступ. ст., сост., коммент. Т.М. Ананичевой, Е.А. Самоделовой. М., 1997.
Московская обл.	*Новикова А.М., Пушкина С.И.* Русские народные песни Московской области. Вып. I. М., 1986.
Нижегородская земля	Песенный фольклор земли Нижегородской. Свадебные песни. Нижний Новгород, 1997. — (ОНМЦНТ, Нижегор. дом фольклора).
Новгородск. свад.	*Банин А.А., Вадакария А.П., Жекулина В.И.* Свадебные песни Новгородской области. Л., 1974.
Новгородск. ф-р	Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963—1976 гг.) /Изд. подгот. В.И. Жекулина, В.В. Коргузалов, М.А. Лобанов, В.В. Митрофанова. Л., 1979.

Обь/Иртыш	*Захарченко В.Г., Мельников М.Н.* Свадьба Обско-Иртышского междуречья: Этнографическое описание свадебных обрядов, тексты и напевы песен /Под ред. Е.В. Гиппиуса. М., 1983.
Ока	*Пушкина С.И., Григоренко В.М.* Приокские народные песни. М., 1970.
Олонецкая губ.	*Агренева-Славянская О.Х.* Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. Записаны от И.А. Федосовой, крестьянки Олонецкой губ., и от нищей Ульяны из Петрозаводска. В 3-х частях. — Ч. I. М., 1887; Ч. II, 2-е изд. М., 1896.
Орловская обл.	Народные песни Орловской области /Сост. Н.М. Владыкина-Бачинская. М., 1964.
Печора	Песни Печоры /Изд. подготовили Н.П. Колпакова, Ф.В. Соколов, Б.М. Добровольский. М.;Л., 1963. — (Памятники русского фольклора).
Пинежье	Обрядовая поэзия Пинежья. Русский традиционный фольклор в современных записях /Под ред. Н.И. Савушкиной. М., 1980.
Поволжье	Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья /Сост. Г.Г. Шаповалова и Л.С. Лаврентьева. Л., 1985.
Подмосковье	Русские народные песни Подмосковья, собранные П.Г. Ярковым /Муз. записи А.В. Рудневой от русск. нар. хора П.Г. Яркова. М.;Л., 1951.
Поморье	Русские народные песни Поморья /Сост. и собиратель С.Н. Кондратьева; Науч. ред. А.В. Руднева. М., 1966.
Поозерье	Традиционная музыка русского Поозерья (по материалам экспедиций 1971—1992 гг.) /Сост. и коммент. Е.Н. Разумовской. СПб., 1998. [Записи из смежных р-нов Псковской, Смоленской, Тверской обл. России и Витебской обл. Беларуси с комплектом аудиокассет.]
Прикамье	Русские народные песни Прикамья. Записала Ф.В. Пономарева /Сост. С.И. Пушкина. Пермь, 1982. [Песни с. Верх-Буй Куединского р-на Пермской обл.]
Псковская обл.	*Котикова Н.Л.* Народные песни Псковской области. М., 1966.
Р.-К.	*Римский-Корсаков Н.А.* Полное собрание сочинений. Т. 47: Сборники русских народных песен / Том подгот. Н.В. Шелковым. М., 1952. ["Сборник русских народных песен", соч. 24 (1876), с. 1—183, "40 народных песен, собранных Т.И. Филипповым и гармонизованных Н.А. Римским-Корсаковым" (1882), с. 185—277.]
Рыбников	Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. В 3-х т. Т. 3: Песни, причитания, сказки и др. жанры / Под ред. Б.Н. Путилова; Изд. подгот. А.П. Разумова, И.А. Разумова, Т.С. Курец. Петрозаводск, 1991.
Рязанская обл.	*Гилярова Н.Н.* Музыкальный фольклор Рязанской области // Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1994.
Сев. Двина	Народное творчество Северной Двины / Сост. В.В. Митрофанова, Л.В. Федорова. Архангельск, 1966. (См. разд. "Свадебный обряд", с. 133—163.)
Сев. Подмосковье	*Багрий Ю.А.* Песни Северного Подмосковья. М., 1989. — (Из коллекции фольклориста).

Севская свадьба	Старинная севская свадьба / Записи и свод О.А. Славяниной; Подгот. текстов к печати и редакция Ф.М. Селиванова. М., 1978.
Села В. Мамон и Россоши	50 русских народных песен сел Верхний Мамон и Россоши Воронежской области / Сост. Е.С. Кустовский. М., 1985.
Села Колежма и Нюхча	Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче) /Изд. подгот. А.П. Разумова, Т.А. Коски. Петрозаводск, 1980.
Села Купино и Б. Городище	Народные песни сел Купино и Большое Городище Шебекинского района Белгородской обл. / Сост. И.Н. Карачаров. Белгород, 1995.
Село Барятино	40 народных песен села Барятина [Богородицкого у. Тульской губ.], собранных песенною экспедициею имп. РГО в 1899 г. Записал слова Ф.М. Истомин, напевы И.В. Некрасов. Положил на голоса И.В. Некрасов. СПб., [1902].
Село Дорожево	*Кулаковский Л.В.* Искусство села Дорожева: У истоков народного театра и музыки. Изд. 2-е. М., 1965.
Село Завгороднее	Песни села Завгороднее / Запись, нот., предисл. и коммент. Е.А. Дороховой. М., 1987. — (Местные стили русской народной песни).
Село Сенное	*Капралов А.Т., Савельева Н.М.* Народные песни села Сенного Севского района Брянской области. М., 1986. — (Из коллекции фольклориста).
Сибирь I	Русские свадебные песни Сибири / Сост. Р.П. Потанина. Новосибирск, 1979.
Сибирь II	Обрядовые песни русской свадьбы Сибири / Сост. Р.П. Потанина. Новосибирск, 1981.
Сибирь III	Русская свадебная поэзия Сибири / Сост. Р.П. Потанина. Новосибирск, 1984.
Сланцевская свадьба	Народные песни Ленинградской области: Старинная свадьба Сланцевского района Ленинградской области / Сост. А.М. Мехнецов, Е.И. Мельник. Л., 1985.
Смоленск. свад.	*Пьянкова С.В.* Свадебные песни родины Глинки. М., 1977. — (Из коллекции фольклориста).
Стародубье	*Свитова К.В.* Народные песни Брянской области / Ред. Л.Н. Лебединский. М., 1966. [Записи из сел Остроглядово, Мишковка, Курковичи Стародубского р-на.]
Стахович	*Стахович М.А.* Русские народные песни / Предисл., ред. и примеч. Н.М. Владыкиной-Бачинской. М., 1964 [1-е изд. 1851—1854 гг.].
СТУСЛП	*Зырянов И.В.* Сюжетно-тематический указатель свадебной лирики Прикамья (учебное пособие). Пермь, 1975.
Тер. б-г Белого моря	Русские свадебные песни Терского берега Белого моря / Сост. Д.М. Балашов, Ю.Е. Красовская. Л., 1969.
Томская обл.	*Пархоменко Н.К.* Русские народные песни Томской области. М., 1985.

Томское Приобье	Свадебные песни Томского Приобья (народные песни, записанные в Томской области) / Сост. А.М. Мехнецов. Л.;М., 1977.
Тульская обл.	*Новикова А.М., Пушкина С.И.* Свадебные песни Тульской области. Тула., 1981.
Тульск.: Ясная Поляна	Песни Ясной Поляны в записи Б.Ф. Смирнова / Ред.-сост. С.И. Пушкина. М., 1986.
Тюменская обл.	Крестьянская свадьба: Обрядовый фольклор Тюменской области /Сост. Л.В. Демина. Тюмень, 1992.
Угличские песни	Угличские народные песни: Из новых записей русских народных песен /Сост. И.И. Земцовский. Л.;М., 1974.
Усердская сторона	*Щуров В.М.* Песни Усердской стороны: Белгородское Приосколье. М., 1995.
Челябинская обл.	Русские народные песни Челябинской области / Запись музыки А.П. Копосова; Запись слов В.С. Маковского; Ред. Е.В. Гиппиус. М., 1956.
Чердынская свадьба	Чердынская свадьба: Старинные свадебные песни и причитания / Записал и составил И.В. Зырянов. Пермь, 1969.
Шейн	Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В.Шейном. Вып. II. СПб., 1900. [Записи из Архангельской губ. № 1284—1351, Вологодской губ. № 1352—1565, Вятской губ. № 1566—1627, Олонецкой губ. № 1628—1644, Новгородской губ. № 1645—1742, Псковской губ. № 1743—1833, Рязанской губ. № 1834—1879, Тульской губ. № 1880—1952, Калужской губ. № 1953—1969, Смоленской губ. № 1970—2005, Орловской губ. № 2006—2071, Курской губ. № 2072—2126, Тверской губ. № 2127—2170, Ярославской губ. № 2171— 2207, Владимирской губ. № 2208—2269, Нижегородской губ. № 2270—2357, Симбирской губ. № 2358— 2364, Самарской губ. № 2365—2376, Саратовской губ. № 2377—2398, Оренбургской губ. № 2399—2452, Иркутской губ. № 2453—2501, Нижегородской губ. № 2558—2562.]
Эротический ф-р	Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки /Сост. А.Л. Топорков. М., 1995. — (Русская потаенная литература).
Яренские песни	Яренские песни, напетые А.А. Эповой /Запись фонографом и расшифровка Е.В. Гиппиуса /Обраб. [фп.сопровожд.] Л.М. Рудольфа и М.А. Юдина. М., 1935. [Песни записаны в 1926 г. от уроженки с. Юргино Ленского р-на Архангельской обл.]

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Государственного республиканского центра русского фольклора

РУССКАЯ СВАДЬБА

Том 1

Составители

Алла Васильевна Кулагина,

Анатолий Николаевич Иванов

Художник **Геннадий Александрович Комаров**

Подготовка нотных текстов и музыкальное редактирование **А.Н. Иванов**

Зав. Редакционно-издательским отделом **Э.Р. Жукова**
Редактор **Н.А. Мясникова**
Компьютерная верстка **Т.В. Бурцева**

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 070132 от 29.01.97.

Подписано в печать 01.04.2000 г. Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем физ. печ. л. 32,0. Уч.- изд. л. 35,9. Тираж 1000 экз. Заказ № 180.
Государственный Республиканский центр русского фольклора, 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 10, стр. 1.
Отпечатано с оригинал-макета в Московской типографии № 6 Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания,средств массовых коммуникаций, 109088, Москва, Южнопортовая ул., 24.

